

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ LXIX. — ТОМЪ CDIV.—1/14 НОЯБРЯ 1904.

3890

ДРУЗЬЯ и ГОСТИ

ЯСНОЙ-ПОЛЯНЫ

По личнымъ воспоминаніямъ.

I.

Николай Николаевичъ Ге.

I.

Въ первый разъ я увидала Николая Николаевича Ге въ нашемъ домѣ [1]), въ Москвѣ, въ 1882 году.

Мнѣ тогда только-что минуло восемнадцать лѣтъ. Помню, какъ, вернувшись съ катка, съ коньками въ рукахъ, я направилась въ кабинетъ отца, и по дорогѣ отъ кого-то изъ домашнихъ узнала, что у него сидитъ художникъ Ге, пріѣхавшій изъ своего имѣнія, черниговской губерніи, исключительно для того, чтобы познакомиться съ отцомъ.

Отецъ назвалъ меня Николаю Николаевичу, который ласково со мной поздоровался и, обратившись къ отцу, сказалъ:

— Вы такъ много для меня сдѣлали, и я такъ полюбилъ васъ, что и я хочу сдѣлать для васъ что-нибудь, чтò мнѣ по ...ъ. Вотъ я вамъ ее напишу.—И онъ кивнулъ на меня го-

Потомъ онъ сдѣлалъ мнѣ два-три вопроса, и я сразу по-овала довѣріе и близость къ нему.

...ъ домѣ графа Льва Николаевича Толстого, отца автора воспоминаній, ...Львовны Сухотиной. — *Ред.*

Ему было тогда пятьдесятъ-одинъ годъ. Онъ былъ уже очень лысъ, волосы на вискахъ уже бѣлѣли, но глаза были молодые и блестящіе.

Въ то время я знала о немъ только то, что онъ былъ большимъ художникомъ, воспитывался въ Академіи и за свою картину „Тайная Вечеря" былъ посланъ на казенный счетъ въ Италію. Знала, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ учредителей „Передвижныхъ выставокъ", и весной того года, какъ познакомилась съ нимъ, я видѣла на Всероссійской выставкѣ „Тайную Вечерю" и другую знаменитую его картину—„Петръ I и царевичъ Алексѣй". Обѣ картины въ то время произвели на меня очень сильное впечатлѣніе, и новое знакомство съ Ге представляло для меня большой интересъ.

Его желаніе сдѣлать мой портретъ очень польстило мнѣ, но мой отецъ попросилъ его, вмѣсто моего, написать ему портретъ моей матери.

Тотчасъ же, въ тотъ же или на другой день, начались сеансы.

Съ Николаемъ Николаевичемъ пріѣхала въ Москву его жена, Анна Петровна: небольшого роста, бѣлокурая женщина, очень рѣшительная и безповоротная въ своихъ сужденіяхъ, за что ея мужъ въ шутку называлъ ее „прокуроромъ". Она такъ же, какъ и мужъ ея, быстро сошлась со всѣми нами.

Анна Петровна всегда присутствовала при работѣ Николая Николаевича, и онъ постоянно спрашивалъ ея совѣта.

— А ну-ка, Аничка,—говорилъ онъ,—поди-ка, посмотри, что̀ тутъ не такъ.

Анна Петровна садилась на его мѣсто, смотрѣла на портретъ, потомъ—на мою мать и своимъ спокойнымъ, рѣшительнымъ голосомъ дѣлала свои замѣчанія. Почти всегда Николай Николаевичъ былъ съ ней согласенъ и принимался передѣлывать написанное.

Изъ постороннихъ особеннымъ правомъ дѣлать замѣчанія пользовался мой старшій братъ, бывшій тогда студентомъ. Каждый день онъ находилъ поводъ для критики, и Ге покорно его выслушивалъ. То онъ находилъ, что моя мать сидитъ, точно проглотивши аршинъ; то—что она изображена слишкомъ молодой, и т. п.

Николай Николаевичъ приходилъ въ отчаяніе и кричалъ на него: „варваръ! злодѣй!"—но мѣнялъ позу и прибавлялъ морщинъ.

Наконецъ, портретъ былъ почти готовъ. Моя мать была написана сидящею въ креслѣ, въ бархатномъ платьѣ съ кружевами. Но разъ утромъ Николай Николаевичъ пришелъ въ сто-

ловую пить кофе и объявилъ намъ, что портретъ никуда не годится и что онъ его уничтожитъ.

— Это невозможно, — говорилъ онъ. — Сидитъ барыня въ бархатномъ платьѣ, и только и видно, что у нея сорокъ-тысячъ въ карманѣ. Надо написать женщину, мать. А это ни на что не похоже.

Онъ разсказалъ намъ о томъ, какъ онъ наканунѣ легъ спать и, по обыкновенію, передъ сномъ взялъ читать Евангеліе, но не могъ, такъ какъ его мучили мысли о портретѣ. И только тогда, когда онъ рѣшилъ, что уничтожитъ сдѣланное и начнетъ работу сначала, онъ могъ успокоиться.

Такимъ образомъ, портретъ этотъ былъ уничтоженъ и только черезъ нѣсколько лѣтъ написанъ другой. На немъ моя мать изображена стоя, въ черной накидкѣ, съ моей младшей сестрой, Сашей, которой тогда было три года, на рукахъ.

II.

Во время сеансовъ, Ге много разговаривалъ со всѣми нами.

Онъ разсказывалъ намъ, между прочимъ, о томъ впечатлѣніи, какое произвела на него статья моего отца, о переписи въ Москвѣ и о томъ, какъ она совершенно перевернула все его міросозерцаніе и изъ язычника сдѣлала его христіаниномъ.

Онъ до конца жизни поминалъ это и сохранилъ къ отцу самую нѣжную благодарность, которую онъ часто высказывалъ ему, и еще чаще намъ, его дѣтямъ, и моей матери, боясь быть непріятнымъ отцу слишкомъ частымъ повтореніемъ своихъ чувствъ.

Трудно сказать—насколько мой отецъ былъ причиной того нравственнаго переворота, который произошелъ въ душѣ Ге. Я была слишкомъ молода во время ихъ перваго знакомства, чтобы тогда быть въ состояніи составить себѣ объ этомъ ясное представленіе. Но теперь мнѣ кажется, что пути, по которымъ шла душевная работа Ге и моего отца, вначалѣ шли независимо другъ отъ друга, но въ одинаковомъ направленіи. Оба они были художники, за обоими были въ прошломъ крупныя художественныя произведенія, сдѣлавшія ихъ славу, какъ художниковъ,—и оба они, пресытившись этой славой, увидали, что она не можетъ дать смысла жизни и счастья. Мой отецъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ мучительныхъ исканіяхъ и сомнѣніяхъ. Насколько я знаю—то же было и съ Ге. Нѣсколько лѣтъ его жизни прошло, въ которыя онъ не написалъ ни одной картины. Онъ жилъ

у себя, въ Малороссіи, и тосковалъ безъ дѣла и безъ цѣли въ жизни.

Онъ былъ на перепутьи,—и какъ только онъ увидалъ по статьямъ отца, что отецъ переживаетъ ту же душевную работу, которая и въ немъ происходила,—онъ узналъ себя и съ радостью и восторгомъ бросился къ отцу въ надеждѣ, что онъ поможетъ ему выбраться изъ той темноты, въ которой онъ пребывалъ въ послѣднее время. Это такъ и случилось. И хотя изрѣдка нападало на него чувство раздраженія и одиночества среди людей, не раздѣляющихъ его взглядовъ, онъ тѣмъ не менѣе всегда умѣлъ себя побороть и стать опять спокойнымъ и радостнымъ.

Въ 1886 году, онъ писалъ мнѣ: „Когда для меня открылся смыслъ жизни, то я ужаснулся, посмотрѣвъ, гдѣ я былъ. И каждую минуту, каждое мгновеніе, все больше и больше ростетъ тотъ свѣтъ, та ясность, безъ которой я уже не могу жить. И въ этомъ такое счастье, что безъ этого я не могъ бы быть такимъ спокойнымъ, разумнымъ, — я бы и себя мучилъ, но, что̀ хуже всего, я мучилъ бы другихъ“...

Въ слѣдующемъ письмѣ онъ пишетъ: „Раздраженіе мое, происходившее отъ диссонанса жизни моей и окружающихъ со святой истиной, смягчается. Я все дѣлаюсь спокойнѣе и лучше, и все болѣе и болѣе понимаю Евангеліе и испытываю великую радость, живя имъ“...

Онъ часто говаривалъ, что, несмотря на то, что онъ иногда бывалъ совершенно одинокимъ въ своихъ взглядахъ, онъ чувствовалъ, что то, что̀ было для него, по его словамъ, дороже жизни, привлекало къ нему людей, особенно простыхъ и угнетенныхъ. „Самыя глубокія пониманія истины безъ спора не только понимаются чистыми сердцемъ простыми людьми,—писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—но они лежатъ основаніемъ ихъ жизни“.

Съ тѣхъ поръ, какъ Ге сошелся съ моимъ отцомъ, можно сказать, что взгляды ихъ всегда совпадали и во многомъ пути ихъ сходились.

„Я вижу, какъ вы, мой дорогой, идете твердо, хорошо,—писалъ онъ моему отцу, въ маѣ 1884 года,—и я за вами поплетусь. Хоть и расквашу подъ-часъ носъ, но все-таки полѣзу“.

Въ другихъ письмахъ онъ пишетъ: „Мы живемъ одной вѣрой и однимъ умомъ.

„Надѣюсь, милый другъ, что доплыву до того мѣста, гдѣ вы

стоите. Не брошу, не отстану, и вѣрю, что Богъ мнѣ поможетъ.

„Вы, дорогой, свѣтлый Левъ Николаевичъ, сами не знаете, какой свѣтъ вы вносите туда, гдѣ почва добрая. Какъ ясно, свѣтло и просто все дѣлается. Жить по-Божьему легче, чѣмъ катиться по рельсамъ“.

Исходя изъ той же точки отправленія, т.-е. вѣры въ ученіе Христа, проявленія въ жизни убѣжденій Ге и моего отца были во многомъ одинаковы.

Такъ же, какъ отецъ, Ге пришелъ къ вегетаріанству, и до самой смерти старался не употреблять въ пищу мяса. Такъ же, какъ онъ, старался возможно меньше пользоваться наемными услугами и дѣлалъ для себя самъ все, что было ему по силамъ. Кромѣ того, онъ признавалъ необходимость физическаго труда, и помимо занятій у себя на хуторѣ полемъ, садомъ, пчелами и т. п., онъ избралъ себѣ спеціальностью кладку печей. Онъ хорошо дѣлалъ эту работу и любилъ ее. Я думаю, что за послѣдніе года своей жизни онъ сложилъ не одинъ десятокъ печей для своихъ домашнихъ, а также и для многихъ крестьянъ. Какъ-то онъ писалъ мнѣ: „Эту недѣлю я искусствомъ не занимался,— дѣлалъ печь и еще не кончилъ. Работа тяжелая, и я радуюсь этому. Чувствуешь себя равнымъ всѣмъ трудящимся, а это хорошо“. У насъ въ Ясной-Полянѣ онъ сложилъ печь для одной бѣдной вдовы. Мой отецъ, сестра, я и живущіе у насъ тогда друзья затѣяли выстроить одной погорѣлой вдовѣ огнеупорную избу изъ глины и соломы. Ге вызвался дѣлать печь, и я помню, какъ весело и бодро онъ работалъ, шлепая мокрой глиной и выкрикивая намъ разныя шутки съ высоты своей печки.

Къ простому народу Ге относился не только съ любовью, но и съ уваженіемъ. Написавши картину, онъ всегда созывалъ своихъ сосѣдей-крестьянъ и показывалъ имъ свою работу, внимательно прислушиваясь къ ихъ мнѣнію. „Въ ихъ отзывахъ для меня всегда награда за мои хлопоты, — писалъ онъ отцу. — И кто это выдумалъ, что мужики и бабы,—вообще простой людъ— грубъ и невѣжествененъ? Это не только ложь, но, я подозрѣваю, злостная ложь. Я не встрѣчалъ той деликатности и тонкости никогда и нигдѣ. Это правда, что нужно заслужить, чтобы тебя поставили равно по-человѣчески, чтобы они сквозь барина увидали человѣка, но разъ они это увидятъ—они не только деликатны, но нѣжны“.

Онъ и мой отецъ одновременно бросили курить. И эта побѣда надъ своей долголѣтней привычкой приводила Ге въ вос-

торгъ. Онъ говорилъ, что прежде, утомившись, онъ, для отдыха, брался за папиросу, а бросивши курить, онъ только переходилъ на другіе предметы занятій. „Отдыхаешь, а все-таки живешь,—писалъ онъ моему отцу.—Прежде въ дыму задавливалъ всякую живую мысль. И все это вы надѣлали. А помните, какъ мы пыхтѣли, сидя въ кабинетѣ маленькомъ, крошечномъ"...

Такъ же, какъ и мой отецъ, Ге остался вѣренъ той формѣ проявленія своей внутренней жизни, какой и началъ. Главнымъ его занятіемъ осталось искусство. Оно теперь обратилось исключительно на изображеніе сюжетовъ изъ Евангелія, и видоизмѣнилось только въ томъ смыслѣ, что Ге сталъ относиться менѣе строго къ формѣ, а всѣ свои усилія обращалъ на содержаніе своихъ картинъ.

Онъ всегда любилъ Христа. Доказательствомъ къ этому служитъ его первая картина „Тайная Вечеря". Но прежде, по его словамъ, онъ любилъ и понималъ Христа только сердцемъ, а впослѣдствіи сталъ понимать Его и умомъ.

Къ личности Христа онъ относился со страстной и нѣжной любовью, точно къ близко знакомому человѣку, любимому имъ всѣми силами души. Часто, при горячихъ спорахъ, Николай Николаевичъ вынималъ изъ кармана Евангеліе, которое всегда носилъ при себѣ, и читалъ изъ него подходящія къ разговору мѣста. „Въ этой книгѣ все есть, что̀ нужно человѣку", говаривалъ онъ при этомъ. Читая Евангеліе, онъ часто поднималъ глаза на слушателя и говорилъ, не глядя въ книгу. Лицо его при этомъ свѣтилось такой внутренней радостью, что видно было, какъ дороги и близки къ сердцу были ему читаемыя слова. Онъ почти наизусть зналъ Евангеліе, но, по его словамъ, всякій разъ, какъ онъ читалъ его, онъ вновь испытывалъ истинное духовное наслажденіе. Онъ говорилъ, что въ Евангеліи ему не только все понятно, но что, читая его, онъ какъ будто читаетъ въ своей душѣ и чувствуетъ себя способнымъ еще и еще подниматься къ Богу и сживаться съ Нимъ.

III.

Отличительной чертой Ге была его любовь къ людямъ. Во всякомъ человѣкѣ онъ находилъ хорошую сторону. „Прелестнѣйшій юноша", „безподобнѣйшій человѣкъ", „замѣчательнѣйшая женщина" — были обычными эпитетами, употребляемыми Николаемъ Николаевичемъ. Если онъ работалъ и къ нему при-

ходилъ кто-нибудь за совѣтомъ или съ просьбой, онъ тотчасъ же бросалъ работу и отдавалъ все свое вниманіе посѣтителю, какъ бы скученъ и неинтересенъ онъ ни былъ. „Человѣкъ дороже холста", сказалъ онъ мнѣ разъ, когда я досадовала на кого-то, оторвавшаго его отъ работы.

У Ге былъ удивительный даръ вліять на людей, заставить себя слушать и найти съ каждымъ человѣкомъ тѣ точки соприкосновенія, на которыхъ не могло бы быть разногласія. Онъ прекрасно говорилъ, потому что всегда вкладывалъ всю душу въ свои слова. Нѣкоторыхъ приводила въ недоумѣніе, а иногда и раздражала его манера сразу становиться въ возможно близкія отношенія при первой же встрѣчѣ. Онъ былъ такъ добръ и простъ, что, по замѣчанію моего отца, люди, не привыкшіе къ такому отношенію, не вѣрили его искренности и иногда думали, что подъ этой добротой крылись какія-нибудь хитрости.

Онъ часто, здороваясь, цѣловался съ людьми, даже мало ему знакомыми. Я помню, какъ разъ онъ зашелъ со мной къ нашимъ друзьямъ въ редакцію „Посредника", гдѣ ему представили одного юношу, только-что поступившаго въ редакцію. Николай Николаевичъ поздоровался съ нимъ и потянулся, чтобы его поцѣловать. Тотъ съ недоумѣніемъ и недовѣріемъ посмотрѣлъ на него, сперва отшатнулся назадъ, но увидя, что лицо Николая Николаевича полно доброты и ласки, съ радостью обмѣнялся съ нимъ поцѣлуемъ.

Къ деньгамъ Ге относился совершенно равнодушно. Если у него покупали картину или портретъ, онъ радовался этому главнымъ образомъ потому, что это было признакомъ оцѣнки его работы.

Такъ какъ онъ былъ у себя дома строгимъ вегетаріанцемъ, дѣлалъ многое на себя самъ и одѣвался почти по-нищенски, то денегъ ему много и не нужно было. Сколько разъ сестрѣ и мнѣ приходилось чинить на немъ разные предметы его одежды, а моя мать даже сшила ему цѣлую пару панталонъ, которой онъ очень гордился, а я связала ему фуфайку, которую онъ носилъ вмѣсто жилета до самой смерти. Рубашку онъ носилъ грубую, холщевую, съ отложными воротниками, и старый, поношенный пиджакъ.

Въ такой одеждѣ онъ ѣзжалъ въ Москву и Петербургъ, и никогда ни для кого ее не мѣнялъ, хотя бывалъ въ самыхъ разнообразныхъ обществахъ.

IV.

Ге проводилъ большую часть своей жизни въ деревнѣ. Но къ концу зимы онъ обыкновенно ѣздилъ въ Петербургъ на открытіе „Передвижной выставки". Никогда онъ не проѣзжалъ мимо насъ, не заѣхавши къ намъ, гдѣ бы мы ни были—въ Москвѣ или въ Ясной-Полянѣ. Иногда онъ заживался у насъ подолгу, и мало-по-малу мы такъ сжились, что всѣ наши интересы—печали и радости—сдѣлались общими. Младшимъ членамъ нашей семьи онъ всегда говорилъ „ты", а намъ, старшимъ, сталъ говорить „ты" только въ послѣдніе годы нашего знакомства.

Когда мы разставались, то письменно продолжали сноситься. Все, чтò происходило у насъ, мы сообщали ему; обо многомъ спрашивали его мнѣнія и совѣта, и всегда быстро получали отвѣтъ.

Разъ у насъ въ Ясной-Полянѣ отецъ затѣялъ всѣхъ спрашивать три главныя желанія. Самъ отецъ только могъ придумать два: 1) всѣхъ любить и 2) быть всѣми любимымъ. Я письменно спросила Ге его три главныя желанія и получила въ отвѣтъ слѣдующее: „На вопросъ о желаніяхъ—могу сказать, что *первое* желаніе мое, это—чтобы хорошіе люди въ своихъ семьяхъ имѣли бы ту радость и свѣтъ, какой можетъ имѣть человѣкъ, повѣрившій въ Христа и полюбившій Его. *Второе* мое желаніе, чтобъ мой милый Левъ Николаевичъ былъ здоровъ; а *третье*—чтобы Богъ благословилъ меня окончить мой трудъ, который я дѣлаю для всѣхъ, ради свѣта Христова. Можетъ быть, подумавши, я придумалъ бы еще лучше что-нибудь, но я нарочно не придумывалъ, а сказалъ то, чтò мнѣ пришло въ голову".

Ге часто проводилъ съ нами осень, такъ какъ полевыя работы на хуторѣ кончались, и онъ еще не начиналъ занятій живописью. Моя мать уѣзжала въ Москву съ братьями, которые учились въ гимназіи, и въ Ясной-Полянѣ оставался отецъ, сестра Маша, я и часто Николай Николаевичъ. Занимались мы въ это время исключительно письменными работами, въ чемъ и Николай Николаевичъ намъ помогалъ. По вечерамъ привозили почту, и мы всѣ вмѣстѣ ее разбирали. Отецъ распредѣлялъ письма на тѣ, на которыя онъ самъ отвѣтитъ; другія, на которыя мы должны были отвѣчать, и третьи—безъ отвѣта.

Иногда отецъ самъ ѣзжалъ на почту. Разъ онъ уѣхалъ вер-

хомъ, а Николай Николаевичъ, Маша и я сидѣли дома за самоваромъ и ждали его. До станціи Козловка-Засѣка три съ половиной версты. Отецъ уѣхалъ въ десятомъ часу вечера, а почтовый поѣздъ проходилъ въ одиннадцатомъ. Пробило одиннадцать часовъ, половина двѣнадцатаго, двѣнадцать, а отца все нѣтъ. Мы всѣ трое сидимъ въ большомъ безпокойствѣ, и, наконецъ, Николай Николаевичъ рѣшаетъ идти на конюшню, чтобы узнать, не пришла ли лошадь, на которой поѣхалъ отецъ. Мы съ Машей остались въ залѣ. Черезъ нѣсколько минутъ слышимъ, какъ дверь въ передней отворяется и Николай Николаевичъ кричитъ мнѣ снизу, совершенно измѣнившимся голосомъ: „Таня! Лошадь пришла!“ Конечно, въ воображеніи всѣхъ троихъ выростаютъ ужасныя картины. Всѣ трое мы бѣжимъ на конюшню, велимъ какъ можно скорѣе запрягать „катки“ (такъ у насъ называется линейка), и только-что садимся на нее, чтобы летѣть подбирать отца, какъ онъ является пѣшкомъ живой и невредимый. Оказалось, что лошадь была привязана, и пока отецъ ходилъ на станцію, она испугалась подошедшаго поѣзда, оторвала поводъ и ушла домой. Отцу пришлось идти пѣшкомъ, и поэтому онъ такъ запоздалъ. Я помню, что я обидѣлась на отца за то, что онъ подумалъ сперва о томъ, чтобы узнать, пришла ли лошадь, а не поспѣшилъ, чтобы насъ успокоить, но Ге меня устыдилъ. Самъ онъ такъ и сіялъ отъ радости и счастья, когда онъ въ этотъ вечеръ смотрѣлъ на отца. Видно было, какъ горячо онъ его любилъ, и какъ счастливъ онъ былъ отъ того, что отецъ остался цѣлъ.

Въ періодъ нашего знакомства Николай Николаевичъ испыталъ много семейныхъ огорченій и радостей, которыми онъ всегда дѣлился съ нами. Самымъ крупнымъ и тяжелымъ для него событіемъ за это время была кончина его жены. Оставшись безъ нея, онъ еще ближе прильнулъ къ нашей семьѣ и могъ болѣе долго у насъ оставаться, такъ какъ дома никто особенно его не ждалъ. Оба сына его были семейные люди и жили отъ него отдѣльно.

Въ эти времена своего отдыха онъ мало работалъ, никогда не рисовалъ въ альбомъ,—у него его даже никогда съ собой не бывало, такъ какъ онъ не понималъ того, чтобы рисовать просто для удовольствія рисованія. Онъ по этому поводу приводилъ слова своего учителя Брюллова, очень любимаго имъ, который говаривалъ, что лучше ничего не дѣлать, чѣмъ дѣлать ничего.

Тѣ портреты красками или углемъ, которые Николай Ни-

колаевичъ дѣлалъ помимо своихъ картинъ,—онъ дѣлалъ съ людей, которыхъ онъ особенно любилъ, или въ подарокъ своимъ друзьямъ.

Одно время онъ началъ изучать англійскій языкъ, такъ какъ находилъ, что есть очень много хорошихъ англійскихъ книгъ, а также и потому, что собирался когда-нибудь поѣхать въ Англію. У себя на хуторѣ онъ долбилъ англійскую грамматику, какъ отдыхъ отъ своихъ художественныхъ работъ, и писалъ, что радуется тому, что память еще дѣйствуетъ. „Сидимъ мы вечеромъ,—писалъ онъ о себѣ и о своемъ пріятелѣ,—и какъ гимназисты учимъ свои уроки,—онъ французскій, а я англійскій,—и, заткнувъ уши, долбимъ напропалую“.

Когда онъ пріѣзжалъ къ намъ, то мой маленькій братъ Ваничка училъ его англійскимъ словамъ. Они оба вставали раньше всѣхъ другихъ, и когда остальные приходили утромъ въ столовую, они заставали эту трогательную картину: шестилѣтняго ребенка, заставляющаго сѣдого старика повторять англійскія слова. „Это мой учитель“,—говаривалъ Николай Николаевичъ о Ваничкѣ.

И въ самомъ Николаѣ Николаевичѣ было много дѣтскаго. Часто, придя усталый откуда-нибудь, онъ просилъ позволенія прилечь на кушеткѣ въ моей комнатѣ и тотчасъ же засыпалъ сладкимъ младенческимъ сномъ. Проснувшись, онъ иногда просилъ сладенькаго, и я всегда старалась имѣть запасы какихъ-нибудь сластей, чтобы угостить его. „Вспоминаю васъ въ уголкѣ вашей комнаты,—какъ-то пишетъ онъ мнѣ:—сидитъ, читаетъ д'Аннунціо, а мнѣ все прянички даетъ. Цѣлую васъ, милая Таня, и часто вспоминаю“.

Онъ очень любилъ анекдоты, и надъ самыми глупыми и примитивными онъ былъ способенъ хохотать до упада. Онъ часто шутилъ, а иногда любилъ и подразнить людей, но самымъ добродушнымъ образомъ.

V.

Такъ какъ я въ то время занималась живописью, то часто обращалась за указаніями къ Николаю Николаевичу, который давалъ мнѣ очень драгоцѣнные совѣты въ этой области.

Я начала разъ при немъ портретъ сестры Маши для того, чтобъ онъ на практикѣ далъ мнѣ нѣкоторыя указанія. Когда я его подмалевала, Ге подошелъ, посмотрѣлъ, и не одобрилъ моей работы. „Ахъ, Таня, развѣ можно такъ писать? Надо вотъ какъ!“—и взявъ изъ моихъ рукъ палитру и нѣсколько большихъ

кистей, онъ переписалъ весь подмалевокъ. Потомъ онъ передалъ мнѣ палитру и велѣлъ продолжать. Но начало было такъ хорошо, что мнѣ не хотѣлось его портить, и мы всѣ упросили его кончить портретъ, что̀ онъ и сдѣлалъ [1]). Я досадовала на себя за то, что не умѣла сдѣлать того, что̀ казалось такъ просто въ рукахъ Николая Николаевича. По этому поводу онъ разсказалъ мнѣ про одно замѣчаніе Брюллова. Разъ Брюлловъ въ Академіи подошелъ къ одному ученику и поправилъ ему этюдъ. Ученикъ посмотрѣлъ на поправленную работу и сказалъ: „Какъ странно,—вѣдь вы, кажется, чуть-чуть поправили, а совсѣмъ стало другое". „Все искусство начинается съ чуть-чуть",—отвѣтилъ Брюлловъ.

Когда Николай Николаевичъ уѣзжалъ, то онъ продолжалъ письменно помогать мнѣ совѣтами. Вотъ что̀ онъ писалъ мнѣ въ отвѣтъ на мою просьбу помочь мнѣ своими указаніями въ моихъ занятіяхъ живописью и перспективой:

„Я надѣюсь, что я послужу вамъ и многое могу вамъ передать въ дѣлѣ, съ которымъ я сжился, занимаясь имъ цѣлую жизнь. Я радъ, что вы хотите заняться искусствомъ. Способности у васъ большія, но знайте, что способности безъ любви къ дѣлу ничего не сдѣлаютъ. Нѣтъ бо̀льшаго умственнаго удовольствія, какъ высказать свои душевныя мысли въ формѣ разумной и благообразной. Вотъ къ формѣ, къ чувству формы у васъ большія способности. Позаботьтесь и о формѣ, но больше всего о томъ, что̀ выскажется въ формѣ. Все искусство—въ содержаніи, въ томъ, что̀ дѣйствительно вамъ дороже всего, и что̀ вы храните въ вашей душѣ, какъ самое дорогое, самое святое. Оно, это святое, вамъ и укажетъ характеръ о̀браза (формы), и потребуетъ отъ васъ изученія той или другой формы. Оно вами будетъ руководить, и знайте—ему служите, ему вѣрьте, не измѣняйте, и тогда навѣрное ваши произведенія будутъ художественны и дороги и вамъ, и всѣмъ окружающимъ, т.-е. людямъ.

„Учите перспективу, и когда овладѣете ею, внесите ее въ работу, въ рисованіе. Никогда ее не отдѣляйте отъ рисованія, какъ дѣлаютъ многіе (т.-е. рисуютъ по чувству, а потомъ поправляютъ по правиламъ перспективы). Напротивъ—пусть перспектива у васъ будетъ всегдашнимъ спутникомъ вашей работы и стражемъ вѣрности. Пусть она проникнетъ въ тѣ части рисованія, гдѣ нельзя механически ее и приложить. Напримѣръ,

---

[1]) Этотъ портретъ былъ выставленъ на „Передвижной выставкѣ", а потомъ отданъ въ нашу семью, гдѣ онъ и находится.

рисуя голову, портретъ, нельзя приводить въ перспективу части головы, а когда вы знаете перспективу, чувствуете ее, вы приложите ее къ рисованію головы, и нарисуете очень вѣрно. Вотъ что̀ я хочу сказать"...

„Вотъ вамъ правило,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ,—котораго никогда не забывайте: рисовать—значитъ видѣть пропорціи, и потому никогда не позволяйте себѣ видѣть одну часть безъ всего общаго, т.-е. вы рисуете не носъ, не глазъ, не ротъ, не ухо, не голову, не руку, а то, какую роль играетъ носъ на лицѣ. Каждый разъ, какъ рисуете часть—рисуйте ее въ смыслѣ съ общимъ. Симметрическія части всегда рисуйте вмѣстѣ и одновременно, т.-е непремѣнно оба глаза, оба уха, обѣ щеки, и все это въ отношеніи цѣлаго: или головы, или фигуры, ежели рисуете фигуру. Начинайте рисовать отъ центра: лицо въ головѣ, торсъ въ фигурѣ. Назначайте главныя части, непремѣнно протушуйте главныя тѣни, и свѣтъ общій, чтобы провѣрить пропорціи, и рисуйте все время вашъ рисунокъ—всегда отъ начала до конца общее, и идите къ деталямъ постепенно. Вотъ вамъ весь секретъ рисованія. Пріучите себя идти этимъ путемъ—и вы готовы".

Въ слѣдующихъ своихъ письмахъ Ге излагаетъ мнѣ теорію перспективы, иллюстрируя свои письма чертежами и рисунками.

Въ нашихъ бесѣдахъ съ нимъ о живописи и о теоріи сочиненія, Ге совѣтовалъ мнѣ, если я буду писать картины, не писать къ нимъ этюдовъ. Онъ говорилъ, что надо заносить свое впечатлѣніе прямо въ картину, какъ пчела носитъ свой медъ въ улей. „А то,—говорилъ онъ,—въ этюдѣ не выразишь всего своего впечатлѣнія съ той силой, съ какой его ощущаешь, а копируя этюдъ на картину, утрачиваешь еще долю этого впечатлѣнія".

Для того, чтобы размѣстить дѣйствующія лица на картинѣ, Ге совѣтовалъ вылѣпливать въ маленькомъ видѣ фигуры изъ воска или глины. Онъ очень хвалилъ этотъ способъ и только предостерегалъ отъ того, чтобы вылѣпливать подробности, такъ какъ глазъ могъ привыкнуть къ кукловатости глиняныхъ фигуръ и внести ее въ картину.

„Картина не слово!—говаривалъ онъ о томъ впечатлѣніи, которое должна была производить картина на зрителя. — Она даетъ одну минуту, и въ этой минутѣ должно быть все. Взглянулъ—и все! Какъ Ромео на Джульетту—и обратно. А нѣтъ этого—нѣтъ картины".

VI.

Цѣлую зиму Николай Николаевичъ работалъ у себя на хуторѣ. Когда онъ кончалъ картину, онъ везъ ее въ Петербургъ и выставлялъ на „Передвижной выставкѣ". Останавливался онъ въ Петербургѣ всегда у друзей, которыхъ у него вездѣ было много, и проводилъ тамъ около мѣсяца.

За послѣдніе годы своей жизни Ге становился все болѣе и болѣе популярнымъ, особенно среди молодежи,—такъ что какъ только въ Петербургѣ проходилъ слухъ о его пріѣздѣ, къ нему начинало стекаться столько гостей, что ему не подъ силу бывало со всѣми разговаривать, и онъ мало-по-малу усвоилъ себѣ манеру полу-разговора, полу-лекціи или проповѣди на ту тему, которая интересовала бóльшую часть его слушателей.

Изъ Петербурга онъ пріѣзжалъ къ намъ въ Москву, и тутъ начиналась та же жизнь. Николая Николаевича приглашали всюду, и онъ никому не отказывалъ. Я помню, какъ мои товарищи по школѣ живописи и ваянія, которую я посѣщала въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, ждали пріѣзда Ге, готовя разные вопросы для обсужденія съ нимъ. Обыкновенно выбиралась, какъ мѣсто сборища, квартира какого-нибудь ученика школы, куда собирались и всѣ остальные товарищи. Ге очень любилъ эти сборища. „Представьте себѣ,—разсказывалъ онъ мнѣ про одно такое собраніе,—маленькую комнатку, набитую молодежью. Такъ какъ стульевъ мало, то одного только меня посадили на стулъ, а всѣ остальные сидѣли вокругъ на полу. Говорили о самыхъ важныхъ вещахъ на свѣтѣ, и между прочимъ о живописи. Спрашивали моего мнѣнія о значеніи пейзажа въ живописи и о примѣненіи фотографіи для художника. Всѣ эти молодые люди принесли свои этюды и эскизы и спрашивали моего совѣта".

Молодые художники эти были всѣ,—по словамъ Николая Николаевича,—„прекраснѣйшими юношами", и произведенія ихъ онъ большей частью хвалилъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на Николая Николаевича эскизъ одного изъ нихъ, изображавшій Петра Великаго, цѣлующаго отрубленную голову лэди Гамильтонъ. „Это страшно сильно,—говорилъ онъ,—это чортъ знаетъ, какъ сильно".

Иногда Ге ѣзжалъ и въ Кіевъ, гдѣ также у него было много друзей и знакомыхъ.

„Ѣздилъ въ Кіевъ по приглашенію группы студентовъ,—писалъ онъ мнѣ въ ноябрѣ 1892 года,—которые меня просили

пріѣхать къ нимъ и разъяснить имъ многое изъ ученія Льва Николаевича, и, главное, разобрать то, что̀ можетъ быть не его. Я имѣлъ нѣсколько вечеровъ бесѣды, было человѣкъ до двадцати-пяти студентовъ, молодыхъ женщинъ и дѣвицъ. Никто не куритъ. Три часа я излагалъ предметъ бесѣды и два часа шло разъясненіе. Сердце мое радовалось этому дорогому проявленію.

„Кромѣ того, въ Школѣ художествъ меня ждало до ста человѣкъ. Требовали разъясненія интересовъ художествъ. Меня радуетъ не то, что меня зовутъ, но меня радуетъ то, что истина, дорогая намъ съ дорогими друзьями,—все болѣе и болѣе захватываетъ живыхъ людей“...

VII.

Ге любилъ искусство во всѣхъ его отрасляхъ и проявленіяхъ. Онъ любилъ литературу, много читалъ и часто въ письмахъ къ намъ дѣлился впечатлѣніемъ о прочитанномъ. Одно время мы съ нимъ увлекались д'Аннунціо, но это было временное увлеченіе. Мопассана онъ всегда читалъ съ восторгомъ, очень цѣнилъ, и ставилъ на ряду съ первоклассными писателями. О моемъ отцѣ и говорить нечего. Все, что̀ отецъ писалъ, Ге немедленно, прямо изъ-подъ пера, съ жадностью и восхищеніемъ поглощалъ. Почти въ каждомъ письмѣ къ намъ Ге проситъ насъ прислать ему то, что̀ отецъ написалъ. Многое, что̀ въ Россіи не было напечатано, Ге собственноручно переписалъ для себя.

Онъ самъ пробовалъ свои силы въ писательствѣ, и его воспоминанія о Герценѣ были напечатаны въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“. Собирался онъ также писать объ искусствѣ, т.-е., по его словамъ, „объ отношеніи художника и критики къ искусству“, но за художественными работами ему на это не хватило времени.

Музыка дѣйствовала на него очень сильно. Я помню, какъ онъ обливался слезами, слушая пѣніе „Crucifix“ Фора. Но, конечно, на первомъ планѣ стояла у него живопись. Работалъ онъ всегда съ большимъ вдохновеніемъ, которое не ослабѣвало до тѣхъ поръ, пока задуманная картина не была окончена. А чуть только исполненіе одной картины приходило къ концу, у Ге уже была „цѣлая толпа сюжетовъ“, какъ онъ говорилъ, которые просились на холстъ.

Прежде, чѣмъ начать писать на холстѣ, Николай Николае-

вичъ много думалъ о своей картинѣ, разсказывалъ и писалъ намъ о ней, много искалъ, много рисовалъ эскизовъ, и когда она была готова въ его представленіи, онъ быстро, не отрываясь, принимался за исполненіе. У него было драгоцѣнное свойство—при всемъ своемъ увлеченіи работой—не терять къ ней критическаго отношенія. Если картина не удовлетворяла его, онъ опять и опять ее переписывалъ. Онъ часто говаривалъ мнѣ, что если художникъ будетъ жалѣть своихъ трудовъ, то онъ никогда ничего не сдѣлаетъ. Нѣкоторыя свои картины, которыя почему-нибудь перестали ему нравиться, онъ уничтожалъ безъ всякаго сожалѣнія. Такъ, напримѣръ, картина „Что есть истина?“ написана сверхъ картины „Милосердіе“. Въ то время, какъ онъ задумалъ „Чтò есть истина?“—у него не было для нея подходящаго холста. „Милосердіе“ давно уже стояло въ мастерской, онъ пережилъ эту картину, она ему приглядѣлась, — голова и сердце были полны новой темой, размѣры холста подходили,— онъ, не долго думая, и записалъ старый холстъ новой картиной.

Въ письмахъ къ намъ онъ часто жаловался на то, какія онъ испытываетъ мученія за работой, но всякій разъ прибавляетъ, что за то, когда ему удается выразить то, чтò ему хочется, онъ испытываетъ такой восторгъ и такое наслажденіе, что всѣ мученія забываются.

Онъ находилъ, что Карлейль правъ, говоря, что творчество безсознательно. „Сколько разъ ищешь, ищешь, и все какъ будто стоишь на мѣстѣ, — писалъ онъ намъ какъ-то, — и вдругъ все какъ свѣтомъ освѣтится—увидишь все съ необыкновенной ясностью безо всякаго усилія съ своей стороны... Когда вся внутренняя работа въ душѣ уляжется, вдругъ выдѣляется изъ души свѣтлый образъ, который сразу полонъ и готовъ... И какая удивительная вещь—въ этомъ образѣ я все-таки вижу весь кругъ своей безконечной работы. Значитъ, я не даромъ мучился“.

О томъ, чтò онъ желалъ выразить своими картинами, Ге разсказывалъ съ такимъ увлеченіемъ и вдохновеніемъ, что—я должна въ этомъ сознаться—картина, когда я ее видѣла, казалась мнѣ всегда слабѣе моего представленія о ней. Можетъ быть, это происходило отчасти и отъ того, что Николай Николаевичъ въ послѣднихъ своихъ картинахъ такъ страстно бывалъ увлеченъ ихъ содержаніемъ, что форма, въ которую онъ облекалъ это содержаніе, не представляла для него большого интереса и важности, и онъ ею нѣсколько пренебрегалъ, а я, занимаясь живописью, невольно искала извѣстнаго совершенства техники.

Нѣсколько изъ его картинъ послѣднихъ годовъ были найдены

нецензурными и сняты съ выставки. Ему это бывало горько: столько положено работы, столько затрачено силъ, пролито слезъ, и вдругъ запрещеніе показывать плодъ этихъ усилій и исканій! Но онъ старался найти и въ этомъ хорошія стороны, и писалъ намъ бодрыя письма.

„Ваше письмо пришло какъ разъ когда оно было нужно мнѣ, — писалъ онъ мнѣ въ Парижъ послѣ снятія „Что̀ есть истина?“ съ передвижной выставки.—Я только-что вернулся отъ товарищей, и душа моя была крѣпко огорчена. Не самолюбіе мое страдало, а то особенное чувство, которое испытываешь, когда чувствуешь и видишь, что люди въ потемкахъ и, какъ утопающіе, мѣшаютъ сами себѣ ихъ вытащить, и потому тонутъ“...

VIII.

Кромѣ своихъ большихъ картинъ,—которыя всѣ были написаны на евангельскіе сюжеты и, кромѣ картины „Совѣсть“, всѣ изображали Христа,—Ге сдѣлалъ много рисунковъ, этюдовъ, и эскизовъ на тѣ же темы.

Одно время онъ задался цѣлью сдѣлать иллюстраціи къ Евангелію и привезъ къ намъ цѣлую серію угольныхъ рисунковъ, которые онъ приколол̄ъ вокругъ всей Ясно-полянской залы, для того, чтобы мы могли удобнѣе видѣть ихъ въ ихъ послѣдовательности. Нѣкоторые изъ нихъ были удивительно сильны и производили огромное впечатлѣніе. Съ волненіемъ и трепетомъ водилъ Николай Николаевичъ моего отца отъ одного рисунка къ другому, ожидая его мнѣнія. И мой отецъ всегда восхищался и умилялся передъ работами Ге, такъ какъ источникъ, изъ котораго вытекали образы, написанные Николаемъ Николаевичемъ, былъ ему близокъ и понятенъ.

Одно время Ге затѣялъ написать семь картинъ подъ общимъ заглавіемъ: „Нагорная Проповѣдь“. Въ сентябрѣ 1886 года онъ пишетъ отцу: „Два дня я не могу ни о чемъ думать, какъ о Нагорной проповѣди. Попробовалъ сочинить на одной картинѣ и тутъ только понялъ въ той новой формѣ, которую вдругъ увидалъ: каждая заповѣдь будетъ сочинена особо и на каждую будетъ въ сіяніи и свѣтѣ исполненіе ея Христомъ. Это такъ умилительно, что я заплакалъ отъ радости, что Богъ меня вразумилъ“.

Картины были начаты въ два тона масляными красками и изображали: *первая*—проповѣдь Христа, окруженнаго учениками

и народомъ; *вторая* должна была иллюстрировать текстъ: „Блаженны нищіе"; а остальныя пять должны были быть написаны на пять заповѣдей Христа.

Первая, на 21—26 стихи V-ой главы отъ Матѳея, изображала слѣдующее: человѣкъ, вспомнившій передъ тѣмъ, какъ принести жертву на подножіе алтаря, что есть другой человѣкъ, гнѣвающійся на него,—проситъ прощенія у своего врага. Но тотъ гордо отворачивается и не обращаетъ вниманія на просящаго. На небѣ же, какъ видѣніе, исполненіе этой заповѣди Христомъ, умывающимъ ноги Іудѣ.

Вторая заповѣдь, на 27—32 стихи той же главы, была такъ изображена: низъ картины — рабочіе, мужъ и жена, идутъ, — а на встрѣчу идетъ богатый, который остановился и съ вожделѣніемъ смотритъ на жену. На второмъ планѣ за первой группой бѣжитъ въ отчаяніи оставленная богатымъ жена. На небѣ, какъ исполненіе заповѣди — Христосъ отвернулся отъ сатаны, искушающаго Его. Сатану окружаютъ женщины, предлагая Спасителю корону.

Третья заповѣдь (стихи 33 — 37) изображалась такъ: низъ картины—Иродъ, огорченный, лежитъ передъ воиномъ, который передаетъ голову Іоанна Крестителя Иродіадѣ. Наверху Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду со словами: „Да будетъ воля Твоя".

Остальныя двѣ картины не были написаны, и тѣ три, о которыхъ я упомянула, не были окончены.

Кромѣ этихъ рисунковъ, Ге сдѣлалъ прекрасныя иллюстраціи къ разсказу моего отца: „Чѣмъ люди живы", которыя были изданы отдѣльнымъ альбомомъ.

Гостя у насъ, Ге набросалъ углемъ и красками нѣсколько портретовъ съ нашихъ друзей, а одинъ съ меня. Прекрасный портретъ моего отца, находящійся теперь въ Третьяковской галереѣ, былъ написанъ имъ въ нѣсколько сеансовъ въ то время, какъ отецъ занимался писаніемъ у себя въ кабинетѣ. Я помню, какъ доволенъ былъ Ге тѣмъ, что во время работы отецъ иногда совсѣмъ забывалъ о его присутствіи и иногда шевелилъ губами.

Какъ-то лѣтомъ въ Ясной-Полянѣ Ге принялся за лѣпку бюста съ моего отца. Онъ очень увлекался этой работой, и я помню, какъ разъ утромъ, окончивши бюстъ, который былъ снесенъ во флигель, гдѣ форматоръ долженъ былъ его отлить, Ге сидѣлъ въ залѣ и пилъ кофе. Вдругъ въ ту минуту, какъ мой отецъ вошелъ въ залу—Ге, быстро скользнувши взглядомъ по лицу отца, сорвался съ мѣста и со всѣхъ ногъ бросился

бѣжать внизъ по лѣстницѣ. Мы стали кричать ему, спрашивая, что̀ съ нимъ случилось, но онъ, не оглядываясь, бѣжалъ и кричалъ: „Бородавка! Бородавка!“ Черезъ нѣсколько времени онъ пришелъ изъ флигеля спокойный и сіяющій. „Бородавка есть!“— сказалъ онъ съ торжествомъ.

Оказалось, что, взглянувъ на отца, онъ замѣтилъ у него на щекѣ бородавку, и, не помня того, сдѣлалъ ли онъ ее на бюстѣ, или нѣтъ, онъ бросился во флигель, чтобы ее сдѣлать, если форматоръ еще не началъ отливать бюста. Но бородавка оказалась, и Ге былъ успокоенъ.

IX.

За время знакомства съ нами, Ге написалъ пять большихъ картинъ: „Что̀ есть истина?“, „Повиненъ смерти“, „Совѣсть“, „Выходъ послѣ Тайной Вечери“ и „Распятіе“.

Въ картинѣ „Что̀ есть истина?“ Ге хотѣлъ изобразить контрастъ между человѣкомъ, живущимъ роскошной, праздной жизнью, для котораго вопросъ объ истинѣ кажется совсѣмъ неважнымъ, и другимъ Человѣкомъ, Который только и живетъ этой истиной и для Котораго вся жизнь должна быть подчинена ей.

Эта картина вызвала много шума. Были страстные поклонники ея, также какъ и яростные противники. Вотъ что̀ о ней писалъ мой отецъ въ одномъ частномъ письмѣ:

„Смыслъ картины слѣдующій: Христосъ провелъ ночь среди своихъ мучителей. Его били, водили отъ однихъ начальниковъ къ другимъ и, наконецъ, къ утру, привели къ Пилату. Пилату, важному римскому чиновнику, все это дѣло представляется ничтожнымъ безпорядкомъ, возникшимъ среди евреевъ, сущность котораго не можетъ интересовать его, но который онъ обязанъ прекратить, какъ представитель римской власти. Ему не хочется употреблять рѣшительныхъ мѣръ и воспользоваться своимъ правомъ смертной казни, но когда евреи съ особеннымъ озлобленіемъ требуютъ смерти Іисуса—его заинтересовываетъ вопросъ, отчего все это затѣялось? Онъ призываетъ Іисуса въ преторію и хочетъ отъ него самого узнать, чѣмъ онъ такъ раздражилъ евреевъ. Какъ всякій важный чиновникъ, впередъ угадывая причину и самъ высказывая ее, онъ настаиваетъ на томъ, что Іисусъ называетъ себя царемъ Іудейскимъ. Онъ два раза спрашиваетъ Его—считаетъ ли Онъ себя царемъ. Іисусъ видитъ по всему невозможность того, чтобы Пилатъ понялъ Его, видитъ,

что это человѣкъ совсѣмъ другого міра, — но онъ человѣкъ, и Іисусъ въ душѣ своей не позволяетъ себѣ назвать его „ракка", и скрыть отъ него тотъ свѣтъ, который Онъ принесъ въ міръ, и на вопросъ его—царь ли Онъ?—высказываетъ въ самой сжатой формѣ сущность своего ученія (Іоанн. XVIII, 37): „Я на то родился и на то пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ. Всякій, кто отъ истины, слушаетъ гласа моего".

Критикуя „Передвижную выставку" того года въ одной изъ большихъ петербургскихъ газетъ, Д. Мордовцевъ пишетъ:

…„Еслибы на этой выставкѣ не было ничего, кромѣ картины Н. Н. Ге: „Чтò есть истина?", то и тогда истекшій годъ творчества свободной кисти нельзя было бы назвать безплоднымъ. Я не стану говорить о другихъ картинахъ. Когда душу человѣка всю заполняетъ какое-либо одно очень сильное впечатлѣніе, то оно на время вытѣсняетъ изъ нея всѣ остальныя. Дѣйствительно, впечатлѣніе, испытанное мной передъ картиной „Чтò есть истина?" до того могуче, что я, по крайней мѣрѣ, иначе не могу отнестись къ созданію Ге, какъ къ величайшему явленію не только въ области искусства, но и въ области философіи исторіи. Вглядитесь въ вопрошающаго и въ вопрошаемаго. Первый — это типъ сытаго, упитаннаго римлянина временъ Лукулла. Чтò для него истина? Когда въ глаза ему этотъ оборванный, истерзанный и избитый нищій, котораго отдавали ему же на судъ, заговорилъ объ истинѣ, то извѣдавшій всѣ издѣвательства надъ этою истиной римлянинъ, для котораго она была только въ четырехъ иниціалахъ S. P. Q. R. и въ лицѣ Цезаря,—иначе не могъ отнестись къ словамъ жалкаго нищаго, какъ съ сытою ироніею.—Что такое эта истина? Чтò мнѣ твоя истина? Чтò ты мнѣ говоришь о ней?…

„Но вопрошаемый!.. Я никогда не забуду этого лица, выраженія этихъ глазъ! Они преслѣдуютъ меня до сихъ поръ, и долго будутъ, увѣренъ, преслѣдовать, какъ видѣніе, потрясающее всю нервную систему. Такое лицо и такое выраженіе глазъ должно быть только у Того, о Комъ художникъ вѣроятно очень много думалъ и Котораго онъ, по моему мнѣнію, такъ глубоко понялъ. Вспомните: Его, этого вопрошаемаго, всю ночь терзали, мучили, били по щекамъ и по головѣ, рвали Ему волосы, издѣвались надъ Нимъ; Онъ не спалъ всю ночь, пытаемый злобными издѣвательствами, насмѣшками, презрѣніемъ, плевками; Ему, вѣдь, плевали въ лицо. Наканунѣ этого утра, Онъ испытывалъ съ вечера страшную предсмертную агонію души, молясь о томъ, чтобы Его миновала ожидавшая Его чаша

страданій, на которыя Онъ собственно и пришелъ въ міръ. Какимъ же инымъ Онъ долженъ былъ явиться утромъ передъ Пилатомъ, какъ не такимъ, какимъ изобразилъ Его Ге?..

...„И этотъ божественный страдалецъ, принявшій на себя тысячелѣтнія преступленія своей плотской родины Іудеи, и преступленія гордаго, глубоко преступнаго и развратнаго Рима,—въ рѣшительный моментъ своей божественной на землѣ миссіи—заговорилъ объ истинѣ,—избитый, оплеванный, оборванный, босой, съ концами оборванныхъ веревокъ, которыми ему связывали руки, — этотъ удивительный человѣкъ, назвавшій притомъ себя царемъ,—и понятно, что когда тотъ, въ рукахъ котораго было рѣшеніе жизни и смерти Его, съ легкомысліемъ извѣрившагося во всякую истину человѣка, спросилъ: „что̀ такое истина?“—что̀ оставалось отвѣтить на этотъ праздный вопросъ Тому, Кто шелъ на смерть за эту истину, какъ не взглянуть лишь на вопрошающаго такимъ взглядомъ, какой вы встрѣчаете на поражающемъ васъ своею страшной реальностью лицѣ замѣчательнаго полотна Н. Н. Ге? Что вопросъ этотъ для вопрошающаго былъ празднымъ—это видно и изъ того, что, не дожидаясь на него отвѣта, онъ уходитъ. „И сіе рекъ, паки изыде къ іудеямъ“. Такъ, мнѣ кажется, изобразилъ его и художникъ: въ полуоборотъ,—на лицѣ вопрошающаго нѣтъ ни вниманія, ни ожиданія—оно равнодушно къ истинѣ“...

Рецензентъ кончаетъ статью очень неожиданнымъ вопросомъ: „Любопытно только знать, видѣлъ ли эту картину Левъ Толстой?“

Этой картиной такъ увлекся одинъ адвокатъ, нѣкій г. И., что упросилъ Николая Николаевича дать ему позволеніе повезти ее за границу. Ге былъ очень радъ этому предложенію и отдалъ картину г-ну И., который ему очень понравился. Отецъ написалъ кое-кому изъ своихъ знакомыхъ за границу о картинѣ Ге, прося оказать возможное содѣйствіе для успѣха выставки картины. Вотъ что̀ онъ писалъ, между прочимъ, о ней Кеннану въ Нью-Іоркъ:

...„Цѣль моего этого письма вотъ какая: нынѣшней зимой появилась на петербургской выставкѣ картинъ „передвижниковъ“ картина Н. Ге: „Христосъ передъ Пилатомъ“, подъ названіемъ „Что̀ есть истина?“ (Іоанн. XVIII, 38). Не говоря о томъ, что картина написана большимъ мастеромъ—профессоромъ Академіи—и извѣстнымъ своими картинами (самая замѣчательная—„Тайная Вечеря“) художникомъ, картина эта, кромѣ мастерской техники, обратила особенное вниманіе всѣхъ силою выраженія основной

мысли и новизною и искренностью отношенія къ предмету... Ее сняли съ выставки и запретили показывать. Теперь одинъ адвокатъ И. (я не знаю его) рѣшилъ на свой счетъ и рискъ везти картину въ Америку, и вчера я получилъ письмо о томъ, что картина уѣхала. Цѣль моего письма та, чтобы обратить ваше вниманіе на эту, по моему мнѣнію, составляющую эпоху въ исторіи христіанской живописи картину, и если она, какъ я почти увѣренъ, произведетъ на васъ то же впечатлѣніе, какъ и на меня, просить васъ содѣйствовать пониманію ея американской публикой—растолковать ее. Смыслъ картины на мой взглядъ слѣдующій: въ историческомъ отношеніи она выражаетъ ту минуту, когда Іисуса послѣ безсонной ночи, во время которой Его, связаннаго, водили изъ мѣста въ мѣсто и били, привели къ Пилату. Пилатъ, римскій губернаторъ, въ родѣ нашихъ сибирскихъ губернаторовъ, которыхъ вы знаете, живетъ только интересами метрополіи и, разумѣется, съ презрѣніемъ и нѣкоторой гадливостью относится къ тѣмъ смутамъ, да еще религіознымъ, грубаго, суевѣрнаго народа, которымъ онъ управляетъ. Тутъ-то происходитъ разговоръ (XVIII, 33—38), въ которомъ добродушный губернаторъ хочетъ опуститься пониманіемъ до варварскихъ интересовъ своихъ подчиненныхъ и, какъ это свойственно важнымъ людямъ, составилъ себѣ понятіе о томъ, о чемъ онъ спрашиваетъ, и самъ впередъ говоритъ, не интересуясь даже отвѣтами (а съ улыбкой снисхожденія—я полагаю), самъ все говоритъ: „такъ ты царь?“ Іисусъ измученъ, и одного взгляда на выхоленное, самодовольное, отупѣвшее отъ роскошной жизни, лицо Пилата достаточно, чтобы понять ту пропасть, которая ихъ раздѣляетъ, и невозможность или страшную трудность для Пилата понять Его ученіе. Но Іисусъ помнитъ, что и Пилатъ человѣкъ и братъ; заблудшій—но братъ, и что онъ не имѣетъ права не открывать ему ту истину, которую Онъ открываетъ людямъ, и Онъ начинаетъ говорить (37). Но Пилатъ останавливаетъ Его на словѣ „истина“. Что̀ можетъ оборванный нищій сказать ему, брату и собесѣднику римскихъ поэтовъ и философовъ, объ истинѣ? Ему не интересно дослушивать тотъ вздоръ, который ему можетъ сказать этотъ еврейскій жидокъ и даже непріятно, что этотъ бродяга можетъ вообразить, что онъ можетъ поучать римскаго вельможу, и потому онъ сразу останавливаетъ его и показываетъ ему, что объ этомъ словѣ и понятіи „истина“ думали люди поумнѣе, поученѣе и поутонченнѣе его и давно уже рѣшили, что нельзя знать, что̀ такое истина, что „истина“—пустое слово. И сказавъ: „что̀ есть истина?“ и повернувшись на ка-

блучкѣ, добродушный и самодовольный губернаторъ уходитъ къ себѣ. А Іисусу жалко человѣка и страшно за ту пучину лжи, которая отдѣляетъ его и такихъ людей отъ истины, и это выражено на Его лицѣ.

„Достоинство картины, по моему мнѣнію, въ томъ, что она правдива (реалистична, какъ говорятъ теперь), въ самомъ настоящемъ значеніи этого слова... Эпоху же въ христіанской живописи эта картина произведетъ потому, что она устанавливаетъ новое отношеніе къ христіанскимъ сюжетамъ. Это не есть отношеніе къ христіанскимъ сюжетамъ какъ къ историческимъ событіямъ, какъ это пробовали многіе и всегда неудачно, потому что отреченіе Наполеона или смерть Елизаветы представляютъ нѣчто важное по важности лицъ изображаемыхъ; но Христосъ, въ то время, когда дѣйствовалъ, не былъ не только важенъ, но даже не замѣтенъ, и потому картины изъ его жизни никогда не будутъ картинами историческими. Отношеніе къ Христу, какъ къ Богу, произвело много картинъ, высшее совершенство которыхъ дано уже позади насъ. Настоящее искусство не можетъ теперь относиться такъ къ Христу. И вотъ въ наше время дѣлаютъ попытки изобразить нравственное понятіе жизни и ученія Христа. И попытки эти до сихъ поръ были неудачны. Ге же нашелъ въ жизни Христа такой моментъ, который важенъ былъ тогда для Него, для Его ученія и который точно также важенъ теперь для всѣхъ насъ и повторяется вездѣ, во всемъ мірѣ, въ борьбѣ нравственнаго, разумнаго сознанія человѣка, проявляющагося въ неблестящихъ сферахъ жизни—съ преданіями утонченнаго, добродушнаго и самоувѣреннаго насилія, подавляющаго это сознаніе. И такихъ моментовъ много, и впечатлѣніе, произведенное изображеніемъ такихъ моментовъ, очень сильно и плодотворно“...

Въ началѣ своего путешествія картина имѣла большой успѣхъ, и гдѣ-то,—кажется, въ Германіи,—общество рабочихъ пожелало заказать Ге копію съ „Что̀ есть истина?“. Но въ Америкѣ г-ну И. не хватило денегъ на рекламы, и онъ, перетерпѣши, по его словамъ, много нужды, долженъ былъ вернуться въ Россію. Эти неудачи очень озлобили г-на И., и онъ почему-то обвинилъ въ нихъ Николая Николаевича, которому онъ надѣлалъ много крупныхъ непріятностей, кончивъ тѣмъ, что написалъ противъ него цѣлую книгу, наполненную клеветами.

Ге, разумѣется, простилъ ему все, и безропотно снесъ какъ клеветы, такъ и матеріальные потери и убытки.

Картина была куплена Третьяковымъ и выставлена въ его галереѣ, гдѣ и теперь находится.

X.

Въ картинѣ „Повиненъ смерти“ Ге хотѣлъ изобразить Христа, который мысленно молится за своихъ враговъ и проситъ Бога дать Ему силъ простить ихъ, такъ какъ они „не вѣдаютъ, что̀ творятъ“. Онъ изображенъ стоящимъ въ углу картины, прислоненнымъ къ стѣнѣ и рукой придерживающимъ бороду. Мимо Него проходитъ синедріонъ во всемъ своемъ величіи. Первосвященники Анна и Каіафа идутъ торжественно, поддерживаемые слугами, съ сознаніемъ исполненнаго долга и справедливо рѣшеннаго суда. Только Никодимъ, понимая то, что̀ происходитъ, сидитъ, закрывши лицо руками, въ лѣвомъ углу картины. Какой-то старикъ, проходя мимо Христа, поднимаетъ дряхлый палецъ кверху, чѣмъ-то грозя Ему. Другой плюетъ Ему въ лицо. За ними—открытая дверь, черезъ которую видно темно-синее южное небо.

Картина „Совѣсть“—единственная изъ картинъ Ге послѣдняго періода, на которой не изображенъ Христосъ. О содержаніи этой картины Ге разсказываетъ такъ: Іуда, предавши Христа, идетъ слѣдомъ за толпой, уводящей Его. Толпа идетъ скоро; ученики—Іоаннъ и Петръ—бѣгутъ слѣдомъ. Іуда идетъ медленно: и побѣжать не можетъ, и совсѣмъ отстать тоже не можетъ. Душа его разрывается. Онъ вдругъ понялъ всю гнусность своего поступка и ужаснулся передъ нимъ. Что̀ дѣлать? Куда идти? Впередъ нельзя — назадъ некуда. „Іуда настоящій предатель,—пишетъ Ге въ одномъ изъ своихъ писемъ къ намъ,—тихій, на видъ спокойный, но потерявшій спокойствіе, потерявшій то, чѣмъ жилъ, что̀ любилъ. И отстать не можетъ отъ Него, и быть съ Нимъ нельзя,—самъ себя отрѣзалъ навсегда. Одинъ выходъ такому мертвецу—умереть; онъ и умеръ“.

Эта картина подверглась такимъ же восхваленіямъ и нападкамъ, какъ и „Что̀ есть истина?“. Н. К. Михайловскій въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ написалъ статью, въ которой жестоко критикуетъ картину „Совѣсть“ и глумится надъ ней. Но нашлись и страстные защитники этой картины, и нѣкоторое время въ печати шла оживленная полемика по ея поводу. Вотъ какъ описываетъ въ одной газетѣ впечатлѣніе, произведенное на него этой картиной, одинъ изъ ея сторонниковъ:

„Дышащія безконечной любовью слова, которыми Онъ (Іисусъ Христосъ) встрѣтилъ Своего предателя и Своихъ враговъ, рѣзко звучали въ ушахъ грѣшнаго Іуды. Безгрѣшная личность Спаси-

теля предстала теперь передъ Іудой во всемъ своемъ величіи. Пробудившееся сознаніе болѣе и болѣе открывало его грѣхъ. Тяжелая дума сильнѣе и сильнѣе овладѣвала имъ, что онъ предалъ кровь неповинную. Въ душѣ Іуды поднимается рядъ самыхъ разнообразныхъ мыслей и чувствъ. Его тяготитъ и сознаніе своего преступленія, и злоба на своихъ союзниковъ, и стыдъ передъ людьми. Ночной мракъ и тишина еще болѣе усиливаютъ въ немъ тягостное чувство. Ни одного слова сочувствія не слышитъ Іуда: всѣ отъ него отвернулись. Онъ одинъ, совершенно одинъ среди этого міра. Адскія муки, поднявшіяся въ душѣ Іуды, доводятъ его до оцѣпенѣнія. Смотря вслѣдъ за грубою и жестокою толпою іудеевъ и воиновъ, ведшихъ Іисуса и уже почти скрывшихся изъ вида, Іуда размышляетъ, что̀ теперь ему дѣлать? И вотъ этотъ-то интересный моментъ г. Ге и изобразилъ на своей картинѣ.

„Фигура Іуды, закутаннаго въ плащъ, производитъ на внимательнаго зрителя глубокое впечатлѣніе: художникъ съ поразительнымъ искусствомъ выразилъ въ этой фигурѣ угнетенное душевное состояніе предателя. Смотря на эту фигуру, ясно представляешь себѣ тѣ адскія муки, которыя переживалъ Іуда въ моментъ пробужденія совѣсти“...

Слѣдующей послѣ картины „Совѣсть“ была картина „Выходъ послѣ Тайной Вечери“. Картина эта, по моему мнѣнію, самая сильная изъ всѣхъ картинъ Ге по тому настроенію, которое въ ней чувствуется. Къ сожалѣнію она продана въ частныя руки, а къ Третьяковской галереѣ находится только эскизъ къ ней. Содержаніе ея таково: Христосъ, вышедши наружу послѣ Тайной Вечери въ лунную южную ночь, поднялъ голову къ небу и крѣпко стиснулъ руки. Онъ знаетъ—что̀ его ждетъ, и готовъ на все. Движеніе молодого Іоанна, тревожно вглядывающагося въ темноту, ища Іуду, ясно выражаетъ испытываемое имъ безпокойство. Остальные ученики Христа спокойно сходятъ со ступенекъ крыльца. Они полны тѣмъ, что̀ сейчасъ говорилъ имъ ихъ Учитель, но никто изъ нихъ не чувствуетъ, что часъ уже такъ близокъ...

XI.

Любимымъ произведеніемъ, какъ мнѣ кажется, самого Николая Николаевича, и тѣмъ, надъ которымъ онъ работалъ больше всѣхъ другихъ, была его картина „Распятіе“. Нѣсколько разъ онъ переписывалъ ее всю до основанія, постоянно ища той

формы, которая выразила бы во всей полнотѣ его мысль. Началъ онъ ее зимой 1889 года и работалъ съ такимъ жаромъ и такимъ усердіемъ, какъ никогда не работалъ ни надъ одной картиной. Днемъ онъ писалъ, а по вечерамъ сочинялъ эскизы. Въ январѣ 1890 года онъ пишетъ, что кончилъ картину, „и вышелъ изъ того особеннаго міра, въ которомъ ее писалъ". Но послѣ этого онъ еще много разъ ее передѣлывалъ. Осенью 1892 года онъ мнѣ пишетъ: „Картину свою я написалъ зàново, и этотъ послѣдній толчокъ мнѣ далъ дорогой мой другъ, а вашъ отецъ—Левъ Николаевичъ. Когда онъ написалъ мнѣ про картину Шведа, въ которомъ распятые *стоятъ*, меня это поразило. Давно мнѣ хотѣлось такъ сдѣлать, и я искалъ оправданія и нашелъ и у Риччи (тàкой словарь древности), и у Ренана. И сдѣлалъ. Въ это время дожидался картинки Шведа и крайне удивился, ничего подобнаго не найдя у него. Картина Шведа трактуетъ по старому, по-католически, какъ я называю. Вся обстановка старая и смыслъ тоже старый. Вся картина сдѣлана для возбужденія жалости къ страданію. А этого уже мало. И вотъ, получивъ этотъ новый толчокъ, въ ожиданіи картины Шведа, я составилъ новую картину и по смыслу, и по обстановкѣ. Новая потому, что вызываетъ или должна вызывать въ зрителѣ желаніе такъ же совершенствоваться, какъ это дѣлаетъ кающійся разбойникъ. Картина представляетъ слѣдующее: всѣ три фигуры стоятъ на землѣ, пригвождены ноги къ столбу креста и руки къ перекладинѣ только двухъ, а третій привязанъ веревками, такъ какъ перекладина креста короче. Первый къ зрителю разбойникъ, сказавъ Христу: „Помяни меня, Господи..." опустилъ голову и плачетъ. Христосъ, чуткій къ любви, обернулъ къ нему свою замученную голову, полную любви и радости, а третій вытянулся, чтобы видѣть своего товарища, и остается въ полномъ недоумѣніи, видя его слезы.

„Фигуры стоятъ въ перспективѣ у стѣны и освѣщены солнцемъ. Вдали слуги, послѣ разыгранія одежды Христа, окружили выигравшаго и составляютъ группу на послѣднемъ планѣ"...

Черезъ мѣсяцъ картина опять вся передѣлана, и Ге пишетъ мнѣ:

„Милая, дорогая Таня, разъ я такъ подробно написалъ о своей картинѣ вамъ, я долженъ опять написать, чтò я сдѣлалъ, идя дальше въ развитіи моей мысли. А то выйдетъ такъ: вы увидите картину, думая найти одно, а увидите другое, и произойдетъ смущеніе. Я все передѣлалъ. Меня утѣшаетъ то, что въ этомъ смыслѣ я похожъ на моего дорогого друга Льва Ни-

колаевича. Не могу остановиться въ исканіи все высшаго и высшаго...

„Переживая положеніе разбойника, что не трудно, такъ какъ я самъ такой, я дошелъ до его смерти, т.-е. до умиранія или послѣдней минуты, и тутъ нашелъ картину. И вѣрно, и сильно, и хорошо"...

Но и тутъ онъ не остановился въ своихъ исканіяхъ, которыя продолжались еще цѣлый годъ.

Онъ много бился съ крестами, и одно время рѣшилъ написать картину безъ нихъ, а изобразить Христа и двухъ разбойниковъ, только-что приведенныхъ на Голгоѳу. Ему хотѣлось изобразить состояніе трехъ страдающихъ душъ: Христосъ молится, одного разбойника бьетъ лихорадка подъ вліяніемъ одного лишь физическаго ужаса, а другой стоитъ убитый горемъ, сознавши, что жизнь прожита дурно и довела его до того положенія, въ которомъ онъ находится. „Я самъ плачу, смотря на картину", пишетъ онъ отцу по поводу этого варіанта своей картины.

За время его работы надъ „Распятіемъ" у него набралось, кромѣ большихъ эскизовъ масляными красками, нѣсколько альбомовъ, наполненныхъ эскизами къ той же картинѣ. Одинъ изъ эскизовъ нарисованъ такъ: Христосъ, распятый, уже испустилъ духъ. Разбойникъ еще живъ, и, склоняясь надъ нимъ, духъ Христа обнимаетъ его и цѣлуетъ [1]. „Нарисовавши это, я почувствовалъ, что я съ ума схожу, — сказалъ Николай Николаевичъ, разсказывая намъ объ этомъ эскизѣ,—и на время оставилъ свою работу".

Наконецъ, 10 августа 1893 года, онъ пишетъ мнѣ: „Картину я, наконецъ, нашелъ. Два дня, найдя ее, ходилъ какъ одурѣлый,—мнѣ все казалось, что я что-то сдѣлалъ выше своего пониманія...

„Остановился я на текстѣ: „Сегодня будешь со мной въ раю". Это я и сдѣлалъ. Надѣюсь окончить и не имѣю никакого желанія искать еще. Доволенъ и вернулась охота работать".

Этотъ послѣдній и окончательный варіантъ картины „Распятіе" таковъ: на холстѣ только двѣ фигуры—Христосъ и одинъ разбойникъ. Христосъ пригвожденъ, а разбойникъ привязанъ къ крестамъ, которые имѣютъ форму Т и настолько низки, что распятые стоятъ на землѣ. Второго разбойника Ге уничтожилъ, такъ какъ находилъ, что онъ лишній и только могъ помѣшать тому, что онъ хотѣлъ выразить. Онъ старался въ лицѣ написаннаго разбойника передать то, что онъ самъ испыталъ бы,

[1] Этотъ рисунокъ помѣщенъ въ изданномъ его сыномъ альбомѣ картинъ и рисунковъ Н. Н. Ге.

будучи на его мѣстѣ. „И вотъ я представилъ себѣ человѣка,— разсказывалъ онъ намъ,—съ дѣтства жившаго во злѣ, съ дѣтства воспитаннаго въ томъ, что надо грабить, мстить за обиды, защищаться силой,—и который по отношенію къ себѣ испытывалъ то же самое. И вдругъ, въ ту минуту, когда ему надо умирать, онъ слышитъ слова любви и прощенія, въ одно мгновеніе мѣняющія все его міросозерцаніе. Онъ жаждетъ слышать еще, тянется съ своего креста къ Тому, Кто влилъ новый свѣтъ и миръ въ его душу, но онъ видитъ, что земная жизнь этого Человѣка кончается, что Онъ закатываетъ глаза и тѣло Его уже обвисаетъ на крестѣ. Онъ въ ужасѣ кричитъ и зоветъ Его, но поздно. Я испыталъ этотъ ужасъ и отчаяніе, когда умирала Аничка,—прибавилъ Николай Николаевичъ, кончивши свой разсказъ,—и хотѣлъ это выразить въ лицѣ разбойника".

Картина „Распятіе" была привезена Николаемъ Николаевичемъ въ Петербургъ на „Передвижную выставку", но была съ нея снята. Знакомые Ге предложили выставить ее частнымъ образомъ въ своей квартирѣ; Ге съ благодарностью согласился, и за все время, чтò она тамъ простояла, передъ ней постоянно была толпа зрителей. Врядъ-ли на „Передвижной выставкѣ" ее пересмотрѣло бы столько народа. И во всякомъ случаѣ она не была бы такъ замѣчена среди многихъ другихъ картинъ. А здѣсь она стояла одна: зрители приходили только для нея, и кромѣ того здѣсь всегда былъ Николай Николаевичъ, дававшій объясненія, и своими разсказами о томъ, чтò онъ хотѣлъ выразить, усиливавшій впечатлѣніе, производимое картиной.

XII.

Послѣ выставки своей картины въ Петербургѣ, Ге пріѣхалъ къ намъ въ Москву. Это было весной 1894 года. Онъ показался намъ очень утомленнымъ и слабымъ, хотя ни на что не жаловался. Очевидно, ежедневное объясненіе своей картины приходившей ее смотрѣть публикѣ подорвало его силы. Равнодушно давать эти объясненія онъ не могъ, такъ какъ онъ вкладывалъ всю свою душу въ содержаніе своихъ картинъ, считая его важнымъ и значительнымъ.

Картину свою онъ привезъ съ собой въ Москву, съ намѣреніемъ и здѣсь ее показать публикѣ частнымъ образомъ. Отыскивалось для этого помѣщеніе, а тѣмъ временемъ Николай Николаевичъ жилъ у насъ и отдыхалъ.

Въ эту весну въ Москвѣ былъ первый съѣздъ художниковъ.

Я была членомъ этого съѣзда, ѣздила на всѣ собранія, и такъ какъ принимала нѣкоторое участіе въ художественномъ отдѣлѣ книгоиздательства „Посредникъ“, то убѣдила одного изъ участниковъ „Посредника“ прочесть докладъ о народныхъ картинахъ, съ тѣмъ, чтобы къ этому дѣлу привлечь художниковъ. Докладъ этотъ имѣлъ успѣхъ, но мало результатовъ.

Когда пріѣхалъ Ге, мнѣ захотѣлось и его привлечь къ этому дѣлу и заставить его принять участіе въ съѣздѣ. Но онъ отнесся холодно и къ тому, и къ другому. „Нѣтъ, Таня,—сказалъ онъ мнѣ,—мнѣ тамъ нечего дѣлать. Да и съ нѣкоторыми изъ участвующихъ лицъ мнѣ не хотѣлось бы встрѣчаться“. Я была разочарована. „По моему, вамъ слѣдуетъ тамъ быть,—убѣждала я его.—Вы одинъ изъ учредителей передвижныхъ выставокъ, васъ уже мало осталось, а вы могли бы молодежи сказать что-нибудь полезное“.

Николай Николаевичъ ушелъ спать, ничего не рѣшивши, но на другое утро, когда я пришла пить кофе, онъ сидѣлъ веселый и сіяющій. „Таня, я всю ночь думалъ,—сказалъ онъ мнѣ.—И ты увидишь, что̀ я имъ сегодня скажу“. Когда пришелъ отецъ, онъ и ему сообщилъ, что „Таня мнѣ велѣла говорить на съѣздѣ художниковъ, и я сегодня ночью рѣшилъ, что я это сдѣлаю“.

Въ этотъ день, вечеромъ, было назначено послѣднее засѣданіе съѣзда, послѣ котораго онъ закрывался.

Послѣ обѣда мы поѣхали съ Николаемъ Николаевичемъ въ Историческій музей, гдѣ пріютился съѣздъ. Мы съ нимъ сѣли и прослушали нѣсколько докладовъ, послѣ которыхъ послали сказать предсѣдателю, что Николай Николаевичъ хочетъ говорить.

Тотчасъ же за нимъ прислали кого-то, кто проводилъ его на каѳедру. Я съ своего мѣста смотрѣла, какъ онъ въ своей вѣчной холщевой рубахѣ и старомъ пиджакѣ вышелъ въ публику, которая, увидавши его, вдругъ разразилась такимъ громомъ рукоплесканій, стуковъ и возгласовъ, что совсѣмъ взволновала Николая Николаевича. Я видѣла, какъ краска прилила ему къ лицу и какъ заблестѣли его молодые глаза. Когда немного стихло, Ге, положа оба локтя на каѳедру и поднявши голову къ публикѣ, началъ: „Всѣ мы любимъ искусство“... Не успѣлъ онъ произнести этихъ словъ, какъ рукоплесканія, стуки, крики еще усилились. Николай Николаевичъ не могъ продолжать... Нѣсколько разъ онъ начиналъ, но опять начинали хлопать и кричать...

Послѣ шаблонныхъ рѣчей разныхъ господъ во фракахъ, начинающихъ свои рѣчи неизмѣннымъ обращеніемъ: „Милостивыя государыни и милостивые государи“, и т. д.,—слова Ге, сразу объединившія всѣхъ тѣмъ, что выяснили главный мотивъ, со-

бравшій вмѣстѣ всѣхъ присутствующихъ, и его красивая, оригинальная наружность—произвели на всѣхъ огромное впечатлѣніе.

Смыслъ рѣчи Ге былъ тотъ, что художникъ, посвятившій себя искусству, не можетъ разсчитывать на легкую, праздную жизнь, а, принимая это призваніе, онъ долженъ ожидать въ жизни много трудностей и готовиться къ постоянной борьбѣ. Говорилъ онъ также о томъ, какъ много добра дѣлаютъ тѣ люди, которые вò-время поддержатъ и ободрятъ художника въ трудную минуту его жизни; помянулъ добрымъ словомъ П. М. Третьякова, который не только денежно, но и своимъ добрымъ, участливымъ отношеніемъ умѣлъ поддержать художника во времена нужды и отчаянія. Говорилъ онъ такъ тепло и сердечно, что многіе прослезились, и когда Ге сходилъ съ каѳедры, его проводили съ такимъ же восторгомъ, съ какимъ встрѣтили.

Была весна, ночь была теплая, и мы съ нимъ дошли домой пѣшкомъ черезъ Александровскій садъ. Мы шли молча, и я, глядя на него, думала о томъ, что только тотъ человѣкъ можетъ имѣть вліяніе на другихъ, который, какъ Ге, кладетъ всю свою душу въ то, чтò онъ говоритъ и дѣлаетъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого собранія было найдено помѣщеніе для картины Ге, и онъ пошелъ туда, чтобы ее устроить. Съ волненіемъ отправились и мы смотрѣть на картину, о которой намъ столько разсказывалъ и писалъ Николай Николаевичъ и надъ которой онъ столько работалъ.

Я испытала то же, чтò всегда—нѣкоторое разочарованіе. Чтобы картина произвела на меня впечатлѣніе, надо было, чтобы она была сильнѣе того представленія о ней, которое я составила себѣ по разсказамъ Николая Николаевича. А то, чтò выросло въ моемъ воображеніи по этимъ разсказамъ, было совершеннѣе и по исполненію, и по выразительности, чѣмъ то, чтò я увидала.

Съ моимъ отцомъ было не то: пока мы съ сестрой и еще нѣсколькими друзьями были въ мастерской, пришелъ мой отецъ, котораго Ге ждалъ съ нетерпѣніемъ. Отецъ былъ пораженъ картиной: я видѣла по его лицу, какъ онъ боролся съ охватившимъ его волненіемъ. Николай Николаевичъ жадно смотрѣлъ на него, и волненіе отца передалось и ему. Наконецъ, они бросились въ объятія другъ другу и долго не могли ничего сказать отъ душившихъ ихъ слезъ.

„Распятіе“ простояло въ Москвѣ нѣсколько недѣль, въ продолженіе которыхъ въ мастерской постоянно толпилась публика.

Я часто тамъ бывала, такъ какъ мнѣ интересно было слѣдить за впечатлѣніемъ, производимымъ картиной на публику, а также и потому, что я приводила туда своихъ товарищей по школѣ живописи. Впечатлѣнія были самыя разнообразныя—отъ крайне отрицательнаго до самаго восторженнаго.

Помнится мнѣ, что въ эту весну,—кажется, въ маѣ,—Николай Николаевичъ уѣхалъ съ моимъ отцомъ въ Ясную-Поляну, гдѣ пробылъ очень недолго, и поѣхалъ дальше, въ свой хуторъ, въ черниговскую губернію.

Вскорѣ и я поѣхала въ Ясную-Поляну, но Ге тамъ уже не застала.

Больше не суждено намъ было увидаться.

2-го іюня, вечеромъ, намъ подали телеграмму. Отца не было въ комнатѣ,—была моя мать, сестра Маша и я. Телеграмма была короткая: Николай Николаевичъ Ге-сынъ сообщалъ намъ о томъ, что его отецъ скончался, въ ночь съ 1-го на 2-ое іюня (1894 г)..

Мы не могли придти въ себя отъ поразившаго насъ извѣстія, и сидѣли молча, какъ вдругъ услыхали шаги отца, поднимающагося по лѣстницѣ. У меня сердце упало, и я просила кого-нибудь сообщить отцу о полученной телеграммѣ, такъ какъ чувствовала, что голосъ и языкъ не послушались бы меня, если-бы я начала говорить отцу о полученномъ извѣстіи. Сестра тоже отказалась. И я помню, какимъ страннымъ, неестественнымъ голосомъ моя мать сказала, обращаясь къ отцу: „Вотъ, онѣ мнѣ оставили непріятную обязанность сообщить тебѣ новость, которая тебя огорчитъ“. И она передала отцу телеграмму.

Скоро послѣ этой телеграммы мы получили отъ Николая Николаевича Ге младшаго письмо съ описаніемъ того, какъ умеръ его отецъ. Пріѣхавши отъ своего старшаго сына, Петра Николаевича, онъ почувствовалъ себя нехорошо, легъ и скончался, не приходя въ сознаніе.

Николай Николаевичъ сынъ писалъ, что онъ предоставляетъ моему отцу и мнѣ права на свою часть картинъ, унаслѣдованныхъ имъ отъ отца, и посылаетъ намъ двѣ изъ нихъ.

Мы получили „Распятіе“ и „Повиненъ смерти“. Послѣдняя пришла въ ужасномъ видѣ. Она была снята съ подрамка, заложена газетной бумагой и скатана. Такъ какъ Ге соблюдалъ экономію и покупалъ дешевыя краски, то, вѣроятно, нѣкоторыя краски, которыми онъ писалъ, были сдѣланы на глицеринѣ и не могли вполнѣ высохнуть. Поэтому всѣ газеты прилипли къ картинѣ, и когда я стала ихъ отдирать, то пришла въ ужасъ, видя, что это невозможно сдѣлать, не испортивши картины. Я стала

отмачивать газеты и по маленькимъ кусочкамъ ихъ снимать, но, тѣмъ не менѣе, во многихъ мѣстахъ остались отпечатанныя газетныя буквы.

Я натянула картины на подрамки и поставила ихъ въ своей мастерской, въ Ясной-Полянѣ, до рѣшенія ихъ дальнѣйшей участи.

Отецъ взялъ на себя эту заботу и началъ съ того, что предложилъ П. М. Третьякову помѣстить въ свою галерею эти картины безплатно, но съ тѣмъ, чтобы найти имъ хорошее помѣщеніе и выставить ихъ и другіе картины и рисунки Ге, которые Н. Н. Ге младшій обѣщалъ пожертвовать, въ отдѣльномъ помѣщеніи, которое было бы своего рода музеемъ Ге. Благоразумный и осторожный Павелъ Михайловичъ выслушалъ предложеніе моего отца, но обѣщалъ отвѣтить лишь черезъ годъ.

Ровно черезъ годъ онъ пріѣхалъ къ отцу и сказалъ, что онъ согласенъ взять картины, но отдѣльное помѣщеніе для нихъ приготовитъ только черезъ пять лѣтъ.

Отецъ и Н. Н. Ге младшій согласились на эти условія. Картины были посланы Третьякову, но пяти лѣтъ не прошло, какъ Третьяковъ умеръ. Послѣ этого нѣкоторыя изъ картинъ Ге были то выставляемы, то опять скрыты отъ глазъ публики.

Прошлой осенью „Распятіе“ было выставлено сыномъ Ге въ Женевѣ, гдѣ имѣло большой успѣхъ. „Journal de Génève“, хотя и не вполнѣ соглашаясь съ концепціей картины, отмѣтилъ именно то, что̀ составляло главную силу Ге. „C'est une œuvre de foi,— пишетъ рецензентъ,—de haute probité, scrupuleusement cherchée et réalisée“. И заключаетъ словами: „Au total—c'est l'œuvre d'un artiste robuste et sensible, surtout tendre, qui sait, et qui aime“.

Любовь и нѣжность были, дѣйствительно, отличительными чертами характера Ге, и все, что̀ онъ дѣлалъ въ своей жизни, было ярко освѣщено этими свойствами его души. Когда вспоминаешь его лицо, оно представляется всегда одухотвореннымъ и почти всегда счастливымъ, такъ какъ та любовь, которую онъ проявлялъ къ людямъ, заражала и ихъ, и за очень рѣдкими исключеніями и они отвѣчали ему такимъ же отношеніемъ къ нему, какое онъ выражалъ имъ.

Т. Л. Сухотина-Толстая.

с. Кочеты, 7 сентября 1904 г.

ВѢРУЮЩІЙ ЛОНДОНЪ

Изъ нравовъ Лондона и его обитателей.

ОЧЕРКЪ.

1.—Религіозная терпимость.

Не въ одной Англіи, но и вездѣ, гдѣ жизненный строй зиждется на широкомъ фундаментѣ общаго блага и незыблемаго права, религія давно стала дѣломъ личной совѣсти и свободнаго исповѣданія. Въ этомъ отношеніи Англія никакими особыми преимуществами передъ другими европейскими странами не пользуется,—однако, нигдѣ такъ не чувствуется религіозная свобода, нигдѣ такъ не ощущается независимость религіозной мысли или смѣлость личныхъ убѣжденій, какъ именно въ Англіи вообще, и въ особенности въ Лондонѣ. Полная религіозная свобода здѣсь носится какъ будто въ воздухѣ; вы точно дышете ею на улицахъ и воспринимаете ее въ себя на каждомъ шагу. Барабанный бой „арміи спасенія", громкая рѣчь уличнаго проповѣдника въ пользу или противъ религіи, вывѣски у дверей молитвенныхъ мѣстъ, бѣлый кáпоръ католической „сестры"—все это говоритъ вамъ о томъ, что вы—въ излюбленномъ обиталищѣ свободы религіи. Въ другихъ мѣстахъ Англіи, особенно въ городахъ съ большимъ католическимъ населеніемъ, очень нерѣдки столкновенія и даже серьезныя побоища между представителями разныхъ религій. Но передъ закономъ всѣ религіи равны, и передъ внутренней совѣстью каждаго вѣрующаго хорошо лишь то, во что̀ онъ самъ вѣруетъ. И протестантъ Бельфаста, и като-

ликъ Ливерпуля, на этомъ основаніи, не прочь пустить камнемъ въ своего вѣковѣчнаго „противника“,—если только послѣдній уже слишкомъ даетъ о себѣ знать.

Не то лондонецъ. Онъ раньше всего житель пятимилліоннаго города, „видавшій виды“. Его не удивитъ какая-нибудь римско-католическая процессія, хотя самъ онъ, быть можетъ, ярый анти-папистъ. Онъ спокойно выслушиваетъ и уличную музыку „арміи спасенія“ въ воскресенье, будучи самъ, быть можетъ, и преданнымъ кальвинистомъ, и саббатаріанцемъ, предпочитающимъ въ воскресный день безусловный покой и тишину.

Многіе приписываютъ эту высокую толерантность религіозному равнодушію лондонца. Онъ, видите ли, человѣкъ извѣрившійся, религіозный blasé, которому рѣшительно все равно, во что̀ бы другіе ни вѣрили. Но это не совсѣмъ такъ. Правда, многое изъ старыхъ религій потеряло въ его глазахъ всякую цѣнность; но онъ все-же, въ среднемъ, человѣкъ религіозный и даже, какъ намъ кажется, глубоко религіозный. Здѣсь во всякомъ случаѣ идетъ рѣчь о *вѣрующемъ* Лондонѣ. О невѣрующемъ же надѣемся при случаѣ поговорить особо. Но если онъ и не очень вѣрующій, то онъ достаточно еще легковѣренъ и быстро примыкаетъ къ разнымъ новымъ религіознымъ ученіямъ, хотя подчасъ послѣднія могутъ носить явно-шарлатанскій характеръ или не менѣе явно безумный. Будучи очень вѣротерпимымъ, лондонецъ вмѣстѣ съ тѣмъ и страхъ какъ любопытенъ, и его интересуетъ все и вся на свѣтѣ. Если поэтому возникаетъ новая религія, то ужъ будьте увѣрены, что однимъ изъ первыхъ ея послѣдователей будетъ житель Лондона, просто любопытства ради.

Но какъ ни падокъ лондонецъ на новыхъ боговъ, онъ все-таки очень сдержанъ въ проявленіи своихъ чувствъ. Въ немъ нѣтъ страстности неофита, готовой сразу сжечь все то, чему онъ поклонялся раньше, и превознести до небесъ лишь новое, только-что воспринятое. Какъ и древній римлянинъ, онъ съ одинаковымъ благоговѣніемъ готовъ помѣщать въ своемъ духовномъ пантеонѣ всѣхъ боговъ, съ какими только знакомится. Онъ поэтому относится чрезвычайно деликатно къ своему религіозному противнику или сопернику, не назойливо навязчивъ съ своей вѣрой и не суровъ и не мстителенъ къ отступникамъ. Словомъ, онъ—джентльменъ.

Благодаря именно не столько правовой свободѣ религіи, сколько вѣротерпимому характеру Лондона, въ немъ встрѣчается, вѣроятно, больше сектъ и религій, чѣмъ во всякомъ другомъ городѣ на европейскомъ континентѣ. Однѣхъ христіанскихъ

сектъ въ немъ наберется до семидесяти. Но, помимо сектъ, представляющихъ собою отпрыски или осколки старыхъ религій, мы находимъ въ Лондонѣ и множество новыхъ „религій, самостоятельныхъ, никакими традиціями не связанныхъ и даже противоположныхъ по идеѣ прежнимъ религіямъ. И въ любое воскресенье, въ этотъ день обычной церковной жизни, мы можемъ видѣть, какъ одни изъ жителей Лондона отправляются въ церковь, ведущую свои традиціи съ временъ сѣдой, незапамятной древности, а другіе идутъ въ „церковь“, которая, быть можетъ, вчера только и была основана.

Сколько вообще въ Лондонѣ сектъ и формъ вѣрованій, сказать, конечно, трудно. Религіозной статистики въ Англіи или хотя бы одного Лондона—нѣтъ. Почтовый указатель Лондона пытается дать списокъ всѣхъ богослужебныхъ мѣстъ, но онъ далеко не полный. Есть множество сектъ, которыя собираются не въ спеціальныхъ помѣщеніяхъ, а на квартирахъ частныхъ лицъ, и поэтому въ почтовый указатель не внесены. Затѣмъ о многихъ молитвенныхъ мѣстахъ, хотя бы и спеціально снятыхъ для религіозныхъ собраній, не сообщается, по небрежности или преднамѣренно, и редакція почтоваго указателя невольно пропускаетъ ихъ.

Еще хуже обстоятъ данныя о числѣ лицъ того или другого исповѣданія. Тутъ уже все основано на догадкахъ. Прямой переписи вовсе не существуетъ, и цифры приходится вывести окольнымъ путемъ изъ кладбищенскихъ и другихъ данныхъ, очень неполныхъ, сомнительныхъ и произвольныхъ. Въ общемъ, однако, картина религіозной жизни Лондона обрисовывается для насъ въ достаточно яркихъ контурахъ, дающихъ намъ возможность судить о ней почти безошибочно, и мы, напримѣръ, съ полной увѣренностью можемъ сказать, что къ англиканскому исповѣданію во всѣхъ его формахъ, какъ къ его „высокой“ (high church), такъ и „низкой“ или „широкой“ (low или broad church) церкви, принадлежатъ главнымъ образомъ богатые и аристократическіе слои общества; къ нонконформистамъ разнаго толка принадлежитъ средній или—правильнѣе—нижне-средній классъ; рабочіе же въ церковь вовсе не ходятъ или ходятъ очень мало. А разъ они въ церкви почти не бываютъ, то, конечно, и трудно сказать, къ какой сектѣ они принадлежатъ.

Очень любопытныя данныя о числѣ лицъ, посѣщающихъ въ воскресенье разныя молитвенныя мѣста, были собраны въ прошломъ году редакціей газеты „Daily News“, устроившей на свои собственныя средства перепись молящихся въ христіанскихъ церк-

вахъ, синогогахъ и разныхъ другихъ богослужебныхъ собраніяхъ. Это было, можно сказать, первой научно-обставленной и всеобъемлющей попыткой добыть цифровыя данныя, касающіяся религіозной жизни Лондона. Предпринимавшіяся же раньше переписи этого рода производились крайне неполно и безъ соблюденія условій, необходимыхъ для правильныхъ выводовъ. Первая перепись молящихся въ Лондонѣ была предпринята въ 1851 г. правительствомъ. Но эта перепись никакого научнаго значенія не имѣла, хотя бы уже потому, что листы заполнялись не спеціальными счетчиками, а самими пасторами, въ интересахъ которыхъ было преувеличивать или, напротивъ, убавлять свои цифры. Вторая перепись, имѣвшая несомнѣнно гораздо бо̀льшую научную цѣнность, была предпринята частнымъ лицомъ, Робинсономъ Николлемъ, въ видѣ рекламы для начавшаго выходить подъ его редакціей религіознаго изданія „The British Weekly“, на страницахъ котораго и печатались данныя переписи.

Газета „Daily News“, повторившая попытку Николля, обставила ее, однако, куда лучше, а третья перепись была произведена съ такой тщательностью, полнотою и систематичностью, что данныя ея можно считать совершенно безупречными, насколько, конечно, совершенство достижимо въ такомъ дѣлѣ.

Всего счетчики газеты „Daily News“ зарегистрировали 2.600 богослужебныхъ мѣстъ, изъ которыхъ 2.538 принадлежали христіанскимъ исповѣданіямъ. Число лицъ, посѣтившихъ ихъ въ теченіе воскреснаго дня (для синагогъ перепись происходила въ субботу), составляло 1.002.940. Изъ этого числа, однако, около 334.300 посѣщеній приходится на лица, которыя перебывали въ церкви въ теченіе дня по два раза, т.-е. на двухъ службахъ, и поэтому нужно взять одну только половину ихъ, а другую исключить, и такимъ образомъ дѣйствительное число лицъ, перебывавшихъ въ теченіе дня на богослужебныхъ собраніяхъ разныхъ религій, получится 850.200, что̀ составляетъ, приблизительно, одного человѣка на 525—населенія, или около 16% всего населенія тѣхъ 29 участковъ Лондона, которые включены были въ перепись газеты „Daily News“.

Въ общемъ, на церкви англиканскаго исповѣданія число посѣщеній составили 430.153; на нонконформистскія—416.225; римско-католическія — 93.572 и остальныя мѣста богослуженій—62.990.

Послѣдняя цифра для насъ—самая интересная. Въ нее входятъ, кромѣ евреевъ, представители разныхъ другихъ не-христіанскихъ и христіанскихъ религій и сектъ. Большинство этихъ исповѣ-

даній возникло въ очень недавнее время и представляетъ собою выраженіе новыхъ религіозныхъ теченій. Иныя изъ нихъ несомнѣнно имѣютъ огромную будущность; другія столь же мимолетны, какъ и капризъ ребенка; но всѣ они очень характерны для своего времени и стоютъ того, чтобы съ ними познакомиться.

II.—Религіозная эволюція Лондона.

Какъ отчасти читатель дальше увидитъ, лондонцы поклоняются мистицизму и позитивизму, альтруизму и эготизму, теизму и агностицизму, но въ этомъ широкомъ разнообразіи культовъ не трудно отмѣтить для всякаго даннаго времени какое-нибудь преобладающее настроеніе, стоящее въ тѣсной связи съ окружающими политическими, соціальными, литературными и философскими теченіями. Чтобы не очень забираться въ глубь прошлаго, достаточно сказать, что еще лѣтъ двѣсти тому назадъ возникновеніе новыхъ культовъ происходило исключительно почти на почвѣ богословской. Тотъ или другой догматъ принимался за основной, неоспоримый и разъ навсегда доказанный, и разногласіе оказывалось лишь въ дальнѣйшихъ выводахъ и приложеніяхъ этого догмата. Всѣ возникавшія секты принадлежали къ христіанской религіи, и одна отличалась отъ другой лишь толкованіемъ того или другого мѣста въ св. писаніи, разнымъ пониманіемъ символовъ и степенью суевѣрія. Были секты, такъ сказать, съ большимъ охватомъ вѣры, и секты, ограничившія свои вѣрованія до послѣдняго предѣла, до края полнаго скептицизма.

Начиная со второй половины XVIII-го и особенно въ первыя десятилѣтія XIX-го столѣтія, богословски-схоластическое направленіе почти совершенно стушевывается, и его мѣсто занимаетъ мистицизмъ. Новыя секты нарождаются уже не изъ-за богословскаго разногласія, а подъ напоромъ какихъ-то загадочныхъ, мистическихъ теченій и чуть ли не подъ вліяніемъ бреда сумасшедшихъ. Основатели новыхъ сектъ—уже не ученые, не спеціалисты-проповѣдники, а люди, которые видѣли какія-то видѣнія, которые заявляютъ о полученныхъ ими свыше откровеніяхъ и выступаютъ „пророками“. И нѣкоторыя секты, возникшія тогда по „откровенію“, несмотря на всю явную нелѣпость, если даже не шарлатанство своихъ „пророковъ“, пустили всетаки довольно глубокіе корни и существуютъ по настоящее время. Такова, напримѣръ, секта „Новой церкви Іерусалима“, основанная въ Лондонѣ въ 1783 г. послѣдователями Сведенборга.

Эта секта имѣетъ еще и теперь свои постоянныя мѣста богослуженія, пышно и богато обставленныя и съ постояннымъ причтомъ при нихъ.

Существуетъ по настоящее время даже секта „соутскоттіанцевъ", названныхъ такъ по имени ея основательницы Іоанны Соутскоттъ (Iohanna Southcott), истеричной и полупомѣшанной женщины, вообразившей себя пророчицей и второй богородицей. На Іоанну Соутскоттъ очевидно повліяло религіозное движеніе, произведенное другой женщиной, современницей ея, нѣкоей Анной Ли, тоже помѣшанной и объявившей себя „второй Евой", невидимыми узами соединенной съ „вторымъ Адамомъ". Между прочимъ, Анна Ли увѣряла, что на нее выпала роль возстановительницы тѣхъ благъ, которыя были потеряны первой праматерью. Несмотря, однако, на всѣ несообразности религіознаго бреда ея, у г-жи Ли нашлось много горячихъ поклонниковъ, благоговѣйно относившихся къ каждому слову ея и глубоко увѣровавшихъ въ ея пророческую миссію. И подъ ея-то вліяніе подпала и Соутскоттъ, бывшая служанкой на фермѣ. На 43-мъ году жизни своей, въ 1792 г., она вдругъ объявила, что у нея бываютъ видѣнія и что она ясно слышитъ голоса ангеловъ и Бога. Біографы ея считаютъ, что она была вполнѣ искренна, но страдала галлюцинаціями. Время тогда въ Англіи было тревожное; умы, особенно среди простого класса, были сильно возбуждены событіями въ сосѣдней Франціи и сценами террора. Всѣ находились въ напряженномъ душевномъ состояніи; ждали чего-то небывалаго, сверхъестественнаго, наступленія „тысячелѣтія", о которомъ говорится въ Апокалипсисѣ, конца міра или другихъ поразительныхъ событій и перемѣнъ, и вслѣдствіе этого въ разныхъ „пророкахъ", выступавшихъ въ народѣ, недостатка тогда не было. Анна Соутскоттъ умерла въ 1814 г., въ разгаръ нелѣпѣйшихъ ожиданій ея поклонниковъ, повѣрившихъ ея словамъ, что она, 65-лѣтняя старуха, безспорно забеременѣла и что она родитъ того ребенка, который, по Апокалипсису, долженъ установить ожидаемое тысячелѣтіе.

Но даже смерть ея не могла разубѣдить ея послѣдователей, которые все еще продолжали ожидать обѣщанныхъ имъ родовъ и не хотѣли хоронить тѣла своей учительницы. „Душа Іоанны возвратится въ тѣло,—говорили они увѣренно;—она только временно отлучилась на небеса, чтобы передъ Господомъ Богомъ узаконить дитя, которое должно было родиться". Все-таки, послѣ того, какъ тѣло ея было вскрыто и доктора объявили, что даже никакихъ намековъ на беременность старухи они не нашли,

ученики ея должны были волей-неволей разстаться съ дорогими для нихъ останками, которые и были преданы землѣ.

Послѣ смерти Соутскоттъ, однако, дѣло ея продолжали другіе „пророки" объявлявшіе себя ея преемниками или преемницами, и послѣднимъ „пророкомъ соутскоттіанцевъ" былъ солдатъ Эзреллъ, назвавшій себя сыномъ Анны Соутскоттъ, родившимся отъ ея безпорочнаго зачатія, и обѣщавшій наступленіе милленіума въ 1896 г., когда тѣ „сто-сорокъ-четыре тысячи", о которыхъ говорится въ Апокалипсисѣ, будутъ собраны вмѣстѣ, и „искупленные больше смерти не увидятъ, и тѣла ихъ изъ смертныхъ станутъ безсмертными и перейдутъ въ образъ Христа-Жениха". Черезъ Эзрелла Богъ далъ свое послѣднее посланіе „для собиранія Израиля", и это посланіе изложено было въ книжкѣ „Летучій Свитокъ", содержаніе которой, однако, до того темно, что можно смѣло считать ее или плодомъ помѣшавшагося ума, или же нарочно составленнымъ наборомъ тяжелыхъ и безсмысленныхъ фразъ, съ цѣлью импонировать ими предъ темными и фанатичными читателями. Послѣднее соображеніе вѣрнѣе всего, такъ какъ авторъ „Летучаго Свитка", когда хотѣлъ, умѣлъ выражаться довольно ясно и точно. По крайней мѣрѣ, когда рѣчь идетъ у него о дѣловыхъ и денежныхъ обстоятельствахъ, онъ пишетъ очень даже складно, какъ, напримѣръ, въ объясненіяхъ, сколько почтовыхъ марокъ требуется для полученія отъ него отвѣтовъ, какія платы онъ беретъ за справки и чѣмъ можно заслужить его благорасположеніе и покровительство.

Эзреллъ умеръ, не дождавшись милленіума, но секта, извѣстная теперь больше подъ именемъ „Новаго и послѣдняго дома Израилева", все еще продолжаетъ существовать въ Лондонѣ и регулярно собирается въ очень небольшомъ помѣщеніи каждое воскресенье; хотя значеніе ея уже настолько упало, что она, собственно говоря, держится лишь на одномъ лицѣ, какой-то богатой старушкѣ, на свои средства нанимающей комнату для собраній и выступающей въ качествѣ „пророчицы". Когда Іоанна Соутскоттъ умерла, у нея считалось до 100.000 послѣдователей [1]); теперь же изъ переписи „Daily News" видно, что всего молящихся въ ея сектѣ было шестнадцать и изъ нихъ пятеро —дѣти.

Было бы слишкомъ долго разсказывать здѣсь о разныхъ другихъ мистическихъ сектахъ, возникавшихъ въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го вѣковъ въ Англіи. Послѣдней сектой на почвѣ

---

[1]) См. J. Fitzgerald, „The Faiths of the Peoples". Лондонъ, 1892.

„откровенія" слѣдуетъ, кажется, считать „принситовъ", появившихся около 1840 г. и названныхъ такъ по имени Генри Дж. Принса, бывшаго одно время пасторомъ англиканскаго исповѣданія. О немъ, впрочемъ, имѣется очень обстоятельная книга и въ русской литературѣ, въ видѣ перевода съ англійскаго, съ книги Диксона „Духовныя жены", напечатаннаго В. Зайцевымъ въ 1867 г., въ Петербургѣ. Трудно сказать, дѣйствовалъ ли Принсъ по шарлатанству или по самасбродству. Онъ увѣрялъ, что на него снизошелъ духъ Господень и что онъ есть сынъ Бога, побѣдившій смерть и пребывающій въ жизни вѣчной; при этомъ онъ завелъ себѣ нѣсколькихъ „духовныхъ женъ", на огромные капиталы которыхъ выстроилъ роскошную и надѣлавшую въ свое время много шума „обитель любви", или какъ онъ назвалъ ее по-гречески: „Агапемонъ". Въ этомъ-то Агапемонѣ глава секты и нѣсколько его послѣдовательницъ и послѣдователей и зажили, какъ говорится, въ полное свое удовольствіе.

Принсъ умеръ глубокимъ старикомъ въ концѣ 90-хъ годовъ. Послѣ его смерти, въ Лондонѣ у него объявился подражатель, тоже англиканскій пасторъ, провозгласившій себя „настоящимъ Христомъ", а Принса—лишь святымъ и богоугоднымъ мужемъ. Появленіе новаго „агапемонита" произвело большую сенсацію въ южной части Лондона, гдѣ онъ состоялъ проповѣдникомъ при церкви, и воскресныя службы его стали привлекать толпы народа, въ бо́льшей части очень враждебно настроеннаго противъ новаго лже-христа. Однако, вскорѣ родные и друзья его куда-то быстро убрали его, и во всякомъ случаѣ за послѣдній годъ или полтора ни о немъ, ни вообще о его сектѣ больше ничего не слышно.

Вообще же, вторая половина прошлаго столѣтія оказалась мало благопріятной для появленія мистическихъ ученій, а тѣмъ менѣе—библейски-богословскихъ сектъ, и религіозное движеніе направилось въ сторону раціоналистическую и соціальнаго прогресса. Новыя секты или религіи начинаютъ возникать главнымъ образомъ на почвѣ стремленій къ улучшенію общественныхъ отношеній, къ усовершенствованію человѣка, какъ члена общества, какъ „брата" и „ближняго". Спасеніе же души, будущая загробная жизнь, воскрешеніе мертвыхъ, какъ и разное толкованіе библейскихъ текстовъ, отходятъ совершенно на задній планъ. Говоря точнѣе, возникаютъ уже не столько новыя секты, сколько новыя религіи, т.-е. новыя ученія появляются уже не на почвѣ старыхъ, не осколкомъ прежняго, а чѣмъ-то совсѣмъ-таки самостоятельнымъ, отъ традиціи независимымъ. Такова, напримѣръ,

„церковь человѣчества“ (Church of Humanity), возникшая въ Лондонѣ въ концѣ 60-хъ или началѣ 70-хъ годовъ XIX-го вѣка и основанная на ученіи Конта.

Даже мистицизмъ принимаетъ во второй половинѣ прошлаго вѣка болѣе раціоналистическій оттѣнокъ и совсѣмъ порываетъ съ традиціей. Новый мистицизмъ уже не черпаетъ свою силу изъ одной лишь вѣры, а собираетъ „факты“, основывается на „изслѣдованіи“ и приводитъ „доказательства“. Таковъ, напримѣръ, такъ называемый „Modern spiritualism“, новый спиритуализмъ, какимъ онъ сталъ исповѣдоваться въ Англіи въ 60-хъ годахъ и какимъ еще отчасти мы его знаемъ и теперь.

Соціальное теченіе въ религіозномъ реформаторствѣ ярко сказалось даже въ такихъ сектахъ, которыя возникали на традиціонной основѣ, на традиціяхъ библейскихъ. Хорошимъ примѣромъ этому можетъ служить „армія спасенія“, которая теоретически хотя и ставитъ на первый планъ „спасеніе души“ отъ „грѣха“, на самомъ же дѣлѣ преслѣдуетъ задачи чисто соціальныя, и членами ея могутъ быть люди рѣшительно всѣхъ религій и вѣрованій. Армія спасенія—par excellence, религія *лондонская*, и только въ лондонскомъ Истъ-Эндѣ, какимъ онъ былъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, и могло зародиться стремленіе къ созиданію культа въ духѣ задуманнаго Вильямомъ Бутсомъ; только нищета, преступность, огрубѣніе нравовъ, пьянство и невѣжество, скопившіяся въ одномъ мѣстѣ и свившія себѣ гнѣздо въ богатѣйшей и самой большой столицѣ міра, и могли породить мысль объ учрежденіи огромной корпораціи, состоящей изъ преданныхъ и восторженныхъ людей, готовыхъ отдать себя всецѣло дѣлу спасенія ближняго.

„Армія“ въ нынѣшнемъ своемъ видѣ была организована въ 1876 г.; но основатель ея, Вильямъ Бутсъ, работалъ въ лондонскомъ Истъ-Эндѣ съ 1865 года, и работа его, какъ и его сподвижниковъ, состояла не въ одномъ проповѣдничествѣ, не въ обученіи какимъ-либо догматамъ или въ выясненіи новыхъ религіозныхъ принциповъ, а въ практическомъ дѣлѣ, въ устройствѣ пріютовъ, въ отыскиваніи занятій для излѣнившихся и опустившихся, въ совѣтахъ, утѣшеніяхъ, руководствѣ и всякой матеріальной помощи. Организовавъ въ 1876 г. свою секту на военныхъ началахъ и назвавъ военными терминами молитвенныя мѣста, собранія, членовъ арміи и пр., Вильямъ Бутсъ, уже какъ „генералъ арміи“, развернулъ невиданную дотолѣ широкую общественную дѣятельность, обнявшую всѣ религіи, всѣ государства, всѣ расы. У „арміи“ появились собственные капиталы, мастер-

скія, пріюты, земледѣльческія колоніи, справочныя бюро, газеты, типографіи—и все это не для пользы самихъ членовъ арміи, а для тѣхъ отверженцевъ общества, которыхъ они „спасали“. Съ теченіемъ времени прежній энтузіазмъ, прежній молодой пылъ и горячая вѣра значительно поостыли какъ у вождей, такъ и у рядовыхъ арміи. Да и Лондонъ за послѣднія двадцать-пять лѣтъ настолько преобразился, что Истъ-Эндъ его уже рѣшительно ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ, въ которомъ въ молодости работалъ Бутсъ. И армія спасенія уже замѣтно теряетъ свое прежнее обаяніе. Она еще держится, потому что во главѣ ея все еще стоитъ ея основатель, который, несмотря на свои 74 года, все еще полонъ юношеской бодрости и все еще пользуется горячей любовью своихъ послѣдователей. Но не трудно предвидѣть, что послѣ его смерти конецъ арміи несомнѣненъ, а въ лицѣ ея исчезнетъ, вѣроятно, и послѣдняя попытка образовать соціально-религіозную секту на традиціонной основѣ.

Въ началѣ 80-хъ годовъ раціоналистически-соціальное движеніе теряетъ свое господство. Общественно-реформаторскій элементъ въ религіозныхъ новшествахъ смѣняется тенденціей къ самоусовершенствованію. Предметомъ поклоненія выступаетъ уже не „человѣчество“ и цѣлью религіи уже не ставится благо или „спасеніе“ ближняго, а выдвигается личность самого поклоняющагося, благо и самоусовершенствованіе ея самой. Въ этомъ отношеніи пальма первенства переходитъ къ такъ называемому этическому движенію, начавшему особенно сильно распространяться въ Лондонѣ къ концу 80-хъ годовъ и, какъ мы дальше увидимъ, находящемуся еще и теперь въ періодѣ своего расцвѣта. Этическое движеніе, ставящее самоусовершенствованіе во главу угла своего ученія, все-же считаетъ самоусовершенствованіе лишь средствомъ къ достиженію *общаго* блага, а не цѣлью само по себѣ. Такимъ образомъ, этическое движеніе, хотя бы лишь отчасти, все еще примыкаетъ къ религіознымъ движеніямъ соціально-реформаторскаго характера. Въ послѣдніе же годъ или два въ Лондонѣ стало распространяться „религіозное“ ученіе, которое уже дѣлаетъ изъ личности самого вѣрующаго—своего бога. На основаніи этого ученія человѣку приписываются неимовѣрныя силы и аттрибуты божества, какъ безсмертіе на землѣ, всемогущество, всевѣдѣніе и т. д. Ученіе это возникло въ Соединенныхъ-Штатахъ Сѣверной Америки и занесено въ Лондонъ подъ именемъ „высшаго мышленія“ или „новаго мышленія“ (Higher или New Thought Movement), и хотя, по цѣнности лежащей въ основѣ его мысли и по малой распростра-

ненности его, оно наврядъ ли заслуживало бы нашего вниманія, мы все-таки дальше разскажемъ о немъ болѣе обстоятельно, какъ о знаменательной стадіи въ эволюціи религіозныхъ стремленій и какъ о характерномъ признакѣ времени.

Такимъ образомъ, обыватель современнаго Лондона, чуждый привязанности къ одной изъ традиціонныхъ религій, но все-таки обладающій теплымъ чувствомъ религіозности, имѣетъ на выборъ немало новыхъ религіозныхъ „богослужебныхъ“ собраній, куда онъ можетъ отправляться по воскресеньямъ или даже въ иные дни. Передъ нимъ открыты двери этиковъ, позитивистовъ, спиритуалистовъ, тэистовъ и другихъ, все—продуктовъ послѣдняго полустолѣтія, и его присутствіе не только вездѣ желательно, но даже и требуется, и ищется. И вотъ, описаніе кое-какихъ изъ этихъ упомянутыхъ нами выше новыхъ религій и ихъ собраній мы и намѣрены предложить здѣсь читателю, причемъ предваряемъ, что будемъ писать о нихъ не какъ ученый богословъ или философъ, а лишь какъ бытописатель, задача котораго—не критика общественныхъ явленій, а точное описаніе ихъ.

III.—Спиритуалисты.

Поклонниковъ спиритуализма въ Лондонѣ немало. Спиритуализмъ здѣсь—это религія, и счетчики „Daily News“ насчитали во время своей переписи однихъ посѣтителей спиритуалистическихъ богослужебныхъ собраній 1.178 человѣкъ (490 мужчинъ, 607 женщинъ и 81 дѣтей). Въ точности же сказать, сколько ихъ, конечно невозможно. О многочисленности ихъ свидѣтельствуетъ уже и то, что въ Лондонѣ имѣется до восемнадцати кружковъ, регулярно собирающихся разъ или два въ недѣлю въ постоянныхъ мѣстахъ. Каждый отдѣльный кружокъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ лицъ. Почти всѣ лондонскіе кружки входятъ въ одинъ союзъ, извѣстный подъ именемъ „London Spiritualist Alliance“ и основанный въ 1884 г. Цѣль союза „объединять тѣхъ, которые интересуются вопросами психическихъ или спиритуалистическихъ феноменовъ, бросающихъ свѣтъ на природу человѣка и доказывающихъ его существованіе и послѣ смерти“. Союзъ имѣетъ свое собственное помѣщеніе, гдѣ бываютъ собранія съ дебатами, чтенія докладовъ, музыкально-танцовальные вечера и пр. Тутъ же имѣется и читальная комната, и библіотека, очень богатая спеціальной литературой по вопросамъ спиритуализма.

О многочисленныхъ сторонникахъ спиритуалистической вѣры

свидѣтельствуетъ также и существованіе въ Лондонѣ двухъ еженедѣльныхъ процвѣтающихъ журналовъ и одного ежемѣсячнаго. Не меньшее доказательство распространенности секты представляетъ собою и множество объявленій, печатающихся въ этихъ изданіяхъ разными медіумами и другими лицами, предлагающими свои пророческія, медицинскія и прочія услуги „черной магіи“. Большинство изъ этихъ объявленій составлено до того грубо-шарлатански, что лишь полная увѣренность въ существованіи широкаго круга лицъ, слѣпо вѣрующихъ всякой побасенкѣ, могла подсказать печатаніе ихъ. Вотъ, напримѣръ, парочка, мистеръ и миссисъ Б., „магнетическіе цѣлители“, даютъ слѣдующее объявленіе: „Дома ежедневно отъ одиннадцати до шести. Діагнозъ болѣзней по ясновидѣнію. Имѣютъ аттестаты отъ живыхъ и отъ духовъ. Сеансы для дамъ спеціально по средамъ, въ три часа дня. Гонораръ 2 шиллинга. Вечеромъ по средамъ сеансы для развитія матеріализаціи (?). Въ воскресенье вечеромъ, въ семь часовъ, служба, за которой слѣдуютъ сеансы ясновидѣнія. Подробности объ индѣйской жидкости для волосъ, а также и о травяныхъ средствахъ отъ несваренія желудка, нервной слабости и пр. высылаются по требованію“.

Г-жа М. объявляетъ о ясновидѣніи „по почтѣ“. 2½ шиллинга за требованіе. Есть и объявленіе, гласящее: „Для полученія вѣрнаго опредѣленія характера, а также для направленія здоровья черезъ духа или полученія посланія отъ него, обратитесь къ такой-то (даны адресъ и имя) съ приложеніемъ шести пенсовъ и почтовой марки на отвѣтъ, а равно и свѣдѣній о возрастѣ“.

Главная организація, въ которой сосредоточено все руководство движеніемъ, вь Англіи называется „British National Association of Spiritualists“. Она была основана въ 1874 году и существуетъ понынѣ. При своемъ основаніи ассоціація эта выпустила „декларацію принциповъ и цѣлей“, изъ которой считаемъ нелишнимъ воспроизвести здѣсь наиболѣе существенные пункты, такъ какъ они лучше и вѣрнѣе всего опредѣляютъ сущность спиритуалистической вѣры.

„Спиритуализмъ,—говорилось въ этой деклараціи,—признаетъ существованіе внутренней природы человѣка. Онъ имѣетъ дѣло съ фактами, касающимися этой внутренней природы, и существованіе которыхъ обсуждалось, оспаривалось или даже отрицалось философами всѣхъ вѣковъ. Особенно обращаетъ онъ вниманіе на извѣстныя проявленія этой внутренней природы, наблюдаемыя въ лицахъ особой организаціи, носящихъ теперь названіе „ме-

діумовъ“ или „сенситивовъ“, а въ древнія времена называвшихся пророками, жрецами и ясновидцами.

„Спиритуализмъ утверждаетъ, что онъ поставилъ вопросъ о безсмертіи человѣка на твердое основаніе, что онъ доказалъ вѣчное бытіе человѣческой личности и возможность общенія, при благопріятныхъ условіяхъ, между живыми и такъ называемыми мертвыми, и что онъ, наконецъ, предоставляетъ почву для вѣры въ болѣе совершенныя духовныя состоянія въ новыхъ сферахъ существованія.

„Спиритуализмъ есть ключъ для лучшаго пониманія всѣхъ религій, древнихъ и новыхъ. Онъ объясняетъ смыслъ откровенія (the philosophy of inspiration) и замѣняетъ обычное представленіе о чудесахъ дѣйствіемъ до сихъ поръ непризнанныхъ законовъ.

„Спиритуализмъ стремится къ уничтоженію классовыхъ различій, къ объединенію тѣхъ, которые теперь очень часто раздѣлены повидимому противоположными матеріальными интересами, къ поощренію общей работы мужчинъ и женщинъ во многихъ новыхъ сферахъ и къ поддержкѣ свободы и правъ личности, съ сохраненіемъ въ то же время и святости семейной жизни.

„Наконецъ, общее вліяніе спиритизма на личность, это—наполнить ее самоуваженіемъ, любовью къ справедливости и истинѣ, благоговѣніемъ къ божескимъ законамъ и чувствомъ гармоніи между человѣкомъ, вселенной и Богомъ“.

Перейдя, затѣмъ, къ цѣлямъ новой ассоціаціи спиритуалистовъ и перечисливъ разные виды предполагавшейся ею дѣятельности, декларація въ слѣдующихъ выраженіяхъ опредѣляетъ свое отношеніе къ существующимъ религіямъ:

„Сердечно сочувствуя ученію Іисуса Христа, ассоціація будетъ, однако, держаться совершенно вдали отъ всякихъ догматовъ и непререкаемыхъ истинъ (finalities), религіозныхъ или философскихъ, и будетъ удовлетворяться лишь установленіемъ и объясненіемъ хорошо удостовѣренныхъ фактовъ, на которыхъ только и можетъ быть построена какая-нибудь истинная религія или философія“.

Основаніемъ ассоціаціи вожди спиритуализма, конечно, надѣялись придать движенію больше прочности, но нельзя сказать, чтобы въ первые годы послѣ основанія ассоціаціи спиритуализмъ очень процвѣталъ. Какъ разъ около того времени, въ срединѣ 70-хъ годовъ, многіе сторонники его оставили, потерявъ вѣру въ столоверченіе и другія шалости духовъ. Кромѣ этого отпаденія по безвѣрію, онъ еще значительно пострадалъ и отъ соперничества другихъ мистическихъ ученій, выросшихъ на его же почвѣ

или самостоятельно возникшихъ. Между 1876-мъ годомъ и 1885-мъ немало спиритуалистовъ въ Лондонѣ перешли въ лагерь тэософовъ, увлеченныхъ ученицей Олкотта, г-жей Блаватской, и тайнами азіатскаго востока. Около того же времени было основано „общество герметики“, занимавшееся главнымъ образомъ кабалистикой и александрійскимъ мистицизмомъ; общество „христотэософическое и другія. Всѣ эти общества, изъ которыхъ теперь не существуетъ уже, кажется, ни одного, вербовали своихъ членовъ и послѣдователей, главнымъ образомъ, изъ среды спиритуалистовъ, какъ наиболѣе воспріимчивой къ разнымъ мистическимъ бреднямъ, и ряды ея вслѣдствіе этого должны были неминуемо порѣдѣть.

Однако, за послѣднія десять лѣтъ замѣчается несомнѣнное оживленіе спиритуализма, и судя по всѣмъ признакамъ, какъ мы уже замѣтили, поклонниковъ этого ученія въ одномъ Лондонѣ должно быть огромное число.

Хотя по существу спиритуализмъ есть не больше, какъ ученіе, касающееся „внутренней природы“ человѣка, послѣдователи его произвели его въ „религію“. Въ христіанскія церкви спиритуалисты не ходятъ и другихъ вѣрованій, кромѣ вѣры въ продолженіе индивидуальной науки и послѣ смерти, не признаютъ. Для взаимнаго же подтвержденія и укрѣпленія въ своей вѣрѣ, для поддержанія товарищескихъ связей и для удовлетворенія потребности въ общей молитвѣ и общемъ пѣснопѣніи, спиритуалисты имѣютъ свои собственныя собранія, которыя они называютъ „службами“ (service), на подобіе традиціонно-церковныхъ.

Въ Лондонѣ самое популярное мѣсто собраній спиритуалистовъ, это—Cavendish Rooms, близъ Ридженть-Стрита. Здѣсь, въ богато-отдѣланной, но не очень просторной залѣ, можно присутствовать каждое воскресенье, въ семь часовъ вечера, на молитвенныхъ собраніяхъ ихъ. Если, однако, посѣтитель ожидаетъ встрѣтить здѣсь нѣчто очень странное и оригинальное, то онъ будетъ сильно разочарованъ. Въ общемъ, ритуалъ службы здѣсь мало отличается отъ службы иной нонконформистской церкви методистовъ, унитаріевъ и другихъ давно существующихъ христіанскихъ сектъ, принадлежащихъ къ такъ называемому союзу свободныхъ церквей Соединеннаго-Королевства. Та же публика, изъ мелко-средняго класса; тѣ же мелодіи для гимновъ; та же манера произносить молитвы; тотъ же тонъ проповѣди. Въ ожиданіи службы какая-то дама и одинъ или два господина обходятъ ряды и предлагаютъ книжки и періодическія изданія спиритуалистическаго содержанія. Нѣкоторые изъ присутствующихъ тихонько

ведутъ бесѣду о разныхъ разностяхъ, ничего общаго съ спиритуализмомъ не имѣющихъ; но можно услышать и разговоры о спиритуализмѣ, бросающіе иногда цѣлый снопъ свѣта на степень интеллигентности бесѣдующихъ. Вотъ, напримѣръ, сидящая рядомъ съ нами молодая парочка очень сильно занята вопросомъ о спиритуализмѣ. Онъ, какъ видно, глубоко вѣрующій спиритуалистъ и старается объяснить своей подругѣ сущность ученія. Она же болѣе склонна къ матеріализму и, вопреки общеизвѣстному факту, что женщины болѣе мужчинъ податливы мистицизму, никакъ не хочетъ проникнуться вѣрой своего жениха или молодого мужа.

— Спиритуализмъ,—говоритъ наконецъ не безъ злобнаго упорства молодой человѣкъ, повидимому изъ банковскихъ служащихъ,—это основа всѣхъ религій, и лишь ханжи или тѣ, которые слишкомъ лѣнивы, чтобы самимъ изслѣдовать, отрицаютъ его.

— Что же такое спиритуализмъ,—электричество?—старается понять его подруга.

— Зачѣмъ же электричество! Вѣдь духъ сидитъ въ человѣкѣ, а электричество не можетъ быть собрано въ человѣческомъ тѣлѣ,— отвѣчаетъ молодой человѣкъ, и съ видомъ знатока начинаетъ объяснять нѣкоторые законы физики.—Другое дѣло,—говоритъ онъ,—если бы изолировать человѣка на стеклянной подставкѣ...

Дѣвица почему-то скептически качаетъ головой, но молодой человѣкъ, не обращая вниманія, продолжаетъ объяснять, употребляя для бо̀льшаго эффекта обычные термины изъ физики.

— Конечно, — говоритъ онъ, если бы человѣкъ былъ изолированъ на стеклянной подставкѣ, онъ бы тогда обратился въ нѣкотораго рода аккумуляторъ, и при соприкосновеніи съ янтаремъ его волоса издавали бы искры...

— У меня иногда появляются искры въ волосахъ и безъ стеклянной подставки,—произноситъ она, очевидно, для придачи себѣ интересности.

— Это—другое дѣло,—это гребенка виновата,—и молодой человѣкъ углубляется опять въ физику, стараясь объяснить дѣйствіе гребенки на волоса.

Но, вотъ, какая-то дама сѣла къ роялю,—и собраніе открывается музыкой. Дама беретъ нѣсколько аккордовъ, глубокихъ, торжественныхъ, плавно перебираетъ пальцами вверхъ и внизъ звуковой гаммы, еще одинъ или два аккорда, и когда звуки замираютъ, на эстраду восходятъ двое лицъ, одинъ изъ которыхъ занимаетъ мѣсто у каѳедры и начинаетъ руководить службой. Онъ провозглашаетъ нумеръ гимна въ сборникѣ, экземпляры котораго находятся у всѣхъ въ рукахъ, и публика, вставши,

поетъ хоромъ подъ аккомпаниментъ рояля. Потомъ руководитель импровизируетъ молитву, состоящую въ томъ, чтобы молящимся дарована была возможность усовершенствовать свой „spirit“ и сообщаться съ душами „по сю сторону“.

За молитвой слѣдуетъ новый гимнъ, въ которомъ поется о братствѣ людей и объ отсутствіи смерти. Когда пѣніе гимна кончается, у каѳедры становится мистеръ Е., старикъ, который взошелъ раньше на эстраду вмѣстѣ съ руководителемъ и котораго послѣдній рекомендуетъ, какъ человѣка, не требующаго его рекомендаціи. И дѣйствительно, мистеръ Е. былъ хорошо извѣстенъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ XIX-го вѣка, какъ медіумъ и какъ мужъ еще болѣе извѣстной медіумки. Мистеръ Е., которому уже теперь подъ-восемьдесятъ, читаетъ свои воспоминанія и разсказываетъ о разныхъ „фактахъ“, которые, по его мнѣнію, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ существованіи духовъ. Особенно распространяется онъ объ одномъ кольцѣ, то исчезавшемъ, то опять появлявшемся на одномъ изъ пальцевъ лѣвой руки у его жены. Это кольцо оказалось чудодѣйственнымъ кольцомъ, принадлежавшимъ, будто бы, когда-то какому-то очень важному человѣку, съ которымъ оно не потеряло связи даже тогда, когда тотъ умеръ.

Для мистера Е. не существуетъ никакого сомнѣнія, что смерть ничуть не является концомъ существованія личности, и онъ вполнѣ увѣренъ, что и послѣ смерти своей человѣкъ продолжаетъ жить тою же жизнью, тѣми же страстями, тѣми же симпатіями и антипатіями, которыми онъ отличался на землѣ. Мистеръ Е. кончаетъ свою рѣчь горячимъ призывомъ, особенно трогательнымъ въ устахъ очень стараго человѣка, къ вѣрѣ въ спиритуализмъ, какъ въ фактъ, какъ въ многократно доказанное явленіе.

Его сопровождаютъ аплодисменты, и когда онъ садится, руководитель службы тоже выступаетъ съ нѣсколькими словами, подтверждающими вѣру мистера Е. Затѣмъ публику обходятъ подносиками, для сбора денегъ на такъ называемую „коллекцію“, и послѣ этого, далеко не спиритуалистическаго, дѣла собраніе поетъ новый гимнъ, и служба кончается краткой молитвенной импровизаціей руководителя.

Разъ или два въ мѣсяцъ „служба“ въ Cavendish Rooms, какъ и въ другихъ мѣстахъ, сопровождается опознаваніемъ духовъ, которые бываютъ видимы для присутствующаго здѣсь медіума. Послѣдній, обыкновенно женщина, сидитъ на эстрадѣ и, глядя оттуда на публику, сидящую передъ нимъ въ креслахъ,

видитъ, какъ за плечами того или другого лица „стоитъ“ наиболѣе близкій ему по родству, по дружбѣ или по „симпатіи“ духъ. Медіумъ подробно описываетъ наружность духа, называетъ иногда его и по имени, и ждетъ подтвержденія отъ человѣка, за спиною котораго духъ, будто бы, появился. И подтвержденіе это въ большинствѣ случаевъ дается.

— Вашъ spirit,—говоритъ, напримѣръ, медіумъ, обращаясь къ какой-то женщинѣ,—имѣетъ печальное выраженіе. Онъ низкаго роста, голубые глаза, впалыя щеки... Не можете ли припомнить!

— Да, да, да,—подтверждаетъ женщина:—это Бидди, моя маленькая Бидди, ушедшая въ лучшій міръ четыре года назадъ.

— У нея теперь свѣтлыя крылья, блещущія яхонтомъ и сапфиромъ,—говоритъ медіумъ.

Когда же описаніе медіума рѣшительно не совпадаетъ ни съ одной наружностью умершихъ знакомыхъ или родныхъ, то и тогда онъ не смущается. Это лишь значитъ, что спиритуалистъ забылъ объ умершемъ, что „нужно сосредоточиться мыслью“ и т. под.

Однако, для человѣка посторонняго, не ослѣпленнаго ученіемъ спиритуализма, шарлатанство всего происходящаго, если бы даже само ученіе и содержало зерно истины, до того рѣзко бросается въ глаза, что вы рады поскорѣе оставить залу со всей толпой ея впавшихъ въ дѣтство мужчинъ и женщинъ.

IV.—Религія человѣчества.

Полной противоположностью спиритуализма является „религія человѣчества“, основанная Контомъ. Въ Англіи имѣются нѣсколько Контовскихъ церквей: въ Ливерпулѣ, Лейстерѣ и нѣсколькихъ другихъ городахъ. Въ Лондонѣ послѣдователи этой религіи собираются въ такъ называемой „Церкви Человѣчества“ (Church of Humanity), на Чепель-Стритѣ, въ десяти минутахъ ходьбы отъ Британскаго музея. Церковь эта была открыта извѣстнымъ въ Англіи позитивистомъ Ричардомъ Конгривомъ, умершимъ въ 1899 году. Ричардъ Конгривъ и Фредерикъ Гаррисонъ были лучшими толкователями, переводчиками и популяризаторами философіи Конта въ Англіи, но въ то время какъ Гаррисонъ посвятилъ себя главнымъ образомъ, такъ сказать, теоріи этой философіи, Конгривъ особенно усердно пропагандировалъ „практику“ ея въ видѣ распространенія религіознаго культа, выдвинутаго Контомъ, какъ синтезъ всей его философіи.

Въ настоящее время позитивизмъ въ Лондонѣ имѣетъ поэтому два центра: общество позитивистовъ, собирающееся въ Клиффордсъ-Иннѣ, близъ судебныхъ зданій, на Флитъ-Стритѣ, и конгрегацію вышеназванной церкви. Чепель-Стритъ,—это очень маленькая и тихая улица, лежащая въ сторонѣ отъ городского шума и движенія, съ очень неказистыми домиками чрезвычайно скучной архитектуры. Но даже на этой скромной улицѣ самое скромное мѣсто занимаетъ храмъ „всеміpной религіи" Конта, настолько скромное, что съ перваго раза и не замѣтишь его. О его существованіи даетъ лишь знать небольшая черненькая дощечка, прибитая около дверей, окрашенныхъ въ бѣлую краску, съ надписью: „Церковь Человѣчества (Church of Humanity). Служба каждое воскресенье въ четверть 12-го. Письма и запросы адресовать на имя миссисъ N" (дано имя).

Согласно этой надписи, я и явился сюда въ одно изъ недавнихъ воскресеній, минутъ за пять до начала службы. Дверь съ улицы была открыта, и въ передней насъ встрѣтила женщина, любезно открывшая намъ слѣдующую дверь, которая и вводила посѣтителей прямо въ залу для собраній. Это оказалось довольно большой комнатой, освѣщавшейся сверху и уставленной маленькими рядами стульевъ. Съ перваго момента комната могла бы показаться небольшой художественной галерееюю, какую можно встрѣтить въ домѣ иного любителя изъ „nouveaux riches", собравшаго свои художественныя рѣдкости сразу, по случаю дешевой распродажи или на аукціонѣ. Кругомъ, вдоль верхней части стѣнъ, были приложены маленькіе пьедестальчики съ бюстами изъ гипса тринадцати великихъ людей, которымъ по календарю позитивистовъ посвящены мѣсяцы. Это, слѣдовательно, были бюсты Моисея, Гомера, Аристотеля, Архимеда, Цезаря, св. Павла, Карла Великаго, Данте, Гутенберга, Шекспира, Декарта, Фридриха II, Биша̀. Ниже бюстовъ были развѣшаны портреты въ гравюрахъ всѣхъ „святыхъ" для каждаго дня года. Полъ былъ устланъ сплошь краснымъ ковромъ. Въ двухъ каминахъ, вдѣланныхъ въ противоположныя стѣны, ярко горѣлъ каменный уголь. Часть комнаты представляла собою какъ бы алтарь храма. Тутъ стѣна по срединѣ образовала какую-то выпуклость, обвѣшанную большими картинами. Къ картинамъ вело возвышеніе, покрытое зеленой матеріей, со ступеньками. На возвышеніи стояли вазы съ букетами свѣжихъ цвѣтовъ. Съ одной стороны выпуклости былъ каминъ, а съ другой—органъ, скрытый отъ публики занавѣсомъ. Тутъ же, недалеко отъ камина, стояло нѣсколько креселъ и два амвона. Въ комнатѣ стояла благого-

вѣйная тишина, чувствовалось уютно и пріятно. Публика собиралась вяло, и въ общемъ оказалось ея очень мало. Всего я сосчиталъ человѣкъ семнадцать; изъ нихъ двѣнадцать или тринадцать женщинъ, считая и двухъ дѣвочекъ-подростковъ, явившихся съ родителями. И какъ мнѣ говорили послѣ, это число далеко превышало обычную конгрегацію этой церкви, состоящую изъ десяти-двѣнадцати человѣкъ. Явилось же на этотъ разъ больше обыкновеннаго по случаю того, что проповѣдь долженъ былъ прочесть пріѣхавшій изъ Ливерпуля позитивистъ, „жрецъ" тамошней церкви, пользующійся очевидно нѣкоторымъ именемъ среди послѣдователей Конта.

Ровно въ четверть двѣнадцатаго началась служба исполненіемъ на органѣ какой-то пьесы. Названіе этой пьесы, какъ и слѣдующихъ, было дано на маленькихъ бумажкахъ, разложенныхъ по стульямъ. Но, къ сожалѣнію, я потерялъ свою бумажку, и поэтому не могу сказать, что̀ это были за пьесы. Во всякомъ случаѣ, органъ оказался рѣдкостнымъ по красотѣ и мягкости звука; исполненныя мелодіи звучали торжественно и возвышенно, и настроеніе конгрегаціи получалось желанное. Когда первая пьеса была сыграна, къ одному изъ амвоновъ приблизился жрецъ (Контовскій „prêtre"), который, однако, ничего жреческаго въ себѣ не имѣлъ: онъ былъ одѣтъ въ обыкновенную пиджачную пару и очевидно менѣе всего желалъ импонировать своей внѣшностью. Онъ началъ съ „инвокаціи":

„Во имя человѣчества. Любовь—принципъ, порядокъ—основа, и прогрессъ—цѣль. Живи для другихъ. Живи открыто".

Это было, такъ сказать, провозглашеніе догматовъ позитивистской вѣры, догматовъ, выдвинутыхъ самимъ Контомъ. Затѣмъ жрецъ прочелъ выдержки изъ „Подражанія Христу" Ѳомы Кемпійскаго, изъ Евангелія отъ Матѳея, потомъ еще разъ изъ „Подражанія Христу" и наконецъ одинъ стихъ изъ „Книги Откровеній".

Въ своихъ чтеніяхъ и вообще во всемъ ритуалѣ жрецъ строго слѣдовалъ порядку и тексту, указаннымъ въ молитвенникѣ, составленномъ Ричардомъ Конгривомъ. Въ виду того, что читавшіеся на описываемой нами службѣ тексты молитвъ лучше всего выясняютъ характеръ исповѣданія „религіи человѣчества", мы считаемъ полезнымъ дать здѣсь переводъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Прочитавъ указанныя выше выдержки, жрецъ произнесъ слѣдующее: „Какъ вѣрующіе въ человѣчество, мы собрались въ этой комнатѣ, посвященной его культу и отмѣченной художе-

ственнымъ изображеніемъ лучшихъ типовъ его прошлаго. Мы собрались въ присутствіи извѣстныхъ и величайшихъ слугъ его, среди которыхъ основатель его религіи особенно выдвигается [1]), и въ должномъ почитаніи тѣхъ неизвѣстныхъ слугъ его, отъ дѣлъ которыхъ мы наслѣдуемъ плоды; и наконецъ, мы собираемся въ присутствіи нашихъ собственныхъ покойниковъ, дабы разъ въ недѣлю засвидѣтельствовать нашу вѣру и возобновить наше рѣшеніе посвятить себя на службѣ ему. Какъ вѣрующіе, мы стараемся придать должное выраженіе нашей вѣрѣ. И мы бы хотѣли, чтобы это выраженіе по формѣ своей совпадало съ другими окружающими насъ религіозными культами, съ которыми, по возможности, мы бы соединились и по духу. Мы пользуемся музыкой, чтеніями и молитвами, изъ которыхъ исключена всякая идея прямого выпрашиванія и которыя являются лишь выраженіями чувства общности. Для этого мы беремъ все, что̀ прошлое даетъ намъ изъ прекраснаго и религіознаго. Псалмы, пророчества, стихи или музыка, религіозныя писанія Востока и Запада— все это мы считаемъ своимъ. Мы считаемъ себя полными наслѣдниками прошлаго. Мы не желаемъ терять ни одного духовнаго сокровища, которымъ владѣло человѣчество, такъ какъ мы считаемъ, что все, что̀ было сказано и писано, было сказано и писано людьми, подобными намъ, для подобныхъ же намъ людей, для насъ и для тѣхъ, которые придутъ послѣ насъ. Мы такимъ образомъ обрѣтаемъ болѣе крѣпкую связь со всѣми религіозными выраженіями нашей расы и придаемъ имъ полное единство, почитая всѣхъ нашихъ религіозныхъ предшественниковъ безъ исключенія. Въ нихъ и черезъ нихъ мы слышимъ человѣчество. Если даже принадлежимъ къ разнымъ исповѣданіямъ, мы укрѣпляемъ нашу вѣру, нашу надежду, нашу любовь общимъ религіознымъ собраніемъ. Въ созерцаніи же прошлаго мы находимъ самые сильные мотивы для высокой благодати смиренномудрія и въ помышленіяхъ о нашей собственной прошлой жизни мы черпаемъ желаніе исправиться въ будущемъ. Нашъ культъ, чуждый мистицизма, больше домашній, чѣмъ публичный, имѣетъ своею цѣлью нашу моральную культуру и прогрессъ".

По окончаніи чтенія этого своеобразнаго символа вѣры, „жрецъ" произнесъ молитву, которую также считаю интереснымъ дать здѣсь въ переводѣ. Вотъ она:

„Великая сила, которую мы признаемъ высочайшей, чело-

---

[1]) Бюстъ Огюста Конта, самый крупный по размѣрамъ, стоитъ на высокомъ пьедесталѣ впереди занавѣса, скрывающаго органъ.

вѣчество, чьи мы дѣти и слуги, отъ котораго мы все получаемъ и которому мы обязаны все возвратить! Да будемъ мы всѣ стараться любить тебя сильнѣе, дабы знать тебя и служить тебѣ лучше. Съ этой цѣлью пусть наши чувства (affections) сдѣлаются болѣе чистыми, вѣрными и глубокими, наши мысли шире и смѣлѣе, наши дѣйствія тверже и энергичнѣе, и такимъ образомъ, по мѣрѣ нашихъ способностей, въ нашемъ поколѣніи, да ускоримъ наступленіе времени, когда, видимо для всѣхъ, ты примешь къ себѣ твою великую силу и царство; когда всѣ народы и племена, всѣ члены человѣческой семьи, нынѣ столь разъединенные разногласіями, станутъ подъ твое главенство, благодаря единству твоего прошлаго; когда живое станетъ подъ правленіе мертвыхъ и, соединенные взаимными пониманіемъ и любовью, всѣ примутъ соотвѣтственное участіе въ работѣ на пользу человѣческаго прогресса, подвигаясь впередъ въ мирномъ союзѣ черезъ вѣка къ болѣе и болѣе совершенному состоянію, во славу твою и на общее благо безчисленныхъ генерацій людей и подвластныхъ людямъ, которые одни за другими будутъ владѣть твоей прекрасной планетой, землею, обитаемой тобою.

„Въ общеніи съ тобою, въ общеніи съ твоимъ прошлымъ и съ твоимъ будущимъ, да сохранимъ эту великую цѣль всегда передъ нашими глазами и да укрѣпятся и облагородятся наша вся жизнь и трудъ. Аминь“.

За молитвой послѣдовало чтеніе коротенькаго отрывка изъ сочиненій Конта о математикѣ и астрономіи. Содержаніе отрывка отвѣчало позитивистскому календарю, по которому описываемый день былъ посвященъ Ѳалесу, а мѣсяцъ—Аристотелю.

Послѣ этого были прочитаны жрецомъ молитвы за „семью“, „страну“ и „западъ“. Въ этихъ молитвахъ выражались лишь въ болѣе туманной формѣ извѣстные соціологическіе принципы Конта о послѣдовательномъ развитіи человѣчества, начинающемся семьей и долженствующемъ завершиться всемірными соединенными штатами.

За молитвами былъ прочитанъ отрывокъ изъ евангелія отъ Марка (о царствіи Божіемъ для дѣтей). Затѣмъ „жрецъ“ оставилъ амвонъ, и на органѣ была исполнена пьеса.

Послѣ музыки, у второго амвона сталъ проповѣдникъ изъ Ливерпуля и произнесъ очень длинную рѣчь о сущности религіи позитивизма, о значеніи работъ покойнаго Конгрива, о будущности религіи человѣчества. Проповѣдникъ горячо вѣритъ въ то, что религія эта станетъ всемірной, и, какъ бы сознавая всю

фантастичность и неумѣстность такой вѣры передъ лицомъ факта, передъ лицомъ этой маленькой конгрегаціи изъ семнадцати человѣкъ, которую только и могъ выдѣлить городъ въ пять-шесть милліоновъ жителей, онъ тутъ же сравнилъ позитивистскую религію съ христіанствомъ первыхъ вѣковъ. Вѣдь и христіанство, обрѣвшее впослѣдствіи сотни милліоновъ послѣдователей, считало своихъ сторонниковъ въ первыя пятьдесятъ или сто лѣтъ лишь единицами и десятками.

Посвятивъ цѣлую оду въ честь любви и процитировавъ древнихъ и новыхъ философовъ, поэтовъ и ученыхъ для объясненія истиннаго значенія ея, проповѣдникъ кончилъ и сѣлъ, а жрецъ опять занялъ свое прежнее мѣсто и прочелъ заключительную молитву слѣдующаго содержанія:

„Слава тебѣ, святое человѣчество, какъ и подобаетъ тебѣ, за всѣ блага, скопленныя для насъ твоимъ прошлымъ; за тѣ богатыя сокровища знанія, красоты и мудрости, которыя оно намъ передало; за его длинный списокъ великихъ образцовъ, доставляющихъ намъ въ нашей нуждѣ утѣшеніе, совѣтъ и поддержку, и особенно за Огюста Конта, истолковавшаго и оправдавшаго твое прошлое, учившаго правильному пользованію твоими сокровищами и достойной оцѣнкѣ твоихъ образцовъ. Наконецъ, мы славимъ тебя, какъ мы особенно должны это дѣлать въ Англіи, за полную свободу говорить и дѣйствовать, предоставленную намъ. Мы молимъ тебя, да не окажемся недостойными твоихъ благъ, и да, изо дня въ день, въ смиреніи и безкорыстіи, мужественно, но съ кротостью по отношенію къ другимъ, возвеличимъ тебя и достигнемъ сами и поможемъ другимъ достигнуть великихъ благъ, которыя лишь общеніе съ тобою можетъ дать: союзъ, единство, безпрерывность. Аминь“.

Затѣмъ жрецъ произнесъ слѣдующее благословеніе:

„Вѣра человѣчества, надежда человѣчества, любовь человѣчества да принесутъ вамъ утѣшеніе и да научатъ васъ сочувствію, да ниспошлютъ вамъ миръ въ самихъ себѣ и съ другими, нынѣ и во вѣки-вѣковъ. Аминь“.

Органъ опять заигралъ, и когда звуки его замерли, публика стала собираться уходить.

Кромѣ обычныхъ воскресныхъ собраній, въ „Церкви Человѣчества“ происходятъ еще разныя собранія товарищескаго характера, на которыхъ, однако, бываютъ лишь члены церкви. Совершаются еще и спеціальныя службы въ день рожденія и день смерти Огюста Конта; по случаю поминовенія всѣхъ усопшихъ, и въ кое-какіе другіе дни. Совершенно же чужда этого церков-

наго регламента, этихъ „молитвъ“, „благословеній“, „инвокацій“, „таинствъ“ и прочихъ туманныхъ обрядовыхъ формулъ другая часть лондонскихъ позитивистовъ, собиравшихся, бывало, въ такъ называемой Ньютоновской залѣ на Феттеръ-Лэнѣ, близъ судебныхъ зданій, а нынѣ собирающихся въ „Clifford's Inn“. Эта часть позитивистовъ собирается также еженедѣльно по воскресеньямъ, но не для молитвъ, не для „службъ“, а для выслушиванія рѣчей и лекцій, читаемыхъ руководителями позитивистскаго движенія, Фредерикомъ Гаррисономъ, проф. Бисли и др. И хотя и тутъ рѣчи приноровляются къ Контовскому календарю, и въ опредѣленные дни года посвящаются памяти опредѣленныхъ лицъ, но ничего жреческаго въ нихъ нѣтъ. Единственно, что напоминаетъ вамъ о Контѣ и его „религіи человѣчества“, это—такое же убранство залы, напоминающей церковь въ Чепель-Стритѣ. Впрочемъ, въ новомъ своемъ помѣщеніи, въ „Clifford's Inn“, позитивисты не имѣютъ и этой обстановки.

V.—Религія хорошаго поведенія.

Среди новѣйшихъ религій Лондона этическое движеніе, несомнѣнно, выдвинулось самымъ выгоднымъ образомъ. Лишенное элементовъ шарлатанства, какихъ не можетъ избѣжать спиритуализмъ, и чуждое туманныхъ, столь трудно поддающихся пониманію абстракцій „религіи человѣчества“, этическое движеніе черпаетъ свою силу въ простотѣ и ясности своихъ идей, въ реальности своего ученія и въ всеобщей доступности его. Началось оно въ Лондонѣ уже давно и имѣло даже свою церковь, свою „chapel“, въ Соутсъ-Плэсѣ, въ Сити, еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Но до начала восьмидесятыхъ годовъ XIX вѣка оно имѣло очень малое распространеніе и составляло собою больше соціальное движеніе, чѣмъ религіозное. Этика признавалась великимъ орудіемъ прогресса, и, какъ таковую, ее старались пропагандировать. Но этика не была еще религіей; въ исполненіи ея требованій еще не лежала теплота вѣры, и пропаганда ея не носила характера церковной службы. Какъ религія, этическое движеніе поэтому, можно сказать, началось лишь въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, съ пріѣздомъ въ Лондонъ американца Стэнтона Койта, послѣдователя и ученика Феликса Адлера, который считается отцомъ этическаго движенія въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Благодаря дѣятельной и очень умѣлой пропагандѣ, Койту удалось основать этическія

общества въ разныхъ частяхъ Лондона, а въ концѣ девяностыхъ годовъ онъ ихъ успѣлъ объединить въ одинъ союзъ подъ именемъ „The Union of Ethical Societies".

Въ 1903 г. въ составъ союза входили уже четырнадцать этическихъ обществъ, изъ которыхъ десять находятся въ Лондонѣ, а остальныя, болѣе извѣстныя, какъ мы дальше увидимъ, подъ именемъ „церквей труда", организованы въ провинціи. Что этическое движеніе есть религія, въ этомъ дѣятельно стараются убѣдить насъ иниціаторы его. Правда, въ этомъ движеніи нѣтъ тѣхъ элементовъ, которыхъ обыкновенно принято искать въ религіяхъ. Нѣтъ „вѣры", нѣтъ ничего мистическаго и трансцендентальнаго. Оно не касается жизни загробной; обходитъ молчаніемъ физическій міръ, звѣзды и планеты; не углубляется въ сущность жизни и не берется рѣшать никакихъ вопросовъ бытія. Но вожди движенія основываютъ его на религіозномъ чувствѣ, на присущемъ, по ихъ ученію, человѣческой натурѣ благоговѣніи передъ добромъ.

Нѣкоторое, впрочемъ, далеко не удовлетворяющее насъ, опредѣленіе сущности этическаго движенія мы находимъ въ одной изъ лекцій Стэнтона Койта, прочитанной имъ въ Соутсъ-Плэсѣ и вошедшей потомъ въ собраніе его рѣчей. Согласно этой лекціи, первый принципъ новой религіи состоитъ въ томъ, что религіозная связь между людьми должна заключаться въ одной лишь преданности добру. Подъ добромъ вожди нынѣшняго этическаго движенія подразумѣваютъ обыкновенныя людскія добродѣтели. Человѣкъ долженъ быть добродѣтельнымъ; сознаніе же необходимости и важности добродѣтельной жизни и должно составлять его религію; причемъ этика не имѣетъ заповѣдей. Она покоится на собственномъ сознаніи людей, на томъ, что̀ они сами признаютъ добродѣтелью. Мы, напримѣръ, говоримъ, что судья хорошъ, если онъ нелицепріятенъ; мы уважаемъ отца, пекущагося о своихъ дѣтяхъ; хвалимъ супруговъ, другъ другу вѣрныхъ; возносимъ гражданъ, готовыхъ жертвовать всѣмъ достояніемъ на благо отечества. Споръ поэтому о томъ, что̀ такое добродѣтель, по мнѣнію вождей этическаго движенія, совершенно излишенъ. На основаніи этого, этическое движеніе можетъ съ полной справедливостью быть названо религіей хорошаго поведенія.

„Мы,—говоритъ Стэнтонъ Койтъ,—не составляемъ новой церкви, какъ сами церковники понимаютъ это слово. И мы не претендуемъ на это. Мы не разрушить, а оживить хотимъ старую церковь, оживить настолько, чтобы она сбросила все лиш-

нее и оставила только существеннѣйшую часть, связывающую всѣхъ людей, а именно: преданность добру".

Второй принципъ движенія—это то, что осуществленіе добра или, что̀ то же самое, исполненіе своего долга должно совершаться благоговѣйно, съ священнымъ трепетомъ, съ сердечнымъ жаромъ, съ какими, напримѣръ, вѣрующіе люди въ молитвахъ своихъ думаютъ о Богѣ. Для послѣдователя этическаго движенія дѣланіе добра должно быть религіознымъ актомъ и борьба съ неправдой—крестовымъ походомъ.

„Каждая отдѣльная соціальная реформа, предпринимаемая нами,—говоритъ Стэнтонъ Койтъ въ той же рѣчи,—по своей святости дѣлается для насъ религіознымъ подвигомъ. Доброта (goodness) должна существовать въ человѣческихъ сердцахъ и учрежденіяхъ, и достиженіе этого составляетъ для насъ высшее дѣло... Мы вѣримъ, что одно только хорошее поведеніе можетъ дать намъ радостную, мирную и вдохновленную жизнь (inspiring life). Мы вѣримъ, что только оно одно приведетъ насъ къ достиженію того высокаго духовнаго состоянія, когда мы совершенно забываемъ о личныхъ интересахъ и въ будущее смотримъ безъ думы и страха".

Хорошее поведеніе, по мнѣнію Койта, само по себѣ такое великое благо, какъ для отдѣльной личности, такъ и для цѣлаго общества, что стремленіе къ нему вовсе не нуждается въ идеяхъ о личномъ Богѣ и личномъ безсмертіи. Любовь къ людямъ есть фактъ. Она существуетъ безъ всякихъ заповѣдей. Но онъ вовсе не думаетъ, однако, отрицать значеніе идеи личнаго Бога и надежды на будущую жизнь для удержанія людей на правомъ пути. Онъ только полагаетъ, что эти мотивы добра могутъ быть замѣнены другими, какъ боязнь передъ общественнымъ мнѣніемъ, жажда и ожиданіе похвалъ и т. д.

Для развитія же въ людяхъ чувства добра, для пропаганды и для скрѣпленія личныхъ связей между членами своими, этическія общества пользуются разными средствами. Каждое изъ этическихъ обществъ отдѣльно устроиваетъ классы „нравственнаго обученія" для дѣтей школьнаго возраста; принимаетъ участіе въ мѣстныхъ общественныхъ, муниципальныхъ и политическихъ дѣлахъ и устроиваетъ вечера съ дебатами или развлеченіями. Общее же руководство движеніемъ сосредоточено въ упомянутомъ выше союзѣ этическихъ обществъ. Союзъ имѣетъ прекрасную библіотеку; занимается издательствомъ еженедѣльнаго журнала „Ethics" и разной другой этической литературы; устрои-

ваетъ вечера; учреждаетъ разные кружки и группы и принимаетъ участіе въ избирательныхъ кампаніяхъ парламента и лондонскаго муниципалитета. Между прочимъ союзъ устроиваетъ также каждый годъ курсы лекцій, совокупность которыхъ носитъ довольно громкое имя „школы этическихъ наукъ" (the School of Ethics). Въ истекшемъ академическомъ сезонѣ (январь—мартъ) читаются, напримѣръ, слѣдующіе курсы: „Критическіе періоды въ церковной исторіи", „Эпоха и жизнь Оливера Кромвеля", „Политико-экономическія теоріи о денежномъ обращеніи"[1]), „Этика въ школѣ", „Соціологія Герберта Спенсера", „Матеріалы для исторіи этическихъ наукъ", „Изученіе человѣческаго характера", „Гражданскія обязанности жителя Лондона" и „Моральная педагогика для дѣтей".

Свой отчетъ за прошлый годъ союзъ закончилъ слѣдующими словами: „Въ истекшемъ году этическое движеніе въ Англіи было полно жизненности и прогресса. Его существованіе начинаетъ все больше и больше приниматься во вниманіе, и вліяніе его начинаетъ сказываться въ разныхъ направленіяхъ. Поощренный и ободренный этимъ, совѣтъ союза обращается ко всѣмъ членамъ его и всѣмъ сочувствующимъ его дѣятельности продолжать дѣло, въ полной увѣренности, что обыкновенныя силы человѣка и природы, умѣло приложенныя, вполнѣ достаточны для того, чтобы положить конецъ злу, котораго не могла побороть въ теченіе многихъ вѣковъ вѣра въ сверхъестественныя силы".

Однако, религіозный характеръ движенія находитъ себѣ выраженіе не столько въ этой пропагаторской дѣятельности союза, сколько въ еженедѣльныхъ воскресныхъ собраніяхъ, имѣющихъ форму церковныхъ службъ, такъ называемыхъ (services) самими этическими обществами. Нѣкоторыя изъ нихъ обзавелись уже и своими собственными постоянными помѣщеніями; другія же нанимаютъ на одинъ или два раза въ недѣлю какую-нибудь общественную залу, гдѣ они и собираются. Служба происходитъ утромъ, а въ нѣкоторыхъ обществахъ и вечеромъ, и „чинъ" ея почти такой же, какъ и въ церквахъ нѣкоторыхъ христіанскихъ исповѣданій. Вся разница лишь въ содержаніи гимновъ, въ проповѣди и чтеніяхъ.

---

[1]) Курсъ этотъ въ этической программѣ не долженъ показаться страннымъ для тѣхъ, которые знакомы съ существующей экономической школой, приписывающей всѣ соціальныя бѣдствія пользованію металлическимъ обращеніемъ, передающимъ, будто бы, монополію на деньги лишь въ руки богатыхъ.

Вотъ, напримѣръ, порядокъ службы въ вестъ-лондонскомъ этическомъ обществѣ, на которой я присутствовалъ въ одно изъ недавнихъ воскресеній. Общество это обыкновенно собирается въ прекрасно обставленной, свѣтлой и обширной общественной залѣ Кенсингтонскаго участка Лондона. У стѣны, противоположной входу, возвышается большая эстрада, окруженная бронзовымъ барьеромъ и зеленой матеріей въ видѣ занавѣсокъ. На эстрадѣ поставлены ножной органъ, піанино, столикъ, пюпитръ и ряды стульевъ. Мѣста на эстрадѣ занимаются членами хора, состоящаго изъ мужчинъ и женщинъ. Въ публикѣ замѣтно преобладаетъ дамскій элементъ. Въ общемъ собралось около ста или 120 человѣкъ. Каждому изъ посѣтителей вручается при входѣ программа службы, сборникъ гимновъ и объявленія, относящіяся до текущихъ дѣлъ общества, до его лекцій, концертовъ и проч.

Согласно программѣ и точь въ точь какъ и въ христіанской церкви, стоящей рядомъ съ домомъ и откуда явственно доносятся теперь органные звуки и пѣніе, „служба" начинается ровно въ четверть двѣнадцатаго. Первый пунктъ программы состоитъ изъ исполненія небольшой пьесы на органѣ. Послѣ этого одинъ изъ вождей мѣстнаго этическаго общества, выступающій въ роли пастора, становится у пюпитра и произноситъ нѣсколько „вступительныхъ словъ", въ двухъ-трехъ фразахъ опредѣляющихъ значеніе этики; послѣ чего всѣмъ собраніемъ поется „кантиклъ", заимствованный изъ книги гимновъ Вестминстерскаго аббатства. Затѣмъ „пасторъ" произноситъ „декларацію этическихъ принциповъ". Послѣ этого, точь-въ-точь какъ во многихъ протестантскихъ сектахъ, конгрегація погружается въ минутное молчаливое состояніе. Нѣкоторые закрываютъ даже глаза и склоняютъ голову для лучшаго, должно быть, духовнаго самососредоточенія. Опять гимнъ, поющійся сообща. За гимномъ слѣдуетъ чтеніе. На этотъ разъ „пасторъ" читаетъ отрывокъ изъ сочиненій Рёскина. Обыкновенно для чтенія выбирается что-либо этическое, душевозвышающее, трогательно-прекрасное. Выдержкою можетъ быть сцена изъ какой-нибудь драмы, глава изъ романа, эпизодъ изъ исторіи, воспоминаніе біографа и проч.

Послѣ чтенія хоръ спѣлъ квинтетъ, по окончаніи котораго пюпитръ занялъ господинъ, произнесшій рѣчь о „языческой этикѣ". Это была очень умѣло составленная параллель между этическими понятіями нашего времени или, правильнѣе, христіанской культуры, и древне-греческой. Ораторъ пришелъ къ

выводу, что въ современномъ европейскомъ обществѣ нѣтъ ни христіанской, ни древне-греческой этики, но что послѣдняя,—если, конечно, примемъ во вниманіе всѣ условія времени и мѣста,—должна пользоваться особымъ нашимъ уваженіемъ. Хоръ поетъ новую пьесу, обозначенную въ программѣ церковнымъ названіемъ „антифонъ"; съ пюпитра дѣлаются нѣкоторыя дѣловыя сообщенія, касающіяся дальнѣйшихъ собраній общества; поется еще одинъ гимнъ, во время котораго производится обычный „collection" (сборъ денегъ), и затѣмъ „служба" заканчивается нѣсколькими заключительными—выспренними—словами о любви и братствѣ.

Говоря объ этическихъ обществахъ, слѣдуетъ упомянуть и о другомъ, такъ называемомъ, религіозномъ движеніи, о „Церкви Труда" (Labour Church), повидимому, начинающей сливаться съ этическимъ. По крайней мѣрѣ изъ четырнадцати организацій, вошедшихъ въ союзъ этическихъ обществъ, четыре принадлежатъ церкви труда. Послѣдняя возникла въ 1891 г. по иниціативѣ нѣкоего Джона Тревора, бывшаго пасторомъ въ унитаріанской церкви въ Манчестерѣ. Она составляетъ своеобразную и вполнѣ неудачную попытку придать соціализму характеръ религіознаго движенія. Въ то время, какъ для такъ называемыхъ христіанскихъ соціалистовъ рабочее движеніе—лишь внѣшнее, экономическое явленіе, которое они собираются уладить на основаніи христіанскаго ученія, для англійскаго религіознаго реформатора само рабочее движеніе есть религія, являющаяся выраженіемъ внутренняго стремленія людей къ правдѣ и справедливости, къ сближенію съ Богомъ.

Читатель, однако, напрасно потребовалъ бы отъ насъ болѣе подробнаго и яснаго толкованія этой религіи. Признаемся, мы и сами никакъ не могли уяснить себѣ всецѣло сущность философіи Тревора, хотя и имѣли съ нимъ очень продолжительную бесѣду лѣтъ 12 или 13 тому назадъ, еще въ то время, какъ онъ только-что выступилъ съ своей мыслью о созданіи „церкви труда".

Первое „богослуженіе" этой церкви состоялось въ Манчестерѣ 4-го октября 1891 г., въ городской залѣ Чорлтонскаго участка. Служба состояла изъ гимна, чтенія, молитвы и рѣчи, словомъ, въ томъ же почти порядкѣ, какъ и всякая другая служба евангелистовъ, но съ той разницей, что на этотъ разъ гимны были свѣтскаго и соціальнаго характера; читалась поэма Лоуэлла вмѣсто евангелія, а „молитва" не только была чужда обычнаго церковнаго стиля, но даже, какъ разсказывалъ мнѣ Треворъ,

вызвала апплодисменты! Въ слѣдующее воскресенье рѣчь на „службѣ“ произнесъ Робертъ Блэчфордъ, извѣстный редакторъ соціалистической газеты „The Clarion“, а на дальнѣйшихъ собраніяхъ выступали Бонъ-Тиллетъ, Томъ Мэнъ и другіе тогдашніе рабочіе вожди. Очевидно, затѣя Тревора о созданіи религіознаго движенія на почвѣ рабочаго вопроса независимо отъ христіанства пришлась по сердцу нѣкоторой части дѣятелей, и новая „религія“, подъ именемъ „церкви труда“, получила въ концѣ того же 1891 года опредѣленную организацію. Основные принципы ея были выработаны на конференціи, собравшейся въ Манчестерѣ, и состояли въ слѣдующемъ:

1) Рабочее движеніе есть движеніе религіозное.

2) Религія рабочаго движенія не есть религія одного лишь класса, но соединяетъ всѣхъ на работу въ пользу уничтоженія торгово-промышленнаго рабства.

3) Религія рабочаго движенія—не сектаріанская и не догматическая, а свободная. Она предоставляетъ всякому человѣку выработать по-своему свои отношенія къ силѣ, давшей ему бытіе.

4) Эмансипація труда можетъ быть осуществлена лишь настолько, насколько люди узнаютъ экономическіе и моральные законы Бога и будутъ искренно стараться исполнять ихъ.

5) Развитіе личнаго характера и улучшеніе соціальныхъ условій одинаково важны для эмансипаціи человѣка отъ моральнаго и соціальнаго рабства (bondage).

Изъ этихъ принциповъ не трудно увидѣть, что „церковь труда“ въ сущности то же этическое движеніе, но съ прибавкой „экономической эмансипаціи“, и не удивительно поэтому, что съ теченіемъ времени вновь возникшія организаціи примкнули отчасти къ ученію Феликса Адлера и Стэнтона Койта и вступили формально въ „Союзъ этическихъ обществъ“.

Въ настоящее время „церковь труда“ можно считать уже отжившей, отцвѣтшей, не успѣвши расцвѣсть. Новыхъ организацій ея за послѣднія пять шесть лѣтъ не появляется. Бывшій органъ ея, „The Labour Prophet“, давно прекратился. Самъ Джонъ Треворъ, основатель ея, растерялъ почти всѣхъ своихъ бывшихъ друзей и сочувствующихъ, и лишь въ газетѣ „Clarion“ сохранился для нея уголокъ, гдѣ можно еще встрѣчать о ней откликъ. Однако, почти всѣ, организованныя въ началѣ 90-хъ годовъ, конгрегаціи ея, еще продолжаютъ существовать. Всего ихъ насчитывается десятка полтора и всѣ онѣ основаны въ провинціи. Одна или двѣ изъ нихъ успѣли даже сдѣлаться центрами широкой

соціальной дѣятельности среди мѣстнаго населенія, какъ, напримѣръ „церковь труда“ въ Ганли, на сѣверѣ Англіи. Благодаря именно дѣятельности этой маленькой „конгрегаціи“, основана при „церкви“ художественная школа, гдѣ калѣки изъ дѣтей выдѣлываютъ разныя вещи изъ металла и дерева, какъ лампы, подсвѣчники, палки, экраны, рѣшетки каминныя, подносы и проч. Тутъ же преподается и печатное дѣло, и хромолитографія, и другія ремесла, въ которыхъ играетъ большую роль художественный вкусъ.

Такимъ образомъ, затѣя Тревора, хотя и не оправдала всѣхъ его чрезмѣрныхъ претензій на религіозное реформаторство, все-же принесла кое-какой плодъ. Вѣроятно потому, что въ основѣ своей она не была шарлатанской. Это была искренняя попытка дать удовлетвореніе религіозному чувству, не находившему выраженія и исхода въ традиціи, въ которой нашъ реформаторъ воспитывался. Наврядъ ли, однако, то же самое можно сказать о тѣхъ реформаторахъ, о которыхъ рѣчь идетъ въ слѣдующей—и послѣдней—главѣ.

VI.—„Новомыслящіе“.

Замѣчательно, что за послѣдніе десятки лѣтъ новыя религіи въ Англіи всѣ почти приходятъ изъ Соединенныхъ-Штатовъ С. Америки. Строго говоря, и новый спиритуализмъ явился въ Англію изъ Америки, начавшись тамъ, въ 1848 г., таинственными стуками и передвиженіями въ домѣ Фокса въ Гайдевиллѣ, близъ Нью-Іорка. Но настоящій ввозъ религій изъ Америки въ ея бывшую метрополію начинается съ 70-хъ годовъ XIX-го столѣтія. Тэософія полковника Олкотта, этика Феликса Адлера, „Christian Science“ госпожи Эдди, „сіонизмъ“ мистера Дауи и другія—всѣ онѣ раньше всего зародились въ Америкѣ. И американской же по происхожденію является и новая „религія“, занесенная въ Лондонъ подъ именемъ не то „Higher Thought Movement“ (движеніе высшаго мышленія), не то „New Thought Movement“ (движеніе новаго мышленія). Очевидно, сами послѣдователи и вожди новой религіи еще окончательно не рѣшили, какъ ее называть. По крайней мѣрѣ, въ Лондонѣ открыты три или четыре „центра“ ея, и каждый центръ носитъ другое названіе. Сдѣлано ли это съ тѣмъ, чтобы они другъ другу не мѣшали, или по другой причинѣ,—сказать не могу. Во всякомъ случаѣ, лично мнѣ, побывавшему въ разныхъ ихъ „центрахъ“, объ-

яснили, что хотя основы ихъ одинаковы, но руководители ихъ дѣйствуютъ другъ отъ друга независимо и каждый называетъ свой центръ по своему.

Итакъ, для краткости, будемъ называть новое движеніе „новомысліемъ". Основательницей его въ Америкѣ выступила Елена Вильмансъ, пришедшая къ заключенію, что мысль есть единственный творецъ и строитель всего существующаго въ мірѣ. Мысль же выражается желаніемъ, и поэтому если человѣкъ углубится въ мысль и что-нибудь твердо пожелаетъ, то это осуществится. Если мы, напримѣръ, хотимъ вѣчно жить и быть вѣчно молоды, то и будемъ вѣчно жить и вѣчно пребывать въ молодости и здоровьи. Это только дѣло нашего хотѣнія. Вся бѣда въ томъ, по мнѣнію Вильмансъ, что люди разучились думать и желать, что они потеряли вѣру въ собственное свое могущество и поддались страху смерти, болѣзней и прочихъ бѣдъ. Въ то время какъ совершенно увѣренная въ себѣ мысль способна творить и создавать ткани жизни, сомнѣніе и страхъ дѣйствуютъ разрушающимъ образомъ. Мы старимся потому, что ждемъ смерти, вмѣсто того, чтобы отрицать ее и не признавать вовсе необходимость и неминуемость ея. Мы страдаемъ отъ болѣзней, потому что считаемъ ихъ естественными для нашего тѣла, зависимаго, будто бы, лишь отъ внѣшнихъ условій. На самомъ же дѣлѣ мы сами должны быть господами этихъ внѣшнихъ условій и ничуть не въ зависимости отъ нихъ. Словомъ, человѣкъ—царь жизни, а не рабъ ея, но пока это царь, по собственному неразумію свергнутый съ престола. Для того же, чтобы опять посадить его на тронъ жизни; для того, чтобы сознаніе о могуществѣ своемъ сдѣлалось частью его существованія, человѣкъ долженъ упражняться, думать въ этомъ направленіи. Нужно думать и думать; думать, что вы все можете; думать и вѣрить, что вы всесильны;— и всемогущество ваше само приложится. Нужно умѣть погружаться въ глубокое мышленіе; и г-жа Вильмансъ, и ея многочисленные ученики берутся, за соотвѣтствующую плату, обучить искусству молчать и думать. Сама г-жа Вильмансъ, въ Америкѣ и ея ученики въ Лондонѣ считаютъ себя уже до нѣкоторой степени постигшими истину и, слѣдовательно, „всемогущими", и на этомъ основаніи они, опять-таки за извѣстную плату, берутся лечить, возвращать потерянную красоту и молодость, дать вѣчную жизнь и оказывать разныя другія услуги.

Это новое ученіе о силѣ мысли и всемогуществѣ человѣка произведено послѣдователями его въ „религію" съ соотвѣтствующими „богослуженіями". Но въ то время какъ этическая религія

стремится къ духовному усовершенствованію человѣка, новая религія „новомыслящихъ“ поклоняется богу-человѣку, исключительно его матеріальнымъ благамъ и его матеріальному существованію.

Какъ мы уже сказали, въ Лондонѣ существуетъ нѣсколько центровъ этой религіи, открытыхъ всего за послѣдній годъ или два. Одинъ центръ помѣщается въ западной части Лондона, около High-Street-Kensington, въ двухъ минутахъ ходьбы отъ вышеописаннаго помѣщенія вестъ-эндскаго этическаго общества; другой открытъ въ Бондъ-Стритѣ, близъ Пиккадилли, третій—въ средней части Лондона, недалеко отъ Британскаго музея, на Southampton-Row. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ въ будни происходятъ „классы“ и читаются „курсы“ новаго ученія, а по воскресеньямъ совершаются „службы“, начинающіяся также въ четверть двѣнадцатаго и кончающіяся около четверти перваго.

Помѣщеніе въ Southampton-Row, гдѣ мы присутствовали недавно на одной изъ службъ, состоитъ изъ одной большой комнаты, убранство которой очень скромно. Свѣтъ проникаетъ черезъ стеклянную крышу; потолка нѣтъ; стѣны покрыты деревянной обшивкой. У двери, у входа, столикъ съ разложенными на немъ для продажи разными брошюрами и книжонками, относящимися до „новомыслія“,—все американскаго происхожденія. Недалеко отъ столика виденъ шкафъ съ книгами, выдаваемыми для чтенія на домъ. Въ углу, направо, піанино. Рядомъ съ нимъ—небольшое возвышеніе, окруженное цвѣтами. На возвышеніи—пара стульевъ и пюпитръ, а передъ возвышеніемъ—ряды стульевъ для публики.

Публики очень немного. Служба открывается музыкой. Затѣмъ на возвышеніе восходитъ дама и произноситъ „Affirmation of Being“ (подтвержденіе бытія), которое публика повторяетъ за нею фраза за фразой. „Подтвержденіе“ это, поддѣланное подъ туманную фразеологію традиціонныхъ религій, составляетъ символъ вѣры новой секты, и мы поэтому приводимъ его цѣликомъ, переписанный нами съ бумажки, любезно предоставленной въ наше распоряженіе дамой. Само собою разумѣется, что, давая здѣсь по возможности правильный и ясный переводъ, мы оставляемъ на отвѣтственности самого автора этого „Affirmation“ смыслъ приведенныхъ фразъ:

„Съ благоговѣйнымъ признаваніемъ моего прирожденнаго права,
Я подтверждаю свои сыновнія отношенія (sonship) къ всемогущему.
Я свободенъ отъ болѣзни и разстройства.
Я въ согласіи съ своимъ источникомъ.
Безконечное здоровье проявлено во мнѣ.

Безконечная субстанція мой постоянный запасъ.
Безконечная жизнь наполняетъ и укрѣпляетъ меня.
Безконечный разумъ просвѣтляетъ и направляетъ меня.
Безконечная сила поддерживаетъ и сохраняетъ меня.
Я больше не въ рабствѣ.
Я свободенъ, какъ сыны Бога.
Радуюсь всѣмъ существомъ моимъ и благодарю.
Богъ и человѣкъ все во всемъ днесь, присно и во вѣки. Аминь".

Произнесши вышеприведенный наборъ малопонятныхъ фразъ, дама и „конгрегація" погрузились въ молчаніе, опустивъ головы и закрывъ глаза. Молчаніе продолжалось съ минуту, и кончилось оно, когда дама заявила, что прочтетъ изъ главы третьей книги „Притчей Соломоновыхъ". „Блаженъ человѣкъ, обрѣтшій мудрость, и смертный, увидѣвшій разумъ",—начала она и продолжала до „ляжешь—и не будешь бояться, ляжешь спать—и сонъ твой будетъ сладокъ". Послѣ этого она прочитала отрывокъ изъ 4-ой главы Евангелія отъ Іоанна о женщинѣ изъ Самаріи, пришедшей почерпать воду.

По окончаніи чтенія, послѣдовала музыка, исполненная на піанино, и затѣмъ какая-то госпожа К., вождь средне-лондонскаго центра, прочла „проповѣдь" на тему „поломанная канализація" (Broken Systems). Дѣло шло о параллели между человѣкомъ и водопроводными и санитарными трубами. Какъ поломанная водопроводная или засоренная ассенизаціонная труба ведетъ къ отсутствію чистой воды и къ отравленію мѣстности болѣзнетворными микробами, такъ и человѣкъ, не понимающій истинныхъ путей жизни, нравственно портится и физически изнемогаетъ. Чтобы обрѣсти живую воду и оздоровить домъ, нужно проложить новыя трубы и очистить старыя. И т. д. въ этомъ же духѣ.

Послѣ проповѣди, двѣ барышни заиграли дуэтъ на скрипкѣ и піанино, и въ это же время была произведена и „collection" (сборъ денегъ), составлявшая здѣсь самый главный пунктъ программы. Служба закончилась „заключительнымъ подтвержденіемъ", произносившимся, какъ и вступительное, дамой и конгрегаціей вмѣстѣ, фраза за фразой. Оно состояло въ слѣдующихъ словахъ:

„Поелику я вѣченъ самъ въ себѣ,
Я единъ съ прославленнымъ Невидимымъ,
Единъ въ духѣ, разумѣ и бытіи,
Единъ въ жизни, любви и согласіи,
Единъ въ мудрости, субстанціи и силѣ,
Во все время и во вѣки вѣковъ. Аминь".

— ——— ——

Мы, конечно, не могли и думать дать въ настоящемъ нашемъ очеркѣ полную картину всѣхъ вѣрованій Лондона. Кто изучилъ, кто измѣрилъ всю глубину этого океана человѣчества, особенно въ такой скрытой, интимной области, какъ религіозныя чувства? Но, говоря о новыхъ, не-христіанскихъ „религіяхъ“ вѣрующаго Лондона, мы не можемъ обойти вовсе молчаніемъ „тэистическую церковь“ на Swallow-Street, близъ Пиккадилли. Эта церковь была основана тридцать-три года тому назадъ, въ 1871 г., пасторомъ Чарльзомъ Войзи и существуетъ по настоящее время. Въ исторіи лондонскихъ религій церковь эта замѣчательна тѣмъ, что она „едина“ въ полномъ смыслѣ слова. Понимаемъ ли мы слово „церковь“ въ смыслѣ храма, или въ смыслѣ вѣры, исповѣданія, тэизмъ пастора Войзи дальше четырехъ стѣнъ его церкви не вышелъ. Церковь на Swallow-Street—единственный храмъ тэизма въ Лондонѣ, и Чарльзъ Войзи—его единственный учитель и проповѣдникъ.

О философской сущности тэизма мы здѣсь не станемъ распространяться. Скажемъ лишь, что Войзи былъ прежде викаріемъ англиканскаго исповѣданія въ Іоркширѣ, но въ концѣ 60-хъ годовъ потерялъ вѣру въ христіанство, о чемъ громогласно и заявилъ. Своимъ девизомъ онъ сдѣлалъ: „Вѣрю въ Бога, но не вѣрю, что Христосъ есть Богъ“. Вслѣдствіе этого онъ былъ лишенъ своего мѣста викарія; но у него нашлись поклонники, которые собрали для него сейчасъ же шестьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ и выстроили ему собственную церковь въ Лондонѣ, именно на Swallow-Street, на мѣстѣ, гдѣ раньше стояла церковь гугенотовъ. Кромѣ этого было еще собрано нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ для изданія его проповѣдей и сочиненій. И такимъ образомъ, обезпеченный постояннымъ амвономъ для своего ученія и средствами для жизни, Чарльзъ Войзи по настоящее время продолжаетъ стоять во главѣ основанной имъ конгрегаціи и изъ недѣли въ недѣлю совершать воскресныя службы и читать проповѣди.

Разставшись съ англиканскимъ исповѣданіемъ, Войзи, однако, сохранилъ весь ритуалъ этого исповѣданія, замѣняя только текстъ англиканскаго требника собственными текстами молитвъ, и во время службы онъ носитъ прежнее—т.-е. свое пасторское облаченіе. Чарльзу Войзи теперь уже около 76-ти лѣтъ, но кругъ его послѣдователей все остается тотъ же, не расширяясь и не съуживаясь. Самъ Чарльзъ Войзи, издавшій много книгъ о своей религіи и продолжающій еще и теперь немало работать, глубоко

увѣренъ, что тэизмъ есть религія будущаго. Другіе же того мнѣнія, что со смертью основателя „тэистической церкви“ исчезнетъ и сама церковь его. Что жъ! „Even Gods must yield—religions take their turn“,—говоритъ Байронъ въ „Чайльдъ-Гарольдѣ“, и вѣрующій Лондонъ во всякомъ случаѣ безъ Бога не останется.

С. И. Рапопортъ.

ГЕРМАНІЯ

Зимняя Сказка, Генриха Гейне[1]).

Предисловіе.

Эту поэму написалъ я въ январѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, въ Парижѣ, и свободный воздухъ этого города прорывается въ нѣкоторыхъ строфахъ гораздо рѣзче, чѣмъ собственно хотѣлось мнѣ самому. Я не преминулъ тотчасъ же приняться за смягченіе и выбрасываніе всего того, чтò не могло перенести нѣмецкаго климата. Тѣмъ не менѣе, когда я, въ мартѣ мѣсяцѣ, послалъ манускриптъ къ моему издателю въ Гамбургъ, мнѣ было представлено для соображенія все еще много сомнительныхъ мѣстъ. Я долженъ былъ еще разъ взяться за фатальную работу передѣлыванья, и очень легко могло случиться, что тогда-то именно серьезные тоны смягчились болѣе, чѣмъ нужно, или слишкомъ весело были заглушены звономъ погремушекъ юмора. Въ нетерпѣніи я опять сорвалъ фиговые листки, прикрывавшіе наготу кое-какихъ мыслей и, можетъ быть, оскорбилъ этимъ жеманно-стыдливыя уши. Я очень жалѣю объ этомъ, но утѣшаю себя сознаніемъ, что и болѣе великіе авторы были повинны въ подобномъ же прегрѣшеніи. Аристофана я не беру тутъ въ примѣръ, потому что онъ былъ слѣпой язычникъ, и его аѳинская публика, хотя и имѣла классическое образованіе, но мало чтò знала о нравственности. Гораздо удобнѣе было бы мнѣ сослаться

---

[1]) „Германія, Зимняя Сказка“, была написана послѣ поѣздки Гейне изъ Парижа въ Гамбургъ, въ 1844 г. Со времени своего переселенія во Францію, Гейне не былъ въ Германіи тринадцать лѣтъ.—*Перев.*

на Сервантеса и Мольера: первый писалъ для высокаго дворянства обѣихъ Кастилій, второй—для великаго короля и великаго двора въ Версали. Ахъ, я и забылъ, что мы живемъ въ чрезвычайно мѣщанское время, и къ сожалѣнію я ужъ предвижу, какъ многія дщери образованныхъ сословій на Шпрее, если ужъ не на Альстерѣ, сморщатъ свой болѣе или менѣе горбатенькій носикъ, читая мою бѣдную поэму! Но еще съ бо̀льшимъ прискорбіемъ я предвижу вопли тѣхъ фарисеевъ національности, которые идутъ теперь рука объ руку съ антипатіями нѣмецкихъ правительствъ, пользуются полной любовью и уваженіемъ цензуры и даютъ тонъ газетной прессѣ, когда дѣло коснется до нападеній на тѣхъ противниковъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ противники и ихъ высокопоставленныхъ принципаловъ. Сердце наше защищено бронею отъ неудовольствія этихъ геройскихъ лакеевъ въ черно-красно-золотой ливреѣ. Я слышу ужъ ихъ пивные голоса: „Ты позоришь даже наши цвѣта, измѣнникъ отчизны, другъ французовъ, которымъ ты хочешь уступить свободный Рейнъ!“ Успокойтесь. Я буду чтить и уважать ваши цвѣта, когда они будутъ того заслуживать, когда они перестанутъ быть забавой людей праздныхъ или холоповъ. Водрузите черно-красно-золотое знамя на вершинѣ нѣмецкой мысли, сдѣлайте его штандартомъ свободнаго человѣчества, и я отдамъ за него лучшую кровь моего сердца. Успокойтесь; я люблю отечество столько же, сколько и вы. Ради этой любви я тринадцать лѣтъ прожилъ въ изгнаніи, и именно ради этой же любви возвращаюсь опять въ изгнаніе, можетъ быть навсегда, но ужъ во всякомъ случаѣ не хныкая и не искривляя лицо въ страстотерпческую гримасу.

Я другъ французовъ, точно также какъ другъ и всѣхъ людей, если они умны и хороши, и потому что я самъ не настолько глупъ и дуренъ, чтобы желать моимъ нѣмцамъ и французамъ, этимъ избраннымъ народамъ цивилизаціи, сломать себѣ шею для пользы Англіи и Россіи и къ злорадости всѣхъ дворянчиковъ-недорослей и іезуитовъ нашей планеты. Будьте покойны; я никогда не уступлю Рейна французамъ, уже по той совершенно простой причинѣ, что Рейнъ принадлежитъ мнѣ. Да, онъ принадлежитъ мнѣ, по неотъемлемому праву рожденія; я свободнаго Рейна еще больше свободный сынъ; на его берегу стояла колыбель моя, и я совсѣмъ не вижу, почему Рейнъ долженъ принадлежать кому-нибудь другому, а не его дѣтямъ. Правда, что я не могу включить въ составъ нѣмецкаго государства Эльзасъ и Лотарингію такъ легко, какъ вы это дѣлаете, потому что жители этихъ странъ крѣпко привязаны къ Франціи

за тѣ права, которыя они пріобрѣли во время французскихъ государственныхъ переворотовъ—за тѣ законы равенства и свободныя учрежденія, которыя чрезвычайно пріятны мѣщанскому нраву, хотя оставляютъ желать еще весьма многаго для желудка массы. И все-таки эльзасцы и лотарингцы снова примкнутъ къ Германіи, когда мы довершимъ то, чтò начали французы; когда мы опередимъ ихъ въ дѣлѣ такъ, какъ уже опередили въ мысли; когда мы поднимемся до ея послѣднихъ результатовъ; когда уничтожимъ сервилизмъ до его послѣднихъ притоновъ; когда мы перестанемъ унижать Бога, живущаго на землѣ въ людяхъ; когда мы возстановимъ въ ихъ достоинствѣ бѣдный, лишенный счастья народъ, и поруганный геній, и опозоренную красоту,—какъ говорили и пѣли наши великіе поэты, и какъ этого хотимъ мы, ученики ихъ... Да, не только Лотарингія и Эльзасъ, а вся Франція достанется намъ тогда; вся Европа, весь міръ—весь міръ сдѣлается нѣмецкимъ! Объ этомъ призваніи и всемірномъ владычествѣ Германіи часто мечтаю я, когда гуляю подъ дубами. Таковъ мой патріотизмъ!

Въ одной изъ ближайшихъ книгъ я возвращусь еще къ этой темѣ съ твердой рѣшимостью, съ строгимъ безпристрастіемъ и во всякомъ случаѣ честно. Я приму во вниманіе самыя крайнія противорѣчія, если они происходятъ отъ убѣжденія. Я терпѣливо прощу тогда самую грубую непріязнь; я дамъ отвѣтъ даже глупости, будь только она задумана честно. Напротивъ, все свое молчаливое презрѣніе посвящу я тому безмозглому негодяю, который изъ жалкой зависти или нечистоплотной личной ядовитости будетъ стараться уронить въ общественномъ мнѣніи мое доброе имя и для этого воспользуется маской патріотизма, если ужъ не религіи и морали. Въ этомъ отношеніи анархическое состояніе нѣмецкихъ политическихъ и литературныхъ газетъ эксплоатировалось иногда съ такимъ талантомъ, что я просто не надивлюсь. Право, Шуфтерле не умеръ; онъ еще живъ, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ стоитъ во главѣ прекрасно образованной шайки литературныхъ разбойниковъ, которые проказятъ въ богемскихъ лѣсахъ нашей газетной прессы, притаившись подъ каждымъ кустикомъ, подъ каждымъ листкомъ и внимая малѣйшему свисту своего достойнаго атамана.

Генрихъ Гейне.

Гамбургъ.—17 сентября, 1844 г.

Отъ переводчика.—Предлагаемое здѣсь произведеніе Гейне было уже нѣсколько разъ переведено на русскій языкъ, и если я счелъ нужнымъ перевести его еще разъ, то потому, что почти всѣ существующіе переводы—относительно *близости къ подлиннику*—не только неудовлетворительны, но — могу смѣло сказать — отличаются крайне безцеремоннымъ обращеніемъ съ подлинникомъ, или грубо невѣжественны. Въ эту послѣднюю категорію долженъ быть поставленъ переводъ Д. Минаева, который для риѳмы сочиняетъ цѣлые стихи, о коихъ у Гейне нѣтъ и помина, или, напримѣръ, дѣлаетъ Аристофана „пѣвцомъ Прометея", гамбургскую улицу Дрекваль превращаетъ въ „издателя Дрекваля", гаруспекса, т.-е. римскаго жреца, принимаетъ за собственное имя,—и т. п., и т. п. въ огромномъ количествѣ. Другой переводчикъ, г. Костомаровъ, тоже позволяя себѣ самыя непозволительныя отступленія, поражаетъ и такими штуками, какъ замѣна Христа Сократомъ въ томъ мѣстѣ, которое, по невозможности передачи его въ русской печати,слѣдуетъ просто исключить (что̀ и сдѣлано мною въ настоящемъ переводѣ). Есть еще переводъ, сдѣланный и напечатанный „Заѣзжимъ" за границею,—переводъ, какъ сообщаетъ переводчикъ, „просмотрѣнный И. С. Тургеневымъ и исправленный по его замѣчаніямъ"; Тургеневъ даже предпослалъ этому труду нѣсколько строкъ, въ которыхъ говоритъ, что „переводчикъ исполнилъ свою задачу и добросовѣстно, и счастливо". Въ этомъ отзывѣ мы только узнаемъ того добрѣйшаго Ивана Сергѣевича, который, по своей необычайной деликатности и мягкости, раздавалъ столь многимъ бездарностямъ одобрительные аттестаты, и который, думаю, даже не читалъ перевода г. Заѣзжаго, по крайней мѣрѣ, не свѣрялъ ни одного куплета съ подлинникомъ; иначе не могъ бы онъ не замѣтить, что *весь* этотъ переводъ, съ начала до конца, есть не что̀ иное, какъ до послѣдней степени вольное и весьма неудачное переложеніе знаменитой поэмы на русскій языкъ. Изъ всѣхъ существующихъ переводовъ самый добросовѣстный — г. Водовозова, который и былъ включенъ мною въ мое изданіе сочиненій Гейне; но въ этой работѣ, при ея несомнѣнныхъ достоинствахъ, было не мало такого, что̀ пришлось исправить и передѣлать, послѣ чего, однако, все-таки оставались мѣста, грѣшащія неточностью или другими недостатками.—П. В.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

То было печальной ноябрьской порой;
Мрачнѣе все день становился,
Рвалъ вѣтеръ поблекшіе листья съ вѣтвей,
И тутъ я въ дорогу пустился.

И чуть до границы доѣхалъ, въ груди—
Почувствовалъ я—застучало
Сильнѣй, и мнѣ кажется даже—въ глазахъ
Мокренько какъ будто бы стало.

И чуть я услышалъ нѣмецкій языкъ,
Въ душѣ у меня ощутилось
Вдругъ странное что-то: мнѣ чудилось, кровь
Изъ сердца пріятно сочилась.

Малютка-артистка запѣла; она
И очень чувствительно пѣла,
И очень фальшиво; но тронуть меня
Игрою глубоко съумѣла.

Мнѣ пѣла она про любовь, про ея
Мученія, жертвы, свиданья—
Тамъ, въ выси небесной, въ той лучшей странѣ,
Гдѣ всѣ исчезаютъ страданья.

Мнѣ пѣла она о юдоли земной,
О счастьѣ, всегда скоротечномъ,
О мірѣ загробномъ, гдѣ духъ, просвѣтленъ,
Въ блаженствѣ купается вѣчномъ.

Мнѣ пѣла она отреченія пѣснь,
Небесную эйапопею [1];
Ребенка-народъ, чтобъ унять его плачъ,
Давно ужъ баюкаютъ ею.

Я знаю мелодію, знаю и текстъ,
И авторовъ знаю прекрасно;
Я знаю—тайкомъ они пили вино,
Пить воду совѣтуя гласно.

---

[1]) Эйапопея—колыбельная пѣснь.

Нѣтъ, новую пѣснь, о, друзья! пропою
Для васъ я—пѣснь лучшаго склада:
Устроить небесное царство себѣ
Намъ здѣсь на землѣ уже надо.

Ужъ здѣсь на землѣ будемъ счастливы мы:
Про голодъ ни слуху, ни духу,
Того, что̀ добыто прилежной рукой,
Не жрать ужъ лѣнивому брюху.

Достаточно хлѣба̀ ростетъ здѣсь внизу,
Всѣмъ хватитъ по милости Бога;
И миртовъ, и розъ, красоты и утѣхъ,
И сладкихъ горошинокъ много.

Да, сладкій горошекъ, чуть лопнутъ стручки,
Для всякаго въ свѣтѣ найдется;
А горнее царство пускай воробьямъ
И духамъ его достается.

Коль выростутъ крылья по смерти у насъ,
Къ вамъ, въ горнія ваши селенья
Взлетимъ мы и вмѣстѣ покушаемъ тамъ
Блаженнѣйшихъ тортовъ, варенья.

Да, новую пѣснь,—пѣснь прекраснѣе той!
Съ ней флейтамъ и скрипкамъ едва ли
Сравниться! Долой miserere! Звонить
По мертвымъ въ церквахъ перестали.

Помолвлена дѣва Европа; ее
Ждетъ съ богомъ свободы вѣнчанье;
Лежатъ другъ у друга въ объятьяхъ они,
Блаженствуютъ въ первомъ лобзаньѣ.

И еслибъ вѣнчались они безъ попа—
Отнюдь не ослабился бъ этимъ
Ихъ брачный союзъ. Много лѣтъ жениху,
Невѣстѣ и будущимъ дѣтямъ!

Да, новая, лучшая пѣсня моя—
Хвалебное брачное пѣнье!
Въ душѣ моей яркія звѣзды встаютъ—
Небесныхъ даровъ откровенье.

Восторженно, дико пылаютъ онѣ,
Текутъ огневыми ручьями...
Я чувствую чудную силу въ себѣ,
Я вырвалъ бы дубы съ корнями.

Чуть сталъ я на землю родную—во мнѣ
Волшебные соки струятся;
До матери вновь прикоснулся гигантъ,
И снова въ немъ силы родятся [1]).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Межъ тѣмъ какъ малютка про счастье въ раю
Пускала подъ музыку трели,
Досмотрщики прусскіе мой чемоданъ
Внимательно весь осмотрѣли.

Все въ немъ перенюхали, рылись до дна
Въ рубашкахъ, платкахъ, панталонахъ,
Искали тамъ кружевъ, вещей золотыхъ,
А также и книгъ запрещенныхъ.

Глупцы! Ну, чего въ чемоданѣ искать!
Вѣдь тамъ ничего не найдется.
Моя контрабанда въ моей головѣ
Повсюду со мною везется.

Въ ней кружева есть, такъ тонкí, что до нихъ
Всѣмъ брюссельскимъ очень далёко;
Мнѣ стóитъ ихъ вынуть оттуда—и васъ
Колоть они будутъ жестоко [2]).

Я въ ней драгоцѣнные камни ношу,
Брильянты въ вѣнецъ дней грядущихъ,
Клейноды для храмины новыхъ боговъ,
Въ великомъ Невѣдомомъ сущихъ.

---

[1]) Намекъ на миѳологическаго гиганта Антея, который, каждый разъ, какъ касался Матери-Земли, пріобрѣталъ неодолимую физическую силу.

[2]) Здѣсь въ нѣмецкомъ подлинникѣ непереводимая игра словомъ Spitzen, которое значитъ и кружева, и колючее остріе.

И смѣю увѣрить, что множество въ ней
Есть тоже и книгъ схороненныхъ;
Моя голова—это птичье гнѣздо
Щебечущихъ книгъ запрещенныхъ.

Повѣрьте, и въ книжныхъ шкапахъ Сатаны
Зловреднѣе ихъ не бываетъ;
Гораздо опаснѣй онѣ даже тѣхъ,
Что̀ фонъ-Фаллерслебенъ слагаетъ [1]).

Стоявшій бокъ-о-бокъ со мной пассажиръ
Замѣтилъ, что здѣсь предо мною
Огромный таможенный прусскій союзъ,
Весь скованный цѣпью одною.

„Таможенный прусскій союзъ—онъ сказалъ—
Народности нашей положитъ
Основу; отчизнѣ раздробленной онъ
Въ едино сплотиться поможетъ.

„Единство онъ внѣшнее намъ принесетъ—
Вотъ то, что̀ зовутъ матерьяльнымъ;
Цензура жъ духовнымъ единствомъ снабдитъ—
И, значитъ, вполнѣ идеальнымъ.

„Единство внутри принесетъ намъ она,
И въ мысляхъ, и въ чувствахъ; намъ нужно,
Чтобъ родина наша единой была,
Единой внутри и наружно“.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Спитъ въ ахенскомъ древнемъ соборѣ въ гробу
Карлъ Magnus; пускай не смѣшаетъ
Его кто-нибудь съ Карломъ Майеромъ—тѣмъ,
Что̀ въ швабской землѣ проживаетъ [2]).

---

[1]) Фаллерслебенъ (Гофманъ)—нѣмецкій политическій поэтъ сороковыхъ годовъ; его „Неполитическія Пѣсни“ и другія стихотворенія неоднократно подвергались цензурнымъ и полицейскимъ преслѣдованіямъ.

[2]) Карлъ Майеръ—писатель „швабской школы“, которую неоднократно осмѣивалъ Гейне. Въ подлинникѣ тутъ опять игра словъ: Magnus (великій) и Mayer (собственно major)—сравнительная степень отъ magnus.

Я вовсе не склоненъ въ соборѣ въ гробу
Лежать, какъ мертвецъ-императоръ;
Мнѣ было бъ пріятнѣе въ Штутгартѣ жить,
Какъ самый плохой литераторъ.

На ахенскихъ улицахъ скучно и псамъ,
И молятъ они со смиреньемъ:
„Прохожій, о, дай намъ пинка! Можетъ быть,
Онъ будетъ для насъ развлеченьемъ“.

Прошлялся я въ этомъ проклятомъ гнѣздѣ
Часочекъ-другой; снова встрѣтилъ
Тамъ прусскихъ военныхъ, и въ нихъ перемѣнъ
Особенныхъ я не замѣтилъ.

Все сѣрые тѣ же плащи, воротникъ
Высокій и красный остался
(Сей цвѣтъ знаменуетъ французскую кровь —
Какъ Кернеръ-пѣвецъ выражался); [1])

Все тотъ же педантскій, дубовый народъ,
По прежнему въ каждомъ движеньѣ
Прямые углы, и на каждомъ лицѣ,
Замерзнувъ, лежитъ самомнѣнье.

Все такъ же на-вытяжку ходятъ они
Шагами ходульно-прямыми,
Какъ будто тотъ фухтель, которымъ ихъ встарь
Лупили, проглоченъ былъ ими.

Да, фухтель еще не исчезнулъ вполнѣ,
У нихъ онъ внутри пріютился,
И въ нынѣшнемъ дружескомъ „ты“ до сихъ поръ
„Онъ“ старыхъ временъ сохранился [2]).

Усы—это новый лишь фазисъ косы
Стариннаго времени; косамъ,
Висѣвшимъ тогда на затылкѣ, теперь
Висѣть указали подъ носомъ.

---

[1]) Юстинъ Кернеръ, извѣстный нѣмецкій поэтъ времени войнъ „за освобожденіе“, заклятый врагъ французовъ, воинственныя пѣсни котораго производили сильное впечатлѣніе.

[2]) Въ презрительной или пренебрежительной рѣчи, обращаемой къ прислугѣ и вообще низшему сословію, нѣмцы употребляютъ мѣстоименіе третьяго лица единственнаго числа вмѣсто второго—Er, онъ, вмѣсто Du, ты.

Нашелъ я довольно красивымъ костюмъ
Теперешній арміи конной;
Шишакъ мнѣ особенно нравится, шлемъ
Съ верхушкой стальной, заостренной.

Тутъ рыцарствомъ вѣетъ, тутъ вспомнишь сейчасъ
Романтики милую пору;
Тикъ, Уландъ, Фукé и мадамъ Монфоконъ
Являются нашему взору [1]).

Тутъ вспомнишь всѣ прелести среднихъ вѣковъ
Съ ландскнехтами ихъ и пажами,
Которые вѣрность носили въ сердцахъ,
А задъ расшивали гербами.

Тутъ вспомнишь турниры, крестовый походъ,
Культъ женщинъ и Богу обѣты,
И вѣры тотъ вѣкъ безпечатный, когда
Еще не являлись газеты.

Да, да, очень нравится мнѣ этотъ шлемъ,
Онъ—знакъ остроумья на тронѣ.
Его изобрѣлъ нашъ король. Остроты
Достаточно въ этомъ фасонѣ.

Я только боюсь, коль случится гроза—
Въ вашъ міръ романтическій старый,
Пожалуй, притянутся тѣмъ остріемъ
Новѣйшаго грома удары.

А вспыхнетъ война—такъ уборъ головной
Полегче купить васъ принудитъ:
Вашъ средневѣкòвый, тяжелый шишакъ
Помѣхою въ бѣгствѣ вамъ будетъ.

На вывѣскѣ ахенской почты опять
Явилась мнѣ птица, глубòко
Противная мнѣ, и вперила въ меня
Свое ядовитое око.

Поганая птица! Ну, только бъ тебѣ
Попасть въ мои руки—повѣрь, я
И хищные когти твои отрублю,
И выщиплю всѣ твои перья.

[1]) Уландъ, Тикъ и Фукé—извѣстные поэты романтической школы; „Іоганна фонъ-Монфоконъ"—заглавіе романтической драмы Коцебу.

Затѣмъ у меня на высокомъ шестѣ
Ты въ воздухѣ будешь качаться,
И рейнскихъ стрѣлковъ я туда приглашу
Въ веселой стрѣльбѣ упражняться.

Кто птицу сшибетъ мнѣ, тому молодцу
Корону и скиптръ поднесу я;
Мы тушъ протрубимъ и „Ура, нашъ король!
Да здравствуетъ!“ крикнемъ, ликуя.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ Кёльнъ вечеромъ поздно пріѣхалъ я; тутъ
Услышалъ я Рейна шептанье,
Тутъ воздухъ нѣмецкій обвѣялъ меня,
Тотчасъ оказавши вліянье

На мой аппетитъ. И яичницы я
Поѣлъ съ ветчиною; но соли
Въ ней было такъ много, что это запить
Рейвейномъ пришлось по неволѣ.

Какъ золото, въ рюмкахъ зеленыхъ рейнвейнъ
Все такъ же, какъ прежде, блистаетъ;
Но если ты рюмокъ не въ мѣру хватилъ,
Онъ въ носъ ударять начинаетъ.

Такъ сладко щекочетъ въ носу у тебя,
Съ блаженствомъ разстаться нѣтъ мочи...
Меня потянуло пойти погулять
По улицамъ въ сумракѣ ночи.

Рядъ каменныхъ зданій смотрѣлъ на меня,
Какъ будто хотѣлъ онъ сказанья
Минувшихъ вѣковъ мнѣ повѣдать, открыть
Священнаго Кёльна преданья.

Да, здѣсь міръ поповскій въ былые года
Своимъ благочестіемъ правилъ;
Здѣсь было господство тѣхъ „темныхъ мужей“,
Которыхъ фонъ-Гуттенъ ославилъ [1]).

[1]) Ульрихъ Гуттенъ—знаменитый гуманистъ эпохи Возрожденія, авторъ сочиненія: „Письма темныхъ людей“—рѣзкой сатиры на обскурантное монашество того времени.

И въ средневѣковомъ канканѣ монахъ
Съ монахиней здѣсь изощрялись;
И Менцелемъ кёльнскимъ, Гохстратеномъ, здѣсь
Доносцы ехидно писались [1]).

Здѣсь многое множество книгъ и людей
Пожары костровъ уносили,
Причемъ раздавался церковный трезвонъ,
И „Кирье элейсонъ" гнусили.

Здѣсь глупость и злоба открыто, какъ псы,
По улицамъ бѣгали блудно;
Ихъ родъ, по слѣпой къ иновѣрцамъ враждѣ,
Узнать и доселѣ нетрудно.

Но что я увидѣлъ? Во мракѣ ночномъ
Встаетъ, озаряясь луною,
Фигура колосса, какъ дьяволъ черна —
То кёльнскій соборъ предо мною.

Бастиліей духа онъ долженъ былъ стать,
И думалъ коварный сынъ Рима:
„Навѣрно зачахнетъ нѣмецкая мысль,
Тюрьмой колоссальной тѣснима".

Но Лютеръ пришелъ, и сказалъ онъ свое
Великое „Стойте!"—и скоро
Работу пришлось прекратить; съ этихъ поръ
Не стало ужъ больше собора.

Его неоконченность радуетъ насъ:
Нашли въ ней себѣ оправданье
И памятникъ вѣчный германская мощь,
И съ ней—протестантства призванье.

О, жалкій и глупый—соборный Совѣтъ!
Рукою безсильной вы мните
Все-жъ старую крѣпость достроить, за трудъ
Неконченный взяться хотите!

Безумье! Пусть вашъ колокольчикъ въ церквахъ
Звенитъ себѣ, сколько угодно,

---

[1]) Гохстратенъ—одинъ изъ самыхъ яростныхъ противниковъ Меланхтона и Лютера. Менцель—извѣстный писатель-историкъ литературы, запятнавшій себя въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія гнусными доносами на „Молодую Германію".

Пусть вамъ подаянье даетъ еретикъ
И даже еврей—все безплодно!

Пусть въ пользу собора великій Францъ Листъ
Концерты даетъ; пусть любезно
Король-декламаторъ читаетъ стихи
Предъ публикой—все безполезно!

Не будетъ достроенъ вашъ кёльнскій соборъ,
Хотя и доставленъ глупцами
Изъ Швабіи, съ этою цѣлью, большой
Корабль, нагруженный камнями.

Не будетъ достроенъ, кричи-не-кричи
Вороны и совы—та птица,
Которой пріятно, любя старину,
Въ пыли колоколенъ ютиться.

Да, даже настанетъ такая пора,
Что̀, вмѣсто его окончанья,
Въ конюшню Совѣтъ предпочтетъ обратить
Всю внутренность этого зданья.

„Но если въ конюшню его обратятъ,
То вотъ затрудненье какое:
Куда перенесть трехъ волхвовъ, что̀ давно
Въ ковчегѣ лежатъ на покоѣ?"

— Вотъ странный вопросъ! Въ наше время никто
Нужды не имѣетъ стѣсняться:
Нисколько не трудно восточнымъ волхвамъ
Въ другую квартиру убраться.

Вы въ Мюнстерѣ можете ихъ помѣстить—
Совѣтъ мой разуменъ, повѣрьте —
Въ трехъ клѣткахъ желѣзныхъ, повѣшенныхъ тамъ
На башнѣ святого Ламберти [1]).

Когда бъ оказалось, что нѣтъ одного
Изъ этого тріумвирата,—
Ну, что̀ же! въ замѣну восточному взять
На западѣ можно собрата.

---

[1]) На колокольнѣ церкви св. Ламберти въ Мюнстерѣ находятся три желѣзныхъ клѣтки, въ которыхъ были помѣщены трупы казненныхъ анабаптистовъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Я къ рейнскому мосту, на „Заячій валъ"
Пришелъ—и теперь предо мною
Струилъ свои воды мой батюшка Рейнъ,
Свѣтясь подъ спокойной луною.

— Здорово, почтенный мой батюшка Рейнъ!
Ну, какъ тебѣ здѣсь поживалось?
Не разъ я съ тоскою тебя вспоминалъ
И сердце къ тебѣ устремлялось!

Сказалъ я—и слышу въ рѣчной глубинѣ
Сердитые странные звуки,
Какъ будто бы кашель глухой старика,
Ворчанье со вздохами скуки.

„Здорово, сынокъ! Мнѣ пріятно, что ты
Меня не забылъ; вѣдь примѣрно
Тринадцать ужъ лѣтъ мы не видѣлись. Мнѣ
Жилось это время прескверно.

„Я въ Бибрихѣ камни глоталъ, и они,
Признаться, невкусные были;
Но Никласа Беккера, другъ мой, стихи
Желудокъ сильнѣй отягчили [1]).

„Меня такъ воспѣлъ онъ, какъ будто бы я
Еще непорочная дѣва,
Съ которой никто не посмѣетъ сорвать
Вѣночекъ, страшась ея гнѣва.

„Когда мнѣ ее, эту глупую пѣснь,
Услышать порою случится,
Готовъ я всю бороду вырвать свою,
Въ себѣ же самомъ утопиться.

„Что я не чистѣйшая дѣва—про то
Французы всѣхъ лучше узнали;
Съ моею водой они часто свои
Побѣдныя воды мѣшали.

---

[1]) Никласъ Беккеръ—авторъ знаменитой патріотической пѣсни: „Sie sollen ihn nicht haben" („Онъ"—т.-е. Рейнъ—„не достанется имъ", т.-е. французамъ), написанной въ 1810 г, когда французы замыслили завоевать лѣвый берегъ Рейна.

„Глупѣйшая пѣснь и глупѣйшій поэтъ!
Меня онъ позорно ославилъ;
Притомъ политически тоже меня
Въ двусмысленномъ свѣтѣ поставилъ:

„Вѣдь если французы воротятся, мнѣ
Придется краснѣть отъ смущенья —
Мнѣ, часто у неба, въ горячихъ слезахъ,
Просившему ихъ возвращенья.

„Французиковъ очень любилъ я всегда,
Любилъ этихъ милыхъ мальчишекъ.
Что, все еще скачутъ они и поютъ?
Все держатся бѣлыхъ штанишекъ?

„Весьма бы хотѣлось ихъ вновь повидать,
Но только боюсь, что, пожалуй,
Насмѣшки пойдутъ изъ-за этихъ стиховъ
Проклятыхъ—и ради скандалу.

„Альфредъ де-Мюссé, забіяка-гаменъ,
Быть можетъ, командуя ими,
Придетъ барабанщикомъ ихъ, и въ меня
Ударитъ острòтами злыми“ [1]).

Такъ плакался бѣдный мой батюшка Рейнъ,
Не могъ оставаться въ покоѣ.
Чтобъ духъ въ немъ поднять, въ утѣшеніе я
Сказалъ ему слово такое:

— Насмѣшки французовъ, мой батюшка Рейнъ,
Не бойся; французы былые
Исчезли; и нынче не тотъ ужъ народъ;
Штаны у нихъ тоже иные.

Штаны ихъ не бѣлы, а красны теперь;
И пуговки новыя дали;
Не скачутъ ужъ больше они, не поютъ,
Задумчивы головы стали.

Они философствуютъ, темой бесѣдъ
Имъ служатъ Кантъ, Фихте и Гегель;
Пить начали пиво, и курятъ табакъ,
Есть тоже любители кегель.

---

[1]) Альфредъ де-Мюссé отвѣчалъ на пѣснь Беккера стихотвореніемъ, которое начиналось словами: „Nous l'avons eu, votre Rhin allemand“.

Такіе жъ филистеры стали, какъ мы,
Пожалуй, и насъ перегонятъ;
Межъ нихъ вольтерьянцевъ нѣтъ болѣ; они
Теперь къ Генгстенбергу [1]) ужъ клонятъ.

Альфредъ де Мюссé, это правда, гаменъ
По прежнему; только напрасно
Не бойся, насмѣшника скверный языкъ
Сковать мы съумѣемъ прекрасно.

Коль злой остротою его барабанъ
Ударитъ, мы свиснемъ другою,
Позлѣе—о томъ, что̀ случалося съ нимъ
У барынь красивыхъ порою.

Итакъ, успокойся! Ту скверную пѣснь
Забудь до послѣдняго слова;
Пѣснь лучшую скоро услышишь. Прощай,
Съ тобой мы увидимся снова!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Во слѣдъ Паганини повсюду ходилъ
Его Spiritus familiaris;
То въ видѣ собаки, то въ видѣ людскомъ—
Поэта Георгія Гаррисъ.

Предъ важнымъ событьемъ встрѣчалъ Бонапартъ
Фигуру кроваваго цвѣта;
Свой демонъ былъ данъ и Сократу; не бредъ
Фантазіи было все это.

Да самъ я, за письменнымъ сидя столомъ,
Самъ видѣлъ порою ночною—
Зловѣщій невѣдомый гость иногда
Стоялъ у меня за спиною.

Онъ что-то скрывалъ подъ плащомъ, и когда
Случайно оно открывалось,
То странно блестѣло, и мнѣ топоромъ,
Судьи топоромъ представлялось.

---

[1]) Генгстенбергъ—лютеранскій богословъ (ум. въ 1869 г.), отличавшійся крайнею строгостью своихъ убѣжденій и своей оппозиціи католической церкви.

Приземистъ и плотенъ по виду онъ былъ;
Глаза точно звѣзды; въ писаньѣ
Онъ мнѣ не мѣшалъ, и спокойно всегда
Въ далекомъ стоялъ разстояньѣ.

Прошло много лѣтъ съ той поры, какъ ко мнѣ
Мой странный товарищъ являлся—
И вдругъ въ эту тихую лунную ночь
Онъ въ Кёльнѣ со мной повстрѣчался.

Задумчиво шлялся по улицамъ я,—
Вдругъ вижу его за спиною;
Какъ тѣнь неотступенъ: иду я—идетъ;
Я стану—онъ станетъ со мною.

Стоитъ—и какъ будто чего-то онъ ждетъ;
Пойду я умышленно скоро—
Онъ тоже шаги ускоряетъ. И такъ
Пришли мы на площадь собора.

Въ досадѣ, къ нему обратясь, я сказалъ:
— Тебя призываю къ отвѣту:
Чего ты явился за мною ходить
Въ пустыню полночную эту?

Тебя я встрѣчаю всегда въ тѣ часы,
Когда міровыя стремленья
Родятся въ груди у меня, а въ мозгу
Проносятся молньи мышленья.

Въ меня неподвижный и пристальный взглядъ
Вперилъ ты. Отвѣть: что̀ скрываешь
Съ таинственнымъ блескомъ подъ этимъ плащомъ?
Кто ты и чего ты желаешь?

Онъ сухо, почти флегматически, мнѣ
Отвѣтилъ: „Свои заклинанья
Пожалуйста брось; неумѣстны совсѣмъ
Здѣсь громкія эти воззванья.

„Отнюдь я—не призракъ былого; не всталъ,
Какъ пугало, я изъ могилы;
Философъ я слабый; мнѣ тоже цвѣты
Реторики вовсе не милы.

„Натурой я практикъ; спокоенъ всегда;
Молчанье во всемъ сохраняю;
Но знай—что̀ задумано въ мысляхъ тобой,
Немедленно я исполняю.

„И если мнѣ даже приходится ждать,
Ждать долго—работѣ всецѣло
Я отданъ, пока не удастся она.
Ты мыслишь, я дѣлаю дѣло.

„Ты—властный судья, я—покорный палачъ;
Ты ставишь рѣшеніе, я же
Послушно исполнить спѣшу приговоръ,
Хотя бы неправедный даже.

„Предъ консуломъ въ Римѣ, бывало, всегда
Съ сѣкирою ликторъ шагаетъ;
Ты съ ликторомъ тоже; но онъ съ топоромъ
Ужъ сзади тебя провожаетъ.

„Да, знай, я—твой ликторъ; вездѣ за тобой
Хожу, и въ любое мгновенье
Къ услугамъ твоимъ мой блестящій топоръ;
Я—мысли твоей исполненье...“

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Пришелъ я домой, и уснулъ—точно былъ
Святымъ убаюканъ я духомъ.
Въ нѣмецкихъ постеляхъ такъ сладко лежать—
Онѣ вѣдь наполнены пухомъ.

Какъ часто въ изгнаньи мечталъ я съ тоской
Про сладость родимой перины,
Когда я въ безсонныя ночи лежалъ
На жесткихъ матрацахъ чужбины.

Прекрасно и спится, и грезится намъ
На нашей постели пуховой;
На эти минуты съ нѣмецкой души
Спадаютъ земныя оковы.

Она себя чуетъ свободной, и въ высь,
Въ небесныя мчится селенья.

О, души нѣмецкія! Въ грезахъ ночныхъ
Какъ выспренни ваши паренья!

Заслыша вашъ гордый полетъ, въ небесахъ
Блѣднѣютъ безсмертные боги;
И крыльевъ размахомъ звѣзду за звѣздой
Сметаете вы по дорогѣ.

Французамъ и русскимъ подвластна земля,
Британцамъ все море покорно,
Но въ царствѣ воздушномъ мечтательныхъ грезъ
Владычество наше безспорно.

Здѣсь въ нашихъ рукахъ гегемо̀нія; здѣсь
Мы всѣ нераздѣльно сплотились,
Не такъ, какъ другіе народы—они
На плоской землѣ укрѣпились...

Когда я заснулъ, мнѣ привидѣлся сонъ:
По улицамъ древняго Кѐльна,
Облитымъ сіяніемъ яркимъ луны,
Я странствовалъ снова безцѣльно.

Мой черный, таинственный спутникъ опять
Шелъ слѣдомъ за мною. Сгибались
Колѣни мои, я ужасно усталъ—
Но мы все впередъ подвигались,

Все дальше и дальше. Въ груди у меня
Разрѣзаннымъ сердце лежало,
Зіяя, и красными каплями кровь
Изъ раны сердечной бѣжала.

Порой я обмакивалъ пальцы въ нее
И—случаи были нерѣдки—
На разныхъ воро̀тахъ домовъ по пути
Кровавыя дѣлалъ отмѣтки.

И только-что знакъ я поставлю такой
На домѣ—какъ звонъ погребальный
Вдали раздавался и несся, какъ стонъ
Болѣзненно тихій, печальный.

А на небѣ мѣсяцъ тускнѣлъ, темнота
Сгущалась, и въ дикой погонѣ

Зловѣщія тучи грядами неслись
За нимъ, точно черные кони.

Мой темный товарищъ съ своимъ топоромъ
По прежнему шелъ нераздѣльно
За мною, и долго по улицамъ мы
Вдвоемъ все бродили безцѣльно.

Бродили, бродили—и снова пришли
На площадь собора; находимъ
Въ полночную пору всѣ двери его
Открытыми настежъ—и входимъ.

Въ громадномъ пространствѣ царили лишь смерть,
И ночь, и молчанье; горѣли
Мѣстами лампады, какъ будто бы тьму
Тѣмъ явственнѣй сдѣлать хотѣли.

Я долго ходилъ вдоль высокихъ колоннъ,
И только шаги за спиною
Я слышалъ; то былъ мой сопутникъ; и здѣсь
Онъ шелъ шагъ за шагомъ со мною.

И вотъ мы въ капеллѣ восточныхъ волхвовъ;
Свѣчами она пламенѣла
И массой своихъ драгоцѣнныхъ камнѣй
И золота ярко блестѣла.

Но чудо какое! Святые волхвы,
Чтò такъ неподвижно лежали
Ужъ столько столѣтій—теперь на своихъ
Гробницахъ они возсѣдали.

Скелеты облекъ фантастичный нарядъ;
Украшены гордо вѣнцами
Ихъ желтые черепы; держатъ и скиптръ
Они костяными руками.

Какъ въ куклахъ пружинныхъ, ихъ кости, давно
Изсохшія, вновь шевелились;
И въ воздухѣ запахи гнили, а съ ней—
И ладана тоже, носились.

Одинъ даже ртомъ шевельнулъ, и ко мнѣ
Онъ рѣчь обратилъ съ объясненьемъ,

До крайности длиннымъ, за что̀ я ему
Обязанъ высокимъ почтеньемъ:

Во-первыхъ, за то, что онъ мертвъ; во-вторыхъ,—
Царемъ онъ когда-то считался;
А въ-третьихъ,—его признавали святымъ...
Но я равнодушенъ остался

И такъ, засмѣявшись, ему отвѣчалъ:
—Что̀ проку въ твоихъ убѣжденьяхъ?
Я вижу, что съ прахомъ прошедшихъ временъ
Ты связанъ во всѣхъ отношеньяхъ.

Ступайте отсюда! Вамъ мѣсто одно—
Во мракѣ глубокой могилы;
Сокровища этой капеллы беретъ
Жизнь, полная власти и силы.

Грядущаго конница радостно здѣсь,
Въ соборныхъ стѣнахъ, поселится;
Не выйдете мирно—такъ палками васъ
Заставлю я въ бѣгство пуститься.

Сказалъ я, назадъ обернулся—и вдругъ
Ужасное встрѣтилъ сверканье
Ужасной сѣкиры: мой спутникъ нѣмой,
Понявши мое приказанье,

Приблизился быстро съ сѣкирой своей
Къ былыхъ суевѣрій скелетамъ
И началъ несчастныхъ рубить и рубить
Безъ всякой пощады. Отвѣтомъ

Ударамъ отгрянуло эхо отъ стѣнъ,
Отъ сводовъ! Струями полился
Кровавый потокъ изъ груди у меня;
И въ ужасѣ я пробудился.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

До Гагена сто̀итъ изъ Кёльна проѣздъ
Пять талеровъ прусскихъ; достался
Билетъ мнѣ въ открытомъ возкѣ; дилижансъ
Ужъ занятымъ весь оказался.

Осенняя сырость; телѣга въ грязи
Кряхтѣла. По скверной дорогѣ
И скверной погодѣ, всему вопреки,
Я весь былъ въ отрадной тревогѣ.

Вѣдь это же воздухъ отчизны! Онъ жжетъ
Своею живительной силой
Мнѣ щеки. Вся эта дорожная грязь—
Вѣдь грязь моей родины милой!

Лошадки привѣтно махали хвостомъ,
Какъ будто я другъ ихъ старинный,
И мнѣ Аталантовыхъ яблокъ милѣй
Былъ круглый помётъ лошадиный [1]).

Вотъ Мюльгеймъ проѣхали. Городъ хорошъ,
Хорошій и нравъ у народа —
Прилежный и скромный. Я здѣсь не бывалъ
Съ весны тридцать-перваго года.

Въ ту пору на всемъ былъ цвѣточный нарядъ,
И птицы въ вѣтвяхъ щебетали,
И весело солнце пускало лучи,
И люди, надѣясь, мечтали—

Мечтали: „Ну, скоро уѣдутъ отсель
Всѣ тощіе рыцари наши;
Изъ длинныхъ желѣзныхъ бутылокъ нальемъ
Питья имъ въ прощальныя чаши.

„И съ пѣснями, съ пляской, съ хоругвью своей
Трехцвѣтной свобода прибудетъ;
Пожалуй, что ею изъ гроба для насъ
И самъ Бонапартъ вызванъ будетъ!"

Ахъ, Господи! Рыцари все еще здѣсь!
И сколько изъ этихъ болвановъ,
Что̀, тощи какъ спички, къ намъ въ землю пришли,
Теперь превратились въ пузановъ!

У блѣдныхъ каналій, глядѣвшихъ тогда
Надеждою, вѣрой, любовью,

---

[1]) Аталанта (въ греческой миѳологіи) на состязаніяхъ побѣждала всѣхъ, искавшихъ ея руки; наконецъ, Гиппоменъ побѣдилъ ее, бросивъ ей подъ ноги золотыя яблоки.

Теперь, въ угощеніяхъ нашимъ виномъ,
Носы точно налиты кровью.

Свобода же ногу свихнула себѣ,
Хромаетъ, нѣтъ бранной отваги;
На башняхъ парижскихъ висятъ, опустясь,
Печально трехцвѣтные флаги.

Возсталъ между тѣмъ императоръ; но такъ
Строптивость его усмирили
Британскіе черви, что онъ допустилъ,
Чтобъ снова его схоронили.

Я самъ погребеніе видѣлъ, когда
Златую везли колесницу,
На коей златыя богини побѣдъ
Златую держали гробницу.

Медлительно вдоль Елисейскихъ-Полей,
Подъ Аркой затѣмъ Тріумфальной,
Сквозь снѣжные хлопья, сквозь ѣдкій туманъ
Тянулся поѣздъ погребальный.

Въ игрѣ музыкантовъ былъ страшный разладъ—
Отъ стужи они коченѣли;
Орлы со штандартовъ своихъ на меня
Съ печальнымъ привѣтомъ глядѣли.

Толпой привидѣній казался народъ,
Ушедшій весь въ память былого;
Предъ нимъ императорскій сказочный сонъ
Былъ, чарами вызванный, снова.

Я плакалъ въ то утро печальное. Взоръ
Невольно слезой омрачился,
Когда предо мной крикъ забытый любви,
Крикъ: „Vive l'Empereur!" прокатился.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Изъ Кёльна въ осьмого три-четверти мы
Уѣхали; къ тремъ уже были
На Гагенской станціи; здѣсь въ этотъ часъ
Проѣзжихъ обѣдомъ кормили.

Тутъ старо-германская кухня была,
Въ ея красотѣ настоящей.
Привѣтъ моей кислой капустѣ! По мнѣ
Твой запахъ всѣхъ запаховъ слаще.

Каштаны въ зеленой капустѣ! Ѣдалъ
У матушки ихъ я когда-то.
Привѣтъ и родимой трескѣ! Какъ умно
Ты плаваешь въ маслѣ!.. О, свято

Во вѣкъ остается для нѣжныхъ сердецъ
Отечество!.. Очень, признаться,
Люблю я и яйца, и мелкихъ сельдей—
Когда хорошо прокоптятся.

Какъ радостны въ брызжущемъ жирѣ своемъ
Сосиски! Смущенно лежали
Дрозды, какъ жаркое изъ крошекъ-дѣтей,
Въ компотѣ, и мнѣ щебетали:

„Здорово, землякъ! Ужъ давненько тебя
Не видѣли мы! За-границей
Ты все проживалъ—и компанію тамъ
Водилъ съ иноземною птицей".

Межъ яствъ и гусыня была—существо
Чувствительной, кроткой породы;
Кто знаетъ? Быть можетъ, любила она
Меня въ мои юные годы.

Смотрѣла она на меня такъ тепло,
Такъ преданно, нѣжно, уныло;
Душа въ ней, навѣрно, нѣжна и мягка,
Но тѣло прежёсткое было.

Свиную головку къ обѣду, затѣмъ,
Намъ подали тоже на блюдѣ;
У насъ по сю пору вѣнчаютъ свиней
Листами лавровыми люди.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Сейчасъ же за Гагеномъ стало темно,
И странный ознобъ всю дорогу

До Унны въ кишкахъ ощущалъ я; лишь тамъ,
Въ трактирѣ, согрѣлся немного.

Здѣсь пуншу стаканъ получилъ я изъ рукъ
Привѣтливой юной красотки;
Какъ шолкъ золотой—ея кудри; глаза—
Какъ отблески мѣсяца кротки.

Ея шепелявый вестфальскій акцентъ
Съ восторгомъ услышалъ опять я,
И память о прошломъ въ парàхъ пуншевыхъ
Воскресла; васъ, милые братья,

Я вспомнилъ,—васъ, други вестфальцы мои,
И Геттингенъ, гдѣ напивались
Мы съ вами, и, нѣжно въ объятьяхъ сплетясь,
Подъ столъ, наконецъ, опускались.

Да, милыхъ и добрыхъ вестфальцевъ всегда
Любилъ я; такой это вѣрный,
Надежный и крѣпкій народъ, безъ слѣда
Хвастливости, лжи лицемѣрной.

Какъ славно, со львиной душою своей,
Стояли они на мензурѣ!
Въ ихъ тэрцахъ и квартахъ законы блюлись
Согласно ихъ честной натурѣ [1]).

Прекрасно фехтуютъ, прекрасно и пьютъ;
Когда поцѣлуемъ ихъ губы
Союзъ закрѣпляютъ, то плачутъ они—
Чувствительно-нѣжные дубы!

Пусть небо хранитъ тебя, славный народъ,
Пусть счастье оно посылаетъ
На нивы твои, и отъ славы, отъ войнъ,
Отъ всякихъ героевъ спасаетъ.

Сынамъ твоимъ пусть помогаетъ всегда
Сдавать самый легкій экзаменъ;
А дочекъ прилично и мило ведетъ
Подъ чепчикъ супружескій.—Amen!

---

[1]) Мензура, тэрцы и кварты—фехтовальные термины.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Вотъ лѣсъ Тевтобургскій, описанный намъ
У Тацита; вотъ передъ нами
Тѣхъ топей классическихъ мѣсто, гдѣ Варъ
Завязъ со своими полками.

Здѣсь Германа дланью онъ былъ пораженъ,
Херусскаго славнаго князя...
Побѣда нѣмецкой народности здѣсь
Одержана—въ этой-то грязи.

Когда бы съ ордой бѣлокурой своей
Не выигралъ Германъ сраженья,
Конецъ бы нѣмецкой свободѣ, и намъ
Римлянами бъ быть безъ сомнѣнья.

Къ намъ римскіе нравы и римскій языкъ
Властительно были бъ привиты;
Весталки бы въ Мюнхенѣ даже нашлись,
И швабы звались бы: квириты.

Гаруспексомъ Генгстенбергъ сталъ бы, въ кишкахъ
Бычачьихъ искалъ бы отвѣтовъ;
Неандеръ [1]) въ авгуры пошелъ бы, отъ птицъ,
Въ полетѣ ихъ, ждалъ бы совѣтовъ.

Бирхъ-Пфейферъ [2]), какъ римскія барыни встарь,
Пила бы экстрактъ терпентина,
(У нихъ, говорятъ, отъ того ароматъ
Прекрасный имѣла урина).

И не былъ бы Раумеръ [3]) нѣмецкая дрянь,
Онъ сдѣлался бъ—римскій Дрянацій,
Безъ риѳмъ сочинялъ бы стихи Фрейлигратъ [4]),
Какъ нѣкогда Флаккусъ Горацій.

---

[1]) Неандеръ—профессоръ богословія въ Берлинѣ.

[2]) Бирхъ-Пфейферъ—романистка и драматическая писательница.

[3]) Раумеръ—извѣстный историкъ.

[4]) Фрейлигратъ—знаменитый политическій поэтъ, современникъ Гейне.

Грубьянъ-попрошайка, нашъ батюшка Янъ [1]),
Звался бы теперь Грубіанусъ;
Me Hercule! Масманъ [2]) бесѣды бы велъ
Латынью—Маркъ Туллій Масманусъ.

Поборники правды дрались бы теперь
Съ гіенами, тиграми, львами
Въ аренахъ; сражаться бы имъ не пришлось
Въ ничтожныхъ журнальчикахъ съ псами.

На мѣсто трехъ дюжинъ владыкъ, *одного*
Нерона имѣли бъ народы;
Себѣ мы бы рѣзали жилы на зло
Презрѣннымъ убійцамъ свободы.

Нашъ Шеллингъ вторымъ бы Сенекою былъ
И кончилъ бы тѣмъ же конфликтомъ;
Корнеліусъ могъ бы услышать отъ насъ,
Что „cacatum non est pictum“ [3]).

Но слава Творцу! Германъ римлянъ разбилъ,
И изгнаны имъ иноземцы;
Варъ палъ со своими полками, и мы
Остались по прежнему нѣмцы.

Мы нѣмцы, какъ прежде; опять говоримъ
Мы всѣ по-нѣмецки; куда бы
Ни двинулись, Esel—названье осла,
Не asinus; швабы все—швабы.

И Раумеръ, какъ прежде, нѣмецкая дрянь,
Украшенъ онъ орденскимъ знакомъ;
Все риѳмами пишетъ стихи Фрейлигратъ,
Не сталъ онъ Гораціемъ Флаккомъ.

И Масманъ латынью рѣчей не ведетъ,
Бирхъ-Пфейферъ творитъ только драмы,
Не пьетъ терпентину дрянного она,
Какъ римскія свѣтскія дамы.

---

[1]) Батюшка Янъ (Vater Jahn)—извѣстный патріотъ-нѣмечникъ, основатель патріотическихъ обществъ, цѣль которыхъ была—возстановленіе стариннаго духа Германіи въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ.

[2]) Масманъ—ярый тевтоманъ, жестоко осмѣянный Гейне въ „Путевыхъ Картинахъ“.

[3]) Корнеліусъ—извѣстный живописецъ. Латинская фраза значитъ: „Пачканье не есть живопись“.

О, Германъ, тебѣ мы обязаны всѣмъ!
Народъ благодарнымъ остался
И въ Детмольдѣ памятникъ ставитъ тебѣ—
Я самъ на него подписался.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Ползетъ наша бричка въ лѣсной темнотѣ.
Вдругъ трескъ подо мной. Отлетѣло,
Сломавшись, у насъ колесо. Мы стоимъ.
Совсѣмъ незабавное дѣло!

Слѣзаетъ почтарь и въ деревню спѣшитъ;
А я одинокій остался
Средь лѣса и въ пору полночную. Вдругъ
Кругомъ вой зловѣщій раздался.

То волки голодною глоткой своей
Такъ дико, сойдясь, завываютъ;
Въ ночной темнотѣ огневые глаза,
Какъ свѣчи, горятъ и сверкаютъ.

Навѣрно, узнавъ о пріѣздѣ моемъ,
Почетный пріемъ захотѣли
Мнѣ сдѣлать они—освѣтили свой лѣсъ
И хоромъ привѣтъ мнѣ запѣли.

Да, ясно я вижу теперь: это мнѣ
Устроили здѣсь серенаду.
Я сталъ въ позитуру и имъ произнесъ
Съ растроганнымъ видомъ тираду:

— Товарищи-волки! Я счастливъ, себя
Увидѣвъ сегодня въ собраньѣ
Сердецъ благородныхъ, изъ коихъ ко мнѣ
Съ любовью летитъ завыванье.

Чтò въ эту минуту прочувствовалъ я,
Не выразить словомъ, конечно;
Ахъ, этотъ прекраснѣйшій часъ для меня
Останется памятнымъ вѣчно.

Примите мою благодарность за то
Довѣріе, коимъ почтили

Меня, и съ которымъ вы мнѣ ужъ не разъ
Въ невзгодные дни послужили.

Товарищи-волки! Изъ васъ ни одинъ,
Во мнѣ усомнясь, не попался
На удочку плутовъ, кричавшихъ, что я
На сторону псовъ передался;

Что сталъ я отступникъ, что скоро вступлю
Гофратомъ я въ стадо овечье;
Считалъ унизительнымъ я для себя
Оспаривать это злорѣчье.

Хоть шубой овечьей порою себя,
Въ холодное время, я грѣю,
Но вѣрьте, что счастье овецъ никогда
Мечтой не бывало моею.

Да, я не овца, не треска, не гофратъ,
Не песъ,—только волки мнѣ любы,
Я волкомъ остался, какъ былъ; у меня
Все волчье—и сердце, и зубы!

Я волкъ, и по-волчьи выть буду всегда;
Здѣсь каждый разсчитывать можетъ
Всегда на меня; помогайте себѣ
Вы сами—и Богъ вамъ поможетъ.

Такую-то рѣчь я теперь произнесъ,
Совсѣмъ не готовившись; эти
Слова, изувѣчивъ ихъ, Кольбъ помѣстилъ
Потомъ во „Всеобщей Газетѣ“ [1]).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Вотъ Падерборнъ. Солнце сегодня взошло
Съ сердитымъ такимъ выраженьемъ;
Вѣдь занято скучной работой оно—
Дурацкой земли освѣщеньемъ.

---

[1]) Кольбъ, редакторъ „Augsburger Allgemeine Zeitung“, гдѣ статьи и стихи Гейне часто помѣщались въ изуродованномъ по цензурнымъ условіямъ видѣ.

Освѣтитъ одну половину на ней
И быстро направитъ въ другую
Полетъ лучезарный—а первая, глядь,
Ужъ въ тьму погрузилась ночную.

Не можетъ управиться съ камнемъ Сизифъ,
Данаевы дочери даромъ
Льютъ воду въ ихъ бочку, и солнце вотще
Горитъ надъ земнымъ нашимъ шаромъ.

Туманъ разошелся, и алой зари
Лучи предо мной освѣтили
У края дорожнаго ббразъ Того,
Кого ко кресту пригвоздили.

Я полонъ глубокою скорбью, когда
Увижу Твой ббразъ распятый...
. . . .
. . . .

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

По голой равнинѣ, при вѣтрѣ сыромъ,
Въ грязи мы плетемся уныло;
Но въ сердцѣ моемъ и звучитъ, и поетъ:
„Ты, солнце, каратель-свѣтило!"

Такъ старая пѣсня кончалась—ее
Мнѣ нянюшка часто пѣвала.
„Ты, солнце, каратель-свѣтило!"—какъ зовъ
Лѣсного рожка прозвучало.

Та пѣсня поетъ объ убійцѣ; онъ жилъ
Въ довольствѣ, въ весельи блестящемъ;
Но вотъ, наконецъ, онъ былъ найденъ въ лѣсу
На ивѣ плакучей висящимъ.

И къ дереву смертный его приговоръ
Прибитъ былъ гвоздями; свершило
Судилище фэмы [1]) свой мстительный судъ—
Ты, солнце, каратель-свѣтило!

---

[1]) Судилище фэмы (Femgericht)—вѣроятно отъ старонѣмецкаго слова „feme"—судъ выборныхъ лицъ въ средніе вѣка; пользовался большимъ вліяніемъ.

Убійца былъ солнцемъ къ суду привлеченъ,
Оно обвинить побудило;
Оттиліи крикъ былъ на смертномъ одрѣ:
„О, солнце, каратель-свѣтило!“

Чуть вспомню ту пѣсню—и нянчю свою
Старушку сейчасъ вспоминаю:
Всѣ складки, морщины на смугломъ лицѣ
Такъ живо себѣ представляю!

Въ деревнѣ вестфальской родившись, она
Имѣла запасъ превосходный
Преданій, и страшныхъ волшебныхъ легендъ,
И сказокъ, и пѣсни народной.

Съ какимъ я біеніемъ сердца внималъ
Разсказу про царскую дочку,
Чтò, косы плетя золотыя, въ степи
Сидѣла весь день въ одиночку.

Гусей сторожихой служила она;
Когда жъ вечеркомъ загоняла
Ихъ въ городъ обратно, всегда у воротъ
Въ глубокой печали стояла.

Прибита была къ нимъ коня голова—
Она королевнѣ знакома!
Ахъ, конь этотъ бѣдный ее вѣдь принесъ
Въ чужбину изъ отчаго дома.

Вздыхаетъ до слезъ королевская дочь:
„О, Фàлада мой, ты повѣшенъ!“
Коня голова отвѣчаетъ съ воротъ:
„Ахъ, я за тебя безутѣшенъ!“

Вздыхаетъ до слезъ королевская дочь:
„Когда бъ моя мать это знала!“
Коня голова отвѣчаетъ съ воротъ:
„Ей сердце бъ та вѣсть разорвала!“

Не смѣя дохнуть, я старухѣ внималъ,
Когда, уже въ тонѣ серьезномъ,
О Рòтбартѣ [1]) рѣчь заводила она,
О немъ, императорѣ грозномъ.

---

[1]) Ротбартъ (рыжая борода)—императоръ Фридрихъ Барбаросса.

Она увѣряла—совсѣмъ онъ не мертвъ,
Какъ думаетъ міръ нашъ ученый;
Онъ живъ, и скрывается только въ горѣ,
Дружиной своей окруженный.

Кифгейзеръ гора та зовется; внутри
Пещера; высоко аркады
Возносятся въ залахъ, въ которыхъ горятъ
Таинственнымъ свѣтомъ лампады.

И первая зала—конюшня; туда
Войди—и увидишь стоящихъ
За яслями тысячъ и тысячъ коней
Въ серебряныхъ сбруяхъ блестящихъ.

Осѣдланы, взнузданы кони; но всѣ
Недвижны; не слышно ни ржанья,
Ни стука копытъ; точно собраны здѣсь
Желѣзныя все изваянья.

А въ залѣ второй на соломѣ лежатъ
Десятками тысячъ солдаты;
Воинственно грозны ихъ лица—народъ
Здоровый такой, бородатый.

Съ оружьемъ, въ бронѣ съ головы и до ногъ
Вся армія эта, но тоже
Лежатъ храбрецы неподвижно; сковалъ
Ихъ сонъ непробудный на ложѣ.

Вдоль стѣнъ третьей залы громадный запасъ
Изъ разныхъ металловъ оружья—
Тутъ шлемы, топорики, копья, броня,
Мечи, старофранкскія ружья.

Немного здѣсь собрано пушекъ, но ихъ,
Трофей чтобъ построить, хватило;
Чёрно-золото-красное знамя надъ нимъ
Высо́ко воздвигнуто было.

Въ четвертой живетъ императоръ. Сидитъ
На каменномъ стулѣ, рукою
Могучей опёршись о каменный столъ,
Съ опущенной къ ней головою.

Сидитъ онъ ужъ много вѣковъ; борода,
Какъ пламя красна, достигаетъ

Уже до земли; онъ то глазомъ моргнетъ,
То брови сурово сдвигаетъ.

Онъ спитъ или думаетъ думу? рѣшить
Нельзя; но пусть только настанетъ
Желанный, давно ожидаемый часъ—
И онъ богатырски воспрянетъ.

Онъ схватитъ почтенное знамя, и крикъ:
„Вставать! На коня!“ пронесется
По заламъ высокимъ; заслышавъ его,
Вся конница быстро проснется.

И вскочитъ, оружьемъ стуча, на коней,
Топочущихъ, ржущихъ ретиво;
Труба загремѣла, и въ міръ боевой
Помчалися всадники живо.

Всѣ выспались вдоволь; и бьются они
Отлично, и ѣздятъ отлично;
Убійцъ покарать императоръ рѣшилъ
И судитъ онъ ихъ самолично;

Убійцъ, чье коварство въ былые года
Германію жизни лишило—
Чистѣйшую дѣву въ кудряхъ золотыхъ...
О, солнце, каратель-свѣтило!

Пусть, въ зâмкахъ укрывшись, считаютъ себя
Спокойными наглые трусы—
Отъ мстительной петли они не уйдутъ
Отъ гнѣвной руки Барбаруссы!..

Чудесныя сказки старушки моей
Звучатъ такъ отрадно, такъ мило!
Мое суевѣрное сердце поетъ:
„О, солнце, каратель-свѣтило!“

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Холодный какъ ледъ, какъ иголки колючъ,
Льетъ дождикъ; по грязной дорогѣ,
Лошадки, печально хвостомъ шевеля,
Волочатъ усталыя ноги.

Почтарь мой на козлахъ трубитъ въ свой рожокъ,
Я старую пѣсенку знаю:
„Три всадника ѣдутъ рядкомъ изъ воротъ!“
Я въ смутныя грезы впадаю.

Клонила дремота меня—я заснулъ,
И сонъ наконецъ мнѣ приснился,
Что я съ императоромъ Ротбартомъ вдругъ
Въ волшебной горѣ очутился.

На каменномъ стулѣ, на каменный столъ
Опёршись, уже не сидѣлъ онъ,
И важнаго вида, въ какомъ представлять
Привыкли его, не имѣлъ онъ.

По заламъ своимъ онъ спокойно гулялъ,
Болтая со мной откровенно,
И, какъ антикварій, показывалъ все,
Что̀ рѣдкостно было и цѣнно.

Въ палатѣ съ оружьемъ онъ мнѣ объяснилъ,
Какъ долженъ быть въ дѣло пускаемъ
Бердышъ; тутъ же ржавчину съ многихъ мечей
Стиралъ онъ своимъ горностаемъ.

Метелкой изъ перьевъ павлиньихъ затѣмъ
Очистилъ отъ пыли булаты,
Доспѣхи различнаго рода—щиты,
Забрала, и шлемы, и латы.

Смелъ пыль и со знамени онъ и сказалъ:
„Вотъ чѣмъ я горжусь наиболѣ,
Что нѣтъ до сихъ поръ червоточинъ въ древкѣ,
И шолкъ не попорченъ отъ моли“.

Когда же въ ту залу мы съ нимъ перешли,
Гдѣ тысячи воиновъ, къ бою
Готовыхъ, лежали и спали—старикъ
Сказалъ мнѣ, довольный собою:

„Здѣсь тише должно говорить и ходить,
Чтобъ сонъ не прервали солдаты;
Столѣтье опять истекло, и какъ разъ
Сегодня день выдачи платы“.

И вотъ онъ тихонько приблизился къ нимъ
И каждому—вижу—солдату

Украдкой, чтобъ сонъ не нарушить его,
Въ карманъ положилъ по дукату.

Увидѣвъ, что я удивленъ, онъ сказалъ:
„На каждаго здѣсь человѣка
Положенъ за службу дукатъ, и его
Плачу я въ послѣдній день вѣка“.

При этомъ старикъ ухмылялся. А тамъ,
Гдѣ кони безмолвные рядомъ
Стояли недвижно, онъ руки потеръ
Съ особенно радостнымъ взглядомъ

И сталъ лошадей поголовно считать,
Ихъ хлопать по бедрамъ руками;
Считалъ и считалъ онъ, причемъ шевелилъ
Тревожно и быстро губами.

„Нѣтъ, все еще, вижу, неполонъ комплектъ—
Сердясь, наконецъ, замѣчаетъ; —
Солдатъ и оружья достаточно мнѣ,
А вотъ лошадей не хватаетъ.

„Скупать наилучшихъ коней я давно
Своихъ ремонтеровъ отправилъ
По цѣлому свѣту—и къ прежнимъ конямъ
Ужъ новыхъ не мало прибавилъ.

„Жду только комплекта—тогда, на врага
Ударивъ, добуду свободу
Отчизнѣ и ждущему съ вѣрой меня
Такъ долго родному народу“.

Такъ мнѣ говорилъ императоръ,—а я:
— Ударь, старина мой почтенный,
Ударь,—коль не хватитъ коней у тебя,
Возьми ты ословъ для замѣны.

Но Ротбартъ съ улыбкою мнѣ возразилъ:
„Совсѣмъ нѣтъ нужды торопиться;
Вѣдь Римъ не въ одинъ же построили день,
Лишь медленно дѣло спорится.

„Чтò нынче не вышло, то завтра придетъ;
Дубъ крѣпнетъ не спѣшно, но рьяно;

И въ римской имперьи пословица есть,
Что „chi va piano, va sano“ [1]).

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Толчокъ экипажа меня разбудилъ;
Но снова рѣсницы упали,
И скоро опять я заснулъ, и опять
Мнѣ Ротбартъ приснился. Гуляли,

Какъ прежде, по заламъ пустыннымъ мы съ нимъ,
Болтая; про то и про это
Разспрашивалъ онъ и услышать желалъ
Всѣ новости нашего свѣта.

Оттуда десятки ужъ цѣлые лѣтъ
Старикъ не имѣлъ никакого
Извѣстья,—почти съ Семилѣтней войны
Хотя бы единое слово!

Что̀ дѣлаетъ Каршинъ [2])? Моисей Мендельсонъ?—
Разспрашивалъ онъ съ интересомъ,—
Людовикъ Пятнадцатый какъ съ Дюбарри̇̀—
Своею графиней-метрессой?

— О, какъ—я вскричалъ—ты отсталъ, государь!
Моисея давно схоронили,
Съ супругой Ревеккой; и сына-то ихъ,
Абрама, ужъ косточки сгнили.

Отъ брака Абрама и Ліи рожденъ
Сынъ Феликсъ [3]), мальчишка проворный.
Ему въ христіанствѣ весьма повезло,
Ужъ онъ капельмейстеръ придворный.

И старая Каршинъ уже умерла,
И дочь ея, Кленке, скончалась;
Въ живыхъ, говорятъ, только внучка ея,
Гельмина фонъ-Хези, осталась.

---

[1]) Тише ѣдешь, дальше будешь.

[2]) Каршинъ—поэтесса и импровизаторша.

[3]) Феликсъ Мендельсонъ-Бартольди, знаменитый композиторъ, сынъ Моисея Мендельсона, извѣстнаго философа времени Фридриха Великаго.

Пока былъ Людовикъ Пятнадцатый живъ,
Жилось Дюбаррѝ превосходно;
На старости лѣтъ гильотиннымъ ножемъ
Казнили ее всенародно.

Людовикъ Пятнадцатый умеръ въ своей
Постели спокойной кончиной;
Шестнадцатый вмѣстѣ съ супругою былъ
Публично казненъ гильотиной.

На казнь королева безстрашно пошла,
Какъ сану ея подобало;
Когда жъ Дюбаррѝ къ гильотинѣ вели,
Кричала она и рыдала.

Тутъ вдругъ императоръ какъ вкопаный сталъ
Съ пытливо-испуганной миной
И мнѣ говоритъ: „Бога ради, скажи,
Чтò значитъ: казнить гильотиной?“

— Казнить гильотиною—я объяснилъ—
Новѣйшая это метода,
Которою въ гробъ отправляютъ людей
Всѣхъ званій и всякаго рода.

При этой методѣ пускается въ ходъ
Новѣйшая тоже машина:
Ее изобрѣлъ господинъ Гильотэнъ,
Названье по немъ--гильотина.

Ремнями къ доскѣ ты привязанъ; ее
Опустятъ; ты вдвинутъ въ продольный
Проходъ межъ двухъ бревенъ высокихъ; вверху
Повѣшенъ топоръ треугольный.

Потянутъ за шнуръ—и топоръ съ высоты
Внизъ живо и весело мчится;
При случаѣ этомъ твоя голова
Въ мѣшокъ подъ доскою катится.

Но тутъ императоръ меня перебилъ:
„Молчи! Я объ этой машинѣ
И знать не хочу! Сохрани меня Богъ
Дать ходъ у себя гильотинѣ!

„Король съ королевой! Ремнями! Къ доскѣ
Привязаны! Слыхано ль это?
Вѣдь тутъ нарушаютъ почтенья законъ,
Тутъ гибель всего этикета!

„Да ты-то и самъ кто такой, чтобъ ко мнѣ
Такъ смѣло, на-*ты* обращаться?
Постой, я до дерзостныхъ крыльевъ твоихъ,
Мальчишка, съумѣю добраться.

„Всю желчь твоя рѣчь подымаетъ во мнѣ—
Такъ страшно она дерзновенна!
Твое ужъ дыханье преступно: оно
Отчизнѣ и трону измѣна!"

Когда на меня раздраженный старикъ
Накинулся съ бѣшенымъ шумомъ,
Я тоже вскипѣлъ и далъ волю своимъ
Завѣтнѣйшимъ чувствамъ и думамъ.

— Герръ Ротбартъ!—воскликнулъ я громко:—ты духъ
Изъ сказокъ; ступай уложиться
И мирно усни; а ужъ мы безъ тебя
Свободы съумѣемъ добиться.

Республики партія насъ осмѣетъ,
Начнетъ насъ колоть остротами,
Увидѣвъ, что призракъ, со скиптромъ въ рукахъ,
Съ короной, господствуетъ нами.

Не любо мнѣ больше и знамя твое;
Нѣмечниковъ глупое рвенье
Къ цвѣтамъ черно-красно-златому въ меня
Ужъ буршемъ внесло отвращенье.

Всего было бъ лучше—тебѣ навсегда
Въ Кифгейзерѣ старомъ остаться;
Да намъ вообще императоръ теперь
Нисколько не нуженъ, признаться.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Во снѣ съ государемъ поссорился я—
Во снѣ, разумѣется; въявѣ

Такъ грубо съ особой такой говорить
Считаемъ себя мы не въ правѣ.

Во снѣ, въ идеальныхъ лишь грезахъ своихъ,
Мы, нѣмцы, монархамъ дерзаемъ
Нѣмецкія чувства высказывать тѣ,
Чтò въ сердцѣ глубоко скрываемъ.

Проснувшись, себя я увидѣлъ въ лѣсу.
Видъ этихъ деревъ, этой прозы,
Реально нагой, деревянной—тотчасъ
Разсѣялъ минутныя грёзы.

Вершинами строго качали дубы,
Въ киваньи березъ осужденье
Читалъ я—и крикнулъ:—Монархъ дорогой,
Прости мнѣ мое дерзновенье!

Прости мнѣ, о, Ротбартъ, горячность мою!
Я знаю, ты много мудрѣе
Меня—я теряю терпѣнье легко...
Приди, императоръ, скорѣе!

Коли гильотина не нравится—ты
Останься при старомъ: дворянству—
По прежнему мечъ, а веревку съ петлёй—
Мѣщанамъ, купцамъ и крестьянству.

Порой лишь мѣняй ты методу: повѣсь
Двухъ-трехъ изъ дворянскаго званья,
А гражданъ простыхъ и крестьянъ обезглавь—
Мы всѣ вѣдь Господни созданья.

Вновь судъ уголовный, судъ плахи введи,
Чтò создалъ съ немалымъ успѣхомъ
Карлъ Пятый,—и снова народъ раздѣли
По гильдіямъ, классамъ и цехамъ.

Священной имперіи римской опять
Дай жизнь и всю силу былую;
Верни намъ, со всей обстановкой смѣшной,
Старинную ветошь гнилую.

Да, средневѣкòвый порядокъ, какой
Дѣйствительно былъ въ свое время,
Снесу я охотно; сними только съ насъ
Уродства двуполаго бремя—

Штиблетнаго рыцарства нашего, той
Противнѣйшей смѣси, гдѣ либо
Готическій бредъ, либо новая ложь,
Гдѣ люди—ни мясо, ни рыба.

Гони комедьянтовъ, театры закрой,
Конецъ положи ихъ затѣѣ—
Дѣлà старины пародировать намъ.
Приди, императоръ, скорѣе!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Мы въ крѣпости Мюнденѣ. Славныя въ ней
Орудья и всѣ укрѣпленья;
Но съ прусскою крѣпостью дѣло имѣть
Я чувствую мало влеченья.

Пріѣхали подъ-вечеръ мы, и когда
Подъемнымъ мостомъ проѣзжали,
Зловѣще стоналъ онъ подъ нами, а рвы,
Какъ темныя пасти, зіяли.

И рядъ бастіоновъ смотрѣлъ на меня
Съ угрозой такой, такъ сурово;
Большія ворота, желѣзомъ брянча,
Раскрылись и зàперлись снова.

Ахъ, стало такъ мрачно въ душѣ у меня,
Какъ нѣкогда было съ душою
Улисса, когда завалилъ Полифемъ
Отверстье пещеры скалою.

Но вотъ, къ экипажу капралъ подошелъ,
„Какъ имя?“ спросилъ. Отвѣчаю:
— Никто—мое имя; я докторъ глазной
И бѣльма гигантамъ снимаю [1]).

Въ гостинницѣ стало еще тяжелѣй,
Противно мнѣ кушанье было:
Въ постель я сейчасъ же улегся, но спать
Не могъ—одѣяло давило.

[1]) „Никто—мое имя“—отвѣтъ, который Улиссъ (въ „Одиссеѣ“ Гомера) далъ гиганту-циклопу Полифему. Слово „бѣльма“ имѣетъ отношеніе къ тому, что Полифемъ былъ слѣпъ на одинъ глазъ.

Лежалъ я въ пуховой постели; съ боковъ
По ситцевой красной гардинѣ,
Истертый давно золотой балдахинъ,
Въ немъ грязная кисть по срединѣ.

Проклятая кисть! Не давала всю ночь
Она мнѣ минуты покою,
Съ угрозой, какъ мечъ Дамоклеса, вися
Какъ-разъ надъ моей головою.

Порой, головою змѣиной она
Казалась; я слышалъ шипѣнье:
„Ты въ крѣпости здѣсь, и останешься въ ней,
Навѣки твое заточенье“.

— О, еслибъ возможно мнѣ было теперь—
Вздыхалъ я съ тоскою унылой—
Быть дома, въ Парижѣ, въ Faubourg Poissonière,
Сидѣть у жены моей милой!

Я чувствовалъ также—на лбу у меня
Какъ будто бы что-то черкàли;
Мнѣ чудился цензоръ съ холодной рукой—
И мысли мои убѣгали.

Жандармы, укутавши въ саванъ себя,
Какъ призраковъ бѣлыхъ собранье,
Постель окружили, и слышалось мнѣ
Зловѣщее цѣпи бряцанье.

Ахъ, призраки эти схватили меня,
Куда-то съ собой потащили —
И вотъ на крутомъ я утесѣ; къ нему
Цѣпями меня пригвоздили.

Опять балдахинная гадкая кисть
Виситъ надо мной! Но теперь я
По виду за коршуна принялъ ее—
И когти, и черныя перья.

Въ ней сходство увидѣлъ я съ прусскимъ орломъ;
Меня обхватилъ онъ когтями,
Выклевывалъ печень изъ грýди—и я
Стоналъ, обливался слезами.

И долго стоналъ я,—но крикнулъ пѣтухъ,
И сонъ лихорадочный скрылся;
Я въ Минденѣ, въ потной постели лежалъ,
Орелъ снова въ кисть превратился.

Спѣшилъ съ экстра-почтою выѣхать я.
И только средь вольной природы,
Уже на землѣ Бюкебургской [1]), вздохнулъ
Съ живымъ ощущеньемъ свободы.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

О, какъ ты ошибся, Дантонъ!—и за то,
Что было рѣшенье такъ ложно,
Пришлось поплатиться! Отчизну унесть
Съ собой на подошвахъ возможно [2]).

Чуть-чуть что не княжество все Бюкебургъ
Къ моимъ сапогамъ прилѣпилось;
По грязнымъ дорогамъ такимъ проходить
Мнѣ въ жизни впервые случилось.

Я въ городъ сошелъ; на родное гнѣздо
Хотѣлось взглянуть мимоходомъ;
Здѣсь дѣдушка мой появился на свѣтъ,
А бабушка—гамбургка родомъ.

Въ Ганноверъ пріѣхалъ я въ полдень; съ сапогъ
Мнѣ счистили грязь; поспѣшаю
Осматривать городъ; поѣздки свои
Я съ пользой всегда совершаю.

Мой Богъ, да какая же здѣсь чистота!
На улицахъ грязи не видно,
Роскошныя зданья стоятъ предо мной,
Все такъ величаво, солидно.

Особенно площадь понравилась мнѣ:
Въ прекрасныхъ домахъ вся окружность;
Живетъ тутъ король, тутъ его и дворецъ—
Красивая очень наружность—

---

[1]) Бюкебургъ—резиденція княжества Шаумбургъ-Липпе, всего съ 5.000 жителей.

[2]) Когда Дантону, послѣ казни Гебера и его партіи, совѣтовали бѣжать, онъ отвѣчалъ, что „отечество не унесешь съ собою на своихъ подошвахъ“.

(Дворцовая, то-есть). У входныхъ дверей
Двѣ будки, и стражи предъ ними
При ружьяхъ и въ красныхъ мундирахъ; они
Свирѣпыми смотрятъ такими!

„Здѣсь—мой объяснилъ чичероне—живетъ
Эрнстъ Аугустусъ, старый мужчина
Дворянскаго званія, тори и лордъ,
По лѣтамъ совсѣмъ молодчина.

„Онъ здѣсь идиллически мирно живетъ;
Надежнѣе всякихъ солдатовъ
Его охраняетъ боязненный нравъ
Любезнѣйшихъ нашихъ собратовъ.

„Мы видимся съ нимъ, и всегда отъ него
Я жалобы слышу о долѣ
Скучнѣйшей, ему присужденной судьбой—
Въ Ганноверѣ быть на престолѣ.

„Къ великобританской онъ жизни привыкъ,
И здѣсь ему тѣсно, и гложетъ
Несчастнаго сплинъ; за него я боюсь—
Пожалуй, повѣситься можетъ.

„Третьягодня утромъ его я засталъ
Въ тоскѣ у камина сидѣвшимъ;
Онъ собственноручно готовилъ клистиръ
Собакамъ своимъ заболѣвшимъ".

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Изъ Гарбурга въ Гамбургъ проѣхалъ я въ часъ.
Былъ вечеръ. Дышала природа
Прохладой и нѣгой; и звѣздочки мнѣ
Кивали съ небеснаго свода.

Явился я къ матушкѣ милой; она
Почти испугалась сначала
Отъ радости. „Ахъ, мой сынокъ дорогой!"—
Всплеснувши руками, вскричала.

„Дитя дорогое! Тринадцать вѣдь лѣтъ
Съ тобой мы не видѣлись, знаешь;

Навѣрно, ты голоденъ очень; скажи,
Чего ты покушать желаешь?

„Есть рыба, есть жареный гусь у меня,
И сочные есть апельсины".
— Прекрасно; и рыбы, и гуся давай,
Давай и свои апельсины.

Я ѣлъ съ аппетитомъ. У матушки видъ
Былъ бодрый такой и счастливый.
Разспрашивать стала о томъ, о другомъ,
Иной былъ вопросъ щекотливый.

„Хорошъ на чужбинѣ уходъ за тобой?
Жена твоя, милый сыночекъ,
Хозяйство ведетъ ли умѣло? Чинитъ
Изъяны носковъ и сорочекъ?"

— Мамашенька, рыба твоя хороша,
Но ѣсть ее надо безгласно;
Вѣдь косточкѣ въ горло нетрудно попасть,
И ты мнѣ мѣшаешь напрасно.

Покончилъ я съ славною рыбой, и гусь
Былъ поданъ. Тутъ матушка стала
Разспрашивать снова, и мнѣ иногда
Вопросъ щекотливый давала.

„Гдѣ лучше живется, мой милый? У насъ,
Во Франціи ль? Какъ твое мнѣнье?
Какому изъ этихъ народовъ, скажи,
Ты склоненъ отдать предпочтенье?"

— Нѣмецкіе гуси весьма хороши,
Мамашенька милая; все-же
Французы искуснѣй шпигуютъ гусей;
Вкуснѣе подливки ихъ тоже.

Откланялся тоже и гусь. А за нимъ
Ко мнѣ съ заявленьемъ почтенья
Пришли апельсины; ихъ сладость была
Достойна вполнѣ удивленья.

А матушка все продолжала свои
Разспросы о сотняхъ предметовъ
Съ большимъ удовольствіемъ; было межъ нихъ
Не мало пикантныхъ сюжетовъ.

„Какого ты образа мыслей теперь?
Политикой все продолжаешь,
Мой сынъ, увлекаться? Какую своей
Ты партію нынче считаешь?“

— Мамашенька милая, очень вкусны
Твои апельсины; глотаю
Съ большимъ удовольствіемъ сладкій ихъ сокъ,
А корки всегда я бросаю.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ПЕРВАЯ.

Полгорода выжегъ пожаръ; но его
Тотчасъ же отстраивать стали;
Какъ полуобстриженный пудель стоитъ
Мой Гамбургъ въ унылой печали.

Изъ улицъ старинныхъ ужъ многихъ теперь
Съ прискорбьемъ найти не могу я.
Гдѣ домъ, гдѣ впервые узналъ я любовь
И прелесть ея поцѣлуя?

Гдѣ та типографья, въ которой въ печать
Мои „Reisebilder“ давались?
Гдѣ погребъ, въ которомъ я устрицъ глоталъ,
Какъ только онѣ появлялись?

А Дрѐкваль? [1]) Гдѣ Дрекваль? Напрасно его
Найти я стараюсь. Не стало
Того павильона, гдѣ я поѣдалъ
Такъ много пирожныхъ, бывало.

Не стало и ратуши той, гдѣ сенатъ
И бюргерства члены царили.
Добыча пожара! Святыню святынь
Огни дерзновенно спалили!

Еще по сю пору отъ ужаса здѣсь
Вздыхаютъ, и въ слезной печали
Они всю исторію страшную мнѣ
Про бывшій пожаръ разсказали:

[1]) Дрекваль—еврейскій кварталъ въ Гамбургѣ.

„Вдругъ разомъ со всѣхъ загорѣлось концовъ,
Все скрылось подъ дымомъ и блескомъ
Пожарнаго пламени. Башни церквей
Пылали и падали съ трескомъ.

„И старая биржа сгорѣла, куда
Ужъ столько вѣковъ непреложно
Шли наши отцы и вели тамъ дѣла
Такъ честно, какъ было возможно.

„Но банка, серебряной здѣшней души,
Не тронулъ огонь; сохранились
У насъ, слава Богу, тѣ книги, куда
Всѣ наши разсчеты вносились.

„Для насъ даже въ самыхъ далекихъ краяхъ
Подписка пошла, слава Богу,
И восемь мильоновъ—отличный гешефтъ!—
Успѣли собрать понемногу.

„Раздачей пособій совѣтъ управлялъ—
Вполнѣ христіане, все лица
Изъ самыхъ почтеннѣйшихъ; шуйца у нихъ
Не знала, чтò брала десница.

„Въ открытыя руки къ намъ деньги текли
Изъ всѣхъ государствъ; присылали
Намъ тоже съѣстные припасы, и все
Признательно мы принимали

„Наслали намъ вдоволь постелей, одеждъ,
И мясо, и хлѣбъ, и бульоны;
А прусскій король собирался прислать
Къ намъ даже свои батальоны.

„Ущербъ матерьяльный покрылся вполнѣ,
И это мы цѣнимъ сердечно;
Но нашъ перепугъ, перепугъ—никогда
Не будетъ отплаченъ, конечно!“

— Вамъ, милые люди,—я ихъ ободрялъ—
Стонать—непригодное дѣло;
Вѣдь Троя былъ городъ получше, чѣмъ вашъ,
А тоже и въ немъ все сгорѣло.

Постройте дома свои снова; опять
На улицахъ грязь осушите;
Добудьте получше пожарный обозъ;
Законы свои улучшите;

Не сыпьте вы въ свой черепаховый супъ
Кайенскаго перцу чрезмѣрно;
И карповъ не нужно такъ жирно варить—
Отъ нихъ заболѣешь навѣрно.

Индѣйки вамъ вредъ принесутъ небольшой,—
Но бойтесь бѣды несомнѣнной
Отъ птицы коварнѣйшей, снесшей яйцо
Въ парикъ бургомистра почтенный [1]).

Назвать эту птицу фатальную вамъ,
Какъ я полагаю, не надо...
Чуть вспомню о ней, повернется въ моемъ
Желудкѣ вся пища съ досады.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ВТОРАЯ.

Хоть городъ совсѣмъ измѣнился, но въ немъ
Народъ измѣнился едва ли
Не больше. Подобье ходячихъ руинъ,
Всѣ бродятъ въ уныньи, въ печали.

Худые еще худощавѣй теперь,
А толстые—тѣ утолщились;
Ребята—уже старики; старики
Въ ребятъ почти всѣ обратились.

Изъ тѣхъ, что̀ телятами были при мнѣ,
Я многихъ увидѣлъ быками;
Не мало здѣсь тоже смиренныхъ гусятъ—
Надменными стали гусами.

Я встрѣтилъ и старую Гудель; она
Накрашена точно сирена;

---

[1]) Эта птица—прусскій орелъ (см. окончаніе 3-й главы). Подъ яйцомъ, которое эта птица снесла въ парикъ бургомистра, подразумѣвается приглашеніе, обращенное тогда Пруссіею къ другимъ нѣмецкимъ государствамъ—вступить въ прусско-нѣмецкій таможенный союзъ.

Фальшивыя черныя кудри у ней
И зубы какъ бѣлая пѣна.

Всѣхъ лучше успѣлъ сохраниться мой другъ
Торговецъ бумагъ; желтизною
Подернулся волосъ густой. Іоаннъ
Креститель съ нимъ схожъ головою.

*** [1]) я лишь издали видѣлъ; шмыгнулъ
Онъ мимо, какъ будто взволнованъ.
Я слышалъ, что умъ у него погорѣлъ,
Но Биберомъ былъ застрахованъ [2]).

Увидѣлъ и цензора я своего;
На рынкѣ гусиномъ со мною
Онъ встрѣтился разъ—одряхлѣвшій такой,
Съ печально согбенной спиною.

Мы руку другъ другу пожали; въ глазу
У старца блеснула слезинка;
Какъ счастливъ онъ былъ, что увидѣлъ меня!
Всѣхъ тронула бъ эта картинка.

Не всѣхъ мнѣ, однако, найти привелось—
Похитила многихъ могила.
Ахъ, даже съ моимъ Гумпелйно судьба
Вновь встрѣтиться мнѣ не судила [3]).

Недавно великій свой духъ испустилъ
Навѣки сей мужъ благородный.
У трона Іегбвы онъ, днесь серафимъ,
Паритъ просвѣтленный, свободный.

И нѣтъ Адониса кривого; его
Напрасно искалъ я повсюду;
На улицахъ онъ продавалъ намъ фарфоръ—
Кувшины, ночную посуду.

Мой маленькій Мейеръ въ живыхъ ли еще—
Совсѣмъ неизвѣстно мнѣ это;

---

[1]) Подъ этими тремя звѣздочками подразумѣвается Адольфъ Галле, зять банкира Соломона Гейне, причинившій поэту много непріятностей.

[2]) Биберъ—основатель гамбургскаго „Страхового отъ огня союза“.

[3]) Гумпелино—одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ „Путевыхъ Картинахъ“ Гейне; настоящая его фамилія—Гумпель; онъ былъ гамбургскій банкиръ.

Мнѣ очень досадно, что справиться я
О немъ позабылъ у Корнета [1]).

Скончался и преданный пудель Саррасъ.
Готовъ о закладъ я побиться,
Что Кампе [2]) пріятнѣй бы вмѣсто его
Десятка поэтовъ лишиться.

Съ древнѣйшихъ временъ населеніе здѣсь—
Евреи, затѣмъ христіане.
У первыхъ съ послѣдними общее есть—
Придерживать деньги въ карманѣ.

Христьяне—народъ вообще не дурной;
Они и обѣдаютъ славно,
И платятъ всегда по своимъ векселямъ
До дней граціонныхъ исправно.

Евреи опять раздѣляются здѣсь
На партіи: новая—Богу
Молиться стекается въ храмъ; старики,
Какъ прежде, идутъ въ синагогу.

У новой—протесты: считаютъ они
Свинину дозволеннымъ блюдомъ,
И всѣ—демократы; а въ старой—больны
Аристократическимъ зудомъ.

Люблю я и тѣхъ, и другихъ; но клянусь
Тобою, о, праведный Боже,
Что нѣкая рыбка—зовутъ ее шпротъ
Копченый—мнѣ много дороже!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ТРЕТЬЯ.

Сравнить, какъ республику, Гамбургъ нельзя
Съ Венецьей, Флоренцьей безспорно;
Но въ Гамбургѣ устрицы лучше; ихъ сортъ
У Лоренца—самый отборный.

---

[1]) Мейеръ—критикъ и театральный рецензентъ. Корнетъ—извѣстный пѣвецъ и директоръ гамбургскаго театра.

[2]) Кампе—извѣстный издатель.

Прекрасный былъ вечеръ, когда я туда
Отправился съ Кампе въ компаньи;
Хотѣлось намъ устрицъ поѣсть и на нихъ
Рейнвейна свершить возліянье.

Нашелъ я и милое общество тамъ.
Я радостно принялъ въ объятья
Старинныхъ друзей, напримѣръ Шофепье;
Тутъ были и новые братья.

Тутъ встрѣтилъ я Вилле; лицо у него—
Ей Богу,—альбомъ настоящій,
Гдѣ четко студенты, начальства враги,
Вписались рукой колотящей [1].

И Фуксъ былъ межъ нами—язычникъ слѣпой
И личный противникъ Іеговы;
Лишь въ Гегеля вѣруетъ онъ, да еще,
Пожалуй, въ Венеру Кановы.

Мой Кампе хозяйничалъ; онъ раздавалъ,
До-нельзя довольный, поклоны,
Привѣты, улыбки; блаженствомъ сіялъ,
Какъ взоръ просвѣтленный Мадонны.

Съ большимъ аппетитомъ и ѣлъ я, и пилъ,
Въ душѣ помышляя при этомъ:
Мой Кампе великій дѣйствительно мужъ,
Онъ сталъ всѣхъ издателей цвѣтомъ.

Другой бы издатель, быть можетъ, пропасть
Мнѣ съ голоду далъ безсердечно;
А этотъ, добрѣйшій, и пить мнѣ даетъ;
Его не покину я вѣчно.

Хвалу я Тебѣ воздаю, о, Творецъ,
Сей сокъ виноградный создавшій
И Юлія Кампе съ небесныхъ высотъ
Въ издатели мнѣ ниспославшій.

Хвалу я Тебѣ воздаю, о, Творецъ,
Жизнь давшій своимъ всемогущимъ

---

[1]) Вилле—журналистъ; за что наносились ему врагами университетскаго начальства (въ подлинникѣ: akademische Feinde) удары—неизвѣстно.

„Да будетъ!“ рейнвейну на твердой землѣ
И устрицамъ, въ морѣ живущимъ.

При этомъ еще Ты лимоны создалъ,
Чтобъ устрица ими кропилась;
Дай, Отче, теперь, чтобъ сегодня во мнѣ
Вся пища какъ должно сварилась!

Рейнвейнъ размягчаетъ мнѣ сердце всегда,
Смиряетъ онъ духъ мой мятежный
И въ немъ зажигаетъ потребность любви—
Любви къ человѣчеству нѣжной.

Изъ комнатъ на улицу тянетъ меня;
Всю ночь прогулялъ бы; въ объятья
Душа ищетъ душу другую; слѣдишь,
Мелькнутъ ли гдѣ бѣлыя платья.

Въ такіе часы расплываюсь я весь,
Такъ сладостно сердце томится,
Всѣ кошки мнѣ кажутся сѣры тогда,
Елены—всѣ женскія лица.

Гуляя, я въ улицу Дрѐбанъ [1]) пришелъ,
И вижу при лунномъ мерцаньѣ
Жену предъ собой—величава, свѣтла,
Съ высокою грудью созданье.

Лицо было кругло, здоровьемъ цвѣло,
Глаза—бирюза синевою,
Ланиты—двѣ розы, ротъ—вишня, и носъ
Былъ тоже слегка съ краснотою.

Главу покрывалъ полотняный колпакъ,
Весь бѣлый, затѣйно скроенный—
Зубчатыя стѣны и башенки; схожъ
По виду съ стѣнною короной.

Края ея бѣлой туники до икръ—
Чтò это за икры!—спускались,
А самыя ноги мнѣ парой колоннъ
Въ дорическомъ стилѣ казались.

Лицо незнакомки носило въ себѣ
Свойствъ самыхъ земныхъ выраженье;

[1]) Улица, гдѣ по ночамъ собирались женщины легкаго поведенія.

Но сверхчеловѣчная задняя часть
Вѣщала о высшемъ рожденьѣ.

Ко мнѣ подошла и сказала она:
„Привѣтъ мой на Эльбѣ! Скитался
Тринадцать ты лѣтъ, и я вижу, такимъ,
Какъ прежде, донынѣ остался.

„Быть можетъ, ты ищешь прекрасныхъ тѣхъ душъ,
Съ которыми въ прежніе годы
Такъ часто всю ночь проводилъ ты въ мечтахъ
Средь этой роскошной природы.

„Ихъ всѣхъ поглотила чудовище-жизнь,
Стоглавая гидра. Былого
И милыхъ твоихъ современницъ, увы,
Тебѣ не найти уже снова.

„Тебѣ не найти уже милыхъ цвѣтовъ,
Которымъ душой молодою
Ты несъ поклоненье; увяли они,
Развѣяны бурею злою.

„Увяли, изсохли, ногами судьбы
Растоптаны даже жестоко...
Мой другъ, ужъ таковъ неизмѣнный удѣлъ
Всего, что̀ прекрасно, высоко“.

— Кто ты?—я вскричалъ—на меня ты глядишь,
Какъ старой поры сновидѣнье!
Великая! гдѣ ты живешь? Получу ль
Тебя проводить дозволенье?

Съ улыбкой она: „Ошибаешься ты,
Меня за *такую* считая;
Я лучшаго тона особа, вполнѣ
Прилична, морально чиста я.

„Нѣтъ, я не мамзелька какая-нибудь,
Лореточка легкаго вѣса.
Узнай же: богиня Гаммонія я
И Гамбурга я патронесса.

„Смутился ты, даже испуганъ, пѣвецъ
Съ такою безстрашной душою!..
Что̀-жъ? все-таки хочешь меня проводить?
Ну, слѣдуй сейчасъ же за мною!“

Но съ хохотомъ громкимъ я ей отвѣчалъ:
— Идемъ! За тобою я смѣло
Послѣдую всюду, хотя бъ въ самый адъ
Меня повести ты хотѣла!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТАЯ.

Какъ именно узкою лѣстничкой вверхъ
Дошелъ я—сказать не умѣю;
Быть можетъ, незримые духи меня
Внесли за богиней моею.

Здѣсь, въ спальнѣ Гаммоніи, быстро часы
Прошли для меня; тутъ призналась
Богиня, что въ ней симпатія ко мнѣ
Большая всегда сохранялась.

„Ты знаешь—сказала она,—для меня
Въ дни прежніе не было въ мірѣ
Пѣвца драгоцѣннѣй того, кто воспѣлъ
Мессію на набожной лирѣ.

„Вонъ тамъ, на комодѣ, ты видишь, стоитъ
Клопштоковскій бюстъ по сю пору;
Но я ужъ давно обратила его
Въ болванъ головному убору.

„Любимецъ мой—ты; изголовье мое,
Смотри, твой портретъ украшаетъ;
И рамку лица дорогого всегда
Лавровый вѣнокъ обвиваетъ.

„Порой ты, однако,—признаться должна—
Меня оскорблялъ очень больно,
Такъ зло надъ моими сынами глумясь;
Оставь ихъ въ покоѣ, довольно!

„Надѣюсь, что время тебя отъ такихъ
Безчинствъ наконецъ излечило
И больше терпимости даже къ глупцамъ
Въ душѣ у тебя поселило.

„Скажи мнѣ однако, какъ вздумать ты могъ
Во время столь позднее года

Поѣхать на сѣверъ? Вѣдь скоро у насъ
Ужъ зимняя станетъ погода".

— Богиня моя!—я отвѣтилъ—на днѣ
Души человѣка таятся,
Сномъ скованы, мысли, и часто онѣ
Не во-время вдругъ пробудятся.

Наружно еще мнѣ недурно жилось;
Внутри же все съ большею силой
Тревожное чувство росло—занемогъ
Тоской я по родинѣ милой.

И воздухъ французскій, столь легкій всегда,
Давить меня сталъ; все яснѣе
Я чувствовалъ—чтобъ не задохнуться, мнѣ
Въ Германію надо скорѣе.

Я запаха жаждалъ болотъ торфяныхъ,
Родного табачнаго дыма;
Дрожала нога, нетерпѣньемъ попрать
Нѣмецкую землю томима.

Вздыхалъ по ночамъ я, душою летѣлъ
Я въ Гамбургъ къ „Плотиннымъ Воротамъ",
Туда, гдѣ родная старушка живетъ [1];
Съ ней въ близкомъ сосѣдствѣ и Лотта [2].

Вздыхалъ и о славномъ моемъ старикѣ [3],
Который меня безпрестанно
Журилъ, но за то же и добрымъ моимъ
Защитникомъ былъ постоянно.

Изъ устъ его—„глупаго мальчика" мнѣ
Услышать хотѣлось бы снова;
Бывало, звучали въ душѣ у меня,
Какъ музыка, эти два слова.

Манили меня и нѣмецкій дымокъ,
Изъ трубъ синей струйкой летящій,
И нижнесаксонскихъ соловушекъ трель
Въ таинственной буковой чащѣ.

---

[1]) Мать Гейне.
[2]) Сестра Гейне.
[3]) Соломонъ Гейне, дядя поэта, извѣстный банкиръ.

Стремился душою я даже въ мѣста
Прошедшихъ страданій, готовый
Вновь чувство извѣдать, съ какимъ я тогда
Несъ крестъ и вѣнецъ свой терновый [1]).

Вновь плакать хотѣлъ я, гдѣ плакалъ въ тѣ дни
Слезами горчайшими въ жизни...
Вѣдь, кажется, глупая эта тоска
Зовется любовью къ отчизнѣ?

О ней я не очень люблю говорить;
По моему, въ сущности это—
Болѣзнь, какъ другая; я раны свои
Стыдливо скрываю отъ свѣта.

Гадка мнѣ та сволочь, что съ цѣлью будить
Въ сердцахъ умиленья порывы
Несетъ на показъ патріотство свое
И вмѣстѣ—его всѣ нарывы.

Безстыдные нищіе, грязная дрянь!
У всякаго проситъ подать ей
Хоть грошъ популярности ради Христа,
Для Менцеля съ швабскою братьей [2]).

Богиня, сегодня ты видишь меня
Настроеннымъ какъ-то слезливо;
Я боленъ немного, но я полечусь,
Здоровье воротится живо.

Да, я нездоровъ, и отраду принесть
Могла бы ты сердцу больному
Хорошею чашкою чаю, въ нее
Подливши немного и рому.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ПЯТАЯ.

Богиня мнѣ сдѣлала чай и туда
Прибавила рому; сама же
Пить ромъ принялась, не разбавивъ его
Ни капелькой чайною даже.

---

[1]) Рѣчь идетъ о любовныхъ страданіяхъ Гейне въ юности.
[2]) См. выше.

Къ плечу моему прислонилась она
Своей головой, чѣмъ коронѣ
Въ своемъ колпакѣ причинила изъянъ,
И въ кроткомъ сказала мнѣ тонѣ:

„Со страхомъ я думала часто о томъ,
Что ты безъ надзора, далёко,
Средь этихъ фривольныхъ французовъ живешь,
Въ Парижѣ, пріютѣ порока.

„По улицамъ бродишь, и нѣтъ близь тебя
Издателя-нѣмца при этомъ,
Который, какъ менторъ, тебѣ бы служилъ
Охраной и добрымъ совѣтомъ.

„А тамъ искушенье вѣдь такъ велико,
На каждомъ шагу тамъ встрѣчаешь
Сильфидъ нездоровыхъ, и очень легко
Покой свой душевный теряешь.

„Не ѣзди обратно, останься у насъ!
Здѣсь царствуютъ добрые нравы,
Цвѣтутъ точно также и въ нашей средѣ
Невинныя игры, забавы.

„Останься въ Германіи; все здѣсь найдешь
Ты лучше, чѣмъ въ прежнее время;
Прогрессъ ты, конечно, замѣтилъ у насъ,
Впередъ все идетъ наше племя.

„Цензура ужъ тоже совсѣмъ не строга,
Самъ Гофманъ сталъ мягче подъ старость,
Твои „Reisebilder“ не будетъ впередъ
Черкать его юная ярость.

„И самъ ты сталъ старше и мягче теперь,
Со многимъ начнешь примиряться,
И даже прошедшее будетъ тебѣ
Въ иномъ, лучшемъ свѣтѣ являться.

„Да, крайность въ томъ мнѣньи, что прежде дѣла
Такъ скверно шли въ нашей отчизнѣ;
Отъ рабства, какъ нѣкогда въ Римѣ, спастись
Могъ каждый, лишивъ себя жизни.

„Свободою мысли народъ обладалъ
И въ массы ее пропускали;
Стѣсненье терпѣли немногіе—тѣ,
Кто книги печатать желали.

„У насъ никогда не царилъ произволъ,
Законъ соблюдали мы строго,
Чиновной кокарды лишить только судъ
Могъ даже врага-демагога.

„Да, слишкомъ ужъ скверно у насъ не жилось,
Хоть годы тяжелые были:
Голодною смертью еще никого
Въ нѣмецкой тюрьмѣ не убили.

„Въ прошедшемъ Германіи нашей цвѣло
Такъ много прекрасныхъ явленій
Незлобья и вѣры; теперь же царитъ
Пора отрицаній, сомнѣній.

„Духъ внѣшней практичной свободы, увы,
Убьетъ идеалъ, что̀ носили
Мы въ сердцѣ своемъ искони—идеалъ,
Чистѣйшій, какъ грезы у лилій.

„Прекрасной поэзіи нашей огонь
Ужъ тоже совсѣмъ угасаетъ;
„Король мавританъ“ Фрейлиграта въ числѣ
Другихъ королей умираетъ [1]).

„Внукъ будетъ и кушать, и пить, но уже
Не въ мирномъ, нѣмомъ созерцаньѣ,
Какъ предокъ; готовится шумный спектакль;
Идилліи рушится зданье.

„О, будь ты способенъ къ молчанью—печать
Я съ книги судьбы сорвала бы,
Грядущее время въ моихъ зеркалахъ
Волшебныхъ увидѣть дала бы.

„Да, то, что̀ всегда я отъ смертныхъ людей
Скрывала—ты былъ бы сподобенъ
Увидѣть: въ грядущемъ отчизну твою.
Но ахъ! ты молчать не способенъ!“

---

[1]) „Мавританскій король“ (Der Mohrenkönig)—одно изъ лучшихъ стихотвореній Фрейлиграта.

— Богиня моя!—я въ восторгѣ вскричалъ—
Мнѣ дастъ наслажденье картина
Грядущей Германіи! О, покажи!
Молчать я могу, я мужчина!

Какою ты клятвой въ молчаньи меня
Связать ни хотѣла бъ, любую
Я съ полной охотой тебѣ принесу;
Итакъ, назначай же—какую?

Она отвѣчала: „Клянися мнѣ такъ,
Какъ нѣкогда клясться заставилъ
Отецъ Авраамъ Эльязара, когда
Въ дорогу его онъ отправилъ.

„Поднявъ одѣянье мое, положивъ
Ко мнѣ подъ стегнò свою руку,
Клянись ни въ рѣчахъ, ни въ писаньяхъ своихъ
Не дать пророниться ни звуку!“

Торжественный мигъ! Точно древность въ меня
Дыханьемъ повѣяла нынѣ,
Когда по обычаю праотцевъ я
Давалъ свою клятву богинѣ.

Поднявши одежду ея, положилъ
Я къ ней подъ стегнò свою руку
И клялся въ рѣчахъ и писаньяхъ своихъ
Не дать пророниться ни звуку.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ШЕСТАЯ.

Румянцемъ пылало богини лицо,
(Быть можетъ, отъ рома къ коронѣ
Прихлынула кровь)—и сказала она
Мнѣ въ грустномъ до крайности тонѣ:

„Стара становлюсь я: въ тотъ самый вѣдь день,
Какъ Гамбургъ, я свѣтъ увидала;
Царицею рыбьей была моя мать,
Здѣсь въ устьѣ рѣки проживала.

„Отецъ мой былъ славный, великій монархъ;
Carolus Magnus онъ звался.

Самъ Фридрихъ Великій, пруссаковъ король,
Съ нимъ мощью, умомъ не сравнялся.

„Тотъ стулъ, на которомъ вѣнчанье пріялъ
Онъ въ Ахенѣ, тамъ и остался;
А стулъ, на которомъ онъ ночью сидѣлъ,
Въ наслѣдство супругѣ достался.

„А матушка мнѣ завѣщала его.
Онъ съ виду невзрачень, но вѣрьте—
Пусть Ротшильдъ даетъ мнѣ всѣ деньги свои,
Я съ нимъ не разстанусь до смерти.

„Вотъ, видишь, тамъ старое кресло въ углу
Ободрана кожа со спинки,
А въ мягкой подушкѣ сидѣнья его
Моль выѣла всѣ волосинки.

„Но ты подойди и на немъ подыми
Подушку—и тутъ предъ тобою
Отверстіе круглое будетъ; котелъ
Увидишь подъ этой дырою.

„Волшебныя силы въ волшебномъ котлѣ
Варятся; и если ты вложишь
Въ отверстіе голову, явственно въ немъ
Увидѣть всю будущность можешь.

„Увидишь Германіи будущность; тамъ
Вся бродитъ она, какъ фантазмы;
Но ты не пугайся, коли изъ котла
Начнутъ подыматься міазмы!“

Улыбкою странной окончила рѣчь
Богиня; но я не смутился
И въ страшную эту дыру головой
Пытливо тотчасъ опустился.

Что̀ въ ней я увидѣлъ—сказать не могу,
Молчать вѣдь я клялся... Мнѣ тоже
Позволено только чуть-чуть намекнуть,
Чего я нанюхался... Боже!

Теперь еще гадко, какъ вспомнится мнѣ
Гнуснѣйшій прологъ—испаренье...
Казалось, что это—изъ кожи сырой
И старой капусты смѣшенье.

Когда же во слѣдъ за прологомъ идти
Пары настоящіе стали,
Подумалъ я, Боже, что здѣсь тридцать-шесть
Навозныхъ канавъ очищали [1]).

Я знаю прекрасно—когда-то Сенъ-Жюстъ
Сказалъ въ Комитетѣ Спасенья,
Что въ мускусѣ съ масломъ изъ розъ не найдетъ
Великій недугъ исцѣленья.

Но эта грядущей Германіи вонь
Превысила все, что̀ дотолѣ
Мой носъ могъ представить себѣ. Наконецъ,
Не въ силахъ сносить ее болѣ,

Лишился я чувствъ... А когда вновь глаза
Открылъ я, то рядомъ со мною
Сидѣла богиня, и я припадалъ
Къ шировой груди головою.

Сверкалъ ея взоръ, и пылали уста,
И ноздри дрожали; горѣла
Вакхически вся и, поэта обнявъ,
Вдругъ въ дикомъ экстазѣ запѣла:

„Есть въ Тулэ король; изъ сокровищъ своихъ
Всѣхъ выше, цѣннѣе считаетъ
Онъ кубокъ одинъ; чуть хлебнетъ изъ него—
Тотчасъ же сознанье теряетъ [2]).

„Идеями, трудно понятными намъ,
Его наполняется разумъ;
Въ такія минуты упрятать тебя
Онъ можетъ внезапнымъ указомъ.

„Не ѣзди на сѣверъ; не дайся тому,
Кто въ Тулэ сидитъ на престолѣ,
Его полицейскимъ, жандармамъ его
И всей исторической школѣ [3]).

---

[1]) Въ то время въ Германіи было тридцать-шесть владѣтельныхъ лицъ.

[2]) Подъ „королемъ Тулэ“ (сказочная мѣстность) подразумѣвается прусскій ко-ь Фридрихъ Вильгельмъ IV. Подъ этимъ баснословнымъ именемъ онъ выведенъ ъ знаменитомъ стихотвореніи Гейне „Новый Александръ“.

[3]) Въ противодѣйствіе раціоналистическому духу XVIII-го вѣка, въ началѣ ⟨-го образовалась, съ Савиньи и Эйхгорстомъ во главѣ, школа, поставившая себѣ ачею доказывать важность историческаго развитія общества. Въ упомянутомъ

„Останься со мною; тебя я люблю;
Пить вѝна мы въ Гамбургѣ будемъ
И устрицъ живой современности ѣсть;
О темномъ грядущемъ забудемъ.

„Закрой его крышкой,—чтобъ нашихъ утѣхъ
Противная вонь не мрачила;
Тебя я люблю, какъ поэта у насъ
Еще ни одна не любила.

„Тебя я цѣлую, и чувствую, какъ
Вселяетъ въ меня вдохновенье
Твой геній; чудесное душу мою
Объяло, смотри, опьянѣнье.

„Я словно на улицѣ, пѣнье на ней
Ночныхъ сторожей раздается...
О, милый мой спутникъ въ блаженствѣ моемъ,
То пѣснь Гименея поется!

„Вотъ ѣдетъ служителей конныхъ отрядъ;
Ихъ факелы ярко пылаютъ.
И факельный танецъ танцуютъ они;
И скачутъ, кружатся, играютъ.

„Высокопочтенный и мудрый сенатъ,
Старѣйшины вышли для встрѣчи;
Межъ нихъ бургомистръ; вотъ откашлялся онъ,
Готовясь къ привѣтственной рѣчи.

„Идутъ и посольства при здѣшнемъ дворѣ
Въ блестящемъ своемъ облаченьѣ,
И сдержанно намъ отъ сосѣднихъ державъ
Приносятъ они поздравленье.

„Духовная вотъ депутація; въ ней
Пасторы, раввины... но, Боже!
Я вижу и Гофмана въ этой толпѣ,
Съ нимъ ножницы цензора тоже!

„Они зазвенѣли въ рукахъ дикаря,
Онъ съ ними къ тебѣ устремился,
И въ самое мясо свирѣпо вонзилъ...
Ты лучшаго мѣста лишился“.

въ предъидущемъ примѣчаніи стихотвореніи „Новый Александръ“ этотъ король—т.-е. все тотъ же Фридрихъ Вильгельмъ IV, представляется тоже окруженнымъ исторической школой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМАЯ.

Что̀ этой диковинной ночью потомъ
Еще совершилось—объ этомъ
Впослѣдствіи вамъ разскажу я, когда
Настанутъ дни теплые, лѣтомъ.

Притворства и лжи поколѣнье теперь
На убыль пошло, слава Богу;
Болѣзнь лицемѣрья, надѣюсь, его
Въ могилу сведетъ понемногу.

Ростетъ поколѣніе новое; въ немъ
Ни лжи, ни грѣховъ не найду я;
Свободная воля, свободная мысль!
Ему-то, ему все скажу я.

Цвѣтетъ уже юность; оцѣнитъ она
И гордость, и нѣжность поэта,
И будетъ привѣтливо сердцемъ его,
Горячимъ, какъ солнце, согрѣта.

Какъ солнце, вселюбяще сердце мое,
Поспоритъ съ огнемъ чистотою;
Настроили Граціи лиру мою
Своей благородной рукою;

И это та самая лира, друзья,
На коей отецъ мой блаженный
Пѣлъ въ годы минувшіе—Аристофанъ,
Любимецъ Каме́нъ неизмѣнный.

Та самая лира, на коей воспѣлъ
Онъ нѣкогда Пайстетероса,
Который, вступивъ съ Базилеею въ бракъ,
Въ міръ облачный съ нею унесся [1]).

Въ послѣдней главѣ я слегка подражалъ
Концу его „Птицъ"—сочиненья,
Которое лучше всѣхъ пьесъ остальныхъ
Отца моего, безъ сомнѣнья.

---

[1]) Пайстетеросъ и Базилея (народный совѣтъ и верховное господство)—главныя дѣйствующія лица въ комедіи Аристофана „Птицы".

Весьма хороша и „Лягушки“. Ее
Теперь въ переводѣ поставить
На сценѣ въ Берлинѣ рѣшили; хотятъ
Они короля позабавить.

Король любитъ пьесу. Въ немъ, значитъ, развитъ
Къ античному вкусъ. А бывало,
Отца его—пѣнье новѣйшихъ квакушъ
Гораздо сильнѣй забавляло.

Король любитъ пьесу. Однакоже, будь
Въ живыхъ ея авторъ понынѣ,
Ему бъ не совѣтовалъ я—самому
Теперь появиться въ Берлинѣ.

Навѣрное очень бы плохо пришлось
Живущему Аристофану;
Бѣднягѣ устроили бъ скоро у насъ
Изъ хоровъ жандармскихъ охрану.

Чернь, вмѣсто виляньи хвостами, могла бъ
Ругать,—получивъ дозволенье.
Полиціи было бъ приказано взять
Пѣвца подъ свое наблюденье.

Король! я тебѣ, вѣрь, желаю добра;
Послушай благого совѣта:
Чти, сколько угодно, умершихъ пѣвцовъ—
Живого не трогай поэта!

Живого поэта страшись оскорблять!
Въ рукахъ его пламя и стрѣлы
Ужаснѣй Зевеса громовъ, что̀ создалъ
Поэта же вымыселъ смѣлый.

Ты во̀ленъ, коль хочешь, весь міръ оскорблять—
И древнихъ носителей свѣта
Въ поляхъ олимпійскихъ, и новыхъ боговъ;
Но только не трогай поэта!

Я знаю, что боги казнятъ за грѣхи
Безжалостно племя людское,
Что пламя довольно въ аду горячо,
Тамъ насъ превращаютъ въ жаркое;

Но есть вѣдь святые—изъ ада они
Молитвами грѣшныхъ выводятъ;

Дары по церквамъ, панихиды не разъ
Ходатаевъ въ небѣ находятъ.

Въ день судный придетъ наконецъ и Христосъ;
Онъ ада врата одолѣетъ,
Но будетъ хоть строгъ Его судъ—ускользнуть
Молодчиковъ много успѣетъ.

Но есть и другія геенны; изъ нихъ
Уже невозможно спасенье;
Безплодны молитвы, безсильно помочь
Спасителя міра прощенье.

О Дантовомъ „Адѣ", тэрцинахъ его
Ужасныхъ ты слышалъ, быть можетъ?
Тому, кто поэтомъ туда заточенъ,
Ужъ богъ никакой не поможетъ.

Отъ этихъ поющихъ огней даже самъ
Спаситель не дастъ избавленья...
Смотри, чтобъ тебя не пришлось намъ обречь
На этого ада мученья!

Петръ Вейнбергъ.

1904 г.

МОЯ
ПЕТЕРБУРГСКАЯ СЛУЖБА
1872—1882 гг.

I.—Съ Юга въ Петербургъ.

Проработавъ восемь лѣтъ надъ крестьянскимъ дѣломъ въ юго-западномъ краѣ, въ должностяхъ сперва мирового посредника, а потомъ предсѣдателя мирового съѣзда, причемъ съ послѣднею должностью нѣкоторое время совмѣщались для меня и обязанности уѣзднаго предводителя дворянства, въ половинѣ 1872 года я покинулъ эту службу.

Какъ шла моя работа по крестьянскому дѣлу—подробно разсказано въ статьяхъ моихъ, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ [1]). Нѣсколько лѣтъ приходилось мнѣ тогда дѣйствовать съ увлеченіемъ, затрачивая массу неустаннаго труда, но съ назначеніемъ въ Кіевъ, въ началѣ 1869 года, новаго генералъ-губернатора, кн. Дондукова-Корсакова, положеніе дѣлъ тамъ рѣзко измѣнилось. Въ крестьянскомъ дѣлѣ потребовалось новое направленіе, которому люди, сочувственно работавшіе при прежнемъ, участливомъ къ крестьянству, управленіи генералъ-губернатора Безака, никакъ не могли симпатизировать. Попадать въ новый тонъ легко было безразличнымъ чиновникамъ, но отъ людей со сложившимися убѣжденіями и симпатіями это требовало бы такого нравственнаго перелома, къ какому не вся-

[1]) 1900 г., авг. и сент.; 1901 г., іюль; 1902 г., янв., февр. и сент.

кій былъ способенъ. При дилеммѣ—или дѣйствуй по новому, или уходи изъ края—стойкіе люди готовились отдавать предпочтеніе послѣднему. Но это, въ свою очередь, осложнялось очень серьезнымъ вопросомъ для всякаго, кто, кромѣ службы, не имѣлъ ничего. Уйти вдругъ—значило попасть въ положеніе какъ бы выброшеннаго за бортъ. Надо было подыскивать себѣ пунктъ отступленія заранѣе. Ища новой точки опоры, я останавливался на мысли о томъ же литературномъ трудѣ, съ котораго началъ свою самостоятельную жизнь, надѣясь, что съ нимъ можно будетъ потомъ соединить и какую-нибудь службу. Впрочемъ, мнѣ еще не было надобности слишкомъ торопиться, такъ какъ хотя реакція въ крестьянскомъ дѣлѣ была и очевидна, но она проводилась довольно вяло, выражаясь преимущественно въ затяжкѣ дѣлъ и порчѣ небольшихъ остатковъ крестьянскаго поземельнаго устройства; въ моемъ же уѣздѣ и такіе остатки были меньше, чѣмъ въ другихъ. Мои личныя отношенія съ мѣстною администраціею были очень натянуты, однако не исчезала еще возможность нѣкоторой борьбы съ ея давленіями, при которой я надѣялся, въ теченіе извѣстнаго времени, успѣть кое-что отстоять для упомянутыхъ выше остатковъ дѣла, и это меня нѣсколько задерживало. Мнѣ представлялось удобнѣе не прямо выйти въ отставку, а дождаться сокращенія числа мировыхъ съѣздовъ и при этомъ выйти за штатъ. Сокращеніе же это ожидалось скоро, въ виду окончанія главной массы работъ по устройству крестьянъ. Однако, такъ или иначе, заблаговременно пріискивать себѣ способы новаго устройства было необходимо.

Въ 1870 году я съѣздилъ изъ юго-западнаго края въ Петербургъ, главнымъ образомъ имѣя въ виду переговорить съ В. Ѳ. Коршемъ о возможности устроиться при издаваемыхъ имъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", въ которыхъ я уже нѣсколько лѣтъ помѣщалъ статьи и корреспонденціи. Задержавшись по пути въ Москвѣ, я убѣдился, что тамъ для меня ничего подходящаго не было, такъ какъ въ московскомъ литературномъ мірѣ господствовали Катковскія изданія, а предположеній о какихъ-либо новыхъ солидныхъ органахъ не существовало. Въ Петербургѣ я возобновилъ знакомство съ нѣкоторыми перебравшимися туда старыми московскими знакомыми и сдѣлалъ новыя. Но успѣлъ я немного. В. Ѳ. Коршъ сочувственно предлагалъ мнѣ развить свое сотрудничество въ его газетѣ, обѣщалъ и постоянное устройство при редакціи, но до окончательнаго рѣшенія мы не могли дойти уже потому, что я не былъ въ состояніи точно опредѣлить, когда именно совершится въ юго-западномъ краѣ

сокращеніе числа мировыхъ съѣздовъ и я оставлю этотъ край. Вернулся я къ своей службѣ съ нѣкоторыми планами относительно будущаго и въ ожиданіи послѣдняго—опять окунулся въ работы по окончанію крестьянскихъ дѣлъ, а по предводительской должности—въ борьбу съ традиціонными злоупотребленіями въ дворянской опекѣ и при рекрутскихъ наборахъ, въ занятія по тюремному и больничному дѣлу и по регулировкѣ натуральныхъ повинностей.

Сокращеніе мировыхъ съѣздовъ, вопреки ожиданіямъ, все затягивалось, мнѣ приходилось ждать, а между тѣмъ возникали предо мною новыя комбинаціи.

По нѣкоторымъ личнымъ дѣламъ, я въ это время дѣлалъ частыя экскурсіи въ Одессу, благодаря вновь открывшемуся туда изъ моей губерніи (подольской) желѣзнодорожному пути, и проживалъ тамъ по нѣскольку дней. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, въ самомъ началѣ 1871 года, я какъ-то навѣстилъ редактора „Одесскаго Вѣстника", Ник. Петр. Сокальскаго, съ которымъ были у меня давнія сношенія. „Одесскій Вѣстникъ" былъ—газета старая, просуществовавшая при разныхъ редакціяхъ нѣсколько десятилѣтій, а Сокальскій издавалъ ее уже двѣнадцать лѣтъ и, насколько позволяли тогдашнія условія провинціальной печати, велъ ее не дурно, такъ что, по полнотѣ и живости, „Одесскій Вѣстникъ" представлялся тогда едва ли не первою провинціальною газетою, съ которою могъ соперничать развѣ сравнительно молодой „Кіевлянинъ" профессора Шульгина. Я же въ теченіе долгаго времени помѣщалъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" разныя статьи и корреспонденціи, то прерывая это сотрудничество на годы, то возобновляя его. Лично Сокальскаго я не зналъ, и тутъ только впервые его увидѣлъ. Онъ встрѣтилъ меня радушно, какъ стараго сотрудника, оказался говоруномъ и сталъ разсказывать о положеніи газеты, о мѣстныхъ дѣлахъ, о разбиравшихся тогда въ печати вопросахъ и т. п. А когда мы съ нимъ уже вдоволь наговорились и я, въ свою очередь, успѣлъ разсказать о своемъ положеніи и видахъ на будущее, онъ вдругъ предложилъ мнѣ неожиданную комбинацію.

— Что жъ,—сказалъ онъ,—если вамъ теперь надо устроиваться, то это можетъ быть и мнѣ кстати. Дѣло въ томъ, что я совсѣмъ истомился долгою редакціонною работою, а здоровье мое настолько разстроилось, что доктора̀ посылаютъ меня на продолжительное время за границу. Вотъ, переѣхать бы вамъ въ Одессу и принять постоянное участіе въ редактированіи „Одес-

скаго Вѣстника". Если вы отъ этого не прочь, то сообразите на досугѣ, и потомъ мы переговоримъ объ этомъ подробнѣе.

Отказываться сразу отъ мысли, предложенной еще въ самомъ общемъ видѣ, мнѣ не было резона, но подумать было о чемъ, и я попросилъ времени на размышленіе. Вернувшись въ свой уѣздъ, я сталъ посылать оттуда статьи для „Одесскаго Вѣстника", а когда, спустя мѣсяцъ, опять пріѣхалъ въ Одессу, то убѣдился, что Сокальскій взялся за эту мысль очень серьезно. Встрѣтилъ онъ меня уже съ готовымъ планомъ, который состоялъ въ слѣдующемъ. Сокальскій надолго уѣдетъ за границу, а газету редактировать буду я, вмѣстѣ съ наличнымъ его помощникомъ, причемъ мнѣ предоставляется и формальное представительство редакціи; чистый же доходъ отъ газеты будемъ дѣлить поровну на три части: по одной—мнѣ и упомянутому помощнику за нашъ трудъ, а остальная треть — Сокальскому, какъ владѣльцу газеты, на которую онъ положилъ много труда.

— Но чтобы вы меньше сомнѣвались, — прибавилъ Сокальскій, – я готовъ формально гарантировать вамъ три тысячи рублей въ годъ, въ полной увѣренности, что на самомъ дѣлѣ ваша треть дохода составитъ больше. А когда я вернусь изъ-за границы,— будемъ заниматься газетою всѣ вмѣстѣ и вы сохраните условленную долю дохода.

Проектъ былъ какъ будто подходящій, и я въ принципѣ изъявилъ на него согласіе, только отсрочивалъ осуществленіе его до выхода моего за штатъ. Оставляя за собою перспективу одесскаго редакторства въ запасѣ, я еще сдерживался двумя обстоятельствами: съ одной стороны, несимпатична мнѣ была сама Одесса съ ея господствомъ коммерческаго духа, а съ другой— случалось порою слышать, будто редакція „Одесскаго Вѣстника" получаетъ внушенія изъ управленія генералъ-губернатора Коцебу. Сокальскій же, при каждой послѣдующей встрѣчѣ, повторялъ вопросы: „Ну, какъ подвигаются ваши дѣла? когда же мы осуществимъ наше соглашеніе"? Разъ, среди такого разговора, я прямо поставилъ ему щекотливый вопросъ объ отношеніяхъ газеты къ мѣстной администраціи: нѣтъ ли тутъ какой-нибудь зависимости, внѣ общей цензурной? Но Сокальскій ничуть не смутился и отвѣчалъ:

— Да ровно никакой зависимости нѣтъ. Я вижу, что до васъ доходили какіе-то слухи, но это—чистѣйшее вранье, распускаемое конкуррентами изъ другихъ одесскихъ газетъ. Народъ тамъ самый поганый, и они готовы пакостить, чѣмъ только мо-

гуть. Вамъ придется съ ними считаться, но отъ такихъ людей всего лучше держаться какъ можно дальше.

— Однако, какъ можно опредѣлить ваши отношенія къ администраціи?

— Что жъ, могу сказать только, что отношенія вообще хорошія. Нашу газету не тѣснятъ, цѣнятъ ее лучше другихъ, а когда нужны бываютъ намъ какія-нибудь административныя свѣдѣнія — всегда даютъ охотно, что̀ можно. Для насъ это очень удобно и этимъ пользоваться слѣдуетъ.

— Но обращаться къ мѣстному управленію приходится часто?

— Конечно, приходится, безъ этого у насъ нельзя. Да что̀ же вамъ сто̀итъ, въ случаѣ надобности, надѣть фракъ и съѣздить къ правителю канцеляріи Отмарштейну, или—въ болѣе важномъ случаѣ—къ генералъ-губернатору? Тамъ вы узнаете все, что̀ вамъ нужно, и къ вамъ отнесутся хорошо.

Отвѣтъ будто успокоительный, но зерно сомнѣнія во мнѣ все-таки не исчезло сразу. Наша комбинація продолжала держаться на вѣсу, какъ вдругъ ее разстроила совсѣмъ неожиданная причина.

Въ половинѣ мая 1871 года пріѣхалъ я въ Одессу и наканунѣ Троицына дня зашелъ къ Сокальскому. Засталъ я его въ кабинетѣ сидящимъ въ халатѣ со стклянкою лекарства въ одной рукѣ и съ ложкою въ другой. Онъ сильно жаловался на свое здоровье, и съ первыхъ же словъ задалъ обычный вопросъ о времени моего переѣзда въ Одессу. Я попросилъ отсрочки до осени, прибавивъ, что если это для него неудобно, то я охотно предоставляю ему обратиться, вмѣсто меня, къ кому-нибудь другому. Однако онъ, подумавъ немного, отвѣтилъ: „Что жъ, видно придется и съ этимъ помириться; до осени — такъ до осени; только ужъ пожалуйста сдѣлайте все отъ васъ зависящее, чтобы къ этому времени покончить. А теперь, такъ какъ вы пробудете нѣкоторое время въ Одессѣ, не откажитесь навѣщать нашу редакцію, если можно, каждый день. Тутъ вы присмотритесь къ ходу нашей работы и поможете. Два дня, по случаю праздниковъ, газета выходить не будетъ, а во вторникъ утромъ—милости просимъ“.

Время у меня было свободное, и я охотно согласился. Пришелъ вторникъ, и утромъ я направился къ Сокальскому. Наружная дверь въ его квартиру была отворена, и мнѣ бросилось въ глаза, что туда входило много людей. У входа въ комнаты встрѣчаю того редакторскаго помощника, который предназна-

чался къ редактированію вмѣстѣ со мною, и спрашиваю:—Что̀, каково здоровье Николая Петровича?

— А вотъ! — отвѣчалъ онъ, указывая рукою впередъ. И что̀ же я вижу? Сокальскій лежитъ на столѣ мертвый!

Редакція перешла къ его брату, Петру Петровичу, композитору. Онъ, въ свою очередь, сталъ приглашать меня къ участію въ редактированіи, но тутъ мнѣ уже не было надобности спѣшить, и я сталъ затягивать разрѣшеніе этого вопроса, впадая въ бо̀льшее и бо̀льшее раздумье: направиться ли въ Одессу, или въ Петербургъ, гдѣ, кромѣ литературнаго труда, можно найти и подходящую службу? Наши отношенія свелись къ тому, что въ свои пріѣзды я навѣщалъ П. П. Сокальскаго, а съ мѣста службы посылалъ для газеты статьи. Не суждено было мнѣ сдѣлаться одесситомъ.

Сходную съ описанною комбинацію предлагалъ мнѣ немного позже и редакторъ газеты „Кіевлянинъ", проф. Шульгинъ. Онъ издавалъ эту газету съ 1864 года, и я въ ней сотрудничалъ съ самаго ея начала. „Кіевлянинъ" еще только пробивалъ себѣ дорогу въ публику, число его подписчиковъ было ограниченно и росло медленно, почему матеріальныя средства газеты были незначительны, и она получала даже гласную казенную субсидію въ шесть тысячъ рублей ежегодно, о которой редакція сама объявила при открытіи газеты. Но эта субсидія не имѣла такого вліянія, какое обыкновенно связывается съ ея представленіемъ. Она была дана собственно для того, чтобы въ Кіевѣ существовала солидная русская газета, подобно тому, какъ субсидировались вновь открытыя въ юго-западномъ краѣ русскія публичныя библіотеки и т. под. Да и Шульгинъ былъ человѣкъ слишкомъ самостоятельнаго характера и такихъ же воззрѣній, даже запальчивый, малоуживчивый и, вслѣдствіе того, крайне щекотливый къ попыткамъ административнаго давленія. Случалось, что при подобныхъ попыткахъ Шульгинъ бросалъ редакцію, которая на время переходила въ другія руки, и возвращался послѣ удаленія щекотливыхъ обстоятельствъ. Администрацію Безака Шульгинъ въ своей газетѣ горячо поддерживалъ, но—потому, что былъ съ нею солидаренъ по большинству вопросовъ, а когда генералъ-губернаторомъ сдѣлался человѣкъ другого рода, кн. Дондуковъ-Корсаковъ, то между ними немедленно установилась полная рознь. Мѣстные источники оффиціальныхъ свѣдѣній стали для редакціи закрываться; о тѣхъ мѣстныхъ дѣлахъ, самостоятельно обсуждать которыя стало невозможно при новыхъ обстоятельствахъ, газета умалчивала, проявляя иногда оппозицію между

строкъ, и вообще изданіе имѣло характеръ совершенно частнаго органа, стѣсненнаго какъ общими, такъ и мѣстными цензурными условіями, сохраняя, однако, рельефный Шульгинскій оттѣнокъ.— И вотъ, въ одно изъ моихъ кіевскихъ посѣщеній, Шульгинъ высказалъ мнѣ такое предположеніе: если я войду въ составъ редакціи „Кіевлянина", то буду получать условленную долю дохода отъ газеты, съ гарантіею, что она составитъ не менѣе полторы тысячи рублей въ годъ; а такъ какъ этого, конечно, будетъ мало, то мнѣ, вдобавокъ, можно пріискать въ Кіевѣ еще какую-нибудь службу. Но эта комбинація была уже для меня совсѣмъ неудобною; помимо недостаточности вознагражденія за газетный трудъ, непріятна была бы мнѣ всякая служба и даже жизнь въ томъ краѣ, гдѣ новая административная система заставила меня пережить много тяжелыхъ и бывшихъ еще очень свѣжими впечатлѣній.

Все складывалось для меня къ рѣшенію переѣхать въ Петербургъ. Сокращеніе мировыхъ съѣздовъ, съ оставленіемъ ихъ по одному на два уѣзда, поспѣло лишь къ срединѣ 1872 года, и я, сдавъ наконецъ дѣла своего съѣзда, перебрался въ сѣверную столицу.

Прибылъ я въ Петербургъ лѣтомъ, т.-е. въ самую неудобную для завязки новыхъ отношеній пору, такъ какъ люди, съ которыми мнѣ надо было сходиться, большею частью тамъ отсутствовали, проживая на дачахъ или въ деревняхъ. Въ редакціи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" я заставалъ временами то пріѣзжавшаго съ дачи В. Ѳ. Корша, то помощника его Э. К. Ватсона или кого-либо изъ постоянныхъ сотрудниковъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ П. А. Гайдебуровъ, хлопотавшій тогда о разрѣшеніи ему продолжать прерванное изданіе газеты „Недѣля", въ чемъ онъ скоро и успѣлъ. Но редакціонныя занятія въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" были вполнѣ распредѣлены, и В. Ѳ. Коршъ предложилъ мнѣ только доставку статей для газеты. Такое же сотрудничество, въ меньшемъ объемѣ, установилось у меня и въ упомянутой газетѣ „Недѣля".

Вопросъ же объ устройствѣ на службу обѣщалъ гораздо бо́льшую затяжку, какъ по недостатку у меня вліятельныхъ административныхъ знакомствъ, такъ и потому, что подобныя дѣла вообще осложняются болѣе или менѣе продолжительнымъ процессомъ рекомендацій, объясненій, затяжныхъ справокъ и обѣщаній съ отсрочками, а въ лѣтнее время и начать это было трудно. Были у меня, правда, письменныя рекомендаціи отъ

И. С. Аксакова и Г. П. Галагана къ управлявшему дѣлами Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, С. М. Жуковскому, котораго мнѣ и удалось застать на городской квартирѣ, но онъ, при всей привѣтливости своего пріема, сообщилъ мнѣ мало ободрительнаго: дѣла комитета уже сокращаются и самъ онъ близится къ упраздненію; пріемъ новыхъ людей оттого затрудненъ, а слѣдовательно, возможность для меня пристроиться въ этомъ комитетѣ—дѣло счастливой случайности. Жуковскій записалъ мой адресъ на случай открытія такой возможности— и только. Было очевидно, что начать серьезныя хлопоты о службѣ станетъ возможно, по крайней мѣрѣ, не раньше наступленія зимняго сезона. А покуда рессурсами для жизни у меня оставались: умѣренное сотрудничество въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" и въ „Недѣлѣ", статьи, которыя продолжалъ я посылать въ „Кіевлянинъ" и „Одесскій Вѣстникъ", да небольшая сумма, выданная мнѣ на общемъ основаніи, какъ вышедшему за штатъ, при выѣздѣ изъ юго-западнаго края.

Изъ прежнихъ моихъ московскихъ знакомцевъ я въ это время нашелъ въ Петербургѣ, кромѣ нѣкоторыхъ сотрудниковъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", поэта Плещеева и А. М. Унковскаго, изъ которыхъ первый служилъ въ государственномъ контролѣ, а послѣдній (послѣ губернскаго предводительства, кратковременной ссылки и защиты нѣсколькихъ крестьянскихъ дѣлъ) практиковалъ въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго. Но не замедлилось составленіе новыхъ знакомствъ. Съ наступленіемъ глубокой осени установилось нѣсколько журъ-фиксовъ, на которыхъ я сталъ постояннымъ посѣтителемъ. У Корша собирались на вечера по вторникамъ, у Гайдебурова по субботамъ, а у Унковскаго по пятницамъ. У первыхъ двухъ бывали главнымъ образомъ сотрудники ихъ изданій, къ которымъ, однако, примыкали и другія лица преимущественно литературнаго міра, и время проходило исключительно въ разговорахъ. У Унковскаго постоянными посѣтителями бывали поэтъ Н. А. Некрасовъ и М. Е. Салтыковъ (Щедринъ), составъ же прочихъ гостей представлялся разнообразнымъ: тутъ и какой-нибудь землякъ хозяина, тверской помѣщикъ, и адвокатъ, и инженеръ, и литераторъ, и представитель думы, и занимающій значительный постъ чиновникъ и т. под. Вечеръ же обыкновенно дѣлился на двѣ части: сперва хозяинъ съ Некрасовымъ, Салтыковымъ и еще съ кѣмъ-нибудь изъ гостей засядутъ за карты, остальные же разговариваютъ между собою отдѣльно, а потомъ, къ ужину, всѣ соберутся вмѣстѣ и разговоръ за столомъ оживляется, затягиваясь надолго, причемъ

серьезныя рѣчи неизбѣжно перемежаются легкими разсказами и массою пикантныхъ анекдотовъ и шутокъ. При такомъ общеніи, и петербургскія мои знакомства стали расширяться довольно быстро.

У Корша и Унковскаго встрѣчалъ я, между прочими, писателя-экономиста А. А. Головачова, съ которымъ еще за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ былъ знакомъ въ Москвѣ, а впослѣдствіи сошелся очень близко. Экономическіе вопросы, особенно въ приложеніи ихъ къ русскимъ дѣламъ, интересовали меня очень сильно, а Головачовъ погружался въ нихъ съ увлеченіемъ, и благодаря такому общему интересу, между нами завязывались продолжительные разговоры и споры, болѣе и болѣе насъ сближавшіе. Головачовъ былъ тверской помѣщикъ, потерявшій состояніе и потому вынужденный держаться на государственной службѣ, при которой онъ также много писалъ о вопросахъ государственнаго хозяйства, участвуя въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, „Вѣстникѣ Европы“ и „Отечественныхъ Запискахъ“. Въ описываемое время онъ только-что переѣхалъ изъ Саратова, гдѣ управлялъ контрольною палатою, въ Петербургъ, будучи переведенъ въ центральное управленіе государственнаго контроля. Среди разныхъ разговоровъ, онъ навелъ меня на мысль о поступленіи въ тотъ же контроль, который, къ слову сказать, пользовался тогда большимъ сочувствіемъ въ обществѣ, послѣ произведенной бывшимъ государственнымъ контролеромъ Татариновымъ реформы, направленной къ оживленію и серьезному упорядоченію надзора за веденіемъ всѣхъ отраслей государственнаго хозяйства и къ борьбѣ съ традиціонными неправильностями. Головачовъ обѣщалъ мнѣ свою поддержку, а одновременно Плещеевъ отрекомендовалъ меня товарищу государственнаго контролера М. Н. Островскому. Начались обычныя въ подобныхъ случаяхъ представленія, объясненія, справки и отсрочки, послѣ которыхъ я былъ зачисленъ въ контроль едва весною, а между тѣмъ, пока все это длилось, перемѣна произошла съ самимъ Головачовымъ.

Не помню, почему возникла у него натянутость отношеній въ центральномъ управленіи контроля,—кажется, съ самимъ Островскимъ,—такъ что онъ сталъ искать выхода оттуда, а тутъ подошелъ и благопріятный случай. На вечерахъ у Корша бывалъ Влад. М. Жемчужниковъ (братъ поэта), находившійся въ близкихъ отношеніяхъ съ тогдашнимъ министромъ путей сообщенія, военнымъ генераломъ гр. А. П. Бобринскимъ. Послѣдній, отличаясь административною энергіею и большею иниціативою, очень не-

доволенъ былъ установившимися въ нашемъ желѣзнодорожномъ дѣлѣ порядками, особенно—концессіонною системою, отдававшею важные государственные пути и обширную область матеріальнаго и денежнаго хозяйства въ руки частныхъ лицъ и компаній весьма сомнительнаго достоинства; поэтому онъ вознамѣрился рѣзко измѣнить означенную систему. Желая насколько можно оживить и обновить свое вѣдомство, а также энергически бороться съ препятствующими вліяніями, гр. Бобринскій искалъ свѣжихъ людей съ болѣе широкимъ кругозоромъ. Между прочимъ, въ интересахъ бо̀льшаго освѣщенія желѣзнодорожнаго дѣла, онъ задумалъ образовать въ министерствѣ спеціальный статистическій отдѣлъ и издавать „Журналъ Министерства Путей Сообщенія", для проведенія въ немъ опредѣленныхъ административныхъ взглядовъ и разработки путейскихъ вопросовъ. Головачовъ, съ его знаніями и всегдашними полемическими склонностями, представлялся для этого очень подходящимъ человѣкомъ, что̀ легко замѣтилъ Жемчужниковъ. Послѣ переговоровъ Жемчужникова съ гр. Бобринскимъ, его товарищемъ Селифонтовымъ и Головачовымъ, состоялось между послѣдними тремя знакомство, и они такъ сошлись между собою, что Головачовъ немедленно перешелъ въ путейское вѣдомство и сдѣлался однимъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ министра и его товарища. Затѣмъ, когда учрежденъ былъ статистическій отдѣлъ, Головачовъ сталъ во главѣ его, принявъ на себя и руководствованіе журналомъ министерства. Вышло такъ, что почти въ то же время, какъ я, по рекомендаціи Головачова, поступилъ въ государственный контроль, самъ онъ вышелъ оттуда въ путейское вѣдомство.

На первой петербургской службѣ мнѣ, однако, не повезло. Я попалъ въ канцелярію государственнаго контроля, директоромъ которой былъ А. Я. Гюббенетъ (впослѣдствіи министръ путей сообщенія), но гдѣ фактически заправляли дѣлами субъначальники, которыми уже практиковались спеціальные пріемы, въ родѣ подсиживанія и выживанія людей и т. под. Мнѣ пришлось очутиться въ такой чиновничьей группѣ, гдѣ отношенія сразу стали непріятными и ладить было мудрено. Нѣтъ интереса вдаваться для объясненія въ личныя характеристики и довольно сказать, что я могъ пробыть на новомъ мѣстѣ только до конца лѣта. Узнавъ о моей обстановкѣ, перезвалъ меня къ себѣ тотъ же Головачовъ.

Образуя личный составъ вновь учрежденнаго статистическаго отдѣла, онъ старался приглашать преимущественно людей со стороны. Только на низшія, канцелярскія должности онъ взялъ

чиновниковъ изъ другихъ частей министерства, а прочія замѣщалъ людьми, лично ему извѣстными. Въ число ихъ, кромѣ меня, попали писатели: Д. Л. Мордовцевъ, Н. Ѳ. Анненскій и П. А. Кулишъ (извѣстный работами по малороссійской исторіи, беллетристикѣ и орѳографіи); были еще полковникъ генеральнаго штаба и бывшій гимназическій учитель. Когда составъ статистическаго отдѣла уже сформировался, всѣ мы, in corpore, представились графу Бобринскому; онъ сказалъ намъ привѣтливую, плавную рѣчь о необходимости возможно бóльшаго освѣщенія дѣятельности путей сообщенія положительными данными, для успѣшнаго движенія назрѣвающихъ вопросовъ, и выразилъ надежду, что мы поможемъ этому, съумѣвъ оживить новое учрежденіе. Затѣмъ началась наша служба, въ которой я пробылъ девять лѣтъ.

Такъ, проживъ болѣе десятилѣтія въ сферѣ литературнаго труда и дѣятельности по устройству крестьянъ, обратился я, по волѣ судьбы, въ чиновника путейскаго вѣдомства, о чемъ прежде никогда и мыслей у меня не было.

Съ этого момента петербургская жизнь моя раздвоилась: съ одной стороны—служба, а съ другой—прежнее вращеніе въ литературной средѣ, которая въ семидесятыхъ годахъ значительно отличалась отъ нынѣшней. Больше тогда было людей и кружковъ, съ которыми можно было сходиться во мнѣніяхъ и стремленіяхъ. Преобладали еще, какъ наслѣдіе шестидесятыхъ годовъ, бóльшая идейность, либеральное направленіе, тенденція къ расширенію общественной дѣятельности и экономическимъ улучшеніямъ для страны, сочувствіе равноправности наличныхъ группъ населенія и огражденію права въ русской жизни: предъявлялись и бóльшія этическія требованія отъ дѣятельности въ печати; меньше было простора реакціоннымъ инстинктамъ, угодливости и соединеннымъ съ ними разсчетамъ и поползновеніямъ. Однимъ изъ характерныхъ отличій того времени было и большее общеніе между работниками печати, такъ какъ не образовалось еще той глубокой розни въ литературномъ поведеніи, которая впослѣдствіи такъ разъединила означенныхъ работниковъ, что представителямъ различныхъ группъ незачѣмъ стало и встрѣчаться, по безнадежности всякихъ взаимныхъ объясненій при различіи цѣлей. Напротивъ, тогда и расходившіеся въ нѣкоторыхъ взглядахъ находили между собою не мало точекъ соприкосновенія, такъ что имъ можно было и спорить, и столковываться. Недостатка въ обществѣ для работника печати мало чувствовалось; потребность въ общеніи ощущалась настолько,

что собранія литераторовъ устроивались то въ одной, то въ другой формѣ. Кромѣ общенія по редакціоннымъ кружкамъ, составлялись періодическія собранія участниковъ различныхъ органовъ и представителей науки. Одно время, значительная масса литераторовъ вошла въ составъ клуба художниковъ (на Троицкой улицѣ), гдѣ въ назначенные дни обсуждались разные занимавшіе печать вопросы, а когда это, вслѣдствіе постороннихъ причинъ, разстроилось, то стали періодически собираться въ ресторанахъ. Въ литературномъ мірѣ чувствовалась извѣстная жизнь, которою если иные и не удовлетворялись, то все-же это была такая жизнь, о которой теперь осталась лишь память. Мнѣ приходилось въ ближайшіе къ описываемому моменту годы работать въ газетахъ: „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (Коршевскаго изданія), „Молва“, „Недѣля“, „Сѣверный Вѣстникъ“, „Порядокъ“, и въ журналахъ: „Вѣстникъ Европы“ и „Слово“, а также принимать участіе во многихъ собраніяхъ.

Однако, здѣсь я буду говорить объ одной служебной сферѣ, оставляя пока въ сторонѣ литературный міръ, о которомъ можетъ быть особая рѣчь.

II.—Былой путейскій міръ.

Новая служба прежде всего дала мнѣ почувствовать переходъ къ совсѣмъ непривычному режиму. При литературной работѣ и на службѣ по крестьянскому дѣлу я привыкъ быть хозяиномъ своего времени, чувствовать извѣстную самостоятельность, просторъ собственной инціативѣ и соприкасаться непосредственно съ жизнью; работалъ—когда мнѣ это было удобнѣе; торопился или трудился цѣлые дни и часть ночей, когда это было нужно въ интересахъ дѣла, и давалъ себѣ достаточный отдыхъ, когда это представлялось возможнымъ. А тутъ надо было ежедневно являться въ казенное зданіе и отсиживать извѣстные часы, совсѣмъ независимо отъ характера работы, отъ ближайшей или отдаленной потребности въ ней, и притомъ имѣя дѣло исключительно съ бумагою и стоящими около нея людьми.

Два раза приходилось мнѣ попадать въ путейскій міръ: первый разъ — въ описываемое время, когда я очутился въ центральномъ управленіи и могъ наблюдать дѣятельность на самихъ желѣзныхъ дорогахъ только издалека; а въ другой разъ—много лѣтъ спустя, когда я былъ приставленъ къ одной опредѣленной

желѣзной дорогѣ и получилъ возможность ближе знакомиться съ нравами, обычаями и персоналомъ непосредственно орудующихъ желѣзнодорожною жизнью. Между обѣими сферами представлялось не мало различій, но здѣсь я буду говорить только о бывшемъ въ первую мою путейскую службу.

Попавъ въ новое учрежденіе, мы обложились желѣзнодорожными отчетами и массою затребованныхъ свѣдѣній и стали составлять по нимъ „Сборникъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ", долженствовавшій изображать въ цифровомъ видѣ: финансовое положеніе желѣзнодорожныхъ обществъ, техническое состояніе дорогъ, совершаемую на нихъ перевозочную работу, доходы, расходы и размѣръ казенныхъ жертвъ на желѣзнодорожное дѣло. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, началось при статистическомъ отдѣлѣ и изданіе журнала министерства путей сообщенія, ближайшее редактированіе котораго было возложено на П. А. Кулиша. А независимо отъ этихъ работъ, намъ приходилось иногда спѣшно составлять, по требованію министра, нужныя для разрѣшенія текущихъ вопросовъ фактическія данныя. Тутъ же пришлось постепенно знакомиться съ тѣмъ, не лишеннымъ характерныхъ особенностей, новымъ міромъ, какой для всѣхъ насъ представляло путейское вѣдомство.

Вѣдомство это переживало постепенный переходъ отъ старинныхъ нравовъ и обычаевъ къ новымъ. Образовавшись изъ бывшаго главнаго управленія, завѣдывавшаго почти исключительно водяными системами и шоссейными дорогами и долго пребывавшаго въ рукахъ всемогущаго въ свое время гр. Клейнмихеля, оно имѣло весьма несимпатичныя традиціи. Крѣпкій начальственный гнетъ и стремленіе къ наживѣ были въ предыдущую пору преобладающими мотивами его жизни. Въ провинціи, дѣятели „водяной коммуникаціи" пользовались очень незавидною репутаціею, и съ представленіемъ о нихъ обыкновенно связывалось понятіе о неразборчивыхъ пріобрѣтеніяхъ. Пришло время, когда къ задачамъ вѣдомства присоединилось управленіе новою, еще болѣе крупною отраслью хозяйства — расширяющеюся сѣтью желѣзныхъ дорогъ,—и старыя преданія неизбѣжно должны были отражаться также на новомъ дѣлѣ. Мѣнялись начальства, мѣнялись второстепенные и третьестепенные дѣятели, вымирали старые и входили въ дѣло новые люди, но образовавшаяся въ старину солидная закваска не могла уступить сразу, и внутреннее перерожденіе стало предметомъ затяжного процесса. Почти во всѣхъ сферахъ внутренней русской жизни повѣяло уже новымъ духомъ, отличавшимъ эпоху первой половины

Александровскаго царствованія, но въ путейскую сферу этотъ духъ проникалъ туго, — медленнѣе, чѣмъ, напр., въ судебный міръ, гдѣ господство взяточничества и кривосудія быстро смѣнилось общею честностью, въ крестьянскія учрежденія или даже въ другія, сохранившія прежнюю внѣшность вѣдомства. На смѣну старымъ дѣятелямъ, правда, уже выступали люди новаго нравственнаго склада, на видные путейскіе посты попадали лица съ репутаціею безусловно честныхъ людей,—но все это шло такъ постепенно, что исчезновеніе старыхъ преданій видѣлось еще впереди. Особенно отставала водяная и шоссейная администрація. Иные шутя говаривали, что есть у насъ нѣсколько словно заколдованныхъ сферъ, куда свѣтъ проходитъ особенно трудно, и что нравы, напр., водяной коммуникаціи едва ли въ своемъ измѣненіи опередятъ таможенные, консисторскіе или обычаи интендантскихъ чиновниковъ. Мнѣ долго приходилось наблюдать ходъ внутренней путейской трансформаціи и видѣть, какъ существенныя улучшительныя перемѣны получались въ итогѣ десятилѣтій, причемъ собственно въ желѣзнодорожномъ управленіи (ближе мнѣ знакомомъ) составлялись уже группы вполнѣ добросовѣстныхъ чиновниковъ, а на значительныхъ постахъ становились люди безусловно чистые, къ которымъ можно относиться съ полнымъ уваженіемъ. Но въ описываемую пору процессъ этого перерожденія былъ еще въ одномъ изъ среднихъ фазисовъ и всюду видѣлось еще смѣшеніе остатковъ стараго типа съ новыми людьми.

Нашъ статистическій отдѣлъ держался особнякомъ отъ остального путейскаго чиновничества, какъ потому, что мы были люди съ разнымъ прошлымъ, такъ и вслѣдствіе самаго различія въ занятіяхъ: въ текущихъ административныхъ дѣлахъ мы не принимали никакого участія, а разработка статистическихъ данныхъ шла самостоятельно, требуя только періодическихъ справокъ изъ другихъ частей министерства. Поэтому соприкосновеніе съ департаментскимъ міромъ у насъ было только поверхностное, и болѣе близкія знакомства завязывались случайно, по какимъ-нибудь особымъ поводамъ или когда, послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ съ тѣми или другими лицами, обнаруживалось у насъ сходство во взглядахъ и симпатіяхъ. Хорошихъ людей было немало, хотя въ нихъ преобладающею чертою сказывался довольно узкій кругозоръ. Они интересовались предметами, близко касавшимися ихъ занятій, но что̀ выходило изъ этого круга—о томъ представленія у нихъ бывали довольно слабы. Техническіе вопросы, улучшенія въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ ихъ занимали,

но, напр., вопросы болѣе общаго для русской жизни значенія, даже экономическіе вопросы, связанные съ значеніемъ тѣхъ же самыхъ желѣзныхъ дорогъ, имъ являлись въ нѣкоторомъ туманѣ, не вызывая къ себѣ интереса. Нѣсколько энергичнѣе касались тѣ, которымъ приходилось поработать временами то на желѣзнодорожной линіи, поближе къ жизни, то въ центральномъ управленіи, но я знавалъ и такихъ, которые успѣвали преждевременно одряхлѣть на неизмѣнной, изо дня въ день, работѣ въ департаментѣ за разсмотрѣніемъ техническихъ проектовъ сооруженій, за смѣтами и т. под. Да и не мудрено: сегодня техническій проектъ, завтра и послѣ-завтра такой же, постоянно масса мелочей—тутъ по неволѣ съузишь свой горизонтъ, изъ-за отдѣльныхъ деревьевъ лѣса не увидишь и часть природныхъ способностей, часть данной натурою и ученьемъ доброй силы заглохнетъ; даже нѣкоторые коренные вопросы желѣнодорожнаго дѣла затемнятся въ представленіи,—а это порождало и предразсудки, и рутину. Постоянное погруженіе въ технику не могло не налагать на большинство путейцевъ печати какой-то сонливой монотонности. Требовалась большая внутренняя сила, чтобъ не поддаться подобнымъ вліяніямъ, а ею обладали далеко не всѣ. Были, правда, и своего рода мастера, люди юркіе, изучившіе, какъ повыгоднѣе произвести ту или другую операцію, какъ успѣшнѣе достигнуть пріобрѣтеній легальнымъ или не совсѣмъ корректнымъ способомъ, но и это, помимо оцѣнки съ другихъ сторонъ, являлось односторонностью, такъ какъ выгодно можно строить пути хоть на луну, а къ чему пригоденъ такой путь—это другой вопросъ.

Это была пора, когда желѣзнодорожное строительство находилось въ своемъ первомъ періодѣ, давало крупныя выгоды и потому привлекало къ себѣ людей съ разныхъ сторонъ. Помимо инженеровъ, которымъ всего естественнѣе было находиться въ этомъ дѣлѣ, къ нему примазывались ловкіе посторонніе люди съ большими аппетитами. Не касаясь концессіонеровъ—Поляковыхъ, Губониныхъ, Варшавскихъ и т. д.,—можно вспомнить спеціальныхъ мастеровъ, предпочитавшихъ желѣзнодорожные интересы самой видной служебной карьерѣ. Строительство тогда предоставлялось предпринимателямъ съ оплатою огромными суммами. Капиталы опредѣлялись для частныхъ компаній до того преувеличенные, что хотя формально считалось, будто на покрытіе третьей или четвертой части строительнаго расхода акціонеры давали свои деньги, и лишь остальныя двѣ трети или три четверти строительныхъ средствъ покрывались гарантиро-

ваннымъ казною или прямо выданнымъ изъ казны облигаціоннымъ капиталомъ, но въ дѣйствительности вся или почти вся постройка совершалась на одинъ облигаціонный капиталъ, а акціонерный являлся фиктивнымъ вкладомъ, оставаясь у предпринимателей въ чистомъ барышѣ; то-есть, дорога выстроится на казенныя или гарантированныя деньги, а предприниматели пріобрѣтаютъ обладаніе ею съ правомъ орудованія огромными денежными операціями, въ качествѣ владѣльцевъ акцій, по которымъ они, на самомъ дѣлѣ, не внесли отъ себя ничего. Такъ люди, не имѣвшіе никакого состоянія, въ короткое время обращались въ богачей. Подобныя приманки, въ пору первой желѣзнодорожной вакханаліи, не могли не быть соблазнительными для людей съ аппетитомъ. И вотъ человѣкъ, занимающій значительный постъ въ какомъ-нибудь вѣдомствѣ,—не техникъ, а только мастеръ по кредитнымъ операціямъ, контрактамъ, знанію ходовъ въ разныхъ учрежденіяхъ и съ чуткимъ пріобрѣтательнымъ нюхомъ,—совмѣщаетъ свою службу съ участіемъ въ желѣзнодорожной компаніи; а когда подобное совмѣстительство оказывается уже рѣшительно неудобнымъ — бросаетъ службу, окончательно связывается съ концессіонерами и весь погружается въ дорожныя операціи. Другой, не боясь ошибиться, тоже покидаетъ службу, пріобрѣтя у новыхъ промышленниковъ блестящую репутацію искуснаго мастера сочинять и проводить въ надлежащихъ инстанціяхъ желѣзнодорожные уставы, съ огражденіемъ компанейскихъ интересовъ и съ ущербомъ для правительственнаго вліянія и т. под. Создался новый видъ дѣльцовъ, предъ которыми былые откупщики съ ихъ сподвижниками являлись пигмеями. Не стану называть именъ, но былыхъ желѣзнодорожныхъ орловъ помнятъ и знаютъ еще здравствующіе теперь люди.

Не оставались безотзывчивыми къ этому міру и нѣкоторыя лица, находившіяся въ составѣ министерства, и на нихъ нерѣдко указывали опредѣленно. Вотъ человѣкъ въ значительномъ чинѣ, о которомъ говорятъ, какъ объ успѣвшемъ нажить порядочный капиталецъ. О другомъ и третьемъ слышится то же. Они и съ ловкими компанейскими дѣльцами въ близкомъ знакомствѣ, они умѣютъ свидѣтельствовать предпринимательскія работы и давать прекрасныя аттестаціи выстроеннымъ дорогамъ, для разрѣшенія открытія движенія на нихъ, и т. под. Эти люди замѣтно сдержанны въ рѣчахъ, величественно замкнуты и ничего не разскажутъ о тѣхъ интересныхъ дѣлахъ, съ которыми были знакомы. Не безъинтересно бывало и встрѣчавшееся разнообразіе этическихъ оцѣнокъ въ сужденіяхъ о пріобрѣтателяхъ. Встрѣ-

чалъ я, напримѣръ, одного дѣльца, перешедшаго на частную дорогу, о которомъ говорили, что онъ успѣлъ скопить двѣ или три сотни тысячъ. Разъ зашелъ у меня о немъ разговоръ съ однимъ собесѣдникомъ и пришлось коснуться вопроса—можно ли было сдѣлать такое пріобрѣтеніе чистымъ способомъ?—„Ну, нѣтъ, —отозвался снисходительный собесѣдникъ,—Николай Гордѣевичъ ведетъ дѣло правильнѣе, — онъ не то, что другіе-прочіе, которые рвутъ, гдѣ только можно, безъ оглядки".—Однако, какъ же это онъ успѣлъ нажить?—„Такъ вѣдь это же на рельсахъ!—возразилъ собесѣдникъ, словно видя въ такомъ обстоятельствѣ измѣненіе сути дѣла;—проводился такой-то большой путь, сдѣланъ былъ крупный заграничный заказъ на рельсы, и Николай Гордѣевичъ только выговорилъ себѣ отъ заводчиковъ нѣсколько копѣекъ съ пуда; на версту пути надо четыре тысячи пудовъ рельсовъ, значитъ, пять копѣекъ съ пуда—это двѣсти рублей, а если десять копѣекъ, то четыреста рублей съ версты,—вотъ и считайте. А дѣло онъ ведетъ порядкомъ, зорко усчитываетъ каждый доходъ и расходъ".

Между людьми другого склада встрѣчались своеобразные типы. У нихъ бывали слабости и предубѣжденія, которыми людямъ политичнымъ надо было только умѣть пользоваться. Вотъ, напр., администраторъ, въ мое время занявшій въ министерствѣ крупный постъ,—назову его Дмитріемъ Ивановичемъ. Онъ имѣлъ репутацію безусловно честнаго человѣка и очень знающаго инженера, почему пользовался особымъ уваженіемъ въ инженерномъ мірѣ, но вслѣдствіе объясненной выше узкости кругозора—вполнѣ вѣрилъ въ достоинство и неизбѣжность концессіонной системы, а на службѣ отличался большими странностями. Въ число его особенностей входили: приверженность къ гомеопатіи, утрированная набожность и спиритизмъ; о проявленіи всего этого ходило много анекдотовъ. Вотъ, напр., является къ нему инженеръ и проситъ двухмѣсячнаго отпуска. Дмитрій Иванычъ сердится: „Что̀ это, молъ, все пристаютъ ко мнѣ съ отпусками, да отпусками, никто работать не хочетъ, а тутъ дѣла пропасть, рукъ не хватаетъ,—не дамъ я вамъ отпуска!"—Инженеръ вкрадчиво объясняетъ, что отпускъ ему нуженъ для леченія—и разсказомъ о своихъ недугахъ постепенно заинтересовываетъ начальника.—„Однако, если вамъ и точно надо полечиться, то вы могли бы и здѣсь, между службою",—замѣчаетъ Дмитрій Иванычъ. Тутъ слѣдуютъ новые резоны, и начальникъ становится снисходительнѣе.—„Знаете,—говоритъ онъ,—я бы еще могъ васъ отпустить, если бы вы мнѣ дали слово, что будете лечиться гомео-

патіею". — Ахъ, ваше —ство, да я иначе никогда не лечусь, только въ гомеопатію и вѣрю, а къ аллопатическимъ средствамъ не прибѣгаю никогда. —„Да-а!..—участливо отзывается Дмитрій Иванычъ: — ну, въ такомъ случаѣ другое дѣло". — Начинается дружелюбная бесѣда о достоинствѣ гомеопатіи, инженеръ поддакиваетъ, и наконецъ Дмитрій Иванычъ задаетъ новый вопросъ:—„Скажите, вы человѣкъ вѣрующій?"—Помилуйте, ваше —ство, искренно вѣрующій, всегда былъ такимъ.—„Такъ я бы посовѣтовалъ вамъ теперь выпить немного освященной воды".— Прекрасная мысль, ваше —ство, сегодня же постараюсь добыть этой воды.—„Незачѣмъ и искать далеко, у меня есть здѣсь же, хотите?"—Дмитрій Иванычъ открываетъ департаментскій шкафчикъ, достаетъ оттуда стклянку съ водой, инженеръ выпиваетъ рюмку, разсыпаясь въ горячей благодарности, и разговоръ принимаетъ другой оборотъ:—„Да, такъ вы ѣдете въ отпускъ лечиться и надолго, въ такомъ случаѣ вамъ вѣроятно нужно будетъ и денежное пособіе?.."—И кончается тѣмъ, что инженеръ получаетъ отпускъ съ пособіемъ.

Разсказывали, какъ собирался разъ Дмитрій Иванычъ осмотрѣть на линіи какія-то желѣзнодорожныя работы и устройства. Мѣстные дѣятели, желая избѣгнуть его строгой критики, догадались обратиться къ нему съ такимъ предложеніемъ:—„Ваше —ство, вамъ извѣстно, что тутъ по близости находятся такія-то мощи; если вамъ угодно посѣтить ихъ, то все приготовлено для вашего проѣзда".—„Ахъ, какъ я вамъ благодаренъ!—отвѣчаетъ Дмитрій Ивановичъ:—вы даже представить себѣ не можете, какая благая мысль вамъ внушена: сегодня день моего рожденія (или какого-то другого семейнаго воспоминанія), и въ такой день я очень радъ воспользоваться вашею доброю услугою".—Дмитрій Иванычъ ѣдетъ, возвращается въ благодушнѣйшемъ настроеніи, почти ничего не осматриваетъ, и все кончается вполнѣ благополучно.—Среди служебныхъ объясненій случалось, что Дмитрій Ивановичъ вдругъ задумается и вперитъ надолго свой взоръ впередъ, словно вдаль. Увѣряли, что онъ, какъ спиритъ, видитъ въ это время призракъ Александра Македонскаго и получаетъ отъ него внушенія о желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Странности въ немъ постепенно возростали, анекдоты учащались, и многимъ стало замѣтно, что голова у него не въ порядкѣ, но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ управлять своею частью. Однако, кончилъ онъ все-таки печально: послѣ нѣкоторыхъ рѣзкихъ эксцессовъ, помѣшательство въ немъ было признано, и его помѣстили въ психіатрическую лечебницу. Разсказывали, что скоро послѣ

того туда же попали два бывшихъ его подчиненныхъ и тутъ возобновились у нихъ былыя служебныя отношенія. Дмитрій Ивановичъ, увидя ихъ, сталъ распекать за неаккуратность по службѣ, требовать представленія какихъ-то докладовъ, тѣ принялись усердно ихъ составлять, другіе душевно-больные—переписывать, начались срочные доклады, резолюціи, и въ больницѣ на нѣкоторое время образовался свой департаментъ, занявшій работою безпокойныхъ людей. Передаю это какъ чужой разсказъ; вѣрно одно, что Дмитрій Ивановичъ умеръ, не излечившись отъ душевной болѣзни.

Маленькіе чиновники немного отличались отъ общаго типа подобныхъ лицъ, но иногда представляли интересъ въ другомъ отношеніи. Между ними бывали такіе старожилы министерства, которые какъ бы вросли въ свои мѣста, сидя на нихъ многія лѣта, безъ надеждъ на повышеніе, и эти консервированные чиновники помнили тѣ времена Николаевской эпохи, когда вѣдомствомъ командовалъ грозный гр. Клейнмихель. Разсказывали они о томъ времени охотно, и хотя съ той поры прошло всего два или три десятилѣтія, но изображавшіеся ими эпизоды бывали такъ далеки отъ современныхъ нравовъ и обычаевъ, что казались даже невѣроятными. Однако они передавали эти эпизоды, какъ несомнѣнные и крѣпко запечатлѣвшіеся въ ихъ памяти, называя имена, время и мѣсто дѣйствія. Оставляя означенные эпизоды на отвѣтственности разсказчиковъ, приведу нѣкоторые изъ нихъ, въ виду ихъ оригинальности, или хотя бы потому, что во всякомъ случаѣ эти разсказы показывали, какую память оставила о себѣ упомянутая давняя эпоха.

Клейнмихель являлся въ этихъ разсказахъ такою грозною силою, которая не стѣснялась въ своихъ дѣйствіяхъ, капризахъ и выходкахъ рѣшительно ничѣмъ. Если онъ крѣпко осерчаетъ, то не только разразится грубѣйшею бранью, но иногда не остановится и предъ ручною расправою. Служащіе же, особенно въ провинціи, будучи склонны къ хищеніямъ и дорожа выгодностью своихъ мѣстъ, гдѣ они стояли у беззащитнаго казеннаго хозяйства, часто нисколько не обижались подобнымъ обращеніемъ. Боясь одной потери теплаго мѣста, они все переносили и, въ отвѣтъ на брань и расправы, только увѣряли въ своей преданности начальству. Вотъ, напр., доходитъ до гр. Клейнмихеля свѣдѣніе, что такой-то начальникъ на водяной системѣ или шоссейныхъ путяхъ не въ мѣру хапнулъ, такъ что и ясные слѣды есть.—„А, подать его сюда!“—возгласитъ Клейнмихель. Вызываютъ виновнаго въ Петербургъ; пріѣзжаетъ онъ, останавли-

вается въ гостинницѣ или у знакомаго, и первымъ дѣломъ является не къ начальству, а—къ камердинеру гр. Клейнмихеля съ поклономъ, поднесеніемъ крупнаго кредитнаго билета, и за дружескимъ наставленіемъ. Камердинеръ покровительственно объясняетъ пріѣзжему, что для удовлетворительнаго исхода дѣла надо ему попасть графу подъ сердитую руку: конечно-де, графъ выругаетъ, можетъ быть еще что-нибудь покрѣпче будетъ, однако сердце у него отходчивое, такъ что если сильно „оборветъ", то потомъ ему самому жалко станетъ—и онъ смягчится. Приходитъ сердитый моментъ, и тотъ же камердинеръ докладываетъ графу, что явился пріѣзжій оттуда-то такой-то.—„А, зови сюда этого негодяя, пусть покажетъ свою рожу!"—командуетъ Клейнмихель и набрасывается на вошедшаго съ жестокимъ окрикомъ:—„Что̀, пріѣхалъ, наворовался, а теперь еще оправдываться думаешь, вотъ я тебя!"—„Ваше с-во, — подобострастно произноситъ заплетающимся языкомъ пріѣзжій,—я... я"...—но графъ не даетъ ему договорить:—„Нѣтъ, ты прямо мнѣ признавайся,—уворовалъ, укралъ?.."—„Ваше с-во—повторяетъ пріѣзжій,—позвольте доложить"...—но тутъ слѣдуетъ новый обрывъ:—„Что̀ ты мнѣ вздоръ плетешь, я и безъ тебя знаю, что я „ваше с-во", а ты мнѣ прямо отвѣчай; говори правду, откровенно, не лги, за лганьё хуже будетъ; укралъ, укралъ?.."—„Виноватъ, ваше с-во, по-о-пользовался..."—„А, мерзавецъ, вотъ какъ, такъ ты воръ, воръ!.. „Дальше уже слѣдуетъ потокъ отмѣнно сильныхъ выраженій, сопровождаемый топаньемъ ногами, а иногда и ручная встрёпка, послѣ которой возглашается приказъ:—„Сейчасъ же, прямо отсюда, маршъ на гауптвахту и сиди тамъ, пока распоряженіе будетъ. Я тебя проучу; будешь знать, каково воровать!" Взбученный водяной или шоссейный дѣятель выходитъ въ переднюю и оттуда—прямо къ камердинеру, у котораго на подобные случаи имѣются въ готовности и умывальникъ, и другія туалетныя принадлежности для приведенія разстроенныхъ фигуръ въ приличный видъ, а затѣмъ пріѣзжій немедленно отправляется на гауптвахту высиживать неопредѣленное время. Между тѣмъ, попечительный камердинеръ, имѣя иногда возможность разговаривать съ графомъ, при всякомъ удобномъ случаѣ докладываетъ послѣднему: очень-де убивается пріѣзжій начальникъ, и не столько онъ отвѣтственности боится, сколько мучится, что огорчилъ ваше с-во, плачетъ даже... По истеченіи нѣкотораго времени, графъ смягчается и велитъ виновному снова предстать предъ свои очи. Тотъ является, выслушиваетъ новый потокъ брани и въ заключеніе приказъ:—„Вонъ отсюда, сегодня же маршъ изъ Петербурга на свое мѣсто, чтобъ и духу твоего

здѣсь не пахло, да смотри—впередъ не воровать, а не то я теб туда упеку, куда и Макаръ телятъ не гонялъ!"—А провинивше муся только это и нужно. Съ чувствомъ благодарности пожав руку камердинеру, онъ летитъ на свое теплое мѣсто и продол жаетъ исполнять служебный долгъ по прежнему.

Но отчего же люди такъ переносили подобное обращеніе,— спросишь, бывало, разсказчика,—да и не лучше ли было самом Клейнмихелю, вмѣсто того, чтобы расправляться, просто выгнат хищника и посадить на его мѣсто человѣка почестнѣе? А раз сказчикъ отвѣчаетъ:—„Оно точно-съ, только надо и то взять в вниманіе, гдѣ было тогда искать честныхъ людей? а еслибы выискался такой, то наврядъ бы пошелъ на хозяйственное мѣстс потому: посадятъ его между другихъ, значитъ—и дѣйствуй п ихнему; а если не хочешь, такъ выживутъ и пожалуй на самог еще наведутъ нечистое дѣло". И графъ, разумѣется, хорошо по нималъ, что прогонишь одного, а на его мѣсто сядетъ не лучшій

Устроивалась нѣкогда при Главномъ управленіи часовня, Клейнмихель поручилъ наблюденіе за этимъ директору департа мента. Когда дѣло приходило къ концу, вздумалось разъ Клейн михелю осмотрѣть приготовленные для часовни предметы. По несли ихъ въ его кабинетъ, и директоръ началъ показывать их съ демонстративными объясненіями. Хотя Клейнмихель дѣлал придирчивыя замѣчанія, но въ общемъ все шло благополучнс какъ вдругъ Клейнмихель вспомнилъ про священническую ризу требуя, чтобы и она была показана. Принесли и ризу; на вид она показалась довольно приглядною, но Клейнмихель нашелт что этого еще мало: „Исправно ли она пригнана, хорошо л будетъ сидѣть на священникѣ?"—обратился онъ къ директору Тотъ увѣряетъ, что все хорошо.— „Нѣтъ, надо это осмотрѣт внимательнѣе; надѣнь-ка ризу на себя, я самъ посмотрю". Не чего было дѣлать, и какъ ни странно вышло требованіе, дисци плинированный директоръ облекся въ ризу.—„Ну, повернис направо, теперь налѣво, обернись задомъ!"—слѣдовали, одно з другимъ, начальничьи приказанія. Директоръ поворачивался, вы стаивалъ по нѣскольку минутъ въ одной позѣ, подымалъ то одну то другую руку, но вдругъ Клейнмихель указываетъ, что въ ка комъ-то мѣстѣ риза оттопыривается противъ формы, и вскипѣлт —„Эхъ, и за этимъ-то ты не съумѣлъ приглядѣть толкомъ,— пошелъ вонъ!"—Съ этими словами Клейнмихель выталкиваетъ директора изъ кабинета, и предъ чиновниками вдругъ является невиданное зрѣлище: директоръ, облаченный въ парчевую ризу До того сконфузился и обидѣлся директоръ, что заплакалъ,

какъ былъ, такъ вошелъ обратно въ Клейнмихелевскій кабинетъ, гдѣ сталъ горько жаловаться: и на позоръ-де онъ выставленъ, и чиновники будутъ надъ нимъ смѣяться, и дисциплина при этомъ пострадаетъ, и т. д. Сжалился Клейнмихель, сталъ утѣшать его, но, видя, что онъ не перестаетъ плакать, досталъ изъ какого-то ящика орденъ и, подавая его директору, сказалъ: — „Ну, успокойся же, бери орденъ, онъ твой, завтра доложу о пожалованіи!“ — Всхлипыванія директора затихли, лицо просіяло, и онъ ушелъ, удовлетворенный наградою за сегодняшнюю заслугу предъ отечествомъ.

Про одного изъ служившихъ въ Клейнмихелевскую эпоху, занимавшаго въ мое время уже крупный постъ, разсказывали такъ: при постройкѣ николаевской дороги, завѣдывалъ онъ участкомъ, на которомъ находилось цѣнное сооруженіе. Будучи искуснымъ инженеромъ, онъ прилагалъ большое стараніе къ этому сооруженію, надѣясь этимъ отличиться. Случилось, что покойный государь Николай Павловичъ пожелалъ осмотрѣть отстроенную часть дороги. Клейнмихель назначилъ для того маленькій поѣздъ и опредѣлилъ пункты для остановокъ, но при этомъ мѣсто означеннаго сооруженія въ число такихъ пунктовъ не вошло. Огорчился завѣдывавшій участкомъ, что царскій вагонъ проѣдетъ мимо и его работа останется незамѣченною, но рѣшился на смѣлый опытъ. Какъ только царскій поѣздъ подошелъ къ мѣсту сооруженія, вдругъ обнаруживается неожиданное препятствіе, для устраненія котораго нужно изрядное время, и поѣздъ останавливается вопреки маршруту. Государь захотѣлъ выйти изъ вагона и посмотрѣть. Едва онъ вышелъ вмѣстѣ съ Клейнмихелемъ, какъ выросъ предъ ними завѣдывавшій и представился. Государь былъ въ хорошемъ расположеніи духа, сталъ его разспрашивать и обошелъ сооруженіе. Завѣдывавшій отъ всей души постарался показать свой товаръ лицомъ, пустился въ объясненія, и когда сооруженіе было осмотрѣно съ разныхъ сторонъ, государь остался имъ такъ доволенъ, что тутъ же поздравилъ завѣдывавшаго не то съ чиномъ, не то съ орденомъ. Нахмурился только понявшій фокусъ Клейнмихель. Между тѣмъ, искусственное препятствіе было устранено и можно стало ѣхать дальше. Государь вошелъ въ вагонъ, за нимъ туда же двинулся Клейнмихель, но со ступеньки, обернувшись къ провожавшему завѣдующему, грозно, хотя въ полголоса, приказалъ ему, показывая кулакъ: — „Сейчасъ же отправляйся въ Петербургъ и садись на такую-то гауптвахту; недѣлю отсидѣть тамъ! — вишь, что выдумалъ!“ — „Слушаю, ваше с-во!“ — покорно отвѣтилъ съ поклономъ завѣдывавшій участкомъ и, по отбытіи

царскаго поѣзда, отправился высиживать назначенный срокъ. Награда и кара, такимъ образомъ, постигли его въ одинъ и тотъ же часъ, но хотя непріятность наказанія онъ отбылъ, а награда осталась при немъ и сохранилась память о его находчивости.

Слушая подобные разсказы, спрашивалъ я иногда старыхъ чиновниковъ:—Ну, какъ же вы находите, когда было лучше, прежде или теперь?—„Оно, что говорить, прежде строго, охъ, какъ строго было,—получаю въ отвѣтъ,—а ежели сказать по совѣсти, такъ пожалуй въ старину, при покойномъ графѣ Клейнмихелѣ, все-таки лучше было. Правда, начальство взыщетъ, какъ подвернешься подъ сердитую минуту, и обругаетъ, иногда и похуже что-нибудь случится, однако, въ другомъ случаѣ тоже, начальство тебя и пожалуетъ. Если угодишь — наградитъ, когда нужно, и милость какую выпросишь. А вотъ, напримѣръ, придетъ, 25-го сентября, праздникъ нашего вѣдомства, тутъ и торжество устроятъ. Соберутъ поваровъ, тѣ испекутъ нѣсколько огромнѣйшихъ кулебякъ, на столахъ хорошую закуску съ винами поставятъ, послѣ молебна начальство придетъ, всѣхъ поздравитъ, чиновники поздравятъ и начальство, и другъ друга, исправно закусятъ и выпьютъ, да и разойдутся, такъ что есть чѣмъ праздникъ вспомнить. А теперь, конечно, начальство другое, да что же: вѣжливость — вѣжливость, а ни кулебяки, ни милостей ужъ не жди“!

А какія оригинальныя фигуры еще попадались среди меньшей чиновничьей братіи! Вотъ, напр., чиновникъ, состоящій уже въ изрядномъ чинѣ, котораго звали, положимъ, Иванъ Гаврилычъ. Онъ былъ „бурбонъ“, т.-е. выслужившійся изъ нижнихъ чиновъ. Наружность—вульгарная, лицо—грубое, съ обильными слѣдами оспы, черствыя руки—въ веснушкахъ, а тѣлосложеніе—плотное, солидное, напоминавшее поговорку: не ладно скроенъ, да крѣпко сшитъ. Состоялъ онъ обыкновенно при казенномъ хозяйствѣ: при ремонтѣ, заготовкѣ топлива и освѣщенія, при покупкѣ разныхъ матеріаловъ, при денежномъ сундукѣ, словомъ—тамъ, откуда жаренымъ пахнетъ, и, по словамъ другихъ чиновниковъ, успѣлъ уже отложить себѣ про запасъ изрядную деньгу. Но давніе сослуживцы помнили, какъ онъ былъ еще простымъ писаремъ и много претерпѣвалъ отъ строгаго начальства за свою приверженность къ пьянству. Придетъ, бывало, по ихъ разсказамъ, Иванъ Гаврилычъ на службу съ опозданіемъ и съ сильнымъ сивушнымъ запахомъ—начальство и велитъ наказать его палками. Дерутъ Ивана Гаврилыча на казенномъ дворѣ и слышатся его вопли: „помилосердуйте, ваше благородіе!“—А какъ экзекуція кончится, Иванъ Гаврилычъ мрачно задумается и объ-

явитъ: „а я завтра еще лучше напьюсь!“—И дѣйствительно, напьется, а настойчивое начальство его еще лучше отдеретъ, а упрямый Иванъ Гаврилычъ, наперекоръ ему, опять напьется, и опять экзекуція, и т. д., такъ что долго казалось вопросомъ—кто кого переупрямитъ? Однако, въ результатѣ вышло, что переупрямило начальство. Иванъ Гаврилычъ пить пересталъ, старательно занялся службою, дослужился до офицерскихъ чиновъ и принялся орудовать при казенномъ хозяйствѣ, не забывая себя и пользуясь благоволеніемъ смѣнявшихся начальниковъ за свою исполнительность. Долго шло такъ; Иванъ Гаврилычъ подвигался въ чинахъ, хотя продолжалъ занимать небольшую, но прибыльную должность, благоденствовалъ и, при своихъ ограниченныхъ жизненныхъ потребностяхъ, все помаленьку прибавлялъ въ мошну; однако, и на него пришло трудное время. Послѣ ряда благоволительныхъ начальниковъ, попалъ онъ подъ команду новаго, который его заподозрилъ, невзлюбилъ и рѣшился прекратить его доходы. Какъ-то въ это время вступилъ я разъ съ Иваномъ Гаврилычемъ въ бесѣду и услышалъ отъ него большія сѣтованія на притѣснительность новаго начальника. — Да, — отвѣтилъ я ему, — плохо вамъ будетъ, Андрей Петровичъ васъ дойметъ.— „Ну, это еще бабушка на-двое сказала: либо будетъ, либо нѣтъ, —возразилъ Иванъ Гаврилычъ вдругъ ободрившимся тономъ,—и если сказать по правдѣ, совсѣмъ не боюсь я Андрея Петровича!“—Что вы, какъ не бояться, вѣдь онъ такъ горячо преслѣдуетъ всякія неправильности, такъ стоитъ за казенное добро! —„Это вы такъ полагаете? А мы, признаться, на этотъ счетъ другихъ мыслей“. — На какомъ же основаніи? — „Да вотъ, изволите видѣть, мы на своемъ вѣку видали уже виды и разныхъ начальниковъ испытывали. Оно точно, Андрей Петровичъ много говоритъ о казенной копѣйкѣ и называетъ ее „народнымъ достояніемъ“, только у насъ свои примѣты есть“.—„Какія же это примѣты?“—„А вотъ напримѣръ: настоящій честный начальникъ, который точно казну бережетъ, тотъ всегда неопытенъ. Станетъ это онъ тебя ловить и все въ настоящее мѣсто не попадаетъ; вокругъ да около ходитъ, и все мимо. А Андрей Петровичъ такъ сразу въ самую ту точку попадаетъ, гдѣ, значитъ, настоящее дѣло есть; какъ же не сообразить, что, видно, онъ и самъ туда похаживалъ, безъ опыта такъ не наметаешься“.— Однако, это для васъ пожалуй не легче, а хуже. — „И этого не скажу, и все-таки не боюсь я Андрея Петровича, потому: коли ежели до разбора дойдетъ, то и намъ кое-что извѣстно такое, что раскапывать для него будетъ неловко“.

Скоро послѣ того ушелъ я въ другое вѣдомство и, при встрѣчѣ съ нѣкоторыми путейцами, услышалъ о развязкѣ отношеній Ивана Гаврилыча съ его начальникомъ. Дознался послѣдній, что у Ивана Гаврилыча недостаетъ значительной денежной суммы, и позвалъ его къ отвѣту. „Что это, у васъ недостача казенныхъ денегъ?“ — „Точно такъ-съ, столько и столько не хватаетъ“,—спокойно отвѣчаетъ Иванъ Гаврилычъ.—„Гдѣ же эти деньги?“ — „Не могу знать-съ“.— „Какъ не можете, вѣдь это, значитъ, вы сами похитили?“—допрашиваетъ Андрей Петровичъ. —„И зачѣмъ, ваше—ство, такія слова; да, впрочемъ, если ужъ вы такъ хотите, то я скажу, что можетъ быть точно эти деньги у меня какъ-нибудь застряли“.—„Да вѣдь это же преступленіе, я васъ щадить не буду, отдамъ подъ судъ!“—„Да къ чему же, позвольте доложить, тутъ судъ припутывать, ваше—ство? Совсѣмъ неудобно будетъ, потому: пойдетъ разслѣдованіе, такъ откроются и разныя другія дѣла, и такое пойдетъ, что кое-кому и изъ прочихъ очень непріятно будетъ. Мы вѣдь знаемъ про разныя неправильности, для чего же выводить все это наружу?.. Лучше позвольте мнѣ такъ доложить: исходатайствуйте мнѣ усиленную пенсію, такъ я самъ согласенъ буду васъ оставить и выйду въ отставку; а что насчетъ недостачи, пусть ужъ это останется *такъ*“. Какъ дѣло шло дальше—я подробно не слышалъ, или забылъ, только Иванъ Гаврилычъ вышелъ въ отставку благополучно. Говорили, что задумывалъ даже домикъ купить для житья на покоѣ, но тутъ стряслась надъ нимъ уже настоящая бѣда. Одинъ изъ покровительствовавшихъ ему прежнихъ начальниковъ, вѣчно путавшійся въ вексельной литературѣ, попросилъ его разъ поручиться по крупному обязательству. Какъ ни остороженъ былъ Иванъ Гаврилычъ, но на этотъ разъ въ немъ взяли верхъ подобострастіе къ начальнику и довѣріе къ его видному положенію. Иванъ Гаврилычъ далъ свою подпись, а начальникъ не устоялъ и принялись взыскивать съ самого Ивана Гаврилыча. Черезъ нѣсколько лѣтъ, встрѣчаю его на улицѣ и слышу горькія жалобы: „Ахъ, какъ подвелъ меня Александръ Константиновичъ, могъ ли я этого ожидать? Въ такомъ чинѣ и такой былъ хорошій начальникъ! Теперь съ меня послѣднее тянутъ, такъ что въ старости надо искать работы. Вотъ, вы меня знаете, не порекомендуете ли на какую службу по желѣзной дорогѣ“?

Впрочемъ, характерныхъ лицъ и пикантныхъ эпизодовъ встрѣчалось столько, что даже болѣе выдающихся изъ нихъ здѣсь не умѣстить и запомнить трудно; да распространяться о частныхъ

примѣрахъ едва ли и нужно, такъ какъ и приведенныя черты изъ жизни различныхъ сферъ путейскаго міра достаточны будутъ для нѣкоторой характеристики того прошлаго, которое представлялось съ тогдашней моей обсерваторіи. Огромное большинство видѣннаго въ то время персонала теперь уже покойники,—уцѣлѣло развѣ нѣсколько единицъ, и самые нравы и обычаи означенныхъ сферъ до того измѣнились, что приведенныя черты выражаютъ лишь память объ исчезнувшемъ быломъ.

III.—Военное министерство.

Надъ путейскимъ министерствомъ долго тяготѣла особая судьба. Не давалось ему равноправное, мирное сосуществованіе съ министерствомъ финансовъ. То возникнетъ, бывало, между ними острая борьба, то путейское фактически подчиняется финансовому. Какъ только во главѣ путейскаго станетъ самостоятельный человѣкъ—начинается взаимное противодѣйствіе изъ-за различія взглядовъ и стремленій или изъ-за преобладанія, борьба протянется нѣкоторое время, но оканчивается побѣдою министра финансовъ, послѣ которой путейское вѣдомство идетъ на буксирѣ финансоваго, словно его отдѣленіе. Такъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, министръ финансовъ Рейтернъ свалилъ последовательно, одного за другимъ, двухъ путейскихъ министровъ, графовъ Бобринскихъ, а при смѣнившемъ послѣднихъ адміралѣ Посьетѣ путейское вѣдомство достигло болѣе чѣмъ десятилѣтняго спокойнаго существованія цѣною своего обезличенія. Другой эпизодъ борьбы пришелъ въ началѣ девяностыхъ годовъ, когда путейскимъ министромъ былъ самолюбивый Гюббенетъ, а финансовымъ—неразборчивый въ средствахъ политикъ Вышнеградскій, причемъ борьба опять кончилась побѣдою министра финансовъ и паденіемъ Гюббенета, не выдержавшаго натиска финансовыхъ аттакъ и миноносокъ. Болѣе нормальными отношенія между этими двумя министерствами помнятся въ короткій періодъ, когда на посту министра финансовъ находился чуждый властолюбія и всякихъ интригъ Н. X. Бунге, а министромъ путей сообщенія былъ упомянутый выше покладистый Посьетъ. Видно, habent sua fata—и казенныя вѣдомства.

Описываемое время представляло интересъ въ томъ отношеніи, что какъ разъ было моментомъ острой борьбы между министрами: вторымъ гр. Бобринскимъ и Рейтерномъ. Состоя въ

министерствѣ, я могъ съ близкаго разстоянія созерцать процессъ этой борьбы.

Бобринскій былъ человѣкъ не только самостоятельный, но и наступательнаго характера, и ему не нравилось въ путейскомъ мірѣ многое, дѣйствительно не заслуживавшее одобренія: и концессіонная система, дававшая юркимъ промышленникамъ слишкомъ свободно хозяйничать въ такой громадной области государственнаго интереса, какъ желѣзнодорожная сѣть, и непомѣрныя строительныя оцѣнки дорогъ, и разные порядки въ томъ же духѣ. Напротивъ, Рейтернъ былъ именно приверженцемъ частнаго хозяйства на желѣзныхъ дорогахъ и довелъ его до того, что казенною осталась только одна 57-верстная ливенская дорога, а вся остальная сѣть,—построенная какъ частными компаніями, такъ и казною,—отдана была частнымъ концессіонерамъ, которые захватывали даже по нѣскольку линій въ однѣ руки и орудовали ими почти безконтрольно. Такое расположеніе Рейтерна къ частному хозяйничанью находило объясненіе отчасти въ антипатіи къ дурнымъ преданіямъ казеннаго хозяйства прежняго времени, соединявшагося и съ хищеніями, и съ господствомъ крайняго формализма, отчасти же въ надеждѣ, что просторъ частной инціативѣ поможетъ образованію въ Россіи новой группы капиталистовъ, своего рода богатой буржуазіи. Однако, подобныя стремленія были ложны въ самомъ основаніи и должны были привести—да и привели—къ дорогому разочарованію, потому что какъ ни скверны были традиціи стараго казеннаго хозяйства, но замѣна послѣдняго концессіонною системою, на принятыхъ для того основаніяхъ, была переходомъ не къ лучшему, а скорѣе къ худшему, выражая главнымъ образомъ припускъ къ казенному сундуку группы жадныхъ дѣльцовъ. Если при казенномъ хозяйствѣ кормились ближайшіе приставники, то тутъ, кромѣ нихъ, приходилось насыщать еще этихъ, обладавшихъ болѣе сильнымъ аппетитомъ дѣльцовъ.

Частная инціатива съ ея большею свободою отъ формализма, конечно, очень способна оживлять и улучшать промышленное дѣло, но—только тогда, когда способы ея примѣненія дѣйствительно соотвѣтствуютъ понятію „частной"; то-есть, когда люди дѣйствуютъ на свои средства и, главное, подъ своею же отвѣтственностью. Въ торговомъ или фабричномъ дѣлѣ, напримѣръ, нестѣсненная, умѣлая частная дѣятельность можетъ приносить многое, но тутъ она руководится сознаніемъ, что если при благоразуміи и порядкѣ хозяинъ получитъ хорошую прибыль, то

за небрежность, излишнюю широту расходовъ и безпорядокъ поплатится убытками или разореніемъ онъ же, а не кто-либо другой. Но совсѣмъ въ иныя условія поставлены были концессіонеры.

Прежде всего они, по уставамъ, маскировали себя внѣшностью акціонерныхъ компаній. Орудуетъ дѣломъ и владѣетъ акціями концессіонеръ, одинъ или съ парою товарищей, а оффиціально это имѣетъ видъ дѣйствій желѣзнодорожнаго „общества", якобы состоящаго изъ массы акціонеровъ; для ихъ оффиціальныхъ собраній набираются подставныя лица, получающія чужія акціи на кратковременное подержаніе (ко дню собранія) и единогласно утверждающія все, что̀ угодно. Если надо поплатиться—платится „общество", т.-е. само желѣзнодорожное имущество, а не скрытый за акціонерными ширмами концессіонеръ. Если даже предпріятіе лопнетъ—банкротомъ будетъ признано общество, т.-е. фикція, а концессіонеръ формально чистъ и станетъ орудовать въ другой компаніи, не неся никакой отвѣтственности; понятно, что онъ могъ дѣйствовать смѣлѣе всякаго другого промышленника.

Другимъ мертвящимъ и развращающимъ условіемъ была „гарантія". Казна гарантировала „обществамъ" опредѣленный размѣръ *чистаго* дохода отъ доро̀гъ, чѣмъ принимала на себя ручательство не только за значительность желѣзнодорожныхъ сборовъ, но и за сдержанность расходовъ, производимыхъ самими же частными орудователями, такъ какъ чистый доходъ есть результатъ соотношенія валового дохода и расхода. Другими словами—казна брала на себя отвѣтственность предъ этими орудователями за правильность ихъ *собственныхъ* дѣйствій. Какъ только вырученный на дѣлѣ чистый доходъ выходилъ меньше гарантированнаго—казна приплачивала недостающее. Отсюда возникало такое положеніе, что если орудователи станутъ даже недобросовѣстно тратить деньги и оттого увеличится недостатокъ чистаго дохода до гарантированной суммы, то это увеличеніе покроетъ казна, т.-е. частные владѣльцы дорогъ могли прямо дѣлать лишнія траты за казенный счетъ. Побужденіе къ сдержанности могло имѣть мѣсто лишь на такихъ особенно прибыльныхъ дорогахъ, которыя приносили доходъ выше гарантированнаго, потому что тогда казна уже избавлялась отъ приплатъ, и лишній расходъ падалъ на счетъ избытка прибыли самихъ концессіонеровъ (тутъ грозила уже противоположная крайность: скупость—въ ущербъ безопасности и благоустройству дорогъ). Но такъ какъ въ описываемое время подобныхъ прибыльныхъ до-

рогъ было очень мало (московско-рязанская, московско-ярославская, московско-курская, курско-кіевская, рязанско-козловская), то на большинствѣ сѣти у частныхъ хозяевъ исчезалъ самый мотивъ къ бережливости и имъ дѣло представлялось такъ: выше гарантированнаго дохода мы отъ линіи получить не можемъ, а гарантированный непремѣнно получимъ полностью, значитъ—хорошо или скверно будемъ вести дѣло—намъ достанется одно и то же: гарантированная сумма. Изъ-за чего же экономить, когда всякое сбереженіе уменьшитъ не нашъ доходъ, а только приплату казны, которой жалѣть не стòитъ, и когда всякое преувеличеніе расхода оплатитъ только она? Между тѣмъ, при расходованіи пошире, можно достигать тѣхъ или другихъ частныхъ выгодъ. На такой почвѣ и выростали соотвѣтствующіе плоды. Напримѣръ, когда частные хозяева дороги заинтересованы были въ какомъ-нибудь стороннемъ предпріятіи—заводскомъ, угольномъ и т. под.,—то у нихъ являлось побужденіе совершать сдѣлки на поставляемые для дороги предметы не дешевле, а напротивъ, подороже, потому что на дороговизнѣ выигрывали ихъ заводъ или иное дѣло, какъ поставщики, а переплату дороги на цѣнѣ покрывала казна. Такъ постороннимъ предпріятіямъ открывалась свобода эксплоатировать казну чрезъ посредство желѣзныхъ дорогъ. Если одинъ концессіонеръ, подъ фирмами разныхъ обществъ, овладѣлъ двумя или тремя дорогами, изъ которыхъ одна давала прибыль, а другая была убыточна, то при помощи фактическаго объединенія управленія часть расходовъ прибыльной сваливалась на убыточную, чтобъ преувеличить прибыль, достающуюся концессіонеру, и усилить недоборъ той дороги, за какую платилась казна. Разумѣется, пріемы эксплоатированія казны бывали разнообразны, отличаясь неодинаковою степенью тонкости или грубости, но нѣтъ надобности здѣсь подробнѣе о нихъ распространяться, потому что сущность положенія объясняется и сказаннымъ выше:

Не лишено было интереса самое распредѣленіе желѣзнодорожныхъ линій между частными предпринимателями. Если одна часть даже небольшой линіи выгодна, а другая по дороговизнѣ сооруженій убыточна, то тутъ не всегда минусъ уравновѣшивался плюсомъ, но допускался иногда особый пріемъ: хотя за обѣ части брались одни и тѣ же люди, но линія раздѣлялась на двѣ, которыя отдавались этимъ людямъ подъ фирмами двухъ разныхъ обществъ, и тогда владѣльцы подъ одною фирмою получали прибыль отъ выгодной части, а подъ другою—брали отъ казны приплаты на покрытіе недоборовъ по убыточной. Выдающимся образцомъ дробнаго дѣленія представлялся раздѣлъ линіи

отъ Динабурга до балтійскаго берега на двѣ дороги: риго-динабургскую въ двѣсти четыре версты и риго-болдерааскую—только въ семнадцать верстъ, но съ очень дорогимъ мостомъ, составлявшимъ главную ея часть.

При самой раздачѣ концессій всегда упускалось изъ виду весьма важное принципіальное соображеніе. Конечно, доходность дорогъ зависитъ отъ географическаго и экономическаго значенія ихъ мѣстностей, и если однѣ обѣщаютъ убытокъ, то другія, въ силу самаго положенія своего, непремѣнно должны приносить большой доходъ; слѣдовательно, преимущество географическаго положенія само по себѣ составляетъ значительную матеріальную цѣнность, которая, конечно, принадлежитъ не кому иному, какъ государству. Право извлекать доходъ изъ завѣдомо прибыльной линіи нельзя цѣнить наравнѣ съ правомъ пользоваться убыточною. Однако, прибыльныя и убыточныя линіи одинаково отдавались казною частнымъ компаніямъ даромъ — безъ всякаго участія казны въ прибыляхъ,—тогда какъ, разумѣется, никто не отдастъ, напримѣръ, дóма или торговаго заведенія, находящагося въ бойкомъ центрѣ города, за такую же цѣну, какъ находящіяся гдѣ-нибудь на глухой окраинѣ, хотя бы тамъ и здѣсь на постройку пошло одинаковое количество матеріаловъ и работы.—Словомъ, сутью концессіонной системы было такое распредѣленіе, при которомъ барыши достаются частнымъ предпринимателямъ, а убытки—казнѣ, съ отсутствіемъ сколько-нибудь удовлетворительнаго контроля надъ дѣйствіями этихъ предпринимателей и съ парализованіемъ въ нихъ даже заинтересованности въ правильномъ веденіи хозяйства. Положеніе казны въ отношеніи къ нимъ напоминало тѣхъ старинныхъ баръ, которые, бывало, сажали за карточный столъ своихъ протеже́, говоря имъ: „если выиграешь—это твое, а если проиграешь, то уплачу я“.

Такъ, подъ вывѣскою частной промышленной иниціативы выступало коренное ея извращеніе. Для чего нужны были подобные „частные“ иниціаторы—всѣ эти Поляковы, Варшавскіе, Губонины — на это никто не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Въ технику они ничего своего не вносили, такъ какъ знаніемъ ея не обладали, и дорóги строились тѣми же инженерами, которые строили бы ихъ и отъ казны; не давали они ни своихъ капиталовъ (которые, напротивъ, сами они черпали для себя изъ казны), ни своего кредита, такъ какъ весь ихъ кредитъ держался казенною же гарантіею; ничего отъ нихъ не выигрывала промышленность, не образовывался и искомый классъ промышленныхъ капиталистовъ, потому что нѣтъ никакого сходства

между группою капиталистовъ, держащихся собственною силою, и припущенниками казеннаго сундука. Зданіе ихъ походило на тотъ карточный домикъ, который стоитъ, пока его поддерживаютъ руками, и валится, какъ только удалятъ руки. Однако, все это хорошо сознаолсь только впослѣдствіи—и все-таки этотъ старый урокъ недостаточно пошелъ намъ впрокъ, такъ какъ еще очень недавно у насъ повторялась ошибка искусственнаго созданія промышленныхъ предпріятій путемъ поддержки заводовъ усиленными казенными заказами и чрезмѣрнымъ дорожнымъ строительствомъ; дорого обойдясь странѣ, такой новый карточный домикъ, какъ то предвидѣли, сталъ рушиться немедленно послѣ сокращенія казенныхъ жертвъ: дутыя предпріятія валились одно за другимъ.

Достоинство объясненной системы въ описываемое время уже возбуждало въ обществѣ большія сомнѣнія и оцѣнкою его серьезно стала заниматься періодическая печать. Скоро по этому предмету образовалась цѣлая литература, опиравшаяся на солидныя фактическія данныя, причемъ главнымъ вкладчикомъ въ эту литературу былъ упомянутый нами выше А. А. Головачовъ, относившійся къ данному вопросу съ обычною горячностью и дѣловитостью. Выступилъ противъ концессіонерства и министръ путей сообщенія гр. Бобринскій, поставившій себѣ задачею прекратить его развитіе. Но большія затрудненія ему представили, во-первыхъ, то, что концессіи были уже розданы и для обратнаго выкупа частныхъ дорогъ въ казну далеки были назначенные сроки, а во-вторыхъ—вліятельная оппозиція. Помимо самихъ концессіонеровъ и людей, заинтересованныхъ въ ихъ дѣлѣ или почему-либо благоволившихъ къ нимъ, въ пользу заведеннаго порядка дѣйствовали и предразсудки, иногда очень упорно держащіеся въ правительственныхъ сферахъ, вопреки очевидности внушительныхъ фактовъ. Самымъ сильнымъ по положенію сторонникомъ концессіонерства въ это время былъ, какъ уже сказано, министръ финансовъ Рейтернъ, въ которомъ отвращеніе къ казенному хозяйству и увлеченіе частною инициативою затмевали ясность представленія дѣйствовавшаго зла. Гр. Бобринскій склонялся къ возобновленію системы казенной постройки и эксплоатаціи дорогъ, при которой если и предвидѣлись неизбѣжныя во всякомъ хозяйствѣ неправильности, то по крайней мѣрѣ министерство имѣло возможность преслѣдовать злоупотребленія при каждомъ обнаруженіи ихъ и ближе руководить дѣломъ, не встрѣчая препятствій въ тѣхъ частныхъ правахъ, которыя широко раздавались компаніямъ по уставамъ; да и тѣ крупные барыши частныхъ лицъ, которые ставились на договорную почву и на восьмидесятилѣтніе сроки,

не имѣли мѣста при казенномъ управленіи. Если нельзя было ввести новую систему на существовавшихъ уже дорогахъ до времени ихъ выкупа, то гр. Бобринскій имѣлъ въ виду примѣненіе ея къ линіямъ, вновь разрѣшаемымъ къ постройкѣ. Такимъ образомъ, стремленія одного министра были діаметрально противоположны стремленіямъ другого, а такъ какъ оба они были люди стойкіе, то острая, рѣшительная борьба между ними была неизбѣжна.

Сначала эта борьба привела къ компромиссу, который—какъ большинство ихъ—оказался очень неудачнымъ: Рейтернъ отстоялъ частную иниціативу, т.-е. акціонерныя компаніи, а Бобринскій добился того, чтобъ не было „концессіонера". А какъ устроивать компаніи безъ концессіонеровъ—это указывалось въ утвержденныхъ весною 1873 года правилахъ. Порядокъ устанавливался такой: при разрѣшеніи новой желѣзной дороги правительство опредѣляетъ стоимость ея постройки, размѣръ акціонернаго и облигаціоннаго капиталовъ, число акцій и цѣну каждой изъ нихъ; затѣмъ составъ акціонеровъ образуется, безъ всякаго частнаго посредничества, путемъ публичной подписки на акціи въ государственномъ банкѣ; каждый желающій получаетъ возможность въ назначенный день явиться въ этотъ банкъ и подписаться на какое угодно количество акцій; а далѣе,—если подписка превыситъ предложенное число акцій,—производится развёрстка акцій между подписчиками, съ отданіемъ предпочтенія подписавшимся на сравнительно мелкія суммы; такимъ образомъ, рождается новое акціонерное общество, собраніе акціонеровъ выбираетъ изъ себя правленіе, и это послѣднее приступаетъ къ строительной дѣятельности. Главное отличіе отъ прежняго порядка представлялось, стало быть, въ томъ, что прежде допущенный правительствомъ концессіонеръ выступалъ организаторомъ дѣла, самъ подбиралъ какихъ ему угодно акціонеровъ, распредѣлялъ акціи и забиралъ дѣло въ свои руки, а тутъ—учредителемъ являлось само правительство, становившееся въ непосредственныя отношенія къ публикѣ, изъ которой ожидалось самостоятельное выдѣленіе людей, интересующихся тою или другою желѣзною дорогою и желающихъ помѣстить въ нее свои деньги.

Казалось, новый порядокъ, облегчая доступъ къ желѣзнодорожной дѣятельности, привлекаетъ новыя силы и вообще открываетъ просторъ самостоятельному промышленному движенію въ обществѣ, устраняя притомъ напрасные барыши людей, добывающихъ себѣ административныя протекціи. Гр. Бобринскій въ

значительной мѣрѣ торжествовалъ, полагая, что ему удалось, въ лицѣ концессіонеровъ, сокрушить одну изъ гидръ нашего государственнаго хозяйства. Однако, тогда же высказывалось и немало сомнѣній: не втиснутся ли въ дѣло концессіонеры и при новомъ порядкѣ, хотя бы принятіемъ участія въ той же подпискѣ, наравнѣ съ прочею публикою? Не найдутъ ли эти ловкіе люди новыхъ обходовъ? Сторонникамъ Бобринскаго, впрочемъ, подобныя опасенія не казались серьезными: что жъ, молъ, пусть себѣ концессіонеръ и подписывается, но вѣдь при широкомъ доступѣ публики и предпочтеніи мелкихъ подписчиковъ ему достанется развѣ очень небольшое число акцій, которое не дастъ ему рѣшительнаго преобладанія въ дѣлѣ,—значитъ, послѣднее все-таки попадетъ въ новыя руки. Вообще, выходило „славно на бумагѣ“, но—какъ часто бываетъ въ нашихъ административныхъ мѣропріятіяхъ—тутъ опять „забыли про овраги“, какими полна наша практическая жизнь. А крупнымъ оврагомъ такого рода было уже одно отсутствіе въ нашей публикѣ достаточнаго человѣческаго матеріала для задуманныхъ акціонерныхъ обществъ новаго типа. Публика могла бы сознательно устремиться къ подпискѣ на акціи, еслибы въ ней были распространены ясныя понятія о будущихъ выгодахъ тѣхъ или другихъ линій, но у массы ея даже не могло быть ни такихъ понятій, ни вообще достаточнаго представленія о крайне сложныхъ условіяхъ желѣзнодорожнаго хозяйства, гдѣ многое зависитъ отъ такихъ спеціальныхъ обстоятельствъ, которыя знакомы только посвященнымъ людямъ. Даже опытные желѣзнодорожники дѣлывали крупные промахи въ разсчетахъ о будущемъ направленіи грузовъ, о дѣйствительной стоимости сооруженій, а слѣдовательно о доходности; и только особая изворотливость и близкое знаніе различныхъ ходовъ и обходовъ помогали имъ выпутываться изъ трудныхъ положеній. Даже близко стоя къ практикѣ дѣла, часто случалось встрѣчать такіе сюрпризы, которые существенно измѣняли предварительные разсчеты. Стало быть, за отсутствіемъ знанія дѣла (доступнаго лишь единицамъ, которыя имѣли возможность примазываться и къ прежнимъ концессіонерамъ)—на вызовъ иниціаторовъ изъ публики могло или вовсе не оказаться охотниковъ, или же могли выступить люди, идущіе наобумъ, подобно тѣмъ покупателямъ биржевыхъ цѣнностей, которые уповаютъ на туманные барыши или выгодную перепродажу. А отъ такихъ людей не поздоровилось бы и самому желѣзнодорожному дѣлу.

Среди ожиданій успѣха и неуспѣха, оставалось ждать опыта. Цѣлый годъ шли подготовленія. Новыя правила дополнялись

и измѣнялись. Обсуждался вопросъ—какія именно строить новыя дороги, и составлялись для нихъ уставы. Рѣшено было построить акціонерными обществами восемь дорогъ, а казною—одну только маленькую баскунчакскую. Между тѣмъ, втихомолку готовились къ борьбѣ старые концессіонеры, рѣшившіеся не уступать поля дѣйствія, не щадить средствъ и, во чтò бы то ни стало, провалить на дѣлѣ теоретическое зданіе новыхъ правилъ. Они удачнѣе примѣнились къ наличнымъ обстоятельствамъ, и планъ ихъ, какъ объясняется ниже, былъ хотя очень простъ, но до грубости практиченъ. Исполненіе его, правда, стоило огромныхъ усилій, но концессіонеры не останавливались передъ жертвами, когда зашло дѣло о самомъ существованіи ихъ промысла. Борьба эта представила выдающійся интересъ и осталась памятнымъ событіемъ нашей желѣзнодорожной исторіи.

Весною 1874 года объявлена была наконецъ первая подписка на акціи по новымъ правиламъ. Общее вниманіе обратилось къ тому — чтò изъ нея выйдетъ? На очередь поставлено было образованіе разомъ четырехъ новыхъ акціонерныхъ обществъ для постройки и эксплоатаціи дорогъ: оренбургской, фастовской, уральской и привислянской. Условія подписки были очень льготны даже для бѣдныхъ людей, такъ какъ требовалось сперва внести только десятую часть подписной суммы, а остальное—потомъ, въ теченіе двухъ лѣтъ; то-есть, достаточно было имѣть пятнадцать рублей, чтобы пріобрѣсти право на одну акцію. Процессъ подписки на четыре дороги совершенъ былъ въ два пріема: въ половинѣ марта на оренбургскую и фастовскую, а черезъ мѣсяцъ—на уральскую и привислянскую.

Тутъ открылось невиданное, грандіозное зрѣлище. Съ ранняго утра тянулись въ государственный банкъ смѣшанныя толпы людей различныхъ классовъ, возраста и пола, и образовывали у входа большой хвостъ. По открытіи дверей, они волною вливались внутрь, занимали въ банкѣ нѣсколько комнатъ, и все-таки значительная часть толпы оставалась въ коридорахъ и на дворѣ. Тутъ встрѣчались старики, взрослые, юноши и женщины. Служащіе въ разныхъ конторахъ, приказчики, артельщики, швеи, фабричные мастера и подмастерья разныхъ заведеній, прислуга—все это рвалось къ подпискѣ, производя сильнѣйшую давку. При одной изъ подписокъ замѣчена была содержательница моднаго магазина, которая привела съ собою сорокъ подвластныхъ ей мастерицъ и швей, въ качествѣ подписчицъ. Когда раздавались подписочные бланки, толпа стремительно ихъ расхватывала и кому бланковъ не хватало—тѣ нерѣдко перекупали ихъ за деньги

у успѣвшихъ захватить лишніе. Толкотня и безпорядокъ доходили до того, что пришлось звать полицію; составлялись протоколы и были увѣчья. Какъ трудно было протиснуться къ подписочнымъ столамъ, такъ же трудно было и вырваться изъ давившей отовсюду толпы. И подавляющее большинство составляли мелкіе подписчики, требовавшіе по одной или по нѣскольку акцій, т.-е. какъ разъ тѣ, которымъ отдавалось преимущество при разверсткѣ акцій. Иные подписчики, добывая нужныя для предварительныхъ взносовъ деньги, платили по нѣскольку процентовъ за нѣсколько дней, а кто могъ—тотъ забиралъ деньги въ банкахъ, истощая ихъ кассы. При всемъ томъ, многіе должны были вернуться съ разочарованіемъ, ничего не добившись въ борьбѣ съ натискомъ чужихъ локтей и плечъ.

Результатъ подписки вышелъ чудовищный. На оренбургскую дорогу подписка превысила въ 25 разъ предложенное количество акцій, на фастовскую—уже въ 43 раза, на уральскую—въ 59, а на привислянскую—даже въ 174 раза, т.-е. съ каждымъ переходомъ отъ одной дороги къ другой спросъ возросталъ съ быстрою прогрессивностью. Въ общемъ итогѣ, на предложеніе 188.158 акцій, публика отвѣтила подпискою на 13.660.553 акціи!

Чѣмъ же было объяснять такой изумительный спросъ, когда пріобрѣтаемыя акціи формально не обѣщали ни выигрышей, ни какихъ-либо другихъ чрезвычайныхъ выгодъ, а только гарантировали ежегодное полученіе пяти рублей на сто—процентъ въ ту пору даже ниже обычнаго? Неужели сѣрая публика успѣла взвѣсить какіе-то шансы необыкновенной прибыльности оренбургской или привислянской дорогъ? Неужели въ ней такъ уже выработались представленія о возможности умѣло повести желѣзнодорожное дѣло или существовалъ громадный избытокъ денегъ, искавшій помѣщенія хотя бы за пять процентовъ? Разумѣется, ничего подобнаго не было и быть не могло, а дѣло объяснялось гораздо проще. Дѣйствительные предприниматели, не надѣясь получить достаточнаго количества акцій своимъ личнымъ участіемъ въ подпискѣ, наслали массу мелкихъ коммиссіонеровъ, подписывавшихся якобы для себя, но въ дѣйствительности для нихъ. Привыкнувъ орудовать подставными акціонерами, предпринимателямъ нетрудно было додуматься и до подставныхъ подписчиковъ. Однимъ давали деньги на подписные взносы и заплатили за пущенную въ ходъ работу плечъ и локтей, а другіе пошли въ свалку, двинутые широко распространенными сообщеніями, что за каждую пріобрѣтенную ими и потомъ уступленную акцію

концессіонеры вернутъ подписные взносы съ добавкою порядочнаго барыша. Получить на каждые затраченные пятнадцать рублей, своихъ или чужихъ, немедленно по нѣскольку рублей преміи показалось интереснымъ огромной массѣ людей,—и вотъ откуда хлынули приказчики, слуги, артельщики и швеи съ ихъ командиршею, хозяйкою моднаго звведенія. Численность этой массы увеличивалась еще тѣмъ, что концессіонеры не только били на провалъ новыхъ правилъ, но и конкуррировали между собою, почему каждый старался выставить какъ можно больше мелкихъ подписчиковъ. Послѣдніе, своею массою, одолѣли среднихъ (между которыми могли быть и пріобрѣтавшіе дѣйствительно для себя), а затѣмъ—передавали свои права на акціи заказчикамъ и готовымъ покупщикамъ, заработавъ на свою долю. Такимъ образомъ, льготы, предназначенныя для привлеченія самостоятельныхъ небогатыхъ людей и устраненія ими концессіонеровъ, обратились именно въ пользу этихъ концессіонеровъ, сосредоточивъ въ ихъ рукахъ почти всѣ акціи.

Словомъ, концессіонерская сила открыто, даже цинично, дала правительственному начинанію генеральную битву. Правда, на это требовалось много усилій и жертвъ. Кромѣ набора арміи подставныхъ, надо было собрать разомъ огромную сумму денегъ. Чтобы подписаться слишкомъ на тринадцать милліоновъ акцій, слѣдовало внести немедленно около двухсотъ милліоновъ рублей, но тутъ на помощь приходили банки, включительно съ государственнымъ, которые дружно поддерживали подписчиковъ, то давая нужныя деньги, то открывая спеціальные счеты, вслѣдствіе чего много подписочныхъ взносовъ покрывалось только ордерами одной кассы на другую. Такъ, противъ направленныхъ на концессіонерство правилъ, какъ противъ общаго врага, мобилизировались главныя денежныя и дѣлецкія силы. Деньги переходили отъ банковъ къ предпринимателямъ, отъ этихъ—къ подставнымъ подписчикамъ, отъ послѣднихъ—въ подписочную кассу, а послѣ развёрстки, когда масса взносовъ оказалась лишнею,—двинулись обратнымъ путемъ; и хотя это передвиженіе совершалось въ короткое время, но вызванное имъ отвлеченіе денежныхъ суммъ произвело въ Петербургѣ чувствительное денежное стѣсненіе. Конечно, секретъ самихъ концессіонеровъ составляла величина понесенныхъ ими расходовъ на оплату подставныхъ, на перекупку акцій, на проценты по занятымъ суммамъ и т. п., но эти расходы должны были дойти до очень крупныхъ суммъ, которыя съ самаго начала и легли бременемъ на едва рождавшіяся строительныя предпріятія. То-есть, первый расходъ по новымъ желѣз-

нымъ дорогамъ произведенъ былъ на борьбу съ правительственною мѣрою и покрытъ изъ правительствомъ же данныхъ капиталовъ. Дорожное строительство быдо такъ интересно, что, ради полученія его, такихъ расходовъ не боялись. Зато старанія и жертвы окупались искомымъ результатомъ: концессіонеры одолѣли. И когда желѣзнодорожныя общества образовались —хозяевами въ нихъ оказались старые знакомцы: Поляковъ, Губонинъ, Варшавскій и Кроненбергъ.

Провалъ подписокъ былъ полный, эффектный, и онѣ уже болѣе не возобновлялись. Задуманное частное акціонерное общество казеннаго издѣлія не удалось, и на новыхъ дорогахъ водворился тотъ же порядокъ, какой былъ на старыхъ. Прежніе желѣзнодорожники съ ихъ приверженцами и покровителями торжествовали побѣду. Неудачу нововведенія сваливали на гр. Бобринскаго, хотя она въ дѣйствительности была плодомъ просто непродуманнаго компромисса правительственныхъ лицъ. Настоящею цѣлью Бобринскаго было не видоизмѣненное частное хозяйничанье, а болѣе рѣшительная перемѣна, въ смыслѣ казенной постройки и эксплоатаціи—тутъ же выходило ни то, ни сё. Но выше прежняго поднялись фонды Рейтерна, пріобрѣвшаго новый козырь въ игрѣ съ противникомъ; онъ могъ внушительно указывать: вотъ чего стоятъ затѣи Бобринскаго! Самъ Бобринскій, однако, если и былъ смущенъ неудачею, то все-же не унывалъ. Онъ готовился къ продолженію борьбы, надѣясь утилизировать полученные уроки, и чувствовалъ себя совершенно прочнымъ на своемъ посту, не замѣчая тѣхъ симптомовъ, которые уже указывали, что на самомъ дѣлѣ положеніе его сильно заколебалось. Говорили объ этомъ колебаніи лица, прикосновенныя къ правительственнымъ сферамъ и промышленному міру, а въ газетахъ, съ самаго времени неудачи подписокъ, стали появляться извѣстія, что Бобринскій покидаетъ министерскій постъ. Однако, онъ ничему подобному не вѣрилъ, и разъ, когда Головачовъ, въ частной бесѣдѣ съ нимъ, коснулся этихъ извѣстій, отвѣтилъ ему съ величественно-спокойною улыбкою: „Уполномочиваю васъ передать газетамъ, что все это вздоръ, и я вовсе не думаю оставлять своего поста“!

Такъ протянулось около трехъ мѣсяцевъ. Положеніе желѣзнодорожной политики оставалось неопредѣленнымъ, вызывая рядъ вопросовъ: пойдутъ ли опять концессіи на старыхъ основаніяхъ, смѣнятся ли онѣ прямо казенною постройкою, или возникнутъ еще какія-либо новыя, болѣе удачныя комбинаціи? Новыя предположенія Бобринскаго встрѣчали въ правительственныхъ сфе-

рахъ затяжку; Рейтернъ заявлялъ, что имѣетъ въ виду еще новѣйшія комбинаціи, но все это годилось только для выжиданія времени, когда уйдетъ Бобринскій. Развязка уже надвигалась, и самоувѣренность Бобринскаго оборвалась рѣзкимъ исходомъ.

Какъ-то, въ первой половинѣ іюля, всего черезъ нѣсколько дней послѣ упомянутаго отвѣта Головачову, Бобринскій спокойно отправился съ обычнымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ, полный различныхъ плановъ будущей дѣятельности, и тутъ ждалъ его сюрпризъ. Онъ былъ обласканъ, получилъ благодарность за неустанные труды, но вмѣстѣ съ тѣмъ услышалъ, что ему пора отдохнуть отъ этихъ трудовъ и что ему готовъ уже преемникъ — адмиралъ Посьетъ. Такъ закончился боевой, иниціативный періодъ министерства путей сообщенія, и Бобринскій навсегда сошелъ съ поприща государственной дѣятельности. Сейчасъ же послѣ отставки выѣхалъ онъ изъ Петербурга, засѣлъ въ деревню и погрузился въ богословскіе вопросы, читалъ мѣстному населенію религіозныя поученія и т. под. Его считали близкимъ къ Пашковскимъ и Редстоковскимъ богословскимъ воззрѣніямъ.

Основательность тенденцій, выдвигавшихся Бобринскимъ, кромѣ разбора ихъ по существу, подтвердилась и послѣдующимъ опытомъ. Съ девяностыхъ годовъ наступило рѣшительное паденіе концессіонерскаго царства; пошли казенныя постройки желѣзныхъ дорогъ, частныя линіи выкупались одна за другою и переходили въ казенное управленіе, а тѣ немногія дороги, которыя еще удержались въ рукахъ акціонерныхъ обществъ, поставлены въ новыя условія, непохожія на прежнія: на нихъ частная распорядительность подчинена въ существенныхъ отношеніяхъ правительственнымъ требованіямъ, значительная доля получаемой отъ дорогъ прибыли стала принадлежностью казны и т. д. Но чтобы дойти до предпочтенія такой системы, понадобилось около двадцати лѣтъ, въ теченіе которыхъ концессіонеры сохраняли свое господство и безконтрольность, казна несла крупныя потери и масса потребностей правильнаго желѣзнодорожнаго движенія оставалась въ пренебреженіи. Бобринскій, подобно многимъ начинателямъ, встрѣчавшимъ противодѣйствіе современниковъ, былъ жертвою своей инициативы противодѣйствія злу. Такъ крѣпко еще держался въ его время предразсудокъ довѣрія къ призраку частной промышленной инициативы, такъ сильно было расположеніе къ концессіонерамъ, такъ туго давалось понятіе объ отличіи настоящей, производительной частной предпріимчивости отъ неосторожнаго припуска къ казенному сундуку. Нельзя, видно, разставаться съ предразсудками, пристра-

стіями и недоглядками безъ затраты большого времени и такихъ же жертвъ.

IV. — Безцвѣтный періодъ.

Смѣна гр. Бобринскаго адмираломъ Посьетомъ скоро отразилась на дѣятельности и самой физіономіи министерства. Новый министръ былъ человѣкъ почтенный, но вовсе не воинственный, а спокойный и, въ отношеніи къ другимъ вѣдомствамъ, особенно финансовому, покладистый. Притомъ, онъ очень дорожилъ полученнымъ министерскимъ мѣстомъ, сохраненіе котораго въ значительной степени обусловливалось миролюбіемъ, уживчивостью съ другими вліятельными правительственными лицами и избѣганіемъ постановки крупныхъ вопросовъ, могущихъ вызывать разногласія. Сдѣлавъ всю предыдущую карьеру въ морскомъ мірѣ, онъ не принесъ съ собою опредѣленныхъ взглядовъ на дѣятельность по путямъ сообщенія, да и вообще не обнаруживалъ сколько-нибудь живой иниціативы. Не видно было въ немъ ни охоты къ борьбѣ за какое-либо направленіе, ни настойчивыхъ стремленій къ опредѣленнымъ цѣлямъ. Скорѣе замѣчалось безразличіе и къ наслѣдію прошлаго, и ко вновь возникающимъ вѣяніямъ. Поэтому, другимъ министрамъ ладить съ нимъ было не трудно, а для Рейтерна онъ былъ даже особенно удобенъ послѣ Бобринскаго, и вліяніе министерства финансовъ на путейскій міръ усилилось, не встрѣчая противодѣйствій.

Тревожная, боевая дѣятельность въ министерствѣ разомъ затихла и жизнь его усвоила характеръ монотоннаго занятія текущими дѣлами. Вначалѣ еще выжидали, какъ обозначатся цѣли новаго министра послѣ ознакомленія его съ окружающею сферою, но когда мѣсяцы потянулись за мѣсяцами, не принося ничего выдающагося, то пришлось убѣдиться, что выжидать нечего, а пришелъ просто затяжной періодъ безцвѣтнаго спокойствія. Прежде, бывало, являясь на службу въ министерство, приходилось слышать о разныхъ замыслахъ, объ успѣхахъ и затрудненіяхъ по тому или другому начинанію, о направленныхъ къ той или другой серьезной цѣли мѣрахъ, а тутъ не стало слышно ни о чемъ подобномъ, и оставалось сосредоточиваться на ординарной служебной работѣ, узнавая развѣ обычныя чиновничьи новости, встрѣчая слухи о готовящихся личныхъ перемѣщеніяхъ, безъ которыхъ рѣдко обходятся министерскія перемѣны, и т. под.

Не замедлили и такія перемѣщенія, причемъ всѣ директоры департаментовъ замѣнены были новыми; только и тутъ характер-

ною чертою выступало безразличіе ко взглядамъ и направленіямъ. Напримѣръ, директоромъ канцеляріи министра назначенъ былъ упоминавшійся выше В. М. Жемчужниковъ—сподвижникъ Бобринскаго и принципіальный противникъ концессіонерства, а директоромъ департамента желѣзныхъ дорогъ—Д. И. Журавскій, хотя честный и очень знающій инженеръ, но узкій приверженецъ частнаго хозяйства на желѣзныхъ дорогахъ, твердо стоявшій за сохраненіе главныхъ основъ старой системы. Посьетъ выслушивалъ обоихъ и благоволилъ къ обоимъ, но самъ опредѣленнаго движенія не обнаруживалъ, такъ что на дѣлѣ одинъ существовавшій въ министерствѣ взглядъ какъ бы нейтрализовался другимъ. Практически, однако, такая терпимость выгодна была старому порядку, т.-е. концессіонерству, потому что этотъ порядокъ уже существовалъ, и отъ недостатка реформаторской инціативы продолжалъ держаться, а замѣна его другимъ, какъ новшество, требовала именно инціативы и готовности ко встрѣчѣ разногласій. Перемѣна личнаго персонала коснулась и Головачова. Онъ, какъ человѣкъ боевой, желавшій реформаторства, очень недоволенъ былъ наступленіемъ безцвѣтности управленія и выражалъ это громко, находя сочувствіе только въ товарищѣ министра Селифонтовѣ, но этотъ послѣдній, въ свою очередь, при новомъ порядкѣ сталъ совершенно невліятеленъ. Головачовъ былъ недоволенъ, заговаривалъ о выходѣ въ отставку, бралъ, въ видѣ подготовительной мѣры къ тому, продолжительные отпуски, потомъ передумывалъ, и кончилось тѣмъ, что онъ, оставивъ управленіе статистическимъ отдѣломъ, былъ назначенъ на спокойное и удаленное отъ центральнаго управленія мѣсто правительственнаго директора въ правленіи козлово-воронежско-ростовской (Поляковской) желѣзной дороги. Тутъ Головачовъ могъ усилить свои занятія однимъ писательствомъ по экономическимъ и финансовымъ вопросамъ, а также изученіемъ новыхъ данныхъ о текущей экономической жизни.

На нашемъ статистическомъ отдѣлѣ, кромѣ ухода Головачова, скоро отразилось новое обстоятельство: прекращеніе „Журнала Министерства Путей Сообщенія". Послѣдній задуманъ былъ при Бобринскомъ, между прочимъ, для проведенія министерскихъ взглядовъ и предположеній по разнымъ вопросамъ вѣдомства, но когда исчезъ самый источникъ взглядовъ, то журналъ въ значительной степени утратилъ первоначальный raison d'être и пришлось его наполнять разными обзорами текущихъ данныхъ, которые если и могли представлять нѣкоторый спеціальный интересъ, освѣщая извѣстныя стороны дѣятельности на путяхъ, то

все-же это было не то, что̀ отъ журнала ожидалось. По выпускѣ девяти книжекъ, рѣшено было журналъ прекратить. Послѣ этого статистическій отдѣлъ долженъ былъ сосредоточиться почти исключительно на Статистическомъ Сборникѣ, составленіи картъ и графическихъ изображеній. Спустя два года, журналъ хотя возобновился подъ отдѣльною редакціею и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, но съ тѣхъ поръ не разъ то прекращался, то вновь возникалъ, получая то узко-техническій, то смѣшанный характеръ, вообще не имѣя устойчивой физіономіи. За прекращеніемъ журнала, наша работа стала еще однообразнѣе, а въ отношеніи къ общей жизни министерства болѣе прежняго приходилось оставаться только зрителемъ ея медленнаго, тусклоцвѣтнаго хода.

Дѣло даже не ограничивалось однимъ отсутствіемъ движенія впередъ, но появились еще попятные шаги въ самомъ существѣ желѣзнодорожной политики. Пришло время строить новую группу дорогъ, причемъ на ближайшей очереди стояла донецкая. Какимъ способомъ осуществить ея сооруженіе? Пробовать опять публичныя подписки на акціи, очевидно, было невозможно. Но когда пришлось обсуждать—не построить ли ее просто на казенныя средства—это признано было неудобнымъ по „финансовымъ соображеніямъ“, хотя совершенно непонятно было, какія именно тутъ могли быть финансовыя затрудненія. Если правительство готово было дать отъ себя весь облигаціонный капиталъ, т.-е. три-четверти всей предварительно опредѣленной строительной суммы, то неужели обращаться къ частному предпринимательству только изъ-за предположенія, что оно дастъ остальную четверть въ видѣ акціонернаго капитала, когда, притомъ, практика уже достаточно показывала, что на дѣлѣ акціонерные капиталы большею частью фиктивны, и постройка совершается на однѣ облигаціонныя суммы? Странно казалось, какъ это казна въ состояніи дать семнадцать милліоновъ, но не въ состояніи принять на себя еще пять милліоновъ, въ которыхъ на дѣлѣ, можетъ быть, даже не окажется и нужды. Во всякомъ случаѣ, какъ правительство, такъ и частныя лица, одинаково должны были строить на деньги, взятыя изъ казны,—стало быть, фикція акціонернаго капитала выступала только въ качествѣ формальнаго предлога для возвращенія къ концессіонерству. Положимъ, расположеніе къ послѣднему сохранялось еще въ правительственныхъ сферахъ, но министерство путей сообщенія не противопоставило этому тогда своей серьезной комбинаціи. И кончилось тѣмъ, что рѣшено было образовать новое „акціонерное общество“, предоста-

вивъ устройство его опять концессіонеру, а для выбора послѣдняго допустить состязаніе четырехъ заранѣе избранныхъ лицъ. Концессію получилъ москвичъ Мамонтовъ, и такимъ образомъ желѣзнодорожное дѣло еще разъ вернулось къ старому порядку.

Еще характернѣе выразилось благоволеніе къ частнымъ предпринимателямъ въ дѣлѣ „гарантій". Были три желѣзныя дороги, не пользовавшіяся гарантіею акцій: одесская, кіево-брестская и бресто-граевская. Движеніе на нихъ совершалось уже нѣсколько лѣтъ, почему положеніе ихъ успѣло опредѣлиться: казна приплачивала по облигаціямъ, а частные хозяева не получали дохода по акціямъ, т.-е., выгода этихъ хозяевъ состояла въ одномъ орудованіи огромными денежными средствами, а казнѣ досталась одна убыточность, безъ выгодъ. Вдругъ означенные хозяева вздумали слить всѣ три предпріятія въ одно, подъ фирмою „Общества юго-западныхъ дорогъ" и подъ этимъ предлогомъ исходатайствовать себѣ гарантію на акціи, то-есть, добиться принятія правительствомъ на себя денежной отвѣтственности за тотъ доходъ, котораго не было. При самомъ поверхностномъ взглядѣ на дѣло, подобное домогательство представлялось грубою и даже нелѣпою требовательностью, такъ какъ оно противорѣчило и теоретической, и практической цѣли гарантій. Конечно, гарантія имѣетъ еще смыслъ, когда считается нужнымъ привлекать частные капиталы къ начинаемому предпріятію, когда предполагается, что капиталисты могутъ не пойти въ дѣло, если не будутъ увѣрены въ полученіи отъ него какого-нибудь дохода; но тутъ предприниматели давно уже были привлечены и самое предпріятіе не начиналось, а было уже осуществлено, стало быть—какой смыслъ могъ быть въ дачѣ гарантіи? Когда сдѣлалось яснымъ, что дохода на акціи не получается, гарантія только обязывала казну создать этотъ доходъ на свой счетъ, платя, въ добавокъ къ прежнимъ, новыя крупныя суммы и оставляя дороги въ такомъ же частномъ управленіи, въ какомъ онѣ были. Да несообразенъ былъ и самый предлогъ къ требованію: вѣдь дороги соединялись для большей экономіи, ради сокращенія общихъ расходовъ, то-есть, ради увеличенія выгодъ самихъ хозяевъ,—стало быть, выдача правительствомъ гарантіи являлась платою означеннымъ хозяевамъ не за какія-либо уступки съ ихъ стороны, а за ихъ готовность увеличить свою собственную выгоду. Однако, несмотря на всю странность мысли о дарованіи гарантіи дорогамъ *послѣ* ихъ постройки и эксплоатаціи—эта гарантія все-таки была дана, не встрѣтивъ затрудненій въ соображеніяхъ о безцѣльности такого казеннаго подарка.

Пойдя подъ дѣйствіемъ стороннихъ вѣтровъ и безъ собственнаго руля, министерство обратилось въ какое-то пассивное сонное царство. Работали въ немъ техники, велась текущая переписка, шли обычнымъ чередомъ доклады, выставки, Посьетъ пользовался уваженіемъ, какъ человѣкъ, но въ общемъ ходѣ его управленія едва ли не самую характерную черту представляло безличіе. Правда, въ послѣднюю половину этого управленія, когда стали уже извнѣ появляться вѣянія въ пользу казенной постройки и эксплоатаціи, состоялись даже опыты двухъ-трехъ казенныхъ построекъ новыхъ дорогъ, выступили и рѣдкіе отдѣльные примѣры выкупа частныхъ дорогъ, но все это не выражало системы и больше являлось слѣдствіемъ сторонняго вліянія, чѣмъ министерской инициативы. Практика показала, однако, что подобная пассивность, непротивленіе другимъ и воздержаніе отъ новшествъ имѣютъ свои спеціальныя удобства. Тогда какъ боевыя, инициативныя министерства быстро падали въ борьбѣ, министерство Посьета благополучно просуществовало четырнадцать лѣтъ,— дольше предыдущихъ и послѣдующихъ,—и вѣроятно продлилось бы еще, еслибъ не случайность памятной катастрофы 17 октября 1888 года, въ которой лично Посьетъ, по всѣмъ видимостямъ, нисколько не былъ повиненъ. Конечно, путейская администрація описываемаго времени имѣла еще другія стороны, но такъ какъ разсмотрѣніе ихъ не входитъ въ ограниченную рамку настоящихъ воспоминаній, то здѣсь достаточно коснуться болѣе виднаго вопроса объ инициативности, имѣя въ виду, что къ тому времени можно уже относиться какъ къ чему-то законченному, какъ къ предмету исторіи.

Между тѣмъ, ненормальность положенія желѣзнодорожнаго дѣла, безконтрольность концессіонеровъ, недостатокъ законовъ, опредѣляющихъ отношенія желѣзныхъ дорогъ къ правительству, публикѣ и вообще въ сферѣ права, жалобы на примѣры безпорядковъ и произвола, а также ежегодныя крупныя казенныя приплаты, продолжали производить сильное впечатлѣніе, и къ концу семидесятыхъ годовъ всюду распространился своего рода odium противъ желѣзнодорожнаго міра вообще. Казнѣ приходилось платить, не входя даже въ солидную провѣрку предъявляемыхъ счетовъ. Вопросъ о необходимости измѣнить это положеніе носился въ воздухѣ; не переставала твердить объ этомъ печать; много говорили противъ желѣзныхъ дорогъ въ земствахъ, въ обществѣ,—и очарованіе „частной инициативы“ стало, наконецъ, слабѣть въ правительственныхъ сферахъ. Консервативно относилось къ этому только спеціально приставленное къ данному дѣлу

министерство, которое, не обнаруживая живого движенія само, встрѣчало и стороннюю реформаторскую иниціативу вялою оппозиціею, словно чего-то выжидая.

Попытки къ перемѣнѣ стали приходить извнѣ. Сперва выступилъ вопросъ о подчиненіи хозяйства желѣзныхъ дорогъ надзору государственнаго контроля. Хотя это было еще далеко отъ устраненія концессіонерскаго хозяйничанья, но все-таки налагало на послѣднее нѣкоторую узду, такъ какъ государственный контроль, критикуя желѣзнодорожныя смѣты, отчетность и отдѣльныя распоряженія, могъ возбуждать вопросы о неправильностяхъ или злоупотребленіяхъ, гдѣ ихъ обнаружитъ, направлять дѣло къ ихъ прекращенію и къ отвѣтственности распорядителей, исправлять счеты, и тѣмъ до извѣстной степени охранять казенный интересъ. Въ государственномъ контролѣ составленъ былъ и проектъ соотвѣтствующихъ правилъ. Конечно, большимъ вопросомъ представлялась удачная выработка подобныхъ правилъ; проектъ требовалъ всесторонняго разбора, чтобы охрана правильности не выродилась въ узкую, придирчивую формалистику, но въ тогдашнемъ желѣзнодорожномъ мірѣ и среди его сторонниковъ возбудила бурю самая мысль о какомъ-либо контролѣ. Изъ этой сферы послышались вопли, что о контролированіи желѣзнодорожниковъ не упомянуто въ уставахъ, а потому оно составляетъ вопіющее нарушеніе принадлежащихъ частнымъ обществамъ правъ, своего рода актъ насилія; что государственный контроль, такимъ образомъ, покушается на одну изъ важныхъ основъ гражданской жизни. Словомъ, свою свободу дѣйствовать безъ серьезныхъ провѣрокъ желѣзнодорожники старались прикрыть флагомъ охраны законности и крупнаго общественнаго интереса. Нашлись у нихъ поддакиватели и въ видѣ одного-двухъ податливыхъ дѣятелей печати, которые, плохо вникая въ суть дѣла, принялись, въ свою очередь, отождествлять безконтрольное дѣйствованіе за казенный счетъ—съ общественнымъ правовымъ интересомъ и святостью договорныхъ отношеній.

Заволновались отъ этого вопроса и въ министерствѣ, гдѣ были приверженцы концессіонерства и гдѣ почувствовалось даже нѣчто въ родѣ обиды отъ мысли, что государственный контроль претендуетъ на большее, сравнительно съ министерствомъ, довѣріе въ дѣлѣ надзора за хозяйствомъ желѣзныхъ дорогъ. Однако, въ томъ же министерствѣ чувствовалось и раздвоеніе, такъ какъ была группа противниковъ существовавшаго на желѣзныхъ дорогахъ порядка, опиравшаяся на директора канцеляріи Жемчужникова, которая сочувствовала идеѣ контроля уже потому,

что видѣла въ ней одинъ изъ способовъ обузданія черезчуръ широкихъ размаховъ частнаго хозяйничанья, да и вообще не мирилась съ мыслью, чтобы свободною отъ надзора оставалась огромная область государственнаго интереса, когда въ другихъ мѣстахъ усчитываются сотни и десятки рублей. Только группа эта была гораздо слабѣе. Вопросъ выдвинутъ былъ настолько серьезно, что самъ собою затихнуть не могъ. Государственный контроль и министерство путей сообщенія стали въ положеніе противниковъ, и послѣднее должно было подвергнуть этотъ вопросъ обстоятельному разсмотрѣнію. И вотъ, лѣтомъ 1878 года, помню, составлена была для этого коммиссія подъ предсѣдательствомъ директора департамента желѣзныхъ дорогъ Д. И. Журавскаго, который, какъ объяснено выше, былъ рѣшительнымъ сторонникомъ частнаго хозяйства. Къ нему примыкали и другіе представители министерства. Для нѣкотораго противовѣса, по иниціативѣ Жемчужникова, въ составъ этой коммиссіи, между прочимъ, введены были: Головачовъ, Анненскій и я. Не безъ большихъ своеобразностей пошло здѣсь обсужденіе поставленнаго вопроса, и въ памяти у меня остались довольно характерныя сцены въ коммиссіи.

Какъ только явились мы въ залу засѣданія, намъ сразу бросилось въ глаза присутствіе значительнаго числа представителей частныхъ дорогъ, т.-е. тѣхъ именно людей, провѣрить дѣйствія которыхъ предполагалось по проекту. Вотъ кого счелъ нужнымъ пригласить почтенный, но нѣсколько наивный предсѣдатель, поставившій ихъ въ положеніе судей собственнаго дѣла, такъ какъ имъ предстояло подавать голосъ—надо ли повѣрять ихъ самихъ, или, напротивъ, слѣдуетъ сохранить имъ прежнюю безнадзорность? Часть коммиссіи составили служащіе въ департаментѣ желѣзныхъ дорогъ, которые, видя явную тенденцію своего начальника, старались вторить ему, а затѣмъ оставались—наша группа и представитель государственнаго контроля. Очень замѣтно было, что противъ проекта уже готово подавляющее большинство.

Съ первыхъ же словъ при обсужденіи, Журавскій сталъ выражать непріязненное отношеніе къ проекту, допуская относительно контроля ироническія улыбки и колкія замѣчанія. Тогда какъ большія усилія требовались для подробной критики самаго текста проекта для примѣненія правилъ къ спеціальнымъ условіямъ желѣзнодорожнаго хозяйства, чтобы способы задуманнаго контроля попадали въ настоящую цѣль, не сводясь къ господству тормазящаго формализма,—здѣсь больше слышалось полемики противъ

самаго принципа провѣрокъ. Государственный контроль-де и неправильно возбудилъ вопросъ, и представляетъ положеніе на дорогахъ въ преувеличенно-дурномъ видѣ; на самомъ же дѣлѣ и министерскій надзоръ можетъ быть совершенно достаточенъ, и безполезна возникшая затѣя, и принесетъ она на практикѣ одну канцелярщину да тормазъ для дѣла. Для иллюстраціи Журавскій приводилъ натянутые примѣры.

— Вѣдь вотъ что̀ такое контроль,—пояснялъ онъ.—Понадобилось, напримѣръ, нѣсколько пудовъ костылей. Теперь просто пошлютъ купить ихъ—и готово; а при контролѣ, когда для всего потребуется формальная отчетность съ оправдательными документами, надо назначать торги, собирать справочныя цѣны и т. под. Изъ-за каждой мелочи—бумага и бумага, и пойдетъ такое замедленіе, которое нетерпимо въ дѣлѣ, требующемъ быстроты; да и цѣны выйдутъ не дешевле, а скорѣе подороже.

Головачовъ на это отозвался въ томъ смыслѣ, что будетъ уже дѣломъ подробностей—примѣнить способы контроля такъ, чтобы они наименѣе затрудняли удовлетвореніе текущихъ нуждъ. „Конечно,—говорилъ онъ,—толку не выйдетъ, если контроль ударится въ придирчивую казуистику или станетъ исполнять свою обязанность шаблонно; но нѣтъ основанія отрицать заранѣе въ его дѣятельности осмысленную заботу о главной сути дѣла; притомъ желѣзнодорожное хозяйство состоитъ не изъ однѣхъ мелочей, въ родѣ костылей, а заключаетъ въ себѣ и болѣе крупныя операціи, правильность которыхъ вполнѣ доступна разумной критикѣ; вообще же, когда желѣзныя дороги такъ дорого обходятся государству, нельзя оставлять ихъ безконтрольными, хотя бы при этомъ даже почувствовалось нѣкоторое стѣсненіе для управленій; напротивъ, надо изыскивать лучшіе способы охраны правильности и сокращенія государственныхъ жертвъ. Однако, отзывъ Головачова встрѣченъ былъ съ неудовольствіемъ. Журавскій спросилъ: „А можете ли вы поручиться, что дѣло поведется такъ, какъ вы себѣ представляете, и что при задуманномъ порядкѣ будетъ лучше, чѣмъ теперь?“—И на это послѣдовалъ отвѣтъ въ такомъ родѣ:—„Предсказывать навѣрное ничего нельзя, потому что очень многое зависитъ отъ исполненія; нѣтъ такихъ совершенныхъ правилъ, дѣйствія которыхъ нельзя бы извратить дурнымъ исполненіемъ; всякое учрежденіе можетъ быть улучшено и уронено, оживлено и обездушено. У государственнаго контроля есть хорошее прошлое, а его будущее, конечно, зависитъ отъ людей и условій, какихъ пошлетъ судьба. Но если предполагать только дурное—тогда нигдѣ ничего нельзя пред-

принимать. Значитъ, если мы теперь обсуждаемъ новую мѣру—слѣдуетъ разсчитывать на разумное исполненіе.

Зато съ полнымъ сочувствіемъ къ предсѣдателю отнеслись присутствовавшіе желѣзнодорожники. Съ ихъ стороны полились обильныя рѣчи о нарушеніи ихъ правъ, о потрясеніи основъ гражданскихъ отношеній, о неустойкѣ правительства въ обезпечивающихъ имъ свободу договорныхъ условіяхъ и т. д., причемъ толкованія распространялись до крайнихъ выводовъ. А при заключеніи засѣданія они выражали, что хотя явились въ коммиссію съ тревожнымъ чувствомъ, но, видя, какъ предсѣдатель направляетъ дѣло, могутъ уйти съ спокойною увѣренностью, что ихъ интересы находятся въ надежныхъ рукахъ.

Слѣдующее засѣданіе прошло въ такомъ же родѣ, но въ немъ выступилъ особаго рода курьёзъ. Когда зашла рѣчь объ огромныхъ казенныхъ приплатахъ по гарантіи, Журавскій высказалъ, что этимъ особенно смущаться не слѣдуетъ, потому что приплаты—явленіе кратковременное, и онъ даже скоро будетъ имѣть въ рукахъ вполнѣ убѣдительное доказательство, что конецъ приплатамъ уже близокъ. А не будетъ приплатъ—къ чему тогда и контроль? Насъ не могло не заинтересовать—какія бы это могли быть доказательства? И разъясненіе не замедлило. Отъ департамента скоро разосланъ былъ желѣзнодорожнымъ правленіямъ циркуляръ съ запросомъ: къ какому именно году каждое изъ нихъ надѣется достигнуть полученія отъ своей линіи такого высокаго дохода, при которомъ приплатъ отъ казны уже не потребуется? То-есть, доказательства кратковременности милліонныхъ казенныхъ жертвъ отыскивались въ однихъ пророчествахъ о будущихъ доходахъ, притомъ заявляемыхъ людьми, заинтересованными въ сохраненіи и аппробованіи наличнаго порядка и знающими, для чего эти пророчества требуются! Циркуляръ этотъ, сдѣлавшись гласнымъ, вызвалъ насмѣшливые отзывы въ печати, и послѣдствія его какъ-то заглохли, никого ни въ чемъ не убѣдивъ, но—вотъ до какихъ наивныхъ пріемовъ доходило, между прочимъ, огражденіе желѣзнодорожнаго хозяйства отъ внѣшняго надзора.

Въ послѣднемъ засѣданіи, когда многое характерное было уже высказано, Журавскій рѣшилъ обратиться къ голосованію: „Кто противъ проекта о контролѣ, тѣхъ прошу сидѣть, а кто за контроль—прошу встать!“—Насъ встало только четверо: Головачовъ, Анненскій, представитель государственнаго контроля Глушинскій и я.—„Кажется,—замѣтилъ съ торжествующей улыбкой Журавскій,—сомнѣнія нѣтъ, что большинство—противъ!“—И

въ этомъ онъ былъ совершенно правъ; только такъ же очевидно было, что иначе и быть не могло при томъ составѣ присутствовавшихъ, въ которомъ главный и сплоченный элементъ состоялъ изъ представителей частныхъ дорогъ, вовсе не желавшихъ, чтобы ихъ самихъ контролировали. Развѣ можно было ждать, что они скажутъ: да, на насъ полагаться нельзя и слѣдуетъ насъ повѣрять повнимательнѣе. Послѣ этого пошли департаментскіе доклады министру, Жемчужниковъ говорилъ въ одномъ смыслѣ, Журавскій въ другомъ, но Посьетъ больше склонялся на сторону послѣдняго—и дѣло еще разъ затянулось.

Другой крупный актъ сторонней иниціативы представило учрежденіе, около того же времени, особой правительственной коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта Баранова, съ болѣе широкою задачею: всесторонняго изслѣдованія положенія желѣзнодорожнаго дѣла и его нуждъ. Начинаніе это вызвано было ощущеніемъ неполноты и неопредѣленности законодательства о желѣзныхъ дорогахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, являлось отвѣтомъ на многочисленныя жалобы противъ желѣзныхъ дорогъ со стороны публики, промышленности, торговли и представителей сельскаго хозяйства. Нареканія подобнаго рода слышались въ ту пору повсюду, указывая на произволъ желѣзнодорожныхъ управленій въ ежедневныхъ соприкосновеніяхъ съ ними, на пренебреженіе интересовъ населенія и на трудность защиты этихъ интересовъ. Масса такихъ заявленій свидѣтельствовала о недостаточности тогдашнихъ обычныхъ пріемовъ министерскаго воздѣйствія для борьбы съ наличными ненормальностями. Но эта такъ называемая „Барановская коммиссія" поставлена была внѣ министерства и съ бо̀льшимъ авторитетомъ, что̀ въ свою очередь не могло не создавать нѣкоторой натянутости отношеній между нею и министерствомъ. Она дѣйствовала совершенно самостоятельно, привлекая къ участію общественныя и научныя силы, образовывая мѣстныя подкоммиссіи и т. под., и принялась за сложную разработку собраннаго обширнаго матеріала.

Такъ, нововведенія стали входить въ область министерскаго завѣдыванія извнѣ, само же министерство упускало изъ рукъ иниціативу. Оно сосредоточивалось на текущемъ управленіи, относясь довольно пассивно къ тому, что важные организаціонные вопросы его компетенціи идутъ въ сторонѣ и результаты ихъ разрѣшенія оттуда же постепенно проникаютъ въ его сферу. Процессъ этотъ не отличался быстротою, но все-таки приводилъ къ ощутительнымъ послѣдствіямъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ

начались опыты введенія контроля надъ хозяйствомъ частныхъ дорогъ. А уже въ 1885 году поспѣлъ крупный результатъ трудовъ Барановской коммиссіи въ видѣ „Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ", представившаго впервые актъ постановки на твердую законную почву отношеній желѣзныхъ дорогъ къ населенію и правительству, такъ какъ онъ заключалъ въ себѣ сводъ главныхъ правилъ: о перевозкѣ пассажировъ и грузовъ, объ обязанностяхъ по исправности движенія, объ отвѣтственности дорогъ, о подсудности споровъ съ ними, о порядкѣ исполненія рѣшеній и т. под. Этимъ уже значительно пополнялись пробѣлы законодательства относительно широкой области отношеній въ государствѣ и сократились предѣлы произвольныхъ дѣйствій и небрежности желѣзнодорожныхъ управленій.

Медленно, туго, по частямъ совершалось ограниченіе простора для дѣйствій частныхъ желѣзнодорожныхъ хозяевъ, и послѣдніе, уступая одинъ шагъ за другимъ, долго еще сохраняли очень выгодное положеніе. Предвидѣлось, правда, наступленіе сроковъ, когда правительство получитъ, по уставамъ, право на выкупъ дорогъ, при которомъ бездоходность большой части ихъ, по точному смыслу означенныхъ уставовъ, обѣщала частнымъ хозяевамъ немного: или соотвѣтствующее незначительное вознагражденіе, или даже никакого, потому что гдѣ чистая прибыль равнялась нулю, тамъ и по капитализаціи этого нуля изъ какого угодно процента выкупная сумма обращалась въ тотъ же нуль. Но при соображеніи съ предыдущимъ веденіемъ желѣзнодорожнаго дѣла оставалось еще большимъ вопросомъ—рѣшится ли правительство на широкое примѣненіе выкупа, или предпочтетъ отсрочки, при которыхъ прежнее положеніе хозяевъ удержится на неопредѣленное время.

Крутую перемѣну въ дѣло внесли уже люди, выступившіе изъ среды тѣхъ же частныхъ желѣзнодорожныхъ хозяевъ, когда они перешли въ правительственную сферу, ставъ во главѣ финансоваго управленія. Близко зная міръ своихъ бывшихъ сратниковъ, его нравы, наиболѣе чувствительныя и слабыя стороны,—они, въ своемъ новомъ положеніи, не затруднились рѣшительно обратиться противъ подготовившей ихъ среды, не особенно даже считаясь и со строгою легальностью. Подчиненіе правительственному назначенію провозныхъ тарифовъ, рядъ выкуповъ частныхъ дорогъ, добавленіе къ прибыльнымъ линіямъ новыхъ убыточныхъ сооруженій, введеніе новыхъ основаній для разсчетовъ частныхъ дорогъ съ казною и измѣненіе уставовъ—привели къ тому, что бо́льшая часть желѣзнодорожной сѣти сдѣлалась

казенною собственностью, а хозяева немногихъ уцѣлѣвшихъ частныхъ дорогъ въ сущности обратились въ казенныхъ приказчиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтò это за „частныя общества“, которыя должны подчиняться каждой назначаемой извнѣ перемѣнѣ платъ за работу ихъ предпріятій, выбирать въ свое управленіе лицъ, какихъ имъ укажутъ, и т. под.? Такая подчиненность можетъ быть удобна для правительства, можетъ согласоваться и съ интересомъ населенія, только, конечно, не вяжется съ представленіемъ о самостоятельномъ частномъ промышленномъ учрежденіи. Частныя общества новаго типа — своего рода недоразумѣніе. Сначала могло еще казаться вопросомъ—примирятся ли желѣзнодорожники съ своею новою безличною ролью послѣ того, какъ они горячо отстаивали каждое условіе своей независимости, не станутъ ли они устраняться отъ желѣзнодорожной дѣятельности? Однако, возможность править большимъ дѣломъ оказалась столь привлекательною, что они пошли и на зависимость, и на невыгодныя постройки, и на слѣдованіе всякому мановенію финансовыхъ правителей, лишь бы только удержаться у дѣла. Вдобавокъ, тутъ рельефно выступила у нихъ и внутренняя рознь между интересомъ расширенія строительства и интересомъ охраны солидной будущности предпріятій, вслѣдствіе чего желѣзнодорожники брались за сооруженіе новыхъ, добавочныхъ линій и вѣтвей безъ оглядки; и въ результатѣ иные такъ зарвались въ строительствѣ, что отъ подобныхъ добавокъ богатыя желѣзнодорожныя предпріятія обращались въ бѣдныя, напоминая собою тѣхъ жирныхъ фараоновыхъ коровъ, которыя были пожираемы тощими.

Но мы излагаемъ здѣсь не исторію желѣзныхъ дорогъ, а только свои воспоминанія о давнемъ періодѣ наблюденія болѣе видныхъ мнѣ тогда частей окружавшаго путейскаго міра; поэтому можемъ не распространяться о послѣднемъ дальше. Разумѣется, этотъ міръ представлялъ еще много другихъ характерныхъ явленій и портретовъ, но пусть о нихъ разскажутъ люди, больше меня съ ними знакомые, благо, дѣянія той эпохи—уже исторія, а не современность. Что же касается собственно нашей личной дѣятельности въ статистическомъ отдѣлѣ, то о ней распространяться еще меньше надобности; въ послѣднюю половину упомянутаго періода она, со всею ея обстановкою, протекала съ прежнимъ однообразіемъ, вполнѣ чувствуясь какъ „служба“. Цѣнно было знакомство съ обширнымъ фактическимъ матеріаломъ, а остальное были: служебные часы, таблицы, сборники, карты и графическія изображенія для выставокъ во дворцѣ и другихъ мѣстахъ, и т. д. О цѣлыхъ годахъ разсказывать почти не-

чего. Больше умственной и душевной жизни давало мнѣ тогда общеніе съ литературнымъ міромъ: сотрудничество въ разныхъ газетахъ и журналахъ, участіе въ дѣятельности комитета литературнаго фонда, литераторскія собранія и переживаніе тѣхъ острыхъ впечатлѣній, какія вообще испытывались нашимъ литературнымъ міромъ въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ.

Такъ шло до конца 1882 года, когда, съ учрежденіемъ въ министерствѣ финансовъ крестьянскаго поземельнаго банка, открылась для меня возможность устроиться тамъ. Погрузиться еще разъ въ сферу интересовъ крестьянскаго дѣла, дѣйствуя подъ начальствомъ отзывчиваго ко всему доброму и полезному министра Н. Х. Бунге, представилось мнѣ очень привлекательнымъ, тѣмъ болѣе, что и внѣшнія обстоятельства казались благопріятствующими доброй будущности новаго учрежденія. Изъ путейскаго вѣдомства я попалъ въ члены совѣта крестьянскаго банка.

Ѳ. Воропоновъ.

ВЪ

МУРАВЕЙНИКѢ

РОМАНЪ.

VI *).

Докторъ Кабѣевъ остался одинъ.

Долго, очень долго сидѣлъ онъ и смотрѣлъ въ пространство, потомъ провелъ рукой по волосамъ, откинулся въ глубь кресла и досталъ изъ кармана литографированный лиловыми чернилами листокъ.

Это была газета, издававшаяся больными въ городской психіатрической больницѣ, по ихъ просьбѣ, съ разрѣшенія главнаго врача.

Въ заголовкѣ „газеты“ былъ выписанъ эпиграфъ: „Жизнью пользуйся живущій“.

Это былъ пробный нумеръ, и Кабѣевъ принялся читать его. Эпиграфъ заставилъ его нахмуриться.

— Они думаютъ, что они „живущіе“ и имѣютъ право пользоваться жизнью... идіоты!—проворчалъ онъ.

Редакторъ газеты—одинъ изъ паціентовъ—въ передовой статьѣ жаловался на сотрудниковъ:

„Больные обоего пола не хотятъ сообщать нѣкоторыхъ фактовъ, опасаясь, что ихъ „подымутъ“, посадятъ въ „изоляторъ“, увеличатъ имъ „срокъ заключенія въ больницѣ“; они напуганы“...

---

*) См. выше: окт., 496 стр.

На этомъ основаніи редакторъ „газеты“ уже съ перваго нумера отказывался отъ веденія листка. Статья была длинная, толково написанная, но вялая и скучная.

Кабѣевъ перевернулъ страницу. Здѣсь былъ фельетонъ, подъ заглавіемъ: „Бюллетень весны“.

Невѣдомый міру авторъ въ этой коротенькой статейкѣ остроумничалъ такъ:

„Жаворонки въ булочныхъ всѣ уже съѣдены. Грачи и вороны бросаютъ въ больныхъ сучки, воробьи и ласточки ловятъ вату. Дождевые червяки повыползали на дорожки послѣ дождя. На мужскомъ, III отдѣленіи, въ щахъ нашли комара. Врачи наши успѣли заработать „на дачу“, благодаря оспѣ, скарлатинѣ и дифтериту. Служителя и сидѣлки стали чаще переругиваться и толкать другъ дружку. Въ воздухѣ пахнетъ выпиской... изъ больницы“.

— Идіоты!—проворчалъ Кабѣевъ, знакомясь съ пробнымъ нумеромъ.—И нашъ главный идіотъ позволяетъ подчиненнымъ ему идіотамъ изощрять свое жалкое, больное самолюбіе...

Далѣе слѣдовали стихи—„Pro domo sua“:

„Мы не знаемъ дѣтской радости,
Смѣхъ невинный—не для насъ!
Станъ согнулся, точно въ старости,
Взоръ—до времени погасъ...
Впереди—одни терзанія,
Да паденья глубина,
Безталанное скитаніе
И—могилы тишина...“

Затѣмъ, шла статья о правахъ больныхъ съ жалобой на то, что больнымъ не даютъ на руки денегъ, спичекъ и перочинныхъ ножей. Статья заканчивалась общими разсужденіями:

„Надзиратель нашъ—человѣкъ старый. Онъ можетъ не знать, что даже русская *армія* начинаетъ думать и заботиться о предоставленіи (боевой) самостоятельности унтеръ-офицерамъ. Нашъ надзиратель считаетъ долгомъ чести „повиноваться безъ разсужденій и вопросовъ“, „лавировать“ и „хитрить“, а всякую попытку врача—предоставить ему, надзирателю, больше свободы, но и больше иниціативы, онъ съ рѣшимостью отпарируетъ какимъ-нибудь изворотомъ, потому что новое „право“ создастъ ему больше „обязанностей“ и... отвѣтственности, потому что новое право ему, надзирателю, невыгодно,—ну, а больные и такъ проживутъ: жили же раньше! Контора, въ свою очередь, не сама создала запретительныя правила, а получила ихъ отъ врачей. Врачи, слѣдовательно, виноваты.

„Ну что жъ, понимаютъ ли г.г. здѣшніе врачи, что—не педагогично создавать слишкомъ много правилъ, которыя, навѣрное, половина больныхъ будетъ обходить и, слѣдовательно, смотрѣть на „правила“ (маленькій законъ)—легко. Знаютъ ли господа здѣшніе врачи что, кромѣ того, impossibilitas est nulla obligatio и для нихъ, маленькихъ законодателей?..“

Газета заканчивалась смѣсью: тутъ были стихи, анекдоты, афоризмы, юмористика. И въ заключеніе, четверостишіе:

„Изъ мрака бѣдъ и униженій
Къ Тебѣ, Господь нашъ, вопіемъ:
О, гдѣ жъ защита отъ гоненій?
И скоро ль тьма смѣнится днемъ?“.

Кабѣевъ съ озлобленіемъ смялъ газету и бросилъ ее подъ столъ.

И вдругъ, началъ тихо смѣяться: ему представилось, какъ онъ сидитъ въ одной изъ палатъ больницы; до сихъ поръ онъ сидѣлъ въ дежурной комнатѣ, а теперь сидитъ въ палатѣ и пишетъ вотъ эти „глупости“. Врачи читаютъ его статьи и статьи другихъ авторовъ и говорятъ: „Однако, какъ умны наши безумные“!

Смѣхъ Кабѣева оборвался. Онъ увидѣлъ передъ собой жену, которая смотрѣла на него безмолвнымъ и грустнымъ-грустнымъ взглядомъ; въ ея глазахъ стояли слезы.

Онъ отвелъ отъ нея свой пристальный взоръ. Онъ не замѣтилъ, какъ она вошла въ комнату. Что-то вдругъ качнулось въ его мозгу. Да и она ли еще это? Можетъ быть, ему это такъ кажется?

— Это ты?—глухимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Я, милый... я, — какимъ-то болѣзненнымъ звукомъ вырвалось у нея.

„Что съ нимъ?—думала она:—еще вчера и позавчера онъ былъ такимъ, какимъ она привыкла его видѣть всегда, какимъ она знала его въ его лучшіе дни. И такъ было радостно и весело тогда въ ихъ домѣ и у нея на душѣ. Она уже было-подумала, что все хорошее вернулось къ нимъ снова. Мужъ говорилъ такъ ясно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ просто и о такихъ обыденныхъ вещахъ. Говорили о наступающей веснѣ, о дачѣ въ „Березнякахъ“—одномъ изъ пригородовъ ихъ города. Надежда зарождалась въ ея испуганной, упавшей душѣ. И вотъ, опять это проклятое облако насѣло на него... окутало своимъ холоднымъ туманомъ его разумъ. Посовѣтоваться бы съ кѣмъ-нибудь? Но съ кѣмъ? Такъ страшно обращаться къ врачамъ... Могутъ, дѣйствительно, что-нибудь констатировать, и тогда—прощай, служба...

и тогда какъ же жить, на какія средства? Можетъ быть, онъ и не боленъ,—просто переутомленіе: придетъ лѣто, дадутъ отпускъ, Гаврюша поправится, отдохнетъ. У него, положимъ, всегда были странныя идеи, но преходящія, и всѣ смотрѣли на эти странныя идеи какъ на оригинальный складъ мыслей. Но теперь онѣ стали упорными, крѣпко и надолго забирались въ его мозгъ и, повидимому, гвоздили его безпощадно... Но неужели же врачи не замѣчаютъ въ немъ ничего? Вѣдь они проводятъ съ нимъ почти каждый день по нѣскольку часовъ? Или онъ тамъ, въ больницѣ, искусно и хитро притворяется нормальнымъ человѣкомъ? Говорятъ, это бываетъ...

Потомъ на нее вдругъ находилъ свѣтлый лучъ надежды: можетъ быть, ей все это только кажется, въ этой унылой, угрюмой обстановкѣ ихъ квартиры, въ этомъ вѣчномъ ея одиночествѣ. „Можетъ быть, ничего нѣтъ! Ахъ, дай-то Богъ!“—съ тоской и надеждой мысленно восклицала она.

И вдругъ страшная идея пришла ей на умъ.

Но если она не ошибается? Если онъ, дѣйствительно, боленъ... то какъ же ея ребенокъ? Ея милая дѣвочка? Чтò если она унаслѣдуетъ этотъ страшный недугъ?

Эта мысль, прорѣзавшая ея мозгъ словно яркая молнія, была до того жестока, что Анна Николаевна поглядѣла на мужа почти съ ненавистью.

Но усиліемъ воли она тотчасъ же поспѣшила отогнать отъ себя эту тяжелую мысль.

„Вздоръ! вздоръ!—сказала она себѣ.—Съ какой стати? Онъ былъ здоровъ всегда. И вчера, и третьяго дня онъ былъ здоровъ. Онъ здоровъ. Усталъ, переутомился, развинтилъ себѣ нервы“.

Съ сострадательной нѣжностью взглянула она теперь на мужа.

Онъ сидѣлъ молча, потупившись.

— Гаврюша,—сказала она ему,—о чемъ ты думаешь?—Она старалась вложить въ свой голосъ всю нѣжность, которую ощущала теперь къ нему въ душѣ, и говорила съ нимъ, какъ говоритъ мать съ ребенкомъ.—Помнишь, вчера, мы съ тобой толковали о дачѣ? А?

Онъ молчалъ.

Она тронула его за руку.

— Знаешь, чтò я придумала,—продолжала она:—возьми ты въ воскресенье отпускъ и съѣздимъ мы съ тобою въ „Березняки“. Мнѣ говорила на дняхъ Запольская, что тамъ есть дача, хорошая, купчихи Вишняковой. Мы бы могли ее взять пополамъ съ Запольскими. Она тоже думаетъ жить на дачѣ. А? Дача помѣсти-

тельная. Имъ—верхъ, намъ—низъ. И садъ большой, большой садъ. Запольская знакома съ Вишняковой, и та уступитъ. Хочешь? И нашей дѣвочкѣ будетъ такъ хорошо... Тамъ хорошо... воздухъ сухой, вечернихъ тумановъ никогда не бываетъ...—Голосъ Анны Николаевны сталъ падать и въ немъ послышались слезливыя ноты. Слышитъ ли мужъ, что̀ она ему говоритъ? И если слышитъ, то понимаетъ ли? Отчего онъ ничего не отвѣчаетъ? Ей вдругъ сдѣлалось страшно, потому что всегда страшно громко говорить одному въ комнатѣ, наполненной мутнымъ свѣтомъ лампы. Ей показалось, что комната наполняется какими-то колеблющимися тѣнями; что въ темныхъ углахъ притаились шопоты и тайны. Тайны жизни! И ея голосъ звучалъ среди этой полутьмы-полусвѣта, среди этихъ шопотовъ и тѣней какъ-то глухо-глухо, словно чужой.

„Боже, что̀ со мной?“—прошептала она, чувствуя, что готова разрыдаться.

Но она не позволила себѣ этого.

— Ты знаешь, Гаврюша,—прежнимъ тономъ начала она говорить,—Запольская очень несчастна... Ты не слыхалъ? Ея мужъ увлекается актрисой... Денницыной. Теперь это ужъ не тайна, всѣ въ городѣ говорятъ объ этомъ. Отчего ты молчишь?—Скажи что-нибудь! Отвѣть! Ты слышишь, что̀ я говорю?

Голосъ ея задрожалъ и оборвался на высокой нотѣ.

Кабѣевъ точно очнулся отъ продолжительнаго сна.

Онъ поднялъ голову, пристально всмотрѣлся въ жену и сказалъ:

— Ахъ, это ты? Когда же ты вошла? Слышу, что-то звенитъ; мнѣ показалось, въ церкви звонятъ... далеко гдѣ-то...

— Я давно уже здѣсь и говорила съ тобой. Ты не слыхалъ меня? Ты задумался? О чемъ? Скажи мнѣ, родной...

Онъ помолчалъ, какъ бы глубоко задумавшись, потомъ засмѣялся все тѣмъ же своимъ страннымъ, внутреннимъ смѣхомъ и проговорилъ:

— Она не подала мнѣ руки сегодня...

— Кто?—съ ужасомъ спросила Анна Николаевна.

— А эта... ну, какъ ее... Марья Ивановна.

— Лось?

— Она...

— Марья Ивановна Лось тебѣ не подала руки?—думая, что мужъ ея бредитъ, переспросила Анна Николаевна.—Гдѣ? Въ больницѣ?

— Да, въ больницѣ.

— Но почему? За что?

— Не въ томъ дѣло!—остановилъ жену Кабѣевъ—Не подала, да еще сказала: „Я убійцамъ не подаю руки“. Ну, что жъ! Я засмѣялся и спряталъ свою въ карманъ. Коллеги хмуро глядѣли и съ удивленіемъ таращили глаза.

— Ахъ, какой ужасъ, какой ужасъ!—закрывъ глаза руками, проговорила Анна Николаевна.—Что же это означало? Я ничего не понимаю...

Она съ тревогой посмотрѣла на мужа. Какая-то тяжелая мысль промелькнула въ ея головѣ; давно, давно уже эта мысль подкрадывалась къ ней, словно воръ, стараясь овладѣть ея сознаніемъ; но Анна Николаевна всегда упорно, энергично гнала ее отъ себя, запирала передъ нею двери своего сознанія на тяжелые, несокрушимые засовы. Господи! И неужели же?..

Она не додумала и опять взглянула на мужа.

Не отвѣчая прямо на ея вопросъ, онъ началъ говорить, не обращая на нее никакого вниманія, какъ бы разсуждая самъ съ собою:

— Убійца... ха! А хирурги? Вонъ, Царинскій сдѣлалъ, недѣли двѣ тому назадъ, зубную операцію въ своемъ новомъ „кабинетѣ“ одной дамѣ, которая тутъ же и умерла. Хирурги—не убійцы? Прежде ихъ держали въ черномъ тѣлѣ, а теперь, видишь ли, они осмѣлились, и если убиваютъ, такъ ничего! Имъ это полагается. Гиппократъ бралъ клятву съ юныхъ врачей, что они не будутъ дѣлать камнесѣченій; еще въ прошломъ вѣкѣ было унизительно для врача дѣлать операціи. А теперь это убійство узаконено, и никто не называетъ ихъ убійцами...

Онъ тяжело дышалъ, сдѣлалъ передышку и продолжалъ:

— А терапевты? они мало умерщвляютъ людей? Это не убійство? Но зубная боль можетъ пройти, и корь у здороваго ребенка—тоже, и тогда эти больные могли бы остаться людьми и здоровыми членами общества. Но ихъ убили врачи! Постой!—замахавъ на нее руками, крикнулъ онъ глухимъ голосомъ.—Постой! Но развѣ можно мозги новые вставить, если они повреждены? Зачѣмъ мои больные—безнадежные, зачѣмъ они живутъ и отымаютъ пищу, и свѣтъ, и мѣсто—у здоровыхъ?

„Ахъ, опять то же!—подумала Анна Николаевна и ощутила мучительную тоску на душѣ:—эта мысль держитъ его въ клещахъ; она не даетъ ему покоя“...

— Такіе *должны* погибнуть. И тотъ, кто имъ облегчитъ это и ускоритъ ихъ гибель, тотъ—не убійца. Не убійца!—крикнулъ онъ съ раздраженіемъ,—а благодѣтель человѣческаго рода. Скажите, пожалуйста, развѣ земледѣлецъ, который выпалываетъ со

здороваго поля сорныя травы—убійца? Развѣ слѣдуетъ лечить плевелы? Развѣ нужно заботиться о томъ, чтобы плѣсень имѣла какъ можно больше мѣста для своего распространенія? А? За сумасшедшаго почли бы земледѣльца, который сталъ бы заботиться о здоровьи плевелъ, въ ущербъ здоровымъ злакамъ. А я—убійца?! Да роль врача въ томъ и заключается, чтобы выпалывать плевелы и освобождать здоровый грунтъ для злаковъ... Съ корнемъ уничтожать! Уничтожать безнадежныхъ, чтобы давать мѣсто надежнымъ... Вы не понимаете этого, не хотите понять.

— Гаврюша!—съ дикимъ ужасомъ вскрикнула Анна Николаевна:—да развѣ ты... да что̀ ты говоришь?.. Развѣ?..

Она задыхалась.

Кабѣевъ перебилъ ее.

— Не въ томъ дѣло!—сказалъ онъ почти грозно.—Поймите вы всѣ! Я оскорбленъ за жизнь! Понимаете?—Онъ обвелъ взоромъ комнату, словно говорилъ съ сотнею слушателей.—Оскорбленъ за жизнь! За этотъ чудный, дивный даръ! Развѣ она для того дана людямъ, чтобы ее глушили сорными травами? И развѣ это бредъ? Развѣ я говорю вамъ это въ сумасшедшемъ домѣ? Я на свободѣ, я здоровъ и, слѣдовательно, говорю здоровыя вещи! Вы не смѣете мнѣ не вѣрить, считать меня больнымъ! Я здоровъ, хочу, хочу быть здо... здоровъ! И вы должны, должны мнѣ вѣрить! Сначала посадите меня, тогда будете имѣть право не вѣрить...

Голосъ его какъ-то яснѣлъ, терялъ свою глухоту и тусклость, становился звонкимъ, яснымъ, отчетливымъ. Послѣднія слова онъ уже почти вскрикивалъ.

Анна Николаевна старалась не глядѣть на него.

— Мнѣ страшно, мнѣ страшно,—говорила она себѣ, въ тактъ качая головой, стараясь уловить звуки своего измѣнившагося голоса и заглушить имъ то, что̀ творилось въ ея смятенной душѣ.

— А вы говорите—убійца! Я люблю жизнь, но жизнь настоящую, здоровую, свѣтлую, радостную жизнь... Я не хочу этого полуночнаго солнца съ его матовымъ, больнымъ, умирающимъ блескомъ, когда кажется, что на жизнь надвинутъ матовый колпакъ... Я хочу полуденнаго солнца, а не бѣлыхъ ночей! Свѣта и тепла хочу я, а не сумерекъ, не тьмы, не ночи...

— Мнѣ страшно, мнѣ страшно!—почти безсознательно шептала Анна Николаевна.

Кабѣевъ продолжалъ говорить:

— Гуманность! Человѣколюбіе! Всѣ вы твердите эти слова,

какъ этотъ больной на третьемъ отдѣленіи, который все твердилъ сегодня: „Фор-тин-брасъ! Фор-тин-брасъ!“ — Зачѣмъ вы говорите вѣчно это слово? — спрашиваю его. — „А я не знаю зачѣмъ! Привычка. Слово-то ужъ очень звучное. Слыхалъ, какъ актеръ на сценѣ говорилъ: Фортинбрасъ да Фортинбрасъ. Ну, въ меня это и въѣлось“... Вотъ и вы всѣ,—обводя комнату взоромъ, продолжалъ Кабѣевъ,—вотъ и вы всѣ говорите: „гуманность“! Слово-то звучное и въѣлось въ васъ, а что̀ оно значитъ —не понимаете. Гдѣ вамъ! Узки вы, мелки, вотъ что̀... Гуманность, широкая гуманность—въ томъ, чтобы сохранить пшеницу и съ корнемъ вырвать плевелы...

Онъ замолчалъ.

Анна Николаевна сидѣла подавленная, разбитая, испуганная. Она уже не выкрикивала отдѣльной фразой: „мнѣ страшно“, но ощупала этотъ страхъ всѣми нервами своего организма, и одна мысль стучала словно молотомъ по ея сознанію: „За что Марья Ивановна отказалась подать руку ея мужу и произнесла эти страшныя слова“?

И эта мысль была такой настойчивой, такой властной, что она вырвалась, наконецъ, наружу, помимо ея воли.

— Гаврюша,—сказала она дрожащимъ голосомъ:—за что Марья Ивановна такъ тебя оскорбила? Что̀ ты сдѣлалъ?

— Ахъ, это опять ты?—какъ бы просыпаясь отъ продолжительнаго сна, спросилъ онъ.—Отчего ты все уходишь и приходишь? „За что“?.. Лучше спроси—почему? Потому что она—дура. Узкая дура. А я ненавижу узкихъ дуръ и узкую жизнь. И этотъ неполный свѣтъ. Лучше тьма, чѣмъ неполный свѣтъ.

Онъ вдругъ всталъ, протянулъ руку къ лампѣ и съ силой сбросилъ съ нея колпакъ. Матовый шаръ со звономъ и трескомъ упалъ на столъ, потомъ на полъ, разбившись на сотни мельчайшихъ кусковъ и осколковъ.

Анна Николаевна стала кричать какимъ-то нечеловѣческимъ голосомъ; нервы ея были напряжены до крайности, натянуты до послѣдней возможности; что-то по истинѣ животное было въ ея неистовомъ крикѣ, тупое, безсмысленное, нечленораздѣльное...

Прибѣжала горничная, блѣдная, перепуганная; раздавался изъ дѣтской плачъ проснувшейся дѣвочки; переваливаясь тяжелыми шагами, спѣшила къ мѣсту происшествія толстая кухарка, лампа горѣла длиннымъ желтымъ пламенемъ и давала густую струю вонючей копоти, разлетавшейся по комнатѣ мелкими черными мотыльками, словно зловѣщими вѣстниками грядущаго несчастья.

Кабѣевъ сидѣлъ въ креслѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, и спокойно улыбался.

Реакція уже совершалась въ немъ. Онъ всталъ, осмотрѣлъ присутствующихъ и ушелъ въ кабинетъ.

Кухарка бросилась къ лампѣ и чуть не уронила столъ; горничная возилась съ Анной Николаевной, которую била истерика.

VII.

Въ это время Овиновъ сидѣлъ въ клубѣ и, встрѣчаясь со знакомыми, возмущался.

— Я недоумѣваю,—говорилъ онъ, окруженный слушателями,—положительно недоумѣваю. Помилуйте, пріѣдешь разъ въ годъ въ вашъ городъ, хочешь посовѣтоваться о своемъ здоровьи—рабочему человѣку нужно здоровье, и вы напрасно улыбаетесь!—а выходитъ чортъ знаетъ что̀! Развѣ у васъ тутъ доктора̀? Недоразумѣніе какое-то, а не доктора̀! Одинъ говоритъ: „у васъ ничего нѣтъ“, другой—„у васъ почки“... Но это все ничего. А вотъ Кабѣевъ? Отъ разговора съ нимъ здоровый человѣкъ заболѣть можетъ. Я васъ спрашиваю: что̀ такое Кабѣевъ и какъ онъ можетъ быть врачомъ?

Одинъ изъ собесѣдниковъ согласился съ Овиновымъ.

— Вы правы, Семенъ Егорычъ,—сказалъ онъ.—Про Кабѣева ходятъ какіе-то темные слухи... Что̀ такое? Никто дознаться не можетъ. На дняхъ прошелъ слухъ, что съ нимъ случилось что-то въ больницѣ. Какой-то профессіональный инцидентъ съ женщиной-врачомъ Лось.

Другой изъ присутствовавшихъ, за которымъ въ городѣ давно упрочилась слава „всезнайки“ и „развѣдчика“, вступилъ въ разговоръ.

— Я могу сообщить вамъ новость по этому поводу.

— Что̀ такое?

— Да вотъ именно по этому поводу. Эти слухи дошли до врачей... то-есть, не то что „дошли“ до врачей—сами врачи были участниками инцидента,—а я хочу сказать, что инцидентъ сдѣлался достояніемъ ихъ сужденія.

— Господи, да говорите вы, ради Бога, яснѣе! Въ чемъ дѣло?

— Дѣло дошло до корпоративнаго суда. Собственно, подробности дѣла я не знаю. Но совѣтъ медицинскаго общества просилъ Лось и Кабѣева объясниться въ присутствіи членовъ совѣта, такъ какъ слухи стали проникать въ общество и бросаютъ

некрасивую тѣнь на врачей города. Такъ вотъ, сегодня, здѣсь, въ помѣщеніи клуба—у медицинскаго общества, какъ вамъ извѣстно, нѣтъ еще своего помѣщенія—происходитъ засѣданіе по этому поводу.

Всѣ заинтересовались.

— Правда? Кто вамъ сказалъ?

— Правда. Мнѣ сказалъ дежурный членъ.

— А я видѣлъ въ швейцарской нѣсколько докторскихъ пальто.

— Гдѣ же они засѣдаютъ?

— Въ маленькой гостиной, рядомъ съ танцовальной залой.

Кое-кто поднялся и вышелъ въ коридоръ. Въ скучномъ провинціальномъ городкѣ это было событіемъ. Но двери въ маленькую гостиную были плотно заперты и около нихъ стоялъ лакей.

— Нельзя?—спросилъ одинъ изъ любопытныхъ.

— Чего это съ?

— Войти сюда?

— Никакъ невозможно.

— Отчего?

— Засѣданіе-съ.

— Доктора̀?

— Такъ точно-съ.

Любопытные походили вокругъ да около. „Развѣдчикъ“ не совралъ, стало быть. Но дѣлать было нечего. Пошнырявъ по коридору, они разошлись.

Овиновъ въ другой гостиной продолжалъ свои жалобы. Нѣкоторые изъ собесѣдниковъ слушали внимательно, другіе—разсѣянно, третьи ухмыляясь. Овинова знали въ городѣ, какъ богатаго помѣщика и чудака. Онъ появлялся рѣдко и представлялъ поэтому собою любопытную новинку, во всякомъ случаѣ нѣчто болѣе свѣжее, чѣмъ всѣ пріѣвшіяся лица постоянныхъ обывателей, съ которыми приходилось сталкиваться ежедневно то на улицѣ, то въ клубѣ, то въ театрѣ.

Подсмѣивались надъ нимъ многіе, въ особенности, за его скупость и еще больше за его манію лечиться отъ несуществующихъ болѣзней.

— Вы, небось, объѣздили всѣхъ нашихъ врачей?—спрашивали его.

— Богъ миловалъ, всѣхъ не всѣхъ, а нѣкоторыхъ... Тутъ съ однимъ познакомился—нѣкто Швецовъ—вы должны его знать, такъ онъ отсовѣтовалъ ко многимъ ѣздить... А тѣ, кого при-

совѣтовалъ, ничего не стòятъ. Помилуйте, что это за врачи? Живешь въ деревнѣ, думаешь, тьма тутъ деревенская, вотъ въ городѣ—просвѣщеніе... Городъ большой, есть же хорошіе врачи, а выходитъ вздоръ. Не врачи, а эскулапы! Да я вотъ вамъ чтò скажу!—воодушевляясь, продолжалъ онъ.—У насъ, въ деревнѣ, земскій врачъ, Левченко... куда лучше всѣхъ вашихъ! Во-первыхъ, беретъ дешево... впрочемъ, — спохватился Овиновъ, уловивъ на кое-какихъ лицахъ мимолетныя улыбки—это не важно. А важно то, что врачъ-то онъ очень ужъ добросовѣстный и знающій; по роду его дѣятельности онъ долженъ все лечить. И лечитъ: онъ и по внутреннимъ, онъ и хирургъ, и акушеръ, и все, чтò хотите. Практика огромная—вотъ онъ и есть то, чтò называется практическій врачъ. Такъ, говорю, и онъ надъ вашими-то знаменитостями подсмѣивается. Левченко—труженикъ, честный труженикъ; больница чортъ знаетъ какъ поставлена; онъ неустанно воюетъ съ земствомъ; недавно на свой счетъ выписалъ медикаменты, употребивъ все свое жалованье на это. Глупо, конечно, потому зачѣмъ же баловать земство? А ужъ такой человѣкъ. Мужиковъ лечитъ даромъ; скачетъ за тридцать-сорокъ верстъ въ какой-нибудь телѣгѣ, по первому требованію мужика; сутками возится съ роженицами; бываютъ эпидеміи—такъ вѣдь вамъ надо видѣть: это—герой. А такъ посмотришь,—человѣкъ незврачный, грубоватый. Такъ вотъ, говорю, напрасно и ѣздить отъ него къ вашимъ...

— А зачѣмъ же пріѣхали?—спросилъ кто-то.—И лечились бы у него.

— Да вотъ я и говорю. Поссорился я съ нимъ, вотъ и рѣшилъ сюда пріѣхать. Грубоватъ онъ—говоритъ: „лечить васъ я не стану, потому что лечить можно больного, а вы здоровы, какъ быкъ“. Такъ вѣдь и говоритъ: „какъ быкъ“. „Я,—говоритъ,—лечить отъ барской блажи не умѣю, да и не хочу, потому что времени нѣту,—и отымать свое время отъ больного мужика ради вашей мнительности не стану. Мнимаго больного ни одинъ еще врачъ не вылечивалъ“... Вотъ вѣдь какой дерзкій!—съ огорченіемъ прибавилъ Овиновъ.

Одинъ изъ его пріятелей засмѣялся.

— Ну, и чтò же? Вы, небось, такъ и снесли дерзость?

— Ничуть! Я ему говорю: „вамъ, говорю, какое дѣло? Разъ я плачу вамъ, вы должны меня лечить“. А онъ, знаете, чтò отвѣчаетъ?

— А чтò?

— А онъ говоритъ: „подавитесь вы вашими деньгами, а мнѣ

на нихъ, говоритъ, наплевать". Грубый человѣкъ, это вѣрно! „Вы, говоритъ, хорошенько заболѣйте, ну, тифъ, что-ли схватите, ну, этакое воспаленіе брюшинки или дифтеритъ, вотъ тогда я къ вамъ и явлюсь, да и денегъ съ васъ, пожалуй, не возьму. А то эка невидаль—лечить отъ обжорства да отъ здороваго сна"! Каково! Хлопнулъ дверью, сѣлъ въ телѣгу и уѣхалъ.

Присутствующіе смѣялись.

— И здѣшніе, значитъ, не помогли? — подзадоривалъ Овинова одинъ изъ его пріятелей.

— Ну, здѣшніе!—махнувъ въ пространство рукой, отвѣтилъ Овиновъ.—Здѣшніе! Эти отъ чего хотите будутъ лечить и деньги хапать. Нѣтъ, ужъ я вернусь домой, да помирюсь съ Левченкой. Свой человѣкъ и всегда около...

Такъ какъ разговоръ вертѣлся на врачахъ, то Овинову стали передавать разные случаи изъ ихъ жизни и практики. Говорили объ увлеченіи Запольскаго актрисой, о столкновеніяхъ Инославскаго съ военнымъ начальствомъ, о неудачной операціи Царинскаго, которая на нѣкоторое время сдѣлалась злобой дня. Затѣмъ стали давать ему обывательскіе совѣты, одинъ передъ другимъ восхваляя вѣрнѣйшія, испытаннѣйшія средства. Овиновъ послѣднее выслушивалъ жадно и тщательно записывалъ совѣты въ книжечку, которую всегда носилъ при себѣ.

Потомъ всѣ встали и направились въ столовую ужинать. Овиновъ приказалъ дать себѣ menu и долго, сладострастно его перечитывалъ, такъ что лакей, переминавшійся съ ноги на ногу, два раза снимался съ мѣста и уходилъ въ буфетъ. Наконецъ, Овиновъ заказалъ себѣ три порціи разнообразныхъ блюдъ, причемъ не могъ удержаться, чтобы не пожурить лакея за высокія цѣны и старшинъ клуба за допущеніе этихъ высокихъ цѣнъ, въ ущербъ интересамъ членовъ клуба.

И когда одно за другимъ съѣлъ всѣ три блюда, то потребовалъ вновь карточку и навалился на кремъ. Затѣмъ все это запилъ виномъ, ликеромъ и кофе, и, въ концѣ концовъ, потребовалъ графинъ воды и проглотилъ два порошка сразу, чтобы предупредить изжогу.

А затѣмъ ему вдругъ неудержимо захотѣлось спать, и онъ уѣхалъ въ гостинницу.

Между тѣмъ, въ „голубой гостиной" клуба, превращенной въ залъ для частнаго совѣщанія членовъ совѣта мѣстнаго медицинскаго общества, происходило засѣданіе.

Предсѣдателемъ медицинскаго общества былъ корпусный врачъ,

который находился въ это время въ отпуску; замѣстителемъ его считался Обрядовъ.

Обрядовъ очень любилъ эти засѣданія, случавшіяся не часто; любилъ ихъ потому, что вообще любилъ покрасоваться въ роли предсѣдателя чего бы то ни было. У него всегда былъ въ этихъ случаяхъ какой-то торжественный и напряженный видъ, и онъ чаще, чѣмъ обыкновенно, тревожилъ свой орденъ на шеѣ и выправлялъ красивымъ, округленнымъ движеніемъ свои крашеные усы.

И теперь онъ обставилъ торжественнымъ образомъ засѣданіе. На небольшомъ столикѣ приказалъ поставить графинъ и стаканъ, а также положить листъ бумаги и карандашъ. Самъ усѣлся въ мягкое кресло и посадилъ по сторонамъ двухъ членовъ совѣта.

Противъ нихъ, на небольшомъ диванѣ, сидѣла Марья Ивановна и, видимо, немного волновалась.

Обрядовъ откашлялся, звякнулъ шпорами и вытянулъ манжеты.

— Марья Ивановна,—заговорилъ онъ наконецъ,—мы здѣсь въ совершенно частномъ, такъ сказать, интимно-домашнемъ засѣданіи. Это даже не засѣданіе, а просто совѣщаніе коллегъ. Позвольте мнѣ смотрѣть и на васъ не иначе, какъ на такого же коллегу, съ которымъ мы хотимъ совѣщаться... э... Дѣло, вѣроятно, вамъ извѣстно... по которому мы собрались здѣсь.

Обрядовъ говорилъ на этотъ разъ не такъ гладко, какъ всегда. Онъ тоже, видимо, волновался и тщетно упрекалъ себя внутренно за то, что теряетъ предсѣдательскій престижъ. Но справиться съ собою не могъ, несмотря на всѣ усилія.

Марья Ивановна нервно улыбнулась и окинула Обрядова ироническимъ взглядомъ.

— Конечно, извѣстно, коли вы мнѣ писали письмо. Я грамотная.

— Уважаемый товарищъ! — отпивъ глотокъ воды, сказалъ Обрядовъ.—Я никогда не позволялъ себѣ въ этомъ сомнѣваться. Однако, для порядка, позвольте мнѣ изложить суть дѣла... э... которое соединило насъ здѣсь въ этотъ вечеръ.

— Излагайте.

— Благодарю васъ!—щелкнувъ шпорами, проговорилъ Обрядовъ и слегка наклонилъ голову.

— „Ну, начнетъ теперь ткать безконечную паутину!"—подумала Марья Ивановна, но ничего не сказала, а усѣлась глубже на диванъ.

— Не такъ давно,—торжественнымъ тономъ началъ Обрядовъ,—по городу стали ходить слухи — упорные слухи—между

товарищами и городскими жителями,—будто въ мѣстной психіатрической больницѣ... э... гдѣ вы также состоите врачомъ на женскомъ отдѣленіи... Такъ, вотъ, будто произошелъ между вами и врачомъ Кабѣевымъ непріятный и крупный инцидентъ.

Онъ перевелъ дыханіе и продолжалъ:

— Вамъ, конечно, извѣстно, уважаемый товарищъ—онъ томно взглянулъ на Марью Ивановну,—что наше общество и такъ ужъ не очень хорошо настроено по отношенію къ врачамъ. Я не касаюсь здѣсь причинъ подобнаго, если не враждебнаго, то, во всякомъ случаѣ, не совсѣмъ дружескаго взаимоотношенія...

— „Слава Богу",—подумала Марья Ивановна.

— Это дѣло этики...

— „Ахъ, Боже мой!"—опять мысленно сказала Марья Ивановна.

— Э... такъ я и говорю: всякое недоразумѣніе, всякій инцидентъ среди врачебнаго сословія, жадно подхватывается обществомъ и комментируется, конечно, въ невыгодѣ этого сословія... э... во мы, врачи, должны держать высоко знамя нашей корпораціи, на которомъ написано... написано... э... ну, это, впрочемъ, все равно! Постараюсь быть краткимъ...

— „Не вѣрю",—сказала себѣ Марья Ивановна.

Обрядовъ опять выпилъ глотокъ воды и продолжалъ:

— Упомянутый мною инцидентъ принадлежитъ къ такого рода инцидентамъ, которые задѣваютъ честь сословія и волнуютъ поэтому не только общество, но и врачей. Недоразумѣнія между отдѣльными лицами корпораціи могутъ имѣть мѣсто во всякой корпораціи... э... и поэтому весьма важно прекращать каждый инцидентъ во-время; не давать ему разгораться, потушить его въ самомъ началѣ. Я думаю, уважаемый товарищъ, что вы согласны со мной въ этомъ кардинальномъ пунктѣ.

Но на лицѣ Марьи Ивановны рѣшительно ничего не отразилось, кромѣ легкой скуки.

— Нѣкоторые изъ товарищей, — продолжалъ Обрядовъ,— просили насъ,—онъ кивнулъ направо и налѣво, по направленію сидѣвшихъ около него врачей,—просили насъ въ порядкѣ совершенно частнаго, такъ сказать, интимнаго совѣщанія...

— Вы уже это говорили,—заявила Марья Ивановна.

Но Обрядовъ не смутился.

— Я особенно на этомъ настаиваю, потому и позволилъ себѣ повторить это. Такъ, въ порядкѣ частнаго совѣщанія выяснить это дѣло...

Онъ откашлялся, звякнулъ шпорами и продолжалъ:

— Дѣло, насколько оно вѣрно дошло до насъ, заключалось въ слѣдующемъ: въ дежурную комнату, гдѣ собрались врачи, среди которыхъ находились и вы, вошелъ врачъ Кабѣевъ и, поздоровавшись съ товарищами, протянулъ и вамъ руку. Вы заложили за спину ваши руки и отвѣтили: „я не подаю убійцамъ руки". Такъ ли это произошло и вѣрно ли намъ это передано? Или, можетъ быть, по обыкновенію все это исказили и раздули?

— Такъ произошло и вѣрно передано! — твердо отвѣтила Марья Ивановна.

— Благодарю васъ, — сказалъ Обрядовъ. — Но, уважаемый товарищъ! Не будéте ли вы добры еще разъ оказать намъ довѣріе и объяснить этотъ... э... этотъ нѣсколько не корпоративный поступокъ, идущій въ разрѣзъ съ самыми элементарными понятіями о врачебной этикѣ?..

— Почему „врачебной"? — спросила съ насмѣшкой Марья Ивановна.—Я думаю, что съ точки зрѣнія всякой этики этотъ поступокъ...

— Совершенно съ вами согласенъ,—сказалъ Обрядовъ,—но тѣмъ настоятельнѣе нужно было бы его освѣтить. Я не говорю, что вы обязаны отвѣтить намъ. Вы не передъ судомъ, а передъ товарищами. Но именно поэтому я думаю, что вы не скроете мотивовъ этого э... поступка, пока для насъ совершенно необъяснимаго ни съ какой точки зрѣнія.

Марья Ивановна встала съ дивана.

— Я не понимаю только вашихъ словъ: „именно поэтому". Передъ судомъ ли я товарищей, или передъ судомъ общимъ для всѣхъ гражданъ,—это все равно. Если я захочу объяснить свой поступокъ, я его, конечно, объясню съ полной откровенностью и ничего не скрою. Это само собой.

— Такъ, пожалуйста, окажите намъ это довѣріе и объясните.

Марья Ивановна покачала отрицательно головой.

— Я сказала: „если я захочу". Но я не сказала: „я хочу".

Обрядовъ переглянулся съ коллегами, и на лицахъ всѣхъ трехъ выразилось недоумѣніе.

— Я долженъ вамъ сказать,—началъ Обрядовъ,—что я написалъ письмо и товарищу Кабѣеву, съ просьбой явиться сюда, и если вы не хотите объясняться въ отсутствіе его... Кабѣевъ не явился и ничего не отвѣтилъ на нашу просьбу...

— Мнѣ дѣла нѣтъ до того, явился онъ или не явился,— отвѣтила Марья Ивановна. — И дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Я считаю себя правой по отношенію къ Кабѣеву. И если я не желаю говорить, то совсѣмъ не поэтому.

Она опять стала волноваться.

— Но, по крайней мѣрѣ, — сказалъ Обрядовъ,—можемъ мы узнать, почему именно?

— Потому,—отвѣтила Марья Ивановна,—что я не могу и не хочу объяснять въ корпоративномъ „судѣ" тò, что подлежитъ вѣдѣнію настоящаго суда.

Обрядовъ съ искренно-огорченнымъ видомъ укоризненно покачалъ головой.

— Марья Ивановна, — заявилъ онъ мягкимъ голосомъ, —я уже говорилъ вамъ, что здѣсь не судъ... Это во-первыхъ. А во-вторыхъ... э... неужели вы наши внутреннія коллегіальныя распри захотите доводить до вѣдѣнія гражданскаго суда?

— Тутъ дѣло не въ распряхъ,—это дѣло гораздо серьезнѣе.

— Допустимъ,—согласился съ ней Обрядовъ.—Насколько я могу понять, тутъ дѣло въ какомъ-нибудь неправильно примѣненномъ Кабѣевымъ методѣ леченія?—Онъ вкрадчиво взглянулъ на нее.—Въ методѣ, отъ котораго произошла смерть паціента? Э... но это не даетъ еще права обвинять человѣка въ убійствѣ... Это черезчуръ. Тутъ, можетъ быть, просто ошибка; ошибки бываютъ вездѣ, и не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, кто боится иниціативы. Но... чтò бы тутъ ни было, я рѣшительно не вижу необходимости вмѣшивать въ эти дѣла судъ? И безъ того не мало нареканій на наше сословіе. Не слѣдуетъ выносить сора изъ избы...

Марья Ивановна усмѣхнулась.

— Почему?—спросила она.

— Какъ почему? Это не принято; это, извините меня, не по-товарищески.

— Извините и меня,—я съ этимъ не согласна. Если приходится жить въ этой избѣ, то интересъ каждаго живущаго—заботиться о ея чистотѣ. Слѣдуетъ выносить соръ изъ избы—изба будетъ чище. И я представлю свои объясненія прокурору. Тутъ дѣло не въ этикѣ и не въ моей рукѣ, и не въ моихъ словахъ, а въ чемъ-то посерьезнѣе. И я больше ничего здѣсь не скажу.

Съ этими словами она поклонилась и вышла.

VIII.

Однажды вечеромъ, часовъ около восьми, у двери квартиры Запольскаго позвонила дѣвушка. Маша открыла ей двери, впустила въ переднюю и побѣжала доложить врачу.

Запольскій собирался въ театръ; въ этотъ вечеръ пѣла Денницына и взяла слово съ своего поклонника, что онъ не опоздаетъ, а прибудетъ къ самому началу спектакля, потому что она „занята“ въ первомъ явленіи перваго акта.

Запольскій стоялъ у зеркала и, снявъ pince-nez, тщательно выправлялъ и выглаживалъ усы. Въ послѣднее время ему приходилось нѣсколько трудно, потому что практика не только сократилась, а почти совершенно прекратилась. Провинціальное общество цѣнитъ не столько людей самихъ по себѣ, сколько по ихъ интимнымъ семейнымъ обстоятельствамъ. Къ врачамъ особаго уваженія не существуетъ, и всякій охотно ихъ бранитъ за малѣйшую ошибку; но если у врача не ладится семейная жизнь или онъ замѣченъ въ легкомысленномъ поведеніи, то онъ можетъ быть прекраснымъ терапевтомъ или хирургомъ,—но пѣсенка его будетъ спѣта. Строгіе судьи будутъ тѣмъ строже къ нему, чѣмъ больше у нихъ самихъ такихъ же грѣховъ. У Запольскаго никогда не было особенно большой практики, потому что мѣстное общество относилось къ нему иронически за занятіе композиторствомъ и за посѣщеніе танцовальныхъ вечеровъ,—у общества сложился взглядъ, что медицинская профессія требуетъ не только серьезнаго и добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу, какъ и всякая другая профессія, но еще и самоотверженнаго почти аскетизма во всѣхъ другихъ сферахъ частной его жизни.

Однако, все-таки, Запольскій заработывалъ сносно въ добавленіе къ своему полковому жалованью, и жилось ему сравнительно недурно.

Но когда увлеченіе его стало извѣстно въ публикѣ, къ нему начали относиться недовѣрчиво; заработокъ сразу понизился. Пришлось жить почти на одно жалованье, а вмѣстѣ съ тѣмъ расходы его увеличились. Ухаживанье за Денницыной обходилось довольно дорого: нужно было съ ней ужинать, подавать цвѣты, покупать конфекты, дѣлать подарки—не Богъ вѣсть какіе, но все-таки довольно чувствительные при его сократившемся бюджетѣ.

Съ тревогой слѣдила Елена Васильевна за крушеніемъ ея семейной жизни, но сценъ не возобновляла и почти не разговаривала больше съ мужемъ. Они продолжали жить вмѣстѣ на одной квартирѣ, но имѣли они видъ случайныхъ и постороннихъ жильцовъ меблированныхъ комнатъ. Сходились только за обѣдомъ, да и то не всегда, молча ѣли или дѣлали видъ, что ѣли, и молча расходились изъ столовой: онъ—въ театръ или клубъ, она—въ свою комнату.

При видѣ Маши, Запольскій нахмурился: внутренній голосъ подсказалъ ему, что пришли звать его къ больному. Въ другое время онъ каждому такому зову радовался, какъ симптому растущей популярности, увеличивающейся практики. Теперь онъ долженъ былъ бы еще больше радоваться, такъ какъ подобнаго случая давно уже у него не было. Онъ могъ бы доказать женѣ, что у него есть еще паціенты и что, вотъ, за нимъ даже присылаютъ.

Но Запольскій не обрадовался. Онъ бѣгло взглянулъ на часы: уже было половина восьмого. Какая досада! Сейчасъ его позовутъ къ больному; кто знаетъ, сколько времени онъ провозится тамъ—и непремѣнно опоздаетъ къ началу спектакля. Поспѣть будетъ невозможно! И Денницына сдѣлаетъ ему вечернюю сцену, потому что отношенія ихъ уже перешли въ той стадіи, въ которой сцены стали неизбѣжными и даже какъ-то пріятно щекотали его самолюбіе и его нервы, какъ пряная и острая приправа къ этимъ отношеніямъ.

— Чтò вамъ, Маша? Я просилъ не врываться ко мнѣ, когда я куда-нибудь собираюсь.

— Тамъ дѣвушка отъ Гадаева.

— Все равно! Чтò ей надо?

— Она проситъ васъ поѣхать съ ней. У г. Гадаева опасно заболѣла дочка... Просили передать.

— Ахъ, Боже мой! Навѣрное какіе-нибудь пустяки.

Онъ старался припомнить, кто такой Гадаевъ, и вспомнилъ, удивившись, какъ это онъ могъ забыть его. Гадаева знали всѣ въ городѣ. Это былъ отставной полковникъ, жившій на небольшія средства съ небольшого капитала и на еще мéньшую пенсію. Человѣкъ онъ былъ милый, добродушный, обходительный и сердечный. Много дѣлалъ добра, но всегда такъ, что объ этомъ старался тщательно скрыть. Если и знали о его благотворительной дѣятельности, то только потому, что скрыть что-нибудь въ небольшомъ провинціальномъ городѣ рѣшительно невозможно.

— Чтò сказать дѣвушкѣ?—спросила Маша.

— Скажите, сейчасъ къ ней самъ выйду.

— Она очень торопится...

— Ступайте!—строго сказалъ Запольскій.

И, надѣвъ pince-nez, оправивъ сюртукъ и разсовавъ часы, бумажникъ и портсигаръ по карманамъ, Запольскій вышелъ въ переднюю.

— Вы отъ г. Гадáева?—спросилъ онъ.

— Отъ нихъ. Баринъ очень просили... — начала она умоляющимъ голосомъ.

— Хорошо, хорошо... Что̀ такое?

— Поѣдемте, баринъ, ради Господа, дорóгой все разскажу. Василій Осиповичъ очень убиваются. Юлечка наша сильно заболѣла.

— Ну, ну... родители всегда преувеличиваютъ.

Горничная съ укоризной взглянула на Запольскаго.

— Ахъ, что̀ вы! По пустякамъ бы не тревожили. Юлечка очень-очень больна, поѣдемте,—у меня извозчикъ.

— Но почему же именно ко мнѣ послали?

— Да баринъ совсѣмъ голову потеряли: „бѣги,—говорятъ,—къ ближайшему". Я и сама не знаю, какъ и куда поѣхала, а только вижу въ вашихъ окнахъ свѣтъ, и вспомнила, что вы здѣсь живете...

Они сѣли въ экипажъ и поѣхали.

Дорóгой горничная разсказала ему, что дѣвочка лежитъ въ жару и еле можетъ глотать.

Запольскій слушалъ ее разсѣянно, высчитывая время, нужное для окончанія этого визита: туда десять минутъ, обратно десять минутъ, да тамъ минутъ пятнадцать; больше получаса... гм!—Онъ взглянулъ на часы—было пять минутъ девятаго. Онъ будетъ въ театрѣ около девяти, когда уже первый актъ кончится. „Вотъ, право, не во̀-время, — подумалъ онъ,—ужъ если не везетъ, такъ не везетъ..."

И онъ въ тактъ рѣчи горничной кивалъ головой.

Она косо взглянула на него, инстинктивно чувствуя, что онъ не слушаетъ ее, и замолчала.

Въ комнатахъ у Гадаева было почти темно и пахло лекарствомъ. Самъ Гадаевъ отперъ имъ двери, не дожидаясь звонка, потому что все время стоялъ у дверей. То постоитъ у дверей дѣтской, то у дверей передней. И какъ только онъ заслышалъ шаги по лѣстницѣ, такъ тотчасъ же и отперъ.

Онъ былъ въ темномъ халатѣ и въ туфляхъ, чтобы неслышно ходить по квартирѣ; еще какая-то женщина, въ большомъ платкѣ на головѣ, сидѣла въ передней. Это Гадаевъ приготовилъ ее, чтобы она могла сейчасъ же бѣжать въ аптеку, какъ только врачъ пропишетъ лекарство.

При видѣ Запольскаго, онъ схватилъ его за обѣ руки. Руки Гадаева были холодны и сухи.

— Ахъ, наконецъ-то! Ну, спасибо... вотъ...

Онъ развелъ руками; голосъ захватывало у него, и онъ не могъ овладѣть имъ.

— Какъ долго, какъ долго!.. Отчего такъ долго, Катя?

— Это вамъ такъ кажется,—поспѣшилъ сказать ему Запольскій.—Я тотчасъ же, не медля ни минуты, поѣхалъ.

— Спасибо, спасибо... Знаете, когда такой случай, и ждешь...

— Да, да... Но въ чемъ дѣло?

Гадаевъ поволокъ его за руку въ дѣтскую.

— Вотъ!—безпомощнымъ движеніемъ руки указалъ онъ на лежавшую дѣвочку.

Дѣвочкѣ было лѣтъ одиннадцать; она лежала въ кроваткѣ, и ея темные волосы сбились въ большую, густую волну надъ ея головой. Губы ея были сухи, изъ полуоткрытаго рта вырывалось тяжелое дыханіе; глаза ея были полузакрыты, а на щекахъ—яркій румянецъ свидѣтельствовалъ о жарѣ.

— Такъ!—сказалъ Запольскій.—Мнѣ придется потревожить ее. У нея горло болитъ?

— Она почти не можетъ глотать. Я боюсь, докторъ... Я очень боюсь. Ужъ не...

Ему было страшно выговорить это слово.

— А вотъ сейчасъ увидимъ.

Запольскій съ помощью Гадаева приподнялъ дѣвочку. Она начала плакать, и Гадаевъ съ отчаянія схватился за голову. Онъ обожалъ эту дѣвочку, и не могъ, физически не могъ, переносить ея слезъ. Ему дѣлалось тогда такъ больно, такъ жутко...

Запольскій, при помощи чайной ложечки, заглянулъ ей въ горло, стараясь задержать дыханіе.

— Скажите: а-а!

Дѣвочка сказала.

— Такъ... Температуру мѣрили?

Гадаевъ кивнулъ головой.

— Тридцать-девять и восемь. Вѣдь это почти сорокъ!—съ ужасомъ проговорилъ онъ.

— Тѣмъ лучше!—сказалъ Запольскій.

Гадаевъ посмотрѣлъ на него съ ужасомъ.

Они вышли изъ комнаты.

Въ кабинетѣ Запольскій принялся писать рецептъ, а Гадаевъ стоялъ около него, машинально глядя ему подъ перо и ничего не понимая. Онъ похожъ былъ на человѣка, который ожидаетъ смертнаго приговора. Глаза его имѣли растерянное выраженіе, волосы его были всклокочены и губы подергивались какой-то судорожной, больной улыбкой.

Онъ тотчасъ же помчался съ рецептомъ въ переднюю, къ женщинѣ въ платкѣ.

— Егоровна, сейчасъ... сейчасъ же! Извозчикъ стоитъ. Вотъ... ахъ, Боже мой, гдѣ деньги? Вотъ, вотъ онѣ...—онъ сунулъ ей въ руку бумажку. — Умолите аптекаря, чтобы скорѣе далъ...

— Да ужъ будьте покойны, Василій Осиповичъ.

И женщина исчезла.

Гадаевъ вернулся въ кабинетъ.

— Ну чтò?—съ дрожью въ голосѣ спросилъ онъ, глядя со страхомъ и надеждой на Запольскаго.

— А ничего... ангина. Довольно сильная и даже очень сильная. Но ангина...

— Не..?

— Дифтеритъ? Нѣтъ, нѣтъ, успокойтесь, не дифтеритъ. Я видѣлъ налетъ. Нѣтъ, не дифтеритъ.

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди Гадаева.

— Ахъ, Боже мой!—сказалъ онъ, какъ подкошенный опускаясь въ кресло.—Какое счастье! Спасибо, спасибо вамъ, дорогой докторъ... Вы спасли, вы спасли меня...

И онъ трясъ горячо руку Запольскому, какъ будто Запольскій сдѣлалъ то, что у его дочери былъ не дифтеритъ.

— Я такъ боялся, я такъ боялся, — продолжалъ говорить Гадаевъ.—Чего я не передумалъ! Чего только не приходило мнѣ въ голову! Какой это ужасъ...

Глаза его стали смотрѣть живѣе, и на лицѣ показалась краска. Но вдругъ онъ опять поблѣднѣлъ.

— А температура?—съ ужасомъ сказалъ онъ.—Вѣдь почти сорокъ?...

— Тѣмъ лучше,—опять повторилъ Запольскій.—Чѣмъ выше температура, тѣмъ, значитъ, интенсивнѣе болѣзнь; а чѣмъ интенсивнѣе болѣзнь, тѣмъ леченіе ея короче.

— Да?—съ надеждой въ голосѣ спросилъ Гадаевъ.

— Непремѣнно. Мы ее подымемъ вамъ дня въ три. Ну, не подымемъ, а только совсѣмъ поправимъ. Пускай потомъ еще полежитъ немного. Вы будете ей смазывать горло кистью... я прописалъ—чѣмъ; старайтесь снимать плёнки. Умѣете?

— Какъ же, какъ же...

Онъ вдругъ охватилъ себя обѣими руками за голову.

— Ахъ, докторъ! Еслибы вы знали, какъ я люблю эту дѣвочку! Вы семейный, — вы должны понимать эти чувства. Вѣдь моя дѣвочка—одна у меня... единственное, чтò осталось у меня

въ жизни... Такъ тяжело быть одинокому! Въ прошломъ году умерла моя жена, Леля... Пятнадцать лѣтъ прожили мы съ ней душа въ душу, какъ два друга... Я остался одинъ съ моей дѣвочкой. Еслибы не моя дѣвочка, я бы не пережилъ этого страшнаго удара... Нѣтъ! И вотъ, теперь, она одна у меня, одна,— поймите вы весь ужасъ этого страшнаго слова! Вѣдь это все, все, что у меня осталось въ жизни!..

Запольскій сидѣлъ у письменнаго стола, противъ Гадаева, и потихоньку, отвернувъ полу сюртука и вынувъ часы, взглянулъ на нихъ.

Но Гадаевъ этого не замѣтилъ.

Имъ овладѣла потребность говорить, говорить безъ конца, чтобы потокомъ рѣчей заглушить свои страданія, чтобы разговоромъ сократить мучительное время ожиданія.

— Мнѣ больно, очень больно смотрѣть на мою дѣвочку. Какая она славная, какая добрая! Еслибы вы видѣли ея улыбку и ея взглядъ, когда она здорова! Въ нихъ что-то свѣтлое, спокойное, взрослое и что-то печальное. Не-дѣтская у нея улыбка! И вотъ я всегда боялся... Говорятъ, такія чудныя дѣти не живутъ.

Онъ тихо вскрикнулъ, какъ будто эта тяжелая мысль доставляла ему физическое страданіе.

— Вотъ, я живу подъ этимъ страхомъ. Это не легко. И вся моя жизнь была однимъ сплошнымъ страхомъ и трепетомъ. Боялся за жену мою бѣдную... Любилъ и боялся! Злая судьба отняла отъ меня моего тихаго ангела. И теперь люблю и боюсь; боюсь, какъ бы съ моей дѣвочкой чего не случилось. Но я не жалуюсь. Тяжело всю жизнь жить подъ страхомъ, но зато сколько счастья, когда любишь, какъ я любилъ своихъ Лелю и Юлю... Одной ужъ нѣтъ...

Онъ закрылъ глаза руками.

— Я поклялся ей,—началъ Гадаевъ снова,—что буду любить Юлечку и за нее, и за себя. Я вѣрю, что она не умерла, что она невидимо живетъ въ нашемъ домѣ, вмѣстѣ съ нами. Не правда ли? Было бы ужасно, невыносимо—сознавать, что человѣкъ уходитъ навсегда и исчезаетъ безъ слѣда? Вѣдь этого быть не можетъ, не должно... Иначе жизнь была бы ужъ очень, очень жестокой и глупой шуткой... И откуда это у нея могла приключиться ангина? Ужъ я такъ берегу ее!.. Такъ вы говорите, дорогой докторъ, что температура—это ничего?

— Ничего, увѣряю васъ. Если не понизится — оботрите ее уксусомъ... Дайте на ночь малины: за одно она смягчитъ ей

горло, глотать будетъ легче. И смазыванье. Не бойтесь—надѣюсь, черезъ три-четыре дня все пройдетъ. Потомъ выдержите ее дома подольше. Я даже къ вамъ завтра не заѣду.

— Да что̀ вы?!

— Совершенно не къ чему. Болѣзнь имѣетъ свое теченіе... нормальное, и мы съ вами не можемъ ни ускорить, ни замедлить его...

— Но, все-таки...

— Увѣряю васъ, это лишнее,—съ упрямой ноткой въ голосѣ сказалъ твердо Запольскій.

Гадаевъ поглядѣлъ на него съ умоляющимъ видомъ и глаза его часто заморгали.

— А вдругъ будетъ хуже? Что-нибудь случится?

— Ну... ничего не можетъ случиться. Ну, въ крайнемъ случаѣ пришлите за мной.

Запольскій опять поглядѣлъ на часы и рѣшительно всталъ.

— Я тороплюсь... къ больному,—солгалъ онъ,—извините меня... Надо ѣхать. Подтянитесь-ка! Вонъ, руки какія холодныя... Ничего такого нѣтъ.

И быстро простившись, онъ вышелъ въ переднюю.

А Гадаевъ словно завялъ. Низко опустивъ голову, онъ провожалъ Запольскаго. Ему хотѣлось бы, чтобы врачъ остался у него на всю ночь. Но какъ можно просить объ этомъ? Они всѣ какіе-то безсердечные! Онъ самъ, если бы былъ врачомъ, конечно, сдѣлалъ бы это...

Запольскій торопливо вышелъ изъ дверей, какъ будто боялся, что его будутъ задерживать.

Гадаевъ вернулся въ кабинетъ и, упавъ въ кресло, зарыдалъ. Онъ и самъ не зналъ, отчего рыдалъ. Слезы неудержимо лились изъ его глазъ. Такъ сладко, такъ отрадно было плакать, и вздыхать, и снова плакать. И по мѣрѣ того, какъ онъ плакалъ и тяжко вздыхалъ, тяжесть на душѣ его становилась легче. Онъ зналъ, что бываетъ на свѣтѣ такое человѣческое горе, когда ни слезы, ни глубокій вздохъ не облегчаютъ омраченной души. Онъ уже испыталъ такое горе въ жизни, когда умерла его горячо любимая Леля. Но человѣческое сердце можетъ разъ испытать такой погромъ. И если еще одинъ такой погромъ, то будь его сердце изъ гранита—оно не выдержитъ. И вотъ эти слезы были предохранительными клапанами человѣческаго горя.

Онъ свято исполнилъ предписаніе. Вытеръ дѣвочку уксусомъ, напоилъ ее малиной, каждые полчаса смазывалъ ей горло

кистью. Онъ не спалъ всю ночь и, подъ конецъ, пересталъ чувствовать свои ноги, которыя словно онѣмѣли.

Но къ утру дѣвочкѣ стало хуже.

У нея весь зѣвъ былъ къ утру покрытъ зловѣщими сѣро-мутными жемчужными пленками. Горловая щель съузилась, мягкое нёбо было окрашено въ вишнево-красный цвѣтъ, железы были сильно увеличены; дыханіе дѣвочки было сильно затруднено. Температура понизилась и держалась теперь на тридцати-восьми и двухъ.

Дѣвочка лежала на кровати почти безъ движенія. Дыханіе ея становилось тяжелымъ, ноздри сильно раздувались, грудная клѣтка глубоко втягивалась. Вмѣстѣ съ тѣмъ лицо ея становилось синимъ; иногда она дѣлалась безпокойной и начинала метаться по кровати.

Слишкомъ ужъ было очевидно, что дѣвочкѣ стало значительно хуже. Гадаевъ упалъ духомъ и растерялся; онъ почти обезумѣлъ.

Упавъ на колѣни у кровати дѣвочки, онъ молился.

— Господи!—взывалъ онъ:—спаси и сохрани! Спаси и сохрани! Ты видишь душу мою! Она разрывается отъ горя. За что мнѣ такое испытаніе? Всю жизнь прожилъ какъ умѣлъ... старался не дѣлать зла. Жертвы нужны? Возьми меня! Меня возьми. Пощади ее! Ты видишь душу мою, мои страданія! Господи?!

Глаза его были теперь сухи. Его молитва была скорѣе жалобой и вызовомъ, а не молитвой. Но онъ не умѣлъ иначе молиться, потому что чувствовалъ себя жестоко, безпощадно оскорбленнымъ, несправедливо, злостно наказаннымъ.

— Господи, во всемъ да будетъ святая воля Твоя!—дикимъ воплемъ вырвалось у него, и тотчасъ же онъ прибавилъ шопотомъ:—во всемъ, но не въ этомъ, не въ этомъ, Господи! Это невозможно, это выше, выше силъ!..

Затѣмъ наступила въ немъ реакція.

Онъ утихъ, успокоился. Съ щемящей душу горестью взглянулъ онъ на свою хрипѣвшую дѣвочку. Слезъ у него не было и въ душѣ его образовалась ужасная, зіяющая пустота.

Онъ послалъ горничную къ Запольскому.

Два раза она ѣздила къ врачу, но не заставала его; тогда онъ послалъ ее къ кому-нибудь другому. Она должна найти врача, должна во что бы то ни стало.

И горничная привезла Серединскаго.

Къ его пріѣзду дѣвочкѣ стало какъ будто лучше. Темпера-

тура сдала еще больше, и одно время казалось, будто дѣвочка поправляется.

Вновь лучъ надежды освѣтилъ несчастное, истомленное сердце Гадаева.

Серединскій осмотрѣлъ ребенка внимательно, подробно.

— Гм... да,—сказалъ онъ, наконецъ, — надо было позвать раньше. Отчего не позвали раньше? Гм?

— У меня былъ... — захлебываясь, отвѣтилъ Гадаевъ, чувствуя въ словахъ врача что-то зловѣщее. Его точно кто-то схватилъ за горло.—У меня былъ...

— Кто?—рѣзко спросилъ Серединскій.

— Запольскій.

— Запольскій?—съ удивленіемъ переспросилъ Серединскій. —А что же онъ сказалъ, гм?

— Ангина.

Серединскій всплеснулъ руками. Но потомъ вдругъ сдержался.

— Да... ошибиться, конечно, можно... особливо въ этомъ случаѣ. Но... это дифтеритъ! Дифтеритъ-съ форменный и ужасный.

Гадаевъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— Но вѣдь ей, кажется, лучше?—съ тоской спросилъ онъ.

Серединскій серьезно уставился на дѣвочку, потомъ на Гадаева, и взоръ его сдѣлался еще серьезнѣе и печальнѣе. Онъ взялъ дѣвочку за руку. Пульсъ былъ подозрительно малъ и неправиленъ.

Серединскій выпустилъ руку и приложилъ ухо къ груди дѣвочки.

— Осложненіе со стороны сердца можетъ быть,—тихо сказалъ онъ.—Ну, да...

Сердце дѣвочки стало работать совсѣмъ слабо.

Серединскій сдѣлалъ распоряженіе послать въ аптеку. Быстро написалъ онъ рецептъ и крупнымъ почеркомъ поставилъ сверху слово: „Statim!“ да еще жирно подчеркнулъ его три раза.

— Кажется, поздно,—проговорилъ онъ тихо, но эти слова услыхалъ Гадаевъ.

И вдругъ, въ комнатѣ раздался странный, животный какой-то, вой. Это не то стоналъ, не то рыдалъ Гадаевъ. И этотъ нечеловѣческій вой росъ и росъ, и наполнялъ собою комнату.

Дѣвочка лежала вытянувшись на кровати.

Смертельная синяя блѣдность покрывала ея лицо. Глаза остановились, почти черныя губы полуоткрылись. Это былъ параличъ сердца.

— Что съ ней?—вдругъ прекративъ вой, спросилъ Гадаевъ, и подошелъ къ кровати.—Спитъ?

Онъ бросился къ дѣвочкѣ и отшатнулся.

— Спитъ?—спросилъ онъ у Серединскаго, который отошелъ, опустивъ руки, отъ кровати и, подойдя къ двери, тихо крикнулъ въ переднюю:—Не посылайте въ аптеку! Не надо...

Гадаевъ стоялъ у кровати и смотрѣлъ на то, что считалъ онъ еще такъ недавно его дѣвочкой, а теперь стало чужимъ, далекимъ и холоднымъ трупомъ. Да, онъ чувствовалъ въ себѣ теперь какое-то отчужденіе отъ этого холоднаго тѣла. Онъ не ощущалъ въ себѣ теперь ни боли, ни гнѣва, ни горя, ни страха, а все ту же зіяющую, холодную, безконечную пустоту, которая была болѣе, страшнѣе горя, тяжелѣе страха и гнѣва. Что-то невѣроятное, головокружительное и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойное и невозмутимое до невѣроятности. Даже какъ будто улыбнуться хотѣлось.

Дѣвочка лежала въ гробу, вся въ цвѣтахъ и зелени. Теперь выраженіе лица ея стало прежнимъ; спокойствіе какое-то застыло на немъ и загадочная улыбка, не-дѣтская улыбка серьезной печали, освѣтила ея блѣдно-синія уста. Мягкимъ, еле колеблющимся желтымъ пламенемъ горѣли свѣчи, и ровнымъ, монотоннымъ голосомъ читалъ псаломщикъ священныя книги. Въ комнатѣ пахло ладаномъ и цвѣтами, и этотъ запахъ смѣшивался съ запахомъ горячаго воска и съ чаднымъ дымомъ свѣчей отъ только-что отошедшей панихиды.

Солнце садилось за окнами, и вечерній свѣтъ боролся съ надвигавшейся тьмою, погружая гробикъ съ дѣвочкой въ эту безнадежную бѣлесоватую тьму, въ которой отдѣльными блѣдно-желтыми огоньками свѣтили высокія восковыя свѣчи. И лицо дѣвочки становилось то блѣдно-желтымъ, то голубовато-сѣрымъ, и казалось, что густая синева подъ ея глазами начинаетъ тихо и медленно перемѣщаться. И сумерки набѣгали въ эту комнату и точно наперерывъ торопились накладывать на тщедушное личико дѣвочки свои темно-сѣрыя густыя вуали.

Гадаевъ стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ въ углу комнаты, и смотрѣлъ, не спуская глазъ, на лицо своей дѣвочки. Отъ пристальнаго смотрѣнья ему казалось, что лицо это улыбается, что вѣки поднимаются... потомъ въ глазахъ его начинали ходить круги, и все исчезало. Лицо дѣвочки погружалось въ распространявшуюся по комнатѣ тьму ночи, какъ бы сливаясь съ нею въ какой-то синей безконечности, какъ бы растворяясь въ ней.

Тогда Гадаевъ дѣлалъ усиліе и вновь старался вызвать дорогой образъ изъ тьмы небытія и забвенія.

Онъ имѣлъ какое-то деревянное мужество вынести всю эту суетню, всю процедуру съ нашествіемъ сочувствующихъ, равнодушныхъ и любопытныхъ, и эту ужасную, по своей раздирающей душу трогательности, нашу православную панихиду.

Но на немъ была броня столбняка.

Онъ все видѣлъ, все сознавалъ, все понималъ, но ничто на него не дѣйствовало. И пустыня, образовавшаяся на душѣ его, росла неудержимо, расползаясь во всѣ стороны.

Такъ простоялъ онъ долго, такъ долго, пока не увидѣлъ, какъ хмуро глянула въ окно сквозь опущенныя шторы проснувшаяся ночь своими безцвѣтными, свѣтлыми, холодными глазами.

И тогда онъ опустился на полъ, какъ подгнившій у самаго корня дубъ, и продолжалъ сидѣть на полу, постепенно заливаемый лучами восходящаго солнца.

Тутъ только въ первый разъ слабый блескъ сознанія освѣтилъ его придавленный горемъ разумъ. Онъ сжалъ кулакъ, погрозилъ имъ кому-то въ пространствѣ и произнесъ:

— Подлецъ!..

Былъ вечеръ, когда Гадаевъ позвонилъ у двери квартиры Запольскаго.

Запольскій сидѣлъ въ кабинетѣ и скучалъ. Была суббота — и ни спектакля, ни репетиціи не было въ этотъ день въ театрѣ. Денницына сказала ему, чтобы онъ не приходилъ, потому что она чувствуетъ себя уставшей и нездоровой. Онъ вздумалъ-было пошутить и сказалъ ей:

— Вотъ именно потому я и долженъ зайти къ тебѣ, что ты нездорова. Дѣло врача — посѣщать больныхъ.

И ему вспомнился при этомъ анекдотъ, разсказанный когда-то Обрядовымъ на засѣданіи медицинскаго общества, о томъ, какъ король не принялъ домашняго врача, потому что чувствовалъ себя больнымъ.

Денницына кратко отвѣтила:

— Нѣтъ, ужъ, пожалуйста...

Въ этой краткости было много рѣшительности, и Запольскій не посмѣлъ настаивать.

Но, заплативъ ея горничной три рубля, онъ узналъ, что ея барыня собирается ѣхать въ этотъ вечеръ на пикникъ въ какой-то инженерной компаніи.

И ему сдѣлалось такъ грустно, онъ почувствовалъ себя такимъ обиженнымъ гимназистомъ, что ему захотѣлось плакать.

Торжественно и весело вступала въ городъ весна: блѣдное, голубое небо было прозрачно и чисто; ярко свѣтило солнце; на бульварахъ и садахъ распускались деревья; въ воздухѣ было что-то бодрящее, живительное, радостное. Хотѣлось дышать полной грудью и любить полнымъ сердцемъ. Но Запольскій чувствовалъ и видѣлъ, что романъ его съ Денницыной подходитъ къ концу; онъ какъ-то странно остался непрочитаннымъ въ серединѣ; такъ хорошо читался въ началѣ, а потомъ, вдругъ, быстро нужно было подойти къ послѣднимъ страницамъ, оставивъ неразрѣзанными много листовъ. Кто-нибудь другой ихъ прочтетъ: очевидно, тотъ красивый инженеръ, который сталъ, въ послѣднее время, часто попадаться ему за кулисами и на котораго онъ, сначала, не обращалъ должнаго вниманія. Инженеръ—не ему чета: молодъ, красивъ и денеженъ. Запольскому въ эти мѣсяцы особенно не везло: паціенты поубавились, коллеги стали относиться къ нему кто съ злой, кто съ добродушной, кто съ снисходительной насмѣшкой, но несомнѣнно съ насмѣшкой, а не съ инымъ какимъ-нибудь чувствомъ. И по службѣ начались непріятности: выговоры отъ старшаго врача, выговоры отъ командира. Онъ самъ сознавалъ, что нельзя было обходиться безъ этихъ выговоровъ, потому что онъ сталъ небрежно относиться къ служебнымъ обязанностямъ. И потому онъ часто бывалъ не въ духѣ, что очень не шло къ его жизнерадостному лицу и характеру. Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сталъ какъ-то сжиматься въ расходахъ, сдѣлался робкимъ и осторожнымъ, когда нужно было быть, наоборотъ, рѣшительнымъ, отважнымъ и щедрымъ, въ особенности щедрымъ.

Денницына начала замѣчать всѣ эти перемѣны, и онѣ ей не понравились. Кромѣ того, она ждала отъ него вообще чего-нибудь рѣшительнаго, въ смыслѣ фиксаціи завязавшихся между ними отношеній, а Запольскій какъ-то невыносимо мямлилъ, произносилъ полуфразы, высказывался съ большой неопредѣленностью.

Домашнія дѣла шли у него плохо; разладъ съ женой принялъ окончательныя формы: это уже были два врага, несомнѣнно озлобленные, ненавидѣвшіе другъ друга. Онъ ненавидѣлъ ее за сцены, которыми она его, нѣтъ-нѣтъ, да подаритъ; она ненавидѣла его за крушеніе идеаловъ и за муки, которыя онъ доставлялъ ей. Но рѣшиться на открытый разрывъ въ этомъ захолустномъ городкѣ, живущемъ скандалами, онъ все еще не могъ, по своей нерѣшительности. И чувствовалъ онъ себя между двумя

разъѣхавшимися стульями — законнаго брака и неудавшагося адюльтера.

Маша впустила Гадаева.

Видъ его испугалъ Запольскаго. Гадаевъ имѣлъ землистый цвѣтъ лица; глаза его были точно обведены темно-синими кругами; губы его, больныя и искусанныя во время горькихъ, судорожныхъ рыданій, были плотно сжаты и кривились въ страшной улыбкѣ; но въ красныхъ отъ слезъ и безсонныхъ ночей глазахъ его горѣлъ какой-то яркій, зловѣщій огонекъ.

Запольскій оторвался отъ своихъ печальныхъ мечтаній и со страхомъ взглянулъ на гостя.

„Зачѣмъ эта дура Маша впустила его?—промелькнуло у него въ сознаніи:—точно не могла сказать, что меня дома нѣтъ. Положительно, она глупа“.

Въ комнатѣ стояли весеннія сумерки, безъ тьмы и безъ свѣта; и въ этихъ сумеркахъ Гадаевъ казался призракомъ, при видѣ котораго Запольскому сдѣлалось страшно.

Но онъ смѣло пошелъ на встрѣчу Гадаеву.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ.—Развѣ дѣвочкѣ хуже?

— Молчите!—грознымъ и хриплымъ голосомъ крикнулъ Гадаевъ и сдѣлалъ шагъ къ нему.

Запольскій отступилъ.

— Въ чемъ дѣло?—растерявшись, спросилъ онъ.

— Не смѣйте говорить о ней!—продолжалъ Гадаевъ.—Она умерла. — Судорога сжала его горло, изъ котораго вырвались судорожныя рыданія.—Что̀ вы сдѣлали съ нею? Вы умертвили ее... вы...

— Но вы обѣщали прислать за мной!—не зная самъ, что̀ говоритъ, сказалъ Запольскій.—Отчего вы не прислали за мной?

— За вами?..—Гадаевъ вдругъ разсмѣялся.—За вами? Зачѣмъ? Развѣ вы врачъ? Вы коновалъ, а не врачъ! Вы невѣжда, отъ котораго нужно отобрать дипломъ. Вы не съумѣли отличить дифтерита отъ ангины. Одно изъ двухъ: или вы невѣжда, или подлецъ, недобросовѣстно относящійся къ своимъ обязанностямъ. Думаю, впрочемъ, что то и другое вмѣстѣ.

— Позвольте!—вспыхнувъ до корня волосъ, остановилъ его Запольскій.—Это черезчуръ... Какъ вы смѣете?.. Я буду жаловаться...

— Молчите!—загремѣлъ Гадаевъ такимъ голосомъ, котораго, видимо, и самъ не ожидалъ отъ себя.—Вы подлецъ! И я пришелъ разсчитаться съ вами. Вы лишили меня всего, всего... Вы даже не понимаете, чего вы меня лишили... Но ваша пѣсня

свѣта! Я вездѣ буду кричать, какой вы невѣжда и подлецъ...— Ему, видимо, доставляло огромное удовольствіе произносить эти слова, которыя какъ будто давали ему нравственное облегченіе.—Я буду писать объ этомъ, я пошлю корреспонденцію въ столичныя газеты. Я буду преслѣдовать васъ по пятамъ...

Голосъ его звенѣлъ громче и громче, и, наконецъ, раздавался по всей квартирѣ.

Въ дверяхъ кабинета показалось испуганное лицо Маши. Даже Елена Васильевна, въ послѣднее время не входившая вовсе въ кабинетъ мужа, прибѣжала напуганная.

— Что̀ такое? Что̀ такое?—говорила она, смотря съ недоумѣніемъ на страннаго гостя.

— Вамъ нѣтъ мѣста на землѣ!—продолжалъ въ какомъ-то безумномъ порывѣ Гадаевъ.—И не должно быть мѣста шарлатанамъ среди порядочныхъ людей...

— Въ чемъ дѣло?—спросила Елена Васильевна, мужественно вступивъ въ комнату.

Гадаевъ вздрогнулъ и обернулся.

Одно мгновенье онъ поколебался при видѣ этой женщины съ печальнымъ, убитымъ горемъ лицомъ и съ ея какой-то словно приниженной, подавленной фигурой. Но потомъ прежнее озлобленіе овладѣло имъ.

— Если вы жена этого человѣка,—твердо сказалъ онъ,— то я и при васъ скажу, что̀ сказалъ ему въ лицо: вашъ мужъ— подлецъ. Моя дѣвочка была больна дифтеритомъ. Онъ нашелъ, что это—ангина; пяти минутъ не просидѣлъ у меня,—видите ли, у него такъ много паціентовъ, что ему некогда было; велѣлъ два дня ничего не предпринимать и ждать его. Онъ не потрудился зайти во второй разъ. И въ это время дѣвочка умерла...— Опять судорожное рыданье схватило его за горло.

Онъ замолчалъ. Горе его сильно подѣйствовало на Елену Васильевну. Она поняла, что это горе не тихое, не покорное, а злое, ощетинившееся, вотъ какъ и ея горе, когда не хочется плакать, а хочется разить оскорбившаго человѣка жестокими словами, когда хочется, чтобы этотъ человѣкъ застоналъ отъ боли. Потомъ ей сдѣлалось стыдно, что она осмѣлилась сравнить свое горе съ горемъ этого обезумѣвшаго человѣка.

Она взглянула на мужа, и взоры ихъ встрѣтились.

Она поняла, что мужъ ея поступилъ безчеловѣчно съ дѣвочкой, торопясь на свиданіе, поверхностно осмотрѣвъ ее и отнесясь къ ней со свойственнымъ ему преступнымъ легкомысліемъ. И въ ея взорѣ Запольскій прочиталъ то же страшное слово,

которое выкрикивалъ ему Гадаевъ. Но оно было еще страшнѣе, потому что въ немъ не было звука.

Онъ опустилъ свой взоръ и отвернулся отъ жены.

Съ Гадаевымъ сдѣлалась странная метаморфоза. Онъ вдругъ осѣлъ какъ-то странно, точно внутри его сломился стержень, который его поддерживалъ.

Онъ оглянулся, осмотрѣлъ комнату и лицъ, въ ней присутствовавшихъ, съ удивленіемъ, какъ бы спрашивая себя, зачѣмъ и почему онъ попалъ сюда, и медленной походкой, словно пьяный, держась за попадавшіеся на пути стулья, вышелъ изъ кабинета, не прибавивъ ни слова больше.

Запольскій увидѣлъ его уже на улицѣ, черезъ окно, какъ онъ шелъ, низко понуря голову и согнувшись, словно ему было семьдесятъ лѣтъ.

Запольскій сѣлъ въ кресло.

Елена Васильевна стояла все въ томъ же положеніи передъ нимъ, не спуская съ него взора.

Сцена эта глубоко потрясла Запольскаго. Онъ не хотѣлъ въ первую минуту сознаться себѣ въ этомъ, но въ его душѣ самостоятельно и властно раскрывалась рана, причинявшая ему почти физическую боль.

И вдругъ вспомнились ему юные годы, со всѣмъ ихъ блескомъ, свѣтомъ и красками, со всѣми ихъ яркими идеалами и мечтами. Профессія казалась священной, жизнь—заманчивой, а жена—прелестной. Все блистало золотомъ, все горѣло горячими огнями. И какъ все вдругъ потускнѣло! Золото оказалось позолотой, огни—фальшивыми и искусственными. Профессія врача—нудной и рутинной, жизнь—скучнымъ балаганомъ, а жена, эта когда-то бодрая дѣвушка, связавшая съ нимъ свою судьбу, мечтавшая сдѣлаться матерью его дѣтей и другомъ его самого,—такой неинтересной, такой вялой, такой надоѣвшей „женой"!

И ему сдѣлалось такъ грустно-грустно, что идеалы потускнѣли съ ужасающей быстротой, что огни жизни такъ скоро погасли, распространивъ копоть и смрадъ въ его личномъ существованіи, и что золото оказалось тонкимъ слоемъ позолоты, сошедшимъ при первомъ, грубомъ прикосновеніи. Ему вспомнилась Денницына—этотъ злой геній его жизни,—но воспоминаніе о ней не только не принесло ему утѣшенія, а наоборотъ, прибавило много горечи. Онъ пожертвовалъ ей всѣмъ: карьерой, профессіей, семейной жизнью; все поставилъ на карту. Становился, ради нея въ смѣшныя положенія, даже лазилъ въ суфлерскую будку. Это обстоятельство, ярко припомнившееся ему теперь, по-

казалось ему почему-то особенно обиднымъ. И ради чего все это? Денницына ужинаетъ теперь въ компаніи инженеровъ и слушаетъ ихъ пошлости. И сама ихъ говоритъ, приправляя опереточно-глупыми куплетами. А онъ серьезно мечталъ еще недавно бросить все и пойти за нею! Труппа доживала послѣдніе дни въ городѣ. Онъ рѣшилъ уѣхать съ нею. Куда? Не все ли равно! Что̀ дѣлать? Не все ли равно! Можетъ быть, добыть мѣсто капельмейстера въ труппѣ, гдѣ она будетъ служить: онъ зналъ музыку и даже иногда дирижировалъ оркестромъ въ клубѣ, когда исполнялись его романсы и вальсы. И теперь все это показалось ему такимъ безумнымъ ребячествомъ, такой наивной глупостью, что ему сдѣлалось стыдно. Денницына! Да вѣдь эта женщина въ каждомъ городѣ имѣетъ романъ или съ докторомъ, или съ инженеромъ, или съ опереточнымъ комикомъ. Съ кѣмъ-нибудь да имѣетъ!..

Не приняться ли ему тотчасъ же за возстановленіе всего имъ разрушеннаго? Эта мысль, какъ молнія, мелькнула въ его сознаніи. И съ тѣмъ же легкомысліемъ, съ которымъ онъ крушилъ свою жизнь, онъ вздумалъ теперь возстановить ее.

— Леля,—вдругъ сказалъ онъ женѣ.—Мнѣ очень нехорошо! Я не знаю, виноватъ ли я въ смерти этой дѣвочки... Ошибки всегда могутъ быть. Развѣ я Богъ? Но мнѣ какъ-то не по себѣ. Что̀ онъ наговорилъ здѣсь!.. Отчего ты молчишь? Скажи мнѣ что-нибудь.

Не измѣняя позы, неподвижная и холодная, она сказала ему:

— На что̀ ты жалуешься? Кто сѣетъ вѣтеръ, тотъ пожинаетъ бурю.

Ему вдругъ стало противно отъ этой книжной сентенціи. Неужели она не могла придумать въ эту минуту чего-нибудь болѣе простого, болѣе сердечнаго, болѣе теплаго?

Вотъ такая она всегда! Строгая, суровая, съ готовыми сентенціями, словно не женщина, а судья,—добродѣтельная и противная.

Но онъ подавилъ въ себѣ эти мысли и сказалъ ей, закрывъ глаза, словно приготовился сдѣлать прыжокъ въ пропасть:

— Леля, оставимъ все это! Хочешь? Ну, подойди, сядь сюда.—Онъ жестомъ указалъ ей на кресло около стола.

Она подошла и сѣла, но ни одинъ мускулъ лица ея не шевельнулся и самое лицо ея не измѣнило своего холодно-презрительнаго выраженія.

— Хочешь, вернемся къ прежнему?—продолжалъ онъ, открывъ глаза и стараясь смотрѣть мимо нея, въ окно, туда, гдѣ

въ густое покрывало заворачивалась вступившая на улицы города весенняя ночь.

— Къ чему—прежнему?—спросила она.

— Ну, вотъ, ко всему, какъ было раньше. Забудемъ все, вычеркнемъ все, начнемъ жить сначала... Я тебѣ предлагаю союзъ... дружескій, сердечный. Скоро лѣто, мы уѣдемъ куда-нибудь, потомъ вернемся,—за лѣто все забудется. У насъ, тутъ, скоро все забывается.

Она отрицательно покачала головой.

— Ты не хочешь?—нахмуривъ брови, спросилъ онъ.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что я пережила гимназическій возрастъ, когда отъ отчаянія переходишь къ надеждѣ, отъ ненависти—къ любви. Я не понимаю такой жизни, потому что на жизнь смотрю какъ на трудный и тяжелый подвигъ, къ которому нужно идти по тернистому пути. Только тотъ, кто твердо шелъ по этому пути, не уклоняясь съ него, имѣетъ право на жизнь. Ты смотришь, конечно, иначе. Для тебя жизнь...—она поколебалась съ мгновенье, но потомъ смѣло сказала:—для тебя жизнь—оперетка. Ты хочешь по капризу переставлять декораціи: сегодня—угрюмое подземелье безъ свѣта и воздуха, завтра—цвѣтущій садъ. Ты видишь, я говорю спокойно. Не горечь обиженной жены и не озлобленіе женщины говорятъ во мнѣ, а только логика и здравый смыслъ. Я не въ состояніи такъ переставить декорацію жизни. У меня былъ въ юности цвѣтущій, роскошный садъ,—ты пришелъ, съ корнемъ вырвалъ тѣ растенія, надъ которыми я больше всего трудилась, и грубо измялъ траву. Ты все разрушилъ и переломалъ, и теперь предлагаешь наставить, вмѣсто всего этого, различныя декораціи. Но пойми, что я не пойду на этотъ обманъ. Ни тебя, ни себя я обманывать не хочу. Это унизительно и недостойно человѣка, который уважаетъ себя. Что̀ разбито, то разбито. Ты былъ врачомъ, ты сдѣлался посмѣшищемъ города. Ты былъ мужемъ, ты ушелъ изъ дому. О, я не укоряю, не упрекаю тебя ни въ чемъ. Каждый можетъ поступать по велѣніямъ своего сердца и разума...

Она говорила все это спокойно, разсудительно, словно читала лекцію, и выбирала книжныя фразы и слова. И голосъ ея звучалъ монотонно, размѣренно, скучно, и Запольскому показалось, что падаетъ мелкій, холодный, осенній дождь.

Онъ тряхнулъ головой.

— Ты не допускаешь увлеченія, ошибки?

— Допускаю, но для этого надо имѣть соотвѣтственный возрастъ. Ты вышелъ изъ этого возраста. Чѣмъ же можно быть гарантированной, что ты не начнешь опять увлекаться? И странно, ты всѣмъ увлекался, рѣшительно всѣмъ: танцами, музыкой... театромъ, всѣмъ, кромѣ своего прямого дѣла. Ненадежны такіе люди! И они такіе же плохіе музыканты, какъ и врачи.

Понемногу имъ начинало овладѣвать озлобленіе.

— Мерси, — сказалъ онъ съ раздраженіемъ, обидѣвшись больше всего за музыку.—Но и такія женщины, какъ ты, —плохія жены. Ты больше похожа на гувернантку, чѣмъ на жену. Ты не понимаешь свободнаго порыва, взбалмошной выходки, ничего... ты способна только часами читать нотаціи, морализировать и разводить тягучую добродѣтель, сладкую и вязнущую въ зубахъ, какъ патока. Но не всѣ любятъ эти тягучки, и нельзя упрекать человѣка за то, что онъ приторному предпочитаетъ иногда пряное. Жизнь—это такія зеленыя щи, которыя своей прѣснотой шибко надоѣдаютъ. Право, иногда захочется пойти въ ресторанъ и съѣсть что-нибудь, можетъ быть и менѣе свѣжее, но болѣе пикантное...

Елена Васильевна презрительнымъ взглядомъ окинула его съ ногъ до головы.

— Извини,—сказала она,—мы говоримъ съ тобою, какъ говорили когда-то строители вавилонской башни. Мы не понимаемъ другъ друга. Я не понимаю твоей кулинарной точки зрѣнія на жизнь и никогда не соглашусь съ этимъ взглядомъ. Человѣкъ, который смотритъ такъ на жизнь, не долженъ жениться и не долженъ дѣлаться врачомъ. Но такъ какъ я не хочу быть ни твоей гувернанткой, ни твоимъ ресторааннымъ поваромъ, то, очевидно, намъ говорить больше не о чемъ.

Она встала и вышла изъ комнаты.

Запольскій посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

„Скучная кислятина!"—мысленно выбранился онъ, и сталъ смотрѣть въ окно.

Думать ему не хотѣлось. За окномъ, на улицѣ, было пустынно, точно въ какомъ-то мертвомъ городѣ; въ весеннія ночи городъ пустѣлъ; публика расходилась и разъѣзжалась по садамъ, гдѣ было въ изобиліи зелени и свѣжаго воздуха.

Запольскому вспомнилось, что и Денницына теперь гдѣ-нибудь веселится за городомъ и, конечно, не вспоминаетъ о немъ...

IX.

Въ квартирѣ Серединскаго было тихо. Самого врача не было дома, и Екатерина Ивановна сидѣла одна въ своемъ маленькомъ будуарѣ и скучала.

Въ этомъ городѣ всѣ обыватели скучали; такой ужъ это былъ городъ, въ которомъ, повидимому, скука была разлита въ воздухѣ и составляла одну изъ его составныхъ частей.

Екатеринѣ Ивановнѣ было скучно по многимъ причинамъ: квартира у нея была маленькая и недостаточно богато обставленная, а она очень любила изящныя и дорогія вещи. Но мужъ заработывалъ мало, почти довольствуясь скромнымъ полковымъ содержаніемъ и мало гоняясь за кліентурой. Вѣчно занятый какими-то таблицами и записками, внѣ служебныхъ обязанностей, онъ не нуждался ни въ какихъ „роскошахъ и изяществахъ" жизни; былъ бы сытный обѣдъ, стулъ, на которомъ можно сидѣть, и столъ, за которымъ можно писать. Кромѣ того, онъ мечталъ уѣхать въ Петербургъ для усовершенствованія въ избранной спеціальности. Онъ избралъ глазныя болѣзни, и теперь, съ наступленіемъ весны, сладко мечталъ о прикомандированіи къ академіи съ начала осенняго курса. Но, до поступленія въ академію, ему хотѣлось еще поработать въ кое-какихъ клиникахъ Петербурга и почитать кое-что въ медицинскихъ библіотекахъ. Потомъ, Екатерина Ивановна скучала потому, что у нея былъ слишкомъ ученый и серьезный мужъ, который старался заинтересовать ее своей наукой, ввести въ курсъ дѣла; ему казалось, что общій интересъ сплочиваетъ мужа и жену, хотя жена его была полнымъ профаномъ въ его дѣлѣ; тѣмъ не менѣе, онъ заставлялъ ее часами выслушивать свои статьи по офтальмологіи, статьи длинныя, скучныя для нея, наполненныя цифрами и чертежами, въ которыхъ она ничего не понимала. Эти статьи онъ тщательно скрывалъ отъ своихъ коллегъ и никогда не читалъ ихъ въ медицинскомъ обществѣ, приготовляя изъ нихъ сочиненіе, которое должно было, по его разсчету, произвести впечатлѣніе въ ученомъ мірѣ, когда оно появится въ свѣтъ. И тогда онъ сдастъ экзаменъ на доктора медицины, защититъ эту статью какъ диссертацію и займется практикой и научными открытіями, въ широкихъ размѣрахъ, въ Петербургѣ, гдѣ есть всѣ рессурсы для его науки. А здѣсь... это такъ, временное пребываніе, нѣчто въ родѣ чистилища. Иногда онъ заставлялъ жену переписывать свои таблицы, и тогда у нихъ выходили мелкія стычки, потому

что она немилосердно перевирала цифры, и тамъ, гдѣ нужно было ставить передъ цифрами минусы, ставила плюсы. И наоборотъ. Еще было скучно потому, что коллегіальное общество, окружавшее Екатерину Ивановну было удивительно для нея неинтересно. Все врачи и врачи и ихъ жены. Врачи говорили о своихъ профессіональныхъ дѣлахъ, а жены врачей—о дѣлахъ своихъ мужей, и выходилъ заколдованный кругъ изъ медицинскихъ терминовъ и кружковыхъ сплетенъ. Было еще въ городѣ офицерское общество, но врачи какъ-то держались отъ него въ сторонѣ, и Серединскій не любилъ этого общества, находя его мало интереснымъ. И еще скучала Екатерина Ивановна по Петербургу. Она была уроженкой Петербурга и влюблена въ этотъ городъ. Ея теперешній захолустный городокъ казался ей ужасной провинціальной дырой, и всѣ ея помыслы и мечты были въ Петербургѣ. Мужъ все надѣялся на прикомандированіе къ академіи, какъ надѣялся и теперь, но надежды эти не оправдывались, и такъ проходили года, и она утомилась ждать.

Знакомые шаги послышались въ передней, и у Екатерины Ивановны сильно застучало сердце. Она знала эти шаги. Эти шаги разгоняли ея скуку. Она была влюблена въ офицера, съ которымъ встрѣчалась въ клубѣ и на улицахъ. Она и сама не знала, отчего и почему влюбилась; серьезно ли было это чувство, или оно тоже было результатомъ скуки.

Но какъ только она рѣшила, что влюбилась, такъ сейчасъ же ей сдѣлалось легче.

Она быстро измѣнила свою лѣнивую позу на диванчикѣ своего будуара и кокетливо оправила свой изящный капотъ цвѣта soleil couchant. Ей такъ шелъ этотъ цвѣтъ! Ея блѣдное матовое личико словно все озарялось этимъ мягкимъ красновато-желтымъ цвѣтомъ, который давалъ тамъ и сямъ пріятные рефлексы. Бѣлокурые волосы, нѣжные и тонкіе, были у нея тщательно завиты и производили впечатлѣніе воздушной рамки вокругъ красиво очерченнаго лба; взглядъ ея сѣро-голубыхъ глазъ былъ всегда задумчивый и томный; въ немъ было что-то мечтательное, какъ будто она, говоря съ собесѣдникомъ, думала о далекихъ, далекихъ вещахъ. Нѣсколько большой ротъ и чуть-чуть шепелявый выговоръ не портили ея, а напротивъ, придавали ей своеобразную прелесть. Большой знатокъ женской красоты, Запольскій, когда ему приходилось говорить о женѣ его коллеги, отдавалъ ей должное:

— Она въ сущности некрасива. Разобрать ея красоту по частямъ—ничего не останется. Но въ ней есть что-то бо́льшее,

чѣмъ обыкновенная банальная красота—въ ней есть мечтательность и оригинальность. Ея красота, — если можно такъ выразиться — вся изъ дефектовъ. Волосы слишкомъ свѣтлы, цвѣтъ лица слишкомъ блѣденъ, ротъ черезчуръ великъ, глаза довольно безцвѣтны. Но я люблю женщинъ съ дефектами. Въ общемъ, она—милая минорная гамма...

Одно время, до Денницыной, онъ пробовалъ ухаживать за ней и даже сочинилъ романсъ, который посвятилъ ей. Романсъ назывался „Видѣніе блѣдной розы" и въ немъ говорилось о томъ, какъ блѣдная роза чахнетъ на каменистой почвѣ, и еще о чемъ-то. Но ни его ухаживанія, ни этотъ романсъ не имѣли успѣха, и Запольскій отсталъ.

Екатерина Ивановна оглядѣла себя въ зеркало. Нѣтъ, она не могла лежать; сердце билось черезчуръ сильно, и ей необходимо было движеніе, чтобы успокоиться.

Въ комнату вошелъ офицеръ.

Она встрѣтила его стоя и бросилась ему на шею.

Онъ очевидно не ожидалъ такого порыва и безпокойно оглянулся.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказала она ему, прикладывая руку внутренней стороной ладони къ его губамъ,—не бойся! Прислугу я отослала и оставила дверь незапертой. Вѣдь ты же взошелъ безъ звонка?

— А...?

— Мужъ? Его нѣтъ дома. У нихъ какая-то коммиссія по глазному осмотру въ бригадѣ, и онъ не придетъ до ночи. Какъ я рада, что ты пришелъ, Володя! Такая скука, такая скука! У тебя есть общество офицеровъ, служба, наконецъ. У меня—ничего. Я о тебѣ думаю постоянно: и днемъ, и ночью, когда не сплю. И вездѣ и всегда ты со мной, въ моихъ мечтахъ. А ты? Ты не думаешь обо мнѣ такъ часто?

Она сѣла на диванъ и посадила его рядомъ съ собой. Онъ обнялъ ее, и она опять стала душить его поцѣлуями.

Это было для него ново. Она никогда еще не проявляла столько несдержанности и всегда была скорѣе холодновата.

— Я сегодня всю ночъ думала о тебѣ,—говорила она въ антрактахъ между поцѣлуями. —Всю ночь. И я не могла разобраться, сонъ ли это, или дѣйствительность? Ты любишь меня? Ты? Мнѣ это казалось невѣроятнымъ. И когда я мысленно называла тебя Володей, мнѣ казалось, что ты мой. А когда я представляла себѣ, что ты поручикъ Владиміръ Львовичъ Вихоревъ, то мнѣ казалось, что ты чужой. Тебѣ никогда не прихо-

дило въ голову назвать любимую женщину по фамиліи? Назови какъ-нибудь, и ты сейчасъ увидишь, что она далека отъ тебя.

Екатерина Ивановна засмѣялась и продолжала, не давая ему вставить слово. Она вознаграждала себя за долгій день томительнаго и скучнаго молчанія.

— Мнѣ кажется, если бы я была мужчиной и назвала бы сама себѣ замужнюю женщину, которую я бы любила, по фамиліи мужа, то въ моемъ воображеніи непремѣнно всталъ бы прежде всего образъ мужа, и я бы охладѣла къ женщинѣ. А ты?

Она опять засмѣялась, и онъ любовался ея необыкновенно шаловливымъ настроеніемъ, ея ровными крупными зубами и ея забавнымъ и милымъ пришепетываньемъ. Онъ хотѣлъ ей отвѣтить, но она не дала ему на это времени.

— Я все не вѣрю, что ты меня любишь, — продолжала она. — Это все такъ странно и такъ какъ-то ново. Я все думаю: вотъ придетъ Вихоревъ и скажетъ, что онъ любитъ меня. Почему онъ можетъ, ни съ того, ни съ сего, любить меня, а не кого-нибудь другого, ну, хоть дочь полкового командира? И я... почему я вдругъ люблю Вихорева, а не...

— А не?—наконецъ успѣлъ онъ вставить.

— А не... ну, хоть Запольскаго, который мнѣ посвящалъ романсы. А ты не посвящалъ мнѣ ничего и даже стихи не умѣешь писать. Вѣдь не умѣешь?

— Не умѣю.

— Вотъ видишь; а кто любитъ, тотъ непремѣнно долженъ что-нибудь умѣть дѣлать. Пѣть, или стихи писать, или—что-нибудь. Ну, а какъ только я подумаю, что ты не Вихоревъ, а Володя, а я не жена врача, а просто Катя, тогда я вдругъ начинаю вѣрить, что мы любимъ другъ друга и что въ этомъ, положительно, нѣтъ ничего необыкновеннаго.'

Вихоревъ чувствовалъ себя чуть-чуть растеряннымъ. Онъ никогда не умѣлъ попасть въ тонъ Екатеринѣ Ивановнѣ. Она мѣняла свои настроенія при каждомъ свиданіи, точно одѣвала новое платье. То она была мечтательно-задумчива, мало говорила, смотря своими небесно-голубыми глазами въ одну точку, и цвѣтъ этихъ глазъ походилъ, по его мнѣнію, на цвѣтъ сѣвернаго неба въ раннюю весну, когда небо это сѣровато-молочнаго цвѣта, блѣдное и печальное. То она вдругъ являлась усталой и разбитой, вся окутанная какимъ-то безпросвѣтно-пессимистическимъ настроеніемъ; то вдругъ дѣлалась бурно-веселой, и тогда походила на мальчика, вырвавшагося на волю, послѣ утомительно-длиннаго учебнаго сезона.

Но такой, какъ сегодня, онъ ее никогда еще не видалъ.

И она Вихореву очень нравилась такой, какъ сегодня. И подъ вліяніемъ ея болтовни, то шутливой, сантиментальной, и подъ вліяніемъ ея поцѣлуевъ, онъ терялся и не находилъ надлежащаго тона.

Его смущала и обстановка. Онъ рѣдко, очень рѣдко бывалъ у нея на квартирѣ. Раньше-то это бывало: онъ заходилъ иногда въ присутствіи ея мужа, съ которымъ служилъ въ одномъ полку; но мужъ, имѣя работу, поговоривъ съ ними съ полчаса, извинялся неотложнымъ дѣломъ и уходилъ въ свой кабинетъ читать „Военно-Медицинскій Журналъ" или писать свои безконечныя таблицы, оставляя ихъ вдвоемъ и, очевидно, не находя для себя ничего интереснаго въ ихъ бесѣдѣ. Такъ вотъ они и сблизились постепенно. Но потомъ, когда сближеніе стало уже несомнѣннымъ, ему сдѣлалось неловко посѣщать ее въ ея домѣ, и они находили другія мѣста для встрѣчъ,—улицы, которыя поглуше, и клубныя комнаты, которыя подальше. У него она не была еще ни разу; онъ этого не хотѣлъ, потому что ему казалось это унизительнымъ и пошловатымъ для женщины. Это сразу придало бы ихъ любви нежелательный, банальный оттѣнокъ, а онъ смотрѣлъ на эту любовь какъ на поэтичный и важный эпизодъ своей жизни.

И такъ ужъ этотъ эпизодъ тяготилъ его. Ему хотѣлось какъ-нибудь разрѣшить его. Онъ чувствовалъ какую-то совѣстливость, встрѣчаясь съ ея мужемъ въ полку, въ собраніи, въ клубѣ или на улицѣ. Ему всегда казалось, будто онъ залѣзъ въ чужой карманъ и, пользуясь безпечностью своей жертвы, обворовываетъ ее. Надо было съ этимъ покончить. Если они любятъ другъ друга, то надо любить открыто. У него есть средства и связи. Онъ можетъ перевестись въ Петербургъ, о которомъ онъ такъ же мечталъ какъ и она. Ну, что жъ, въ первое время придется жить нелегально, потомъ можно же все это устроить. И если они не любятъ другъ друга настолько, чтобы пойти на такой рѣшительный шагъ, то надо имѣть въ себѣ столько мужества и порядочности, чтобы разойтись.

Съ тѣмъ онъ и пришелъ сюда, чтобы выяснить себѣ и ей этотъ вопросъ, давно уже мучительно вставшій передъ нимъ.

Но, вотъ, онъ нашелъ ее въ новомъ платьѣ и въ новомъ настроеніи. Идя сюда, онъ перебралъ въ умѣ всѣ ея знакомыя настроенія и примѣнился, приготовился къ нимъ; онъ желалъ, чтобы она была въ „молчаливо-задумчивой гаммѣ", и тогда ему удобнѣе всего будетъ высказаться.

А теперь растерялся. Съ чего онъ начнетъ? Какъ скажетъ? И то, что̀ скажетъ—какъ будетъ принято? Онъ хотѣлъ ей сказать, что обыкновенно минута, порывъ, непредвидѣнный и внезапный, рѣшаютъ судьбу человѣка. Но когда эта судьба рѣшена, то нужно въ тѣ измѣненія, которыя порывъ внесъ въ жизнь, въ свою очередь внести извѣстный порядокъ. Каждое дѣло и каждое чувство и каждую мысль можно допустить, но потомъ непремѣнно слѣдуетъ упорядочить, чтобы впослѣдствіи не каяться всю жизнь. Это было нѣсколько туманно и мудрено, и онъ надѣялся объяснить ей все это въ дальнѣйшемъ разговорѣ съ достаточной ясностью.

Но что̀ же онъ можетъ ей сказать, теперь, подъ этими объятіями и поцѣлуями?

Екатерина Ивановна прижалась къ Вихореву и прислонила свою бѣлокурую голову къ его плечу. Она чувствовала, какъ сильно и часто билось его сердце; но и ея сердце билось такъ же, и ей отрадно было ощущать эти двойные удары. Вихоревъ взглянулъ на нее: ея капотъ давалъ мягкія складки и обрисовывалъ ея красиво-сложенное тѣло, и лицо ея все алѣло рефлексами этого теплаго тона заходящаго солнца, какъ будто и вправду она купалась въ его лучахъ розовато-оранжевыхъ, красновато-прозрачныхъ. Нѣжный запахъ ея любимыхъ духовъ—„лѣсной ландышъ“—невидимой волной подымался при ея малѣйшемъ движеніи, и тогда ему начинало казаться, что они сидятъ не на диванѣ, а на травѣ, и не въ тѣсной комнатѣ, а подъ деревомъ на лѣсной лужайкѣ, въ тихій вечеръ ароматной весны. Голова его слегка кружилась, мысли уходили изъ нея, и рѣшимость его какъ-то неудержимо таяла.

„Какъ могла такая женщина выйти замужъ за Серединскаго?—думалось ему, когда ему удавалось собрать свои мысли:—что̀ между ними общаго? Какъ она могла ему понравиться, и что̀ она нашла въ немъ увлекательнаго? Странныя шутки шутитъ иногда жизнь, и творитъ такія комбинаціи, которыя оказываются явно нелѣпыми“...

Онъ отогналъ отъ себя эту странную и совершенно неподходящую къ обстоятельствамъ мысль, но потомъ она опять вернулась къ нему. Онъ ее отогналъ еще разъ, какъ назойливую муху, подлетѣвшую съ другой стороны; но, въ концѣ концовъ, она такъ цѣпко привязалась къ нему, что онъ почувствовалъ неотложную необходимость отъ нея отдѣлаться.

— Я не понимаю, Катя,—тихо сказалъ онъ, наклоняясь къ ея уху,—какъ ты могла выйти за... за Ермолая Евграфовича.

Она вдругъ вздрогнула и отпрянула отъ него.

Упоминаніе о мужѣ показалось ей до того нелѣпымъ и дикимъ, что она взглянула на него съ испугомъ. Зачѣмъ это? И теперь? Она была такъ далека отъ этой мысли...

Съ насмѣшкой взглянула она на Вихорева, послѣ того, какъ отдѣлалась отъ испуга.

— Тебя это интересуетъ?—спросила она.—Я не могу тебѣ отвѣтить. Мало ли что̀ бываетъ! — Но тема эта показалась ей вдругъ интересной, и она продолжала:—Развѣ можно сказать, почему мы дѣлаемъ то или другое? Еслибы мы всегда знали, какъ надо поступать и почему надо поступать такъ, то не было бы несчастныхъ браковъ, а можетъ быть не было бы и браковъ. Развѣ я знаю, почему я тебя люблю? И развѣ ты знаешь, почему ты любишь меня... если любишь?

Она лукаво усмѣхнулась.

Вихоревъ молчалъ. Теперь ему было жаль, что онъ такъ неосторожно спугнулъ ее, нарушилъ ея поэтическое настроеніе. Но было уже поздно, и она постепенно переходила въ новое, разсудочное настроеніе.

— Если ты скажешь, что знаешь, то солжешь,—продолжала она, усаживаясь вглубь дивана и подбирая подъ себя ноги,—это была ея любимая поза.—И я не знаю, почему полюбила тебя и почему разлюбила... мужа! Я даже не знаю, любила ли его когда-нибудь. Тебя—да! Но его—не знаю. Правда, говорятъ, я не похожа на жену врача? Извѣстныя профессіи вырабатываютъ и извѣстные типы, даже для женъ профессіоналовъ. Вотъ Кабѣева, Запольская — это настоящія докторскія жены... Я не знаю,—но мнѣ мужъ ужасно надоѣлъ. Я не понимаю человѣка, у котораго нѣтъ никакихъ интересовъ, кромѣ своей науки, а въ наукѣ—кромѣ этого узенькаго отдѣла, которымъ онъ занимается. Онъ больше ни о чемъ говорить не можетъ, ничѣмъ не интересуется, никогда не прочелъ ни одного стихотворенія, на концертахъ адски зѣваетъ, на танцовальныхъ вечерахъ спитъ. И когда не пишетъ, то не знаетъ, что̀ съ собой дѣлать, и ему кажется, что мы всѣ безсовѣстно воруемъ у него время... Это скучно! То-есть, такъ скучно, что и сказать нельзя. И потомъ, развѣ можно узнать, чѣмъ сдѣлается мужъ? Ахъ, онъ всегда дѣлается не тѣмъ, какимъ его представляетъ себѣ жена!

Она теперь не ластилась, не прижималась къ Вихореву, и ему сдѣлалось безконечно жаль, что онъ ее вырвалъ такъ грубо изъ ея прежняго настроенія.

Но дѣлать было нечего. Даже этотъ разговоръ сталъ казаться ему удобнымъ. Онъ можетъ теперь высказать ей то, съ чѣмъ пришелъ сюда.

— Катя,—проговорилъ онъ, воспользовавшись паузой, которую она сдѣлала послѣ своей длинной рѣчи,—Катя, если замужняя женщина приходитъ къ такому заключенію... какъ по-твоему? Что̀ ей нужно сдѣлать?

Она взглянула на него робкимъ взглядомъ.

— Что̀ сдѣлать?—переспросила она.—Что̀ сдѣлать? Полюбить другого.

Вихоревъ не ожидалъ такого отвѣта.

— Прекрасно,—сказалъ онъ,—но это рѣшаетъ вопросъ съ одной стороны. А съ другой? Мужъ-то вѣдь, все-таки, остается мужемъ.

Она похлопала вѣками съ наивно-безпомощнымъ видомъ.

— А что̀ нужно сдѣлать по-твоему?

Онъ немножко колебался, чувствуя, что своимъ отвѣтомъ рѣшитъ судьбу ихъ обоихъ.

— По-моему надо разойтись съ нелюбимымъ мужемъ...

— Ахъ, это!—вскрикнула она.—Для чего?

— Чтобы выйти за другого.

Она вдругъ протянула ему обѣ руки и сама вся потянулась къ нему изъ противоположнаго угла дивана.

— Если этотъ другой захочетъ этого...

Вихоревъ пододвинулся къ ней и взялъ ее въ свои объятія.

— Да, Катя? Ты согласна?—прошепталъ онъ ей на ухо.—Ты согласна? Катя, милая! Катя, хорошая... я люблю тебя, ты не знаешь, не понимаешь, какъ я люблю тебя! Мы молоды, мы должны быть счастливы. Мы оба любимъ Петербургъ и оба стремимся туда. Освободимъ же и себя, и... его. Онъ ничего не любитъ, кромѣ своей медицины,—не будемъ мѣшать ему!

Она охватила его шею руками.

— А потомъ ты не будешь себя спрашивать, какъ ты могъ рѣшиться жениться на мнѣ?

Вихоревъ зажалъ ей ротъ поцѣлуемъ.

Но вдругъ она вырвалась изъ его объятій, какъ будто вспомнивъ что-то важное, и съ удивленіемъ взглянула на него. Какъ она могла забыть это? Ей сдѣлалось такъ стыдно, что блѣдное лицо ея покрылось густымъ, почти вишневаго цвѣта, румянцемъ.

— А моя дочь?—тихо, испуганнымъ голосомъ, спросила она.

Онъ вздрогнулъ. Онъ ничего не имѣлъ противъ ея дочери,

но это—несомнѣнно препятствіе. Препятствіе въ томъ смыслѣ, что ему неизвѣстны были чувства Серединскаго къ ребенку.

— Такъ что-жъ, — сказалъ онъ.—Я буду счастливъ имѣть около себя твоего ребенка. Но... какъ онъ?

Екатерина Ивановна задумалась.

— Да, онъ,—тихо проговорила она, словно разсуждая сама съ собою. — Да, онъ... Онъ любитъ ее, это я знаю... Но онъ часто забываетъ о ней за своими занятіями, и я не думаю, чтобы онъ лишился многаго, лишившись дочери. Но это нужно обдумать.

— Да, это нужно обдумать,—съ уныніемъ въ голосѣ сказалъ онъ.

И вдругъ она отшатнулась отъ Вихорева.

— Что̀ съ тобой?—вскрикнулъ онъ.

Екатерина Ивановна приложила палецъ къ губамъ.

— Тише, ради Бога, тише... Ты слышишь?

Становилось уже темно, и комната погружалась въ вечерній мракъ. Кто-то шевелилъ ручкой двери въ передней, очевидно отыскивая ее въ темнотѣ.

— Слышу,—сказалъ Вихоревъ.—Это—онъ?

— Должно быть. Уходи... Я проведу тебя другимъ ходомъ... въ кухнѣ никого нѣтъ. Я пойду, отворю ему двери... ты успѣешь уйти.

Но Вихоревъ отрицательно покачалъ головой и твердымъ голосомъ сказалъ:

— Я не уйду отсюда.

— Володя!

— Я не уйду отсюда. Зачѣмъ? Развѣ мы не все рѣшили?

— Но не сейчасъ же...

— Зачѣмъ тянуть? Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Володя, умоляю тебя...

Она побѣжала въ переднюю.

— Зажги скорѣе лампу!—проговорила она на ходу.

Онъ сталъ зажигать лампу, но его руки, помимо воли, дрожали. Наконецъ онъ управился съ лампой.

Въ передней Екатерина Ивановна говорила мужу:

— Прислуга отпросилась... Я не ожидала тебя такъ рано... А у насъ гость... Владиміръ Львовичъ... недавно пришелъ.

Серединскій ничего не отвѣтилъ, кромѣ какого-то звука „угу“ или „ага“, показавшагося Вихореву довольно безразличнымъ. Врачъ методично, какъ всегда, раздѣлся въ передней и, не заходя къ гостю въ будуаръ, прошелъ въ кабинетъ.

Вихоревъ сдѣлалъ движеніе пойти за нимъ, но Екатерина Ивановна схватила его за руку и удержала. Въ ея глазахъ стояло выраженіе ужаса.

Однако Вихоревъ высвободилъ свою руку и твердыми шагами вышелъ изъ комнаты.

— Владиміръ!—слабымъ голосомъ вскрикнула она и упала на диванъ, закрывъ лицо руками.

Вихоревъ вошелъ въ кабинетъ Серединскаго.

Врачъ уже сидѣлъ за столомъ, въ тужуркѣ, и разбиралъ огромные листы бумаги, покрытые колоннами и рядами цифръ. Онъ былъ такъ углубленъ въ работу, что не замѣтилъ прихода Вихорева.

— Здравствуйте, Ермолай Евграфовичъ,—сказалъ ему офицеръ.

Серединскій поднялъ голову, какъ будто прислушиваясь къ незнакомому и далекому голосу. Потомъ онъ поправилъ очки и взглянулъ поверхъ нихъ на вошедшаго.

— А... это вы? Здравствуйте. Простите, я очень занятъ.

Онъ терпѣть не могъ, когда ему мѣшали въ эти часы, и нервно барабанилъ пальцами по бумагѣ, сидя въ нетерпѣливой, выжидательной позѣ.

— Мнѣ хотѣлось поговорить съ вами... серьезно поговорить... — сказалъ Вихоревъ, и почувствовалъ, какъ его сердце сильно застучало, такъ что ему отдавало даже въ виски.

По дрожи голоса и по какой-то особенной интонаціи Серединскій вдругъ о чемъ-то догадался.

Онъ отвелъ взглядъ отъ бумаги и еще разъ пристально и внимательно посмотрѣлъ на Вихорева. Въ его взглядѣ мелькнулъ какой-то огонекъ и быстро исчезъ. Но Вихоревъ не выдержалъ этого взгляда и отвелъ глаза.

„Такъ и есть,—подумалъ Серединскій,—моментъ насталъ“. Онъ рѣшительнымъ движеніемъ отодвинулъ отъ себя бумаги, заложилъ ногу на ногу, облокотился на столъ и проговорилъ съ недоброй усмѣшкой, не спуская взора съ офицера:

— Вы пришли говорить со мною по поводу Кати?

Это было до того неожиданно, что Вихоревъ вздрогнулъ и сильно смутился.

— Такъ вѣдь?

— Такъ,—низко опустивъ голову, проговорилъ еле слышно Вихоревъ.

— Я это зналъ,—спокойно сказалъ Серединскій.

Водворилось молчаніе. Въ комнатѣ было такъ тихо, словно

въ могилѣ, и Вихореву казалось, что онъ слышитъ біеніе своего сердца. Онъ растерялся, не зналъ, чтò сказать, и готовъ былъ отдать нѣсколько лѣтъ жизни, чтобы что-нибудь нарушило эту тягостную тишину.

— Вы хотите сказать, — наконецъ, проговорилъ Серединскій, тяжело дыша,—вы хотите сказать, что любите Катю. Гм?.. Да?..

— Да,—еще тише отвѣтилъ Вихоревъ.

— Я и это зналъ.

Вихоревъ терялся все больше и больше.

— И она васъ любитъ?

— Да... и она.

— И это я зналъ.

Серединскій опять усмѣхнулся.

— Чтò же вы все молчите и какъ школьникъ отвѣчаете только на вопросы? Вы пришли говорить со мной, а выходитъ, что говорю я одинъ. Я слушаю,—говорите.

Онъ замолчалъ, вопросительно поглядѣлъ на офицера и опустилъ пониже очки, чтобы они не мѣшали ему смотрѣть на Вихорева.

Этотъ упорный, горящій взглядъ смущалъ Вихорева до такой степени, что онъ чувствовалъ свой языкъ парализованнымъ. Мыслей было такъ много, когда онъ проходилъ это короткое разстояніе отъ будуара до кабинета, и такъ много было готовыхъ начальныхъ фразъ! Но куда же все это исчезло? Отчего въ головѣ такъ пусто вдругъ стало и языкъ сдѣлался словно чужимъ?

Однако говорить надо было; безмолвіе становилось тягостнымъ, невыносимымъ.

Онъ употребилъ усиліе воли и глухимъ, дрожащимъ голосомъ началъ:

— Ермолай Евграфовичъ!.. Видитъ Богъ, что я пришелъ къ этому неожиданно... безъ дурныхъ намѣреній. Я не знаю, какъ и когда это случилось...

— Хронологія не важна,—отвѣтилъ Серединскій.—Важно, что *это* случилось...

— Намѣренія мои серьезны... Я знаю, что я причиняю вамъ боль, но вѣрьте, мнѣ тоже больно... очень больно...

— Я это знаю.

— Но я не могу поступить иначе... Ермолай Евграфовичъ, простите меня... У васъ есть любимое дѣло, занятія, которыя вамъ принесутъ утѣшеніе, забвеніе... У меня ничего нѣтъ, кромѣ этой... кромѣ этого чувства.

— У каждаго должно быть еще что-нибудь, кромѣ чувства... Гм!.. Ну-съ, такъ что же?

Вихоревъ закрылъ руками лицо.

Зачѣмъ онъ заставляетъ его одного говорить и не поможетъ ему? Такъ тяжело говорить!

— Я знаю, что я обидѣлъ васъ... обманулъ ваше довѣріе. Вы оскорблены, я это знаю, и вы, конечно, можете требовать удовлетворенія.

„Какъ глупо!—подумалъ въ эту же минуту Вихоревъ.— Богъ знаетъ, что̀ я говорю, и совсѣмъ не то, что̀ нужно!"

— Удовлетворенія?—спросилъ Серединскій и усмѣхнулся.— Это что же? Дуэль, что-ли? Какая нелѣпость! Вы полюбили мою... жену, а она—васъ. Вы говорите, что это случилось помимо вашей воли. При чемъ же тутъ дуэль? Что̀ измѣнится, если я убью васъ, или вы меня? Развѣ отъ этого наши отношенія съ Катей измѣнятся? Гм... Или вы, или я, станемъ призракомъ въ ея жизни. Да! Глупо это... А надо дѣлать умно. Давайте говорить умно. Катя—моя жена; она вышла за меня безъ всякаго принужденія, по доброй волѣ, должно быть, по любви... Но это не значитъ, что я имѣю на нее какія-нибудь вѣчныя права, вотъ какъ на этотъ столъ, напримѣръ. Люди—не вещи. Да... Она свободна. Если она не любитъ меня больше, то что̀ же я могу тутъ подѣлать, гм? Каждый человѣкъ воленъ дѣлать что̀ хочетъ и поступать какъ хочетъ. Свобода должна управлять людьми и ихъ чувствами... Измѣна бездѣтной жены еще извинительна, но измѣна жены, у которой ребенокъ—преступленіе. Однако, человѣкъ воленъ дѣлать подвиги и воленъ дѣлать преступленія...

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, Вихоревъ проникался къ нему глубокимъ уваженіемъ. Но Серединскій говорилъ разсудкомъ. Что̀ чувствовало его сердце въ это время? Въ эту тайну не могъ проникнуть Вихоревъ, и обстоятельство это его странно тревожило.

— Мнѣ тяжело, что я причиняю вамъ боль,—съ трудомъ выговорилъ онъ.—Если вы еще любите Ка... вашу жену...

Серединскій махнулъ рукой.

— У меня есть занятіе, которое меня утѣшитъ,—сказалъ онъ, повторяя слова Вихорева, и Вихоревъ не могъ понять, говоритъ ли онъ это серьезно, или шутитъ...

— Ну-съ, такъ въ чемъ же дѣло?—спросилъ Серединскій.— Вы любите Катю, и она васъ. Возьмите ее. Я этого давно ждалъ и давно къ этому приготовлялся. Да! Съ самаго перваго дня брака. Намъ не слѣдовало жениться. Въ ней слишкомъ

много мечтательности, а у меня—нѣтъ. Надо было ждать, что это такъ выйдетъ. И вышло. Возьмите ее. Но...—онъ запнулся и, не спуская взора съ Вихорева, продолжалъ,—но возьмите ее честно... Я дамъ разводъ,—женитесь на ней. Это единственное, что̀ я отъ васъ требую. Вы женитесь на ней?

— Ермолай Евграфовичъ!

— Отлично. Я не имѣю права требовать отъ васъ этого, потому что я врагъ насилія, но я требую. Это нелогично, пусть такъ! И вся жизнь наша нелогична.

Онъ говорилъ наружно спокойно, и какъ ни старался Вихоревъ проникнуть въ его душу,—это не удалось ему. Что̀ дѣлалось за этимъ наружнымъ спокойствіемъ? Что̀ испытывалъ въ душѣ этотъ человѣкъ, разсуждавшій такъ методично о крушеніи всей своей жизни? Или онъ, дѣйствительно, смотрѣлъ на свою любовь какъ на аксессуаръ жизни, безъ котораго легко можно обойтись въ тѣхъ случаяхъ, когда у человѣка есть серьезное и любимое дѣло?

— Есть еще вопросъ,—началъ Вихоревъ,—вопросъ серьезный и тяжелый,—можетъ быть, болѣе серьезный и тяжелый, чѣмъ первый.

— О дочкѣ?—сказалъ Серединскій.—Да... это вопросъ.

— Ермолай Евграфовичъ!—вскрикнулъ Вихоревъ, чтобы не дать ему времени, такъ какъ отвѣтъ этотъ казался ему страшнымъ.

Но Серединскій съ тѣмъ же изумительнымъ спокойствіемъ, какъ будто разсуждалъ о самыхъ посторонниxъ ему вещахъ, заговорилъ:

— Дочь... ребенокъ... это все, что̀ есть самаго серьезнаго и священнаго въ жизни, ради чего стоитъ еще жить. Да! Но вотъ поэтому мы и не можемъ, не должны разсуждать эгоистически. Вотъ почему, при обсужденіи этого вопроса я тотчасъ же и немедленно устраняю вопросъ о себѣ. Ребенокъ *долженъ* быть счастливъ. Ребенокъ *имѣетъ право* на счастье: онъ не виноватъ, что его произвели на свѣтъ. Взрослый самъ строитъ свое счастье, ребенку это счастье должны дать. Такъ ли это? Гм... Да, это такъ, иначе быть не можетъ. Пойдемъ дальше. Можетъ ли быть дѣвочка счастлива безъ матери? Нѣтъ! Какъ бы я ни любилъ ее, я не могу отдать ей столько времени, сколько мать. У меня—дѣла, занятія, служба. Я неизбѣжно долженъ былъ бы отдать ее на руки нянекъ и боннъ, которыя всегда—чужія женщины. Наконецъ, у меня нѣтъ материнской нѣжности, того чисто женскаго чувства, которое одно грѣетъ и свѣтитъ ребенку. Такъ. Слѣдовательно, я долженъ отстранить себя и отъ

этого дѣла... Я долженъ, если я честный человѣкъ, отдать ребенка матери. Дѣвочка, къ своему счастью, мала; она не въ состояніи понять перемѣны, совершившейся въ ея жизни. Если бы она была старше—это было бы сдѣлать труднѣе и тяжелѣе; если бы она была еще старше, пришлось бы предоставить все ей самой на выборъ. А ужъ это-то совсѣмъ скверно—дѣлать изъ ребенка судью между матерью и отцомъ. Да... такъ вотъ.

— Ермолай Евграфовичъ!—съ чувствомъ проговорилъ Вихоревъ, котораго душили слезы.

Серединскій махнулъ рукой.

— Я не кончилъ. Пусть Катя возьметъ нашу дѣвочку, пусть! Когда изъ стѣны вынутъ камень, стѣна рушится. И пусть рушится! По крайней мѣрѣ, обрушившись, остается свободное мѣсто. Лучше жить внѣ стѣны, чѣмъ за стѣной съ трещиной, которая все время будетъ грозить обваломъ. Возьмите Катю, возьмите и дѣвочку. Если вы честный человѣкъ, вы будете ей не отчимомъ, а отцомъ.

Онъ отвернулся и точно задумался. Лучъ свѣта игралъ на стеклахъ его очковъ, и Вихореву казалось, что вмѣсто глазъ у Серединскаго какія-то огненныя пятна. Ему сдѣлалось жутко.

Серединскій повернулся къ нему.

— Вы обязаны сдѣлать счастливыми два человѣческія существа,—сказалъ онъ твердо.—Помните это. Вы берете на себя страшную отвѣтственность. Сдѣлать человѣка счастливымъ—это страшно трудное дѣло. Но почетное. И вы обязаны это сдѣлать, разъ вы идете на это. Человѣческимъ счастьемъ не шутятъ—не забывайте этого. А обо мнѣ забудьте и заставьте Катю забыть. Тогда ваше счастье будетъ полнѣе. Да... Такъ вотъ. Берите ее, берите дѣвочку... и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Я все сказалъ.

Вихоревъ всталъ. Онъ еще разъ взглянулъ на Серединскаго. И опять стекла очковъ его заблистали пламенемъ отъ свѣта лампы. И лицо Серединскаго показалось ему страшнымъ. Оно походило на каменное изваяніе; ничего прочесть на немъ было невозможно. Оно было холодно и непроницаемо, какъ лицо загадочнаго сфинкса. О чемъ онъ думалъ? Что̀ чувствовалъ? Или это человѣкъ безсердечный, не подверженный ни одному движенію души, которыя управляютъ людьми, или, напротивъ, это герой, умѣющій властно подчинять себѣ эти движенія души. И эта неразрѣшимая загадка странно мучила и волновала Вихорева.

Онъ долго стоялъ такъ, ожидая послѣдняго слова, какого-нибудь движенія отъ Серединскаго. Но врачъ сидѣлъ безмолвно

и неподвижно, смотря сквозь очки куда-то вдаль, черезъ окно, въ неопредѣленное пространство.

И Вихоревъ сталъ медленно уходить изъ комнаты. Онъ одержалъ побѣду, большую побѣду, потому что завоевалъ себѣ счастье, о которомъ такъ много и такъ сладко и долго мечталъ. Но онъ чувствовалъ себя побѣжденнымъ и разбитымъ. Вмѣсто радости въ душѣ своей, онъ ощущалъ горечь, какъ будто его свѣтлое чувство напоили острой отравой.

Половица у дверей скрипнула. Вихоревъ исчезъ въ темномъ отверстіи двери.

Серединскій поднялъ голову и оглядѣлся.

Страшнаго гостя уже не было въ кабинетѣ. Онъ еще разъ поглядѣлъ по сторонамъ, какъ-то испуганно озираясь. И въ первый разъ въ жизни его комната показалась ему такой пустынной, такой холодной, такой угрюмой! Вотъ, пришелъ къ нему этотъ страшный человѣкъ и унесъ отъ него все, чтò было у него самаго цѣннаго, самаго дорогого, самаго близкаго. Дерзко забрался онъ руками въ его душу, словно въ кошель, и вынулъ оттуда все, чтò ему понадобилось, и опустошилъ ее, словно по ней ураганъ промчался...

И развѣ онъ, Серединскій, могъ не отдать ему того, чтò забралъ этотъ страшный человѣкъ? Вѣдь онъ дѣйствовалъ по праву, и этимъ правомъ была любовь. Но вѣдь и онъ, Серединскій, любилъ? Любовь—это та отмычка, которая даетъ человѣку право дѣлать такія похищенія. Но отчего же Серединскій не могъ наглухо оградиться отъ похитителя, если онъ самъ любилъ?

Онъ подумалъ надъ этимъ вопросомъ, побарабанилъ пальцами по столу.

Да оттого, что онъ любилъ *одинъ*, а ихъ — двое. Одинокая, односторонняя любовь безсильна, а взаимная—двигаетъ горами.

И успокоивъ себя этимъ, Серединскій надѣлъ какъ слѣдуетъ очки, придвинулъ къ себѣ бумагу съ колоннами цифръ и сталъ дѣлать противъ нихъ отмѣтки, какъ будто ничего не произошло.

Но, вотъ, одна цифра, которую онъ только-что поправилъ чернилами, вдругъ расплылась въ безформенное и блѣдное пятно съ оборванными краями, а вотъ и другая... Стекла очковъ затуманились.

Чтò такое?

Это было до того дико и неожиданно, что Серединскій рѣзкимъ движеніемъ сорвалъ съ себя очки и быстро протеръ ихъ.

Но слезы продолжали капать на бумагу. Это его поразило. Онъ плачетъ? Онъ? Человѣкъ, никогда не знавшій, что значатъ слезы.

Да, это было такъ. Онъ плакалъ. И не могъ удержаться. Онъ плакалъ, не желая плакать, и не имѣя силъ удержаться отъ слезъ, и даже не зная, какъ нужно приняться, чтобы удержать слезы.

И въ то же время сердце его мучительно ныло, такъ ныло, какъ, можетъ быть, ноютъ зубы во время жестокой нервной зубной боли.

Но онъ, вновь надѣвъ очки, сказалъ себѣ два раза:

— Глупости, глупости!—и принялся писать. Но рука водила по бумагѣ, точно парализованная, и наконецъ перо выпало изъ его рукъ, голова склонилась на столъ, и изъ сдавленнаго горла его вырвались вдругъ неудержимыя, дикія рыданія...

Вал. Свѣтловъ.

ПОѢЗДКА
НА
ПЕЧОРУ

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

I.

По Сѣверной Двинѣ.—Пинега.—Знакомство съ Егоромъ Ильичомъ.—Его разсказы.

...Была ранняя и суровая весна, подернутая свинцовой дымкой, полная неопредѣленныхъ тоновъ, колеблющихся настроеній, какою она обыкновенно бываетъ на далекомъ Сѣверѣ. Солнце то показывалось, то исчезало въ огромныхъ, темныхъ съ бѣлыми краями тучахъ; внезапные порывы вѣтра то-и-дѣло приносили крупныя капли дождя. Въ воздухѣ было тревожно и смутно.

Новый, еще не успѣвшій загрязниться, пароходъ „Верколецъ" отчалилъ, въ началѣ третьяго, отъ архангельской пристани. Красавица-Двина слегка волновалась, отливая холоднымъ темнымъ блескомъ. Слѣва неслась пестрая линія городскихъ домовъ, складовъ, пристаней съ одинокими мачтами шкунъ и темными силуэтами всевозможныхъ баржей и судовъ. Блеснули на солнцѣ купола Михайловскаго монастыря; потянулись длинные, неуклюжіе корпуса лѣсопильнаго завода. Я оглянулся на другой берегъ—его почти не было видно: онъ весь ушелъ въ одну такую же смутную, какъ весь пейзажъ, темную линію, едва отдѣлявшую небо отъ величавой рѣки. Немногіе пассажиры,

толпившіеся на верхней площадкѣ, разбрелись по каютамъ. Внизу кое-кто изъ крестьянъ уже примостился поближе къ машинѣ и спалъ на полу; другіе пили чай въ прикуску, съ бубликами и сухой рыбой; гдѣ-то на кормѣ несмѣло поскрипывала гармоника.

Я обошелъ пароходъ, побывалъ во всѣхъ его классахъ, заглянулъ въ трюмъ и на корму. Вездѣ шла неторопливая, совсѣмъ особенная пароходная жизнь, которая была для меня всегда привлекательна. Изъ кухни и трюма несся отвратительный для непривычнаго обонянія запахъ. Это давала о себѣ знать знаменитая треска, о которой я столько наслышался въ Архангельскѣ, какъ объ „универсальной“ рыбѣ Сѣвера. Истинные архангелогородцы не могутъ говорить равнодушно о своей „трещочкѣ“, которая составляетъ ихъ едва не ежедневную и всегда любимую пищу. Одинъ изъ моихъ тамошнихъ знакомыхъ умилительно изображалъ, какимъ праздникомъ является для обывателей прибытіе перваго парохода со свѣже-просольной треской. „Въ этотъ день городъ справляетъ свои именины: спѣшатъ запастись побольше, сіяютъ отъ удовольствія, поздравляютъ другъ друга, зазываютъ въ гости“... И разсказчикъ самъ сіялъ при одномъ воспоминаніи о трескѣ.

Я спустился въ нашу каюту, гдѣ спутникъ мой, докторъ С. В. Мартыновъ, „чтобы не терять времени даромъ“, уже улегся на койку и читалъ газету. Вошелъ буфетный мальчикъ съ вопросомъ насчетъ обѣда. Я предложилъ попробовать трески.

— Что жъ, рыба питательная,—сказалъ С. В.,—и легко усвоивается организмомъ.

Заказали треску. Оказалось—ничего, ѣсть можно, если не требовать отъ ѣды удовольствія и примириться съ непріятнымъ запахомъ.

Пароходъ держался ближе къ правому берегу, который перешелъ въ холмы, отвѣсные, сыпучіе, покрытые соснами, мѣстами похожіе на волжскіе Жигули. Вечеръ былъ тихій, ни вѣтра, ни дождя. Темнофіолетовыя тучи сдвинулись ближе, кое-гдѣ клубясь бѣлесоватыми облаками. На сѣверо-западѣ надъ горизонтомъ протянулась длинная ярко-багровая полоса, бросившая снопъ огненныхъ лучей въ облака и широкой, колеблющейся лентой отразившаяся въ рѣкѣ.

Отъ этого величаваго пейзажа съ сумрачнымъ небомъ и сдержанными суровыми тонами, отъ яркой полосы и убѣгающей линіи сосенъ пахнуло на меня безнадежнымъ уныніемъ, холодомъ смерти. Подобное чувство долженъ испытывать человѣкъ,

у котораго нѣтъ надежды увидѣть завтрашній день: сиротливо, грустно и вмѣстѣ съ тѣмъ легко, точно все оборвалось въ прошломъ, кончены всѣ разсчеты, отодвинуты всѣ мелкія, будничныя заботы, и человѣкъ съ яснымъ лицомъ встрѣчаетъ надвигающуюся ночь...

На палубѣ со мной заговорилъ матросъ, парень лѣтъ двадцати, съ открытымъ, честнымъ лицомъ.

— Куда ѣдете?

— На Печору.

— Лѣсомъ торгуете?

— Нѣтъ, не лѣсомъ. Ѣдемъ поглядѣть, какъ тамъ люди живутъ, есть ли у нихъ старина какая отъ отцовъ, отъ дѣдовъ...

— А пошто это вамъ?

Я стараюсь растолковать ему, что̀ меня интересуетъ и для какихъ цѣлей ѣду; разсказываю и самъ дѣлаю попытку получить отъ него какія-либо свѣдѣнія.

— А вы сами откуда?—спрашиваю у него.

— Мы-то? Мы вологодскіе, сольвычегодскаго уѣзда, здѣсь артелью на лѣто. Вотъ какъ лѣто отработаемъ, такъ и домой. Да этотъ годъ кормы плохи.

— Что̀ такъ?

— Прежде хозяинъ съ баржами посылалъ, муку, хлѣбъ возили. При выгрузкѣ по три копѣйки за куль получали, оно на кормъ и хватало. А нынѣ изъ тринадцати рублевъ жалованья рублевъ пять на харчи проѣшь,—принести-то и нечего будетъ.

Въ это время сверху раздался звонокъ. Парень поспѣшно схватилъ шестъ и началъ измѣрять глубину.

— Не маячитъ...—кричалъ онъ нараспѣвъ, погружая и выдергивая шестъ.—Не маячитъ...

— Самая плёвая рѣка,—замѣтилъ онъ сердито, укладывая шестъ вдоль борта:—того и гляди, на мель наскочимъ. А лоцманъ, вишь,—метнулъ онъ въ сторону рубки,—не фарватеромъ, а за̀водями беретъ,—угодить какъ разъ можно.

Я оглянулся. Береговая полоса съ лѣсомъ отодвинулась очень далеко; мимо проносились пологіе острова, поросшіе камышомъ. Дикія утки изрѣдка снимались и тяжело перелетали съ мѣста на мѣсто, пропадая въ камышахъ. Часа черезъ два, впрочемъ, пароходъ снова вошелъ въ главное русло, и Двина значительно съузилась. Становилось холодно и сыро. Я спустился въ каюту.

Утромъ меня разбудили яркіе лучи солнца, ударявшіе прямо въ лицо. С. В. не спалъ и читалъ лежа, прихлебывая чай.

Еще было довольно рано — около восьми часовъ. Я одѣлся и вышелъ наверхъ. Стояло великолѣпное теплое утро. Мы шли уже Пинегой, мимо живописныхъ, причудливо-лѣсистыхъ холмовъ, бѣлѣвшихъ отложеніями алебастра. Иногда эти бѣлыя пятна, оголенныя, сбѣгали къ рѣкѣ; иногда они выглядывали изъ-за сосенъ, и тогда казались безформенными плѣшинами, проступавшими на темнозеленомъ и буромъ фонѣ.

По расписанію пароходъ долженъ былъ придти въ Пинегу въ одиннадцать часовъ дня, но по русскому обычаю онъ пришелъ туда около двухъ. Верстъ за пятнадцать не доѣзжая Пинеги, выглянулъ слѣва Красногорскій монастырь своей бѣлоснѣжной колокольней, которая сразу скрасила и оживила однообразный пейзажъ.

Волга снова вспомнилась мнѣ съ ея безконечнымъ просторомъ и стройными сверкающими куполами далекихъ церквей. Не хватало только привольныхъ деревень, каравановъ баржъ, всего этого шума и суеты кипучей приволжской жизни. Здѣсь было пустынно и мертво; не было слышно пѣнія птицъ, ни бойкаго человѣческаго голоса; только машина мѣрно гудѣла, съ плескомъ раздвигая волны.

Подъѣзжая къ Пинегѣ, я не могъ повѣрить, что передо мной былъ какой ни на есть уѣздный городокъ, а не самое заурядное, заброшенное село. Вдоль берега въ полномъ безпорядкѣ было разбросано нѣсколько почернѣлыхъ, бревенчатыхъ избъ, обыкновеннаго здѣсь деревенскаго типа, т.-е. двухъ-этажныхъ, двухсрубныхъ, съ маленькими окнами и дворами, обнесенными заборомъ изъ жердей. „Это не городъ,—подумалъ я,—городъ начнется выше, за горой, откуда виднѣется куполъ церкви“.

Извозчиковъ у пристани не оказалось. Ихъ вообще не существуетъ въ городѣ. Однако, изъ толпы мѣщанъ выдѣлился здоровенный, высокаго роста, мужчина, который предложилъ отправиться домой за лошадью и свезти наши вещи на такъ называемую „отводную“ квартиру. Черезъ полчаса онъ дѣйствительно явился съ бѣлой, худой и брюхатой лошадью, запряженной въ длинныя сани, несмотря на то, что снѣгу нигдѣ уже не было и на улицѣ стояла непролазная грязь. Онъ уложилъ наши вещи, перевязалъ ихъ веревкой, тронулъ—и на ходу, къ моему ужасу, вскочилъ на спину несчастной лошади. Онъ ѣхалъ по срединѣ улицы, немилосердно подхлестывая лошадь, въ то время какъ мы пробирались протоптанной тропинкой въ сторонѣ. Черезъ пять минутъ мы поднялись на гору, и глазамъ моимъ представилась главная улица Пинеги съ тѣми же неказистыми бревенчатыми

домиками, закоптѣлыми и покосившимися избушками, съ жалкимъ дощатымъ тротуаромъ, который то-и-дѣло обрывался и замѣнялся одной доской. Городъ, если только можно назвать Пинегу городомъ, раскинулся на холмахъ, на которыхъ нѣтъ растительности, ничего такого, на чемъ бы могъ отдохнуть глазъ отъ этого утомительнаго однообразія и однотонности. Сердце у меня сжалось при мысли о тѣхъ, кого судьба занесла въ этотъ край иногда на долгіе мѣсяцы, даже годы, кто видѣлъ и южное солнце, и море, кто помнитъ расцвѣтъ весны подъ небесами Украйны или того же Поволжья.

„Отъ хорошей жизни не полетишь", — вспомнилось мнѣ изреченіе Горбуновскаго портного: по своей волѣ не очень-то поѣдешь въ Пинегу. Впереди, слѣва одиноко возвышалась красная труба лѣсопильнаго завода; за нимъ свѣтлѣли извивы рѣки; кругомъ въ безпорядкѣ толпились захудалыя крестьянскія хаты, безъ веселыхъ палисадничковъ и скамеечекъ у воротъ; надо всѣмъ царила невозмутимая тишина, словно это былъ мертвый городъ, въ которомъ не было ни дѣтскихъ голосовъ, ни ржанія лошадей, ни скрипа отворяемыхъ воротъ или дребезжанья пустой крестьянской телѣги.

Еще нѣсколько минутъ ходьбы по грязной главной улицѣ,— и возница мой свернулъ во дворъ отводной избы. Такъ называется квартира отъ города, которую, за неимѣніемъ гостинницъ, предоставляютъ въ распоряженіе проѣзжающихъ. На крыльцѣ ожидалъ меня мужчина средняго роста, съ большой окладистой бородой и мелкими чертами лица. Онъ встрѣтилъ меня „по костюму" и сразу напустилъ на себя строгость.

— Вы по какимъ дѣламъ, вашъ паспортъ, гдѣ онъ у васъ?— засыпалъ онъ меня вопросами.

— По какимъ я дѣламъ, это не ваше дѣло, а паспортъ мой у меня въ чемоданѣ; придетъ время—покажу кому слѣдуетъ,— спокойно отвѣтилъ я, отстраняя его рукой и проходя, вслѣдъ за возницей, въ просторную свѣтлую комнату. Услышавъ мой благоразумный отвѣтъ, строгій мужчина сразу смягчился и превратился въ добродушнѣйшаго и услужливѣйшаго малаго.

— Какъ я въ полиціи двѣнадцать лѣтъ служилъ, такъ всѣ порядки очень хорошо знаю,—объяснилъ онъ въ свое оправданіе, принимаясь усердно помогать мнѣ въ размѣщеніи чемодановъ.

С. В. отправился „по начальству", а я сталъ между тѣмъ разглядывать комнату. Пестрые половички на полу, бѣлыя занавѣски на окнахъ, карты и фотографіи на стѣнахъ,—все въ этой

комнатѣ производило пріятное впечатлѣніе чистоты и женской заботливости. Но вдругъ, къ ужасу своему, разсматривая изображеніе томной красавицы за утреннимъ туалетомъ, я увидѣлъ на углу тоненькой багетной рамы клопа такихъ классическихъ размѣровъ, какого я еще не видывалъ. Его и впрямь слѣдовало бы, можетъ быть, зарегистрировать для цѣлей науки. „Неужели всѣ сѣверные клопы таковы?"—думалъ я, и тутъ же рѣшилъ не ложиться спать на стоявшую здѣсь пышную и прибранную постель.

Хозяйка, женщина необъятной толщины, но съ пріятными чертами лица, приготовила намъ простой, вкусный обѣдъ, десертомъ къ которому служило кислое молоко. Теперь такіе обѣды мы встрѣтимъ не скоро; придется перейти на свою кухню, для которой мы запаслись котелкомъ, манной крупой, пшеномъ, малороссійскимъ саломъ, ветчиной. Если прибавить къ этому чай и нѣсколько плитокъ шоколада, то являлась полная увѣренность въ томъ, что съ голоду мы не умремъ, особенно если по дорогѣ удастся добывать дичь или рыбу.

Вечеромъ мы отправились къ мѣстному торговцу Лыкову, о которомъ мнѣ говорили еще въ Архангельскѣ. Въ городѣ у него булочная; кромѣ того онъ беретъ лѣсные подряды; верхній этажъ своего небольшого опрятнаго домика онъ отдаетъ подъ почтово-телеграфную контору. И онъ, и жена его вышли изъ крестьянства, но не лѣзутъ въ мѣщане и охотно говорятъ о своемъ крестьянскомъ происхожденіи; оба еле грамотны, но дочь свою отдали въ ученье заѣзжей учительницѣ изъ ссыльныхъ. Мы разговорились. Егоръ Ильичъ Лыковъ оказался очень словоохотливымъ собесѣдникомъ; жена его угостила насъ вкуснымъ кофе съ густыми сливками и чудесными сухарями. Сначала завязался обыкновенный разговоръ о томъ, какъ дурно ведется городское хозяйство, о паденіи цѣнъ на мѣха, затѣмъ пошли обычныя сѣтованія на упадокъ старины, на исчезновеніе любопытныхъ бытовыхъ предметовъ, стариннаго домашняго убранства, на забвеніе богатырскихъ пѣсенъ. Но едва разговоръ коснулся охоты, Егоръ Ильичъ сразу оживился, и эпизоды изъ его богатой приключеніями охотничьей жизни такъ и полились одинъ за другимъ. Богатырь по сложенію, съ чрезвычайно добродушнымъ выраженіемъ полнаго лица, онъ просто и живо, какъ о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ, сталъ разсказывать о своей любимой охотѣ на медвѣдя.

— Пошли мы разъ съ братомъ объѣздчикомъ; долго слѣдили *его* (Егоръ Ильичъ избѣгалъ называть медвѣдя), шли пет-

лей. *Онъ*—звѣрь хитрый: закрутитъ слѣдъ, а тамъ, глядь,—и пропалъ, неизвѣстно куда дѣвался. Шли мы логомъ, потомъ зашли въ чащу; съ нами собака самоѣдка... А *онъ* любитъ выбирать мѣста дикія, глухія. Вотъ и глядимъ: повалена сосна корнями вверхъ, а близко къ корню на нее навалилась ель; снѣгомъ все это прикрыло—*его* и не опознать. Братъ говоритъ: „Тутъ". Туда же и собака ведетъ.

Егоръ Ильичъ сопровождалъ свой разсказъ соотвѣтствующими жестами и мимикой. Дойдя до этого мѣста, онъ понизилъ голосъ до шопота и весь насторожился, наглядно передавая впечатлѣніе ожиданія схватки со звѣремъ. „Просто вчужѣ страшно", — замѣтилъ С. В., любуясь разсказчикомъ. А онъ продолжалъ, то вкрадчиво понижая, то рѣзко повышая голосъ, судя по ходу дѣйствія и, въ промежуткахъ, какъ-то незамѣтно успѣвая опускать въ себя стаканъ за стаканомъ горячаго чаю.

— Вотъ, взяли мы острый колъ,—да и воткнули подъ корень сосны. Въ *нее* самоё и попали. Какъ запоетъ *она*,—медвѣдица тамъ была, — а голосъ такой грубый, на весь лѣсъ. Сама не показывается. Вынули мы колъ, вставилъ братъ въ дыру ружье и хватилъ ее разрывной пулей... Выскочила она, да къ брату—у самой заднія ноги перебиты; передними ногами ползетъ и все брата схватить норовитъ, а сама рычитъ во весь голосъ. Бѣда, думаю, облапитъ она его. Вотъ это выбралъ я у ней легкое, да изъ своей крынки („Крнка")—хлясь! Ей это—нипочемъ: такими пулями ее не проймешь. Стрѣлилъ я разъ, другой, зарядилъ, да еще... Она все катается по землѣ. Наконецъ справился и братъ: хватилъ ее изъ своей двустволки... Она видитъ, что не справиться ей ни по чемъ,—назадъ въ берлогу. Перекинулась на спину — тутъ ей и конецъ. Живуча, шельма!

Много разсказывалъ Егоръ Ильичъ эпизодовъ въ этомъ родѣ:—не разъ приходилось ему пускать въ ходъ и рогатину.

Показалъ онъ намъ мѣстнаго издѣлія капканы, которыми ему удавалось ловить медвѣдей. Издѣліе незамысловатое, но, если вы не видали его, любопытное. Капканъ представляетъ собой тяжелую желѣзную раму, въ которую вписанъ массивный желѣзный кругъ съ острыми зубцами внутрь, состоящій изъ двухъ подвижныхъ полукруговъ. Таковъ общій видъ капкана въ раскрытомъ видѣ. Его укрѣпляютъ цѣпями за ближнія деревья на одной изъ медвѣжьихъ тропъ и вѣшаютъ надъ нимъ кусокъ мяса, съ такимъ разсчетомъ, чтобы недогадливый мишукъ, услышавъ запахъ мяса и поспѣшно направляясь къ нему, вступилъ въ середину круга на систему веревочекъ, которыя при помощи

колецъ удерживаютъ кругъ въ горизонтальномъ положеніи. Благодаря особой рессорной пружинѣ, обѣ половины круга, сорвавшись съ колецъ, быстро захлопываются и ущемляютъ лапу звѣря. Эта адская машина доставляла Егору Ильичу не одну шкуру.

Несмотря на то, что Егоръ Ильичъ служилъ въ солдатахъ, бывалъ въ Петербургѣ, кое-что читалъ, онъ остался глубоко суевѣрнымъ человѣкомъ. Видимо стѣсняясь показаться невѣжественнымъ, онъ однако разсказалъ, что знаетъ одного колдуна, который на его глазахъ продѣлывалъ удивительныя вещи. Прежде всего онъ знался съ лѣшимъ: пропадетъ ли у кого-либо лошадь или корова, онъ сейчасъ пригодится: бутыль водки на столъ и десять рублей. Водку выпьетъ, выйдетъ въ сѣни, пошепчетъ, потомъ скажетъ хозяину: „пойдемъ!“ и ведетъ его глухимъ лѣсомъ безъ всякаго слѣда. Пройдутъ они много ли, коротко ли, онъ свиснетъ—лошадь къ нему на голосъ и идетъ: вся въ мылѣ, сама дрожитъ. Значитъ, лѣшій на ней ѣздилъ.

— Какъ вы думаете, отчего это онъ могъ знать? — осторожно спрашивалъ Егоръ Ильичъ.—Многіе не вѣрятъ, смѣются надъ колдовствомъ, а я такъ себѣ думаю, что это у него особая сила: внушеніе такое, значитъ, было...

— А то я вотъ еще что̀ разскажу. Лечилъ этотъ колдунъ я хорошо лечилъ. Особенно если кто одичаетъ, т.-е. съ ума сойдетъ. Возьметъ онъ репейнаго корня, сдѣлаетъ наваръ, потомъ туда табаку насыплетъ и дастъ настояться. Потомъ это возьметъ онъ больного, поведетъ въ баню, вспаритъ его, а послѣ этого выведетъ изъ бани, да ушатъ холодной воды со льдомъ и выльетъ на голову. Послѣ этого отваромъ тѣмъ и поитъ: человѣка съ отвара того въ два конца и прочиститъ. Оттого болѣсть и полегчаетъ. Вотъ тутъ барыня есть одна неподалеку, тоже у колдуна у этого лечилась, и онъ ее вылечилъ: по сію пору живетъ, а была совсѣмъ дикая. Тоже зналъ онъ три травы —отъ другихъ болѣзней лечилъ. Оттого къ нему народъ больше и шелъ... куда больше, чѣмъ въ больницу.

— Что же, онъ передалъ свое знаніе?

— Нѣтъ, не было тутъ у него такого товарища. Я много разъ къ нему приставалъ, когда подвыпью,—да нешто скажетъ? Одинъ разъ сбрехнетъ одно, другой разъ — другое, а самъ смѣется: его и не поймешь.

Не мало интереснаго разсказывалъ Егоръ Ильичъ о своихъ сношеніяхъ съ ближними самоѣдами. Изъ его словъ можно было заключить, что въ Пинегѣ, какъ, впрочемъ, и въ другихъ мѣ-

стахъ, каждый торговецъ старался свести знакомство, а потомъ и закабалить одного или нѣсколькихъ опредѣленныхъ самоѣдовъ. Имъ онъ отпускаетъ все необходимое на круглый годъ,—муку, соль, порохъ, дробь, чай, сахаръ, сѣти и т. п., съ условіемъ, что самоѣдъ въ концѣ зимы расплатится своимъ промысломъ за товаръ, главнымъ образомъ мѣхами. При разсчетѣ самоѣдовъ обманываютъ самымъ немилосерднымъ образомъ. За лишнюю бутылку водки онъ соглашается на всѣ условія, которыя ему предложитъ торговецъ, и, такимъ образомъ, при разсчетѣ онъ всегда остается послѣднему долженъ.

— Бываетъ и такъ, что какой-нибудь самоѣдинъ заберетъ у меня, проѣдетъ въ Архангельскъ или какое-нибудь село, а потомъ его и поминай какъ звали. Проходитъ годъ, другой, третій, онъ и является.—„Отпусти, Егоръ Ильичъ,—помилуй". Это значитъ—другіе ужъ въ долгъ не даютъ. Со своимъ Петромъ я и книжку завелъ: сколько онъ у меня, сколько я у него забираю. Только я одинъ книжку и завелъ; другіе всѣ безъ книжки, на уговоръ да на память...

Самоѣды, о которыхъ разсказывалъ Егоръ Ильичъ, въ небольшомъ количествѣ кочуютъ между Пинегой и Архангельскомъ. Тамъ кое-гдѣ сохранились еще дикія мѣста, куда русскіе почти не ѣздятъ. Въ этихъ мѣстахъ много разнаго звѣря, и самоѣды могли бы зарабатывать хорошо, если бы не губила ихъ водка, да и сами они не были такъ лѣнивы: мужчины больше лежатъ на боку, а всю работу справляютъ женщины. Онѣ отличныя мастерицы, прекрасно шьютъ обувь и платье, „скоблятъ" шкуры, но водку любятъ не меньше своихъ мужей.

— Былъ тутъ одинъ самоѣдинъ,— разсказывалъ по этому поводу Егоръ Ильичъ,— хорошій парень, и былъ онъ зажиточный, пока жива была у него жена. Всего вдоволь—и одежи, и оленей, и всякой снасти. Потомъ, какъ померла она, взялъ другую. Эта оказалась такой пьяницей, что не приведи Богъ. Какъ бутылку увидитъ, такъ и трясется. Года не прошло, какъ самоѣдинъ этотъ совсѣмъ обнищалъ; все, что̀ у него было, все жена пропила. Я ужъ совѣтовалъ ему свою Дарью въ оврагъ стащить,— да и капутъ дѣлу. Смѣялся, конечно. А онъ и по сію пору съ ней живетъ.

И долго сидѣли мы у Егора Ильича, слушая его разсказы о мѣстныхъ нравахъ и обычаяхъ окрестныхъ крестьянъ. Егоръ Ильичъ очень расхваливалъ Пинегу и говорилъ, что этотъ городъ онъ не промѣняетъ ни на какую столицу: „всего много,

и рыбы, и звѣря. И дому польза, и себѣ удовольствіе, какого нигдѣ не купишь".

При нашемъ разговорѣ присутствовала дочка Егора Ильича, дѣвочка лѣтъ девяти, съ бойкими, плутовскими глазёнками. Она все время стояла у двери и съ любопытствомъ смотрѣла на насъ, не рѣшаясь подойти, несмотря на всѣ приглашенія С. В. Звали ее, помнится, Таней, но С. В. поминутно забывалъ ея настоящее имя и называлъ то Сашей, то Машей, что̀ очень забавляло ее и заставляло звонко хохотать.

Дома мы держали военный совѣтъ, какъ устроиться на ночь. Страхъ передъ невидимыми врагами заставилъ насъ улечься на полу.

II.

По Пинегѣ. — Усть-Ежега Пинежская.—Деревня и рѣка. — Въ карбасѣ волокомъ.

На слѣдующій день мы стали готовиться къ отъѣзду. Купили груду сухарей, хлѣба, сходили проститься къ Егору Ильичу, за обѣдомъ съѣли по лишнему куску косача, уложили чемоданы, саки, корзины и стали ждать парохода. Пароходъ, по обыкновенію, опоздалъ на два часа. Явился прежній извозчикъ на бѣлой брюхатой лошади и меланхолично повезъ нашъ багажъ на пристань. Тамъ была давка невообразимая: боченки, кули съ мѣшками, масса празднаго люда, мѣстные интеллигенты, ждущіе очереди попасть въ пароходный буфетъ,—все это суетится, толкается, кричитъ, не даетъ проходу. Вотъ блѣдное, исхудалое лицо молодой дѣвушки въ очкахъ; видимо, подневольная обитательница здѣшнихъ мѣстъ встрѣчаетъ свою подругу, въ скромномъ, но изящномъ платьѣ, съ узелкомъ въ рукѣ. Вотъ группа студентовъ въ тужуркахъ, изъ-подъ которыхъ высовываются красныя и синія косоворотки, усѣлась на бревнахъ и о чемъ-то безпечно болтаетъ. Что̀ завело ихъ сюда, въ эту трущобу, отъ родныхъ, отъ товарищей, отъ науки? Что̀ дѣлаютъ они здѣсь и какъ проводятъ время? Эти вопросы сами собой напрашиваются, когда видишь здѣсь эти живыя и, можетъ быть, гибнущія силы. Еще въ Архангельскѣ я слышалъ, что общее число административно-ссыльныхъ, распредѣленныхъ по губерніи, считается сотнями и ростетъ съ каждымъ днемъ. Говорятъ, администрація теряетъ голову, не зная, какъ размѣстить все новыя и новыя партіи. Здѣсь и врачи, и адвокаты, и учителя, и студенты, и курсистки, и рабочіе, и крестьяне... люди самыхъ разнообраз-

ныхъ слоевъ общества, племенъ и состояній... Чуть не ежедневно въ канцеляріи губернатора, говорятъ, происходятъ невѣроятныя сцены: всякій проситъ оставить его въ Архангельскѣ или, по крайней мѣрѣ, выслать въ уѣздный городъ, а не въ какую-нибудь деревню, отстоящую и отъ Архангельска на тысячу верстъ. Пускаются въ ходъ мольбы и просьбы, даже вліятельныя знакомства. Если принять во вниманіе, что эти несчастные идутъ этапомъ, что только немногіе изъ нихъ обезпечены теплымъ платьемъ и обувью для защиты отъ жестокихъ стужъ и дождей здѣшняго климата, то мотивы ихъ нежеланія отправляться въ отдаленные пункты станутъ понятны. Слѣдуетъ къ этому добавить недовѣрчивое отношеніе населенія, которое встрѣтитъ ихъ тамъ, почти полное отсутствіе почтоваго сообщенія и глубокую тоску одиночества, которая должна неминуемо охватить въ невѣжественной и суевѣрной средѣ, въ безжизненныхъ нѣдрахъ тундры или пустыни, гдѣ за короткимъ лѣтомъ потянется безконечная, почти непроглядная ночь... Сердце сжимается невольнымъ ужасомъ и болью при мысли о томъ, что̀ ждетъ этихъ несчастныхъ въ холодномъ безлюдьѣ какой-нибудь Колы или Печоры, и сколько незримыхъ страданій таится въ осиротѣлыхъ семьяхъ, разбросанныхъ по всей Россіи.

На пріемѣ у губернатора я видѣлъ такую сцену. Молодая, стройная дѣвушка, прекрасно одѣтая, видимо балованное дитя богатой семьи, прижимая платокъ къ глазамъ, о чемъ-то просила почтеннаго стараго адмирала, который съ отеческой нѣжностью, участливо и мягко что-то объяснялъ ей.

— Я все для васъ сдѣлаю, что̀ могу,—долетѣло до меня,—но, ради Бога, не просите меня о томъ, что̀ не въ моей власти.

Дѣвушка продолжала настаивать. Она говорила такъ тихо, что я не могъ разслышать ни одного слова.

— Я не могу оставить его здѣсь. Даю вамъ слово. На этотъ счетъ я имѣю приказанія свыше. Но я вамъ обѣщаю хлопотать, буду просить отъ себя лично. Только имѣйте въ виду,—просьбы мои не всегда исполняются.

Оказалось, дѣвушка просила не разлучать ее съ братомъ, которому была назначена пятилѣтняя высылка въ отдаленнѣйшую часть губерніи.

Искреннее участіе слышалось въ тонѣ стараго моряка, волею судебъ ставшаго, ненадолго впрочемъ, администраторомъ (чего не бываетъ въ Россіи!) обширнѣйшей въ мірѣ губерніи. Я былъ свидѣтелемъ того сожалѣнія, съ которымъ провожали его, когда

онъ былъ внезапно отозванъ изъ Архангельска. На пристани, гдѣ ожидалъ его казенный пароходъ „Москва", собралась густая толпа народа всѣхъ сословій и званій. Здѣсь были чиновники и военные, мѣщане, рабочіе, учащіеся — всѣ слились въ одной толпѣ. День былъ жаркій, солнечный; пароходъ былъ украшенъ флагами, жиденькій военный оркестръ игралъ постоянные марши, но никакой оффиціальности не было замѣтно. Пріѣхалъ адмиралъ, обошелъ присутствующихъ. Онъ былъ видимо растроганъ, всѣхъ благодарилъ, смотрѣлъ какимъ-то слегка растеряннымъ и смущеннымъ взглядомъ. На пароходъ набралось огромное количество публики, желавшей проводить губернатора до станціи желѣзной дороги. Я стоялъ на пристани въ толпѣ чернаго рабочаго люда. Когда пароходъ отчалилъ и адмиралъ, прислонясь къ борту, на виду у всѣхъ снялъ фуражку и поклонился народу, громкое, единодушное „ура" раздалось съ берега; замахали шапками, платками; послышались пожеланія счастливаго пути; простые, сѣрые люди вокругъ меня были растроганы. „Развѣ онъ губернаторъ, онъ отецъ намъ былъ, — говорилъ какой-то рабочій, подымаясь со мной въ гору, когда пароходъ скрылся изъ виду. —Всякаго къ себѣ допуститъ, выслушаетъ, обсудитъ"... Нѣкоторые выражали догадку, что губернаторъ отозванъ именно за недостатокъ „строгости", столь-де необходимой по нынѣшнимъ временамъ...

Но особенно жалѣли губернатора ссыльные. По ихъ разсказамъ, Р.-К. относился къ нимъ всегда внимательно и заботливо. За это они платили ему самымъ искреннимъ расположеніемъ; многіе изъ нихъ, пользуясь его разрѣшеніемъ, пожелали примѣнить свои знанія къ мѣстнымъ условіямъ и, по отзывамъ знающихъ лицъ, произвели рядъ полезныхъ и важныхъ для края изысканій и работъ. Одни участвовали въ экспедиціи для изслѣдованія экономическаго состоянія на Печорѣ; другіе занялись изученіемъ поморскаго судостроенія; третьи заинтересовались мѣстнымъ музеемъ; иные нашли себѣ работу въ больницахъ и т. д.

Такъ было въ Архангельскѣ; но безконечно хуже было положеніе высланныхъ въ уѣздные города и деревни, гдѣ ни книгъ, ни подходящей работы не было, и гдѣ самолюбіе ихъ постоянно получало уколы, благодаря назойливому надзору ближайшихъ мѣстныхъ властей, понимавшихъ свои обязанности нерѣдко весьма грубо. Тамъ, говорятъ, происходили случаи сопротивленія и даже побѣги.

Пока я былъ занятъ этими размышленіями, пароходъ, оказавшійся тѣмъ же „Веркольцемъ", на которомъ мы пріѣхали въ

Пинегу, отчалилъ отъ берега и поплылъ противъ теченія, мимо пустынныхъ, плоскихъ береговъ съ алебастровыми подмоинами и высокимъ сосновымъ лѣсомъ. Рѣка была широка; кое-гдѣ она дѣлала красивые извивы, огибала причудливой формы острова. Иногда берегъ выступалъ красивымъ мысомъ впередъ, и задумчивыя сосны какъ-то особенно безучастно отражались въ водѣ... Пароходъ вздрагивалъ, колеса отбивали мелкую дробь, свѣтло-зеленыя пятна береговъ бѣжали мимо, и все, исключая парохода, было полно безжизненной тишиной, неподвижностью и необъятнымъ покоемъ. Рѣдкія облака отражались въ водѣ, воздухъ холодѣлъ, и мы подвигались впередъ, на встрѣчу холодной сѣверной ночи и новымъ, еще неизвѣданнымъ впечатлѣніямъ.

Въ два часа ночи я вышелъ на верхнюю площадку. Было свѣтло, какъ днемъ. Слѣва и справа проносились высокіе лѣсистые холмы съ крутыми берегами и отмелями. Мы проѣхали пристань на Труфановой горѣ, и теперь намъ предстояла высадка на пустомъ берегу, откуда придется идти до деревни Усть-Ежеги. Здѣсь кончалась культурная Россія, и начиналась, по выраженію д-ра С. В., „Русь XII вѣка".

Багажа съ нами было очень много: С. В. взялъ, кромѣ полушубка, три теплыхъ пальто, затѣмъ его да мои саквояжи, чемоданы, ящикъ съ лекарствами, корзины съ провизіей, туяски (лукошки) съ яйцами и т. д. Собрали мы этотъ багажъ и стали думать, какъ добраться съ нимъ до деревни. Пока мы возились съ нимъ, увязывали да „упрощали", подошло нѣсколько человѣкъ съ сумками черезъ плечо, одѣтыхъ по-дорожному, но въ высокихъ сапогахъ и пиджакахъ. Я разговорился съ ними; это были „коновалы", доморощенные ветеринары, бродившіе по всей Руси и теперь возвращавшіеся на родину, на Мезень, къ началу полевыхъ работъ. Видя наше затрудненіе, они охотно предложили донести нашъ багажъ до почтовой станціи. Пароходъ далъ свистокъ и присталъ къ берегу, который представлялъ собою довольно крутую и рыхлую, еще не успѣвшую обсохнуть послѣ зимняго снѣга гору. Спустили шаткіе мостки. Сначала сошла группа крестьянъ съ котомками на плечахъ, толкаясь, перебраниваясь и шутя; затѣмъ матросы снесли наши вещи и сдали коноваламъ, которые, сложивъ свои котомки и сумки, впятеромъ, съ нашей помощью, едва могли нести нашу поклажу. Идти пришлось версты полторы, сначала въ гору, потомъ—по рыхлому полю.

Въ деревнѣ мы сразу попали въ атмосферу Руси если не XII-го то, во всякомъ случаѣ, очень отдаленнаго вѣка. Неуклюжая архи-

тектура избъ, полуобломанные наличники и коньки на крышѣ и окнахъ, кучи бревенъ тамъ и сямъ, первобытныя телѣги, сани, навозъ и грязь—все это говорило о примитивныхъ формахъ быта, о жизни кое-какъ, на-авось, лишь бы имѣть крышу для защиты отъ вѣтра и холода, да не умереть съ голода. О другихъ потребностяхъ судить было не по чему. Почтовая изба съ надписью и казеннымъ столбомъ казалась анахронизмомъ во всей этой обстановкѣ, возбуждавшей настроеніе поэтической архаичности, и мы, чтобы переходъ въ глубь вѣковъ не былъ слишкомъ рѣзкимъ, въ качествѣ людей, вкусившихъ цивилизаціи, съ радостью направились къ почтѣ.

Насъ встрѣтилъ приземистый, придурковатый малый, который объявилъ, что лошадей свободныхъ нѣтъ: ожидаютъ почту.

— А когда почта придетъ?

— А кто ее знаетъ. Можетъ—завтра, можетъ—послѣ-завтра. Вчера бы ей надо быть.

— И земскихъ нѣтъ?

— Одна, надо быть, есть тамъ. Да ужъ, поди, ждутъ; какъ бы не заняли.

— Поди, узнай.

— Вотъ такъ оказія!—сказалъ я, обращаясь къ С. В., который уже улегся на кровать.

— Образуется,—отвѣчалъ онъ,—не слѣдуетъ волноваться.

Ждать у моря погоды на почтовой станціи было весьма непріятно. Я испытывалъ это десятки разъ въ разныхъ губерніяхъ, но всегда съ одинаковой скукой и нетерпѣніемъ. Было тѣмъ болѣе досадно, что Усть-Ежега состояла всего изъ пяти-шести дворовъ, и въ ней, судя по общимъ признакамъ, не было ничего интереснаго. На этотъ разъ судьба была милостива—малый вернулся и объявилъ, что одна лошадь свободна.

— А покажи-ка мнѣ твою почтовую книгу, гдѣ она у тебя?—полюбопытствовалъ

— Книгу спрашиваете?—переспросилъ парень съ глупымъ видомъ.

— Да, книгу. Подай-ка ее сюда.

С. В. былъ, повидимому, знакомъ съ почтовыми порядками, и въ первый и въ послѣдній разъ въ теченіе нашей поѣздки проявилъ это знакомство активнымъ образомъ.

— Какà-такà книга?

— Какъ „какà-такà книга"?! Почтовая книга!—закричалъ на него С. В.—Подавай ее сейчасъ, живо!

Малый подалъ книгу. Послѣдняя почта была отмѣчена три дня тому назадъ.

— Значитъ, лошади всѣ дома?

— Нѣтъ... тутъ,—началъ путать малый,—одна подвода не записана...

— Ничего не разберу,—сказалъ С. В., бросая книгу.

Я пошелъ на земскую станцію и записалъ послѣднюю лошадь. Тамъ мнѣ сообщили, что до слѣдующей станціи проѣхать на лошадяхъ нельзя: не наведены мосты и трактъ не исправленъ: придется тринадцать верстъ ѣхать въ карбасѣ, а остальныя восемь или девять—на лошади, которая будетъ ожидать въ опредѣленномъ пунктѣ.

Случился и попутчикъ,—чиновникъ лѣсного вѣдомства, въ формѣ, пробиравшійся на шведскій лѣсопильный заводъ, невдалекѣ отъ Пустозерска. Опять понесли наши вещи, но уже къ берегу другой рѣки, Ежеги, впадающей въ Пинегу. Спускаясь по кручѣ, къ рѣкѣ, мы прошли мимо группы спавшихъ рабочихъ, лежавшихъ подъ еле-прикрытымъ навѣсомъ, безъ всякой подстилки, на мокрой и холодной землѣ. Завернувшись въ худые армяки и надвинувъ картузы, они сбились въ одну груду, подъ навѣсъ, поближе къ кучѣ золы послѣ вчерашняго костра. Худые, загорѣлые, грязные, они производили жалкое впечатлѣніе.

— Вы пустили бы ихъ въ избу переночевать, — обратился я къ одному изъ ямщиковъ, который несъ охапку сѣна въ лодку.

— Ихъ-то?—презрительно метнулъ онъ на нихъ головой.— И такъ поживутъ (т.-е. поспятъ); гдѣ на такую ораву теплыхъ угловъ напасешься? Порато (т.-е. очень) ихъ много, идутъ да идутъ.

Спустились къ рѣкѣ. Какой видъ! Рѣка, извилистая, капризная, текла среди холмовъ, то отбѣгавшихъ отъ нея, то придвигавшихся почти вплотную. По холмамъ лѣпились ели и сосны, причудливо распластавъ въ воздухѣ свои изогнутыя, полуобнаженныя вѣтви. Надъ соснами клубились тяжелыя, сѣрыя тучи; выше ихъ взбѣгали, отражаясь въ рѣкѣ, легкія, бѣлоснѣжныя облака, уже кое-гдѣ пронизанныя лучами восходящаго солнца. Его не было видно, но оно чувствовалось въ смягченной прозрачности воздуха, въ рѣзкости очертаній дальнихъ холмовъ, и только по кустамъ кое-гдѣ таяли бѣлые клочья ночного тумана. Ко мнѣ подошелъ старикъ въ одной рубашкѣ и портахъ, несмотря на порядочный холодъ, еще бодрый и крѣпкій, безъ сѣдины въ волосахъ.

— Что на рѣку-те глядишь? Хорошо довезутъ парни, живо. Носаста (извилиста) у насъ рѣка, а то можно бы и поскорѣе, кабы прямикомъ. Ну, да Господь у насъ не спрашивалъ, какъ рѣки прокладывалъ. Куда, значитъ, пала, туда и потекла. Охъ-хо!

Онъ закашлялся и засмѣялся своимъ беззубымъ ртомъ.

— Куда путь держишь?

— На Печору.

— Хороши мѣста, всего вдоволь, и звѣря тебѣ, и рыбы, чего хошь. И лѣсà тамъ — ахти, какіе лѣсà! Не то, что у насъ. У насъ все тутъ повырублено да сплавлено, все наше богачество за море ушло. Теперь, скажу тебѣ, осталась тамъ падь одна, вѣтромъ какъ сморганетъ ее, такъ и валомъ валитъ.

— Какъ это такъ?

— Прежде, какъ стоялъ лѣсъ стѣна-стѣной, густой такой, что не прорыскнешь скрозь его,—буря съ нимъ ничего подѣлать не могла, такъ и пронесется по верху, надъ лѣсомъ, гдѣ-гдѣ развѣ на бору сосенку запалитъ, а ноньче, какъ налетитъ непогода, такъ тысячами ломаетъ. Мужики и сказываютъ: „За насъ наказываетъ Богъ, что лѣсу-то намъ не даютъ, за каждое дерево штрафуютъ, а сами-то лучшіе лѣсà за море, къ нѣмцамъ, шлютъ. А ему, деревцу-то, чтобы вырости, больше ста лѣтъ стоять надо. Господь и видитъ, что Его добро погибаетъ, Онъ и казнитъ“...

Наконецъ выплескали воду изъ лодки, уложили въ него вещи, причемъ новый нашъ спутникъ, въ форменной фуражкѣ, какъ истый чиновникъ, ѣдущій по казенной надобности, немилосердно бранилъ ямщиковъ.

— Парусъ, гдѣ парусъ? Вы должны имѣть парусъ, по закону должны!—кричалъ онъ, особенно напирая на слово „должны“.

— Парусъ, гдѣ у насъ парусъ, а? Матрена, слышь, гдѣ у насъ парусъ?—отнесся къ возившейся бабѣ одинъ изъ ямщиковъ, на котораго обрушился чиновникъ.

— Какой парусъ? Нѣтъ, вить, у насъ паруса.

— Какъ же ты смѣешь, такой-сякой, отводить мнѣ глаза!— раскричалось начальство.—Нѣтъ паруса у тебя, а между тѣмъ, смотри,—вѣтеръ попутный.

— Да оно ништо—поноснòй (попутный) вѣтеръ... Да, вишь ты, былъ тутъ у мужика одново парусъ, да мужика-то нѣту-ти дома, на работу ушелъ... Матрена, а Марья дома-те?

— Дома, слышь...

— Дома? да она, все равно, не дастъ безъ мужа-те, ни по

чемъ не дастъ. Вотъ грѣхъ-то... Да мы и такъ сволокёмъ,— сказалъ ямщикъ съ виноватой улыбкой, поднимая добродушное лицо на „начальство",—ты не сумлѣвайся...

— Брезентъ!.. Гдѣ твой брезентъ?—кричалъ черезъ минуту чиновникъ уже на Матрену. — Развѣ эта тряпка прикроетъ вещи отъ дождя? Гдѣ брезентъ, спрашиваю? По закону ты обязанъ имѣть...

— Какой тебѣ брезентъ? — бойко отвѣчаетъ Матрена: — вишь, холстомъ покрываю, чего еще! Подтокну со всѣхъ сторонъ—оно и ладно будетъ, чего кричишь зря!

Строптивый чиновникъ нашелъ еще нѣсколько вопіющихъ нарушеній закона, но предпочелъ, тѣмъ не менѣе, примириться съ этими нарушеніями и ѣхать, чѣмъ остаться въ Усть-Ежегѣ и добиваться возстановленія попранныхъ уставовъ и поруганныхъ правъ проѣзжающихъ. Мы усѣлись въ карбасъ, порядочную лодку, помѣстившую, кромѣ насъ троихъ, еще двоихъ ямщиковъ и весь нашъ багажъ; третій ямщикъ схватилъ привязанную къ мачтѣ длинную веревку и побѣжалъ вдоль берега, противъ теченія. Вотъ она натянулась, карбасъ качнулся, его оттолкнули отъ берега,—и мы тронулись, поползли.

Было четыре часа утра; воздухъ былъ прозраченъ, небо впереди было ясно; повидимому, ничто не предвѣщало близкаго дождя. Мы подвигались впередъ медленно, берега были красивы, и это раннее путешествіе мнѣ начинало нравиться своей необычайностью и той тишиной, среди которой оно совершалось. Поскрипывала мачта, когда парень особенно налегалъ на лямку, перекликались кулички, тихо всплескивала вода у бортовъ лодки, и за этими звуками наступала вдругъ минута-другая невозмутимаго, томительнаго молчанія. Дремота, казалось, была разлита въ воздухѣ, но спать не хотѣлось. Мѣнялись виды, мѣнялись ямщики на лямкахъ, мѣнялся вѣтеръ, то подгонявшій лодку, то дувшій намъ прямо въ лицо и приносившій откуда-то новыя облака. Но настроеніе оставалось все то же,—необъятная, величественно-прекрасная, холодная мечта сѣвера схватывала душу и уносила далеко-далеко, останавливая въ ней всѣ воспоминанія, всѣ помышленія о прошломъ и будущемъ, и только легкая грусть на днѣ ея курилась, какъ ѳиміамъ, поднимаясь отъ земли все выше и выше...

— Ganz poetisch!—сказалъ С. В., завертываясь въ шубу.

Вотъ сорвалась у берега одна утка, за ней черезъ нѣкоторое время другая. Нашъ случайный спутникъ встрепенулся и выхватилъ ружье:— „Стой, стой!" —сдавленнымъ шопотомъ закри-

чалъ онъ:—„причаливай къ берегу". Онъ выскочилъ на берегъ и скоро скрылся въ кустахъ. Мы остались ждать въ лодкѣ. Прошло минутъ пять. Гулко раздался выстрѣлъ. Утка съ крикомъ пролетѣла мимо и скрылась на противоположномъ берегу рѣки.

— Много ихъ тутъ,—замѣтилъ ямщикъ, свертывая папиросу.

— Охотится на нихъ кто-нибудь?

— Мужики бьютъ, у кого ружье есть и время позволяетъ. Да только мало, неохота отъ работы по нимъ-то идти, а такихъ-то, чтобъ настоящіе охотники — нѣтъ. Развѣ изъ города пріѣзжаютъ.

Раздался второй выстрѣлъ, потомъ третій, далеко отдавшись за рѣкой. Защебетала какая-то птичка, напоминающая голосомъ нашу малиновку. Минуты черезъ двѣ вернулся нашъ охотникъ съ пустыми руками и объявилъ, что ружье у него не пристрѣлено: криво бьетъ.

Снова тронулись въ путь, и снова охватило меня то дремотное и сладкое состояніе, при которомъ такъ хорошо не думать, не желать, а, если такъ можно выразиться, полу-жить отдыхомъ отъ мыслей и чувствъ.

— А что, не будетъ дождя?—обратился вдругъ нашъ попутчикъ къ ямщику.

— А кто ё знаетъ! Одначе, надо думать, что будетъ.

— Почему ты думаешь?

— Потому, какъ у насъ всего много: послѣ дождя погода, послѣ погоды—дождь.

Я посмотрѣлъ на небо, — недавно ясное, оно задернулось теперь мутно-сѣрой пеленой. Пророчество ямщика сбылось, и не прошло полчаса, какъ мелкій холодный дождь вернулъ меня къ дѣйствительности. Быстро разсѣялось то состояніе, въ которомъ я не ощущалъ ни пространства, ни времени; черезъ минуту я сидѣлъ съёжившись подъ непромокаемымъ плащомъ, по которому вода великолѣпно стекала прямо на наши вещи и на доски. Я сидѣлъ и поглядывалъ на небо, не вздумается ли дождю перестать. О томъ же мечтали, думаю, и мои спутники; чиновникъ завернулся въ енотовую шубу, которой я, вздрагивая отъ холода, сказать между нами, немного завидовалъ. Перемѣна погоды дала поводъ строгому блюстителю законовъ еще разъ побранить ямщиковъ за неисполненіе почтовыхъ правилъ, на что тѣ не отвѣчали ни слова и только понуро смотрѣли въ сторону. И они, видимо, зябли и охотно смѣнялись на волокѣ,— изъ нихъ никто не догадался взять армяка.

Часы ползли медленно. Дождь пересталъ, но солнце еще не показывалось; наконецъ выглянуло и оно и принесло съ собой больше свѣта, чѣмъ тепла. Береговые ландшафты были очень красивы, но вниманіе не хотѣло останавливаться на нихъ. Всѣ угрюмо молчали.

— Господа, давайте разсказывать сказки,—неожиданно обратился къ намъ С. В.—Для начала, если хотите, я вамъ разскажу, что̀ слышалъ въ воронежской губерніи отъ крестьянъ.— И разсказалъ про Илью и Николу, какъ они соперничали въ своемъ могуществѣ и значеніи по отношенію къ мужику.

— У насъ то же разсказываютъ, — сказалъ ямщикъ, и разсказалъ совсѣмъ другое: какъ солдатъ чорта въ карты обыгралъ.

Между тѣмъ лодка обогнула небольшой мысокъ, и на отлогомъ берегу мы увидѣли трое допотопныхъ, крестьянскихъ дрогъ, запряженныхъ низкорослыми, безобразными на видъ лошадьми, возлѣ которыхъ хлопотали дѣвчонки въ длинныхъ мужскихъ сапогахъ; тутъ же по берегу шла, подымаясь въ гору, почтовая дорога.

Взглянули на часы—безъ четверти одиннадцать,—такимъ образомъ мы плыли, противъ теченія, почти шесть шасовъ—многонько для тринадцати верстъ, но и за то спасибо этимъ добрымъ людямъ, согласившимся везти на себѣ людей. Конфузливое чувство, кольнувшее меня въ первый же моментъ, какъ я вошелъ въ лодку, я испытывалъ много разъ и потомъ, когда приходилось пользоваться при передвиженіяхъ подобнымъ трудомъ, и не только мужскимъ, но и женскимъ, но я не находилъ въ себѣ достаточно характера, чтобы демонстративно отказаться отъ него и остаться со всей кладью, что называется, на мели.

Итакъ, на берегу ждали насъ лошади. Давъ поѣсть ямщикамъ изъ котелка, привезеннаго дѣвушками, мы кое-какъ размѣстились на дрогахъ и тронулись въ путь, если безъ удобствъ, то съ надеждой съ большей скоростью подвигаться впередъ. Дѣйствительно, гдѣ только можно было, лошадки бѣжали бойко, сами, безъ всякаго понуканія.

III.

На лошадяхъ.—Почтовыя станціи. —По Усть-Ежегѣ мезенской. — Иванъ - да - Прасковья.—Привалъ.

Дорога тянулась лѣсомъ живописно и однообразно, мѣстами болотистая, но въ общемъ, несмотря на раннее время, вполнѣ проѣзжая. Солнце поднялось высоко, стало гораздо теплѣе, но

ни комаровъ, ни мошкары — бича здѣшнихъ странъ — еще не было: ихъ время еще не пришло. Здѣсь въ лѣсу было гораздо больше жизни: слышались мягкіе раскатцы синички, посвистывали рябчики, покрикивали „травнички"... Нашъ охотникъ уже не дѣлалъ попытокъ охотиться за дичью, несмотря на отчаянные призывы Богъ-вѣсть откуда взявшейся лайки, открывавшей, по объясненію ямщиковъ, то косача, то пеструху.

Непривѣтливъ видъ здѣшнихъ почтовыхъ станцій. Подъѣзжая, путникъ видитъ окрашенную въ однообразный цвѣтъ этапную избу, затѣмъ „станцію", съ казенно-скучными комнатами для проѣзжающихъ, телѣгами на грязномъ дворѣ, хмурыми лицами ямщиковъ. Неказистая жизнь, правду сказать: живутъ здѣсь люди, отрѣзанные отъ всего міра, по три-четыре человѣка на каждой изъ станцій, не зная покоя ни днемъ, ни ночью, питаясь Богъ вѣсть чѣмъ, большей частью сухой соленой рыбой, ячменнымъ хлѣбомъ да чаемъ. Изъ нихъ грамотный именуетъ себя писаремъ. Онъ записываетъ проѣзжающихъ, взимаетъ прогоны, получаетъ гривенники за самоваръ и, въ большинствѣ случаевъ, служитъ кошеваромъ своей маленькой артели. А кругомъ, саженяхъ въ пятидесяти, въ одну и въ другую сторону, сплошнымъ кольцомъ обступаетъ дремучій лѣсъ съ цѣлымъ сонмищемъ ужасовъ и привидѣній, которые держатъ мысль мѣстнаго обывателя въ суевѣрномъ страхѣ. Кромѣ воображаемыхъ ужасовъ, немало таится въ лѣсу и всякаго звѣрья, встрѣча съ которымъ далеко не всегда бываетъ безопасной: то-и-дѣло слышишь о медвѣдяхъ, о рысяхъ, объ ихъ попыткахъ напасть на лошадей и скотъ.

Таковы здѣшнія станціи, изъ которыхъ только одна — Чублассная нѣсколько напоминаетъ деревню. Здѣсь живутъ двѣ семьи братьевъ Кычиныхъ (фамилія распространенная въ Мезени), у которыхъ можно найти молоко и иногда свѣжую рыбу. Мы добрались сюда къ вечеру и рѣшили, не останавливаясь, ѣхать дальше. Чублассная расположена въ красивой холмистой мѣстности, съ кое-какими пашнями и лугами; при въѣздѣ, слѣва отъ дороги, стоитъ часовня, которую, къ сожалѣнію, за позднимъ временемъ, не удалось осмотрѣть.

Вошли въ избу, поговорили съ ямщиками. Они наразсказали всякихъ ужасовъ о дорогѣ въ Нисогоры, которая, будто бы, до того испортилась послѣ „роспуты", что ѣхать по ней, да еще съ тяжелымъ багажомъ, было, по ихъ словамъ, и мучительно, и небезопасно. Мосты кое-гдѣ не наведены какъ слѣдуетъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовались провалы. Вмѣсто лошадей, ямщики предложили везти насъ въ лодкѣ внизъ по теченію,

до Усть-Вашки, по Ежегѣ-рѣкѣ, не прежней пинежской, но другой, впадающей въ Мезень. Всего верстъ около пятидесяти.

— Часовъ въ шесть свеземъ. Уложимъ все, сами ляжете спать, и не замѣтите,—уговаривали ямщики.

— Да хороша ли у васъ лодка?

— Лодка? карбасъ-то? Да мы въ ней человѣкъ по десяти, кромѣ клади, возимъ... Чего лучше; лучше тутъ ни у кого нѣтъ...

Посовѣтовались мы, поторговались—сошлись на шести рубляхъ, седьмой на чай—„ежели вживѣ доставимъ".

Зашевелились ямщики, переложили багажъ на сани—единственно возможный здѣсь экипажъ по грязи, впрягли лошадей и тронулись къ рѣкѣ. Предстояло пройти версты три, по крестьянскому счету, о которомъ ходитъ характерная поговорка—„мѣрила Ненила — сама не ходила". Боже мой, что̀ это былъ за путь! Д-ру С. В. онъ казался безконечнымъ. Дремучій боръ еще не освободился отъ снѣга, топь стояла непролазная; во всѣхъ направленіяхъ бѣжали ручьи, которые приходилось переходить по топкимъ и скользкимъ жердямъ или же перескакивать. Ноги уходили въ мягкую и илистую почву, хлябавшую при каждомъ шагѣ. Мы съ С. В. поминутно оступались, скользили, падали, хватались за сучья. Дѣвчонки везли нашъ багажъ и самоотверженно, вмѣстѣ съ лошадьми, прыгали въ ручей съ гикомъ и крикомъ. Нѣсколько разъ, при переправахъ черезъ болѣе или менѣе широкіе потоки по импровизированнымъ мостикамъ, мысленно прощались мы со своими чемоданами и шубами, но въ самыя критическія минуты, когда сани скользили по краю жердочекъ, провожавшіе насъ ямщики приходили на помощь тѣмъ, что начинали неистово кричать: „Эхъ, ну, ну, кобыла, э, чортъ, а, о, ну!" Лошаденка дѣлала отчаянный прыжокъ — и багажъ, крѣпко увязанный въ саняхъ, летѣлъ, какъ по воздуху, на противоположную сторону. Наконецъ выбрались мы къ рѣкѣ, продрогшіе, усталые. Развели костеръ у лѣсной избушки, поставили котелокъ, выпили съ ямщиками водки, чаю, перемѣнили обувь и согрѣлись.

Была почти полночь, когда по крутому и вязкому грунту мы спустились къ самой рѣкѣ. Она довольно широка, течетъ быстро, кое-гдѣ порожиста, въ красивыхъ высокихъ берегахъ. Было темно, тучи обложили небо. Осмотрѣли мы карбасъ и пришли въ уныніе. Карбасъ оказался весьма подозрительной „осиновкой", валкой и малопомѣстительной. Однако дѣлать было нечего, никто и думать не хотѣлъ возвращаться въ деревню. Долго возились съ багажомъ, пока размѣстили его такъ, что въ

карбасѣ еле-еле могли помѣститься пять человѣкъ: трое насъ и двое ямщиковъ. Послѣдними оказались — владѣлецъ лодки, жиденькій мужиченко Иванъ, на рулѣ, и жена его, бойкая молодая бабенка—Прасковья. Усѣлись, отчалили. Иванъ попросилъ насъ не шевелиться — „потому на кормѣ запасу нѣтъ“, т.-е. лодка нагружена до краевъ. Быстро понеслись мы мимо высокаго берега со сторожкой и ярко горѣвшимъ костромъ. Скучившіеся тамъ ямщики громко желали намъ, слегка охмелѣвшими голосами, всякаго благополучія. Сдѣлали поворотъ, — и холодная, темная ночь охватила насъ. Мы ѣхали молча, подъ однообразные удары веселъ, повертывавшихся на скрипучихъ деревянныхъ уключинахъ, подъ шумъ безчисленныхъ ручьевъ, водопадами стекавшихъ въ рѣку съ обѣихъ сторонъ. Ухнулъ филинъ, разъ, другой. „Вишь, матюкается!“ (бранится)—сказала Прасковья своимъ наивнымъ голоскомъ, въ которомъ еще не отзвучали дѣтскія нотки. Мы отъ души смѣялись, когда она разсказала вслѣдъ затѣмъ, какъ перебраниваются мужики съ филиномъ, который ни за что не дастъ переругать себя.

Набѣжавшій вѣтерокъ отогналъ тучи, стало быстро свѣтать. Мои спутники завернулись въ шубы и давно спали мертвымъ сномъ; я же въ моемъ шерстяномъ полупальто ёжился отъ холода и не могъ уснуть. Берега просыпались, посвистывали кулички, чеготали сѣрые дрозды, иволга постукивала о сухое дерево. Отъ нечего дѣлать я разговорился съ Прасковьей. Она послѣ первыхъ же вопросовъ быстро-быстро заговорила своимъ мягкимъ сѣвернымъ говоркомъ, съ замѣной *ч* на *ц*, вродѣ, напримѣръ,—но*ц*ка, *ц*орный, съ оттяжками на удареніяхъ и характерными словечками. Въ нѣсколько минутъ она успѣла разсказать, откуда она и какъ вышла замужъ, сколько у нея „дитяшей“. Живется ей тяжело, много работы, свекоръ „шпыняетъ“, золовки прохода не даютъ... Все это она разсказывала бойко, весело, даже со смѣхомъ, передразнивая, какъ мужнина родня ее къ работѣ гонитъ, — „а я цѣмъ хузе ихъ, и мнѣ погулять охота“.

Иванъ молча, только покашливая глухо и хрипло, слушалъ болтовню жены. Та не унималась. Она была рада, видимо, подѣлиться тѣмъ, что̀ накипѣло у нея въ душѣ. Разсказала, какъ ее отрываютъ отъ дитяшей, заставляютъ „плавить“, т.-е. сплавлять, грести, отвозя пьяныхъ пассажировъ, и какъ тяжело бываетъ поднимать потомъ карбасъ волокомъ по рѣкѣ. „А Иванъ, знай себѣ, сидитъ на кормѣ, да покрикиваетъ: греби, греби!— не любитъ самъ грести-то!..“ Пожаловалась на то, какъ мало

онъ ее награждаетъ за труды: за шесть лѣтъ, что „плавила“, всего трое рукавовъ купилъ (три рубашки) да сарафанъ справилъ, а у нея кровавыя мозоли съ рукъ не сходятъ. Повѣдала и о своемъ отцѣ, который на праздникъ приходитъ къ нимъ, чтобы ругаться надъ нею, напиться и драться: „А на утро опять ничего, опять выпить проситъ“... И странно, даже жутко становилось слушать эту полу-дѣтскую, весело, насмѣшливо звучавшую рѣчь, раскрывавшую трогательную повѣсть страдальческой жизни. И чувствовалось въ то же время, что она любитъ, горячо любитъ своего жидкаго, чахоточнаго Ивана, отца ея „дитяшей“, связывавшихъ нерушимыми узами ея незавидную женскую долю, не давъ расцвѣсти душѣ и вырваться на волю затаенному жизненному порыву. Иванъ все молчалъ, словно его здѣсь не было. Только когда рѣчь зашла о томъ, что онъ сталъ запивать послѣднее время все чаще и чаще, онъ запротестовалъ и сталъ возражать, впрочемъ безъ особой убѣдительности.

— Пошто на людяхъ выговаривашь мнѣ?—наконецъ замѣтилъ онъ, уже не находя въ себѣ мужества отбиваться отъ нападеній жены.

— А тебѣ стыдно? — съ веселымъ смѣхомъ спросила Прасковья.

— Вѣстимо, стыдно...

— Ну, хоть на людяхъ постыдись, дома-то и Бога не стыдишься... Вишь, разсѣлся на кормѣ, словно дворянинъ: чтò бы на весла пойти, меня обмѣнить? Рубашки не справишь, вѣдь?

Иванъ ничего не отвѣтилъ. Снова все стихло. Стало совсѣмъ свѣтать. Рѣка то раздвигалась, переходя въ темноту ущелья, откуда съ шумомъ и трескомъ вырывался потокъ, то сходилась опять, поднимаясь лѣсистыми кручами, падая открытыми полянами, поросшими рѣдкимъ березникомъ и сосной. Съ слоистыхъ береговъ свѣшивался еще нераспустившійся ивнякъ; чахлая черемуха, тоже еще оголенная, сиротливо вытягивала вверхъ свои прутья. Только кое-гдѣ на лиственницѣ показывались почки. Весной еще не пахло.

Какая весна! Подулъ вѣтеръ съ сѣвера и принесъ, по своему скверному обыкновенію, такой холодъ, что руки коченѣли и карандашъ падалъ изъ рукъ. Не проходило и странное ощущеніе холода въ ногахъ, какъ я ни закутывалъ ихъ. Я рѣшилъ сѣсть на весла, вмѣсто Прасковьи, но едва приподнялся съ мѣста, какъ увидѣлъ, что въ лодкѣ было порядочно воды, и мои ноги, оказывается, были въ водѣ.

— Иванъ, а вѣдь лодка-то подтекаетъ.

— Тецётъ,—равнодушно отвѣтилъ онъ, словно это обстоятельство нисколько его не касалось.

— Такъ, вѣдь, выкачать надо, что-ли?

— Надо бы, неравно, сядемъ, запасу не хватать...

— Поворачивай къ берегу.

— Избушка сейчасъ будетъ.

Причалили. Проснулись и мои спутники отъ холода, забрались въ сторожку и развели огонь. Низенькая сторожка, построенная лѣсопромышленниками такъ, что въ нее можно было попасть только ползкомъ, быстро наполнилась дымомъ, который невыносимо ѣлъ глаза. Развели другой костеръ на морозномъ воздухѣ, заварили чаю въ котелкѣ. Иванъ въ это время сложилъ черпакъ изъ бересты и заставилъ Прасковью выкачивать воду. Мы потребовали, чтобы этимъ онъ занялся самъ. Съ неохотой пошелъ онъ къ берегу, и черезъ минуту иззябшая, улыбающаяся Прасковья исчезла въ невообразимо-дымной избушкѣ, затворивъ за собой дверь. Какъ истыя дѣти природы, они поѣхали въ дальній путь, въ чемъ были, не взявъ съ собой ни армяковъ, ни даже рогожнаго мѣшка. Весь продрогшій прибѣжалъ и Иванъ, выпилъ водки и тоже полѣзъ въ избушку. Легкій туманъ клубился надъ рѣкой: отъ дыханья шелъ паръ.

Обогрѣвшись, тронулись дальше. Вода не уходила изъ лодки. Иванъ успокоилъ насъ тѣмъ, что лодка рассохлась, но, дастъ Богъ, доѣдемъ, потому что—вотъ уже три года возитъ онъ въ ней сѣдоковъ—и ничего.

— Какъ же это ты, братецъ,—началъ-было лѣсной чиновникъ,—ты, вѣдь, обязанъ...—да и не кончилъ, махнулъ рукой и, завернувшись въ шубу, улегся спать.

— Русь XII вѣка,—проговорилъ С. В., принимаясь за англійскую книгу.

На весла сѣлъ Иванъ, но гребъ недолго: онъ часто и прерывисто дышалъ, поднималъ весла и по нѣскольку минутъ оставался въ задумчивой неподвижности.

— Ужъ и что́ же ты за слабый!—сказала ему Прасковья: —только и знаешь, что кхе-кхе, кхе-кхе... Иди на корму!

Иванъ послушно полѣзъ на корму. На весла сѣла Прасковья, потомъ я замѣнилъ ее.

Время шло. Медленно и неохотно всходило солнце. Въ одной изъ избушекъ, уже недалеко отъ Мезени-рѣки, нашли мы бабъ, промышлявшихъ рыбу, и купили свѣжихъ сиговъ. Я съ удовольствіемъ варилъ уху на морозномъ воздухѣ, по вдохновенію под-

бавляя въ нее изъ нашихъ запасовъ пшена, перцу и соли. Уха вышла на славу.

Стали подъѣзжать къ Мезени-рѣкѣ. Вѣтеръ усиливался, волна начинала заглядывать въ лодку. Мы не шевелились, боясь опрокинуться. Я гребъ до мозолей. Послѣ маленькаго приключенія съ плотами, которые загородили рѣку, мы прибыли къ устью при сильномъ волненіи и вѣтрѣ, и рѣшили остановиться и отдохнуть въ расположенной неподалеку Ущельской обители преподобнаго Іова.

IV.

Ущелье.—Обитель преподобнаго Іова.—Кончина его и паденіе обители.—Новѣйшая исторія ея возникновенія.—Личность основательницы.—Село Усть-Вашка.

Обитель, кромѣ отдыха, доставила намъ рядъ впечатлѣній, исполненныхъ глубокаго интереса. Поэтому мнѣ хотѣлось бы подробнѣе остановиться на ней.

Ущельская община преподобнаго Іова расположена на высокомъ, поросшемъ вѣковыми соснами, берегу рѣки Мезени. Есть что-то по истинѣ возвышающее душу въ дикой суровости этого сѣвернаго ландшафта съ его вѣчными пѣснями вѣтра и бурливымъ прибоемъ величественной пустынной рѣки. Скромная деревянная церковь, недавно отстроенная по старинному образцу, небольшой деревянный домъ—собственно обитель,—почти на самомъ берегу, да нѣсколько службъ, разбросанныхъ между соснами,—вотъ ея внѣшній видъ. Берегъ, саженей на пятьдесятъ, круто, почти отвѣсно, спускается къ рѣкѣ, и онъ обросъ могучими живописными соснами, которыя кажутся здѣсь какими-то сказочными, богатырскими, угрюмо сосредоточенными въ ожиданіи страшныхъ сѣверныхъ бурь. Всюду, куда ни посмотришь, раздолье и просторъ, нависшія сѣрыя тучи, бѣлые гребни волнъ; темная, молчаливая полоса лѣса на далекомъ противоположномъ берегу, желтѣющія отмели... все полно какой-то особенной, скрытой мощи духа, отрадой тоскующей и нашедшей здѣсь отдыхъ души...

Преподобный Іовъ, избравшій нѣкогда этотъ край мѣстомъ своего пустынножительства, обладалъ несомнѣнно поэтической душой. Трудно найти обстановку, которая могла бы такъ гармонично настроивать душу на умерщвленіе плоти, на постъ, размышленіе и молитву. Грѣшныя мысли о мелочномъ, суетномъ, искусственномъ, что̀ выработала современная городская жизнь,

сами собой не идутъ на умъ, который настраивается здѣсь, даже у такъ называемыхъ нерелигіозныхъ людей, на суровую думу объ истинныхъ путяхъ жизни, о подвигахъ духа, о недремлющей и терпѣливой смерти. Здѣсь мнѣ вспомнилось изреченіе монаха, уединившагося въ одномъ изъ скитовъ вблизи Троице-Сергіевскаго монастыря.

Мы спорили съ нимъ о цѣлесообразности мірской и пустынной жизни. Я доказывалъ ему съ горячностью двадцатилѣтняго юноши, что большій подвигъ жить праведнымъ въ міру, чѣмъ въ пустынѣ. Онъ возражалъ, указывая на общее значеніе отшельничества, потомъ задумался, помолчалъ и сказалъ уже совсѣмъ другимъ тономъ: „Въ одномъ вы правы, пожалуй: въ міру великій подвигъ, на который отважатся немногіе люди,— не лгать самому себѣ, не закрывать отъ себя самого, что̀ есть жизнь, — остальное приложится само собой; здѣсь же, когда человѣкъ одинъ, среди этихъ лѣсовъ и пещеръ, былъ бы великій подвигъ—солгать, обмануть себя въ самомъ важномъ, чѣмъ живетъ человѣкъ“...

Немного свѣдѣній я могъ собрать о мѣстномъ угодникѣ. Въ 1614 году пришелъ сюда изъ Соловецкой обители іеромонахъ Іовъ (изъ рода Мазовскихъ), посвященный лѣтъ пять назадъ въ этотъ санъ новгородскимъ митрополитомъ Исидоромъ. Посвященіе состоялось въ Соловкахъ, въ церкви Преображенія Господня, что̀ въ общемъ монастырѣ преподобныхъ Зосимы и Савватія. То было время расцвѣта иноческой жизни, когда по всѣмъ островамъ жили пустынники, которые, по монашескому выраженію, „умертвивъ плоть, очищеннымъ духомъ высоко парили надъ землей“.

Что̀ привело Іова на мезенскіе берега, послѣ семилѣтняго пребыванія въ Соловкахъ, остается неизвѣстнымъ,—вѣроятно, исканіе новыхъ, болѣе пустынныхъ мѣстъ, гдѣ имѣло бы значеніе основать и устроить новую обитель. Именно эта цѣль привлекла сюда, можно думать, предпріимчиваго инока, а не одно лишь желаніе пустыннаго, удаленнаго отъ людей житія. Крестьяне, которыхъ онъ засталъ здѣсь, отвели ему урочище Ущелье, съ холмами, усѣянными мелкимъ щебнемъ („щелью“, откуда и слово „Ущелье“), съ долинами и глубокими впадинами, на мѣстѣ впаденія въ Мезень рѣкъ Ежуги и Вашки. Построилъ іеромонахъ Іовъ часовню въ честь Рождества Христова, собралъ около себя братію и обратился къ царю Михаилу Ѳеодоровичу съ усерднымъ челобитіемъ пожаловать—„то пустое мѣсто Ущелью—отъ Устьежуги рѣки горную землю, да вверхъ по Мезень до Ужор-

скіе виски, и Ужорскую виску для рыбной ловли, да чернаго лѣсу по двѣ версты въ гору, и два островка присадные на Мезени, да рыбные де ловли на Мезени противъ Ущелье,—дати на оброкъ (за пять алтынъ ежегодно)—къ Рождеству Христову для монастырскаго строенія". Государь пожаловалъ грамотой отъ 14-го августа 1615 года.

Тогда на мѣстѣ часовни была построена церковь, возведены братскія кельи. Можно думать, что слова древняго біографа нашего подвижника не были одной обычной формулой, когда онъ писалъ объ Іовѣ: „Съ Божьей помощью, такъ устроилъ преподобный Іовъ обитель Ущельскую, и пребывалъ въ ней съ братіею, благоугодно подвизаясь въ постахъ и молитвахъ, трудами своихъ рукъ снискивая пропитаніе". Только суровымъ самоотверженнымъ трудомъ можно было обезпечить себѣ здѣсь защиту отъ холода и голода, и только личнымъ примѣромъ можно было привлечь и подчинить монастырскому порядку жизни такихъ же тружениковъ, каковыми должны были быть впервые устроители Ущельской обители подъ руководствомъ Іова.

Богатѣйшія рыбныя и звѣриныя ловли, можетъ быть притокъ богомольцевъ, въ связи съ упорной работой братіи по устройству монастыря, вызвали, вѣроятно, обильный притокъ жизненныхъ средствъ, и вѣсть о богатствѣ обители быстро стала распространяться въ окрестностяхъ. По крайней мѣрѣ, такъ только и можно объяснить кровавую драму, разыгравшуюся 5-го августа 1628 года. Біографы рисуютъ страшную картину. Сѣнокосъ въ самомъ разгарѣ. Вся братія на работѣ. Въ обители остался одинъ Іовъ. Въ это время пробралась за ограду разбойничья ватага и, схвативъ одинокаго, беззащитнаго человѣка, потребовала выдачи богатствъ,—„однако ничего не получили". Морозъ пробѣгаетъ по кожѣ, когда читаешь описаніе (пусть даже позже составленное) возможныхъ въ той дикой обстановкѣ истязаній. „Въ иступленіи они стали жечь преподобнаго огнемъ, били, влачили по землѣ, такъ что тѣло его раздиралось по частямъ, и, наконецъ, отсѣкли страдальцу голову". Братія съ ужасомъ нашла, возвратившись, бездыханное тѣло своего настоятеля и погребла его. Надъ гробомъ его стали, по преданію, совершаться чудеса; 3-го ноября 1739 года былъ установленъ фактъ нетлѣнія мощей, и онѣ положены подъ спудомъ въ часовнѣ возлѣ церкви.

Лишившись своего вдохновителя, обитель, повидимому, остановилась въ своемъ быстромъ развитіи. Она не играла видной

роли въ исторіи края и мало-по-малу, вѣроятно по недостатку предпріимчивыхъ и талантливыхъ людей, пришла въ упадокъ.

Изъ представленной въ 1741 года въ коллегію экономіи вѣдомости видно, что въ пустыни былъ тогда только одинъ іеромонахъ, безъ братіи, съ девятью служителями и двадцатью-девятью разночинцами. Пашенной земли имѣлось восемнадцать четвертей, сѣна получалось тысячу пятьсотъ копенъ, была мельница; при этомъ ежегодный доходъ не превышалъ тридцати-трехъ рублей, тридцати-четырехъ копѣекъ, а хлѣба сбиралось девяносто-пять четвертей. Около того же времени Ущельская мужская обитель и была закрыта.

Мы присутствуемъ при новой, весьма любопытной работѣ надъ возстановленіемъ Ущельской общины, но уже женской и на другихъ основаніяхъ. Это въ полномъ смыслѣ трудовая община, безъ наружной монастырской елейности, безъ обычнаго слащаваго монастырскаго шаблона. Устроительницей явилась женщина замѣчательная во многихъ отношеніяхъ.

Уроженка села Карачелки, челябинскаго уѣзда, въ міру Прасковья Игнатьевна Пяткина, въ монашествѣ мать Магдалина, съ семилѣтняго возраста жившая въ челябинскомъ монастырѣ, пожелала устроить въ одномъ изъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи трудовую женскую общину. Выборъ ея остановился на Ущельскомъ урочищѣ, и она поселилась здѣсь въ апрѣлѣ 1900 года. Населеніе приняло инокиню Магдалину очень хорошо. Мысль объ организаціи такой общины, гдѣ молодыя дѣвушки учились бы и пріучались къ труду, нашла живой откликъ въ крестьянской средѣ, и цѣлыя три общества единодушно уступили въ вѣчное владѣніе до сорока-пяти десятинъ сѣнокосной и пахотной земли. Безъ средствъ, безъ связей, съ одной горячей вѣрой въ свое дѣло и энергіей, помѣстилась инокиня Магдалина въ сторожкѣ и начала дѣйствовать. Открытіе общины было обусловлено взносомъ въ пять тысячъ рублей. Они явились совершенно случайно: одна дама рѣшила провести остатокъ дней на покоѣ; прочитавъ въ „Русскомъ Паломникѣ" статью объ Ущельѣ и услыхавъ о намѣреніи открыть тамъ общину, пожертвовала эту сумму; такимъ образомъ, оффиціальное признаніе общины было обезпечено. Явились мѣстные жертвователи, которые предоставили необходимый для построекъ древесный матеріалъ. Былъ выстроенъ небольшой двухъ-этажный домъ для обители, школа для дѣвочекъ, службы. Мало-по-малу стали являться и послушницы, большею частью изъ зырянокъ-ижемокъ. Трудно было съ ними вначалѣ: зырянки не понимали по-русски, не были прі-

учены ни къ домашнему порядку, ни къ сельской работѣ. Одна, безъ помощницъ, стала м. Магдалина учить ихъ и читать, и пѣть въ церкви, и шить, и работать. Въ то же время необходимо было заботиться и объ одеждѣ ихъ и пищѣ: дѣвушки приходили, въ чемъ были, безъ малѣйшихъ средствъ и помощи изъ дому. Надо было и въ полѣ работать съ ними, жать и косить, пока онѣ не пріучились, и гряды копать, заводить парники, и доить коровъ, и стряпать. Всему этому приходилось учиться самой матушкѣ-Магдалинѣ, такъ какъ у себя въ Челябинскѣ она этихъ работъ не знала. Въ теченіе трехъ лѣтъ обитель стала неузнаваемой: образовался порядочный хоръ; число послушницъ увеличилось до пятидесяти человѣкъ, кромѣ четырехъ монакинь; хозяйство получило образцовый видъ: теперь сѣютъ рожь, ячмень, овесъ; съ луговъ получаютъ столько сѣна, что его вполнѣ хватаетъ на прокормленіе четырехъ лошадей и двѣнадцати коровъ.

Женскій трудъ нашелъ здѣсь разнообразное и благородное примѣненіе: изъ полудикихъ, невѣжественныхъ дѣвушекъ вышли отличныя хозяйки, не уступающія въ количествѣ работы заправскому работнику-мужику, а качествомъ далеко превосходящія его.

Въ бурю-непогоду съ ними не страшно пуститься подъ парусомъ по Мезени; онѣ неутомимо гребутъ, превосходно управляютъ парусомъ. Въ нѣкоторыхъ проявились способности къ рукодѣліямъ и ремесламъ: однѣ изъ дѣвушекъ заготовляютъ на всю общину обувь; другія шьютъ одежду, вяжутъ типичныя рукавицы и узорчатые чулки. Въ огородахъ обители стали рости, благодаря заботливому уходу, такіе овощи, какихъ не видывалъ печоро-мезенскій край, какъ, напримѣръ, свекла, морковь, огурцы, салатъ, макъ. Даже пробовали сѣять пшеницу—и та выросла превосходно, опровергая всѣ географическія свѣдѣнія о поясахъ.

Школу, пока еще бѣдно обставленную, охотно посѣщаютъ окрестныя дѣвочки и дѣвушки, въ возрастахъ отъ шести до двадцати лѣтъ. Учительницей состоитъ одна изъ послушницъ.

Вначалѣ населеніе относилось къ различнымъ нововведеніямъ очень сдержанно, даже недовѣрчиво, но потомъ это отношеніе рѣзко измѣнилось. „Увидѣли, что я никого не обижаю, напротивъ, имъ же дѣлаю добро—ну, и поуспокоились,—разсказывала матушка-Магдалина.—Ближніе крестьяне, захватившіе нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ старую монастырскую землю, испугались-было, какъ бы у нихъ не отняли ее; но какъ увидѣли, что никто не посягаетъ на ихъ добро, стали относиться лучше. Правда, обижаютъ иногда, ну, да съ ними лучше въ мирѣ жить".

— Какъ же они васъ обижаютъ, матушка?

— Да всячески. Договорятся, напримѣръ, двѣнадцать сажень дровъ привезти, а привезутъ всего одиннадцать, деньги же впередъ возьмутъ. Былъ и такой случай: посѣяли мы рожь въ одномъ мѣстѣ, сжали, а когда пріѣхали за снопами, то увидали, что снопы увозитъ себѣ, такъ, здорово-живешь, одинъ тутъ мужикъ. Э, много разсказывать, тяжеленько бывало. И ихъ жалко,— сами бѣдняки, за всѣмъ въ обитель идутъ, а между тѣмъ, изъ какого-то непонятнаго, тупого упорства, мѣшаютъ работать. Виной всему недовѣріе къ женскому труду, грубое отношеніе къ женщинѣ вообще. „Чего баба сдѣлать можетъ?"—говорятъ. Ну, да теперь легче.

Нѣтъ, такая женщина, какъ матушка-Магдалина, много можетъ сдѣлать своимъ упорнымъ трудомъ и желѣзной волей. Стоитъ только присмотрѣться къ внутреннему строю жизни обители, къ тому, какая въ ней заведена дисциплина и порядокъ. За всѣмъ наблюдаетъ зоркій глазъ настоятельницы. „Матушка, благословите то сдѣлать, другое,—лошадей въ поле отвести, дровъ нарубить!"—только и слышишь. И этихъ результатовъ добилась она въ какіе-нибудь три-четыре года. Молва объ этой обители распространилась уже по краю и привлекла къ ней всеобщее довѣріе. Мезенскій купецъ Ружниковъ отказалъ, умирая, въ пользу общины домъ въ Мезени съ землей; управленіе государственными имуществами соглашается увеличить надѣлъ земли до полутораста десятинъ еще. Такъ-то скромно, затерявшись въ мезенскихъ пустыняхъ и лѣсахъ, ростетъ и развивается эта трудовая община, живое, на нашихъ глазахъ, повтореніе многихъ подобныхъ же обителей, значеніе которыхъ давно уже отошло въ исторію.

Интересенъ былъ и разсказъ о мотивахъ, вызвавшихъ матушку къ основанію общины.

— Другой жизни я не знала, кромѣ монашеской. Читала много духовныхъ книгъ. Въ особенности на меня повліяло житіе св. Сергія Преподобнаго, какъ онъ пустынь свою устраивалъ. И меня потянуло изъ нашего многолюднаго монастыря въ Челябинскѣ, гдѣ было болѣе трехсотъ монашенокъ, на просторъ, въ тихое уединеніе, гдѣ можно было бы не безъ пользы приложить свои руки. Много ночей напролетъ я продумала объ этомъ, помолилась и рѣшила. Не разъ меня отговаривали, я была очень болѣзненна до тридцати лѣтъ. Какими только болѣзнями не переболѣла! Рукодѣльницей меня сдѣлали хорошей; работы мои на монастырскія выставки посылали и особамъ царской фамиліи подносили, но черной работы я не знала никакой.

Сама одно время сомнѣвалась, выдержу ли. „На все милость Божія",—сказала себѣ, помолилась и сообщила, что хочу устроить гдѣ-нибудь богадельню. Въ то время я рясофорной монахиней была. Вскорѣ я стала получать приглашенія отъ разныхъ лицъ и между прочимъ отъ крестьянъ. У меня сохранились и ихъ письма.

Я попросилъ показать мнѣ ихъ. Ихъ было много; изъ нихъ можно было заключить, что матушка выдавалась изъ среды монахинь челябинскаго монастыря и была извѣстна среди богомольцевъ даже отдаленныхъ мѣстъ.

— Я вошла въ сношенія съ епархіальнымъ начальствомъ. Устроить богадельню въ Поморьѣ не удалось. Тогда я рѣшила учредить въ какой-нибудь пустыни женскую трудовую общину. По указанію и благословенію преосвященнаго Іоанникія, я остановилась на Ущельской пустыни, какъ на мѣстѣ, уже издавна предназначенномъ для того, чтобы привлечь людей, ищущихъ суроваго подвига и возможности беззавѣтно отдаться Богу. Первое время было очень трудно. Я все болѣла душой за успѣхъ своего дѣла. Потомъ стало легче. Я привыкла сама къ черной работѣ и стала учить ей другихъ; въ то же время и здоровье мое значительно окрѣпло. Остальное вы знаете.

Все это было понятно по отношенію къ самой основательницѣ, но эти молодыя, здоровыя дѣвушки—во имя чего отказывались онѣ отъ семьи и родныхъ и съ такой охотой шли на тяжелый и въ личномъ смыслѣ безкорыстный трудъ?

— Побужденія у нихъ разныя,—отвѣчала матушка:—однѣ поступаютъ изъ чисто религіозныхъ побужденій, по обѣту, какъ въ Соловки, поработать для Господа, на годъ, а черезъ годъ остаются еще и, кажется, вовсе не собираются уходить; другія идутъ, потому что дома имъ тяжело живется или не надѣются выйти замужъ; третьи идутъ, потому что слышали, будто здѣсь учатъ разнымъ работамъ и кормятъ лучше, чѣмъ дома. Бываютъ, вѣроятно, и особыя, чисто личныя причины... Мы, впрочемъ, не разспрашиваемъ много о причинахъ; пришла—значитъ, хочетъ работать. Сейчасъ даемъ ей наше обычное платье и опредѣляемъ на работу, сначала черную, а потомъ на ту, къ которой она больше всего способна...

Мы провели въ Ущельи нѣсколько дней, странствуя по окрестнымъ селамъ и приводя въ порядокъ сдѣланныя по пути записи и пріобрѣтенія. Однако надо было спѣшить.

Воспользовавшись первымъ яснымъ днемъ, мы простились съ матерью-Магдалиной, поблагодарили ее за гостепріимство и

тронулись вверхъ по Мезени. На пути лежало большое село Усть-Вашка. Мы ѣхали съ самыми отрадными воспоминаніями о пребываніи въ обители. Поэтому намъ было въ высшей степени пріятно встрѣтить въ одномъ изъ нумеровъ (помнится, отъ 15-го августа 1903 г.) „Архангельскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ слѣдующія строки, посвященныя благотворительной дѣятельности Ущельской обители:

„Въ 1902 году у мѣщанина П. Ф. скончалась жена, оставивъ его съ тремя малолѣтними дѣвочками; старшей изъ нихъ было около семи лѣтъ; преданный пороку пьянства—отецъ не только не могъ смотрѣть за ними, но не въ состояніи былъ доставить имъ пропитаніе; двоихъ изъ нихъ изъ состраданія приняли къ себѣ родственники умершей жены, а третьей мѣста у нихъ не находилось; отецъ пилъ. Тутъ-то, вотъ, монахини пришли на помощь и пріютили сироту въ своемъ домѣ; теперь она обучается въ монастырской школѣ. На подворьѣ монастырскомъ въ настоящее время проживаютъ почти все больныя и увѣчныя, требующія заботъ и попеченій: двѣ слѣпыхъ, одна страдающая эпилепсіей, соединенною съ припадками буйнаго характера, и страдающая нервнымъ разстройствомъ, выражающимся въ припадкахъ и постоянномъ маханіи и движеніи лѣвой руки. Что̀ здѣсь на подворьѣ совершается полезнаго для блага ближняго въ скромныхъ размѣрахъ, то въ самыхъ широкихъ практикуется въ общинѣ: туда стремится все убогое, обиженное и непригодное къ жизни, и община охотно принимаетъ всѣхъ въ упованіи, что Господь Самъ приметъ заботу объ ихъ пропитаніи и снабдитъ всѣмъ необходимымъ. И дѣйствительно, безъ всякихъ опредѣленныхъ средствъ община уже третій годъ совершаетъ свой подвигъ и приноситъ утѣшеніе страждущимъ и обремененнымъ“.

Въ исторіи просвѣщенія края Ущельской обители предстоитъ несомнѣнно сыграть благотворную роль, особенно если она встрѣтитъ сколько-нибудь благопріятныя условія и нравственную поддержку, и мѣстное епархіальное начальство не поставитъ ее въ нежелательныя отношенія къ послѣдователямъ старой вѣры, весьма, повидимому, многочисленнымъ въ Мезенскомъ краѣ.

V.

По Мезени.—Природа и люди.—Маѳусаилова наука.—Мѣстные нравы.—Семенова лодка.

Съ Усть-Вашкой, первымъ большимъ селомъ на Мезени, намъ не пришлось хорошенько ознакомиться. Мы спѣшили, и въ тече-

ніе нѣсколькихъ часовъ успѣли только обойти село, побывать въ одной изъ лавочекъ, гдѣ были свидѣтелями того, какъ неимовѣрно дорого мѣстные жители покупаютъ предметы первой необходимости. Мнѣ вспомнился отзывъ одного изъ мужиковъ о подобномъ торговцѣ: „онъ сначала награбитъ, потомъ церковь выстроитъ,—тѣмъ и святъ“. Познакомились съ мѣстнымъ священникомъ, который подарилъ намъ нѣсколько любительскихъ фотографій съ Усть-Вашки и особаго рода амулетовъ изъ серебра, жертвуемыхъ на церковь: у кого нога исцѣлилась, тотъ привѣшиваетъ на ленточкѣ къ иконѣ изображеніе ноги; у кого корова пропадала да нашлась, тотъ приноситъ въ даръ изображеніе коровы, и т. д. Здѣсь же видали мы довольно первобытные типы сохи и бороны-горбуши.

Мы тронулись дальше въ большомъ помѣстительномъ карбасѣ. Былъ теплый солнечный день. Мезень сверкала на солнцѣ, село медленно скрывалось изъ глазъ; высокій берегъ, чернѣя, поднимался съ противоположной стороны все выше. Но ясная весенняя погода не долго тѣшила насъ. Когда мы подплыли къ Селищенской, пошелъ снѣгъ крупными хлопьями и быстро покрылъ бѣлой пеленой высокіе берега съ группами кустовъ и деревьевъ: передъ нами былъ зимній пейзажъ. И это было живописно, какъ-то весело и молодо. Удивительно мягкимъ, ласкающимъ узоромъ стлались темные и ярко-бѣлые тона однообразной и словно окутанной сѣверной нѣгой картины. Селище—одно изъ обычныхъ селъ этого края: дворовъ около сорока, есть церковь, часовня, но прихода нѣтъ—священникъ пріѣзжаетъ изъ Цѣногоръ. Крестьяне довольно зажиточны, занимаются рыболовствомъ и хлѣбопашествомъ, держатъ и скотъ, только мелкій. Мы оставались здѣсь недолго—пока мѣняли лодку. Едва мы помѣстились въ лодкѣ, удобной и хорошо прикрытой брезентовой кибиткой, С. В., чтобы не терять, по его выраженію, времени даромъ, тотчасъ же уснулъ, и я послѣдовалъ его примѣру—на этотъ разъ удачно. Высокіе берега, мельканіе снѣга, мачтовый шестъ впереди, фигура гребца—все это слилось въ какое-то безразличіе, въ которомъ сквозь сонъ слышались только всплески воды да унылая, полусонная пѣсня вполголоса, которую монотонно тянулъ молодой парень на рулѣ, чтобы отогнать отъ себя сонъ. Въ такіе моменты грезятся обыкновенно яркіе и радужные сны, притомъ сны съ роскошными пѣснями, съ неизъяснимо-нѣжной музыкой, но они воздушны, легки и исчезаютъ, какъ неуловимыя видѣнія. С. В. объяснялъ это тѣмъ, что на воздухѣ грудь дышитъ легко, окисленіе совершается правильно, и оттого тяжелымъ снамъ

неоткуда взяться. „Если бы человѣчество жило ближе къ природѣ,— сказалъ онъ съ своей грустной улыбкой,—сны его были бы безконечно легче тѣхъ, которыми грезятъ теперь его такъ называемые передовые мыслители. Современная культура отняла у людей большихъ городовъ одно изъ величайшихъ утѣшеній—легкій и полный сладкихъ иллюзій сонъ“...

Давно уже стояла тихая бѣлая ночь, когда мы пріѣхали въ Пылему. Мы были бодры, взобрались по грязной, скользкой тропинкѣ къ почтовой станціи. С. В. удивлялъ меня ловкостью, съ какой онъ въ своихъ шубахъ и армякахъ, крайне неуклюжій на видъ, преодолѣвалъ естественныя препятствія въ видѣ овраговъ, рытвинъ и горъ, взбираясь на нихъ въ эту неудобную для пѣшаго хожденія пору, съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и выдержкой. Болѣе всего любилъ онъ „неподвижность въ горизонтальномъ положеніи“, и къ этой „неподвижности“ прибѣгалъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Но „когда было нужно“,—онъ былъ неутомимъ и могъ дѣлать то, что было бы не подъ силу иному двадцатилѣтнему юношѣ.

Вошли въ просторную, чистую горницу, спросили самоваръ; пили съ ямщиками водку, чай, разговаривали о войнѣ. Одинъ изъ ямщиковъ поразилъ насъ своимъ разумнымъ и толковымъ отношеніемъ къ событіямъ на Дальнемъ Востокѣ.

— Россію, братъ, не возьмешь,—сказалъ С. В.,—пытливо вглядываясь въ парня:—развѣ есть сила, которая можетъ побѣдить русскихъ?

— Разно бываетъ,—осторожно замѣтилъ ямщикъ.—Если Китай выдержитъ нейтралитетъ, все будетъ ладно; другія державы не свяжутся,—у нихъ у всѣхъ большіе интересы на Востокѣ. Тамъ вѣдь государства очень за купцовъ стоятъ.

Политикъ-ямщикъ служилъ въ военной службѣ, въ матросахъ. Въ Ревелѣ, состоя въ командѣ ледокола „Гремучаго“, онъ былъ одно время подъ общимъ начальствомъ адмирала Макарова и даже, по его словамъ, былъ извѣстенъ ему лично.—„Это былъ командиръ, можно сказать, единственный,—восторженно отзывался онъ,—къ нему матросы какъ къ родному шли, его такъ отцомъ и называли. Вотъ, сколько себя помню, никто о немъ слова дурного не слыхалъ“.—И голосъ бывшаго матроса дрогнулъ при воспоминаніи о гибели любимаго адмирала.

Присматриваясь къ крестьянамъ этой мѣстности, я встрѣчалъ между ними, разумѣется, людей самыхъ разнообразныхъ темпераментовъ, характеровъ и степеней развитія. Но меня поражала одна черта—въ нихъ я не могъ подмѣтить той мелкой суетли-

вости, заискивающаго желанія угодить, услужить чѣмъ-нибудь, въ надеждѣ выманить на водку, какъ это встрѣчается нерѣдко у крестьянъ, въ особенности у ямщиковъ, средней полосы Россіи. Здѣсь они держались съ достоинствомъ, съ простотой, можетъ быть грубоватой, но исполненной сознанія, что они никогда не были рабами.

Во время нашей бесѣды, неожиданно раскрылась дверь, и въ избу ввалился маленькій пьяненькій человѣчекъ, съ краснымъ лицомъ, длинными волосами, въ долгополомъ сюртукѣ. Онъ залебезилъ, заюлилъ передъ нами и объявилъ, что, идя мимо, носомъ учуялъ, что у насъ есть водка, и что мы, конечно, не откажемъ поднести ему, человѣку въ нѣкоторомъ смыслѣ образованному. Ямщики встрѣтили его появленіе остротами: „А, и ты тутъ! по землѣ онъ бѣгаетъ, аршиномъ водку мѣряетъ; былъ дьячокъ, вышелъ пьяница, человѣкъ Божій—поднеси прохожій!“ Незнакомецъ, или, вѣрнѣе,—новый знакомецъ, не обижался на нихъ и тутъ же самъ разсказалъ свою біографію, какъ и за что его изъ семинаріи выгнали.

— Учился неторопясь, хотѣлъ уподобиться Маѳусаилу въ ученіи, да отецъ ректоръ не благословилъ.

— Причемъ тутъ Маѳусаилъ?—спросилъ я.

— А Маѳусаилъ вотъ при чемъ: изволите знать,—сказалъ онъ,—какъ Маѳусаилъ азбуку училъ? Видѣлъ Господь, что Маѳусаилъ не зѣло къ наукамъ способенъ, и далъ ему одну азбуку выучить: „и той, молъ, тебѣ на всю жизнь хватитъ“. Маѳусаилъ то слово Господа и запомнилъ: учитъ не торопясь, чтобъ ему подольше пожить, — учитъ, а самъ свои дѣла устраиваетъ; дѣтей давно переженилъ, внуковъ да внучатъ пристраиваетъ. Вотъ, прошло триста, аль четыреста лѣтъ, Господь и зоветъ его, экзаментъ хочетъ сдѣлать. — „Ну что, Маѳусаилъ, выучилъ ли азбуку?“—„Не всю, Господи, только до *ука*“.—„Ну, ежели до ука, то буди тебѣ еще наука“,—говоритъ Господь, и не посылаетъ за нимъ смерти. Твердилъ, твердилъ свою азбуку Маѳусаилъ, уже и правнукамъ счетъ потерялъ, и дальше потомство, какъ рѣка, пошло. Прошло еще четыреста лѣтъ, и выучилъ, наконецъ, Маѳусаилъ азбуку, а та азбука ѳитой кончалась. Вотъ и спрашиваетъ у него Господь: „Ну что̀, Маѳусаилъ, какъ дѣла?“ Видитъ Маѳусаилъ—дѣлать нечего. „Выучилъ, Господи, говоритъ,—а только еще поучиться охота“,—пожить хотѣлъ старый. Подумалъ Господь, да и выдумалъ ижицу и далъ Маѳусаилу еще пятьдесятъ лѣтъ на науку. „И поживе Маѳусаилъ лѣта 969

и помре съ честью". Съ тѣхъ поръ и осталась ижица такъ себѣ, ни къ чему—Маѳусаиловъ слѣдъ.

Онъ разсказывалъ уморительно, въ лицахъ, вставая при упоминаніи имени Господа и хитро подмигивая при отвѣтахъ Маѳусаила. Держа стаканчикъ водки, онъ долго разглядывалъ ее на свѣтъ, любовно взглядывалъ и отводилъ руку, какъ будто отъ искушенія. Потомъ, быстро опрокинувъ ее въ ротъ, крякалъ и, принявъ неожиданно огорченное выраженіе, скороговоркой произносилъ, откашливаясь: „Охъ, ты, проклятая, коломъ въ горлѣ стала, одна проходить не хочетъ, за товарищемъ посылаетъ"... Выпивая вторую рюмку, онъ съ прежнимъ выраженіемъ говорилъ: „Полегче стало, а толку мало, животъ согрѣло, а къ сердцу не дошло".

Ямщики покатывались со смѣху отъ его каламбуровъ, и было видно, что онъ служилъ для всѣхъ потѣшникомъ и, можетъ быть, снискивалъ себѣ пропитаніе этой ролью. Онъ нѣсколько разъ принимался разсказывать свою біографію. Она была довольно пестра, мѣстами грустна, мѣстами забавна; отдѣльные эпизоды ея неизмѣнно кончались однимъ и тѣмъ же финаломъ: „выпивахомъ" и—„Богъ не благословилъ". Не благословилъ Богъ ему окончить семинарію, потомъ быть дьячкомъ, потомъ письмоводителемъ въ полицейскомъ управленіи; всюду вмѣшивалось роковое „выпивахомъ" и лишало его, человѣка повидимому не безъ способностей и не глупаго, независимаго куска хлѣба и своего угла. Ему приходилось околачиваться около людей, вообще говоря, грубыхъ и жестокихъ по отношенію къ дармоѣдамъ, но онъ, казалось свыкся съ своимъ положеніемъ, и въ тонѣ его разсказовъ я не замѣтилъ жалобной нотки. Нѣсколько охмелѣвъ и расходившись, онъ перешелъ на пикантныя темы своихъ любовныхъ побѣдъ. Ямщиковъ это продолжало занимать, я же вскорѣ уснулъ, и когда проснулся, его уже не было въ избѣ.

Выѣхали мы отсюда часа черезъ два. Попрежнему падалъ снѣгъ и покачивало лодку; въ воздухѣ было свѣтло и бѣло, окрестность тонула въ неясныхъ очертаніяхъ. Въ карбасъ мы забрались, какъ въ гробъ, по выраженію С. В. Такъ какъ деревянной кибитки не оказалось, приладили намъ полукруглый навѣсъ изъ парусины, закрыли тулупами. Только я собрался уснуть подъ мѣрный шумъ воды и поскрипыванье лодки, какъ вдругъ, опустивъ руку къ борту, ощутилъ рѣзкій холодъ. Оказалось, что, по обыкновенію, лодка протекала, и вода на днѣ доходила до самыхъ досокъ, на которыхъ мы лежали. Для рулевого мое открытіе не было новостью. Онъ это зналъ и „для такой причины"

захватилъ черпакъ, которымъ все время и откачивалъ воду. Двое другихъ ямщиковъ „волокли“ насъ противъ теченія бичевой по берегу, вскакивая время отъ времени въ лодку, чтобъ на веслахъ обогнуть „кошку“ (отмель) или переплыть впадавшій въ рѣку „ручей“.

— А ты бы лодку законопатилъ, она бы и не текла,— пробовалъ пофилософствовать С. В.

— Оно вѣрно, законопатить бы ништо,—соглашался рулевой, работая черпакомъ.

— Да и просмолилъ бы по свѣжему, вотъ и откачивать не пришлось бы,—продолжалъ С. В. больше для того, чтобъ отвести душу надъ изученіемъ „народной психологіи“, чѣмъ думая о реальной необходимости исправить лодку.

Парень согласился и съ тѣмъ, что не дурно бы просмолить по свѣжему,—тогда-то она навѣрно не текла бы.

— Такъ вотъ ты и просмолилъ бы ее,—сдѣлалъ С. В. естественный выводъ изъ своихъ предпосылокъ:—чего глядѣлъ въ самомъ дѣлѣ?

Но здѣсь С. В. наткнулся на возраженіе.

— А что̀ мнѣ смолить ее,—отвѣтилъ парень, усиленно работая черпакомъ.—Лодка не моя, а Семенова; онъ и смолить ее долженъ, а не я...

— Такъ ты бы Семену сказалъ...

— Семену? Семенъ въ солдаты ушелъ...

— Вотъ на! Понимаете вы тутъ что-нибудь?—обратился С. В. во мнѣ:—лодка Семенова, а Семенъ въ солдаты ушелъ... Такъ, стало быть, лодка ничья?

— Зачѣмъ ничья? Придетъ Семенъ, опять возить станетъ...

— И лодку законопатитъ,—добавилъ С. В., чрезвычайно довольный результатомъ разговора, и снова принялся за „Графиню Гизелу“ на нѣмецкомъ языкѣ.

VI.

По Мезени.—Въ Палащевьѣ.—Мѣстное производство.—Докторъ и паціенты.—Снова въ карбасѣ.—Щедринскій мужикъ на необитаемомъ островѣ.—Чучепала.

Продрогшіе и въ дурномъ расположеніи духа прибыли мы въ Палащевье, съ виду довольно большое село съ церковью. Было утро пасмурное, полуснѣжное, полудождливое. Въ ямской избѣ встрѣтилъ насъ одинъ изъ ямщиковъ, а можетъ быть и

содержатель—высокаго роста мужчина съ сухимъ, злобнымъ взглядомъ. Заказавъ самоваръ, я сталъ разспрашивать о мѣстномъ производствѣ расписной деревянной посуды, которая отсюда расходится по всему мезенскому и пинежскому уѣздамъ и встрѣчается даже на базарѣ въ самомъ Архангельскѣ. Всѣ эти подѣлки: чашки, тарелки, ложки, также прялки, „туяски" (кузовки) и т. д. дѣйствительно отличаются своимъ особымъ характеромъ: они выкрашены въ желтую краску и расписаны почти исключительно черной краской несложнымъ растительнымъ орнаментомъ. Встрѣтившій насъ ямщикъ сейчасъ предложилъ намъ пріобрѣсти у него нѣсколько образцовъ и сталъ таскать въ избу всякій хламъ, полуразбитый, потертый, утверждая, что это „старина", за которую проѣзжіе, будто бы, предлагали ему большія деньги. Ничего не купивъ у него, я рѣшилъ походить по селу и посмотрѣть на мѣстѣ, какъ производится эта работа.

Часа два бродилъ я по грязи, заходя то въ ту, то въ другую избу. По обыкновенію, и здѣсь у всѣхъ были довольно просторныя, свѣтлыя избы, но мало уютныя и грязныя. Особый запахъ издавала одежда, развѣшанная на длинныхъ жердяхъ вокругъ огромной печи. Почти въ каждой избѣ производилась выдѣлка посуды, причемъ занимались этимъ преимущественно старики и дѣти. Необходимый для этого лѣсной матеріалъ крестьяне получали въ мѣстномъ лѣсничествѣ, которое брало съ нихъ умѣренную плату съ каждой исполненной подѣлки поштучно. Поэтому, сдѣлавъ какой-нибудь коробокъ или туясъ, мастеръ обязанъ отнести его къ мѣстному объѣздчику, который, въ случаѣ если подѣлка назначена для продажи, накладываетъ на нее свой штемпель и взыскиваетъ опредѣленную плату за матеріалъ—копѣйку, двѣ, три. Купивъ нѣсколько вещицъ для образца и познакомившись въ одной изъ избъ съ забавнымъ старикомъ, который вызвался пѣть пѣсни и разсказывать сказки, я вернулся на станцію измученный и голодный.

Въ комнатѣ, гдѣ погрузился С. В. въ чтеніе вслухъ нѣмецкаго романа, я засталъ цѣлую кучу мужиковъ и бабъ. Это все были паціенты, провѣдавшіе какимъ-то образомъ о врачебной профессіи С. В. и пришедшіе къ нему за совѣтомъ. С. В. сидѣлъ у окна и методически, соннымъ голосомъ опрашивалъ больныхъ. Бабы, причитывая и жалуясь, разсказывали о своихъ недугахъ; мужики, переминаясь съ ноги на ногу и перешептываясь, тихонько покашливая, жались у дверей. Однѣ изъ бабъ были дѣйствительно больны, другія обращались по пустякамъ. С. В. всѣхъ одинаково выслушивалъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда

баба приходила просто повздыхать и „пожалиться“ на воображаемую болѣзнь, онъ обращался ко мнѣ съ неизмѣнной фразой: „ut aliquid detur“. Въ качествѣ аптекаря, я отпускалъ бабѣ валеріановыхъ капель, и баба уходила довольная и успокоенная.

У одного изъ крестьянъ оказался сильнѣйшій порокъ сердца.

— Водки пить, братъ, нельзя,—сказалъ ему С. В.

— Вишь ты! — недоумѣвающе развелъ руками больной—рослый мужикъ съ русой бородой и свѣтлыми глазами:—а я думалъ—помогаетъ... Выпьешь это, сердце заколотитъ по началу, а послѣ того и полегчаетъ.

— Помрешь, если водку пить будешь,—внушительно сказалъ С. В.

— Что-жъ дѣлать,—вздохнулъ мужикъ,—всѣ когда-нибудь помирать будемъ.

Ушелъ онъ видимо недовольный.

Баба принесла ребенка, который жалобно стоналъ и дышалъ съ хрипомъ. С. В. опредѣлилъ у него воспаленіе въ легкихъ. За ней явилась другая—ребенокъ съ безобразно-большой головой и животомъ, на спинѣ начинался горбъ. „Англійская болѣзнь,—сказалъ С. В.,—всѣ признаки на лицо“. Онъ посовѣтовалъ бабѣ купать ребенка въ соленой водѣ и сталъ учить меня готовить лекарства для тѣхъ, что были осмотрѣны раньше.

Въ это время съ шутками-прибаутками ввалился въ комнату новый знакомый старичокъ, Новиковъ, и тотчасъ же сталъ разсказывать о себѣ, гдѣ онъ бывалъ и что̀ видалъ на свѣтѣ. А видалъ онъ много — бывалъ и въ океанѣ на промыслахъ, и на Уралѣ, „проходомъ“ живалъ на Волгѣ и Камѣ. Низкаго роста, съ темнымъ землистымъ лицомъ, съ густыми, еще не вполнѣ побѣлѣвшими волосами на головѣ, но безъ усовъ и бороды, онъ производилъ забавное впечатлѣніе своей живостью и веселостью. Пришлось его „уважить“. На столѣ появились водка и баранки, и острыя словца такъ и полились изъ устъ словоохотливаго, вертляваго старичка.

— Рюмочку винца, бутылочку пивца, на закуску пряничка, на забаву—дѣвушка,—приговаривалъ онъ за водкой.

Онъ спѣлъ нѣсколько духовныхъ стиховъ на особый былинный ладъ, какого мнѣ не приходилось встрѣчать у другихъ сказителей. Особой полнотой редакціи и выразительностью отличался стихъ объ Егоріѣ Храбромъ. Чтобы сохранить текстъ въ полной неприкосновенности, сказитель непремѣнно долженъ былъ брать его на голосъ, т.-е. пѣть, потому что, при каждой попыткѣ передать пѣсню речитативомъ, размѣръ разрушался, и „стихъ“

переходилъ въ сказку съ многочисленными случайными вставками. Въ заключеніе, уже совсѣмъ охмелѣвшимъ голосомъ, онъ пропѣлъ пѣсню о деревняхъ, расположенныхъ по Мезени. Каждой деревнѣ было посвящено по одному, по два стиха, въ которыхъ изображались нравы и свойства мѣстныхъ представительницъ прекраснаго пола. Нѣкоторые куплеты были забавны, но большинство содержало такія подробности, какихъ не рѣшилась бы пропустить самая снисходительная цензура.

Между тѣмъ погода измѣнилась къ лучшему. Снѣгъ пересталъ падать, въ воздухѣ стало теплѣе. Раза два изъ-за облаковъ даже показалось солнце. Часу въ четвертомъ дня мы выѣхали въ большомъ карбасѣ, сопровождаемые, отъ нечего дѣлать по случаю праздника, чуть ли не цѣлой деревней. О насъ уже распространилась вѣсть, что мы скупаемъ „старину", и бабы, пока снаряжали карбасъ, нанесли на берегъ цѣлую кучу хлама, старыхъ кокошниковъ, сарафановъ, всякаго рванья и тряпья. Оправдывалась поговорка: „гдѣ три бабы, тамъ и ярмарка". Здѣсь же ихъ было не три, а цѣлыхъ тридцать-три, если не больше, и каждая наперерывъ, смѣясь и отталкивая другихъ, расхваливала свой товаръ, доказывая, что какая-нибудь тряпка „такая доселичная", что ей и памяти нѣтъ; „и мамка, и бабки носили" —словомъ, древность восходила чуть ли не до самой праматери Евы. Нѣкоторыя, у которыхъ наряды были получше, принесли, не думая вовсе продавать, просто ради удовольствія поторговаться, позубоскалить, да лишній разъ похвастаться передъ сосѣдкой. С. В. приторговывалъ шейную цѣпь съ раскольничьимъ крестомъ. Баба просила десять рублей, онъ давалъ ей семьдесятъ-пять копѣекъ, дѣло не ладилось, но торгъ доставлялъ обоюдное удовольствіе. Пестрая группа ребятишекъ всѣхъ возрастовъ, съ грязными босыми ногами и безъ шапокъ, лѣпилась на опрокинутыхъ лодкахъ и съ жаднымъ вниманіемъ смотрѣла на насъ. Мы бросили имъ горсть конфектъ, припасенныхъ нарочно для такихъ случаевъ; они тучей сорвались внизъ и съ визгомъ и пискомъ стали отнимать другъ у друга добычу. С. В. замѣтилъ въ толпѣ одного карапузика лѣтъ четырехъ и сталъ подманивать его къ себѣ обѣщаніемъ дать конфекту, но карапузъ угрюмо смотрѣлъ и не двигался съ мѣста; мать подвела его со словами: „иди, дурной, баринъ тебѣ сладкій пряникъ дастъ". Мальчишка недовѣрчиво пятился назадъ и вдругъ, подбѣжавъ, выхватилъ изъ рукъ С. В. конфекту и, быстро повернувшись среди всеобщаго хохота, задалъ такого стрекача, что только его голыя пятки засверкали.

— Держи, держи его!—кричали хохотавшіе мальчишки... И мнѣ, и моему спутнику подобныя сцены доставляли необъяснимое удовольствіе.

Наконецъ, все было готово. Мы помѣстились въ лодкѣ и тронулись. Поднялся попутный вѣтерокъ, подняли парусъ; солнце залило рѣку своимъ веселымъ блескомъ, и на душѣ у насъ стало привѣтливѣе и свѣтлѣе.

Нигдѣ, кажется, солнце не имѣетъ такого вліянія на направленіе мыслей и расположеніе духа, какъ въ пути и особенно на Сѣверѣ, гдѣ такъ неожиданны переходы отъ свѣта къ темнотѣ, отъ тепла къ холоду. Свѣтитъ солнце—и все оживаетъ: птицы поютъ, рыбы играютъ на поверхности воды, въ воздухѣ тепло и прозрачно, и грудь человѣка дышитъ легко и свободно. Но при малѣйшей перемѣнѣ вѣтра, въ нѣсколько минутъ могутъ надвинуться тучи, застелютъ зловѣщимъ пологомъ и свѣтъ, и тепло солнечныхъ лучей, природа помертвѣетъ, притихнутъ лѣса, рѣка потемнѣетъ угрюмо — и тутъ жди всякой бѣды: и грозы, и бури съ дождемъ и снѣгомъ, а то и съ метелью среди весны и лѣта.

Но въ этотъ день солнце разгулялось, и мы плыли въ наилучшемъ расположеніи духа. Впереди насъ гребецъ дремалъ, свернувшись калачикомъ у мачты; сзади на рулѣ сидѣла молодая бойкая бабенка, мужъ которой ушелъ сплавщикомъ на Мезень. Она всю дорогу болтала, причемъ очень мило картавила.

— Васъ какъ звать: благородіе или высокородіе будете?—обратилась она къ С. В., который въ своихъ шубахъ и армякахъ производилъ впечатлѣніе мало подвижной и очень важной особы.

— Превосходительство, — не сморгнувъ, съ торжественной медленностью отвѣтилъ С. В., перевертывая страницу „Графини Гизелы".

— Такъ ты, значитъ, превосходительство... А куда же ты, превосходительство, ѣдешь?—полюбопытствовала она.

— На Печору,—отвѣчалъ С. В. въ перемежку съ нѣмецкими словами.

— На Печору? А что̀ же тамъ, на Печорѣ?

— Люди о двухъ головахъ.

— А—а!.. А мы живемъ тутотка и не слышимъ ничего,—лукаво усмѣхнувшись, но едва ли усомнившись въ справедливости нашего замѣчанія, промолвила она и заработала веслами.

Въ тотъ же вечеръ, благодаря попутному вѣтру, мы пріѣхали на Усть-Кымскую, лежащую неподалеку отъ села Чуче-

пала, о которомъ у насъ было записано преданіе изъ области борьбы первыхъ русскихъ насельниковъ съ финскими племенами. „Было тамъ большое сраженіе,—разсказывали намъ.—Отъ Чуди никакого спокойства не было. Придутъ, выжгутъ, разорятъ и уйдутъ. Вотъ, мужики окопались и огородились на горѣ, и какъ только Чудь пришла, они изъ засады повыскакали и всю Чудь перебили. Такъ она и осталась подъ горою лежать. Прошло времечко, обстроилась тутъ деревенька, и стали ее съ той поры называть Чучепалой, то-есть: чудь пала".

Пристали мы къ берегу; ни лодокъ, ни села, ничего не видно. Оказалось—до станціи еще версты четыре. Кругомъ пустынно; шумятъ сосны, плещутъ волны, разсыпаясь мутной пѣной у берега. Собрали мы свой багажъ въ кучу, связали веревками и сѣли отдохнуть передъ труднымъ путемъ, а пока сидѣли, набѣжала тучка, смочила легкимъ дождемъ. Прояснилось опять, пора было трогаться въ путь. Разспросили мы дорогу у ямщика-бабы, нанизали багажъ на длинные, крѣпкіе колышки, взвалили на плечи. С. В. мужественно шагалъ во всемъ своемъ тяжеломъ одѣяніи, но идти было не легко по мокрой и вязнущей дорогѣ, по подъемамъ и спускамъ. Вдругъ я поскользнулся и полетѣлъ въ лужу, но, по счастью, не выпустилъ кольевъ изъ рукъ и спасъ, такимъ образомъ, самую чувствительную часть нашего багажа—дорожную аптеку. Промокнувъ и выпачкавшись, сѣли мы отдыхать, приблизительно, на полпути. С. В. вспомнилъ Щедринскую сказку о двухъ генералахъ, попавшихъ на необитаемый островъ. „Подлецъ-мужикъ непремѣнно долженъ быть здѣсь, — говорилъ одинъ изъ генераловъ,—гдѣ-нибудь дрыхнетъ подъ кустомъ". Мужикъ, дѣйствительно, явился. На этотъ разъ явился, впрочемъ, не мужикъ, а баба, шедшая навстрѣчу.

— Вотъ видите, Щединъ правъ,—сказалъ С. В.,—а вообразите, что̀ было бы, еслибы путешественниками были не мы, а настоящіе генералы.

Баба сама предложила взять у насъ аптечный ящикъ и понести его до станціи. Добрались мы наконецъ туда. Видъ унылый, открытый, вблизи ручей. На станціи отдохнули, пообчистились. Нашлось „свѣжее" молоко, по нашему простокваша. Къ сожалѣнію, ее подали въ такой грязной посудинѣ, что мы долго думали, приступать ли къ ней. „По бывшимъ прежде примѣрамъ", рѣшили однако, приступить обходя подозрительныя желтыя и бурыя пятна. Потомъ пили чай, бродили по окрестностямъ, записывали отъ бабъ заговоры и пѣсни.

Бѣлая прохладная ночь давно уже охватила окрестность, когда

мы выѣхали на двухъ лодкахъ-душегубкахъ: въ одной—мы сами, въ другой—нашъ багажъ. Покачивало, шла небольшая волна; ямщики энергично „пихались“ шестами, перебираясь черезъ „кошки“. Сокращая путь, они направляли по пожнямъ и часто наталкивались на мели; берегъ тянулся мимо насъ высокой, лѣсистой полосой, ниспадавшей къ рѣкѣ широкой, песчаной отмелью. Въ одномъ мѣстѣ лодка шла недалеко отъ берега, по которому навстрѣчу намъ бѣжала куча ребятишекъ, бѣжала весело, со смѣхомъ. Перебросились нѣсколькими словами, узнали, что они были въ поискахъ за скотомъ, ушедшимъ въ лѣсъ. Въ толпѣ были и очень маленькіе ребята въ однѣхъ рубашонкахъ, въ возрастѣ отъ четырехъ до пяти лѣтъ, съ хворостинами въ рукахъ; и они плелись за старшими, забавно уставившись на насъ.

— Какъ ихъ бабы пускаютъ? Вѣдь ночь на дворѣ; сами разсказываете, что у васъ здѣсь и волки, и медвѣди въ избу заходятъ.

— А что̀ имъ сдѣлается, — безпечно отвѣчала баба,—они громадой ничего,—скотину, вишь, ищутъ.

И мнѣ вспомнился стихъ Некрасова:

....Кто часто ихъ видѣлъ,
Тотъ, вѣрю я, любитъ крестьянскихъ дѣтей.

Ихъ гоготанье и крики долго еще раздавались въ воздухѣ, когда вся „босая команда“ давно уже скрылась изъ виду.

VII.

Койнассъ.—Нѣсколько свѣдѣній о жителяхъ этого села и мезенцахъ вообще. — Нѣкоторыя черты быта.—Промыслы.—Нравы.

Раннимъ утромъ, которое, впрочемъ, мало чѣмъ отличалось отъ предшествовавшей ночи, мы прибыли въ Койнассъ, обширное село, раскинувшееся черными пятнами избушекъ и амбаровъ по берегу Мезени. Здѣсь насчитывается болѣе ста домовъ; есть два-три большихъ дома на городской манеръ; въ одномъ изъ нихъ находится почтово-телеграфное отдѣленіе, въ другомъ —школа; затѣмъ есть въ селѣ цѣлыхъ двѣ лавочки, въ которыхъ продаютъ ситецъ, сахаръ, чай неизвѣстныхъ культурному міру фирмъ, баранки, муку.

Названіе „Койнассъ“ происходитъ отъ зырянскаго „кэйноссъ“,

что значитъ посудина изъ-подъ кислаго молока. Это давало поводъ довольно зло острить надъ бѣднымъ селомъ и называть его помойной ямой. Дѣйствительно, безпорядочныя постройки, обиліе грязи — все это дѣлаетъ общій видъ Койнасса мало привлекательнымъ. По серединѣ села протекаетъ ручей, который дѣлитъ его на двѣ половины: болѣе возвышенную (Боръ) и низменную (Волость). Въ Волости выстроена прекрасная новая церковь взамѣнъ старой, которая, говорятъ, имѣла колокольню съ оригинальной шаровидной крышей, отличалась тѣмъ, что была черная, т.-е. трубы у печки не было и дымъ стлался по всей церкви во время топки. Просвѣщеніемъ Койнассъ не можетъ похвалиться: въ немъ существуетъ лишь одноклассная церковно-приходская школа.

Землепашество является однимъ изъ существенныхъ занятій жителей, но суровый климатъ не далъ ему выработать болѣе культурные способы обработки земли. Поля вспахиваютъ первобытными сохами и деревянными боронами, среди которыхъ встрѣчается любопытный типъ бороны-горбуши. Вспашутъ осенью одинъ разъ и, не переворачивая почвы, оставляютъ такъ до весны. Весной еще разъ перепашутъ поле, глыбы разобьютъ кичигами и сѣютъ. Благодаря частымъ холодамъ посреди лѣта и раннимъ морозамъ, рожь зачастую снимаютъ недозрѣлой, отчего хлѣбъ выходитъ чернымъ и тяжелымъ. Но ржи сравнительно съ ячменемъ сѣютъ мало. Сжавши ячмень, вяжутъ въ снопы и провѣтриваютъ въ пряслахъ, послѣ чего сушатъ или въ домахъ, развѣшивая его подъ потолкомъ на колышкахъ, или въ крошечныхъ овинахъ. Затѣмъ его молотятъ и „полютъ", т.-е. чистятъ. Насыпавъ зерно въ „полутухи", т.-е. въ продолговатые деревянные короба, его встряхиваютъ и отдѣляютъ соръ, оказывающійся наверху. Очистка рѣдко, однако, бываетъ окончательной и хлѣбъ у мезенцевъ обыкновенно не обходится безъ мякины. Въ значительной степени земледѣльческія работы выполняются женскимъ населеніемъ,—бабы за сохой не рѣдкость. Мужчины оставляютъ себѣ болѣе легкій промыселъ—охоту и рыбную ловлю. Для рыбной ловли нѣкоторые изъ нихъ уходятъ на озера верстъ за сто, другіе — довольствуются ловлей на ближнихъ рѣчкахъ — Набѣ, Сельзѣ; удятъ хайрузовъ, осенью же „лучатъ" рыбу. На досугѣ бабы и ребятишки собираютъ ягоды и грибы, которые родятся здѣсь въ великомъ изобиліи, причемъ особенно славятся маленькіе „бутылочные" рыжички. Впрочемъ, мѣстныя хозяйки не умѣютъ заготовлять впрокъ ни того, ни другого.

Сѣютъ койнасцы, какъ и вообще мезенцы, преимущественно

ячмень, гораздо меньше рожь, ленъ, коноплю, рѣпу. Въ „капустникахъ“, поближе къ дому, ростятъ капусту, картофель и рѣдьку, но ухаживать за огородомъ не умѣютъ, и овощи получаются у нихъ плохіе.

Овощи не играютъ вообще видной роли въ пищѣ жителей. Въ этомъ отношеніи неизмѣримо большее значеніе играетъ рыба. Почти вся семга (исключая бракованной и „лошалой“) идетъ на продажу, бѣлая же рыба: сиги, щуки, окуни, и т. д., остается дома и употребляется въ соленомъ и — еще чаще — кисломъ видѣ: кислая рыба больше нравится крестьянамъ—„чѣмъ больше ѣшь, тѣмъ больше хочется“. Она издаетъ непріятный острый запахъ; примирившись съ треской, я никакъ не могъ заставить себя отвѣдать ея, меня такъ и отшибало,—къ великому удивленію радушныхъ хозяевъ.

Охотничій промыселъ служитъ не для одного только удовольствія и молодецкой потѣхи койнасцевъ; онъ является важнымъ подспорьемъ въ ихъ домашнемъ быту. Сама природа предоставила для развитія этого промысла весьма благопріятныя условія. Огромная Печорская тайбола, лежащая на востокъ по направленію къ Усть-Цыльмѣ, изобилуетъ всякаго рода звѣремъ и птицей, и представляетъ для охоты такія удобства, какія врядъ ли найдешь гдѣ-нибудь въ сѣверной полосѣ. Въ тайболѣ тамъ и сямъ понастроены курныя избушки, въ которыхъ промышленники и живутъ весь промысловый періодъ. Онъ начинается съ Успеньева дня. Промышленники забираютъ провизію: муку, масло, кислое молоко, сметану, чай, водку, охотничьи принадлежности, ружья и дробовки, пасти, силки, и т. п., и съ собакой, лайкой, отправляются въ тайболу, каждый въ свой районъ. Тамъ они разставляютъ свои ловушки, разсчитывая на свое знаніе привычекъ и характера звѣря, и, крадучись, бродятъ по лѣсу вслѣдъ за своей собакой, которая, найдя птицу или звѣря, даетъ знать объ этомъ своему хозяину. Лайки—незамѣнимыя помощницы во время промысла. По ихъ лаю охотникъ различаетъ, на кого наткнулась собака: на бѣлку ли, глухаря или тетерева; словомъ, взаимное пониманіе въ этомъ случаѣ доведено до возможнаго совершенства. Подкравшись къ птицѣ, охотникъ насыпаетъ на полку сухого пороха и приготовляется къ выстрѣлу. Онъ быстро втыкаетъ въ землю посохъ съ выемкой наверху, на выемку кладетъ дуло ружья, долго цѣлится и, наконецъ спускаетъ курокъ. Вы-

[1]) Нѣкоторыя мои наблюденія о бытѣ мезенцевъ я могъ дополнить на основаніи статей свящ. А. Боголѣпова: „О Мезенскомъ краѣ“ въ „Архангельскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“.

стрѣлъ обыкновенно бываетъ навѣрняка, если только птицѣ не надоѣстъ его ждать. Такого рода предосторожность объясняется необходимостью беречь порохъ и дробь; пульки необходимаго размѣра откусываетъ охотникъ на-ходу отъ круглыхъ палочекъ свинца. Натаскавъ свою лайку на молодыхъ тетеревахъ, птицѣ глупой и усидчивой, охотникъ заботливо относится къ своей собакѣ и скорѣе самъ не доѣстъ, а ее накормитъ. Усталый, промокшій, съ „лузцомъ" (родъ мѣшка), наполненнымъ птицами да шкурками звѣрьковъ, приходитъ ночью промышленникъ въ избушку, топитъ печь, варитъ „пустоваръ" изъ муки или щи изъ тетеревей. Иногда же приходится ночевать подъ елью и испытывать разныя непріятности вродѣ неожиданныхъ встрѣчъ съ крупнымъ звѣремъ. Для непривычнаго человѣка такая жизнь показалась бы невозможной; промышленнику же, помимо интереса къ охотѣ, она кажется пріятнѣе и привольнѣе, чѣмъ работа на полѣ или на сплавѣ. Поговариваютъ, впрочемъ, что въ послѣднее время птицы поубавилось и охотничій промыселъ сталъ менѣе „добычливъ".

Домой промышленники отправляются около Филиппова дня; они оставляютъ добычу въ тайболѣ и уже позже вывозятъ ее на лошадяхъ. Скупщиками являются обыкновенно мѣстные торговцы, служащіе по большей части поставщиками различныхъ губернскихъ и столичныхъ фирмъ.

Мезенцы любятъ разбрасываться въ своихъ постройкахъ привольно, какъ кому удобно, безъ особеннаго плана. До сихъ поръ они не терпѣли недостатка въ лѣсномъ матеріалѣ, и это выражалось въ величинѣ и безпорядочности ихъ построекъ. Деревянные полы имѣются не только въ избахъ, но и въ хлѣвахъ, гдѣ скотъ стоитъ безъ подстилки, такъ какъ ржаная солома идетъ на кормъ; хлѣвы очищаютъ, разбрасывая навозъ черезъ особое отверстіе-окошечко прямо на улицу. Внутри не особенно заботятся о чистотѣ: утромъ встанетъ хозяйка, махнетъ вѣникомъ по избѣ разъ-другой, подвинетъ соръ въ уголъ къ печкѣ, затѣмъ подойдетъ къ рукомойнику, плеснетъ воды на руки и на лицо (мыла не употребляютъ)—и конецъ уборкѣ. Далѣе наступаетъ забота о пищѣ. Богатые не особенно отличаются отъ бѣдныхъ въ своемъ образѣ жизни; въ праздники бабы щеголяютъ нарядами, а въ будни сглаживается и это различіе. За столомъ господствуетъ та же „мусенка", похлебка изъ житной муки, которую приправляютъ въ скоромные дни сметаной. Въ постные дни угостятъ васъ кромѣ того кислой капустой да сладкой опарой; въ праздники подадутъ кислой рыбки или „морянки": пикшуй,

сайда, зубатка, рѣже—треска; у болѣе зажиточныхъ готовятъ и мясныя щи на житной мукѣ; готовятъ и пироги съ рыбой. Одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ такъ опредѣлялъ распорядокъ кушаній въ съѣзжіе праздники: морянка вареная, морянка, поджаренная въ молокѣ съ масломъ, кислая щука, кислый хайрузъ или сигъ, щука свѣжая или сигъ, мясо, вывареное до послѣдней степени, каша яшная, каша пшенная на водѣ, каша пшенная на молокѣ, кисель изъ крупичатой муки. Рыба подается на мелкихъ тарелочкахъ съ подливой изъ воды. При ѣдѣ обходятся обыкновенно безъ вилокъ. Ложки кладутся передъ каждымъ изъ гостей, а ножей употребляютъ одинъ, много два, обыкновеннаго кухоннаго типа. За обѣдомъ пьютъ сравнительно сдержанно. Настоящее веселье начинается послѣ обѣда, когда открываются ворота для всѣхъ желающихъ, и праздникъ превращается во всеобщую попойку,—попойку, доказывающую, какъ помнятъ мезенцы завѣтъ древняго Владимира, въ чемъ есть веселіе Руси. То здѣсь, то тамъ раздается пьяная пѣсня, шумъ, брань, а то и драка; но въ то время, какъ старшіе пируютъ за столомъ или спятъ мертвымъ сномъ подъ столомъ, или гдѣ-нибудь на дворѣ у забора, молодежь собирается на площадь хороводы водить или „въ застѣнокъ“ играть. Дѣвицы наряжаются въ шолковые и парчевые сарафаны, повязываютъ головы платками, въ видѣ ленты съ концами, завязанными на лбу. Иная накинетъ на себя прабабушкину парчевую кофточку да парчевую же повязку, убранную стеклярусомъ, и спѣшитъ, красуясь, къ подругамъ поразвлечься игрой или пѣснями. Въ играхъ ихъ не видно, впрочемъ, живости и веселья; онѣ словно нарочно разсчитаны на степенность и медлительность. Вотъ подходятъ парни и, каждый со своей избранницей, по два въ рядъ, начинаютъ двигаться вдоль по улицѣ, мимо старушекъ, разсѣвшихся у воротъ и заборовъ посмотрѣть, какъ рѣзвится молодежь. Сдѣлавъ десятокъ-другой шаговъ, пары поворачиваютъ обратно, причемъ идутъ уже въ другомъ порядкѣ: парни съ одной, а дѣвицы съ другой стороны. Вотъ и весь застѣнокъ. Затѣмъ начинаютъ танцовать подъ пѣсни. Пригласивъ дѣвушку, парень ходитъ вокругъ нея, притаптывая ногой, потомъ беретъ дѣвушку за руки и дѣлаетъ съ ней нѣсколько разъ кругъ. Веселятся до ужина, за которымъ перепивается обыкновенно и молодежь; начинаются потѣхи иного рода. Толпами ходятъ парни по улицамъ и площадямъ и ищутъ случая, какъ бы съ кѣмъ подраться. Очевидно, въ нихъ просыпаются инстинкты буйной новгородской вольницы. Но едва ли въ доброе старое время то, что̀ называлось въ былинахъ „бой-

драка великая", отличалось такимъ злостнымъ характеромъ, какъ въ позднѣйшее время, когда драка не считается и дракой, если не пускаются въ ходъ ножи и плахи. Драки во время попоекъ рѣдко ведутъ къ долгой взаимной враждѣ; даже въ случаѣ увѣчья, дѣло кончается обыкновенно миромъ. Всеобщимъ пьянымъ угаромъ кончается праздникъ, а на завтра будничная жизнь вступаетъ въ свои права, и только больные съ похмелья, угрюмые парни и мужики еле-еле встаютъ и нѣхотя берутся за работу.

Вообще, жизнь мезенскаго крестьянина проходитъ въ какихъ-то потемкахъ; школъ мало, добрыхъ примѣровъ со стороны—еще меньше; сближеніе съ мѣстной интеллигенціей исчерпывается по преимуществу дѣловыми, большею частію взаимно-непріязненными и во всякомъ случаѣ формальными отношеніями. „Почему бы это такъ?—обратился ко мнѣ однажды толковый и весьма разумный мужикъ одного изъ селъ, расположенныхъ на моемъ пути къ Койнасу:—какъ мужикъ пьетъ, про то всѣ ему въ глаза тычутъ; а что господа у насъ пьютъ, о томъ начальство не очень заботится; а ужъ какъ намъ нужны трезвые да работящіе господа! Мы бы, кажется, съ дорогой душой все для нихъ дѣлали и сами, глядя на нихъ, дѣтей бы добру учили. А то разсудите: въ такомъ-то селѣ (собесѣдникъ мой назвалъ его) учитель—пьяница, дѣтей колотитъ, и не учатся они у него—диво ли, что изъ школы бѣгутъ? Священникъ—выпиваетъ; по сосѣдству такой-то чиновникъ—по ошибкѣ только пьянъ не бываетъ. Соберутся они вмѣстѣ, перепьются да и драться начнутъ, и все на людяхъ. Что̀ хорошаго?"

Хорошаго, дѣйствительно, мало въ такого рода картинѣ. Но не нужно забывать, какъ трудно жить и „соблюсти" себя свѣжему человѣку въ атмосферѣ мезенскихъ потемокъ, въ гнетущемъ одиночествѣ, въ отсутствіи какого-либо возвышеннаго отдыха среди грубой и мрачной дѣйствительности, привычной для мѣстнаго уроженца.

Что̀ представляетъ собой духовный миръ мезенцевъ и что̀ думаютъ они о предметахъ, выходящихъ за предѣлы хозяйственнаго обихода? Для отвѣта на этотъ вопросъ, приведемъ изъ огромной массы такъ называемыхъ суевѣрій, владѣющихъ мыслью и воображеніемъ мезенцевъ, два-три представленія его, напримѣръ о душѣ и смерти.

Душа имѣетъ видъ маленькаго ребеночка. У дѣтей и праведныхъ она бѣлая, ангельская, у грѣшниковъ—печальная, все плачетъ. До Страшнаго Суда и грѣшники, и праведники живутъ въ особомъ помѣщеніи, темномъ и страшномъ: „свѣту и радости

не имѣютъ". Поэтому праведники молятъ Бога, чтобы свѣтъ поскорѣе кончился, а грѣшникамъ разсчета нѣтъ, потому что мученія ихъ начнутся только послѣ суда,—до тѣхъ поръ сидятъ хоть и въ темнотѣ, да въ теплѣ, и никакого наказанія пока нѣтъ.

Не трудно тутъ замѣтить аналогію между судомъ небеснымъ и судомъ земнымъ, съ его предварительнымъ заключеніемъ и ожиданіемъ приговора. Отношеніе къ смерти у тамошнихъ крестьянъ, сколько я могъ замѣтить, спокойное. Старики и старухи говорятъ о ней, какъ о чемъ-то совсѣмъ обыкновенномъ, изъ-за чего не стоитъ и себя, и другихъ тревожить. Однажды мы встрѣтили бабу съ котомкой, пробиравшуюся на богомолье.

— Умирать хочу, такъ вотъ къ угодникамъ (Зосиму и Савватію) собралась, — сообщила она радостно и какъ-то просвѣтленно улыбаясь.

— Что такъ?—сказалъ С. В.:—еще сто лѣтъ проживешь...

— Нѣтъ, будетъ,—серьезно и убѣжденно сказала старуха, —и то корятъ парни: зажилась, молъ, помирать пора.

Но смерть мезенцы представляютъ страшной. Она имѣетъ видъ костлявой бабы съ косой и мѣшкомъ за плечами, а въ мѣшкѣ все инструменты разные: ножи, пилы, щипцы. Вотъ подойдетъ она, говорятъ, къ грѣшнику, которому пора умирать, и дастъ ему чашу желчи, а за муки, что онъ кому чинилъ, начинаетъ подрѣзывать ногти у перстовъ. Достанетъ клещи и давай вытягивать жилы, а сама все что-то шепчетъ, и никто, кромѣ грѣшника, словъ ея не слышитъ. Вотъ, грѣшникъ „покоряжится, покоряжится, да и откроетъ ротъ, чтобы духъ выпустить". Если же онъ рта не открываетъ, то беретъ она особый инструментъ „крапъ"—двѣ палки съ крючьями. Однимъ крючкомъ захватитъ нижнюю губу, другимъ—верхнюю; такъ ротъ и раздеретъ; потомъ одинъ крюкъ внизу придержитъ ногой, а свободной рукой и вольетъ больному чашу съ желчью. „Вотъ, братъ, не хочешь, да выпьешь"... Потомъ срубитъ голову косой и тоненькимъ крючкомъ вытащитъ душу у человѣка. Праведную душу ангелы подхватятъ, а грѣшную — дьяволята. Тутъ и работѣ ея конецъ. Такъ и ходитъ смерть отъ одного къ другому, потому что квартиры у нея нѣтъ и отдохнуть негдѣ. Походитъ, походитъ, да и придетъ къ Господу и доложитъ: „кого поморила, кого еще морить нужно".

Представленія о нечистой силѣ, о безчисленныхъ лѣшихъ, баенныхъ, домовыхъ, водяныхъ, въ основѣ своей то же, что и по всей Руси, но отличаются болѣе грубыми и реализован-

ными чертами; ихъ существованіе не подвержено никакимъ сомнѣніямъ; толковые и грамотные мужики, правдивые, сколько я могъ замѣтить, въ другихъ отношеніяхъ, увѣряли, что они своими глазами видѣли „хозяевъ", которые то возились около лошадей, то парились въ банѣ на полкѣ. Сильные и отважные люди, они не рѣшались, напримѣръ, отправиться вечеромъ въ пустую и темную баню, и когда я однажды, для вразумленія ихъ, отправился около полуночи въ баню, они смотрѣли на меня съ суевѣрнымъ изумленіемъ и предупреждали, что за подобную смѣлость я могу жестоко поплатиться со стороны баеннаго дѣдка.

Такого рода повѣрья усердно поддерживаютъ многочисленные колдуны и знахарки, большинство которыхъ вербуется изъ категоріи такъ называемыхъ коноваловъ. Наиболѣе убѣдительнымъ примѣромъ вліянія знахарей служитъ, по мнѣнію крестьянъ, „икотная" корча; эта странная болѣзнь распространена здѣсь, какъ и на Печорѣ. Выражается она въ томъ, что женщина, подверженная ей, начинаетъ особеннымъ образомъ икать, издавая звуки, то напоминающіе лай собаки, то крикъ пѣтуха, или выкрикивая нелѣпыя слова, не будучи въ состояніи остановиться. Крестьяне въ одинъ голосъ говорили, что отъ икоты можетъ помочь только „отговоръ" знахаря или знахарки, тогда какъ обращеніе къ медицинской помощи не вело ни къ чему. Но видъ женщины, подвергшейся истерико-эпилептическому припадку, бываетъ ужасенъ: съ дикимъ воплемъ женщина падаетъ на полъ, начинаетъ биться въ судорогахъ, выкрикивая какую-нибудь безсмыслицу или грубую брань, а родные, привыкшіе къ этимъ явленіямъ, относятся въ большинствѣ случаевъ безучастно, иногда же поднимаютъ несчастную на смѣхъ, или же открещиваются отъ „еретическаго навожденія". С. В. тщательно изучалъ эту болѣзнь и собирался напечатать результаты своихъ наблюденій.

Колдуны отговариваютъ, они же и „напускаютъ" икоту, для чего требуется вырѣзать у собаки сердце, высушить и истолочь его да вырвать у кошки черныхъ и бѣлыхъ шерстинокъ три раза по девяти. По однимъ сообщеніямъ изъ этой смѣси дѣлаютъ комки, которые и стараются дать незамѣтно проглотить намѣченной для „порчи"; по другимъ — достаточно завязать узелъ „надъ черной книгой", „чернымъ словомъ припечатать" и положить на пенекъ, мимо котораго должна пройти намѣченная жертва. По замѣчанію С. В., распространеніе этой болѣзни исключительно среди женщинъ заставляетъ предполагать существованіе именно въ ихъ жизни условій, располагающихъ къ заболѣваніямъ нервно-психологическаго характера, которыя служатъ благодар-

ной почвой для поддержанія и развитія дикихъ понятій и самыхъ невозможныхъ суевѣрій. Съ другой же стороны, мнѣ всегда казалось при объясненіи больныхъ, что недугъ ихъ, развиваясь по преимуществу на нервной почвѣ, долженъ особенно легко поддаваться внушенію, и въ этомъ случаѣ заговоры и отговоры знахарей могли имѣть значеніе.

Евг. Ляцкій.

НАУКА ЖИЗНИ

РОМАНЪ.

— *Gustave Geoffroy.* L'apprentie. Roman. Paris, 1904 (Eug. Fasquelle, éditeur).

Окончаніе.

III *).

Комедіи и трагедіи рабочаго квартала.

Весной 1873 года семья Помьé выѣхала изъ своей прежней квартиры и переселилась въ другой кварталъ—Бельвилль. Дорога туда изъ Менильмонтана была недалекая. Нужно было только пересѣчь Менильмонтанское шоссе и пройти всю улицу Жюльенъ-Лакруа. Тамъ, почти на самомъ углу Бельвилльской улицы, они наняли въ верхнемъ этажѣ высокаго дома маленькую квартирку; изъ оконъ у нихъ виденъ былъ весь подъемъ главной улицы квартала, а также разстилающаяся внизу панорама Парижа, то ясная, то окутанная туманомъ, смотря по погодѣ.

Эта часть Бельвилля отличается особенной красотой. Нѣкоторыя улицы, нѣкоторые перекрестки этого внушительнаго города, выросшаго надъ Парижемъ, имѣютъ историческій интересъ, какъ многолѣтніе свидѣтели жизни толпы. Дома, прохожіе говорятъ взору объ уходящемъ времени и о грядущемъ. На улицахъ, идущихъ кверху, на широкихъ бульварахъ, запечатлѣны

*) См. выше: октябрь, стр. 666.

итоги человѣческихъ жизней. Нищета негодуетъ или покорствуетъ судьбѣ, ведетъ къ мятежу или къ паденію. Повседневный трудъ поддерживаетъ въ массѣ населенія энергію и надежду. А порой улицу охватываетъ внезапная веселость, отгоняя во мракъ злобные инстинкты. Здѣсь все соединено—и кротость, и мятежная злоба, и страшное, и величественное. Зрѣлище получается то успокоивающее, то бурное—и настолько разнообразное, что не утомляетъ вниманія, открывая взорамъ величіе жизни.

Главная улица квартала очень своеобразна. Отличительная черта предмѣстій Парижа заключается въ томъ, что каждое изъ нихъ, или даже почти каждая улица въ нихъ, имѣетъ свой особый характеръ. Бельвилльская улица не похожа ни на Монмартрскую, ни на Сентъ-Антуанское предмѣстье, ни даже на лежащій по сосѣдству Менильмонтанъ. Въ самомъ началѣ улицы, у бульваровъ, помѣщаются просторныя питейныя заведенія со множествомъ прилавковъ, кафе-шантаны, танцовальныя залы, отели, сверкающіе вывѣсками, ярко-освѣщенными газомъ. Все это не свидѣтельствуетъ о трудовой жизни, а переноситъ фантазію въ атмосферу мрачныхъ преступленій и разврата, описываемую въ уголовныхъ романахъ.

Но первое впечатлѣніе скоро смѣняется другимъ. Поднимаясь кверху, Бельвилльская улица становится шире и принимаетъ болѣе мирный буржуазный характеръ. Ярко освѣщенныя витрины смѣняются болѣе скромными, чисто провинціальными лавками. Мелкіе торговцы, переговаривающіеся черезъ улицу съ лавочниками, живущими насупротивъ, и рабочіе, скученные въ высокихъ домахъ, наполняютъ улицы, примыкающія къ центральной артеріи квартала. Скромные рантьé живутъ въ домикахъ, окруженныхъ чахлыми деревьями.

Поселившись въ Бельвиллѣ, семья Помьé имѣла передъ глазами мощный потокъ жизни, приливы и отливы рабочихъ массъ, а также драмы, порожденныя пьянствомъ и порочными инстинктами; драмы эти разыгрывались внизу улицы, на внѣшнихъ бульварахъ. Вечеромъ и до поздней ночи улицу заполоняли разгульныя женщины и ихъ сообщники, устроивая ловушки прохожимъ. По субботамъ рабочіе, поддавшіеся соблазну вина, сталкивались съ этими тунеядцами, которыхъ презирали, у прилавковъ питейныхъ заведеній или у самаго входа въ кабаки. Происходили ежеминутно ссоры и драки, и больше всего доставалось обыкновенно наивнымъ, неумѣющимъ постоять за себя людямъ.

Старикъ Помьé вернулся однажды домой весь избитый послѣ одной изъ такихъ дракъ, и по его смутнымъ объясненіямъ ни-

какъ нельзя было понять, подрался ли онъ по собственному почину, или же заступился за кого-нибудь. Во избѣжаніе подобныхъ дракъ, жена стала приходить за нимъ по субботамъ и отводить его домой. Но, замѣтивъ, что ея опека конфузитъ старика передъ товарищами, она стала посылать вмѣсто себя Селину и Сецилію; онѣ приходили вдвоемъ, держась за руки. Помьé былъ очень благодаренъ женѣ за ея деликатность.

— Дѣвочки заходятъ за мной, чтобы идти гулять вмѣстѣ,— объяснялъ онъ товарищамъ.

Помьé съ удовольствіемъ водилъ гулять своихъ миловидныхъ, всегда аккуратно одѣтыхъ дѣвочекъ. Заботясь о мужѣ и дѣтяхъ, мать придумала программу удовольствій для субботняго дня. Ей самой было не до веселья, но она понимала, что рабочимъ людямъ необходимы отъ времени до времени развлеченія. Она предложила поэтому ходить всѣмъ вмѣстѣ въ театръ по субботамъ, — чтобы не предоставлять мужа самому себѣ въ этотъ опасный день. До Бельвилльскаго театра было очень недалеко, но чтобы попасть вô-время, нужно было спѣшить домой послѣ работы и обѣдать раньше обыкновеннаго. Посѣщеніе театра всей семьей было сопряжено съ расходами, но мать утверждала, что все-таки это составляетъ экономію.

Театръ далекъ отъ сверкающихъ огней бульвара и расположенъ на самомъ крутомъ мѣстѣ подъема улицы. Публика тамъ каждый день другая. Рабочіе, мелкіе лавочники съ семьями приходятъ туда отдохнуть послѣ трудового дня и вносятъ съ собой мирно-буржуазную атмосферу. А въ другіе вечера на красныхъ стѣнахъ залы вырисовываются дерзкіе силуэты, и у зрителей, опирающихся на бархатныя спинки креселъ, видъ, не внушающій довѣрія. А по коридорамъ и лѣстницамъ всегда снуютъ веселыя, задорныя молодыя дѣвушки.

Отношенія между различными классами общества, представленными въ театрѣ, далеко не дружелюбныя, и дѣло доходитъ иногда до перебранки. Шумъ на верхнихъ галереяхъ сердитъ мирную публику ложъ и креселъ, а слишкомъ нарядные туалеты въ ложахъ возбуждаютъ негодованіе верховъ, откуда доносятся громкія порицанія или даже летятъ апельсинныя корки. Публика галерей—насмѣшливая и безцеремонная; она вышучиваетъ актеровъ, если они играютъ слишкомъ чувствительно, и смѣется надъ растроганными, сентиментальными зрителями. Одинаковое настроеніе охватываетъ всю залу только тогда, когда есть предлогъ для смѣха. Публика стремится въ театръ съ единственнымъ желаніемъ смѣяться, и пользуется для этого всякимъ под-

ходящимъ и неподходящимъ случаемъ. Даже то, что должно вызывать не веселость, а только ироническую улыбку, или даже негодованіе, поднимаетъ цѣлую бурю хохота. Публика смѣется каждый вечеръ, что бы ни играли — комедіи или мелодрамы, водевили или драмы. Въ мелодрамахъ наибольшій успѣхъ имѣютъ актеры, исполняющіе комическія роли, и при выходѣ изъ театра зрители, въ особенности женщины, главнымъ образомъ вспоминаютъ о водевилѣ, которымъ заканчивался спектакль. Даже если веселье не было полнымъ, онѣ утверждаютъ, что вечеръ не потерянъ, что имъ все-таки удалось хоть немного посмѣяться. Только за этимъ онѣ и пришли; жизнь ихъ болѣе всего бѣдна смѣхомъ, и потому имъ такъ хочется смѣяться хоть сидя передъ разрисованными кулисами и глядя на жесты и гримасы актеровъ. Стоитъ взглянуть на выходящую послѣ спектакля изъ театра толпу смиренныхъ бѣдняковъ, чтобы понять, до чего имъ нужна иллюзія веселости. За стѣнами маленькаго театра ночь кажется еще болѣе мрачной, и еще грустнѣе глядѣть на разстилающійся внизу Парижъ, гдѣ такъ много фабрикъ и казармъ, гдѣ люди, строящіе прекрасные памятники, ютятся сами въ грязныхъ углахъ, гдѣ дорогъ хлѣбъ и дешевъ алкоголь, гдѣ единственными доступными для рабочихъ развлеченіями являются безсмысленная нехудожественная мелодрама и циничные кафешантанные куплеты.

Помьѐ такъ же наивно восторгался представленіями, какъ и его дочери. Онъ забывалъ дѣйствительность, проникаясь интересами представленныхъ на сценѣ людей, сочувствуя угнетенной добродѣтельной героинѣ, надѣясь на то, что порокъ будетъ наказанъ, ненавидя злодѣя пьесы и преклоняясь передъ героемъ. Его жена не любила мрачныхъ драмъ, слишкомъ живо напоминавшихъ ей объ ея собственныхъ несчастіяхъ; но она не выказывала своего волненія, сдерживала слезы въ трогательныхъ мѣстахъ, также какъ и не смѣялась, когда всѣ вокругъ хохотали; она была болѣе сдержанной и глубокой натурой, чѣмъ ея мужъ, экспансивный парижанинъ, готовый вышутить свое же волненіе, когда оно миновало.

Селину занимало все въ театрѣ — и представленіе, и зрительная зала. Ей былъ пріятенъ шумъ, яркій свѣтъ, гулъ разговоровъ, толпа, душный воздухъ, пропитанный запахомъ апельсиновъ; она любила встрѣчаться взглядами съ чужими, и не опускала глазъ передъ самыми безцеремонными разглядываніями ея лица. Она чувствовала себя среди толпы совершенно въ своей стихіи, и никогда не задумывалась надъ тѣмъ, что именно ра-

дуетъ ее въ театрѣ, а отдавалась удовольствію безъ разсужденій, безъ раскаянія.

Сецилія научалась почти безотчетно многому, посѣщая театръ. Она тоже вся уходила въ событія, разыгрывающіяся на сценѣ, но не отдавалась впечатлѣніямъ съ такой непосредственностью, какъ ея отецъ,—она старалась разобраться въ видѣнномъ и составить себѣ собственное мнѣніе; все слишкомъ громкое и тривіальное не нравилось ей, такъ какъ шло въ разрѣзъ съ уравновѣшенностью ея натуры. Мелодрамы, однако, сильно ее волновали; ея дѣтскій разумъ не могъ еще понять, что изображеніе чувствъ въ такого рода пьесахъ условно и преувеличенно. Ее такъ потрясали катастрофы, происходящія въ мелодрамахъ, что она блѣднѣла и хватала мать за руку, ища у нея поддержки. Ко всему остальному въ театрѣ она относилась не такъ, какъ Селина; она не любила толкотни въ коридорахъ, едва рѣшалась поднять глаза вверхъ, на галереи, откуда доносились звуки споровъ и дракъ. Самые страшные злодѣи на сценѣ менѣе пугали ее, чѣмъ люди, мимо которыхъ она проходила иногда въ фойе во время антрактовъ: у нихъ были жестокія, преступныя лица, и отъ нихъ сильно пахло виномъ. Сецилія успокоивалась только тогда, когда опять садилась на свое мѣсто, между матерью и сестрой, и когда поднималась занавѣсь среди наступившаго молчанія.

Театръ имѣлъ несомнѣнно глубокое вліяніе на маленькую Сецилію, открывая ей чувства и интересы, которыхъ она не могла еще наблюдать въ жизни. Она научилась сравнивать изображаемое на сценѣ съ живой дѣйствительностью, и это развивало въ ней наблюдательный и трезвый умъ. Сужденія ея часто удивляли ея родителей своей мѣткостью. Она становилась разсудительной дѣвушкой, чуждой порывовъ и увлеченій. Для нея прошелъ почти безслѣдно столь значительный въ жизни католическихъ дѣвушекъ моментъ перваго причастія. Праздничная обстановка церковнаго обряда, бѣлый вѣнчальный уборъ, въ которомъ она вмѣстѣ съ подругами подошла къ алтарю подъ звуки органа,—все это произвело на нее впечатлѣніе, но не отуманило ей голову. Ея подруги приближались къ алтарю блѣдныя, взволнованныя, точно готовясь открыто признаться въ своей первой таинственной любви. Такого мистическаго настроенія Сецилія не испытала; она даже почувствовала нѣкоторое облегченіе, выйдя, наконецъ, на паперть послѣ окончанія церемоніи и вздохнувъ свободно внѣ атмосферы органной музыки и ладана. Первое, что̀ ей бросилось въ глаза, когда она вышла изъ церкви,

были маленькія нищенки въ лохмотьяхъ; онѣ стояли на ступенькахъ лѣстницы и протягивали руки къ кортежу дѣвочекъ въ вѣнчальныхъ платьяхъ.

„А вѣдь и онѣ Христовы невѣсты",—подумала Сецилія.

И на каждомъ шагу съ этого времени ей открывались контрасты и уродство жизни.

Послѣ перваго причастія Сецилія поступила въ ученіе къ портнихѣ, м-мъ Боссъ, на улицѣ Жюльенъ-Лакруа, туда же, гдѣ училась ея сестра. Въ мастерской Сецилія познакомилась съ новыми людьми, увидала и услышала много новаго. Чтобы узнать жизнь, ей не было надобности отправляться куда-нибудь далеко; все открывалось ей въ разговорахъ, въ разсказахъ, въ поступкахъ окружающихъ людей. Еще болѣе широко, чѣмъ на сценѣ, развернулись передъ нею трагедіи и комедіи жизни въ событіяхъ, происходившихъ въ кварталѣ, гдѣ она жила. Занавѣсь поднялась, и зрѣлище дѣйствительной жизни предстало передъ взоромъ Сециліи: ей оставалось только смотрѣть, слушать, понимать.

По вечерамъ, отецъ читаетъ вслухъ газету въ то время, какъ мать работаетъ, а Селина глядитъ въ окно на темную улицу, всегда притягивающую ея взоры. Сецилія уже лежитъ въ постели, и всѣ думаютъ, что она спитъ. Глаза ея закрыты, но она видитъ и слышитъ. Передъ ея сомкнутыми глазами проходятъ, по мѣрѣ того какъ читаетъ отецъ, мрачныя происшествія, кровопролитія; она видитъ муки жертвъ. Иногда хроника происшествій, которую читаетъ отецъ, очень однообразна: на улицѣ Жюльенъ-Лакруа молодому человѣку нанесли нѣсколько ударовъ шиломъ въ сердце; причина—соперничество въ любви. На Монмартрѣ женщина облила сѣрной кислотой своего возлюбленнаго. Въ кварталѣ Гренель человѣкъ шестидесяти лѣтъ застрѣлилъ женщину, которая послѣ долгой совмѣстной жизни хотѣла его бросить. Въ другомъ кварталѣ женщина убила изъ ревности свою соперницу. Любовь свирѣпствуетъ во всѣхъ кварталахъ города и проявляется въ жестокихъ поступкахъ, граничащихъ съ безуміемъ.

Въ другихъ драмахъ источникомъ зла является нищета, ведущая неравную борьбу противъ равнодушія и жестокости общества. Сецилія убѣждается, что бѣдные люди большею частью беззащитны, что старыхъ одинокихъ женщинъ иногда убиваютъ молодые преступники. А за міромъ нищеты, на болѣе низкой ступени, она начинаетъ различать другой міръ, еще болѣе страшный—міръ преступленій и разврата. Она не можетъ не

замѣтить жестокія и хитрыя лица тунеядцевъ, сопровождающихъ молодыхъ нарядныхъ женщинъ на внѣшнихъ бульварахъ, и дрожить, слушая страшныя исторіи о нихъ.

— Вотъ послушайте,—говоритъ отецъ,—что̀ случилось съ Поллэ.

Поллэ былъ конюхъ, съ которымъ Помьѐ познакомился во время осады Парижа; они служили въ одномъ отрядѣ, и онъ часто бывалъ у Помьѐ, качалъ на колѣняхъ Селину и Сецилію. Отецъ прочелъ вслухъ исторію, приключившуюся съ его старымъ знакомымъ. Въ ненастную ночь Поллэ, оставшійся безъ работы и безъ крова, пошелъ искать, гдѣ укрыться отъ вѣтра и дождя. Онъ нашелъ навѣсъ, подъ которымъ сложена была груда мѣшковъ съ известкой на постройкѣ новаго дома. Шелъ дождь, и Поллэ рѣшилъ, что навѣсъ, укрывающій мѣшки, можетъ служить кровомъ и для человѣка; онъ рѣшилъ поэтому измѣнить прежнее назначеніе навѣса, не отдавъ, впрочемъ, и мѣшки во власть непогоды; онъ легъ на нихъ подъ навѣсомъ, чѣмъ отнюдь не нарушилъ порядка въ кварталѣ Марсоваго-Поля, гдѣ все это произошло. Буржуа, мирно спавшіе за закрытыми ставнями и дверями, не повскакали съ постелей отъ такого нарушенія общественнаго равновѣсія, и дождь продолжалъ идти какъ ни въ чемъ не бывало. Но тутъ вмѣшалась административная власть въ лицѣ двухъ городовыхъ; они полюбопытствовали узнать, кто этотъ сибаритъ, расположившійся на ночлегъ въ столь удобной спальнѣ. Конюхъ Поллэ крѣпко спалъ; при появленіи властей онъ поднялся со своего ложа.—„Что̀ случилось?“—спросилъ онъ, и будь на его мѣстѣ самъ префектъ полиціи, онъ бы употребилъ тѣ же выраженія. Одинъ изъ городовыхъ, однако, не былъ удовлетворенъ краснорѣчіемъ конюха, и отвѣтилъ ему ударомъ шашки по головѣ. Но человѣкъ, которому вмѣсто утренняго кофе достался при пробужденіи ударъ по головѣ, не возмутился и спокойно заявилъ о своей невинности.—„У меня нѣтъ никакого дурного умысла“,—сказалъ онъ. Почувствовавъ, что лобъ у него влажный, онъ поднесъ къ нему руку:—„Вотъ видите,—сказалъ онъ,—я промокъ, и хотѣлъ переждать дождь здѣсь подъ навѣсомъ“. При свѣтѣ газа городовые увидѣли, что рука ихъ жертвы вся въ крови, и Поллэ, при всей своей кротости, долженъ былъ признать, что онъ раненъ. Его повели въ участокъ, т.-е., вѣрнѣе, онъ повелъ въ участокъ городового. Въ газетѣ, которую читаетъ Помьѐ, говорится, что городового уволили, но что Поллэ преслѣдовали за бродяжничество.

Селина почти не слушала чтенія отца. Сецилія же внима-

тельно слѣдила за каждымъ словомъ. Эта и подобныя исторіи сдѣлали ее очень осторожной дѣвушкой; она научилась убѣгать отъ опасности, какъ серна въ лѣсу: она быстро сворачиваетъ въ сторону при встрѣчѣ съ людьми, которые ей внушаютъ страхъ; послѣ происшествія съ Поллэ она боится всѣхъ, у кого шашки въ рукахъ, т.-е. солдатъ и городовыхъ. Она, конечно, останавливается изъ любопытства, когда видитъ собравшуюся кучку народа, но всегда стоитъ поодаль и удерживаетъ также Селину, стремящуюся пробраться всегда въ самый центръ толпы. Сецилія быстро проходитъ мимо, когда видитъ подозрительныхъ людей, столпившихся глядѣть на какую-нибудь драку, никогда не отвѣчаетъ и даже не глядитъ, когда ее окликаютъ прохожіе, или когда ей скажетъ какую-нибудь грубость проходящій мимо пьяный. Она начинаетъ понимать, что бѣднымъ людямъ никто не помогаетъ и что нужно самимъ оберегать себя. Два преступленія, случившіяся по сосѣдству,—убійство полусумасшедшей старой дѣвы и одинокой старухи-вдовы,—особенно поразили Сецилію, какъ примѣръ безсмысленной жестокости преступныхъ инстинктовъ: обѣ убитыя женщины были бѣдны, и никому не мѣшали своимъ жалкимъ существованіемъ. Вторая изъ двухъ жертвъ была восьмидесятилѣтняя женщина, и жила на три франка въ недѣлю,—а между тѣмъ нашлись люди, которые задушили ее, быть можетъ, за очень короткое время до ея естественной смерти.

И не только одни преступленія убѣждали Сецилію въ жестокости жизни. Безвыходность страданій бѣдняковъ среди равнодушнаго общества обнаруживалась и въ другихъ событіяхъ. Въ Бельвиллѣ произошло взволновавшее всѣхъ двойное самоубійство. Когда жизнь становится слишкомъ тяжелой, несчастные добровольно отказываются отъ нея,—для этого достаточно зажечь жаровню съ углемъ. Это средство избрали супруги Котазъ, убившіе себя по той простой причинѣ, что имъ стало не въ моготу жить.

Они служили консьержами у богатаго виноторговца Бернардэна. Мужу было шестьдесятъ-пять лѣтъ; разбитый параличомъ, онъ сидѣлъ неподвижно на своемъ креслѣ, и всю работу исполняла жена, которой было шестьдесятъ лѣтъ. Она подметала и мыла лѣстницу и дворъ, убирала контору хозяина и замѣщала всюду больного мужа, стараясь, насколько возможно, облегчить ему жизнь. Она зарабатывала двадцать-пять франковъ въ мѣсяцъ, т.-е. триста франковъ въ годъ. За вычетомъ изъ этого бюджета расходовъ на отопленіе и одежду, у нихъ оставалось денегъ только на то, чтобы питаться хлѣбомъ—и то черезъ день. Такое существованіе длилось пять лѣтъ; это были пять лѣтъ пытки

для мужа, который помимо болѣзни испытывалъ нравственныя страданія, видя, какъ жена мучаетъ себя непосильной работой.

М-мъ Котазъ, которая искала еще какого-нибудь источника дохода, нашла, наконецъ, то, чего хотѣла; ей предложили вести маленькое хозяйство по сосѣдству, и она съ радостью готова была взять эту добавочную работу, за мѣсячную плату въ пятнадцать франковъ. Эта сумма была для Котазовъ подаркомъ судьбы. Но хозяинъ не разрѣшилъ м-мъ Котазъ работать внѣ дома. Онъ находилъ, что у его консьержки и такъ достаточно дѣла, и боялся, что, занявшись посторонней работой, она менѣе тщательно будетъ исполнять свои обязательства относительно его. Казалось бы, что слѣдовало въ такомъ случаѣ прибавить Котазамъ еще пятнадцать франковъ, въ которыхъ они такъ нуждались,—но это не пришло въ голову хозяину. Старики совсѣмъ упали духомъ: лишніе пятнадцать франковъ дали бы имъ возможность дожить свою жизнь мирно и не роняя себя въ глазахъ другихъ своей нищетой. Теперь надежда на облегченіе судьбы была окончательно разбита, и м-мъ Котазъ убѣдила мужа, что единственный для нихъ исходъ—добровольная смерть. Они зажгли жаровню съ углемъ, и когда служащіе въ конторѣ Бернардена, послѣ тщетныхъ стуковъ къ консьержу, призвали полицію и взломали дверь, они увидѣли м-мъ Котазъ сидящей въ креслѣ, а ея мужа—въ постели; оба были уже мертвы. На столѣ лежало письмо слѣдующаго содержанія: „Изъ двадцати-пяти франковъ жалованья, полученныхъ нами вчера, я уплатила нѣсколько мелкихъ долговъ. Продажа нашей скромной обстановки окупитъ расходы на похороны“. Затѣмъ была еще приписка: „Простите, господинъ коммиссаръ, за безпокойство, которое мы причинимъ вамъ нашимъ самоубійствомъ, но намъ невозможно дольше жить. Мы занимали мало мѣста на землѣ; положите же насъ въ одну и ту же могилу, чтобы и подъ землей намъ не понадобилось больше мѣста; умоляю васъ также—не выставляйте наши тѣла на показъ любопытствующимъ“. Въ этомъ письмѣ выражалась вся смиренность бѣдной женщины: она оставалась робкой и послѣ смерти, извинялась за то, что обезпокоитъ стольких людей своей особой. Она заплатила долги, позаботилась о покрытіи похоронныхъ расходовъ, почти извинялась передъ коммиссаромъ за то, что умираетъ съ голоду; она чуть ли не просила прощенія у хозяина, лишившаго ее возможности заработать несчастные пятнадцать франковъ, и у общества, выбрасывающаго за бортъ стариковъ, трудившихся всю жизнь. Передъ тѣмъ какъ зажечь жаровню, Котазы одѣлись въ лучшее свое платье и украсили ком-

нату всѣми остатками убранствъ, сохранившихся отъ долгихъ лѣтъ труда и бережливой жизни. На подушку надѣта была чистая наволочка, и въ письмѣ старухи заключалась просьба положить эту подушку подъ голову мужу въ гробъ. Котазы принадлежали къ тѣмъ покорнымъ, слишкомъ покорнымъ бѣднякамъ, которые изъ чувства гордости не ропщутъ, принимаютъ всѣ удары судьбы какъ должное, и никого не винятъ, разставаясь съ жизнью.

Весь кварталъ проводилъ два гроба на кладбище: люди, шедшіе за дрогами, были такими же покорными страдальцами, какъ и убившіе себя старики Котазы. Хозяинъ дома, Бернардэнъ, не явился на похороны, но послалъ прекрасный вѣнокъ изъ иммортелей и фіалокъ. Всѣ нашли, что это съ его стороны очень корректно и благородно.

Жизнь мало-по-малу раскрывалась передъ Сециліей еще раньше даже, чѣмъ она могла понять, что̀ собственно происходитъ на ея глазахъ.

Вотъ несчастныя дѣвушки двадцати, восемнадцати лѣтъ, или даже еще болѣе молодыя; онѣ съ пяти часовъ дня ходятъ по улицамъ, неопрятно одѣтыя, съ распущенными волосами; въ глазахъ у нихъ болѣзненный блескъ, и при всей своей молодости онѣ имѣютъ увядшій видъ. Слѣдомъ за ними появляются ихъ пріятели—молодые люди съ напомаженными волосами, въ шолковыхъ фуражкахъ, съ папиросой въ зубахъ. Они стоятъ, притаившись гдѣ-нибудь у воротъ, или въ темномъ углу у виноторговца, или въ коридорѣ подозрительнаго отеля, и слѣдятъ съ напряженнымъ и жестокимъ выраженіемъ на блѣдныхъ, вздутыхъ лицахъ за своими подругами, заманивающими прохожихъ. Отъ времени до времени они обмѣниваются съ женщинами нѣсколькими быстрыми фразами, даютъ имъ совѣты и отбираютъ у нихъ деньги. Когда наступаетъ ночь, тѣ же сцены повторяются при свѣтѣ газа, но еще съ большей наглостью и жестокостью. Юноши идутъ слѣдомъ за своими подругами, вмѣшиваются въ переговоры о платѣ, поджидаютъ у дверей притоновъ, отбираютъ у несчастныхъ женщинъ деньги и бьютъ ихъ, когда сумма оказывается ниже ожиданія. Каждый вечеръ, въ тотъ же часъ, эта голодная свора выходитъ изъ своихъ логовищъ и начинаетъ охотиться за добычей. Часто происходятъ при этомъ драки между пріятелями и пріятельницами, и нерѣдко дѣло кончается нанесеніемъ смертельныхъ ранъ; полиція подбираетъ окровавленные трупы, разыскиваетъ виновныхъ среди товарищей убитыхъ, и мотивы преступленій становятся предметомъ судебнаго разбирательства.

Всѣ эти юноши, живущіе позоромъ своихъ подругъ, — очень хитрыя и скрытныя существа, чрезвычайно элементарныя, однако, по своимъ чувствамъ и наклонностямъ. Кругъ ихъ чувствъ и желаній — ограниченный, и существованіе ихъ исчерпывается очень немногочисленными интересами. Основная ихъ черта — лѣнь, превосходящая всякіе предѣлы. Они нашли средство проводить весь день въ полной праздности. Они спятъ очень поздно, потомъ долго и обильно завтракаютъ въ трактирѣ, или у себя въ отелѣ, гдѣ имъ приносятъ въ ихъ комнату устрицы и котлеты. Днемъ они сидятъ въ трактирѣ, медленно пьютъ черный кофе съ ликерами, курятъ папиросы, играютъ въ карты, затѣмъ опять выпиваютъ что-нибудь для возбужденія аппетита передъ обѣдомъ. Достаточно взглянуть на нихъ, когда они идутъ по улицѣ или сидятъ за столикомъ въ кафé, чтобы замѣтить, до чего они излѣнились и до чего бездѣйствуетъ ихъ ничтожный мозгъ. Вечеромъ повторяется та же программа: обѣдъ, кофе, карты и билліардъ, — но къ этимъ удовольствіямъ присоединяется забота: нужно слѣдить за женщиной, которая вышла на ночной промыселъ, питающій ея сообщника. Не будь у этихъ тунеядцевъ такого рода службы, они бы ровно ничего не дѣлали. Если иногда лѣтомъ кто-нибудь изъ нихъ отправляется пѣшкомъ за-городъ, или ѣдетъ кататься на лодкѣ, то онъ вспоминаетъ объ этомъ въ теченіе двухъ недѣль, какъ о необычайномъ подвигѣ, жалуется на боль въ ногахъ, показываетъ натруженныя веслами руки. Но ежедневный вечерній трудъ считается обязательнымъ, и на него не жалуются, хотя онъ сопряженъ съ опасностями; приходится вдругъ выскакивать изъ засады — откуда-нибудь изъ трактира — и идти навстрѣчу врагу, который можетъ появиться на бульварѣ. Эту повинность каждый выполняетъ чрезвычайно добросовѣстно, какъ самый аккуратный чиновникъ, усердный рабочій или дѣловой человѣкъ. Нужно отстаивать свое пропитаніе, одежду, квартиру, табакъ, все необходимое и всѣ удовольствія жизни — и это дѣло серьезное. Нужно быть храбрымъ и безпощаднымъ, такъ какъ женщина, на глазахъ которой происходятъ побоища, не прощаетъ отступленія; вотъ почему имѣется всегда наготовѣ ножъ на тотъ случай, если нельзя справиться голыми руками.

Въ сущности эти нравы, хотя и порожденные омутомъ столичной жизни, являются какъ бы далекимъ отголоскомъ рыцарства. Ночные рыцари бьются за своихъ дамъ въ ихъ присутствіи, — хотя, конечно, не изъ-за ихъ прекрасныхъ глазъ, а за блага жизни въ самомъ матеріальномъ смыслѣ слова. Но какъ знать — можетъ быть, гордость и романтизмъ играютъ большую роль въ

психологіи теперешнихъ ночныхъ витязей, чѣмъ кажется, и можетъ быть, съ другой стороны, средневѣковые рыцари были не такъ безкорыстны, какъ поется въ балладахъ.

Только въ крайнемъ случаѣ ночной рыцарь является на помощь своей подругѣ,—только когда дѣла ея плохи и нужно убѣдить силой неуступчивыхъ прохожихъ. Эта трудная роль не доставляетъ ни малѣйшаго удовольствія тунеядцу—большей частью толстому и облѣнившемуся, который только въ пьяномъ видѣ лѣзетъ въ драку. Но необходимость заставляетъ его быть отважнымъ. Ему необходимо хорошо завтракать и обѣдать, пить вино, играть въ карты и курить, платить за комнату въ отелѣ. Приходится поэтому мѣряться силами съ врагомъ, отколотивъ предварительно ту, которая не съумѣла обезпечить ему спокойную жизнь. Онъ выходитъ изъ засады—и приводитъ въ равновѣсіе свой бюджетъ.

Въ описываемомъ году, въ октябрѣ, подвиги ночныхъ рыцарей особенно участились. На Менильмонтанскомъ шоссе произошло нападеніе на чиновника, который возвращался домой. Онъ обратилъ въ бѣгство нападавшихъ, но на слѣдующій день его подстерегли и пырнули ножомъ въ животъ. У стѣны кладбища Père Lachaise напали на кузнеца, плотнаго и сильнаго молодца, чуть не задушили его и украли серебряные часы; на улицѣ Этьенъ-Долэ на молодаго приказчика напало около двѣнадцати человѣкъ, и онъ едва спасся, получивъ двѣ раны въ голову. Множество другихъ дракъ и кровопролитій происходило въ разныхъ частяхъ города; виновниковъ удавалось иногда захватить и предать суду,—въ большинствѣ случаевъ оказывалось, что это—рецидивисты. Но и на судѣ они вели себя нагло, угрожали кулакомъ пострадавшимъ, вызваннымъ въ судъ въ качествѣ свидѣтелей. Послѣ этой серіи побоищъ наступило временное затишье, и опять стали появляться на улицахъ цѣлые отряды праздныхъ лѣнтяевъ, наполняющихъ питейныя заведенія; оттуда они наблюдали за своими подругами, вышедшими на промыселъ. Сидя по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, они громко вели циничныя рѣчи, нагло хохотали, шумѣли и сводили личные счеты другъ съ другомъ.

Помимо дракъ и нападеній на прохожихъ, произошелъ цѣлый рядъ убійствъ, въ которыхъ такъ или иначе были виновны тѣ же праздношатающіеся ночные рыцари. Во многихъ случаяхъ жертвами были ихъ же подруги, а мотивами убійствъ были или грабежъ, или месть за обиду, или просто разыгравшіеся подъ вліяніемъ вина преступные инстинкты.

Сецилія слышала объ этихъ убійствахъ и, не понимая еще позорной закулисной стороны преступленій, начала инстинктивно чувствовать омерзѣніе и ужасъ передъ непонятной ей грязью уличной жизни. Изъ всѣхъ преступленій самое сильное впечатлѣніе произвела на нее драма, героемъ которой былъ нѣкій Жозефъ Леруа; драма эта наполнила кошмарами ея дѣтскіе сны и научила ее на всю жизнь быть крайне осторожной.

Леруа былъ настоящій преступный типъ. Для того, чтобы взять девять франковъ изъ-подъ подушки м-мъ Пьеръ, онъ безъ всякаго колебанія перерѣзалъ ей горло. Можетъ быть, даже онъ хотѣлъ убить ее вовсе не съ цѣлью грабежа, а просто изъ желанія сдѣлать красный надрѣзъ на спокойномъ, мирно дышащемъ тѣлѣ: онъ взялся за ножъ потому, что любилъ мучить, проливать кровь и творить зло. Воръ поступилъ бы болѣе осторожно, подошелъ бы на цыпочкахъ, затаивъ дыханіе, протянулъ бы руку, стараясь вытащить деньги потихоньку. Этихъ предосторожностей Леруа не принялъ. Голова спящей женщины мѣшала ему добраться до денегъ, и онъ попытался отрубить ее. Это былъ поступокъ невмѣняемаго убійцы.

Ему было шестнадцать лѣтъ; мать его умерла, а отецъ лежалъ больной въ госпиталѣ. Мальчика пріютили сжалившіеся надъ его бѣдственнымъ положеніемъ сосѣди, бѣдный столяръ съ женой. У нихъ былъ свой ребенокъ, но они все-таки взяли къ себѣ Жозефа, кормили и одѣвали его. И вотъ эту пріютившую его женщину, м-мъ Пьеръ, Жозефъ Леруа и попытался зарѣзать однажды утромъ, когда мужъ ея ушелъ на работу. Ему не удалось выполнить свое намѣреніе, потому что ножъ плохо рѣзалъ, и на крики раненой женщины сбѣжались люди. Жозефу удалось, однако, незамѣтно уйти, смѣшавшись съ толпой, и только черезъ нѣсколько часовъ полиція арестовала его неподалеку отъ дома, гдѣ лежала и стонала раненая м-мъ Пьеръ. На допросѣ юный преступникъ откровенно объяснилъ, что его охватила непреодолимая жажда пролитія крови, и жалѣлъ только о томъ, что не успѣлъ нанести второй ударъ жертвѣ. На вопросъ: не раскаявается ли онъ, Леруа цинично отвѣтилъ, что ничуть. У этого шестнадцатилѣтняго мальчика инстинктивная жестокость была неискоренима. Онъ съ дѣтства мучилъ насѣкомыхъ и домашнихъ животныхъ, билъ другихъ дѣтей,—и при этомъ у него было нѣжное розовое личико, наивный свѣтлый взглядъ и улыбающійся ротъ,—ему было радостно, когда проливалась кровь и слышались стоны. Когда онъ подросъ, его перестали удовлетворять истязанія собакъ, птицъ и лягушекъ,—ему

захотѣлось слышать человѣческіе стоны. Первой его жертвой сдѣлалась добрая женщина, пріютившая его. Ему было безразлично, кого бы ни мучить. Онъ даже не взглянулъ ей въ лицо, а какъ звѣрь, выскочившій изъ засады, кинулся къ спящей женщинѣ съ ножомъ въ рукахъ.

Жизнь квартала не состояла, конечно, изъ однихъ только мрачныхъ происшествій и кровопролитныхъ драмъ; часто разыгрывались и комедіи, вызывавшія улыбку у Сециліи, научавшія ее понимать комическія стороны жизни. Много толковъ было, напримѣръ, о красивой кондитершѣ, которая привлекала покупателей и доброкачественностью своихъ товаровъ, и своей красотой. Женщины не любили ее за гордость, за тотъ снисходительный тонъ, съ которымъ она какъ будто позволяла только пріобрѣсти диковины, разложенныя на прилавкѣ и на столикахъ въ кондитерской. Все, что̀ про нее говорили худого, не доходило до нея, такъ какъ она занята была только своей красотой и принимала восхищенные взгляды покупателей какъ должную дань. Отъ времени до времени она исчезала изъ кондитерской, и эти исчезновенія составляли главный предметъ толковъ о ней въ кварталѣ. Въ дни ея отсутствія торговля шла нѣсколько болѣе вяло, но все-же продавалось достаточно, чтобы окупить расходы. Черезъ нѣсколько дней она возвращалась, садилась на свое обычное мѣсто у кассы и продолжала вязать кружево. Она никому ни слова не говорила о томъ, гдѣ провела нѣсколько дней, и никто не спрашивалъ ее. Извѣстно было, что она оставалась по близости, и что ея кратковременнымъ расположеніемъ пользовался каждый разъ кто-нибудь изъ обитателей квартала; но объ этомъ не говорили. Мужъ красавицы, похожій на Пьеро въ своей бѣлой блузѣ, принималъ каждый разъ обратно свою Коломбину, ни о чемъ ее не спрашивая, не говоря ни объ ея отсутствіи, ни объ ея возвращеніи. Все это возбуждало любопытство и смѣхъ въ кварталѣ; всѣ старались найти ключъ къ странному поведенію кондитерши, такъ величественно хранившей молчаніе относительно всѣхъ тайнъ своей жизни. Какая-то торговка жаренымъ картофелемъ, уродливая старуха, говорила всѣмъ и каждому, что прекрасная кондитерша холодна какъ мраморъ ея прилавка, и что въ этомъ—вся тайна ея жизни.

Толковали въ кварталѣ также о хозяйкѣ большой лавки съ живностью. Эта пожилая женщина возбуждала смѣхъ своимъ отношеніемъ ко второму мужу, почти совсѣмъ мальчику сравнительно съ нею, бывшему ея приказчику. Она его баловала, освобождала отъ всякой работы, и дѣлала все сама, и въ лавкѣ, и

дома, справляясь отлично съ дѣтьми, число которыхъ возростало съ каждымъ годомъ. На своего мужа она тоже смотрѣла какъ на одного изъ дѣтей, прощая ему всѣ шалости и продѣлки, вплоть до романовъ со служанками; она содержала всю его семью и поражала всѣхъ своей неутомимостью, своей энергіей и веселымъ нравомъ.

На ряду съ этими женщинами, дававшими поводъ къ пересудамъ, въ кварталѣ появилось вскорѣ новое, сильно всѣхъ заинтересовавшее лицо. Въ маленькомъ переулкѣ, не выходящемъ на центральную улицу, и потому неудобномъ для торговли, открылся новый магазинъ подъ вывѣской: „Часовщикъ-ювелиръ". Обитательницы домовъ насупротивъ съ интересомъ слѣдили за подготовительными работами, восхищались изяществомъ отдѣлываемыхъ за-ново витринъ и вывѣски; еще не зная, каковъ изъ себя хозяинъ новаго магазина, онѣ чувствовали къ нему благодарность за то, что онъ украсилъ и оживилъ ихъ глухую маленькую улицу такимъ красивымъ аристократическимъ магазиномъ. Но лавочники изъ другихъ улицъ, заходя поглядѣть на новый магазинъ, скептически качали головой.

— Прогоритъ онъ,—думали или говорили они вслухъ,—прогоритъ, какъ всѣ другіе, пытавшіеся завести торговлю на такой глухой улицѣ.

На слѣдующее утро, когда магазинъ былъ готовъ и вывѣска приколочена, за конторкой изъ чернаго дерева, служившей также рабочимъ столикомъ, появился самъ часовщикъ-ювелиръ. Это былъ блондинъ, съ завитыми усами, въ прическѣ à la Капуль, такой же изящный, какъ и за-ново отдѣланный магазинъ. Дѣло пошло у него сразу очень хорошо. Въ первый же день явились всѣ обитательницы его улицы, а въ слѣдующіе дни—хозяйки со всѣхъ сосѣднихъ улицъ. Не прошло и мѣсяца съ открытія магазина, какъ полки и витрины часовщика были переполнены множествомъ карманныхъ и стѣнныхъ часовъ, будильниковъ, и т. д.; все это было принесено ему для починки. Точно какая-то эпидемія обрушилась на часы въ кварталѣ: всѣ они испортились. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникла мода на брошки, кресты, медальоны, имѣвшіеся въ большомъ выборѣ въ его магазинѣ; только эти предметы и стали покупаться для подарковъ на разные случаи. Торговля пошла настолько успѣшно, что часовщикъ взялъ себѣ помощника, сидѣвшаго въ лавкѣ въ то время, какъ хозяинъ отправлялся закупать товаръ, или заводить часы въ квартирахъ своихъ постоянныхъ кліентовъ, или показывать имъ ювелирныя новинки. У себя въ магазинѣ онъ бывалъ только въ

удивился, что отправился поглядѣть, не ошиблась ли Селина, и повелъ съ собой Сецилію. Оказалось, дѣйствительно, что Шодронъ стоялъ въ толпѣ людей, пришедшихъ дежурить всю ночь въ ожиданіи открытія кассы утромъ. Среди стоявшихъ были и такіе, которые только берегли мѣсто для болѣе крупныхъ капиталистовъ чѣмъ они сами. Но многіе явились самостоятельно, и старикъ Шодронъ былъ въ ихъ числѣ. А между тѣмъ, при взглядѣ на него и на другихъ, стоявшихъ у кассы, трудно было предположить, что это люди, имѣющіе сбереженія, покупающіе бумаги; они казались скорѣе нищими, ожидающими раздачи супа и хлѣба у дверей казармъ или ресторана. Случайно они стояли у двери, надъ которой читалась надпись: „Помощь раненымъ". Это былъ пріемный покой полицейскаго участка, и надпись очень подходила къ толпѣ людей, искалѣченныхъ жизнью, не увѣренныхъ въ завтрашнемъ днѣ; но все-же это были рентьеры или мечтающіе о рентѣ люди. Стремленіе скопить деньги и купить на нихъ процентныя бумаги овладѣваетъ множествомъ бѣдняковъ. Они отказываютъ себѣ въ необходимомъ, выдумываютъ разные остроумные способы сберечь кое-какіе гроши, и доживаютъ, наконецъ, до счастливаго момента, когда смогутъ, простоявъ часть ночи и часть дня, обмѣнять дорого доставшіяся деньги на кусокъ бумаги, дающей проценты и, главное, дающей надежду на выигрышъ.

На слѣдующій день, старикъ Шодронъ явился къ Помьé.

— А знаешь, старикъ,—сказалъ ему Помьé,—я вѣдь видѣлъ тебя въ мэріи. Ты уже сталъ рантьеромъ? Сколько ты взялъ облигацій?

— Четверть одной облигаціи—и потратилъ на это все, что̀ имѣлъ. Теперь у меня не осталось ни гроша.

— Еще бы! Ты бы могъ угостить насъ всѣхъ обѣдомъ сегодня, а ты несешь свои деньги въ мэрію!.. У тебя еще навѣрное кое-что осталось. Угости насъ обѣдомъ!

— Клянусь тебѣ, что у меня нѣтъ ни сантима; мнѣ не на что̀ самому поѣсть сегодня.

— Оставь его въ покоѣ,—говоритъ мать.—Пускай поступаетъ какъ знаетъ и какъ можетъ. Это правда, что у васъ не на что пообѣдать? Сядьте поближе къ печкѣ, погрѣйтесь, я вамъ дамъ тарелку супу.

— Ну да, Марія, дай ему супу. Это ему поможетъ отложить деньги на покупку еще одной четверти облигаціи. Дай ему стаканъ вина, этому рантьеру; и я тоже выпью съ нимъ.

Консьержка дома, гдѣ жили Помьé, мадамъ Бенаръ, тоже

утѣшалась надеждой на выигрышъ въ лотерею. Никто не былъ такъ хорошо освѣдомленъ о всемъ, что̀ касалось лотерей, какъ она. Она слѣдила за этимъ по газетамъ, а въ свободныя отъ работы минуты бѣгала въ табачную, гдѣ развѣшаны были бѣлые и синіе лотерейные билеты; тамъ она читала соблазнительныя афиши, на которыхъ красовались, какъ приманка, цифры главныхъ выигрышей въ пятьдесятъ и сто тысячъ франковъ. Безграничность надеждъ вызывалась незначительностью риска. Какъ устоять противъ соблазна, когда предлагаютъ за одинъ франкъ выиграть полмилліона, когда открываютъ возможность волшебнаго переворота жизни, перехода отъ нищеты къ пышной жизни, въ которой каждое желаніе немедленно осуществляется!

М-мъ Бенаръ не могла бороться съ подобнымъ соблазномъ. Она вѣрила въ талисманы, и покупала поэтому печатныя бумажки, снабженныя оффиціальными подписями. Объявленія, въ которыхъ за одинъ франкъ обѣщаютъ сто тысячъ, печатаются для рабочаго, трудящагося съ утра до ночи въ шумной мастерской, подъ звуки паровыхъ свистковъ и грохотъ машинъ, или на постройкахъ, дрожа отъ холода зимой, изнемогая отъ жары лѣтомъ,—для мелкаго чиновника, мечтающаго объ отдыхѣ среди притупляющей механической работы въ канцеляріи, для молодой дѣвушки, которая хочетъ выйти замужъ, для матери, которой нечѣмъ кормить дѣтей. И печатается это объявленіе также для старой консьержки, которая живетъ въ крошечной комнатѣ и сидитъ въ креслѣ съ рыжей кошкой на колѣняхъ въ то время, какъ на плитѣ варится ея скромный обѣдъ. Маленькая, низкая комнатка озарена надеждой на перемѣну судьбы. М-мъ Бенаръ никогда не думала о томъ, что̀ такое въ дѣйствительности сто тысячъ франковъ, или о томъ, что̀ бы она сдѣлала, еслибы вдругъ ей свалилась съ неба такая сумма. Она не соображаетъ, что шансъ ея на выигрышъ равняется милліонной или двухмилліонной частицѣ шанса. Она только старается какъ можно полнѣе воспользоваться счастливымъ случаемъ и беретъ не одинъ билетъ, а если можно—два, пять, десять. Она готова перенести всѣ лишенія, лишь бы только воспользоваться мгновеніемъ, когда счастье можетъ улыбнуться ей. Въ теченіе цѣлыхъ дней, цѣлыхъ мѣсяцевъ, до самаго дня розыгрыша, она считаетъ себя обладательницей главнаго выигрыша, и живетъ двойной жизнью; сѣтуя на свою судьбу, на трудность жизни, она въ то же время въ мечтахъ устроиваетъ будущее по своему желанію. У нея бываетъ, правда, непріятная минута—на слѣдующій день послѣ розыгрыша, когда, читая списокъ выигравшихъ нумеровъ, она

не находитъ среди нихъ своего. Это—минуты большой горечи и разочарованія, но онѣ не долго длятся. Вѣра ея слишкомъ твердая. Она откладываетъ свои надежды на слѣдующій срокъ и снова начинаетъ жить иллюзіями.

Одной изъ самыхъ забавныхъ комедій, разыгравшихся на глазахъ Сециліи, была свадьба Юліи, дочери прачки, живущей по сосѣдству съ семействомъ Помьѐ. Юлія была школьной подругой Селины и сохранила дружескія отношенія съ обѣими сестрами. Она не преминула пригласить ихъ на свое вѣнчаніе и свадебный завтракъ; мать дѣвушекъ послѣ нѣкотораго колебанія согласилась доставить имъ это удовольствіе, и онѣ приняли приглашеніе.

Свадьба назначена была на субботу, и съ самаго ранняго утра Сецилія и Селина одѣлись и долго еще поджидали экипажъ, который долженъ былъ заѣхать за ними. Наконецъ на улицѣ, среди суеты пробуждающагося утромъ рабочаго квартала, появился большой шарабанъ, запряженный тремя лошадьми, съ кучеромъ въ костюмѣ почтоваго возницы; шарабанъ остановился передъ дверью ихъ дома, и дѣвушки быстро сбѣжали внизъ, едва отвѣчая на послѣднія наставленія матери. Передъ входной дверью уже собрались кумушки, чтобы поглядѣть на разряженныхъ дѣвицъ, отправляющихся на свадьбу. На обѣихъ сестрахъ были одинаковыя платья изъ синяго фуляра съ бѣлыми горошинками и бѣлыя соломенныя шляпы съ розами; несмотря, однако, на то, что одѣты онѣ были одинаково, Селина казалась болѣе нарядной, благодаря кокетливо пристегнутымъ бантикамъ и кружевцамъ. Видно было, что она ѣдетъ на свадьбу. Сецилія же была похожа на скромную школьницу, отправляющуюся на актъ.

Дѣвушки быстро подошли къ шарабану и сѣли въ него. Поднимаясь на подножку, Селина хотѣла показать, что туалетъ ея безукоризненъ не только наружно, и кокетливо приподняла юбку, показывая красиво обутую стройную ножку.

— Красивая дѣвушка!—сказала одна изъ кумушекъ;— и бѣдовая же будетъ!

Въ шарабанѣ, предназначенномъ для всѣхъ свадебныхъ гостей, Селина и Сецилія оказались первыми; наканунѣ было рѣшено, что экипажъ заѣдетъ прежде всего за ними.

— А куда же мы направимся теперь?—спрашиваетъ Селина кучера.

— Къ м-мъ Фрикѐ, на Менильмонтанское шоссе.

Экипажъ вскорѣ остановился передъ большимъ домомъ бур-

жуазнаго вида. Пришлось долго ждать, пока наконецъ вышла дама въ огромной шляпѣ съ сѣрыми и лиловыми перьями и какъ бы закованная въ панцырь въ своемъ сѣромъ шолковомъ платьѣ, покрытомъ бисерной сѣткой стального цвѣта. Толстая золотая цѣпочка обвивала ей шею и спускалась на грудь и животъ. М-мъ Фрикé надѣла для торжественнаго случая весь свой гарнитуръ изъ гранатовъ съ золотомъ—кольца, браслеты, серьги и брошь. Она улыбнулась сестрамъ и, какъ хорошо воспитанная дама, вѣжливо поздоровалась съ ними. Не довольствуясь этимъ, она тотчасъ же вступила съ ними въ разговоръ.

— Видѣли вы вчера невѣсту? Прелестная дѣвушка. Я уже двадцать лѣтъ какъ знакома съ ея матерью и отцомъ. Это очень почтенные люди, и заслуживаютъ свое счастье. А какъ вамъ нравится моя шляпа? Не правда ли красива? Ее помогала выбирать одна изъ моихъ жилицъ. Мнѣ шляпа казалась слишкомъ моложавой, но она мнѣ сказала: „Что вы, что̀ вы, мадамъ Фрикé? Что̀ это вы воображаете себя старухой, когда вамъ только пятьдесятъ-девять лѣтъ“!

— Это домовладѣлица!—шопотомъ сказала Селина Сецилія, на которую тонъ говорившей съ нею женщины произвелъ впечатлѣніе.

— Это консьержка,—шепнула въ отвѣтъ болѣе скептичная младшая сестра. Трудно было сразу рѣшить, которая изъ двухъ сестеръ права. Въ рабочемъ кварталѣ мода такъ же полновластно царитъ, какъ и всюду, такъ что всѣ женщины носятъ одинаковыя тряпки. Шарабанъ опять поѣхалъ дальше и остановился черезъ нѣсколько времени передъ лавкой виноторговца. Оттуда вышла и сѣла въ экипажъ маленькая, пухленькая, похожая на куклу женщина съ вздернутымъ носикомъ. Она чувствовала себя видимо стѣсненной въ своемъ шолковомъ платьѣ и шляпѣ à la Рембрандтъ съ длиннымъ чернымъ перомъ. Когда она наконецъ усѣлась, кучеръ хотѣлъ тронуть.—Погодите!—сказала она съ сильнымъ овернскимъ оттѣнкомъ.—Мой мужъ только запретъ магазинъ, онъ сейчасъ придетъ... Скорѣе, Шантаньякъ, дамы тебя ждутъ!

Шантаньякъ, не спѣша, повернулъ въ послѣдній разъ ключъ въ замкѣ, оглядѣлъ ставни и сѣлъ рядомъ съ женой. Онъ былъ одѣтъ въ черный сюртукъ, съ цилиндромъ на головѣ, носилъ круглую бороду и бритые усы, и былъ очень сдержанъ, чувствуя себя неловко въ своемъ воскресномъ платьѣ. Наконецъ экипажъ двинулся и черезъ нѣсколько времени остановился на rue des Amandiers, передъ домомъ невѣсты. Стоявшіе передъ домомъ

уличные торговцы съ разными повозками охотно отъѣхали подальше, чтобы не мѣшать. Всѣ сосѣди стояли у оконъ, во-первыхъ, потому, что всякая свадьба считается интереснымъ зрѣлищемъ, но и кромѣ того еще и потому, что всѣ хорошо относились къ невѣстѣ. Она родилась въ этомъ домѣ, ее всѣ старшіе знали ребенкомъ, она выросла на глазахъ у всѣхъ, такъ что принадлежала кварталу почти столько же, какъ и матери. Она была трудолюбивая, скромная дѣвушка, и всѣ предпочитали ее ея матери уже за то, что она не была такой сплетницей и не такъ ругалась, какъ сама прачка, очень энергичная, умная и невоздержная на языкъ женщина. Прачку не любили, но боялись ея, и всѣ стали уступать ей мѣсто въ шарабанѣ, какъ только она появилась со своимъ властнымъ видомъ передъ дверью своей мастерской.

— А гдѣ же ваша дочь?

— Чортъ ее знаетъ, чего она медлитъ!

Никто ей ничего не отвѣтилъ, боясь дальнѣйшихъ рѣзкостей. Она сѣла въ шарабанъ, поздоровалась съ Селиной и Сециліей, приглашенными ея дочерью, оглядѣла м-мъ Фрикé и Шантаньякъ: ихъ она не знала; это были, очевидно, знакомые жениха. Рядомъ съ нею сѣлъ ея мужъ, старый, коренастый лакей изъ кафе.

— Садись, садись поудобнѣе,—сказала ему жена. Ты имѣешь такое же право на мѣсто, какъ и другіе.

„Другими" она называла приглашенныхъ женихомъ и глядѣла на нихъ очень грозно. Тѣмъ временемъ стали являться ея приглашенные—рабочіе, работницы, служащіе, лавочники. Позже всѣхъ пришла женщина съ профилемъ, напоминающимъ тарелку. Ее встрѣтили особенно шумно и радостно; видно было, что она — общая любимица.

— А гдѣ же твой мужъ?... Ахъ, вотъ онъ наконецъ!

Въ эту минуту занесъ ногу на подножку шарабана толстый блондинъ, довольно изящно одѣтый и съ цвѣткомъ въ петличкѣ.

— Сюда, сюда, ко мнѣ!—стали подзывать его женщины со всѣхъ скамеекъ, но онъ сѣлъ около м-мъ Шантаньякъ, находя эту незнакомую ему женщину по своему вкусу.

— Твой мужъ измѣняетъ намъ всѣмъ,—шутливо жаловались пріятельницы его жены, обращаясь къ послѣдней.—И для женщины, которую въ первый разъ видитъ сегодня! Ты не ревнуешь его?

— Ну, вотъ еще! Пусть веселится въ такой день,—отвѣтила женщина съ профилемъ тарелки.

Благодаря этимъ шуткамъ, „ледъ былъ сразу разбитъ“, и приглашенные жениха подружились съ приглашенными невѣсты.

— Гдѣ же невѣста?—спрашивали со всѣхъ сторонъ.

— Придетъ ли она наконецъ!—сказала мать сердитымъ голосомъ.—Она все болтаетъ съ женихомъ и дружками... Пойди за ней, отецъ!

Невѣста наконецъ вышла изъ дому. Она была красивая, здоровая дѣвушка, съ невозмутимыми карими глазами, съ наивнымъ, но рѣшительнымъ видомъ. Она вступала въ жизнь такъ, какъ теперь выходила на улицу, хорошо ее зная; она много работала, много видала на своемъ вѣку и была готова къ жизненной борьбѣ.

— Да здравствуетъ невѣста!

Она сѣла на почетное мѣсто въ шарабанѣ, и около нея сѣлъ женихъ, миловидный молодой рабочій, съ обыкновеннымъ и уже утомленнымъ работой лицомъ.

Шарабанъ направился къ мэріи. Но по дорогѣ вся компанія остановилась еще передъ виноторговлей, по настоянію матери невѣсты, заявившей, что очень страдаетъ отъ жажды. Не выходя изъ экипажа, гости выпили нѣсколько литровъ вина, вынесеннаго имъ хозяиномъ, и поѣхали дальше въ мэрію. Церемонія заключенія брачнаго контракта продолжалась очень недолго, и послѣ произнесенныхъ женихомъ и невѣстой словъ: „да“, всѣ поспѣшили направиться въ буфетъ, чтобы выпить за здоровье новобрачныхъ. Многіе изъ гостей были уже теперь сильно подвыпивши, и ихъ съ трудомъ можно было убѣдить снова сѣсть въ экипажъ. Изъ мэріи свадебный кортежъ направился въ церковь. Благословеніе брачущимся давалось въ такихъ случаяхъ очень быстро. Нѣсколько латинскихъ фразъ, сказанныхъ торопящимся священникомъ, сборъ денегъ на серебряномъ блюдѣ, нѣсколько ударовъ жезломъ церковнаго церемоніймейстера—вотъ и все. За скромную плату—ничего больше не полагалось. Бьетъ полдень, и шарабанъ привозитъ гостей къ завтраку, въ кухмистерскую подъ вывѣской „Сто тысячъ приборовъ“. Гости съѣзжаются сюда, уже успѣвъ перезнакомиться по дорогѣ всѣ другъ съ другомъ, и въ залѣ, передъ огромнымъ накрытымъ столомъ, происходятъ теперь уже взаимныя увѣренія въ симпатіяхъ и дружбѣ. Всѣ восторгаются красотой и туалетомъ новобрачной, пріятнымъ и внушающимъ довѣріе видомъ молодого мужа. Дамы идутъ мыть руки, и въ тѣсной уборной взбиваютъ волосы, пудрятся и поправляютъ туалетъ, говоря другъ другу любезности.

Селина была несомнѣнно самой красивой изъ всѣхъ, но ей

хотѣлось быть еще лучше: она зажгла спичку и затушила ее; потомъ, заостривъ обугленный кончикъ спички, она подошла къ зеркалу и подчернила себѣ брови и рѣсницы, потомъ провела слегка палочкой румянъ по губамъ, и сверхъ этого слегка попудрилась пуховкой.

— Вотъ плутовка!—говорили дамы.

Селина съ довольнымъ видомъ оправила свое платье и перегнулась въ таліи, чтобы показать всѣмъ, что она вполнѣ готова, и что̀ все въ ней безукоризненно. Экспансивная м-мъ Фрике́ стала восхищаться ею вслухъ и сказала:

— Да, красавица моя, вамъ недостаетъ только хорошей ренты!

На столѣ, накрытомъ къ завтраку, не было никакихъ украшеній, ни одного цвѣтка. Только букетъ изъ флёръ д'оранжа, привезенный новобрачной, стоялъ по срединѣ въ фарфоровой вазѣ, приготовленной именно для свадебъ. Сервировка была самая простая, тарелки и стаканы были самые дешевые, толстые, но наивнымъ труженикамъ казалось, что этотъ свадебный завтракъ необыкновенно пышенъ. Самая ѣда была хуже ихъ домашней пищи, но здѣсь ихъ плѣняла сервировка закуски, тонко нарѣзанные ломтики колбасы, редиска. Рыба подъ сѣрымъ соусомъ, которую обносили порціями, тоже всѣмъ понравилась, хотя была несвѣжая. Кое-кто попросилъ еще кусочекъ, но уже ничего не осталось. Мать новобрачной стала жаловаться, что вина подано слишкомъ мало, и велѣла позвать хозяина, — но онъ изъ осторожности не явился на ея зовъ.

Юлія отъ времени до времени поднимала глаза на сидящаго противъ нея мужа, и мягкій взглядъ ея карихъ глазъ свидѣтельствовалъ о томъ, что она радуется перемѣнѣ жизни: ей ужъ нечего бояться теперь колотушекъ матери, очень вспыльчивой женщины, то слишкомъ ласковой, то приходящей въ ярость. Прачка ревновала своего красиваго мужа и доходила до истерическаго состоянія, отъ котораго страдала и дочь. Отецъ Юліи любилъ дочь, но былъ безсиленъ передъ неистовствомъ жены. Теперь этотъ домашній адъ кончился для Юліи. На первыхъ порахъ будетъ трудно сводить концы съ концами, но она надѣется преодолѣть всѣ трудности. Быть здоровой, имѣть честнаго, добраго мужа, воспитывать дѣтей, живя экономно и постоянно работая,—такова была ея скромная мечта. Мужъ Юліи смотрѣлъ на нее съ улыбкою, но не думалъ теперь о будущемъ. Онъ уже рѣшилъ, что она будетъ ему полезной женой, до того, какъ сдѣлалъ ей предложеніе. Жизненныя заботы все равно

явятся въ свое время, и онъ не хотѣлъ теперь думать о нихъ, а безмятежно отдавался радости свадебнаго дня.

Сецилія глядѣла на всѣхъ, не принимая участія въ общихъ разговорахъ и весельи. Ей говорили, что всѣ люди—сестры и братья, но ей уже становилось яснымъ, что люди живутъ не по братски, и что жизнь ихъ очень различна. Она видѣла, что Юлія надѣется начать счастливую жизнь, но что мужъ ея едва ли съумѣетъ дать ей и скромное счастье. Она подумала, что судьба сама распредѣляетъ людей по разнымъ категоріямъ, и что всѣ помимо воли и разсужденія подчиняются ея рѣшеніямъ.

Подали жаркое—довольно скверно зажаренную баранину съ саладомъ, потомъ дессертъ и кофе съ ликерами. Шумъ возросталъ. Всѣ, кто умѣлъ, пѣли по очереди то романсы, то гривуазныя шансонетки, то аріи, изъ оперетокъ. М-мъ Фрикѐ плакала, вспоминая свою молодость, и качала головой въ тактъ пѣнію. Другіе были или растроганы томными мелодіями, или веселились отъ души, слушая нескромные куплеты. Сецилія спѣла пастушескую пѣсенку, выученную еще въ школѣ, а Селина томно и претенціозно спѣла модный вальсъ. Всѣ стали вести себя болѣе непринужденно; шутки выходили иногда изъ границъ дозволеннаго, причемъ женщины выказывали больше смѣлости, чѣмъ мужчины. Сецилія усѣлась въ углу и наблюдала за всѣмъ, а Селина, заинтересованная играми и шутками, горѣла желаніемъ принимать во всемъ участіе. Наконецъ наступилъ часъ традиціонной поѣздки въ Булонскій лѣсъ,—этимъ должна была заканчиваться всякая свадьба. Подали шарабанъ. Мужчины попрощались за руку съ лакеями, прислуживавшими имъ, и хозяинъ вышелъ проводить гостей. Ему пришлось выслушать попреки матери новобрачной за то, что подано было слишкомъ мало вина; завтракъ стоилъ по три франка съ человѣка, и за эти деньги полагалось бы больше вина. Гости, однако, сильно подвыпили, что̀ оправдывало въ значительной степени хозяина.

Шарабанъ медленно направился въ Булонскій лѣсъ. Свадебные гости говорили теперь всѣ сразу, производя неописуемый гулъ. Проѣзжая по внѣшнимъ бульварамъ, они позволяли себѣ всевозможныя шутки; женщины посылали воздушные поцѣлуи проходящимъ молодымъ людямъ, мужчины приглашали подсѣсть къ нимъ блондинку, переходившую черезъ улицу. Наконецъ шарабанъ въѣхалъ въ Булонскій лѣсъ, и тогда началось полное раздолье. Уличные торговцы подошли къ шарабану, предлагая свадебныя кокарды, бѣлыя съ золотомъ и съ флеръ-д-оранжемъ

по срединѣ, и всѣ поспѣшили украситься этими значками. Въ аллеѣ акацій они встрѣтили другой свадебный кортежъ, такой же, какъ ихъ, и сразу остановились, стали переходить изъ экипажа въ экипажъ, поздравляя, братаясь съ незнакомыми, обмѣниваясь кокардами. Послѣ того проѣхало маленькое купэ, запряженное великолѣпными лошадьми, причемъ бичъ кучера украшенъ былъ букетикомъ съ бѣлыми лентами. Изящная коляска тоже везла невѣсту, и обѣ новобрачныя обмѣнялись взглядами: работница и барышня изъ общества сравнили себя одна съ другой съ одинаковымъ чувствомъ женскаго соревнованія. Рабочая компанія хоромъ привѣтствовала красивую новобрачную, ѣхавшую въ купэ; она смущенно отвернулась, а мужъ ея быстро поднялъ открытое окно кареты.

Проѣхавъ черезъ мостъ Сенъ-Клу, свадебный кортежъ опять остановился передъ кабачкомъ, чтобы выпить, и потомъ направился въ паркъ; тамъ, передъ однимъ изъ кафе оказался оркестръ музыки, и, воспользовавшись этимъ неожиданнымъ случаемъ, веселая компанія принялась танцовать вальсъ на виду всей публики, среди пыльной дороги. Потомъ еще долго гуляли въ паркѣ, и только уже послѣ заката поѣхали домой. Доѣхавъ всѣ вмѣстѣ до Менильмонтанскаго шоссе, компанія разсталась съ увѣреніями взаимной дружбы на всю жизнь. Селину и Сецилію, какъ и всѣхъ приглашенныхъ, отвезли по домамъ въ шарабанѣ, а новобрачные пошли пѣшкомъ подъ руку въ свою квартирку, гдѣ для нихъ должна была начаться скромная и глубокая драма жизни.

Сецилія увидѣла Юлію только два года спустя, отправляясь на рынокъ купить цвѣтовъ ко дню ангела м-мъ Боссъ—портнихи, у которой она работала. Это былъ день св. Елизаветы, и множество цвѣтовъ для именинницъ было заготовлено на маленькихъ повозкахъ и въ кіоскахъ, надъ которыми красовались грифельныя доски съ надписями: „Лиза“. На каждомъ шагу розы, фуксіи и герань въ горшкахъ стояли цѣлыми пирамидами вокругъ продавщицъ, ожидавшихъ хорошаго сбыта по случаю праздника. Въ этотъ день торговали цвѣтами не только профессіональныя цвѣточницы, но и работницы безъ мѣста, накупивъ товару на нѣсколько отложенныхъ или взятыхъ въ долгъ франковъ.

Въ поискахъ за самыми свѣжими цвѣтами Сецилія остановилась наконецъ на одномъ горшкѣ и подняла глаза къ продавщицѣ.

— Какъ, это вы, Юлія? Какъ вы здѣсь очутились? Развѣ вы уже не занимаетесь прачешнымъ ремесломъ?

— Занимаюсь, но дѣла плохи; конкурренція слишкомъ боль-

шая и заказчики часто переѣзжаютъ съ квартиры на квартиру. А другіе плохо платятъ, или даже совсѣмъ не отдаютъ денегъ... У меня своя прачешная, но мой мужъ часто сидитъ безъ работы, и намъ трудно иногда свести концы съ концами—приходится искать посторонняго заработка. По праздникамъ мой мужъ встаетъ рано и идетъ покупать цвѣты въ центральный рынокъ, а я потомъ продаю ихъ. Заработокъ бываетъ недурной въ хорошую погоду. У меня остается вдвое противъ того, что я имѣю, оставаясь дома, а Огюстъ за одинъ день получаетъ столько же, сколько заработываетъ за цѣлую недѣлю у переплетчика.

— Вы не вмѣстѣ торгуете?

— Нѣтъ, онъ продаетъ тутъ по близости большія растенія. Съ ними труднѣе справиться, но заработокъ болѣе крупный.

— Что же, вы счастливы въ замужествѣ, Юлія?—спросила Сецилія участливымъ тономъ.

— Да, Огюстъ меня очень любитъ; онъ очень добрый и работящій человѣкъ, но ему не везетъ, и онъ всегда безъ работы. Я его научила прачешному ремеслу, и онѣ мнѣ теперь помогаетъ, исполняетъ за меня самую тяжелую работу, а потомъ помогаетъ гладить.

— У васъ есть дѣти?

— Одинъ сынокъ,—славненькій такой. Онъ теперь у моей свекрови.

— А ваша мать?

— Мы съ ней рассорились. Она приходила ко мнѣ и устроивала сцены безъ всякаго основанія. Разъ она даже стала меня бить,—точно я еще въ ея власти; тогда Огюстъ вытолкалъ ее за дверь. Она не злая, но очень ужъ нервная женщина.

— У васъ хорошій видъ, Юлія; вы даже пополнѣли.

— Ужъ не знаю, какъ это случилось. Горя и заботъ у меня было достаточно за это время. Мой первый ребенокъ умеръ, а мы такъ его ждали, такъ ему радовались... приготовили ему приданое. М-мъ Фрике—помните вы ее?—подарила мнѣ много разнаго бѣлья для ребенка,—не новаго, но съ кружевами; ей дала одна изъ жилицъ. Мама должна была крестить ребенка и подарила мнѣ заранѣе вышитое бѣлое кашемировое платье. А ребенокъ родился мертвымъ... Кажется, акушерка была виновата. Мы очень огорчались. Мы одѣли ему платье, приготовленное для крестинъ, и мой мужъ не могъ даже пойти на кладбище похоронить его,—ему пришлось работать за меня, пока я лежала въ постели.

— Бѣдная Юлія! Но у васъ теперь есть другой ребенокъ.

— Да, и представьте — вылитый портретъ перваго, точно это тотъ же самый.

— Можетъ быть, это тотъ же самый и есть, Юлія.

И Сецилія уходитъ со своимъ горшкомъ цвѣтовъ.

IV.

Мастерская и улица.

Портниха, къ которой Сецилія поступила въ обученіе, жила на улицѣ Жюльенъ-Лакруа, гдѣ занимала скромную квартиру. Кухня и мастерская выходили окнами на большой дворъ, откуда видны были окна множества подобныхъ же квартиръ. Только комната м-мъ Боссъ и ея матери выходила на улицу и служила одновременно салономъ для примѣрки. Тамъ, рядомъ съ кроватью изъ краснаго дерева, стоялъ традиціонный зеркальный шкафъ внушительнаго вида.

Селина очень быстро подружилась съ двумя работницами, мадамъ Пулэнъ и Мелани, но была въ дурныхъ отношеніяхъ съ главной мастерицей, Розой, дѣвушкой двадцати-двухъ лѣтъ. Послѣдняя никогда не улыбалась и не входила ни въ какіе разговоры съ работницами.

М-мъ Пулэнъ приходила только на подмогу въ разгаръ сезона, когда нужны были лишнія руки. Въ остальное время она пробивалась на скромную пожизненную ренту, которая досталась ей по завѣщанію отъ умершаго прежняго друга. Этой женщинѣ было лѣтъ шестьдесятъ-пять, но ей хотѣлось не имѣть съ виду болѣе сорока-пяти, и она всячески молодила себя. У нея были пожелтѣвшіе рѣдкіе волосы, совершенно желтое, покрытое сѣтью морщинъ лицо, длинные зубы и утомленные, безцвѣтные глаза; глядя на нее, молодымъ дѣвушкамъ странно было слушать ея сентиментальные разсказы о томъ, какая она была красавица и какъ всѣ мужчины сходили съ ума по ней. Одинъ, по ея словамъ, чуть не убилъ себя отъ отчаянія, вслѣдствіе ея равнодушія; другіе жертвовали всей своей карьерой, всѣмъ своимъ будущимъ, чтобы добиться ея расположенія. Одного очень богатаго полковника она любила, но онъ умеръ отъ чахотки. Явился другой, но онъ былъ женатъ. Онъ отдалъ бы все для нея, но семья слѣдила за нимъ, и онъ исчезъ навсегда: можетъ быть, его держали взаперти или отравили, или закололи кинжаломъ.

Молодыя работницы выслушивали съ интересомъ эти воспо-

минанія о старыхъ любовныхъ драмахъ и жалѣли старуху за то, что конецъ ея жизни —такой печальный. Иногда онѣ подшучивали надъ нею, какъ надъ инвалидомъ, не перестающимъ вспоминать минувшія побѣды.

Вторая работница, Мелани, была дочь небѣднаго настройщика, и ее отдали къ м-мъ Боссъ со всевозможными предупрежденіями. Хотя она жила въ двухъ шагахъ отъ мастерской, все-же, ровно въ шесть часовъ вечера, даже въ дни большой спѣшки, она поднималась, клала въ столъ ножницы и наперстокъ и уходила. Мать предпочитала, чтобы она получала меньше жалованья, лишь бы раньше возвращалась домой. Когда она уходила, хозяйка слѣдила изъ окна своей комнаты за нею, пока она не входила къ себѣ въ домъ. Воспитанная въ строгости, Мелани имѣла въ шестнадцать лѣтъ сдержанный и лукавый видъ; въ ея очень смѣломъ взглядѣ чувствовалось пробужденіе женскаго инстинкта; видно было, что она ждетъ съ любопытствомъ откровеній жизни. Мать ея не была достаточно предусмотрительна, чтобы понять наклонности дочери и вліять на нее; она была занята только соблюденіемъ внѣшнихъ приличій и заботилась только о томъ, чтобы дочь ея была похожа на барышню, а не на работницу.

Днемъ, и даже зимой въ хорошую погоду, окна мастерской были открыты на дворъ, и всѣ жильцы дома жили въ постоянномъ общеніи, среди неугомонныхъ криковъ и разговоровъ. Наибольшій шумъ производила жившая въ третьемъ этажѣ цыганская семья; она состояла изъ отца, матери и восьми дѣтей. Отецъ и двое старшихъ сыновей играли на вечерахъ, и въ шесть часовъ вечера отправлялись изъ дому. Но до ихъ ухода квартира наполнялась криками, шумомъ и хохотомъ въ перемежку съ игрой на скрипкѣ; изъ оконъ ежеминутно высовывались черномазыя головки дѣтей, спасавшихся отъ колотушекъ матери. Питалась семья колбасой и хлѣбомъ, причемъ жирныя бумажки выбрасывались изъ окна на дворъ. На всѣ убѣжденія консьержа семья отвѣчала бранью на своемъ непонятномъ языкѣ, а когда наконецъ имъ отказали отъ квартиры, они уже совершенно перестали стѣсняться. Имъ дѣйствительно трудно было жить безъ воздуха на третьемъ этажѣ дома въ рабочемъ кварталѣ. Они были созданы для жизни на большой дорогѣ, въ шатрѣ, съ подвѣшеннымъ на вѣтвяхъ котломъ, чтобы дѣти могли валяться въ пыли, а мужчины играть на скрипкѣ, закатывая глаза къ небу.

Прямо противъ мастерской жила спокойная супружеская чета, не заводившая ни съ кѣмъ знакомства; мужъ служилъ въ мэріи,

а жена была учительницей городской школы. Хотя оба они были немолоды и очень уродливы, но они только недавно поженились, и наслаждались теперь своимъ медовымъ мѣсяцемъ. Они часто послѣ завтрака и обѣда подходили къ окну подышать воздухомъ, и ихъ счастливый видъ производилъ сильное впечатлѣніе на Селину; она согласилась бы быть такимъ же уродомъ, какъ эта женщина, лишь бы очутиться теперь на ея мѣстѣ.

М-мъ Боссъ тоже завидовала этому жалкому счастью. Она овдовѣла въ двадцать-шесть лѣтъ; погоревавъ о мужѣ, она стала сильно тосковать въ одиночествѣ, и поэтому убѣдила свою мать поселиться у нея. Она все ждала случая вторично выйти замужъ, но до сихъ поръ надежды ея не сбывались, и дни проходили въ грустномъ ожиданіи. Она была высокаго роста и казалась еще выше вслѣдствіе своей худобы. Платья висѣли на ней какъ на вѣшалкѣ. Ея каріе глаза становились все болѣе кроткими и ласковыми, и она говорила самыя простыя вещи воркующимъ тономъ,—жажда нѣжности и подчиненія сказывалась въ каждомъ ея словѣ, въ каждомъ движеніи. Съ работницами она была очень кротка и ласкова, и если иногда приказывала имъ что-нибудь сухимъ тономъ, то сейчасъ же вспоминала о грусти жизни, и лицо ея снова становилось ласковымъ и покорнымъ.

Какъ-то разъ ея каріе глаза сдѣлались еще болѣе темными. Утромъ, когда работницы сѣли за работу, она имъ объявила, что не обѣдаетъ дома, а вечеромъ отправляется въ театръ. Ее пригласилъ жилецъ дома, вдовецъ, очень приличный и не имѣющій дѣтей. Изъ сундука вынули темное гренадиновое платье, сдѣланное въ свое время для визитовъ послѣ свадьбы и сильно пропитанное запахомъ камфоры. Его обновили обшивкой изъ бархата, и вдова упорхнула, очень оживленная, въ своемъ нарядномъ платьѣ, въ шляпкѣ съ перьями и съ сумочкой филиграняной работы. Работницы провожали ее глазами, мать ея ласково оглядѣла дочь, и всѣ отошли отъ окна, посмотрѣвъ, какъ сосѣдъ подозвалъ коляску и усадилъ въ нее м-мъ Боссъ.

— Она навѣрное хорошо проведетъ время,—сказала Роза.— Я очень рада за нее; вѣдь она почти никогда не выходитъ изъ дома.

— У него очень приличный видъ, и онъ будетъ отличнымъ мужемъ,—убѣжденнымъ тономъ сказала м-мъ Пулэнъ.

— Онъ недуренъ,—замѣтила Мелани,—но руки у него ужъ очень красныя.

Селина объяснила имъ, что это были перчатки, и даже очень модныя перчатки. Дѣвушки собрались уже уходить домой, какъ

вдругъ появилась м-мъ Боссъ; она быстро шла по лѣстницѣ, вся запыхавшись, въ сдвинутой на бокъ шляпѣ.

— Какъ, это вы?—воскликнули дѣвушки хоромъ.

— Ахъ, негодяй, невѣжа! — говорила дрожащимъ голосомъ м-мъ Боссъ.—Вернитесь опять въ мастерскую, я вамъ все разскажу.

Въ мастерской м-мъ Боссъ сѣла на стулъ и, плача горькими слезами, сказала:

— Онъ Богъ знаетъ за кого меня принялъ. Какъ только мы сѣли въ карету, онъ предложилъ мнѣ, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ театръ, заѣхать съ нимъ куда-нибудь въ отель. Вы, конечно, понимаете, что я велѣла остановить карету и выпрыгнула изъ нея... Какова дерзость?!

Для того, чтобы день кончился не слишкомъ печально, м-мъ Пулэнъ предложила всѣмъ вмѣстѣ пойти смотрѣть „Tour de Nesles“, и вся компанія, вмѣстѣ съ матерью хозяйки, отправилась въ театръ и насладилась, на этотъ разъ уже безъ всякихъ препятствій, зрѣлищами любви, преступленій и крови.

Однажды вечеромъ, возвращаясь съ Селиной домой послѣ работы, Сецилія въ первый разъ замѣтила что-то странное въ поведеніи старшей сестры. Она обмѣнивалась взглядами съ проходящими мимо молодыми людьми; съ однимъ изъ нихъ она о чемъ-то долго говорила. Сецилія смущенно прошла нѣсколько шаговъ впередъ и подождала сестру.

— Кто это? Чтò онъ тебѣ сказалъ?—спросила она.

— Это—братъ одной моей подруги. Ты ее не знаешь; мы съ ней учились вмѣстѣ еще до войны.

Сецилія чувствовала, что сестра что-то скрываетъ, и не продолжала разговора. Селинѣ теперь совершенно не сидѣлось дома; она искала всяческихъ предлоговъ, чтобы выйти, брала на себя всѣ порученія, и пропадала всегда болѣе часу, когда не нужно было болѣе десяти минутъ; на упреки матери и сердитое ворчанье отца она ничего не отвѣчала. Помьé, впрочемъ, не умѣлъ долго сердиться; онъ очень любилъ своихъ дочерей, радъ былъ побаловать ихъ невинными радостями, въ родѣ, напримѣръ, подарка бѣлой кошки, которая вскорѣ дѣлалась общей любимицей, и жизнь семьи текла мирно, пока въ нее не внесла тревогу Селина своимъ поведеніемъ.

Она уговорила отца водить ее и Сецилію иногда въ кафешантанъ на Бельвилльской улицѣ. То, чтò тамъ пѣли, ее мало интересовало. Она не любила ни сентиментальностей, ни приводившихъ въ восторгъ отца ея патріотическихъ куплетовъ, но

ей нравилось быть въ этой удушливой залѣ, пропитанной запахомъ табака и алкоголя; это доставляло ей такое же удовольствіе, какъ чтеніе ужасныхъ фельетонныхъ романовъ, въ которыхъ давалось каждый день на одинъ су преступленій, крови, таинственныхъ приключеній и ужасовъ. Сецилія ненавидѣла этого рода литературу, и нашла себѣ совершенно другое чтеніе. Она разобрала книги своихъ братьевъ, отложила въ сторону политическія брошюры и разрозненныя сочиненія Прудона и привела все въ порядокъ. Изо всѣхъ найденныхъ ею книгъ ее больше всего увлекали „Misérables“ Виктора Гюго и „Eugenie Grandet“ Бальзака. Каждый вечеръ, передъ сномъ, она проводила часъ за чтеніемъ.

По воскресеньямъ, отецъ водилъ иногда дочерей въ какую-нибудь изъ танцовальныхъ залъ въ ихъ кварталѣ, выбирая, конечно, вечеринки болѣе семейнаго характера; но для Селины это не было развлеченіемъ, потому что отецъ все время слѣдилъ за ней и не давалъ ей веселиться. Только когда онъ встрѣчалъ знакомыхъ и садился съ ними за столъ выпить, Селина быстро убѣгала на другой конецъ залы, плясала до-упаду и возвращалась къ отцу, едва дыша отъ возбужденія и усталости.

— Не смѣй отходить отъ меня, негодная дѣвчонка!—говорилъ ей отецъ,—и, главное, не смѣй идти танцовать въ другое мѣсто; если ты когда-нибудь посмѣешь зайти въ залу Фавьѐ, гдѣ бываютъ одни только шалопаи, тебѣ влетитъ отъ меня!

Селина ничего не отвѣчала, и только улыбалась въ отвѣтъ. Эта странная дѣвушка перестала любить роскошь. Она по прежнему была кокетлива, носила ленты, дешевыя кольца и брошки изъ поддѣльнаго коралла, но уже не завидовала разряженнымъ женщинамъ, попадавшимъ иногда на балы въ Бельвилльскомъ кварталѣ. У нея появились другіе вкусы: ей было пріятнѣе всего среди грязи и самаго низменнаго разгула толпы.

Кончивъ срокъ ученія, она объявила дома, что ее рекомендовали портнихѣ на Rue du Temple. Мать пошла справиться; новая хозяйка Селины ей понравилась, и она позволила дочери поступить къ ней. Такимъ образомъ, Селина была избавлена отъ постояннаго общества младшей сестры и могла возвращаться домой, когда угодно, проводить вечера внѣ дома. Она заявила, что у нея есть подруги, и уходила гулять вмѣстѣ съ ними по вечерамъ или въ свободные отъ работы дни. Характеръ ея измѣнился; она сдѣлалась мрачной, не выносила замѣчаній, грубо отвѣчала на нихъ. Даже лицо ея измѣнилось и, при всей моложавости, казалось изможденнымъ; щеки нѣсколько провалились,

голубые глаза потемнѣли, движенія сдѣлались лихорадочными. Она имѣла дома разсѣянный видъ, и не интересовалась ничѣмъ, происходившимъ у нихъ въ семьѣ. Она была то необыкновенно весела, то безутѣшно грустна. Сецилія чувствовала, что между ними наступила какая-то непонятная ей рознь.

По винѣ Селины, посѣщеніе театровъ сдѣлалось болѣе рѣдкимъ; по субботамъ она приходила слишкомъ поздно; отецъ, съ своей стороны, тоже пропадалъ, и у сестеръ не было теперь никакихъ общихъ развлеченій. Старшая жадно упивалась жизнью, испытывая часто большія разочарованія, приходя иногда въ полное отчаяніе; тяжелые часы тоски она проводила дома, мрачная, апатичная. Упреки родителей она выслушивала угрюмо, или же отвѣчала имъ дерзостями.

Ея младшая сестра страшилась всякихъ приключеній, брезгливо опасалась грязи, и съ недоумѣніемъ смотрѣла на сестру, которая уходила изъ дому возбужденная и радостная, и возвращалась раздраженная, поблекшая, съ мрачнымъ блескомъ въ глазахъ. Селина спутанно отвѣчала на вопросы, еще не научившись ловко лгать. Разъ только она увлекла младшую сестру съ собой на прогулку, послѣ того какъ онѣ вмѣстѣ долго слушали шарманку, приводящую парижскихъ работницъ въ мечтательное настроеніе. Робкая Сецилія послѣдовала за своей безумной сестрой, но уже на ближайшемъ перекресткѣ она пришла въ ужасъ: тамъ ждали Селину молодые люди, которымъ она, очевидно, назначила свиданіе; своей раскачивающейся походкою, ужасными руками, грубыми, животными лицами и жестокими глазами они напугали Сецилію. Очевидно, судьба готовила для нея иную судьбу: она остановилась, вся дрожа, и быстро побѣжала назадъ, домой. Селина тоже вернулась вмѣстѣ съ ней, быть можетъ, чувствуя угрызенія совѣсти за желаніе совратить сестру. Обѣ онѣ провели этотъ вечеръ дома, подлѣ матери, и Сецилія была счастлива, думая, что сестра ея вернется къ старымъ привычкамъ тихой семейной жизни.

Романтическія наклонности Сециліи вполнѣ удовлетворялись теперь, когда ей было четырнадцать лѣтъ, меланхолической игрой шарманки, и въ особенности романсами уличныхъ пѣвцовъ. Она, вмѣстѣ съ подругами, составляла обычный хоръ, подхватывающій припѣвъ романса, исполняемаго уличнымъ пѣвцомъ подъ аккомпаниментъ скрипки, и вся нѣжность ея сердца выливалась въ чувствительныхъ звукахъ и словахъ.

Для Селины это невинное развлеченіе уже не представляло ничего интереснаго. Жизнь захватила ее, и она уже не могла

остановиться, катясь съ горы. Ни отецъ, ни мать не подозрѣвали о томъ, какъ она проводитъ свободное время. У нея всегда находились какіе-нибудь предлоги, и всѣ ея умственныя силы направлены были на выдумываніе новыхъ предлоговъ, на ложь; всю свою энергію она употребляла на то, чтобы быстрѣе идти туда, куда звала ее судьба...

Утративъ всякое чувство стыдливости, она часто ходила то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ своихъ пріятелей, не стѣсняясь открыто выказывать свои чувства. Они проходили, обнявшись, по бульвару, останавливались въ тѣни деревьевъ, обмѣнивались поцѣлуями и проходили, поглощенные страстью, не обращая ни на что вниманія, какъ Фаустъ и Маргарита въ саду. Они садились на скамейку въ скверѣ и на бульварѣ и держали другъ друга за руку, забывая все окружающее. Они танцовали на общественныхъ балахъ, забываясь въ мѣрномъ ритмѣ вальса. Ничего необычайнаго не представлялъ видъ этой парочки, но иногда вдругъ близость этихъ двухъ силуэтовъ казалась чѣмъ-то чудовищнымъ. Это бывало тогда, когда влюбленная Селина выпрямлялась своей стройной фигурой и поднимала на своего друга сіяющее лицо съ нѣжными глазами и улыбающимся ртомъ; очаровательное лицо молодой дѣвушки казалось въ эти минуты благоуханнымъ свѣтящимся цвѣткомъ; тогда страшно было видѣть рядомъ съ этимъ молодымъ существомъ разбойника съ глазами, налитыми кровью, съ кулаками убійцы, какое-то животное со страшной пастью, добычей котораго сдѣлался ребенокъ. Ихъ союзъ представлялся чѣмъ-то противоестественнымъ, воплощеніемъ стараго миѳа о красавицѣ и звѣрѣ. Казалось, точно какое-то безобразное, неуклюжее животное со страшной пастью тащитъ въ свою берлогу маленькую, безотвѣтную нимфу улицъ и бульваровъ.

V.

Алкоголь.

Въ то время какъ Селина губила свою жизнь такимъ путемъ, отецъ ея сгоралъ на другомъ огнѣ.

Мало-по-малу, со времени осады Парижа, онъ пристрастился къ вину и ко всякаго рода спиртнымъ напиткамъ. Смерть сыновей окончательно убила въ немъ и безъ того слабую волю. Прежде Юстинъ или Жанъ уводили его, какъ ребенка, изъ кабака, и въ то время рюмка, выпитая для бодрости духа, никогда не сопровождалась второй.

— Идемъ, отецъ, — говорилъ одинъ изъ сыновей; — дома у насъ лучше.

Теперь онъ каждый разъ поддавался соблазну, встрѣчая бездну ловушекъ на каждомъ шагу. Декорацій для драмъ, создаваемыхъ алкоголемъ, было много, и старый рабочій мало-помалу сдѣлался дѣйствующимъ лицомъ одной изъ такихъ драмъ.

Однажды вечеромъ онъ очутился, вмѣстѣ съ семьей, въ маленькомъ кафе, въ началѣ Бельвилльской улицы. Вечеръ былъ лѣтній и жаркій, такъ что публика не сидѣла въ залѣ, а предпочитала сидѣть на троттуарѣ, за маленькими столиками. Всѣ столики были заняты, и во всѣхъ стаканахъ отливалъ опаловымъ свѣтомъ абсинтъ, запахъ котораго наполнялъ воздухъ. Видъ пьющихъ на воздухѣ людей не былъ такъ безотраденъ, какъ видъ питейнаго заведенія зимой, когда у стойки видны люди съ мрачными, отупѣвшими лицами, не спускающіе глазъ съ волшебнаго напитка. Здѣсь, на воздухѣ, все болѣе оживленно и весело; люди пьютъ не въ одиночку, не превратились еще въ алкоголиковъ. Они только начинаютъ пріучаться къ яду, и находятъ его обаятельно вкуснымъ.

Гости приходятъ семьями или въ обществѣ пріятелей. Сейчасъ же появляются на столѣ стаканчики, и слуга приготовляетъ опытной рукой напитокъ забвенія и радости. Напитокъ наливается не въ большіе стаканы, а въ маленькія рюмки, и такимъ образомъ получается нѣкоторая иллюзія. Абсинтъ не пьютъ, а только пробуютъ его изъ маленькихъ, дѣтскихъ рюмочекъ. Конечно, это уловка со стороны торговца. Маленькая рюмка абсинту стóитъ большой, потому что ее легче повторяютъ и прибавляютъ меньше воды.

Разсчетъ оказывается вѣрнымъ; рюмка съ блѣднымъ напиткомъ, отъ котораго идетъ легкій ароматъ, привлекаетъ и женщинъ. Онѣ охотно приходятъ сюда и выпиваютъ рюмочку абсинту вмѣстѣ съ мужчинами. Нѣкоторыя кокетничаютъ, гримасничаютъ, точно касаясь запрещеннаго плода, и глаза у нихъ томно блестятъ.

У одного изъ столиковъ сидитъ группа честныхъ и скромныхъ рабочихъ: Помьé съ женой, Сецилія и два сосѣда—старикъ Шодронъ и Патюрнó. Мать и дочь пьютъ какой-то невинный напитокъ, который слуга подаетъ имъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ; мужчины тоже смѣются надъ ними. Вскорѣ къ нимъ подходитъ Селина; на ней розовый корсажъ, красиво обрисовывающій линіи фигуры; прекрасные волосы спущены тяжелымъ узломъ, глаза ея поражаютъ своей синевой. Она пробуетъ аб-

синтъ изъ стакана отца, и васильки ея голубыхъ глазъ смотрятся въ маленькую зеленую лужицу. Помье́ обращается къ женѣ, объясняя ей качества хорошаго абсинта.

— Знаешь ли,—говоритъ онъ,—что́ нужно сдѣлать, чтобы абсинтъ не принесъ вреда?

Всѣ настораживаютъ уши. Еслибы дѣйствительно можно было пить безнаказанно, какъ бы это было хорошо!

— Вотъ, послушайте, — говоритъ онъ, и всѣ смотрятъ на его сіяющее лицо и слушаютъ его дружественныя слова.—Вотъ какъ нужно поступать, дѣти мои. Возьмите много абсинта—по крайней мѣрѣ, съ полстакана. Затѣмъ прибавляйте воду, понемножку, по каплѣ въ минуту. Нужно продѣлать это съ большимъ терпѣніемъ. Вотъ вы сядьте тутъ, подъ деревьями, смотрите на прохожихъ и готовьте напитокъ. Потратьте, если нужно, часъ, чтобы хорошенько приготовить его. А потомъ...

— Потомъ?

Всѣ смотрятъ на него съ любопытствомъ.

— Потомъ, когда смѣсь готова, возьмите стаканъ и выплесните все содержимое на землю. Тогда только вы можете быть увѣрены, что напитокъ вамъ не повредитъ.

Помье́ добродушно смѣется и допиваетъ до конца свой стаканъ. Всѣ то́же отъ души хохочутъ надъ шуткой и отличнѣйшимъ образомъ продолжаютъ пить.

Эта рюмочка абсинту, выпитая подъ деревьями, была началомъ конца для Помье́. Онъ вернулся домой уже одинъ и выпилъ какъ слѣдуетъ. Ничто не могло его уже остановить. Но онъ не пьянѣлъ, не становился злымъ и ѣлъ почти такъ же, какъ всегда; изрѣдка только онъ жаловался на отсутствіе аппетита и рано ложился спать. Жена его часто думала, что онъ просто утомленъ работой. Въ дѣйствительности же онъ становился алкоголикомъ, какъ и всѣ жители его квартала.

Маленькій кафе́, гдѣ Помье́ выпилъ первую роковую рюмку, былъ уже очень старъ; онъ былъ основанъ еще при Луи-Филиппѣ. Своимъ обветшалымъ видомъ, старомодностью вывѣски и убранства онъ казался какимъ-то анахронизмомъ среди окружающихъ заведеній. Бѣлый фасадъ не былъ дѣйствительно бѣлымъ, а пожелтѣлъ, какъ старая гравюра. Позолота буквъ и ободковъ вывѣски покрылась плѣсенью. Двери и окна были расшатаны; въ самой залѣ стѣны были закопчены, зеркала—въ старомодныхъ рамахъ; билліардная зала, отдѣленная колоннами отъ кафе́, разрисована была миѳологическими сценами. Все это напоминало старинныя времена, но имѣло такой обветшалый видъ, что

наводило тоску, и кафé, большею частью, пустовало; только игроки въ билліардъ иногда заходили сюда.

Въ одинъ прекрасный день маленькое кафé исчезло, отошло въ прошлое. Въ теченіе двухъ недѣль домъ былъ окруженъ лѣсами, потомъ вдругъ появилась, въ одинъ изъ четверговъ, огромная афиша, возвѣщавшая объ открытіи обновленнаго кафé и о томъ, что каждый посѣтитель, явившійся въ день открытія, получитъ премію. Дѣйствительно, въ субботу, въ день получки жалованья, состоялось открытіе новаго заведенія, въ присутствіи огромной праздничной толпы. Видъ кафé совершенно измѣнился; онъ былъ превращенъ въ современный, великолѣпный bar, съ длиннѣйшей стойкой, обитой блестящей жестью, уставленной бутылками всевозможныхъ видовъ, стаканами всевозможныхъ формъ; все это сверкало, отражаясь въ огромномъ зеркалѣ, занимавшемъ всю заднюю стѣну. Противъ стойки поставлены были круглые столики и желѣзная садовая мебель. Въ глубинѣ, на мѣстѣ прежняго маленькаго билліарда, стоялъ большой мѣдный чанъ.

За прилавкомъ стояла цѣлая армія лакеевъ въ черныхъ передникахъ—зловѣщихъ какъ могильщики, проворныхъ какъ арлекины. Они схватывали налету каждое требованіе гостей, наполнявшихъ толпой заведеніе въ день открытія, быстро брали какую-нибудь изъ бутылокъ, стоявшихъ на полкахъ, дѣлая это такимъ же увѣреннымъ жестомъ, какъ берутъ книги съ полки книжнаго шкафа. Ни одной минуты колебанія не было въ ихъ манерѣ умѣло приготовлять разноцвѣтные яды: зеленые, красные, черные и свѣтлые. Они наливали надлежащее количество на дно стакана, мѣшали, ставили на подносъ графинъ воды, быстро убирали и полоскали пустые стаканы, и неустанно повторяли ту же процедуру, съ невѣроятнымъ пыломъ и поспѣшностью, точно у нихъ въ распоряженіи были считанныя минуты и дѣло шло о спасеніи отъ жажды толпы погибающихъ людей.

Толпа, наполнившая съ утра новый кабакъ, была такъ велика, что приходилось ждать очереди для полученія требуемаго—какъ въ театрѣ на даровыхъ представленіяхъ. Это объяснялось тѣмъ, что хозяинъ придумалъ очень соблазнительную приманку. Всѣ напитки стоили здѣсь на су дешевле, чѣмъ въ самыхъ дешевыхъ заведеніяхъ. Это была цѣлая революція въ области напитковъ—облегченіе пьянства для самыхъ бѣдныхъ; всѣмъ предоставлялась возможность допиться до бѣлой горячки. И вся эта толпа, тѣснившаяся у входа, понимала все значеніе такого благодѣянія и способствовала его успѣху. У всѣхъ выражалось нетерпѣніе на лицахъ; всѣ лихорадочно ждали момента, когда

смогутъ, въ свою очередь, потребовать у черныхъ слугъ свою порцію яда.

А въ чемъ же заключалась премія?

Она была очень незамысловата, и придумавшій ее долженъ былъ только слѣдовать импульсу своего природнаго генія. Премія заключалась въ томъ, что каждый посѣтитель только сегодня, только въ день открытія, имѣлъ право получить даромъ вторую порцію заказаннаго имъ напитка. Подобная щедрость вызывала горячее чувство благодарности: получить за ту же цѣну двѣ рюмки абсинту, — гости, конечно, заказывали не смѣсь, а абсинтъ—такая перспектива воодушевляла всѣхъ безъ исключенія. Этимъ людямъ нуженъ запахъ абсинта, его огненная сила, и въ этотъ день и вечеръ абсинтъ безостановочно наполнялъ стаканы, опьяняя и отравляя своимъ ядомъ мысли и чувства.

Къ вечеру толпа все возростала; мужчины и женщины ждали своей двойной порціи съ такимъ же выраженіемъ лица, какъ у нищихъ, собравшихся на церковной паперти. Тѣ же, которые уже получили двойную порцію, спорили между собой, дѣлая безсвязные жесты, и у дверей происходили непрерывныя драки. Отецъ Помье́ вернулся въ этотъ вечеръ съ окровавленнымъ лицомъ и разсказывалъ женѣ, что его ударили, когда онъ разнималъ подравшихся товарищей. Но черезъ день онъ опять вернулся подвыпивши, едва могъ говорить, и повторялъ по десяти разъ тѣ же исторіи. Жена хотѣла его спасти. Она пристыдила его при дочеряхъ, и онъ обѣщалъ не входить больше въ проклятый кабакъ. Онъ не сдержалъ, однако, обѣщанія, но за нимъ слѣдили, и, встрѣчая передъ собой рѣшительное лицо жены, ея повелительный взглядъ, онъ покорялся и шелъ домой.

Подъ вліяніемъ страсти онъ научился, однако, лгать, чтобы избѣжать бдительности жены. Подъ предлогомъ того, что у него нашлась работа въ центрѣ города, онъ уходилъ въ кабачокъ на Rue du Temple. Онъ попалъ туда въ первый разъ нечаянно, привлеченный заманчивой яркостью освѣщенныхъ оконъ и сіяющей стойки, и зачастилъ туда, радуясь возможности выпить, не попадаясь на глаза жены, не видя нѣмого упрека ея глазъ. Здѣсь, въ толпѣ чужихъ людей, онъ могъ быть покоенъ; здѣсь онъ чувствовалъ себя одиноко блуждающимъ въ очарованномъ краю, въ зеленомъ лѣсу, благоухающемъ абсинтомъ. Ему уже нравился самый вкусъ тонкаго напитка, и онъ выходилъ на улицу съ разгоряченной головой, чувствуя себя помолодѣвшимъ. Возвращаясь домой, онъ держался прямо, не качался, былъ очень привѣтливъ со всѣми, не ворчалъ. Онъ былъ еще въ періодѣ

легкаго возбужденія, и еслибы его не выдавалъ запахъ абсинта, можно было бы думать, что онъ просто въ хорошемъ расположеніи духа; но за этимъ возбужденіемъ слѣдовалъ упадокъ. Онъ ѣлъ черезъ силу, безъ всякаго аппетита; столовое вино казалось ему безвкуснымъ; сейчасъ же послѣ обѣда на него нападала непреодолимая сонливость, и онъ засыпалъ тяжелымъ сномъ.

Однажды, стоя съ рюмкой абсинта въ рукахъ у стойки въ кабачкѣ Rue du Temple, онъ машинально обернулся къ окну, точно притянутый какимъ-то магнитомъ—и увидѣлъ за стекломъ своихъ дочерей. Онъ былъ сконфуженъ какъ ребенокъ, и рука его дрогнула, когда онъ поставилъ рюмку. Чтобы скрыть смущеніе, онъ позвалъ дочерей, сталъ шутить съ ними и заставилъ ихъ, несмотря на протесты Сециліи, выпить по рюмкѣ абсинта. Онѣ вернулись домой вмѣстѣ съ нимъ, опьяненныя, какъ птички, вылетѣвшія изъ виноградника. При видѣ разстроеннаго лица матери, отецъ сталъ шутить; Селина смѣялась, Сецилія плакала.

— Ну, что жъ такое, мы всѣ трое выпили по зелененькой, —сказалъ Помьé.

Мать уложила спать дочерей и, вернувшись къ отцу, начала разговоръ съ нимъ очень рѣшительнымъ тономъ, но увидѣла, что онъ едва слышитъ ея слова. Она дала ему выспаться, и на слѣдующій день, въ воскресенье, возобновила этотъ разговоръ. Онъ покорно выслушалъ всѣ ея попреки и отвѣтилъ обычнымъ аргументомъ пьяницъ всѣхъ профессій:

— Въ нашемъ ремеслѣ это необходимо.

Но, все-же, онъ, очевидно, сознавалъ свою неправоту, и, пользуясь этимъ, жена постаралась доказать ему, что онъ очень измѣнился и постарѣлъ, и что нужно хоть на время пить только разбавленное красное вино или молоко. Но Помьé запротестовалъ:

— Нѣтъ, милая, вода и молоко не вернутъ мнѣ силъ. Вино и спиртъ куда полезнѣе.

Но она не отставала и добилась, наконецъ, его согласія пить только воду съ виномъ—и то только дома. Нѣсколько времени послѣ этого Помьé дѣйствительно велъ себѣ образцово, возвращался послѣ работы по конкѣ, чтобы не застрять гдѣнибудь по дорогѣ съ товарищами, являлся домой вò-время и приносилъ заработанныя деньги всѣ сполна, не истративъ ни гроша въ кабакѣ.

Но абсинтъ, который вначалѣ былъ только предлогомъ для того, чтобы посидѣть съ товарищами, сдѣлался теперь средствомъ для возбужденія аппетита. Вскорѣ, однако, всякіе предлоги сдѣ-

лались излишними — абсинтъ всецѣло овладѣлъ старикомъ. Онъ сталъ пьянѣть со второй рюмки. Въ головѣ у него шумѣло, руки стали трястись при работѣ, колѣни дрожали, когда онъ стоялъ на лѣстницѣ, и онъ страдалъ отъ постоянныхъ тошнотъ, что̀ вызывало насмѣшки его болѣе стойкихъ товарищей. Въ теченіе полугода онъ дважды терялъ работу. Это ему было чрезвычайно тяжело, и онъ въ глубинѣ души сознавалъ, что нѣтъ у него злѣйшаго врага, чѣмъ „проклятый попугай": такъ рабочіе звали въ шутку зеленый напитокъ. Дома онъ, конечно, скрывалъ дѣйствительную причину потери мѣста.

— Я увѣрена,—говорила жена,—что хозяинъ узналъ о томъ, что ты пьешь.

— Да нѣтъ же, нѣтъ, — отвѣчалъ онъ не совсѣмъ твердо.

— Ты, однако, такой же хорошій работникъ, какъ Сотонъ, Пише и Малэнъ, а ихъ не прогоняютъ съ мѣста.

— Ихъ очередь тоже придетъ, какъ и моя, вотъ увидишь.

Онъ опять принимался искать работы, и пока ему еще удавалось найти ее.

Однажды онъ вернулся въ субботу, въ шесть часовъ, домой.

— Старикъ Помьѐ опять безъ работы,—сказала консьержка одной изъ жилицъ дома.—Онъ со мной не поздоровался,—видно, очень онъ не въ духѣ. Что-то скажетъ его жена! У нея и такъ много горя со старшей дочерью.

Помьѐ поднялся на лѣстницу и постучался въ дверь. Жена вышла ему открыть.

— Почему ты стучишь? Вѣдь у тебя есть ключъ.

— Ахъ, да, я забылъ,—пробормоталъ онъ.

— Что̀ съ тобой, ты боленъ? Ты выпилъ?

Помьѐ пожалъ плечами, ничего не отвѣчая, прошелъ въ маленькую столовую, взялъ трубку, вынулъ изъ кармана газету и сѣлъ молча читать. Жена вышла на минуту въ кухню, потомъ вернулась къ нему.

— Ты принесъ деньги за недѣлю?—тревожно спросила она.

Продолжая читать, Помьѐ порылся въ карманѣ и положилъ на столъ въ два пріема серебряныя и мѣдныя монеты. Жена сразу увидѣла, что деньги принесены сполна.

— Значитъ, тебя кто-нибудь угощалъ сегодня,—сказала она; —отъ тебя несетъ абсинтомъ. А я-то надѣялась, что все это кончено. Ты поклялся мнѣ, что не сдѣлаешься пьяницей!

— Пьяницей... Ты сейчасъ говоришь такія страшныя слова! Я встрѣтился съ товарищемъ и выпилъ рюмочку — вотъ и все.

Онъ, дѣйствительно, казался совершенно нормальнымъ и только

на вопросъ жены, почему онъ не зашелъ за Сециліей, разсѣянно отвѣтилъ:—„Я забылъ".

Въ понедѣльникъ утромъ Помьé пошелъ, какъ всегда, на работу и вернулся вечеромъ въ обычный часъ. Онъ казался озабоченнымъ, ничего не говорилъ и только вздыхалъ отъ времени до времени.

— Что съ тобой?—спрашивала жена.

— Ничего.

Въ четвергъ у жены явилось предчувствіе. Помьé хотя и являлся во-время домой, но имѣлъ все болѣе и болѣе возбужденный видъ.

„Что-то за этимъ скрывается",—думала она.

Вечеромъ она встрѣтила одного изъ товарищей Помьé, Малэна, который участливо спросилъ ее, нашелъ ли ея мужъ себѣ работу.

Она машинально отвѣтила, что да, и вернулась домой, вся дрожа отъ волненія. Помьé былъ уже дома, и, глядя на его измученное старческое лицо, она почувствовала глубокую жалость. „Онъ скрываетъ отъ меня,—подумала она,—что очутился безъ работы, и теперь бѣгаетъ и ищетъ ея. Онъ не рѣшается мнѣ сказать, боясь моихъ упрековъ". Видя, какъ онъ сидитъ, не двигаясь съ мѣста, она подошла къ нему.

— Я все знаю,—сказала она мягкимъ голосомъ,—дай мнѣ руку. Я все тебѣ прощу, если ты обѣщаешь исправиться. Подумай о нашемъ минувшемъ горѣ и о теперешнихъ заботахъ. Если ты еще вздумаешь пить этотъ проклятый ядъ, помни, что ты пьешь мои слезы, и тогда, можетъ быть, у тебя не хватитъ духу напиваться.

Помьé покаялся передъ женой, самъ же разсказалъ ей про одного изъ своихъ бывшихъ товарищей, доведеннаго пьянствомъ до преступленія, и обѣщалъ никогда больше не ступать ногой въ кабакъ. Онъ снова сталъ усердно искать работы и, получивъ ее, старался удержаться на мѣстѣ. Но, къ несчастью, случались времена перерыва въ работѣ, дни мертваго сезона, болѣзни. Пришлось нѣсколько разъ брать понемногу изъ тысячи франковъ наслѣдства отъ тетки, чтобы заплатить за квартиру, купить бѣлье и одежду, заплатить мяснику и булочнику. Мало-по-малу эти деньги растаяли. Благодаря имъ, однако, и, главное, благодаря экономіи и бдительности матери, семейство Помьé не впало въ нищету.

Старикъ Помьé скучалъ и ворчалъ, когда у него не было работы. А послѣ трудового дня онъ съ радостью возвращался домой, гдѣ его ожидалъ привѣтливый взглядъ жены, задорная

ласковость Селины и Цецилія съ ея серьезнымъ, но довольнымъ видомъ. Кошечка Бланшета тоже встрѣчала хозяина съ шумной радостью, чувствовала его приближеніе издали и бросалась къ нему на встрѣчу, карабкалась къ нему на колѣни, садилась на плечи и обвивала ему шею бѣлымъ воротникомъ. Онъ возился съ нею, давалъ ей во время обѣда лакомые кусочки и чувствовалъ себя хорошо въ ласковой домашней обстановкѣ. Но, переставъ пить, онъ сталъ очень мало ѣсть. Съ каждымъ днемъ пища становилась ему все болѣе и болѣе противной, и онъ съ трудомъ ѣлъ то, чтò ему подавали. Послѣ обѣда онъ становился грустнымъ, и жена стала замѣчать, что онъ сильно перемѣнился и похудѣлъ. У него бывали приливы къ головѣ послѣ ѣды, и глаза принимали странный видъ.

Однажды вечеромъ, онъ вдругъ сказалъ:

— Развѣ ты не видишь, что Бланшета больна? Она взбѣсилась.

— Съ чего ты это взялъ?—спросила съ удивленіемъ жена.

Помьé взялъ на колѣни кошку, которая мирно мурлыкала, закрывая свои голубые глаза, и сталъ внимательно разглядывать ее.

— Да, да,—настаивалъ онъ,—она взбѣсилась, ее нужно убить.

Изумленная жена взяла у него кошку. Онъ не обратилъ на это вниманія, и сейчасъ же легъ въ постель.

На слѣдующій день, когда жена спросила у него объясненія его странной выходки съ кошкой, онъ сказалъ, что ничего не помнитъ, и отправился на работу. Но, къ удивленію жены, онъ вернулся очень рано.

— У меня голова болитъ, — объяснилъ онъ, — и я раньше ушелъ, чтобы отдохнуть. Завтра утромъ я опять пойду на работу, хотя хозяинъ сказалъ, чтобы я полечился, не боясь потерять у него работу. Но я все-таки пойду.

Онъ легъ спать и проспалъ до вечера, потомъ проснулся въ очень странномъ состояніи. Дѣло было въ декабрѣ, и было очень холодно: бѣлая кошечка лежала свернувшись у печки. Помьé взглянулъ на нее.

— Развѣ ты не видишь, Марія, что кошка взбѣсилась?

Прежде, чѣмъ жена успѣла подскочить къ нему, онъ схватилъ кошку за шею, убилъ ее однимъ ударомъ кулака и швырнулъ ее, мертвую, на полъ. Потомъ онъ быстро вышелъ изъ дому и поздно вернулся. Никто не посмѣлъ что-либо сказать ему, и онъ самъ не упомянулъ ни слова о томъ, чтò случилось, не сказалъ, куда ходилъ.

Прошло нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ ничего необыкновеннаго не замѣчалось въ поведеніи Помьé. Однажды онъ

вернулся очень веселый, сказалъ, что отлично работалъ днемъ, ласково поцѣловалъ всѣхъ, пообѣдалъ и легъ спать. Около полуночи онъ проснулся, сталъ рыдать, просить прощенія у жены, и въ теченіе цѣлаго часа неумолчно говорилъ. Вся его жизнь прошла въ его безсвязныхъ рѣчахъ: женитьба, рожденіе сыновей и дочерей, годы труда, печали, радости. Онъ вспомнилъ дни осады, коммуну, смерть Юстина и Жана; говорилъ о томъ, что нужно зорко слѣдить за Селиной, а что Сецилія—честная, хорошая дочь.

Жена его страшно встревожилась, и всячески старалась успокоить его, говоря, что въ будущемъ ихъ еще, можетъ быть, ожидаетъ спокойная старость. Когда онъ сталъ мечтать о томъ, что ему хотѣлось бы жить съ семьей въ деревнѣ, она обѣщала ему, что это исполнится, что они поселятся на старости лѣтъ за городомъ.

— Но ты не думай обо всемъ этомъ, — сказала она,—спи спокойно.

Но онъ не успокоивался, а продолжалъ говорить, что онъ всю жизнь старался облегчить ея долю.

— Если я мучилъ тебя, то прости меня,—непрерывно говорилъ онъ;—я это дѣлалъ противъ воли. Меня соблазняли, и я не умѣлъ устоять. Я старался не поддаваться, но постоянно возвращался къ проклятой стойкѣ. Самъ не знаю, какая сила меня влекла. Часто, уже подходя къ двери, я хотѣлъ бѣжать, но машинально открывалъ дверь и входилъ, самъ не зная, что дѣлаю. Прости меня!—продолжалъ онъ, плача и обнимая жену, которая тоже не могла удержаться и плакала вмѣстѣ съ нимъ...

Онъ умолкъ, и она подумала, что онъ успокоился, какъ вдругъ онъ вскочилъ, весь дрожа, и сталъ кричать, что вся кровать полна клоповъ. Жена зажгла лампу, показала ему, что онъ ошибся, но онъ всталъ и сталъ метаться по комнатѣ.

— Посмотри же! — кричалъ онъ: — вся простыня покрыта ими... Они выходятъ изъ потолка, спускаются по стѣнамъ. Все черно отъ нихъ...

Онъ кидается, хочетъ убить ихъ. Въ комнату входятъ дочери, проснувшіяся отъ шума; онъ наскоро одѣвается, бѣжитъ къ дверямъ, говоря, что идетъ на работу. Жена гонится за нимъ, но не можетъ нагнать его, и слышитъ, какъ дверь внизу открывается и потомъ снова захлопывается. Селина и Сецилія видятъ изъ окна только силуэтъ жестикулирующаго, бѣгущаго человѣка, который быстро исчезаетъ въ морозной мглѣ...

Онѣ возвращаются къ матери, выбѣгаютъ вмѣстѣ съ ней на улицу, но не знаютъ, по какому направленію искать его, и

возвращаются домой, надѣясь, что и онъ вернулся. Его не оказалось дома. Онѣ опять стали искать по всему кварталу, но все оказалось тщетнымъ. Къ утру только пришло оффиціальное извѣщеніе о томъ, что Помьé—въ госпиталѣ св. Анны, т.-е. въ больницѣ для умалишенныхъ. Оказалось, что его арестовали на набережной и повели въ участокъ, гдѣ у него былъ припадокъ бѣшенства. Его сейчасъ же отправили въ госпиталь, а тамъ пришлось надѣть на него смирительную рубашку. Среди несвязныхъ криковъ онъ сказалъ все-таки свое имя и адресъ. Все это жена и дѣти узнали въ госпиталѣ, гдѣ нашли его уже мертвымъ.

На лицѣ его застыло выраженіе несказанной грусти. На слѣдующій день онѣ пришли похоронить его, положили букетикъ фіалокъ на его гробъ и проводили до кладбища.

Вернувшись домой, онѣ провели весь день, не говоря ни слова другъ съ другомъ, въ какомъ-то странномъ забытьи, ошеломленныя катастрофой; имъ казалось, что чья-то сильная, неотразимая рука обрушилась на нихъ всею тяжестью, въ одну секунду унеся главу семьи. Онъ исчезъ такъ неожиданно, что имъ не вѣрилось въ его исчезновеніе. Мать вспоминала свою долгую совмѣстную жизнь съ нимъ; она любила его въ молодости, а потомъ стала относиться къ нему съ материнскимъ чувствомъ, какъ къ одному изъ своихъ дѣтей, и онъ покорно подчинялся ея опекѣ, научился дѣлиться съ нею всѣми подробностями своей жизни, полагаться на ея попеченія, и даже, какъ ребенокъ, боялся ея замѣчаній и упрековъ. Для дочерей онъ тоже былъ скорѣе товарищемъ, чѣмъ отцомъ, и имъ было всегда весело съ нимъ. Всѣ трое онѣ теперь одинаково оплакивали его, испытывали одинаковое горе. Легкомысленная и столь безчувственная обыкновенно Селина безутѣшно рыдала; мать и сестра старались приласкать и утѣшить ее. И всѣ онѣ машинально принялись за выполненіе домашнихъ работъ. Жизнь снова вошла въ свою колею.

Мать ясно понимала, до чего печально ихъ теперешнее положеніе. Себя она чувствовала совершенной старухой, хотя ей не было еще пятидесяти лѣтъ. Зеркало показывало ей морщинистое лицо, провалившееся какъ у мертвеца, совсѣмъ сѣдые волосы и блестящіе пронизывающіе глаза, въ которыхъ сосредоточилась вся жизнь лица. Рядомъ съ нею—Селина, двадцатилѣтняя красавица-дѣвушка, съ томными глазами, полуоткрытымъ розовымъ ртомъ и съ отпечаткомъ чего-то непонятнаго, увядшаго, какой-то усталости на молодомъ лицѣ; пятнадцатилѣтняя Сецилія не такъ красива и привлекательна, какъ ея

сестра, но она свѣтится внутренней добротой; чувствуется сосредоточенная мысль въ ясномъ взглядѣ сѣрыхъ глазъ, въ спокойныхъ линіяхъ лба.

Отецъ и братья этой маленькой семьи умерли, и теперь этимъ тремъ женщинамъ, молча сидящимъ рядомъ въ печальный вечеръ похоронъ, приходилось самостоятельно справляться съ тяжестями жизни.

VI.

Селина и Сецилія.

Отнынѣ мать и ея дочери были одинокими,—тяжелое предчувствіе матери въ дни осады вполнѣ оправдалось. Глава семьи не помогалъ ей жить и палъ, какъ и его сыновья, жертвой какого-то рока, съ тою разницею, что онъ самъ былъ виноватъ въ своей судьбѣ. Сыновья его повиновались стеченію обстоятельствъ, не ими созданныхъ, и были увѣрены, что исполняютъ свой долгъ. Но бѣдный старикъ Помьé не умѣлъ бороться, и подчинялся съ каждой рюмочкой все болѣе своему злому року, пока его окончательно не покинули разумъ и сама жизнь. Жена его видѣла, какъ онъ боролся противъ порока и все-таки не въ силахъ былъ сопротивляться, и ей казалось, что алкоголизмъ— не порокъ, а болѣзнь, обрушивающаяся на бѣдныхъ людей, губящая ихъ и ихъ семью... Теперь она осталась одна со своими двумя дочерьми... Каково будетъ ихъ будущее? По всей вѣроятности, такое же, какъ и ея жизнь; у нихъ тоже будутъ дѣти, которыя умрутъ,—мужья, которые будутъ пьянствовать. И такъ это будетъ продолжаться, пока будетъ жизнь на землѣ. Слѣдовало бы, чтобъ люди поумнѣли, научились довольствоваться малымъ, любить семейную обстановку,—и нужно также, чтобъ не было катастрофъ, не было войны, не было нищеты, не было заведеній, гдѣ торгуютъ ядомъ...

Она часто думала обо всемъ этомъ и сообщала свои мысли дочерямъ, но, конечно, не могла найти лекарства противъ зла. Она только просила дочерей быть такими же честными и работящими, какъ она, думая, что лекарство отъ всѣхъ золъ кроется только въ самомъ человѣкѣ. Она видѣла—и это ее утѣшало,— что Сецилія понимаетъ ее, и что можно вполнѣ положиться на честность и серьезность ея натуры. Но ее безпокоила Селина, съ которой она совершенно не знала, какъ поступать, чтобы направить ее къ добру. Передъ ея легкомысліемъ и упрямствомъ всякія убѣжденія были тщетны. Она ихъ даже не слу-

шала. Въ ея очаровательной головкѣ, казалось, не было никакой мысли; взглядъ ея глазъ былъ совершенно пустой. Мать узнавала въ ней безпечно веселый нравъ отца, его легкомысліе, его слабохарактерность, тѣмъ болѣе пагубную, что она воплотилась въ слабой, нѣжной дѣвушкѣ. Пятнадцатилѣтняя Сецилія была гораздо разсудительнѣе, чѣмъ Селина, и съ нею мать дѣлилась опасеніями относительно будущаго старшей дочери.

Въ теченіе уже нѣсколькихъ недѣль Селина возвращалась домой поздно ночью, и ни упреки, ни ласковыя слова матери не дѣйствовали на нее. Сначала мать вѣрила предлогамъ, приводимымъ дочерью, вѣрила, что въ мастерской ее заставляютъ работать до поздней ночи, или что она провела вечеръ у больной подруги, или что долго приходилось ждать конку. Но вскорѣ обнаружилась вся правда, и мать узнала, что Селина лгала ей каждый вечеръ. Она застала дочь въ бесѣдѣ съ какимъ-то наглымъ человѣкомъ, который ушелъ, громко смѣясь, при ея появленіи. Въ домѣ начался плачъ, драмы; за Селиной стали слѣдить, но все оказалось напраснымъ. Селина все-таки пропадала по цѣлымъ вечерамъ, отказываясь давать объясненія, и возвращалась домой очень пасмурная, дерзко отвѣчала матери или молчала. Мать боролась противъ этого упорства, но ничего не могла подѣлать. Ее успокоивало хоть то, что Селина, все-таки, возвращается каждый вечеръ домой. Сецилія тоже пробовала говорить съ сестрой, но та отвѣчала насмѣшкой или только пожимала плечами.

— Лишь бы только не случилось чего-нибудь худшаго,—говорила мать, не объясняя Сециліи болѣе ясно своихъ подозрѣній.

Нѣчто худшее дѣйствительно случилось. Мать и Сецилія пробуждены были разъ ночью странными звуками и стонами Селины. Мать подбѣжала къ постели дочери, и ей сразу все сдѣлалось ясно: — Селина только-что родила дѣвочку. Прежде чѣмъ подумать о нравственныхъ послѣдствіяхъ, о позорѣ, который навлечетъ на ихъ семью поведеніе Селины, нужно было позаботиться о больной, позвать акушерку. Вся ночь прошла въ этихъ заботахъ, и только къ утру, когда больная лежала въ постели, спокойно дыша, мать спросила ее, кто отецъ ея ребенка.

— Ты его не знаешь, — сухо отвѣтила Селина, и ничего другого нельзя было добиться отъ нея, несмотря на всѣ мольбы.

— Скажи, по крайней мѣрѣ, приготовила ли ты бѣлье для ребенка? Вѣдь ты знала, что будешь матерью.

— Нѣтъ,—коротко отвѣтила Селина.

Сецилія и мать оставили безчувственную Селину, и пошли

въ другую комнату собирать изъ разнаго старья необходимыя вещи для ребенка; онѣ приходили поить его молокомъ и говорили въ полголоса между собой объ этомъ неожиданномъ несчастіи.

— И какъ это я ничего не замѣтила! — говорила мать.— Я видѣла, что она имѣетъ нѣсколько утомленный видъ, но еще бранила ее... Она еще вчера такъ быстро бѣгала по лѣстницѣ. Намъ еще этого недоставало — кормить ребенка! Вѣдь на Селину разсчитывать нечего, если это не измѣнитъ ее окончательно, въ чемъ я сомнѣваюсь... И какой позоръ для насъ! Нельзя будетъ выйти изъ дому, чтобы всѣ взоры не были обращены на насъ.

— Чтò жъ дѣлать! Теперь ужъ поздно разсуждать,—отвѣтила разсудительная пятнадцатилѣтняя дѣвушка. — Нужно стараться поправить зло. Будемъ любить ребенка: отца у него нѣтъ, но мать его жива.

Ребенка назвали Викториной, по желанію Селины, которая нарушила молчаніе только для того, чтобы выразить это желаніе. Когда же мать спросила опять, кто отецъ ребенка, она снова отвѣтила:—Это тебя не касается.

Черезъ недѣлю послѣ рожденія ребенка, Селина исчезла, оставивъ на столѣ, подлѣ соски ребенка, записку, написанную карандашомъ:

„Не ищите меня. Мнѣ теперь хорошо. Я вамъ въ тягость, и потому ухожу. Мама будетъ лучше смотрѣть за Викториной, чѣмъ я".

— Несчастная! — сказала Сецилія, взяла на руки ребенка и поцѣловала его въ лобъ, прошептавъ:—Я буду тебѣ матерью.

Но вскорѣ ребенокъ сталъ хирѣть и умеръ,—точно его беззаботная мать унесла съ собой его жизнь. Сецилія очень жалѣла дѣвочку. Она и мать отвезли на кладбище маленькій гробикъ и вернулись въ свой грустный уголъ, который показался имъ пустымъ.

Онѣ вскорѣ рѣшили переселиться куда-нибудь въ другое мѣсто, не потому, что стыдились сосѣдей послѣ такихъ позорныхъ катастрофъ, какъ смерть отца отъ бѣлой горячки, какъ рожденіе ребенка у Селины и ея бѣгство изъ дома. Все это были самыя банальныя происшествія для квартала, привыкшаго къ подобнымъ катастрофамъ. Сосѣди относились, напротивъ того, очень хорошо къ несчастной семьѣ. Но необходимо было найти болѣе дешевую квартиру. Сецилія нашла болѣе выгодную работу, чѣмъ у м-мъ Боссъ, на улицѣ Лафайетъ, и предложила

матери поселиться недалеко оттуда, около парка Buttes-Chaumont, гдѣ онѣ все-таки могли пользоваться свѣжимъ воздухомъ и постарались бы, ведя скромную, спокойную жизнь, забыть о прежнихъ несчастіяхъ.

Онѣ нашли квартирку на улицѣ Секретанъ, бѣдной улицѣ, переполненной лавками съѣстныхъ припасовъ для бѣднаго населенія; тамъ продавались самые жалкіе продукты, самый плохой сортъ мяса, несвѣжее сало, полузавядшіе овощи; все это казалось какими-то отбросами,—и грустенъ былъ видъ нищеты, питающейся на счетъ нищихъ. Въ этой части улицы Секретанъ, между улицей Боливаръ и площадью Вилэтъ, ютится самое бѣдное населеніе квартала, но такъ велико умѣнье людей приспособляться ко всевозможнымъ условіямъ существованія, что лица дѣтей и взрослыхъ здѣсь очень веселыя. Мужчины добродушны и лица ихъ легко просвѣтляются отъ трубки табаку и стакана плохого вина. У женщинъ, какъ и во всѣхъ рабочихъ кварталахъ Парижа, озабоченныя лица съ пламенными глазами. Такая улица дѣлаетъ понятными всегда таящіяся и готовыя разразиться соціальныя драмы, а также грустную красоту смиренія, покорнаго слѣдованія по тяжкому пути труда и лишеній.

Поселившись здѣсь, Сецилія и ея мать, не могли долго оставаться среди такого сосѣдства. Онѣ достаточно нагляделись сценъ, оживленныхъ жизненными драмами. Обѣ онѣ стремились къ полному покою, и потому сейчасъ же стали искать новую квартиру, сначала по другую сторону парка, въ томъ же Бельвиллѣ, потомъ, наконецъ, нашли подходящее для себя помѣщеніе по близости отъ бельвилльской церкви. Онѣ наняли тамъ комнату съ кухней, окнами на улицу, противъ большого запущеннаго сада, гдѣ росли на свободѣ деревья, кусты, цвѣты и трава. Квартирка ихъ была въ десяти минутахъ отъ парка Buttes-Chaumont, черезъ который Сецилія проходила каждый день, отправляясь за работой, и куда мать съ дочерью могли ходить гулять и отдыхать въ свободные часы. Сецилія очень любила прекрасный паркъ съ его искусственными каскадами и горами, и предпочитала оставаться тамъ въ свободные часы и въ воскресные дни, чѣмъ спускаться въ центръ Парижа. Мать тоже любила гулять тамъ съ дочерью, отыскивая скалистыя дорожки, напоминавшія ей родную Бретань. Лѣтомъ Сецилія проводила долгіе часы въ паркѣ, глядя сверху на Парижъ, радуясь жизни среди природы. Зимой, когда вечера наступали раньше, она уже не имѣла возможности гулять, но только проходила черезъ паркъ, возвращаясь домой. Она шла по широкой, хорошо

освѣщенной аллеѣ и нѣсколько торопилась, боясь подозрительныхъ встрѣчъ. Одинъ только разъ съ ней случилось напугавшее ее приключеніе. Какъ всѣ дѣвушки и молодыя женщины, которымъ приходится однѣмъ ходить по улицамъ, она часто слышала за собой шаги, и ей говорили на ухо шуточныя, иногда циничныя слова. Она тогда быстро переходила на другую сторону или заходила въ лавку, и такъ или иначе умѣла отвадить преслѣдователя. Одинъ только разъ ее испугалъ человѣкъ, имѣвшій видъ скорѣе преступника, нежели ухаживателя. Онъ упорно преслѣдовалъ ее въ теченіе нѣсколькихъ дней, шелъ слѣдомъ за ней до самаго дома и говорилъ ей все время циничныя слова. Только вмѣшательство одинъ разъ прохожаго, а въ другой разъ полиціи—спасли Сецилію отъ его приставаній. Видъ его былъ ужасенъ: низкій лобъ, высунувшійся впередъ подбородокъ, хищный ротъ и жестокіе глаза приводили Сецилію въ содроганіе.—„Навѣрное такой человѣкъ и погубилъ Селину“,—думала Сецилія, и эта мысль вернула ей всю храбрость. Она почувствовала себя сильнѣе этого злодѣя, поняла, что, при всей своей грубости, онъ—трусъ. При каждой встрѣчѣ, онъ подходилъ къ ней, нагло смѣясь ей въ лицо, и повторялъ все тотъ же припѣвъ:

— А все-таки и ты пойдешь по той же дорогѣ!

Она остановилась, взглянула на него, и сказала, не опуская глазъ:

— Въ томъ-то и дѣло, что не пойду.

Ему, наконецъ, надоѣло тщетно преслѣдовать ее, и онъ понялъ, что она не рождена для пути, на который онъ хотѣлъ ее толкнуть. Въ ней было что-то спокойное и рѣшительное, передъ чѣмъ онъ чувствовалъ себя безсильнымъ, и онъ въ концѣ концовъ пересталъ появляться на ея пути.

Съ этихъ поръ она еще болѣе тщательно избѣгала сталкиваться съ такого рода подозрительными прохожими, шла торопливо домой съ работы и чувствовала себя въ безопасности только войдя къ себѣ въ домъ. Это былъ годъ, когда Сециліи минуло шестнадцать лѣтъ, и она все время проводила съ матерью. Когда сдѣлалось опять тепло, онѣ гуляли вдвоемъ въ паркѣ, и мать говорила съ дѣвочкой какъ съ равной, повѣряя ей свои чувства уставшей отъ тяжкихъ испытаній, измученной трудомъ и лишеніями старой женщины. Ей было всего пятьдесятъ лѣтъ, но волосы ея посѣдѣли, лицо покрылось крайней блѣдностью, и только живость взгляда и выразительная линія рта составляли жизнь этого изможденнаго лица.

Она говорила о прошлыхъ несчастіяхъ, какъ-то покорно приписывая все волѣ судьбы, передъ которой она смирялась. Большимъ горемъ для нея было поведеніе Селины, противъ дурныхъ инстинктовъ которой она не съумѣла бороться, также какъ не съумѣла удержать покойнаго мужа, когда онъ началъ пить. Она говорила, что единственное ея утѣшеніе—Сецилія; въ томъ, что она всегда будетъ идти по пути добра, она не сомнѣвалась, но судьба ея все-же сильно тревожила мать. Она сама не знала, желать ли дочери замужества, вспоминая, сколько горя принесла ей самой семейная жизнь. Много подробностей, обстоятельствъ, событій прошлаго разсказала мать Сециліи, для которой все это было печальными и незабвенными уроками жизни. Слушая рано состарившуюся женщину, ничѣмъ не возмущенную, всегда повторявшую слова: „такова судьба!“—молодая дѣвушка сдѣлалась преждевременно созрѣвшей и стала лучше понимать окружающее, всѣхъ жалѣть и понимать горе, таящееся даже за спокойной внѣшностью людей.

Прогулки по парку и грустныя бесѣды съ матерью о прошломъ прекратились съ наступленіемъ зимы. Вечеръ наступалъ рано, а по воскресеньямъ погода была часто пасмурная, не располагавшая къ прогулкамъ. Зима въ этотъ годъ была особенно суровая, напоминавшая годъ осады обиліемъ снѣга и морозами. Другимъ несчастіемъ было то, что Сецилія осталась безъ работы. Мать и дочь часто сидѣли безъ огня, иногда и безъ хлѣба въ своей печальной комнатѣ, и за время безработицы Сецилія ближе познакомилась со страданіями нищеты, слѣды которыхъ она часто видѣла на измученныхъ лицахъ бѣдняковъ.

Наконецъ, она опять достала работу, но у нея появилась другая забота: заболѣла мать. Призванный ею врачъ благотворительнаго общества велъ себя такъ грубо, обвиняя больную старую женщину въ лѣни, что Сецилія очень рѣшительно выпроводила его и позвала другого врача. Онъ отнесся внимательно къ больной, объяснилъ ея болѣзнь малокровіемъ, прописалъ покой и хорошую пищу. Дѣйствительно, мать скоро выздоровѣла и могла снова помогать Сециліи въ работѣ. Обстоятельства опять поправились. Сецилія была очень умѣлой работницей, и нашла множество заказовъ, исполненіемъ которыхъ она занималась по воскресеньямъ. Ей даже удалось, соблюдая крайнюю экономію, отложить нѣсколько золотыхъ монетъ на черный день. Суровость зимы не такъ пугала ее и мать, потому что въ печкѣ горѣлъ хорошій огонь, а къ обѣду у нихъ былъ вкусный горячій супъ, и онѣ мирно проводили вечера за работой и разго-

ворами. Но обѣ онѣ думали съ печалью, слушая завыванія вѣтра, о Селинѣ, которая, можетъ быть, ходитъ въ это время по улицамъ, дрожа отъ холода, не зная, куда укрыться отъ непогоды. Въ самую суровую зимнюю пору раздались однажды вечеромъ шаги на лѣстницѣ, потомъ стукъ въ дверь, и когда Сецилія пошла отворить, она увидѣла передъ собой старшую сестру. Видъ ея былъ ужасный: блѣдное лицо съ красными пятнами на щекахъ, измучечнные глаза, какъ у затравленнаго звѣря, хриплый, неузнаваемый голосъ. Она робко вошла въ комнату и прежде, чѣмъ успѣла сказать что-нибудь о себѣ, пошатнулась отъ усталости. Сецилія усадила ее, привела въ чувство, напоила ее теплымъ виномъ, и Селина молча и жадно ѣла все, что̀ ей давали. Сецилія побѣжала въ лавку, принесла яицъ, сыру, и Селина продолжала ѣсть почти безотчетно, пока, наконецъ, не окрѣпла немного и не пришла въ себя. Но апатія ея оставалась такой же. Она ничего не отвѣтила матери, сообщившей, что дѣвочка ея умерла, и безвольно отдалась попеченіямъ младшей сестры, которая уложила ее въ постель, согрѣла и укутала ее. Она сейчасъ же уснула, тяжело дыша, какъ уставшее животное, которому дали, наконецъ, заснуть послѣ непосильной работы.

На слѣдующій день Селину можно было лучше разглядѣть. Она все еще была красива, но было въ ней что-то страшное— не столько въ болѣзненномъ цвѣтѣ кожи и кругахъ подъ глазами, сколько въ выраженіи цинизма и увядшей молодости въ ея блуждающихъ глазахъ и увядшемъ ртѣ. Утромъ она съ удовольствіемъ выпила кофе, съѣла хлѣбъ съ масломъ, и опять съ удовольствіемъ вытянулась въ теплой постели. Сецилія по обыкновенію отправилась въ мастерскую за работой, мать занялась хозяйствомъ, а потомъ сѣла къ окну, тщетно ожидая, что дочь заговоритъ съ ней о чемъ-нибудь, и не рѣшаясь заговорить первая. Вернувшись домой, Сецилія застала сестру еще въ постели, хотя уже было двѣнадцать часовъ дня. Она дала ей бѣлья и платье. Селина одѣлась, пообѣдала съ матерью и сестрою, потомъ подошла къ окну и стала смотрѣть въ садъ.

— Скучно здѣсь,—говоритъ она.

— Ничуть!—быстро отвѣчаетъ Сецилія.—Этотъ садъ точно лѣсъ. Въ немъ всегда поютъ птицы, и въ солнечные дни здѣсь очень хорошо.

— А тамъ, откуда ты явилась, лучше?—спрашиваетъ мать, и Селина нервно смѣется въ отвѣтъ.

Сецилія убѣждаетъ сестру сѣсть поработать вмѣстѣ съ ней, и онѣ обѣ садятся за шитье къ окну; матери ихъ кажется на

минуту, что вернулось прежнее время, когда обѣ ея дочери мирно жили дома. Но пальцы Селины отвыкли отъ работы, пожелтѣли отъ крученія папиросъ, и по ея потягиваніямъ и зѣвкамъ видно, что ей скучно работать.

Вечеромъ Сецилія предлагаетъ сестрѣ пойти погулять; она все еще не теряетъ надежды приручить дикую Селину, убѣдить ее жить съ ними. Она не жалѣетъ даже своихъ сбереженій, беретъ немного золота, и отправляется съ Селиной въ магазинъ готовыхъ вещей, гдѣ покупаетъ ей ватную кофточку. Селина отдается попеченіямъ сестры и на минуту даже проясняется. Сецилія укрѣпляется въ надеждѣ удержать подлѣ себя уставшую, разбитую жизнью старшую сестру. Она доказываетъ, что ей самой живется хорошо, что работы ея хватаетъ на двоихъ, и что, главное, пріятно жить вмѣстѣ съ мамой.

— А ты?..—спрашиваетъ Сецилія.—У тебя вѣдь былъ не веселый видъ, когда ты къ намъ пришла. Чѣмъ ты занимаешься... скажи, чѣмъ ты занимаешься?—ласково настаиваетъ она.

— Всѣмъ!—рѣзко отвѣчаетъ Селина.

— Бѣдная!.. А ты не хочешь опять поселиться съ нами?

— Не надоѣдай мнѣ,—отвѣчаетъ сердито Селина,—или я сейчасъ же уйду!

Селина успокоилась на этотъ разъ, но на слѣдующій день, взявъ у Сециліи нѣсколько денегъ, она исчезла, не попрощавшись даже съ матерью, и уже болѣе не возвращалась къ своимъ.

Это было послѣднимъ ударомъ для матери, которая съ каждымъ днемъ и такъ замѣтно хирѣла. Нѣсколько мѣсяцевъ она крѣпилась, и даже къ веснѣ ей, казалось, сдѣлалось лучше; но лѣтомъ, въ іюлѣ, она опять почувствовала себя больной. Призванный врачъ счелъ своимъ долгомъ предупредить Сецилію, что матери ея плохо. Больная это сама сознавала, и несмотря на успокоительныя слова дочери, говорила ей, что скоро умретъ, давала ей совѣты, какъ жить, когда она останется одна, не теряя энергіи и продолжая идти по пути добра.

Мать Сециліи умерла такъ тихо, что дочь не замѣтила момента агоніи, а увидѣла только по ея неподвижно-восковому лицу, что все кончено. Сециліи пришлось хоронить мать въ знаменательный день 14-го іюля, перваго при республикѣ, и она шла за гробомъ вмѣстѣ съ нѣсколькими сосѣдками по улицамъ, украшеннымъ флагами. Вернувшись домой съ кладбища, Сецилія долго плакала, затѣмъ привела въ порядокъ свою комнату, убрала на мѣсто платья и бѣлье и сѣла обѣдать;—ей казалось, что она повинуется этимъ волѣ усопшей. Вечеромъ

она машинально вышла изъ дому и потерялась въ толпѣ, глядя на украшенные дома, на иллюминацію, на танцы на площадяхъ, слушая пѣніе патріотическихъ пѣсенъ, въ перемежку со звуками танцевъ. На перекресткахъ стояли бюсты Республики, украшенные колосьями и лавровыми вѣнками, и вокругъ нихъ раздавались воинственные напѣвы. Всѣ принимали участіе въ національномъ праздникѣ; весь рабочій кварталъ огласился пѣніемъ, украсился трехцвѣтными флагами. Флаги, иллюминація, музыка и танцы, доходили до кладбища Père-Lachaise, стѣны котораго ставили предѣлы радостному оживленію.

Сецилія дошла до этой стѣны, слѣдуя за движеніемъ толпы. Она думала о томъ, что̀ произошло въ ея жизни и въ жизни множества другихъ людей, до этого дня пѣнія, танцевъ и веселья. Она вспомнила зиму 1870 года, когда она ходила по засыпаннымъ снѣгомъ дорожкамъ кладбища, держа за руку Селину. Ей казалось теперь, что она точно слышитъ вмѣстѣ съ праздничными петардами глухіе залпы пушекъ, угрожавшихъ Парижу. Она вспомнила убитыхъ братьевъ, въ особенности нѣжнаго, добраго Жана, и ей представлялось, что его застрѣлили какъ бѣшеную собаку, прислонивъ его къ стѣнѣ. Она вспомнила объ отцѣ, который убѣжалъ отъ жены и дочери, не узнавая ихъ въ своемъ безуміи; подумала о матери, успокоившейся теперь послѣ тяжелой трудовой жизни, постоянной борьбы, постояннаго мученичества...; она съ грустью подумала и о сестрѣ, о бѣдной Селинѣ, которая теперь невѣдомо гдѣ обрѣтается, еще живая, но все равно что мертвая.

Оглядываясь на свое прошлое, Сецилія вдругъ показалась самой себѣ измѣнившеюся, какъ бы выросшею. Кромѣ своихъ близкихъ, она видѣла теперь передъ собой толпу чужихъ людей, жизнь которыхъ открылась ея наблюдательному взору. Она поняла, что она уже не ребенокъ, что наука жизни пройдена ею не даромъ, что она стала человѣкомъ и готова къ тому, чтобы изжить свою судьбу со всѣми радостями и всѣми страданіями, которыя еще могутъ выпасть на ея долю.

Она отошла отъ мрачной стѣны, попрощалась съ безмолвными тѣнями прошлаго и отерла слезы, струившіяся по лицу. Яркій свѣтъ, толпа бѣдняковъ на улицахъ—все это говорило ея сердцу, что дни радости и дни страданій продолжаются. Сецилія Помьé задумчиво и рѣшительно вступила теперь на путь жизни.

Съ франц. З. В.

ПѢСНИ ОБЪ УТРАЧЕННОМЪ

Эмиля ф. Шёнахъ-Каролатъ.

I.—Возвращеніе.

Родной мой городъ—среди долины,
Гдѣ въ половодье шумитъ рѣка;
Вернулся нищимъ я изъ чужбины,
Хотя въ мозоляхъ—моя рука;
Хотѣлъ съ мошною туго набитой
Придти я къ милой издалека̀;
Вдоль улицъ ходитъ лишь вихрь сердитый,
Встрѣчаетъ пѣсней онъ бѣдняка.
Тяжелъ сегодня былъ путь у брода,
Рѣка—въ разливѣ, и ночь темна.
Слыхалъ дорòгой я отъ народа,
Что позабыла меня она...

II.—У алтаря.

Восходитъ день. Какъ хоръ, многоголосны—
Ручьи, гремя, сбѣгаютъ въ глубь долинъ,
И буйный вихрь къ рѣкѣ склоняетъ сосны,
Шумя среди ихъ царственныхъ вершинъ.
Пошли, Господь, день вёдреный! Отрадно
Ласкаетъ мнѣ чело разсвѣта лучъ;

Мой духъ, разбитый бурей безпощадно,—
Къ Тебѣ туда стремится—выше тучъ.
Міръ въ большинствѣ живетъ въ полусознаньѣ,
Людей манятъ избитыя тропы,
Дано имъ въ мѣру счастья и страданья,—
Но, одного коснувшись средь толпы,
Ты, все отнявъ, что̀ онъ любилъ глубоко,—
Ведешь его въ высокій храмъ, гдѣ онъ
Стоять на стражѣ долженъ одиноко
Въ сіяньи дня, подъ бурею временъ.
Любовь моя пусть будетъ не безплодной,
Пусть въ сердцѣ у меня она ростетъ,
Маякомъ ставъ, звѣздою путеводной,
Что̀ всѣхъ людей на высоту ведетъ.
Пусть даромъ не исходитъ сердце кровью,
Казни его страданьемъ тяжело,
Чтобъ цѣлый міръ оно своей любовью
Животворить и озарять могло.
Пускай любовь,—разбитая Тобою
За то, что я *одну* любилъ, Творецъ,—
Охватитъ цѣлый міръ волной живою,
И я скажу:—я жилъ, и я—пѣвецъ!

III.—И ты!..

Отъ подвига святого,
От битвъ и ты ушелъ,
Довольства золотого
Тропою ты пошелъ.
Простясь съ борьбой и горемъ,
Душа твоя—ясна:
Разставшаяся съ моремъ
Гигантская волна—
Она, въ порывѣ бурномъ
Плеснувъ изъ береговъ,—
Теперь прудомъ лазурнымъ
Лежитъ среди луговъ.
Весна его осокой
Цвѣтущей убрала̀;
Порой изъ тьмы глубокой
Слышны колокола;

Надъ нимъ ветла киваетъ
У сонныхъ береговъ,
Но бурь въ немъ не бываетъ,
И нѣтъ въ немъ жемчуговъ.

IV.—Средневѣковая пѣсенка.

Полюбишь ты, но если ей
Другой милѣй—совѣту
Тогда послѣдуй ты: скорѣй
Ступай бродить по свѣту.
Красавицъ полонъ каждый край,
Бѣлы иль смуглолицы—
Онѣ цвѣтутъ, какъ въ мѣсяцъ май—
Кустъ розъ въ лучахъ денницы.
Кто выбралъ новые пути
Въ горахъ и по долинамъ,—
Тотъ можетъ счастье вновь найти:
Клинъ вышибаютъ клиномъ.
А способъ этотъ не помогъ—
Стань честнымъ капуциномъ;
Когда жъ нейдутъ молитвы въ прокъ—
Тогда прибѣгни къ винамъ.
Пируй,—и съ пьяною гурьбой
Рубись въ отвагѣ дикой,
Но лучше, еслибы съ тобой
Ландскнехтъ покончилъ пикой.
А нѣтъ—знай пей и за порогъ
Швыряй всѣхъ безъ зазрѣнья,
Кто вымолвить безстыдно могъ:
— Есть для любви забвенье!
Когда полюбишь ты, и ей
Другой милѣй, объ этомъ
Чтобъ не тужить,—ты поскорѣй
Разстанься съ бѣлымъ свѣтомъ.

V.—Изъ поэмы „Фатима“.

1.

Корабль, стремящійся къ родимой сторонѣ,
Усталая душа, что̀ рвется къ тишинѣ,
Исполнится иль нѣтъ ихъ страстное стремленье—
У той же пристани найдутъ успокоенье.
Есть въ сердцѣ у людей таинственный магнитъ:
Въ отчизну горнюю онъ вѣчно ихъ манитъ.

2.

Когда, случается, бранятъ тебя глупцы—
Ступай своимъ путемъ безъ гнѣва и тревоги.
Часъ поздній, спитъ село, но вотъ, среди дороги,
Явился караванъ: съ товарами купцы.
Ступаютъ медленно усталые верблюды,
И тутъ, почуявши товаровъ рѣдкихъ груды,
Вдругъ поднимаютъ лай десятки злобныхъ псовъ:
И гамъ, и лай, и вой собачьихъ голосовъ...
До полной хрипоты—привязанные къ дому,—
Готовы лаять псы—во слѣдъ добру чужому.
Но мѣрно всадники качаются въ сѣдлѣ,
Верблюды медленно ступаютъ по землѣ,
Въ собакъ никто швырнуть и палкой не желаетъ.
Песъ остается псомъ. Пускай себѣ онъ лаетъ,
Межъ тѣмъ какъ по пескамъ, сквозь жизненный туманъ,
На Мекку держитъ путь твой цѣнный караванъ.

VI.—Послѣдній танецъ.

Въ огняхъ, какъ въ жару лихорадки,
Горитъ старый за̀мокъ; сквозь складки
Гардинъ пробивается свѣтъ;
И въ залѣ сверкающемъ бальномъ
Мы кружимся въ танцѣ прощальномъ:
Разлукой горитъ намъ разсвѣтъ.
Объѣхалъ моря́ я и стра̀ны,
И золотомъ по̀лны карманы,

Но ты ужъ теперь—не моя.
И кумушекъ стая судачитъ,
Стрекочутъ сороки:—Что значитъ,
Уѣхалъ въ чужіе края!
Въ безумьи послѣдняго танца
Увяли цвѣты померанца,
Мететъ ихъ твой шлейфъ кружевной...
Рыдаетъ отчаянно скрипка,
У мужа мелькаетъ улыбка:
Приблизился отдыхъ ночной.
О, еслибъ по снѣжной равнинѣ
Подъ вьюгой блуждали мы нынѣ,
И тамъ, у меня на груди,
Окутана въ плащъ мой, въ молчаньѣ
Покоилась ты безъ сознанья,
И смерть насъ ждала впереди!

О. Михайлова.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1904.

Высочайшій указъ и инструкція 22-го сентября. — Необходимость пересмотра „временныхъ“ правилъ, дѣйствующихъ около четверти вѣка.—Совершилась ли перемѣна въ настроеніи правящихъ сферъ? — Дальнѣйшее направленіе работъ губернскихъ совѣщаній.—Проектъ волостного устава о наказаніяхъ.—Раціональные предѣлы карательной власти волостного (всесословнаго) суда. — Сессія уѣздныхъ земскихъ собраній.—„Туберкулезное“ земство.—Общеземская организація.—Н. П. Семеновъ †.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ 22-го сентября и Высочайше утвержденною того же числа инструкціею товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, состоящему командиромъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, ввѣрено, подъ высшимъ руководствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, общее завѣдываніе полиціей, т.-е. дѣлами по предупрежденію и пресѣченію преступленій и по охраненію общественной безопасности и порядка. По дѣламъ, производящимся въ департаментѣ полиціи, товарищу министра, завѣдующему полиціей, предоставлено разрѣшеніе всѣхъ, за немногими исключеніями, вопросовъ, отнесенныхъ учрежденіемъ министерствъ къ компетенціи министра. Товарищъ министра, завѣдующій полиціей, предсѣдательствуетъ въ особомъ совѣщаніи, образованномъ на основаніи ст. 34-й прил. 1-го къ прим. 2-му къ ст. 1-й уст. о пред. и прес. прест., и разрѣшаетъ всѣ вопросы, возникающіе по примѣненію гласнаго полицейскаго надзора. Ему же принадлежитъ высшій надзоръ за всѣми состоящими въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ мѣстами заключенія, предназначенными для содержанія подъ стражею лицъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ.

Существенной перемѣны въ положеніе, занимаемое, въ ряду государственныхъ учрежденій, высшею полицейскою властью, инструкція 22-го сентября не вноситъ, ограничиваясь перемѣщеніемъ функцій изъ однѣхъ рукъ въ другія. Чрезвычайныя полномочія, созданныя болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, остаются въ прежней силѣ; сохра-

няется, въ главныхъ чертахъ, и порядокъ ихъ осуществленія. Особое совѣщаніе, о которомъ упоминается въ инструкціи, разрѣшаетъ, безповоротно и безапелляціонно, всѣ вопросы объ административной высылкѣ, имѣя лишь право, но не будучи обязано выслушивать объясненія предназначаемаго къ высылкѣ лица. Личная свобода гражданъ продолжаетъ, такимъ образомъ, быть въ зависимости отъ негласнаго судилища, состоящаго изъ представителей двухъ административныхъ вѣдомствъ [1]), не связаннаго никакими точными правилами и не представляющаго ни одной изъ тѣхъ гарантій, совокупность которыхъ образуетъ понятіе о правосудіи. Спѣшимъ прибавить, что изданіемъ инструкціи 22-го сентября вовсе не предрѣшено будущее, даже ближайшее. Ея единственная цѣль—опредѣлить служебное положеніе должностного лица, призываемаго къ завѣдыванію полиціей. Отправляясь отъ обстановки, въ которой этому лицу придется начать свою дѣятельность, инструкція беретъ ее такою, какою она существуетъ въ данную минуту, и оставляетъ открытымъ вопросъ о возможномъ—или необходимомъ—ея измѣненіи. Ничто не мѣшаетъ возбужденію этого вопроса и даже постановкѣ его на первую очередь. Мы едва ли ошибемся, если назовемъ такую постановку болѣе чѣмъ вѣроятной. Въ самомъ дѣлѣ, въ первый же мѣсяцъ со времени назначенія новаго министра внутреннихъ дѣлъ возвращены изъ ссылки или возстановлены въ своихъ правахъ гг. Мартыновъ и Бунаковъ (пострадавшіе, въ концѣ 1902-го года, за мнѣнія, высказанныя ими въ воронежскомъ уѣздномъ сельско-хозяйственномъ комитетѣ), кн. Петръ Долгоруковъ (лишенный, около того же времени и по аналогичному поводу, права участія въ общественной дѣятельности), гг. Фальборкъ, Чарнолускій, Лавриновичъ и Воробьевъ (высланные изъ Петербурга по поводу инцидентовъ, происшедшихъ, въ январѣ нынѣшняго года, на третьемъ техническомъ съѣздѣ — инцидентовъ, настоящее значеніе которыхъ выяснено въ нашей октябрьской общественной хроникѣ) и многіе другіе; предпринятъ пересмотръ дѣла о тверскомъ земствѣ, повлекшаго за собою, между прочимъ, высылку нѣсколькихъ лицъ изъ предѣловъ тверской губерніи; нѣкоторымъ изъ этихъ лицъ разрѣшено, впредь до окончанія пересмотра, вернуться въ свои имѣнія. Что означаетъ такая одновременная отмѣна цѣлаго ряда распоряженій, состоявшихся, частію весьма недавно, по вѣдомству государственной полиціи? Очевидно—поспѣшность, несправедливость и нецѣлесообразность чрезвычайныхъ мѣропріятій, внушенныхъ невѣрнымъ взглядомъ на права и обязанности гражданина, пренебреженіемъ къ личной сво-

---

[1]) Кромѣ предсѣдателя, въ составъ совѣщанія входятъ по два члена отъ министерствъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ.

бодѣ, стремленіемъ водворить, въ области важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ, искусственное молчаніе и кажущееся единомысліе. Чтобы устранить возможность повторенія такихъ мѣропріятій, недостаточно одной перемѣны въ настроеніи администраціи, въ способѣ примѣненія закона: нужна перемѣна въ самомъ законѣ. Девять лѣтъ тому назадъ это было признано оффиціально—но Высочайшее повелѣніе 7-го декабря 1895-го года, предоставившее министру внутреннихъ дѣлъ *безотлагательно* подвергнуть пересмотру дѣйствующія постановленія объ административной высылкѣ, осталось безъ исполненія. А между тѣмъ, пересмотръ этихъ постановленій тѣмъ болѣе необходимъ, что они состоялись внѣ законнаго порядка. Какъ правила объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, такъ и правила о полицейскомъ надзорѣ прошли не черезъ государственный совѣтъ, разсматривающій, за силою законовъ основныхъ, *всѣ предначертанія законовъ*, а черезъ комитетъ министровъ, которому подвѣдомственны лишь *дѣла*, относящіяся до общаго спокойствія и безопасности. Если къ числу такихъ *дѣлъ* было отнесено, вопреки точному значенію слова, изданіе правилъ, обнимающихъ собою цѣлый рядъ случаевъ и соединяющихъ въ себѣ всѣ признаки *закона*, то это объясняется обстоятельствами тогдашней эпохи (второй половины 1881-го и первой половины 1882-го года); но съ тѣхъ поръ прошла почти четверть вѣка, правила, изданныя въ качествѣ *временныхъ*, обратились, фактически, въ постоянныя—и, слѣдовательно, для нихъ давно уже наступила пора законодательной повѣрки. Что послѣ такой повѣрки, предпринятой при обстановкѣ сколько-нибудь нормальной, неприкосновеннымъ останется въ нихъ лишь весьма немногое—въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться [1]).

Что въ нашей внутренней жизни совершается существенно важный и отрадный переворотъ—объ этомъ свидѣтельствуетъ съ полною ясностью только-что упомянутый нами ходъ назадъ, данный полицейской машинѣ. Нѣтъ недостатка и въ другихъ доказательствахъ, не менѣе яркихъ. По всей русской землѣ пронесся вздохъ облегченія, тѣмъ болѣе глубокій, чѣмъ тяжелѣе былъ миновавшій гнетъ. Выразителями радостнаго чувства, овладѣвшаго страною, явились городскія думы и въ особенности земскія собранія, отвѣтившія горячими привѣтствіями на первыя слова новаго министра внутреннихъ дѣлъ. Знаменательны и характерны рѣчи, произнесенныя, по этому поводу, въ разныхъ концахъ Россіи—въ Сумахъ и Балашовѣ, въ Ельцѣ и Хва-

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 1 „Вѣстника Европы" за 1895 г. и въ № 2 за 1896 г.

лынскѣ, въ Темниковѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Рязани. „Мучительный разладъ, слишкомъ долго отравлявшій нашу жизнь"—„подавленіе началъ мѣстнаго самоуправленія и самодѣятельности, необходимыхъ для благоустройства и благополучія страны" — „непонятный антагонизмъ между обществомъ и правительствомъ": такими чертами рисуется недавнее прошлое. Отъ будущаго ожидается „воплощеніе принципа довѣрія въ конкретныя, законодательно-опредѣленныя формы общественнаго содѣйствія правительству"; высказывается увѣренность, что земство раскроетъ „всѣ наболѣвшія нужды, укажетъ мѣры для уврачеванія", что „населеніе будетъ призвано къ постоянному, тѣсному, органическому сотрудничеству въ трудномъ, но неотложномъ правительственномъ дѣлѣ устроенія государства", что „довѣріе, о которомъ говоритъ министръ внутреннихъ дѣлъ, выразится въ той единственной формѣ, въ которой оно можетъ имѣть значеніе для Россіи—въ упраздненіи административнаго произвола и въ установленіи законнаго порядка, при активномъ содѣйствіи общества и населенія". Коегдѣ выраженіе сочувствія „новому курсу" встрѣчало противодѣйствіе со стороны отдѣльныхъ членовъ собранія — противодѣйствіе, скорѣе увеличивающее, чѣмъ уменьшающее цѣнность окончательныхъ рѣшеній. Оппонентами выступали, бо̀льшею частью, лица, давно заявившія себя усердными сторонниками реакціонной политики (напр., г. Обтяжновъ—въ горбатовскомъ, г. Остафьевъ—въ нижегородскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи); возраженія ихъ имѣли чисто формальный характеръ („мы не имѣемъ права ни одобрять, ни порицать правительство"; „программа министра оффиціально намъ неизвѣстна") и находили поддержку не въ крестьянахъ, не въ представителяхъ городского сословія, а въ нѣкоторыхъ лишь дворянахъ-землевладѣльцахъ. Наибольшей интенсивности упорство „протестантовъ" достигло въ Кинешмѣ. Вотъ что̀ пишетъ оттуда корреспондентъ „Новаго Времени" (№ 10280): „въ преніяхъ, вызванныхъ предложеніемъ послать привѣтственную телеграмму кн. Святополкъ-Мирскому, дворяне высказывались въ томъ смыслѣ, чтобы не посылать, а крестьяне и другіе гласные—за посылку; пустили на баллотировку вставаніемъ: 22 гласныхъ встали, 12 дворянъ, во главѣ съ предводителемъ, сидѣли. Записали постановленіе въ протоколъ и разъѣхались. Оказалось, что телеграмма не послана; гласный Морокинъ имѣетъ отъ предводителя отвѣтную телеграмму на его запросъ такого содержанія: телеграмма министру осталась непосланной. Гласные, вотировавшіе за посылку телеграммы, возмущены такимъ дѣйствіемъ предсѣдателя, не исполнившаго постановленія земскаго собранія". А вотъ, кстати, свѣдѣнія о положеніи земскаго хозяйства въ уѣздѣ, заправилы котораго такъ оригинально понимаютъ свои права и обязанности: „за 12 лѣтъ уѣзд-

ный бюджетъ возросъ со 110.000 до 317.000 руб.; дороги такъ же плохи, какъ и прежде; зато въ управѣ надѣлали много новыхъ должностей съ хорошими окладами, и каждое трехлѣтіе прибавляютъ жалованье. Небольшой кружокъ земскихъ плательщиковъ, платящихъ не болѣе двадцатой части всего бюджета, забралъ уѣздное хозяйство въ свои руки. Необходимо расширить кругъ избирателей".

Земскіе гласные, идущіе, въ настоящую минуту, противъ теченія, имѣютъ одно безспорное достоинство: они послѣдовательны и откровенны. Отказываясь отъ выраженія сочувствія политикѣ довѣрія, они тѣмъ самымъ признаютъ, что это—политика новая, существенно отличная отъ прежней. Иначе поступаютъ ихъ единомышленники въ печати: съ настойчивостью, достойною лучшаго дѣла, они продолжаютъ увѣрять, что ничего, въ сущности, не измѣнилось, ликованія „либераловъ" неосновательны, новый министръ продолжаетъ и будетъ продолжать дѣло своихъ предшественниковъ. Подтвержденіе такого взгляда они находятъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что не оправдался слухъ о пріостановкѣ или прекращеніи работъ губернскихъ совѣщаній. Составъ совѣщаній, дѣйствительно, остается прежній; къ задачамъ, лежавшимъ на нихъ съ самаго начала, присоединена еще одна—разсмотрѣніе вопроса о крестьянскихъ опекахъ; не измѣненъ, повидимому, и срокъ окончанія ихъ занятій. Предрѣшено ли этимъ, однако, дальнѣйшее направленіе дѣла, предрѣшенъ ли его исходъ, устранена ли возможность участія въ немъ болѣе широкихъ общественныхъ сферъ? Нисколько. Каковы бы ни были отрицательныя свойства проектовъ, составленныхъ редакціонною коммиссіею, разсмотрѣніе ихъ можетъ быть доведено до конца въ однажды принятомъ порядкѣ, потому что оно представляетъ собою только первый, далеко не самый важный фазисъ законодательной работы. Губернскія совѣщанія выражаютъ собою, большею частью, не мнѣнія *мѣстныхъ дѣятелей*, въ обширномъ смыслѣ этого слова, а мнѣнія мѣстной администраціи. Должностныя лица, обязательно входящія въ составъ совѣщанія, почти всѣ прямо или косвенно зависятъ отъ губернатора, усмотрѣнію котораго предоставлено приглашеніе остальныхъ, не-оффиціальныхъ членовъ совѣщанія. Понятно, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ выборъ долженъ былъ пасть на тѣхъ, отъ кого можно было ожидать содѣйствія—или, по крайней мѣрѣ, наименьшаго противодѣйствія—видамъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Согласія съ этими видами, во всемъ существенномъ и главномъ, несомнѣнно ожидалъ отъ совѣщаній и покойный министръ. Въ рѣчи, обращенной къ губернаторамъ, какъ къ будущимъ руководителямъ совѣщаній, онъ указалъ, что къ подробному разсмотрѣнію законопроектовъ, возлагаемому на подкоммиссіи, должны быть призваны лишь такіе члены совѣщанія,

которые, во время предварительныхъ общихъ преній, заявятъ себя „сочувствующими мысли о цѣлесообразности составленія проектовъ“ [1]). Другими словами, предполагалось, что большинство совѣщанія всегда окажется на сторонѣ основныхъ началъ, проведенныхъ въ работахъ редакціонной коммиссіи, и изберетъ изъ своей среды соотвѣтственно настроенный составъ подкоммиссій. Это ожиданіе, повидимому, и оправдалось, за исключеніемъ тѣхъ, сравнительно немногихъ случаевъ, когда губернаторъ, образуя совѣщаніе, не старался достигнуть единомыслія его членовъ, а руководя его преніями—не стѣснялъ свободу рѣчи. Необходимо, поэтому, выслушать тѣхъ, кто не получилъ доступа въ совѣщанія или не могъ высказаться въ нихъ со всею полнотою. Стоитъ только сравнить заключенія большинства совѣщаній съ отзывами многихъ и многихъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ мало первыя выражаютъ собою дѣйствительныя нужды, дѣйствительныя пожеланія народной массы. Всестороннее и вѣрное освѣщеніе крестьянскаго вопроса будетъ получено лишь тогда, когда выскажутся представители населенія. Въ ожиданіи этого момента, печать обязана продолжать подробный разборъ работъ редакціонной коммиссіи, все больше и больше выясняя, тѣмъ самымъ, несостоятельность рѣшенія, которое уготовлялось для крестьянскаго дѣла.

Сохраняя особый крестьянскій волостной судъ, редакціонная коммиссія нашла нужнымъ преподать ему для руководства какъ особый волостной уставъ о наказаніяхъ, такъ и особые сельскіе уставы о договорахъ и наслѣдованіи. Соображенія, которыми коммиссія старается доказать необходимость спеціально-крестьянскаго уголовнаго кодекса, изложены отчасти въ общей объяснительной ея запискѣ, отчасти въ введеніи къ проекту волостного устава о наказаніяхъ. Первыя разобраны нами еще въ февральскомъ внутреннемъ обозрѣніи; остановимся теперь на послѣднихъ.

„Равноправность всѣхъ передъ закономъ, — гласитъ введеніе къ проекту,—въ смыслѣ одинаковой отвѣтственности каждаго за содѣянныя имъ правонарушенія, конечно не требуетъ доказательствъ“. Казалось бы, что это общее положеніе безусловно исключаетъ возможность назначенія особыхъ каръ за проступки, совершаемые крестьянами и другими непривилегированными сельскими обывателями, а слѣдовательно и потребность въ особомъ, только къ нимъ примѣнимомъ уставѣ о наказаніяхъ. Не таково мнѣніе редакціонной коммиссіи:

---

[1]) См. „Порядокъ обсужденія проектовъ, выработанныхъ редакціонной коммиссіей по пересмотру законоположеній о крестьянахъ“, стр. 12.

она находитъ, что если ей удастся отстоять существованіе сословнаго волостного суда, какъ низшей карательной инстанціи, то затѣмъ можно будетъ доказать и необходимость снабдить этотъ судъ спеціальною карательною властью, существенно отличною отъ общей. Какъ согласить предпосылку о равенствѣ передъ уголовнымъ закономъ съ выводомъ, прямо отрицающимъ такое равенство — этотъ вопросъ остается неразрѣшеннымъ, по той простой причинѣ, что онъ неразрѣшимъ. Не затрудняясь столь крупнымъ логическимъ дефектомъ, коммиссія приступаетъ къ подробной мотивировкѣ своего тезиса. Кое-что въ этой мотивировкѣ можно признать правильнымъ: можно согласиться съ тѣмъ, что совершенное упраздненіе волостного суда, какъ карательной инстанціи, затруднило бы, въ виду отдаленности и малочисленности òргановъ общей судебной власти, репрессію самыхъ маловажныхъ проступковъ, въ ущербъ населенію сельскихъ мѣстностей. Коммиссія, однако, идетъ гораздо дальше. Нарисовавъ преувеличенно мрачную картину современной деревни, она пытается подтвердить ее ссылкою на право сельскихъ обществъ удалять изъ своей среды порочныхъ своихъ членовъ. Не говоря уже о томъ, что болѣе чѣмъ сомнительна цѣлесообразность и справедливость этого права, болѣе чѣмъ вѣроятна скорая его отмѣна—оно не имѣетъ никакого отношенія къ данному вопросу, потому что для его примѣненія необходимы, даже съ точки зрѣнія его защитниковъ, причины гораздо болѣе вѣскія, чѣмъ совершеніе проступковъ, подсудныхъ волостному суду. Столь же мало убѣдительно утвержденіе коммиссіи, что карательныя функціи волостного суда не могли бы быть переданы никому другому, кромѣ низшихъ òргановъ администраціи, т.-е. волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ. Само собою разумѣется, что административно-карательная власть, во всѣхъ ея видахъ (кромѣ тѣхъ случаевъ, когда она имѣетъ факультативный характеръ, т.-е. когда отъ обвиняемаго зависитъ подчиниться или не подчиниться ея рѣшенію), подлежитъ не распространенію, а совершенной отмѣнѣ; но вѣдь проступки, теперь подсудные крестьянскому волостному суду, безъ всякихъ затрудненій могли бы быть раздѣлены на двѣ категоріи, изъ которыхъ одна была бы отнесена къ вѣдомству мѣстнаго *всесословнаго* суда, другая—къ вѣдомству общей судебной власти. Если въ деревенской средѣ и увеличивается, за послѣднее время, число проступковъ, то отсюда еще не вытекаетъ ни необходимость подчинить ихъ спеціально-крестьянскому суду, ни необходимость сохранить или расширить предѣлы власти мѣстнаго, низшаго суда. Въ дѣлахъ гражданскихъ, возникающихъ на деревенской почвѣ, далеко не излишнимъ, иногда почти незамѣнимымъ является знакомство судей съ мѣстными условіями, отражающимися на содержаніи и характерѣ

юридическихъ отношеній; въ дѣлахъ уголовныхъ такое знакомство имѣетъ несравненно меньшее значеніе. Волость настолько велика, что ея судьи не могутъ одинаково хорошо знать каждаго ея обывателя; въ основаніе оцѣнки выслушиваемыхъ волостнымъ судомъ показаній ему приходится класть, большею частью, не степень довѣрія къ показывающему лицу, мало извѣстному или даже вовсе неизвѣстному судьямъ, а самое существо показаній. Да и желателенъ ли былъ бы другой образъ дѣйствій? Развѣ судьѣ—судьѣ случайному, не всегда дающему себѣ ясный отчетъ въ своихъ судейскихъ обязанностяхъ,—легко соблюсти безпристрастіе по отношенію къ лицу, о которомъ у него заранѣе составилось то или другое, благопріятное или неблагопріятное мнѣніе? Развѣ не возникаетъ, въ подобныхъ случаяхъ, опасность явки въ судъ съ предвзятой мыслью, притупляющей вниманіе и воспріимчивость къ судебному разбирательству? Развѣ эта опасность не усиливается тѣмъ, что судья, предубѣжденный въ пользу или противъ обвиняемаго, можетъ склонить на свою сторону другихъ судей, доводами, не имѣющими ничего общаго съ разбираемымъ дѣломъ?... Чѣмъ однороднѣе составъ суда, тѣмъ больше простора для такихъ вліяній; чѣмъ шире его карательная власть, тѣмъ серьезнѣе ихъ вредные результаты. Это—одна изъ причинъ, заставляющихъ насъ стоять за всесословность мѣстнаго суда и за возможно бо̀льшее ограниченіе его компетенціи и его карательной власти.

Доказавъ самой себѣ, но отнюдь не читателямъ ея трудовъ, необходимость сохраненія сословнаго волостного суда и всей полноты его уголовныхъ полномочій, редакціонная коммиссія приходитъ къ заключенію, что подсудными волостному суду должны быть признаны проступки, „совершенію которыхъ благопріятствуетъ отсутствіе въ деревнѣ достаточнаго обезпеченія безопасности и порядка и которые являются послѣдствіемъ особыхъ бытовыхъ условій крестьянства". Сюда относятся обиды словомъ и дѣйствіемъ, нарушенія тишины, буйства, кражи, самоуправства и насилія. Къ этимъ проступкамъ коммиссія присоединяетъ еще „специфически свойственныя крестьянскому быту" нарушенія договоровъ о наймѣ на сельскія работы и нѣкоторыя нарушенія правъ семейственныхъ. Критеріевъ для опредѣленія вѣдомства волостныхъ судовъ оказывается, такимъ образомъ, немало, но они всѣ одинаково произвольны. Можно ли утверждать, напримѣръ, что деревенская обстановка больше, чѣмъ городская, благопріятствуетъ кражамъ, буйству, оскорбленіямъ родителей? Кражи совершаются, большею частью, или подъ гнетомъ крайней нужды, въ городахъ болѣе распространенной и болѣе острой, чѣмъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, или въ надеждѣ на крупную наживу, объектомъ которой крестьянское имущество можетъ служить весьма рѣдко. Буйство,

въ деревняхъ, пріурочивается обыкновенно къ праздничнымъ днямъ; въ городахъ для него постоянно имѣются готовые матеріалы и готовая почва. Оскорбленіе родителей возможно вездѣ, гдѣ пошатнулся патріархальный семейный строй, но не исчезла грубость нравовъ—а значительная часть городского населенія ничѣмъ, въ этомъ отношеніи, не отличается отъ крестьянской массы. Изъ того, что въ городѣ буйство или самоуправство легче можетъ быть прекращено, кража—легче раскрыта, чѣмъ въ деревнѣ, еще не вытекаетъ необходимость различной подсудности этихъ проступковъ, смотря по мѣсту ихъ совершенія. Задача суда состоитъ не въ предупрежденіи правонарушеній; дѣятельность его начинается лишь послѣ того, какъ они состоялись; разслѣдованіе ихъ, собираніе матеріаловъ для приговора производится не самимъ судомъ. Единственнымъ правильнымъ основаніемъ для установленія круга дѣйствій низшаго, мѣстнаго суда можетъ служить, по нашему убѣжденію, *маловажность проступка* и обусловливаемая ею *незначительность наказанія*.

Къ чему приводитъ ошибка въ выборѣ отправной точки, сдѣланная редакціонною коммиссіею—это показываетъ проектированная ею лѣстница наказаній. Сравнительная важность проступковъ, отнесенныхъ коммиссіей къ вѣдомству волостного суда, заставила ее прибѣгнуть къ такимъ тяжкимъ карамъ, какъ тѣлесное наказаніе и заключеніе въ тюрьмѣ. Тѣлесное наказаніе, къ счастію, отошло въ прошедшее; включеніе его въ проектъ коммиссіи остается характернымъ памятникомъ настроенія, еще недавно господствовавшаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Что касается до тюремнаго заключенія, то нелегко, съ перваго раза, понять, какимъ образомъ могла возникнуть мысль о предоставленіи столь опаснаго орудія въ руки столь мало компетентныхъ судей [1]). Вѣдь тюрьма недаромъ слыветъ школою преступленій, разсадникомъ нравственной порчи; не случайно для того, кто побываетъ въ ней, оказывается закрытымъ или, по меньшей мѣрѣ, сильно затрудненнымъ выходъ на путь честнаго труда. Мыслимо ли, въ виду этого, ставить всю будущность человѣка въ зависимость отъ приговора людей, именуемыхъ судьями, но не отвѣчающихъ ни одному изъ условій правильнаго отправленія судейскихъ функцій?... Включеніе тюрьмы въ число наказаній, назначаемыхъ волостнымъ судомъ, редакціонная коммиссія мотивируетъ указаніемъ на несообразность дѣйствующаго порядка, при которомъ крестьянинъ, совершившій кражу въ деревнѣ у крестьянина, подлежитъ наказанію несравненно меньшему, чѣмъ крестьянинъ, совершившій такую же точно

[1]) Въ средѣ самой коммиссіи нашлось меньшинство, высказавшееся противъ включенія тюрьмы въ число каръ, налагаемыхъ волостнымъ судомъ.

кражу въ городѣ или хотя и въ сельской мѣстности, но у помѣщика. Безспорно, этотъ порядокъ не можетъ и не долженъ оставаться въ силѣ; но нельзя же замѣнять одну несообразность [1]) другою, отнюдь не меньшею, когда есть иной, совершенно нормальный выходъ—признаніе кражи (и однородныхъ съ нею проступковъ) подсудною *во всякомъ случаѣ* общему суду. Это необходимо еще и потому, что рядомъ съ кражей, наличность которой, съ юридической точки зрѣнія, устанавливается, бо̀льшею частью, безъ особыхъ затрудненій, къ вѣдѣнію волостного суда коммиссія относитъ мошенничество, предѣлы и признаки котораго возбуждали и возбуждаютъ безконечные споры среди юристовъ. Ошибочно было бы думать, что подведеніе кражи, гдѣ бы, кѣмъ бы и у кого бы она ни была совершена, подъ одну общую мѣрку оказалось бы слишкомъ отяготительнымъ для обвиняемыхъ изъ среды сельскихъ обывателей, такъ какъ въ деревнѣ совершаются, бо̀льшею частью, только малоцѣнныя и во всѣхъ отношеніяхъ маловажныя кражи. Уголовное уложеніе выдѣляетъ подобныя кражи въ одну, менѣе наказуемую группу: за силою ст. 581-ой если стоимость похищеннаго не превышаетъ пятидесяти копѣекъ, или виновный до провозглашенія приговора о виновности добровольно возвратилъ похищенное или инымъ способомъ удовлетворилъ потерпѣвшаго, или воровство совершено по крайности, виновный наказывается заключеніемъ въ тюрьмѣ на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ—а отъ этого наказанія возможенъ, по статьѣ 53-й, переходъ къ аресту [2])... Намъ могутъ возразить, что опасность, сопряженная съ предоставленіемъ волостному суду права присуждать къ тюремному заключенію, устраняется или, по крайней мѣрѣ, значительно уменьшается возможностью обжаловать подобные приговоры уѣздному съѣзду (или учрежденію, его замѣняющему). Каковъ бы, однако, ни былъ апелляціонный судъ, далеко не безразличнымъ является составъ суда первой степени: сдѣланныя имъ ошибки, допущенные имъ пробѣлы не всегда могутъ быть исправлены и пополнены второю инстанціею, да и приговоръ его, при юридической безпомощности сельскаго населенія, легко можетъ остаться необжалованнымъ и войти въ законную силу. Не велики, притомъ, гарантіи правосудія, представляемыя нынѣшнимъ составомъ уѣзднаго съѣзда... При нормальномъ устройствѣ мѣстной юстиціи значительно бо̀льшая часть уголовныхъ

---

[1]) На самомъ дѣлѣ несообразность была бы, впрочемъ, не устранена, а только смягчена: проектъ коммиссіи назначаетъ за кражу тюремное заключеніе на срокъ не свыше одного мѣсяца, между тѣмъ какъ по уложенію срокъ заключенія можетъ быть опредѣленъ до одного года.

[2]) Въ дѣлахъ о мошенничествѣ, при отсутствіи увеличивающихъ вину обстоятельствъ, такой переходъ, на основаніи ст. 53 и 591 уложенія, возможенъ всегда.

дѣлъ, теперь подсудныхъ волостному суду—въ томъ числѣ, конечно, всѣ дѣла о кражѣ и однородныхъ съ нею проступкахъ—перешли бы въ вѣдѣніе настоящихъ судей (мировыхъ или участковыхъ), удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ судейскаго званія.

Другимъ результатомъ чрезмѣрнаго расширенія круга дѣйствій волостныхъ судовъ является множество изъятій, которыя коммиссія вынуждена была сдѣлать изъ только-что установленнаго ею общаго начала. Приложенный къ проекту „перечень случаевъ, когда предусмотрѣнные волостнымъ уставомъ проступки не подвѣдомственны волостному суду, а виновные подлежатъ наказанію по уголовному уложенію“, обнимаетъ собою тринадцать статей, изъ которыхъ въ одной (о поврежденіи чужого имущества) насчитывается *двадцать три* подраздѣленія! Понятно, насколько обязанность помнить и принимать во вниманіе всю эту массу исключеній затруднила бы малограмотныхъ, малосвѣдущихъ волостныхъ судей—а обойтись безъ исключеній, значило бы или еще больше увеличить и такъ уже слишкомъ широкую карательную власть волостного суда, или чрезмѣрно понизить, для одной категоріи обвиняемыхъ, отвѣтственность за серьезныя, иногда тяжкія правонарушенія. Никакихъ изъятій не понадобится, если къ вѣдѣнію мѣстнаго (всесословнаго) суда будутъ отнесены только самые маловажные проступки.

Чѣмъ шире кругъ дѣйствій волостного суда, тѣмъ легче подыскать мотивы къ составленію для него особаго устава о наказаніяхъ. Между тѣмъ, одновременное существованіе двухъ уголовныхъ кодексовъ, обнимающихъ собою одни и тѣ же преступныя дѣянія, но установляющихъ различныя за нихъ наказанія, въ зависимости отъ сословныхъ правъ и отъ мѣста жительства обвиняемыхъ—представляетъ собою явную аномалію, нетерпимую въ благоустроенномъ государствѣ. Это признаетъ, какъ мы видѣли, и редакціонная коммиссія, провозгласившая равенство всѣхъ и каждаго передъ уголовнымъ закономъ, но вслѣдъ затѣмъ пошедшая прямо въ разрѣзъ съ принятымъ ею принципомъ. Послѣдствіемъ такого противорѣчія явилось, прежде всего, сохраненіе, въ проектѣ коммиссіи, одной изъ самыхъ печальныхъ особенностей нынѣ дѣйствующаго положенія о волостномъ судѣ: въ числѣ проступковъ мы находимъ неисправимое пьянство или мотовство, разстроивающее хозяйство—т.-е. дѣяніе, по общимъ законамъ вовсе не наказуемое. Несостоятельность взгляда, выразившагося въ этомъ постановленіи, доказывается уже самымъ мѣстомъ, которое отведено ему въ проектѣ; оно включено въ составъ главы четвертой, озаглавленной: „о нарушеніи правилъ, ограждающихъ общественные порядокъ, спокойствіе, благочиніе, благоустройство и безопасность“. Ни одному изъ этихъ благъ пьянство и, тѣмъ болѣе, мотовство не угро-

жаетъ [1]); ничего общаго съ другими проступками, предусмотрѣнными въ той же главѣ, ни пьянство (само по себѣ взятое), ни мотовство не имѣетъ, о нарушеніи ими какихъ-то *правилъ* не можетъ быть и рѣчи. Еслибы существовали правила, запрещающія, подъ страхомъ кары, мотовство и пьянство, то уголовно-наказуемымъ проступкомъ и то, и другое признавалось бы не для однихъ только сельскихъ обывателей, а для всѣхъ гражданъ россійской имперіи. Съ признаніемъ ненужности особаго волостного устава о наказаніяхъ исчезнетъ самъ собою тотъ болѣе чѣмъ странный порядокъ, въ силу котораго можно безнаказанно напиваться шампанскимъ и бросать деньги въ городскихъ увеселительныхъ мѣстахъ, но нельзя, безъ опасенія отвѣтственности, напиваться водкой, купленной въ сельской винной лавкѣ, и тратить много денегъ на сельскія забавы... Ничѣмъ не могутъ быть оправданы и другія постановленія волостного устава о наказаніяхъ, идущія въ разрѣзъ съ общими уголовными законами. Пун. 2-ой ст. 17-ой устава грозитъ наказаніемъ за неисполненіе судебныхъ рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ (если рѣшеніе обязываетъ отвѣтчика совершить извѣстныя дѣйствія въ пользу истца или, наоборотъ, не совершать извѣстныхъ дѣйствій, нарушающихъ права истца) и вводитъ, тѣмъ самымъ, въ наше законодательство принципъ ему совершенно чуждый. Статья 51-ая проекта установляетъ отвѣтственность за подстрекательство къ оскорбленію и насилію, по уголовному уложенію вовсе не наказуемое. Статья 55-ая опредѣляетъ самоуправство совершенно иначе, чѣмъ уложеніе. Статья 58-ая усиливаетъ, сравнительно съ уложеніемъ, наказаніе за самовольный уводъ или угонъ скота или птицы, задержанныхъ на потравѣ. Статья 67-ая отступаетъ отъ уложенія по вопросу о наказуемости пособничества при кражѣ и однородныхъ съ нею проступкахъ. Для такой двойственности не должно быть мѣста въ законодательствѣ культурнаго государства.

Необходимость особаго уголовнаго кодекса для волостного суда редакціонная коммиссія выводитъ изъ слѣдующихъ трехъ основныхъ положеній: 1) принятая въ новомъ уголовномъ уложеніи система изложенія карательныхъ нормъ, основанная на обобщеніи цѣлаго ряда однородныхъ проступковъ, не дозволяетъ, безъ нарушенія цѣльности этого законодательнаго акта, выдѣлить изъ него тѣ нормы, которыя могутъ быть отнесены къ проступкамъ, подвѣдомственнымъ юрисдикціи волостныхъ судовъ. 2) Нормы наказаній новаго уложенія установлены

[1]) Появленіе въ публичномъ мѣстѣ въ состояніи явнаго опьяненія, угрожающемъ безопасности, спокойствію или благочинію, предусмотрѣно уголовнымъ уложеніемъ (ст. 284) и составляетъ, слѣдовательно, проступокъ, наказуемый вездѣ и всегда, кѣмъ бы онъ ни былъ совершенъ. Постановленіе уложенія по этому предмету повторено буквально и въ проектѣ волостного устава о наказаніяхъ.

въ столь широкихъ, предоставляемыхъ усмотрѣнію суда предѣлахъ, что не могутъ быть примѣнимы въ волостномъ судѣ, по личному своему составу существенно отличномъ отъ органовъ общесудебныхъ. 3) Форма изложенія постановленій новаго уложенія малодоступна пониманію людей крестьянской среды.—Начнемъ съ послѣдняго положенія. Оно обусловлено предрѣшеніемъ вопроса о составѣ волостного суда—предрѣшеніемъ, сохраняющимъ почти безъ измѣненій нынѣшній, крайне низкій уровень этого состава. Стóитъ только упорядочить выборы въ мѣстный судъ, открыть къ нему доступъ лицамъ всѣхъ сословій, поднять образовательный цензъ судей — и затрудненіе, пугающее коммиссію, исчезнетъ безслѣдно, если, притомъ, будетъ сильно ограниченъ кругъ вѣдомства суда. Сличая текстъ проекта съ текстомъ уголовнаго уложенія, мы видимъ, что разницы между тѣмъ и другимъ, бóльшею частью, или нѣтъ вовсе, или она очень невелика—и это весьма понятно, потому что составители уложенія постоянно стремились къ возможно бóльшей простотѣ и общедоступности изложенія. Формальныя отступленія отъ уложенія (едва ли удачныя) замѣчаются преимущественно въ тѣхъ отдѣлахъ проекта, которые касаются тяжкихъ, сравнительно, проступковъ и, слѣдовательно, имѣютъ наименьшее право на существованіе. Укажемъ, въ видѣ примѣра, на ст. 49-ую проекта, основаніемъ для которой послужили ст. 476 и 471 уложенія: она признаетъ обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину, *особливую дерзость* оскорбленія, т.-е. нѣчто совершенно неопредѣленное, неизвѣстное составителямъ уложенія. Статья 61-ая проекта, назначающая наказаніе за кражу, отличается отъ ст. 581-ой уложенія не только тѣмъ, что предусматриваетъ только *тайное* похищеніе (т.-е. возстановляетъ отвергнутое уложеніемъ различіе между кражей и простѣйшимъ видомъ грабежа), но и тѣмъ, что опускаетъ слова: *съ цѣлью присвоенія*, заключающія въ себѣ существенно важный признакъ кражи [1]).

Если постановленія проекта представляются, въ большинствѣ случаевъ, простымъ воспроизведеніемъ постановленій уложенія, то этимъ самымъ опровергаются остальныя „основныя положенія", убѣдившія коммиссію въ необходимости особаго волостного устава о наказаніяхъ. Совершенно достаточно было бы составить перечень статей уложенія, примѣненіемъ которыхъ ограничивались бы уголовныя функціи мѣстнаго (всесословнаго) суда, съ поясненіемъ, что изъ числа опредѣляе-

[1]) Составители проекта находили, что этотъ признакъ предполагается самъ собою, какъ необходимая составная часть понятія о похищеніи: но если признано было нужнымъ включить его въ уложеніе, примѣняемое профессіональными судьями, то едва ли цѣлесообразно умолчаніе о немъ въ кодексѣ, предназначенномъ для волостного суда.

мыхъ этими статьями наказаній мѣстный судъ въ правѣ назначать только краткосрочный арестъ и небольшую денежную пеню. Компетенція мѣстнаго суда въ дѣлахъ уголовныхъ могла бы обнимать собою, такимъ образомъ, неисполненіе законныхъ требованій и распоряженій (проектъ ст. 18 и 19, уложеніе ст. 139 ч. 1 и 140 ч. 1), неисполненіе обязанностей по отношенію къ родителямъ (проектъ ст. 20 и 21, уложеніе ст. 419), нарушеніе общественнаго спокойствія и порядка (проектъ ст. 22, улож. ст. 262 ч. 1 и 2), распространеніе ложныхъ слуховъ (проектъ ст. 23, улож. ст. 263 ч. 1), появленіе въ публичномъ мѣстѣ въ состояніи явнаго опьяненія (проектъ ст. 24, улож. ст. 284), участіе въ сборищѣ для публичнаго распитія крѣпкихъ напитковъ (проектъ ст. 25, улож. ст. 285), публичное нарушеніе благопристойности (проектъ ст. 28, улож. ст. 280 ч. 1), устройство воспрещенной игры (проектъ ст. 30, улож. ст. 289 ч. 1), разные виды неосторожности (проектъ ст. 31—33, 37, 38, улож. ст. 236, 238; 231, 230, 474), маловажныя нарушенія санитарныхъ требованій (проектъ ст. 39, 40, 44, улож. ст. 383, 548, 402), нарушеніе правилъ о путяхъ сообщенія (проектъ ст. 45, улож. ст. 407), менѣе тяжкія обиды (проектъ ст. 46, улож. ст. 530) и менѣе важные случаи самовольнаго пользованія чужимъ имуществомъ (проектъ ст. 57, 58, 59 и 60, улож. ст. 633 и 634). При такой узкой компетенціи мѣстнаго суда и при болѣе удовлетворительномъ его составѣ не было бы никакой надобности установлять для него нормы преступности и наказуемости, отличныя отъ принятыхъ уголовнымъ уложеніемъ.

Послѣдняя сессія уѣздныхъ земскихъ собраній принесла съ собою цѣлый рядъ указаній на ненормальное положеніе земства. Земскія собранія бобровское (воронежской губерніи), богородицкое (тульской губ.) и ковровское (владимірской губ.) обратили вниманіе на затрудненія, обусловливаемыя дискреціоннымъ правомъ губернатора утверждать или не утверждать назначенія на земскія должности. Въ смѣту богородицкаго земства нѣсколько лѣтъ сряду вносится сумма на содержаніе завѣдующаго хозяйственною частью земскихъ школъ, но остается неизрасходованною, потому что никто изъ приглашенныхъ на эту должность не получаетъ утвержденія со стороны администраціи. Не соблюдается установленный закономъ двухнедѣльный срокъ, въ продолженіе котораго губернаторъ обязанъ увѣдомить земскую управу о согласіи или несогласіи своемъ утвердить данное лицо. Бобровская уѣздная земская управа не могла, вслѣдствіе этого, пригласить врача въ медицинскій участокъ, гдѣ свирѣпствовала эпидемія оспы; цѣлый годъ, по той же причинѣ, остается незамѣщенной должность уѣзднаго

агронома... Къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ иногда неутвержденіе лица, выбраннаго земствомъ—объ этомъ свидѣтельствуетъ конфликтъ, происшедшій въ вологодскомъ губернскомъ земствѣ. Выбранный губернскимъ собраніемъ предсѣдатель губернской управы, В. А. Кудрявый—раньше занимавшій эту должность и сдѣлавшій много полезнаго для губерніи [1],—не былъ утвержденъ бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Избранный вмѣсто него А. К. Еремѣевъ вызвалъ своими дѣйствіями уходъ всѣхъ служившихъ въ оцѣночно-статистическомъ отдѣленіи управы. Мотивы ухода, по словамъ вологодскаго корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей“, были слѣдующіе: 1) управа, безъ словеснаго или письменнаго заявленія со стороны завѣдующаго оцѣночно-статистическимъ отдѣленіемъ г. Румянцева объ уходѣ его со службы изъ вологодскаго земства, обратилась къ завѣдующему статистическимъ бюро московскаго губернскаго земства съ просьбой рекомендовать на мѣсто г. Румянцева какое-либо лицо; 2) при объясненіи этого противорѣчащаго земскимъ традиціямъ факта предсѣдателемъ управы не было указано изъ служебной дѣятельности г. Румянцева ни одного факта, оправдывающаго способъ дѣйствій управы; 3) предсѣдатель управы прибѣгъ къ содѣйствію администраціи для удаленія со службы г. Румянцева. Выходя въ отставку, оцѣночно-статистическое отдѣленіе сознавало, что перерывъ въ начатыхъ работахъ и передача ихъ окончанія другому персоналу повредятъ оцѣночно-статистическому дѣлу и повлекутъ за собой излишнюю и непроизводительную трату времени и средствъ. Имѣя это въ виду, оно находило невозможнымъ при выходѣ въ отставку бросить оцѣночно-статистическія работы, не доведя ихъ до такого состоянія, при которомъ онѣ могли бы безъ ущерба для дѣла и земскихъ интересовъ быть переданы другому персоналу. Вслѣдствіе этого оцѣночно-статистическое отдѣленіе предложило управѣ закончить, за сдѣльное вознагражденіе, нѣкоторыя работы при помощи того же персонала, которымъ производились эти работы и до сего времени. Предложеніе это было отклонено управой... Недѣлей раньше вышелъ въ отставку завѣдывавшій санитарнымъ отдѣленіемъ управы. Должности завѣдующихъ отдѣлами страховымъ и по народному образованію до сихъ поръ никѣмъ не заняты... Столь ненормальное положеніе дѣлъ было бы немыслимо, еслибы во главѣ управы остался ея прежній предсѣдатель и замѣщеніе зависящихъ отъ нея должностей не встрѣчало постоянныхъ препятствій со стороны администраціи.

Саратовское уѣздное земское собраніе постановило принести министру внутреннихъ дѣлъ жалобу на дѣйствія мѣстнаго отдѣльнаго цензора, который не только уничтожалъ цѣлыя рѣчи гласныхъ, оста-

---

[1]) См. „Внутреннее Обозрѣніе“ въ № 6 „Вѣстника Европы“ за текущій годъ.

вляя изъ нихъ лишь несвязные отрывки и междометія, но и дѣлалъ отъ себя приписки (!) какъ къ рѣчамъ гласныхъ, такъ и къ оффиціальнымъ документамъ, оглашеннымъ въ собраніи, совершенно искажая ихъ смыслъ (!). Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе возбудило ходатайство объ урегулированіи отношеній мѣстной цензуры къ отчетамъ о земскихъ и общественныхъ собраніяхъ. Намъ кажется, что объ *урегулированіи произвола*, въ виду явнаго противорѣчія между этими двумя понятіями, не можетъ быть и рѣчи: мыслимо и желательно только полное его устраненіе.

Въ бахмутскомъ (екатеринославской губерніи) уѣздномъ земскомъ собраніи обнаружилось ненормальное положеніе школьнаго дѣла. Всѣхъ учебныхъ заведеній въ уѣздѣ 268, въ томъ числѣ земскихъ 93. Наблюденіе за ними непосильно для одного лица; многія школы въ теченіе трехъ лѣтъ не были посѣщены инспекторомъ. Основываясь на этомъ, директоръ народныхъ училищъ просилъ собраніе ассигновать средства на приглашеніе второго инспектора. Собраніе, признавая необходимость усилить педагогическій надзоръ за школами, но вмѣстѣ съ тѣмъ находя неудобнымъ принимать на земскій счетъ вознагражденіе должностного лица, несущаго неземскія функціи, ассигновало 2.000 рублей на содержаніе второго инспектора (исключительно для земскихъ школъ), но только временно, на три года, и постановило ходатайствовать о расширеніи компетенціи земства, предоставленіемъ ему права наблюдать за педагогическою частью школьнаго дѣла.

Въ бронницкомъ (московской губерніи) земскомъ собраніи происходили интересныя пренія по поводу ревизіоннаго отчета бывшаго товарища министра внутреннихъ дѣлъ, Н. А. Зиновьева. Къ числу сенсаціонныхъ мѣстъ этого отчета принадлежитъ указаніе на то, что въ одной больничной палатѣ было обнаружено совмѣстное помѣщеніе женщины и мужчинъ. Такой случай дѣйствительно имѣлъ мѣсто въ золотовской больницѣ бронницкаго уѣзда, но женщиной была дѣвочка Молчанова, а мужчинами — два ея брата. Они всѣ три болѣли возвратнымъ тифомъ, и соединеніе ихъ въ одной палатѣ было вызвано отсутствіемъ другого свободнаго помѣщенія; иначе пришлось бы отослать больную дѣвочку въ деревню, гдѣ она могла бы сдѣлаться источникомъ распространенія заразы... Одно за другимъ падаютъ, такимъ образомъ, обвиненія, взведенныя на московское земство. Окончательная ихъ оцѣнка сдѣлается возможной лишь тогда, когда земству будетъ сообщенъ весь отчетъ Н. А. Зиновьева. Объ этомъ постановило ходатайствовать и бронницкое уѣздное земское собраніе.

Любопытную картину засѣданій волынскаго губернскаго комитета по дѣламъ земскаго хозяйства даетъ корреспонденція одной провинціальной газеты, перепечатанная въ № 276 „С.-Петербургскихъ

Вѣдомостей". „Кто говорилъ въ засѣданіяхъ? Преимущественно чиновники; только они чувствовали себя хозяевами дѣла; остальные чувствуютъ себя явно неловко, шепчутся другъ съ другомъ, но громко выразить свое мнѣніе по тому или другому вопросу рѣшаются немногіе. И почти надъ всѣми какъ бы тяготѣетъ сознаніе того, что всѣ они—не болѣе, какъ пѣшки, что истиннаго значенія и вліянія на ходъ дѣла они. еслибы и хотѣли, не могли бы оказать". Когда въ собраніи былъ возбужденъ вопросъ, не слѣдуетъ ли ходатайствовать объ освобожденіи земства отъ тяжкаго расхода (около 217 тыс. руб.) на содержаніе духовенства и на устройство помѣщеній для церковныхъ причтовъ, сначала дѣлаются попытки доказать, что права на ходатайство комитетъ не имѣетъ. Попытки эти не удаются; рѣшено было избрать коммиссію для разсмотрѣнія проекта ходатайства. Одинъ изъ членовъ комитета—начальникъ управленія государственныхъ имуществъ—начинаетъ диктовать имена тѣхъ, кто долженъ войти въ составъ коммиссіи. Все собраніе молчитъ: одинъ лишь предсѣдатель управы рѣзко заявляетъ, что выборъ коммиссіи—дѣло комитета, а не одного изъ его членовъ. Черезъ нѣсколько минутъ прочитывается списокъ вошедшихъ въ коммиссію (какъ составлялся списокъ—тайна, такъ какъ ни баллотировки, ни подачи записокъ, ни подсчета голосовъ не было). Въ составъ коммиссіи вошли: начальникъ управленія земледѣлія и государственныхъ имуществъ, помощникъ управленія удѣльными имуществами, начальникъ отдѣленія казенной палаты, предводитель дворянства, непремѣнный членъ губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, протоіерей и два гласныхъ (изъ нихъ одинъ—предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей)... Легко себѣ представить, съ какою радостью встрѣчено въ волынской губерніи—да и не въ ней одной—газетное извѣстіе (перепечатанное въ № 10282 „Новаго Времени" изъ „Рижскихъ Вѣдомостей"), что „рѣшено возвратить земской Россіи положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864-го года и распространить его на Западный край, взамѣнъ нынѣ дѣйствующаго тамъ, по выраженію одного очень высоко поставленнаго лица, *туберкулезнаго* земства". Весьма возможно — прибавляетъ та же газета,—„что одновременно обновится земскій строй и въ прибалтійскихъ губерніяхъ; въ мѣстныхъ дворянскихъ кружкахъ раздаются вліятельные голоса, чтобы самимъ пойти на встрѣчу этой реформѣ, не дожидаясь, пока она будетъ предложена сверху". Пора, давно пора ввести въ остзейскомъ краѣ земскія учрежденія — *земскія*, конечно, не только по имени, но и на самомъ дѣлѣ.

Въ какой степени цѣлесообразно было снятіе ограниченій, тяготѣвшихъ надъ общеземской организаціей помощи больнымъ и раненымъ воинамъ—объ этомъ свидѣтельствуетъ телеграмма генералъ-адъютанта Куропаткина на имя министра внутреннихъ дѣлъ, удостовѣряющая полезную и самоотверженную дѣятельность врачебно-санитарныхъ отрядовъ, снаряженныхъ на средства четырнадцати земскихъ губерній, и выражающая пожеланіе объ усиленіи этихъ отрядовъ. По докладѣ о томъ Государю Императору, министръ внутреннихъ дѣлъ, циркуляромъ отъ 6-го октября, поставилъ губернаторовъ въ извѣстность, что, въ видахъ усиленія размѣровъ помощи раненымъ и больнымъ воинамъ, онъ не встрѣчаетъ препятствій къ осуществленію могущихъ возникнуть со стороны земствъ предположеній объ ассигнованіи средствъ какъ на развитіе дѣятельности уже существующихъ земскихъ врачебно-санитарныхъ отрядовъ, такъ равно и на образованіе новыхъ.

Возвратясь съ Дальняго Востока, главноуполномоченный общеземской организаціи, кн. Г. Е. Львовъ, сообщилъ собравшимся въ Москвѣ представителямъ ея, что генералъ-адъютантъ Куропаткинъ ассигновалъ 50 тыс. руб. на содержаніе земскихъ отрядовъ въ теченіе зимняго времени. „Указанія опыта и мѣстныя условія"—читаемъ мы дальше въ сообщеніи кн. Львова—„заставили отчасти измѣнить характеръ организаціи отрядовъ: они являлись порой чисто перевязочными пунктами и въ то же время оказывали большую пользу арміи, какъ продовольственные пункты. Въ этомъ отношеніи большую услугу оказало ихъ богатое снаряженіе и, между прочимъ, походныя кухни, которыя особенно цѣнились. Продовольствіе въ земскихъ отрядахъ стоило гораздо дешевле, чѣмъ предполагалось раньше. Содержаніе больныхъ обходилось отъ 17 до 40 коп. въ сутки, вмѣсто высчитывавшагося раньше расхода до 2 р. въ день. Благодаря этому, земскіе отряды не испытывали никакой нужды въ матеріальныхъ средствахъ и являются вполнѣ обезпеченными на срокъ, который былъ назначенъ". Совѣщаніе признало необходимымъ обратиться ко всѣмъ земствамъ, доселѣ не участвовавшимъ въ общеземской организаціи, съ просьбой сообщить, что̀ сдѣлано ими по удовлетворенію нуждъ, вызываемыхъ войной, и съ предложеніемъ, не пожелаютъ ли они присоединиться къ существующей общеземской организаціи. Дальнѣйшее участіе земствъ и городскихъ управленій въ общеземской организаціи можетъ быть осуществляемо въ двоякой формѣ: или путемъ созданія новыхъ санитарныхъ отрядовъ, или ассигнованіемъ средствъ на обезпеченіе дѣятельности уже существующихъ. Кн. Г. Е. Львовъ, на вопросъ, есть ли нужда въ новыхъ отрядахъ, отвѣтилъ, что они никогда въ теченіе войны не будутъ лишними, но было бы, вѣроятно, болѣе осторожнымъ не увеличивать числа отрядовъ, а обезпечить средства на развитіе

дѣятельности существующихъ отрядовъ. Не предрѣшая вопроса, слѣдуетъ предоставить земствамъ поступить въ этомъ дѣлѣ такъ, какъ они найдутъ нужнымъ... Отмѣтимъ одинъ любопытный фактъ: въ числѣ лицъ, всего больше поработавшихъ, на театрѣ военныхъ дѣйствій, въ организаціяхъ общеземской и общедворянской, а также въ числѣ лицъ, намѣчаемыхъ продолжателями ихъ дѣла, мы встрѣчаемъ такихъ извѣстныхъ и заслуженныхъ земскихъ дѣятелей, какъ М. А. и А. А. Стаховичи, Н. Н. Ковалевскій, кн. Павелъ и Петръ Долгоруковы, Н. Н. Львовъ, кн. Г. Е. Львовъ, Н. А. Хомяковъ. Ихъ тяжелые труды, сопряженные съ лишеніями и опасностями, даютъ имъ новое право на благодарность и сочувствіе русскаго общества.

Въ лицѣ скончавшагося недавно Николая Петровича Семенова сошелъ въ могилу одинъ изъ участниковъ великой крестьянской реформы. Работавъ надъ нею какъ членъ редакціонныхъ коммиссій, Н. П. Семеновъ сдѣлался, впослѣдствіи, ея историкомъ; сочиненіе его: „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Александра II-го" представляетъ собою обширный и цѣнный документальный трудъ, основанный отчасти на запискахъ, которыя Н. П. велъ во время самыхъ засѣданій коммиссій. Будемъ надѣяться, что Петру Петровичу Семенову—единственному, кажется, оставшемуся въ живыхъ члену редакціонныхъ коммиссій,—дана будетъ радость увидѣть возобновленіе и успѣшное завершеніе дѣла, надъ которымъ онъ трудился вмѣстѣ съ своимъ братомъ,—завершеніе его въ томъ же освободительномъ духѣ, въ какомъ оно было предпринято почти полвѣка тому назадъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября (19 октября) 1904 г.

Германскій императоръ и княжество Липпе-Дэтмольдъ.—Монархическія чувства и идеи въ Германіи.—Печальный инцидентъ съ нашей балтійской эскадрой.—Русско-британскій трехдневный конфликтъ.—Положеніе дѣлъ на театрѣ войны съ Японіей.—Британская предпріимчивость и англо-тибетскій договоръ.

Было время, когда нѣмецкія реакціонныя партіи серьезно предсказывали паденіе монархіи и монархическихъ чувствъ въ Германіи послѣ введенія свободныхъ конституціонныхъ учрежденій; консервативные публицисты усердно запугивали правителей перспективою неминуемаго торжества революціи въ случаѣ допущенія широкихъ либеральныхъ реформъ, и многіе наивно вѣрили этимъ опасеніямъ. Въ дѣйствительности же оказалось, что конституція и парламенты не только не подорвали и не ослабили монархизма въ Германіи, но, напротивъ, укрѣпили его на незыблемыхъ основаніяхъ и окончательно избавили его представителей отъ тяжелой и печальной борьбы со всѣми прогрессивными элементами нѣмецкаго общества. Антагонизмъ между властью и обществомъ прекратился, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезли особыя категоріи государственныхъ преступленій и посягательствъ, вынуждавшихъ правителей связывать свою судьбу съ одностороннею и крайне непопулярною дѣятельностью органовъ тайной полиціи. Нынѣшній конституціонный прусскій король является несравненно болѣе могущественнымъ и оказываетъ болѣе сильное вліяніе на всю политическую и общественную жизнь страны, чѣмъ его самовластные предки, которые до пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія безплодно воевали съ своимъ народомъ во имя сохраненія своего самовластія. Вильгельмъ II играетъ въ Германіи и во всей Европѣ такую выдающуюся и во многихъ отношеніяхъ руководящую роль, о какой едва мечтали неограниченные монархи прежняго времени; еще недавно знаменитый естествоиспытатель Эрнстъ Геккель, въ бесѣдѣ съ французскимъ журналистомъ, признался, что личные философскіе взгляды и вкусы германскаго императора опредѣляютъ господствующее направленіе философскихъ идей въ нѣмецкихъ университетахъ. Свободный отъ заботъ объ огражденіи неприкосновеннаго авторитета своей власти, или власти своихъ приближенныхъ, Вильгельмъ II имѣетъ возможность публично высказываться и подавать свой рѣшающій голосъ по самымъ разнороднымъ вопросамъ, и проявляемая

имъ въ этомъ смыслѣ многосторонность нерѣдко подвергалась даже насмѣшкамъ въ западно-европейской печати; безпристрастной публикѣ казалось, что король прусскій и императоръ германскій вовсе не обязанъ считать себя одинаково компетентнымъ во всѣхъ сферахъ человѣческой мысли и дѣятельности, и что онъ могъ бы, напримѣръ, не утруждать себя составленіемъ проектовъ художественныхъ сооруженій и памятниковъ, или личнымъ выборомъ пьесъ, достойныхъ Шиллеровской преміи. Но самое это представленіе о неограниченности своей компетенціи вытекаетъ у Вильгельма II изъ твердо установившихся понятій о величіи своего сана и о безпредѣльности своихъ функцій,—понятій, очевидно, вполнѣ совмѣстимыхъ съ существованіемъ парламента и съ широкимъ участіемъ народа въ государственныхъ дѣлахъ. Правильное, постоянное общеніе съ народомъ при посредствѣ выборныхъ его представителей вноситъ какъ бы новую жизнь и энергію въ дѣятельность монарха, возвышая общій уровень и характеръ его кругозора, его интересовъ и задачъ; отдѣльныя частныя увлеченія и слабости, объясняемыя своеобразною индивидуальностью Вильгельма II, только рѣзче подчеркиваютъ тотъ безспорный фактъ, что монархическія традиціи держатся въ Германіи крѣпче, чѣмъ когда-либо. Нельзя отрицать, что многія существенныя проявленія новѣйшаго нѣмецкаго монархизма тѣсно связаны съ талантливою и энергическою личностью нынѣшняго главы Гогенцоллерновъ; но насколько утвердились старыя формы государственнаго строя со времени обновленія ихъ либеральными конституціонными порядками, лучше всего можно видѣть въ мелкихъ и второстепенныхъ германскихъ государствахъ. Остатки феодальной системы господствуютъ въ этихъ странахъ безъ всякихъ стѣсненій, не вызывая никакой оппозиціи ни въ народѣ, ни въ мѣстныхъ законодательныхъ собраніяхъ; самые передовые либералы мирятся съ учрежденіями и обычаями, явно противорѣчащими всѣмъ современнымъ понятіямъ о государствѣ,—мирятся именно потому, что эти учрежденія и обычаи не мѣшаютъ народу пользоваться необходимыми благами твердой законности, политической свободы и самоуправленія.

Недавній инцидентъ, происшедшій въ княжествѣ Липпе-Дэтмольдъ, бросаетъ яркій свѣтъ на сохранившіяся понынѣ отжившія формы феодальнаго монархизма въ Германіи. Умеръ графъ-регентъ этого маленькаго государства, извѣстнаго тѣмъ, что въ его предѣлахъ находится часть знаменитаго Тевтобургскаго лѣса, съ сооруженнымъ въ немъ памятникомъ Арминію. Сынъ и преемникъ покойнаго, графъ Леопольдъ Липпе-Бистерфельдъ, прусскій гвардейскій офицеръ, тотчасъ принялъ на себя званіе регента и извѣстилъ объ этомъ императора, какъ законнаго главу имперіи. Императоръ послалъ ему по телеграфу отвѣтъ, въ которомъ, послѣ обычнаго соболѣзнованія по

случаю смерти графа-регента, высказано слѣдующее: „Такъ какъ положеніе съ точки зрѣнія права остается неяснымъ, то я не могу признать принятіе вами регентства и не допускаю также принесенія войсками присяги". Хотя споръ о правѣ наслѣдованія въ княжествѣ Липпе-Дэтмольдъ до сихъ поръ не получилъ еще окончательнаго разрѣшенія, но личное вмѣшательство императора въ вопросъ о регентствѣ не имѣло подъ собою законной почвы и возбудило цѣлую бурю среди мѣстныхъ дѣятелей; вмѣстѣ съ тѣмъ выплыли наружу и сдѣлались предметомъ общаго обсужденія разныя характерныя особенности многолѣтняго спора, который до послѣдняго времени обращалъ на себя очень мало вниманія со стороны нѣмецкой печати. На княжескій престолъ въ Липпе-Дэтмольдѣ заявляли притязаніе двѣ фамиліи—графы Липпе-Бистерфельдъ и князья Шаумбургъ-Липпе, изъ которыхъ послѣдніе состоятъ въ близкомъ родствѣ съ семьею императора Вильгельма II; сверхъ того, существуетъ еще линія графовъ Липпе-Вейсенфельдъ, также претендующая на первенство передъ соперниками. Еще въ семидесятыхъ годахъ привлекались къ обсужденію этой распри юридическіе факультеты нѣкоторыхъ германскихъ университетовъ, и знаменитые спеціалисты правовѣдѣнія излагали свои заключенія въ печатныхъ работахъ, представляющихъ отчасти самостоятельный научно-историческій интересъ. Послѣдній князь Липпе-Дэтмольда, Вольдемаръ, умеръ въ 1895 году, не оставивъ потомства; ему наслѣдовалъ младшій братъ, князь Александръ, признанный неизлечимымъ идіотомъ и содержащійся еще теперь въ психіатрической больницѣ. Князь Вольдемаръ не могъ достигнуть соглашенія съ сеймомъ по вопросу о регентствѣ и поэтому собственною властью назначилъ регентомъ, на случай своей смерти, принца Адольфа Шаумбургъ-Липпе, шурина императора; сеймъ оспаривалъ законность этого распоряженія, но согласился признать временное регентство названнаго принца до рѣшенія вопроса о наслѣдствѣ. Дѣло было передано третейскому суду, состоявшему изъ шести членовъ высшаго имперскаго суда подъ предсѣдательствомъ покойнаго короля саксонскаго Альберта; въ 1897 году судъ постановилъ, что законнымъ наслѣдникомъ слѣдуетъ считать графа Эрнста Липпе-Бистерфельдъ, пока не доказана неполноправность кого-либо изъ его предковъ. Тогда принцъ Адольфъ Шаумбургъ-Липпе сложилъ съ себя званіе регента, и его мѣсто занялъ графъ Эрнстъ, въ качествѣ регента и наслѣдника престола. Мѣстный сеймъ подтвердилъ законныя права графа Эрнста и его потомковъ; фамилія Шаумбургъ-Липпе протестовала, ссылаясь на то, что супруга графа Эрнста не принадлежала къ высшему имперскому дворянству и что дѣти отъ этого неравнаго брака не могутъ наслѣдовать престолъ, въ силу существующихъ фамильныхъ законовъ

и правилъ. Начались дѣятельныя разысканія относительно предковъ линіи Бистерфельдъ, причемъ достигнуты были неожиданные результаты: оказалось, что бабушка графа Эрнста, урожденная фонъ-Унру, не была вовсе баронессою, и что ея отецъ, извѣстный прусскій генералъ, неправильно присвоилъ себѣ титулъ барона, воспользовавшись сходствомъ своей фамиліи съ общеизвѣстною баронскою фамиліею; въ дѣйствительности онъ былъ незаконнымъ сыномъ и вовсе не имѣлъ правъ на дворянство. Съ своей стороны, графы Бистерфельдъ и ихъ приверженцы напомнили, что одна изъ бабушекъ князей Шаумбургъ-Липпе была также не баронскаго рода и притомъ вела весьма сомнительный образъ жизни, вслѣдствіе чего возникаютъ основательныя сомнѣнія относительно законности происхожденія ея потомковъ.

Эта непріятная полемика, подготовлявшая матеріалъ для будущаго процесса о наслѣдствѣ, не могла, конечно, способствовать поддержанію уваженія и довѣрія къ носителямъ монархической власти въ обоихъ княжествахъ; но населеніе Липпе-Дэтмольда и мѣстный сеймъ, включающій и соціалъ-демократовъ, сохраняли полную преданность установленному „государственному" порядку и обнаружили сильное патріотическое неудовольствіе или даже негодованіе по поводу рѣзкой телеграммы императора къ новому регенту, графу Леопольду. Княжеское правительство, въ лицѣ „государственнаго министра" Гевекота, внесло въ сеймъ предложеніе, которымъ рѣшительно отвергается всякое внѣшнее вмѣшательство во внутреннія дѣла Липпе-Дэтмольда, регулируемыя всецѣло мѣстнымъ законодательствомъ,—такъ какъ подобное вмѣшательство подрывало бы основы имперской конституціи, гарантирующей политическую автономію всѣхъ членовъ германскаго союза. Въ то же время предложено сейму, во-первыхъ, ходатайствовать передъ союзнымъ совѣтомъ о назначеніи новаго безпристрастнаго суда для разбора претензій княжескаго правительства Шаумбургъ-Липпе и для постановленія окончательнаго приговора по этому предмету, и во-вторыхъ, признать регентство графа Эрнста обязательнымъ и послѣ смерти царствующаго князя Александра, до рѣшенія спорнаго вопроса о правѣ на престолъ. Въ Дэтмольдѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ княжества происходили многолюдныя народныя собранія, имѣвшія отчасти характеръ шумныхъ манифестацій противъ императора и выражавшія горячее сочувствіе правительству за энергическую защиту самостоятельности и достоинства страны; между прочимъ, въ г. Лагэ собралось около двухъ тысячъ представителей всѣхъ партій, съѣхавшихся изъ разныхъ мѣстъ, для обсужденія и принятія соотвѣтственныхъ резолюцій, которыя были затѣмъ сообщены правительству и сейму; графу-регенту посылались почтительныя сочувственныя телеграммы, и вообще во всѣхъ классахъ

мѣстнаго общества замѣчалось трогательное единодушіе. Имперскій канцлеръ, графъ Бюловъ, старался успокоить разыгравшіяся страсти при помощи дипломатическихъ комментаріевъ къ яснымъ словамъ императора; въ письмѣ къ вице-президенту мѣстнаго сейма онъ увѣряетъ, что императоръ высказалъ только свое согласіе съ мнѣніемъ союзнаго совѣта о неясности наслѣдственныхъ правъ и вовсе не имѣлъ въ виду нарушать конституціонныя права княжества или препятствовать графу Леопольду въ исполненіи имъ обязанностей регента. „Какъ всегда въ имперіи,—заключаетъ канцлеръ,—такъ и въ настоящемъ случаѣ не будетъ покинута почва права, и вопросъ о Липпе получитъ свое разрѣшеніе исключительно на основаніи законныхъ правовыхъ началъ". Канцлеръ обѣщалъ съ своей стороны содѣйствовать скорѣйшему окончанію спора путемъ третейскаго разбирательства, при руководящемъ участіи союзнаго совѣта. Успокоительныя объясненія графа Бюлова не повліяли, однако, на настроеніе въ Липпе-Дэтмольдѣ. Мѣстный сеймъ единогласно постановилъ отклонить всякія попытки къ ограниченію или стѣсненію правъ, принадлежащихъ княжеству Липпе какъ отдѣльному союзному государству германской имперіи; только относительно регентства не состоялось соглашенія между сеймомъ и правительствомъ: регентство оставлено лишь до кончины князя Александра, а не до разрѣшенія вопроса о дальнѣйшемъ преемствѣ по наслѣдованію престола. Крайне недовольный этимъ постановленіемъ сейма, графъ-регентъ закрылъ парламентскую сессію, выразивъ въ особомъ посланіи свою рѣшимость дѣйствовать согласно конституціи и охранять „священныя и неотчуждаемыя права" княжескаго трона, независимо отъ какихъ бы то ни было протестовъ и пререканій.

Въ результатѣ получилось нѣчто странное: германскій императоръ не желаетъ допустить регентство графа Леопольда въ Липпе-Дэтмольдѣ, а графъ Леопольдъ, прусскій офицеръ, остается регентомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вопреки волѣ императора, противъ котораго онъ даже прямо протестуетъ въ данномъ случаѣ. Самая телеграмма Вильгельма II не была подписана канцлеромъ и, слѣдовательно, не имѣла характера конституціоннаго правительственнаго акта; говорятъ, что графъ Бюловъ узналъ объ этой телеграммѣ изъ газетъ, и даже умѣренная часть печати находила, что канцлеръ долженъ былъ бы выйти въ отставку, если такого рода политическій поступокъ могъ быть сдѣланъ безъ его вѣдома и участія. „Мы имѣемъ предъ собою несомнѣнное правительственное заявленіе императора,—писалъ „Berliner Tageblatt" при первомъ обнародованіи его депеши, 5 октября,—и, къ сожалѣнію, нужно признать, что оно противорѣчитъ конституціи германской имперіи. По 17-й статьѣ имперской конституціи всѣ поста-

новленія и распоряженія императора должны быть контрасигнированы имперскимъ канцлеромъ, который этимъ принимаетъ за нихъ отвѣтственность на себя. Здѣсь такой подписи нѣтъ, и въ этомъ отсутствіи канцлерской подписи заключается печальная и удручающая сторона императорской телеграммы. Мимо такого факта нельзя пройти равнодушно. Личность монарха неприкосновенна; король не можетъ дѣйствовать неправильно. Эти основныя начала конституціоннаго государственнаго строя только тогда имѣютъ смыслъ, когда отвѣтственный министръ покрываетъ авторитетъ монарха своимъ именемъ; въ противномъ случаѣ монархъ неизбѣжно вовлекается въ текущіе споры, и противъ него лично направляется критика, которой, въ силу конституціи, долженъ подлежать отвѣтственный министръ. Поэтому приходится задать себѣ вопросъ, гдѣ былъ въ данномъ случаѣ имперскій канцлеръ. Представляются только двѣ возможности: или графъ Бюловъ не одобрилъ сдѣланнаго шага, и тогда онъ долженъ просить объ отставкѣ; или онъ вообще не былъ спрошенъ, и тогда ему также ничего другого не остается, какъ отвѣтить на поступокъ императора своимъ ходатайствомъ объ увольненіи. Третьей возможности мы не видимъ, если только имперскій канцлеръ серьезно относится къ своей отвѣтственности. Нельзя же допустить, чтобы германская имперія въ одномъ случаѣ управлялась конституціонно, а въ другомъ—по системѣ абсолютизма. И какъ разъ тѣ люди, которые призваны охранять конституцію, теряютъ подъ ногами всякую почву, если одобряютъ или допускаютъ дѣйствія, несогласныя съ конституціею. Правда, существуетъ еще и при такихъ обстоятельствахъ практическая возможность остаться у власти: для этого нужно только закрыть глаза на случившееся. Желаніе сохранить власть слишкомъ часто заглушаетъ голосъ отвѣтственности"... Графъ Бюловъ поступилъ не такъ прямолинейно: онъ, очевидно, не одобрилъ телеграммы императора и не закрылъ глазъ на ея послѣдствія, но оффиціально, въ качествѣ канцлера, придалъ ей совершенно невинный смыслъ, прямо противорѣчащій ея тексту. Императоръ протестовалъ противъ регентства графа Леопольда, а канцлеръ говоритъ, что императоръ, въ сущности, ничего не имѣетъ противъ дальнѣйшаго существованія этого регентства; другими словами, все практическое значеніе телеграммы Вильгельма II уничтожено, съ одной стороны, образомъ дѣйствій графа-регента и народнаго представительства Липпе-Дэтмольда, а съ другой—публичными комментаріями имперскаго канцлера. Газеты различныхъ направленій откровенно признаютъ, что императоръ сдѣлалъ ошибку, и самъ Вильгельмъ II, въ лицѣ своего канцлера, подтверждаетъ это признаніе. Тѣмъ не менѣе, личный престижъ германскаго императора нисколько не пострадалъ, ибо давно уже извѣстно изъ

исторіи, что ошибаться свойственно даже могущественнѣйшимъ монархамъ; но возможные результаты допущенныхъ ошибокъ легко устраняются при томъ режимѣ, который существуетъ въ Германіи, хотя бы и безъ точнаго соблюденія принципа отвѣтственности министровъ.

Нѣмецкое общественное мнѣніе безусловно стоитъ на сторонѣ императора при конфликтахъ его съ мелкими германскими династіями, и если оно иногда высказывается въ пользу послѣднихъ, то только во имя уваженія къ предполагаемому праву, совпадающему какъ будто съ интересами мѣстной автономіи. Въ дѣйствительности, это право мѣстныхъ государственныхъ владѣній имѣетъ свой корень въ удѣльной феодальной системѣ, несовмѣстимой съ современными понятіями о государствѣ. Что такое представляютъ собою графы Бистэрфильдъ и Вейсенфельдъ и князья Шаумбургъ-Липпе, спорящіе за верховную власть въ Липпе-Дэтмольдѣ? Какъ потомки феодаловъ XII вѣка, они въ наше время могли бы оставаться лишь крупными частными землевладѣльцами; между тѣмъ они претендуютъ на роль самостоятельныхъ государей, равноправныхъ союзниковъ Пруссіи въ составѣ германской имперіи, и пользуются при этомъ дѣятельной поддержкою вѣрноподданнаго мѣстнаго населенія, опираясь на либеральную конституцію и на выборный сеймъ. Эти нѣмецкіе владѣтели ничѣмъ не разнятся отъ нашихъ старинныхъ удѣльныхъ князей, и хотя они очень либерально разсуждаютъ о своихъ государствахъ, но государственныя имущества они большею частью успѣли превратить въ свою фамильную собственность. Такъ и въ Липпе-Дэтмольдѣ всѣ обширныя земельныя владѣнія казны, дающія не менѣе милліона марокъ годового дохода, превращены съ 1868 года въ наслѣдственныя заповѣдныя имѣнія или фидэикомиссъ царствующаго дома Липпе, и это преобразованіе было результатомъ близорукой уступчивости тогдашняго сейма, отказавшагося отъ традицій многолѣтней конституціонной борьбы изъ-за государственныхъ имуществъ. Пока династія возставала противъ требованій народнаго представительства, она не могла добиться успѣха въ своихъ притязаніяхъ на домэны; но какъ только наступила либеральная эра, уничтожившая антагонизмъ между властью и народомъ, сопротивленіе оппозиціи тотчасъ ослабѣло, и государственныя имущества стали частнымъ достояніемъ правящей фамиліи. Такимъ образомъ, и въ матеріальномъ отношеніи введеніе конституціонныхъ порядковъ было чрезвычайно выгодно для нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей. Новыя либеральныя учрежденія отвлекли вниманіе нѣмецкаго общества отъ ненормальныхъ сторонъ удѣльнаго монархическаго строя, и только въ послѣднее время, по поводу инцидента съ Липпе-Дэтмольдомъ, газеты заговорили о нѣкоторыхъ устарѣлыхъ особенностяхъ этого режима, какъ напр. о чрезвычайныхъ налогахъ „на при-

даное для принцессъ"; такой налогъ взимался, между прочимъ, въ Мекленбургѣ, при выходѣ замужъ двухъ принцессъ—нынѣшней великой герцогини ольденбургской и будущей королевы датской, и по всей вѣроятности будетъ производиться въ томъ же размѣрѣ сборъ на приданое будущей императрицы германской, принцессы Цециліи, нынѣ невѣсты прусскаго кронпринца. Нѣмецкіе либеральные публицисты предлагаютъ упразднить эти остатки провинціальнаго феодализма, возбуждающіе непріятное чувство въ населеніи и отчасти обидные для самихъ владѣтельныхъ фамилій. Весьма непопулярна также привилегія извѣстнаго рода имуществъ относительно податей; недавно управленіе имѣніями прусскаго наслѣдника, отказавшееся уплатить около пятисотъ марокъ налога, присуждено было къ уплатѣ этой суммы послѣ судебнаго процесса, которымъ выяснилось отсутствіе законныхъ основаній къ изъятію привилегированныхъ владѣній отъ общихъ государственныхъ повинностей, и печать отнеслась къ этому приговору съ большимъ сочувствіемъ. Но общій вопросъ о неправильномъ дробленіи значительной части германской территоріи между представителями старыхъ феодальныхъ родовъ вовсе не возбуждается передовыми нѣмецкими партіями, хотя онъ давно долженъ былъ бы быть поставленъ на очередь подъ вліяніемъ общаго хода развитія современныхъ культурныхъ государствъ.

Въ положеніи дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ замѣчалась въ послѣднее время нѣкоторая перемѣна къ лучшему, и новыя, основательныя надежды связывались съ отплытіемъ балтійской эскадры, которая въ началѣ октября получила наконецъ возможность направиться къ театру военныхъ дѣйствій. Но въ этой войнѣ насъ съ самаго начала упорно преслѣдуетъ несчастье, и особенно тяжелыя испытанія выпадаютъ на долю нашего флота. Прежде чѣмъ добраться до открытаго океана, наша эскадра должна была пройти мимо береговъ и пунктовъ, гдѣ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, заранѣе водворились японскіе агенты для какихъ-то подозрительныхъ приготовленій, и неожиданная минная аттака гдѣ-нибудь около Даніи или Англіи считалась вполнѣ возможною. Подвигаясь впередъ съ большими предосторожностями, эскадра, въ ночь съ 8 на 9 октября, наткнулась въ Сѣверномъ морѣ на флотилію рыболовныхъ судовъ, изъ которыхъ два небольшихъ парохода, похожихъ на миноносцы, прямо шли на встрѣчу безъ огней, не обращая вниманія на подаваемые имъ сигналы; наши суда открыли по нимъ пальбу, причемъ одинъ пароходъ былъ потопленъ, нѣсколькимъ другимъ судамъ причинены значительныя поврежденія, и убито и ранено около восемнадцати человѣкъ. Оказалось, что пострадали глав-

нымъ образомъ рыболовы изъ Гулля, занимавшіеся своимъ дѣломъ близъ обширной песчаной мели, или „банки", называемой Доггеръ-банка, гдѣ обыкновенно собирается на промыселъ множество судовъ разной величины; быть можетъ, сама эскадра случайно приблизилась къ этому мѣсту, уклонившись отъ пути, и усмотрѣла опасность тамъ, гдѣ ея и не было. Первыя извѣстія объ этомъ столкновеніи произвели сильнѣйшее впечатлѣніе въ Англіи, гдѣ и безъ того господствовали непріязненныя чувства къ Россіи; британская печать усмотрѣла въ дѣйствіяхъ нашихъ моряковъ неслыханное нарушеніе международнаго права, „разбойническое нападеніе" на нейтральныя англійскія суда и на англійскихъ подданныхъ, и настойчиво требовала немедленныхъ энергическихъ мѣръ для задержанія и даже возврата балтійской эскадры. Возбужденіе доходило до того, что серьезно ставился вопросъ о войнѣ, и въ теченіе нѣсколькихъ дней весь культурный міръ волновался ожиданіемъ страшной катастрофы, о размѣрахъ и послѣдствіяхъ которой нельзя себѣ составить даже приблизительное понятіе. Британскій флотъ былъ съ необыкновенной быстротой приведенъ въ военное положеніе и открыто готовился къ дѣйствію. Само собою разумѣется, что наше правительство не замедлило выразить свое глубокое сожалѣніе о случившемся и обязалось дать щедрое вознагражденіе всѣмъ потерпѣвшимъ; но самый фактъ оставался загадочнымъ, въ виду отсутствія точныхъ оффиціальныхъ свѣдѣній, и раздраженіе англичанъ, постоянно поддерживаемое воинственною прессою, усиливалось чуть ли не съ каждымъ часомъ. Обнародованныя 15 октября депеши адмирала Рожественскаго должны были несомнѣнно способствовать успокоенію умовъ, такъ какъ рѣшительно свидѣтельствовали о встрѣчѣ съ миноносцами, шедшими въ атаку, или по крайней мѣрѣ о твердомъ убѣжденіи нашихъ моряковъ, что эскадрѣ угрожали миноносцы; если тутъ произошла ошибка, то она вѣроятно оправдывалась какими-нибудь обстоятельствами, которыя еще нужно разслѣдовать, и во всякомъ случаѣ не было больше основанія сомнѣваться въ добросовѣстности этой ошибки, исключающей мысль о виновности.

Крайняя опасность конфликта заключалась именно въ томъ, что Англія требовала не только наказанія виновныхъ, но гарантій за дальнѣйшее поведеніе нашей эскадры; а такое государство, какъ Россія, не можетъ наказывать своихъ должностныхъ лицъ по требованію иностранной державы, при отсутствіи настоящей, точно доказанной вины, и еще менѣе возможно было бы добровольное подчиненіе своихъ вооруженныхъ силъ иностранному контролю, въ видѣ гарантія за добропорядочное поведеніе ихъ въ будущемъ. Въ сущности дѣло сводилось къ замаскированному предложенію отозвать эскадру обратно въ отечественныя воды, подъ угрозою насильственнаго ея задержанія,

и при такой постановкѣ вопроса не было бы надежды на сохраненіе мира. Требованіе гарантій было всегда обычнымъ предисловіемъ къ войнѣ, а возбужденное настроеніе Англіи весьма недвусмысленно выражалось въ рѣчахъ и письмахъ ея главныхъ политическихъ дѣятелей; всѣ партіи обнаружили въ данномъ случаѣ безусловную солидарность и единодушіе: самъ король Эдуардъ назвалъ дѣйствія нашей эскадры „непростительными“; оффиціальные вожди либеральной оппозиціи, лордъ Розбери и сэръ Кемпбелль-Баннерманъ, высказывались еще рѣзче противъ Россіи, чѣмъ члены кабинета. Французское правительство предложило Англіи свои добрыя услуги для улаженія возникшаго спора, и не трудно было придти къ компромиссу, безобидному для обѣихъ сторонъ: щекотливые вопросы о наказаніи и о гарантіяхъ устранены, и все дѣло будетъ передано на разсмотрѣніе особой международной слѣдственной коммиссіи, согласно постановленіямъ Гаагской конференціи. Прискорбное недоразумѣніе разрѣшилось на этотъ разъ какъ будто благополучно;—стрѣльба въ Нѣмецкомъ морѣ обойдется намъ довольно дорого въ денежномъ отношеніи, но останется безъ прямого вліянія на внѣшнее положеніе Россіи. Можно надѣяться, что дальнѣйшее плаваніе балтійской эскадры не будетъ сопровождаться инцидентами, подвергающими риску интересы международнаго мира, и что печальный дебютъ не помѣшаетъ ей въ свое время достигнуть Портъ-Артура.

На сухопутномъ театрѣ войны начаты были съ нашей стороны наступательныя дѣйствія въ двадцатыхъ числахъ сентября, о чемъ возвѣщалось заранѣе въ подробномъ приказѣ генерала Куропаткина отъ 19 сентября. Въ этомъ оффиціальномъ обращеніи къ войскамъ указывалось на то, что „теперь уже настало желанное и давно ожидаемое всею арміею время идти самимъ впередъ на встрѣчу врагу; пришло для насъ время заставить японцевъ повиноваться нашей волѣ, ибо силы манчжурской арміи нынѣ стали достаточны для перехода въ наступленіе“... Японцы, въ виду этого заявленія противника, рѣшились въ свою очередь дѣйствовать наступательно послѣ мѣсячнаго перерыва со времени взятія Лаояна, и обѣ арміи вновь вступили въ жестокій, крайне кровопролитный бой, въ мѣстности къ сѣверу отъ станціи Янтай и отъ Янтайскихъ угольныхъ копей; колоссальная битва, далеко превзошедшая лаоянскую по упорству и численности участниковъ и по количеству жертвъ, началась 26 сентября и окончилась 6 октября. Результатъ сводится къ тому, что японскія войска продвинулись впередъ на разстояніе около пятнадцати верстъ, и что русская армія сохранила свои позиціи на правомъ берегу рѣки Шахэ, заграждая японцамъ путь къ Мукдену. Предполагаютъ, что дальнѣйшія военныя операціи имѣютъ болѣе шансовъ успѣха, благодаря возстановленію необходимаго единства въ высшемъ командованіи арміею,

которое отнынѣ сосредоточено всецѣло въ рукахъ главнокомандующаго генералъ-адъютанта Куропаткина.

Война грозитъ затянуться на многіе мѣсяцы и, быть можетъ, даже на годы. Подобно тому какъ у насъ рѣшено значительно увеличить составъ дѣйствующихъ войскъ въ Манчжуріи, такъ и Японія съ своей стороны принимаетъ мѣры для постояннаго увеличенія численности своихъ армій. Если вѣрить компетентнымъ заграничнымъ корреспондентамъ, японское правительство можетъ отправить на театръ войны еще двѣсти или триста тысячъ вполнѣ обученныхъ солдатъ. Наши газетные спеціалисты военнаго дѣла не довѣряютъ этимъ цифрамъ, но и до войны они сильно ошибались насчетъ военныхъ средствъ Японіи, и весьма вѣроятно, что они столь же значительно ошибаются и теперь. Мы собираемся со временемъ одолѣть упорство японцевъ, но и японцы въ свою очередь разсчитываютъ преодолѣть „русское упорство", и это обоюдное стремленіе побѣдить во что бы то ни стало придаетъ войнѣ непримиримый и ожесточенный характеръ. Японскіе дипломаты утверждаютъ, что Японія можетъ выдержать борьбу въ теченіе трехъ лѣтъ и что въ случаѣ надобности она выставитъ милліонную армію. При населеніи въ 48 милліоновъ душъ не трудно довести японскія вооруженныя силы до цифры германскаго ландвера, и мы должны наконецъ привыкнуть къ мысли, что предъ нами не „азіатскій народецъ" (какъ выражались о японцахъ наши газеты), а великая держава съ населеніемъ, превышающимъ населеніе Франціи, Англіи или Австро-Венгріи. Не слѣдуетъ утѣшать себя разсужденіями о томъ, что финансовыя средства Японіи изсякли и что въ народѣ ростетъ недовольство противъ правительства, въ виду чрезмѣрной продолжительности войны и недостаточности достигнутыхъ понынѣ успѣховъ; японцы будто бы раздражены неудачами войскъ при штурмахъ Портъ-Артура, осуждаютъ генераловъ за неспособность сломить сопротивленіе противника и даже иногда рекомендуютъ имъ прибѣгнуть къ традиціонному обряду „харакири". Какъ видно, японцамъ дозволено свободно критиковать и осуждать правительство своей страны; люди доходятъ тамъ до такой дерзости, что предлагаютъ совершеніе самоубійства генераламъ и сановникамъ, назначеннымъ самимъ микадо и пользующимся его довѣріемъ,—и никакихъ мѣръ для обузданія этого вольнодумства не предпринимается въ Японіи. По увѣренію газетныхъ корреспондентовъ, японцы недовольны еще своими „побѣдами", жалуются на слишкомъ медленный ходъ событій и требуютъ болѣе быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій для обезпеченія своего торжества; что же сказали бы они, еслибы ихъ генералы не одерживали вовсе никакихъ побѣдъ, а довольствовались послѣдовательными отступленіями послѣ выясненія превосходства непріятельскихъ силъ въ каждомъ данномъ мѣстѣ? Если гдѣ считается обязательнымъ спокойно и молчаливо

принимать извѣстія о постоянныхъ неудачахъ и отступленіяхъ;—значитъ ли это, что тамъ народъ болѣе доволенъ своими неудачами, чѣмъ японцы—своими „побѣдами"? Если японцы могутъ громко высказывать самыя рѣзкія сужденія объ отечественныхъ министрахъ и генералахъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что они находятся въ худшемъ положеніи, чѣмъ тѣ, которые лишены права голоса и критики относительно дѣлъ своего отечества. Вообще нашимъ газетамъ не слѣдовало бы говорить такъ много о недовольствѣ и раздраженіи японцевъ по поводу войны, ибо для насъ эта война складывалась до сихъ поръ гораздо болѣе несчастливо и принесла намъ пока одни лишь тягостныя разочарованія. Горячность, съ какою японцы относятся къ происходящимъ событіямъ, объясняется прежде всего жизненнымъ національнымъ значеніемъ этой войны для Японіи; японскіе патріоты увѣрились, что вся будущность ихъ имперіи зависитъ отъ исхода нынѣшней кампаніи, и они готовы на всякія жертвы для достиженія успѣха. Матеріальныя и финансовыя средства на веденіе войны всегда найдутся, когда нація проникнута жаждой борьбы и побѣдъ, и при современномъ настроеніи японцевъ токійское правительство едва ли имѣетъ возможность обнаружить признаки миролюбія.

Проповѣдники мира въ Европѣ, по обыкновенію, возмущаются кровавыми ужасами и требуютъ ихъ прекращенія; но они проповѣдуютъ въ пустынѣ и даже не надѣются, что ихъ голосъ дойдетъ до воюющихъ. Французскій депутатъ и публицистъ, бывшій морской министръ, Ланессанъ, долго и настойчиво поддерживалъ въ печати идею дружескаго посредничества, и не находилъ сочувствія своему проекту; оффиціальный „Temps" не разъ заявлялъ категорически, что о посредничествѣ Франціи не можетъ быть и рѣчи. Никто не вѣритъ также появляющимся иногда слухамъ о закулисномъ вмѣшательствѣ Вильгельма II; недавно газеты приписывали такое же намѣреніе итальянскому правительству по поводу свиданія министра-президента Джіолитти съ канцлеромъ Бюловомъ. Президентъ Соединенныхъ-Штатовъ, Рузевельтъ, выразилъ желаніе созвать вторую международную конференцію мира въ Гаагѣ, съ цѣлью довести до полезныхъ практическихъ результатовъ начатое дѣло, основы котораго положены по иниціативѣ Россіи; но программа этой новой конференціи еще въ точности неизвѣстна, и вопросъ о русско-японской войнѣ, по всей вѣроятности, будетъ изъятъ изъ числа предметовъ обсужденія. Нѣтъ никакихъ шансовъ на поворотъ въ пользу мира на Дальнемъ Востокѣ, и печальныя перспективы настоящаго не даютъ простора надеждамъ на скорую перемѣну въ общемъ положеніи дѣлъ. Кризисъ когда-нибудь окончится, и намъ остается лишь терпѣливо ждать, избѣгая напрасныхъ иллюзій.

Англійская политика всегда отличалась своею строгою разсчетливостью и практичностью въ международныхъ дѣлахъ, потому что тамъ чувство отвѣтственности за великіе національные интересы лежитъ въ основѣ дѣятельности государственныхъ людей и дипломатовъ Англіи. Гдѣ господствуетъ духъ публичности, тамъ нѣтъ почвы для канцелярской рутины и пассивности; живое національное дѣло ведется открыто, предъ глазами парламента и печати, и еслибы исполнители не проявляли нужной энергіи или иниціативы, то ихъ заставило бы дѣйствовать общественное мнѣніе. Англичане не пропускаютъ благопріятныхъ моментовъ для устройства своихъ дѣлъ; они воспользовались русско-японскою войною, чтобы наложить свою руку на Тибетъ и покончить съ вопросомъ, который, въ извѣстной степени, затрогивалъ и Россію.

Въ замкѣ или монастырѣ далай-ламы, въ Лхассѣ, 7 сентября (нов. стиля) состоялось торжественное подписаніе англо-тибетскаго договора въ томъ видѣ, какъ онъ былъ предложенъ индійскимъ правительствомъ. Договоръ подписанъ регентомъ, замѣняющимъ удалившагося далай-ламу; сверхъ печати послѣдняго приложены также печати главнаго совѣта, трехъ важнѣйшихъ монастырей и народнаго собранія. Представитель Китая, которому номинально подвластенъ Тибетъ, участвовалъ въ этой церемоніи и обязался дать свою подпись по полученіи формальнаго согласія изъ Пекина. Текстъ договора написанъ на трехъ языкахъ—англійскомъ, тибетскомъ и китайскомъ,—на одномъ огромномъ листѣ, такъ какъ туземныя власти, по религіознымъ соображеніямъ, возражали противъ подписанія документа, состоящаго изъ двухъ или болѣе листовъ. Когда всѣ пять экземпляровъ договора были надлежащимъ образомъ подписаны и скрѣплены печатями, выступилъ передъ собраніемъ главный виновникъ событія, полковникъ Юнгхесбандъ, и произнесъ дипломатическую рѣчь, въ которой объяснилъ важное значеніе достигнутаго результата. „Миръ возстановленъ,—сказалъ онъ,—недоразумѣнія прошлаго устранены, и положены основанія для хорошихъ взаимныхъ отношеній въ будущемъ. Въ этой конвенціи британское правительство старательно избѣгало малѣйшаго вмѣшательства въ сферу вашей религіи; оно не присоединило никакой части вашей территоріи, не сдѣлало попытки вмѣшаться въ ваши внутреннія дѣла, и въ полной мѣрѣ признало сохраняющуюся при новомъ договорѣ верховную власть Китая. Оно стремилось только къ тому, чтобы обезпечить соблюденіе условій трактата, заключеннаго съ амбанемъ въ 1890 году; чтобы возстановлены были между Индіею и Тибетомъ одинаково выгодныя для обѣихъ сторонъ торговыя отношенія, какъ они поддерживаются англичанами съ другими частями китайской имперіи и со всѣми другими странами міра, кромѣ Тибета; чтобы къ британскимъ представителямъ относились здѣсь съ уваже-

ніемъ въ будущемъ и чтобы не нарушалась традиціонная мѣстная политика относительно сношеній съ другими государствами. Британское правительство будетъ строго соблюдать договоръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ столь же строго слѣдить за соблюденіемъ его со стороны Тибета; всякое нарушеніе его повлечетъ за собою суровую кару. Помѣхи въ торговлѣ и неуваженіе къ британскимъ подданнымъ не останутся безнаказанными; въ подобныхъ случаяхъ мы будемъ требовать удовлетворенія и возмѣщенія убытковъ. Мы обращаемся съ вами хорошо, когда вы являетесь въ Индію. Мы не беремъ съ вашихъ купцовъ никакихъ таможенныхъ пошлинъ; мы позволяемъ каждому изъ васъ путешествовать и проживать въ Индіи повсюду, гдѣ вы только хотите. Мы охраняемъ старинныя сооруженія буддистской вѣры, и мы разсчитываемъ пользоваться въ Тибетѣ не меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ какое оказывается вамъ въ Индіи. Вы нашли насъ врагами, когда перестали исполнять договорныя обязательства и выказали неуваженіе къ индійскому вице-королю; вы найдете въ насъ добрыхъ друзей, когда будете придерживаться условій трактата и соблюдать вѣжливость въ сношеніяхъ съ нами"... Само собою разумѣется, что успокоительные комментаріи полковника Юнгхесбанда далеко не характеризуютъ всѣхъ существенныхъ сторонъ договора и представляютъ содержаніе его въ болѣе невинномъ видѣ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности.

Текстъ англо-тибетскаго договора изложенъ въ десяти параграфахъ, установляющихъ едва замаскированный британскій протекторатъ надъ Тибетомъ. Пограничный споръ разрѣшенъ въ пользу Индіи, и соотвѣтственно этому будутъ возстановлены межевые столбы или камни на границѣ Сиккима. Тибетцы обязываются открыть торговые рынки въ Гіянтце, Гартокѣ и Ятунгѣ для взаимной торговли между британскими и тибетскими купцами, по ихъ свободному усмотрѣнію; товары могутъ быть безпрепятственно привозимы изъ Индіи въ Тибетъ по существующимъ дорогамъ, и дальнѣйшіе рынки должны въ будущемъ открываться въ другихъ промышленныхъ пунктахъ. По пути между индійской границей и названными тибетскими городами не могутъ быть учреждаемы никакія таможни; опасные проходы должны быть исправлены и дороги должны содержаться въ надлежащемъ состояніи для удобства передвиженія товаровъ. Въ городахъ, гдѣ установлены базары и рынки, будутъ имѣть пребываніе британскіе представители, которые могутъ сноситься съ мѣстными тибетскими властями непосредственно или черезъ посредство китайскаго императорскаго резидента. За несоблюденіе прежнихъ трактатовъ и за свои неправильныя и враждебныя дѣйствія Тибетъ обязывается уплатить Великобританіи вознагражденіе въ размѣрѣ пяти милліоновъ долларовъ или семи съ

половиною милліоновъ рупій (т.-е. пятьсотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ), въ три годичныхъ срока, начиная съ 1 января 1906 года; въ обезпеченіе этой уплаты и въ видѣ гарантіи надлежащаго устройства торговыхъ рынковъ, британскія войска будутъ занимать долину Чумби. Всѣ укрѣпленія между индійской границей и городомъ Гіантце по дорогамъ, проходимымъ товарами изъ внутренняго Тибета, должны быть срыты. „Безъ согласія Великобританіи никакая часть тибетской территоріи не можетъ быть продана, уступлена, дана въ аренду или въ залогъ какой-либо иностранной державѣ; никакому иностранному правительству не дозволяется касаться управленія и администраціи Тибета или связанныхъ съ этимъ дѣлъ; никакой иностранной державѣ не дозволено посылать оффиціальныхъ или неоффиціальныхъ лицъ въ Тибетъ, съ какими бы то ни было цѣлями, въ видахъ участія въ веденіи тибетскихъ дѣлъ; ни одной иностранной державѣ не разрѣшается строить дороги или желѣзнодорожныя линіи, проводить телеграфы или открывать копи и рудники гдѣ бы то ни было въ Тибетѣ. Въ случаѣ, если Великобританія согласится предоставить другой державѣ строить желѣзныя дороги и телеграфы или открывать копи, она производитъ на свой собственный счетъ полное разслѣдованіе дѣла для осуществленія предположенныхъ соглашеній. Никакая недвижимость или земля, содержащая минералы или драгоцѣнные металлы въ Тибетѣ, не можетъ быть ни продана, ни отдана въ наемъ, залогъ или обмѣнъ иностранной державѣ“.

Этотъ IX-ый параграфъ договора фактически отдаетъ страну въ распоряженіе Англіи и откровенно ставитъ британскую власть на мѣсто законнаго авторитета Китая въ Тибетѣ, а потому онъ возбудилъ робкія возраженія даже со стороны китайскихъ дипломатовъ, которые въ этомъ случаѣ будутъ вѣроятно поддержаны и представителями нѣкоторыхъ западно-европейскихъ кабинетовъ. Что же касается предположеннаго долговременнаго занятія долины Чумби, то само англійское правительство, повидимому, отказывается отъ этого пункта, слишкомъ рѣзко расходящагося съ положительными обѣщаніями Англіи относительно территоріальной неприкосновенности Тибета.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1904.

I.

— Архангельскія былины и историческія пѣсни, собранныя А. Д. Григорьевымъ въ 1899—1901 г.г. Съ напѣвами, записанными посредствомъ фонографа. Т. I. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. М. 1904.
— Печорскія былины. Записалъ Н. Ончуковъ. Записки Имп. Русскаго Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи. Т. XXX. Спб. 1904.

Накопленіе матеріаловъ народно-поэтическаго творчества продолжаетъ расти и привлекать къ себѣ вниманіе ученыхъ изслѣдователей и образованной части общества. Начавшись простымъ любительствомъ, оно постепенно выработало свою особую технику и теорію, которой предстоитъ, повидимому, превратиться въ спеціальный видъ литературно-этнографическаго изученія. Но совершенно исключительнымъ интересомъ пользовались открытія въ области былевой поэзіи, сразу сдѣлавшіяся предметомъ самыхъ тщательныхъ изысканій. Со времени капитальныхъ сборниковъ Рыбникова, Кирѣевскаго, Гильфердинга и работъ Буслаева, Л. Майкова, А. Н. Веселовскаго, В. Ѳ. Миллера—собираніе и изученіе матеріала пошло рядомъ и намѣтило не мало любопытнѣйшихъ соотношеній съ вопросами историко-литературными, культурно-историческими, этнографическими и др. Въ наше время этотъ интересъ къ народно-поэтической старинѣ продолжаетъ развиваться, выражаясь въ появленіи все новыхъ и новыхъ сборниковъ, въ родѣ книги А. В. Маркова и тѣхъ, о которыхъ мы собираемся говорить. Появленіе подобныхъ сборниковъ знаменательно во многихъ отношеніяхъ. Послѣ записей гг. Григорьева и Ончукова (не устраняющихъ вѣроятности, что и онѣ не имѣютъ исчерпывающаго значенія), архангельская губернія, занимавшая сравнительно скромное мѣсто въ вопросѣ о географическомъ распредѣленіи былинъ, пріобрѣтаетъ особое освѣщеніе, которое не замедлитъ отразиться на ходѣ ближайшихъ изысканій.

Толстый томъ, въ 700 слишкомъ страницъ, образованный записями г. Григорьева, заключаетъ въ себѣ болѣе двухсотъ былинъ и историческихъ пѣсенъ и распадается на двѣ части: первая содержитъ поморскія, а вторая—пинежскія былины и историческія пѣсни. Г. Григорьевъ собралъ ихъ во время трехъ своихъ поѣздокъ по архангельской губерніи лѣтомъ 1899, 1900 и 1901 г.г. Сила былинной традиціи оказалась не вездѣ одинаковой: въ однѣхъ мѣстностяхъ знаніе былинъ (по мѣстному—старинъ) падаетъ, въ другихъ оно еще процвѣтаетъ. Къ первымъ принадлежатъ Поморье и Пинежскій край, ко вторымъ—Кулойскій и Мезенскій край. Въ послѣдней мѣстности старины отличаются сложностью сюжетовъ и разнообразіемъ напѣвовъ; мѣстности по Пинегѣ, какъ и въ Поморьѣ, характеризуются между прочимъ обиліемъ старинъ-фабльо, т.-е. старинъ шутовского и сатирическаго характера. „Присутствіе въ Пинежскомъ краѣ и отчасти въ Кулойско-Мезенскомъ старинъ-фабльо указываетъ, — говоритъ г. Григорьевъ,—на вліяніе по р. Пинегѣ скомороховъ, распространившееся также и на Кулойско-Мезенскій край; а присутствіе историческихъ пѣсенъ, почти исключительно, въ Пинежскомъ краѣ и Поморьѣ указываетъ на то, что историческія пѣсни или попали въ архангельскую губернію позднѣе старинъ и поэтому проникли только въ болѣе близкія къ внутренней Россіи мѣстности, но не успѣли распространиться въ болѣе отдаленныхъ и глухихъ мѣстностяхъ, или же не находили себѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (какъ Кулойско-Мезенскій край) подходящей почвы“. Наблюденія г. Григорьева подтверждаютъ, такимъ образомъ, гипотезу В. Ѳ. Миллера о преобладающемъ вліяніи скомороховъ, этихъ „потѣшниковъ“ и „веселыхъ людей“ нашей старины, на процессъ образованія былиннаго репертуара. Въ объясненіи причинъ, содѣйствующихъ сохраненію въ архангельской губерніи былинъ, собиратель сходится съ впечатлѣніями Гильфердинга, вынесенными послѣднимъ изъ Онежскаго края: удаленность, отрѣзанность отъ остальной Россіи и невольный досугъ, который даютъ крестьянамъ такіе промыслы, какъ охота, рыбная ловля,—вотъ что̀ при отсутствіи грамотности поддерживаетъ народную память, которой грозитъ, впрочемъ, наплывъ новыхъ экономическихъ и духовныхъ вліяній.

По содержанію многія записи чрезвычайно интересны, особенно въ отдѣлѣ историческихъ пѣсенъ. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о мѣстномъ говорѣ и фонетическомъ характерѣ записей, приведемъ начало исторической пѣсни о Петрѣ В.

Середи сильнёго царства Московского,
Середи государства Россійского,
Середина Москвы, въ Кремлѣ городи
Що то удѣялосе—учинилосе?

У того у дворца государева
Со того со крыльца со прекрасного
Што не тёмная туча востучила,
Што то не оболоко поднималосе,
Що то не красноё сóньцё выкаталосе,—
Выходилъ нашъ надежда православный царь,
Ище бывшой нашъ царь Петръ Алексѣевичъ.
Соходилъ со крыльця со прекрасного;
Онъ садился государь въ телѣгу въ царскую,
Що то во царскую телѣгу колесьцетую...

Особую цѣнность изданію придаютъ 56 нотныхъ записей напѣвовъ, которыя были сдѣланы при помощи фонографа. Любопытенъ разсказъ автора о томъ, какія хлопоты доставляла ему эта нѣжная и капризная машина, при пользованіи которой приходилось разъяснять пѣвцамъ ея устройство,—„чтобы они не боялись“... Объясненія бываютъ не лишни и въ другихъ отношеніяхъ. Намъ извѣстенъ случай, когда одна дама, записывавшая напѣвы при помощи фонографа, еле спаслась отъ толпы бабъ и мужиковъ, за полчаса привѣтливыхъ и добродушныхъ, но затѣмъ осѣненныхъ мыслью, что въ машинѣ сидитъ не кто иной, какъ чортъ, который и передразниваетъ поющихъ.

Вторая часть открывается обстоятельной статьей, въ которой собраны данныя о Пинежскомъ краѣ и о состояніи въ немъ былинной традиціи. Замѣчанія автора, чтò особенно цѣнно и рѣдко въ подобныхъ сборникахъ, касаются не только духовной, но и матеріальной культуры: такъ, авторъ даетъ краткія свѣдѣнія о промыслахъ, одеждѣ; подробный перечень сказителей и сказительницъ также имѣетъ немаловажное значеніе. Пользованіе книгой облегчаютъ алфавитные списки былинъ, а также обзоръ варіантовъ.

Другой почтенный томъ былинъ образовался изъ записей г. Ончукова. Собиратель производилъ эти записи на Печорѣ въ теченіе 1901 и 1902 гг. По характеру былинныхъ сюжетовъ г. Ончуковъ дѣлитъ былины или, употребляя народный терминъ, старины на усть-цылёмскія (Усть-Цыльма—обширнѣйшее селеніе на Печорѣ и административный центръ печорскаго уѣзда) и пустозерскія, причемъ первыя подраздѣляются, въ свою очередь, на пижемскія и припечорскія. Это различіе, обусловленное въ первомъ случаѣ историческими причинами (Усть-цылемы новгородскаго происхожденія, основатели Пустозерскаго „острога“ были люди военные“), приводитъ собирателя, во вводной статьѣ, къ такой сравнительной характеристикѣ: „Земля“ одной волости и „служилое сословіе“ другой отразились, казалось мнѣ, и въ былинахъ обѣихъ волостей. Усть-цылемъ поетъ старину, увѣренный, что все, чтò въ ней изложено, было. Но, потомокъ новгородцевъ,—онъ не отличаетъ одного царя отъ другого, а въ сущности неясно

представляетъ себѣ эту власть. Идеалы его въ былинахъ не государственные и политическіе, а чисто нравственные, общечеловѣческіе. Совсѣмъ не то пустозеръ. Онъ твердо знаетъ, что̀ значитъ царь, и не спутаетъ его ни съ кѣмъ. Пустозеръ не спутается и въ хронологіи: не споетъ, положимъ, что Костюкъ былъ въ Кіевѣ у Владиміра, или что Васька Буслаевъ жилъ въ Москвѣ. Передъ былиной онъ разскажетъ преданіе, а послѣ нея еще что-нибудь дополнитъ и объяснитъ. Его очень интересуетъ судьба государства, царей, политическое положеніе дѣлъ и старины изъ цикла историческихъ пѣсенъ онъ особенно знаетъ и любитъ, а своевольный Васька Буслаевъ, сомнительно, пользуется ли его сочувствіемъ. Усть-цылемъ—старообрядецъ, съ головой ушедшій въ религію или, точнѣе, въ мелкое исполненіе ея обрядовыхъ предначертаній, совсѣмъ не знаетъ даже мѣстную исторію раскола, остается какъ-то безучастенъ къ ней. Но мнѣ попадались старинщики-пустозеры, напр. Павелъ Марковъ изъ Бѣдовой или Василій Никоновъ изъ Нарыги, которые разсказывали объ Иванѣ Грозномъ такъ, какъ будто царь этотъ жилъ лѣтъ тридцать назадъ, на ихъ памяти".

Статья, изъ которой мы взяли эту выдержку, удачно характеризуетъ ту обстановку, въ которой продолжаетъ еще существовать былевой эпосъ, который, несмотря на многія благопріятныя условія своего процвѣтанія, схожія съ тѣми, которыя были отмѣчены г. Григорьевымъ, клонится къ упадку, по наблюденіямъ г. Ончукова. „Какъ только станешь спрашивать про старины, такъ всѣ и говорятъ: „Вотъ пріѣхалъ бы ты лѣтъ 10—15 назадъ, когда былъ живъ (такой-то). Вотъ онъ тебѣ бы напѣлъ. А мы што"... Всего былинъ и историческихъ пѣсенъ въ сборникѣ 101: онѣ снабжены краткими свѣдѣніями о сказителяхъ и, кое-гдѣ, примѣчаніями. Что касается записей, то онѣ менѣе эластичны по отношенію къ различнымъ оттѣнкамъ говора, что̀ дѣлаетъ значеніе ихъ для выводовъ діалектологическихъ второстепеннымъ. Тѣмъ не менѣе, В. И. Чернышовъ, сопроводившій сборникъ замѣткой объ языкѣ былинъ, нашелъ въ нихъ много любопытныхъ особенностей и цѣнныхъ фактовъ. Большинство пѣсенъ записано съ пѣнія, прочія—съ пересказа. Въ концѣ книги приложенъ словарь мѣстныхъ (областныхъ) словъ и указатель именъ.

II.

— В. С. Сопиковъ. Опытъ Россійской Библіографіи.—Редакція, примѣчанія, дополненія и указатель В. Н. Рогожина. Спб. 1904.

Второе изданіе „Опыта Россійской Библіографіи" В. С. Сопикова давно уже составляло настоятельную потребность, такъ какъ первое

считается въ настоящее время большой библіографической рѣдкостью. Поэтому нельзя не привѣтствовать вторичнаго появленія въ свѣтъ незамѣнимо-полезной книги, вызвавшаго со стороны г. Рогожина (уже составившаго „указатель" къ Сопикову въ 1900 г.), большую и кропотливую работу. Какъ это выяснено редакторомъ настоящаго изданія въ предисловіи, въ основу положенъ текстъ „почти безъ всякихъ измѣненій, съ сохраненіемъ его архаической орѳографіи, плана и количества частей". Не имѣя возможности провѣрить указанія Сопикова по печатнымъ подлинникамъ, г. Рогожинъ сличилъ „Опытъ" со многими библіографическими пособіями и матеріалами, что дало возможность, по его словамъ, отчасти вполнѣ исправить допущенныя Сопиковымъ неточности и ошибки, отчасти же выяснить и указать на многочисленныя противорѣчія и сбивчивыя данныя, а также возстановить и раскрыть имена и фамиліи многихъ авторовъ и переводчиковъ такихъ изданій, которыя Сопиковъ относилъ къ анонимнымъ. „Всѣ данныя, которыя выяснились при этой провѣркѣ,—говоритъ г. Рогожинъ,—внесены, для удобства пользованія, въ видѣ примѣчаній въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ послѣ каждаго заглавія; во всѣхъ примѣчаніяхъ указаны источники, изъ которыхъ взяты тѣ или другія указанія. Существенными пособіями для провѣрки и сличенія, кромѣ многихъ другихъ пособій, служили намъ два каталога книжныхъ магазиновъ и библіотекъ для чтенія—В. Плавильщикова, вышедшій одновременно съ последней, пятой частью „Опыта" Сопикова, и А. Смирдина,—въ особенности послѣдній, какъ составленный болѣе точно и умѣло по печатнымъ подлинникамъ В. Анастасевичемъ. Хотя эти два каталога были составлены для другихъ цѣлей и по существу носятъ совершенно другой характеръ, но, тѣмъ не менѣе, они въ значительной степени восполняютъ пробѣлы, неточности и неполноту труда Сопикова и наряду съ нимъ до настоящаго времени сохранили отчасти то же значеніе, какъ и „Опытъ" Сопикова, и также служили и служатъ полезными библіографическими пособіями. При сличеніи съ этими двумя каталогами выяснились и тѣ изданія, которыя хотя и были извѣстны во времена Сопикова, но были имъ пропущены въ его „Опытѣ"; этими изданіями въ предѣлахъ XVIII столѣтія, наименѣе выясненными и до настоящаго времени, пополнено второе изданіе „Опыта".

Если мысль переизданія Сопикова съ поправками и дополненіями заслуживаетъ полнаго сочувствія, то едва ли можно согласиться со взглядомъ почтеннаго редактора на пріемъ, допущенный имъ при нѣкоторыхъ „исключеніяхъ". Говоря, что второе изданіе печатается почти безъ всякихъ измѣненій текста, г. Рогожинъ замѣчаетъ: „исключены только всѣ многочисленныя выписки, приведенныя Сопиковымъ

изъ разныхъ книгъ, какъ ради ихъ рѣдкости и значенія, такъ и ради образцовъ языка и переводовъ, очень затруднявшія пользованіе его трудомъ, и исправлены указанныя имъ опечатки; исключены также заглавія однѣхъ и тѣхъ же книгъ, повторявшіяся иногда по два и даже болѣе разъ подъ разными алфавитами". Все это, конечно, прекрасно и, можетъ быть, съ извѣстной точки зрѣнія необходимо, но слѣдовало во всякомъ случаѣ, во-первыхъ, привести вездѣ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ ссылки на исключенныя страницы перваго изданія, а во-вторыхъ, педантически-точно обозначить мѣста или факты, которые подверглись тому или иному, хотя бы незначительному измѣненію со стороны г. Рогожина. Отсутствіе такихъ обозначеній во многихъ случаяхъ — немаловажный недостатокъ работы. Принципіально мы предпочли бы видѣть подлинный текстъ Сопикова нетронутымъ, но съ соотвѣтствующими и отчетливо выдѣленными примѣчаніями дополнительнаго и корректурнаго содержанія. Это сохранило бы за новымъ изданіемъ черты стараго подлинника, которому Сопиковъ придалъ своеобразную, но характерную для своего вѣка физіономію, нѣсколько, быть можетъ, неосторожно измѣняемую г. Рогожинымъ. Сопиковъ приводилъ выписки изъ различныхъ книгъ съ тою цѣлью, чтобы, какъ онъ самъ предваряетъ объ этомъ,—„скучное *полезное* растворить нѣкоторой *пріятностію*; то и на сей, такъ сказать, пещаной степи, мѣстами разбросалъ я кустарники и цвѣты, то-есть изрѣдка помѣстилъ разныя сочиненія какъ прозою, такъ и стихами, взявъ оныя изъ такихъ книгъ, которыя имѣютъ неоспоримое достоинство, и гдѣ только казалось нужнымъ, пріобщалъ и разныя замѣчанія. Хотя это стоило мнѣ излишняго труда, и книгу мою увеличило довольно большимъ томомъ: но желаніе и удовольствіе быть полезнымъ обществу; и заслужить его вниманіе, есть лестная для меня награда, достойная важнѣйшей жертвы". Многія книги, изъ которыхъ дѣлалъ Сопиковъ извлеченія, были рѣдки уже въ его время; теперь онѣ еще рѣже, и читатель еще болѣе лишается, въ изданіи г. Рогожина, возможности получить о нихъ нѣкоторое понятіе. Но, можетъ быть, явится возможность сосредоточить исключенныя г. Рогожинымъ мѣста въ особомъ отдѣлѣ послѣдней части? Это было бы существеннымъ коррективомъ. Въ первой части, напримѣръ, редакторъ заявляетъ, что имъ „исключены выписки изъ книгъ, но оставлены *нѣкоторыя* послѣсловія и предисловія старопечатныхъ книгъ", — что безъ точныхъ обозначеній и поясненій само по себѣ наводитъ на мысль о нѣкоторомъ редакторскомъ произволѣ и подрываетъ значеніе обширнаго труда, носящаго на себѣ всѣ признаки несомнѣнной любви къ дѣлу.

III.

— Н. К. Михайловскій. „Отклики“. Т. I и II. Изд. редакціи журн. „Русское Богатство“. Спб. 1904.

„Отклики“ Михайловскаго являются существеннымъ дополненіемъ къ литературному наслѣдію, завѣщанному покойнымъ писателемъ. Если они не вносятъ особенно существенныхъ чертъ въ значеніе, ставшее уже историческимъ, Михайловскаго, какъ соціолога, публициста и критика, то они особенно любопытны тѣмъ, что въ нихъ отразился писатель всѣмъ складомъ души и ума въ своемъ отношеніи къ вопросамъ, еще не сошедшимъ со сцены, еще не порѣшеннымъ и занимавшимъ общество до послѣдняго времени. Здѣсь читатель найдетъ статьи, закрѣпляющія извѣстные и лишь отчасти ставшіе историческими моменты нашего общественнаго и умственнаго развитія (таковы статьи по поводу г.г. Туганъ-Барановскаго, Бельтова и др.), рядъ обычно-мѣткихъ и яркихъ характеристикъ, посвященныхъ явленіямъ текущей литературы, и публицистическихъ статей, въ которыхъ выразилось не только стойкое и высоко развитое міросозерцаніе, но и замѣчательное, по блеску и глубинѣ мысли, полемическое дарованіе.

Это дарованіе поставило Михайловскаго высоко во главѣ того литературно-общественнаго направленія, которому принадлежали его убѣжденія и идеалы. Въ его дарованіи была особенная черта — умѣнье однимъ штрихомъ очертить образъ литературнаго противника и открыть въ его положеніяхъ слабое мѣсто тамъ, гдѣ онъ менѣе всего ожидаетъ, а въ то же время оттѣнить и провести въ общественное сознаніе ту или иную общую идею противоположнаго и дорогого Михайловскому порядка. Въ этихъ идеяхъ раскрывались стремленія Михайловскаго къ прогрессу, общественному въ спеціальномъ смыслѣ и культурному благу, къ достоинству литературы, какъ выразительницы общественныхъ стремленій.

Въ печати часто высказывались противниками литературныхъ и общественныхъ взглядовъ Михайловскаго укоризненныя сужденія о томъ, будто писатель „застылъ“ въ міровоззрѣніи 70-хъ г г. и потому такъ будто бы отрицательно относился ко всему, что̀ не подходило къ этому міровоззрѣнію, отставшему отъ новыхъ запросовъ жизни. Поскольку дѣло касается литературы, такія сужденія были неосновательны. „Жизнь не стоитъ на мѣстѣ,—писалъ Михайловскій въ одной изъ лучшихъ своихъ статей, вошедшихъ въ „Отклики“.—Она развивается и, развиваясь, задаетъ мысли новые вопросы или требуетъ

новаго освѣщенія старыхъ нерѣшенныхъ или ошибочно рѣшенныхъ вопросовъ. Послѣдовательная смѣна міровоззрѣній есть поэтому необходимое явленіе, но въ каждый данный историческій моментъ міровоззрѣніе должно отвѣчать однимъ и тѣмъ же кореннымъ условіямъ: оно должно удовлетворять разумъ и совѣсть, которые вѣдь тоже не неподвижны".

Такъ понималъ Михайловскій вопросъ о такъ неизбѣжной смѣнѣ міровоззрѣній, и это пониманіе нигдѣ не стояло у него въ противорѣчіи съ тѣми требованіями, которыя онъ предъявлялъ, въ качествѣ критика и публициста, къ литературѣ и жизни. Сдержанность оцѣнокъ, дѣлавшихся имъ новѣйшимъ авторамъ, не исключала возможности искренняго и подчасъ горячаго увлеченія. Но она никогда не переходила въ идолопоклонство, составляющее одну изъ частныхъ особенностей современной намъ критики, и въ основѣ своей всегда имѣла ту мысль, что въ каждомъ литературномъ произведеніи художественное достоинство и общественное значеніе должны разсматриваться во взаимной связи, причемъ между ними не должно быть внутренняго противорѣчія. И Михайловскій взялъ на себя неблагодарную задачу не столько привѣтствовать „молодыхъ", сколько отстаивать завѣты „старыхъ" писателей, творческой дѣятельностью которыхъ создались національное достоинство и этическая цѣнность русской литературы. Онъ справедливо усматривалъ посягательство съ разныхъ сторонъ на это достоинство, въ которомъ таилось, по его убѣжденію, ядро грядущаго раскрѣпощенія, символизуемаго свободой личности, слова и мысли, и былъ нерѣдко безпощаденъ къ писателямъ, дѣлавшимъ попытки лишить литературу ея—въ указанномъ смыслѣ—реально-общественнаго направленія.

Публицистическія и критическія статьи Михайловскаго (мы не говоримъ уже объ его работахъ соціологическаго характера) заключаютъ въ себѣ для современнаго и особенно молодого читателя много цѣнныхъ элементовъ общественно-литературнаго воспитанія, и въ ряду этихъ сочиненій „Отклики" займутъ безспорно почетное мѣсто. Жаль только, что редакція „Русскаго Богатства", издавшая ихъ, не помѣстила при книгѣ портрета писателя.—Евг. Л.

IV.

— **Энциклопедія банковаго дѣла.** Составлена А. С. Залшупинымъ и М. И. Гессеномъ. Спб. 1904. Ц. 3 р.

— **Наша банковая политика** (1729—1903). П. П. Мигулина. Харьковъ, 1904. Ц. 3 р.

— **Банки и банкирскія конторы въ Россіи.** Составилъ З. Евзлинъ. Спб. 1904. Ц. 3 р. 50 к.

Эти три книги, близкія по содержанію, имѣютъ, однако, очень различный характеръ и назначеніе. Первая книга рекомендуется издателемъ, какъ руководство для банковыхъ дѣятелей и лицъ, прибѣгающихъ къ услугамъ банковъ. Третья книга можетъ служить какъ бы дополненіемъ къ первой, потому что она заключаетъ справочно-статистическія свѣдѣнія о всѣхъ дѣйствующихъ въ Россіи кредитныхъ учрежденіяхъ—пока, впрочемъ, лишь о государственномъ, акціонерныхъ банкахъ и обществахъ взаимнаго кредита; свѣдѣнія же о городскихъ общественныхъ банкахъ, банкахъ на особыхъ основаніяхъ и частныхъ банкирскихъ конторахъ составятъ содержаніе второго тома. Вторая же книга—харьковскаго профессора Мигулина—представляетъ научное изслѣдованіе относительно банковой политики русскаго правительства въ прошломъ и настоящемъ.

Трудъ гг. Гессена и Залшупина даетъ, во-первыхъ, общее понятіе о банкахъ, банковыхъ операціяхъ и банковой политикѣ, о государственныхъ долгахъ, о нашемъ государственномъ банкѣ и главнѣйшихъ эмиссіонныхъ банкахъ Европы; во-вторыхъ, подробно описываетъ отдѣльныя банковыя операціи, поясняя ихъ примѣрными разсчетами, дополняя образцами счетовъ, векселей, чековъ и другихъ банковыхъ документовъ и обязательствъ. Авторы имѣютъ при этомъ въ виду ввести читателя въ кругъ практической работы русскихъ банковъ, а такъ какъ послѣдніе находятся въ тѣсныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ съ банками иностранными, то въ „Энциклопедіи банковаго дѣла“ сообщаются и нѣкоторыя практическія свѣдѣнія объ иностранныхъ банкахъ (объ ихъ вексельныхъ правилахъ и обычаяхъ, о расходахъ при банковыхъ операціяхъ, объ условіяхъ при операціяхъ на фонды и акціи, и т. п.). Разсматриваемое изданіе можетъ, поэтому, дѣйствительно служить для руководства и справокъ относительно банковыхъ операцій вообще, причемъ можно только пожалѣть, что къ изданію не приложенъ алфавитный указатель трактуемыхъ въ немъ предметовъ.

Трудъ г. Евзлина мы назвали какъ бы продолженіемъ изданія гг. Гессена и Залшупина потому, что онъ представляетъ дальнѣйшую

спеціализацію свѣдѣній о банковомъ дѣлѣ, описывая отдѣльные русскіе банки. Здѣсь мы находимъ большую статью объ устройствѣ, управленіи и операціяхъ государственнаго банка, сводный уставъ акціонерныхъ коммерческихъ банковъ и обществъ взаимнаго кредита и свѣдѣнія о каждомъ отдѣльномъ банкѣ: о мѣстѣ его центральнаго управленія и отдѣленій, о личномъ составѣ управленія и совѣта, о его капиталахъ, операціяхъ, распредѣленіи прибылей; о биржевой котировкѣ его акцій за послѣднія десять лѣтъ и объ общемъ оборотѣ и движеніи главнѣйшихъ операцій за послѣднее пятилѣтіе. Вступленіемъ къ этимъ отдѣламъ служитъ очень краткій очеркъ банковаго дѣла и законодательства о банкахъ въ Россіи.

Книга проф. Мигулина является продолженіемъ начатаго имъ въ 1899 г. изслѣдованія о русскомъ государственномъ кредитѣ. Нѣкоторыя части этого изслѣдованія, а именно о желѣзнодорожныхъ займахъ и реформѣ денежнаго обращенія изданы были и какъ продолженіе его большого труда о государственномъ кредитѣ, и какъ самостоятельныя сочиненія. Въ свое время, читатели „Вѣстника Европы" имѣли возможность ознакомиться съ содержаніемъ этихъ интересныхъ трактатовъ. Въ двухъ изданіяхъ выпущена проф. Мигулинымъ и часть его труда, посвященная нашей банковой политикѣ, причемъ для отдѣльнаго ея изданія, составляющаго предметъ настоящей замѣтки, сдѣланы извлеченія соотвѣтствующихъ частей изъ всѣхъ трехъ томовъ „Русскаго государственнаго кредита" и связаны необходимыми измѣненіями и дополненіями.

Излишне, кажется, распространяться о важности предпринятаго П. П. Мигулинымъ изслѣдованія о русскомъ государственномъ кредитѣ и, въ частности, о его трудѣ, посвященномъ нашей банковой политикѣ. Хотя та и другая темы составляютъ постоянный предметъ рѣчи въ нашей литературѣ, но соотвѣтствующіе вопросы трактуются въ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ или въ маленькихъ брошюрахъ, и имѣютъ, преимущественно, текущій интересъ. Что же касается солидныхъ сочиненій по даннымъ предметамъ, то, кромѣ устарѣлыхъ и неполныхъ изслѣдованій о государственныхъ долгахъ гг. Кауфмана и Бржесскаго, о поземельномъ кредитѣ; проф. Ходскаго и о государственномъ банкѣ г. Судейкина,—нельзя, кажется, указать другихъ книгъ, посвященныхъ этимъ вопросамъ. Обширное изслѣдованіе г. Мигулина охватываетъ всѣ результаты дѣятельности правительства въ области кредита и банковъ: какъ заключенные имъ займы, ради потребительныхъ и производительныхъ цѣлей, такъ и организуемыя имъ кредитныя учрежденія и его политику относительно частныхъ банковъ. Соотвѣтственно тому, что болѣе ранняя дѣятельность правительства въ данной области составляла уже предметъ изслѣдованія

другихъ ученыхъ, проф. Мигулинъ возможно подробно останавливается въ своемъ трудѣ на самомъ интересномъ для насъ времени—двухъ послѣднихъ десятилѣтіяхъ; а имѣя въ своемъ пользованіи, кромѣ общедоступныхъ источниковъ, многіе неизданные матеріалы, касающіеся различныхъ моментовъ подготовки тѣхъ или другихъ мѣропріятій и обсужденія ихъ въ государственномъ совѣтѣ и въ другихъ правительственныхъ учрежденіяхъ,—авторъ внесъ въ свое изслѣдованіе сухихъ предметовъ оживляющія краски мотивовъ и борьбы правительственныхъ лицъ за тѣ или другія предположенія, и получилъ возможность правильнѣе освѣтить нѣкоторыя стороны нашей финансовой политики. Благодаря этимъ причинамъ, ясному изложенію и легкости, если можно такъ выразиться, обращенія съ тяжелымъ матеріаломъ цифръ, во многихъ случаяхъ переполняющихъ страницы изслѣдованія, книги г. Мигулина читаются сравнительно легко и съ неослабѣвающимъ интересомъ.

При изслѣдованіи какой-либо группы явленій можно ограничиваться сферою послѣднихъ и указывать взаимозависимость фактовъ исключительно въ предѣлахъ данной спеціальной области. Или можно устанавливать отношенія причины и слѣдствія изучаемаго предмета къ явленіямъ другихъ областей жизни, съ которыми онъ соприкасается. Трудъ г. Мигулина приближается къ типу изслѣдованій перваго рода. Авторъ, правда, нерѣдко останавливается на связи даннаго явленія съ другими экономическими отношеніями; но эта связь обыкновенно не устанавливается имъ путемъ собственныхъ фактическихъ изслѣдованій, а высказывается à priori. Выводъ его имѣетъ, поэтому, характеръ личнаго мнѣнія—можетъ быть, и вѣроятнаго, но совершенно произвольнаго—какъ мнѣніе о томъ, что отливъ мелкихъ сбереженій въ сберегательныя кассы, отнимая деньги отъ мѣстныхъ нуждъ, является „не послѣдней причиной нынѣшняго обѣднѣнія русскаго центра“ (стр. 316).

А подчасъ мнѣніе г. Мигулина оказывается въ прямомъ противорѣчіи съ фактическими данными самого изслѣдователя, какъ это приходится сказать объ утвержденіи автора, что, несмотря на настойчивыя усилія правительства—путемъ многочисленныхъ льготъ дворянскому банку—сохранить дворянское землевладѣніе, это „оказывалось невозможнымъ, потому что значительная часть дворянъ имѣетъ неодолимую склонность къ служебной дѣятельности, на занятіе же сельскимъ хозяйствомъ смотритъ какъ на что-то постороннее, съ чѣмъ желательно возможно скорѣе раздѣлаться... Идеаломъ почти каждаго дворянина-землевладѣльца,—продолжаетъ проф. Мигулинъ,—является продажа имѣнія крестьянамъ или разночинцамъ по сильно повышеннымъ цѣнамъ... Если дворяне покупаютъ новыя имѣнія, то единственно

съ цѣлью заложить на выгодныхъ условіяхъ въ дворянскомъ банкѣ, а затѣмъ перепродать съ барышомъ, словомъ, съ единственной цѣлью спекуляціи землею" (стр. 350).

Послѣ этой характеристики хозяйственныхъ тенденцій дворянъ, естественно ожидать, что новые залоги дворянами земель въ открытомъ для нихъ полублаготворительномъ кредитномъ учрежденіи ростутъ не по днямъ, а по часамъ. Между тѣмъ изъ данныхъ о дѣятельности дворянскаго банка, на страницахъ 354—355-ой „Нашей банковой политики", самъ авторъ выводитъ заключеніе, что „огромное большинство принимавшихся въ залогъ дворянскимъ банкомъ имѣній было уже и до этого заложено въ другихъ ипотечныхъ учрежденіяхъ". „За шестнадцать лѣтъ дѣятельности дворянскаго банка задолженность дворянскаго землевладѣнія не возросла и на 60 милл. руб.; возникали не новые долги, а замѣнялись новыми долгами долги старые".

На ряду съ фактами и мнѣніями въ сферѣ изслѣдуемыхъ явленій,—какъ въ разсматриваемомъ нами изданіи, такъ и въ другихъ трудахъ проф. Мигулина,—встрѣчаются и заключенія автора, имѣющія практическій характеръ. Въ большинствѣ этихъ заключеній авторъ не выходитъ изъ границъ своей спеціальности и дѣлаетъ болѣе или менѣе цѣлесообразныя практическія предложенія. Другіе его проекты—въ родѣ проекта организаціи двухъ центральныхъ полуправительственныхъ банковъ (промышленнаго и сельско-хозяйственнаго) съ огромнымъ капиталомъ не менѣе 100 милл. руб.,—которые взяли бы на себя не только оказаніе самаго широкаго промышленнаго кредита, но и посредничество по сбыту товаровъ, и даже организацію русско-американскаго хлѣбнаго трёста, съ цѣлью доставить Европѣ цѣны на хлѣбъ,—могутъ считаться лишенными, при данныхъ условіяхъ русской жизни, прочной основы, если не совершенно фантастичными; но они не выходятъ все-таки изъ сферы явленій, подлежащихъ изслѣдованію автора и компетенціи экономиста. Что же касается такихъ мнѣній, какъ предложеніе разрѣшить вопросъ о восточно-китайской желѣзной дорогѣ, путемъ присоединенія Манчжуріи къ Россіи, то оно было бы вполнѣ умѣстно, если бы мысль о подобныхъ политическихъ авантюрахъ нашла себѣ мѣсто—какъ въ данномъ случаѣ—не на страницахъ серьезнаго и спеціальнаго изслѣдованія о „Нашей новѣйшей желѣзно-дорожной политикѣ и желѣзнодорожныхъ займахъ".

Изслѣдованіе проф. Мигулина о русскомъ государственномъ кредитѣ еще не закончено, а первыхъ томовъ его уже не имѣется въ продажѣ. Авторъ утѣшаетъ читателей сообщеніемъ, что они могутъ удовлетворить свою любознательность о русскихъ финансахъ изъ нѣмецкаго перевода его книги, имѣющаго выйти въ свѣтъ въ ближайшемъ будущемъ. Мы закончимъ, однако, нашу замѣтку пожеланіемъ,

чтобы авторъ озаботился переизданіемъ своихъ трудовъ на русскомъ языкѣ. Если, въ виду серьезности темы, его сочиненіе и не можетъ разсчитывать на очень быстрое распространеніе, то его во всякомъ случаѣ можно издать безъ риска потерпѣть убытки; а потому, казалось бы, автору и нѣтъ основанія ожидать для осуществленія этого предпріятія появленія „предпріимчиваго", какъ онъ выражается, издателя. Да и вообще такому русскому писателю не слѣдовало бы безъ крайней нужды искать себѣ „хозяина" въ ббразѣ издателя..

V.

— І. Шмёле. Соціаль-демократическіе профессіональные союзы въ Германіи со времени изданія закона противъ соціалистовъ. Первая подготовительная часть. Спб. 1904. Ц. 1 р. 75 к.

Рабочее движеніе въ европейскихъ государствахъ проявляется въ двухъ главныхъ формахъ: профессіональной и, политической организаціи. Типическимъ примѣромъ первой формы рабочихъ организацій служитъ Англія; образецъ новѣйшаго политическаго рабочаго движенія мы находимъ въ Германіи. Типичныя для той и другой стороны формы рабочаго движенія настолько въ нихъ выдаются, что совершенно заслоняютъ другія проявленія организаціи рабочаго. И тогда какъ богатая литература объ англійскомъ трэдъ-юніонизмѣ и нѣмецкой соціаль-демократіи и текущія проявленія ихъ практической дѣятельности сдѣлали извѣстными каждому просвѣщенному человѣку ихъ характерныя черты и соціальное значеніе—профессіональныя организаціи нѣмецкихъ, напр., рабочихъ почти не обращаютъ на себя вниманія за границей и недостаточно оцѣнены и изучены въ самой Германіи. Названное въ заголовкѣ нашей замѣтки произведеніе приватъ-доцента Шмёле имѣетъ задачей изслѣдованіе этихъ организацій, а указанное въ заглавіи книги ограниченіе изслѣдованія союзами соціаль-демократическими какъ бы подчеркиваетъ высказанную выше мысль о выдающемся значеніи политической стороны нѣмецкаго рабочаго движенія. И дѣйствительно, преобладающее большинство нѣмецкихъ профессіональныхъ организацій возникло по инищіативѣ прогрессистской и соціаль-демократической партій, которыя выступили на этотъ путь дѣятельности не изъ сочувствія къ подобнымъ организаціямъ, самимъ по себѣ, а чтобы закрѣпить приверженность рабочихъ къ партіямъ. Представитель прогрессистской партіи, Гиршъ, занялся въ концѣ 60-хъ годовъ организаціей профессіональныхъ союзовъ для того, чтобы рабочіе не перешли отъ прогрессистской партіи къ соціаль-демократической. Чтобы противодѣйствовать подобному вліянію

прогрессистовъ, „лассальянцы" сочли нужнымъ пойти въ свою очередь на встрѣчу естественному въ рабочихъ классахъ стремленію добиться, путемъ мѣстныхъ организацій, нѣкотораго улучшенія своего положенія, а за ними выступили на этотъ путь и соціалисты „эйзенахцы". Возникшіе подъ вліяніемъ тактическихъ соображеній партій, соціаль-демократическіе профессіональные союзы и въ дальнѣйшей ихъ исторіи играли роль, главнымъ образомъ, какъ опора соціаль-демократическихъ стремленій. Отдѣльные вожди соціаль-демократіи могли придавать большее или меньшее значеніе профессіональнымъ организаціямъ, самимъ по себѣ, но общій смыслъ работы партіи заключался въ томъ, чтобы черезъ посредство профессіональныхъ организацій распространить и укрѣпить силу партіи.

Эта близкая связь съ политическою партіей, по мнѣнію Шмёле, служитъ причиною сравнительно слабаго развитія профессіональныхъ нѣмецкихъ союзовъ и объясняетъ различіе между англійскимъ рабочимъ движеніемъ и нѣмецкимъ. „Когда въ Германіи рабочимъ было предложено воспользоваться могущественнымъ оружіемъ профессіональной организаціи, никто не имѣлъ склонности выступить за профессіональные союзы съ той энергіей и той способностью къ жертвамъ, которыя въ свое время проявили англійскіе рабочіе, ибо соціаль-демократія обѣщала нѣмецкимъ рабочимъ гораздо болѣе широкіе и легче достижимые результаты, чѣмъ тѣ, которые когда-либо были обѣщаны профессіональными союзами. Кому же охота заниматься кропотливымъ отвоевываніемъ мелкихъ уступокъ у предпринимателей, когда вмѣстѣ съ обѣщаннымъ соціаль-демократіей скорымъ концомъ капиталистическаго способа производства предстоитъ исчезновеніе всѣхъ теперешнихъ условій труда и безконечно лучшее устройство освобожденнаго человѣческаго общества" (стр. 5). Имѣя въ виду указанную связь политическаго и профессіональнаго движенія рабочихъ,— нельзя слишкомъ пессимистически относиться и къ сравнительно неудачнымъ результатамъ нѣмецкаго профессіональнаго движенія, которое „не вышло еще изъ подготовительной стадіи". Значеніе этого движенія нужно измѣрять не только его непосредственными результатами, но и по развитію политической силы рабочихъ, зависящему между прочимъ и отъ развитія сознательнаго ихъ отношенія къ окружающему. „Пробужденіе же классоваго самосознанія рабочихъ въ значительной мѣрѣ стало совершившимся фактомъ, и профессіональное движеніе, несмотря на организаціонные недостатки и незначительные матеріальные успѣхи нѣкоторыхъ союзовъ, принимало дѣятельное участіе въ достиженіи этой цѣли" (стр. 23).

Въ послѣднее время, однако, все замѣтнѣе становится стремленіе придать профессіональному движенію нѣмецкихъ рабочихъ болѣе силы

и самостоятельности. Съ одной стороны, рабочіе понемногу разочаровываются въ томъ, чтобы конечныя цѣли соціаль-демократіи скоро получили практическое осуществленіе; а вмѣстѣ съ этимъ возростаетъ въ ихъ глазахъ значеніе организацій, имѣющихъ задачей способствовать улучшенію ихъ положенія на почвѣ господствующаго хозяйственнаго строя. Съ другой—начинаетъ ясно пониматься и тотъ фактъ, что одна политическая организація рабочаго класса требуетъ очень слабаго участія рабочихъ въ повседневной общественной жизни для того, чтобы при ея помощи успѣшно развивались тѣ умственныя и моральныя качества рабочихъ массъ, которыя необходимы для осуществленія этимъ классомъ великихъ задачъ будущаго. Профессіональныя же организаціи съ ихъ непосредственными практическими задачами, успѣхъ которыхъ „зависѣлъ исключительно отъ благоразумія и выдержки всѣхъ членовъ, отъ ихъ способности къ жертвамъ и умѣнія отодвигать собственную выгоду на задній планъ, когда дѣло идетъ объ общей пользѣ", являются прекраснымъ воспитательнымъ средствомъ для соціально-политической дѣятельности.

Книга Шмёле имѣетъ задачей преслѣдовать судьбу главнѣйшей части профессіональныхъ союзовъ нѣмецкихъ рабочихъ—союзовъ соціаль-демократическаго характера. Это изслѣдованіе должно внести много новаго въ дѣло познанія разсматриваемыхъ организацій, такъ какъ оно основано, преимущественно, на мало использованныхъ матеріалахъ: на изученіи старой и новой газетной и журнальной литературы, на личныхъ наблюденіяхъ и разспросахъ, на письменныхъ замѣткахъ участниковъ движенія, на данныхъ архивовъ полицейскихъ учрежденій, не разъ налагавшихъ, какъ извѣстно, свою суровую руку на разные профессіональные союзы. Вышедшая въ переводѣ книга составляетъ лишь подготовительную часть изслѣдованія. Она заключаетъ свѣдѣнія о начальныхъ моментахъ партійнаго профессіонально-организаціоннаго движенія, о судьбѣ профессіональныхъ союзовъ послѣ изданія въ 1878 году закона противъ соціалистовъ и особенно останавливается на полицейскихъ гоненіяхъ профессіональныхъ союзовъ и на отношеніи къ нимъ въ это мрачное время со стороны различныхъ судебныхъ установленій, на разсмотрѣніе коихъ восходили многіе случаи столкновенія администраціи съ союзами. Нѣмецкій оригиналъ сочиненія Шмёле изданъ еще въ 1896 году. Настоящій русскій переводъ его весьма удовлетворителенъ.—В. В.

VI.

— Устои народнаго хозяйства Россіи. Аграрно-экономическіе этюды. В. Гурко. Спб. 1902 г.

„Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности", какъ извѣстно, предприняло широкій опросъ мнѣній всѣхъ, кто близко стоитъ къ земледѣлію и кому извѣстны его слабыя стороны и насущныя потребности. „При подобныхъ условіяхъ,—говоритъ г. Гурко въ предисловіи своей книги,—разъясненіе этого вопроса (о положеніи сельскохозяйственнаго промысла), въ мѣрѣ ихъ силъ и разумѣнія, отдѣльными лицами должно быть признано желательнымъ", такъ какъ „сколь бы ни были слабы сдѣланныя ими въ этомъ направленіи попытки", онѣ все-же, „хотя бы и въ ничтожнѣйшихъ размѣрахъ, могутъ лишь содѣйствовать полнѣйшему освѣщенію поставленной задачи"; задачу эту г. Гурко опредѣляетъ словами председателя Особаго Совѣщанія,—какъ изслѣдованіе потребностей сельскохозяйственной промышленности „во всей ихъ совокупности, не дѣлая никакого различія между отдѣльными группами занимающагося земледѣльческимъ промысломъ населенія". Такимъ образомъ, книга г. Гурко является однимъ изъ голосовъ въ томъ многочисленномъ хорѣ „соображеній", „мѣръ", „проектовъ", какой вызванъ Особымъ Совѣщаніемъ".

Къ намѣченной задачѣ авторъ подходитъ нѣсколько издалека и рѣшаетъ ее въ одиннадцати главахъ, представляющихъ каждая отдѣльный, самостоятельный очеркъ; такая дробность дѣленія затронутаго предмета объясняется отчасти тѣмъ, что нѣкоторыя отдѣльныя главы печатались ранѣе въ газетѣ „Новое Время". Поставивъ себѣ въ первыхъ двухъ главахъ вопросъ о причинахъ испытываемыхъ нашимъ земледѣльческимъ населеніемъ голодовокъ и вообще о причинахъ его оскудѣнія, авторъ, вопреки распространенному убѣжденію, приходитъ къ тому выводу, что причины эти нельзя видѣть ни въ пониженіи урожайности крестьянскихъ земель, ни въ малоземельи крестьянъ; изъ тѣхъ данныхъ, какія здѣсь сообщаются, видно, во-первыхъ, что средній урожай, какъ на крестьянскихъ надѣлахъ, такъ и на владѣльческихъ земляхъ за послѣднее десятилѣтіе выше урожая за предыдущее десятилѣтіе, и, во-вторыхъ, что голодовкамъ въ одинаковой степени подвержены районы какъ съ малоземельнымъ, такъ и съ многоземельнымъ крестьянскимъ населеніемъ. Причина крестьянскаго оскудѣнія (главнымъ образомъ, въ центральной и восточной Россіи), по мнѣнію автора, кроется въ крайнемъ пониженіи доходности земледѣлія,—пониженіи, совпавшемъ съ переходомъ крестьянскаго населе-

нія отъ натуральнаго хозяйства къ хозяйству денежному; „земельное владѣніе, коль скоро крестьянинъ превращаетъ его въ коммерческое предпріятіе, стремясь извлечь изъ него денежный доходъ, едва окупаетъ затрачиваемый имъ для сего трудъ".

Гдѣ же выходъ изъ такого положенія? По мнѣнію автора, поднять благосостояніе крестьянъ путемъ увеличенія ихъ земельнаго фонда невозможно, такъ какъ покупка крестьянами земель при помощи крестьянскаго банка безусловно для нихъ убыточна; одни срочные платежи по банковому долгу поглощаютъ всю доходность земли,—такъ что крестьяне отъ увеличенія своихъ земельныхъ угодій при помощи банковыхъ ссудъ, будто бы, не выигрываютъ ровно ничего; къ сожалѣнію, нашъ авторъ почему-то не считаетъ нужнымъ фактически обосновать этотъ свой, по меньшей мѣрѣ рискованный, выводъ, въ виду чего послѣдній оказывается голословнымъ и совсѣмъ неубѣдительнымъ. Но дѣло даже не въ этомъ: переходъ земельныхъ владѣній отъ интеллигентныхъ сословій въ руки малокультурной массы населенія, по глубокому убѣжденію г. Гурко, неминуемо ведетъ къ пониженію культурности этихъ имѣній, а этимъ понижается благосостояніе большинства (!) населенія, такъ какъ накопленіе богатства „неизмѣнно начинается съ высшихъ, интеллигентныхъ слоевъ населенія и лишь затѣмъ постепенно опускается ниже, причемъ послѣднее зависитъ, главнымъ образомъ, отъ развитія въ массахъ единственнаго источника прочнаго народнаго благосостоянія—развитія среди него способности къ производительному труду". Исходя изъ этой точки зрѣнія, г. Гурко признаетъ переходъ земли отъ интеллигентныхъ классовъ въ крестьянскія руки явленіемъ „вредоноснымъ", которое „противорѣчитъ культурно-историческимъ задачамъ Россіи и, ослабляя матеріальную мощь высшихъ слоевъ, не увеличиваетъ одновременно и благосостоянія низшихъ". Г. Гурко при этомъ совершенно игнорируетъ тотъ фактъ, что „культурныя" частновладѣльческія имѣнія обыкновенно оказываются и хозяйственно крѣпкими, и прочно держатся въ рукахъ своихъ владѣльцевъ; къ нимъ, слѣдовательно, не приложимы опасенія перехода ихъ въ крестьянскія руки. Переходятъ же къ крестьянамъ именно разстроенныя имѣнія, обыкновенно находившіяся ранѣе въ мелкой арендѣ и доведенныя этой арендой до состоянія полной „некультурности", послѣ чего уже совершенно исчезаютъ страхи о возможности дальнѣйшаго хозяйственнаго ихъ пониженія. Да и почему вообще переходъ владѣльческой земли къ крестьянамъ слѣдуетъ непремѣнно отожествлять съ пониженіемъ ея хозяйственнаго уровня? Вѣдь и самъ г. Гурко признаетъ въ одномъ мѣстѣ своей книги, что интенсивность крестьянскаго хозяйства за послѣднее время повысилась на 20%. Но, въ качествѣ защитника высшей культуры

„интеллигентныхъ слоевъ“ противъ „малокультурной массы“, г. Гурко высказываетъ даже такого рода соображеніе, выходящее уже изъ предѣловъ чисто экономической области: „стремленіе во что бы то ни стало увеличить крестьянскій земельный фондъ не является ли слѣдствіемъ крайней догматичности нашихъ радѣтелей о народныхъ массахъ, и не хотятъ ли они осуществить книжныя теоріи соціальной демократіи совершенно независимо отъ того, поскольку осуществленіе ихъ на практикѣ, при наличности условій данныхъ времени и мѣста, дѣйствительно обезпечитъ народное благосостояніе“? Произведя такой нѣсколько сомнительный экскурсъ въ область сердцевѣдѣнія сторонниковъ (?) „соціальной демократіи“, г. Гурко далѣе даетъ собственное рѣшеніе вопроса, — гдѣ искать спасенія крестьянскому земледѣльческому населенію. Хотя и не оригинально, но совершенно основательно указываетъ при этомъ г. Гурко на несоотвѣтствіе нашего косвеннаго обложенія и на необходимость установленія подоходнаго налога; „размѣры потребленія этихъ обложенныхъ продуктовъ (первой необходимости),—говоритъ онъ,—какъ то: спирта, чая, сахара, табаку, имѣютъ для каждаго человѣка свои весьма ограниченные предѣлы, т.-е., иначе говоря, близко приближаются (?) къ одной общей нормѣ, вслѣдствіе чего количество косвенныхъ налоговъ, уплачиваемыхъ наиболѣе богатыми, лишь немногимъ превышаетъ то же количество, уплачиваемое бѣднякомъ... Передъ этимъ блѣднѣетъ, конечно, пресловутое преимущество косвеннаго обложенія, состоящее въ томъ, что оно уплачивается не принудительно, а добровольно. Вѣдь, въ сущности, на добрую волю человѣка предоставляется здѣсь не уплата этого налога, а лишь самое потребленіе обложеннаго продукта“. Не менѣе основательно указываетъ затѣмъ авторъ, что повышенія экономическаго уровня нашего крестьянства нельзя ожидать отъ фабричныхъ заработковъ. „Не фабрика обогащаетъ населеніе, — говоритъ онъ, — а населеніе фабрику... Не намъ, конечно, мечтать повысить наше богатство за счетъ другихъ народовъ, намъ, отставшимъ отъ культурныхъ странъ во всѣхъ техническихъ усовершенствованіяхъ. Если передовые народы, не имѣвшіе въ завладѣніи чужихъ рынковъ той непосильной конкурренціи, которую мы повсемѣстно встрѣчаемъ, оказались въ состояніи развить свою международную торговлю лишь послѣ созданія въ своей странѣ устойчиваго потребительнаго рынка, то неужели же мы въ состояніи опрокинуть этотъ порядокъ: сначала создать промышленность и лишь затѣмъ обезпечить сбытъ ея произведеніямъ?“ Отсюда авторъ дѣлаетъ такой вполнѣ естественный выводъ: „если развитіе фабрично-заводской промышленности въ странѣ возможно лишь въ строго ограниченныхъ предѣлахъ, причемъ размѣры послѣднихъ всецѣло зависятъ отъ платежныхъ силъ населенія, т.-е. отъ степени его благосостоянія

то, наоборотъ, другая отрасль народнаго труда—сельское хозяйство, во всѣхъ его безчисленныхъ развѣтвленіяхъ и со всѣми связанными съ нимъ первичными обработками почвенныхъ и животныхъ продуктовъ, можетъ увеличить размѣры своего производства почти безпредѣльно и при томъ безъ всякаго соотношенія съ народными достатками".

Такимъ образомъ, выходъ изъ тяжелаго экономическаго кризиса, переживаемаго страною, г. Гурко видитъ въ напряженіи сельскохозяйственнаго промысла. Эта послѣдняя возможна при условіи привлеченія къ обработкѣ земли, кромѣ физической силы, двухъ факторовъ — знанія и капитала. Изъ этихъ двухъ силъ одною — знаніемъ — мы, по мнѣнію автора, обладаемъ уже въ достаточной степени, такъ что для подъема производительности земли нужны лишь денежныя средства, которыя широкой волной притекали бы къ земледѣлію путемъ раціонально поставленнаго кредита. Существующая форма земельнаго кредита—ипотечная—не удовлетворяетъ автора, такъ какъ деньги при этомъ получаютъ несоотвѣтственное цѣли кредита потребительное назначеніе, почему авторъ совѣтуетъ если не совершенно уничтожить эту форму кредита, то по крайней мѣрѣ затруднить возможность пользованія ею; сельское хозяйство нуждается въ непосредственномъ оплодотвореніи капиталомъ, а это возможно только при широкой и цѣлесообразной организаціи меліоративнаго кредита: „исключительно при этой формѣ кредита возможно быть увѣреннымъ, что средства, полученныя подъ залогъ земли, будутъ направлены къ самой землѣ, а не на достиженіе иныхъ, вполнѣ постороннихъ земледѣлію цѣлей". Авторъ даже указываетъ источникъ средствъ для меліоративнаго кредита, а именно—въ заграничныхъ займахъ, „прекращенія которыхъ возможно ожидать лишь послѣ того, какъ продуктивность нашего сельскаго хозяйства повысится настолько, что прекратитъ ввозъ въ наши предѣлы продуктовъ иностраннаго сельскаго хозяйства, а стоимость сбываемыхъ ею (?) на иностранные рынки товаровъ покроетъ весь дефицитъ по нашему международному разсчетному балансу".

Мало считаясь съ фактами какъ недавняго прошлаго, такъ и современной дѣятельности, авторъ высказываетъ увѣренность, что наиболѣе многочисленная группа задолженныхъ землевладѣльцевъ „въ громадномъ большинствѣ своихъ представителей наврядъ ли остановится передъ рискомъ, неизбѣжно сопряженнымъ съ ломкой хозяйственнаго строя имѣнія, коль скоро она получитъ возможность усовершенствовать его". Все это было бы еще ничего, еслибы въ сужденіяхъ г. Гурко не было того существеннаго дефекта, о которомъ отчасти упоминалось уже нами ранѣе, а именно, еслибы интересы

сельскаго хозяйства не отождествлялись у него съ интересами крупнаго землевладѣнія; этому послѣднему, по мнѣнію г. Гурко, должны принадлежать всѣ пѣнки, снимаемыя съ земледѣльческаго промысла, и на него же должны въ изобиліи излиться всѣ великія и богатыя милости со стороны государства: „подъемъ, хотя бы и искусственный, частновладѣльческаго сельскаго хозяйства, насажденіе и развитіе въ немъ первичной обработки сырыхъ продуктовъ земледѣлія и животноводства“ и рядъ болѣе частыхъ правительственныхъ мѣропріятій,—напр., покровительство винокуренному производству, пониженіе желѣзнодорожнаго тарифа на произведенія крупновладѣльческаго хозяйства и на необходимыя для него машины и орудія и т. д. На долю же крестьянскаго населенія, которому г. Гурко не рекомендуетъ увеличивать свои земельныя владѣнія и прилагать къ нимъ свой трудъ, остаются заработки на владѣльческихъ земляхъ. Для непредубѣжденнаго человѣка трудно понять, какъ эта почти стомилліонная крестьянская масса создаетъ свое благосостояніе заработками на владѣльческихъ земляхъ, въ особенности тамъ, гдѣ даже и нѣтъ такихъ земель или же имѣется мало; но нѣкоторая утопичность проекта мало смущаетъ автора, и онъ, будучи увѣренъ въ его полной осуществимости, съ послѣдовательностью, заслуживающей лучшаго примѣненія, развиваетъ затѣмъ мысль о необыкновенномъ значеніи сельскохозяйственныхъ заработковъ для крестьянскаго населенія: „предоставленіе крестьянству возможности правильно и равномѣрно утилизировать свой трудъ въ теченіе всего года—будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ не исключительно повышеніе его благосостоянія. Оно неминуемо отразится на качествѣ его работы, разовьетъ въ немъ ту методичность, безъ которой трудъ не можетъ достигнуть своей высшей производительности... Систематизація его работы, посредствомъ облегченія ему его лѣтнихъ трудовъ и созданія зимнихъ занятій, выработаетъ въ немъ привычку къ правильному, неутомляющему сверхъ силы, но тѣмъ болѣе высокому по своему качеству труду“; вмѣстѣ съ тѣмъ получилось бы „всемірное огражденіе народныхъ массъ отъ нравственной порчи, повышеніе его (?) этическаго самосознанія“; такимъ образомъ, сельско-хозяйственные заработки на крупновладѣльческихъ земляхъ являются, по мнѣнію г. Гурко, универсальнымъ средствомъ для поднятія экономическаго благосостоянія и моральнаго уровня крестьянской массы!

Гораздо болѣе цѣлесообразными и практичными слѣдуетъ признать частныя мѣры, какія рекомендуетъ авторъ для повышенія благосостоянія земледѣльческаго населенія. „Необходимо прежде всего оживить въ немъ бодрость духа, поднять его трудовую энергію. Нынѣ населеніе это придавлено той безъисходной нищетой, выйти изъ кото

рой оно рѣшительно не въ состояніи. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи представляется сложеніе недоимокъ по различнымъ ссудамъ и окладнымъ сборамъ, постоянно грозящее взысканіе которыхъ отнимаетъ у населенія охоту обзавестись какимъ-либо имуществомъ, такъ какъ послѣднее можетъ быть въ каждую минуту принудительно продано въ уплату недоимокъ. Но самое накопленіе недоимокъ по сборамъ указываетъ, что и нормальные оклады платежей съ крестьянской земли не соотвѣтствуютъ ея доходности. Слѣдовательно, чтобы дать возможность крестьянину вновь встать на ноги, необходимо эти оклады соразмѣрить съ платежными силами населенія". Затѣмъ, авторъ придаетъ также большое значеніе переходу крестьянскаго землевладѣнія отъ общиннаго къ подворному, но производить какую-либо крупную ломку въ этомъ отношеніи онъ не совѣтуетъ; слѣдуетъ лишь озаботиться, чтобы процессъ этотъ совершился наиболѣе безболѣзненнымъ образомъ.

Основнымъ недостаткомъ труда г. Гурко—является ярко выраженная и съ прямолинейною послѣдовательностью проведенная исключительно крупновладѣльческая точка зрѣнія, при рѣшеніи вопроса столь широкаго значенія, какъ „народное" хозяйство. Исключительно держась своей основной тенденціи, авторъ подгоняетъ къ ней всѣ факты и выводы, устраняя съ своего пути или просто игнорируя все, что не подходитъ подъ его уголъ зрѣнія. Отсюда получается нежелательная односторонность, непріятно поражающая съ первыхъ же страницъ предисловія. Опредѣляя, напримѣръ, задачу своей работы словами предсѣдателя Особаго Совѣщанія, авторъ тенденціозно не продолжаетъ цитаты, такъ какъ это не соотвѣтствуетъ его основной точкѣ зрѣнія; а между тѣмъ онъ тамъ нашелъ бы такія идеи, которыя должны бы значительно расширить горизонтъ его изслѣдованія: „наряду съ заботами объ улучшеніи сельскохозяйственныхъ условій на чисто-владѣльческихъ земляхъ, оно (Особое Совѣщаніе),—говорилъ С. Ю. Витте,—въ той же мѣрѣ должно войти въ разсмотрѣніе и хозяйственныхъ нуждъ крестьянства, численность котораго достигаетъ почти $^4/_5$ всего населенія Европейской Россіи и которое собираетъ съ своихъ и арендуемыхъ имъ земель болѣе $^2/_3$ всего производившагося Россіей хлѣба". При такой широкой постановкѣ вопроса, какая проектирована въ только-что приведенныхъ словахъ предсѣдателя Особаго Совѣщанія, трудно, конечно, допустить, чтобы „накопленіе богатства" въ массѣ $^4/_5$ всего населенія было возможно путемъ приложенія народнаго труда не къ своей земельной собственности, а лишь къ землѣ, принадлежащей „интеллигентнымъ слоямъ", которые составляютъ лишь крупицу въ общей массѣ населенія, и лишь послѣ

того, какъ эти интеллигентные слои сами въ достаточной мѣрѣ накопятъ въ своихъ рукахъ богатства.

Г. Гурко въ своей книгѣ имѣетъ въ виду центральный и восточный районы Россіи. Но, не говоря уже о томъ, что обстоятельство это значительно съуживаетъ поставленную самимъ авторомъ тему („Устои народнаго хозяйства Россіи"), нельзя здѣсь также не видѣть шаблоннаго сведенія народно-хозяйственныхъ интересовъ страны исключительно къ интересамъ „оскудѣвшаго центра". Г-нъ Гурко того мнѣнія, что „въ губерніяхъ южныхъ и юго-западныхъ упадка крестьянскаго благосостоянія не наблюдается вовсе, въ Малороссіи оно слабо выражено, ясно же опредѣлилось лишь въ центрѣ и на Востокѣ". Къ сожалѣнію, однако, оскудѣніе это въ дѣйствительности наблюдается и внѣ центра и Востока; по крайней мѣрѣ, коммиссія о центрѣ подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря Коковцева нашла необходимымъ причислить къ оскудѣвшему центру такія уже во всякомъ случаѣ нецентральныя губерніи, какъ кіевская и подольская; да и можетъ ли быть иначе, если губерніи эти являются выдающимися по минимальному количеству надѣльной земли на душу—по 1,7—1,9 дес.? Вѣдь не золото же въ самомъ дѣлѣ родится на этихъ по истинѣ карликовыхъ клочкахъ земли, чтобы они могли обезпечивать населеніе. Если малоземелье признается у насъ однимъ изъ коренныхъ золъ народнаго хозяйства, то южныя губерніи страдаютъ въ этомъ отношеніи болѣе другихъ...

Впрочемъ, при всѣхъ своихъ недочетахъ, книга г. Гурко содержитъ въ себѣ, какъ мы видѣли, много дѣльныхъ мыслей и можетъ быть прочитана не безъ интереса.—А. Лотоцкій.

Въ теченіе октября мѣсяца, въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Абраамъ, Г.—Сборникъ элементарныхъ опытовъ по физикѣ. Съ франц. п. р. Б. Вейнберга. Ч. I. Од. 905. Ц. 1 р. 50 к.

А. Г.—Наши задачи на Востокѣ. Спб. 904. Ц. 60 к.

Аррепіусъ, С.—Физика неба. Съ нѣм. п. р. А. Орбинскаго. Съ 66 черн. рис. Од. 905. Ц. 2 р.

Астыревъ, Н. М.—Въ волостныхъ судахъ. Очеркъ крестьянскаго самоуправленія. Т. I. Изд. 3-е, съ портретомъ автора. М. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Байковъ, А. Л.—Современная международная правоспособность папства, въ связи съ ученіемъ о международной правоспособности вообще. Спб. 904. Цѣна 3 руб.

Беркосъ, П.—Медицинская Зоологія, составленная по лекціямъ проф. Н. Холодковскаго. Съ 454 рис. 2-е изд. Спб. 904. Ц. 2 р. 50 к.

Билибинъ, Н.—Теоретическая ариеметика. Состав. по Бертрану. Изд. -ое. Спб. 904. Ц. 1 р. 25 к.

Б—овъ, А. Д.—Петербургская Дума въ біографіяхъ ея представителей. 1904—1910. Спб. 904.

Богомазовъ, П. — Законы о крестьянахъ и крестьянскихъ учрежденіяхъ. Вып. I: Общее Положеніе о крестьянахъ. М. 905. Ц. 60 к.

Божеряновъ, И. Н. — Какъ началась осада. Съ планомъ осады и 25 рис. Спб. 904. Ц. 20 к.

Бохановъ, Д.—Изъ тьмы вѣковъ. Либава, 904.

Бугле.—Эгалитаризмъ. Идея равенства. Съ франц. п. р. И. Брусиловскаго. Од. 904. Ц. 50 к.

Бушмакинъ, І. В. — О результатахъ изслѣдованій, произведенныхъ для устройства дополнительнаго водоснабженія верхней Волги. Спб. 904.

Быковъ, А.—Разсказы изъ исторіи Франціи XVII и XVIII вѣка. Отъ Генриха IV (1603) до Людовика XVI (1789 г.). Эпоха Бурбоновъ. Спб. 905. Цѣна 1 рубль.

Бѣлковскій, Г. А.—Русское законодательство о евреяхъ. Спб. 905. Ц. 1 р.

Бэкъ, А.—Психологія. Съ англ. перев. Вл. Н. Ивановскаго. Т. II. Подп. ц. 2 р. 50 к. М. 905.

Ванъ-Веберъ, А.—Морисъ Метерлинкъ. Крит.-біограф. очеркъ. Избіеніе младенцевъ. Разсказъ. М. 904. Ц. 40 к.

Вандервельде, Эм.—Деревенскій строй или возвращеніе на лоно природы. Съ франц. С. Стеклова. Од. 904. Ц. 80 к.

Виноградовъ, А. А.—Путеводитель по городу Вильнѣ и его окрестностямъ. Съ 50 рис. и новѣйшимъ планомъ. Въ 2 частяхъ. Вильна, 904.

Випперъ, Р., проф.—Учебникъ Древней исторіи, съ рис. и историч. картами. М. 904. Ц. 1 р.

Вормсъ, Рене.—Мораль Спинозы, изученіе ея принциповъ и вліяніе, произведенное ею въ новѣйшее время. Съ франц. Л. Богушевскій. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Гамильтонъ, Ал.—Корея. Съ англ. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Гнѣдичъ, П. П.—Бѣглые—Недвижимая собственность—и другіе разсказы. Спб. 904. Ц. 1 р.

Гарейсъ, К.—Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Съ нѣм. перев. Н. Рыжковскій, п. р. проф. А. Гусакова. М. 904. Ц. 1 р.

Гессенъ, Ю. И.—Велижская драма. Изъ исторіи обвиненія евреевъ въ ритуальныхъ преступленіяхъ. Спб. 904. Ц. 1 р.

Горбунова, Е.—Наши звѣрки. Разсказы для младшаго возраста. Съ 36 черн. и 6 хромолитографир. рис. М. 904. Ц.

Горбуновъ-Посадовъ, И.—Русскій Календарь на 1905 г. Ц. 6 к.

——— Русскій сельскій Календарь на 1905 годъ. Годъ XII. М. 904. Ц. 20 коп.

Догановичъ, Анна. — Наканунѣ службы. Изъ записокъ фельдшерицы. М. 904. Ц. 1 р.

Дорошенко, Д.—Указатель источниковъ для ознакомленія съ Южною Русью. Спб. 904. Ц. 40 к.

Дюковъ, Е., д-ръ.—О необходимости измѣненія принятой системы образо-

ванія и воспитанія медиковъ. Посвящ. печальной памяти IX Пироговскаго съѣзда. Харьк. 904. Ц. 60 к.

Зомбартъ, Веркеръ.—Современный капитализмъ. Т. I: Генезисъ капитализма. Перев. съ нѣм. п. р. В. Базарова и П. Степанова. М. 904. Ц. 2 р. 50 к.

Зѣлинскій, Ѳ., проф.—Изъ жизни идей. Научно-популярныя статьи. Спб. 905. Ц. 1 р. 25 к.

Ильбертъ, сэръ Кортней.—Монтескье. Съ англ. п. р. В. Ѳ. Дерюжинскаго. Спб. 904.

Карповъ, Н. Н.—Чеховъ и его творчество. Этюдъ. Спб. 904. Ц. 40 к.

Карлейль, Томасъ.—Sartor Desartus. Жизнь и мысли герръ Тейфельсдрека. Въ 3 кн. 1831 г. Съ англ. Н. Горбовъ, 2-е изд. М. 904. Ц. 2 р. 50 к.

Керберъ, Л., проф.—Наши морскія силы на Дальнемъ Востокѣ и Японскій флотъ. Съ 47 фотограф. и 26 рис. Спб. 904.

Кноррингъ, Ѳ. И.—Черезъ Америку и Японію. Спб. 904. Ц. 1 р.

Коваленскій, М.—Японія. Очерки японской культуры. Причины войны. М. 904. Ц. 20 к.

Коншинъ, А. Н.—Земледѣліе, промышленность и ремесла. Перев. съ англ. Изд. 2-е. М. 904. Ц. 80 к.

Костомаровъ, Н. И.—Собраніе сочиненій: Историческія монографія и изслѣдованія. Книга четвертая: т.т. IX, X и XI: Богданъ Хмельницкій. Спб. 904. Ц. 4 р.

Критсъ, В. Ѳ.—Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника. Вып. I и II. Съ 80 и 53 иллюстрац. въ текстѣ. М. 904. Ц. по 30 коп.

Куперникъ, Л. А.—Еврейское царство. Кіевъ, 904. Ц. 20 к.

Курочкинъ, А.—Изъ жизни растеній. Вып. II. М. 904. Ц. 30 к.

Львова, Е.—„Жалкое счастье“ и другіе разсказы. Съ франц. Спб. 904. Ц. 50 к.

Мейстеръ, А. К.—Геологическая карта Енисейскаго золотоноснаго района. Спб. 904.

Мельгуновъ, С.—Изъ исторіи студенческихъ обществъ въ русскихъ университетахъ. М. 904. Ц. 50 к.

Молль, Альб., д-ръ.—Врачебная Этика. Обязанности врача во всѣхъ проявленіяхъ его дѣятельности. Съ нѣм., п. р. и съ предисловіемъ В. Вересаева. Спб. 904. Ц. 2 р. 50 к.

Никитинъ, А.—Задачи Петербурга. Спб. 904. Ц. 1 р.

Никольскій, Викторъ.—Историческіе разсказы: Черноръчинскій плѣнникъ. 1893—1903 г. Спб. 904. Ц. 1 р.

Ончуковъ, Н.—Записки.—Печорскія Былины. Спб. 904.

Орловъ, Е. И.—Практическое руководство: Сухая перегонка дерева.—Полученіе древеснаго порошка и спирта. Спб. 905. Ц. 85 к.

Оствальдъ, В.—Школа химіи. Перев. съ нѣм. (Научная Библіотека, № 51). Спб. 904. Ц. 15 к.

Петражицкій, Л. I., проф.—О мотивахъ человѣческихъ поступковъ, въ особенности объ этическихъ поступкахъ и ихъ разновидностяхъ. Спб. 904. Ц. 75 к.

Потапенко, И. Н.—Два счастья. Ром. въ 3 ч. Повѣсти и Разсказы. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Пругавинъ, А. С.—Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ. Къ вопросу о вѣротерпимости. Съ критическими замѣчаніями духовнаго цензора. М. 905. Ц. 60 к.

Пыпинъ, А. Н.—Н. А. Некрасовъ. Съ 3 портр. Спб. 905. Ц. 2 р.

Разумовскій, С.—Пульчинело. Драматическая фантазія, въ 3-хъ картинахъ. М. 904. Ц. 1 р.

Рёскинъ, Дж.—Избранныя мысли. Перев. Л. Никифорова. Вып. III. М. 904. Ц. 20 к.

Рожковъ, Н.—Учебникъ всеобщей исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Спб. 904. Ц. 1 р. 10 к.

Склодовская-Кюри.—Радій и радіоактивныя вещества. Перев. съ франц. В. Филиппова. Съ 14 рис. Спб. 904. Ц. 40 к.

Смирновъ, Е., ред.—Государственный строй и политическія партіи въ Зап. Европѣ и Сѣв. Ам. Соед.-Штатахъ. Т. II. Съ 15 портр. и 5 рис. Спб. 904. Ц. 2 р. 15 к.

Тезяковъ, Н. И.—Бесѣды по гигіенѣ въ примѣненіи ея къ народной школѣ. 4-е изд. съ 7 рис. Спб. 904. Ц. 60 к.

Толстой, гр. А. К.—Полное собраніе сочиненій. Т. IV: Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Фадѣевъ, В.—Практическое руководство: Саманныя стѣны—Вальковые и плетневые потолки—Глиносоломенныя крыши. 52 рис. и 6 снимковъ на 17 таблицахъ. Спб. 904. Ц. 45 к.

Финдейзенъ, Ник.—А. Н. Сѣровъ. Его жизнь и музыкальная дѣятельность. Съ портретами, снимками и факсимиле. М. 904. Ц. 1 р. 25 к.

Фюстель де-Куланжъ.—Исторія общественнаго строя древней Франціи. Перев. п. р. проф. П. М. Гревса. Т. II: Германское вторженіе и конецъ имперіи. Спб. 904.

Хатавнеръ, I. А.—Краткія свѣдѣнія по электротехникѣ, преимущественно въ примѣненіи къ электрическому освѣщенію и химическому дѣйствію токовъ. Съ 12 чертеж. Спб. 904. Ц. 75 к.

Чиветтанде.—Стихотворенія: Эхо жизни — День любви — Приключенія сердца. Петроградъ, 904.

Шепелевичъ, Л. — Историко-литературные труды. Серія I. Спб. 904. Ц. 1 р. 70 к.

Шидловскій, К. И.—Евграфъ Алексѣевичъ Осиповъ. Сарат. 904. Ц. 30 к.

Шмёле, I.—Соціаль-демократическіе профессіональные союзы въ Германіи, со времени изданія закона противъ соціалистовъ. Ч. I. Съ нѣм. п. р. С. Н. Прокоповича. Спб. 904. Ц. 1 р. 75 к.

Шрейнеръ, О.—Грезы и сновидѣнія. Перев. съ 7-го англ. изд. Ц. В. Изд. 2-е, дополненн. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 904. Ц. 40 к.

Щербина, А. М.—Ученіе Канта о „вещи въ себѣ". Кіевъ, 904.

Ясинскій, М. Н., ред.—Сборникъ статей по исторіи права, посвященный М. Ф. Владимірскому-Буданову его учениками и почитателями. Кіевъ, 904. Ц. 3 руб.

Эленшлегеръ, Адамъ.—Ярлъ Гаковъ. Трагедія въ 5 д. Перев. съ датскаго Анны Ганзенъ. М. 904. Ц. 60 к.

Эльне.—Радій и его спутники. Лучистая энергія. Спб. 904. Ц. 1 р.

Baudoin de Courtenay, J.—Kwestya Alfabetu Litewskiego w Państwie Rosyjskiem i jej rozwiązanie. W Krakowie. 904.

Reusner, M. von.—Gemeinwohl und Absolutismus. Berl. 904.

— Библіотека Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества: 1) Павлиній

глазъ, С. Орловскаго. 2) Въ деревнѣ, четыре разсказа С. Семенова. Спб. 904. Ц. 15 и 30 к.

— Врачебная Хроника Харьковской губерніи. Годъ VIII. Харьк. 1894.

— Географическій Атласъ Т-ва „Просвѣщеніе", п. р. С. Н. Никитина. 15 выпусковъ по 40 коп.; 1 томъ въ роскошн. переплетѣ, 7 р. 80 к. Спб. 904.

— Дешевая Библіотека: № 361. Робертъ Борнсъ и его произведенія въ переводѣ русскихъ писателей, п. р. И. Бѣлоусова. № 362. Эмерихъ Мидахъ, Трагедія человѣчества, перев. Н. Холодковскаго. Спб. 904. Ц. 20 и 25 к.

— Дешевая научная Библіотека: 1) Исторія первобытнаго человѣка, Э. Клодда, перев. съ англ. 2) Невидимые богатыри. Очеркъ жизни и дѣятельности бактерій, Г. Конна, съ рис., перев. съ англ. Спб. 904.

— Записки Иваново-Вознесенскаго Отдѣленія Имп. Русск. Техническаго Общества 1904 г. Вып. III. Съ чертежами и образцами. Иваново-Возн. 904.

— Извѣстія Спб. Біологической Лабораторіи. Изд. Совѣта Лабор., п. р. П. Лесгафта. Т. VII, вып. III. Спб. 904. Подп. ц. 3 р.

— Изданія Д. П. Ефимова, Москва, 1904 г.: 1) Д. Маминъ-Сибирякъ, Вокругъ ракитоваго куста и другіе разсказы. Ц. 1 р. 2) Его же, Человѣкъ съ прошлымъ и др. разск. Ц. 1 р. 3) Г. Геффдингъ, Философскія проблемы. Перев. съ англ. Г. Котляра. Ц. 50 к. 4) А. Ачкасовъ, Пѣсни русскихъ писателей о волѣ. Ц. 75 к. 5) Эскизы Петера Альтенберга. Перев. А. и Е. Герцыкъ. Ц. 50 к.

— Изданія „Кіевской Старины": 1) Трыста найкращыхъ украиньскыхъ Писень. 2) М. Вовчокъ. Сестра та инши оповидання. 3) Того же, Кармелюкъ. Невильнычка 4) Грушевськый, М., Оповидання. 5) Крымськый, Изъ повистокъ и эскизивъ. Цина 50 коп.

— Изданія „Посредника": 1) Хлѣбный огородъ, или ручное земледѣліе, Е. И. Попова. 2) Очерки: Въ родной деревнѣ—Гаврила Скворцовъ, С. Семенова. 3) Хотымскій, На новомъ мѣстѣ. 4) Бѣлыя рыбы Англіи, Р. Ширарда, перев. А. Коншинъ. 5) Родныя души, пов. С. Семенова. 6) Л. Николаева, Сто вегетаріанскихъ блюдъ. М. 904. Всего на 2 р. 70 к.

— Изданія Вл. Распопова, Одесса, 1904 г.: 1) Дж. Моррисъ, Молодая Японія, съ англ. перев. Л. Чудновской, съ 27 рис. Ц. 75 к. 2) В. Ф. Арнольдъ, Политико-экономическіе этюды Ц. 50 к. 3) Ф. Рихардъ, Новѣйшіе успѣхи въ области электричества, съ 27 рис. Перев. А. Шутинскаго, п. р. Б. Вейнберга. Ц. 50 к. 4) Г. Лоренцъ, Видимыя и невидимыя движенія, съ 40 чертеж. Перев. С. Шпенцера, п. р. Б. Вейнберга. Ц. 50 к.

— Историческій очеркъ дѣятельности Херсонскаго Губернскаго Земства за 1865—99 г.г. Вып. I. Херс. 904.

— Историко-политическая Библіотека: 1) В. Зомбартъ, Идеалы соціальной политики, съ нѣм. перев. В. Теплова. Изд. 2-е. Спб. 905. Ц. 40 к. 2) Л. В. Новгородцевъ, Германія и ея палестинская жизнь. Спб. 904. Ц. 1 р. 20 к.

— Книги и журналы для чтенія учащихся въ средней школѣ, разрѣшенныя Мин. Нар. Пр. за первую половину 1904 г. М. 904. Ц. 20 к.

— Музей прикладныхъ знаній въ Москвѣ: 1) Начала раскола; 2) Чѣмъ всѣ предметы похожи другъ на друга? 3) Вулканы. М. 904. Ц. по 6 к.

— Пермскій Научно-Промышленный Музей. Вып. I: Матеріалы по изученію Пермскаго Края. Пермь, 904. Ц. 1 р.

— Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Т. 119-ый. Спб. 904.

— Списокъ книгъ и періодическихъ изданій, разрѣшенныхъ М. Н. Пр. въ первую половину 1904 года для низшихъ учебныхъ заведеній, народныхъ библіотекъ и для публичныхъ народныхъ чтеній. М. 904. Ц. 10 к.

— Сборникъ постановленій земскихъ Собраній Новгородской губерніи. Т.т. I и II. Новг. 904.

— Сборникъ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ въ школѣ и дома. Труды Коммиссіи по устройству чтеній для учащихся. I. М. 904. Ц. 1 р. 50 к.

— Статистическій Сборникъ по Ярославской губерніи.—Сельскохозяйственный обзоръ за 1903 г.: Община—Черезполосица и подворно-участковое хозяйство—Улучшенныя сѣмена овса и ржи—Расходы крестьянъ на изгороди, дороги и мосты. Яросл. 904. Вып. 17-ый.

— Уставъ полевой службы и наставленіе для дѣйствія въ бою отрядовъ изъ всѣхъ родовъ оружія. Спб. 904. Ц. 40 к.

— Уставъ строевой службы артиллеріи. Ѣзда пѣшей и конной артиллеріи. Наставленія для ковки лошадей. Правила сѣдловки, амуниченія и запряганія. Спб. 904. Ц. 40 к.

НОВАЯ ПОВѢСТЬ г. ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА.

I.

Дѣйствіе происходитъ въ сѣренькой деревенской обстановкѣ, въ наши дни, но интересъ его—внѣ времени и пространства. Вѣчные вопросы о жизни и смерти, о человѣкѣ и неизвѣданныхъ тайникахъ его души. И какъ часто, когда они поднимаются, происходитъ то, о чемъ говоритъ Заратустра, смѣясь надъ человѣческой мудростью: „Взоръ устремляется въ пустое пространство, а рука протягивается къ вершинѣ“.

Такова повѣсть „Жизнь Василія Өивейскаго“, помѣщенная въ последнемъ сборникѣ „Знанія“. Авторъ протянулъ руку къ вершинѣ познанія жизни и увидалъ передъ собой пустоту. И, какъ человѣкъ сострадательный и мыслящій, ощутилъ ужасъ и холодъ смерти, и содрогнулся, и написалъ слово о томъ, что человѣческая воля и разумъ, и всѣ усилія чувства и вѣры—ничто передъ трезвой, дѣйствительной жизнью, которая есть страданіе и скорбь, извѣка ниспосланныя міру. И когда писалъ, вѣрилъ, что это—истина, потому что, при всѣхъ излишествахъ воображенія, чувствуется, что г. Л. Андреевъ—искренній писатель.

Скромный сельскій священникъ о. Василій Өивейскій—лишь случайная, преходящая форма чего-то вѣчнаго, лежащаго въ основѣ вещей и явленій. Нѣтъ разницы между нимъ и той жалкой бабочкой, которая летѣла на огонь и сгорѣла въ яркомъ и безсмысленномъ пожарѣ. Г-нъ Андреевъ могъ бы взять сюжетъ своей повѣсти изъ древне-греческой жизни, и могъ бы разсказать съ тѣмъ же настроеніемъ о томъ, какъ безплодны усилія всѣхъ, сколько ни есть въ мірѣ Эдиповъ, уйти отъ суровой „мойры“—рока. И потому внѣшняя обстановка повѣсти отступаетъ на такой отдаленный планъ, что является возможнымъ не говорить о ней вовсе. Интересъ разсказа уносится авторомъ въ высь, и читатель едва-едва поспѣваетъ за нимъ въ крутящемся полетѣ мысли надъ неизвѣданными безднами, въ туманахъ и сумракѣ, озаряемомъ яркимъ сверканіемъ молній. Изнемогая отъ нечеловѣческихъ усилій, авторъ напрягаетъ всю остроту своего зрѣнія, чтобы, въ моменты внезапныхъ огненныхъ проблесковъ, заглянуть въ невѣдомую глубину и уловить въ безразличіи хаоса единое человѣческаго міра и смысла жизни. На этой высотѣ не хочется думать о мелкихъ подробностяхъ быта, въ которомъ изображается человѣческое суще-

ство—жертва разсказа, одна изъ милліоновъ жертвъ, жившихъ, живущихъ и имѣющихъ жить на землѣ.

„Мойра“ явилась исходнымъ пунктомъ и опредѣляющимъ началомъ повѣсти. „Надъ всею жизнью Василія Ѳивейскаго тяготѣлъ суровый и загадочный *рокъ*. Точно проклятый невѣдомымъ проклятіемъ, онъ съ юности несъ тяжелое бремя печали, болѣзней и горя, и никогда не заживали на сердцѣ его кровоточащія раны. Среди людей онъ былъ одинокъ, словно планета среди планетъ, и особенный, казалось, воздухъ, губительный и тлетворный, окружалъ его, какъ невидимое, прозрачное облако. Сынъ покорнаго и терпѣливаго отца, захолустнаго священника, онъ самъ былъ терпѣливъ и покоренъ, и долго не замѣчалъ той зловѣщей и таинственной преднамѣренности, съ какою стекались бѣдствія на его некрасивую, вихрастую голову. Быстро падалъ и медленно поднимался; снова падалъ и снова медленно поднимался, — и хворостинка за хворостинкой, песчинка за песчинкой трудолюбиво возстановлялъ онъ свой непрочный муравейникъ при большой дорогѣ жизни. И когда онъ сдѣлался священникомъ, женился на хорошей дѣвушкѣ и родилъ отъ нея сына и дочь, то подумалъ, что все у него стало хорошо и прочно, какъ у людей, и пребудетъ такимъ навсегда. И благословилъ Бога, такъ какъ вѣрилъ въ Него торжественно и просто: какъ іерей и какъ человѣкъ съ незлобивой душой“.

А затѣмъ, страница за страницей, раскрывается въ повѣсти рядъ эпизодовъ, изъ которыхъ складывается эта роковая жизнь, окрашенная нѣсколько библейскимъ колоритомъ: смерть Васи, безумное зачатіе идіота, „черная тѣнь грядущаго“, лежащая на полу-идіоткѣ Настѣ, пьяная попадья, сгорающая живьемъ, волнующаяся, сбивчивая смѣна послѣдующихъ событій, съ ужасомъ исповѣди у полупомѣшаннаго попа, —все это поселяетъ въ душѣ тяжелый, удушливый кошмаръ, гнетущее чувство безсильнаго состраданія и ужаса передъ чѣмъ-то безформеннымъ, жестокимъ и отвратительно-безстрастнымъ, что̀, по г. Андрееву, люди назвали жизнью. Падаютъ ли удары рока извнѣ, или они выражаются въ томъ, что человѣкъ таитъ проклятіе въ себѣ, въ своей крови, и въ потомствѣ своемъ видитъ казнь свою, за грѣхи отцовъ и всего человѣчества,—не все ли равно?—онъ одинаково ужасенъ и безысходенъ для мысли. И г. Андреевъ является поэтомъ этого рокового ужаса, передававшагося читателю уже изъ болѣзненныхъ, неровныхъ штриховъ прежнихъ его разсказовъ, въ родѣ „Бездны“ или „Въ туманѣ“. Въ нашей повѣсти, какъ и въ этихъ разсказахъ, писатель показалъ, какое больное чувство—этотъ роковой, внѣ человѣческой воли существующій ужасъ: онъ леденитъ до омертвѣнія и жжетъ какъ огонь, а на творчествѣ отражается образами односторонне-повышенной боле-

вой чувствительности и разстроеннаго, словно кричащаго воображенія. Эти образы сами собой просятся на картины, проникнутыя мучительно захватывающимъ настроеніемъ, но далекія отъ естественности и простоты. Искусственный подборъ такихъ ббразовъ становится здѣсь, если можно такъ выразиться, естественнымъ, сближая нашего писателя съ нѣкоторыми изъ современныхъ художниковъ настроенія. На одной изъ заграничныхъ выставокъ мы помнимъ картину: вся въ сумрачныхъ вечернихъ тонахъ; впереди, совсѣмъ близко къ зрителю, стволъ дерева съ вѣтвями и сливающейся съ сумракомъ ночи массой листвы; на одной изъ вѣтокъ чутко насторожившаяся птица съ зловѣще блестящимъ глазомъ, неестественно раскрытымъ и подчеркнутымъ бѣлой каймой, а вдали, виднѣясь лишь кое-гдѣ межъ листвы, кровавой полосой протянулась вечерняя заря... Отъ картины вѣяло безнадежностью и какой-то конченностью, точно тамъ, за этимъ деревомъ съ зловѣщей птицей, не было ни людей, ни жизни, точно эта ночь—послѣдняя на землѣ. Г-нъ Андреевъ преднамѣренно, можно думать, обходитъ яркіе солнечные дни и радостные моменты жизни. Онъ предпочитаетъ ночь, осеннюю вьюгу, ночную метель, грозу и бурю; на нихъ онъ расходуетъ, не жалѣя, сгущенныя, мрачныя краски своей палитры,—и вокругъ несчастной поповской семьи сама природа дышитъ призраками и проклятьемъ. Картины его вызываютъ моментами невольную дрожь... Въ наглухо закрытые ставни упорно стучитъ осенній дождь, тяжко вздыхаетъ ненастная ночь. А у дверей стоитъ само безуміе: „его дыханіемъ былъ жгучій воздухъ, его глазами—багровый огонь лампы, задыхавшійся въ глубинѣ чернаго, закоптѣлаго стекла". Въ такую ночь сама „вѣчно-лгущая жизнь" словно обнажаетъ свои темныя, таинственныя нѣдра, а пьяная попадья требуетъ отъ о. Василія ласкъ, которыя привели бы ее къ новой жизни, къ этой, по выраженію г. Андреева, „далекой и чудесной возможности", къ этому „чудесному воскресенію".

Особый родъ импрессіонизма, выражающійся въ подобныхъ изображеніяхъ, нашелъ въ языкѣ писателя сильное и мѣстами яркое средство. Но тамъ, гдѣ онъ пытается связать внѣшній и внутренній міры при посредствѣ больныхъ грезъ о. Василія, эти попытки выходятъ слишкомъ дѣланными и портящими впечатлѣніе. И по всей повѣсти, написанной не вдохновеннымъ порывомъ, но талантливо сдѣланной, проходитъ нѣкоторая вычурная красивость, кое-гдѣ нарушенная грубыми мазками. „Бѣсноватая" метель у нашего автора кувыркается, поетъ, крестообразно обнимаетъ закоченѣвшую землю, садится на корточки и поскрипываетъ зубами. Подобные ббразы, впрочемъ, встрѣчаются въ послѣдней повѣсти рѣже, чѣмъ прежде, и хочется вѣрить, что въ борьбѣ съ расходившейся, словно метель, фантазіей окрѣпнутъ

силы молодого писателя, обезпечивъ ему побѣду ясной, отчетливой работы надъ подсказываньемъ какого-то темнаго духа, который толкаетъ подъ руку и застилаетъ свѣтъ. О такой работѣ говоритъ поэтъ:

Малѣйшую черту обдумай строго въ ней,
Чтобъ выдержанъ былъ строй въ наружномъ безпорядкѣ,
Чтобы божественность сквозила въ каждой складкѣ,
И образъ весь сіялъ огнемъ души твоей...

Сначала—вдохновенный порывъ, радостное зачатіе, потомъ—разсчетливо-вдумчивая, медлительная и мучительная—муками родовъ—работа, пока духъ безтѣлесный, вдохновенная мысль, не облечется въ плоть и кровь и не явится міру, новосказанная, новорожденная любовью. Такъ готова была осуществиться Тургеневская Эллисъ изъ туманнаго вначалѣ, блѣднаго призрака въ живомъ и яркомъ созданіи. Эллисъ—какой это одухотворенный, поэтическій символъ того, какъ творческая мечта мучительно ищетъ претвориться изъ крови и мозга писателя въ безсмертный образъ, взять у него отраду, сокъ и жизнь и изъ жалобнаго, невѣдомо откуда берущагося звона струны вырости въ человѣческій, отчаянный вопль, который потрясаетъ сердце! У г. Андреева вдохновеніе не соразмѣрено съ разсчетомъ, и оттого рядомъ съ удивительной глубиной творческаго постиженія вы встрѣчаете невужно-придуманные, мѣстами мелодраматическіе эффекты, въ родѣ торжественнаго заявленія Богу своего „я вѣрую" въ полѣ, среди ночной темноты...

II.

Но съ этихъ странныхъ, неровныхъ страницъ, говорящихъ о безсонныхъ ночахъ и безумныхъ попыткахъ разорвать ткань, отдѣляющую жизненно-ясное и познанное отъ невѣдомаго и страшнаго, окружающаго насъ,—смотритъ на читателя нѣчто серьезное и важное, какая-то тяжелая и, какъ сфинксъ, загадочная дума о жизни. И читатель не можетъ не поддаться властному призыву этой думы, влекущей къ себѣ, ударяющей по сердцу безконечной гаммой переходовъ отъ безысходнаго отчаянія, на границѣ смерти, до радостной надежды и довѣрчивой мечты. Повѣсть г. Андреева приковываетъ къ думѣ о жизни—въ этомъ ея основное значеніе и тайна интереса.

Проходитъ эта дума сквозь душу Василія Ѳивейскаго, истерзанную исповѣдью безконечной цѣпи людскихъ страданій и страха, въ которой тонутъ его личныя скорби, и въ душѣ его поднимается не сознаніе, но *чувство* безпредѣльнаго ничтожества предъ тѣмъ неуловимымъ, страшнымъ и темнымъ, что̀ господствуетъ надъ жизнью и смѣется надъ человѣкомъ. И Ѳивейскій по неисповѣдимо-таинствен-

ному велѣнію, таившемуся въ его крови, отдаетъ этому властелину жизни и свою мысль, и свою волю. Исповѣдуетъ Василій Өивейскій, слышитъ сокровенныя отъ міра рѣчи, простыя и страшныя, искреннія и лживыя, и чудится ему въ этихъ рѣчахъ какая-то смутная правда. „За тысячами ихъ маленькихъ, разрозненныхъ враждебныхъ правдъ сквозили туманныя очертанія одной великой, всеразрѣшающей правды". Въ жизни она не давалась людямъ; она приходила, какъ отрицаніе самой мысли о жизненной правдѣ, какъ уничтоженіе и смерть. „Всѣ осуждали жизнь, но никто не хотѣлъ умирать,—слышалось о. Василію въ неразборчивыхъ рѣчахъ исповѣдниковъ,—и всѣ чего-то ждали, напряженно и страстно, и не было начала ожиданію, и казалось, что отъ самаго перваго человѣка идетъ оно. Прошло оно черезъ всѣ умы и сердца, уже исчезнувшіе изъ міра и еще живые, и оттого стало оно такимъ повелительнымъ и могучимъ. И горькимъ оно стало, ибо впитало въ себя всю печаль несбывшихся надеждъ, всю горечь обманутой вѣры, всю пламенную тоску безпредѣльнаго одиночества. Соки сéрдца всѣхъ людей, живыхъ и мертвыхъ, питали его и мощнымъ деревомъ раскинулось оно надъ жизнью. И минутами, теряясь среди душъ, какъ путникъ среди безконечнаго лѣса, онъ терялъ все выстраданное имъ, суровой скорбью увѣнчавшее его голову, и самъ начиналъ чего-то ждать—ждать нетерпѣливо, ждать грозно".

Но „люди" только мелькаютъ въ его сознаніи, вся же работа души творится вокругъ болѣзненно-обособленнаго „я", то сжимающагося въ жалкое ничто, то разрастающагося до невѣроятныхъ, маніакальныхъ размѣровъ. „И съ смутнымъ чувствомъ близкаго ужаса онъ начинаетъ понимать, что онъ не господинъ людей, и не сосѣдъ ихъ, а ихъ слуга и рабъ, и блестящіе глаза великаго ожиданія ищутъ его, и приказываютъ ему—его зовутъ". Подвигъ его — послужить орудіемъ въ рукахъ всемогущаго и страшнаго Бога, поглотившаго греческую „мойру", упразднить смерть и въ грезахъ „солнечнаго безумія" утвердить вѣчную жизнь на обломкахъ стараго, падающаго міра.

Воспаленный мозгъ родитъ „солнечное безуміе", темное сознаніе тянется къ яркому свѣту—налицо всѣ признаки того, что обыкновенные люди называютъ душевной болѣзнью, а нѣкоторые философы и поэты—гранью, гдѣ соприкасаются небо и земля. Г-нъ Леонидъ Андреевъ превосходно показалъ картину зарожденія и развитія безумныхъ грезъ о. Василія, которыми кончилось его строительство жизни. Картина написана, и неправо будетъ судить о ней тотъ, кто станетъ требовать отъ нея не того, что̀ хотѣлъ и могъ дать художникъ. Ею можно любоваться, если она только прекрасна, надъ ней и по поводу ея слѣдуетъ думать, если она серьезна и заключаетъ нѣчто интересное въ общечеловѣческомъ смыслѣ и нужное и важное для жизни.

И картина г. Андреева такова, что человѣкъ невольно начнетъ думать, уже отрѣшившись отъ картины, о самихъ явленіяхъ жизни, изображенныхъ въ ней. И чѣмъ дальше пойдутъ его мысли отъ того, что̀ ближайшимъ образомъ хотѣлъ сказать художникъ, тѣмъ, стало быть, произведеніе его значительнѣе и глубже. Въ томъ-то и заключается одна изъ цѣлей искусства, чтобы изображенное отдѣлялось отъ рамы и могло распространиться на весь окружающій міръ. И говорить о жизни вообще по поводу уголка жизни, захваченнаго кистью,—законнѣйшее право каждаго мыслящаго человѣка.

Простая истина, а между тѣмъ сколько изъ-за нея ломается копій въ безконечныхъ толкахъ и спорахъ объ искусствѣ! Столь же простая истина, какъ и то, что сокровенный смыслъ картины образуется не кистью и красками, не перомъ и бумагой, но духомъ и мыслью творца, что въ этомъ смыслѣ прежде всего раскрыто его міросозерцаніе, о которомъ думать надлежитъ прежде всего потому, что оно неотдѣлимо отъ смысла. Смыслъ творенія—это частное, міросозерцаніе творца—это общее, давшее частному направленіе и колоритъ. И когда мы задумываемся надъ смысломъ какого-нибудь произведенія, то вопросъ о томъ, ка̀къ и что̀ думаетъ авторъ его о мірѣ и путяхъ и цѣляхъ человѣческаго существованія, имѣетъ необходимое и существенное значеніе.

Что̀ думаетъ о мірѣ дѣйствительности и смыслѣ жизни авторъ „Василія Ѳивейскаго“ и для чего и для кого написалъ онъ все это? Конечно, судить о томъ возможно лишь при условіи извѣстной предположительности. Но безошибочно можно утверждать, что авторъ „Жизни Василія Ѳивейскаго“, примыкающей къ такимъ разсказамъ, какъ „Смерть Сергѣя Петровича“, „Бездна“ и „Ложь“—человѣкъ, не считающій этого міра лучшимъ изъ міровъ,—иначе онъ посылалъ бы людямъ, въ своихъ произведеніяхъ, идиллическія улыбки и неувядающія гирлянды розъ безъ шиповъ, какъ символы радости и счастья. Авторъ этихъ произведеній—не равнодушный или черствый человѣкъ, иначе онъ не подмѣтилъ бы въ жизни столько безисходнаго страданія и скорби. Напротивъ, онъ—возмущенный этимъ страданіемъ человѣкъ, съ выраженіемъ ужаса на всемъ, что̀ онъ пишетъ,—оттого онъ такъ терзаетъ насъ картинами страшнаго суда, творимаго самой жизнью, въ которой не нашлось человѣческой справедливости и Божьей правды для смиреннѣйшаго изъ людей—деревенскаго попа Василія Ѳивейскаго. И не затѣмъ разсказалъ г. Андреевъ жизнь бѣднаго попа, чтобы повѣдать только, до чего изстрадался человѣкъ, но главнымъ образомъ, чтобы показать всѣмъ такимъ же страдальцамъ, что эта правда—есть, что Ѳивейскій нашелъ ее, что она—въ отрѣшеніи отъ всѣхъ жизненно-реальныхъ интересовъ, въ освобожденіи отъ земныхъ низ-

менныхъ тяготъ, съ тѣмъ, чтобы воспарить одиноко въ горній и свѣтлый міръ золотыхъ, благоухающихъ правдою грезъ и видѣній безумно-радостнаго забытья.

Такъ ли думаетъ самъ г. Андреевъ, мы не знаемъ, но слова его о трезвой, дѣйствительной жизни — все горькія и скорбныя слова. Все въ ней одно страданіе, и плачъ, и печаль, и ни въ чемъ нѣтъ прочнаго утѣшенія, и куда бы человѣкъ ни обратилъ свой взоръ, все передъ нимъ—или глухая стѣна, или ложь, которую нельзя побѣдить. „А если нельзя побѣдить, нужно умереть",—говоритъ у г. Андреева герой одного разсказа. И Василій Өивейскій умираетъ для той жизни, которой живутъ на землѣ милліоны обыкновенныхъ трезвыхъ и здоровыхъ людей.

Вторая половина повѣсти можетъ быть названа разсказомъ о призракѣ и загадкѣ. Тѣмъ, кто превращаетъ реальный міръ въ роковое сцѣпленіе призраковъ и загадокъ, невольно придутъ на память полубезумныя, полугеніальныя, но одинаково поэтическія строки нѣмецкаго Заратустры, обращенныя къ тѣмъ, кто надѣленъ пытливой и смѣлой мыслью и слишкомъ чувствительной и слабой душою.

„Вамъ, смѣлымъ искателямъ,—говоритъ Заратустра,—устремляющимся подъ обманчивыми парусами въ ужасныя моря;—

„вамъ, опьяненнымъ загадками и радующимся полумраку, вамъ, чья душа привлекается звуками свирѣли въ обманчивые водовороты: —ибо вы не хотите держаться трусливой рукой за спасительную нить и презираете доказательства тамъ, гдѣ можете угадать;—

„вамъ однимъ разскажу я о загадкѣ, которую видѣлъ я,—о призракѣ, представшемъ предъ одинокимъ".

И далѣе: „Я поднимался, я грезилъ, я думалъ, но все давило меня. Я походилъ на больного, котораго усыпляетъ жестокость страданій его, но котораго снова будитъ кошмаръ, прерывающій сонъ его"...

Такъ говоритъ Заратустра, и такъ могъ бы, кажется, опредѣлить состояніе своей творческой мысли и духа нашъ писатель.

„О, какое безуміе быть человѣкомъ и искать правды! — Какая боль!—восклицаетъ г. Андреевъ въ разсказѣ „Ложь";—и человѣкъ долженъ былъ погибнуть, если онъ не мирился съ ложью.

Мы не можемъ не видѣть въ этомъ разсказѣ г. Андреева вопроса о смыслѣ жизни, гдѣ все, что̀ реально и трезво, все это—страданіе и ложь, а въ „Василіѣ Өивейскомъ", нашедшемъ правду въ заоблачныхъ грёзахъ,—отвѣта на этотъ вопросъ.

III.

Передъ нами психологическая задача, къ рѣшенію которой призывается каждый читатель. Отвѣтъ ли это? Искать и не находить въ реальной жизни — значитъ ли это, что нельзя найти? И не есть ли смыслъ жизни въ самомъ процессѣ исканія, возносящаго душу на недосягаемую высоту сознанія и чувства? Писатель увелъ своего Өивейскаго отъ страшной дѣйствительности въ міръ внутренней исключительности и заставилъ пережить такія состоянія и восторги, о которыхъ онъ не повѣдаетъ міру. Но такъ ли ужъ соблазнительно это, и можно ли допустить, какъ реальную мысль, утвержденіе, что человѣкъ, живущій интересами духа и въ то же время жаждущій высшаго счастья, долженъ презрѣть постигнутую наготу реальной жизни и утопить отчаяніе свое въ мірѣ безумно-восторженнаго созерцанія?

Какъ этотъ призывъ характеренъ для нашего времени, съ его капризной смѣной колеблющихъ общественную душу настроеній! Но обратимся къ повѣсти и попытаемся взглянуть на дѣло проще. По г. Андрееву, трагизмъ вопроса заключается въ роковомъ предопредѣленіи, постигающемъ Василія Өивейскаго. Однако и безъ этого предопредѣленія жизнь Өивейскаго была бы если и менѣе внѣшне-трагична, то не менѣе печальна съ точки зрѣнія высшихъ человѣческихъ запросовъ—и прежде всего любви. Холодна была его душа, и жизнь его прошла бы безъ намека на тоску о жизненномъ идеалѣ, такъ же тускло и глухо, какъ и жизнь старосты Ивана Копрова, этого крѣпколобаго антипода безумному попу. Строилъ бы онъ муравейникъ, рожалъ дѣтей, работалъ въ полѣ и благословлялъ бы Бога, думая, что все идетъ хорошо. А этотъ муравейникъ, и только муравейникъ, былъ дорогъ ему, такъ дорогъ, что когда посыпались несчастья, онъ обезумѣлъ. Сильный духомъ, онъ сбросилъ съ себя послѣднее, связывавшее его съ суетными заботами о жизни, но не съ тѣмъ, чтобы остаться съ людьми и служить имъ освобожденнымъ духомъ, но чтобы перешагнуть границы человѣческой мысли и вступить въ бездонныя солнечныя глубины новаго міра, который уже не будетъ землею. Писатель опредѣляетъ этотъ міръ, какъ — „міръ любви, міръ божественной справедливости, міръ свѣтлыхъ безбоязненныхъ лицъ, не опозоренныхъ морщинами страданій, голода, болѣзней“.

Итакъ, вотъ окончательный отвѣтъ Василія Өивейскаго тѣмъ людямъ, которые не хотятъ вести безсмысленную жизнь Ивановъ Копровыхъ:—Прочь отъ жалкой и грубой дѣйствительности, разбивающей человѣческую волю и трезвую, ясную мысль; населяйте волшебные міры грезъ въ бездонныхъ солнечныхъ глубинахъ,—и вы найдете

тамъ и высшую справедливость, и высшее божественное счастье. А реальный вашъ міръ—суета и тлѣнъ, и проклятіе извѣка лежитъ на немъ,—и горе тѣмъ, кто въ немъ, строя муравейникъ, думаетъ найти правду! Таковъ смыслъ новой повѣсти г. Андреева.

Мы не беремъ на себя задачи изслѣдовать общій вопросъ о смыслѣ и правдѣ жизни, вопросъ, имѣющій свою исторію, старую, какъ человѣкъ на землѣ. Но въ качествѣ средняго читателя, опредѣляющаго свое отношеніе къ произведенію столько же непосредственнымъ чувствомъ, сколько и отвлеченнымъ разсужденіемъ, позволимъ себѣ подѣлиться впечатлѣніемъ, которое мы вынесли изъ неоднократнаго чтенія этой повѣсти. Впечатлѣніе это двоякое: „страшно-близкое, по выраженію того же г. Л. Андреева, и страшно далекое“. Близкое уму, который воспитанъ на роковыхъ случайностяхъ жизни, и далекое, страшно далекое душѣ по господствующему въ повѣсти настроенію, чувству. Отъ нея вѣетъ на насъ, исключая двухъ-трехъ страницъ, холодомъ одиночества, ужасомъ смерти. А человѣческая душа пуще всего боится одиночества, того состоянія, когда она—

> сама собою стѣснена,
> Жизнь ненавистна, но и смерть страшна,—

она невольно ищетъ сочеловѣчества, стремится образовать, въ нормальныхъ условіяхъ, среду психическую, въ которой могъ бы распространяться связующій людей токъ взаимопониманія и сочувствія. Въ повѣсти г. Андреева всѣ страшно одиноки, всѣ сами по себѣ—кто по своей, кто не по своей винѣ, а по какому-то странному недоразумѣнію, какой-то недоговоренности между собой. „О. Василій былъ такъ видимо обособленъ, такъ непостижимо чуждъ всему, какъ еслибы онъ не былъ человѣкомъ, а только движущейся оболочкой его. Онъ дѣлалъ все, что̀ дѣлаютъ другіе, разговаривалъ, работалъ, пилъ и ѣлъ, но иногда казалось, что онъ только подражаетъ дѣйствіямъ живыхъ людей, а самъ живетъ въ другомъ мірѣ, куда нѣтъ доступа никому“. Семья такъ же далека отъ него, какъ и весь остальной міръ. Вотъ разговариваютъ въ зимнія сумерки отецъ и дочь, два существа — „похожія и разныя“, по выраженію автора:

„— Ты дочь моя? Почему же я этого не зналъ? Ты знаешь?

— Нѣтъ.

— Пойди и поцѣлуй меня.

— Не хочу.

— Ты меня не любишь?

— Нѣтъ; никого не люблю.

— Какъ и я!—и ноздри попа раздулись отъ сдержаннаго смѣха.

— А вы тоже никого не любите? А маму? Она очень пьетъ. Ее я тоже бы убила“...

И всѣ они одиноки—и Иванъ Копровъ, безнадежно завалившій душу житейскимъ хламомъ, и Семенъ Мосягинъ, съ шутовски-нелѣпымъ сцѣпленіемъ маленькаго грѣха и большого страданія въ его жизни, и всѣ эти мужики, приходящіе на исповѣдь за живой водой человѣческаго сочувствія и любви.

Этой-то любви и не даетъ имъ Василій Ѳивейскій; ее замѣняютъ у него жалость и страхъ. Если еще жалость приближала его къ людямъ, то страхъ окончательно отчуждалъ и дѣлалъ безконечно далекимъ человѣческому страданію и горю. Призванный врачевать больную душу любовью и утѣшеніемъ, онъ ни одной капли бальзама не пролилъ въ нее, и люди уходили отъ него неудовлетворенными и холодными. Понимаете ли вы весь ужасъ суевѣрно-настроеннаго человѣка, который совершилъ преступленіе и уже самъ „ждетъ ада" и „свыкся съ нимъ"? А отъ духовнаго врачевателя своего онъ слышитъ грозную рѣчь: — „На землѣ адъ, въ небѣ — адъ. Гдѣ же твой рай? Будь ты червь, я раздавилъ бы тебя ногой,—но вѣдь ты человѣкъ! Человѣкъ?... Или червь? Да кто же ты, говори!... Гдѣ же твой Богъ? Зачѣмъ оставилъ онъ тебя?" И сердце Семена Мосягина, конечно, не размягчалось отъ такихъ рѣчей и послѣ исповѣди не становилось ближе къ Богу и людямъ. И напрасно отнесъ г. Леонидъ Андреевъ къ Ѳивейскому слѣдующія слова: „Онъ (о. Василій) позвалъ къ себѣ горе людское—и горе пришло. Подобно жертвеннику пылала его душа, и каждаго, кто подходилъ къ нему, хотѣлось ему заключить въ братскія объятія и сказать: „бѣдный другъ, давай бороться вмѣстѣ и плакать и искать. Ибо ни откуда нѣтъ человѣку помощи"...

„Но не этого,—продолжаетъ писатель—ждали отъ него измученные жизнью люди, и съ тоскою, съ гнѣвомъ, съ отчаяніемъ онъ твердилъ:—Его проси. Его проси".

Нѣтъ, именно этого ждали отъ него люди,—братскаго участія, общихъ слезъ, взаимнаго раскрытія душъ. Именно этого, а не грозы, не наставленія и формальнаго призыва къ молитвѣ. И когда мелькалъ намекъ на возможность подобнаго братскаго единенія, получалась у того же автора черта замѣчательная по проникновенности и глубинѣ. „Часто моргая рѣсницами, Мосягинъ вскинулъ на попа влажный, затуманенный взоръ и встрѣтился съ его острыми блестящими глазами—и что-то увидѣли они другъ въ другѣ близкое, родное и страшно печальное. Несознаваемымъ движеніемъ они подались одинъ къ другому, и о. Василій положилъ руку на плечо мужика: легко и нѣжно легла она, какъ осенняя паутина. Мосягинъ (этотъ, замѣтьте, „свыкшійся съ адомъ" человѣкъ) ласково дрогнулъ плечомъ, довѣрчиво поднялъ глаза и сказалъ, жалко усмѣхаясь половинкою рта: — А можетъ полегчаетъ?—Попъ не слышно снялъ руку и молчалъ". Попъ снялъ

руку—и два человѣка, два брата разошлись снова чуждыми и непонятыми другъ другомъ существами, снова одинокими и холодными: одинъ съ своей болѣзненной затаенной идеей, другой съ мыслью о вѣчномъ мученіи ада. Любовь была готова примирить въ нихъ эти разнострождущія начала, уравновѣсить и смягчить ихъ—и не примирила: на довѣрчивый вызовъ Мосягина не отозвалась холодная душа попа: ему невдомёкъ стало, до какой степени изжаждалась простой человѣческой любви темная, суевѣрная, мужицкая душа. „Онъ снялъ руку и молчалъ". Сказать ему было нечего...

И вотъ намъ, въ отвѣтъ на основную мысль повѣсти, кажется, что не туда обратился г. Андреевъ въ поискахъ своихъ за правдой и смысломъ жизни. Міръ любви, міръ божественной справедливости не тамъ, въ безумныхъ грезахъ надзвѣзднаго восторженнаго созерцанія, куда нѣтъ доступа здоровой человѣческой мысли, а здѣсь, на землѣ, среди милліоновъ Мосягиныхъ и Копровыхъ, или страждущихъ, или не вѣдающихъ божественныхъ тревогъ исканія Божьей правды, которую такъ испытующе ловитъ въ хаосѣ явленій г. Андреевъ. Божьей правды нечего искать въ надзвѣздныхъ мірахъ, она дана всѣмъ—самымъ простымъ и немудренымъ людямъ. Среди нихъ она разметалась и затерялась—тамъ и отыскивать ее нужно. Ниже надзвѣздныхъ міровъ, бриллiантами сверкающихъ въ болѣзненныхъ грезахъ и неоплодотворенныхъ любовью порывахъ, и выше земли, куда только можетъ досягнуть незатуманенное духовное око,—вотъ безконечной ширины дорога, вѣчно старый и вѣчно новый путь, по которому сѣтью нераскрытыхъ узоровъ пробѣжала правда, какъ жилки драгоцѣнныхъ горныхъ породъ по лицу земли. Г-нъ Андреевъ отнялъ любовь у этой дороги жизни, и, наполнившись ужасомъ, она стала для него только юдолью страданій и плача, въ то время, какъ рука потянулась къ вершинѣ...

Не то чудо имѣетъ цѣну, что̀ творится на небесахъ, а то, что̀ здѣсь, на землѣ. Пойди Василій Ѳивейскій къ людямъ и раскрой передъ ними душу, освобожденную отъ напрасной любви къ разрушенному муравейнику, они согрѣли бы ее и усыпили бы горе, раздувшее еле тлѣвшую искру безумія въ цѣлый пожаръ. И горе уснуло бы, а съ нимъ уснуло бы, можетъ быть, и безуміе; а если бы оно и проявилось въ дѣтяхъ, то все-же было бы однимъ яркимъ безуміемъ меньше. И то чудо, котораго онъ ждалъ отъ своего жалкаго, напряженнаго суевѣрія, совершилось бы при посредствѣ любви, и повторилось бы то же, что̀ изобразилъ г. Андреевъ въ одной многозначительной и трогательной сценкѣ. Взялъ попъ цыпленка въ руки, поцѣловалъ его пушистую голову, и цыпленокъ, пригрѣтый теплотой руки и съ вѣрой въ человѣческое сердце, какъ вы-

ражается о. Василій, заснулъ—„и улыбнулся попъ"... „Онъ тихо засмѣялся, открывъ черные, гнилые зубы, и на суровомъ, недоступномъ лицѣ его улыбка разбѣжалась въ тысячахъ свѣтлыхъ морщинокъ: какъ будто солнечный лучъ заигралъ на темной и глубокой водѣ. И ушли большія, важныя мысли, испуганныя человѣческой радостью, и долго была только радость, только смѣхъ, свѣтъ солнечный и нѣжно-пушистый заснувшій цыпленокъ". А свершилось бы это чудо любви надъ душою Ѳивейскаго, и поколебалась бы сила роковыхъ обстоятельствъ, окутывающихъ жизнь, и не грубымъ суевѣріемъ, а чистой вѣрой повѣрилъ бы онъ въ Бога, создавшаго человѣка на благо разумно-просвѣтленной, прекрасной жизни. Нашли бы свое мѣсто и страданія, безъ которыхъ не обходится жизнь. Не смутился бы Василій Ѳивейскій, еслибъ, за грѣхи его или отцовъ, ему пришлось понести утраты и даже муки. И еслибы сказали ему то же, что̀ говорилъ Порфирій Петровичъ Раскольникову: „Пострадайте... лукаво не мудрствуйте; отдайтесь жизни прямо, не разсуждая; не безпокойтесь—прямо на берегъ вынесетъ и на ноги поставитъ. На какой берегъ? А я почемъ знаю? Я только вѣрую, что вамъ еще много жить"...—тогда и о. Василій укрѣпился бы надеждой и мужественно встрѣтилъ бы всѣ, каковы бы они ни были, удары жизни.

Свершилось бы чудо любви надъ душой Ѳивейскаго, и художникъ, который взялся бы изобразить его, сталъ бы въ иныя отношенія къ дѣйствительности и искусству, чѣмъ тѣ, которыя мы можемъ подмѣтить у г. Леонида Андреева.

Поклоненіе греческой „мойрѣ" стало бы прежде всего невозможнымъ, какъ и художническій призывъ къ волшебнымъ грезамъ, къ восторженному созерцанію, къ самозабвенію, вдаль отъ черной работы въ суетѣ презрѣнной и грязной земли. И стало бы невозможнымъ иное пониманіе искусства, чѣмъ то, которое дано Львомъ Толстымъ въ его замѣчательной книгѣ. „Назначеніе искусства въ наше время,—говоритъ Толстой, — въ томъ, чтобы перевести изъ области разсудка въ область чувства (а не наоборотъ) истину о томъ, что благо людей—въ ихъ единеніи между собою, и установить на мѣсто царствующаго теперь насилія то царство Божіе, т.-е. любви, которое представляется всѣмъ намъ высшей цѣлью жизни человѣчества".

Евг. Л.

ПО ПОВОДУ ШЕСТИСОТЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ ПЕТРАРКИ.

(20-го іюля 1304—20-го іюля 1904).

Большое культурное значеніе литературныхъ юбилеевъ не подлежитъ сомнѣнію. Внѣшняя, эффектная сторона празднествъ, разсчитанная на большую публику, скоро забывается. Забываются живописныя процессіи, торжественныя открытія памятниковъ, рауты и блестящія рѣчи,—но зато данъ толчокъ общественному сознанію въ извѣстномъ направленіи. Вспомнимъ, сколько новаго и интереснаго вызвалъ въ свое время юбилей Данте, того же Петрарки (1874), Гёте и многихъ другихъ. И дѣйствительно, лучшимъ памятникомъ поэту является всегда образцовое въ критическомъ отношеніи изданіе его сочиненій, обнародованіе новыхъ данныхъ, досел̂ѣ неизвѣстныхъ, обстоятельныя монографіи и изслѣдованія о немъ. Такова была у насъ юбилейная литература о Пушкинѣ, Гоголѣ, Жуковскомъ.

Юбилей Петрарки оказался знаменательнымъ для Италіи не только потому, что въ его лицѣ эта страна праздновала 600-лѣтнюю годовщину рожденія знаменитаго поэта. Италія видитъ и теперь въ Петраркѣ не только старѣйшаго и образованнѣйшаго гуманиста, учителя и наставника цѣлой плеяды блестящихъ и глубокихъ умовъ эпохи Возрожденія; Италія чествовала, по преимуществу, память Петрарки, какъ великаго патріота, робко мечтавшаго о томъ единствѣ страны, какого мы сравнительно сдѣлались недавно свидѣтелями; Италія видѣла въ немъ одного изъ славнѣйшихъ своихъ сыновей, страдавшаго безнадежной гражданской скорбью. Такое обобщеніе лежало въ основаніи многочисленныхъ юбилейныхъ рѣчей и статей о Петраркѣ. Такова, напр., господствующая мысль оффиціальнаго представителя итальянскаго правительства, на юбилеѣ Петрарки, министра народнаго просвѣщенія Орланда, въ его прекрасной рѣчи. Онъ прославляетъ пѣвца Лауры по преимуществу, какъ политика и итальянскаго патріота. Можетъ быть, въ этомъ исключительномъ подъемѣ патріотическаго одушевленія и есть доля преувеличенія, на что̀ и обращаетъ вниманіе критикъ „Revue de deux Mondes“ (окт. 1904), но во всякомъ случаѣ съ этой преобладающей точкой зрѣнія слѣдуетъ считаться, какъ съ наиболѣе жизненной и существенной.

По характеру и темпераменту Петрарка въ исторической перспективѣ представляетъ много загадочнаго, сложнаго, много такого, что отзывается знакомою намъ нервностью и неуравновѣшенностью современнаго человѣка. Онъ весь состоитъ потому изъ противорѣчій, иногда не мирящихся другъ съ другомъ. Психологическая организація Петрарки, отражающаяся въ многочисленныхъ его автобіографическихъ признаніяхъ, представляетъ рядъ контрастовъ и краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что неуравновѣшенная и сложная психика была присуща и людямъ, стоявшимъ на рубежѣ того міросозерцанія, которое считаютъ цѣльнымъ,—міросозерцанія средневѣковаго. Необыкновенная впечатлительность Петрарки давала ему возможность изливать вполнѣ искренно и правдиво самыя противоположныя чувства, увлекаться сюжетами, взаимно другъ друга исключающими, и даже благоговѣть предъ тѣмъ, къ чему недавно онъ высказывалъ болѣе чѣмъ равнодушіе.

Чрезвычайно развитое самолюбіе и даже самомнѣніе—характерныя черты Петрарки. Онъ не сомнѣвается, напр., что его слава проникнетъ во всѣ уголки земного шара—къ огорченію завистниковъ,—онъ вѣритъ въ безсмертіе своихъ произведеній, не колеблясь сравниваетъ себя съ Гораціемъ, Цицерономъ, Виргиліемъ и даже Гомеромъ. Славолюбіе Петрарки доходитъ до болѣзненной мелочности: онъ гордится приглашеніями князей, встрѣчами ликующей при его видѣ толпы, знаками вниманія королей и эффектомъ, который производитъ его имя на незнакомцевъ. Стоило уязвить самолюбіе Петрарки, чтобы нажить въ немъ злѣйшаго врага. Словарь поэта, мечущаго громы и молніи на зоиловъ, чрезвычайно богатъ: его враги приравниваются къ самымъ грязнымъ животнымъ; обидѣвшихъ его флорентійцевъ Петрарка называетъ беззубыми собаками, лѣнтяями, невѣждами, Сарданапалами и проч. Рядомъ съ такимъ славолюбіемъ уживаются у поэта уничиженіе, искусственная скромность и кажущееся смиреніе. Иногда, впрочемъ, Петрарка искренно презираетъ все земное, говоритъ о благахъ уединенія и отрѣшенія отъ суеты, но стòитъ только улыбнуться внѣшнимъ обстоятельствамъ, стòитъ сильному міра призвать поэта—и Петрарка немедленно предается новымъ впечатлѣніямъ, той суетѣ, на которую только-что глядѣлъ съ презрѣніемъ. На призывъ императора онъ, напр., покидаетъ свой идиллически-описанный уголокъ, чтобы имѣть счастье бесѣдовать и разсуждать съ монархомъ.

Столь же яркіе контрасты можно подмѣтить у Петрарки, разсуждающаго о благахъ уединенія и мѣняющаго свое досужее существованіе на придворную суету. Прелести уединенія Воклюза, напр., такъ описаны, что читатель искренно увлекается поэтомъ и забываетъ, что послѣдній скоро измѣнитъ своему любимому мѣстопребы-

ванію и промѣняетъ занятія на придворную сутолоку. Мало того: пожилой и больной поэтъ подвергаетъ себя страданіямъ и лишеніямъ, чтобы побывать на именитой свадьбѣ, напр., у Висконти.

Любимымъ церковнымъ писателемъ Петрарки былъ бл. Августинъ (его Confessiones). Бл. Августинъ былъ во многихъ случаяхъ наставникомъ Петрарки; нѣкоторыя его изреченія были для мистическаго поэта откровеніемъ. Отсюда—попытки углубиться въ познаніе самого себя, стремленія отрѣшиться отъ земного, перемежающіяся съ поворотами къ свѣтской придворной жизни.

Въ характерѣ Петрарки немало противорѣчій, зависящихъ и отъ впечатлительности поэта, и отъ нѣкоторой его неустойчивости, и отъ хронологическихъ моментовъ его жизни. Страсть Петрарки протоколировать въ письмахъ „къ потомкамъ" всѣ свои впечатлѣнія придала его автобіографическимъ признаніямъ сбивчивый и противорѣчивый характеръ, затруднявшій его біографовъ. Для примѣра достаточно указать на случай, когда Петрарка, по поводу получасового опозданія своего друга епископа, написалъ обширное посланіе, въ которомъ изливалъ жалобы и упреки по адресу своего друга; епископъ явился, но Петрарка не счелъ нужнымъ измѣнять содержанія посланія, въ виду его удачной формы. Этотъ рельефный примѣръ показываетъ. какъ дорожилъ Петрарка своими впечатлѣніями и формой своихъ посланій.

Неустойчивость и неуравновѣшенность Петрарки не подлежитъ спору. Однако въ этой сложной душѣ, преисполненной противорѣчій, были симпатіи, глубокія и цѣльныя, не покидавшія его всю жизнь. Я говорю о любви къ Лаурѣ и о его патріотическихъ чувствахъ. Любовная лирика Петрарки, пріуроченная къ Лаурѣ, еще ожидаетъ, несмотря на многочисленность изслѣдованій о ней, послѣдняго слова критики. Много въ этомъ спорнаго и неяснаго. Но въ оцѣнкѣ патріотизма Петрарки критики, по крайней мѣрѣ, послѣдняго времени, пришли къ однообразнымъ выводамъ: Петрарка былъ искреннимъ патріотомъ въ томъ смыслѣ, какъ мы теперь понимаемъ патріотизмъ. Какія же данныя имѣются для этого вывода? Напомнимъ читателю въ немногихъ словахъ объ отношеніи Петрарки къ политическимъ вопросамъ.

Несмотря на запустѣніе и разореніе, Вѣчный Городъ и во время Петрарки былъ для итальянца первымъ городомъ не только Италіи, но и всего міра. Петрарка скорбитъ объ упадкѣ Рима и ищетъ причинъ этого упадка. По его пониманію, вся бѣда въ томъ, что античные завѣты забыты; стóитъ возсоздать формы древности—и возродится прежняя доблесть. Эти положенія поэтъ проводилъ въ письмахъ къ Колоннѣ, папамъ и, особенно, знаменитому трибуну Кола-ди-Ріенцы.

Переворотъ, произведенный этимъ полуграмотнымъ демагогомъ въ 1347 году, поражаетъ своей смѣлостью и фантастичностью. Не только Римъ, но и нѣкоторыя итальянскія государства твердо увѣровали въ призваніе Колы; пѣвцомъ и герольдомъ его подвиговъ былъ Петрарка. Еслибы Кола былъ лучшимъ политикомъ—онъ безъ сомнѣнія закрѣпилъ бы за собою власть надолго. Но „трибунъ“ оказался ниже своего назначенія и при первой неудачѣ палъ почти безъ борьбы.

Петрарка искренно увлекался краснорѣчивымъ авантюристомъ и вмѣстѣ съ нимъ оплакивалъ бѣды Рима и Италіи. На этой почвѣ они сблизились. Вмѣстѣ съ Колой Петрарка ратуетъ противъ римской знати (среди которой еще недавно были его друзья); ихъ господство—случайное; богатство — результатъ грабежа. Противъ дворянъ должна возстать чернь; мягкій поэтъ рекомендуетъ жестокія мѣры: „всякая жестокость гуманна и всякое состраданіе безчеловѣчно“! Когда Кола пошатнулся, Петрарка приходитъ въ отчаяніе, думая о судьбѣ Рима. „Если Римъ растерзанъ, то каково будетъ положеніе Италіи! Если Италія обезображена, то какова будетъ моя жизнь“! Петрарка возвышается надъ личными симпатіями; ему очень дороги его покровители Колонны, „но еще дороже Италія, дороже спокойствіе и безопасность хорошихъ людей“. Когда Кола палъ, Петрарка продолжалъ защищать его отъ нападокъ. Уже изъ отношенія поэта къ римскому трибуну вполнѣ ясно, что его увлекала не личность Колы, а перспектива увидѣть въ недалекомъ будущемъ бѣдствія Италіи исцѣленными. Та же идея прельщала Петрарку, когда онъ звалъ императора Карла IV въ Римъ, на объединеніе Италіи. Осторожнаго императора Петрарка всячески поощряетъ примѣромъ Колы, бывшимъ у всѣхъ на глазахъ. Сравнивая, по Тиберію, имперію съ огромнымъ звѣремъ, Петрарка убѣждаетъ императора отрѣшиться отъ опасеній: „животное огромное, но съ нимъ можно справиться. Осмѣлься, дѣйствуй, возьми въ руки поводья, вскочи на подобающее тебѣ сѣдло“.

Когда Карлъ IV-й обманулъ ожиданія пылкаго поэта-патріота, послѣдній начинаетъ питать надежду на умиротвореніе Италіи при посредствѣ папъ. Онъ упорно призываетъ римскихъ первосвященниковъ къ возвращенію въ міровую столицу и ждетъ отъ этого мира для Италіи. Онъ пишетъ краснорѣчивыя и убѣдительныя посланія Бенедикту XI, Иннокентію VI, Урбану V. Онъ ждетъ отъ папы если не умиротворенія Италіи, то успокоенія и приведенія въ порядокъ священнаго города. „Основанный Ромуломъ, освобожденный Брутомъ, возобновленный Камилломъ, отъ нихъ ведетъ онъ славу своего земного величія. Но его духовная власть была основана Петромъ, уси-

лена Сильвестромъ, облагорожена Григоріемъ, а я вижу, что тебѣ самъ собою представляется случай сравняться съ ними славою". Неоднократно Петрарка возвышалъ голосъ, призывая итальянцевъ сплотиться и не уничтожать другъ друга безсмысленной войной; онъ выступаетъ посредникомъ между Венеціей и Генуей, горячо протестуетъ противъ призыва иноземцевъ, называя это „открытымъ матереубійствомъ". Когда Кола, императоръ, папы—не оправдали возлагаемыхъ на нихъ надеждъ умиротворенія и объединенія Италіи, Петрарка ожидаетъ обновленія родины отъ Висконти, которымъ служитъ вѣрою и правдою восемь лѣтъ (1353—1361). Глава этого рода, Дж. Висконти, былъ правителемъ въ духѣ Маккіавелли. Не разбирая въ средствахъ, онъ съумѣлъ соединить въ своихъ рукахъ большія владѣнія и огромное богатство. Всѣми правдами и неправдами добился онъ архіепископскаго сана и сдѣлался грознымъ папѣ. Римская курія образовала лигу противъ Висконти, но потерпѣла въ первое время неудачу. Главнымъ, сильнымъ врагомъ Висконти оказалась Флоренція, противъ которой архіепископъ и направлялъ послѣдовательно и методично свои удары. Преградой распространенію власти миланскаго деспота стала также могущественная венеціанская республика. Сдѣлавшись сторонникомъ Висконти, Петрарка горячо увѣровалъ въ правоту его дѣла и всѣми силами поддерживалъ временнаго архіепископа, какъ прежде Колу ди-Ріенци. Онъ убѣждаетъ правительство враждующихъ съ Висконти республикъ добровольно подчиниться миланскому князю, „величайшему мужу", „въ которомъ не знаешь, чему болѣе удивляться, добродѣтели или счастью, мужеству или гуманности",—такъ онъ говоритъ генуэзцамъ. Въ Венеціи же, въ торжественномъ засѣданіи, онъ примѣняетъ къ Висконти строки Виргилія:

Помни, римлянинъ, мощно ты управляешь народомъ,
Миръ утверждая повсюду,—и въ этомъ искусство твое!

Петрарка и старается убѣдить венеціанцевъ, что задача миланскаго герцога—установить миръ въ Италіи.

Ту же основную мысль проводитъ Петрарка въ другихъ посланіяхъ къ августинскому монаху Буссолари, учредившему въ Павіи нѣчто въ родѣ монашеской республики въ духѣ Саванаролы [1]). Этотъ фанатичный монахъ изгналъ тиранна Павіи Беккаріа и громилъ рѣчами Висконти. Петрарка, по побужденію Висконти, пишетъ Буссо-

[1]) Неизданное посланіе Петрарки къ Буссолари, равно какъ и новыя подробности о немъ помѣщены въ особомъ этюдѣ, посвященномъ Петраркѣ и Висконти.

лари письмо, увѣщевая не нарушать мира, имѣющаго въ лицѣ Висконти надежнѣйшій оплотъ. Въ пылкомъ краснорѣчіи Буссолари кроется, по мнѣнію Петрарки, причина всѣхъ распрей. „Еслибы ты не умѣлъ или не могъ говорить, не скорбѣла бы и не страдала бы Италія. Итакъ, въ языкѣ твоемъ заключается корень общественнаго бѣдствія, и еслибы ты любилъ Бога, ближняго, родину, то тебѣ слѣдовало бы, откусивши языкъ зубами, выбросить его вонъ, чтобы онъ лучше принесъ пользу воронамъ и собакамъ, чѣмъ вредилъ людямъ". Эта тирада—характерный показатель тѣхъ полемическихъ пріемовъ, къ которымъ охотно прибѣгалъ Петрарка. Другое, лишь теперь изданное посланіе поэта, написано имъ отъ имени Бернадо Висконти по поводу суроваго приказа монаха, распорядившагося выслать изъ города нищихъ и собакъ. Петрарка не щадитъ упрековъ Буссолари: „Ты назвалъ себя защитникомъ свободы, а оказался ея угнетателемъ; превратившись изъ пастыря въ волка, изъ скромнаго монаха въ надменнѣйшаго тиранна, ты такъ и пасешь ввѣренное тебѣ стадо, такъ и управляешь твоимъ народомъ. Ты не забывай, что въ городѣ, откуда изгнаны бѣдняки, и ты не могъ бы дольше оставаться, еслибы ты понималъ свое настоящее положеніе. Но, принесши присягу на бѣдность Христу, ты воздыхаешь по діавольскому богатству и могуществу, которыми обладать ты не достоинъ, такъ какъ въ твои запухшіе глаза едва проникаетъ свѣтъ".

Тяготѣніе Петрарки къ силѣ и власти ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ приписывать его оппортунизму. Ни корыстныя побужденія, ни стремленіе заслужить расположеніе тиранновъ не руководили имъ. Благодаря случайно счастливому для него стеченію обстоятельствъ, поэтъ былъ матеріально болѣе чѣмъ обезпеченъ; слава его, какъ гуманиста, чрезвычайно разросшаяся, не имѣла себѣ равной и ставила Петрарку скорѣе въ положеніе покровителя сильныхъ, для которыхъ онъ былъ недосягаемымъ образцомъ учености и поэзіи, нежели наоборотъ. Впослѣдствіи Петрарка, почти наканунѣ смерти, весьма обстоятельно изложилъ свои политическія теоріи. Эти теоріи во многомъ сходятся съ системой Маккіавелли и даютъ вполнѣ удовлетворительное теоретическое оправданіе практической дѣятельности Петрарки. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе этихъ положеній, замѣтимъ лишь, что, для Петрарки, общественное благо есть главная цѣль государственнаго правленія, во главѣ котораго должно стоять одно лицо, облеченное большой властью, но обставленное цѣлымъ рядомъ условій, направляющихъ его къ обезпеченію мира и благоденствія подданнымъ. Петрарка послѣдовательно проводитъ теорію принципата и съ полнымъ отрицаніемъ относится къ олигархіи, республикѣ и двоевластію.

Наши бѣглыя замѣтки имѣли цѣлью напомнить читателю о той роли, которая принадлежитъ Петраркѣ, какъ патріоту, и которая болѣе другихъ чертъ его характера сближаетъ великаго поэта съ современною его родиной и, затѣмъ, со всѣмъ человѣчествомъ. Его патріотическій гимнъ „Моя Италія" до послѣдняго времени могъ быть молитвой всякаго итальянца. Напоминаемъ читателю эту прекраснѣйшую канцону:

„О, моя Италія! словами нельзя описать смертельныя раны, которыя покрыли твое прекрасное тѣло. Царь Небесный, я умоляю Твое милосердіе, которое низвело Тебя на землю, обрати свой взглядъ на благословенную Тобою страну, мою родину. Взгляни, всемилостивый Боже, отъ какихъ ничтожныхъ причинъ возгорѣлись жестокія войны!.. Открой, Отецъ, смягчи, освободи отъ ложныхъ увлеченій сердца, которыя гордый и дикій Марсъ замкнулъ и ожесточилъ!" Петрарка жалуется на безжалостныя наемныя войска: „Зачѣмъ такъ много чужеземныхъ шаекъ? Зачѣмъ зеленыя поля обагряются варварской кровью? Природа хорошо позаботилась о насъ, поставивъ Альпы преградою между нами и германскою свирѣпостью, но, ослѣпленные страстями, мы сами привили заразу къ здоровому тѣлу"... Обращаясь къ итальянскимъ властителямъ, Петрарка говоритъ далѣе: „Ваши раздоры испортили наилучшую часть міра. По какому предопредѣленію, по какому соображенію и за какую вину ненавидите вы бѣднаго сосѣда, разграбляете его истощенное и разстроенное состояніе, ищете солдатъ и содѣйствуете тому, чтобы они проливали кровь и продавали за золото свою душу... Взгляните съ сожалѣніемъ на слезы страдающаго народа, который на васъ, послѣ Бога, возлагаетъ свои надежды. Обнаружьте только какой-нибудь признакъ любви къ нему, и добродѣтель возьмется за оружіе противъ неистовства и быстро одержитъ побѣду. Въ душѣ итальянца не умерла еще античная доблесть". Въ заключительныхъ словахъ Петрарка призываетъ столь необходимый Италіи миръ: „Я призываю миръ, миръ, миръ!"

Такимъ же самымъ призывомъ оканчиваетъ свою юбилейную рѣчь и итальянскій министръ Орландо. Мысли, поэтически формулированныя Петраркой въ этой канцонѣ, раздѣлялись въ теченіе шести столѣтій итальянскими патріотами и лучшими друзьями Италіи. Объединеніе Италіи—не случайная политическая комбинація, а воплощеніе страстныхъ стремленій многихъ поколѣній итальянцевъ, горячо любившихъ свою родину, и не только итальянцевъ, но и многихъ лучшихъ людей Европы въ наше столѣтіе. Данте, Петраркѣ и Байрону принадлежитъ честь наиболѣе яркой и правдивой формулировки

чувствъ итальянскаго патріотизма, и вполнѣ правы были современные намъ итальянцы, связавъ пѣвца Лауры живучей нитью патріотизма съ его отдаленными потомками. Объединеніе Италіи—это лозунгъ, на которомъ сходятся итальянскіе патріоты всѣхъ временъ, и святыня, равно всѣмъ дорогая. Итальянцы понимаютъ значеніе своего колоссальнаго культурнаго наслѣдія и надъ сохраненіемъ и развитіемъ его работаютъ не покладая рукъ.

Л. Шепелевичъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Félicien Champsaur: „L'Orgie Latine". Paris, 1903.—„L'Arriviste", P., 1904.

Фелисьенъ Шансоръ принадлежитъ къ числу романистовъ, достигающихъ успѣха не идейнымъ замысломъ своихъ произведеній, а чрезвычайной, даже чрезмѣрной вольностью въ изображеніи нравовъ. Но распущенность—характерная черта всей современной французской литературы: и такой тонкій художникъ, какъ Люисъ, и такіе серьезные реалисты, какъ Мирбо или Поль Аданъ, не говоря уже о талантливомъ юмористѣ Вилли и другихъ, превосходятъ гривуазность XVIII-го вѣка въ своихъ описаніяхъ современныхъ нравовъ, капризовъ вкуса и смѣлаго исканія ощущеній. Шансоръ не уступаетъ ни одному изъ названныхъ писателей въ этомъ отношеніи. Его „Лулу" и другіе романы изъ жизни актрисъ, такъ же какъ и главныя произведенія, о которыхъ будетъ рѣчь впереди, нельзя назвать назидательнымъ чтеніемъ въ этомъ смыслѣ. Напротивъ того, онъ излишнимъ образомъ загромождаетъ свои книги пикантными подробностями, не представляющими никакого художественнаго интереса. У него чувствуется, какъ у всѣхъ теперешнихъ французскихъ романистовъ, какая-то загипнотизированность чувственной стороной жизни, сведеніе всѣхъ радостей жизни къ культу женщины въ самомъ грубомъ смыслѣ слова. Романы Шансора выиграли бы, еслибы изъ нихъ изъять утомительно однообразныя, повторяющіяся безъ конца, эротическія сцены.

Но и этой, и многими другими чертами Шансоръ интересенъ какъ выразитель культурныхъ идеаловъ и жизненныхъ основъ Франціи. Романы Шансора—обличительные. Онъ бросаетъ обществу тяжкія обвиненія въ продажности, въ лицемѣріи, въ отсутствіи всякихъ безкорыстныхъ побужденій. Свое „j'accuse" онъ произноситъ гнѣвно и безпощадно, но при этомъ получается любопытная сложность соотношеній между авторомъ и его сюжетомъ. Обвинитель самъ соблазненъ матеріальными благами и радостями, на которыя нападаетъ, и потому увлекается предметомъ своихъ обличеній, показываетъ всю желанность того, отчего гибнутъ, по его же словамъ, нравственность и красота жизни. Это двойственное отношеніе къ дѣйствительности придаетъ особый интересъ романамъ Шансора, превращаетъ недостатки

ихъ въ интересные психологическіе документы для изученія современной Франціи.

Послѣдній романъ Шансора—„L'Orgie Latine"—любопытенъ не столько своимъ фактическимъ содержаніемъ, какъ выясняющимися въ немъ взглядами автора на современность. „L'Orgie Latine" написана подъ явнымъ вліяніемъ „Quo Vadis", но гораздо слабѣе романа Сенкевича. Столкновеніе языческой пресыщенности съ экстазомъ первыхъ христіанъ, любовь гладіатора къ юной прекрасной христіанкѣ—все это сдѣлано по шаблону Сенкевича, очень сентиментально и чрезмѣрно романтично. Фабула поражаетъ мѣстами своей неправдоподобностью. Герой и героиня выходятъ невредимыми изъ самыхъ неотвратимыхъ опасностей, и стойкость ихъ добродѣтели равняется только чудовищной порочности ихъ враговъ, т. е. Мессалины и ея двора. Но фабула играетъ второстепенную роль въ романѣ. Автора интересуетъ только одно лицо въ его романѣ—Мессалина. Въ ея образѣ онъ хочетъ воплотить власть чувственности, и въ предисловіи онъ доказываетъ, что эпоха Мессалины, т.-е. зачатковъ христіанства на фонѣ разнузданныхъ страстей Рима, чрезвычайно близка къ современности. Идея романа—въ томъ, чтобы поднять на высоту философскаго принципа полноту и безграничность стихійной чувственности человѣка, снять клеймо грѣховности съ влеченій страстей. Апоѳеозъ жизнерадостности, счастья, связаннаго съ разнообразіемъ непосредственныхъ ощущеній,—дѣйствительно очень современная нота въ литературѣ, и сближеніе современнаго культа наслажденій съ жизнью римлянъ временъ упадка очень интересно. Но Шансоръ не съумѣлъ ни возвеличить, ни осудить Мессалину, задуманную какъ символъ стихійной чувственности. Въ „Orgie Latine" нѣтъ пламенности, нѣтъ ужаса оргіастическихъ страстей, и возсоздать побѣдную, прекрасную и животворящую силу Эроса Шансору не удалось. Его Мессалина сдѣлана по образцу французскихъ жрицъ любви, и въ ней больше цинизма, чѣмъ безумія. Слабость художественнаго образа Мессалины происходитъ главнымъ образомъ отъ неопредѣленнаго, двойственнаго отношенія къ ней автора романа. Съ одной стороны, онъ хочетъ возвеличить въ ея лицѣ античную свободу страстей, осужденную христіанской моралью и возродившуюся во всей своей смѣлости и увѣренности въ современной Франціи; съ другой стороны, римскіе нравы временъ Мессалины, и главнымъ образомъ она сама, кажутся ему прототипомъ современнаго французскаго растлѣнія, и онъ рисуетъ ихъ какъ величайшее паденіе человѣческой личности. У него нѣтъ свободнаго отношенія къ стихійности инстинктовъ, и въ романѣ обличенія моралиста чередуются съ чисто французскимъ увлеченіемъ пошлыми сценами и подробностями. Такимъ образомъ, „Orgie Latine"

не соотвѣтствуетъ по выполненію замыслу автора. Интересно, однако, отмѣтить этотъ замыселъ, которымъ Шансоръ примыкаетъ къ новѣйшей жизнеутверждающей философіи. Эта примирительная философія въ сущности не мѣняетъ самую жизнь, а только создаетъ иное отношеніе къ дѣйствительности, стираетъ клеймо грѣховности съ радостной полноты жизни. Есть, конечно, огромная разница между свободнымъ культомъ жизни, въ которомъ все земное становится священнодѣйствіемъ, и трусливо-буржуазной распущенностью, сплетающей чувственныя удовольствія съ разсчетомъ. Возвеличивая стихійное началю въ Мессалинѣ, Шансоръ хочетъ тѣмъ самымъ обличить мелкую, трусливую грязь жизни,—но эта двойная задача не выполнена въ историческомъ романѣ Шансора. Въ его Мессалинѣ не воплощена смѣлая свободная стихійность,—она вышла олицетвореніемъ безпредѣльной, безсознательной животной грязи.

Гораздо выше обличительные романы Шансора изъ современной жизни. Въ нихъ онъ не только рисуетъ нравы, но старается дать объясненіе отрицательныхъ сторонъ французской дѣйствительности. Во главѣ этихъ романовъ стоитъ „L' Arriviste". Написанъ онъ подъ вліяніемъ дѣла Терезы Эмберъ и другихъ случаевъ, свидѣтельствующихъ о призрачности правосудія во Франціи, о паденіи общественной нравственности, о торжествѣ тѣхъ, кто абсолютно утратилъ всякіе „предразсудки совѣсти". Правосудіе составляетъ больное мѣсто теперешней Франціи, и всѣ лучшіе писатели направляютъ свои обличенія именно въ эту сторону. Все, что̀ пишетъ въ послѣднее время Анатоль Франсъ, сводится къ сатирамъ на судъ, попирающій справедливость во имя буквы закона и незыблемости буржуазнаго строя. Нападки на судейскія и административныя власти составляютъ главное содержаніе реалистическихъ романовъ и драмъ послѣдняго времени, какъ, напр., „Красной мантіи" Бріе, разсказовъ и сценъ Куртелина, повѣстей Поля Адана и Мирбо и т. д. Но „Arriviste" Шансора—не просто обличительный романъ изъ судейскаго и административнаго быта. Шансоръ не нападаетъ на отдѣльныхъ людей, вынужденныхъ подъ давленіемъ обстоятельствъ вступать въ сдѣлки съ совѣстью. Его сатира касается самыхъ корней французской общественности. Въ ней выясняется, каковы царящіе во французскомъ обществѣ идеалы жизненнаго успѣха, какъ философія создаетъ оправданія беззастѣнчивому исканію власти и выгодъ. Шансоръ показываетъ также, каковъ долженъ быть герой эпохи, въ которой царятъ продажность, лицемѣріе, борьба аппетитовъ и создалась культура, столь заманчивая своими радостями, своей красотой и блескомъ, что въ стремленіи къ ея благамъ забывается все, чего жаждетъ духъ человѣческій, все освобождающее отъ рабства земли. Идеалъ общества обрисованъ Шансоромъ очень сильно

и смѣло, въ героѣ его романа, адвокатѣ Клодѣ Барсакъ; его онъ называетъ „Arriviste", т.-е. человѣкомъ, который съ лихорадочной быстротой свершаетъ свой путь къ вершинамъ могущества, разрушая предъ собой всѣ препятствія, которыя ставятъ ему жизнь и совѣсть.

Основная идея романа выставлена въ немъ очень опредѣленно и рѣзко. Она сводится къ слѣдующему: если культура въ томъ видѣ, въ какомъ она развилась теперь во Франціи,—благо, если правы люди, направляя весь свой умъ, всю свою творческую силу на обогащеніе жизни безконечной роскошью, безпредѣльной красотой предметовъ, то правъ и человѣкъ, употребляющій всѣ средства безъ разбора для достиженія матеріальныхъ благъ, замѣнившихъ въ современной культурѣ сокровищницу духовныхъ радостей. Новѣйшая философія со своей проповѣдью безграничной свободы личности даетъ иллюзію правоты такому разсужденію. Для того же, чтобы осудить искателей успѣха и могущества, нужно возстать противъ матеріалистическихъ—или, такъ сказать, предметныхъ идеаловъ современной культуры. Нужно признать, что совершенствованіе человѣчества свершается не путемъ умноженія благъ, а углубленіемъ духовной жизни.

Шансоръ только ставитъ вопросъ: „культура или совѣсть", но не рѣшаетъ его. Его герой, Клодъ Барсакъ, чудовищное порожденіе чудовищно-извращеннаго общества. Онъ—воръ и убійца, передъ которымъ, однако, всѣ преклоняются; и тѣ, которые знаютъ тайну его преступленія, помогаютъ ему въ достиженіи всѣхъ его честолюбивыхъ замысловъ. Дѣлается это потому, что онъ удачникъ, а жизненная удача—единственный законъ для общества, какимъ его изображаетъ Шансоръ. Удобнѣе быть съ нимъ, а не противъ него,—и всѣ заинтересованные въ его успѣхѣ такъ и поступаютъ. Сила Барсака—въ его смѣлости и предпріимчивости, и благодаря этимъ качествамъ ему дано царить въ обществѣ, „не вѣрящемъ ни во что кромѣ денегъ", какъ говоритъ авторъ въ предисловіи, озаглавленномъ: „Правда этой книги". Предисловіе написано очень рѣзко и самоувѣренно. Шансоръ высказываетъ смѣлыя и неутѣшительныя истины объ общественныхъ и политическихъ нравахъ Франціи, указываетъ на участіе магистратуры въ знаменитомъ мошенничествѣ Терезы Эмберъ. Онъ ссылается на слова извѣстнаго своей исключительной честностью судьи Маньо, написавшаго, что французская магистратура доказала свое глубокое паденіе, сдѣлавшись нравственной соучастницей столь крупнаго и дерзкаго мошенничества. Дѣло Эмберъ, по словамъ Шансора въ предисловіи къ „L'Arriviste", освѣщаетъ его романъ, какъ яркій свѣтъ маяка, при которомъ ему видно, что̀ дѣлается за пышными фасадами дворцовъ и домовъ, и сколько нравственныхъ мукъ и паденій скрывается за богатствами, обладатели которыхъ пользуются общимъ по-

четомъ. Герой романа, достигающій жизненныхъ успѣховъ, къ которымъ онъ стремится, и другіе общественные дѣятели, изображенные въ романѣ, живутъ въ той же духовной атмосферѣ, какъ Тереза Эмберъ и все общество, при содѣйствіи котораго она могла осуществить свой наглый обманъ. Вотъ почему этотъ романъ, „L'Arriviste", правдивъ,—говоритъ авторъ въ концѣ предисловія;—„дѣйствующія въ немъ лица—характерные представители нашей эпохи, столь обаятельной при всѣхъ ея порокахъ; она представляетъ увлекательное зрѣлище для наблюдателя, созерцающаго ее съ внутреннимъ протестомъ, но все-же и съ улыбкой очарованнаго художника".

Въ этомъ отношеніи къ французской дѣйствительности—главный интересъ романа. Шансоръ осуждаетъ чудовищный въ нравственномъ отношеніи идеалъ своихъ современниковъ, удачника Барсака—и въ то же время увлеченъ имъ, его силой и дерзостью, и главное, тѣми соблазнами, для которыхъ Барсакъ приноситъ въ жертву свою совѣсть,—т.-е. роскошью, успѣхами у женщинъ, радостями удовлетвореннаго честолюбія и другими осязательными и суетными благами матеріалистической культуры.

Дѣйствіе романа—очень сложное; сенсаціонныя происшествія, уголовщина, излишекъ пикантныхъ сценъ и подробностей,—все это дѣлаетъ изъ „Arriviste" Шансора бульварный романъ. Но идейное освѣщеніе нравовъ и типовъ придаетъ серьезный интересъ произведенію Шансора, очень выдающемуся также по драматизму композиціи и рѣзкости въ изображеніи общественныхъ типовъ. Въ центрѣ романа стоятъ два человѣка, два друга, представляющіе двѣ противоположныя силы жизни; ихъ борьба символизируетъ борьбу совѣсти и жажды успѣха. Такъ странно переплетаются эти два элемента, что внутренній антагонизмъ между карьеристомъ Клодомъ и его наивно честнымъ другомъ скрытъ отъ послѣдняго; только въ самомъ концѣ онъ понимаетъ, что его пораженіе—необходимое условіе торжества его друга. Клодъ Барсакъ—молодой адвокатъ, съ трудомъ пробивающій себѣ путь, радикалъ и сотрудникъ оппозиціонной газеты. Его другъ, Жакъ де-Мирандъ,—медикъ. Но онъ настолько обезпеченъ, что не заботится о карьерѣ, а занимается какъ дилеттантъ искусствомъ и философіей. Онъ не стѣсняется высказывать во всеуслышаніе свои анархическіе взгляды и смѣло отрицаетъ всякіе принципы морали. Передъ своимъ другомъ Клодомъ Мирандъ чувствуетъ какую-то невольную вину, потому что тотъ долженъ всячески изворачиваться въ поискахъ за кускомъ хлѣба, между тѣмъ какъ у Миранда, преклоняющагося передъ умомъ и талантомъ Клода, нѣтъ житейскихъ заботъ. Мирандъ—открытая и честная натура; онъ—анархистъ только въ теоріи; на практикѣ же онъ не способенъ ни на какой жестокій поступокъ—

тѣмъ болѣе, что мирное и счастливое теченіе жизни сдѣлало его душу кроткой и нѣжной. Поэтому онъ съ такой легкостью и высказываетъ самые рѣзкіе парадоксы,—не думая о томъ, что произноситъ ихъ въ обществѣ озлобленныхъ неудачниковъ, которые предпочитаютъ осторожность на словахъ; въ жизни каждый изъ нихъ готовъ погубить кого-нибудь для своей выгоды, и не остановился бы даже передъ завѣдомымъ зломъ,—но эту готовность всѣ держатъ въ тайнѣ. Въ обществѣ такихъ людей заходитъ разговоръ объ „убійствѣ мандарина"—извѣстномъ парадоксѣ Руссо, повторенномъ Бальзакомъ: если бы, говоритъ Руссо, для достиженія въ жизни полнаго благополучія, нужно было убить какого-то невѣдомаго мандарина, живущаго въ Китаѣ, если бы это можно было сдѣлать совершенно безнаказанно и даже безъ особенныхъ усилій—какимъ-нибудь однимъ жестомъ, скажемъ—нажатіемъ кнопки у себя за письменнымъ столомъ, то кто въ теперешнемъ буржуазномъ обществѣ не согласился бы на этотъ вполнѣ безнаказанный способъ обогащенія, особенно въ виду незримости жертвы, т.-е. отсутствія прямого воздѣйствія на нервы. Мирандъ въ своей легкомысленной теоретичности спокойно говоритъ, что онъ, быть можетъ, не противостоялъ бы соблазну. Говоритъ онъ это въ присутствіи своей возлюбленной, Ліаны де-Сержи; она очень красивая, но не молодая женщина, и завистливые друзья Миранда распространяютъ ложные слухи о томъ, что связь Жака съ женщиной, которая старше его годами, обусловлена огромнымъ богатствомъ „маленькой маркизы", какъ называютъ Ліану. При разговорѣ объ „убійствѣ мандарина" присутствуетъ, кромѣ Клода Барсака, нѣсколько журналистовъ, писателей и начинающихъ политическихъ дѣятелей; всѣ они очень ядовито относятся къ откровеннымъ разсужденіямъ Жака и противопоставляютъ свою мнимую совѣстливость его цинизму. Ему же противно ихъ лицемѣріе, и онъ рѣзко обрушивается на нихъ, чѣмъ еще болѣе вооружаетъ всѣхъ противъ себя.

Разговоръ въ ресторанѣ, глубоко запавшій въ память всѣхъ присутствовавшихъ, оказывается роковымъ для Жака; всѣ еще болѣе увѣренно начинаютъ говорить о корыстности его связи съ Ліаной, забывая, что Жакъ самъ очень состоятеленъ. Одинъ только Клодъ Барсакъ знаетъ, что Жакъ истинно любитъ свою подругу, что онъ даже не освѣдомленъ о томъ, какое у нея состояніе, а видитъ въ роскоши ея жизни, какъ своей собственной, нѣчто совершенно естественное. Но у Клода возникаютъ планы, роковые для его друга. Для него самого вопросъ объ убійствѣ мандарина рѣшается положительно. Такъ велико его честолюбіе и, главнымъ образомъ, его озлобленіе противъ общества, не цѣнящаго истинныхъ заслугъ и дарованій, что онъ готовъ на все для достиженія успѣха. Онъ ждетъ только

случая, и весь вопросъ для него заключается въ безнаказанности дѣйствій: онъ не хочетъ искупать никакой вины, и оправдываетъ себя заранѣе во всемъ. Случай примѣнить на дѣлѣ свою теорію ему представляется. Искренно любя своего друга Жака, предупреждая его о неосторожности его парадоксовъ, онъ, однако, пользуется преступнымъ образомъ репутаціей, которую создалъ себѣ Жакъ. Онъ рѣшается убить „маленькую маркизу", овладѣть ея состояніемъ—и сдѣлать это такъ, чтобы вмѣсто него обвинили Жака. Задуманный планъ онъ осуществляетъ съ величайшимъ спокойствіемъ и мастерствомъ. Къ нему обратилась Ліана за совѣтомъ, касающимся его друга, Жака. Ліана мечтаетъ уѣхать путешествовать съ нимъ въ далекія страны и оставить Парижъ, быть можетъ, навсегда. Но она боится, что Жакъ не согласится оставить свои занятія и раздѣлить ея состояніе; Ліана умоляетъ поэтому Клода, котораго считаетъ лучшимъ другомъ Жака, помочь ей осуществить этотъ планъ, и этотъ разговоръ становится для него рѣшительнымъ. Онъ ждалъ, что судьба пошлетъ ему случай разбогатѣть и воспользоваться богатствомъ для проявленія своего таланта—и теперь этотъ случай ему представился. Судьба точно говорила ему: этой женщинѣ я одолжила богатство съ тѣмъ, чтобы оно перешло отъ нея въ твои руки. Наивный эгоизмъ Ліаны, требующей отъ него содѣйствія счастію ея и Жака, окончательно побѣждаетъ его колебанія. Онъ тоже хочетъ заботиться только о себѣ, считая къ тому же свое благополучіе и свои успѣхи достойными всѣхъ жертвъ—съ жизнью „маленькой маркизы" включительно. Планъ быстро осуществляется. Клодъ даетъ совѣтъ Ліанѣ реализировать свое состояніе, взять всѣ деньги у своего нотаріуса въ банковыхъ билетахъ и помѣстить на текущій счетъ у какого-нибудь банкира,—но сообщить объ этомъ Жаку уже тогда, когда они уѣдутъ, во время путешествія. Онъ примирится съ свершившимся фактомъ, между тѣмъ какъ еслибы она сообщила ему заранѣе о своемъ планѣ, онъ не согласился бы на комбинацію, ставящую его въ зависимость отъ ея состоянія. Ліана выполняетъ въ точности его совѣтъ; въ вечеръ, назначенный для прощальнаго обѣда друзьямъ, она призываетъ его до прихода гостей и указываетъ ему на маленькій шкапчикъ въ гостиной; открывъ его, она показываетъ Клоду толстую пачку банковыхъ билетовъ—около милліона франковъ, затѣмъ, при немъ же, запираетъ шкапъ и опускаетъ ключъ въ стоящую рядомъ вазу. Одинъ только Клодъ знаетъ такимъ образомъ тайну Ліаны. Когда собираются гости, Клодъ ведетъ себя непринужденно, за обѣдомъ много говоритъ о соціализмѣ и о томъ, что не слѣдуетъ относиться такъ недоброжелательно къ своимъ товарищамъ, какъ это дѣлаютъ собравшіеся на обѣдѣ журналисты и писатели. Послѣ обѣда онъ удаляется раньше всѣхъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, и уходитъ, не прощаясь. Спустившись съ

лѣстницы, онъ пользуется отсутствіемъ прислуги, быстро поднимается обратно въ залу, открываетъ шкапчикъ, беретъ деньги и, положивъ ключъ на мѣсто, спокойно уходитъ. Но ему предстоитъ совершить второе преступленіе—убить Ліану, потому что иначе для нея будетъ ясно, кто воръ. Клодъ проводитъ весь вечеръ такъ, чтобы устроить себѣ alibi, заходитъ въ редакцію своей газеты, отправляется оттуда домой въ сопровожденіи одного изъ своихъ почитателей, темнаго дѣльца Монсо, который старается эксплоатировать въ свою пользу талантъ и вліяніе Барсака. Дома Барсакъ, съ вѣдома консьержки, которая замѣняетъ ему прислугу, располагается работать всю ночь, зажигаетъ лампу, и т. д. Послѣ полуночи онъ снова покидаетъ свою квартиру—черезъ окно, такъ какъ живетъ внизу, пробирается въ отель Ліаны, подстерегаетъ молодую женщину въ ея уборной, куда она направилась, оставивъ своего друга Жака въ будуарѣ. Тамъ онъ ее убиваетъ быстро, поднеся ей сзади къ носу флаконъ съ синильной кислотой, и успѣваетъ скрыться за портьерой прежде, чѣмъ на стоны умирающей прибѣгаютъ Жакъ и прислуга. Ліана съ ужасомъ называетъ имя Жака, такъ какъ она не видѣла лица стоящаго за ея спиной убійцы, и умираетъ, ничего не выяснивъ. Клодъ возвращается домой, какъ ему кажется, никѣмъ не замѣченный,—онъ не видитъ идущаго за нимъ по улицѣ незнакомца, обитателя мансарды въ томъ домѣ, гдѣ живетъ Барсакъ. Конечно, арестуютъ Жака, виновность котораго слишкомъ очевидна, и подтверждается къ тому же теоріей, которую онъ не стѣснялся высказывать во всеуслышаніе. Геніальность удачника Барсака заключается въ томъ, что онъ беретъ на себя защиту своего друга, и такъ блистательно ведетъ ее, что Жака оправдываютъ. Этимъ онъ какъ будто бы искупаетъ свою вину, но въ дѣйствительности приноситъ пользу только себѣ. Его торжество полное,—но Жакъ остается въ глазахъ всѣхъ убійцей, котораго спасъ его геніальный другъ. Украденными деньгами Клодъ пользуется не сразу,—и то только для того, чтобы съ ихъ помощью испытать счастье, которое дѣйствительно остается вѣрнымъ ему. Онъ отправляется въ Монте-Карло, и тамъ нѣсколькими геніальными по смѣлости ставками выигрываетъ полмилліона, съ которыми и уѣзжаетъ—не въ примѣръ большинству игроковъ, не отстающихъ отъ игры до полнаго разоренія. Удача Барсака, конечно, изображена символически—онъ „убилъ мандарина“ и сдѣлался кумиромъ общества, гдѣ всѣ готовы были бы послѣдовать его примѣру, будь они смѣлы и увѣрены въ своей безнаказанности. Торжество Клода представлено очень ярко и убѣдительно. Въ романѣ выведенъ рядъ общественныхъ типовъ, сообщниковъ Клода, заинтересованныхъ въ его успѣхѣ. Очень хорошъ Неграва, глава радикальной партіи, цинично-продажный жур-

налистъ, богачъ Монсо, держащій печать на откупу, и другіе,—въ особенности представители магистратуры.

Есть въ жизни Барсака, однако, внутренняя драма, идущая параллельно съ его житейскими успѣхами. Равнодушный къ женскому соблазну, онъ любитъ только одну женщину, свою возлюбленную Ренэ д'Авриль, скромную продавщицу изъ моднаго магазина. Пока Барсакъ еще борется, его любовь къ Ренэ составляетъ его единственную радость. Но любовь эта не только чувственное увлеченіе, это—глубокая душевная привязанность. Барсаку кажется, что Ренэ умѣетъ читать въ его душѣ,—и это дѣйствительно такъ, но только въ особенныхъ случаяхъ. Клодъ умѣетъ погружать истеричную Ренэ въ гипнотическое состояніе, и она тогда открываетъ ему все, что̀ таится въ его душѣ. Отъ нея онъ узналъ, что „способенъ убить мандарина", и она же ему сказала, что онъ восторжествуетъ, но цѣной гибели всѣхъ, кто ему дорогъ. Такъ оно въ дѣйствительности и происходитъ. Клодъ не выдерживаетъ характера, и во время слѣдствія по убійству Ліаны открываетъ обожающей его, вѣрящей въ его правоту и благородство Ренэ тайну своего преступленія. Этимъ онъ наваливаетъ страшное бремя на душу молодой женщины. Она не выдаетъ его, но страшно терзается, постепенно переходя отъ прежней любви къ ненависти и ужасу передъ Клодомъ, котораго она наконецъ поняла до конца. Утрата ея любви, а затѣмъ безуміе и смерть Ренэ—страшная кара для Клода, такъ какъ счастье воплощалось для него только въ ея любви. Погибаетъ и его другъ Жакъ, страдающій тяжкой болѣзнью сердца послѣ перенесеннаго горя. Окончательный ударъ наноситъ ему раскрывшаяся для него тайна убійства Ліаны. Тайна эта обнаруживается и для другихъ. Судейскія власти, затаившія злобу противъ Клода за то, что онъ вырвалъ изъ рукъ ихъ намѣченную уже „жертву правосудія", тайно слѣдятъ за нимъ и постепенно начинаютъ подозрѣвать адвоката. Но никто не хочетъ открыто обвинить его—такъ великъ гипнозъ удачи, что всѣ предпочитаютъ быть въ союзѣ съ Клодомъ, чѣмъ начинать борьбу противъ него. Окончательно же преступленіе Клода раскрывается отчасти по его же винѣ. Воспользоваться уворованными деньгами онъ не можетъ, не выдавъ себя; къ тому же онѣ принесли ему уже пользу какъ талисманъ и помогли выиграть въ Монте-Карло. Онъ рѣшается поэтому вернуть ихъ наслѣднику убитой Ліаны, т.-е. Жаку де-Мирандъ, и дѣлаетъ это очень сложнымъ образомъ, черезъ деревенскаго священника, къ которому является переодѣтымъ. Священникъ привозитъ деньги нотаріусу—и виновность Клода установлена. Но къ ужасу Жака никто не хочетъ выступить противъ Клода: всѣ эти люди—не судьи, а заинтересованные. Жакъ ѣдетъ къ Барсаку, чтобы лично расквитаться съ нимъ, но умираетъ у него въ каби-

нетѣ отъ разрыва сердца. Остается еще одинъ свидѣтель преступленія—анархистъ, слѣдившій за Клодомъ въ ночь убійства. Онъ молчитъ, думая, что Клодъ употребитъ деньги на благо народа. Когда же этого не случилось, онъ приходитъ къ Клоду убить его, но Клода спасаетъ слуга, вбѣжавшій въ кабинетъ и убивающій наповалъ преступника. Клодъ побѣдилъ всѣ препятствія и пріобрѣлъ власть въ обществѣ, гдѣ все подчинено успѣху и деньгамъ.

Несмотря на обиліе сенсаціонныхъ, довольно грубыхъ эффектовъ, „Arriviste" заслуживаетъ вниманія серьезностью замысла и талантливымъ обличеніемъ нравовъ общества.

II.

Rudolf Lothar. König Harlekin. Ein Maskenspiel. Zweite Auflage 1904. (München. G. Müller Verlag).

Вышедшая вторымъ изданіемъ драма Рудольфа Лотара, „Король Арлекинъ", очень интересна своей оригинальностью, соединеніемъ философскаго содержанія съ пластичностью художественнаго выполненія. Рудольфъ Лотаръ—австрійскій писатель, извѣстный литературный критикъ, написавшій также рядъ смѣло задуманныхъ драмъ и трагедій: „Cäsar Borgia's Ende", „Rausch", „Ritter Tod und Teufel" и др.

Въ драмѣ его „Король Арлекинъ" теоретичность замысла преобладаетъ надъ непосредственнымъ дѣйствіемъ, превращая пьесу въ философскую сказку въ лицахъ—очень излюбленный жанръ въ новѣйшей нѣмецкой литературѣ. Событія, происходящія въ драмѣ, совершенно фантастичны, являясь только иллюстраціей отвлеченнаго идейнаго замысла. Но фантазія переплетена съ реальными элементами; въ драмѣ изображено живое человѣческое страданіе, возсозданное съ большимъ драматическимъ подъемомъ, и благодаря этому пьеса пріобрѣтаетъ жизнь и красочность.

„Король Арлекинъ" написанъ въ формѣ итальянской пантомимы, и въ пьесѣ дѣйствуютъ основные типы commedia del' arte: Коломбина, Арлекинъ, Панталеоне и Скапино. Но ихъ дѣйствія и чувства представлены среди реальной обстановки, среди осложненій политической жизни, въ которой всѣ они вдругъ становятся участниками событій. Арлекинъ представленъ типичнымъ выразителемъ человѣческой души и воли, подвластнымъ жизни, откликающимся на ея законы, живущимъ полностью только въ данномъ моментѣ, не зная и не будучи въ состояніи взять на себя отвѣтственность за минувшую или грядущую минуту. Онъ можетъ испытывать всю гамму чувствъ,

отъ глубочайшихъ страданій до свѣтлаго счастья, можетъ проявлять свою волю во всемъ мгновенномъ, можетъ мѣнять формы, но каждая форма сущаго подчинена своему закону, и противъ него отдѣльная воля ничего не можетъ сдѣлать. Для выраженія этой власти законовъ жизни надъ индивидуальной волей драматургъ беретъ отвлеченный типъ итальянской пантомимы: онъ хочетъ показать, что дѣло не въ разной психологіи отдѣльныхъ людей, а въ общемъ законѣ, управляющемъ жизнью.

Въ основѣ „Короля Арлекина" лежитъ мысль о соотношеніи сущности и формы—того, что̀ есть, и того, что̀ кажется. Тема эта занимала драматурговъ всѣхъ временъ—и Кальдерона, и Шекспира, и новѣйшихъ философски настроенныхъ писателей, какъ, напр., Шнитцлера въ его „Зеленомъ попугаѣ". Въ противоположность пессимистамъ, утверждающимъ, что въ мірѣ видимостей полновластно царятъ формы, и что поэтому слѣдуетъ смотрѣть на жизнь какъ на сонъ или игру, Лотаръ доказываетъ, что идея владѣетъ формой.

Драма его направлена противъ крайностей современнаго индивидуализма, и въ этомъ ея самобытность. Въ то время какъ вся новѣйшая литература, въ особенности нѣмецкая, и прежде всего драматическая, живетъ „подъ знакомъ Нитцше" и прославляетъ могущество личности, Лотаръ показываетъ въ „Королѣ Арлекинѣ", что лозунгъ „сила—мое право" обманчивъ, и что свобода—только въ томъ, чтобы одинаково разбивать всѣ формы, т. е. всѣ маски, живя стихійной сущностью, которая въ драмѣ воплощена въ любви Арлекина и Коломбины.

Герой пьесы—Арлекинъ. Его талантъ заключается въ томъ, что онъ умѣетъ мѣняться, умѣетъ быть раболѣпнымъ слугой своего господина, потакать его страстямъ, и въ то же время способенъ на благородные, гордые и отважные поступки. Такимъ образомъ онъ становится символомъ мѣняющагося до безконечности, но всегда страдающаго человѣчества: Арлекинъ хотя и радуется своему умѣнью видоизмѣнять и разнообразить формы своего „я", но радость его соединена съ глубокими страданіями, потому что, мѣняя форму, онъ все-же не можетъ выразить сущность самого себя. Онъ любитъ Коломбину, а она не отвѣчаетъ ему взаимностью, потому что не можетъ уловить въ немъ его сущность. Коломбина — совѣсть человѣка; она цѣнитъ только то, что̀ есть, а не то, что кажется. Она только тогда полюбитъ Арлекина, когда проявится его дѣйствительная единая сущность:—„Кого же мнѣ любить въ тебѣ?—спрашиваетъ она въ отвѣтъ на признаніе Арлекина.—Что̀ такое Арлекинъ? жалкій рабъ своего господина, собака этой собаки, презрѣнный льстецъ—или тотъ смѣлый пѣвецъ, который закололь на Ріальто нѣмца, помѣшавшаго

тебѣ пѣть серенаду въ мою честь?.. Дѣйствительно ли ты дерзокъ, или твоя дерзость—искусно сыгранная роль? Ты играешь всѣ роли, ты носишь каждую маску такъ, какъ будто бы она была твоимъ лицомъ. Въ которой же изъ твоихъ ролей ты равенъ себѣ, и кто добивается теперь моей любви"? Арлекинъ говоритъ, что онъ самъ не знаетъ, кто онъ, и что всѣ люди на свѣтѣ играютъ роли.—Никто, кромѣ Бога, не смѣетъ утверждать: я—дѣйствительно „я".—„И потому,—быстро возражаетъ Коломбина,—любовь Господня—отрада, а любовь человѣческая—проклятіе". Арлекинъ говоритъ, что онъ чувствуетъ въ себѣ всѣхъ людей, всѣ человѣческія страсти, и хочетъ погрузиться въ нихъ во всѣхъ, какъ въ горячій потокъ, который и есть жизнь. Жизнь—потокъ лавы, и кратеръ ея—сердце. Поэтому, только то, что̀ чувствуешь, и составляетъ жизнь.—„Смыслъ моей жизни,—говоритъ Арлекинъ,—создавать все новыя формы, въ которыя вливалась бы моя душа. Въ этомъ—мое искусство". Но оно безсильно убѣдить Коломбину въ истинности любви Арлекина, и потому онъ проклинаетъ свое искусство. Она не признаетъ его любви, потому что вѣритъ только часу, въ который онъ ей говоритъ о своемъ чувствѣ, а не ему самому. А между тѣмъ въ любви должны исчезнуть время и пространство; любовь должна быть почти безуміемъ. Пока это не наступило, т. е. пока не проявится стихійная сущность Арлекина, которая можетъ вызвать такое чувство,—до тѣхъ поръ Коломбина не можетъ сказать Арлекину, что принимаетъ его любовь. Въ этомъ разговорѣ выясняется исходный пунктъ драмы, стремленіе Арлекина проявить себя, свою индивидуальность въ мѣняющихся маскахъ или формахъ жизни и противорѣчіе этого стремленія голосу совѣсти—или живущей въ душѣ святыни любви; она требуетъ проявленія единой, стихійной сущности души.

Дальнѣйшее развитіе драмы заключается въ испытаніяхъ Арлекина, стремящагося навязать законы своей индивидуальности окружающей его жизни, и разочарованіе его на этомъ пути. Дѣйствіе, въ которомъ отражено это идейное столкновеніе, очень драматично и сильно. Арлекинъ, вмѣстѣ съ другими комедіантами, состоитъ на службѣ принца Богемунда, распутнаго и жестокаго сына столь же жестокаго и грознаго короля. Богемунда услали въ чужія страны, думая, что тамъ онъ исправится и кое-чему научится; но онъ былъ въ Италіи, велъ разгульный образъ жизни въ Венеціи, и возвращается на родину, куда его призываютъ къ умирающему отцу, такимъ же безудержно порочнымъ и грубымъ, какимъ уѣхалъ; но теперь онъ еще болѣе невыносимъ, потому что чувствуетъ себя сильнымъ наканунѣ вступленія на тронъ. Ему нѣтъ дѣла до умирающаго отца и до грозящей странѣ опасности со стороны надвигающихся генуэз-

цевъ. Онъ думаетъ только о забавахъ, и требуетъ отъ привезенныхъ имъ съ собой комедіантовъ, чтобы они забавляли его представленіями. Особенно много удовольствія ожидаетъ онъ отъ своего любимца Арлекина, талантомъ котораго онъ пользуется и для своихъ амурныхъ приключеній. Арлекинъ умѣетъ въ совершенствѣ копировать своего господина, его голосъ, его жесты, его лицо; Богемундъ посылаетъ его поэтому въ народные кварталы, гдѣ Арлекинъ выискиваетъ хорошенькихъ женщинъ и прельщаетъ ихъ, выдавая себя за принца. Плодами его успѣховъ пользуется Богемундъ. Вернувшись на родину, принцъ хочетъ и тутъ воспользоваться услугами Арлекина, и даетъ ему соотвѣтствующія приказанія. Арлекинъ согласенъ на все, кромѣ одного: онъ не допускаетъ ухаживаній принца за Коломбиной. Онъ боится, что Коломбина, устоявъ противъ ухаживаній Богемунда, пока онъ былъ принцемъ, поддастся соблазну стать подругой короля теперь, когда Богемундъ наслѣдуетъ престолъ своего отца. Принцъ уходитъ къ отцу, оставляя Арлекина съ Коломбиной готовиться къ спектаклю. Возвращаясь, онъ застаетъ ихъ среди нѣжнаго объясненія Арлекина; но онъ увѣренъ, что это только репетиція спектакля. Коломбина особенно нравится ему въ этотъ день, и онъ требуетъ, чтобы Арлекинъ оставилъ его наединѣ съ нею, причемъ цинично говоритъ о своемъ отношеніи къ красотѣ Коломбины. Въ Арлекинѣ вскипаетъ ревность; внѣ себя отъ бѣшенства, онъ бросается на принца. Коломбина въ ужасѣ убѣгаетъ, зовя на помощь людей, чтобы разнять дерущихся. Но въ ея отсутствіе случается непоправимое, — Арлекинъ убиваетъ Богемунда. Онъ сначала самъ въ полномъ ужасѣ, но сейчасъ же рѣшается повернуть обстоятельства въ свою пользу, и бросаетъ тѣло убитаго принца съ веранды въ море, а самъ исчезаетъ за перегородкой, гдѣ была приготовлена для него одежда принца—какъ того требовало представленіе. Когда появляется вмѣстѣ съ Коломбиной братъ только-что умершаго короля, Танкредъ, передъ ними уже не Богемундъ, а ставшій его двойникомъ Арлекинъ. Онъ заявляетъ, къ ужасу Коломбины, что убилъ Арлекина, и его провозглашаютъ королемъ, причемъ Танкредъ торопитъ его въ бой, такъ какъ генуэзцы уже близко.

Арлекинъ исчезъ. На его мѣстѣ теперь тотъ, кто воплощаетъ идею королевства, тотъ, кто признанъ королемъ и долженъ подчиниться формѣ, которую онъ избралъ для себя. Онъ вышелъ побѣдителемъ изъ битвы съ генуэзцами, и теперь предстоитъ его коронованіе, во время котораго снова происходитъ столкновеніе между индивидуальной волей и силой жизни—силой явленій. Мать Богемунда, несчастная слѣпая женщина, терзается въ борьбѣ между совѣстью и долгомъ королевы. Она любитъ свою страну, скорбитъ о томъ злѣ, которое принесъ народу ея тираннъ-мужъ, и теперь вынуждена воз-

ложить корону на голову сына, столь же презрѣннаго, какъ и его отецъ. Она хотѣла бы отречься отъ сына во имя блага страны, но братъ мужа, Танкредъ, носитель идеи государственности, убѣждаетъ ее исполнить долгъ. Для него принципъ королевской власти воплощенъ теперь въ Арлекинѣ, принявшемъ образъ Богемунда. Танкредъ всецѣло на его сторонѣ, готовъ отдать за него свою дочь Гизу, но откладываетъ свадьбу на годъ. За это время онъ сможетъ убѣдиться въ соотвѣтствіи новаго короля установленному принципу власти. Въ случаѣ несоотвѣтствія, Танкредъ знаетъ, какъ поступить; отъ Богемунда--т.-е. Арлекина—его избавятъ наемные убійцы, а на престолъ будетъ возведенъ кузенъ Богемунда, слабоумный Эццелино, который вполнѣ подчинится государственнику Танкреду, и за котораго, въ такомъ случаѣ, выйдетъ Гиза.

Принявъ на себя образъ Богемунда, Арлекинъ хочетъ проявить въ немъ свою индивидуальность. Онъ прежде всего сообщаетъ свою тайну слѣпой королевѣ. Она рѣшилась—противъ воли—возложить корону на презрѣннаго сына своего Богемунда, но, прикоснувшись къ головѣ стоящаго передъ нею на колѣняхъ короля, она сразу понимаетъ, что это не ея сынъ. Между ними происходитъ тихій разговоръ, въ которомъ Арлекинъ сознается въ убійствѣ Богемунда, и предлагаетъ королевѣ или сейчасъ же обличить его и отдать страну во власть слабоумнаго Эццелино, или же довѣриться ему: онъ осчастливитъ страну и обѣщаетъ, что если не съумѣетъ бороться противъ тиранніи, ставшей закономъ въ королевствѣ, если не съумѣетъ сдѣлать народъ счастливымъ и свободнымъ, то сложитъ съ себя власть. Онъ считаетъ себя законнымъ королемъ, такъ какъ лозунгъ королевскаго дома, къ которому онъ самовольно присоединилъ себя, гласитъ: „сила—мое право". Своей силой онъ считаетъ волю служить на благо страны.

Но, вступивъ на престолъ съ согласія королевы-матери, Арлекинъ вступаетъ сейчасъ же въ борьбу съ Танкредомъ. Въ желаніяхъ помочь народу въ дни голода онъ наталкивается на сопротивленіе своего мнимаго дяди. Справедливо недовольныхъ Танкредъ называетъ бунтовщиками, и заявляетъ, что помочь имъ нельзя, за неимѣніемъ денегъ; все, что̀ казна получила отъ налоговъ, употреблено на изготовленіе золотыхъ кольчугъ гвардейцамъ, на постройку дворцовъ. Танкредъ требуетъ, чтобы депутація, пришедшая къ королю молить о помощи, была отправлена въ тюрьму. Арлекинъ открыто противится Танкреду, отмѣняетъ приказъ о новыхъ кольчугахъ и постройкѣ новыхъ дворцовъ, и отпускаетъ на свободу посланца отъ бѣдствующаго народа. Но между Танкредомъ и Арлекиномъ происходитъ рѣшительное объясненіе. Танкредъ обвиняетъ его въ измѣнѣ королевской

идеѣ. Онъ отмѣнилъ приказъ, т.-е. сознался въ совершенной ошибкѣ, чего не долженъ былъ дѣлать представитель власти. Танкредъ обвиняетъ, далѣе, короля въ потворствѣ бунтовщикамъ, и на отвѣтъ Арлекина, что онъ любитъ народъ и составляетъ часть его, Танкредъ еще болѣе рѣшительно называетъ его мятежникомъ, недостойнымъ королевскаго престола. Онъ требуетъ, чтобы Арлекинъ подчинился его приказаніямъ, отвѣчающимъ королевской идеѣ, чтобы онъ подписалъ представленные ему смертные приговоры и договоръ съ Генуей, хотя онъ и не послужитъ на пользу народа. Напрасно Арлекинъ ссылается на свою власть и на то, что онъ, одержавшій побѣду надъ врагами, грозившими гибелью родинѣ, имѣетъ право заявлять свою волю. Танкредъ разубѣждаетъ его, называя его только орудіемъ въ рукахъ, владѣющихъ мечомъ, т.-е. въ своихъ рукахъ. Не король побѣдилъ, а побѣдили вожди арміи; король же, ѣхавшій на статномъ конѣ, былъ только декоративнымъ носителемъ побѣды. Побѣдили развѣвающіяся бѣлыя перья на его шлемѣ, и они побѣдили бы, если бы ихъ носилъ и не Богемундъ, а Эццелино или кто-нибудь другой. Не онъ правитъ, а королевская идея, и ей онъ долженъ подчиняться. Но на это Арлекинъ несогласенъ. Онъ объясняетъ своему другу Панталеоне, котораго посвятилъ въ свою тайну, что „играть роль", какъ отъ него требуетъ Танкредъ, онъ не будетъ; онъ хотѣлъ овладѣть представившимся ему матеріаломъ какъ художникъ, создать изъ него нѣчто свое; оказалось же, что онъ не творецъ, не мастеръ; а подчиняться самъ готовой формѣ онъ не хочетъ. Индивидуальной волѣ нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ царятъ принципы—и Арлекинъ отказывается отъ соблазна власти. Онъ пользуется своимъ положеніемъ только еще для того, чтобы испытать сердце Коломбины. Она стала любить Арлекина, повѣривъ тому, что Богемундъ его убилъ. Для нея это—доказательство того, что онъ дѣйствительно ее любилъ, если поплатился жизнью, спасая ее отъ Богемунда. Свою любовь къ Арлекину она можетъ доказать теперь только местью за его смерть. Для этого она рѣшаетъ обольстить короля, и во время любовнаго свиданія съ нимъ убить его. Арлекинъ, въ свою очередь, добивается любви Коломбины съ величайшей мукой,—боясь ея согласія, какъ измѣны себѣ, ради того, кѣмъ онъ кажется. Но вѣрность Коломбины именно Арлекину вполнѣ подтверждается—и счастье любви торжествуетъ. Противъ Арлекина готовится заговоръ. Танкредъ нанимаетъ убійцъ, которые должны освободить королевскій домъ отъ недостойнаго носителя королевской короны. Но прежде чѣмъ осуществляется планъ Танкреда, Арлекинъ самъ оставляетъ дворецъ. На представленіи, назначенномъ во дворцѣ, Арлекинъ выскакиваетъ въ своемъ старомъ шутовскомъ костюмѣ и говоритъ подъ маской о творческомъ призваніи художниковъ, о пра-

вахъ смѣха, какъ протеста противъ навязанныхъ обязанностей и принциповъ. Онъ разсказываетъ, подъ прозрачнымъ вымысломъ, свой неудачный опытъ внести индивидуальность въ управленіе королевствомъ и, заканчивая гимномъ свободы, уходитъ вмѣстѣ съ комедіантами на свободу, къ искусству. Эццелино провозглашается королемъ, а Арлекинъ предпочитаетъ свободу и любовь мертвымъ обязанностямъ, въ которыя онъ не можетъ внести обновляющій духъ индивидуальной свободы. Творчество существуетъ только въ области иллюзій, и истина кроется въ правдѣ души (воплощенной въ пьесѣ Лотара въ образѣ любви); въ дѣйствительности, въ событіяхъ и формахъ жизни царятъ законы, ломающіе индивидуальную волю. Вотъ къ чему сводится, въ общемъ, идея довольно интересной драмы Лотара. — З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 ноября 1904.

Когда была у насъ „вторая весна“?—Стремленія, вызванныя къ жизни этою весной.—Намѣренное смѣшеніе понятій.—Мнимые союзники японцевъ.—Воззваніе къ дворянству.—Нѣкоторыя черты прошедшаго и настоящаго.—Гомельскій процессъ и еврейскіе погромы.—Особый родъ обвиненій въ харьковскомъ журналѣ „Мирный Трудъ“.—К. К. Случевскій; гр. П. А. Капнистъ †.

Въ ночныхъ птицахъ приближеніе зари всегда возбуждаетъ безпокойство и тревогу. Нѣчто подобное можно наблюдать и въ общественной жизни. Когда, — говоря словами поэта, — начинаетъ „уступать свѣту мракъ упрямый“, въ средѣ, сроднившейся съ тьмою, благоденствовавшей подъ ея покровомъ, вѣрившей въ ея безконечность, возникаетъ явное или худо скрываемое смятеніе. Формы, которыя оно принимаетъ, бываютъ различны. Параллельно съ упорнымъ отстаиваньемъ старины, съ нежеланіемъ признавать самое существованіе перемѣны, идутъ усилія приспособиться къ новому теченію—приспособиться къ нему, конечно, чисто-внѣшнимъ образомъ, обезпечивая за собою возможность отступленія на прежнюю позицію. Однимъ изъ орудій, пускаемыхъ въ ходъ съ этой цѣлью, служитъ искаженіе фактовъ. Реальную преемственность событій пытаются подмѣнить вымышленною связью между противоположными явленіями. Понятно, напримѣръ, что каждый шагъ впередъ, совершающійся на русской почвѣ, заставляетъ вспомнить объ эпохѣ великихъ реформъ—и, рядомъ съ нею, о воскресившей ея завѣты эпохѣ „новыхъ вѣяній“. Нѣтъ—возражаютъ на это перебѣжчики реакціоннаго лагеря: эпоха „новыхъ вѣяній“ была „тяжелою и мрачною годиной, кануномъ величайшаго позора для русскаго народа“. „Второй весной“ была не она: „второй весной“ былъ конецъ восьмидесятыхъ годовъ, когда довольны и счастливы были всѣ — и бойко торговавшій купецъ, и успокоенный помѣщикъ, и наслаждавшійся возстановленнымъ деревенскимъ порядкомъ крестьянинъ, и русскій путешественникъ, свидѣтель высоко поднявшагося за границей престижа Россіи [1]). Выводъ отсюда ясенъ: наступившая или наступающая теперь „третья весна“, какъ продолженіе второй, должна быть дальнѣйшимъ развитіемъ началъ, торжествовавшихъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ!.. Фокусъ, выкинутый га-

[1]) См. „Дневники“ въ № 78 „Гражданина“.

зетой, могъ бы быть названъ смѣлымъ, еслибы не такъ очевидно было отсутствіе спайки между его составными частями. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли ставить рядомъ и на одинъ уровень два историческіе періода, изъ которыхъ одинъ былъ рѣшительнымъ, систематическимъ отрицаніемъ другого? Кто находитъ, что реформы императора Александра II-го шли въ разрѣзъ съ духомъ русскаго народа, извратили характеръ или, по меньшей мѣрѣ, чрезмѣрно ускорили темпъ русской исторіи, тотъ въ правѣ восторгаться контръ-реформами восьмидесятыхъ годовъ, знаменующими собою возвращеніе на прежнюю дорогу; но преклоняться одновременно и одинаково передъ движеніемъ впередъ и передъ движеніемъ назадъ, считать и то, и другое *весною*, т.-е. возрожденіемъ жизни—значитъ выходить за предѣлы самой головоломной политической эквилибристики. Попытка возобновить слишкомъ рано прерванную преобразовательную работу была сдѣлана, за все время съ 1870-го по 1904-ый годъ, только одинъ разъ, такъ называемою „диктатурою сердца". Судить о ней слѣдуетъ по ея намѣреніямъ, а не по печальному ея концу. Мѣръ предосторожности противъ политическихъ убійствъ при гр. Лорисъ-Меликовѣ принималось отнюдь не меньше, чѣмъ до него—и не его вина, что 1-го марта 1881-го года случайное стеченіе обстоятельствъ привело къ катастрофѣ, другими случайными обстоятельствами предупрежденной 19-го ноября 1879-го и 5-го февраля 1880-го года. Снѣжная буря, надолго остановившая пробужденіе природы, не уничтожаетъ прелесть предшествовавшихъ ей весеннихъ дней, когда свѣтило солнце и все благопріятствовало всходу первыхъ посѣвовъ. Кое-что изъ этихъ посѣвовъ не погибло, впрочемъ, и во время бури: всѣ перемѣны къ лучшему, ознаменовавшія собою самое начало восьмидесятыхъ годовъ, были предприняты или намѣчены въ эпоху „новыхъ вѣяній". О многомъ другомъ, тогда задуманномъ, но вслѣдъ затѣмъ забытомъ, становится возможнымъ вспомнить именно теперь—вспомнить, конечно, не для того, чтобы повторить буквально: истекшая съ тѣхъ поръ четверть вѣка принесла съ собою новыя потребности, новые запросы, тѣмъ болѣе сложные, чѣмъ дольше продолжался періодъ реакціи и застоя.

Что эпоха „новыхъ вѣяній", несмотря на свою краткость, несмотря на несчастное событіе, ускорившее ея конецъ, оставила глубокій слѣдъ въ русскомъ обществѣ—это доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что не сразу прекратилось вызванное ею умственное движеніе, не сразу угасли порожденныя ею надежды. Констатируя, мѣсяцъ спустя послѣ 1-го марта, громадность и трудность тогдашней правительственной задачи, мы выражали увѣренность, что она, тѣмъ не менѣе, разрѣшима. „Успѣхъ законодательной работы" — писали мы въ апрѣльскомъ обозрѣніи 1881-го года — „зависитъ отъ достаточно полнаго и хорошо

провѣреннаго запаса матеріаловъ,—отъ наличности силъ, способныхъ творчески отнестись къ этимъ матеріаламъ, создать изъ нихъ нѣчто цѣльное, живое, и затѣмъ критически оцѣнить созданное,—отъ умѣнья устранить искусственныя преграды, задерживающія свободное движеніе предпринятаго дѣла. Всѣ эти условія имѣются на лицо. Надъ собраніемъ матеріаловъ трудилась вся предшествовавшая эпоха. Въ силахъ для подготовки преобразованій не можетъ оказаться недостатка, если только къ участію въ этой работѣ будетъ призвано общество, въ формѣ болѣе простой и болѣе удобной, чѣмъ опросъ земскихъ собраній—въ такой формѣ, которая допускала бы свободный обмѣнъ мыслей и замѣняла бы массу безконечно-разнообразныхъ заключеній мнѣніями большинства и меньшинства, основанными на всестороннемъ обсужденіи предмета. Гласность совѣщаній должна привлечь къ участію въ нихъ, черезъ посредство печати, все образованное общество... Преобразовательная работа, совершенная при участіи общества — если только это участіе перестанетъ быть экстраординарнымъ, случайнымъ, —представляетъ еще одно, существенно важное преимущество: преимущество прочности, устойчивости. Параллельно съ потребностью въ реформахъ растетъ потребность въ гарантіяхъ — въ гарантіяхъ для лицъ и для учрежденій. Гарантія — это увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, въ общественной жизни необходимая не меньше, чѣмъ въ частной; это—залогъ правильнаго, безповоротнаго развитія, ручательство въ томъ, что обществу не придется, какъ Сизифу, постоянно повторять одну и ту же работу и, какъ Танталу—никогда не пользоваться ея плодами"... Движимыя аналогичными мотивами, двѣнадцать губернскихъ земскихъ собраній ходатайствовали, въ 1881 — 82 гг., объ избраніи уполномоченныхъ отъ всѣхъ земствъ имперіи, для обсужденія всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ внутренняго управленія. „Избраніе уполномоченныхъ" — говорили мы, по этому поводу, въ апрѣльскомъ обозрѣніи 1882-го года,— „только первый шагъ, рѣшительный и важный. Что̀ послѣдуетъ за нимъ—въ настоящее время опредѣлить трудно: утвердительно можно сказать только одно—что дѣло не обойдется безъ *сочинительства*, понимаемаго въ смыслѣ пріисканія новыхъ формъ для новаго содержанія, новыхъ средствъ для новыхъ задачъ. Все дѣло въ томъ, *что* и *какъ* будетъ сочинено—какъ будутъ поняты требованія жизни, какъ будетъ согласовано прошедшее съ настоящимъ и будущимъ"... Тѣ же мысли были повторены нами и двѣнадцать лѣтъ спустя, въ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, короткихъ моментовъ, когда казалось возможнымъ обновленіе русской жизни [1]). Позднѣйшій опытъ могъ только утвердить наше давнишнее убѣжденіе. Понятно, поэтому, на

[1]) См. „Внутреннее Обозрѣніе" въ № 12 „Вѣстника Европы" за 1894 г.

чьей сторонѣ мы стоимъ въ полемикѣ, завязавшейся, въ послѣднее время, между различными органами печати, изъ которыхъ одни, допуская лишь власть силы и силу власти, продолжаютъ провозглашать „ограниченность ума подданныхъ“, а другіе, вѣря въ зрѣлость русскаго общества, признаютъ за нимъ право голоса въ важнѣйшихъ вопросахъ государственной жизни.

Смѣшеніе понятій, слишкомъ явное, чтобы быть безсознательнымъ или случайнымъ — таково одно изъ главныхъ орудій, пускаемыхъ въ ходъ противъ разростающагося движенія. Представительство отождествляется съ парламентаризмомъ, участіе въ *законодательной* работѣ —съ господствующимъ вліяніемъ на дѣла *управленія*. Съ этою цѣлью настойчиво поддерживаются положенія, несостоятельность которыхъ обнаруживается элементарною справкой съ исторіей и правомъ западно-европейскихъ государствъ. Въ статьѣ, озаглавленной: „Маклаки парламентаризма“ („Московскія Вѣдомости“ № 280), г. Spectator упорно отказывается понять нашу ссылку на примѣръ Германіи и Австріи, Норвегіи и Даніи, Швейцаріи и Соединенныхъ Штатовъ. Онъ видитъ въ ней только указаніе на *случаи*, въ которыхъ правительства не подчиняются парламентскому большинству, между тѣмъ какъ у насъ рѣчь шла о *системѣ*, допускающей продолжительное разногласіе между государственными властями, безъ обостреннаго конфликта, безъ попытокъ положить ему конецъ, сверху или снизу, государственнымъ переворотомъ. Безконечно разнообразны формы политической жизни, ничѣмъ не ограничена приспособляемость ихъ къ условіямъ времени и мѣста. Созидательная работа, вызываемая растущею зрѣлостью общества, не требуетъ подражанія какому-нибудь чуждому образцу, не исключаетъ *самобытности*, въ истинномъ значеніи этого слова. „Если разумѣть подъ именемъ народной самобытности“ — говорили мы еще въ 1882-мъ году,—„совокупность предопредѣленныхъ свойствъ, навѣки застывшихъ взглядовъ, неподвижныхъ учрежденій, то въ такой самобытности слѣдуетъ отказать русскому народу, какъ и всякому другому; но самобытности въ смыслѣ особенностей, выработанныхъ исторіей, постоянно измѣняющихся, поддающихся дѣйствію самыхъ различныхъ причинъ и въ свою очередь обусловливающихъ собою самыя различныя послѣдствія, не лишенъ ни одинъ народъ, не лишена, безъ сомнѣнія, и Россія“.

Другой пріемъ, излюбленный реакціонною печатью, заключается въ провозглашеніи „несогласно мыслящихъ“ измѣнниками, врагами Россіи. Съ особеннымъ ожесточеніемъ ведется атака противъ профессора кн. Евгенія Трубецкого, напечатавшаго въ „Правѣ“ (№ 39) замѣчательную передовую статью: „Война и бюрократія“. И это вполнѣ понятно: ни по своему положенію, ни по своей прошлой дѣятельности кн. Е.

Трубецкой не можетъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ, которыхъ легко заподозрить въ какомъ-нибудь *измѣ*. Обвиняя его то въ „безсознательной“, то въ „цинической“ лжи, г. Spectator приходитъ въ ужасъ при мысли, что проповѣдь этой лжи раздается не только въ печати, но и съ университетской каѳедры. „Какъ кн. Трубецкой, такъ и остальные подобные ему союзники японцевъ“—таковъ заключительный выводъ обвинителя,—„разбрасываютъ подводныя мины по русскому житейскому морю на пути русскаго государственнаго корабля. Неужели не найдется другого адмирала Рожественскаго, чтобы сразу положить предѣлъ этимъ гнуснымъ маневрамъ, производимымъ въ прямыхъ интересахъ Японіи“? Въ чемъ же заключается *ложь*, съ такимъ полицейскимъ усердіемъ приписываемая кн. Трубецкому? Въ томъ, что онъ объясняетъ наши военныя неудачи вынужденной спячкой русскаго общества, надъ которымъ бодрствовала одна всевидящая, всесильная бюрократія. Усыпивъ общество, бюрократія „сама поддалась гипнозу сонной общественной атмосферы и явила въ себѣ яркое воплощеніе главнѣйшихъ нашихъ общественныхъ недостатковъ—нашей апатіи, нашей лѣни и нашей безпечности. Она искала врага, но внѣшняго врага она не замѣтила, потому что вниманіе ея было отвлечено въ другую сторону: ей грезился врагъ внутри государства, врагомъ ей казался всякій, кто не носилъ ея образа и подобія, кто имѣлъ независимыя убѣжденія и ставилъ велѣнія совѣсти выше бюрократическихъ предписаній“. Опровергнуть эти положенія можно было, очевидно, только однимъ путемъ: установивъ, что бюрократія все предвидѣла, никакихъ существенно-важныхъ ошибокъ не допустила, ничьей дѣятельности безъ надобности не стѣсняла и ни въ чемъ, слѣдовательно, отвѣтственной признана быть не можетъ. И что же? Ничего подобнаго г. Spectator даже не пытается доказать, ограничиваясь перечисленіемъ „сюрпризовъ“, выпавшихъ на долю западноевропейскихъ государствъ: Англію застало въ расплохъ упорное сопротивленіе буровъ, парламентарная Европа не ожидала боксерскаго движенія въ Китаѣ, парламентарная Италія испытала позорнѣйшій сюрпризъ при Адуѣ, парламентарная Австрія—при Садовой [1]). Если и допустить, что во всѣхъ этихъ случаяхъ имѣли мѣсто дѣйствительные „сюрпризы“,—т.-е. продукты непредусмотрительности и безпечности, а не простыя неудачи, возможныя вездѣ и всегда,—то къ темѣ, затронутой кн. Трубецкимъ, они не относятся вовсе. Вопросъ, поставленный въ статьѣ: „Война и бюрократія“, заключался не въ томъ,

[1]) Г. Spectator'у рѣшительно слѣдовало бы освѣжить или пополнить свои историческія знанія. Во время пораженія при Садовой Австрія не могла считаться ни парламентарной, ни даже конституціонной страной: дѣйствіе австрійской конституціи было пріостановлено въ сентябрѣ 1865-го года.

можно ли считать свободную политическую жизнь безусловной гарантіей противъ „сюрпризовъ“ вообще, а въ томъ, существуетъ ли причинная связь между реальными „сюрпризами“ русско-японской войны и всевластіемъ русской бюрократіи, построеннымъ на безгласности и безсиліи русскаго общества. Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, данный кн. Трубецкимъ, сохраняетъ полную силу, и г. Spectator'у остается только уповать—надѣемся, безплодно — на вмѣшательство „внѣшней превосходящей силы“, направленное къ возстановленію господствовавшей еще недавно мнимой „глади“ и зловѣщей „тишины“.

Есть еще одинъ видъ вмѣшательства, къ которому взываютъ „Московскія Вѣдомости“: это—вмѣшательство дворянства. „Очевидно“ — читаемъ мы въ статьѣ: „Памятка дворянству“ (№ 289),—„что дальше дворянство не можетъ и не должно терпѣть не критику, а поношеніе государственнаго порядка, законовъ и строя“. Въ чемъ же, гдѣ же выразилось это „поношеніе“? Въ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, появившихся съ вѣдома и безъ противодѣйствія цензуры! А насъ хотятъ увѣрить, что „при такомъ направленіи печати страна спокойно жить не можетъ“. И вотъ, на охрану спокойствія страны дворянство приглашается „встать во весь свой политическій ростъ“ и „высказаться по одной программѣ“, составленной предводителями. Такъ ли, однако, великъ „политическій ростъ“ дворянства, чтобы, вставъ во всю его вышину, оно могло произвести потрясающее впечатлѣніе? Дворянскія собранія не пріучили Россію прислушиваться къ ихъ голосу. Немало сдѣлали *дворяне*, на самыхъ различныхъ поприщахъ государственной и общественной жизни, но напрасно было бы искать въ нашемъ прошломъ глубокихъ слѣдовъ дѣятельности *дворянскихъ корпорацій*... Изъ числа предводителей едва ли нашлось бы много готовыхъ повиноваться реакціонной указкѣ; достаточнымъ доказательствомъ тому служитъ исторія мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ...

Все меньше и меньше, вообще, пользуются вниманіемъ еще недавно казавшіеся авторитетными голоса реакціонной прессы. Напрасно, например, „Московскія Вѣдомости“ признаютъ право собираться для совѣщаній только за представителями дворянства; напрасно онѣ увѣряютъ, что „какъ прежде, такъ и теперь“ правительство, свободно разрѣшая всероссійскую *дворянскую* организацію, не можетъ не противодѣйствовать центральной *земской* организаціи. Отвѣтомъ на это увѣреніе служитъ неопровергнутое газетное извѣстіе о съѣздѣ всѣхъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, имѣющемъ состояться въ Петербургѣ 6-го будущаго ноября. По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей“, разрѣшеніе этого съѣзда, въ особенности

если будутъ раздвинуты его рамки, знаменуетъ собою отказъ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ прежняго, долго и упорно державшагося взгляда на одну изъ серьезнѣйшихъ потребностей земской жизни.

Каково бы ни было прошедшее „Гражданина"—прошедшее, отчасти еще весьма недавнее,—какъ бы мало довѣрія ни внушали его послѣднія экскурсіи въ область умѣренности и уваженія къ чужимъ взглядамъ, чередующіяся съ возвратами къ болѣе привычнымъ темамъ,—нельзя отрицать, что къ новымъ теченіямъ нашей политической жизни онъ относится болѣе сдержанно и болѣе трезво, чѣмъ г. Spectator и К°. Полемика кн. Мещерскаго съ „Русскими Вѣдомостями" имѣетъ мало общаго съ обычными „извѣщеніями" реакціонной печати и можетъ способствовать, отчасти, выясненію затрогиваемыхъ ею вопросовъ. „Гражданинъ" предложилъ „Русскимъ Вѣдомостямъ" указать хоть на одинъ фактъ, заключающій въ себѣ „проявленіе недовѣрія правительства къ такому общественному учрежденію, которое работало исключительно на почвѣ своихъ законныхъ обязанностей, не имѣя другой цѣли, кромѣ общественной и народной пользы". Удовлетворить любопытство „Гражданина" было, конечно, очень легко: „Русскія Вѣдомости" напомнили ему закрытіе комитетовъ грамотности, перерывъ въ дѣятельности вольнаго экономическаго общества, отношеніе администраціи къ важнѣйшимъ земскимъ ходатайствамъ, отношеніе многихъ губернаторовъ къ меньшинству губернскихъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ. Чрезвычайно характерна самая редакція вопроса, поставленнаго „Гражданиномъ": не случайно упоминается въ ней только объ *обязанностяхъ*, а не о *правахъ* общественныхъ учрежденій. Въ томъ-то и дѣло, что слишкомъ узко понимались, слишкомъ низко цѣнились, въ недавней административной практикѣ, всякія права; слишкомъ часто пользованіе ими возводилось на степень дерзкаго посягательства на полномочія и прерогативы бюрократіи. Припомнимъ, напримѣръ, судьбу союза взаимопомощи русскихъ писателей, учрежденнаго въ 1897-мъ году и просуществовавшаго только четыре года. Ему принадлежало, въ силу его устава, право ходатайствовать передъ правительственными учрежденіями по предметамъ, касающимся литературной профессіи и ея *отдѣльныхъ представителей*—и тѣмъ не менѣе поводомъ къ его закрытію послужило ходатайство въ защиту писателя, безвинно пострадавшаго во время безпорядковъ 4-го марта 1901-го года. Московское юридическое общество было закрыто въ 1899-мъ году за адресъ, прочитанный, отъ его имени, во время пушкинскихъ празднествъ—адресъ безусловно корректный, безпрепятственно воспроизведенный печатью [1]). Не превышало своихъ правъ и вольное

---

[1]) См. Общественную Хронику въ № 9 „Вѣстника Европы" за 1899 г.

экономическое общество, когда давало просторъ открытому обсужденію научныхъ идей, волновавшихъ въ то время русское общество... Тяжесть ударовъ, обрушивавшихся, нежданно-негаданно, на наши общественныя учрежденія, была тѣмъ болѣе велика, чѣмъ труднѣе, по условіямъ нашей жизни, замѣнить одинъ центръ дѣятельности другимъ, возобновить прерванную работу. Общества, ставшія на мѣсто комитетовъ грамотности, цѣлые годы оставались въ бездѣйствіи; московское юридическое общество до сихъ поръ не имѣетъ преемника, вслѣдствіе условій, которыми было обставлено его возстановленіе; вольное экономическое общество до сихъ поръ (съ 1899-го года) лишено возможности работать, хотя къ началу 1901-го года уже былъ оконченъ, въ особой коммиссіи, пересмотръ его устава...

Недовѣріе къ общественнымъ учрежденіямъ распространялось, до послѣдняго времени, на всѣ общественныя группы, какъ бы онѣ ни были скромны и по своему составу, и по своей дѣятельности. Однимъ изъ выраженій этого недовѣрія было своеобразное толкованіе ст. 112 уст. о пред. и пресѣч. прест., запрещающей „*учинять прошеніе* или доносъ *скопомъ* или заговоромъ“. И буквальный смыслъ этой статьи, и ея происхожденіе (изъ указовъ 1782-го и 1839-го гг.), и мѣсто, занимаемое ею въ сводѣ законовъ (въ главѣ о „запрещенныхъ сходбищахъ и набатныхъ тревогахъ“), удостовѣряютъ, что она направлена противъ *подачи* прошеній цѣлой толпою или сборищемъ, а отнюдь не противъ ходатайствъ, хотя бы и подписанныхъ многими лицами, но направленныхъ по назначенію почтою или инымъ способомъ, вполнѣ безопаснымъ для общественнаго порядка. Между тѣмъ, незаконными признавались всякія вообще коллективныя ходатайства, даже столь безобидныя по содержанію, какъ просьбы о сохраненіи во главѣ учебнаго заведенія лица, предназначеннаго къ переводу въ другой городъ [1]). Если въ коллективномъ ходатайствѣ усматривалось нѣчто соприкасающееся съ политикой, оно могло имѣть весьма тягостныя послѣдствія для нѣкоторыхъ изъ числа просителей, почему-либо являвшихся personae minus gratae въ глазахъ администраціи. Подача прошенія, обращавшаго вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ на нежелательные пріемы полицейскаго усмиренія безпорядковъ, повлекла за собою, въ апрѣлѣ 1901-го года, цѣлый рядъ ночныхъ обысковъ и административныхъ высылокъ.

Кстати объ усмиреніи безпорядковъ. Ретроспективный свѣтъ на недавніе случаи этого рода бросаютъ газетныя сообщенія о демонстраціи, которую предполагалось устроить, 17-го минувшаго октября,

---

[1]) Случай этого рода имѣлъ мѣсто во время бытности генералъ-адъютанта Ванновскаго министромъ народнаго просвѣщенія.

около тюрьмы на Выборгской Сторонѣ, по поводу самоубійства одного изъ содержавшихся въ ней политическихъ арестантовъ, студента технологическаго института Ивана Малышева. Демонстрація эта была предупреждена бесѣдой градоначальника съ молодежью—бесѣдой, которой предшествовало удаленіе, распоряженіемъ градоначальника, явившихся на мѣсто усиленныхъ полицейскихъ нарядовъ. Не таковъ былъ прежній образъ дѣйствій полиціи въ виду готовившихся безпорядковъ—и не таковы были его результаты... Способствовало благополучному исходу дѣла, безъ сомнѣнія, и то, что самоубійство Малышева было оглашено въ газетахъ, съ приведеніемъ текста его предсмертной записки („Не хочется жить. И не тюрьма причиной этому. Причина во мнѣ самомъ"). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстія о самоубійствѣ политическихъ арестантовъ не проникали въ печать и, распространяясь путемъ слуховъ, возбуждали гораздо бо̀льшее волненіе. Теперь, когда о нихъ можно говорить открыто, нельзя не замѣтить, что они подтверждають давно обнаруженную опасность одиночнаго заключенія. въ особенности для людей нервныхъ, болѣзненно-впечатлительныхъ, какихъ немало среди нашей молодежи. Въ дѣлахъ политическихъ, какъ и во всѣхъ другихъ, къ предварительному (тѣмъ болѣе—одиночному) аресту, какъ къ мѣрѣ пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія, надлежало бы прибѣгать только въ крайнихъ случаяхъ: это сохранило бы много силъ, которыя впослѣдствіи могли бы сослужить большую службу обществу и государству. Достигнуть, въ этомъ отношеніи, нѣкоторой перемѣны къ лучшему можно было бы даже простымъ поворотомъ въ господствовавшей до сихъ поръ административной практикѣ. То же самое слѣдуетъ сказать и о другой чертѣ, слишкомъ часто наблюдаемой, въ послѣднее время, при производствѣ политическихъ процессовъ: о закрытіи дверей засѣданія, въ силу дискреціонной власти министра юстиціи. Въ противоположность прошлогоднему кишиневскому процессу, только-что начавшійся гомельскій идетъ при открытыхъ дверяхъ; но многія другія дѣла—въ томъ числѣ и такія, предметомъ которыхъ служатъ не-государственныя преступленія,—до сихъ поръ производятся съ полнымъ устраненіемъ гласности, безъ достаточной къ тому причины. Укажемъ, въ видѣ примѣра, на рѣшенныя недавно тифлисскою судебною палатою дѣла по обвиненію жителей сел. Аштаракъ, эриванской губерніи, и двухъ армянскихъ священниковъ, вмѣстѣ съ 26 жителями гор. Карса, въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 268 улож. о наказ., т.-е. въ квалифицированномъ возстаніи противъ установленныхъ властей. Въ обоихъ случаяхъ, судя по наказаніямъ, наложеннымъ на осужденныхъ, первоначально взведенное на нихъ обвиненіе было отвергнуто и замѣнено другимъ, гораздо менѣе тяжкимъ (вѣроятно—по 271-ой ст. уложенія, относя-

щейся къ сопротивленію съ насиліемъ). Отвѣтъ на вопросъ, чѣмъ объясняется такое противорѣчіе между обвиненіемъ и приговоромъ, могъ бы быть данъ только знакомствомъ съ обстоятельствами дѣлъ, отразившихъ въ себѣ, повидимому, настроеніе нѣкоторыхъ мѣстностей въ Закавказскомъ краѣ.

Мы только-что сказали, что гомельскій процессъ, въ которомъ обвиняемыми являются и русскіе, и евреи, производится при открытыхъ дверяхъ. Это въ особенности важно именно теперь, когда съ одной стороны возобновляются, въ разныхъ мѣстахъ, еврейскіе погромы, съ другой—появляются газетныя статьи, заранѣе эксплоатирующія, въ смыслѣ, враждебномъ для евреевъ, содержаніе гомельскаго обвинительнаго акта. Необходимо, при такихъ условіяхъ, освѣтить съ возможно бóльшею полнотою все происходившее въ Гомелѣ съ 29-го августа по 1-ое сентября прошлаго года,—освѣтить судебнымъ разбирательствомъ, безпристрастнымъ и спокойнымъ, предоставляющимъ, на глазахъ у общества, одинаковый просторъ обвиненію и защитѣ. Не слѣдуетъ забывать, что до окончанія судебнаго слѣдствія и судебныхъ преній обвинительный актъ—только цѣпь предположеній, изъ которыхъ каждое подлежитъ тщательной повѣркѣ. Печальное впечатлѣніе производятъ, поэтому, попытки предопредѣлить исходъ дѣла—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заранѣе подорвать довѣріе къ приговору, на случай если бы онъ не оправдалъ возлагаемыхъ на него ожиданій. Такую попытку дѣлаетъ, напримѣръ, гомельскій корреспондентъ „Новаго Времени" (№ 10283), противопоставляющій малочисленность и слабость защиты обвиняемыхъ-христіанъ блестящему „созвѣздію" адвокатовъ, явившихся изъ Петербурга, Москвы и Кіева для отстаиванія еврейскихъ интересовъ. „А между тѣмъ"—восклицаетъ корреспондентъ, принимая на себя роль судьи,—„торжество Израиля въ этомъ дѣлѣ было бы горькой обидой, нанесенной самой идеѣ справедливости". Простое приличіе требовало бы воздержанія отъ подобныхъ утвержденій... Какъ бы велико ни было неравенство силъ между различными группами защитниковъ, рѣшающее значеніе будутъ имѣть *факты*, которые раскроетъ судебное слѣдствіе. Защитникамъ христіанъ не придется, притомъ, бороться съ тѣмъ предубѣжденіемъ, которое слишкомъ часто встрѣчаютъ противъ себя евреи. До чего оно иногда доходитъ—объ этомъ свидѣтельствуетъ съ поразительною ясностью показаніе, данное недавно въ виленскомъ военно-окружномъ судѣ однимъ изъ свидѣтелей по дѣлу о казакахъ, обвинявшихся въ убійствѣ семьи Гринберговъ. Когда свидѣтель уговаривалъ чиновъ своей сотни открыть все что̀ имъ извѣстно по этому дѣлу, вахмистръ, послѣ ухода свидѣтеля изъ казармы, каждый разъ

собиралъ сотню и обращался къ ней съ такою рѣчью: „не слушайте, что говоритъ сотенный командиръ и пугаетъ присягой—я тоже долго служу и знаю, что за жида ничего не будетъ; ихъ можно бить и присяга за нихъ не признается". Болѣе чѣмъ вѣроятно, что аналогичные взгляды играли роль и въ еврейскихъ погромахъ, происходившихъ, въ первой половинѣ минувшаго октября, въ нѣсколькихъ городахъ сѣверо-западнаго края (преимущественно въ могилевской губерніи). Наибольшихъ размѣровъ и наибольшей силы безпорядки достигли въ Могилевѣ, т.-е. въ губернскомъ городѣ, гдѣ, повидимому, столь же легко было прекратить ихъ въ самомъ началѣ, какъ это было сдѣлано въ Смоленскѣ [1]). Начавшись въ воскресенье, 10-го октября, въ 4 ч. дня, могилевскій погромъ, по словамъ „Сѣверо-Западнаго Края", продолжался весь понедѣльникъ: „врывались въ дворы, въ квартиры, разбивали имущество, били евреевъ и съ угрозами требовали денегъ; подъ вечеръ былъ вызванъ патруль, но громилы спокойно и увѣренно продолжали свое дѣло". Пока это извѣстіе не опровергнуто, можно предполагать, что въ Могилевѣ повторилась, въ маломъ видѣ, прошлогодняя кишиневская исторія. Возможными подобныя событія перестанутъ быть, очевидно, только тогда, когда въ русскомъ обществѣ и русскомъ народѣ укоренится мысль, что еврей—такой же человѣкъ и такой же гражданинъ, какъ и всѣ другіе.

Къ числу провинціальныхъ подголосковъ реакціонной прессы прибавился недавно еще одинъ—„Мирный Трудъ", издаваемый харьковскимъ отдѣломъ Русскаго собранія, подъ редакціей предсѣдателя отдѣла, профессора Вязигина. Этотъ журналъ, повидимому, не довольствуется ролью мѣстнаго охранителя, въ духѣ „Русскаго Вѣстника" и „Московскихъ Вѣдомостей" и, какъ намъ пишутъ изъ Харькова, „отъ времени до времени вступаетъ на скользкій и опасный (для иныхъ) путь печатнаго доноса, съ извращеніемъ фактовъ, при полной невозможности полемики со стороны заинтересованныхъ лицъ. Кому знакома убогая впечатлѣніями жизнь даже такого провинціальнаго города, какъ Харьковъ, тотъ не удивится, что здѣсь всякіе намеки не только комментируются, но ведутъ за собою нежелательныя послѣдствія. Въ № 6 „Мирнаго Труда", въ статьѣ, озаглавленной: „Обновленіе", идетъ рѣчь о необходимости оздоровленія школы. Авторъ статьи, А. Каутъ (псевдонимъ), вопрошаетъ: „Развѣ не нужно освободить нашу школу отъ такихъ начальниковъ, которые оставляютъ безнака-

---

[1]) Въ Смоленскѣ, по словамъ „Московскихъ Вѣдомостей", пьяные запасные успѣли лишь разбросать носильное платье въ пяти еврейскихъ лавочкахъ и побить стекла въ одномъ домѣ; ни побоевъ, ни увѣчій никому нанесено не было.

инородцевъ, позволяющихъ себѣ свистать во время пѣнія гимна и наглыми выходками оскорблять патріотическія ...иковъ и ученицъ? Развѣ мыслимы въ какой-либо странѣ ...отказывающіе въ научномъ совѣтѣ юношѣ за то, что ...ражаетъ свою преданность престолу и борется съ ре... ...пропагандой? Развѣ терпимы въ стѣнахъ учебныхъ заве... ...теля, сравнивающіе народныхъ героевъ, покрывшихъ мі... ...славой русскій стягъ при Чемульпо, съ канатными плясунами? ...азвѣ можно допустить для отвѣтственныхъ постовъ наблюдателей за юношествомъ, тѣмъ болѣе во время лѣтняго отдыха, лицъ, открыто выражающихъ свое неодобреніе къ внутренней политикѣ правительства, раздающихъ ученикамъ для прочтенія разныя подозрительныя книжонки по рабочему вопросу, въ ущербъ для правильнаго хода ихъ учебныхъ занятій"? Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ четырьмя донесеніями, и г. Каутъ прекрасно зналъ, куда мѣтилъ. Знаютъ это и его провинціальные читатели, хотя фактическая сторона была имъ вполнѣ извращена, взята лишь одна изъ легендарныхъ версій, враждебныхъ затронутымъ лицамъ. Замѣтимъ, что эти лица и безъ сообщенія „Мирнаго Труда" поплатились, въ большей или меньшей степени, за провинціальную сплетню. Чего же хотѣлъ достигнуть г. Каутъ? Можетъ ли онъ указать на *типичность* излагаемыхъ имъ сообщеній? Конечно, нѣтъ. Мы имѣемъ дѣло со случаями *индивидуальными*, искаженными и невѣрно освѣщенными. Гдѣ искать провинціалу защиты отъ самозванныхъ охранителей? Предъ лицомъ прессы или суда? Оба пути почти недоступны учебному персоналу министерства народнаго просвѣщенія. На эту-то беззащитность и свою безнаказанность разсчитывалъ „Мирный Трудъ", печатая свои дерзкія инсинуаціи"...

Какая печальная картина нравовъ! Какъ тяжело положеніе дѣятелей, вынужденныхъ защищаться на два фронта—или, лучше сказать, остающихся совершенно беззащитными: передъ оффиціальнымъ обвиненіемъ—въ виду систематическаго недовѣрія къ ихъ оправданіямъ, передъ не-оффиціальнымъ—за отсутствіемъ мѣстнаго независимаго органа, да и вслѣдствіе безыменности „сообщеній". Статьи въ родѣ той, о которой говоритъ нашъ корреспондентъ, похожи на анонимное письмо, распространяемое безъ указанія адресата: невозможенъ прямой, открытый отвѣтъ, до крайности затруднена защита,—а намеки, понятные для посвященныхъ, дѣлаютъ свое дѣло, подхватываются праздностью и злорадствомъ и отравляютъ общественную атмосферу. Очистить ее можетъ только могучая струя свѣжаго воздуха, идущая изъ центра и всюду вносящая съ собою новую жизнь.

Смерть К. К. Случевскаго оставляетъ замѣтный пробѣлъ въ нашей поэзіи. Его литературное наслѣдство заключаетъ въ себѣ части весьма неравнаго достоинства, но лучшія изъ нихъ носятъ на себѣ печать самостоятельнаго, своеобразнаго таланта, не ослабѣвавшаго и въ послѣдніе годы жизни поэта. — Скончавшійся 20-го октября гр. П. А. Капнистъ долго занималъ постъ попечителя московскаго учебнаго округа и поздно сталъ выступать въ печати. Статьи по университетскому вопросу, помѣщенныя имъ въ прошломъ году (ноябрь и декабрь 1903 г.), въ нашемъ журналѣ, обратили на себя общее вниманіе, потому что соединяли въ себѣ разсужденія о предметѣ, близко знакомомъ автору, съ показаніями очевидца. Подобно извѣстной книгѣ В. Гюго, они могли бы быть названы: „Déposition d'un témoin". Университетскій вопросъ не нашелъ себѣ прочнаго разрѣшенія и до сихъ поръ, а потому и трудъ гр. Капниста сохраняетъ все свое значеніе до настоящаго времени.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Конкурсная программа на соисканіе золотой медали имени Андрея Степановича Воронова въ 1905 г.

Золотая медаль, учрежденная 1878 г. С.-Петербургскимъ Педагогическимъ Обществомъ въ память заслугъ вице-предсѣдателя этого Общества, члена Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія А. С. Воронова, нынѣ находящаяся въ вѣдѣніи С.-Петербургскаго Общества Грамотности, подлежитъ выдачѣ въ будущемъ 1905 г. автору лучшаго сочиненія, посвященнаго одной изъ слѣдующихъ темъ:

1) *Исторія возникновенія и развитія Обществъ содѣйствія начальному народному образованію въ Россіи и общій обзоръ ихъ дѣятельности.*

Трудъ этотъ долженъ быть написанъ на основаніи достовѣрныхъ данныхъ и дать по возможности полную и безпристрастную картину дѣятельности этихъ Обществъ на пользу народнаго просвѣщенія; при этомъ должно быть выяснено значеніе частной иниціативы въ связи съ мѣстными нуждами школьнаго дѣла и общимъ состояніемъ народнаго образованія. Равнымъ образомъ, обращая должное вниманіе на примѣнявшіяся мѣропріятія для доставленія какъ школьнаго, такъ и внѣшкольнаго образованія, автору слѣдуетъ выяснить значеніе имѣющагося въ этомъ дѣлѣ опыта и указать желательныя средства, способы и задачи для наиболѣе плодотворнаго развитія дѣятельности Обществъ.

2) *Книга для чтенія по отечественной географіи и исторіи.*

Желательно имѣть популярно изложенный систематическій очеркъ географическихъ и историческихъ свѣдѣній о Россіи для читателя, имѣющаго образованіе лишь начальное. Выборъ матеріала предоставляется автору, однако при изложеніи отечественной исторіи необходимо имѣть въ виду религіозное міросозерцаніе православнаго народа русскаго, необходимо преимущественно останавливаться на свѣтлыхъ сторонахъ жизни Россіи. Весьма желательны соотвѣтственно подобранныя иллюстраціи къ тексту.

3) *Сочиненіе, посвященное вопросу о введеніи сельско-хозяйственныхъ занятій въ начальной школѣ и устройству школьныхъ хозяйствъ.*

Вопросъ этотъ долженъ быть по возможности всесторонне освѣщенъ и разсмотрѣнъ отчасти на основаніи опыта французской и германской школы, но главнымъ образомъ въ примѣненіи къ условіямъ русской жизни. Здѣсь должно быть принято во вниманіе не столько утилитарное, сколько общепедагогическое значеніе такихъ занятій, основанныхъ на наблюденіи и ознакомленіи съ природою. Съ другой стороны, слѣдуетъ выяснить какъ общественное значеніе такихъ школьныхъ хозяйствъ, такъ и ихъ практическое значеніе для жизни сельскаго учителя. Сочиненіе это, однако, не должно ограничиваться одними общими разсужденіями академическаго характера, но заклю-

чать въ себѣ наглядные примѣры и факты, взятые изъ русской школьной жизни, а конечные выводы формулировать въ вполнѣ ясныхъ и опредѣленныхъ тезисахъ.

Всѣ представляемыя на конкурсъ сочиненія должны удовлетворять требованіямъ литературнаго изложенія. Труды эти могутъ быть какъ печатные, такъ и рукописные.

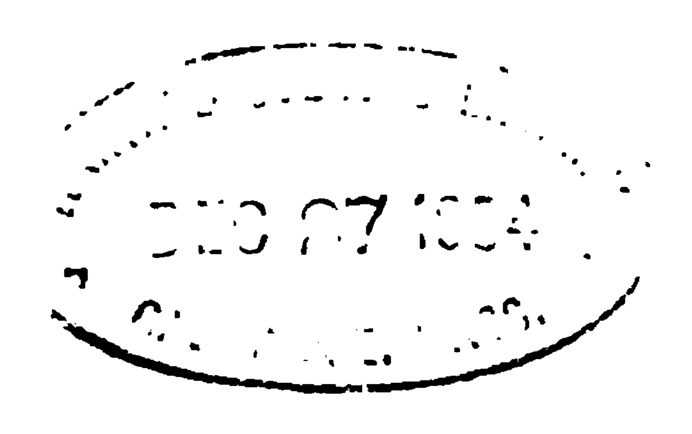
Условія присужденія медали въ память А. С. Воронова:

1) Согласно правилъ о медали въ память А. С. Воронова, таковая можетъ быть присуждена за сочиненіе, явившееся въ предшествующіе два года предъ послѣднимъ присужденіемъ медали; а такъ какъ медаль была присуждена въ текущемъ 1904 г., то нынѣ таковая можетъ быть присуждена лишь за сочиненія, появившіяся не раньше 1901 года.

2) Сочиненіе должно быть представлено въ Правленіе С.-Петербургскаго Общества Грамотности (С.-Пб., Театральная ул., д. № 5) или избранную для присужденія медали Воронова особую коммиссію, не позже 1 декабря сего 1904 года, причемъ до этого срока каждый дѣйствительный членъ Общества имѣетъ право письменно заявить о тѣхъ трудахъ, которые, по его мнѣнію, имѣли бы право на присужденіе медали.

3) Если признано будетъ удостоеннымъ медали рукописное сочиненіе, то таковое, по соглашенію Правленія С.-Петербургскаго Общества Грамотности съ авторомъ, можетъ быть издано за счетъ Общества, съ уплатою автору вознагражденія по соглашенію.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

ВЪ МУРАВЕЙНИКѢ

РОМАНЪ.

Окончаніе.

X *).

Квартира д-ра Левченки состояла изъ трехъ комнатъ, съ передней и кухней; она помѣщалась въ деревянномъ флигелькѣ, на краю деревни. На другомъ краю была небольшая лечебница, выстроенная когда-то на собственныя средства сосѣднимъ помѣщикомъ, въ память сына, умершаго отъ какой-то заразной болѣзни, во время лѣтняго пребыванія семьи въ имѣньи. Мальчикъ былъ похороненъ на сельскомъ погостѣ, и огорченный отецъ ни за что не хотѣлъ разстаться съ этими дорогими ему, по воспоминаніямъ, мѣстами. Онъ громко проклиналъ русскую деревню со всѣми ея заразами и повальными болѣзнями, со всѣмъ ея неустройствомъ, со всей ея нищетой; но продолжалъ здѣсь жить, оплакивая единственнаго, горячо любимаго сына, котораго „погубила“ деревня. Но время—этотъ жестокій врагъ воспоминаній и могучій врачъ человѣческаго горя—дѣлало свое цѣлительное д[illegible]омѣщикъ уѣхалъ за границу и, повидимому, забылъ о с[illegible]о лечебницѣ, которую выстроилъ въ его память. Пот[illegible]омѣщикъ умеръ, а наслѣдники продали его имѣніе купцу,

---

*) [illegible] выше: ноябрь, стр. 186.

занимавшемуся лѣсными поставками. Словомъ, повторилась обычная на Руси исторія. Купецъ тотчасъ же разбилъ лѣсъ на участки и сталъ его эксплоатировать; помѣщичій домъ заколотилъ нá-глухо, такъ какъ самъ жилъ въ уѣздномъ городѣ, а лечебницу „подарилъ" земству, однакоже безъ всякихъ вспомогательныхъ капиталовъ.

Земство приняло даръ, который былъ ему въ тягость за недостаткомъ средствъ. Кое-какъ лечебница влачила свое существованіе, и почему-то мужики называли ее не лечебницей, а „околоткомъ".

Никакъ нельзя было устроить помѣщеніе врачу при самой лечебницѣ или даже около нея, потому что мѣсто для лечебницы помѣщикъ выбралъ довольно нелѣпое, на самомъ краю, между лѣсомъ, полемъ и кладбищемъ, а здѣсь не было подходящихъ избъ для врачебной квартиры.

При лечебницѣ была небольшая аптека, заключавшая въ себѣ немудреныя лекарства, въ родѣ хины, касторки, ромашки, липоваго цвѣта и тому подобныхъ невинныхъ средствъ, и еще каморка для фельдшера.

Левченко поселился на другомъ концѣ, въ зданіи, которое пріобрѣло, послѣ долгихъ настояній и просьбъ, земство, для врачебной квартиры.

Обстановка для этой квартиры была самая печальная. Кромѣ безусловно необходимыхъ предметовъ, въ ней рѣшительно ничего не было. Нѣсколько сосновыхъ стульевъ производства мѣстнаго кустаря-столяра, книжный и посудный шкафы, грубо сколоченная кровать, издававшая жалобные звуки, когда на нее укладывался Левченко. На кровати лежалъ туго набитый сѣнникъ, который выпускалъ изъ себя стержни травъ, иногда больно коловшихъ бока спящаго.

Вотъ и все, чѣмъ полна была квартира Левченки. Онъ жилъ здѣсь круглый годъ, разъѣзжая по окрестностямъ и посѣщая лечебницу. У него оставалось очень мало времени для себя, и только ужъ когда онъ окончательно „осатанѣвалъ" на работѣ и „прокисалъ" въ деревнѣ, то ѣздилъ въ губернскій городъ „освѣжиться". Однако, оттуда онъ всегда возвращался мрачнѣе тучи и, съ каждымъ разомъ, давалъ себѣ слово не ѣздить въ городъ. Городъ казался ему пошлымъ и грубымъ и значительно менѣе интереснымъ, чѣмъ деревня.

Сосѣднихъ помѣщиковъ было мало, и онъ избѣгалъ лечить ихъ; да и они избѣгали звать его, а предпочитали ѣздить въ городъ къ „настоящимъ" врачамъ. Только въ случаѣ крайней

необходимости, они приглашали Левченко, который тогда пріѣзжалъ, наговаривалъ имъ грубостей и уѣзжалъ весьма недовольный. Одинъ лишь Овиновъ долго пользовался его услугами изъ-за своей неудержимой страсти во что бы то ни стало лечиться, и къ нему, въ первое время, охотно ѣздилъ Левченко, надѣясь, что изъ него можно будетъ что-либо выудить для лечебницы. Но самый искусный рыболовъ не могъ бы ничего выудить изъ Овинова. Однажды, уступая назойливымъ настояніямъ врача, Овиновъ рѣшился, наконецъ, сдѣлать „даръ" земской лечебницѣ и прислалъ въ распоряженіе Левченки цѣлый ящикъ со стклянками, въ которыхъ были старыя и выдохшіяся лекарства, скопленныя помѣщикомъ лѣтъ за пять. Левченко тотчасъ же вернулъ Овинову этотъ даръ при грубомъ письмѣ: „Ежели у васъ есть помойная яма, то выбросьте туда всю эту гадость; а ежели нѣтъ, то составьте опись и завѣщайте наслѣдникамъ. Они будутъ вамъ благодарны и вспомянутъ васъ добрымъ словомъ".

Съ тѣхъ поръ отношенія Левченки съ Овиновымъ стали очень натянутыми, и даже Овиновъ старался повліять въ земствѣ, чтобы Левченко „убрали"; но это не удалось: слишкомъ ужъ было мало желающихъ занять его трудное и скудно оплачиваемое мѣсто.

Сначала мужики весьма недовѣрчиво относились къ врачу и неохотно лечились у него, предпочитая своихъ знахарей и свои деревенскія средства. Потомъ—„пріобыкли". А когда пріобыкли, то отъ нихъ не стало уже отбоя. Они лѣзли къ Левченкѣ со всякими невѣроятными пустяками и болѣзнями; но въ серьезныхъ, дѣйствительныхъ случаяхъ предпочитали, все-таки, лечиться не у него, а „промежду себя". Лечились мужики зимой и весной; лѣтомъ же совершенно избѣгали леченія, по недосугу. Многіе приходили лечиться „въ прокъ", передъ лѣтомъ: „молъ, отлечимся, значитъ, и шабашъ! Лѣтомъ-то нѐколи этимъ баловствомъ баловаться".

Левченко сначала злился на эту дикую глупость, но потомъ тоже „пріобыкъ" и уже не раздражался, а даже, кажется, сталъ находить, что это очень остроумно—откладывать свои болѣзни на извѣстный періодъ года и пріурочивать къ этому періоду леченіе. Онъ даже, въ этомъ смыслѣ, давалъ совѣты и Овинову, пока окончательно съ нимъ не „разгрызся".

„Какъ можно держать такого дурака во врачахъ!"—говорилъ обозленный и обиженный Овиновъ.

„Какъ можно помѣщику быть такимъ идіотомъ!"—говорилъ Левченко, отъ души ненавидя этого мнимаго больного.

Левченко, въ бѣломъ парусинномъ пиджакѣ и такой же фуражкѣ съ большимъ козырькомъ, вышелъ на крылечко и, закинувъ руки за шею, сладко зѣвнулъ и вытянулся.

— Здорово!—сказалъ онъ, окидывая взоромъ деревню.

Было семь часовъ и стояло чудное солнечное утро. Еще не было жарко, но весеннее солнце уже грѣло землю и тучки мошекъ носились надъ дорогой.

Левченко любилъ эти ясные весенніе дни, и эти тучки мошекъ, и этотъ золотой лучъ, который проникалъ вездѣ и всюду, пробуждая соки въ деревьяхъ и жизнь въ землѣ.

— Ухъ, хорошо!—еще разъ зѣвнувъ, проговорилъ онъ.

Въ эти часы онъ всегда чувствовалъ себя въ бодромъ, „подъемистомъ" настроеніи, послѣ двухъ-трехъ стакановъ выпитаго чая.

— Ахъ, вотъ и мои калики-перехожіе! — вскрикнулъ онъ, сдѣлавъ рукой щитокъ надъ глазами и защищаясь отъ солнца.— А я ужъ думалъ, что, по случаю ранней весны, всѣ они выздоровѣли.

По дорогѣ шла вереница мужиковъ и бабъ.

Кучка больныхъ подошла къ врачу.

— Ну, ну, не всѣ разомъ! — прикрикнулъ онъ на нихъ, такъ какъ они начали толкаться, другъ передъ другомъ протискиваясь впередъ.—Чтò это васъ сегодня прòрвало? Ты—чтò?— обратился онъ къ старику, стоявшему ближе къ нему, и крикнулъ въ открытую на крыльцо дверь: — Пахомычъ, вынеси-ка столикъ, да бумаги!..

Сторожъ вынесъ на крылечко столикъ и стулъ, поставилъ на столъ баночку съ чернилами, положилъ бумагу и перо. Левченко усѣлся.

— Ну, говори, что-ли?—обратился онъ къ старику.

— Къ твоей милости, батюшка, — отвѣтилъ старикъ, кланяясь.

— Вижу. Въ чемъ дѣло?

— По нутреному, стало быть, дѣлу. Нутро, то-ись, не того... свербитъ. Старуха, стало быть, терла, а только безо всякой пользы. Пойду, сказываю, къ доктору, а они, вишь: „не ходи". Терли, терли это дёнъ три, а только безо всякой пользы; ну, тогда, стало быть, и пошелъ.

— Ахъ, чтобъ тебѣ! Да говори ты короче!—прикрикнулъ на него Левченко.—Что̀ болитъ-то?

— Нутро, сказываю. Какъ, стало быть, началъ это я навозъ отгребать, со двору, значитъ, такъ и заныло. Нутреное дѣло... извѣстно. Старуха...

— Провались ты съ старухой! Чортъ васъ знаетъ, научились вы говорить по-медицински, ни одному медику васъ не понять! Нутреное дѣло? Что̀ за исторія такая? Внутренняя болѣзнь, что-ли?

— А извѣстно, она самая, стало быть... я и сказываю,—обидчивымъ голосомъ повторилъ старикъ.

— Да что̀ болитъ-то?

— Усё.

— Фу, ты, чортъ! Да гдѣ болитъ-то? Ну, гдѣ?

— Вездѣ...

Тогда Левченко примѣнилъ испытанный имъ методъ „исключеній“.

— Голова болитъ?

— Нѣту.

— Шея болитъ?

— Ни.

— Грудь?

— Чего это?—захлопавъ глазами, переспросилъ старикъ.

— Грудь, говорю, болитъ?

— А нѣтъ же.

— Животъ?

— И животъ не болитъ.

— Да какъ же ты говоришь: „усё“, а оказывается—ничего! Ну, ноги, что̀-ли?

— Чего ноги? Ноги, какъ ноги.

— Такъ что̀ же, чортъ возьми, у тебя болитъ?

— Усё...

— Ну, начинай сначала!—усмѣхнувшись, проговорилъ Левченко.—Лихорадитъ?

— Чего это?

— Лихоманка трясетъ, что̀-ли?

— Извѣстно. Затрясетъ, ажно зубы колотятся, а опосля того ровно въ банѣ, въ сухомъ пару. Старуха...

— Ладно, ладно! Брось ты свою старуху. Эка далась она тебѣ! Ступай въ лечебницу, къ Науму Прохоровичу, онъ дастъ тебѣ... вотъ тутъ написано. Да, смотри, ничего не плати фельдшеру.

Старикъ повертѣлъ бумажку въ рукахъ и, видимо, остался недоволенъ. Какъ же это такъ? Онъ хотѣлъ еще многое сказать, а ему не дали. Ему показалось это обидно. Нéхотя, онъ уступилъ мѣсто другому.

Оказалась баба. Она, молча, стала разворачивать ребенка, закутаннаго въ какое-то грязное тряпье. Ребенокъ былъ весь въ поту и безпокойно ворочался. По тѣлу у него были красныя пятна съ булавочную головку, множество этихъ пятенъ, и отъ ребенка несло какимъ-то острымъ запахомъ натиранья или спирта.

— Ну, что̀ это?—спросилъ Левченко.

— Батюшка-дохтуръ, — низко кланяясь, начала говорить баба:—мается сердешный, вовсе измаялся, по ночамъ не спитъ, Ужъ я его и такъ, и этакъ, а только ничего... дюже мается. Меня измоталъ вовсе. Угомону съ нимъ нѣту.

Левченко строго посмотрѣлъ на нее.

— Мазала чѣмъ?

— Извѣстное дѣло, мазала. Какъ же можно не мазать? Безъ мази невозможно...

— Чѣмъ мазала-то?

— А, извѣстно, мазью.

— Да откуда взяла? Кто далъ?

Баба потопталась на обѣихъ ногахъ и сконфузилась.

— Ну, говори, что̀-ли!—прикрикнулъ на нее Левченко.

— Перепелиха, кто жъ больше,—созналась баба.

— Перепелиха?—протяжнымъ голосомъ переспросилъ Левченко.—Ну, такъ и ступай къ ней лечиться!—Онъ вдругъ освирѣпѣлъ.—Сколько разъ вамъ, осламъ, говорить, чтобы не лечились у вашихъ глупыхъ бабъ? Либо у нихъ, либо у меня.—Что̀ такое, въ самомъ дѣлѣ! Лечишь васъ, лечишь, а вы перелечиваетесь...

Онъ волновался, а баба въ тактъ его рѣчи кивала головой, какъ будто вполнѣ соглашалась съ нимъ. Это его еще больше разозлило.

— Чего головой мотаешь, словно лошадь, которую овода кусаютъ? Здѣсь головой мотаешь, а потомъ къ своей Перепелихѣ пойдешь? А, чтобъ васъ!..

Онъ сталъ осматривать ребенка.

Ребенокъ улыбался теперь и имѣлъ совершенно здоровый, бодрый видъ. Врачъ взялъ лупу и сталъ осматривать пятна.

— Ни черта̀ не понимаю,—сказалъ онъ себѣ, приходя въ полное недоумѣніе. Онъ пощупалъ тѣло ребенка—температура была нормальной.—Что̀ за дьяволъ?..

И вдругъ его осѣнила мысль. Онъ задумчиво посмотрѣлъ на бабу и повелительно крикнулъ ей:

— Вытряси-ка тряпье, разверни его!

Она, съ удивленнымъ видомъ, исполнила приказаніе. Левченко засмѣялся.

— Ишь, кавалерію развела... такъ и запрыгали! Ты вотъ что̀, мать моя,—обратился онъ къ бабѣ,—выбрось всѣ свои мази, куда знаешь, да и Перепелиху вмѣстѣ съ ними, коли можешь. Да и тряпье это поганое тоже. Вычисти избу чисто-на̀-чисто, да заверни ты ребенка въ чистую холстину, да ничѣмъ его не мажь. Слышишь? Когда у тебя будетъ чисто, онъ и спать будетъ знатно. Блохи его заѣли!—крикнулъ онъ бабѣ, которая смотрѣла на него, вытаращивъ глаза.—Какъ же можетъ онъ спать, когда его блохи кусаютъ? А? Вѣдь у него кожа-то нѣжная, не то что ваша. Поняла? Блохъ-то, поди, у тебя много? Отряды цѣлые?

— Извѣстно, есть,—отвѣтила баба.

— Вотъ то-то!

— Да какъ же безъ блохъ-то?—съ полнымъ недоумѣніемъ во взорѣ спросила баба.—Нѐшто это можно? Гдѣ изба—тамъ, извѣстно, и блоха. Какъ же безъ блохъ-то? Насѣкомая тварь. Что̀ муха, что̀ блоха, что̀ комаръ—все отъ Бога. Какъ отъ нея избавишься?

— Ну, ты мнѣ философію-то не разводи! Нѐкогда. А коли будешь тереть ребенка мазями, натрешь ему какую ни на есть болѣзнь. Ступай, да вычисти избу.

И баба отошла недовольная.

Выступила другая баба, которая держала за руку сына. Мальчику было лѣтъ восемь и видъ у него былъ нездоровый. Онъ, видимо, съ большимъ усиліемъ стоялъ на ногахъ и лицо его было красно.

— Что̀ болитъ?—спросилъ у бабы Левченко, внимательно поглядывая на мальчика.

— Ѣсти не можетъ, кормилецъ. Скрозь глотку кусокъ не проходитъ. И огневица. Калитъ его жаромъ и все пить просится.

Левченко осмотрѣлъ зѣвъ мальчика и пришелъ въ ужасъ. Это былъ несомнѣнный дифтеритъ.

— Безсовѣстная ты!—закричалъ онъ на бабу.—Что̀-жъ ты его держала о сю пору? А? Который день болѣетъ?

— Четвертый.

— Четвертый!—передразнилъ онъ ее.—Что̀ ты его съ собой

таскаешь? И его погубить можешь, и другихъ заразить можешь. Ему нужно лечь въ лечебницу.

— Въ околотокъ?

— Ну, да. Вотъ я напишу записку фельдшеру. Живо ступай къ нему, да и оставь его тамъ. Фельдшеръ сдѣлаетъ что̀ нужно. Ужо̀ и я побываю. На, бери. Ну, что-жъ ты стоишь?

На лицѣ бабы выразился ужасъ. Дѣло въ томъ, что крестьяне почему-то боялись всего, что̀ называлось лечебницами. У нихъ былъ какой-то суевѣрный страхъ къ этой низкой бревенчатой избѣ съ небольшими окнами, гдѣ царилъ Наумъ Прохоровичъ и гдѣ было, по сравненію съ избами, идеально чисто. Они пугались этой чистоты, пугались ваннъ и всего другого, плохо довѣряя научной медицинѣ и выше всего ставя искусство своихъ Перепелихъ и другихъ бабъ, которыя всегда совѣтовали діаметрально-противоположное тому, что̀ говорилъ врачъ. Тщетно, въ теченіе долгихъ лѣтъ, Левченко старался побѣдить въ нихъ этотъ неразумный страхъ и не могъ достигнуть этого. И вообще крестьяне знали, что когда уже дошло дѣло до лечебницы, то, значитъ, дѣло плохо. Вотъ почему они всячески уклонялись отъ этого.

Но Левченко настаивалъ и далъ бабѣ Пахомыча, который долженъ былъ проводить ее до лечебницы и водворить тамъ ея сына.

Баба не шла.

— Что̀ ты?—прикрикнулъ на нее врачъ.

— Дозволь, кормилецъ, дома... Дитё-то у меня единственное. Неравно заморятъ въ околоткѣ-то.

— Дура ты! Для того и посылаю, чтобы вылечить. Уходъ за нимъ нуженъ.

— Да какой же уходъ, какъ не материнскій? Извѣстно, свой глазъ—не фелшара. Свой глазъ...

— Не разсуждай!—строго прервалъ ее Левченко.—Попусту слова тратишь. Ослушаешься—уряднику велю насильно положить. Слѣдующій!

Баба ушла подъ конвоемъ сторожа и начала по дорогѣ всхлипывать.

Выступилъ парень съ огромнымъ нарывомъ подъ пазухой. Руку онъ не могъ держать въ опущенномъ видѣ, и она была у него закинута за голову и привязана за кисть къ шеѣ веревкой. Левченко не хотѣлъ посылать его въ лечебницу и, вынеся тазъ, полотенце и разные пузырьки и инструменты, тутъ же вскрылъ ему нарывъ. Парень только крикнулъ „ой!“, но мужественно вынесъ эту операцію.

За нимъ выступали другіе больные: у кого болѣла нога, у кого спина, кто „животомъ маялся“, а кто и такъ пришелъ не то изъ любопытства, не то съ воображаемыми болѣзнями.

И всѣхъ Левченко осматривалъ, выслушивалъ, опрашивалъ, иногда не будучи въ состояніи ничего понять. Къ концу этого амбулаторнаго пріема, потъ лилъ съ него градомъ и голова кружилась. Но онъ стойко дѣлалъ свое дѣло, ни на минуту, даже мысленно, не жалуясь на свою судьбу. Онъ считалъ дѣло земскаго врача священнымъ дѣломъ, но никогда ему не приходило въ голову считать себя героемъ.

Но это былъ герой, маленькій и незамѣтный, скромный и незначительный въ глазахъ равнодушныхъ къ деревнѣ людей.

Онъ искренно любилъ это дѣло, и удивлялся, что другіе врачи не любятъ земской службы, отклоняются отъ нея. Часто, послѣ томительно проведеннаго дня, онъ садился у окна своей квартиры или на крылечкѣ и предавался такимъ размышленіямъ.

„Что̀ такое Россія?—думалъ онъ.—Это—огромное количество деревень, но не городовъ. Города—капли въ морѣ этихъ деревень. И что̀ такое русскій народъ? Это — мужики, цѣлые десятки милліоновъ мужиковъ; нѣкоторые изъ нихъ ходятъ къ нему лечиться. Но не „интеллигенція“, не врачи, не чиновники. Мы всѣ должны быть слугами этой деревенской, мужицкой Россіи, а не заставлять деревню служить городу. А у насъ—наоборотъ. Городъ, какъ паукъ, плететъ свою сѣть во многихъ мѣстахъ обширнаго государства и затягиваетъ въ эту сѣть мужика, влечетъ его своими цѣпкими лапами къ себѣ изъ деревни и высасываетъ изъ него соки.

Онъ вспомнилъ, какъ однажды высказалъ эти мысли вслухъ, передъ Авчаровой, женщиной-врачомъ, и передъ Инославскимъ. Инославскій сочувственно слушалъ и не возражалъ, а Авчарова ему рѣзко сказала:

— Эка, что̀ развели! Это старо—какъ міръ. Объ этомъ еще когда въ газетахъ писали демократы!

— Можетъ быть, и старо,—отвѣтилъ онъ,—но развѣ не правда? Есть старыя, даже избитыя слова, которыя покрываютъ собою вѣчныя, нерушимыя понятія.

Но она возразила:

— Что̀ старо, то всѣмъ извѣстно, а что̀ извѣстно—то не оригинально. Оригинальное—вотъ чѣмъ живутъ люди.

Онъ тогда насмѣшливо усмѣхнулся и вдругъ, самъ не зная, какъ и почему, „пустилъ ей брандера“:

— Чтò-же, вашъ Запольскій оригиналенъ, что-ли? А по моему, пустое мѣсто не имѣетъ въ себѣ ничего оригинальнаго...

Это было сказано совершенно, повидимому, ни къ селу, ни къ городу и походило на нелѣпую выходку. Однако Авчарова, при этихъ словахъ, вспыхнула какъ зарево и растерялась. И тогда онъ понялъ, что Авчарова влюблена въ Запольскаго, и Запольскій сталъ ему вдругъ почему-то вдвое противнѣе. И еще онъ понялъ тогда, что и ему нравилась Авчарова, и что даже онъ не прочь былъ бы на ней жениться. Это пришло какъ-то сразу, неожиданно, и было въ этомъ что-то глупо-невѣроятное и нелѣпо-неожиданное.

Онъ поспѣшилъ на другой же день уѣхать изъ города, и дорогой, трясясь на перекладной отъ станціи до своей деревушки, позволилъ себѣ предаться сладкимъ мечтамъ.

„Авчарова—милая, симпатичная, хотя и не первой молодости дѣвушка, но испорченная городомъ. Она слишкомъ надышалась этой вредной городской атмосферой. Чтò ей дѣлать въ городѣ? Она на женскомъ отдѣленіи городской больницы, получаетъ гроши, въ вѣчномъ конфликтѣ съ мужчинами-врачами, которые плохо признаютъ ея знаніе и искусство. Она изъ силъ выбивается доказать, что она—такой же врачъ, какъ они. Иногда она ихъ подводитъ; иногда они подводятъ ее. То ли бы дѣло, жила она здѣсь, на чистомъ, вольномъ воздухѣ! Жила бы она съ нимъ въ его домикѣ; домикъ не казался бы ему такимъ мрачнымъ и неуютнымъ. Рука объ руку прошли бы они свой жизненный путь: она бы лечила бабъ, онъ—мужиковъ, дѣла обоимъ нашлось бы. Онъ немножко грубъ, это вѣрно; и Овиновъ, и другіе намекали и говорили ему объ этомъ. Но это потому, что онъ живетъ внѣ женскаго вліянія. Какъ они могли бы быть счастливы!“

Онъ вдругъ, во время толчка перекладной о глубокую, засохшую послѣ невылазной грязи, колею, поймалъ себя на этихъ мечтахъ и злобно разсмѣялся.

— Идиллія!—проворчалъ онъ.—Кому, братецъ, ты нуженъ, кромѣ мужика? Да и мужикъ-то на тебя иногда, въ лучшемъ видѣ, плюетъ, предпочитая тебѣ Перепелиху, да Наума Прохорова, потому что они *свои*, а ты—*чужакъ* и вѣчно будешь для нихъ чужакомъ. А почему?

Онъ развелъ руками, не съумѣвъ отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ и чуть не прикусивъ себѣ языкъ отъ новаго толчка перекладной.

И тутъ ему пришла на умъ другая мысль: вотъ онъ рабо-

таетъ уже девять лѣтъ въ деревнѣ, не покладая рукъ. Работаетъ часовъ по восьми въ день; сначала эта амбулаторія, потомъ „околотокъ“ — экое глупое слово выдумали! — Потомъ — обходъ деревни по просьбамъ рожениць или по какимъ-либо другимъ случаямъ. Потомъ объѣздъ по сосѣднимъ деревнямъ. Измученный, голодный, усталый, лѣтомъ—покрытый пылью и потомъ, зимой—окоченѣвшій, возвращался онъ въ свою „избу“; а на завтра тоже, а на послѣ-завтра опять тоже—и такъ годъ за годомъ въ теченіе девяти лѣтъ, и такъ безъ конца...

Развѣ онъ жалуется? Ничуть! У него были другія предложенія, но онъ отъ нихъ рѣшительно отказывался, потому что любитъ то, что̀ дѣлаетъ. А много ли людей, которые любятъ то, что̀ дѣлаютъ?

Живется ему плохо. Содержанія еле хватаетъ. Земство скупо на отпускъ лекарствъ и на разныя нововведенія, которыхъ онъ хотѣлъ бы добиться. Да и у земства вѣчно нѣтъ денегъ. Иногда ему приходится тратить даже свое скудное жалованье, чтобы выписать какіе-нибудь инструменты или какой-нибудь медикаментъ. Потомъ приходится требовать возврата затраченныхъ денегъ, писать, объясняться, отписываться, даже получать выговоры „за расточительность“.

И опять онъ себя спрашивалъ: „да развѣ я жалуюсь“? И опять отвѣчаетъ: „ничуть“. А только онъ чувствуетъ, что начинаетъ уставать. Да, девять лѣтъ такого каторжнаго труда не проходятъ даромъ! Вотъ, еслибы онъ былъ женатъ хотя бы на Авчаровой, ему было бы вдвое легче: трудъ подѣлился бы, да и не такъ ужъ тоскливо было бы жить.

Онъ опять выругалъ себя „идіотомъ“ за эту назойливо возвращавшуюся къ нему мысль. Что̀ онъ Авчаровой? Ей, видите ли, нуженъ такой франтъ въ эполетахъ, какъ Запольскій. У того — золотое pince-nez на носу, „бабочка-прическа“ на лбу, и онъ такъ отлично дрыгаетъ ногами, когда танцуетъ мазурку! И у Запольскаго есть жена, есть Денницына и есть еще въ перспективѣ, если захочетъ, Авчарова. А у него? Вмѣсто мундира — парусинный пиджакъ; вмѣсто бабочки-прически—всклокоченные волосы, и онъ не только не умѣетъ танцовать, но даже и говорить-то какъ слѣдуетъ съ дамами не умѣетъ. И неужели же эта Авчарова влюблена въ такого идіота? Вкусъ-то у нея, оказывается, не важный! Другъ—Марья Ивановна Лось и „предметъ“ —докторъ Запольскій!..

Левченко засмѣялся. Но мысль о томъ, что онъ износился на земской службѣ, усталъ и скоро, можетъ быть, совсѣмъ спа-

суетъ—не даетъ ему покоя. Тотъ, кто любитъ свое дѣло, кто отдалъ ему лучшіе годы своей жизни, кто привыкъ къ нему, всегда озабоченъ вопросомъ о томъ, кто будетъ послѣ него продолжателемъ этого дѣла.

И тутъ ему пришелъ на умъ Инославскій.

Инославскій часто приходилъ ему на умъ. Это былъ единственный врачъ въ городѣ, котораго онъ искренно уважалъ. Инославскій лечитъ солдатъ, то-есть тотъ же народъ; и лечитъ онъ не такъ, какъ многіе изъ вѣдомыхъ Левченкѣ „полковыхъ эскулаповъ“, относящихся къ службѣ чисто формальнымъ образомъ и занимающихся, по преимуществу, частной практикой, а лечитъ съ любовью, съ сознаніемъ своего долга, съ увлеченіемъ. И зато находится въ вѣчномъ конфликтѣ съ начальствомъ.

Начальство не очень-то любитъ, когда нѣжничаютъ съ солдатами. И дѣятельность Инославскаго оказывается стѣсненною. Положеніе его, какъ и всякаго военнаго,—двойственное. Онъ подчиненъ полковому начальству и медицинскому; свое, медицинское, часто плохо защищаетъ врача отъ полкового. Такой „субъектъ“, какъ Обрядовъ, никогда не защититъ полкового врача отъ притѣсненій командира, хотя любитъ говорить и читать объ „этикѣ“. Но онъ уже самъ не врачъ, и всѣ его привычки и симпатіи на сторонѣ военнаго начальства, съ которымъ онъ сжился и сроднился, съ тѣхъ поръ какъ сталъ красить усы, носить шпоры и генеральскій чинъ. И вотъ Инославскій вертится какъ бѣлка въ колесѣ: у него всякій чуть заболѣвшій солдатъ—больной, котораго надо лечить; у полкового или эскадроннаго командира чуть не всякій солдатъ — „симулянтъ“. И отсюда—эта вѣчная, мелкая, противная борьба.

Инославскій могъ бы быть отличнымъ земскимъ врачомъ и здѣсь онъ получилъ бы много нравственнаго удовлетворенія своимъ гуманнымъ стремленіямъ и взглядамъ. Онъ много принесъ бы пользы деревнѣ; онъ отлично бы замѣстилъ Левченка „въ случаѣ чего“. Да его, кажется, и самого давно уже тайно тянетъ на „свѣжій воздухъ“. Но именно тайно. Онъ тяготится городомъ, но не хочетъ себѣ въ этомъ сознаться, потому что, видите ли, у него чахлая институтка Симочка и семь чахлыхъ дѣвочекъ. И эта чахлая Симочка не хочетъ понять, что для нея самой и для ея семи дѣвочекъ деревня—рай. Какъ бы они здѣсь всѣ поправились!

Левченко вдругъ прервалъ себя на этихъ размышленіяхъ.

Съ чего это онъ такъ вдругъ размечтался? Но, сидя на пере-

кладной, онъ часто мечталъ такъ, чтобы сократить скучно и вяло тянущееся, подъ солнечнымъ зноемъ, время.

Теперь онъ вспомнилъ обо всѣхъ этихъ своихъ думахъ, сидя въ темный весенній вечеръ на крылечкѣ своего домика. По дорогѣ деревенскій пастухъ гналъ стадо и игралъ какую-то дребедень на рожкѣ; коровы расходились по дворамъ; солнце мягко, огненнымъ шаромъ, на который можно было смотрѣть безъ боли, садилось за горизонтъ, за верхушки лѣса, быстро погружавшагося во тьму и пріобрѣтавшаго темный, туманно-синій цвѣтъ. Пахло пылью и гарью отъ сожигаемаго гдѣ-то вдали навоза, и вечерній вѣтерокъ тянулъ эту тонкую струйку ѣдкаго запаха. Было тихо, тепло, молчаливо въ природѣ, и вечерняя грусть стала закрадываться въ душу Левченки.

Ему вдругъ сдѣлалось жаль себя. Отчего онъ такъ одинокъ? Отчего онъ не съумѣлъ, пройдя длинный жизненный путь, пріобрѣсти себѣ друзей, близкихъ пріятелей? И отчего онъ сталъ теперь часто задумываться надъ этимъ, когда раньше онъ никогда не запускалъ себя въ этомъ направленіи?

И опять та мысль, которая уже давно гнѣздилась въ немъ, всплыла наружу: онъ усталъ.

И усталъ-то онъ не столько отъ дѣла, сколько отъ сознанія невозможности приносить всю ту пользу, которую онъ могъ бы приносить.

Вотъ этотъ самый Петрушка, котораго онъ сегодня отнялъ насильно у бабы и помѣстилъ въ лечебницу,—вѣдь онъ умираетъ. Глупая баба запустила его болѣзнь, и когда ея единственное „дитё“, Петрушка умретъ, то она получитъ лишнее основаніе для своего убѣжденія, что кто попалъ въ „околотокъ“, тотъ „безпремѣнно“ помретъ. И всѣ эти „олухи“ поддержатъ въ ней это убѣжденіе. И въ ней, и въ самихъ себѣ. Но и глупая баба, и олухи развѣ виноваты? Они тёмны—какъ осенняя безлунная ночь: и никто, никто не хочетъ заняться ихъ просвѣщеніемъ. Авчарова опять сказала бы: „старо это и объ этомъ писали въ газетахъ“. Ну, да, и старо, и писали, такъ развѣ отъ этого что̀ измѣнилось? Приведи баба Петрушку днями тремя раньше, и онъ былъ бы спасенъ. И изъ него вышелъ бы отличный мужикъ, работникъ, солдатъ, что̀ угодно, потому мальчёнка здоровый! А теперь ему надо умереть, и ничего противъ этого не подѣлаешь...

Но Левченко продолжалъ думать, какъ бы спасти Петрушку. Онъ послалъ въ городъ за сывороткой, но фельдшеръ навѣрное промѣшкаетъ въ городѣ, а можетъ быть напьется. До сихъ поръ

еще, по крайней мѣрѣ, его нѣту. Да и не поздно ли ужъ теперь дѣлать впрыскиванье?

Левченко не могъ ждать равнодушно и бездѣятельно. Онъ поднялся съ крылечка и побрелъ по тихой улицѣ деревни на другой конецъ ея; деревня спала, нигдѣ уже не видно было огней. Въ низенькомъ, длинномъ зданіи, къ которому онъ подходилъ, тускло и мрачно свѣтилось одно окно. Это—та каморка, въ которой лежитъ Петрушка.

Левченко вошелъ. Въ темныхъ сѣняхъ его встрѣтилъ Наумъ Прохорычъ. Такъ и есть: фельдшеръ пьянъ.

— Ну, что̀?—спросилъ его врачъ.

— Ѣздилъ, Михей Герасимовичъ, однако сообщили, что свѣжей сыворотки еще не получено, а старая вышла.

Наумъ Прохорычъ икнулъ и, пошатываясь, прислонился къ стѣнѣ, чтобы пропустить врача. Когда Левченко проходилъ мимо фельдшера, на него пахну̀ло запахомъ водки.

— Опять пьянъ?—проговорилъ Левченко, съ укоризной въ голосѣ.—И какъ это, право, тебѣ не стыдно? Квартира у тебя казенная и жалова̀нье; а работы почти никакой—лечебница все время пуста. Могъ бы хоть чистотой заняться, да аптечку держать въ порядкѣ. Да ужъ не ты ли мужиковъ отваживаешь отъ лечебницы, чтобы тебѣ вольготнѣе было пьянствовать?

„И какъ это онъ догадался?“—подумалъ фельдшеръ.

— Господь съ вами, Михей Герасимовичъ, что̀ это вы говорите? И ничего даже я не пьянъ, а только такъ, значитъ, слегка закусилъ и выпилъ. А мнѣ что̀ отваживать? Пущай себѣ болѣютъ на здоровье.

Онъ опять икнулъ и замолчалъ.

Левченко ничего не возразилъ на это и прошелъ въ комнату къ Петрушкѣ.

Петрушка лежалъ и хрипѣлъ. Онъ весь былъ синій, съ выкаченными глазами, съ прерывавшимся дыханіемъ.

„Ну, такъ и есть!—подумалъ Левченко.—Умираетъ. Теперь пойдутъ опять разговоры по деревнѣ, что мы его уморили, и будутъ отъ лечебницы бѣгать какъ отъ чумы“.

— Эй, ты!—крикнулъ онъ фельдшеру.—Посвѣти-ка!

Нилъ Прохорычъ принесъ свѣчу. Левченко сталъ смотрѣть горло больному; свѣча дрожала въ нетрезвой рукѣ фельдшера, и длинное желтое пламя ея колебалось изъ стороны въ сторону; то вдругъ непомѣрно удлиннялось, то внезапно падало, бросая отъ Петрушки тѣнь на стѣну. И эта тѣнь тоже то росла, то

перегибалась на потолокъ, то вдругъ падала и становилась маленькой.

— Чортъ этакій!—выругался врачъ по адресу фельдшера.— Держи свѣчу прямо!

Горло Петрушки было все сплошь обложено плёнками, железы распухли и съузили щель. Ему не хватало дыханія.

Левченко не зналъ, за что̀ приняться. И вдругъ мальчикъ раскашлялся какимъ-то лающимъ кашлемъ прямо въ лицо врачу. Левченко осторожно выпустилъ его изъ рукъ. Мальчикъ сразу посинѣлъ еще больше и изъ груди его вырывались хрипы.

— Тутъ ужъ ничего не подѣлать,—сказалъ Нилъ Прохорычъ, постепенно трезвѣя.

Левченко не долго провозился съ больнымъ. Съ мальчикомъ сдѣлалась короткая агонія, и вскорѣ онъ умеръ на рукахъ врача.

Левченко спалъ всю эту ночь, ворочаясь съ боку на бокъ. Ему было душно, и онъ, пересиливъ себя, всталъ и открылъ окно. Однако, потомъ ему сдѣлалось холодно, и уже съ еще бо̀льшимъ усиліемъ онъ снова всталъ и закрылъ окно. Мало ли людей умирало на его рукахъ? Всѣхъ не вылечишь, и о всѣхъ тосковать—такъ тоски не хватитъ! Но когда умирали дѣти, онъ всегда испытывалъ какое-то особенно горькое, обидное, злое чу̀вство. Смерть казалась ему тогда ужасной нелѣпостью, подлой насмѣшкой. Въ медицину онъ вѣрилъ съ ограниченіями. Роль врача, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, казалась ему просто ролью умнаго, развитого человѣка, скорѣе гигіениста и санитара, чѣмъ терапевта. Въ рѣдкихъ случаяхъ, могутъ помочь ихъ снадобья изъ всей этой огромной и разнообразной латинской кухни. По старой метафорѣ, онъ считалъ врача за человѣка, размахивающаго въ темнотѣ толстой палкой: попадетъ онъ ею по болѣзни—убьетъ ее; попадетъ по больному—убьетъ его. А Петрушки жаль. И жаль еще хорошаго дѣла, къ которому крестьяне относятся такъ недовѣрчиво. Конечно, баба и всѣ ея присные будутъ бѣгать теперь отъ этой земской лечебницы, какъ отъ чумы.

И такъ онъ думалъ всю ночь, и никакъ не могъ уснуть.

Онъ проснулся рано, когда еще надъ деревней чуть забрезжилъ разсвѣтъ; ему опять сдѣлалось душно, и онъ отворилъ окно, сѣлъ къ нему въ одномъ бѣльѣ и сталъ жадно вдыхать воздухъ; было свѣжо и пахло сырой землей. Тоненькая струйка дрожи прошла вдоль его спины и настроеніе было какое-то скверное.

Левченко отошелъ отъ окна и сталъ одѣваться. Съ большимъ трудомъ онъ заставилъ себя умыться, потому что отъ прикосновенія къ водѣ опять та же струйка дрожи заставляла его съёживаться. И вещи валились изъ рукъ. Во всемъ тѣлѣ слабость. Голова сильно трещала.

Онъ сталъ прислушиваться къ тому, что̀ дѣлалось въ его организмѣ.

— Э, что за вздоръ!—подбодряя себя, громко сказалъ онъ, и пошелъ будить Пахомыча.

Сторожъ долго наставлялъ самоваръ, раздувалъ его голенищемъ отъ сапога и напустилъ въ сѣни много голубого дыма; дымъ этотъ проникъ въ комнаты, и отъ него еще пуще заболѣла голова у врача.

— Старый дьяволъ!—выругался Левченко:—сколько разъ я ему говорилъ ставить самоваръ на дворѣ!

Онъ хотѣлъ пойти и выбранить Пахомыча, но ему вдругъ сдѣлалось лѣнь, и онъ не могъ заставить себя сдвинуться съ мѣста. Онъ такъ уютно примостился въ уголку кровати и ему было тепло; но, при малѣйшемъ измѣненіи позы, его охватывала дрожь.

Онъ хотѣлъ крикнуть старику, но и кричать было лѣнь. Онъ успокоилъ себя тѣмъ, что окно было открыто, и что голубой дымъ уносится черезъ это окно.

Левченкѣ очень хотѣлось чаю, и онъ думалъ о чаѣ съ нѣкоторымъ вожделѣніемъ; одно безпокоило, что придется встать и двигаться; мысль эта показалась ему непріятной. Потомъ пришла другая мысль: просто раздѣться и лечь въ постель на цѣлый день и въ постели напиться чаю. Господи! Имѣетъ же онъ, наконецъ, право полежать одинъ день въ году? Но онъ поспѣшилъ отогнать отъ себя эту мысль: а какъ же его „калики перехожіе“? Вѣдь вотъ, черезъ какой-нибудь часъ, полтора, они навалятся сюда къ его крылечку и станутъ говорить ему глупости, отъ которыхъ онъ неистово раздражается.

Заниматься сегодня больными ему показалось прямо-таки невозможнымъ, и онъ рѣшилъ не думать объ этомъ. Вотъ, напьется чаю, и тогда видно будетъ.

— Чортъ знаетъ что̀!—сказалъ онъ себѣ, пощупавъ у себя пульсъ и приложивъ ладонь ко лбу.—Да нѣтъ же, чепуха! И что этотъ старый хрѣнъ не несетъ самовара?

Пахомычъ внесъ самоваръ, отъ котораго пахло угаромъ.

— Аль на крылечко столикъ-то вынесть?—спросилъ онъ,

держа самоваръ на вѣсу.—Пречудесное утро, Михей Герасимовичъ, пречудесное. Птички распѣваютъ.

Выйти на крылечко Левченкѣ показалось страшнымъ.

— Ставь здѣсь,—сказалъ онъ отрывисто,—и завари.

Старикъ ушелъ, и Левченко, словно бросаясь въ холодную воду, всталъ сразу. Его потрясло съ головы до ногъ и въ вискахъ заколотило и застучало точно молоткомъ.

Чай не доставилъ ему того удовольствія, котораго онъ ожидалъ отъ него. Онъ показался ему очень горячимъ и жегъ горло; когда остылъ, то показался холоднымъ, и Левченко никакъ не могъ найти пріятной температуры. Да и вкусъ во рту былъ какой-то странный.

Онъ пилъ долго, боясь пошевелиться, и, въ концѣ концовъ, пріятная теплота согрѣла его зябнувшее тѣло. Но голова, все-таки, болѣла.

Левченко очень обрадовался, что согрѣлся, и мысль дѣлать пріемъ уже не казалась ему такой ужасной.

Къ извѣстному часу собрались мужики и бабы, и онъ сталъ заниматься ими. Но когда кончился пріемъ, онъ почувствовалъ себя страшно разбитымъ. Тѣло ныло и стонало, по кожѣ пробѣгали мураши, а голова все больше и больше разбаливалась.

Лежать днемъ онъ терпѣть не могъ и никогда не позволялъ себѣ этой блажи, даже когда чувствовалъ себя очень усталымъ: онъ предпочиталъ присѣсть къ столу и въ такомъ видѣ подремать съ четверть часа.

Но сегодня кровать неудержимо влекла его къ себѣ. Одежда и обувь стѣсняли его, и онъ жаждалъ отъ нихъ освободиться. Скверно будетъ только стаскивать съ себя все это, потому что будетъ холодно. Но, зато, потомъ, подъ ватнымъ одѣяломъ... Однако, онъ все-таки пересилилъ себя и такъ промотался весь день по квартирѣ.

Вечеромъ рано онъ легъ, наконецъ, въ постель, и его тотчасъ же зазнобило. Весь день онъ все еще сомнѣвался, а теперь уже ясно чувствовалъ, что боленъ, самымъ настоящимъ образомъ.

Къ лихорадкѣ и головной боли присоединилось затрудненное глотаніе; въ горлѣ сохло и царапало. Но онъ не хотѣлъ смотрѣть себѣ въ горло, не то отъ продолжающейся лѣни, не то отъ суевѣрнаго и мнительнаго страха.

Наконецъ, ему удалось побѣдить безсонницу, и онъ задремалъ, уютно примостившись въ уголокъ кровати къ стѣнкѣ и завернувъ себя со всѣхъ сторонъ одѣяломъ. Сдѣлалось тепло и даже жарко, но это, все-таки, было лучше, чѣмъ холодъ.

Среди ночи, среди полной мглы, ему почудилась какая-то возня въ каморкѣ, которую занималъ Пахомычъ, на крылечкѣ и въ сѣняхъ. Какіе-то шаги, возня, переговоры. Пахомычъ кряхтѣлъ и вздыхалъ, подымаясь съ своей койки, и взывалъ къ Богу:

— О, Господи! Мать, Царица Небесная...

Звонъ бубенчика раздавался подъ окномъ.

Левченко сталъ прислушиваться; дрёма его прошла. Ему показалось, что это кошмаръ, въ родѣ того кошмара, который чудился ему сегодня подъ вечеръ: въ ушахъ его раздавались выкрики и рыданія Петрушкиной матери, но по повѣркѣ оказалось, что она даже весь день не показывалась въ его домѣ или во дворѣ.

Но то, что сейчасъ происходило—не кошмаръ.

Вотъ опять Пахомычъ трехэтажно вздохнулъ, зѣвнулъ и проговорилъ:

— Эхъ, Господь Богъ! Грѣхи! Мать, Царица Небесная! Иду ужъ! Нездоровъ ёнъ и самъ.

Дверь тихо скрипнула.

— Ты—Пахомычъ?—спросилъ испуганнымъ голосомъ Левченко.

— А я-жъ.

— Что такое? Что тамъ такое?

Левченко насторожился. Страшная мысль мелькнула въ его сознаніи. Вотъ, сейчасъ будутъ просить его ѣхать на практику. Эта мысль привела его въ содроганіе и ужасъ. Какой-нибудь несчастный случай или баба родитъ—какъ не помочь? Но вѣдь это невозможно, невозможно, онъ самъ боленъ! Онъ совсѣмъ боленъ, и теперь уже не сомнѣвается въ этомъ.

— Да, вишь, пріѣхалъ тутъ кучеръ, говоритъ—барину дюже плохо, такъ что быдто какъ умираетъ. И повозка. Вишь, чтобы сичасъ и ѣхать. Я и туды, и сюды—Господи помилуй!—самъ, говорю, Михей Герасимычъ боленъ, а ёнъ и слуху не даетъ. Не велѣно, говоритъ, безъ него и возвращаться.

— Да отъ кого прислали? Кто говоритъ-то?

— А извѣстно, Стёпка, Овиновскій кучеръ.

— Ахъ, Боже мой! Да не могу я, не могу же я... Голова трещитъ, знобитъ...

— А я-жъ сказывалъ. И слуху не даетъ, Господи благослови...

— Да что такое? Можетъ, и не такъ боленъ-то?

— А кто-жъ его знаетъ! Сказываетъ—помираетъ.

— Ну, встану, дѣлать, видно, нечего.

— А извѣстно, нечего.

— Пойди скажи, чтобъ подождалъ.

— Скажу.

Пахомычъ вышелъ. Левченко услыхалъ, какъ сторожъ выговаривалъ Ст пкѣ:

— Встаетъ, обожди. Креста на васъ нѣту! Въ эву темную ночь тащиться... Енъ самъ, сказываю, боленъ. Мать, Пресвятая Богородица!

— А я што-жъ?—возразилъ Стёпка густымъ басомъ.—Мнѣ, значитъ, велѣно. На то и лекарь, чтобы ѣздить. Не помирать барину-то.

Левченко все это слышалъ. Онъ еще тѣснѣе забился подъ одѣяло и тянулъ время. Ему казалось невозможнымъ выбраться изъ постели. И вдругъ, героическимъ усиліемъ воли, онъ сбросилъ съ себя одѣяло и всталъ на ноги. Его качнуло и въ вискахъ застучали молоты, а по спинѣ поползли холодныя, злыя змѣйки.

— Вздоръ, вздоръ!—подбодрилъ онъ себя и сталъ одѣваться. —Что за нѣжности? Нужно, такъ нужно. Не люблю Овинова, однако, ежели онъ боленъ... Самъ вѣдь сказалъ; заболѣйте хорошенько—тогда пріѣду. Какъ будто онъ заболѣть не можетъ? Тоже вѣдь человѣкъ.

Онъ одѣвался долго. Долго не могъ попасть въ рукавъ; когда надѣлъ сапоги, въ вискахъ такъ стукнуло, что ему показалось, будто онъ уже въ обморокѣ.

Кутаясь въ ватное пальто и надвинувъ плотнѣе шапку, онъ вышелъ на крыльцо, взобрался, при помощи кучера и старика, въ повозку и поѣхалъ.

Мысли его путались. У Овинова есть отличный шарабанъ,— почему же онъ прислалъ эту чортову таратайку, отъ которой такъ ужасно трещитъ въ головѣ и всѣ кишки внутри переворачиваются? Изъ экономіи, конечно. Станетъ онъ ночью трепать шарабанъ по скверной дорогѣ ради какого-то докторишки? До Овиновской усадьбы всего шесть верстъ; не такъ, чтобы уже очень много, а до города—всего восемь. Отчего онъ не послалъ въ городъ.

— Чтò съ твоимъ бариномъ?—спросилъ онъ у Стёпки, стуча зубами.

— Кто-жъ его знаетъ?—отвѣтилъ кучеръ.—Такъ что, надо быть, часъ пришелъ.

— Какой часъ?

— Смертный, або что... Безъ дохтура, сказывалъ, не моги и возвращаться, потому какъ, видать, часъ мой насталъ.

— А что же у него такое?

— Да Богъ вѣсть; мы въ этомъ не смекаемъ. А только катается.

— Какъ катается?

— По постели.

Наконецъ они доѣхали. Левченко хотѣлъ выкарабкаться изъ повозки, но ноги его точно свинцомъ были налиты и отказывались служить.

Стёпка помогъ ему.

Домъ Овинова стоялъ въ саду, и сквозь густыя вѣтви жимолости и желтой акаціи свѣтилось одно окно въ угловой комнатѣ.

Левченко вошелъ въ эту комнату.

Къ его искреннему изумленію, онъ увидѣлъ Овинова сидящимъ на диванѣ передъ круглымъ столомъ. Онъ вовсе не лежалъ въ постели, какъ говорилъ кучеръ, а мирно пилъ чай съ лимономъ изъ чашки необъятныхъ размѣровъ. Онъ сидѣлъ въ халатѣ и туфляхъ не первой свѣжести и лицо его было нѣсколько блѣдно.

— А!—встрѣтилъ онъ радостнымъ возгласомъ врача.—Пріѣхали? Ну, спасибо. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Былъ какъ-то въ городѣ, видѣлся съ городскими эскулапами—гроша мѣднаго не стоютъ. Рѣшилъ повиниться передъ вами и попользоваться вашими совѣтами. Что это вы какой словно зеленый? Или отъ колпака?—Онъ приподнялъ колпакъ съ лампы и покачалъ головой:—Нѣтъ, и вправду зеленый. А мнѣ лучше. Чайку?

Левченко еле стоялъ на ногахъ. Онъ рухнулся какъ-то на диванъ и машинально взялъ стаканъ жидкаго чаю.

— Зачѣмъ вы меня позвали ночью? — вдругъ сказалъ онъ, чувствуя, какъ злость подымается въ немъ волной.—Я самъ боленъ. Еле доволокся. Что съ вами? Я думалъ, вы лежите, а вы спокойно чай распиваете!

Онъ говорилъ рѣзко, но слабымъ голосомъ и каждую длинную фразу прерывала одышка. Въ глазахъ его стояли круги и въ виски било молотами.

— Прошло,—сказалъ Овиновъ.—То-есть, такъ плохо было, что ужасъ. Эти городскіе идіоты въ одинъ голосъ вопятъ: здоровъ, здоровъ, ничего, молъ, нѣту. А схватило. Сразу послѣ обѣда. Думалъ — конецъ. Ужъ не апендицитъ ли? Ныньче это,

что-то, въ модѣ стало. Поѣлъ-то я за обѣдомъ хорошо, а только не такъ, чтобъ ужъ очень. Поизслѣдуйте-ка меня. Еще вотъ тутъ чуть побаливаетъ.

Но Левченко ужъ не владѣлъ собой. Волна злости подступила ему къ сердцу и хлынула въ мозгъ.

— Безсовѣстный вы человѣкъ!—хрипло крикнулъ онъ, такъ что Овиновъ отскочилъ отъ него и забился въ уголъ дивана.— Вы здоровы какъ быкъ и позволяете себѣ тревожить врача... больного врача глухою ночью! Это стыдно! Чтò съ вами? Вотъ вы сидите и наливаетесь чаемъ, а я долженъ трястись шесть верстъ сюда и обратно на ужасной повозкѣ—вы даже экипажа порядочнаго не прислали! Для чего? Чтобы видѣть, какъ вы чай лопаете?

Онъ остановился, тяжело вдохнулъ въ себя воздухъ, сдѣлалъ глотательное движеніе и почувствовалъ боль. Но злость, овладѣвшая имъ, была сильнѣе и этой боли, и всего его нездоровья.

— Но позвольте...—началъ Овиновъ оскорбленнымъ тономъ.—Мнѣ было худо: головокруженіе, тошнота... боли въ желудкѣ: не то спазмы, не то рѣзь. Я мѣста себѣ не могъ найти. Въ первый разъ слышу, чтобы врачъ такъ грубо, такъ дурно обращался съ паціентами. Въ какой это странѣ мы живемъ?

— Въ варварской! — перебилъ его Левченко.—Въ странѣ, гдѣ живутъ такіе нравственно-невоспитанные субъекты, какъ вы. Вы думаете, врачъ—это чтò такое? Его можно возить и увозить по первой прихоти, лишать его пищи, сна, здоровья, располагать его временемъ, какъ своимъ? Это, знаете, свинство! Обожрались вы за обѣдомъ, и вамъ сдѣлалось дурно. Экое важное кушанье! Такъ, вотъ, сейчасъ стаскивай врача съ постели и волоки его сюда! Я самъ боленъ!—закричалъ онъ.—Сильно боленъ! Чего мнѣ стоило къ вамъ пріѣхать... Чтò вы не могли безъ меня взять мятныхъ капель или касторки, что-ли? А потомъ, вотъ такіе, какъ вы, начинаете жаловаться, что врачи не вѣрятъ ночнымъ болѣзнямъ и прочее. Да какъ вѣрить? Какъ? Объѣстся человѣкъ и требуетъ врача. Да я, что-ли, виноватъ, что вы объѣдаетесь, чортъ бы васъ взялъ!

Онъ сталъ задыхаться.

Овиновъ никогда еще не видѣлъ его въ такомъ взбѣшенномъ настроеніи. Онъ и самъ вдругъ освирѣпѣлъ.

— Да какъ вы смѣете такъ орать на меня? Что я, какой-нибудь мужикъ вашъ, котораго вы тамъ у себя лечите? Не хотите ѣздить по ночамъ—не дѣлайтесь врачами. Назвался гри-

бомъ — ступай въ кузовъ. Я заболѣлъ, имѣю я, кажется, право потребовать врача? Я вѣдь не даромъ... за деньги всякій имѣетъ право требовать себѣ помощи. Чтò, я не знаю, что-ли, что вы ѣздите къ простымъ бабамъ на роды и даже ничего съ нихъ не берете, хотя бы и ночью? Что же, я хуже бабы?

— Такъ то—роды. А у васъ чтò?..

— Не могу же я для вашего удовольствія родить!—заоралъ Овиновъ.—Это, наконецъ, глупо! Я васъ позвалъ вовсе не для того, чтобы ругаться тутъ съ вами. Какой грубый, невыносимый человѣкъ!.. Я, наконецъ, буду жаловаться предсѣдателю земской управы. Михаилъ Никитичъ—мой товарищъ. Что это вы, въ самомъ дѣлѣ, себѣ позволяете? Если мнѣ стало лучше — я виноватъ? Будьте добры осмотрѣть меня и прописать рецептъ. Вотъ, у меня тутъ болитъ.

Онъ указалъ рукой на животъ, откинулъ полу халата и легъ на диванъ на спину.

Левченко не имѣлъ больше желанія съ нимъ спорить. Онъ сталъ изслѣдовать Овинова.

— Да ровно ничего нѣтъ!—со злостью сказалъ онъ.—Маленькій завалъ. Говорю, объѣлись. Ежели вы будете каждый день объѣдаться, да потомъ по ночамъ меня звать, знаете... А вашего Михаила Никитича я вовсе не боюсь. Можете жаловаться хоть губернатору, генералъ-губернатору, министру, кому хотите! Я самъ буду, наконецъ, на васъ жаловаться. Это, знаете, издѣвательство! Насмѣшка. И мы, врачи, вамъ не игрушки, чортъ васъ возьми совсѣмъ!

Овиновъ съ трудомъ поднялся съ дивана.

— Прикажите меня отвезти домой, — сказалъ Левченко.— Я еле на ногахъ стою.

Смазливая деревенская дѣвушка, съ густыми черными волосами и огромными сѣрыми глазами, вбѣжала о босу ногу на зовъ Овинова. Тотъ умильно взглянулъ на нее и сказалъ:

— Дашенька, милая, дойди до двора да скажи Стёпкѣ, чтобы не распрягалъ, вотъ ихъ обратно повезетъ.

— Да онъ не распрягалъ, баринъ.

— Такъ тѣмъ лучше. Позови-ка его сюда,—еще не поѣдетъ, коли самъ не скажу.

— Слухаю.

Дѣвушка исчезла за дверью.

Овиновъ полѣзъ въ ящикъ стола и досталъ оттуда рублевку. Онъ протянулъ съ нею руку врачу.

— Благодарю за безпокойство,—кислымъ голосомъ сказалъ

онъ,—будьте благонадежны, въ другой разъ не позову. Нѣтъ-съ, не позову...

Въ дверяхъ затопалъ Стёпка.

— Обратно везти, что-ли?

— Угу! Вези ихъ обратно, да осторожнѣе; дороги плохи: попадешь въ колею, спицу сломаешь. Вамъ—что?! Чужое добро. Ступай-ка.

Левченко крикнулъ:

— Стой!—и Стёпка остановился въ дверяхъ.—Вотъ, нà тебѣ на чай!—сказалъ Левченко и протянулъ ему скомканную, желтую бумажку.

Овиновъ глядѣлъ съ недоумѣніемъ на врача.

„Ишь, вѣдь, ишь, зазнался лекаришко! — подумалъ онъ.— Цѣлковый для земскаго врача неужто-жъ мало? И дуракъ, съ какой стати это вдругъ Стёпку такъ баловать? Ну, мало—скажи, или откажись! Невозможный грубіянъ“!

Степка отъ радости бросился бѣжать къ повозкѣ, зажавъ рублевку въ кулакѣ, точно опасаясь погони и отнятія этого драгоцѣннаго дара.

— Покорнѣйше благодаримъ, Михей Герасимычъ!—быстро выговорилъ онъ на ходу.

Левченко съ трудомъ одѣлъ пальто и направился къ двери.

— Глупо какъ!—сказалъ ему вслѣдъ Овиновъ. — И глупо, и грубо. Я непремѣнно объ этомъ сообщу...

Но врачъ уже не слушалъ его и исчезъ въ темномъ отверстіи двери.

Стёпка лихо домчалъ его до дому; но Левченко уже не могъ слѣзть съ повозки—онъ былъ въ обморочномъ состояніи.

Пришлось опять подымать Пахомыча, и они вдвоемъ сволокли врача въ комнату, раздѣли и уложили его.

— Господи Іисусе!—вздохнулъ старикъ! — Горитъ-то какъ, ровно печь!..

XI.

Утромъ Левченко уже не всталъ. Было очевидно, что онъ сильно заболѣлъ, и ему какъ-то вдругъ поразительно ясно стало, что онъ „не выкарабкается“. Онъ не былъ мнительнымъ человѣкомъ, какъ бываютъ многіе врачи, но у него былъ тотъ даръ угадыванія и предвидѣнія, которымъ обладаютъ нѣкоторые больные, почти навѣрное знающіе, что болѣзнь, овладѣвающая ими, является послѣднимъ этапомъ жизни.

Натура Левченки была несильная и надорванная непомѣрнымъ трудомъ: онъ много работалъ, мало спалъ и питался сообразно обстоятельствамъ, чѣмъ попало и когда попало.

У него былъ жаръ и сильно болѣло горло. Но сознанія онъ не терялъ. Приказалъ позвать фельдшера, вытребовалъ отъ него лекарства и принялся самъ себя лечить, считая свою болѣзнь за сильную простуду или жестокую инфлуэнцу.

Къ вечеру ему стало совсѣмъ плохо. Тогда онъ позвалъ къ себѣ Пахомыча и сказалъ ему:

— Пахомычъ! Завтра утречкомъ отправься-ка ты въ городъ къ доктору Инославскому, да попроси его пріѣхать. Скажи, Левченко, молъ, умираетъ,—непремѣнно пріѣзжайте.

Старикъ махнулъ рукой.

— Эко-ся, Михей Герасимовичъ! — сказалъ онъ,—Поштò умирать-то? Господи благослови! Человѣкъ въ соку, а не то что... Вонъ я—старикъ, а и то земля носитъ. Мать Пресвятая Богородица и Господь грѣхамъ терпятъ, а не то что... А къ Инославскому дойду. Какъ лишь забрезжитъ, такъ и выйду. Путь-то не длиненъ.

Къ полудню слѣдующаго дня пріѣхалъ изъ города Инославскій.

Онъ вошелъ въ комнату, гдѣ лежалъ больной, вглядѣлся въ него и поздоровался.

Левченко съ трудомъ открылъ глаза.

— А... это вы,—тихо сказалъ онъ.

— Я, коллега, я... Пахомычъ приходилъ; говорилъ—Михей Герасимовичъ...—онъ запнулся,—Михей Герасимовичъ нездоровъ, оглядите, говоритъ, его. Вотъ, я и пріѣхалъ. Чтò такое?

Онъ сталъ его осматривать и выслушивать, и тотчасъ же увидѣлъ, что дѣло изъ рукъ вонъ плохо. Дѣятельность сердца была очень слаба, и этотъ симптомъ былъ угрожающимъ.

— Ну, чтò? — спросилъ, послѣ осмотра, Левченко: — дифтеритъ?

Онъ безпокойно взглянулъ на Инославскаго.

Инославскій молчалъ.

— Вы мнѣ можете сказать, — проговорилъ Левченко.—Я вѣдь врачъ; нашему брату не полагается бояться, да и скрывать отъ насъ истину не полагается. — Онъ говорилъ хрипло, съ большими промежутками, усталымъ, безсильнымъ голосомъ.

Инославскій молча кивнулъ головой, и Левченко понялъ, что у него дифтеритъ. Послали Пахомыча къ фельдшеру, а фельдшера—въ городъ за лекарствами.

— Должно, у васъ тутъ въ деревнѣ дифтеритъ ходитъ,—

сказалъ Инославскій,—да и у насъ въ городѣ тоже. Вонъ, въ три дня скрутило дѣвочку Гадаева, — знаете его? Нѣтъ? Запольскій на ней попался: не съумѣлъ діагносцировать, опредѣлилъ ангину, вообще отнесся легкомысленно. Погибла дѣвочка-то, да и Гадаевъ, должно, погибнетъ,—что-то самъ не свой сталъ. Ну, такъ то—дѣвочка. А васъ подымемъ. Врача-то болѣзнь должна бояться,—пошутилъ онъ.

Левченко отрицательно покачалъ головой.

— Что? — спросилъ Инославскій: — не надѣетесь? Отчего такое малодушіе?

— Не малодушіе,—увѣренность. Я не боюсь. Умирать не страшно. Это трусы выдумали, будто умирать страшно. Я дѣлалъ, что могъ. И все сдѣлалъ, что могъ. Ну, значитъ, уступи мѣсто. Развѣ ужъ такая радость—находиться на землѣ? Радость, когда другимъ можно приносить пользу, и горе, когда силы исчезли, и ты ни къ чему. Что же страшнаго—исчезнуть? Бытіе и небытіе—два полюса одной истины.

Онъ замолчалъ и закрылъ глаза. Вѣки его горѣли, какъ и голова, и въ горлѣ было сухо и больно.

— Жаль одно,—открывъ глаза, продолжалъ онъ,—преемника себѣ не вижу. Мужики останутся безъ помощи. А мужику помощь нужна. Эхъ, Ѳаддей Ѳаддеевичъ, вамъ бы сюда... Давно говорю! Помните, въ „обществѣ“, когда Обрядовъ читалъ намъ свою канитель, я говорилъ... Почему я говорилъ? Потому что вы человѣкъ сердечный. Хорошо вѣдь здѣсь, особливо кто съ семьей. Воздухъ, здоровая жизнь и трудъ здоровый! Хорошо съ семьей!—унылымъ голосомъ повторилъ онъ.—Я былъ одинъ, всю жизнь одинъ. Было грустно! Придешь домой, — Пахомычъ тебѣ и другъ, и жена, и дѣти.

Онъ усмѣхнулся.

— А знаете, — перебилъ его Инославскій, — въ послѣднее время я самъ подумывалъ объ этомъ.

— Да ну?—радостнымъ возгласомъ спросилъ Левченко.

— Подумываю. Силъ не стало. Съ военнымъ начальствомъ не лажу. Я и такъ, и этакъ,—не налаживается. Въ полку трахома оказалась, надо людей въ госпиталь отправлять, а *они* не хотятъ. Чортъ знаетъ что! Съ одной стороны, медицинское начальство упрекаетъ, что, молъ, не слѣжу, допускаю болѣзнь распространяться, съ другой — полковое пристаетъ, что людей „распустилъ“. Съ командиромъ сильно на дняхъ поругался. Обѣщалъ жаловаться. И пожаловался. Военно-медицинскій инспекторъ прислалъ выговоръ. Вотъ тогда и надумалъ: не переки-

нуться ли въ земство? Плохо оплачивается ваша земская служба, да зато отъ начальства почти свободенъ, да и жизнь въ деревнѣ дешева, да и дѣло ужъ очень мнѣ симпатичное. Да только вотъ...—онъ запнулся.

— Да только вотъ Симочка и семь дѣвочекъ...

Инославскій вздохнулъ и замолчалъ.

— Симочка ни за что не захочетъ,—прибавилъ онъ убѣжденнымъ голосомъ.

Левченко отдохнулъ, слушая рѣчь коллеги, и заговорилъ снова:

— Служба хорошая и дѣло святое... вотъ только узко все. Я не про жалованье говорю, а про дѣло. Поставлено узко, такъ, больше для формы. Денегъ не даютъ, лекарствами обрѣзаютъ, лечебницъ настоящихъ нѣтъ. Россія—необъятная страна, а какой узкій у ея общественныхъ дѣятелей масштабъ во всемъ! Осторожность и экономія — двѣ зловредныя вещи, когда дѣло идетъ о народномъ здравіи и образованіи.

Въ присутствіи Инославскаго ему стало лучше. Онъ какъ-то пріободрился, и какъ ему ни трудно было, а хотѣлось говорить.

— Ну, что жъ у васъ въ городѣ?—спросилъ онъ, какъ будто вдругъ заинтересовавшись тѣмъ, что̀ его, въ сущности, никогда особенно не интересовало.—Коллеги—что̀?

— Что̀ коллеги? Съ Запольскимъ скандалъ, послѣ Гадаевской исторіи. Какой-то скандалъ готовится Кабѣеву. У Серединскаго ушла жена. Царинскій отправилъ ad patres какую-то паціентку; процвѣтаетъ Виссаріоновъ со своими лавочниками и мясниками; щелкаетъ шпорами и краситъ усы Обрядовъ. Все то же!

Въ голосѣ Инославскаго слышалось уныніе.

— Да вотъ еще я—воюю на два фронта,—прибавилъ онъ, усмѣхнувшись.

Левченко пошевелилъ пальцами по простынѣ. Ему давно хотѣлось спросить что-то, но онъ, видимо себя удерживалъ.

И наконецъ, все-таки, спросилъ, подходя издалека:

— Ну, а наши коллеги-женщины?

— Да ничего-себѣ...

— Марья Ивановна Лось?

— Она-то и затѣяла скандалъ съ Кабѣевымъ.

Левченко опять помолчалъ.

— А... та, другая... Авчарова?

— А что-жъ Авчарова? Ссорится съ врачами. Задорная. Къ Запольскому нѣжныя чувства питала. Но, въ виду его полнаго равнодушія, отстала...

Левченко, казалось, безучастно выслушалъ это сообщеніе.

— Тяжело умирать одному, — вдругъ неожиданно сказалъ онъ.—Если бы не это, было бы совсѣмъ легко. Не жизни жалко, а того, что̀ въ ней оставляешь. Мужиковъ, конечно, жалко. И себя тоже. То-есть, вотъ, жалко, что не испыталъ взаимности, личнаго, знаете, узкаго чувства... Авчарова могла бы быть хорошей женщиной, да вотъ некому направить ее, послѣдить за ней. Увидите, скажите: Левченко вамъ кланялся передъ смертью.

— Да полно вамъ, Михей Герасимовичъ!—постарался успокоить его Инославскій. — Все обойдется. Вы еще молоды. Болѣзнь серьезная, кто говоритъ, а только еще изъ такихъ ли болѣзней люди выскакивали.

Левченко грустнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на него.

— Нѣтъ, знаете, крышка,—сказалъ онъ,—Это чувствуется вотъ здѣсь... не разумомъ, а сердцемъ. Что-же! Я развѣ жалуюсь? Я не жалуюсь. Россія—деревня необъятная, безконечная... Жаль, что въ ней много Михайловъ Никитичей да Овиновыхъ... Овиновъ меня и погубилъ. И жизнь мою оцѣнилъ въ рубль серебра.

Инославскому показалось, что Левченко бредитъ, потому что онъ рѣшительно не понялъ его послѣднихъ словъ.

Изъ города прибылъ Наумъ Прохоровичъ съ лекарствами. Фельдшеръ по обыкновенію былъ на „легкомъ взводѣ", какъ всегда, когда ему приходилось посѣщать городъ.

Инославскій хотѣлъ, чтобы онъ помогъ ему, но лицо Наума Прохоровича было такъ красно и руки его такъ дрожали, что онъ не внушалъ никакого довѣрія.

— Что ты лицо себѣ накрасилъ? — спросилъ его Инославскій.—Съ горя, что-ли, покраснѣлъ такъ?

Наумъ Прохоровичъ, сдѣлавъ обиженное лицо, отвѣтилъ:

— Съ горя только ракъ краснѣетъ...

— Ну, а коли съ радости, такъ и убирайся отсюда!

Онъ его отослалъ и позвалъ сторожа.

Провозившись съ больнымъ до вечера, онъ уѣхалъ, пообѣщавъ быть у него завтра.

— Кланяйтесь тамъ,—слабымъ голосомъ проговорилъ вслѣдъ ему Левченко:—Симочкѣ... и Авчаровой тоже...

Инославскій обернулся и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Онъ не удивился, что Левченко называетъ его жену Симочкой, потому что всѣ въ городѣ ее называютъ такъ, и онъ уже давно привыкъ къ этому. Но онъ удивился, что Левченко уже второй разъ упоминаетъ объ Авчаровой.

„Любитъ онъ ее, что ли?—подумалъ онъ, садясь въ повозку. —Не замѣтно это было раньше... Бѣдняга! Дѣло его—капутъ"!

Затѣмъ онъ перешелъ къ мыслямъ о земской службѣ. Уже давно тянуло его на деревенскій воздухъ. Не клеится у него все въ городѣ. И Симочка прихварываетъ, и дѣвочки какія-то чахлыя, да и онъ усталъ безконечно бороться. Хорошо бы и вправду „перекинуться“ сюда! Но онъ сознавалъ, что это—неосуществимыя мечты. Развѣ Симочка когда-нибудь согласится на это? Да никогда! Городъ родилъ ее, городъ взростилъ ее. Она—продуктъ городской жизни, и городской воздухъ—ея стихія. Безъ него она походила бы на рыбу, выброшенную на берегъ.

Левченко умиралъ.

Умиралъ онъ тихо, спокойно, безъ лишнихъ жалобъ и стоновъ, какъ умираютъ русскіе люди — замѣтные и незамѣтные. Отдавъ родинѣ все, что̀ онъ могъ отдать, онъ теперь уходилъ съ дѣйствительной службы въ чистую и вѣчную отставку. Сознаніе не покидало его всю эту ночь, и только къ утру ослабѣла его сила воли, то невѣдомое чувство, которое держитъ въ уздѣ сознаніе.

Къ утру онъ сталъ бредить; но всю долгую, безконечно долгую ночь онъ не спалъ, и сознаніе его работало и рождало мысли, смѣнявшія одна другую, какъ въ быстро переворачиваемомъ калейдоскопѣ.

Петрушка приходилъ ему въ голову, тотъ Петрушка, который погибъ отъ невѣжества своей матери и котораго онъ старался спасти. Петрушка-то и заразилъ его, но онъ не чувствовалъ къ нему никакого недобраго чувства; не Петрушка, такъ другой, не все ли равно! И Петрушка, изъ котораго бы вышелъ славный работникъ, и онъ, Левченко — оба рядовые, оба единицы—маленькіе и незамѣтные—той громадной арміи, которая называется русскимъ народомъ. Они, вотъ, сошли со сцены; вмѣсто нихъ появятся другіе. И съ каждымъ поколѣніемъ будутъ рождаться новые Петрушки и новые Левченки, которые будутъ крѣпче ихъ, здоровѣе, жизнеспособнѣе и жизнедѣятельнѣе. Они не будутъ умирать такъ рано и такъ случайно, потому что измѣнится же когда-нибудь жизнь на Руси къ лучшему!? Но Овиновы всегда будутъ жить. Безполезные, никому ненужные, сытые и наглые... пусть только Овиновы будутъ единицами, а не тысячами, исключеніями, а не правилами... Въ этомъ—все!

Вотъ онъ, Левченко, прожилъ одинъ въ этой глухой дере-

вушкѣ, одинъ какъ бобыль, безъ личной радости, безъ узкаго, личнаго счастья! Развѣ ему было тяжело жить? Да ничуть! У него было дѣло, которое онъ считалъ серьезнымъ и священнымъ; а когда есть у человѣка дѣло, то онъ мало думаетъ о своемъ личномъ счастьи. И вотъ, только теперь, когда всѣ разсчеты съ жизнью кончены, почему-то этотъ вопросъ назойливо сталъ появляться передъ нимъ какимъ-то нелѣпымъ призракомъ и тревожить его послѣднія минуты. Какъ будто и вправду нельзя обойтись человѣку безъ этого, и жизнь, какъ будто, кажется неполною, когда человѣкъ не извѣдалъ узенькаго, „буржуйнаго" счастья. Онъ попробовалъ отклонить отъ себя эти мысли, но образъ Авчаровой вставалъ передъ нимъ во всей его прелести,— „воображаемой прелести",—поправилъ онъ себя. „Что въ ней хорошаго? — пробовалъ онъ разочаровать себя: — такъ себѣ; бабенка, какъ бабенка. Пустовата и даже не особенно красива". И сдѣлайся она его женой, онъ увѣренъ, что она стала бы въ его жизни тормазомъ, какъ всякая другая эгоистическая женщина, вотъ въ родѣ Симочки, напримѣръ. И, значитъ, счастье его, что Авчарова была къ нему холодна,—иначе она переманила бы его въ городъ и заставила бы его дѣлать несимпатичное ему дѣло, лечить сотни Овиновыхъ разныхъ типовъ и разныхъ калибровъ. Женщины вѣдь такъ часто бываютъ безсознательно неделикатны и не справляются со вкусами и чувствами своихъ мужей... Такъ отчего же, все-таки, при мысли о ней, такъ больно сжимается сердце, такъ тяжело ноетъ грудь?

И онъ не находилъ отвѣта на этотъ мучительный вопросъ.

Никто изъ коллегъ не понималъ его, потому что они смотрѣли съ разныхъ точекъ зрѣнія. Для нихъ жизнь была ареной славы или наживы, источникомъ личнаго благополучія. Паціенты были только кліентами, какъ бываютъ кліенты у всевозможныхъ поставщиковъ. И поставщики-то они были неважные или недобросовѣстные: они поставляли кліентамъ здоровье за извѣстную рыночную цѣну; и они относились небрежно къ своимъ кліентамъ, и кліенты старались, при каждомъ удобномъ случаѣ, подкузьмить и обсчитать ихъ. И росло, росло взаимное озлобленіе, взаимное недовольство, взаимная распря...

Онъ, Левченко, смотрѣлъ на жизнь, какъ на обязательный и трудный путь, который нужно было пройти, оставивъ по себѣ наибольшее количество пользы. Паціентовъ онъ любилъ душой... не Овиновыхъ, а вотъ этихъ мужиковъ и бабъ, и не думалъ ни о славѣ, ни о наживѣ. Коллеги считали его какимъ-то неумнымъ схимникомъ, какимъ-то неискреннимъ, дутымъ героемъ, и не

могли понять его увлеченія деревней и мужиками. Мало-по-малу онъ отсталъ отъ ихъ утонченныхъ методовъ и осложненныхъ рецептовъ, и отъ всѣхъ непровѣренныхъ новыхъ средствъ. Онъ лечилъ примитивно, просто, несложно, потому что и паціенты его были люди примитивные; но зато коллеги считали его отсталымъ врачомъ и относились къ нему съ пренебреженіемъ. А ему-то что̀? Онъ и самъ зналъ, что величина онъ маленькая, но они-то развѣ крупнѣе его? И потомъ, какъ знать, что̀ мало и что̀ велико, когда живешь въ этой сутолокѣ безконечно-малыхъ величинъ, мнящихъ себя гигантами?..

Такъ думалъ онъ, переходя отъ одной жизни къ другой. Подчасъ сознаніе его ослаблялось и мысли путались, но онъ давно уже дисциплинировалъ свою мысль и удерживалъ ее въ равновѣсіи, пуще всего боясь впасть въ безсознательное состояніе.

Иногда заходилъ Пахомычъ и скрипѣлъ дверью. Онъ старался ходить по комнатѣ тихо, но сапоги его скрипѣли еще громче, чѣмъ двери.

Онъ подходилъ къ кровати Левченки, стоялъ надъ нимъ и шепталъ:

— Господи, Царица Небесная, святые угодники...

И не могъ понять, спитъ Левченко или бодрствуетъ. Приходилъ и Наумъ Прохоровичъ, отрезвившійся и имѣвшій надутодѣловитый видъ. Но Левченко, при входѣ ихъ, закрывалъ глаза и притворялся спящимъ.

Утромъ силы окончательно покинули его; онъ уже не могъ думать и перебирать свои мысли; мысли словно пошатнулись, подогнулись, сдѣлались такими маленькими и такими юркими, что онъ не былъ въ состояніи угнаться за ними. Вотъ высунется одна, и онъ ухватится за нее своимъ сознаніемъ, но сознаніе до того ослабѣло, что не могло удержать мысли. И мысль выскальзывала, какъ круглый, скользкій шаръ, и исчезала куда-то безслѣдно. Потомъ появлялась такая же другая мысль, кругленькая, маленькая и скользкая; за ней много другихъ, безчисленное множество, и всѣ онѣ точно играли съ нимъ въ прятки. Но онъ уже усталъ гоняться за ними и видѣлъ, какъ онѣ вдругъ всѣ столпились въ видѣ маленькихъ, скользкихъ шариковъ у порога двери и, прыгая одна черезъ другую, исчезли за дверью. И въ его сознаніи ощутилась вдругъ зіяющая пустота; ему сдѣлалось легко.

Теперь онъ лежалъ неподвижно. Пульсъ слабѣлъ, сердце еле билось; огромный шаръ показался на порогѣ комнаты и вдругъ

сталъ рости и подкатываться къ нему, заполняя собою всю комнату. И не трогая его, онъ давилъ его своимъ видомъ, своею огромностью, своею безформенностью. Въ ушахъ гудѣло; вдругъ шаръ расползся и наполнилъ комнату непроницаемымъ туманомъ. Туманъ сѣрый, холодный, какъ безконечный занавѣсъ; какими-то извивающимися клубами подымался съ полу до потолка; вотъ онъ подобрался къ нему, къ самой его кровати, и сталъ окутывать его въ свою сѣрую, холодную пелену. И ему сдѣлалось жутко, и показалось, что неудержимая сила влечетъ его кверху.

На мгновеніе къ нему вернулось сознаніе. Ахъ, это было что-то ужасное! Онъ чувствовалъ себя страшно далеко отъ земли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ близко, что слышалъ какія-то рыданія, перемѣшанныя съ проклятіями. Душа его похолодѣла: словно яркая молнія прорѣзала его помутившееся сознаніе и вернула его къ земной дѣйствительности. Онъ понялъ, что это хоронятъ Петрушку, котораго онъ тщетно хотѣлъ спасти и котораго погубилъ, по мнѣнію его бабы-матери и всѣхъ ея присныхъ. Шествіе на кладбище проходило мимо его оконъ, и это рыдала баба и посылала ему проклятія за „погубленіе“ сына.

Это были послѣднія напутствія земли—ему, уходившему съ этой земли въ ту даль, которая никому изъ людей невѣдома. Страшное напутствіе! И это все, чѣмъ вознаградила его земля за столько годовъ работы, лишеній и страданій.

Но это уже было послѣднимъ проблескомъ сознанія. Туманъ плотно обволокъ его въ тысячи своихъ покрывалъ.

И когда пріѣхалъ Инославскій, то засталъ вмѣсто Левченки холодный трупъ.

— Я такъ и думалъ!—сказалъ себѣ Ѳаддей Ѳаддеевичъ.— Но не ожидалъ, что это случится такъ скоро...

Онъ позвалъ сторожа, разспросилъ его.

Пахомычъ не могъ отвѣтить ничего опредѣленнаго.

— И я входилъ, и Наумъ Прохоровичъ входили... они лежали, ровно бы спали, царствіе ему небесное... Должно, во снѣ и отошли. За попомъ бѣгалъ, а только попъ былъ занявши похоронами. Господи, благослови и помилуй! Безъ покаянія померши...

— Какъ же это такъ? Хоть бы фельдшера за себя оставилъ, что-ли.

— А фелшара въ избу позвали къ Ивану Бобру. Вишь, тамъ дѣвчонку горломъ схватило. Должно, моръ какой, али что...

Инославскій долго стоялъ надъ трупомъ умершаго товарища.

Невеселыя мысли посѣщали его: онъ думалъ о тяжелой работѣ врача, о средней продолжительности его жизни и еще о многомъ другомъ. И ему страстно захотѣлось переселиться въ деревню, вотъ на освободившуюся вакансію Левченки, и пожить спокойно, дѣлая свое дѣло, не считаясь со взглядами начальства.

— А Симочка? — прервалъ онъ себя.—Симочка ни за что не захочетъ!

Онъ приказалъ позвать фельдшера, написалъ свидѣтельство, сдѣлалъ нужныя распоряженія и уѣхалъ, пообѣщавъ пріѣхать къ похоронамъ.

Набѣжало много бабъ, которыя съ какимъ-то особеннымъ сладострастіемъ стали наперебой исполнять весь сложный ритуалъ, предшествуемый погребенію.

Къ вечеру мимо проѣзжалъ въ своемъ шарабанѣ Овиновъ. Увидѣвъ толпу у дверей докторской квартиры, онъ заинтересовался, приказалъ Стёпкѣ остановиться и узнать, въ чемъ дѣло.

Стёпка вернулся разстроенный

— Такъ что, значитъ, приказали долго жить! Хорошій, щедрый былъ господинъ, царство ему небесное!

— Умеръ!—вскрикнулъ Овиновъ въ ужасѣ.

Онъ всегда приходилъ въ ужасъ при извѣстіи о смерти. Онъ хотѣлъ уже уѣхать, но, увидя въ толпѣ Наума Прохоровича, подозвалъ его и спросилъ, отъ какой болѣзни умеръ Левченко.

— Отъ дифтериту.

Лицо Овинова поблѣднѣло.

Онъ приказалъ Стёпкѣ скорѣй садиться и гнать лошадей, что̀ было мочи.

И всю дорогу Овиновъ отплевывался, боясь, чтобы зараза не попала ему черезъ ротъ въ горло, а потомъ безконечно крестился мелкимъ, незамѣтнымъ крестомъ, точно бросалъ на свой животъ щепотки соли.

На третій день похоронили Левченко на убогомъ деревенскомъ кладбищѣ, невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ нашелъ себѣ успокоеніе и Петрушка.

Фельдшеръ дезинфекцировалъ квартиру покойнаго врача и съ нѣкоторымъ трепетомъ сталъ ждать ему преемника, а себѣ— новое начальство.

XII.

Елена Васильевна Запольская сидѣла противъ Анны Николаевны Кабѣевой, въ грустной и подавленной задумчивости. Она уже давно привыкла къ одиночеству и тишинѣ своей маленькой квартирки, предоставленная самой себѣ и своимъ думамъ вѣчно отсутствовавшимъ мужемъ. Исторія увлеченія Запольскаго Денницыной очень депопуляривировала его въ глазахъ коллегъ, которые всегда относились къ нему, какъ къ доброму малому, сочувственно, хотя и съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ добродушной пренебрежительности. Зато ее всегда очень любили, ей сочувствовали и симпатизировали. Но исторія съ дочерью Гадаева совсѣмъ подорвала товарищескія отношенія между Запольскимъ и коллегами. И, мало-по-малу, домъ Елены Васильевны опустѣлъ, и она, покинутая мужемъ и друзьями, влачила жалкое существованіе.

Запольскій очутился въ пренепріятномъ положеніи. Труппа уѣхала изъ города; онъ не простился даже съ Денницыной, которая окончательно увлеклась инженеромъ и дала ему чистую отставку; затѣявъ романъ съ Запольскимъ—сначала шутливый и опереточный,—она разсчитывала, въ дальнѣйшемъ, на развитіе его увлеченія, которое привело бы къ чему-либо болѣе существенному. Ей нужно было или „положеніе", или деньги. Первое могъ бы ей дать Запольскій, и она намекала ему не разъ на возможность развода съ женой, но, нерѣшительный по натурѣ, онъ отвѣчалъ ей расплывчатыми фразами, неопредѣленнымъ полусогласіемъ и больше вздыхалъ, чѣмъ говорилъ дѣло. Второго онъ, конечно, предоставить ей не могъ, и въ послѣднее время стало до очевидности ясно, что онъ самъ стѣсненъ въ средствахъ. Онъ продолжалъ усердно писать стихи и сочинять романсы, но это, конечно, было плохой компенсаціей. Въ концѣ концовъ, онъ надоѣлъ ей со всѣми его вздохами и платонической любовью, и она съ удовольствіемъ приняла ухаживанія инженера. Здѣсь дѣло наладилось какъ-то само собой, сразу и ясно. Инженеръ не допускалъ разговоровъ о бракѣ и не любилъ говорить о возвышенной любви. Онъ сразу поставилъ вопросъ на практическую, дѣловую почву и не жалѣлъ денегъ. Они отлично спѣлись, и Запольскій получилъ отставку. Онъ еще попробовалъ, незадолго до ея отъѣзда изъ города, зайти къ ней, но не былъ принятъ. Ея горничная два раза получила отъ него

по три рубля за устройство свиданія, но деньги пропали даромъ и свиданія она ему не устроила.

Запольскій чувствовалъ себя весьма сконфуженнымъ. Дома онъ совершенно отвыкъ сидѣть, да и съ женой отношенія его были окончательно испорчены, безъ всякой надежды на ихъ возстановленіе. Елена Васильевна какъ-то сразу помирилась со своей участью и относилась теперь къ мужу холодно-презрительно. При рѣдкихъ столкновеніяхъ съ нимъ, она глядѣла на него съ непріятной и вызывающей насмѣшкой, и въ голосѣ ея звучала торжествующая иронія. Теперь ужъ она думала если не о разводѣ, то о расхожденіи и о томъ, чтобы ей устроиться независимо и самостоятельно. Она даже подала прошеніе о предоставленіи ей мѣста городской учительницы; прошеніе ея было принято благосклонно, и ему данъ былъ вскорѣ ходъ, такъ какъ одна изъ городскихъ учительницъ переводилась въ другой городъ. Ея замужнее положеніе служило вначалѣ нѣкоторымъ препятствіемъ къ успѣху этого ходатайства, но такъ какъ другихъ прошеній не было, то это обстоятельство съумѣли обойти, и Елена Васильевна мечтала уже теперь о скорой перемѣнѣ въ своей судьбѣ.

Дѣла Запольскаго шли изъ рукъ вонъ плохо. Всѣ въ городѣ знали Гадаева и любили его; его трагическая исторія была близко принята къ сердцу. Общество, и раньше относившееся недовѣрчиво къ Запольскому, совершенно отшатнулось отъ него теперь, и онъ лишился и той небольшой практики, которую имѣлъ до сихъ поръ. И товарищи, и военное начальство смотрѣли на него косо. Ему ничего не оставалось дѣлать, какъ проситься о переводѣ въ другой городъ.

Елена Васильевна была немного удивлена, когда къ ней зашла Кабѣева; онѣ всегда были въ хорошихъ отношеніяхъ, но въ послѣднее время Кабѣева почти не посѣщала ее. Слишкомъ занятая своимъ горемъ, Запольская тоже не бывала у нея и плохо знала о той драмѣ, которая разыгрывалась въ жизни подруги.

И вотъ, теперь, онѣ сошлись и очень обрадовались другъ другу.

Кабѣева была, противъ обыкновенія, оживлена, и ни въ разговорѣ ея, ни въ лицѣ ея, не чувствовалось той подавленности, которая угнетала ее въ послѣднее время.

— Какъ мы давно не видались, дорогая Елена Васильевна!— сказала Кабѣева.—Такъ давно, такъ давно! А живешь въ одномъ городѣ! Правда, жизнь наша теперь странная: у каждой свое

горе. У меня—свое, у васъ—свое... Слыхала я про несчастную исторію съ Гадаевымъ. Ну что? Успокоилось ли все это?

Елена Васильевна пожала плечами.

— Милая Анна Николаевна, вы знаете, какъ я всегда любила васъ и считала своимъ другомъ. Я пережила очень тяжелую зиму и была немного обижена, что вы словно забыли меня. Но потомъ я узнала, что и вы переживали ужасныя вещи. Я скажу вамъ откровенно: съ мужемъ у меня кончено, и кончено навсегда. И какъ только мнѣ это стало ясно, я перестала мучиться и терзаться, и чувствую себя въ послѣднее время отлично. Несчастье кажется страшнымъ издали. И чѣмъ ближе къ нему подходишь, тѣмъ страшнѣе. А когда оно уже разразилось надъ вашей головой—все вдругъ разомъ проходитъ. Мой мужъ всегда былъ человѣкомъ легкомысленнымъ. Я не знаю недостатка болѣе противнаго для мужчины. Онъ увлекался танцами, музыкой, актрисами, стихами, но только не своимъ дѣломъ и не семейной жизнью. Въ концѣ концовъ, онъ увлекалъ и себя, и меня въ пропасть. Но я не пошла за нимъ. Вотъ теперь онъ дошелъ до этой пропасти: потерялъ уваженіе общества и товарищей. Ему нѣтъ другого исхода, какъ уѣхать отсюда. Онъ дискредитировалъ свое дѣло, а вѣдь кромѣ медицины у него нѣтъ другихъ рессурсовъ жизни. Ну и чудесно! Насъ ничто не связывало, кромѣ взаимной любви; дѣтей вѣдь у насъ нѣтъ!—съ горечью прибавила она.—Ну, а разъ нѣтъ дѣтей и взаимная любовь исчезла—глупо тянуть эту лямку. Что намъ мѣшаетъ разойтись? Мы такъ и рѣшили. Онъ уже подалъ прошеніе по начальству о переводѣ. И ему предложили вакансію въ елисаветпольскую губернію, въ какой-то казачій полкъ.

— Какая даль!—вскрикнула Кабѣева.

— И даль, и глушь... Если онъ не возьметъ себя въ руки, то погибнетъ... и начнетъ пить.

— И вы... не ѣдете съ нимъ?

— О, нѣтъ! Нѣтъ, нѣтъ! Я вамъ говорю: между нами нѣтъ ничего общаго. Ничего. Онъ этого хотѣлъ и добился. Я долго терпѣла. Но всякому терпѣнію, даже женскому, есть границы. Я останусь здѣсь, и думаю, что съумѣю устроиться.

Она умолчала о своихъ планахъ, потому что никогда не любила говорить о томъ, чего еще не имѣла въ рукахъ.

Онѣ помолчали.

Кабѣева заговорила.

— Да...—задумчивымъ тономъ сказала она,—у всякаго свой крестъ. Я тоже много, много страдала эту зиму. Не за себя...

Я страдала за мужа и за ребенка. Съ Гаврилой Егоровичемъ дѣлалось что-то странное.—Она вздрогнула.—Я думала, что онъ серьезно, серьезно боленъ. И вотъ даже недавно мнѣ пришлось пережить ужасный вечеръ, я думала—съ ума сойду. Но это былъ, должно быть, какой-нибудь переломъ, кризисъ, я не знаю. Но въ послѣднее время на него нашла полоса просвѣтленія. Онъ вдругъ, на другой же день, какъ-то весь успокоился, пришелъ въ норму, сталъ говорить просто и ясно. Ахъ, милая! Еслибы вы любили мужа и еслибы у васъ былъ ребенокъ, вы бы поняли, какъ ужасно, какъ страшно слѣдить за развитіемъ душевнаго недуга у дорогого, любимаго существа, и какъ еще страшнѣе думать, что этотъ недугъ, можетъ быть, переданъ по наслѣдству ребенку. Я очень, очень страдала. Такъ страдала, какъ не дай Богъ никому... А тутъ еще эта грязная исторія съ Марьей Ивановной Лось... которая обрушилась на бѣднаго мужа со своими инсинуаціями. Я еще не знаю, чѣмъ кончится эта исторія.

— Я что-то слышала... но подробностей не знаю.

— Ахъ, не будемъ говорить объ этомъ! — уклончиво отвѣтила Кабѣева.—Мнѣ тяжело вспоминать. И вообще, вотъ я теперь какъ будто немного спокойнѣе стала: никогда еще мужъ не былъ въ такомъ ясномъ, хорошемъ настроеніи. Но я напугана. И все думается: что̀, если это—временное улучшеніе? Что̀ если этотъ темный недугъ вновь овладѣетъ имъ? Ужъ очень рѣзокъ былъ переходъ послѣ того ужаснаго вечера...

Она вздрогнула съ ногъ до головы и закрыла рукой глаза.

Запольская не настаивала на объясненіи. Она слишкомъ была занята своими невзгодами, чтобы особенно интересоваться чужими. Она себя считала гораздо несчастнѣе всѣхъ остальныхъ женщинъ, какъ это свойственно большинству людей, испытавшихъ горе.

По коридору раздались спѣшные шаги: это бѣжала Маша отворять двери на звонокъ.

— Должно быть, мужъ, — сказала Запольская, и губы ея скривились въ кислую улыбку.

Кабѣева оправилась.

Но это былъ не Запольскій, а Серединская.

Она вошла въ полутемную комнату и поздоровалась съ обѣими женщинами. Она была элегантно одѣта вся въ свѣтломъ, молодая, хорошенькая и оживленная. Но, при видѣ мрачныхъ выраженій лицъ этихъ женщинъ, она какъ-то сразу сжалась, ушла въ себя и робко сѣла въ кресло.

Запольская была немного удивлена ея визитомъ. Онѣ были знакомы, но никогда не были близки, какъ не были близки и ихъ мужья. И въ особенности теперь показался визитъ ея страннымъ Запольской. Вѣдь это ея мужъ опредѣлилъ болѣзнь у Гадаевой и, такъ сказать, дискредитировалъ діагнозъ ея мужа. Мужа своего Запольская теперь не любила,—это, конечно, дѣло рѣшенное,—но у нея еще осталась нѣкоторая доза профессіональной ревности; вѣдь, узнавъ, что дѣвочку лечилъ ея мужъ, призванный вмѣсто него Серединскій обязанъ былъ потребовать и его присутствія, а не лечить ее самостоятельно, самовластно отмѣнивъ всѣ распоряженія товарища.

Въ глубинѣ души она, пожалуй, сознавала, что некогда думать объ этой мелочной профессіональной этикѣ, когда дѣло идетъ о человѣческой жизни, но, все-таки, не могла побѣдить въ себѣ непріятнаго чувства.

И еще она знала, что ея мужъ дѣлалъ когда-то попытки ухаживать за этой блондинкой съ оригинальнымъ лицомъ и съ оригинальнымъ произношеніемъ. Она вспомнила ученіе мужа о дефектахъ женской красоты, и ей сдѣлалось противно смотрѣть на Серединскую.

Она вѣдь была гораздо старше и гораздо некрасивѣе этой блондинки, и давно уже въ ея душѣ образовалось чуть завистливое, чуть недоброжелательное чувство къ Серединской. И вообще, Серединская никогда не считалась популярной въ семейномъ кружкѣ врачей, потому что держалась всегда особнякомъ отъ врачебныхъ женъ, предпочитая имъ полковое общество офицеровъ и ихъ семей.

И исторія ея съ Вихоревымъ была, конечно, всѣмъ извѣстна.

— Я зашла проститься съ вами, — сказала Серединская, шепелявя.

— Какъ проститься?—спросила Запольская.

— Вы развѣ уѣзжаете?—спросила Кабѣева.

— Да, уѣзжаю...

Серединская чувствовала себя неловко въ этой темной комнатѣ, передъ этими женщинами съ удрученными лицами; было очевидно, что онѣ только-что говорили о тяжелыхъ и мрачныхъ вещахъ; онѣ и одѣты были въ темныя и простенькія платья, и лица ихъ были такъ непривѣтны. А она вошла сюда съ улицы, еще ярко освѣщенной заходящимъ лѣтнимъ солнцемъ, бодрая и оживленная, съ жаждой жизни на сердцѣ, съ ликованіемъ въ душѣ, съ мыслями о будущемъ, но уже близкомъ счастьи, которое такъ хорошо, такъ просто устроилось.

Она чувствовала, что внесла рѣзкій диссонансъ своимъ появленіемъ въ этой комнатѣ, и поскорѣе постаралась сгладить улыбку на лицѣ и принять серьезное выраженіе.

— Куда же вы уѣзжаете?—спросила Запольская.

— Въ Петербургъ!

И въ этомъ отвѣтѣ было столько сдержанной радости и торжества, которыя просились наружу! Обѣ женщины невольно улыбнулись. Онѣ знали, что это было ея давнишней, завѣтной, самой сладкой мечтой.

Серединская хотѣла отвѣтить просто, но вышло у нея это такъ торжественно и радостно, что она сама себя укорила въ этой несдержанности.

— Въ Петербургъ?—переспросила Запольская.—Наконецъ-то! Развѣ Ермолай Евграфовичъ получилъ уже командировку въ академію?

— Нѣтъ...—вся зардѣвшись и смутившись, отвѣтила Серединская. — То - есть, да... онъ получилъ, третьяго дня. И онъ тоже ѣдетъ...

— Какъ—тоже?

— Ну, да, онъ ѣдетъ. Только я не съ нимъ... то-есть, я одна ѣду, раньше его. Я ѣду послѣ завтра.

— А!..—протянула Запольская, въ свою очередь смутившись, такъ какъ поняла, въ чемъ дѣло.

И гостья ей показалась еще противнѣе. Какъ женщина, уязвленная въ своихъ чувствахъ, она никогда не могла простить мужскихъ увлеченій, и презирала замужнихъ женщинъ, заводившихъ нелегальные романы. Ей инстинктивно были ненавистны женщины, разрушающія свой семейный очагъ. Развѣ она въ состояніи была бы измѣнить мужу и уйти изъ дома? Да никогда ей даже въ голову не могла придти такая мысль! Да и Кабѣевой — тоже! Она взглянула на Кабѣеву и потомъ на себя въ зеркало, поставленное на каминѣ. Обѣ онѣ были такія некрасивыя, у обѣихъ были такія скучныя лица, приниженныя неудачно сложившейся жизнью! Можетъ быть, и не ихъ вина, что онѣ—такія вѣрныя и строгія семьянинки. Вѣдь, если нѣтъ матеріала для преступленія, то нѣтъ и самого преступленія. Еслибы она, напримѣръ, была такъ же интересна, какъ вотъ эта Серединская, можетъ быть, и она съумѣла бы увлечься какимъ-нибудь офицеромъ... Но она—типъ жены-весталки, которая на всю жизнь обязана поддерживать священный огонь домашняго очага; мужчины проходятъ мимо такихъ весталокъ, совершенно ими

не заинтересовываясь. И вотъ, можетъ быть, почему онѣ остаются весталками.

Ей сдѣлалось какъ-то досадно на самоё себя, на свою судьбу, на ту блѣдную, безцвѣтную, хотя и почтенную роль, которая ей выпала въ комедіи жизни.

И ей неудержимо захотѣлось пофилософствовать.

— Да, — сказала она, обращаясь къ Кабѣевой и какъ бы игнорируя Серединскую.—Петербургъ—это такъ далеко и прекрасно! Я сама когда-то въ немъ жила, и тогда онъ не казался мнѣ прекраснымъ... Мнѣ было въ немъ тѣсно и душно. Въ немъ много холода, кашля и тумановъ. Противныхъ желтыхъ тумановъ, которые захолаживаютъ душу, какъ эѳиромъ. Въ особенности, женскую душу. Я рвалась въ провинцію, гдѣ, мнѣ казалось солнце должно свѣтить ярче и теплѣе... И люди мнѣ казались въ провинціи ярче и теплѣе. И когда я строила свою жизнь, мнѣ еще казалось, что это такъ просто, такъ легко. Нужно только любить и честно относиться къ жизни!.. А вѣдь какой это вздоръ! Люди—вездѣ люди, и если ты захочешь прожить свято и честно, то тебѣ просто не дадутъ этого... вотъ и все! Правда, Анна Николаевна?

Но Кабѣева врядъ ли слушала ее. Она думала о своихъ дѣлахъ, и даже пришла сюда, чтобы загасить эти назойливыя думы, чтобы немного разсѣяться.

Она улыбнулась и кивнула головой.

Запольская, увлекаясь краснорѣчіемъ, продолжала:

— Люди сами себѣ портятъ жизнь, воображая, что жизнь—игрушка, которую можно по капризу сломать, чтобы полюбопытствовать, что̀ находится внутри. И какъ это легко сломать!.. А вотъ возстановить трудно...—Она немножко запуталась. Ей хотѣлось поговорить о себѣ и поговорить такъ, чтобы ее пожалѣли, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ей не хотѣлось казаться несчастной или брошенной,—это слишкомъ бы унизило ея женское самолюбіе.—Я думаю, — продолжала она, — что Петербургъ хорошъ, какъ хороша и провинція, для тѣхъ, у кого хорошо на душѣ. А на душѣ хорошо у тѣхъ людей, у кого чиста совѣсть. А совѣсть можетъ быть чистою только у того, кто не причинилъ горя ближнему. Но много ли такихъ людей?

Она посмотрѣла на Серединскую.

„Какая она скучная,—подумала Серединская, которой вдругъ сдѣлалось грустно,—и какъ она много говоритъ неинтересныхъ вещей“!

— Міръ такъ созданъ,—продолжала Запольская,—что тѣло

надо покрывать одеждой, а душу—ложью... Иначе тебя не поймутъ и сочтутъ циничнымъ. Только безстрашный человѣкъ можетъ посмотрѣться въ зеркало своей души, да и то въ тѣ рѣдкія минуты, когда онъ остается самъ съ собою и самимъ собою и когда снимаетъ съ души покровы лжи...

Теперь Кабѣева вслушалась въ ея слова.

— Вы слишкомъ мрачно смотрите на жизнь,—сказала она тихимъ, спокойнымъ голосомъ.—И на человѣка.

„Она смотритъ на жизнь, какъ гусь на молнію",—вспомнилось Серединской вдругъ это сравненіе, которое она услыхала недавно отъ Вихорева. И ей сдѣлалось такъ смѣшно, что захотѣлось расхохотаться, но она удержалась, и громкій смѣхъ, готовый вырваться изъ ея груди, превратился въ улыбку, которую она не могла подавить.

„Какая несерьезная женщина!—съ пренебреженіемъ подумала о ней Запольская, замѣтивъ ея улыбку:—вѣдь вотъ какъ ее разбираетъ отъ счастья! Какъ будто Вихоревъ—счастье"!

— Отчего мрачно?—спросила она, недовольнымъ тономъ, у Кабѣевой.

— Такъ, мрачно,—отвѣтила та.—Мнѣ кажется, для жизни придумываютъ много разныхъ умныхъ сравненій и картинныхъ символовъ. А весь смыслъ—въ томъ, чтобы прожить счастливо, а проживши счастливо, умереть спокойно. Это можетъ быть мѣщанское разсужденіе, но я не умѣю иначе думать. Если мой мужъ здоровъ и ребенокъ тоже, то я не могу представить себѣ счастья полнѣе.

— А если этого нѣтъ, коли ужъ все дѣло только въ здоровьи?

— Ну, тогда это несчастье... Но не потому несчастье, что моя жизнь отъ этого страдаетъ, а потому что страдаетъ жизнь близкихъ мнѣ людей. Я не умѣю это объяснить, а только я чувствую... Мнѣ все равно, какъ сложится моя личная жизнь, лишь бы любимый мной человѣкъ былъ счастливъ, и мой ребенокъ тоже. Вы меня не понимаете? А я не умѣю объяснить это лучше.

— Позвольте, не у всѣхъ женщинъ есть ребенокъ,—возразила Запольская, и это было самымъ больнымъ мѣстомъ ея жизни,—и не у всѣхъ же есть, наконецъ, мужъ... Въ чемъ же счастье такой одинокой женщины?

— Да въ томъ же,—въ счастьи другихъ. Такія женщины должны идти въ сестры милосердія, въ сидѣлки, въ учительницы... Такія женщины должны быть счастливы тоже счастьемъ

другихъ. По моему, счастье не внутри насъ... не въ насъ, а внѣ насъ. Если кругомъ меня счастливы, то это отражается на моей душѣ. Вы понимаете? Какъ бы это объяснить? Ну, вотъ, хотя бы самая обыкновенная травка, освѣщенная весеннимъ солнцемъ, кажется такой красивой, такой счастливой!.. А вечеромъ она кажется такой сѣрой, пыльной! Ну, я не умѣю лучше объяснить. Это скорѣе чувствуется, чѣмъ понимается.

Кабѣева сконфузилась и замолчала.

Запольская взглянула на Серединскую и засмѣялась.

— Вотъ Екатерина Ивановна, я думаю, сидитъ и удивляется: что̀ это мы такъ расфилософствовались, когда она носитъ лучъ солнца въ душѣ своей?.. Смотрите, какъ она сіяетъ, точно она вся изнутри освѣщена. Это вы такъ Петербургу радуетесь?

— Нѣтъ, отчего?—вдругъ вся зардѣвшись, возразила Серединская, не ожидавшая, послѣ всѣхъ этихъ философствованій, такого прямого обращенія къ себѣ.—То-есть, да... я не знаю, мнѣ вообще весело какъ-то на душѣ... Однако, я у васъ засидѣлась. Ну, такъ прощайте... Послѣ завтра я уѣзжаю.

Она поспѣшно встала, словно боясь, чтобы ее насильно не задержали, и упрекая себя въ томъ, что такъ долго могла сидѣть, среди этихъ скучныхъ „медицинскихъ женъ“, со своей весной на душѣ. Вотъ и она была недавно медицинской женой, и, вѣроятно, тоже превратилась бы, „при благосклонной помощи“ Ермолая Евграфовича, въ такую же скучную женщину. Но теперь скоро, скоро она будетъ уже офицерской женой. И при этой мысли она почувствовала радость.

Запольская ее не удерживала и, холодно поцѣловавшись, простилась съ нею.

Серединская выбѣжала изъ ея дома, точно изъ душнаго, сырого погреба. На улицѣ было такъ хорошо! Такъ еще свѣтло и такъ прозраченъ былъ воздухъ лѣтняго вечера! Точно весь городъ вымылся послѣ дождя и смотрѣлъ такимъ помолодѣвшимъ, такимъ праздничнымъ!

„И какъ имъ тамъ не стыдно сидѣть въ скверной комнатѣ и разводить скверную философію!—подумала она.—И что̀ это мнѣ за фантазія пришла—прощаться съ ними“?

Она томилась эти дни ожиданіемъ. Ей не съ кѣмъ было подѣлиться своимъ счастьемъ, а ей хотѣлось кричать о немъ всѣмъ и каждому. Но кому же? Дома она говорила съ мужемъ, который нисколько наружно не измѣнился къ ней, но они говорили о самыхъ обыденныхъ, нейтральныхъ вещахъ. Не могла же она говорить съ нимъ о своемъ счастьи? И вообще, надо

было скрывать отъ людей свое счастье, нигдѣ не показываться съ Вихоревымъ, чтобы не давать пищи злымъ языкамъ до поры до времени. А это было такъ трудно. Вихоревъ получилъ уже переводъ въ Петербургъ. И черезъ день они уѣдутъ съ разными поѣздами,—она даже поѣдетъ днемъ раньше и будетъ ждать его въ ближайшемъ городѣ, гдѣ ее никто не знаетъ. И какъ это такъ вдругъ и такъ хорошо устроилъ все съ мужемъ Вихоревъ?

А пока она видалась съ нимъ за городомъ, въ паркѣ, гдѣ былъ ресторанъ и играла музыка. Но публики тамъ было немного, да и они всегда выбирали самыя отдаленныя аллейки. И чего, чего они не говорили тамъ другъ другу! И какъ весело имъ было жить, и какъ хорошъ былъ этотъ немного запущенный паркъ въ эту раннюю пору лѣта, въ особенности когда всходила за деревьями луна и когда, сквозь густыя чащи зелени, долетали до нихъ звуки мелодіи городского оркестра! Такъ легко говорилось подъ эти звуки и даже выходило что-то въ родѣ мелодекламаціи. А Серединскій? Ну, что-жъ, немного жаль было его, но вѣдь онъ такъ легко уступилъ,—значитъ, ужъ онъ вовсе ее не такъ любилъ... Да и она сознаетъ, что онъ будетъ счастливѣе безъ нея и свободнѣе предастся своимъ любимымъ занятіямъ. А въ Петербургѣ теперь какъ хорошо! И въ особенности ночью на набережной Невы, этой тихой, задумчивой широкой Невы, которая точно дремлетъ въ своихъ гранитныхъ берегахъ въ тихую бѣлую лѣтнюю ночь...

Ахъ, бѣлыя ночи! Чтò это за прелесть, чтò это за пауза между грезой и дѣйствительностью!...

Эта широкая стальная лента Невы между плоскимъ пейзажемъ острововъ, это далекое спокойное море и это блѣдное, грустное небо, разостлавшееся надъ столицей, тонущей въ безсильныхъ сумеркахъ, въ которыхъ словно искусной рукой перемѣшаны дневной свѣтъ съ ночной тьмою,—все это вдругъ такъ отчетливо воскресло въ воображеніи Серединской. Долго, долго она была лишена этого ощущенія бѣлыхъ ночей, знакомыхъ только петербуржцу, и душа ея тосковала по этому полуночному свѣту, когда такъ сладко и такъ грустно мечтается, когда не хочется спать, а тянетъ на улицу, на Острова. Время медленно шло въ захолустномъ уголкѣ южной Россіи, гдѣ были такъ ординарны смѣны дней и ночей, гдѣ дни были свѣтлы а ночи темны; и образъ этихъ необыкновенныхъ бѣлыхъ ночей сталъ уже исчезать изъ ея души. Но, вотъ, теперь она вспомнила о нихъ, и сердце ея радостно, радостно забилось, какъ въ предвкушеніи чего-то необычайнаго, давно, давно жданнаго...

Запольская обрадовалась, когда вслѣдъ за Серединской ушла и Кабѣева. Ей было не по себѣ между двумя этими женщинами, и хотѣлось давно уже остаться одной. Вообще она привыкла, въ послѣднее время, къ одиночеству. Душа ея была омрачена и обижена, но чужіе люди не понимаютъ сердечныхъ обидъ; у каждаго человѣка есть свое горе, съ которымъ онъ охотно носится, и каждому свое горе кажется огромнымъ, а чужое—еще сноснымъ и терпимымъ.

Запольская осталась одна. Она сама зажгла лампу и подсѣла къ столику. Это были самые томительные часы, въ которые она не знала, чтò дѣлать.

На столикѣ лежала мѣстная губернская газета, принесенная утромъ и никѣмъ еще не развернутая. Запольская нѐхотя взяла газету и развернула ее. Въ мѣстной газетѣ рѣшительно не о чемъ было читать обыкновенному обывателю. Сначала шли правительственныя распоряженія, потомъ распоряженія мѣстнаго начальства, потомъ городская хроника—вялая, извѣстная и скучная, наконецъ, фельетонъ—обозрѣніе историческихъ журналовъ или статья о благоустройствѣ города, или описаніе губернаторской поѣздки, изъ которой ясно было видно, что мѣстный губернаторъ—не просто губернаторъ, а нѣчто въ родѣ мудраго и благодѣтельнаго Гарунъ-аль-Рашида. На четвертой страницѣ былъ отдѣлъ „Театръ и Искусство"—единственный отдѣлъ, читавшійся подписчиками.

И теперь взоръ Запольской упалъ на этотъ отдѣлъ. Мѣстный театральный критикъ описывалъ отъѣздъ опереточной труппы изъ города; онъ описывалъ прощанье и проводы на вокзалъ и, по примѣру столичныхъ газетныхъ „обозрѣвателей", писалъ: „мы замѣтили многихъ изъ нашихъ цѣнителей искусства, пожелавшихъ проводить симпатичныхъ артистовъ, такъ удачно развлекавшихъ наши досуги въ этомъ сезонѣ. Назовемъ au hasard"... Слѣдовало перечисленіе именъ, и Запольская жадно читала эти мелкія строки, но имени ея мужа не было среди нихъ. Она съ облегченіемъ вздохнула и принялась читать дальше.

Критикъ сожалѣлъ, что въ будущемъ сезонѣ въ городскомъ театрѣ не будетъ больше оперетки, „по мудрому рѣшенію нашей городской думы, хмуро рѣшившей лишить публику возможности посмѣяться здоровымъ, освѣжающимъ смѣхомъ и наслаждаться легкими, граціозными мелодіями. Наши эдилы вообще настроены сумрачно, и во всемъ желаютъ видѣть драму, но слѣдовало бы имъ считаться и съ вкусами огромнаго большинства публики. Наши отцы города не могутъ намъ дать выдающихся драмати-

ческихъ артистовъ, при которыхъ только и возможно наслаждаться драмой; въ посредственномъ исполненіи драма, при ея современномъ репертуарѣ, вещь невыносимая. У каждаго есть своя драма въ жизни, и каждый изъ насъ желаетъ идти въ театръ не для того, чтобы разстроивать себѣ нервы, а напротивъ, для того, чтобъ ихъ себѣ настроить..."

И все въ этомъ родѣ. Далѣе драмоненавистникъ сообщалъ свѣдѣнія о покинувшей городъ опереточной труппѣ.

„Госпожа Денницына,—писалъ онъ,—эта изящная и тонкая артистка лирическаго жанра, имѣвшая у насъ такой выдающійся успѣхъ, приглашена на будущій сезонъ на одну изъ нашихъ далекихъ окраинъ—въ городъ Елисаветполь..."

Запольская опустила газету.

— Судьба!—прошептала она, ехидно усмѣхнувшись.—Мой супругъ будетъ имѣть удовольствіе встрѣтиться съ ней тамъ!

Она знала, что назначеніе мужа состоялось раньше приглашенія въ Елисаветполь Денницыной. Она знала и о ихъ разрывѣ; слѣдовательно, все это состоялось не по уговору и соглашенію, а само по себѣ, независимо отъ нихъ.

— Судьба... видно, судьба!—сказала она еще разъ и въ порывѣ досады скомкала газету и отшвырнула ее далеко отъ себя.

XIII.

Инославскій вернулся домой очень разстроенный.

Его вызывалъ къ себѣ командиръ полка и предъявилъ ему новое замѣчаніе медицинскаго инспектора; по представленнымъ отъ полка вѣдомостямъ, въ медицинскомъ окружномъ управленіи было усмотрѣно, что въ полку не прекращается трахома, и это было отнесено на недостаточный надзоръ со стороны врача.

Командиръ полка не ладилъ съ Инославскимъ, и не безъ нѣкотораго удовольствія поговорилъ съ нимъ на эту тему. Инославскій обидѣлся.

— Но позвольте, полковникъ,—сказалъ онъ,—вѣдь не я ли вѣчно хлопоталъ объ отправленіи нижнихъ чиновъ въ госпиталь? А мнѣ вѣчно чинили препятствія... Въ чемъ же моя вина?

— Помилуйте, докторъ,—возразилъ полковникъ,—вы готовы мнѣ всѣхъ нижнихъ чиновъ помѣстить въ госпиталь. Съ кѣмъ же я тогда останусь, позвольте спросить? У насъ скоро инспекторскій смотръ и теперь люди проходятъ курсъ стрѣльбы, а вы ихъ гоните въ госпиталь. Если процентъ попадаемости будетъ

въ моемъ полку меньше, чѣмъ въ другихъ, этимъ мы будемъ вамъ обязаны...

— Но позвольте!—перебилъ его Инославскій.—Вотъ, вы требуете, чтобы я не отправлялъ людей въ госпиталь, а медицинскій инспекторъ требуетъ, чтобы въ полку не было трахомы. Трахома передается... Какъ все это согласить? Вотъ!..

— Ну, ужъ этого я не знаю. Нужно отличать больныхъ отъ симулянтовъ. А вы, очевидно, этого не дѣлаете.

Выходила какая-то неразбериха, и Инославскій былъ ужасно разогорченъ.

Онъ грузно всталъ, нескладно поклонился и сказалъ:

— Объ этомъ позвольте мнѣ судить... Если всѣ — отъ гг. офицеровъ до полкового командира—будутъ вмѣшиваться въ мои спеціальныя распоряженія, то какъ я могу за что-нибудь отвѣчать?

И онъ хотѣлъ уйти. Но командиръ, на прощанье, сдѣлалъ ему еще замѣчаніе, что онъ явился къ нему не по формѣ одѣтымъ, безъ шашки.

Инославскій ушелъ совсѣмъ разогорченный. Относительно формы у него всегда выходили недоразумѣнія: онъ носилъ слишкомъ длинные волосы и всклокоченную, „некультурную" бороду. Командиръ часто просилъ адъютанта по-товарищески намекнуть врачу, что не мѣшало бы привести его шевелюру въ болѣе благоустроенный видъ. Адъютантъ ужасно не любилъ такихъ порученій и конфузился ихъ. Онъ всегда подходилъ къ вопросу издалека и спрашивалъ Инославскаго:

— Ѳаддей Ѳаддеевичъ, развѣ вамъ не жарко въ такихъ волосахъ?

— Нѣтъ, а что?—говорилъ добродушно Инославскій.—Нѣтъ, ничего, я привыкъ. А что? Развѣ длинны?

— Я бы не могъ носить такихъ. Къ военному мундиру это, знаете, какъ-то не идетъ.

— А я привыкъ. Да и некогда... забываешь...

Адъютантъ незамѣтно направлялся въ улицу, гдѣ была парикмахерская, и говорилъ ему:

— А вотъ и Фигаро. Не зайдемъ ли себя облагообразить? За компанію? Мнѣ побриться надо...

— А что-жъ не зайти? Зайдемъ.

Они заходили, и адъютантъ выискивалъ случай, чтобы сказать потихоньку парикмахеру:

— Доктора остриги-ка покороче: онъ не замѣтитъ.

И доктора стригли, и онъ, дѣйствительно, не замѣчалъ.

Только ужъ когда вставалъ, то обрушивался на парикмахера:

— Эка оголилъ какъ!—смотрясь въ зеркало, говорилъ онъ.— Развѣ такъ можно? Вѣдь я простудиться могу! Волосъ предохраняетъ, а ты что сдѣлалъ? На кого я похожъ сталъ?

Но Симочка, увидя его въ такомъ омоложенномъ видѣ, хлопала въ ладоши, радостно взвизгивала и приходила въ восторгъ.

— Ахъ, Ѳаддей, тебя узнать нельзя! Вотъ прелесть! Это ужъ навѣрно тебя Сергѣй Васильевичъ уговорилъ?

— А онъ же, конечно. Онъ тоже говорилъ, будто хорошо.

— Конечно, хорошо!

Инославскаго вообще стѣсняла военная форма, и онъ никогда не могъ поручиться, что не сотворитъ какого-нибудь нарушенія въ ней: то являлся на службу безъ шашки, то вдругъ забывалъ при представленіи къ начальству „воткнуть" въ мундиръ эполеты; то вдругъ явился, однажды, на полковой праздникъ въ тужуркѣ, и адъютанту пришлось его деликатно выпроваживать изъ офицерскаго собранія.

Инославскаго тяготила не только форма, но и военная служба. Уже давно, тогда еще въ медицинскомъ обществѣ, когда ему въ первый разъ сказалъ покойный Левченко о службѣ по земству, ему въ голову запала эта мысль. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно возвращался къ ней мысленно, но никогда еще не рѣшался прямо поговорить о ней съ Симочкой. Такъ, намеками, туманными фразами, онъ дѣлалъ еще попытки пускать пробные шары, но ничего изъ этого путнаго не выходило.

— Завидую я, Симочка, коллегѣ Левченкѣ,—говорилъ онъ.

— Въ чемъ это, Ѳаддей?

— А какъ же! Онъ въ деревнѣ, на вольномъ воздухѣ, дѣлаетъ свое хорошее дѣло, да и самъ свободенъ какъ воздухъ...

— Вздоръ какой! Развѣ можетъ быть человѣкъ свободенъ какъ воздухъ? Онъ зависитъ отъ земства... И деревня! Фу!... Вотъ ужъ еслибы я была женой Левченки, то потребовала бы, чтобы онъ бросилъ эту службу, или развелась бы съ нимъ...

— Да ты, Симочка, никогда не жила въ деревнѣ?

— И не желаю... Да и ты никогда не жилъ. Что же ты въ такомъ восторгѣ?

— Какъ это я не жилъ? Когда мой отецъ былъ деревенскимъ попомъ?

Симочка морщилась. Она терпѣть не могла этихъ воспоминаній. Она была дворянкой, кончила курсъ въ одесскомъ институтѣ, но, по бѣдности, принуждена была отправиться въ Петербургъ, искать себѣ мѣста гувернантки. Здѣсь она и встрѣти-

лась съ Инославскимъ, который былъ знакомъ въ домѣ, гдѣ она служила; будучи студентомъ пятаго курса, онъ лечилъ „по знакомству“ отъ какого-то легкаго нездоровья ея воспитанника. Огромному, неуклюжему и нескладному студенту понравилась эта хрупкая и безцвѣтная институтка, и они вскорѣ поженились, какъ только онъ окончилъ курсъ.

Она оказалась очень хорошей и преданной женой и весьма плодовитой матерью.

— Такъ что-жъ, что попомъ?—возражала Симочка.—Когда это было? Еще до того, какъ ты поступилъ въ семинарію. Я думаю, пора ужъ и забыть объ этомъ.

Но сегодня, въ конецъ разозленный, Инославскій возвращался домой не только разстроенный, а и неся въ душѣ своей твердое рѣшеніе уйти со службы въ земство. Еще до того, какъ идти домой, онъ зашелъ въ полковую канцелярію и написалъ прошеніе въ земство о своемъ желаніи занять открывшуюся, за смертью Левченки, вакансію. Земство вызывало желающихъ и сообщало о томъ, что съ 1-го января слѣдующаго года жалованье врачу будетъ увеличено на 180 рублей въ годъ.

И только написавъ прошеніе, Инославскій одумался. Какъ это онъ такъ рѣшился? И что̀ скажетъ Симочка? И какъ ей сообщить объ этомъ?

Придя домой, онъ долго мялся и не зналъ, какъ приступить къ дѣлу.

По обыкновенію, его встрѣтила Симочка, въ блѣдно-голубомъ капотѣ, который блѣднилъ еще больше ея безкровное лицо. Куча дѣвочекъ всѣхъ возрастовъ облѣпила Инославскаго. Онъ сѣлъ, взялъ младшихъ двухъ на колѣни и сталъ ихъ, неуклюжимъ движеніемъ толстыхъ ногъ, подкидывать. Поднялся хохотъ, визги; дѣвочка постарше начала трясти его за могучія плечи, четвертая взлохматила ему на головѣ волосы, а старшія принимали участіе въ этой вознѣ. Поднялся настоящій содомъ. Въ этой вознѣ принимала участіе и Симочка. Кухарка ужъ знала, что когда въ комнатѣ идетъ такой адъ, то это значитъ, что баринъ вернулся и что надо готовиться отпускать обѣдъ.

Въ эту минуту возвращенія Инославскаго со службы, въ домѣ его наступало настоящее веселье. Онъ не чувствовалъ тяжести быть отцомъ семерыхъ дѣвочекъ, которыхъ любилъ страстно и всѣхъ одинаково, хотя иногда путалъ—и то, кажется, больше для комизма—ихъ имена. Тогда дѣвочки заливались неистовымъ смѣхомъ.

Потомъ всѣ садились обѣдать. Это былъ цѣлый табльдотъ, и

кухарка получала двойной окладъ жалованья противъ существовавшихъ въ городѣ цѣнъ на этотъ трудъ.

Инославскій ѣлъ много, такъ много, что приводилъ въ изумленіе тѣхъ, кому приходилось съ нимъ обѣдать въ первый разъ. Онъ одинъ готовъ былъ съѣсть цѣлую миску щей и фунта полтора солдатскаго хлѣба, который онъ добывалъ въ полку и очень любилъ. Какъ бы въ противовѣсъ ему, Симочка ѣла мало и воздержно.

Послѣ обѣда дѣвочки уходили гулять, подъ предводительствомъ старшей, и тогда офицеры, попадавшіеся имъ на улицахъ, говорили:

— Смотрите, вонъ ремонтъ Инославскаго идетъ! Найдется ли столько жениховъ въ Россіи?

Когда дѣвочки ушли, Инославскій, наконецъ, рѣшился.

Онъ энергично откашлялся, для приданія себѣ бодрости, раза два крякнулъ и сказалъ:

— Симочка! Ты знаешь, вѣдь Левченко умеръ...

Она посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ.

— Знаю, Ѳаддей. А что-жъ изъ того?

— Ну, такъ, вотъ, земство ищетъ врача.

Она насторожилась.

— Ну, конечно, нужно же его замѣстить...

— Я не знаю, какъ ты отнесешься: у меня опять вышла исторія съ командиромъ. И крупная. Что-же? Вѣчно мнѣ тянуть эту лямку? Вотъ я и написалъ прошеніе...

— Какое прошеніе, Ѳаддей?

— А вотъ такое, что я прошусь въ земство. То-есть, на мѣсто Левченки... И представь, жалованья будетъ прибавлено съ слѣдующаго года,—поспѣшилъ онъ сказать,—на 180 рублей больше.

Симочка вдругъ часто-часто замигала, и на ея блѣдныхъ вѣкахъ повисли слезы. Онъ никогда не могъ равнодушно видѣть ея слезъ, и она это знала, и, кажется, слегка злоупотребляла этимъ сильно дѣйствующимъ средствомъ.

— Вотъ ужъ не ожидала, вотъ ужъ не ожидала!—заговорила она, какъ-то странно всхлипывая. — Что ты сдѣлалъ, Ѳаддей! Какъ же это возможно...

— Да не плачь же, Симочка, ради Бога! Ну, что-жъ тутъ особеннаго? Кому же нибудь надо служить въ деревнѣ?..

— Ну, пусть кто-нибудь и служитъ. А зачѣмъ же ты?

Она расплакалась окончательно.

Инославскій растерялся, схватилъ стаканъ съ водой, сталъ

ее поить. У нея зубы стучали о край стакана, и она дѣлала истеричные глотки, такъ что ему казалось, что она сейчасъ задохнется.

— Ну... ну... вотъ!—говорилъ онъ.—Ну, успокойся, Симочка. Вѣдь чего же, въ самомъ дѣлѣ? Какъ будто ужъ нельзя поговорить толкомъ... Прошеніе я написалъ, а вѣдь можно и отказъ написать. Да и согласіе-то еще когда придетъ! Вотъ... Ну, что? Легче стало? Экая какая ты нервная у меня!... Вотъ тебѣ-то больше всего и нужна была бы деревня. И дѣвочкамъ... Ну, ну, не буду! Давай, поговоримъ спокойно! Ну, если ты мнѣ докажешь, то и не надо... Брошу. Ты только не плачь. Въ деревнѣ же воздухъ какой! Вотъ, ѣздилъ я на дняхъ—не надышешься! Дѣвочки плохо ѣдятъ, вялы, блѣдны. Тамъ поздоровѣли бы. Хорошо!

Онъ волновался и говорилъ еще нескладнѣе, чѣмъ обыкновенно.

Симочка перестала плакать, рѣшивъ приберечь это оружіе къ концу, если оно потребуется.

— Хорошо?—переспросила она.—Хорошо, напримѣръ, что Левченко умеръ отъ дифтерита? Что же, ты хочешь, чтобы и дѣвочки наши... Да вѣдь твоя хваленая деревня пропитана дифтеритомъ. А если не дифтеритъ, такъ тифъ! Да я буду тамъ дрожать съ утра до вечера и ни одной ночи не спать. Къ намъ будутъ ходить мужики и бабы, и каждый непремѣнно съ заразой... Что-жъ, тебѣ мужики дороже дѣвочекъ? Ахъ, Ѳаддей, Ѳаддей!..—голосъ ея опять сталъ слезливымъ.—И какъ же мы будемъ жить на такое мизерное жалованье?

— Насчетъ эпидемій, это ты вѣрно,—подумавъ, согласился Инославскій.—Это вѣрно. Жалованье? Жалованье небольшое, да зато жизнь тамъ дешевле. То-есть, никакого сравненія. Вотъ и мундиръ, и шашку—все это по боку. И хорошо какъ,—воздухъ тамъ какой, зелень, не то, что у насъ... Развѣ у насъ воздухъ? Такъ, кисель какой-то...

Симочка покачала отрицательно головой.

— Нѣтъ, нѣтъ,—твердо сказала она.—Если ты меня любишь, Ѳаддей, и дѣтей если любишь,—ты не сдѣлаешь этого. Наконецъ — это же безуміе. Я хочу, чтобы ты былъ генераломъ, и чтобы твои дѣти были генеральскими дочками, а меня бы звали „ваше превосходительство".

Онъ съ изумленіемъ взглянулъ на нее, думая, что она шутитъ. Но Симочка говорила серьезно, гораздо серьезнѣе даже, чѣмъ говорила о возможности заразиться дифтеритомъ.

— Ты теперь коллежскій совѣтникъ. Тебѣ недалеко и до

статскаго. И это вдругъ все бросить ради тамъ какихъ-то мужиковъ? Да ни за что на свѣтѣ!... Ну, скажи,—ты откажешься? Да?

Онъ молчалъ въ нерѣшительности.

— Какъ же такъ? Это, выходитъ, скажутъ обо мнѣ, что я какой-то мальчишка, самъ не знаю, что̀ дѣлаю... То прошусь, то отказываюсь... Надо подумать.

Но Симочка стала вдругъ такъ плакать, словно открылись всѣ шлюзы. Инославскій опять растерялся, и это уже было послѣднимъ ея аргументомъ: она знала, что онъ не устоитъ.

А тутъ еще вернулись дѣти съ прогулки; двѣ маленькія, увидя мать въ слезахъ, приготовились къ вою. Онѣ настроили свои личики на минорный ладъ, сморщили щеки, оттопырили губы и съузили глаза. И полились слезы; среднія поддержали и у старшихъ покраснѣли глаза. Дѣвочки не знали, въ чемъ дѣло, но разъ ужъ плакала мать, то отчего и имъ не поплакать: это всегда доставляетъ нѣкоторое удовольствіе, въ особенности если дружно и хоромъ.

Тутъ ужъ поднялась такая симфонія слезъ, пошли такія тональности, что Инославскій пришелъ въ полное отчаяніе. Онъ бѣгалъ по комнатѣ, какъ насѣдка, пресмѣшно махалъ руками, точно крыльями, разбилъ стаканъ съ водой, что̀ вызвало неожиданный смѣхъ у маленькихъ, и эта яркая, свѣтлая нотка смѣха, ворвавшаяся въ симфонію плача, измѣнила все дѣло. Среднія подхватили смѣхъ, старшія улыбнулись, и всѣ разомъ, словно по волшебству, расцвѣли.

И когда раздался звонокъ и явился Серединскій, то онъ засталъ уже обычную картину „Инославскаго благополучія“: самъ Инославскій походилъ, лежа на диванѣ, на извѣстную классическую группу волосатаго Нила, усѣяннаго маленькими существами; это былъ гигантъ, окруженный лилипутами, и онъ страшно разѣвалъ ротъ и чавкалъ губами, симулируя людоѣда. Дѣвочки визжали и пищали, прятались подъ диванъ, потомъ наскакивали на отца, и въ комнатѣ стоялъ настоящій адъ.

Симочка, успокоенная, улыбающаяся, увѣренная въ выигрышѣ дѣла, казалась теперь миловиднѣе въ своемъ голубомъ капотѣ. Слезы очень не шли ей, и если бы она это знала, то, конечно, рѣже употребляла бы это сильное средство для обузданія мужа.

— Ермолай Евграфовичъ!—воскликнула она, завидя Серединскаго.

Серединскій остановился у входа въ комнату и изъ дверей любовался картиной семейнаго Инославскаго благополучія. Сердце его сжалось. Онъ тоже былъ въ душѣ большой семьянинъ и

страстно любилъ жену и дочь. Злая судьба оторвала отъ него и то, и другое, и больное чувство зависти закралось въ его душу.

— Дѣти, брысь!—зычнымъ голосомъ зарычалъ на дѣвочекъ Инославскій. — Вотъ чужой дядя пришелъ, что вы меня конфузите?

Дѣвочки засмѣялись и разсыпались, словно испуганные зайчата или выпавшія изъ раскрывшейся коробки куклы. Потомъ онѣ чинно раскланялись съ „чужимъ дядей“, котораго, конечно, знали, но не особенно любили за его вѣчно сумрачный видъ, и одна за другой, гуськомъ, вышли изъ комнаты.

— Я къ вамъ, коллега, на минутку, — глухимъ голосомъ сказалъ Серединскій.

— Прошу, прошу! Вы видите, я ничѣмъ не занятъ. Эти маленькія мартышки навозились достаточно, — онѣ бы меня въ конецъ замучили.

Серединскій поздоровался съ Симочкой, которая тотчасъ же вышла.

Она тоже не особенно любила угрюмаго Серединскаго, и не любила его жены, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ ея увлеченіе Вихоревымъ стало извѣстно въ городѣ.

— Садитесь-ка сюда,—подвигаясь на диванѣ, сказалъ Инославскій.—У меня тутъ сейчасъ цѣлая исторія была.

— Гм... да?

— Да... Все вышло изъ-за того, что мнѣ вздумалось проситься на мѣсто покойнаго товарища Левченко.

Серединскій вдругъ взялъ его за руку.

— Какъ? Вы—на мѣсто Левченко? — Да вѣдь это именно мнѣ пришла эта идея! Я и зашелъ, чтобы поговорить съ вами: вы знали Левченко и бывали тамъ. Я хотѣлъ знать нѣкоторыя подробности; я писалъ уже предсѣдателю и получилъ отъ него отвѣтъ. Но если вы... гм!... Тогда я не стану, конечно, перебивать. Да... Что жъ дѣлать, поищу другого чего...

Инославскій, въ свою очередь, былъ удивленъ.

— Вы, Ермолай Евграфовичъ, хотите въ земство? Да нѣтъ, нѣтъ, обо мнѣ нѣтъ рѣчи. Это, оказывается, я зря поступилъ. Симочка ни за что не хочетъ. Чего тутъ перебивать? Но какъ же вы-то?

— Гм! Я - то? — отвѣтилъ Серединскій. — Да такъ, очень даже просто. Вотъ, сидѣлъ, сидѣлъ, да и рѣшилъ. Отчего мнѣ не пойти въ земство? Я даже удивляюсь, что вы говорите, будто отказываетесь. Ни вамъ, ни мнѣ не везетъ на военной службѣ. Вѣчныя неудовольствія...

Онъ хмуро замолкъ, видимо стѣсняясь сказать главное, что у него было на душѣ.

— Все это такъ!—возразилъ Инославскій.—Но вы хотѣли пойти въ академію. Какъ же съ этимъ?

Серединскій махнулъ рукой.

— А такъ!—сказалъ онъ.—Бросилъ! Не стоитъ.

Инославскій внимательно посмотрѣлъ на него, и Серединскій, видя, что его тайна угадана, не сталъ больше скрываться.

— Ну да, ну да, — проговорилъ онъ, опустивъ глаза:— всѣмъ казалось, будто я работаю для науки и прочее... А я работалъ для... жены! Да!.. Вотъ и кара! Любить-то я любилъ науку, это надо сказать, но жену и ребенка—больше. Для нихъ и хотѣлъ въ Петербургъ. Очень ужъ она Петербургъ любила. Хотѣлъ создать положеніе... Ну, не вышло! Теперь я одинъ. Вѣдь вы знаете, что одинъ?

Онъ поднялъ глаза и рѣшительнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на товарища.

— Знаю,—тихо произнесъ тотъ.

— Гм... Ну, такъ вотъ. Мнѣ не нужны теперь ни Петербургъ, ни академія... И здѣсь не хочется оставаться: зазорно. Всѣ-то на тебя смотрятъ и всѣ такъ сочувственно. Мнѣ не по себѣ. Хочу въ деревню, зарыться въ дѣло,—не въ бумажное, а въ живое дѣло. Это, опять скажете, эгоизмъ. Ну, такъ что же? Всѣ людскія дѣйствія эгоистичны. Думаешь, работаешь во имя чего-то, а выходитъ—для своихъ удобствъ или для удобствъ близкихъ. Всякій нашъ актъ—актъ эгоизма, даже самый альтруистическій. Да...

— Это вѣрно, — сказалъ Инославскій. — Мы не свободны. Вы, вотъ, для жены хотѣли въ Петербургъ. Ну, а я для жены хочу остаться въ городѣ. Она не переноситъ деревни. Что-жъ, заявляйте,—вы мнѣ только услугу окажете.

— Теперь они уже въ Петербургѣ, — точно не слыхавъ словъ товарища, проговорилъ, какъ бы для самого себя, Серединскій.—Да, въ Петербургѣ. Пускай... я не привыкъ стѣснять чужой воли, да и нельзя ее стѣснить. Пока любишь другъ друга, все идетъ какъ по маслу; и дѣлаешь взаимныя уступки, и не замѣчаешь ихъ. Но если одна сторона разлюбила, то силой ничего не подѣлаешь, и бороться—глупо. Нужно разъединить механизмъ, чтобы онъ не сломался... Хоть одно колесо да останется цѣлое.

— Это вы вѣрно, — сказалъ Инославскій,—ну, а пока любишь, надо приносить жертвы... Вотъ Симочка не любитъ де-

ревни,—зачѣмъ я буду ее насильно держать тамъ? Она испортитъ себѣ жизнь, а черезъ то и мнѣ. И дѣло будетъ страдать. Покойный Левченко не понималъ этого: „у каждаго есть своя Симочка", сказалъ онъ мнѣ. Это вѣрно. И у него была тайная любовь. Онъ любилъ Авчарову. А когда я передалъ ей о его послѣднемъ поклонѣ и смерти, она скорчила этакую физіономію и сказала: „Царство ему небесное, а только очень ужъ грубый человѣкъ онъ былъ..."—лучшаго-то не могла ничего и придумать ему въ напутствіе. Вотъ! Но Левченко умѣлъ побѣдить свое личное чувство и геройски дѣлать свое дѣло. Не всѣ же герои и не отъ каждаго можно этого требовать. Я не герой. Берите земское мѣсто. И отчего отъ насъ, врачей, нужно требовать какого-то особеннаго героизма, когда чиновникъ вовсе не герой, и обыватель тоже не герой? Такъ я скажу Симочкѣ, что вы берете мѣсто? Она обрадуется.

— Живешь, живешь, работаешь, работаешь — заговорилъ снова Серединскій, — строишь свою жизнь, и все такъ хорошо выходитъ до поры до времени, а потомъ выходитъ,—все строилъ на пескѣ, и все вдругъ расползлось. Отчего это такъ? Гм? Вотъ для моей жены Петербургъ—какой-то заманчивый миражъ, и другой миражъ—Вихоревъ. И когда она, наконецъ, реализируетъ тотъ и другой миражъ, то ей покажется мало, и у нея образуются другіе миражи. И она будетъ снова стремиться къ этимъ новымъ миражамъ. И такъ всю жизнь, пока не дойдетъ до послѣдняго миража — смерти. Но къ этому никто не стремится, а онъ самъ приходитъ и забираетъ—кто ему нуженъ. И изъ-за чего же эта сутолока-то вся? Гм? Земля наполняется людьми и ихъ дѣлами. А кому это нужно и для чего это нужно?—Онъ развелъ руками.—Въ общемъ, это, пожалуй, глупое недоразумѣніе,—работать на пользу ближняго? Если бы что-нибудь было высшее, для чего надо было бы работать, это было бы понятнѣе. А работать для благополучія ближнихъ—это непонятно. Всѣ мы должны, говорятъ, работать другъ для друга, а для чего, когда мы всѣ здѣсь какъ въ гостинницѣ, на время, проѣздомъ, иногда даже не успѣешь и вещей распаковать, вотъ какъ Левченко.

— Кабѣевъ говоритъ: слишкомъ много людей стало,—въ тонъ ему отвѣтилъ Инославскій,—оттого будто бы и нехорошо жить на свѣтѣ. Душно и тѣсно. И будто бы сумма благъ, въ общемъ, слишкомъ незначительная, черезчуръ дробится и мѣняется на мелочь. Каждому, вмѣсто хорошаго куска, достается кроха̀, и что, будто бы, надо разрѣдить людей на всемъ земномъ шарѣ. Но Кабѣевъ—нездоровый маньякъ.

Теперь оба молчали. Они и сами не знали, почему вдругъ стали такъ неожиданно философствовать.

Вошла Симочка и попросила пить чай. Она съ тревогой и любопытствомъ взглянула на обоихъ.

— Симочка, вотъ Ермолай Евграфовичъ беретъ это земское мѣсто,—сказалъ Инославскій,—а я отказываюсь.

Она чисто по-дѣтски захлопала въ ладоши и радостно засмѣялась. Дѣвочки сторожили у дверей. Какъ только онѣ услыхали смѣхъ, то съ шумомъ ворвались въ комнату и закружили мать, которая не могла вырваться отъ нихъ.

Серединскій задумчиво глядѣлъ на эту сцену, и вдругъ глаза его затуманились. Онъ поспѣшилъ встать и пройти въ столовую.

„Да, можетъ быть, это и есть самое отрадное въ жизни",— подумалъ онъ.

XIV.

Психіатрическая лечебница давно уже пользовалась въ городѣ весьма нелестной репутаціей; больные часто умирали, часто бѣжали, и часто оказывалось, что у того или иного больного были переломаны ребра, или оказывались побои на тѣлѣ. Въ такихъ случаяхъ производилось слѣдствіе, и прокурорскому надзору было много дѣла съ этой лечебницей.

Въ городѣ ее называли „мертвой дачей", и о ней ходили самые темные слухи. Наиболѣе состоятельные родственники отсылали своихъ больныхъ въ Петербургъ и Москву, а на мертвую дачу отправлялись только тѣ, которымъ рѣшительно уже некуда было дѣваться. Даже отбывающіе въ тюрьмѣ въ одиночномъ заключеніи наказаніе неохотно и съ ужасомъ въ душѣ шли на испытаніе въ злополучную городскую лечебницу.

Лечебница эта помѣщалась въ небольшомъ и тѣсномъ зданіи, и масса больныхъ ютилась въ ней со всѣми неудобствами, которыя можно было себѣ только представить. Не существовало прежде всего никакой дисциплины; прислуга была груба, необузданна и сама походила на буйныхъ сумасшедшихъ, оглашая коридоры зданія дикими криками и драками. Вознагражденіе прислуги было мизерное, вслѣдствіе чего на эти должности люди набирались прямо съ улицы; никто изъ нихъ не дорожилъ и не могъ дорожить своимъ мѣстомъ, потому что трудъ былъ, дѣйствительно, каторжнымъ, а жалованье—прямо нищенское.

Самоубійства и побѣги сдѣлались въ послѣднее время такъ часты, что всѣ, и въ городѣ, и въ больницѣ, смотрѣли на это

какъ на самую обыкновенную, заурядную вещь. О больничныхъ непорядкахъ перестали уже писать въ мѣстной газетѣ, въ которой сначала много о нихъ писали; попадались корреспонденціи и въ столичныхъ газетахъ, но надъ лечебницей тяготѣлъ словно рокъ, и никакого дѣйствія эти корреспонденціи не производили. Да и не могли произвести: слишкомъ мало было денегъ и слишкомъ много больныхъ; вслѣдствіе этого приходилось во всемъ урѣзывать содержаніе штата и содержаніе лечащихся. О хозяйственной части лечебницы говорили ужасы: матрацы были невозможно стары, бѣлье грубое и продранное, а уборныя были такъ устроены, что наполняли міазмами коридоры. Необыкновенно было приспособленіе для вентиляціи, устроенное въ самой крышѣ зданія. Когда открывались огромныя отдушины, и притомъ всѣ сразу, то холодный воздухъ врывался сверху и ходилъ по больницѣ. Несмотря ни на какую погоду, вентиляторы оставались открытыми на нѣсколько часовъ кряду, и много слабыхъ больныхъ, остававшихся подъ этимъ воздушнымъ душемъ, отправлялись въ Елисейскія поля, въ жестокихъ инфлуэнцахъ, бронхитахъ и воспаленіяхъ легкихъ.

Марья Ивановна Лось, поступившая недавно на женское отдѣленіе, больше всѣхъ, по новости своего положенія, возмущалась всѣмъ ею видѣннымъ и испытаннымъ. У нея натура была пылкая, кипучая и властная. Въ первый же вечеръ своего поступленія въ больницу, ей вздумалось сдѣлать внезапный обходъ, и, проходя по коридорамъ мимо̀ одной палаты, она услыхала вдругъ грубый крикъ фельдшерицы. Фельдшерица, какъ потомъ оказалось, была женщиной не злой, но до того уже пропитанной порядками больницы и до того загрубѣвшей въ этой ненормальной атмосферѣ, что, очевидно, не сознавала часто того, что̀ дѣлала.

Фельдшерица кричала на сидѣлокъ:

— Сидѣлки! Эй, вы тамъ! Слушайте! Сегодня ночью умретъ Васильева! Чтобы вы были на мѣстахъ, и меня тогда разбудить!

Марья Ивановна заглянула черезъ дверное окно въ палату.

Около дверей стояла кровать, на которой лежало исхудалое, изможденное тѣло больной. При словахъ фельдшерицы, въ ея глубоко запавшихъ глазахъ, окруженныхъ темной синевой, переходившей кое-гдѣ въ черный цвѣтъ, отразился такой ужасъ, что сердце Марьи Ивановны, несмотря на то, что никогда не отличалось особенной нѣжностью, вздрогнуло.

Эта больная и была, конечно, Васильева, приговоренная къ

смерти. Не нужно было знать ее,—нужно было только видѣть ея страшный взглядъ, въ которомъ было столько мольбы, столько животнаго ужаса!

Остальныя больныя охали и крестились. Фельдшерица вышла, и тутъ Марья Ивановна накинулась на нее, увлекши ее въ конецъ коридора. И отчитала же она ее „на всѣ корки"! Но фельдшерица такъ ужъ была „обстрѣлена", что сначала никакъ не могла понять всего безсердечія своего поступка, а потомъ формально извинилась, но Марья Ивановна поняла, что, все-таки, фельдшерица не проникласъ ея увѣщаніями. Тогда она пожаловалась старшему ординатору, и была удивлена и возмущена, что тотъ отнесся къ ея жалобамъ довольно безразлично.

— Что̀ жъ вы хотите?—сказалъ онъ.—У нихъ это въ порядкѣ. Да и вы напрасно такъ трагически смотрите на это дѣло. Простой народъ смотритъ на смерть философски, иначе, чѣмъ мы, и намъ, пожалуй, слѣдуетъ у него поучиться этому взгляду. Да и вы такъ волнуетесь, потому что вновѣ. Потомъ обтерпитесь.

Это было давно, больше года тому назадъ, и Марья Ивановна за это время видѣла уже много вопіющаго и возмутительнаго, но не обтерпѣлась. И съ того памятнаго разговора возненавидѣла отъ всей души ординатора.

Этотъ ординаторъ былъ Кабѣевъ. Марья Ивановна преслѣдовала его своей ненавистью. И чѣмъ дальше они служили вмѣстѣ, тѣмъ ненависть пріобрѣтала все больше и больше непримиримый характеръ.

Она начала приглядываться къ дѣятельности Кабѣева, и ее поражало огромное количество умиравшихъ больныхъ на его отдѣленіи. Въ особенности это стало часто повторяться въ послѣдніе мѣсяцы, съ тѣхъ поръ какъ съ самимъ Кабѣевымъ, очевидно, что-то дѣлалось.

Никто на это не обращалъ вниманія, и только она одна слѣдила за его дѣятельностью. И вотъ однажды она открыла, что онъ давалъ безнадежнымъ душевно-больнымъ невѣроятныя количества опіума, такія дозы, которыя превышали всѣ нормы дозволеннаго. Тогда она сдѣлала Кабѣеву памятный врачамъ скандалъ въ дежурной комнатѣ, который стоилъ ей привлеченія къ товарищескому суду. Изъ этого суда ничего не вышло. Марья Ивановна твердо рѣшила тогда же передать это вопіющее дѣло прокурорскому надзору.

Съ тѣхъ поръ висѣлъ мечъ надъ спокойствіемъ Кабѣевой. Въ городѣ, конечно, поговорили объ этомъ случаѣ, но вскорѣ забыли, потому что „городъ" не особенно интересовался скандалами, если въ нихъ не было романической подкладки. Скандалъ на романической подкладкѣ занималъ жителей иногда на мѣсяцъ и два, а обыкновеннаго скандала съ трудомъ хватало на недѣлю.

Повидимому, все успокоилось, но не успокоилась Кабѣева. Это затишье казалось ей грознымъ, похожимъ на то, которое бываетъ передъ бурей.

Послѣ той ужасной вспышки безумія, которая овладѣла ея мужемъ и такъ напугала ее, Гаврила Егоровичъ вдругъ присмирѣлъ и сдѣлался самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ. Но Анна Николаевна не вѣрила этому затишью. Дни и недѣли просвѣтленія случались и раньше у ея мужа; но потомъ, вдругъ, внезапно, обрывались, и злой недугъ вступалъ въ свои права и, каждый разъ, съ увеличенной интенсивностью.

Тогда она вновь начинала дрожать за свое счастье и снова имѣла силы переживать эти мрачные, тяжелые дни.

И вотъ теперь, несмотря на то, что мужъ ея, повидимому, чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ никогда, она зорко присматривалась къ нему, и ее все еще терзали сомнѣнія.

Она чувствовала, какъ въ ея спокойной жизни притаилась какая-то тайна, что-то недоброе, которое молчитъ еще до поры, до времени, но которое вскорѣ воспрянетъ, расправитъ свои когти, ринется на нее и тяжелой пятой сомнетъ и уничтожитъ ея эфемерное счастье.

Грозные призраки уже надвигались. Но она все еще не хотѣла замѣчать ихъ, старалась не замѣчать ихъ, обманывала себя, отворачивалась отъ нихъ; Гаврила Егоровичъ очень поправился за послѣднее время, и даже лицо его получило свѣжій, давно небывалый у него тонъ; глаза смотрѣли бодро и чуть не весело, и губы его перестали нервно подергиваться. И даже рѣчь, обыкновенно затрудненная, теперь лилась свободно. Онъ уже не останавливался на отдѣльныхъ словахъ, которыя ему, казалось, трудно было выговаривать, что̀ производило впечатлѣніе заиканія.

Она успѣла его уговорить поѣхать нанять дачу. Онъ согласился охотно, и всю дорогу занимался и шутилъ съ дочкой. Дачу они наняли у той же Вешняковой, о которой она давно уже говорила мужу.

И Гаврила Егоровичъ шутилъ съ этой Вешняковой, рыхлой,

сырой купчихой, любившей поговорить о медицинѣ и о болѣзняхъ и невѣроятно путавшей научные термины.

— Вотъ, государь мой,—говорила она Кабѣеву:—племянникъ у меня въ Петербургѣ есть, мучнымъ дѣломъ, по наслѣдству отъ покойнаго брата, занимается,—дюже заболѣлъ трахомой. Это чтò же за болѣзнь такая?

Кабѣевъ ей объяснилъ, но она, съ недовольнымъ видомъ, махнула жирной рукой.

— Вздоръ, отецъ мой, вздоръ! Какіе такіе глаза, ежели ему грудь рѣзали! Да и рѣжутъ ему почитай-что седьмой разъ.

— Такъ это, должно быть, саркома, а не трахома,—поправилъ ее Кабѣевъ.

— А не все одно? Саркома, трахома, а по нашему, по купеческому, судьба, значитъ, его пришла. Хочу сюда выписать; все на вольномъ воздухѣ лучше оправится... Вы говорите вотъ— дача дорога. Да зато — дача! Садъ-то какой, ась?! А осенью— малина. Вся ваша будетъ. Ягодки не возьму. Уступить-то можно, коли согласитесь полечить меня за лѣто-то.

— Охотно, отчего же?—согласился Кабѣевъ, и они, еще поторговавшись, наконецъ сошлись въ цѣнѣ.

Анна Николаевна была въ самомъ радужномъ настроеніи. Но, по дорогѣ домой, она уже не могла скрыть отъ себя начавшейся перемѣны въ мужѣ. Онъ уже не занимался дочкой и не отвѣчалъ на ея вопросы, а упорно смотрѣлъ въ одну точку, и глаза его стали свѣтлыми. Она замѣтила этотъ зловѣщій призракъ; какъ только начиналась въ ея мужѣ эта страшная перемѣна духа, его глаза всегда какъ-то свѣтлѣли.

— Дача хорошая,—говорила она:—ты, Гаврюша, долженъ за лѣто оправиться. Да и наша Леля—тоже. Садъ чудесный, и какъ въ немъ хорошо пахнетъ! И рѣчка совсѣмъ близко. Только тебѣ необходимо взять отпускъ. Невозможно ѣздить такъ далеко въ больницу, да и чтò же это будетъ за отдыхъ, если каждый день ѣздить? Отчего ты молчишь?—съ безпокойствомъ въ голосѣ спросила она.

Но онъ ничего не отвѣтилъ.

— Ты меня слышишь?

Онъ вдругъ усмѣхнулся той страшной улыбкой, которую она такъ хорошо знала и которой такъ ужасно боялась.

— Сегодня, утромъ,—заговорилъ вдругъ Кабѣевъ,—одинъ мерзавецъ... у насъ тамъ, на мертвой дачѣ, истолокъ мелкаго стекла и смѣшалъ его съ табакомъ...

— Гаврюша!..—тревожнымъ голосомъ вскрикнула она:—не будемъ говорить о больницѣ, прошу тебя!

Но онъ съ упрямствомъ тряхнулъ головой и продолжалъ:

— Смѣшалъ съ табакомъ и бросилъ мнѣ въ глаза. Хорошо, что я вò-время закрылся, а то былъ бы безъ глазъ. А еще говорятъ—щадить ихъ надо, да всѣ силы употреблять на то, чтобы сохранить какъ возможно до... дольше эту дрянь на землѣ. Удивляюсь, кому такой идіотъ нуженъ? Землѣ или людямъ? И отчего же тогда не сохранять бѣшенаго пса?

Кончено! Это былъ возвратъ, настоящій и несомнѣнный возвратъ страшной навязчивой идеи. Погасло солнце, и клиномъ вдвинулась въ ея жизнь новая тьма. Не долго длились ея ясные, свѣтлые дни... Ахъ, какъ это было ужасно! Она закрыла лицо руками и зарыдала, не будучи въ силахъ удержаться.

— Дѣвочка моя бѣдная! Бѣдная моя Леля! — прижавъ къ груди бѣлокурую головку своей дочери, проговорила она.

Но онъ ничего не сказалъ и даже не замѣтилъ слезъ ея.

И вдругъ ей вспомнился недавній разговоръ съ Запольской. Запольская жалуется на жизнь, считаетъ себя несчастной! Нѣтъ, она не знаетъ, чтò значитъ настоящее горе! Пусть бы ея мужъ измѣнилъ ей сто разъ, лишь бы не видѣть его такимъ больнымъ, такимъ несчастнымъ!

Пріѣхавъ домой, Кабѣевъ заперся въ своемъ кабинетѣ.

Горничная сообщила Аннѣ Николаевнѣ, что приходилъ какой-то господинъ, который хотѣлъ ее видѣть и обѣщалъ зайти вечеромъ.

Анна Николаевна не могла добиться, кто этотъ господинъ, но, неизвѣстно отчего, сердце ея вдругъ упало и затѣмъ тревожно забилось.

И она стала ждать вечера, какъ какого-то несчастья.

Въ квартирѣ было тихо, какъ въ гробницѣ, когда вдругъ раздался сильный и рѣзкій звонокъ.

Анна Николаевна вздрогнула.

„Вотъ оно!“—мысленно сказала она себѣ и, вся какъ-то сжавшись, стала ждать гостя.

Вошелъ Обрядовъ.

Она не удивилась этому визиту, хотя должна была бы удивиться, потому что Обрядовъ никогда не былъ близокъ ни съ нею, ни съ ея мужемъ, и никогда не бывалъ у нихъ.

Но вотъ именно чего-то такого она и ожидала.

У Обрядова было торжественное выраженіе лица. Онъ пришелъ, очевидно, съ какой-то важной миссіей.

Расправивъ красивымъ жестомъ усы и щелкнувъ шпорами, онъ сѣлъ противъ Кабѣевой, по ея приглашенію, и два раза нерѣшительно крякнулъ.

Она мучительно-напряженно вспоминала его имя и, наконецъ, вспомнила. Надо было что-нибудь сказать, и она сказала:

— Вы ко мнѣ или къ мужу, Леонидъ Мироновичъ?

Онъ переставилъ ноги.

— Я, собственно, къ вамъ, Анна Николаевна, — и, послѣ небольшой паузы, прибавилъ: — и по весьма, весьма неотложному дѣлу.

— А!..

— Вотъ въ чемъ дѣло, Анна Николаевна. Я думаю, что лучше сказать вамъ сразу?

— Конечно, говорите.

— Только, прошу васъ, соберитесь съ мужествомъ и посмотрите въ лицо несчастью... э... съ мужествомъ. Я пришелъ, какъ товарищъ, предупредить васъ и... сдѣлать, съ своей стороны, все возможное.

Она сильно сжала свои пальцы, такъ что они хрустнули.

— Ахъ, ради Бога, не мучайте меня! Я и такъ ужъ испугана. Что̀ такое, что̀ такое случилось?

— Случилось непріятное дѣло. Эта сумасшедшая Лось исполнила свою угрозу, несмотря на то, что я и другіе товарищи всячески ее удерживали отъ этого рѣзкаго шага. Но она насъ не послушалась. Теперь уже поздно. Она подала жалобу прокурору на вашего мужа, обвиняя его въ уголовномъ преступленіи.

Анна Николаевна вздрогнула съ ногъ до головы.

— Ахъ!—вскрикнула она.—Я много разъ слышала какіе-то темные намеки, много разъ... Но я ничего не понимаю... ничего не понимаю... — Она говорила это какимъ-то разобиженнымъ, дѣтскимъ голосомъ, въ которомъ было много усталаго отчаянья.—Я знаю, что у Гаврилы Егоровича что-то вышло съ Марьей Ивановной, какая-то дикая, нелѣпая ссора въ дежурной комнатѣ. Она обвинила его въ какой-то гнусности, но въ чемъ... въ чемъ, ради Бога?

— Она подала жалобу, что вашъ мужъ отравляетъ безнадежно-больныхъ, прописывая имъ незаконные пріемы сильно дѣйствующихъ средствъ...

Анна Николаевна опустила голову на столъ и зарыдала. Зарыдала такъ, какъ рыдаютъ люди, у которыхъ отняли въ жизни все самое дорогое и самое цѣнное.

Чудовищное, страшное обвиненіе! Что̀ можно было придумать худшаго? Какъ безсердечнѣе могла еще ее добить судьба? И что̀ хуже всего, Анна Николаевна чувствовала, что въ этомъ обвиненіи—правда!

Обрядовъ растерялся.

— Анна Николаевна, Анна Николаевна, голубушка, э... милая! Перестаньте. Успокойтесь. Я пришелъ, чтобы вмѣстѣ съ вами обдумать... какъ товарищъ вашего мужа. Ну, да, Марья Ивановна—злая женщина, это мы всѣ знаемъ. Ея поступокъ не этическій. Но... но... ахъ, да перестаньте же, Боже мой!

И Анна Николаевна перестала плакать. Она нашла въ себѣ мужество обуздать эту овладѣвшую ею слабость. Быстро отеревъ глаза, она выпрямилась, сложила на колѣняхъ руки и, какъ могла только, спокойно взглянула на Обрядова.

Она походила на женщину, приговоренную къ казни.

Ему сдѣлалось жаль ее, жаль до глубины души, потому что онъ былъ человѣкъ добрый и чувствительный.

— Что̀ же теперь дѣлать?—спросила она угасшимъ голосомъ.

— Я былъ у прокурора. Это Иванъ Антоновичъ, мой пріятель. Замять дѣло невозможно. Оно передано судебному слѣдователю, который долженъ быть завтра у васъ. Я говорилъ и съ слѣдователемъ. Это—Ѳедоръ Никитичъ. Повидимому, свидѣтели покажутъ въ духѣ Марьи Ивановны.

— Значитъ, все кончено? Все, все? Все кончено?—стономъ вырвалось у Кабѣевой.

— Есть одно средство,—задумчивымъ тономъ сказалъ Обрядовъ.

— Какое?

— Мы всѣ, врачи, которыхъ будутъ допрашивать въ качествѣ свидѣтелей и экспертовъ, станемъ на ту точку зрѣнія, что Гаврила Егоровичъ—человѣкъ ненормальный, невмѣняемый.

— Это такъ и есть, — тихо сказала Анна Николаевна. — Но, во всякомъ случаѣ, мы погибли. Онъ будетъ взятъ на испытаніе, онъ навсегда лишится практики.

Въ это мгновеніе дверь гостиной, тщательно притворенная Обрядовымъ, когда онъ вошелъ сюда, вдругъ отворилась, и въ отверстіе ея показался Кабѣевъ.

Глаза его безпокойно бѣгали и на лицѣ блуждала странная, таинственная улыбка.

— Я подслушивалъ,—проговорилъ онъ простымъ, естественнымъ тономъ. — И я все слышалъ. И это вздоръ, будто я — сумасшедшій. Вамъ никогда этого не удастся доказать.

Обрядовъ вздрогнулъ и обернулся.

— А!.. Гаврила Егоровичъ, здравствуйте. Это я къ вамъ зашелъ... по дѣлу,—сказалъ онъ, растерявшись.

— Говорю же вамъ, что я все слышалъ,—упрямо повторилъ Кабѣевъ.

Къ нему бросилась жена.

— Гаврюша! — взмолилась она, схвативъ его за руки. — Гаврюша... ты видишь, это я, твоя жена... А тамъ,—она указала рукой въ даль, — тамъ наша дочка... за что ты губишь насъ? Ахъ, нѣтъ, это не то, не то... Я хотѣла сказать что-то другое. Я не помню теперь.

Она сама не знала, что̀ говорила; видъ у нея былъ жалкій, растерянный. Слезы застилали ея глаза, въ головѣ мутилось. Вдругъ колѣни ея подогнулись, и она упала къ ногамъ мужа.

— Не губи насъ, бѣдныхъ! — говорила она торопливымъ, захлебывающимся голосомъ, ловя его руки, и цѣлуя, и обливая ихъ слезами: — не губи, не губи насъ... Нѣтъ, поздно! Теперь ничего не поправишь... Но скажи, скажи мнѣ ради Бога, ради нашей Лели... ты дѣлалъ то, въ чемъ тебя обвиняютъ?

Онъ нетерпѣливымъ жестомъ высвободилъ свои руки изъ ея рукъ и отступилъ на шагъ.

— Дѣлалъ,—твердо сказалъ онъ.

Анна Николаевна поднялась съ полу. Она съ трудомъ опустилась въ кресло, поддержанная Обрядовымъ, и закрыла лицо руками.

— Все кончено!—повторила она, и лицо ея приняло равнодушно-тупое выраженіе.

— Скажите, пожалуйста,—не обращая на нее вниманія, началъ Кабѣевъ все съ той же спокойно-страшной улыбкой. — Скажите, пожалуйста, Леонидъ Мироновичъ, у васъ, скажемъ, больной съ прогрессивнымъ параличомъ или съ размягченіемъ мозга, или, наконецъ, съ сильно подвинувшейся спинно-мозговой сухоткой. Такъ. Вамъ, какъ врачу, извѣстно, конечно, что новаго мозга мы такому больному вставить не можемъ. Не такъ ли? Такой больной умретъ черезъ мѣсяцъ—черезъ годъ—не все ли равно когда? Онъ въ тягость себѣ, въ тягость роднымъ, въ тягость намъ, врачамъ, и въ тягость государству и обществу, которыя тратятъ на него деньги, тѣ деньги, которыя добыты трудомъ, здоровыми элементами общества. Чудесно. Онъ занимаетъ мѣсто въ природѣ и больницѣ, которое должно принадлежать: въ природѣ — здоровымъ, въ больницѣ—тѣмъ, которые могутъ выздоровѣть. Но мы такимъ больнымъ отказываемъ по

недостатку мѣстъ. За что же, спрашивается, онъ ѣстъ чужой трудовой хлѣбъ и занимаетъ чужое мѣсто, будучи всѣмъ въ тягость и прежде всего самому себѣ? Онъ, все равно, обреченъ на гибель, такъ не лучше ли избавить себя, и другихъ, и его, отъ этой гибели и облегчить ему переходъ? Въ чемъ тутъ преступленіе? Я васъ серьезно спрашиваю. Вы видите, я говорю толково, разумно, логично и спокойно.

— Вы, можетъ быть, правы,—отвѣтилъ Обрядовъ, съ изумленіемъ глядя на него. — Да, можетъ быть, по существу. Но жизнь не нами дается, и мы не имѣемъ ни законнаго, ни нравственнаго, ни формальнаго права отбирать ее. Этой власти у насъ нѣтъ. И нельзя дать этой власти врачамъ, потому что это привело бы къ злоупотребленію, преступленіямъ и бѣдамъ. Нельзя этого, дорогой Гаврила Егоровичъ, нельзя, милый! Такъ разсуждая... э... можно дойти до Геркулесовыхъ столповъ. Это вопіетъ къ этикѣ, которая...

— Къ этикѣ!—хрипло засмѣявшись, перебилъ его Кабѣевъ.— Что это такое этика? Ученіе о нравственности, что-ли? А что̀ такое нравственность, и кто знаетъ съ математической точностью, что̀ такое нравственность? Это—христіанская нравственность, что-ли? Такъ вѣдь тогда всѣ ваши возраженія—вздоръ чистѣйшій! Богъ даетъ жизнь людямъ, и Онъ же насылаетъ на нихъ болѣзни. Значитъ, Онъ знаетъ, для чего это дѣлаетъ. Тогда зачѣмъ же мы парализуемъ Его волю, леча больныхъ и стараясь ихъ избавить отъ того, что̀ послано имъ въ видѣ ли испытанія, или въ видѣ наказанія, Богомъ? Значитъ, мы идемъ противъ Его воли, и поступаемъ безнравственно. Лечиться —безнравственно, это—съ вашей, съ вашей же точки зрѣнія. Но тогда почему же вы не обвиняете садовника, который вырываетъ съ корнемъ зачахшее дерево и даетъ просторъ рости другимъ, здоровымъ деревьямъ? Нѣтъ, эта ваша этика—невѣдомый богъ, на алтарь которому приносятся нелѣпыя жертвы. Я не хочу служить невѣдомому богу. Не хочу! Вотъ и все. Дѣлайте со мной что̀ хотите, вы, люди безсильнаго добродушія, но мнѣ противна эта лицемѣрная возня съ идіотами, у которыхъ нѣтъ мозговъ и которые, бросая въ глаза здоровымъ людямъ битое стекло съ табакомъ, воображаютъ, что совершаютъ актъ величайшей мудрости. Вотъ, я все сказалъ. И то же скажу слѣдователю, и то же скажу на судѣ, и если вы всѣ—коллеги!—онъ произнесъ это съ презрѣніемъ—будете рисовать меня въ своихъ показаніяхъ безумнымъ, я силою логики докажу, что это—вздоръ. Посмотримъ, чья логика восторжествуетъ...

Теперь глаза его смотрѣли спокойно и голосъ звучалъ ровно, и въ его словахъ и въ выраженіи лица было много осмысленности.

Обрядовъ съ изумленіемъ наблюдалъ его, но Анна Николаевна, закрывъ лицо руками, тихо плакала.

Въ комнатѣ царило уныніе. Набѣгали печальныя тѣни вечера; голоса Обрядова и Кабѣева становились тише, взоры спокойнѣе, и мысли, которыя выражались словами — мягче. А Кабѣевъ все говорилъ, говорилъ то объ отвлеченныхъ предметахъ, то о низменныхъ и мелкихъ дѣлахъ, и обо всемъ съ одинаковымъ увлеченіемъ и выспренностью. Обрядовъ слушалъ его молча, изрѣдка подавая реплики и незамѣтно, какъ ему казалось, наблюдая за нимъ.

И онъ понялъ, что у этого человѣка не было уже чувства перспективы — мелочи и событія толпились въ его умѣ на одномъ планѣ.

— Въ чемъ, въ чемъ, наконецъ, обвиняютъ меня? — продолжалъ говорить Кабѣевъ, ничуть теперь не волнуясь. — Я ефрейторъ, разводящій, или какъ это у васъ называется? Я прихожу и смѣняю съ поста. Жизнь для людей, это — отбываніе тяжелой повинности. Смерть, это — смѣна съ трудной работы, отдыхъ. Я вижу, что часовой усталъ и не въ силахъ держать ружье въ рукахъ. Я прихожу и смѣняю его. Надо благодарить меня за это, а не бранить, потому что я дѣлаю это въ простотѣ сердца моего и въ чистотѣ рукъ моихъ, какъ сказано въ библіи... А Марья Ивановна — идіотка. Узкая, пошлая идіотка, неспособная отличить самоотверженнаго подвига отъ гнуснаго преступленія... Я ничего больше не скажу. Я скажу только судьямъ: — Мозгъ есть соль жизни. Если соль потеряла силу — чѣмъ она осолится? Разъ изъ человѣческой жизни исчезъ разумъ — нужно прекратить эту жизнь, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Ибо тѣло безъ разума — страшный ходячій трупъ. Вы говорите, что я — сумасшедшій. И это вздоръ. Еслибы я былъ сумасшедшимъ, я бы самъ прекратилъ свою жизнь. Но я не сдѣлалъ этого. И это — лучшее доказательство, что я здоровъ, и судъ обязанъ принять это доказательство.

Онъ всталъ и съ величественнымъ видомъ вышелъ изъ комнаты, ни съ кѣмъ не простившись, ни на кого не взглянувъ.

Обрядовъ сидѣлъ подавленный, удрученный, молча глядя на Анну Николаевну.

Анна Николаевна плакала; сдержанныя, глухія рыданія ея все становились громче, наростая какой-то волной... И Обря-

дову дѣлалось неловко, обидно и больно отъ этихъ рыданій, въ которыхъ слышался стонъ безсильнаго, тяжелаго человѣческаго горя, которому помочь онъ былъ не въ силахъ.

И онъ понялъ, что самое лучшее для него—уйти изъ этого дома.

Глухая ночь глядѣла въ окна комнаты, накладывая на всѣ предметы свою черную, печальную краску. Потомъ, съ любопытствомъ женщины, взглянула въ окно луна и положила на полъ свои блѣдно-голубыя полосы; много часовъ прошло, и эти полосы стали блѣднѣть и исчезать, а вмѣсто нихъ ворвался въ комнату блѣдно-розовый свѣтъ нарождавшагося дня. Казалось, онъ шелъ издалека, съ огромною ратью силъ и, шагъ за шагомъ, побѣждалъ ночную тьму, гася одну за другою звѣзды, которыя таяли и блѣднѣли на небѣ. И вскорѣ за окномъ загорѣлся день—лѣтній, свѣтлый день съ его веселымъ свѣтомъ, съ его призывомъ къ бодрой, радостной жизни.

А бѣдная женщина все еще сидѣла въ креслѣ въ той же позѣ—безпомощной и убитой,—словно она выдерживала на своихъ хрупкихъ плечахъ огромное обрушившееся на нее зданіе.

Но она не плакала; весь источникъ слезъ давно уже изсякъ изъ ея глазъ. Они были сухи и горѣли, словно опаленные огнемъ.

И когда родился новый день съ его новыми красными лучами и когда на улицахъ проснулась новая жизнь, Анна Николаевна встала, тупо оглядѣла комнату, какъ бы пробудившись отъ тяжелаго кошмарнаго сна. Ей опять захотѣлось поплакать, и она сдѣлала тщетное усиліе вызвать изъ тайныхъ глубинъ души благодатныя слезы. Но ихъ не было, и отъ ея усилій ей сдѣлалось больно, и на душѣ образовался надрывъ.

Она подошла къ окну, понявъ, что все для нея кончено, и съ ненавистью поглядѣла на безмолвное небо, такое синее, ясное и красивое, такое далекое и такое чужое.

День обѣщалъ быть жаркимъ. Солнце зальетъ скоро городъ своими червонными лучами, и городъ станетъ походить на разряженную франтиху съ ярко нарумяненными щеками. Но она знала, что подъ этими яркими тканями будетъ ютиться мелкое и крупное человѣческое горе, отвратительное, неумытое и необряженное, несправедливое, безсмысленное и подлое.

Она опять съ ненавистью взглянула на небо.

— Спаси меня!—властно сказала она, безъ малѣйшаго просительнаго уничижительнаго тона въ голосѣ, не отдавая себѣ отчета, къ кому она обращалась. — Спаси меня! Ты долженъ,

долженъ спасти меня! Потому что я жила, какъ живутъ всѣ люди, не дѣлая много ни зла, ни добра! За что же меня-то караешь? Что сдѣлалъ онъ Тебѣ, что Ты готовъ раздавить его своей десницей? Спаси меня, спаси, говорю Тебѣ! Потому что иначе я перестану вѣрить въ Твою справедливость. Не Твои ли это слова: „если Я сказалъ дурно — покажи что дурно, а если хорошо—зачѣмъ бьешь Меня?“ Да, зачѣмъ, зачѣмъ бьешь меня?..

И потомъ, вдругъ, настоящимъ дѣтскимъ голосомъ заговорила:

— Ну и пусть, ну и пусть! Ну и не надо... Испугать меня хочешь, испугать? Нѣтъ, не испугаешь, потому что у всякаго человѣка есть въ жизни средство избавиться отъ мукъ, которыми Ты его удручаешь...

Она постояла молча, какъ бы ожидая отвѣта, и, не получивъ его, поплелась къ дивану, рухнула на него и, уткнувъ голову въ уголъ, какъ дотащившійся до логовища раненый звѣрь, глухо и протяжно завыла.

XV.

Нѣтъ ничего печальнѣе осенняго дня въ небольшомъ провинціальномъ городѣ. Блѣдно-сѣрое слезливое небо, изъ котораго неудержимо, словно сквозь прорвавшіяся шлюзы, льется дождь мелкой, частой сѣтью; улицы полны грязи и лужъ темно-свинцоваго цвѣта, въ которыя вяло смотрится этотъ безпросвѣтно-унылый пологъ когда-то синяго неба. Бульварныя деревья стоятъ намокшими, съ низко опущенными вѣтвями, напитанными водою, и каждое дерево похоже на промоченный насквозь, попорченный зонтикъ; и съ каждой вѣтви, и съ каждаго еще не оторвавшагося листа капаютъ слезы осени, печальныя и безконечныя.

Иногда порывы вѣтра проносятся по улицамъ, точно вѣстники зла, спѣшащіе разнести по городу свои злыя вѣсти. И въ этомъ вихрѣ несутся, кружась, сучья и оторвавшіеся отъ нихъ листья.

Скучно и уныло на улицахъ; рѣдкіе пѣшеходы торопливо проходятъ по нимъ, чтобы скорѣе исчезнуть въ подъѣздахъ общественныхъ мѣстъ или городскихъ учрежденій; въ клубѣ пустовато, а театръ и совсѣмъ еще не открытъ.

Въ медицинскомъ обществѣ, имѣющемъ свои рѣдкія засѣданія все въ той же пріемной залѣ госпиталя, собралось, однако, нѣсколько человѣкъ, видимо пришедшихъ сюда отъ скуки и отъ

неимѣнія куда дѣваться вечеромъ. Лѣтомъ дѣятельность общества окончательно замирала, да и въ разгаръ зимняго сезона общія собранія съ ихъ никому ненужными „сообщеніями“ мало посѣщались.

Среди собравшихся на этотъ разъ мѣстныхъ врачей было нѣсколько новыхъ лицъ — молодыхъ докторовъ, переведенныхъ сюда изъ другихъ городовъ и выпущенныхъ недавно изъ университетовъ и академіи, для замѣщенія убыли въ медицинскомъ персоналѣ.

Эти новички были одѣты съ иголочки и имѣли любопытствующій и слегка насмѣшливый видъ, который всегда имѣютъ молодые люди, попавшіе изъ большихъ и благоустроенныхъ городовъ въ маленькія трущобы. Имъ всегда, въ этихъ трущобахъ, кажется все „не настоящимъ“, а какой-то поддѣлкой подъ дѣйствительную жизнь.

Какъ всегда, Обрядовъ взошелъ на эстраду, расправилъ усы и щелкнулъ шпорами. Онъ оглядѣлъ собраніе и внутренно удивился его малочисленности. Въ душѣ онъ укорялъ этихъ врачей въ индифферентизмѣ, въ абсентеизмѣ и въ другихъ „измахъ“, съ которыми они относятся къ обществу, созданному по его иниціативѣ, „какъ коррективъ, къ скучному прозябанію въ провинціальномъ городкѣ“. Онъ видѣлъ въ этомъ обществѣ „рессурсъ къ интеллигентной жизни, разумное общеніе людей, связанныхъ общей идеей и профессіональными интересами“. Но все это ужасно плохо прививалось, такъ какъ врачи предпочитали клубную игру въ винтъ и посѣщеніе частныхъ домовъ города.

Обрядовъ поклонился и сѣлъ за столикъ.

— Милостивые государи,—началъ онъ и внимательно оглядѣлъ залъ, сдѣлавъ паузу. „Нѣтъ, вѣрно,—подумалъ онъ,—на этотъ разъ ни одной женщины-врача“. — Милостивые государи! Открывая вновь наши собесѣдованія и сообщенія, я долженъ, прежде всего, обратить ваше вниманіе на то, что наше общество значительно сократилось въ своемъ составѣ и понесло значительныя потери. „Иныхъ ужъ нѣтъ... э... а тѣ далече“. Съ грустью констатируя этотъ фактъ, позвольте просить почтенное собраніе почтить вставаніемъ память одного изъ нашихъ товарищей, уважаемаго врача Левченки...

Онъ опять выдержалъ паузу. Всѣ встали и постояли молча нѣсколько секундъ. Потомъ сѣли.

— Уважаемый товарищъ,—продолжалъ Обрядовъ,—котораго мы всѣ такъ любили, умеръ какъ истый герой, спасая отъ дифтерита ребенка; онъ самъ заразился дифтеритомъ, и надорван-

ная на непосильной земской работѣ натура не выдержала. Завидная смерть для врача,—умереть, такъ сказать, на полѣ брани съ оружіемъ въ рукахъ!.. э... смерть, которую можно пожелать каждому, любящему свое дѣло, преданному ему...

— Покорно благодарю! — прошепталъ сосѣду одинъ изъ молодыхъ врачей.

— Я хорошо зналъ покойнаго,—продолжалъ Обрядовъ.—Я могу сказать, что всегда былъ съ Герасимомъ Михеевичемъ въ самыхъ товарищескихъ отношеніяхъ.

— Михеемъ Герасимовичемъ,—поправилъ Обрядова кто-то.

— Э...да! Съ Михеемъ Герасимовичемъ, хотѣлъ я сказать. Это была натура прямая, честная, откровенная.

— Чтò это будетъ curriculum vitae?—съ насмѣшкой въ голосѣ, спросилъ только-что переведенный въ городъ военный врачъ.

—...Самоотверженная, преданная долгу. Вѣчная память товарищу и врачу, которому много простится, потому что онъ много любилъ.

Обрядовъ замолчалъ и поникъ головой.

— Я только-что сказалъ, что иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече... —продолжалъ онъ, поднявъ голову.

— Экъ ему далась эта фраза!—прошепталъ одинъ изъ присутствующихъ.

—...Если смерть отняла отъ насъ одного, то обстоятельства жизни — остальныхъ. Нашъ кружокъ значительно порѣдѣлъ. Такъ, напримѣръ, товарищъ Кабѣевъ — отличный человѣкъ и прекрасный психіатръ—находится на испытаніи въ психіатрической лечебницѣ. Злой недугъ прекратилъ его многополезную дѣятельность... По недоразумѣнію и одному некорректному, съ точки зрѣнія этики, поступку одного изъ нашихъ товарищей женщинъ-врачей онъ былъ преданъ суду и не обвиненъ во взводимомъ на него тяжкомъ и нелѣпомъ преступленіи только потому, что мы, врачи, грудью встали на его защиту... Нашъ другой товарищъ, Запольскій, переведенъ на глухую, далекую окраину, въ елисаветпольскую губернію. Туда же получила мѣсто и женщина-врачъ Авчарова.

По лицамъ слушателей пробѣжала ироническая улыбка. Всѣ здѣсь, изъ прежнихъ, знали, что Авчарова была тайно неравнодушна къ Запольскому и, узнавъ о его переводѣ, выхлопотала и себѣ переводъ въ эту же губернію.

— „Туда же получила мѣсто, — пародируя Обрядова, тихо сказалъ Виссаріоновъ,—и Денницына“.

—...И еще нашъ товарищъ Серединскій покинулъ насъ, переведенный, по собственному желанію, въ земство, на мѣсто покойнаго Левченки. Женщина-врачъ Лось уѣхала въ Петербургъ. Вы видите, какъ ряды наши порѣдѣли старыми членами... Намъ, врачамъ, лучше, чѣмъ кому-либо, извѣстно, что ничего нѣтъ вѣчнаго на свѣтѣ. А потому не будемъ очень печалиться. Вспомнивъ добрымъ товарищескимъ словомъ ушедшихъ, обратимся къ настоящему. Мы видимъ, милостивые государи, среди здѣсь присутствующихъ, новыхъ членовъ, явившихся замѣстить старыхъ. Это все —медицинская молодежь, молодой цвѣтъ нашей науки. Мы привѣтствуемъ ихъ и говоримъ имъ: „добро пожаловать"...

Онъ поклонился въ сторону группы молодыхъ врачей, занявшихъ мѣста кучкой въ правой сторонѣ залы. Нѣсколько человѣкъ отвѣтило ему поклонами.

— Старое старится, молодое ростетъ, э... а міръ остается на мѣстѣ, съ каждымъ новымъ поколѣніемъ пріобрѣтая что-нибудь... что-нибудь существенное. Вотъ я и хотѣлъ поговорить сегодня о сословныхъ взаимоотношеніяхъ...

Онъ отпилъ воды изъ стакана, стукнулъ шпорами и поправилъ орденъ на шеѣ.

— Я хочу сказать,—продолжалъ онъ,—молодымъ членамъ нашего союза: всякое общество можетъ существовать только тогда, когда между его членами существуютъ добрыя товарищескія отношенія. Мы, врачи, всегда отличались солидарностью профессіональныхъ интересовъ и всегда жили тѣсной, сплоченной, дружной семьей.

— Какъ пауки въ одной банкѣ, въ которую попала муха... —проворчалъ Виссаріоновъ, дѣлая поправку.

Молодежь услыхала это, и многіе засмѣялись.

Обрядовъ пріостановился и поглядѣлъ въ ихъ сторону строгимъ взглядомъ.

— Идеалъ всякаго общества,—заговорилъ онъ снова,—муравейникъ, гдѣ каждый членъ тихо и скромно дѣлаетъ свое дѣло на пользу общую, строитъ сложное и мудреное зданіе, увеличивая и расширяя его; пусть не смущается тотъ, кто принесетъ сучокъ или соломинку,—все найдетъ свое мѣсто, все пойдетъ на пользу, э... надо только, чтобы въ каждомъ членѣ жило сознаніе общей пользы и не утрачивался бы взглядъ на дѣло, какъ на общее...

— Что̀ это за естественно-историческіе экскурсы?—замѣтилъ въ полголоса молодой врачъ и сладко зѣвнулъ.—Какъ онъ скучно говоритъ, точно въ городской школѣ...

Его сосѣдъ съ сочувствіемъ кивнулъ головой.

Но Обрядовъ продолжалъ говорить.

Онъ говорилъ долго, нѣсколько разъ запутывался, возвращался къ начальному періоду и, въ концѣ концовъ, нагналъ невѣроятную скуку на аудиторію.

Всѣ чрезвычайно обрадовались, когда Обрядовъ вдругъ спѣшно взглянулъ на часы и, быстро скомкавъ конецъ „сообщенія“, всталъ и откланялся, спѣша къ начальнику дивизіи на винтъ.

— Все это прекрасно,—сказалъ одинъ изъ новыхъ врачей, молодой блондинъ, изысканно одѣтый,—но онъ ничего не сообщилъ намъ о гонорарѣ. Каковъ здѣсь гонораръ и какова кліентела? На одно казенное жалованье не проживешь. Я уже мѣняю второй городъ, и всегда прежде всего и вездѣ спрашиваю о гонорарѣ.

Группа его товарищей поддержала.

— Неловко, знаете, спрашивать объ этомъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Отчего?—живо откликнулся блондинъ.—Что̀ вы думаете, они здѣсь все святые?

Но они всѣ замолчали, когда къ нимъ подошелъ Царинскій. У него былъ все тотъ же видъ слащаво-приторнаго, ехиднаго старикашки.

— Позвольте рекомендоваться, молодые друзья мои,—сказалъ онъ имъ сладенькимъ голосомъ, ни къ кому въ частности не обращаясь:—докторъ медицины Кесарь Максиміановичъ Царинскій. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, зубной врачъ. Рѣдкость въ зубоврачебной практикѣ. И, полагаю, ничего предосудительнаго въ этомъ нѣтъ. Открылъ кабинетъ и функціонирую уже почти годъ.

Блондинъ насторожился.

— И это выгодно?—спросилъ онъ.

Царинскій съ безпокойствомъ взглянулъ ему прямо въ глаза.

— Не... не особенно,—суховато отвѣтилъ онъ.—Что̀ такое выгодно? Выгодно—то, когда покрываются расходы и еще что-нибудь остается, мой молодой другъ. Все зависитъ отъ того, какія у васъ потребности къ жизни... Я хочу васъ просить, молодые друзья: если окажется необходимость вашимъ кліентамъ что-нибудь по части зубовъ, — рекомендуйте мой кабинетъ. Это будетъ товарищеской услугой. Постойте, я вамъ раздамъ карточки...

Онъ разстегнулъ сюртукъ, досталъ бумажникъ и вынулъ нѣсколько карточекъ.

— Вотъ здѣсь все сказано: видите — „Докторъ медицины

Кесарь Максимиліановичъ Царинскій, зубной врачъ. Продольная, 7. Пріемы"... и прочее.

Онъ поклонился, пожалъ каждому руку и отошелъ.

Врачи перешли въ буфетъ, устроенный все въ той же дежурной комнатѣ, и принялись пить чай.

— Это тотъ, о которомъ говорили, что онъ заморилъ даму? —спросилъ кто-то изъ молодыхъ.

— Тотъ самый...

Къ группѣ молодежи подошелъ господинъ, невысокаго роста, съ синими очками, и отрекомендовался аптекаремъ.

— Мѣстный аптекарь,—сказалъ онъ,—Галумовъ.—У насъ въ городѣ всего двѣ аптеки. Мой конкуррентъ въ антагонизмѣ съ врачами и, eo ipso, со мною...

— Почему eo ipso?

— Потому что я — другъ врачей, — значительнымъ тономъ сказалъ онъ и выдержалъ паузу.—Я никогда не забываю услугъ. Я считаю, что всѣ мы должны поддерживать одинъ другого. И аптекарь всегда долженъ быть другомъ врача. И vice-versa.

Замѣтивъ устремленные на него недовѣрчивые и насмѣшливые взгляды, онъ вдругъ спохватился.

— О, я не хочу сказать, что нужно непремѣнно вписывать въ рецептъ, скажемъ, aurum, когда оно не нужно...

— А что̀ же вы хотите сказать? — вызывающимъ тономъ спросилъ блондинъ.

— Нѣтъ, такъ, вообще... Отчего же не жить мирно? Вы— намъ, а мы—вамъ. Дѣло наше общее. Я откладываю рецепты за подписью каждаго врача въ отдѣльный картонъ, а къ концу года дѣлаю подсчетъ. Я считаю справедливымъ дѣлиться прибылью въ извѣстномъ процентѣ... И тутъ нѣтъ, по моему, ничего предосудительнаго. Каждый, кто работаетъ, долженъ зарабатывать.

— Это истина,—сказалъ блондинъ.

— Не такъ ли? — обрадованнымъ голосомъ отвѣтилъ аптекарь.—Да и паціентъ ничего не имѣетъ противъ, заплативъ нѣсколько лишнихъ копѣекъ, если получаетъ лекарство, сдобренное какимъ-нибудь хорошимъ сиропомъ.

Мимо Галумова прошелъ Виссаріоновъ и прислушался.

— Взятки предлагаешь молодежи? – грубовато спросилъ онъ и засмѣялся.

Галумовъ вздрогнулъ отъ неожиданности, и стаканъ чая зазвенѣлъ въ его рукѣ.

— Ну, ужъ ты всегда, Григорій Зиновьевичъ, — сказалъ онъ,

злобно взглянувъ на Виссаріонова. — У меня, голубчикъ, дѣло чистое. Я взятокъ не беру, потому что не состою городскимъ врачомъ и не имѣю дѣловъ съ мясниками и торговцами. Suum cuique. Такъ-то-съ! А только, разъ я получаю хорошій доходъ, то почему же мнѣ не подѣлиться съ тѣми, кто мнѣ его даетъ?

— То-есть, съ больными?

— Ахъ, да ну васъ! Что вы ко мнѣ пристали? Я въ ваши дѣла не путаюсь.

И они отошли отъ молодежи, продолжая перебраниваться...

Въ окна барабанилъ осенній дождь, превратившійся въ ливень.

Инославскій давно хотѣлъ уйти, потому что его ждала Симочка и потому что ему сдѣлалось скучно въ этомъ полузнакомомъ обществѣ. Но онъ пережидалъ дождь.

Онъ уже былъ знакомъ съ новымъ докторомъ-блондиномъ, и они столкнулись у буфета.

— Здравствуйте! — сказалъ Инославскій. — Ну, что? Какъ вамъ здѣсь нравится?

— Я еще не успѣлъ осмотрѣться,—уклонившись отъ прямого отвѣта, проговорилъ тотъ.

— Я слыхалъ,—продолжалъ Инославскій,—какъ васъ развращали Царинскій и Галумовъ.

Блондинъ вспыхнулъ.

— Ну...—протянулъ онъ неопредѣленнымъ тономъ.

— Ахъ, молодой человѣкъ!—съ чувствомъ сказалъ Инославскій.—Берегите свою молодость... Да, вотъ... берегите. Дорожите ею. Весна жизни! Это—самое лучшее, что̀ есть. Потомъ оголяются луга и всѣ боятся дождя... Хорошо тому, кто въ эту дождливую пору жизни можетъ честно вспомнить свою цвѣтущую весну... да... Человѣкъ быстро обростаетъ бородой, и борода эта еще быстрѣе сѣдѣетъ. Надо умѣть строить жизнь. О муравейникѣ—это вздоръ. Надо строить по своему вкусу. Изъ отдѣльныхъ маленькихъ жизней—цѣльныхъ и самостоятельныхъ жизней—складывается общая. И когда человѣкъ удовлетворенъ и счастливъ,—его счастье входитъ слагаемымъ въ общую сумму. А когда неудовлетворенъ,—такъ неспособенъ живо и дѣятельно отзываться на общее благо. Вотъ... Я всю жизнь рвался въ деревню, къ мужику, а прикованъ къ городу. Потому что Симочка ни за что не хочетъ въ деревню... Да!

Онъ вдругъ замолчалъ и сконфузился, подмѣтивъ на себѣ изумленный взглядъ молодого товарища.

„Съ чего это я вдругъ такъ разболтался? — упрекнулъ онъ

себя. — Никогда этого не бывало! Старость, видно, незамѣтно подкралась, а съ нею—болтливость".

Онъ не сталъ ждать больше и вышелъ на улицу.

Дома темными силуэтами рисовались на небѣ. Черныя тучи съ оборванными краями низко неслись надъ городомъ и, казалось, задѣвали крыши домовъ. А дождь, превратившійся въ ливень, шелъ безконечно, барабаня по крышамъ и какъ-то тяжело шлепая своими крупными каплями въ лужи, стоявшія среди невылазной грязи улицъ.

Инославскій, въ глубокихъ галошахъ, шагалъ по этимъ улицамъ и грузно перепрыгивалъ черезъ лужи; плохо видя въ темнотѣ и не умѣя разсчитывать пространство, онъ попадалъ иногда въ лужу и обдавалъ себя съ ногъ до головы грязью.

Онъ спѣшилъ домой, въ тотъ тѣсный муравейникъ, въ которомъ протекала его личная жизнь и изъ котораго онъ никакъ не могъ выбраться на волю. Симочка готова уже была черезъ нѣсколько мѣсяцевъ еще разъ увеличить его семью.

И пока онъ прыгалъ черезъ лужи, на улицахъ захолустнаго городка, воображеніе его рисовало почернѣвшія, намокшія поля, теряющіяся вдали и окаймленныя на горизонтѣ бахромой лѣсовъ; убогія избы, затерянныя среди этихъ полей, по которымъ въ неудобной повозкѣ трясется Серединскій, посѣщая больныхъ мужиковъ. И ему показалось, что въ этой, нарисованной его воображеніемъ, картинѣ, такъ много воздуха и простора, такъ много свободы и широкой иниціативы, что ему невольно сдѣлалось грустно, что онъ не могъ создать себѣ такой жизни. А вотъ Серединскій создалъ! Онъ съумѣлъ бросить все, отъ всего отрѣшиться и сдѣлаться настоящимъ врачомъ обездоленныхъ; но онъ сдѣлалъ это тогда, когда личная жизнь не удалась ему... Suum cuique! — вспомнились ему слова Галумова, которыя онъ подслушалъ сегодня вечеромъ.

И повернувъ на свою улицу, онъ зашагалъ къ своему дому...

Валеріанъ Свѣтловъ.

ГЛѢБЪ УСПЕНСКІЙ
КАКЪ
ПУБЛИЦИСТЪ

I.

Послѣ смерти Г. И. Успенскаго появилось сравнительно мало статей, посвященныхъ его характеристикѣ,—во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ того заслуживаетъ его выдающееся дарованіе. Этому, впрочемъ, есть нѣкоторое объясненіе. Дѣло въ томъ, что жизнь души Успенскаго омрачилась гораздо раньше его смерти; въ концѣ жизни онъ страдалъ, какъ извѣстно, тяжкимъ душевнымъ недугомъ. Но есть, повидимому, и другія причины, или, вѣрнѣе, недоразумѣнія, объясняющія указанное несоотвѣтствіе. Большое недоразумѣніе заключается именно въ господствѣ взгляда, утвердившагося безъ должныхъ оговорокъ, а именно, что Успенскій, будучи высокоталантливымъ художникомъ слова, не проявилъ такого своего дарованія во всей силѣ, уклонившись въ сторону публицистики, при чемъ выражается обычно сожалѣніе о томъ, что Успенскій вступилъ на эту стезю,—сожалѣніе, мотивируемое утратой того, что̀ мы могли бы имѣть отъ него, какъ отъ художника. Но о томъ, что̀ мы получили взамѣнъ утраченнаго, говорится сравнительно мало.

Вполнѣ соглашаясь, что, благодаря условіямъ, воспрепятствовавшимъ полному проявленію художественнаго дарованія Успенскаго, русская художественная литература понесла весьма значительную потерю, вполнѣ признавая, что можно пожалѣть о такой

потерѣ, но никакъ, однако, нельзя не цѣнить тѣхъ пріобрѣтеній, какія сдѣлала въ лицѣ Успенскаго наша публицистика.

Съ именемъ публицистики иногда связываютъ представленіе о такого рода газетной или журнальной дѣятельности, которая имѣетъ своимъ предметомъ исключительно текущія „злобы дня" и отзывается на нихъ исключительно съ мелкой точки зрѣнія текущихъ общественныхъ интересовъ. Но очевидно такое представленіе неправильно съуживаетъ роль, значеніе и предѣлы публицистики. Въ дѣйствительности публицистика проникаетъ въ огромную область литературнаго творчества, занятую вопросами общественной жизни. Вѣдѣнію публицистики подлежатъ не только данные жизненные факты, не только существующія общественныя отношенія—правовыя, экономическія, бытовыя, государственныя и т. п., не только разнообразнѣйшія и безчисленныя внѣшнія проявленія общественности въ видѣ учрежденій, законовъ, предпріятій и т. д.,—но и вопросы духа, вопросы морали и философіи, вопросы искусства и науки, поскольку они стоятъ въ связи съ современными общественными настроеніями, теченіями, вѣрованіями, взглядами, убѣжденіями. Задача публицистики состоитъ во всестороннемъ освѣщеніи и истолкованіи явленій общественной жизни, благодаря чему она вмѣстѣ съ тѣмъ является руководительницей общественнаго мнѣнія и могучимъ факторомъ, въ большей или меньшей степени направляющимъ практическую жизнь. Она часто находится въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ наукой, пользуется ея выводами и методами, черпаетъ изъ нея необходимыя данныя, иногда же, въ подходящихъ случаяхъ, просто популяризируетъ науку.

Конечно, въ большинствѣ случаевъ текущая публицистика является преходящей; осуществивъ свою непосредственную задачу—задачу даннаго общественнаго момента, оставивъ по себѣ тотъ или иной слѣдъ въ общественной жизни, она сходитъ затѣмъ съ литературной сцены и, какъ явленіе литературное, далѣе уже не играетъ никакой или играетъ очень малую роль.

Однако, есть и другого рода публицистика, откликающаяся на тѣ же „злобы дня", но сосредоточивающая вниманіе не на томъ, что̀ является въ нихъ временнымъ и условнымъ, а на томъ, что̀ составляетъ ихъ неизмѣнную сущность, ихъ глубокую основу и что̀ стоитъ въ связи съ тѣми или другими широкими проблемами жизни. Такая публицистика не умираетъ вмѣстѣ со своими творцами, но переживаетъ ихъ и остается, какъ ихъ литературное и идейное наслѣдіе, на долгіе годы потомству.

Имена великихъ философовъ-публицистовъ Вольтера и Руссо

служатъ этому нагляднымъ подтвержденіемъ. Публицистика Берне, публицистическая критика Добролюбова и до сихъ поръ сохранили интересъ и жизненное значеніе.

Къ категоріи такихъ выдающихся публицистовъ относится и Г. И. Успенскій.

Поэтому, высказывая сожалѣніе о томъ, что его художественное дарованіе не нашло себѣ полнаго проявленія, что въ силу какихъ-то условій, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, русскіе читатели лишились ряда прекрасныхъ романовъ, повѣстей и пр., которые *могли бы* быть написаны Успенскимъ,—нельзя затѣнять и того обстоятельства, что, вмѣсто романовъ и повѣстей, Успенскій далъ намъ рядъ выдающихся по силѣ, яркости и значенію публицистическихъ статей и очерковъ.

Мы даже думаемъ, что соединеніе художественнаго и публицистическаго элемента у Успенскаго имѣло огромное значеніе, ибо живой художественный образъ въ рукахъ талантливаго публициста—важное орудіе для его цѣлей; онъ не только не умаляетъ силы аргумента, убѣжденія, анализа, а наоборотъ, удесятеряетъ ее, позволяя ярко и цѣльно освѣтить мысль и прочно закрѣпить ее въ сознаніи читателя.

Помимо наличности многихъ другихъ данныхъ, заставляющихъ отвести публицистикѣ Успенскаго совершенно особое почетное мѣсто въ ряду сходныхъ литературныхъ явленій, ее выдвигаетъ впередъ именно его своеобразная, доступная лишь художнику, манера изложенія.

Попытаемся теперь выяснить, почему его публицистика сохраняетъ и сохранитъ на долгое время значеніе живого и глубокаго литературнаго слова, которое способно не только воспитывать въ читателѣ лучшія чувства, но и просвѣтлять его сознаніе, расширять его духовный горизонтъ, освѣщать передъ нимъ правду окружающей его дѣйствительности...

II.

Первая причина того, несомнѣнно, заключается въ томъ, что исходный пунктъ, уголъ зрѣнія, подъ которымъ Успенскій разсматриваетъ всѣ явленія жизни, — въ широкомъ смыслѣ слова принципъ моральный: долгъ, обязанность, любовь, состраданіе, совѣсть, справедливость...

Въ этомъ отношеніи сочиненія Успенскаго безъ всякаго преувеличенія можно назвать нравственной философіей практической жизни.

Но этическіе вопросы вѣчны, и въ какую бы форму дѣйствительныхъ житейскихъ отношеній они ни облекались, сущность ихъ остается та же. Поэтому писатель, который съумѣлъ ихъ затронуть и освѣтить достаточно глубоко, искренно, правдиво и талантливо, тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ право на вниманіе не только современниковъ, но и потомковъ.

Болѣе того,—именно въ наше время, когда на сцену вновь выступаютъ моральныя доктрины, но въ метафизическомъ освѣщеніи; когда нравственные вопросы опять, повидимому, выдвигаются впередъ, но въ формѣ абсолютовъ и категорій, себѣ довлѣющихъ, обнимающихъ всякое содержаніе и потому лишенныхъ содержанія; когда утвержденіе нравственнаго идеала предполагается помимо изученія живой дѣйствительности и ея живыхъ, настоящихъ, неотложныхъ нуждъ и потребностей,—въ это время особенно поучительной должна быть признана мораль Успенскаго, не изъ метафизическихъ сущностей вытекающая, а изъ соприкосновенія съ подлинной правдой жизни. Повторяемъ: Успенскій—писатель-моралистъ по преимуществу. Даже народничество Успенскаго, въ сущности говоря, не общественная теорія, не догматъ или девизъ реформы общественной жизни, а прежде всего и главнымъ образомъ общественная мораль... Для Успенскаго народъ—не средство, а цѣль, обусловливаемая живыми нравственными обязанностями высшихъ передъ низшими, имущихъ передъ неимущими, просвѣщенныхъ передъ темными. Но въ то время, какъ глашатаи современныхъ проблемъ идеализма выключаютъ главнѣйшую проблему—моральную—изъ вѣдѣнія положительнаго знанія по той причинѣ, что „на вопросъ о томъ, что̀ должно быть, знаніе того, что̀ было и что̀ есть, не можетъ дать отвѣта“, —Успенскій основываетъ рѣшеніе той же моральной проблемы на тщательномъ изученіи того, что̀ есть, и въ результатѣ своего изученія даетъ очень ясные отвѣты на вопросъ о томъ, что̀ должно быть,—конечно, не въ смыслѣ какого-нибудь абсолюта или категорическаго императива, а въ смыслѣ простого житейскаго хорошаго дѣла, нужнаго при данныхъ условіяхъ дѣйствительности.

Вообще, Успенскому чужды какія бы то ни было отвлеченныя умствованія, чуждо стремленіе философствовать и придумывать формулы и императивы. Его мораль—живая и жизненная, мораль тревожно и безпокойно думающаго человѣка, мораль болѣзненно-чуткой совѣсти, никогда не останавливающейся въ попыткахъ выбраться изъ житейскихъ противорѣчій.

„Можно ли, — спрашиваетъ онъ,—умирать кому-нибудь съ

голода? Нѣтъ. Ну, и надо дѣлать, чтобы не умирали. Хорошо ли такое явленіе, какъ проституція? Нѣтъ. Стало быть надо, чтобы его не было. Нравится вамъ типъ вора? Нѣтъ. Надо, чтобы его не было. А типъ убійцы, а типъ тонкаго хищника, а невѣжество вольное или невольное?.. Нѣтъ. Надо идти туда, гдѣ никто ничего, такъ же какъ и я, не знаетъ, гдѣ кишитъ нужда въ тысячахъ вещей, идти туда и дѣлать то, что̀ велитъ жизнь" („Отрывки изъ записокъ Тяпушкина").

Легко видѣть, что указанія эти вытекаютъ изъ самой жизни, что нравственный вопросъ поставленъ здѣсь ребромъ и на практическую почву, что рѣчь идетъ не о томъ, какъ надо разсуждать, а о томъ, какъ надо дѣйствовать.

Какъ бы прозрѣвая близкое будущее, Успенскій горячо протестуетъ противъ увлеченія теоріями и абсолютами, умѣстными въ научной области, но, благодаря своей широтѣ и отвлеченности, непригодными для руководства практическою жизнью. Пусть философія остается философіей; пусть даже въ кругу спеціалистовъ пользуется правомъ гражданства нравственный идеалъ, выработанный внѣ соприкосновенія съ дѣйствительною жизнью. Но не вносите такого безпочвеннаго теоретизированія въ житейскій обиходъ. Ибо исповѣдываніе нравственнаго идеала, созданнаго внѣ условій времени и мѣста, можетъ мирно уживаться и съ окружающимъ зломъ, и съ собственнымъ душевнымъ неряшествомъ. Не философскія теоріи, не абсолюты, а сознательное и участливое отношеніе къ текущимъ нуждамъ дѣйствительности—вотъ въ чемъ практическое рѣшеніе моральной проблемы.

Въ очеркахъ: „Скучающая публика"—Успенскій отъ лица нѣкоего пріятеля разсказываетъ, какъ послѣднему пришлось въ темную ночь, въ дождь и вѣтеръ, забрести въ заброшенную усадьбу. Огромный паркъ съ заросшими, но правильными и величественными аллеями; громадныя развалины стариннаго барскаго дома, — все было погружено въ мракъ и казалось еще мрачнѣе при завываніи вѣтра, безлюдьи и пустотѣ. Лишь обойдя домъ съ другой стороны, въ единственномъ окнѣ разсказчикъ замѣтилъ слабый огонекъ... Оказалось, что въ уцѣлѣвшихъ каморкахъ руины помѣщалась сельская школа и жила учительница, которую онъ засталъ за исправленіемъ дѣтскихъ сочиненій. Послѣ тьмы, дождя, унылаго вида мрачныхъ развалинъ этотъ слабый огонекъ, эта молодая дѣвушка, занятая работой, хорошій и простой разговоръ съ ней о школѣ, о ребятишкахъ, о ежедневныхъ школьныхъ мелочахъ,—все это, разсказываетъ прія-

тель, „было точно лучъ свѣта въ видимой, слышанной и пережитой тьмѣ“.

Закончивъ разсказъ пріятеля, сопровождавшійся описаніемъ маленькихъ сценъ изъ жизни учительницы и ея учениковъ, которыя произошли тутъ же, Успенскій отъ себя говоритъ: „И, право, только вотъ такіе едва мерцающіе огоньки и радуютъ, хотя огоньки точно еле мерцаютъ... Молчаливое совершенствованіе теоретическихъ воззрѣній гораздо больше распространено, чѣмъ желаніе живого дѣла; теоретическое изящество, отдѣлка всевозможныхъ теоретическихъ деталей развиваются въ ущербъ вниманію къ сегодняшней человѣческой нуждѣ—и это во всѣхъ интеллигентныхъ сферахъ; приводить въ связь съ сегодняшней мелочной дѣйствительностью свои, отшлифованныя до высшей степени изящества, теоретическія построенія, русскій человѣкъ отвыкаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе“... Мало того, теперь,—добавимъ мы,—онъ пытается возвести эту свою отвычку въ догматъ.

Именно теперь начинается расцвѣтъ этой эры теоретическихъ построеній, принципіально не желающихъ знать и признавать того, что̀ есть, и вмѣсто изученія сегодняшней человѣческой нужды имѣющихъ вывести свои „императивы“ изъ разсмотрѣнія „вещей въ себѣ“.

Между тѣмъ жизнь переполнена нуждой и зломъ, и практическая мораль должна именно на знакомствѣ съ ними обосновать свои непосредственныя задачи, не гнушаясь „сегодняшней мелочной дѣйствительностью“, не оставляя безъ вниманія ни маленькихъ людей, ни маленькихъ фактовъ.

Въ выполненіи этихъ задачъ особая роль принадлежитъ литературѣ, а среди представителей литературы—наиболѣе отвѣтственна роль тѣхъ, которые прямо и открыто ставятъ на очередь вопросы долга и совѣсти.

Личность писателя-художника скрывается за его талантомъ и за его произведеніями. Личность публициста, касающагося этихъ вопросовъ, напротивъ, сполна обнаруживается въ его писательствѣ, все равно какъ личность воспитателя—въ воспитательской дѣятельности.

Задушевною искренностью, правдивою болью, живымъ сочувствіемъ и неподдѣльною сердечностью звучатъ слова Успенскаго, и оттого они полны значенія, какъ проповѣдь живой морали, какъ призывъ къ доброму.

Отнюдь не должно, однако, думать, что Успенскій, въ буквальномъ смыслѣ слова, „проповѣдникъ“ морали. Его служеніе прав-

ственному идеалу заключалось въ добросовѣстномъ и глубокомъ изученіи дѣйствительной жизни, въ такомъ освѣщеніи внутренняго смысла ея явленій, которое пробуждало бы нравственное чувство, и въ такомъ отношеніи къ ея темнымъ и свѣтлымъ сторонамъ, которое выдвигало бы на первое мѣсто нравственную проблему,—она же въ общественной жизни и проблема соціальная. Успенскій главное свое вниманіе удѣляетъ внутреннимъ, глубокимъ сторонамъ и вопросамъ жизни.

Изучая, напримѣръ, народную жизнь, онъ старается понять народное міросозерцаніе, объяснить его происхожденіе и основы. Это совершенно необходимо для того, чтобы человѣкъ не изъ народа могъ выработать правильное отношеніе къ порядкамъ и непорядкамъ народнаго быта.

Рисуя картины зла, грубости, нищеты, насилія, произвола, хищничества въ народной средѣ, Успенскій не ограничивается этимъ, но желаетъ знать *подлинную правду* этихъ явленій, и если затрудняется найти ее, то ставитъ вопросъ на почву человѣчности, а не моральнаго формализма.

Вотъ жестокій судъ Линча надъ конокрадами („Изъ деревенскаго дневника"); вотъ темный и ужасный деревенскій случай истязанія сумасшедшей (тамъ же); вотъ „свои средствія" („Богъ грѣхамъ терпитъ"); вотъ Мишаньки-отравители („Изъ разговоровъ съ пріятелями"), и пр., и пр., — цѣлая серія по истинѣ страшныхъ и угнетающихъ нравственное чувство явленій народной жизни. Формальная оцѣнка этихъ явленій причислитъ ихъ въ разрядъ преступленій, а дѣйствующихъ лицъ—въ разрядъ преступниковъ, и этимъ ограничится. Но другой результатъ выходитъ при глубокомъ анализѣ, въ основу котораго положена искренняя любовь къ человѣку. Всѣ эти преступленія, всѣ эти преступники, всѣ темные случаи по истинѣ оказываются темными. Мишанька, при близкомъ знакомствѣ съ нимъ, производитъ впечатлѣніе добродушнаго, простоватаго и глуповатаго существа, неспособнаго по злому умыслу обидѣть и курицы. Какъ это существо становится убійцей,—въ этомъ и весь вопросъ, вся трагедія, вся сущность „моральной проблемы" общественной жизни. Вотъ въ эту-то глубину, гдѣ только и можно найти разгадку мучащихъ наше нравственное чувство сомнѣній, и ведетъ насъ публицистическій анализъ Успенскаго, исполняя тѣмъ великой важности моральную задачу.

Поиски правды вездѣ и во всемъ, правды внутренней, глубокой, *подлинной*,—характеристическая черта литературной работы Успенскаго.

Гармоническое, цѣлостное, простое міросозерцаніе народной массы, живущей земледѣльческимъ трудомъ, заставляетъ Успенскаго искать корни и основы этого міросозерцанія, ту правду, на которой оно держится. И онъ находитъ ее; правда эта—власть земли, правда зоологическая, правда дремучаго лѣса, объясняющая и великія, и малыя, и высокія, и низкія, съ нашей сторонней точки зрѣнія, черты народнаго духа и народнаго характера. Онъ находитъ тамъ же противовѣсъ жестокой зоологической правдѣ въ видѣ высшихъ мотивовъ, которые всегда составляли душу народной массы и боролись съ суровою властью земли, стремясь посильно обращать „эгоистическое сердце въ сердце всескорбящее"...

Онъ изучаетъ послѣдствія вторженія въ земледѣльческую жизнь новыхъ чуждыхъ ей элементовъ и указываетъ вытекающія отсюда обязанности интеллигентныхъ сферъ, совпадающія съ ихъ личнымъ нравственнымъ долгомъ и даже широко понимаемыми личными выгодами. „Нѣтъ,—думалъ я,—говоритъ Успенскій:—Иванъ Ермолаевичъ невиновенъ... ни въ чемъ, ни въ чемъ невиновенъ. Вѣрный своимъ взглядамъ, основаннымъ на непреложныхъ для него началахъ, онъ несетъ ихъ сквозь толпу явленій жизни, не имъ созданныхъ: онъ всячески отстаиваетъ ихъ, и не его вина, если на пути этого шествія ему приходится драться, да еще съ своимъ братомъ... общинникомъ. Но я, русскій образованный человѣкъ, я виновенъ самымъ рѣшительнымъ образомъ... и я долженъ дѣйствовать такъ, чтобы удовлетворить насущнымъ потребностямъ Ивана Ермолаевича" („Власть земли").

Тему эту, касающуюся обязанностей образованнаго человѣка по отношенію къ народу и по отношенію къ своему личному благообразію, Успенскій исчерпываетъ со всевозможныхъ сторонъ и во всевозможныхъ направленіяхъ. „Онъ стремится,—писалъ объ Успенскомъ одинъ изъ критиковъ его сочиненій, Евгеній Утинъ, еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ,—стремится выяснить связь между темною жизнью мужика и слишкомъ часто безцѣльною жизнью образованнаго члена общества, весь существующій нравственный хаосъ, всѣ послѣдствія стараго, но все еще живучаго гнета"...

Сложность нравственныхъ вопросовъ при данныхъ условіяхъ дѣйствительности, бездна противорѣчій, въ которую съ головой погруженъ „образованный членъ" общества, имѣющій маломальски чуткую совѣсть, дѣлаютъ нравственное состояніе его по истинѣ трагическимъ.

Разоблачая и отвергая всякіе компромиссы, самообманы,

самообольщенія, Успенскій единственный выходъ для образованнаго человѣка изъ этого трагическаго его положенія видитъ „въ обновленіи самого себя реальной работой для реальной справедливости въ человѣческихъ отношеніяхъ“, исходный пунктъ которой заключается въ выше цитированной (изъ „Записокъ Тяпушкина“) программѣ.

Нельзя не упомянуть еще, что живую мораль писатель нашъ не отдѣляетъ отъ честной гражданственности. Личное достоинство, самоуваженіе, чистоплотность въ личныхъ дѣлахъ, какъ и общественныхъ, онъ не можетъ признать ненужными даже для героевъ, жертвующихъ собой и отдающихся большому, справедливому дѣлу. Онъ не допускаетъ, чтобы честь общественнаго дѣятеля могла быть одна, а честь человѣка въ его личной жизни—другая; что мыслимо говорить и думать объ общемъ благѣ и въ то же время обдѣлывать сомнительныя дѣлишки для своихъ „Жоржиковъ“.

Если все-таки подобные факты существуютъ, если есть люди, нелицемѣрно готовые пожертвовать даже жизнью, когда отъ нихъ того потребуетъ общее дѣло, и вмѣстѣ съ тѣмъ для себя лично способные допускать и переносить всякую гадость, то это именно признакъ отсутствія хорошаго гражданскаго воспитанія.

„Такова наша участь вообще,—говоритъ Успенскій;—то, что̀ называется у насъ всечеловѣчествомъ и готовностью самопожертвованія, вовсе не личное наше достоинство, а дѣло исторически для насъ обязательное, и не подвигъ, которымъ можно хвалиться, а величайшее облегченіе отъ тяжкой для насъ необходимости быть просто человѣчными и самоуважающими. *Сами мы* привыкли и насъ пріучила къ этому вся исторія наша не считать себя ни во что̀; сами мы поэтому можемъ основательно *себя лично* допустить и перенести всякую гадость, помириться со всякимъ давленіемъ, вліяніемъ, поддаться всякому впечатлѣнію: „намъ лично ничего не нужно“. Добиваться своего личнаго благообразія, достоинства и совершенства намъ трудно необыкновенно, да и поздно“... („Волей-неволей“).

Между тѣмъ, внѣ условій, требующихъ отъ человѣка полнаго самопожертвованія,—условій по существу рѣдкихъ и исключительныхъ,—какъ разъ необходимы ему эти качества: личное благообразіе, достоинство, самоуваженіе, чтобы съ честью исполнять лежащій на немъ гражданскій долгъ, чтобы самому, по своему почину и убѣжденію, добросовѣстно дѣлать общественное дѣло.

Мало того, по ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что

подвигъ, жертва, борьба такъ же важны и трудны въ маленькихъ дѣлахъ, какъ и въ большихъ, и что высокій героизмъ иногда проявляется не только въ томъ, чтобы беззавѣтно отдаваться въ массовомъ экстазѣ „большому справедливому дѣлу", но и въ томъ, чтобы всегда сознательно проявлять свою личность, чтобы при всякихъ обстоятельствахъ находить себѣ подходящую роль, чтобы постоянно быть человѣкомъ во всемъ значеніи этого слова.

Подобными именно чертами,—указываетъ Успенскій,—отличаются истинные общественные дѣятели, въ родѣ Парнелля или Брэдло, дѣятели *сами по себѣ*, по *своему* личному гражданскому и нравственному міровоззрѣнію,—*общественные* дѣятели, въ которыхъ, однако, не умерщвлена *личность*.

„Мнѣ думается,—говоритъ устами Тяпушкина Успенскій,—что Парнеллю и дома, и для себя, и для семьи, и для „Жоржика" нужно то самое дѣло, которое онъ дѣлаетъ въ парламентѣ; что парламентское, общественное дѣло начинается у него дома, въ немъ самомъ, въ личной потребности дѣлать его, въ личной жизни сердца, требующей такихъ именно ощущеній, какъ тѣ, которыя добываются его дѣломъ"... Это возстановленіе личности, въ смыслѣ сознательнаго, самостоятельнаго и активнаго отношенія ея къ своимъ обязанностямъ, частнымъ и общественнымъ, является любимою и наиболѣе настойчивою мыслью Успенскаго. Въ связи съ нею нужно понимать и взглядъ его на важность въ нашей общественной жизни „мерцающихъ огоньковъ".

„Мерцающіе огоньки"—это не простые отблески идеи всеобщаго самопожертвованія, въ которой стушевываются и исчезаютъ собственные характерные цвѣта ихъ источниковъ, и не изолированныя, съ другой стороны, мерцанія свѣтляковъ, безпорядочно и наугадъ бродящихъ во тьмѣ, не видящихъ ни другъ друга, ни общей цѣли своихъ скитаній.

Въ „мерцающихъ огонькахъ" соединяются и мораль личная—болѣзнь совѣсти, по выраженію Успенскаго, и мораль общественная—болѣзнь чести, по аналогичному термину Н. Михайловскаго.

„Мерцающіе огоньки" ищутъ исхода изъ противорѣчій и безцѣльности своего личнаго существованія,—исхода, который гарантировалъ бы имъ спокойную совѣсть; но вмѣстѣ съ тѣмъ, во имя гражданскаго долга, они стремятся къ такому дѣлу и къ такой обстановкѣ, которыя были бы совмѣстны съ самоуваженіемъ и сохраненіемъ собственнаго достоинства.

Отсюда видно, что мораль Успенскаго отнюдь нельзя пони-

мать, какъ призывъ къ маленькимъ дѣламъ, стоящимъ каждое само по себѣ, изолированно отъ той обстановки и того цѣлаго, въ которыхъ они совершаются. При глубокомъ пониманіи связей и отношеній общественной жизни, Успенскій смотрѣлъ на каждое маленькое дѣло, какъ на дѣло общественное, и, настаивая на дѣятельномъ вниманіи къ окружающему, хотя бы мелкому, пошлому и ординарному, видѣлъ въ этомъ вниманіи важную общественную, а не только личную задачу.

Перечислить и охарактеризовать болѣе подробно вопросы, интересовавшіе въ этомъ отношеніи Успенскаго и имъ разобранные,—въ краткомъ очеркѣ нѣтъ возможности. Довольно сказать, что мало есть изъ огромнаго количества его публицистическихъ и художественныхъ произведеній—такихъ, въ которыхъ такъ или иначе не были бы затронуты вопросы правды, совѣсти, долга, гдѣ бы онъ не старался распутать трудныя загадки жизни, гдѣ бы въ самыхъ обыденныхъ происшествіяхъ, въ самыхъ мелкихъ житейскихъ случаяхъ, въ самыхъ маленькихъ и незамѣтныхъ людяхъ, онъ не находилъ повода къ тому, чтобы задуматься надъ важнѣйшими нравственными проблемами и заставить надъ ними же подумать читателя.

Вотъ одна причина, почему его публицистическое творчество не можетъ не быть признано и въ наши дни полнымъ значенія, хотя бы непосредственно наблюдавшіяся имъ явленія и миновали. Явленія эти миновали, но ихъ моральное значеніе сохранилось; форма измѣнилась, но сущность осталась, и, читая Успенскаго, современный читатель въ этомъ отношеніи вынесетъ столько же, сколько выносилъ его предшественникъ—современникъ Успенскаго.

III.

Другая причина важнаго значенія публицистики Успенскаго состоитъ въ томъ, что, откликаясь на „злобу дня“, разбираясь въ жизненныхъ явленіяхъ даннаго момента, она, однако, захватываетъ ихъ такъ глубоко, что глазу читателя открываются перспективы, поучительныя для всякаго времени.

Укажемъ для примѣра одинъ изъ „злободневныхъ“ публицистическихъ очерковъ Успенскаго—„Джутовый мѣшокъ“ (изъ „Бѣглыхъ набросковъ“). Тема очерка незамысловатая, вопросъ—мимолетный, какихъ проходитъ передъ публицистикой сотни: изъ-за границы явился джутовый мѣшокъ и въ качествѣ машин-

наго фабриката убилъ ручное производство нашего доморощеннаго пеньковаго мѣшка; въ результатѣ „тысячи, десятки тысячъ народа становятся на гибельную стезю разоренія"... Дѣло происходило тридцать лѣтъ тому назадъ. Казалось бы, публицистическій очеркъ, посвященный столь давнему и столь частному вопросу, теперь могъ бы имѣть единственно лишь историческій интересъ. Но прочтите очеркъ Успенскаго, и вы убѣдитесь, что „джутовый мѣшокъ"—это, такъ сказать, имя нарицательное, изъ котораго извлечено общее понятіе объ аналогичныхъ явленіяхъ; многія изъ нихъ совершаются на нашихъ глазахъ, и цѣпь опредѣляющихъ ихъ причинъ и вызываемыхъ ими послѣдствій остается до сихъ поръ та же самая, какая указана Успенскимъ.

Джутовый мѣшокъ убилъ кустаря, но и до появленія этого мѣшка,—говоритъ авторъ,—„при продажѣ льна, при его обработкѣ, при выдѣлкѣ пряжи, холста, наконецъ при шитьѣ мѣшка, мы постоянно видимъ *около работника—какого-то „любителя"*, который, не имѣя въ карманѣ ни гроша, получаетъ какъ-то такъ, только во имя желанія поживиться,—пользу, чистую прибыль, и, разумѣется, удовольствіе"...

И вотъ почему:

„Система безчеловѣчныхъ отношеній принесла свои плоды въ томъ, что, не цѣня въ себѣ личность человѣческую, русскій человѣкъ мало цѣнитъ ее въ своемъ сосѣдѣ, и поэтому, несмотря на свои общинные и артельные порядки, онъ одинокъ, онъ въ пустынѣ, и вотъ почему можно придти къ нему безъ гроша и, пользуясь его одиночествомъ, ограбить..."

Гдѣ же выходъ?

„...Въ тѣхъ общинахъ, гдѣ въ основаніе союза кладется мысль о человѣкѣ, человѣческомъ достоинствѣ, нравственныхъ обязанностяхъ другъ къ другу... Если мѣшокъ бьетъ тѣмъ, что онъ работается по щучьему велѣнію машиной, то мысль о борьбѣ съ нимъ *тѣмъ же орудіемъ* непремѣнно пришла бы въ голову такимъ общинникамъ сама собой; *нельзя* не бороться, надо бороться, потому что *позорно, безчеловѣчно, по совѣсти преступно* быть равнодушнымъ къ тому, что вотъ это, напримѣръ, человѣческое существо, моя или чужая дочь, въ случаѣ моего равнодушія, должна будетъ существовать позорнымъ ремесломъ..."

Отчего же этого все-таки нѣтъ?

„Если ужъ дѣло пошло на аллегоріи,—продолжаетъ Успенскій,—то, мнѣ кажется, русскіе недуги рисуются нѣсколько въ иномъ видѣ: въ русскомъ обществѣ тронута параличомъ цѣлая

половина тѣла, отъ головы до пятокъ, а именно, если опять-таки говорить сравненіями,—та половина, гдѣ лежитъ сердце человѣческое. Другая сторона, сторона опухшей, разстроенной печени, напротивъ, дѣйствуетъ и регулируетъ весь строй жизни"...

Авторъ хочетъ сказать,—и дальше это поясняетъ,—что регулятивы и изоляторы въ нашихъ общественныхъ дѣлахъ преобладаютъ надъ иниціативой, направленной къ единенію и сплоченности, и что, именно въ силу этого, явленія въ родѣ джутоваго мѣшка, не встрѣчая общаго единодушнаго противодѣйствія, разражаются катастрофами надъ массой отдѣльныхъ лицъ.

Помимо моральной идеи, которая, какъ мы уже указывали, находитъ себѣ мѣсто почти въ каждомъ произведеніи Успенскаго, и въ данномъ случаѣ выражается въ призывѣ къ человѣчности взаимныхъ отношеній, къ должной оцѣнкѣ человѣческаго достоинства каждаго—интересна основная точка зрѣнія автора на затронутый имъ вопросъ: въ центрѣ явленія онъ видитъ *живого* человѣка и обсуждаетъ явленіе, исходя изъ *живой* нужды, *живого* горя, *живыхъ* страданій этого живого человѣка.

Трактуя вопросъ иначе, можно было бы говорить о „рабочихъ рукахъ", о „кустарномъ производствѣ", о „гибели" этого производства въ данной отрасли, о значеніи джутоваго мѣшка для нашей хлѣбной торговли и нашего „экспорта", и т. д. Могла бы получиться дѣльная, серьезная и полезная публицистическая статья, въ которой могли бы быть даже сдѣланы тѣ самые выводы о способахъ предотвращенія опасныхъ послѣдствій техническихъ изобрѣтеній для „рабочихъ рукъ", тѣ самые выводы, говоримъ, къ которымъ приходитъ и Успенскій. И однако, подобную статью намъ теперь было бы читать скучно, утомительно и неинтересно. Статью же Успенскаго мы читаемъ такъ, какъ будто она написана въ сегодняшнемъ газетномъ фельетонѣ и по самому „злободневному" вопросу, при томъ, конечно, талантливымъ перомъ. Однако не одинъ талантъ, а и указанная основная точка зрѣнія придаютъ ей такой, не оскудѣвающій отъ времени, общій интересъ. Джутовый мѣшокъ минуетъ, и другіе подобные ему факты прейдутъ, но живой человѣкъ, по которому они бьютъ, не прейдетъ, и бѣды, постигшія его тридцать лѣтъ назадъ, такъ же реальны, какъ бѣды современныя.

Но, вставъ на такую точку зрѣнія, иной писатель могъ бы написать лишь рядъ жалостныхъ словъ, которыя, весьма вѣроятно, сдѣлали бы честь его доброму сердцу, пробудили бы добрыя чувства въ сердцахъ читателей, предположимъ даже, наконецъ, вызвали бы добрыя дѣла въ пользу бѣдныхъ мѣшочницъ,

лишившихся заработка, и которыя, при всемъ томъ, читать намъ, спустя тридцать лѣтъ, не было бы никакого смысла. Читать же статью Успенскаго мы можемъ въ интересахъ просвѣтленія нашихъ взглядовъ на многіе *современные* общественные факты и общественныя дѣла.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ этотъ „любитель", не имѣющій гроша за душой, не получаетъ и теперь, вертясь около работника, „какъ-то такъ, только во имя желанія поживиться, пользу, чистую прибыль и, разумѣется, удовольствіе"?

Развѣ подрядчикъ, коммиссіонеръ, посредникъ—не современное явленіе? Развѣ организація непосредственныхъ отношеній между спросомъ труда и его предложеніемъ далеко двинулась впередъ со временъ джутоваго мѣшка? Развѣ окрѣпли и улучшились наши общинные и артельные порядки? И если современный кустарь въ нѣкоторыхъ сферахъ своего труда пользуется покровительствомъ и помощью, то развѣ не по прежнему онъ безпомощенъ и одинокъ во многихъ другихъ сферахъ? Что̀, напримѣръ, постигнетъ малоярословецкаго мужика-овчинника, ѣздящаго въ Малороссію для ручной выдѣлки овчинъ и кормящагося этимъ, если появится машина и начнетъ „по щучьему велѣнію" за часъ выдѣлывать столько же овчинъ, сколько малоярославецкій мужикъ выдѣлываетъ ихъ за годъ?

Развѣ не окажется онъ въ томъ же положеніи, въ какомъ, тридцать лѣтъ назадъ, оказались бѣжецкія мѣшочницы? и развѣ овчинникъ на такой случай организованъ въ союзъ, который былъ бы способенъ бороться съ машиной ея же орудіемъ?

Развѣ, наконецъ, аллегорія Успенскаго, объясняющая коренную причину этой неорганизованности, не сохраняетъ своего значенія и по наши дни?

Словомъ, ясно, что при томъ освѣщеніи, какое даетъ джутовому мѣшку Успенскій, джутовый мѣшокъ и въ самомъ дѣлѣ явленіе „нарицательное" и столь же живое для насъ, сколь живымъ было оно въ свое время. Ясно также, что подобная „злободневная" публицистика, оказывающаяся „злободневной" на многіе дни и даже годы, содержитъ въ себѣ что-то исключительное, и нельзя о ней сказать съ пренебреженіемъ: „Э, да это публицистика, старье!" и поставить крестъ надъ ея авторомъ, какъ надъ писателемъ отжившимъ.

Приведемъ въ примѣръ еще одинъ публицистическій очеркъ Успенскаго, тоже касающійся довольно незначительнаго явленія. Называется онъ: „Мелкіе агенты крупныхъ предпріятій" (изъ „Писемъ съ дороги"). Здѣсь авторъ отмѣчаетъ наплывъ въ города „новаго сорта людей, рожденныхъ и взрощенныхъ разви-

тіемъ капиталистическихъ предпріятій, людей крошечныхъ спеціальностей, загипнотизированныхъ какою-нибудь капельною частицею большого предпріятія, удаленныхъ этою капелькою отъ всякихъ общихъ интересовъ и вопросовъ“...

Помимо крупнаго общественнаго факта, породившаго этотъ сортъ людей, — роста капитализма и капиталистическихъ предпріятій, его вліяній на складъ всей жизни городовъ и деревень, —Успенскаго интересуетъ своеобразный духовный міръ „мелкихъ агентовъ“, онъ старается приглядѣться къ нему и понять его.

„И что же,—говоритъ онъ,—вы, можетъ быть, думаете, что человѣкъ такой нормы скучаетъ, томится, чувствуетъ неудовлетвореніе и жаждетъ выхода? Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ; именно бисерная-то мелкота спеціальностей, пріучающая человѣка сосредоточивать свои силы на какомъ-нибудь ничтожномъ предметѣ или дѣлѣ, изсушаетъ въ немъ всякую жажду простора и широты мысли; человѣкъ привыкаетъ обходиться безъ этой широты и ухитряется создать изъ своего капельнаго дѣла такое количество вопросовъ и интересовъ, которое вполнѣ поглощаетъ всѣ часы его жизни“...

Обдумывая тотъ же вопросъ далѣе, авторъ приходитъ къ заключенію, что таковы не только „мелкіе“, но и „покрупнѣе“ агенты и дѣльцы; что атмосфера копѣечныхъ и рублевыхъ интересовъ проникаетъ и въ другіе слои, которые, повидимому, къ ней не имѣютъ непосредственнаго отношенія, и вездѣ широта жизни начинаетъ скрываться за узкимъ горизонтомъ меркантильности. „Нѣтъ, положительно повсюду, благодаря пришествію этихъ копѣечныхъ тревогъ капитала, упалъ интересъ и значеніе общихъ коренныхъ вопросовъ жизни. Жизнь человѣческая исчезла подъ наплывомъ суеты предпріятія; люди, ихъ печали, горести, ихъ драмы, ихъ муки, нужда, грѣхъ, горе, ихъ надежды, желанія — все выбито изъ общественнаго сознанія, все потеряло значеніе предъ горемъ перевозокъ и переносокъ, страховокъ, коносаментовъ, винтовъ, тюковъ, ломовиковъ, пароходовъ, контролеровъ, и т. д., и т. д. Нѣтъ, не живитъ людей могущество и сила купона! Скуку, сухость, мелочность и тусклость вноситъ такой купонный слуга во всѣ сферы жизни, и вотъ почему такъ невыносимо скучно теперь вездѣ, гдѣ купону удалось развернуться болѣе или менѣе свободно!..“

Здѣсь опять все оригинально: и взятая тема, и постановка вопроса, и его освѣщеніе. Опять центральное мѣсто отведено человѣку, но на этотъ разъ уже не матеріальному его благопо-

лучію, а духовной жизни. Здѣсь экономическій факторъ разсматривается со стороны его психологическихъ послѣдствій, отражающихся на томъ живомъ матеріалѣ, который обыкновенно не привлекаетъ къ себѣ вниманія. Мелкій агентъ крупнаго предпріятія—это промежуточное звено между капиталистомъ и рабочимъ—онъ, правда, не бѣдствуетъ матеріально, иногда даже имѣетъ полный достатокъ, но скудость его духовныхъ интересовъ, нищета его внутренней жизни врядъ ли представляютъ явленіе нормальное и желательное.

И мы до сего дня стоимъ передъ этимъ явленіемъ, съ такою силою и яркостью изображеннымъ и объясненнымъ въ очеркѣ Успенскаго.

Мы привели изъ сочиненій Успенскаго образцы того, что̀ въ узкомъ смыслѣ принято называть публицистикой, простой откликъ на „злобу дня", размышленія по поводу совершающихся передъ глазами въ данный моментъ частныхъ явленій.

Оказывается, что даже въ этого рода публицистикѣ передъ нами публицистъ незаурядный, статьи котораго сохраняютъ полную свѣжесть и значеніе черезъ десятки лѣтъ послѣ того, какъ онѣ были написаны...

Въ качествѣ примѣра болѣе сложныхъ публицистическихъ работъ Успенскаго можно было бы взять любое изъ его изслѣдованій народной жизни; лучше всего, конечно, остановиться для этой цѣли на капитальномъ и блестящемъ трудѣ „Власть земли".

Здѣсь Успенскому удалось съ поразительною ясностью и яркостью истолковать особенности народнаго міросозерцанія и народнаго быта, а для этого необходимы были не только выдающаяся прозорливость и сила его мысли, но также весь тотъ огромный запасъ знаній народной жизни, какимъ онъ владѣлъ.

Гармоничность, простота, ясность основъ земледѣльческаго труда и быта, въ противоположность неурядицѣ и путаницѣ, которыя неминуемо сопровождаютъ всякій иной видъ общежитія, и которыя такъ же неминуемо вторгаются и въ земледѣльческое общежитіе вмѣстѣ съ чуждыми ему элементами промышленной цивилизаціи, съ точки зрѣнія теоріи Успенскаго понятны до мельчайшихъ подробностей.

Мы не будемъ входить въ передачу или въ разборъ этой теоріи. Для нашей цѣли достаточно указать, что и въ настоящее время для пониманія явленій народной жизни, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ, врядъ ли есть лучшее руковод-

ство, чѣмъ сочиненія Успенскаго несмотря на то, что съ его временъ жизнь деревни усложнилась многочисленными новыми вліяніями.

Для насъ, повторяемъ, достаточно высказать здѣсь убѣжденіе, которое врядъ ли кто-либо будетъ оспаривать, что публицистика Успенскаго, посвященная деревнѣ, не только жизненна, но и поучительна, полна не только интереса, но и богатаго содержанія, въ тотъ самый моментъ, въ который пишутся эти строки, быть можетъ, лишь немногимъ меньше, чѣмъ въ моментъ, когда она впервые появлялась. Необходимо отмѣтить при этомъ ту особенность литературы Успенскаго о народѣ, что она неразрывными нитями связана съ освѣщеніемъ всей русской общественной жизни и, главнымъ образомъ, съ попытками выясненія роли и задачъ въ этой жизни „не-народа", преимущественно же такъ называемой интеллигенціи. Поэтому произведенія Успенскаго, касающіяся народной жизни, не просто бытовые очерки и не просто объективное изслѣдованіе всѣхъ сторонъ народной жизни, всѣхъ ея порядковъ и непорядковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ рядъ глубокихъ мыслей по общественнымъ вопросамъ и по вопросамъ этики, на что уже указано было выше.

IV.

Чтобы закончить краткую оцѣнку публицистической дѣятельности Успенскаго, намъ нельзя еще не остановиться на тѣхъ его статьяхъ и очеркахъ, въ которыхъ, по выраженію Н. Михайловскаго, беллетристика „прорѣзана" публицистикой. Таковы: отчасти „Разоренье", рядъ очерковъ подъ общимъ заглавіемъ: „Новыя времена и новыя заботы", „Волей-неволей", „Скучающая публика", и много другихъ.

Не касаясь въ этихъ произведеніяхъ того, что имѣетъ форму беллетристики, разсмотримъ лишь въ общихъ чертахъ ихъ публицистическій элементъ. Прежде, однако, позволимъ себѣ небольшое отступленіе. Для уясненія нашей послѣдующей мысли необходимо напомнить, что для огромнаго большинства читателей художественныхъ произведеній—оцѣнка какъ формы, такъ и особенно содержанія ихъ, является дѣломъ труднымъ.

Чѣмъ глубже мысль художественнаго произведенія, чѣмъ шире и сложнѣе затронутый имъ кругъ явленій, тѣмъ труднѣе его понять и разобраться въ немъ. Достаточно развитой литературный вкусъ помогаетъ, правда, при наличности общаго развитія

и образованности, угадывать значеніе того или другого вновь появившагося художественнаго произведенія. Своею правдивостью, мощью. яркими образами и на профана оно можетъ произвести сильное и вѣрное впечатлѣніе, вполнѣ соотвѣтствующее его внѣшнимъ и внутреннимъ достоинствамъ. Но чтобы глубоко понять писателя и все, что онъ говоритъ, нужно не читать, а изучать его. И мало того,—чтобы изъ изученія получился надлежащій результатъ, нужно обладать и солидной литературной эрудиціей, и особымъ *критическимъ* складомъ ума, и знаніемъ жизни,—не голыхъ фактовъ жизни, а смысла этихъ фактовъ. Наконецъ, чтобы *истолковать* писателя помимо всего этого, нужно имѣть *талантъ* литературнаго критика.

Словомъ, ясно, что рядомъ съ художественной литературой вполнѣ самостоятельная и важная роль принадлежитъ литературной критикѣ. Задача первой — возсоздать жизнь такъ, какъ она есть, въ образахъ, типахъ и картинахъ... Задача второй— оцѣнить художественное достоинство этого творчества, а также проанализировать, расчленить и истолковать его содержаніе. Поэтому иногда критикъ можетъ имѣть болѣе отчетливый, вѣрный и глубокій взглядъ на изображаемыя художникомъ жизненныя явленія, чѣмъ даже самъ художникъ. Художникъ наблюдаетъ, собираетъ типическія черты явленій и обобщаетъ ихъ въ своихъ образахъ. Критикъ изслѣдуетъ ихъ взаимоотношенія и связь съ другими жизненными явленіями, опредѣляетъ ихъ причины и слѣдствія, указываетъ ихъ историческую постепенность, оцѣниваетъ ихъ сравнительную важность...

Мы напоминаемъ здѣсь эти извѣстныя истины, само собой разумѣется, лишь съ тою цѣлью, чтобы уяснить ихъ отношеніе къ писательству Успенскаго. Нужно вообразить, себѣ теперь, что талантъ художника и талантъ критика-публициста совмѣщаются въ одномъ лицѣ. Нужно вообразить, далѣе, что по какимъ-то причинамъ, о которыхъ рѣчь будетъ послѣ, талантъ художника не проявляетъ себя во всей силѣ и полнотѣ, что художественное творчество этого лица является отрывочнымъ, незаконченнымъ. Но — слѣдуетъ далѣе представить — передъ умственнымъ окомъ художника толпою стоятъ образы и картины, невольно извлекаемые его творческимъ воображеніемъ изъ наблюдаемой жизни и не запечатлѣваемые въ реальномъ творчествѣ, задержанномъ вышеупомянутыми препятствіями... Наконецъ, нужно вообразить, что критико-публицистическій талантъ того же лица анализируетъ и освѣщаетъ жизненныя явленія, соотвѣтствующія этимъ, еще не вылившимся и не воплотившимся въ слово, образамъ и картинамъ.

Послѣдняя стадія такого воображаемаго процесса и уяснитъ намъ значеніе публицистическаго элемента въ беллетристическихъ произведеніяхъ Успенскаго.

Въ самомъ дѣлѣ, прочтите, напримѣръ, подрядъ очерки: „Новыя времена, новыя заботы". Картина здѣсь смѣняется публицистикой, публицистика—картиной, и все это стоитъ въ связи, составляетъ одно цѣлое. Вотъ живой образъ Ивана Кузьмича Мясникова, купца и фабриканта, и вотъ вслѣдъ затѣмъ публицистическій анализъ двухъ смѣняющихъ другъ друга явленій—купца „старомоднаго" и купца „новаго". Картина „Распоясовской округи", живыя трагическія сцены изъ ея быта, а рядомъ съ этимъ—объясненіе другой ненарисованной картины: вторженія въ „распоясовскую" жизнь „питательной вѣтви" и спутника ея, Ивана Кузьмича.

Далѣе, комментаріи къ широко-задуманной, но ненарисованной картинѣ новаго губернскаго города, къ типу его коренного обитателя „человѣко-дома"; къ типу тамъ же пребывающаго канцелярскаго „обиняка"; къ типу туда же явившагося „интеллигентнаго неплательщика"... Еще далѣе—анализъ огромнаго и глубокаго явленія, которое авторъ называетъ „болѣзнью сердца и совѣсти", и которое онъ самъ считаетъ „удивительной картиной, достойной кисти большого художника".

„Большого художника,—говоритъ онъ,—съ большимъ сердцемъ ожидаетъ полчище народа, заболѣвшаго новою, свѣтлою мыслью, народа немощнаго, изувѣченнаго и двигающагося волей-неволей по новой дорогѣ и несомнѣнно къ свѣту. Сколько тутъ фигуръ, прямо легшихъ пластомъ, отказавшихся идти впередъ; сколько тутъ умирающихъ и жалобно воющихъ на каждомъ шагу; сколько бодрыхъ, смѣлыхъ, настоящихъ; сколько злыхъ, оскалившихъ отъ злости зубы! И все это—рвущееся съ пути, разбѣшенное, немощное, все это рвется съ дороги только потому, что это — новая дорога, новая мысль, и злится только потому, что не можетъ или не хочетъ помириться съ новою мыслью. Словомъ,—все это скопище терзается или радуется и смѣло идетъ впередъ потому только, что надъ всѣмъ тяготѣетъ одна и та же болѣзнь сердца, боль вторгнувшейся въ это сердце правды, убивающая и мучащая однихъ и наполняющая душу другимъ несокрушимою силой. Минута, ожидающая сильный и могучій талантъ, который, несомнѣнно, долженъ родиться среди такой массы глубокихъ сердечныхъ страданій"...

Талантъ этотъ родился, талантъ жилъ, и огромная картина обновленія „скопища" черезъ глубокія сердечныя страданія живо

рисовалась передъ его творческимъ воображеніемъ, въ чемъ легко убѣдиться уже изъ только-что приведеннаго общаго ея очерка; но онъ не нарисовалъ всей картины, а ограничился отдѣльными ея эпизодами и штрихами, дополнивъ остальное не кистью, а мастерскимъ перомъ другого таланта—публицистическаго, и это сдѣлать было тѣмъ легче, что оба таланта совмѣщались въ одномъ лицѣ.

Во всѣхъ художественныхъ произведеніяхъ Успенскаго публицистическій элементъ имѣетъ именно такой характеръ,—это критико-публицистическіе комментаріи къ тѣмъ образамъ, типамъ и картинамъ, которые создавалъ Успенскій-художникъ. Оттого публицистическій элементъ, о которомъ идетъ рѣчь, всегда имѣетъ своеобразную черту, свойственную лишь публицисту-художнику: его исходный пунктъ всегда широкое обобщеніе, принадлежащее самому Успенскому. Публицистъ, лишенный художественнаго дара, долженъ получать такое обобщеніе извнѣ, — тогда только его мысль, обладая готовымъ матеріаломъ, способна оперировать надъ нимъ и извлекать изъ него выводы и сужденія. Успенскій въ этомъ не нуждался: у него было два таланта.

Намъ остается отвѣтить на вопросъ: имѣютъ ли современный интересъ эти публицистическіе очерки Успенскаго, вплетенные въ его беллетристику, а иногда ее и совсѣмъ вытѣсняющіе? Доказывать, что отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только утвердительный, мы не будемъ. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда содержаніе такой публицистики Успенскаго для нашего времени носитъ характеръ историческій, одной талантливости писателя и глубины его проникновенія въ сущность отмѣчаемыхъ имъ фактовъ жизни достаточно, чтобы признать и эту часть его творчества неоскудѣвшей отъ времени самымъ живымъ и глубокимъ интересомъ. Но въ большинствѣ случаевъ темы, затронутыя Успенскимъ,—не умирающія. Та самая „болѣзнь сердца и совѣсти", о которой только-что шла рѣчь, не излечена и до нашихъ дней. Процессъ распространенія „мысли", которая, по словамъ Успенскаго, „тихими-тихими шагами, незамѣтными, почти непостижимыми путями пробирается въ самые мертвые углы русской земли, залегаетъ въ самыя неприготовленныя къ ней души", —далеко еще не закончился. Явленіе русской жизни, отмѣченное Успенскимъ въ очеркѣ: „Подозрѣваемые" („Богъ грѣхамъ терпитъ"), не только не исчезло, но еще больше распространилось и осложнилось...

Словомъ, современный читатель, и въ особенности молодой, которому приходится знакомиться съ произведеніями Успенскаго

впервые, найдетъ въ нихъ отклинъ на самые живые для него и насущные запросы, найдетъ отголоски своихъ собственныхъ думъ, сомнѣній, тревогъ, найдетъ рѣшеніе многихъ мучащихъ его загадокъ жизни и пріобрѣтетъ столько новаго матеріала для своихъ размышленій, столько новыхъ точекъ зрѣнія, столько новаго свѣта, правды и добрыхъ побужденій, что съ этимъ богатствомъ онъ смѣло можетъ пойти на встрѣчу тѣмъ недоумѣніямъ, въ которыя ввергаютъ его многія изъ „новѣйшихъ“ литературныхъ вѣяній.

V.

Имѣя, какъ уже сказано, два таланта: талантъ художника и талантъ критика-публициста [1]), Успенскій естественно долженъ былъ испытывать двоякое литературное тяготѣніе: его влекло и къ художественному творчеству, и къ публицистикѣ.

Констатируя такое двоякое влеченіе, Н. К. Михайловскій въ своей статьѣ объ Успенскомъ замѣчаетъ, что примѣры подобнаго богатства и разносторонности внутренней природы писателя уже имѣются въ исторіи литературы: Мильтонъ написалъ „Потерянный рай“, но онъ же написалъ и „Защиту англійскаго народа“; авторъ романа „Кто виноватъ?“ былъ публицистомъ и т. д.

Но тогда какъ разностороннія способности названныхъ писателей не мѣшали одна другой, и, отдаваясь художественному творчеству, они забывали публицистику и создавали цѣльныя, законченныя произведенія, а отдаваясь публицистикѣ, переставали быть художниками, у Успенскаго „смѣсь образа съ публицистикой“, по выраженію Короленко,—обычная манера письма. Въ силу этого художественное творчество Успенскаго выразилось въ рядѣ эскизовъ, очерковъ, сценъ и не дало ни одного широкаго законченнаго произведенія, гдѣ бы на почвѣ какого-нибудь вымысла или фабулы была сразу нарисована большая картина.

Имѣлъ ли самъ Успенскій влеченіе къ изображенію такой кар-

---

[1]) Публицистическое дарованіе Успенскаго нами обрисовано выше; отчасти выяснено также, почему его можно назвать критико-публицистическимъ; есть среди сочиненій Успенскаго и такія, гдѣ онъ является критикомъ-публицистомъ и въ обычномъ смыслѣ этого слова, т.-е. гдѣ онъ заимствуетъ матеріалъ для анализа не изъ своихъ личныхъ наблюденій и обобщеній, а изъ творчества другихъ художниковъ. Въ примѣръ можемъ указать очеркъ: „Поэзія земледѣльческаго труда“, гдѣ авторъ между прочимъ мастерски разбираетъ стихотворенія Кольцова и Лермонтова.

тины?—Будучи большимъ художникомъ, онъ не могъ не имѣть его. Что проспекты подобной картины носились передъ его воображеніемъ, на это мы имѣли уже указаніе выше. Кромѣ того, есть основаніе думать, что Успенскій не разъ принимался за исполненіе широко задуманнаго художественнаго замысла. Дѣйствительно, устами Тяпушкина въ очеркахъ „Волей-неволей" онъ говоритъ слѣдующее: „ужъ и не пересчитаешь, сколько разъ я принимался за этотъ романъ, или повѣсть, или мемуары; сколько разъ я былъ вполнѣ увѣренъ, что это надо сдѣлать, и сколько разъ разувѣрялся!.. Сотни разъ—какое?—сотни тысячъ разъ по крайней мѣрѣ рука моя написала: „глава первая", двѣсти тысячъ разъ она написала: „часть первая, глава первая", и всѣ эти сотни тысячъ начинаній оканчивались тутъ же, на мѣстѣ, большею частью на этой же несчастной первой главѣ, а иногда и первой строкѣ... А ужъ сколько этихъ началъ было! И „въ одинъ лѣтній вечеръ..." И „солнце склонялось къ горизонту,.." И „Марія Васильевна лежала на кушеткѣ..." Одинъ разъ было даже: „полулежала"... Ну да что! Молчаніе!.. Молчаніе!.."

Хотя мы не имѣемъ права отождествлять Тяпушкина съ Успенскимъ и хотя въ вышеприведенныхъ строкахъ явно сквозитъ ироническое отношеніе къ начинаніямъ Тяпушкина по части романа, повѣсти или мемуаровъ, но это самое ироническое отношеніе къ „роскоши", чѣмъ несомнѣнно считалъ Успенскій художественное творчество, и это мелькомъ высказанное замѣчаніе о колебаніяхъ, испытанныхъ Тяпушкинымъ: надо писать или не надо, слѣдуетъ или не слѣдуетъ,—все это настолько характерно для самого Успенскаго, что съ большимъ вѣроятіемъ можно допустить, что именно онъ и находился въ положеніи Тяпушкина.

Что же препятствовало Успенскому выйти, выражаясь словами Михайловскаго, на большую дорогу беллетристики и обогатить нашу художественную литературу романами и повѣстями?

Михайловскій объясняетъ это отчасти внѣшними условіями и характеромъ той эпохи, въ которыхъ пришлось работать Успенскому, отчасти его взглядами на дѣло: „всякую архитектурную стройность—по словамъ Михайловскаго—онъ (Успенскій) всегда готовъ заклать на алтарь занимающей его мысли", и отчасти личными свойствами Успенскаго.

Послѣдняя причина едва ли не самая важная, такъ какъ она лучше всего даетъ понять, почему Успенскій не могъ ждать, пока полученныя имъ впечатлѣнія улягутся и отольются въ за-

конченный образъ или картину, не могъ „вынашивать“ своихъ произведеній и обставлять ихъ аксессуарами фантазіи, а немедленно заносилъ эти свои впечатлѣнія и мысли на бумагу и пускалъ въ обращеніе.

Личность Успенскаго прекрасно охарактеризована въ воспоминаніяхъ о немъ В. Г. Короленко („Русск. Бог.“, 1902, № 5). Изъ нихъ выясняется, что Успенскій былъ человѣкъ необыкновенной, болѣзненной отзывчивости на жизненныя впечатлѣнія. Дѣйствительность, въ буквальномъ смыслѣ слова, *била* его по нервамъ.

„Есть, — говоритъ Короленко въ названныхъ воспоминаніяхъ, — такіе счастливые художники-олимпійцы, которые даже въ самой казни видятъ благодатную „натуру“. Глѣбъ Ивановичъ по своему темпераменту находился на противоположномъ полюсѣ...“

Это значитъ, что казнь, еслибы онъ былъ ея свидѣтелемъ, не только не навела бы его на мысль о благодарномъ „сюжетѣ“, но, будь у него уже наготовѣ другіе „сюжеты“, отбила бы охоту ихъ разрабатывать.

„Ну да что?.. Молчаніе!.. Молчаніе!..“

Молчаніе въ сферѣ художественнаго вымысла и „архитектурной“ его разработки! Взволнованное и оскорбленное чувство, встревоженная мысль—все подавляютъ и вытѣсняютъ, все, даже безпокойные и могущественные позывы къ творчеству, присущіе истинному таланту. И, поборовъ ихъ, Успенскій берется за перо публициста, чтобы тотчасъ же дать исходъ этому чувству и этой мысли, чтобы „кровью своего сердца и сокомъ своихъ нервовъ“ отмѣтить впечатлѣніе данной минуты, подѣлиться имъ съ другими, раскрыть передъ этими другими все глубокое значеніе даннаго факта, разбудить и ихъ чувство, и ихъ мысль... Представимъ теперь себѣ человѣка настолько впечатлительнаго, настолько чуткаго, что подобное же дѣйствіе производитъ на него не только всякое изъ тѣхъ тяжелыхъ явленій дѣйствительности, какихъ въ ней даже и мало-наблюдательному глазу представляется множество. При томъ судьба этого человѣка такова, что ему всю жизнь почти приходится вращаться въ кругу нужды, скитаться по всѣмъ концамъ обширной русской земли, сталкиваться съ неправдой и зломъ во всѣхъ ихъ всевозможныхъ образахъ и формахъ... Весьма понятно тогда станетъ, почему онъ не обогатилъ нашей литературы законченными и стройными художественными произведеніями. Вотъ самый подходящій ключъ къ объясненію пробѣловъ художественнаго творчества Успен-

скаго, пробѣловъ, которые, однако, на нашъ взглядъ, съ избыткомъ покрыты вытекающимъ изъ того же свойства темперамента Успенскаго характеромъ всѣхъ его произведеній.

Правду говорилъ Н. Михайловскій: „Бываютъ совершенно неправильныя физіономіи, которыя, однако, вамъ больше нравятся, чѣмъ писаные красавцы. Бываетъ и такъ, что какая-нибудь завѣдомая неправильность въ лицѣ любимаго человѣка, какой-нибудь очевидный изъянъ въ немъ становится особенно дорогимъ вамъ, именно потому, что это—особенность любимаго человѣка, одна изъ чертъ, которыя отличаютъ его, дорогого, отъ всѣхъ прочихъ, безразличныхъ или непріятныхъ. Вы отлично понимаете, что это изъянъ, и на другомъ лицѣ этотъ изъянъ произведетъ на васъ, можетъ быть, даже прямо отталкивающее впечатлѣніе, но тутъ онъ какъ-то у мѣста, и объясненіе этой умѣстности лежитъ частью въ васъ самихъ, частью въ общемъ выраженіи любимаго лица, въ которомъ отразилось то, что̀ васъ заставило полюбить...“

Сравненіе, превосходно уясняющее и литературную физіономію Успенскаго, и отношеніе къ ней читателя.

Распространяя его дальше, можно добавить, что трудно себѣ даже вообразить Успенскаго въ качествѣ „писанаго красавца“, что этотъ „дорогой“ изъянъ въ его лицѣ (литературномъ, конечно)—изъянъ природный, съ которымъ онъ родился, жилъ, работалъ и умеръ. На долю писаныхъ красавцевъ выпадаетъ внѣшній успѣхъ, лавры, цвѣты, восторги... На долю Успенскаго пусть останутся искреннія симпатіи и привязанность. И тѣ, кто его любитъ и еще полюбитъ, не будутъ въ проигрышѣ: въ немъ они найдутъ вѣрнаго друга всему лучшему, чѣмъ наполнены ихъ мысль и сердце, добраго руководителя въ сомнѣніяхъ и колебаніяхъ, свѣтлаго учителя жизни.

Г. Р.

ВЛАДѢТЕЛЬ ТОЛЛЕНШТЕЙНА

РАЗСКАЗЪ.

— Prinz Emil von Schönaich-Carolath. Der Freiherr. Novelle. Leipzig. 1903.

Въ столовой клуба дипломатовъ въ одной изъ южно-германскихъ резиденцій только-что окончился обѣдъ; безшумно двигаясь, прислуга убрала со стола, украшеннаго цвѣтами; метрдотель, скользя наноскахъ лаковыхъ ботинокъ, подошелъ къ среднему окну и отдернулъ тяжелую плюшевую драпировку. Яркіе вечерніе лучи мартовскаго солнца потокомъ ворвались въ комнату, ложась полосами на дубовый столъ, тутъ — золотя край его, тамъ—вплетая въ рѣзьбу граненаго графина свѣтлыя нити, отражавшіяся на темной стѣнѣ въ видѣ пестрыхъ свѣтящихся квадратиковъ. Въ глубинѣ амфилады комнатъ, сквозь дымъ отъ сигаръ, мерцалъ зеленоватый огонекъ лампъ и слышался по временамъ тягучій голосъ банкомета. Въ столовой, за столикомъ у окна сидѣлъ въ качествѣ запоздавшаго гостя—совѣтникъ посольства баронъ Роттбергъ. Наружность его была правильная, пріятная, волосы—еще густы, борода—выхолена; самый наблюдательный взоръ едва замѣтилъ бы отдѣльныя серебристыя нити на вискахъ и легкія морщинки въ углахъ глазъ. Барону везло въ жизни; уменъ, хладнокровенъ, богатъ, онъ ожидалъ вскорѣ назначенія на высокій дипломатическій постъ и, будучи превосходно принятъ при дворѣ и въ избранномъ кругу, служилъ предметомъ вниманія со стороны дамъ трехъ первыхъ классовъ. Баронъ считался образцомъ достойнаго зависти, вполнѣ довольнаго своею жизнью человѣка. Съ начала службы онъ находился при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; мирная жизнь въ симпа-

тичной резиденціи пришлась ему по душѣ, и на ея мягкихъ крылахъ онъ незамѣтно достигъ близости сорокалѣтняго возраста. Съ нѣкоторыхъ поръ довольство его нарушалось, однако, мрачными часами неудовлетворенности, приливами непостижимаго безпокойства, заставлявшими его призадумываться. И въ эту минуту, когда баронъ сидѣлъ откинувшись на спинку кресла передъ изысканнымъ, почти нетронутымъ обѣдомъ,—онъ далеко не имѣлъ счастливаго или привѣтливаго вида. Теплый весенній день, наступившій вслѣдъ за таяньемъ снѣга, сразу положилъ конецъ зимѣ, позволяя мечтать о близкомъ появленіи зелени и веселомъ гомонѣ птичьихъ голосовъ, но въ то же время онъ выбилъ барона изъ колеи и непріятно разстроилъ его чувствительные городскіе нервы. Когда ему подали кофе, онъ положилъ только-что закуренную сигару и нетерпѣливо отодвинулъ чашку съ серебрянымъ кофейникомъ. Кровь хлынула ему въ голову, онъ ощутилъ стѣсненіе сердца, и когда это тяжелое ощущеніе миновало, почувствовалъ себя разстроеннымъ, утомленнымъ, раздраженнымъ. Нѣсколько юныхъ атташé съ моноклями и облысѣвшими макушками вошли въ столовую, лѣниво перекидываясь словами, и затѣмъ опустились въ кресла въ сосѣдней комнатѣ. Прошелъ, гремя шпорами, съ газетой коннозаводства въ рукѣ, гвардейскій уланъ; онъ пріостановился, чтобы разсказать кому-то на своемъ офицерскомъ жаргонѣ о покупкѣ лошадей, сдѣланной товарищемъ драгуномъ, о случаѣ на скачкахъ въ Будапештѣ, нѣсколько разъ зѣвнулъ, и затѣмъ его картавая особа снова скрылась въ игорной комнатѣ.

Когда онъ ушелъ, барона вновь охватило непередаваемое гнетущее недовольство.

„Не боленъ ли я? — подумалось ему; — или мною просто завладѣла безутѣшная скука? Я начинаю пропадать въ этой обстановкѣ, глупѣть — отъ этихъ вѣчныхъ обѣдовъ и партій въ вистъ. Я пустъ, какъ кукла изъ соломы; это не жизнь, а безсмысленное прозябаніе, и пора положить ему конецъ... Я старѣюсь; дѣйствительно, не лучше ли жениться?

„Многое утрачено, многое пропущено... Не опоздалъ ли я?

Онъ вздрогнулъ, словно, по народному повѣрью, кто-нибудь прошелъ по его могилѣ, налилъ себѣ изъ пузатой бутылки рюмку шартрёза и быстро осушилъ ее. Вино согрѣло и какъ бы влило въ него новую жизнь. — Открыть окно!—приказалъ онъ проходившему мимо лакею.

Жениться!

Любилъ ли онъ когда-нибудь? Нѣтъ. У матерей, ухаживав-

шихъ за нимъ, у юныхъ, улыбающихся, стрѣляющихъ глазками дѣвицъ—его острый взоръ подмѣчалъ между бровей озабоченную складку, говорившую о желаніи пристроиться. Была ли среди барышенъ, смѣнявшихся передъ нимъ на паркетѣ придворныхъ баловъ, хоть одна, которую онъ пожелалъ бы видѣть рядомъ съ собой? Было ли у него хотя одно воспоминаніе, заставлявшее сильнѣе забиться его холодное сердце свѣтскаго человѣка? Нѣтъ, въ области придворныхъ баловъ и прочихъ празднествъ, среди основаннаго на лжи и неестественности житейскаго миража, съ которымъ связано понятіе объ обществѣ, — онъ не оставилъ за собою ни одного могучаго, чистаго воспоминанія. И тѣмъ не менѣе, передъ нимъ выплылъ образъ: не изъ залитой огнями раздушенной бальной атмосферы—какая-нибудь фигура съ ослѣпительными плечами, — нѣтъ! а въ полумракѣ лѣса, ведущаго къ запущенному старому зàмку Ирмельдингенъ, предъ нимъ вырисовался дѣвственный юный обликъ. Ему вспомнились—и откладываемая годами поѣздка къ чудаку родственнику и его жизнерадостной женѣ, и тотъ патріархальный образъ жизни, который вели они среди престарѣлыхъ слугъ, подъ дырявою кровлею разрушавшагося зàмка. Смутно припоминались нѣкоторыя случайности,—позабавившія его въ то время, какъ сцены изъ комедіи,—когда ему, проницательному свѣтскому человѣку, открывались невинныя ухищренія, при помощи которыхъ хозяйка дома пыталась замаскировать многіе недочеты въ хозяйствѣ, и тѣмъ лишь очевиднѣе подвергала ихъ критикѣ избалованнаго гостя.

Но среди воспоминаній о старомодныхъ людяхъ, наполовину пустыхъ комнатахъ и старинной мебели рококò—все отчетливѣе и ярче выдвигался образъ единственной дочери этихъ столь различныхъ между собою супруговъ, очень молодой дѣвушки съ лучезарными глазами и развѣвающимися бѣлокурыми волосами, перевязанными блѣдною лентой. Роттберга охватили непривычно отрадныя, своеобразныя размышленія. Онъ вспомнилъ, что ее звали Габріэллой. Какъ она должна была похорошѣть за это время; стройна, величава, нетронутый лѣсной цвѣтокъ. Ее, по весьма уважительнымъ причинамъ, не привозили ко двору, не учили охотиться за мужчинами. Если ужъ дѣйствительно ему слѣдовало жениться, то нигдѣ и никогда онъ не найдетъ болѣе подходящей партіи. Правда, старикъ Ирмельдингенъ погрязъ въ долгахъ, но все-же ихъ фамилія, приходившаяся Роттбергамъ сродни, была безукоризненной. Возрастъ? Послѣ нѣкоторыхъ вычисленій Роттбергъ сообразилъ, что Габріэллѣ должно быть лѣтъ девятнадцать—вдвое меньше, чѣмъ ему. Это не являлось, однако,

непреодолимымъ препятствіемъ; а если бы дѣвушкѣ и вздумалось придать ему значеніе, она безъ сомнѣнія пойметъ, что за это маленькое неравенство въ счетѣ онъ можетъ съ лихвой вознаградить ее—въ смыслѣ богатства и блестящаго общественнаго положенія. Баронъ выбранилъ себя за то, что ему ранѣе не пришло въ голову протянуть руку за сокровищемъ, о существованіи котораго не подозрѣвалъ никакой искатель счастія, за цвѣткомъ, выросшимъ какъ бы нарочно для него за оградою зеленаго лѣса.

На дворѣ вѣяло весною, и безлиственные платаны стояли въ прозрачномъ, тающемъ мерцаніи; масса гуляющихъ уже стремилась къ общественному саду; дѣти продавали букетики крокусовъ и анемонъ. Вечернее солнце озаряло окна мансардъ; лучи его, подобно огненнымъ стрѣламъ, ложились на всѣ блестящіе предметы, вызывая отвѣтное сіяніе. Они сверкали на серебрѣ сбруи кровныхъ коней, запряженныхъ въ коляску Роттберга; благородныя животныя неподвижно ждали у подъѣзда, настораживая по временамъ уши и нетерпѣливо поднимая свои тонкоочерченныя головы. Вдали, за влажною гладью полей, на краю горизонта поднимались — видимыя лишь острому взору, темно-синія возвышенія, перерѣзанныя бѣлыми полосами снѣговъ—вершины горнаго хребта. При видѣ ихъ баронъ сразу принялъ рѣшеніе. Тамъ находился Толленштейнъ—его имѣніе; онъ не былъ въ немъ уже много лѣтъ; теперь тамъ низвергаются со скалъ горные потоки въ тѣни шумящихъ сосенъ и свободно гуляетъ рѣзкій утренній вѣтеръ. Тамъ стоялъ и зáмокъ Ирмельдингенъ. Вернувшись домой, баронъ написалъ своему начальнику просьбу объ отпускѣ, приказалъ приготовить все къ отъѣзду— поѣздъ отходилъ ночью,—и съ тѣхъ поръ его уже не видали въ клубѣ дипломатовъ.

Когда послѣ ночи, проведенной въ вагонѣ, баронъ вышелъ на станціи, онъ не нашелъ заказаннаго имъ почтоваго экипажа, но обрадовался этому, и, отдавъ камердинеру приказаніе относительно багажа, зашагалъ въ утреннемъ сумракѣ по лѣсной тропинкѣ, которая послѣ двухъ-часоваго пути должна была привести его къ дому толленштейнскаго лѣсничаго. Онъ вскорѣ оставилъ за собою спящіе дома мѣстечка. Постепенно дорога ухудшалась, становилась едва замѣтной среди торчащихъ изъ-подъ земли, переплетающихся корней, но баронъ безошибочно шелъ впередъ. Мѣстность была достаточно ему знакома, и эта прогулка въ одиночествѣ благотворно дѣйствовала на него.

Влажный лѣсной воздухъ, насыщенный острымъ запахомъ сосны, освѣжалъ ему голову, бодрилъ тѣло; городская усталость, упадокъ нервовъ—смѣнились юношески отраднымъ приливомъ силъ. Онъ ни за что не промѣнялъ бы эту прогулку по пнямъ на отдыхъ въ кровати подъ высокимъ балдахиномъ. День наступалъ—и гребень горъ былъ уже недалеко.

Между гигантскихъ стволовъ и волнообразныхъ неровностей почвы просвѣчивали мѣстами снѣжныя поля—еще не тронутыя таяніемъ. Голоса просыпались. Послышалась звонкая пѣсня дрозда, затѣмъ прозвенѣлъ рѣзко и неожиданно боевой кличъ тетерева. Съ высотъ пронесся вѣтеръ, спутавшій влажныя вѣтви сосенъ. Въ лѣсу свѣтлѣло, и на востокѣ разгорался блѣдный и ясный весенній день. Глубоко вдыхая воздухъ, Роттбергъ думалъ о томъ, какъ прекрасна природа, и какъ глупъ человѣкъ, который лишь въ полдень жизни снова находитъ къ ней путь.

Онъ зашагалъ впередъ; передъ нимъ былъ высокоствольный лѣсъ, густую чащу котораго пронизывали огненныя стрѣлы восходящаго солнца. Слухъ его снова уловилъ звуки, выходившіе на этотъ разъ изъ человѣческихъ устъ. На лѣсной полянѣ онъ увидѣлъ дрова, приготовленныя для перевозки, и тутъ же на дубовомъ обрубкѣ сидѣлъ парень въ кожаной курткѣ, въ охотничьей шляпѣ, съ ружьемъ за плечами. Онъ жевалъ длинный стебель травы, и его вытянутая рука сжималась и разжималась, выдавая сдерживаемое волненіе. Передъ нимъ стояла дѣвушка въ деревенскомъ платьѣ, но со спускавшимся ей на спину нарядным шолковымъ платкомъ. Казалось, она умоляла о чемъ-то парня, хмуро и полусмущенно смотрѣвшаго въ землю.

— Оставь меня, Моди!—воскликнулъ онъ сердито;—не могу я и не хочу, вотъ тебѣ мой сказъ! А ты бы постыдилась бѣгать за мною—на посмѣшище людямъ...

Дѣвушка вскрикнула и хотѣла броситься ему на шею, но онъ отстранилъ ее рукою такъ, что она, потерявъ равновѣсіе, споткнулась и упала на дрова. Она сѣла, закрывъ лицо руками, а парень всталъ и, повернувшись къ ней спиною, исчезъ за деревьями.

„Любовная идиллія дѣтей природы!—насмѣшливо подумалъ баронъ.—Однако, если я не ошибаюсь, здѣсь—толленштейнское лѣсничество, и я имѣю право разспросить малютку относительно горя, причиненнаго ей этимъ балбесомъ".

Онъ подошелъ къ плачущей и поздоровался съ нею. Дѣвушка вскочила въ испугѣ и хотѣла убѣжать, но внѣшность барона, его дружелюбныя слова, носившія, правда, слегка насмѣшливую

окраску, внушили ей довѣріе къ нему. Если ужъ чужой баринъ видѣлъ, какъ она плакала передъ Андерлемъ и какъ тотъ обошелся съ нею, то пусть онъ знаетъ, что она любитъ этого безпутнаго парня. Онъ гордъ, хотя у него гроша ломанаго нѣтъ за душой, и ему слѣдовало бы благодарить Господа Бога, еслибы богатый крестьянинъ отдалъ за него свою дочь. Да и она сама по себѣ—не изъ послѣднихъ невѣстъ...

При этихъ словахъ дѣвушка вопросительно, съ полуулыбкой взглянула на барона, какъ бы ожидая подтвержденія своихъ словъ, что̀ онъ и не замедлилъ исполнить. Дѣвушка показалась ему весьма привлекательной для крестьянки: у нея была не слишкомъ мѣшковатая фигура; правильное лицо освѣщалось южными, темными какъ вишни глазами. Онъ сказалъ ей въ утѣшеніе, что помощникъ лѣсничаго, отказывающійся отъ такой славной дѣвушки,—должно быть, порядкомъ избалованный негодяй, которому баронъ, господинъ его,—основательно намылитъ голову.

Просвѣтлѣвшее-было лицо дѣвушки снова омрачилось.

— Долгонько придется этого ждать,—проговорила она:—нашъ баронъ не заботится о здѣшнихъ горахъ; онъ катается себѣ въ столицѣ на резиновыхъ шинахъ и знать насъ не хочетъ. А между тѣмъ въ Толленштейнѣ—Божья благодать.

Роттбергъ засмѣялся, но правда, отъ которой онъ начиналъ вкушать, оказывалась горькой. Мысленно онъ далъ себѣ слово исправить ошибку судьбы, исполнивъ сердечное желаніе дѣвушки, если только это окажется возможнымъ, а воля у него была твердая. Поэтому онъ заставилъ ее повторить ея имя: дочь висталерскаго крестьянина, Моди, и простился съ нею, обѣщавъ, что она скоро получитъ извѣстіе отъ Андерля.

Этотъ неожиданный случай развеселилъ его; міръ въ настоящемъ и будущемъ рисовался ему въ розовомъ свѣтѣ утра. Однако онъ начиналъ чувствовать неудобство пути и жаждалъ выбраться на проторенную дорогу. Скоро между соснами и елями засвѣтились бѣлые стволы березъ. Баронъ свернулъ на боковую тропинку, пересѣкавшую путь, и услышалъ приближавшіеся шаги: на встрѣчу ему, въ тѣни деревъ, шелъ человѣкъ, въ которомъ онъ узналъ помощника лѣсничаго, говорившаго съ Моди. Парень шелъ съ опущенной головою, погруженный въ думы; онъ сдвинулъ шляпу на затылокъ, и прядь рыжихъ волосъ, выбившись изъ-подъ нея, падала ему на угрюмый лобъ. По небольшому металлическому значку на шляпѣ — въ немъ можно было признать Роттберговскаго лѣсничаго. Когда баронъ былъ отъ него саженяхъ въ двухъ, онъ пришелъ въ себя и схватился за ружье.

— Опоздалъ, молодчикъ!—засмѣялся баронъ.—Будь я изъ такихъ, что̀ воруютъ лѣсъ, я уложилъ бы тебя раньше, чѣмъ ты успѣлъ бы взяться за ружье. Легче, видно, дѣвушекъ обижать, чѣмъ ловить воровъ, а?

Лицо лѣсничаго густо покраснѣло и приняло свирѣпое выраженіе.

— А что̀ вамъ нужно здѣсь въ лѣсу?—рѣзко возразилъ онъ.—Шпіонить что-ли вздумали? Нѣтъ ли съ вами еще кого-нибудь и что̀ вы за человѣкъ?

— Потише, любезный!—прервалъ баронъ спокойно.—Разспрашивать—мое дѣло. Хочешь знать, кто я такой? Если ты еще не видѣлъ владѣльца за̀мка, то раскрой глаза. Я—вашъ баронъ. А теперь проводи меня до Рисбаха. Оттуда я самъ найду дорогу къ лѣсничеству.

Помощникъ сорвалъ шапку съ головы и вытянулся. Баронъ оглядѣлъ его не совсѣмъ благожелательнымъ взглядомъ; лицо парня было некрасиво, волосы—рыжеватые, и только въ сѣрыхъ глазахъ цвѣта стали свѣтились умъ и смѣлость, но взглядъ былъ недобрый, несмотря на напускное смиреніе, выражавшееся въ немъ по временамъ. Онъ произвелъ на барона дурное, почти зловѣщее впечатлѣніе; поэтому, не удостоивъ его ни однимъ словомъ, Роттбергъ сдѣлалъ ему знакъ идти впереди и молча послѣдовалъ за нимъ. Онъ охотно разспросилъ бы его относительно виста-лерской Моди, но парень былъ прямо противенъ ему. „Изъ-за такого субъекта,—думалось ему,—хорошенькая дѣвушка готова выплакать себѣ глаза. Но—да будетъ все по волѣ этой деревенской феи, хотя онъ побоями какъ разъ отправитъ ее въ царство небесное“.

Достигнувъ Рисбаха, владѣлецъ за̀мка отослалъ проводника повелительнымъ движеніемъ руки и скоро подошелъ къ лѣсничеству. Чудная такса лежала передъ дверью дома и съ бѣшенымъ лаемъ кинулась на пришельца. Лѣсничій показался у окна съ трубкою въ зубахъ, въ халатѣ, но узнавъ барона, онъ былъ такъ пораженъ, что выронилъ чубукъ.

— Ваше сіятельство, да еще пѣшкомъ! — воскликнулъ онъ съ величайшимъ изумленіемъ, открывая дверь въ контору и извиняясь за свой утренній костюмъ.

Баронъ успокоилъ его, разсказалъ о своемъ путешествіи со станціи и, попросивъ закусить, сдѣлалъ честь жесткому копченому мясу.

— Можетъ быть, ваше сіятельство, пожелаете просмотрѣть мои счета по продажѣ и покупкѣ растеній и сѣмянъ?—освѣдо-

мился лѣсничій, который, въ качествѣ добросовѣстнаго служащаго, былъ преисполненъ усердія. Баронъ согласился, чувствуя за собою многія упущенія, и ему захотѣлось ознакомиться съ положеніемъ лѣсного дѣла. Счета оказались въ полномъ порядкѣ, а въ кассѣ—значительная сумма денегъ. Окончивъ провѣрку, онъ поблагодарилъ лѣсничаго, который осмѣлился спросить: намѣренъ ли г. баронъ пробыть здѣсь нѣкоторое время, или ненадолго пожаловалъ по дѣлу?—и добавилъ, что люди жалуются на то, что имъ такъ рѣдко приходится видѣть его сіятельство.

Баронъ почувствовалъ легкій укоръ и не сразу отвѣтилъ.

— А каковъ персоналъ вашихъ служащихъ?—освѣдомился онъ уклончиво:—есть у васъ среди досмотрщиковъ нѣкій Андерль? Дѣльный онъ малый?

Лѣсничій отвѣтилъ утвердительно, изумленный освѣдомленностью барона. Андерль безусловно заслуживаетъ похвалы, усердный, трезвый человѣкъ, замѣчательный стрѣлокъ, но къ числу его недостатковъ принадлежитъ излишняя строгость по отношенію къ браконьерамъ и порубщикамъ, вслѣдствіе чего его ненавидятъ во всемъ краѣ. Правда, что съ нѣкоторыхъ поръ онъ какъ-то угомонился и все задумывается; навѣрное исторія съ какой-нибудь женщиной.

— Знаю,—прервалъ баронъ:—у него романъ съ дочерью висталерскаго крестьянина, съ Моди. Отецъ ея богатъ, не такъ ли?

У лѣсничаго отъ изумленія вторично выскользнула трубка: знакомство барона со всѣми подробностями дѣла показалось ему невѣроятнымъ.

— Въ такомъ случаѣ вашему сіятельству извѣстно,—продолжалъ онъ къ увеселенію барона,—что Моди, какъ говорится, закусила удила и преслѣдуетъ парня по пятамъ? Казалось бы, что ему слѣдуетъ обѣими руками ухватиться за такое счастье;—г. баронъ, можетъ быть, этого не знаетъ, но дѣвушка премиленькая,—отецъ ея старъ, такъ что обОлтусъ могъ бы года черезъ два оказаться хозяиномъ во дворѣ и кататься себѣ, какъ сыръ въ маслѣ. Но—куда тебѣ!—какъ это вѣроятно извѣстно и вашему сіятельству!—парень и слышать не хочетъ о женитьбѣ; ему любо жить въ лѣсу; отъ Моди онъ старается отдѣлаться,—ему противно, что она ему навязывается, по его словамъ. А самъ онъ—подкидышъ, воспитанный изъ состраданія общиной, былъ подпаскомъ и чаще получалъ колотушки, чѣмъ куски хлѣба. Можетъ быть, именно потому онъ лучше всего чувствуетъ себя въ лѣсу, и прямо боится домовитой крестьянской жизни. Онъ—какъ собака пастуха, ничего не видавшая, кромѣ черняго хлѣба;

попробуйте-ка дать ей кусокъ мяса: заворчитъ и убѣжитъ. А ужъ упрямство у парня такое, что ни битьемъ, ни добромъ ничего съ нимъ не подѣлаешь...

Роттбергъ сидѣлъ откинувшись на спинку кресла и проводя рукою по ручкѣ изъ оленьяго рога.

— Любезный г. лѣсничій,—отвѣтилъ онъ наконецъ,—то, что̀ вы говорите—совершенно справедливо. До сихъ поръ,—тутъ онъ слегка зажмурился,—у меня не было времени заняться Толленштейномъ и нашими крестьянами. Надѣюсь, что теперь все пойдетъ иначе. Мнѣ уже не безразлично, что человѣкъ, служащій у меня, подвергаетъ, съ одной стороны, приличную дѣвушку различнымъ пересудамъ, а съ другой стороны—безразсудно топчетъ ногами свое собственное счастье. Я желаю, чтобы вы сами вмѣшались въ это дѣло и урезонили Андерля, если отецъ дѣвушки не откажетъ въ своемъ согласіи.

— Съ этой стороны можно быть спокойнымъ,—отвѣтилъ лѣсничій:—дѣвушка водитъ старика на помочахъ, но съ Андерлемъ выйдетъ загвоздка. Впрочемъ, вотъ что̀ я надумалъ, ваше сіятельство: я знаю такое средство приструнить его, что ему нельзя будетъ отвертѣться. Крестьяне его ненавидятъ изъ-за его строгости къ порубщикамъ,—никто не возьметъ его въ работники. Сто̀итъ только вашему сіятельству сказать ему: ты мнѣ больше не нуженъ,—такъ ему придется убраться вонъ изъ края, а это будетъ для него смертью, такъ какъ онъ жить не можетъ безъ лѣса и здѣсь, въ лѣсничествѣ, впервые нашелъ себѣ пристанище. Не поговорить ли съ нимъ теперь же? Въ одиннадцать часовъ онъ долженъ вернуться съ обхода. Можетъ быть, вашему сіятельству угодно будетъ покуда отдохнуть въ пріемной? Мнѣ удобнѣе говорить съ моими подчиненными съ глазу на глазъ.

Баронъ улыбнулся и послѣдовалъ совѣту. Вскорѣ все въ домѣ лѣсничаго дрогнуло отъ громовыхъ раскатовъ его голоса, пущенныхъ имъ въ ходъ ради убѣжденія „добромъ“. Черезъ четверть часа онъ появился въ пріемной—слегка разгоряченный и раскраснѣвшійся.

— Дѣло улажено, ваше сіятельство,—заявилъ онъ довольный:—я урезонилъ молодца, - онъ, пожалуй, женился бы, вмѣсто Моди, хоть на ея матери, лишь бы не уходить изъ лѣсу. Вы насильно составили его счастье, господинъ баронъ. Но не легко было его уломать.

— Онъ еще здѣсь?—спросилъ владѣтель Толленштейна съ довольной улыбкой, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, прошелъ

въ контору. Тамъ стоялъ Андерль, комкая шляпу въ рукахъ и закусивъ нижнюю губу.

— Ну, Андерль, ты хорошо сдѣлалъ, что одумался,—сказалъ баронъ дружелюбно.—Но скажи, почему ты такъ долго противился своему счастію, которое явилось тебѣ въ такомъ привлекательномъ видѣ?

Парень поднялъ голову и поглядѣлъ на барона и лѣсничаго съ выраженіемъ сломленнаго, теперь уже безсильнаго упорства.

— Я хотѣлъ остаться холостымъ, — страстно проговорилъ онъ:—я ничего не люблю, кромѣ лѣса, а у людей мнѣ не будетъ счастья.

— Пожалуй!—разсмѣялся баронъ:—не всѣмъ дается счастье, и не каждый имѣетъ на него право, а съ любовью, въ большинствѣ случаевъ, людямъ не везетъ. Есть только одна настоящая любовь, да и та—на небесахъ!

Онъ поднялся и вынулъ изъ кармана тысячный билетъ.

— Вотъ тебѣ на обзаведеніе, чтобы ты не съ голыми руками пошелъ свататься за Моди.

Парень сумрачно глядѣлъ въ сторону.

— Ручку поцѣлуй его сіятельству!—шепнулъ ему лѣсничій.

— Хорошо, хорошо, можешь идти!—проговорилъ, дѣлая отстраняющее движеніе, баронъ.

Затѣмъ онъ снова обратился къ лѣсничему съ вопросомъ: нѣтъ ли какихъ-нибудь перемѣнъ у сосѣдей?

— Въ Ирмельдингенѣ плохи дѣла, — сказалъ лѣсничій: — кажется, что господа не смогутъ удержать помѣстье за собой; кредиторы хотятъ принудить стараго барина продать на-срубъ чудный старинный лѣсъ. Вотъ было бы жаль...

— Кого?—спросилъ разсѣянно баронъ.

— Лѣса, конечно, ваше сіятельство.

— Да, да,—согласился Роттбергъ; — а вотъ и моя карета; я думаю проѣхать прямо въ Ирмельдингенъ.

Послѣ продолжительной ѣзды по зазеленѣвшему ясеневому лѣсу, Роттбергъ увидѣлъ въ голубовато-золотистомъ свѣтѣ перваго весенняго дня башню ирмельдингенскаго зáмка. Отъ старости она покривилась и стояла необитаемой, да и прочія постройки не помолодѣли за это время. Ничто не пошевельнулось въ домѣ при появленіи кареты; лакей тщетно дергалъ заржавленную проволоку звонка, а кучеръ щелкалъ бичомъ, стараясь вызвать какое-нибудь человѣческое существо. Лишь одинокій пѣтухъ гордо выступалъ по увядшей травѣ, да худой черный

котъ, валявшійся на пескѣ, подошелъ ближе и, поднявъ хвостъ, сталъ, мурлыча, тереться о ступени крыльца.

Баронъ вышелъ изъ кареты, чтобы оглядѣться; услыхавъ стукъ молота изъ прилегавшей къ крыльцу пристройки, онъ направился туда, и собирался открыть дверь, когда на встрѣчу ему вышелъ владѣтель Ирмельдингена. На старикѣ былъ рабочій костюмъ; онъ носилъ надъ глазами зеленый зонтикъ, который приподнялъ съ тѣмъ, чтобы лучше разглядѣть пріѣзжаго.

— Вы пріѣхали, вѣрно, по поводу изобрѣтенія?—спросилъ онъ недовѣрчиво и, въ то же время, какимъ-то заискивающимъ тономъ.

— Какого изобрѣтенія?—спросилъ баронъ съ изумленіемъ и, смѣясь, протянулъ ему руку.—Неужели вы не узнаете стараго друга и родственника?

По лицу старика пробѣжала тѣнь разочарованія, но затѣмъ черты его приняли выраженіе мягкой привѣтливости. Онъ пробормоталъ что-то о радостномъ сюрпризѣ, стараясь въ то же время освободиться отъ кожанаго передника, и когда это удалось ему, старательно затворилъ дверь за собою и повелъ своего гостя въ обитаемую часть зàмка.

— Простите, дорогой мой, за плохой пріемъ,—говорилъ онъ кроткимъ, усталымъ голосомъ:—наши слуги не слышали, какъ вы подъѣхали. Они вѣрны и преданны, но стары и туги на ухо. Я сейчасъ позову ихъ.

Съ этими словами онъ принялся дергать за проволоку, приводя въ движеніе большой домовый колоколъ; онъ заржавѣлъ или въ немъ образовалась трещина, а потому онъ издавалъ звуки, противъ которыхъ не могла устоять никакая глухота.

На этотъ призывъ появились изъ дверей три старомодныхъ фигуры, державшіяся, вслѣдствіе старости, не совсѣмъ твердо на ногахъ; онѣ, выстроившись въ достодолжномъ порядкѣ, привѣтствовали пріѣзжаго поклонами.

— Наши люди!—объяснилъ Ирмельдингенъ, дѣлая движеніе рукою.

Взоры барона выжидательно обратились къ дверямъ; съ сильно забившимся сердцемъ прошелъ онъ мимо оригинальной гвардіи и вступилъ въ домъ. Старый баринъ отдавалъ, тѣмъ временемъ, приказанія.

— Ты, Непомукъ, внеси чемоданъ господина барона, тебѣ поможетъ садовникъ; а ты, Доретта, ступай опять на кухню. Гдѣ барыня?

— Благодарю васъ, баринъ, сегодня мнѣ лучше,—отвѣтила старуха, присѣдая.

— Я спрашиваю: гдѣ жена? — повторилъ, насколько могъ громко, г-нъ фонъ-Ирмельдингенъ, сдѣлавъ рупоръ изъ руки.

— Я здѣсь,—послышался сзади пріятный женскій голосъ.— Добро пожаловать, милый баронъ!

Г-жа фонъ-Ирмельдингенъ протянула обернувшемуся Роттбергу свою пухлую, полуприкрытую митэнкою, руку для поцѣлуя. Она была моложавая, оживленная дама, не утратившая слѣдовъ замѣчательной красоты; въ молодости, будучи придворною дамой при покойной теперь принцессѣ, она славилась въ столицѣ своею красотой. Необдуманный бракъ по любви съ бѣднякомъ-лейтенантомъ лишилъ ее этого блестящаго положенія, но на ней точно остался отблескъ того времени—въ видѣ придворныхъ манеръ и привычки къ прежнему великолѣпію, странно противорѣчившему по временамъ съ ея нынѣшней, далеко не блестящей обстановкой. Пріемная въ зàмкѣ Ирмельдингенъ не отличалась пышностью: въ большой, пустой комнатѣ совершенно исчезала полдюжина неодинаково обитыхъ стульевъ, составлявшихъ почти единственную ея меблировку. Во время обмѣна первыхъ привѣтствій взоры Роттберга невольно обращались къ двери; онъ надѣялся, что она откроется, и въ рамкѣ ея появится давно ожидаемая фигура дѣвушки въ свѣтломъ платьѣ. Но свѣтлое платье все не появлялось, а вмѣсто него Роттбергъ замѣтилъ въ углу комнаты, гдѣ лежали старыя охотничьи принадлежности, висѣвшее на стѣнѣ офицерское пальто.

Чувство гнетущаго разочарованія омрачило его недавнюю радость. Онъ не будетъ здѣсь единственнымъ гостемъ: сюда замѣшалось третье лицо, въ лучшемъ случаѣ—посторонній наблюдатель, въ худшемъ... Но нѣтъ, онъ не желаетъ останавливаться на этой мысли.

— А какъ здоровье вашей дочери?—вдругъ спросилъ онъ, почти неловко прерывая изліянія словоохотливой баронессы:—она должна уже быть взрослой дѣвушкой, но, будучи еще ребенкомъ, она обѣщала сдѣлаться такою же замѣчательной красавицей, какъ ея мать.

Польщенная баронесса улыбнулась.

— Габріэлла будетъ очень рада васъ видѣть; еслибы она знала о вашемъ пріѣздѣ, то, конечно, была бы здѣсь. Она—въ саду съ кузеномъ Норбертомъ.

— А кто такой кузенъ Норбертъ, смѣю спросить? Онъ только гоститъ здѣсь, какъ и я, или онъ имѣетъ счастіе постоянно жить въ Ирмельдингенѣ?

Баронесса поспѣшила объяснить, что Норбертъ принадле-

житъ къ младшей линіи Ирмельдингеновъ и получилъ образованіе въ дворянскомъ корпусѣ. Съ тѣхъ поръ онъ служитъ офицеромъ пограничной стражи и пріѣхалъ сюда, недѣли двѣ тому назадъ, для съёмочныхъ работъ.—Предстоятъ большіе маневры, и, кажется, намъ придется принять и размѣстить у себя множество гостей.

— Не дай Богъ!—откровенно сказалъ г-нъ фонъ-Ирмельдингенъ.—Что̀ мы станемъ дѣлать съ такою массою людей и лошадей?

Баронесса поспѣшила перемѣнить разговоръ, а Роттбергъ, потерявъ терпѣніе, попросилъ дозволенія разыскать Габріэллу, чтобы привѣтствовать ее; дорожки въ саду ему памятны съ прошлаго пріѣзда.

— Въ такомъ случаѣ, вы извините меня,—сказала баронесса:—ваше посѣщеніе является для насъ радостной неожиданностью, и мнѣ нужно заняться, чтобы устроить дорогого гостя возможно удобнѣе.

Роттбергъ попросилъ ее не утруждать себя; онъ чувствуетъ себя счастливымъ и довольнымъ, какъ членъ ихъ семьи. Говоря это, онъ почтительно приложился къ ручкѣ бывшей статсъ-дамы и затѣмъ поспѣшилъ выйти въ садъ.

Длинная буковая аллея вела въ глубину его; вначалѣ, очевидно, онъ разводился съ большими затѣями, но постепенно, въ видахъ необходимости, тамъ появились гряды съ овощами и перепутавшіеся между собою кусты малины. Позади нихъ виднѣлись остатки дорожекъ, изображавшихъ когда-то лабиринтъ, у входа въ который стоялъ ухмыляющійся каменный Панъ. За лабиринтомъ тропинка шла мягкими извилинами черезъ кустарникъ, пробившійся на мѣстѣ срубленнаго лѣса; между тонкихъ стволовъ баронъ издали замѣтилъ яркіе обшлага и воротникъ скромнаго офицерскаго сюртука. Габріэлла и Норбертъ шли рядомъ, поглощенные бесѣдой, и ихъ фигуры отчетливо выдѣлялись на нѣжно-лиловатомъ фонѣ весенняго неба.

Сердце Роттберга вдругъ сильно забилось. Трескъ сучьевъ подъ его ногами заставилъ гуляющихъ обернуться съ изумленіемъ. Легкая краска выступила на щекахъ Габріэллы, когда онъ назвалъ себя, но ея глубокіе, чистые глаза не опустились передъ его взглядомъ, и ни малѣйшая тѣнь смущенія не набѣжала на ея прекрасное, открытое лицо. Голосъ Роттберга, наоборотъ, дрогнулъ, и онъ, весь уйдя въ созерцаніе ея, произнесъ первыя слова привѣтствія такъ торжественно и серьезно, какъ будто онъ обращался къ королевѣ. Къ нему вернулось душевное равновѣсіе лишь послѣ того, какъ Габріэлла представила ему своего спутника.

Мужчины сразу ощутили непреодолимое, острое чувство соперничества, и движеніе, съ какимъ Роттбергъ протянулъ руку молодому офицеру, было болѣе чѣмъ холодно. Такъ какъ, по правиламъ вѣжливости, полагалось, чтобы вновь прибывшій занялъ мѣсто возлѣ Габріэллы, то офицеръ простился съ нею, подъ предлогомъ спѣшной работы.

Габріэлла направилась къ зàмку, и баронъ послѣдовалъ за нею. Онъ не сознавалъ, что̀ говоритъ, и ея голосъ звучалъ въ его ушахъ какъ бы издалека; онъ чувствовалъ себя только безмѣрно счастливымъ, и желалъ, чтобы эта прогулка длилась вѣчно. На дѣвушкѣ было сѣрое шерстяное платье; развѣваемое апрѣльскимъ вѣтромъ, оно позволяло видѣть ея маленькія ножки, храбро боровшіяся противъ вѣтра, и плотно облегало ея стройную, гибкую фигуру. Роттбергъ замѣтилъ на краю полуразрытыхъ грядъ поднимавшіеся изъ земли голубые крокусы, и ему показалось, что шаги ея оставляютъ за собою волшебно-голубой весенній слѣдъ.

Скоро показался зàмокъ,—Габріэлла выбрала кратчайшій путь къ террасѣ. Тамъ ожидала ихъ баронесса, которая, въ сознаніи исполненныхъ ею обязанностей хозяйки дома, завела разговоръ объ общихъ знакомыхъ при дворѣ, и во время его Габріэлла безшумно исчезла. Затѣмъ, барона провели въ его помѣщеніе, гдѣ онъ принялся шагать взадъ и впередъ по высокой комнатѣ, уставленной мебелью всевозможныхъ стилей, сотни разъ перечиненною и заботливо сохранявшеюся.

Онъ замѣтилъ изъ окна, какъ старый, на дрожащихъ ногахъ, садовникъ направился къ одинокому пѣтуху, который, предчувствуя свою горькую участь, съ крикомъ и хлопаньемъ крыльевъ пустился въ бѣгство черезъ гряды, но выстрѣлъ положилъ его на мѣстѣ, и садовникъ поплелся назадъ, волоча свою добычу, пестрый уборъ которой жалостно повисъ въ воздухѣ. Не видно было ни одной живой души, только откуда-то доносился несмолкаемый таинственный стукъ и надъ зàмкомъ и садомъ лежала сонная тишина, матово-серебристое сіяніе влажнаго, теплаго апрѣльскаго дня.

Вечеръ также прошелъ для Роттберга какъ сонъ, хотя они провели вмѣстѣ нѣсколько часовъ, усѣвшись въ гостиной вокругъ стола, на которомъ горѣла лампа, между тѣмъ какъ глубина обширнаго покоя тонула во мракѣ. Норбертъ былъ очень молчаливъ; его можно было бы счесть отсутствующимъ, еслибы изъ тьмы не выступали по временамъ блестящія пуговицы его мундира и золотое шитье на эполетахъ.

Послѣ второй чашки чая, старый баронъ мирно задремалъ

въ креслѣ, такъ что разговоръ пришлось поддерживать почти исключительно одной баронессѣ, разспрашивавшей столичнаго гостя о тѣхъ временахъ, когда она была при дворѣ, но, увлеченная своими воспоминаніями, она почти не слушала его отвѣтовъ.

Роттбергъ радовался ея словоохотливости, избавлявшей его отъ обязанности поддерживать бесѣду и позволявшей вполнѣ отдаваться впечатлѣнію, производимому на него Габріэллою. Въ душѣ каждаго человѣка живетъ извѣстный идеалъ, являющійся ему съ осязательною ясностью. Онъ понялъ теперь, почему, еще будучи полуребенкомъ, Габріэлла произвела на него такое глубокое впечатлѣніе, что воспоминаніе о подросткѣ живо сохранилось у него, не взирая на всѣ позднѣйшія откровенія женской красоты. Уже тогда въ ребенкѣ чувствовалась еще неразцвѣтшая глубокая прелесть; теперь онъ видѣлъ Габріэллу, блиставшую тѣмъ очарованіемъ красоты, къ которому въ теченіе многихъ лѣтъ стремилось все существо его, и котораго смутно жаждала его душа. Черты, скрывавшіяся подъ дѣтскою закругленностью, обрисовались теперь во всей своей величавой своеобразной привлекательности; нѣжно-алый, тонко очерченный ротъ пріобрѣлъ выраженіе твердости; его гордыя, почти высокомѣрныя очертанія—наслѣдственныя въ старинномъ родѣ владѣтельныхъ бароновъ—смягчались выраженіемъ темно-сѣрыхъ лучезарныхъ глазъ. Волны пепельно-бѣлокурыхъ волосъ оттѣняли низкій лобъ.

Тонкій абрисъ ея головки исчезалъ по временамъ въ темнотѣ, и виднѣлись лишь бѣлые пальчики, неутомимо работавшіе надъ какою-то простою, грубой тканью. Эту картину, озаренную мягкимъ свѣтомъ семейной лампы, Роттбергъ унесъ съ собою на ночь, но онъ спалъ недолго, и сонъ его былъ тревоженъ.

На слѣдующій день пошелъ съ утра мелкій дождь, но для барона было отраднымъ зрѣлищемъ—увидѣть Норберта, уходившаго со двора въ сопровожденіи солдата. Конечно, онъ удалялся не совсѣмъ, и баронъ не могъ удержаться отъ пожеланія, чтобы его топографическая дѣятельность завела его возможно дальше. Баронъ считалъ этотъ часъ очень раннимъ, но въ столовой онъ уже засталъ въ сборѣ всю семью. Габріэлла приготовляла чай, раскладывая въ проволочной корзинкѣ аппетитные ломти домашняго хлѣба; она ухаживала за отцомъ, сама же довольствовалась чашкой свѣжаго молока. Когда она при питьѣ слегка откидывала голову назадъ, вся она казалась воплощеніемъ дѣвственной свѣжести и красоты; въ ея пластическихъ

движеніяхъ сказывались гибкость и сила. Уловивъ восхищенный взоръ барона, г-жа фонъ-Ирмельдингенъ сказала ему съ довольною улыбкой:

— Да, милый баронъ, несмотря ни на что, Габріэлла у насъ мужественна и дѣятельна, и при этомъ добра. Она—нашъ солнечный лучъ, помогающій намъ переносить одиночество и многія невзгоды.

Старикъ положилъ свой хлѣбъ и кивнулъ головою.

— Да, это правда, Габи—наше милое, доброе дитя, и я не знаю, какъ бы мы перенесли безъ нея постигшія насъ бѣдствія! Она заслуживала бы лучшей участи, нежели та, которую сулитъ ей родительскій домъ.

Легкая краска покрыла щеки дѣвушки.

— Не говори такъ, папа!—сказала она, нагибаясь, чтобы поцѣловать его.

— Знаю, знаю, ты—моя милая помощница,—отвѣтилъ онъ, лаская ее, и снова обратился къ гостю.

— Вы не должны думать, милый другъ, что Габи, подобно другимъ барышнямъ, знаетъ лишь домоводство и кухню; въ ея лицѣ совмѣщаются: мой повѣренный, мой секретарь и мой бухгалтеръ. Конечно,—продолжалъ онъ, грустно поникнувъ головою,—никакой управляющій не можетъ помочь, если...

— Ты склоненъ все видѣть въ черномъ цвѣтѣ,—оживленно прервала его жена;—я нахожу, что Габи многое привела въ порядокъ и достигла весьма отрадныхъ результатовъ.

Старикъ продолжалъ покачивать головою.

— Тянуть, поддерживать, тянуть—въ продолженіе многихъ лѣтъ... Вѣчно одно и то же! Но—терпѣніе!—проговорилъ онъ, вдругъ оживляясь, и глаза его сверкнули восторгомъ:—скоро мое изобрѣтеніе будетъ окончено, и тогда—конецъ нашему злосчастному хозяйничанью... Имѣй лишь капельку довѣрія къ старому отцу, и всѣ эти жалкіе остатки былого величія...

— Опомнись, мой другъ!—воскликнула баронесса, но Габріэлла уже вскочила и обняла голову отца обѣими руками.

— Успокойся, милый папа,—проговорила она нѣжно,—мы имѣемъ къ тебѣ полное довѣріе.

Лицо старика снова осунулось, фигура его сгорбилась, онъ застѣнчиво взглянулъ на жену и пробормоталъ нѣсколько непонятныхъ словъ.

— Кажется, мнѣ пора въ мастерскую,--проговорилъ онъ, вставъ со стула и пробираясь къ двери.

— Онъ говорилъ о какомъ-то изобрѣтеніи! — изумленно освѣдомился Роттбергъ.

Габріэлла вышла изъ комнаты.

Г-жа фонъ-Ирмельдингенъ вынула платокъ и отерла глаза.

— Вы замѣтили, конечно, дорогой баронъ, что въ домѣ не все идетъ такъ, какъ бы слѣдовало. За послѣднее время мы пережили много тяжелаго: проигранные процессы, не выплаченные проценты, неурожаи... Но это случается со многими, и мы все-же съумѣли бы поддержать достоинство нашего рода. Хуже всего то — ужасно въ этомъ сознаваться, — что неудачи подѣйствовали на разсудокъ моего бѣднаго добраго мужа. Придя въ отчаяніе, онъ не занимается больше хозяйствомъ и вмѣсто этого проводитъ цѣлые дни за работою надъ изобрѣтеніемъ — смѣшно и грустно сказать — летательнаго снаряда... Онъ убѣжденъ, что подобное открытіе вернетъ намъ благосостояніе, тайно переписывается съ инженерами, приглашаетъ ихъ осмотрѣть его работу, словомъ — дѣлаетъ изъ насъ посмѣшище... У меня разрывается сердце, когда я вижу, какъ твердо онъ убѣжденъ въ успѣхѣ своей работы, и какъ ему больно, если кто-нибудь вздумаетъ улыбнуться надъ его мечтою или усомниться въ ея осуществленіи. Сама я не могу управлять имѣніемъ, — я ничего не понимаю въ счетахъ; вамъ извѣстна моя жизнь въ столицѣ, и я не желала бы иной жизни для моей бѣдной дѣвочки. Повѣрите ли вы, что только руками Габріэллы еще держится коекакъ наше полевое и всякое другое хозяйство. Конечно, скоро ей будетъ не подъ силу выпутываться изъ всевозможныхъ затрудненій, созданныхъ беззаботностью и добродушіемъ моего мужа за послѣдніе годы... Но поговоримъ о чемъ-нибудь болѣе пріятномъ, дорогой кузенъ; простите, что разговоръ нашъ принялъ, помимо моего желанія, подобный оборотъ. Эти маленькія непріятности мало понятны майоратному владѣтелю Толленштейна.

Роттбергъ поклонился, пробормоталъ нѣсколько словъ о старинной дружбѣ, о родственномъ участіи. Онъ соображалъ: не собраться ли ему съ духомъ, не сказать ли сейчасъ: отдайте мнѣ руку Габріэллы, и я положу конецъ вашимъ заботамъ. Но это казалось ему преждевременнымъ, неделикатнымъ, противорѣчащимъ глубинѣ его чувствъ и намѣреній. Пока онъ раздумывалъ, благопріятный мигъ былъ упущенъ: баронессѣ принесли письмо, на которое она должна была немедленно отвѣтить.

Роттбергъ вышелъ изъ дому и бродилъ по мокрымъ дорожкамъ, надѣясь встрѣтить Габріэллу близъ голубыхъ крокусовъ

или въ глубинѣ сада, задернутаго дымкою дождя, но послѣ безполезныхъ поисковъ медленно вернулся назадъ. Идя по аллеѣ, ведущей къ зàмку, онъ встрѣтилъ телѣгу изъ Толленштейна, привезшую косулю, которую онъ приказалъ застрѣлить, чтобы оказать этимъ рыцарское вниманіе хозяйкѣ дома. Онъ и не подозрѣвалъ, насколько подобное вниманіе оказывалось существеннымъ въ интересахъ кухни въ зàмкѣ Ирмельдингенъ. Покуда баронъ разспрашивалъ кучера, подошелъ Норбертъ, вернувшійся съ работъ, и, отдавъ приказаніе солдату, обмѣнялся съ барономъ нѣсколькими словами по поводу чудно-подобранныхъ лошадей, запряженныхъ въ охотничій экипажъ. Но дальше нѣсколькихъ вѣжливо-холодныхъ фразъ у нихъ не пошло,—между ними стояла непреодолимая преграда.

Было ли это простою случайностью, что голова Габріэллы на мгновеніе показалась въ окнѣ, покуда они молча подходили къ зàмку? Роттбергъ инстинктивно, съ быстротою молніи почувствовалъ, что этотъ молчаливый привѣтъ относился не къ нему, и когда Норбертъ простился съ нимъ короткимъ поклономъ, онъ еще высокомѣрнѣе поднялъ голову. Если этотъ человѣкъ уже успѣлъ отчасти пріобрѣсти расположеніе Габріэллы, ему нужно какъ можно скорѣе указать неосновательность его притязаній.

Среди такихъ размышленій баронъ закончилъ свой обѣденный туалетъ; изъ уваженія къ Ирмельдингенамъ, а въ сущности для того, чтобы затмить мундиръ Норберта, онъ надѣлъ ордена, и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что командорскій крестъ и сверкающая георгіевская звѣзда очень шли къ его нѣсколько блѣдному, усталому лицу.

Столъ былъ накрытъ непривычно парадно. Внимательный взоръ легко замѣтилъ бы, съ какой трогательной заботливостью рука хозяйки старалась прикрыть безчисленные недостатки сервировки. Здѣсь вазѣ съ искусственными цвѣтами было отведено столь необычное мѣсто, что являлось предположеніе, не прикрываетъ ли она собою черезчуръ ветхое мѣсто на скатерти. Тамъ—суповая миска,—вѣроятно, потому, что внѣшность ея была далеко не безукоризненна,—красовалась тщательно обернутая салфеткой. Передъ приборами дамъ не было граненыхъ бокальчиковъ, такъ какъ онѣ—поспѣшила предупредить баронесса—не пьютъ вина.

Роттбергъ не замѣтилъ этихъ маленькихъ ухищреній, также какъ и того, что первое блюдо состояло изъ консервовъ; только когда

онъ сдѣлалъ глотокъ изъ стакана, въ которомъ, какъ онъ предполагалъ, было налито бордо, онъ вздрогнулъ отъ изумленія.

— Это вино изъ черники, превосходное вино,—поспѣшилъ объяснить старый баронъ:—дочь моя собственноручно его приготовляетъ.

Баронесса вспыхнула, какъ зарево. Роттбергъ попросилъ вторично наполнить его стаканъ.

Старый Непомукъ, въ канареечно-желтой ливреѣ съ серебряными пуговицами и позументами, суетливо бѣгалъ вокругъ стола на своихъ дрожащихъ ножкахъ и подавалъ блюда трясущимися руками, ежеминутно рискуя опрокинуть кушанье.

Главнымъ блюдомъ явился застрѣленный пѣтухъ, въ жесткости котораго можно было усмотрѣть съ его стороны попытку загробной мести. Обѣдъ заключился лимоннымъ пуддингомъ, представлявшимъ безъ сомнѣнія рѣдкій chef d'oeuvre кулинарнаго искусства, такъ какъ его появленіе вызвало удовольствіе даже у стараго барона, и судя по взгляду, которымъ обмѣнялись супруги, можно было заключить, что творцомъ его была Габріэлла.

Поддерживала разговоръ опять-таки баронесса; лицо Роттберга выражало напускную веселость; его подозрительность снова ожила при видѣ Норберта и Габріэллы за однимъ столомъ; она вспыхивала при каждомъ взглядѣ, каждомъ ихъ словѣ, росла и крѣпла подъ вліяніемъ мелочей, которымъ придавала значеніе его взволнованная кровь. Онъ чувствовалъ изощреннымъ инстинктомъ, что улыбки и помыслы дѣвушки относились не къ нему, и это впервые дало ему ощутить уколы ревности. Онъ рѣшилъ сдѣлать сегодня же вечеромъ рѣшительный намекъ, и случай къ этому скоро представился. Зашла рѣчь о человѣкѣ, не побоявшемся жениться на своей избранницѣ, хотя подобный шагъ навлекъ на него неудовольствіе со стороны принца. Теперь всѣ называютъ его безумцемъ и стараются избѣгать его общества.

Роттбергъ рѣзкимъ движеніемъ положилъ вилку и ножикъ.

— Этому человѣку я отъ всего сердца пожалъ бы руку,—сказалъ онъ вѣско и серьезно: — ставлю себя на его мѣсто, такъ какъ и я не иначе бы женился, какъ на дѣвушкѣ, не имѣющей состоянія.

Впечатлѣніе, вызванное этими словами, было различное. Между тѣмъ какъ лицо Норберта покрылось блѣдностью, Габріэлла подумала, что слова его имѣютъ отношеніе къ разговору за завтракомъ, и онъ изъ рыцарской деликатности желаетъ выразить имъ, что въ глазахъ его честная бѣдность не является порокомъ. Поэтому она подарила его долгимъ благодарнымъ взгля-

домъ, теплота котораго опьянила его сердце надеждою. Словно ожившій отъ этого взгляда, баронъ повелъ разговоръ съ увлекательнымъ оживленіемъ и любезностью. Баронесса же вдругъ онѣмѣла и молча просидѣла весь вечеръ, погруженная въ задумчивость, какъ будто она не могла освоиться во всей ея полнотѣ съ новой, проснувшейся въ ея умѣ мыслью.

Роттбергъ сказалъ себѣ, что слѣдующій день будетъ продолженіемъ борьбы: необходимо быстрыми шагами привести дѣло къ концу. Каждый часъ могъ усилить вліяніе Норберта, укрѣпить его права, если они есть у него, а на него самого — навлечь обвиненіе въ томъ, что онъ вмѣшивается въ дѣло почти уже рѣшенное. Это соображеніе было подкрѣплено тѣмъ обстоятельствомъ, что утромъ онъ засталъ въ столовой только барона съ баронессой, причемъ у послѣдней былъ утомленный видъ, вызванный, какъ будто, безсонной ночью. За окномъ сильный вѣтеръ нагибалъ вершины мокрыхъ отъ дождя деревьевъ.

— Гдѣ же фрейлейнъ Габріэлла?—спросилъ наконецъ Роттбергъ тономъ, звучавшимъ рѣзко и принужденно.

— Норбертъ долженъ производить съёмку въ сосѣднемъ имѣніи,—отвѣтила баронесса смущенно, — и Габріэлла пошла проводить его черезъ садъ.

Роттбергъ поблѣднѣлъ.

— Лейтенантъ Норбертъ, кажется, очень добросовѣстно относится къ занятіямъ топографіей, но не находите ли вы, однако, что интересъ, выказываемый къ нимъ Габ... вашей дочерью, долженъ подать поводъ къ страннымъ предположеніямъ?

Роттбергъ говорилъ съ напускнымъ хладнокровіемъ, но онъ тяжело переводилъ духъ и черты его выражали страданіе. Баронъ изумленно закашлялся, а баронесса вскочила, подошла къ окну, съ минуту постояла у него, прижимая платокъ къ губамъ, затѣмъ она обернулась, съ легкою краскою на щекахъ.

— Прошу тебя, милый другъ, — обратилась она къ мужу, —ступай на часокъ къ твоей... летательной машинѣ. Кузенъ Роттбергъ извинитъ тебя.

Старикъ, съ просіявшимъ лицомъ, поспѣшилъ воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ; онъ рѣшилъ, что его изобрѣтеніемъ начинаютъ интересоваться. Какъ только онъ вышелъ, баронесса порывисто протянула Ирмельдингену обѣ руки.

— Вы любите Габріэллу? Это не шутка съ вашей стороны?

Они долго, серьезно бесѣдовали другъ съ другомъ; на прощанье баронесса поцѣловала его въ лобъ, затѣмъ онъ принялъ управляющаго, пріѣхавшаго изъ Толленштейна, и они углубились

въ дѣловой разговоръ. Послѣ ухода управляющаго, Роттбергъ, взглянувъ на часы, направился къ лабиринту и долго шагалъ тамъ по крупному песку аллей, ежеминутно ожидая услышать шорохъ платья Габріэллы и ея легкіе шаги. Черезъ часъ къ нему вышла г-жа фонъ-Ирмельдингенъ одна, лицо ея раскраснѣлось и было взволнованно,—на немъ выражалась не совсѣмъ искренняя радость.

— Мужайтесь, дорогой другъ,—заговорила она,—все придетъ къ желанному концу. Вы должны извинить Габріэллу,—она робка, чувствительна по природѣ, и ваше предложеніе застало ее вполнѣ неподготовленной. Ей нужно еще собраться съ мыслями; притомъ молодыя дѣвушки бываютъ иногда упрямы въ вопросахъ, касающихся ихъ счастья... Говоря откровенно, дорогой баронъ, ея склонность къ Норберту оказывается сильнѣе, нежели мы предполагали, и еслибы вы пріѣхали позднѣе, у меня были бы опасенія, серьезныя опасенія,—но теперь, слава Богу, еще есть время устроить ваше обоюдное счастье.

Они, взволнованные, направились къ зáмку. Тамъ Роттбергъ откланялся баронессѣ,—ему хотѣлось успокоиться, освѣжить свои пылающіе виски. Онъ сдѣлалъ первый шагъ, содѣйствіе баронессы было ему обезпечено, но онъ видѣлъ, что самое трудное и тяжелое — впереди. Придется брать счастіе съ бою вмѣсто того, чтобы протянуть за нимъ руку, какъ за цвѣткомъ. Не можетъ быть, чтобы увлеченіе Габріэллы оказалось серьезнымъ; когда она увидитъ, какъ непоколебимо, до полнаго самозабвенія онъ любитъ ее, она будетъ принуждена его уважать, а это— уже первый шагъ къ любви. Впослѣдствіи, когда она станетъ его женою, онъ вознаградитъ ее за горе, которое долженъ причинить ей теперь—ихъ обоюднаго счастія ради, какъ говоритъ баронесса.

Въ задумчивости онъ обошелъ зáмокъ и попалъ въ разрушенную оранжерею, гдѣ на стѣнѣ была подвѣшена косуля, которую готовились свѣжевать. Въ качествѣ охотника, баронъ поинтересовался узнать, въ какое мѣсто попалъ зарядъ? Стрѣлокъ сдѣлалъ оба выстрѣла въ ногу, и пули засѣли такъ близко одна къ другой, что ихъ можно было прикрыть талеромъ. Безъ сомнѣнія, не кто иной, какъ Андерль, проявилъ такое мастерство, внушавшее невольный ужасъ. Баронъ вспомнилъ зловѣщее впечатлѣніе, произведенное на него Андерлемъ; но теперь, припоминая растерянное, заплаканное лицо парня въ то время, какъ тотъ стоялъ передъ нимъ и лѣсничимъ, онъ ощутилъ нѣчто вродѣ состраданія къ подвластному ему человѣку, жизнь кото-

раго онъ повернулъ по-своему желѣзною рукой. Въ душѣ его поднялся вопросъ громадной важности: имѣетъ ли право сильный, облеченный властью человѣкъ насиловать волю, разрушать стремленія маленькихъ людей? Имѣетъ ли онъ право такъ поступать—даже въ силу самыхъ лучшихъ и благородныхъ побужденій? Не будетъ ли подобное дѣяніе самоуправствомъ, преступленіемъ относительно правъ личности? Конечно, онъ желалъ своему егерю добра; для его же собственной пользы онъ желалъ наложить на непокорнаго малаго ярмо супружества, сломить его дерзкую волю. Но въ другомъ, аналогичномъ случаѣ, не дѣйствовалъ ли онъ изъ личныхъ побужденій, вмѣшиваясь въ жизнь Габріэллы, стремясь заключить ее, какъ беззащитнаго ребенка, въ свои объятія и противъ ея воли увлечь ее къ счастію, которое казалось для него безмѣрнымъ? И вдругъ его больно кольнуло воспоминаніе о презрительномъ словѣ утѣшенія, кинутомъ имъ въ лицо плачущему, огорченному парню: „не всѣ имѣютъ право на счастіе"! И этимъ долженъ былъ удовольствоваться бѣднякъ-помощникъ лѣсничаго. Почему же, однако, онъ самъ, владѣтельный баронъ и повелитель Толленштейна, не желалъ удовлетвориться подобнымъ утѣшеніемъ? Не взирая на то, что онъ рискуетъ растоптать молодой посѣвъ, сокровище любви другого человѣка, не стремился ли онъ къ эгоистическому земному, опьяняющему счастью? Его охватило болѣзненное сознаніе тяжелой, огромной вины и предстоящаго возмездія. Что̀ это будетъ за возмездіе? Въ данную минуту онъ страшился лишь одного: потерять Габріэллу. „Гдѣ нѣтъ борьбы, тамъ не можетъ быть побѣды!"—говорилъ въ немъ голосъ страсти, заглушая всѣ другіе голоса.—Нѣтъ, лишь въ припадкѣ безумія онъ могъ провести параллель между собою и тѣмъ жалкимъ бѣднякомъ!

Вечеръ былъ мрачный. Габріэлла не вышла, и разговоръ въ гостиной не клеился; слова раздавались отрывисто и глухо, какъ подъ сводами склепа; всѣ почувствовали облегченіе, когда старый баронъ, поощряемый общимъ молчаніемъ, принялся описывать свою летательную машину. Наконецъ, Норбертъ, подъ шумъ дождя, барабанившаго по стекламъ, заявилъ, что обязанности службы принуждаютъ его вернуться завтра утромъ въ гарнизонъ. Онъ поблагодарилъ за радушный пріемъ, поцѣловалъ ручку баронессѣ и, слегка поклонившись Роттбергу, покинулъ гостиную и поле сраженія, какъ герой.

Для обитателей за̀мка наступили хмурые дни. Во время ве-

сеннихъ дождей, шумѣвшихъ за окномъ, люди, обуреваемые страстями, принужденные жить бокъ-о-бокъ въ мрачныхъ, неуютныхъ комнатахъ, подъ гнетомъ ежечаснаго стѣсненія, пытались сохранить приличныя отношенія. Даже баронъ раздѣлялъ общую неловкость, не понимая ея причины; Габріэлла показывалась возможно рѣже, и баронесса проводила половину дня въ ея комнатѣ, среди просьбъ, слезъ и увѣщаній. Во время долголѣтнихъ лишеній ея единственною надеждою было богатое замужество Габріэллы, которое очиститъ старинное гнѣздо Ирмельдингеновъ отъ долговъ, возстановитъ его былой блескъ и, быть можетъ, дастъ ей самой возможность вернуться къ прежней жизни—ея постоянной мечтѣ. Невѣроятно счастливый случай осуществился: явился очарованный принцъ, пожелавшій добиться руки Габріэллы, не взирая на ихъ бѣдность, и вдругъ все это пышное зданіе рушится, какъ карточный зàмокъ,—изъ-за глупой юношеской любви, изъ-за каприза молодой дѣвушки!

Она упрекала Габріэллу въ неблагодарности и не рѣшалась сознаться Роттбергу въ томъ, какъ глубоко пустила корни въ сердцѣ дѣвушки склонность къ Норберту, изъ опасенія, что баронъ, отчаявшись въ успѣхѣ, возьметъ назадъ свое предложеніе.

Съ своей стороны, терзаемый муками страсти и жестокаго упорства, Роттбергъ не находилъ себѣ мѣста. Онъ надѣялся, что дѣвушка будетъ тронута его молчаливой, полной страданія вѣрностью, но самъ чувствовалъ, что поведеніе его не отличается достоинствомъ, и что роль Норберта, несмотря на то, что тотъ очистилъ поле сраженія,—была лучшею, болѣе благородной ролью. Иногда, смотря въ зеркалѣ на свои блѣдныя, утомленныя черты, онъ говорилъ себѣ, что этому аристократическому лицу противорѣчилъ его образъ дѣйствій.

Однажды гордость съ такою силою возмутилась въ немъ, что онъ рѣшился—хотя бы цѣною отреченія—вернуть свое самоуваженіе. Послѣдняя тайная надежда нашептывала ему, что, быть можетъ, отрекшись добровольно отъ счастія, онъ скорѣе достигнетъ того, чего не могъ добиться упорствомъ. Сидя съ дамами послѣ завтрака и глядя, какъ Габріелла съ заплаканнымъ лицомъ устало выдергивала нитку изъ вышиванья, онъ вдругъ рѣшительнымъ тономъ обратился къ баронессѣ, прося ее удѣлить ему нѣсколько минутъ. Габріэлла сейчасъ же поднялась и вышла изъ комнаты; она дрожала при мысли о новомъ натискѣ со стороны матери, и видѣла, какъ Роттбергъ проводилъ ее печальнымъ взглядомъ.

Сердце баронессы такъ сильно билось, что она близка была

къ обмороку, одна мысль стояла передъ нею: конецъ счастью, о которомъ она мечтала; все рушится, они снова падаютъ въ бездну нищеты, на этотъ разъ—уже безповоротно, безъ всякой надежды на спасеніе.

— Я буду краткомъ, дорогая кузина,—сказалъ Роттбергъ холодно и твердо:—въ то время, какъ сладостное, неизгладимое воспоминаніе привело меня въ вашъ домъ, я отдавался надеждѣ, что сердце вашей дочери еще свободно. Вамъ извѣстно такъ же хорошо, какъ и мнѣ—насколько послѣдніе тяжелые дни разрушили эту надежду. Я люблю фрейлейнъ Габріэллу страстно и глубоко, но роль навязчиваго, едва терпимаго жениха—несовмѣстна съ чувствомъ собственнаго достоинства. У человѣка порядочнаго бываетъ лишь одна любовь, но честь у него—также одна. Приношу вамъ мою глубокую благодарность за дружескій пріемъ и спѣшу добавить, что завтра же оставляю вашъ домъ. Но до этого,—продолжалъ онъ, замѣтивъ блѣдность баронессы,—я прошу васъ выслушать меня по вопросу чисто дѣлового характера. До сихъ поръ, къ стыду моему, я мало заботился о моихъ владѣніяхъ въ Толленштейнѣ, и не зналъ о многомъ, касающемся сосѣднихъ имѣній. Лишь недавно я узналъ отъ моего управляющаго о бѣдѣ, грозящей вашему помѣстью, бóльшей бѣдѣ, нежели вы можете себѣ представить. Въ теченіе долгихъ лѣтъ вы трудились надъ невыполнимою задачей: спасти обремененное долгами имѣніе; могу себѣ представить, какъ благородно и мужественно вы поддерживали борьбу, вы всѣ и... фрейлейнъ Габріэлла,—тутъ голосъ его дрогнулъ,—и это вызываетъ мое глубочайшее уваженіе. Но довольно объ этомъ. Банкъ, въ которомъ заложенъ вашъ лѣсъ, въ скоромъ времени пріобрѣтетъ его въ свою собственность, а такъ какъ главная цѣнность Ирмельдингена—въ лѣсѣ, то вамъ останутся лишь немногія поля, да и ихъ тотъ же банкъ, разсчитывая на ваше критическое положеніе, намѣренъ скупить за безцѣнокъ. Рыцари наживы давнымъ-давно уже покончили со всѣми чувствами чести и добропорядочности, но со своей стороны я не могу допустить, чтобы имѣніе, принадлежавшее вашему роду въ теченіе столѣтій—перешло въ подобныя руки. Мнѣ даетъ на это право древній, выходящій, къ сожалѣнію, изъ употребленія обычай, требовавшій, чтобы дворяне во всемъ и всегда стояли другъ за друга. Наконецъ, я не могу допустить, чтобы въ лѣсахъ, граничащихъ съ Толленштейномъ, охотились финансовые бароны. Поэтому я,—тутъ онъ вынулъ изъ кармана документъ,—скупилъ всѣ долговыя обязательства, обременяющія Ирмельдингенскія земли; все это

оформлено и устроено законнымъ порядкомъ. Еще одно: видитъ Богъ, я надѣялся вынести изъ этого дома сокровище счастья, богаче котораго не имѣлъ ни одинъ человѣкъ въ мірѣ. Я пришелъ слишкомъ поздно, и оно погибло для меня. Не скрою, что я глубоко пораженъ; сомнѣваюсь также, чтобы мнѣ удалось переболѣть, забыть. И все-же я ухожу отсюда богаче, нежели пришелъ: я уношу съ собою великую, облагораживающую, послѣднюю любовь. Мысль о Габріэллѣ освятитъ мою жизнь, дастъ моей работѣ цѣль и содержаніе, и желая лишь отблагодарить васъ—безъ всякихъ заднихъ мыслей,—я поступаю такимъ образомъ! —онъ разорвалъ документъ на четыре части.—А теперь, дорогая баронесса, позвольте пожелать вамъ новой счастливой жизни въ свободномъ отъ долговъ Ирмельдингенѣ.

У пораженной баронессы вырвалось всхлипываніе, и она смотрѣла на Роттберга широко раскрытыми глазами, какъ будто бы ей предстала лучезарная фигура ангела-спасителя. Изъ глазъ ея струились слезы; дрожащія губы не были въ состояніи вымолвить ни слова; почти властнымъ движеніемъ приказавъ Роттбергу остаться, она кинулась вонъ изъ комнаты. Онъ словно замеръ на мѣстѣ, подперевъ голову рукою, какъ человѣкъ, сдѣлавшій послѣдній рѣшительный шагъ. Минуты проходили. За окномъ шумѣли деревья, качаемыя весеннимъ вѣтромъ, и слышалась несмолкаемая пѣсня иволги.

Дверь открылась—и Габріэлла вошла въ комнату. Она была очень блѣдна, но въ ея большихъ темныхъ глазахъ свѣтился странный блескъ. Она сдѣлала шагъ къ Роттбергу, который замеръ на мѣстѣ,—кровь бурнымъ потокомъ прихлынула ему къ сердцу.

— Правда ли это,—проговорила она дрожащими губами,—что вы намъ... что вы возвратили Ирмельдингенъ моимъ родителямъ? Правда ли, что вы сдѣлали это безъ всякихъ условій, безъ всякой задней мысли?

— Да, — отвѣтилъ онъ рѣзко и беззвучно, — безъ всякихъ условій.

— Въ такомъ случаѣ, я буду вашею женою,—отвѣтила она дрогнувшимъ голосомъ.

У него вырвался крикъ, въ которомъ вылилось все: отчаяніе, ожиданіе, радость,—переполнявшія его сердце.

— Габріэлла!—воскликнулъ онъ:—сможешь ли ты полюбить меня?

— Я буду признательной, вѣрною женой,—отвѣтила она,

и губы ея начали вздрагивать подъ наплывомъ поднимавшагося въ ней жгучаго горя.

Онъ обвилъ ее руками и прижалъ губы къ ея волосамъ. За окномъ шумѣлъ апрѣльскій вѣтеръ; теплый дождь пронизывалъ тихо шепчущую листву стараго парка.

Черезъ нѣсколько дней Роттбергъ уѣхалъ въ столицу—помолодѣвшимъ, полнымъ жизненной энергіи, какъ бы вновь родившимся человѣкомъ, съ вѣрою глядѣвшимъ въ будущее. Только одинъ разъ передъ отъѣздомъ легкая тѣнь едва не омрачила его счастья; но едва уловимый отзвукъ раскаянія былъ тотчасъ же заглушенъ мощнымъ біеніемъ самоувѣренно счастливаго сердца.

Роттбергъ пришелъ за Габріэллой въ садъ, къ ея любимой рѣшетчатой бесѣдкѣ, утопавшей лѣтомъ въ густой листвѣ, но теперь кое-гдѣ обвитой зеленѣющими побѣгами. На скамьѣ стояла позабытая шкатулка съ тѣми ранними блѣдными розами, которыя Ривьера шлетъ въ даръ сѣверу. Рядомъ лежалъ небольшой молитвенникъ. Роттбергъ раскрылъ его не изъ любопытства, но изъ благоговѣйнаго стремленія дотронуться до вещи, служившей молодой дѣвушкѣ въ теченіе многихъ лѣтъ. Между страницами былъ вложенъ листокъ письма, и барону бросились въ глаза нѣсколько строкъ стихотворенія, подчеркнутыхъ рукою Габріэллы:

„Не надо розъ въ порѣ расцвѣта
Тому, кто знаетъ горечь слезъ;
Расцвѣтшую надъ гробомъ лѣта—
Дай мнѣ одну изъ позднихъ розъ!

Она въ тоскѣ невыразимой
Намъ говоритъ, что отцвѣло,
Проходитъ счастье наше мимо,
Что̀ улыбалось такъ свѣтло!“

Во взорѣ Роттберга вдругъ погасъ гордый блескъ счастья, свѣтившійся въ немъ со времени его сватовства, но вскорѣ онъ выпрямился въ сознаніи своей побѣды.—„Нѣсколько романтично,—подумалъ онъ съ легкою улыбкой,—бѣдное дитя! Она сильнѣе страдала, нежели я предполагалъ. Но, слава Богу, я знаю женщинъ. Сдѣлавшись посланницей въ Римѣ или въ Гагѣ, она поблагодаритъ меня за мою стойкость и за то, что я избавилъ ее отъ всѣхъ случайностей брака по любви съ лейтенантомъ“.

Черезъ два мѣсяца состоялось въ Ирмельдингенѣ бракосочетаніе. Въ старомъ домѣ произошли большія перемѣны: огромныя неуютныя комнаты были убраны дорогою мебелью и коврами;

въ нихъ появились хорошіе, опытные слуги; на конюшнѣ стояли прекрасныя лошади.

На свадьбу были приглашены лишь ближайшіе родственники обоихъ семействъ; они и нѣсколько высокопоставленныхъ особъ изъ столицы, генералъ-адъютантъ, замѣнявшій принца,—составляли все общество. Роттбергъ позаботился объ устраненіи излишней роскоши, къ которой была слабость у баронессы, но зато онъ внесъ въ программу торжества подробность, придавшую ему своеобразный характеръ: это было изобиліе самыхъ чудныхъ и рѣдкихъ розъ. Онѣ обвивали алтарь деревянной церкви и ворота замка, красовались въ видѣ гирляндъ вдоль аллей, наполняли всѣ углы, благоухали во всѣхъ вазахъ, украшали столъ пестрою рамою, улыбались изъ сѣтокъ вагона, уносившаго Роттберга и его молодую жену въ свадебное путешествіе. Баронъ никому не сказалъ о томъ, въ какомъ мѣстѣ намѣренъ онъ укрыть свое дорого доставшееся ему счастье, и баронесса очень удивилась, получивъ отъ новобрачныхъ вѣсточку съ далекаго сѣвернаго острова.

Роттбергъ повезъ Габріэллу къ Сѣверному морю. Онѣ посѣтили такіе старинные города, гдѣ остатокъ жизни сосредоточивался у воды, гдѣ поднимались изъ морского ила постройки на сваяхъ, гдѣ на затихшихъ торговыхъ площадяхъ погруженныя въ дремоту ратуши словно грезили о быломъ ганзейскомъ могуществѣ. Они бродили по пустыннымъ улицамъ, между двумя рядами домовъ, изъ оконъ которыхъ за ними слѣдилъ порою изумленный взоръ высокихъ бѣлокурыхъ женщинъ, носившихъ въ своихъ тяжелыхъ свѣтлыхъ волосахъ массивные гребни изъ янтаря. Они восхищались старинными зданіями, похожими въ своемъ убранствѣ изъ затѣйливо украшенныхъ фронтоновъ—на покойниковъ въ пышномъ уборѣ; любовались утварью древнихъ патриціанскихъ временъ, наполнявшей домà до самыхъ чердаковъ. Неохотно разстались они съ молчаливыми городами, погруженными въ воспоминаніе о стародавнемъ величіи, по улицамъ которыхъ бродятъ задумчивые, скупые на слова люди, и гдѣ съ колоколенъ несется, при сильномъ морскомъ вѣтрѣ, рѣзко раздающійся подъ желѣзными кровлями звонъ колоколовъ.

Затѣмъ они отплыли на сѣверъ по морю, казавшемуся тихимъ и блѣднымъ въ прозрачномъ и блѣдномъ сіяніи сѣвернаго лѣта; они посѣтили города съ деревянными строеніями; видѣли суровые лѣсистые берега, глубоко врѣзавшіеся въ сумрачно-прекрасную землю фіорды, въ свѣтломъ зеркалѣ которыхъ торжественно отражались куполы незнакомыхъ снѣговыхъ горъ.

Оттуда они проѣхали въ Данію, на острова, лѣниво омываемые сонными свѣтло-синими волнами; Роттбергу хотѣлось привезти жену въ Толленштейнъ раннею осенью. Продолжительная поѣздка принесла пользу молодой женщинѣ, щеки ея окрасились здоровымъ румянцемъ; она была весела и еще болѣе похорошѣла.

Они сидѣли въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ на берегу, и Габріэлла смотрѣла блестящими глазами на катившіяся передъ ними съ бѣлыми хребтами волны. Грудь ея высоко поднималась подъ впечатлѣніемъ радости бытія; она упивалась морскимъ воздухомъ и солнечнымъ сіяніемъ; бѣлокурые волосы ея распустились и, развѣваясь по вѣтру, окружали свѣтлымъ ореоломъ ея тонкое, жизнерадостное личико.

„Такъ прекрасна и — моя, нераздѣльно моя! — думалось Роттбергу.—Но моя ли?"—Эта мысль острой болью пронизала его мозгъ, какъ стрѣла, поражающая издалека. Онъ оглянулся кругомъ, но увидалъ лишь острые стебли морской травы и тучи ослѣпительно-бѣлыхъ чаекъ, носившихся надъ сверкающими, разыгравшимися волнами. Счастливецъ сидѣлъ съ застывшимъ взоромъ; затѣмъ онъ медленно нагнулся къ Габріэллѣ,—губы его шевелились, но слова не сходили съ нихъ, онъ самъ страшился собственной смѣлости. Наконецъ, онъ проговорилъ взволнованно, между тѣмъ какъ взоръ его неотступно былъ прикованъ къ ея лицу:

„Не надо розъ въ порѣ расцвѣта
Тому, кто знаетъ горечь слезъ!"

Глаза ея вмигъ потемнѣли, словно набѣжавшая туча сразу прогнала свѣтъ и радость съ ея лица. Въ углахъ рта появилось жесткое выраженіе, и она плотнѣе закуталась въ теплую накидку, какъ будто въ яркій солнечный день на нее внезапно повѣяло холодомъ смерти. Изъ-подъ рѣсницъ ея медленно выкатилась слеза; затѣмъ она поднялась, бросивъ послѣдній, прощальный взглядъ на омрачившееся, потемнѣвшее море.

Вслѣдъ за невѣроятнымъ напряженіемъ острое чувство страданія овладѣло Роттбергомъ. Разочарованіе его было велико. Въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ онъ жилъ надеждою на то, что Габріэлла уже побѣдила свою склонность,—теперь онъ долженъ былъ признать, что до побѣды еще далеко. Онъ стиснулъ зубы. Нѣтъ, онъ далъ ей слишкомъ краткій срокъ; онъ хочетъ назвать ее своею прежде чѣмъ они вернутся въ Толленштейнъ; надо продолжить свадебную поѣздку, испытать вліяніе юга со всею роскошью его цвѣтовъ и красокъ.

Осенью онъ привезъ Габріэллу въ столицу. Онъ надѣялся, что блескъ и пышность сдѣлають свое дѣло; окруженная общимъ поклоненіемъ, Габріэлла въ атмосферѣ двора оцѣнитъ свое общественное положеніе, и съ каждымъ днемъ ей будетъ становиться яснѣе, какую блестящую участь создала ей его любовь.

Если Роттбергъ разсчитывалъ на признательность Габріэллы, онъ не ошибся въ разсчетѣ. Когда молодая женщина увидѣла, какъ сильно радуетъ ея супруга вызываемое ею восхищеніе, какъ онъ любитъ видѣть ее окруженною, она рѣшила сдѣлать все возможное для того, чтобы доставить ему по крайней мѣрѣ это удовлетвореніе. Лично ей не доставляло особеннаго удовольствія исполненіе ею свѣтскихъ обязанностей,—она была для этого черезчуръ чуткою, правдивою натурой, и ежедневныя проявленія эгоизма, зависти, лживости, интригъ—были ей безконечно противны.

Ея уваженіе къ человѣку страдало отъ этихъ реверансовъ, поклоновъ, шарканья, игры глазами, практиковавшихся въ высокопоставленномъ кругу. Часто ея гордое, прекрасное лицо краснѣло за другихъ, когда ей случалось улавливать черезчуръ явное низкопоклонство, трусливое отреченіе отъ самыхъ дорогихъ убѣжденій. Ученые, художники,—общество которыхъ болѣе всего влекло Габріэллу,—рѣдко удостоивались приглашенія въ великосвѣтскія сферы, такъ какъ дворъ былъ нѣмецкій, и первенствующую роль при немъ играли мундиры. Весело, съ полнымъ соблюденіемъ внѣшнихъ формъ, переносила Габріэлла эту позолоченную скуку, но еслибы Роттбергъ настолько зналъ свою жену, чтобы предоставить ей выборъ между столицею и тихою жизнью въ деревнѣ, она съ радостью увидѣла бы опушенныя снѣгомъ сосны Толленштейна.

Что касается Роттберга—однообразно утомительная свѣтская жизнь ничуть не забавляла его, но у него было потребностью слѣдовать за толпою обожателей, тянувшихся въ хвостѣ бархатнаго платья Габріэллы по всѣмъ столичнымъ баламъ. Онъ упорно приводилъ въ исполненіе свой замыселъ: заглушить посредствомъ чувственныхъ наслажденій, атрофировать ту частицу ея души, гдѣ онъ не сознавалъ себя полнымъ хозяиномъ. Когда она утомится здѣшними успѣхами, онъ увезетъ ее въ другую страну, въ новое общество—это будетъ продолженіемъ принятой имъ системы леченія. Въ виду такихъ соображеній, онъ оттягивалъ свое назначеніе на высокій постъ; его образъ дѣйствія создалъ ему нѣсколькихъ враговъ и даже навлекъ на него неудовольствіе принца, но это было ему безразлично. Часто думалъ онъ съ горечью, полной ироніи, что всѣ его коллеги—дипломаты вмѣстѣ

взятые—никогда не поймутъ въ своей премудрости, что для него, Роттберга, предметъ общей зависти, придворное и общественное положеніе, карьера, составляющія для нихъ самихъ цѣль жизни,—являются не болѣе какъ средствомъ для достиженія того, чѣмъ владѣетъ первый встрѣчный рабочій: нераздѣльнаго обладанія сердцемъ жены.

Зима приближалась къ концу. На одномъ изъ послѣднихъ придворныхъ баловъ Роттберга задержалъ дѣловой разговоръ въ карточной комнатѣ; вернувшись въ бальную залу, онъ былъ такъ пораженъ, какъ еслибы увидѣлъ на стѣнѣ огненную надпись.

Передъ Габріэллою стоялъ въ почтительной позѣ, съ серьезнымъ, но сіяющимъ отъ счастья лицомъ—Норбертъ.

Странно, что мысль о возможности подобной встрѣчи никогда не приходила Роттбергу въ голову,—онъ считалъ молодого офицера навсегда заключеннымъ въ пограничномъ городкѣ, гдѣ стоялъ его полкъ. Цѣлая буря мыслей и предположеній поднялась въ немъ, но комендантъ, старый, добродушный генералъ, объяснилъ ему со смѣхомъ, отъ котораго вздрагивали на его плечахъ густые эполеты, что этимъ сюрпризомъ они отчасти обязаны ему.

Ему свыше приказано было перевести сюда изъ провинціи молодого, способнаго офицера хорошей фамиліи, и г. фонъ-Ирмельдингенъ явился самымъ подходящимъ кандидатомъ; черезъ нѣсколько времени онъ, вѣроятно, будетъ назначенъ адъютантомъ при наслѣдномъ принцѣ. Ему, генералу, особенно пріятно было рекомендовать члена ихъ семьи; онъ надѣется даже получить благодарность со стороны многоуважаемой баронессы: признательность красавицы всегда желанна...

Веселый генералъ поспѣшилъ къ Габріэллѣ, а Роттбергъ, овладѣвъ собою, обратился къ офицеру съ нѣсколькими любезными словами, на которыя тотъ отвѣтилъ поклономъ.

Во время празднества баронъ, среди обмѣна любезностей и привѣтствій, мрачно соображалъ: какое впечатлѣніе произведетъ неожиданное прибытіе Норберта на душевное состояніе Габріэллы.

Внутренній, никогда не обманывающій голосъ говорилъ ему, что борьба за счастье, которую онъ ведетъ въ теченіе года такъ страстно и упорно, вступила теперь въ новый фазисъ. Предчувствіе говорило ему, что предстоитъ рѣшительный конфликтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшеніе всѣхъ сомнѣній; онъ убѣдилъ себя, что даже радуется пріѣзду Норберта, какъ средству испытать сердце Габріэллы.

Въ эту минуту къ нему подошло нѣсколько дамъ—перегово-

рить о предполагавшемся въ концѣ сезона костюмированномъ балѣ, и Роттбергъ предложилъ для этой цѣли свои собственные салоны; требовались большія приготовленія, и онъ предпочиталъ въ стратегическомъ отношеніи, чтобы Норбертъ чаще встрѣчался съ Габріэллою именно у него въ домѣ.

Когда, по окончаніи бала, онъ самъ накинулъ на плечи Габріэллы дорогую шубку, на лицѣ его выражалось спокойствіе мужа, довольнаго свѣтскими успѣхами своей жены. Покуда экипажъ катился быстрой рысью по запорошеннымъ снѣгомъ улицамъ, онъ ласково взялъ теплую ручку Габріэллы и весело заговорилъ о впечатлѣніяхъ сегодняшняго бала.

— Я радуюсь пріѣзду Норберта,—замѣтилъ онъ вскользь;— надѣюсь, что, въ качествѣ родственника, онъ будетъ считать нашъ домъ своимъ.

Карета быстро неслась, и лишь по временамъ свѣтъ фонаря на мигъ проникалъ въ нее сквозь замерзшія стекла; Роттбергъ не могъ видѣть лица Габріэллы, но онъ почувствовалъ, какъ при его словахъ все ея стройное тѣло, до самыхъ кончиковъ пальцевъ—содрогнулось. Страданіе ли вызвало эту дрожь, или преступная радость? Кто могъ бы отвѣтить ему?

Прошло нѣсколько дней, и Норбертъ, исполняя долгъ вѣжливости, ограничился короткимъ визитомъ. Затѣмъ онъ появился на репетиціи костюмированнаго бала, во время распредѣленія ролей въ живыхъ картинахъ, принятаго на себя профессоромъ академіи; онъ не обмѣнялся съ Габріэллой ни однимъ словомъ, а она была очень блѣдна и съ принужденіемъ исполняла обязанности хозяйки дома. Репетиція прошла вяло и скучно, но участвующіе возложили надежду на вторую, для которой былъ приглашенъ оркестръ.

Она, дѣйствительно, прошла съ успѣхомъ; полагали, что третья будетъ еще удачнѣе. Хотя изощренная подозрительностью наблюдательность Роттберга не открыла никакихъ слѣдовъ соглашенія между его женою и Норбертомъ, онъ ясно сознавалъ въ душѣ, что между ними существовала тайная, неуловимая связь. Неопредѣленное чувство привело его однажды во время репетиціи въ будуаръ жены. На ея письменномъ столѣ лежалъ разрѣзанный поспѣшно конвертъ съ гербомъ Ирмельдингеновъ. Глаза Роттберга сверкнули, когда онъ вынулъ листокъ изъ конверта; строчки прыгали и расплывались передъ его глазами.

„Глубокоуважаемая кузина. Поспѣшу явиться въ назначенное время на осчастлививщій меня призывъ.

„Безгранично признательный вамъ Норбертъ“.

Губы Роттберга дрожали, когда онъ выходилъ изъ комнаты. Она еще неопытна и разбрасываетъ неосторожно свои любовныя письма, но скоро она пріобрѣтетъ опытность въ нарушеніи супружеской вѣрности. Значитъ, между ними существуетъ переписка; теперь она назначила ему свиданіе, всего вѣрнѣе—здѣсь же въ домѣ, а самое удобное мѣсто—зимній садъ, находящійся рядомъ съ театральною залой. Тамъ легко заглушить первый крикъ удовлетворенной любви, тамъ съ удобствомъ можно похоронить честь черезчуръ довѣрчиваго супруга. Передъ глазами барона возникали кровавые призраки. Дуэль съ Норбертомъ? Что за безуміе! На поединкѣ всегда погибаетъ правый. Неужели онъ оставитъ въ живыхъ оскорбителя своей чести? А Габріэлла? Стонъ вырвался у него изъ груди; онъ слишкомъ ее любитъ, онъ пощадитъ ее,—пусть она расцвѣтаетъ въ той атмосферѣ богатства, съ помощью которой онъ надѣялся дать ей счастье. Надо быть справедливымъ. Онъ тяжко искушалъ ее, насиловалъ ея сердце, вырвалъ у нея согласіе; теперь онъ обманутъ, но этого слѣдовало ожидать. Онъ—ея сообщникъ; все, что онъ имѣетъ—принадлежитъ ей, но онъ не можетъ жить безъ нея, съ этимъ сознаніемъ вѣчнаго стыда и угрызенія. Какъ же покончить съ жизнью, самая мысль о которой—таитъ въ себѣ адскія муки? Неужели же онъ—послѣдній владѣтель Толленштейна—прибѣгнетъ къ самоубійству, какъ разорившійся спекулянтъ?

Въ комнатѣ стемнѣло. Съ улицы доносился шумъ ѣзды; колеса скрипѣли по гравію, которымъ была усыпана аллея, ведущая къ подъѣзду; изъ нижняго этажа слышались звуки настроиваемыхъ инструментовъ. Хозяинъ дома вздрогнулъ; онъ освѣжилъ водою лицо и направился въ уборную жены. По дорогѣ онъ встрѣтилъ Габріэллу, сіявшую такой ослѣпительною красотою, что онъ едва не вскрикнулъ отъ жгучей боли при мысли, что онъ долженъ потерять это до безумія любимое существо.

Онъ овладѣлъ собою, объяснилъ свой разстроенный видъ мучительною головною болью, и попросилъ, чтобы она приняла гостей одна, такъ какъ онъ получилъ изъ министерства важное сообщеніе, по поводу котораго долженъ сейчасъ же выѣхать съ депешами къ сосѣднему двору, и отсутствіе его, вѣроятно, продлится нѣсколько дней. Габріэлла, казалось, была поражена и растревожена; она стала убѣждать его поберечь себя и отложить отъѣздъ. Онъ отвѣтилъ ей лишь слабою, странною улыбкой. Въ комнатѣ никого не было; онъ порывисто обнялъ Габріэллу, скрывая свое лицо въ ея пышныхъ волосахъ, какъ сдѣ-

лалъ это въ день ихъ помолвки. Когда она тихо освободилась изъ его объятій и пошла къ двери, онъ продолжалъ глядѣть ей вслѣдъ; она еще разъ обернулась, посмотрѣла на него своими глубокими ясными глазами и тонкій профиль ея освѣтился задумчивой полуулыбкою.

Затѣмъ, въ сумракѣ Роттбергъ незамѣтно пробрался въ зимній садъ. Громадныя пальмы поднимали свои зубчатые листья къ сводчатому потолку, перемѣшиваясь съ вѣерообразными бананами; тутъ же обвивались вокругъ рѣшётки ползучія растенія и кое-гдѣ, подобно свѣтлякамъ, слабо мерцали лампочки. Воздухъ былъ напоенъ запахомъ ванили, какъ благоуханная тропическая ночь. По временамъ изъ залы доносились forte оркестра, гудѣніе голосовъ или взрывъ одобренія; невидимый фонтанъ, то замирая, то переливаясь громче и громче, задумчиво журчалъ гдѣ-то среди зелени.

Но вотъ въ этой мечтательной тишинѣ послышался шорохъ: рука объ руку приближались двѣ фигуры—такъ шли они, когда Роттбергъ впервые увидѣлъ ихъ въ запущенной аллеѣ мокраго отъ дождя ирмельдингенскаго парка. Габріэлла опустилась на скамью, Норбертъ почтительно стоялъ передъ нею.

— Вы осчастливили меня, Габріэлла, — сказалъ онъ съ дрожью въ голосѣ.

— Наши минуты сочтены, дорогой другъ, — отвѣтила она тихо.—Вы достаточно знаете жизнь, чтобы понять, чѣмъ я рискую, рѣшившись безъ помѣхи поговорить съ вами. Мое доброе имя и покой домашняго очага—я довѣрила вамъ, вашей чести. Я сдѣлала это не колеблясь, такъ какъ знаю, что близъ васъ— я въ такой же безопасности, какъ еслибы со мною была моя мать. Ради насъ обоихъ, я рѣшилась на этотъ разговоръ, не взвѣшивая его послѣдствія. Любить, Норбертъ, значитъ—жертвовать собою...

— Никогда, Габріэлла, вы не раскаетесь въ томъ, что принесли эту жертву,—пылко и съ волненіемъ прервалъ ее молодой офицеръ.—За ваше великодушіе я готовъ отдать вамъ всю мою полную благоговѣнія передъ вами жизнь...

— Вы ошибаетесь, мой другъ,—отвѣтила она слабымъ голосомъ:—отъ васъ я требую громадной, но необходимой жертвы. Вы должны уѣхать отсюда, Норбертъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ.

Молодой человѣкъ былъ пораженъ.

— Я васъ не понимаю, Габріэлла,—прошепталъ онъ, наконецъ, черезъ силу,—что это за ужасающая загадка?

Она съ волненіемъ, но твердо повторила слова, отнимавшія у него всякую надежду. Она много думала, плакала, боролась. Ей извѣстны—лучше, чѣмъ кому бы то ни было—его положеніе, надежды, и все-же она повторяетъ свое требованіе. Онъ долженъ пожертвовать своимъ нынѣшнимъ блестящимъ положеніемъ и видами на будущее и немедленно уѣхать.

— Вы требуете невозможнаго, Габріэлла!—воскликнулъ онъ съ мольбою. — Поймите меня, я не настолько дорожу моей карьерой, хотя, конечно, и она имѣетъ для меня значеніе; я безропотно пожертвовалъ бы моимъ честолюбіемъ, но я не въ состояніи разстаться съ вами, Габріэлла. Городъ великъ,—я стану избѣгать встрѣчъ съ вами, не буду бывать у васъ, но позвольте мнѣ хотя издали васъ видѣть, не отнимайте у обездоленнаго единственной его радости!

Она провела рукою по лбу, затѣмъ остановила на немъ свои лучистые глаза.

— Я скажу вамъ, почему вы не можете здѣсь оставаться: ваша близость, видъ вашихъ страданій обрекаетъ меня на борьбу, изъ которой я могу не выйти побѣдительницей. Жизнь между вами и Роттбергомъ—свыше силъ моихъ, и она, вмѣстѣ съ тѣмъ, недостойна меня. Я—жена его, насъ соединяетъ долгъ, и этимъ все сказано. Значитъ, мы должны остаться честными людьми, хотя бы отъ этого разбилось сердце. Не такъ ли, мой другъ?

Онъ опустилъ голову; его мужественно-красивое лицо поблѣднѣло.

— Я не могу забыть васъ, Габріэлла!

— Кто говоритъ о забвеніи, Норбертъ? — отвѣтила она серьезно:—я не хочу быть забытой вами; разставшись навсегда, мы станемъ переносить мужественно нашу жизнь. Мы будемъ помнить, что однажды намъ обоимъ сіяло чистое, незабвенное, неосуществимое счастіе; имъ нужно было пожертвовать, но все-же оно было у насъ, и никакая разлука, никакая сила на землѣ не могутъ отнять его у насъ. Думай о немъ, живи имъ, Норбертъ, когда ты будешь бѣденъ и несчастенъ. Когда мы свидимся, черезъ много, много лѣтъ—мы скажемъ оба, что съумѣли высоко держать голову. А теперь, дорогой другъ, оставь меня... Да хранитъ тебя Богъ!

Онъ кинулся къ ея ногамъ.

— Габріэлла, скажи мнѣ—одинъ только разъ,—что ты любила меня и любишь до сихъ поръ!

Она положила руку ему на голову.

— Я любила тебя, и пусть моя любовь осѣняетъ тебя до конца жизни.

Онъ наклонилъ голову и спряталъ ее въ складкахъ ея платья.

— Благодарю тебя,—сказалъ онъ, поднимаясь,—да благословитъ тебя Богъ за это слово, и пусть Онъ сдѣлаетъ меня достойнымъ тебя!

Онъ поклонился ей и поспѣшно вышелъ изъ сада. Габріэлла сложила руки, какъ на молитву; губы ея беззвучно шевелились; съ опущенною головою она прошла среди пальмъ, тонувшихъ во мракѣ, и ея высокая фигура исчезла въ сіяніи огней, ворвавшемся въ сумракъ зимняго сада изъ ярко освѣщеннаго зала.

Роттбергъ вышелъ изъ теплицы и, закрывъ руками измученное лицо, опустился на скамью.

— Все кончено! — простоналъ онъ. — Габріэлла, чистый ангелъ, ты была для меня всѣмъ на свѣтѣ; теперь лишь я вполнѣ узналъ тебя для того, чтобы навѣки потерять!

Уничтоженный, разбитый, онъ прижимался головою къ спинкѣ скамьи. Изъ зала доносились громкіе звуки оркестра, и надъ неподвижно сидящимъ человѣкомъ гремѣли и замирали, торжествуя радость бытія, то смѣющіеся, то блаженно тоскующіе переливы вальса.

Въ Толленштейнъ! Эта мысль мелькнула въ его лихорадочно возбужденной головѣ лучомъ избавленія. Тамъ горные ручьи сбѣгаютъ теперь въ долины; тамъ шумятъ вершины сосенъ; тамъ на отлогихъ скатахъ распускаются первые цвѣты и раздается въ горахъ гнѣвный крикъ тетеревовъ. Его потянуло на лоно дикой, умиротворяющей, исцѣляющей природы; южный вѣтеръ, отъ котораго таютъ послѣдніе снѣга̀, растопитъ, можетъ быть, и тяжелый гнетъ его скорби. Его разбитое сердце научится ровнѣе биться въ уединеніи и усталая голова придетъ къ какому-нибудь ясному разумному рѣшенію.

Подъ предлогомъ, приведеннымъ имъ при прощаніи съ Габріэллою, онъ выѣхалъ, какъ годъ тому назадъ, съ ночнымъ поѣздомъ, и такъ же сошелъ раннимъ утромъ на маленькой станціи,—только теперь его ждала карета, немедленно доставившая его въ Толленштейнъ. Но пребываніе тамъ оказалось для него мучительнымъ; цѣлыми часами бродилъ онъ по непросохшимъ аллеямъ парка, и теплый вѣтеръ шумѣлъ надъ его головою въ безлиственныхъ вершинахъ деревьевъ. Онъ не рѣшался войти въ наскоро протопленные и приведенные въ порядокъ покои за̀мка. Туда, по окончаніи столичнаго сезона, намѣревался

онъ ввести Габріэллу въ годовщину ихъ помолвки; онъ желалъ устроить ей торжественный въѣздъ въ знаменитое родовое владѣніе, госпожею котораго она стала. Ее ожидалъ цѣлый рядъ великолѣпно убранныхъ комнатъ, гдѣ соединилось все, что могутъ доставить богатство и нѣжнѣйшее вниманіе въ связи съ изысканнымъ вкусомъ.

Однажды онъ провелъ цѣлую ночь, сидя въ креслѣ передъ роскошною кроватью, между тѣмъ какъ мартовскій вѣтеръ потрясалъ столѣтніе вязы парка. На разсвѣтѣ онъ вышелъ изъ дому, надѣясь съ помощью физической усталости достигнуть кроткаго успокоенія, забвенія на мигъ. Дорога привела его къ лѣсничеству. Въ домѣ все еще спало, и когда онъ постучался, раздался бѣшеный лай собакъ. Полуодѣтый лѣсничій отворилъ ему, и былъ пораженъ видомъ ранняго посѣтителя.

— Ваше сіятельство больны?—было его первымъ привѣтствіемъ, при видѣ блѣднаго, постарѣвшаго лица Роттберга.

Тотъ поспѣшилъ успокоить его; раннее вставаніе бываетъ по временамъ полезно, а зима, проведенная въ столицѣ, не можетъ помолодить человѣка.

— А что вы подѣлывали за это время?—продолжалъ онъ.— Не случилось ли чего-нибудь особеннаго здѣсь въ лѣсничествѣ или по сосѣдству?

— Ничего особеннаго,—отвѣтилъ лѣсничій,—не считая несчастія съ Андерлемъ, конечно! Развѣ вашему сіятельству не извѣстно объ этомъ?

Роттбергъ, забывъ на минуту о своемъ собственномъ горѣ, съ живостью поднялъ голову.

— Что случилось съ нимъ? Удачнымъ ли оказался его бракъ?

— Къ сожалѣнію, очень неудачнымъ, ваше сіятельство,— заговорилъ лѣсничій съ нѣкоторымъ колебаніемъ.—На первыхъ порахъ все шло у нихъ ладно, и Моди радовалась, что поставила на своемъ, а затѣмъ онъ зажилъ такъ, какъ будто у него никогда не бывало ни жены, ни дома. Моди обозлилась,—она всегда была падка до мужчинъ; словомъ, Андерль—со двора, а кумовья—во дворъ, и поднялась у нихъ такая кутерьма, что ночью въ туманъ старикъ-отецъ ушелъ изъ дому. Хозяйство погибло, да и Андерль—тоже; отъ службы онъ давно уже отказался, но однажды явился ко мнѣ въ бархатной курткѣ и золоченыхъ пуговицахъ, только весь обтрепанный и полупьяный. То плакалъ онъ, то буянилъ. Свелъ я его, видите ли, съ Моди и этимъ загубилъ его, сталъ онъ теперь дряннымъ человѣкомъ, а всему причиною — я да господинъ баронъ. „Тебѣ я еще про-

щаю",—сказалъ онъ на разставанье,—„но когда я буду горѣть въ адскомъ огнѣ, знай, что и ты—мой сообщникъ". Я и вправду помню это, ваше сіятельство, меня порою въ жаръ и въ холодъ бросаетъ; знай я годъ тому назадъ, что дѣло приметъ такой оборотъ, я бы прямо сказалъ: „Ваше сіятельство, вы у насъ—владѣтельный баронъ, а только я Андерля принуждать не стану". Недѣли двѣ тому назадъ онъ совсѣмъ сгинулъ: одни говорятъ, что онъ браконьерствуетъ, а другіе—что съ нимъ приключилась бѣда; пожалуй, что такъ оно и есть. Да, ваше сіятельство, вотъ какія дѣла; сожалѣю о томъ, что ничего болѣе пріятнаго доложить вамъ не могу, а въ остальномъ все у насъ обстоитъ благополучно.

Во время разсказа лѣсничаго, выраженіе нескрываемаго страданія все явственнѣе проступало на лицѣ барона. Къ черезчуръ тяжелому бремени его собственнаго горя прибавилось еще новое страданіе, новая вина.

Сможетъ ли онъ, съ помощью земныхъ средствъ, искупить хотя отчасти эту вину?

Онъ прижался лбомъ къ стеклу и смотрѣлъ въ утренній сумракъ; лѣсничій принесъ свѣчу, и пламя ея освѣтило низенькую комнату.

— Я долженъ загладить мою вину передъ парнемъ,—заговорилъ, наконецъ, баронъ.—Помѣстите немедленно публикацію въ мѣстныхъ листкахъ, приглашая Андерля явиться къ вамъ по случаю дѣла о наслѣдствѣ и обѣщайте вознагражденіе тому, кто извѣститъ о его мѣстожительствѣ. Если пропавшій отыщется, предложите ему на выборъ: мѣсто помощника лѣсничаго или сумму, достаточную для того, чтобы начать въ Америкѣ новую жизнь. Вотъ вамъ чекъ. Видите, мой другъ,—продолжалъ онъ необычно торжественнымъ тономъ, замѣтивъ на почтенномъ, загорѣломъ лицѣ лѣсничаго выраженіе возростающаго волненія:—я хотѣлъ сдѣлать добро, а вышло зло; надѣюсь, что Господь будетъ ко мнѣ милосердъ и проститъ вамъ ваше косвенное участіе въ моей винѣ. А теперь одолжите-ка мнѣ ружье; можетъ быть, дорогою я подстрѣлю какую-нибудь дичь, къ удовольствію моей ключницы.

Лѣсничій поспѣшилъ принести ружье, которое баронъ осмотрѣлъ, и, замѣтивъ въ замкѣ легкую неисправность, посовѣтовалъ, въ виду предупрежденія несчастья, перемѣнить его. Затѣмъ онъ простился съ лѣсничимъ, напомнивъ еще разъ про объявленіе въ листкахъ. Лѣсничій закричалъ ему въ догонку, чтобы онъ поднялся на Платтенъ, гдѣ „токуютъ тетерева такъ что любо-дорого"!

Роттбергъ кивнулъ головою и вышелъ во мракъ. Не глядя, большими шагами пересѣкъ онъ лѣсъ и сталъ медленно подниматься въ гору. Позади него лѣсъ какъ будто опускался, а вдали, между горныхъ елей и кустовъ можжевельника, на сѣромъ фонѣ утренняго неба выдѣлялись въ рѣзкихъ очертаніяхъ круглыя и остроконечныя вершины горъ. Въ лицо ему повѣяло рѣзкимъ, морознымъ воздухомъ; земля была покрыта изморозью; среди низкорослаго можжевельника вилась надъ глубокой пропастью узкая тропинка, ведшая въ отдаленную боковую долину, гдѣ стояло нѣсколько жалкихъ, необитаемыхъ зимою лачугъ. Здѣсь, на Платтенѣ, было самое дикое, глухое мѣсто всей Толленштейнской округи. У самой дороги стояла деревянная статуя Мадонны, облаченная руками вѣрующихъ въ теплую, безвкусно сдѣланную одежду, съ мишурнымъ вѣнчикомъ на головѣ. На ея улыбающемся, кукольномъ лицѣ странно блестѣла пара большихъ темныхъ стеклянныхъ глазъ. Это была Мадонна для очень простыхъ, очень непритязательныхъ и очень недалекихъ людей, но когда баронъ увидѣлъ ее въ косыхъ лучахъ восходящаго солнца, онъ снялъ ружье съ плеча и преклонилъ передъ нею колѣни.

Онъ вспомнилъ, что̀, въ дѣтствѣ его, ему говорила мать, бывшая очень набожной женщиной: „Если тебѣ тяжело, помолись Богу"! Тридцать лѣтъ свѣтской жизни, удовольствій, стремленій, успѣховъ выжгли, опустошили его сердце, но теперь эти слова восстали изъ-подъ пепла.

Ему показалось, что изъ темныхъ глазъ Мадонны упалъ на него теплый лучъ материнской любви, и съ устъ его полились страстныя, безсвязныя слова покаянія. Онъ говорилъ пестро размалеванной, со страннымъ, человѣческимъ взоромъ статуѣ, о своей любви къ Габріэллѣ, о своей борьбѣ и мученіяхъ. И онъ чувствовалъ, какъ всѣ его сомнѣнія, всѣ вопросы и содроганія мучительной страсти разрѣшались, замирали. Образъ Габріэллы ясно выдѣлялся изъ мрака ревности и уходилъ куда-то въ недосягаемую даль. Онъ чувствовалъ, что не имѣетъ права связывать ее, не долженъ вымаливать непринадлежащую ему въ этой жизни ея любовь. Онъ ощутилъ съ мгновеннымъ содроганіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—глубокимъ спокойствіемъ, что надъ нимъ совершается чудо. Безъ потрясенія, почти безъ боли онъ пришелъ къ отреченію. Путь его былъ отнынѣ ясенъ. Онъ уѣдетъ за море—посланникомъ въ Пекинъ или Вашингтонъ, предоставивъ Габріэллѣ свободу и возможность выйти съ незапятнаннымъ именемъ за Норберта. Конечно, борьба еще не кончена для него; по временамъ онъ будетъ томиться жаждою счастья,

безконечно страдать, представляя себѣ Габріэллу счастливою женою другого, но это будетъ его искупленіемъ. Онъ отбросилъ мысль о самоубійствѣ. Къ чему? Его отреченіе равнялось смерти: онъ убилъ въ себѣ все недостойное, себялюбивое. Губы его шевелились, онъ шепталъ молитву. Если жертва его угодна Богу, —быть можетъ, Онъ пошлетъ ему, въ своемъ милосердіи, скорую смерть, которая будетъ избавленіемъ...

Темные, сострадательные глаза Мадонны смотрѣли, поверхъ его головы, на горный хребетъ, съ котораго повѣяло весеннимъ вѣтромъ, зашумѣвшимъ въ соснахъ. Иней растаялъ, и вершины горъ, свободныя отъ снѣга, стояли въ солнечномъ сіяніи; зеленыя вѣтви горныхъ сосенъ склонялись какъ будто подъ напоромъ вѣтра, но склонялись онѣ въ одну сторону, давая дорогу постороннему, пробиравшемуся сквозь нихъ тѣлу... Это былъ крадущійся, жаждущій крови хищникъ.

— Пошли мнѣ вѣчный миръ и даруй счастіе Габріэллѣ!..— проговорилъ, поднимая голову, колѣнопреклоненный человѣкъ.

Что-то блеснуло, и Роттбергъ упалъ мертвый. Вѣтеръ развѣялъ легкій дымокъ, и изъ-за темныхъ сосенъ поднялась дикая, оборванная фигура Андерля.

— Не всѣ имѣютъ право на счастье,—глухо разнеслось по лѣсу,—и не всякому дается любовь. Ступай, погляди: не найдешь ли ты ее—эту истинную любовь—тамъ, на небесахъ!

Съ нѣм. О. Ч.

КИТАЙСКО-ВОСТОЧНАЯ
ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

1895—1903 г.

По личнымъ воспоминаніямъ.

I.

Первоначальный проектъ Великаго сибирскаго пути къ берегамъ Тихаго океана состоялъ, какъ извѣстно, въ соединеніи сѣти желѣзныхъ дорогъ Европейской Россіи съ ближайшимъ пунктомъ Амурскаго бассейна, откуда далѣе идетъ уже пароходное сообщеніе. Постепенная постройка дороги отъ Челябинска черезъ Западную и Восточную Сибирь до Байкала, а затѣмъ отъ Байкала до Срѣтенска, лежащаго на р. Шилкѣ, соединила Уралъ съ Амуромъ. Въ апрѣлѣ 1901 года заложено основаніе на восточной окраинѣ новаго рельсоваго пути отъ нашего порта Владивостока до города Хабаровска, лежащаго на Амурѣ.

Такимъ образомъ устанавливался сплошной паровой путь къ Тихому океану, въ которомъ рельсы смѣнялись сначала на оз. Байкалѣ пароходомъ, затѣмъ отъ Срѣтенска до Хабаровска —на протяженіи 2.000 верстъ—тоже предстоялъ водный путь, послѣ котораго 716 верстъ рельсоваго пути приводили къ бухтѣ Золотого Рога. Весь этотъ путь имѣлъ бы протяженіе рельсо-

ваго пути отъ Москвы около 7.000 верстъ и воднаго 2.000 верстъ, а всего 9.000 верстъ.

На переѣздъ потребовалось бы 22—23 сутокъ изъ Москвы во Владивостокъ, а обратно—около 30-ти сутокъ, такъ какъ по Амуру приходится плыть противъ теченія.

Послѣ путешествія на лошадяхъ, тянувшагося болѣе двухъ мѣсяцевъ, такой проектъ приводилъ всѣхъ въ восхищеніе, и всѣ ждали съ нетерпѣніемъ скорѣйшаго исполненія его.

Для бòльшаго же удобства переѣзда черезъ оз. Байкалъ былъ сооруженъ паромъ-ледоколъ, который долженъ былъ принимать на себя не только пассажировъ, а цѣлый поѣздъ восемнадцати-вагоннаго состава. Былъ проектъ проведенія рельсоваго пути кругомъ Байкала, протяженіемъ въ 200 верстъ, но путь этотъ требовалъ дорого стоющихъ техническихъ сооруженій, тогда какъ ледоколъ считался удобнѣе и много дешевле.

Потянулись долгіе годы выполненія этого проекта, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали выясняться и разныя условія страны, по которой намѣчено проложеніе Великаго пути. Чтò такое Амуръ,—знали очень немногіе. Знали, что онъ составляется изъ Шилки и Аргуни, протекаетъ 3.000 верстъ и впадаетъ въ Охотское море; знали, что по немъ плаваютъ пароходы. Вотъ и все.

Но когда начали изучать его поближе, то открылось кое-что новое, не совсѣмъ пригодное къ выполненію проекта Великаго пути.

Амуръ съ сентября до декабря и съ половины марта до мая совершенно не годится для сообщенія. Начинается ледоходъ, и въ это время сообщеніе происходитъ верхомъ по гористому лѣвому берегу рѣки. Съ декабря до половины марта сообщеніе по Амуру совершается на лошадяхъ по льду.

Остальные пять мѣсяцевъ плаваютъ пароходы,—но какъ плаваютъ? Рѣка Амуръ дѣлится на три части. Верхняя дистанція—рѣка Шилка и Амуръ до Благовѣщенска—имѣетъ массу перекатовъ, глубина воды на которыхъ въ среднюю воду бываетъ три-четыре фута, а въ малую—падаетъ до двухъ футовъ и ниже. Пароходы на этой дистанціи не должны имѣть осадку болѣе четырехъ футовъ. Теченіе здѣсь быстрое, дно каменистое, и перекаты очень опасны. Средняя дистанція—отъ Благовѣщенска до Хабаровска. Теченіе болѣе спокойное, но имѣются тоже перекаты, на которыхъ высота воды въ малую воду падаетъ до трехъ футовъ. Здѣсь пароходы побольше и могутъ ходить въ среднюю воду съ осадкой пять футовъ.

Нижнее теченіе—отъ Хабаровска до Николаевска—глубокое,

но эта часть къ великому транзитному пути отношенія не имѣетъ.

Если же принять во вниманіе, что іюнь и іюль на Амурѣ отличаются засухами, и рѣка страшно мелѣетъ, то время благопріятное для навигаціи остается лишь три мѣсяца. Чтобы имѣть понятіе, что̀ такое мелководье на Амурѣ (главнымъ образомъ на верхней дистанціи), привожу выдержку изъ мѣстной газеты „Амурскій Край", замѣтку г. Улисса: „21 день отъ Петербурга до Владивостока" 1901 г.

Г. Улиссъ, выѣзжая изъ Петербурга во Владивостокъ по путеводителю, высчиталъ, что въ 21 — 22 дня онъ совершитъ это путешествіе:

„Наконецъ,—пишетъ онъ,—я отправился въ путь. Дѣйствительно въ 9 сутокъ я доѣхалъ до Иркутска. Часа черезъ три поѣхалъ дальше. Прибыли на станцію Баранчикъ, на западномъ берегу озера Байкала. Тутъ насъ посадили на пароходъ-ледоколъ „Байкалъ". Гигантская штука поплыла по оз. Байкалу. Не успѣли мы опомниться, какъ подулъ вѣтеръ, и начало нашего гиганта трепать.

Треплемся день, треплемся другой, а Мысовой нѣтъ, какъ нѣтъ. Наконецъ, на третій мы увидѣли желанную Мысовую. Но око видитъ, да зубъ нейметъ. Вѣтеръ не стихаетъ, и гиганту нельзя подойти къ пристани. Только къ вечеру четвертаго дня мы съ грѣхомъ пополамъ вошли въ вилку мола, пообломавъ борта парохода. Итакъ, 45 верстъ по Байкалу мы совершили въ 4 сутокъ.

На мои недоумѣнія и разспросы я получилъ разъясненія, что „Байкалъ" можетъ ломать ледъ зимою не толще одного аршина, а лѣтомъ онъ можетъ плавать по Байкалу только въ тихую погоду, такъ какъ высокая надстройка въ вѣтреную погоду дѣлаетъ гиганта игрушкой волнъ. Берегъ въ Мысовой мелокъ, и потому пристать невозможно.

Выходило, что „Байкалъ" не удовлетворялъ ни требованіямъ ледокола, ни парохода.

Итакъ, на 13 сутки я былъ только у Мысовой. Наконецъ—снова желѣзная дорога. Трое сутокъ, и я буду въ Срѣтенскѣ. Но и тутъ неудача. Мы постояли двое сутокъ, такъ какъ путь былъ загроможденъ въ одномъ мѣстѣ обваломъ, а въ другомъ—потерпѣвшимъ крушеніе поѣздомъ.

Наконецъ я въ Срѣтенскѣ. 18 сутокъ, какъ выѣхалъ изъ Петербурга. Ну, думаю теперь, потерялъ лишнихъ 6 сутокъ. Дальше поѣду по теченію, по широкому Амуру, тутъ ужъ задержки не будетъ. Иду на пристань.

— Когда пароходъ идетъ въ Благовѣщенскъ?—спрашиваю я.

— Черезъ пять дней, если вода позволитъ. Сегодня ушелъ, а черезъ пять дней слѣдующій пойдетъ,—отвѣчаютъ мнѣ.

Пришлось сидѣть въ Срѣтенскѣ 5 дней. Итого 23 дня въ дорогѣ.

— Наконецъ посадили насъ на баржу, на которой устроены низкія каюты, и маленькій пароходикъ повелъ насъ на буксирѣ. То-и-дѣло мы задѣвали за рѣчное дно, но все-таки плыли.

На другой день встрѣтили такой же пароходикъ, который велъ баржу, подобную нашей, вверхъ по рѣкѣ. Мы остановились. Въ чемъ дѣло?

Оказывается, что встрѣчный пароходикъ сидитъ на мели, и нашъ долженъ его снять.

До вечера нашъ карликъ тащилъ встрѣчнаго съ мели. Что-то у нихъ рвалось, что-то ломалось; наконецъ, къ вечеру сняли пароходъ съ мели, и оба остались ночевать, такъ какъ ночью не рѣшались идти.

На другой день нашъ пароходикъ производилъ ремонтъ у себя до обѣда. Стаскивая товарища съ мели, онъ повредилъ что-то у себя. Послѣ обѣда отправились дальше и, не доходя ст. Покровки, усѣлись подъ вечеръ на мель, гдѣ благополучно просидѣли до 2 часовъ пополудни слѣдующаго дня. Все время завозили якоря, кошки, ставили „стрѣлы" и т. п.; наконецъ, снялись и въ 10 ч. вечера пришли въ Покровку. Итого отъ Срѣтенска до Покровки (400 верстъ) ѣхали 3 сутокъ, а изъ Петербурга это уже 26 сутокъ.

Въ Покровкѣ насъ долженъ былъ принять пароходъ побольше и вести до Благовѣщенска. Но такого парохода не было. Намъ сообщали, что онъ гдѣ-то ниже уже 4 день сидитъ на мели, что вода падаетъ, и весь Амуръ усѣянъ сидящими пароходами. Покровка, маленькая казачья станица, жить негдѣ, провизіи достать негдѣ. Страшная дороговизна на все съѣстное. Я и еще двое спутниковъ, промучившись въ Покровкѣ день, наняли лодку и поплыли внизъ. Черезъ два дня мы подплыли къ заднеколесному пароходу какой-то частной компаніи и узнали, что онъ идетъ въ Благовѣщенскъ. Тоже сидѣлъ на мели, но незадолго до нашего прибытія снялся и скоро отходитъ. Мы бросили лодку и перешли на пароходъ. Часа черезъ два тронулись и къ вечеру подошли къ берегу грузить дрова. Невдалекѣ сидѣлъ на мели почтовый пароходъ, тотъ самый, котораго мы должны были дожидаться въ Покровкѣ. Переночевавъ, тронулись дальше.

Цѣлыя сутки шли благополучно, но на вторыя основательно усѣлись и просидѣли 4 дня. Пища вышла. Хлѣбъ дѣлили на маленькіе кусочки и питались однимъ чаемъ. Уже снова я и мои спутники помышляли достать лодку, чтобы доѣхать хоть до жилого мѣста, но лодки негдѣ было достать.

На 5-я сутки мимо насъ идетъ пароходъ, тоже заднеколесный. Остановили его и просили принять насъ. За тройную цѣну приняли насъ. Кто не могъ заплатить такой цѣны, тѣ остались въ ожиданіи прибыли воды.

Нашъ спаситель заднеколесникъ нѣсколько разъ легко садился, но быстро снимался и шелъ дальше. Такъ плыли мы 3 сутокъ (ночью не шли) съ грѣхомъ пополамъ. Ѣли солонину, сушеную рыбу, сухари. На 4 сутки, не доходя ста верстъ до Благовѣщенска, съ полнаго хода залѣзли на „банку" (коса), причемъ сломали руль и какую-то штаньгу. Въ такомъ печальномъ положеніи мы сидѣли 2 сутокъ. На третьи показался снизу пароходъ, шедшій на выручку почтовому. Пароходъ остановился, узналъ, что вода на перекатахъ 2½ фута, и рѣшилъ не идти на выручку: все равно не дойти.

Послѣ длинныхъ переговоровъ, тянувшихся цѣлый день, коман-

диръ того парохода согласился взять пассажировъ съ нашего парохода и часть срочнаго груза за ту плату, какую съ насъ взяли до Благовѣщенска. Какъ ни упирался нашъ командиръ, но пришлось согласиться. На другой день началась пересадка и перегрузка, продолжавшаяся цѣлый день. На третій день мы тронулись въ путь и черезъ сутки пришли въ Благовѣщенскъ. Такимъ образомъ я употребилъ на переѣздъ отъ Покровки до Благовѣщенска 16 сутокъ, а всего изъ Петербурга 42 сутокъ.

Почтовый пароходъ изъ Благовѣщенска въ Хабаровскъ отходилъ въ тотъ же день. Я съ трудомъ досталъ билетъ и, измученный, истерзанный, отправился дальше. Пароходъ былъ большой, хорошо устроенъ. Въ буфетѣ оказались запасы, и я, насытившись, легъ спать. На зарѣ проснулся отъ толчка и поднявшагося шуму. Оказалось, что мы усѣлись на какомъ-то „Сычевскомъ" перекатѣ. Усѣлись потому, что шли не фарватеромъ, а боковой протокой. На фарватерѣ же засѣла землечерпалка воднаго управленія. Ее послали прочистить перекатъ, а она засѣла на мель и загородила ходъ пароходамъ. Тутъ мы сидѣли цѣлыя сутки, пока не пришелъ изъ Благовѣщенска пароходъ поменьше, который забралъ насъ и почту и поплылъ дальше.

Здѣсь посадка на мель сопровождалась весьма печальнымъ событіемъ. Днемъ публика отправилась на отмель купаться. Одна изъ молодыхъ дамъ, родственница командира нашего парохода, попала, купаясь, въ яму и утонула.

Пароходъ, сѣвшій на мель, назывался „Джонъ Кокервиль", а съ него мы пересѣли на „Сергѣй Витте", который на 4 день и доставилъ насъ въ Хабаровскъ. Такимъ образомъ, я на 46 сутки доѣхалъ изъ Петербурга до Хабаровска. На другой день рано утромъ сѣлъ снова на поѣздъ и въ 5 часовъ пополудни слѣдующаго дня прибылъ, наконецъ, во Владивостокъ, проведя въ дорогѣ 48 сутокъ. Вотъ тебѣ и сплошное паровое сообщеніе! Вотъ тебѣ, легкомысленный человѣкъ, и 22 дня!

Во время моего путешествія я разспрашивалъ, почему дѣйствительность такъ несогласна съ расписаніями и маршрутами. Неужели это я только попалъ въ такую передрягу? И что же оказывается? Плаваніе по Амуру—это вѣчное мученіе. Масса перекатовъ, которые во время бездождья становятся непроходимы. Послѣдніе годы становятся все хуже и хуже. Въ прошломъ (1900 г.) году, во время военныхъ дѣйствій, изъ-за мелководья войска не могли попасть въ Благовѣщенскъ ни снизу, ни сверху по Амуру. Въ этомъ же году стало еще хуже. Половину навигаціи стояло ужасное мелководье, и всѣ мели, всѣ перекаты были усѣяны обмелѣвшими пароходами".

Проживъ почти десять лѣтъ на Дальнемъ Востокѣ, я ежегодно плавалъ по Амуру, а потому могу подтвердить, что случай съ г. Улиссомъ—обычное явленіе.

Въ виду описанныхъ условій сообщенія по Амуру, явилось измѣненіе въ первоначальномъ проектѣ транзитнаго пути, и рѣшено было провести рельсовый путь вдоль р. Амура, отъ Срѣтенска до Хабаровска. Переѣздъ тогда получился бы непрерывный и сократился бы до 17—18 сутокъ отъ Москвы до Владиво-

стока. Ни мелководье, ни зима, ни распутицы осенью и весной не мѣшали бы движенію. Въ 1893—95 годахъ производились изысканія. Министерство путей сообщенія настроило пароходовъ для подвозки строительныхъ матеріаловъ, какъ вдругъ явился новый проектъ.

Соединить забайкальскую желѣзную дорогу съ Владивостокомъ болѣе прямой и кратчайшей линіей по чужой землѣ, черезъ Сѣверную Манчжурію. Разстояніе сокращается на тысячу верстъ, а переѣздъ уменьшится вначалѣ до 13, а затѣмъ до 10 сутокъ.

Постройка амурской линіи отложена, и начались переговоры съ китайскимъ правительствомъ.

Результатомъ переговоровъ было предоставленіе частному акціонерному „Обществу китайско-восточной желѣзной дороги“ концессіи на проведеніе желѣзнодорожной линіи отъ западной границы съ Забайкальемъ до восточной границы съ Уссурійскимъ краемъ. Отъ ст. Карымской, забайкальской желѣзной дороги, проводилась вѣтка до манчжурской границы, а отъ восточнаго конечнаго пути манчжурской дороги проводилась вѣтка до соединенія съ уссурійской желѣзной дорогой у г. Никольска-Уссурійскаго.

Такой поворотъ дѣла въ проведеніи транзитнаго пути перевернулъ въ краѣ все вверхъ дномъ. Всѣ взоры устремились на это предпріятіе. „Запахло жаренымъ“; начали строиться самые заманчивые планы; аппетиты разгорались, и народъ толпами повалилъ въ Манчжурію.

На громадномъ протяженіи безлюдной, ненаселенной мѣстности [1]) началась особая, лихорадочная жизнь какъ самихъ строителей, такъ всего того люда, который желалъ пристроиться при постройкѣ подъ разнымъ видомъ и съ самой разнообразной цѣлью.

Чтò это была за жизнь, чтò за нравы и порядки установились тамъ,—объ этомъ можно написать цѣлую книгу. Здѣсь выработался особый типъ, получившій кличку „манчжурецъ“.

Словомъ этимъ называютъ не только лицъ, прикосновенныхъ къ постройкѣ. Инженеръ-строитель, подрядчикъ, купецъ, служащіе на дорогѣ, охранная стража, дѣвица, ищущая приключеній, шулера, содержатели притоновъ и т. п.—все это можетъ быть окрещено словомъ „манчжурецъ“, если только у него имѣются существенные признаки „манчжурца“.

У „манчжурца“ на первомъ планѣ—поскорѣй и полакомѣй

[1]) По договору линія должна быть проведена по ненаселенному району.

урвать кусокъ, не разбираясь въ средствахъ. Затѣмъ полная безшабашность, разгулъ, усиленное прожиганіе жизни. Онъ ни на минуту не задумается все поставить на карту. Онъ не знаетъ никакихъ законовъ, не признаетъ никакихъ обязанностей. Ему нѣтъ дѣла до другихъ, до ихъ здоровья и даже самой жизни, разъ то и другое стоятъ на пути его вожделѣній, его цѣлей. Не только совѣсть, человѣческое чувство, но и самый обликъ разумнаго существа бросается какъ ненужная вещь, разъ „манчжурецъ“ переступилъ китайскую границу. Вся жизнь „манчжурца“—какой-то чадъ, угаръ, сплошная вакханалія.

Были у насъ „ташкентцы“, но я думаю, что „манчжурцы“ перещеголяли ихъ.

Впрочемъ, среди этой „манчжурской“ атмосферы дѣло дѣлалось, дорога строилась.

Въ это время по сосѣдству шла битва японцевъ съ китайцами, затѣмъ европейскія державы сочли нужнымъ явиться судьями и начали распредѣлять призы побѣдителя.

На долю Россіи достались Портъ-Артуръ и Квантунская область. Затѣмъ задумали строить г. Дальній. И такъ какъ считали Портъ-Артурскую и Таліенванскую бухты незамерзающими, то и явились новые проекты.

Соединить съ магистралью „Великаго сибирскаго пути“ берега Желтаго моря стало необходимымъ. „Общество китайско-восточной желѣзной дороги“ заключило съ китайскимъ правительствомъ дополнительный договоръ на проведеніе новой вѣтки отъ г. Харбина къ побережью Квантунскаго полуострова.

Считая бухты Квантуна незамерзающими и давно мечтая о выходѣ къ теплому морю на Востокѣ, всѣ интересы направились теперь на Квантунъ. Весь Приамурскій край и портъ Владивостокъ отошли на задній планъ, упразднили тамъ порто-франко, и всѣ усилія начали прилагать къ скорѣйшему проведенію дороги къ первоклассной крѣпости Портъ-Артуру и къ всемірному торговому пункту—г. Дальнему.

II.

Китайско-восточная желѣзная дорога начинается отъ станціи „Манчжурія“ (крайній юго-восточный пунктъ забайкальской желѣзной дороги) и направляется на востокъ на протяженіи 350-ти верстъ до горнаго хребта Большой Хинганъ; переваливаетъ его на высотѣ 3.470 футовъ и поворачиваетъ на юго-востокъ, спускаясь по долинамъ рѣчекъ Сунгарійскаго бассейна. Перейдя

рѣку Нонни, притокъ Сунгари, дорога вступаетъ въ обширную степь, почти безлѣсную, и доходитъ до своего административнаго центра на р. Сунгари, созданнаго дорогой, города Харбина.

Отъ ст. Манчжурія" до Харбина—876 верстъ. Эта часть дороги называется—сѣверный участокъ. Мѣстность эта мало населенная. Изъ крупныхъ городовъ Хайларъ—вблизи линіи, а Цицикаръ, Мергень и другіе остались далеко въ сторонѣ.

На этомъ участкѣ перевалъ черезъ Хинганъ совершался по тупикамъ, но въ началѣ февраля 1904 г. открытъ для движенія поѣздовъ туннель протяженіемъ 1.450 саженъ.

Участокъ этотъ по суровости климата, безлюдности и таежной дикости—самая непривѣтливая часть дороги. Уединенныя станціи, временныя жилища, недостатокъ зачастую самыхъ необходимыхъ для жизни предметовъ—все это дѣлаетъ жизнь для рядовыхъ агентовъ дороги и чиновъ пограничной стражи не особенно привлекательной. И только въ центрахъ крупныхъ работъ забывается тайга со своею угрюмостью, со своей непривѣтливостью.

Отъ Харбина дорога раздѣляется на двѣ вѣтви. Одна, протяженіемъ 881 верста, идетъ на юго-западъ, въ гг. Дальній и Портъ-Артуръ, а другая, протяженіемъ 537 верстъ, сворачиваетъ почти на востокъ до границы Уссурійскаго края, оканчиваясь станціей „Пограничная", отъ которой идетъ вѣтка къ ст. Кетрицево, уссурійской желѣзной дороги.

Вѣтвь, идущая на гг. Дальній и Портъ-Артуръ, называется южнымъ участкомъ дороги. Линія эта проходитъ по богатѣйшей, плодороднѣйшей и густо населенной мѣстности, по Гиринской и Мукденской провинціямъ. Линія проходитъ здѣсь почти по сплошной равнинѣ, пересѣкаемой множествомъ рѣчекъ бассейна р. Сунгари, а южнѣе—р. Ляохэ.

Городъ Гиринъ остался въ сторонѣ отъ линіи. Хотѣли-было провести къ нему вѣтку,—даже изысканія уже сдѣлали,—но китайское правительство воспротивилось этому, а потому сообщеніе Гирина съ дорогой осталось—по малосудоходной рѣкѣ до Харбина или на лошадяхъ отъ станціи Куаньченцзы. Но зато южные города: Телинъ, Чан-ту-фу, Лаоянъ и даже столица Манчжуріи, Мукденъ, оказались у самой желѣзнодорожной линіи.

Вначалѣ линія желѣзной дороги обходила районъ г. Мукдена съ его священными гробницами, но затѣмъ строители „спрямили" линію, и дорога прошла въ пяти верстахъ отъ Мукдена между двумя гробницами мукденскихъ императоровъ: Фулинъ и Джаолинъ.

Китайцы не совсѣмъ довольны этимъ „спрямленіемъ", такъ

какъ, по ихъ вѣрованіямъ, линія разрѣзала „лапы дракона", а грохотъ поѣздовъ, свистки паровозовъ потревожили мирно почивавшихъ сотни лѣтъ подъ высокими курганами въ священныхъ рощахъ мукденскихъ императоровъ.

Небольшая вѣтка отъ станціи Дашичао соединяетъ китайско-восточную желѣзную дорогу съ китайскимъ городомъ Инкоу на рѣкѣ Ляохэ, откуда начинается шанхай-гуаньская желѣзная дорога до Пекина. Такимъ образомъ, изъ любого европейскаго города на континентѣ можно было проѣхать рельсовымъ путемъ въ Пекинъ, имѣя одну лишь переправу черезъ озеро Байкалъ.

Южный участокъ у станціи Нангалинъ имѣетъ два конечныхъ пункта на берегахъ Желтаго моря. Одинъ идетъ на Портъ-Артуръ, а другой сворачиваетъ къ Таліенванскому заливу, на южномъ берегу коего заложенъ въ 1900 году городъ Дальній, на который созидатели возлагали такъ много надеждъ, которому предназначалось великое будущее, какъ крупному интернаціональному торговому пункту на Дальнемъ Востокѣ.

Отъ Харбина, какъ я уже сказалъ, дорога раздѣляется на два направленія: южное и восточное.

Восточный участокъ, Харбинъ—Пограничная, протяженіемъ 537 верстъ, пролегаетъ сначала по ровной степной мѣстности, а затѣмъ пересѣкаетъ горные кряжи, изъ которыхъ болѣе крупные: Чжань-гуань-цанъ-линъ и Чан-лин-цзы. На этомъ участкѣ большія выемки, подъемы, обходныя гигантскія петли и туннели. Такъ, между станціями Таймагоу и Модаши существуютъ три туннели: одна изъ нихъ въ 200 саженъ и двѣ небольшія. Мѣстность по всему участку живописная, богато одѣтая растительностью. Населенные пункты вдали отъ дороги, и крупный городъ Нингута находится въ сорока верстахъ отъ линіи. По долинамъ Мулинь-хэ, Му-дань-дзянь—чудныя мѣста для заселенія. Лѣса хвойные, пониже на склонахъ и въ долинахъ—лиственные, дубъ, ольха, береза и въ изобиліи орѣшникъ. На южномъ склонѣ хребта Чань-лин-цзы я встрѣтилъ вишневыя деревья, но плодъ плохо дозрѣваетъ.

Благодаря ли горной мѣстности, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, путь здѣсь плохъ, и самое большое количество крушеній, до открытія эксплоатаціи, приходилось на этотъ участокъ.

Къ этому участку надо присоединить перегонъ между ст. Пограничная и ст. Гродеково. Здѣсь перевалъ черезъ короткій хребетъ изъ Манчжуріи въ Уссурійскій край.

На этомъ перегонѣ выстроено семь короткихъ туннелей. По-

стройка этого перегона, въ двадцать-три версты, производилась „Обществомъ китайско-восточной желѣзной дороги“, но осенью 1903 года участокъ этотъ перешелъ въ вѣдѣніе уссурійской желѣзной дороги, почему я и считаю станцію Пограничную конечнымъ восточнымъ пунктомъ восточно-китайской желѣзной дороги.

Въ Пограничной учреждена таможня. Все, что̀ ввозится въ Уссурійскій край, здѣсь подлежитъ осмотру и таможенному сбору. На соединеніи же этой дороги съ забайкальской, на ст. Манчжурія, также существуетъ таможня для всего, что̀ идетъ съ Востока на Западъ. Въ настоящемъ году таможенный надзоръ снятъ на этихъ пунктахъ, такъ какъ въ Приамурскомъ краѣ возстановлено порто-франко.

Въ 1900 году, во время боксерскаго движенія, работы по сооруженію дороги не только были пріостановлены, но значительная часть подготовительныхъ работъ была китайцами разрушена и повреждена. И только осенью 1900 года снова принялись за прерванныя работы.

Манчжурія была оккупирована русскими войсками, расположившимися не только вдоль проводимой линіи, но и занявшими крупные города: Гиринъ, Цицикаръ, Нингута, Хайларъ, Мукденъ, Лаоянъ и даже Инкоу. Временное управленіе по всей Манчжуріи установилось русское, охранная стража замѣнена пограничной стражей. Портъ-Артуръ усиленно укрѣплялся, тихоокеанская эскадра увеличивалась и спѣшно сооружался городъ Дальній.

Въ виду всего этого надо было торопиться съ постройкой желѣзной дороги.

И работа закипѣла по всей линіи. Гнали въ хвостъ и въ гриву. Временные пути, временные мосты, тупики разные и т. п.,— все это давало возможность совершать движеніе по незаконченной дорогѣ задолго до устройства настоящаго пути, постоянныхъ мостовъ и открытія туннелей. Благодаря этому, въ декабрѣ 1901 г., было уже открыто почти по всей линіи „временное движеніе“ пассажировъ и грузовъ; весною 1902 г. пустили даже скорые поѣзда Манчжурія—Дальній, а къ 1 іюля 1903 года дорога была сдана въ эксплоатацію. Такимъ образомъ, въ три года проложенъ путь, протяженіемъ почти 2.400 верстъ, считая перегонъ Пограничная—Гродеково. Работа—быстрая, и изумленіе передъ такимъ колоссальнымъ трудомъ нашихъ строителей вполнѣ понятно.

Приказано построить дорогу какъ можно скорѣе—и дорогу

построили. Черезъ два года послѣ боксерскаго разрушенія роскошный поѣздъ-экспрессъ переносилъ пассажира изъ Петербурга въ Дальній и Портъ-Артуръ въ 13—14 сутокъ, а изъ Парижа и Лондона въ 16 сутокъ прибывалъ изумленный иностранецъ къ берегамъ Желтаго моря.

Но такъ какъ быстрота сооруженія и поспѣшность открытія пути не обходятся даромъ, то и пришлось произвести излишнія затраты, пришлось не стѣснять строителей отчетностью и контролемъ, а потому на дорогу затрачено почти 400 милліоновъ (точныхъ свѣдѣній пока нѣтъ), что̀ составитъ на версту 170.000 рублей. Хотя на этой дорогѣ крупныя туннельныя сооруженія, но зато нѣтъ грандіозныхъ мостовъ, кромѣ сунгарійскаго, у Харбина, да и топографическія условія на бо̀льшемъ протяженіи линіи вполнѣ благопріятны, не говоря уже о дешевомъ трудѣ китайскаго рабочаго.

Но когда примете во вниманіе временныя сооруженія: временные пути, временные мосты, станціи, обходы переваловъ тупиками и т. п., то вполнѣ понятно, что дорога должна стоить почти вдвое.

И дѣйствительно, къ 1-му іюля 1903 года, т.-е. ко дню сдачи дороги для эксплоатаціи, было насчитано недодѣлокъ на сумму около 80-ти милліоновъ. Къ этому времени путь не вездѣ былъ балластированъ, постоянныхъ мостовъ на многихъ пунктахъ еще не было, станціи и вокзалы всюду оставались временные и разъѣздовъ почти не существовало при перегонахъ въ 30 верстъ. Водоснабженіе—почти вездѣ временное, и подвижной составъ—въ ограниченномъ количествѣ, особенно для товарнаго движенія.

Кромѣ того, благодаря спѣшности, незнакомой мѣстности, отсутствію всякаго рода свѣдѣній топографическихъ, орографическихъ и другихъ, получились разные дефекты въ сооруженіяхъ пути.

Пока стоятъ зимніе мѣсяцы, на дорогѣ все благополучно, но лишь настанетъ тепло и пойдутъ дожди, всюду—размывы, оползни, осадки и т. п. И идетъ по всему пути постоянный ремонтъ, а малѣйшій недосмотръ влечетъ за собой крушенія и постоянныя задержки поѣздовъ.

Но, повторяю, требовалось поскорѣй соединить Западъ съ Желтымъ моремъ, и это требованіе было исполнено.

На городъ Дальній такъ надѣялись, что „Общество китайской восточной желѣзной дороги", помимо политической и стратегической цѣли выйти къ теплому морю на Востокѣ, рѣшило сдѣлать эту дорогу и всемірнымъ торговымъ транзитомъ, сближаю-

щимъ Западный и Восточный океаны. Этотъ путь, по мнѣнію „Общества", долженъ убить остальные міровые пути и принести громадный доходъ, быстро покроющій всѣ расходы по предпріятію.

Съ этой цѣлью создается въ широкихъ размѣрахъ „Коммерческое Управленіе" дороги, съ громаднымъ штатомъ, агентами, конторами, коммиссіонерами и даже и собственной газетой „Харбинскій Вѣстникъ", на знамени котораго жирнымъ шрифтомъ оповѣщено, что газета будетъ писать „только настоящую правду о дорогѣ".

Не дожидаясь полнаго окончанія постройки, не имѣя еще необходимаго количества подвижного состава, „Коммерческое Управленіе" принялось за дѣло, распространяя широкія рекламы и обнадеживая будущихъ кліентовъ всякими выгодами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, выработали особые тарифы—въ одномъ направленіи до невозможности низкіе, въ другомъ—почти запретительные, благодаря высокимъ ставкамъ. Вошли въ соглашеніе со страховыми обществами, таможеннымъ вѣдомствомъ и т. п.

Словомъ, по ихъ увѣреніямъ, кладчику—только сдать грузъ, а затѣмъ „Коммерческое Управленіе" все сдѣлаетъ само безъ хлопотъ и затрудненій.

Первымъ дѣломъ дорога набросилась на чайные грузы, которые шли раньше черезъ Владивостокъ и Николаевскъ, а оттуда по рѣкѣ Амуру, до Срѣтенска, гдѣ и поступали на сибирскую желѣзную дорогу. Пароходство на Амурѣ главнымъ образомъ существовало этими грузами.

Вотъ китайская дорога и рѣшила вырвать этотъ кусокъ у Приамурья. Предложила она чаеторговцамъ всякія льготы по таможеннымъ обрядностямъ, установила убыточный для себя тарифъ, и чаи пошли изъ Ханькоу на городъ Дальній, а не на Владивостокъ и Николаевскъ.

Приамурскій край волкомъ взвылъ, а китайская дорога сдѣлала приблизительный подсчетъ и нашла, что въ первый годъ на дешевыхъ тарифахъ она понесетъ убытку только 9 милліоновъ, но зато убьетъ конкуррента, измѣнитъ транзитное направленіе, а затѣмъ ужъ будетъ загребать въ свои карманы крупные дивиденды.

Въ такомъ состояніи была дорога ко дню перехода ея въ эксплоатацію, и 1-го іюля 1903 года совершился давно ожидаемый переходъ дороги изъ построечнаго положенія въ эксплоатаціонное. Дорога поступила въ вѣдѣніе управляющаго дорогой, полковника Хорвата; въ начальники отдѣльныхъ службъ были приглашены свѣжія лица, и началось, яко-бы, правильное, согла-

сованное съ линіями уссурійской и сибирской желѣзныхъ дорогъ движеніе.

Объявили росписаніе поѣздовъ товарныхъ, почтово-пассажирскихъ и безпересадочныхъ скорыхъ поѣздовъ, такъ называемыхъ „Extrême Orient Express". Всѣ прежніе построечные порядки, всѣ легендарные способы и удобства передвиженія, при которыхъ пассажиръ и грузоотправитель всецѣло зависѣли отъ каприза желѣзнодорожныхъ агентовъ, до смазчика включительно, казалось бы, должны были отойти въ область преданій. Явилась надежда, что интересы пассажировъ и грузоотправителей займутъ теперь не послѣднее мѣсто среди обязанностей желѣзнодорожной администраціи. Цѣлый рядъ изданныхъ циркуляровъ, приказовъ и внушеній обезпечивалъ благополучіе, удобство и безопасность ѣдущей публикѣ, а равно и аккуратность перевозки и сохранность грузовъ.

Роскошные пульмановскіе вагоны, со спальными для каждаго пассажира, даже въ простомъ поѣздѣ, мѣстами, съ электрическимъ освѣщеніемъ, съ теплой и холодной водой въ уборныхъ, съ мягкими перинками, которыя постилались пассажирамъ на ночь,—все это приводило въ восторгъ и умиленіе не только нашу публику, но производило изумленіе и вызывало восхищеніе у путешествующихъ иностранцевъ. Поѣзда же „Orient Express" прямо сулили чисто-сказочное путешествіе, сплошное наслажденіе въ многодневномъ пути.

Желѣзнодорожная администрація даже дальше пошла. Въ виду легкости нравовъ на Востокѣ, сочли необходимымъ оградить цѣломудренныхъ путешественницъ отъ разнаго рода авантюристокъ и искательницъ приключеній. Появился циркуляръ, по которому начальники поѣздовъ и командиры судовъ обязывались дамамъ легкаго нрава отводить отдѣльныя купэ отъ дамъ-пуританокъ.

Чего желать бо̀льшаго? Пассажиръ не только пользуется комфортомъ, удобствами, передвигается при условіяхъ, лучшихъ, чѣмъ многіе имѣютъ у себя дома, но онъ гарантированъ даже отъ сомнительнаго общества.

Написать хорошіе циркуляры, составить удачно росписанія, издать изящные, на двухъ языкахъ, путеводители, набрать начальниковъ поѣздовъ и даже буфетную прислугу, говорящую на одномъ изъ иностранныхъ языковъ—все это возможно. Привести же въ исполненіе всѣ предначертанія—дѣло трудное.

Если же принять во вниманіе ту армію агентовъ построечнаго періода, перешедшую въ вѣдѣніе новаго управленія со своими

восьмилѣтними традиціями, взглядами на дѣло и вообще всѣмъ тѣмъ нравственнымъ багажомъ, за который эти дѣльцы получили названіе „манчжурца", то легко представить себѣ, какую ношу взвалила себѣ на плечи эксплоатація.

III.

Итакъ, постройка Великаго пути окончена, дорога сдана, руки вымыты, и строители принялись за подсчеты затраченныхъ милліоновъ. Эксплоатаціи дана была carte-blanche для приведенія въ исполненіе задуманныхъ міровыхъ предначертаній.

Посмотримъ теперь, какъ на дѣлѣ осуществлялись эти предначертанія.

Разговоры и подготовленія къ открытію правильнаго движенія по восточно-китайской желѣзной дорогѣ тянулись около полугода. День открытія все откладывался и откладывался.

И событіе 1-го іюля 1903 года не должно было быть неожиданностью, а между тѣмъ порядки остались тѣ же.

Пассажиру, ѣдущему изъ Владивостока на западъ, все-таки давали билетъ лишь до ст. Гродеково, уссурійской желѣзной дороги.

Здѣсь происходитъ пересадка и выдача новыхъ билетовъ лишь до Харбина. Приходится принимать и снова сдавать свой багажъ. Остановки на ст. Гродеково и затѣмъ черезъ 23 версты на ст. Пограничная тянутся цѣлые часы. Если же принять во вниманіе, что эта процедура длится отъ 10 час. вечера до 2-хъ часовъ ночи, то легко понять, въ какое состояніе приходятъ нервы пассажира послѣ бѣготни и суеты по неустроеннымъ станціямъ.

Добравшись до Харбина, приходится ждать часовъ 7—8 во временномъ балаганѣ, брать билетъ только до ст. Манчжурія, а слѣдовательно получать и сдавать снова багажъ только до этого пункта.

На ст. Манчжурія остановка на нѣсколько часовъ (количество коихъ зависитъ отъ расторопности чиновъ таможеннаго надзора). Въ особый таможенный залъ вносится весь багажъ, и начинается досмотръ.

Сколько курьезовъ и печальныхъ явленій здѣсь происходитъ! Сколько крови портится у пассажировъ и чиновъ надзора!

Сколько споровъ и недоразумѣній происходитъ по поводу какой-нибудь японской вещицы или куска шолковой матеріи! Все,

уложенное въ дальнюю дорогу съ осторожностью и предохраненіемъ отъ порчи, здѣсь перерывается, перетряхивается, затѣмъ кое-какъ комкается въ сундукъ или чемоданъ.

На мѣста, осмотрѣнныя надзоромъ, наклеиваются ярлыки. И если ярлыкъ уцѣлѣетъ, то на озерѣ Байкалѣ эти мѣста не досматриваются. Хотя таможнѣ на Байкалѣ и пограничному пункту на ст. Борзѣ предоставляется право, не взирая на наклеенные ярлыки, снова подвергнуть осмотру багажъ и пассажира.

И дѣйствительно, такой случай произошелъ во время одного изъ моихъ проѣздовъ. Отдѣлавшись отъ суеты на ст. Манчжурія, мы, наконецъ, сѣли въ вагонъ, устроились на двое сутокъ и мирно уснули на своихъ мѣстахъ. Въ два часа ночи на ст. Борзя (забайкальской желѣзной дороги) насъ всѣхъ подняли на ноги. То явилась артель таможенныхъ надсмотрщиковъ и потребовала ручной багажъ для осмотра.

Оказалось, что былъ доносъ, будто кто-то провезъ контрабанду, а на ст. Манчжурія не доглядѣли. Контрабанды, разумѣется, не нашли, а сотню людей заставили встать съ постелей, отворять чемоданы, развязывать узлы.

Пройдя мытарства на ст. Манчжурія, пассажиръ имѣетъ уже возможность сдать багажъ до мѣста своего слѣдованія и взять билетъ на все остальное разстояніе. Помимо этихъ неудобствъ, приходится массу переплачивать на билетахъ, багажѣ, а главное носильщикамъ. Плата имъ здѣсь не малая. Обыкновенная плата, если ручной багажъ не великъ—30—50 к. На ст. Манчжурія—минимумъ 1 рубль.

Привожу цифры: билетъ I-го класса отъ Гродеково до Манчжуріи 1436 верстъ—58 р.; билетъ II-го класса—36 р. 25 к.

По общему же тарифу за это разстояніе взимается за билетъ I-го класса—26 р. 50 коп. и II-го класса—15 р. 90 к.

При направленіи пассажира изъ Харбина на южную вѣтку установленъ такой порядокъ. Поѣздъ—хотя бы ни одного пассажира не было въ г. Дальній—направляется обязательно туда и стоитъ тамъ, неизвѣстно зачѣмъ, $1^1/_2$ часа, а иногда и болѣе. Затѣмъ идетъ обратно до ст. Нангалинъ, а оттуда уже на Портъ-Артуръ. Такимъ образомъ, пассажиръ, ѣдущій въ Портъ-Артуръ, теряетъ болѣе четырехъ часовъ.

Пассажировъ, багажа, почты, направляющихся на Портъ-Артуръ, по крайней мѣрѣ — 90%, но интересы ихъ игнорируются ради того, что г. Дальній есть вѣнецъ созданія дороги. И если люди не хотятъ добровольно ѣхать туда, то ихъ везутъ

насильно. Продолжительная же остановка въ г. Дальнемъ у какого-то деревяннаго барака, вмѣсто вокзала, поневолѣ принуждаетъ оставить вагонъ, прогуляться по административному поселку и нарушить его могильную тишину. Невольно зайдешь въ гостиницу „Дальній", разбудишь сонныхъ лакеевъ, закусишь тамъ и только тогда имѣешь право ѣхать въ Портъ-Артуръ.

Казалось бы, послѣ такой остановки въ г. Дальнемъ, гдѣ всѣ могутъ подкрѣпить свои силы завтракомъ или обѣдомъ, слѣдовало бы везти пассажировъ поскорѣе. Не тутъ-то было. Черезъ 16 верстъ поѣздъ снова приходитъ на ст. Нангалинъ и стоитъ здѣсь полчаса. Эта станція славится своими пирожками. Злые языки говорятъ, что пока всѣ пирожки не будутъ съѣдены, поѣздъ не трогается съ мѣста.

И дѣйствительно, волнуешься, волнуешься, разспрашиваешь, почему стоимъ, а затѣмъ махнешь рукой и—къ буфету!

— Пожалуйте пять пирожковъ!—и суешь злополучные пирожки толпящимся у вокзала китайцамъ.

Наконецъ, пирожки съѣдены, путевка готова, поѣздъ трогается. Черезъ три версты—остановка. Паровозъ беретъ воду.

Въ направленіи изъ Портъ-Артура на сѣверъ—та же исторія. Везутъ въ Нангалинъ, кормятъ пирожками, затѣмъ привозятъ въ Дальній, гдѣ составъ № 15-й переименовываютъ въ составъ № 4-й, возвращаются снова на Нангалинъ, гдѣ уже поспѣли свѣжіе пирожки,—и только послѣ этого везутъ на сѣверъ.

— Въ чемъ же дѣло? — спроситъ кто-нибудь. А дѣло очень просто. Затративъ свыше 20 милліоновъ на созданіе якобы міроваго города, невольно будешь возмущаться тѣмъ непониманіемъ, той косностью людей, въ силу которыхъ всѣ ихъ интересы и дѣла влекутъ въ Портъ-Артуръ, а не въ Дальній. Вотъ и придумано наказаніе за такое упорное отрицаніе міровой знаменитости.

Наконецъ, это стало нестерпимымъ. Даже убогая мѣстная печать заговорила. Высшая власть въ краѣ обратила вниманіе, и въ концѣ октября 1903 года сдѣлана дорогою маленькая уступка.

Поѣздъ направляется и отправляется по прежнему на Дальній и отъ Дальняго. А къ ст. Нангалинъ подается особый передаточный поѣздъ изъ Портъ-Артура.

Выигралъ только Нангалинъ, такъ какъ пересадка здѣсь съ передаточнаго поѣзда, перегрузка багажа и почты на Портъ-Артуръ все-таки превышаетъ въ десять разъ число ѣдущихъ и количество багажа, отправленнаго изъ г. Дальняго.

— Почему же не устроить пересадку на Дальній, а весь составъ направлять на Портъ-Артуръ?

На этотъ вопросъ отвѣта не даютъ... Не портите себѣ напрасно крови и ѣшьте нангалинскіе пирожки!

Въ направленіи изъ Владивостока къ этому же времени тоже сдѣлано облегченіе.

Теперь даютъ билетъ и принимаютъ багажъ до ст. Пограничная, составъ же поѣзда идетъ сквозной отъ Владивостока до Харбина.

Такимъ образомъ, въ часъ ночи пассажира будятъ. Онъ долженъ идти на станцію, взять новый билетъ и сдать багажъ до Харбина. Поѣздъ все-таки стоитъ, минимумъ, часъ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, не вздумайте лечь спать! Едва вы только уснете, снова васъ разбудятъ: новая кондукторская бригада потребуетъ билетъ. Кромѣ того, станціи черезъ двѣ появится контроль и не пощадитъ вашего сна. Для него интересы дороги всего важнѣе. На китайско-восточной дорогѣ — замѣчательное явленіе: контроль главнымъ образомъ дѣйствуетъ ночью.

Разрѣшенная скорость пассажирскихъ поѣздовъ, смотря по участкамъ, 15 — 18 верстъ въ часъ. Остановки по росписанію продолжительныя.

Вызывается это неустройствомъ станціонныхъ приспособленій, плохимъ водоснабженіемъ, отсутствіемъ разъѣздовъ, а главнымъ образомъ, неторопливостью агентовъ дороги. Кромѣ того, машинистъ не признаетъ указанной скорости. Онъ ѣдетъ, какъ ему вздумается. Загналъ время въ пути—стоитъ на станціи подольше. Промедлилъ въ пути—уйдетъ со станціи раньше времени.

А всякія случайности въ пути, благодаря многимъ недодѣлкамъ! Словомъ—опозданіе поѣздовъ стало обычнымъ явленіемъ, особенно на восточномъ участкѣ дороги.

Звонковъ на станціяхъ нѣтъ, за исключеніемъ, кажется, трехъ-четырехъ. Сколько простоитъ поѣздъ — ни отъ кого не узнаете. Росписаніе тутъ ни причемъ.

Вышелъ „оберъ" съ путевкой, свистнулъ разъ, другой,—и поѣздъ тронулся.

— У насъ, — говорятъ агенты дороги, — по заграничному. Безъ звонковъ!

Въ почтово-пассажирскихъ поѣздахъ вагона-столовой не имѣется. Правильно устроенныхъ буфетовъ на станціяхъ также нѣтъ. На каждой станціи имѣются обязательно будочки съ двумя надписями: „лавочка" и „кипятокъ безплатно". Въ этихъ „лавочкахъ" найдется хлѣбъ, сомнительная колбаса, какіе-нибудь

консервы и цѣлый арсеналъ бутылокъ со спиртными напитками.

И пьютъ же въ Манчжуріи! „Лавочка“ бойко торгуетъ. Не успѣваютъ откупоривать бутылки. Цѣлые запасы забираются въ вагоны до слѣдующей „лавочки“.

Почему надпись „лавочка“ не замѣняется болѣе вѣрной „кабачокъ“—непонятно. Очевидно, „лавочки“ пользуются покровительствомъ дороги. Зачастую въ этихъ „лавочкахъ“ за стойкой видишь фуражку съ малиновыми кантами.

Что же касается „кипятка безплатно“, то тутъ совсѣмъ обстоитъ дѣло не важно. То котелъ лопнулъ къ приходу поѣзда, то вода не вскипѣла. А если и котелъ уцѣлѣлъ, и вода вскипѣла, то изъ крана течетъ такая бурда, что надо быть переселенцемъ или китайцемъ-рабочимъ, чтобы рѣшиться пить чай, настоенный на этой водѣ. Но такъ какъ рядомъ съ „кипяткомъ безплатно“ помѣщается „лавочка“, гдѣ всегда кипитъ самоваръ, то и приходится брать воду для чая по 5—10 коп. за чайникъ.

На болѣе крупныхъ станціяхъ, гдѣ остановка побольше, встрѣчаются буфеты, содержатели которыхъ имѣютъ тоже близкое отношеніе къ агентамъ дороги. А потому надо ѣсть то, что̀ вамъ дадутъ, и платить столько, сколько потребуютъ съ васъ.

Однажды намъ, возмущеннымъ отвратительной ѣдой, начальникъ станціи, которому мы принесли жалобу, заявилъ безъ всякаго стѣсненія: „Вы, господа, должны быть благодарны и за то, что̀ вамъ дали. Буфетчикъ дѣлаетъ одолженіе для васъ“!

Но зато буфетный шкафъ ломится отъ бутылокъ. Запасъ напитковъ, отъ простой водки до шампанскаго и ликеровъ включительно, неистощимъ.

Какой-либо узды на аппетитъ буфетчика не полагается. Цѣны обратно пропорціональны совѣсти буфетчика. Всѣ напитки въ Манчжуріи освобождены отъ акциза и пошлины [1]). Бутылка водки стоитъ въ продажѣ 25 коп., а въ станціонномъ буфетѣ—полтора рубля, и все въ этомъ родѣ.

Жалобныхъ книгъ нѣтъ. По крайней мѣрѣ, въ сентябрѣ 1903 года ихъ еще не было, или же ихъ не давали пассажирамъ. На станціи Дашичао мы требовали жалобную книгу по поводу возмутительнаго поступка кассира. Намъ не дали, сказавъ, что книга у начальника станціи, а тотъ спитъ. Разумѣется, поѣздъ не сталъ дожидаться пробужденія начальства.

Пульмановскіе вагоны, нашумѣвшіе въ началѣ 1903 года

---

[1]) Торговыхъ документовъ и патентовъ также нѣтъ.

своими прелестями и удобствами, къ открытію правильнаго движенія на дорогѣ, пришли теперь въ плачевное состояніе.

При своей тяжести и длинѣ они снабжены довольно мягкими рессорами. Благодаря неустроенному пути, пассажира укачиваетъ, какъ на морѣ. То то, то другое портится, и вагонъ поступаетъ въ ремонтъ.

Электрическая установка оказалась никуда негодной, и вагоны освѣщаются свѣчными огарками. Отопленіе тоже оказалось оригинально устроеннымъ, и пассажиру приходится мерзнуть.

— Нѣтъ возможности натопить, — говорятъ истопники,— тепло не держится.

Мягкія перинки куда-то исчезли. Спи, какъ хочешь, теперь на кожаномъ сидѣньи.

Но самое главное—грязь. Грязь неимовѣрная! Вагоны убираются только на конечныхъ пунктахъ.

Проводниковъ не дозовешься, такъ какъ звонки электрическіе не дѣйствуютъ. Всѣ попортились. Въ уборныхъ напрасно будете поворачивать кранъ на „теплую", „холодную" и „смѣшанную" воду. Иногда идетъ только горячая вода, въ другой разъ— только холодная, а зачастую никакой воды не оказывается.

— Не успѣли набрать на станціи,—говорятъ вамъ.

На мозаичномъ полу уборной стоятъ лужи, а въ умывальномъ тазу плескается грязная вода.

— Трубки замерзли, — получается отвѣтъ. Когда станешь разспрашивать, почему все это такъ происходитъ, отвѣчаютъ, что вагоны эти—пустая затѣя. Наружный блескъ одинъ, а толку мало.

— Помилуйте!—говорилъ мнѣ одинъ агентъ службы тяги:— На этотъ вагонъ надо двухъ проводниковъ, а у насъ назначили одного на три вагона,—гдѣ же управиться? Замаялись мы съ ними! Кто ихъ и выдумалъ?.. Глядѣть — одна красота, а поѣхали—всю дорогу ремонтъ идетъ.

Таково путешествіе въ почтово-пассажирскомъ поѣздѣ; но когда вспомнишь недавнія мытарства въ „приспособленныхъ" вагонахъ, вспомнишь порядки временного движенія, при которыхъ только и молишь Бога добраться цѣлу и невредиму до конца путешествія, когда все это вспомнишь,—невольно миришься съ настоящимъ положеніемъ и чувствуешь даже какую-то благодарность къ агентамъ дороги за существующій нынѣ комфортъ.

Хотя и теперь пассажиръ все еще находится въ подчиненіи у дорожныхъ агентовъ, но далеко не то, что было раньше. Во-

первыхъ, нѣтъ прежней охранной стражи, о похожденіяхъ которой составились цѣлыя легенды.

Чины же пограничной стражи хотя и чувствуютъ себя господами положенія, но все-таки вполнѣ терпимы. Въ настоящее время еще найдутся кассиры, взимающіе съ китайцевъ лишніе пятаки на билетахъ; найдутся и воинствующіе начальники станцій; но исторія, подобная бывшей съ пассажиромъ Максименко, въ настоящее время врядъ ли возможна.

Закваска прежнихъ порядковъ и нравовъ еще сильна, такъ что и теперь возможны кражи изъ билетной кассы, какъ то было въ началѣ октября, на крупной станціи Харбинѣ, и въ концѣ того же мѣсяца на ст. Пограничной, но дерзкое ограбленіе изъ-подъ военнаго караула 100 тыс. рублей или нахожденіе 200 тыс. рублей, хранившихся желѣзнодорожнымъ техникомъ между бѣльемъ—теперь врядъ ли возможно.

Нижніе чины пограничной стражи получили въ ноябрѣ 1903 года внушеніе отъ начальства, что китайское населеніе имѣетъ „одинаковое съ ними право на уваженіе своего человѣческаго достоинства", и что обхожденіе съ ними должно быть *„твердое, но справедливое и доброжелательное"*.

Правда, такая регламентація правъ китайскаго населенія еще не совсѣмъ понятна,—и не только однимъ нижнимъ чинамъ. И если эти чины пока исполняютъ только первую половину внушенія, т.-е. „твердое" обхожденіе, то надо надѣяться, что и выполненіе второй половины—не за горами.

Убѣжденіе многихъ, что съ китайцемъ только и можно разговаривать при помощи энергичныхъ манипуляцій,—еще довольно крѣпко держится и въ культурномъ классѣ здѣшняго общества.

Но не все ужъ плохо на восточно-китайской желѣзной дорогѣ. Есть и милыя вещицы.

Extrême Orient Express стòитъ того, чтобы и о немъ поговорить.

IV.

Между г. Дальнимъ и озеромъ Байкаломъ два раза въ недѣлю ходятъ скорые безпересадочные поѣзда, согласованные со скорыми сибирскими поѣздами.

Въ тринадцать сутокъ изъ г. Дальняго можно проѣхать до Москвы, имѣя одну лишь пересадку на оз. Байкалѣ. Манчжурскій поѣздъ доставляетъ пассажира къ восточному берегу Бай-

кала, на ст. Танхой. Ледоколъ перевозитъ черезъ озеро. А на западномъ берегу уже ждетъ пассажира сибирскій скорый поѣздъ.

Тутъ ужъ дорога всѣ усилія употребляетъ, чтобы не осрамиться. Тутъ на вагонъ по два проводника. Соблюдается чистота. Освѣщеніе электрическое, хотя тоже пошаливаетъ, но все-таки поддерживается, и вода въ уборныхъ бываетъ. Изъ каждаго купэ звонокъ въ буфетъ и къ проводнику. Съ поѣздомъ идетъ вагонъ-столовая. И каждый поѣздъ имѣетъ своего начальника поѣзда, болѣе или менѣе любезнаго съ публикой.

Словомъ, здѣсь прилагаются всѣ заботы, чтобы публика осталась довольною. Особенное вниманіе обращено на иностранцевъ. Ухаживаніе за иностранцами страшное, такъ что невольно является мысль, что русскій пассажиръ въ этихъ поѣздахъ обязанъ своему благополучію исключительно проѣзду иностранцевъ.

И дѣйствительно такъ. Изъ Портъ-Артура человѣкъ 20—30 желаютъ ѣхать на манчжурскомъ экспрессѣ въ Россію. Они должны въ обыкновенномъ поѣздѣ тащиться четыре часа до города Дальняго (60 верстъ). Тамъ только садятся въ экспрессъ и ѣдутъ дальше съ комфортомъ.

Два-три иностранца желаютъ изъ Шанхая или Нагасаки пріѣхать къ себѣ на родину по сибирскому пути. Имъ китайская дорога подаетъ въ Шанхай или Нагасаки „пароходъ-экспрессъ“, привозитъ ихъ въ Дальній и садитъ на сухопутный экспрессъ [1]).

Точно также и обратно. Ѣдутъ съ запада въ Портъ-Артуръ 20—30 русскихъ и два—три иностранца въ Шанхай или Нагасаки. На станціи Нангалинъ всю русскую публику сгружаютъ на плохой передаточный поѣздъ, а весь составъ экспресса съ двумя-тремя иностранцами доставляютъ торжественно въ Дальній, гдѣ уже „пароходъ-экспрессъ“ ожидаетъ съ разведенными парами дорогихъ путешественниковъ [2]).

— Помилуйте, иначе нельзя!—говорятъ желѣзнодорожники. — Вѣдь они могутъ написать въ своихъ газетахъ!

И дѣйствительно, газета для дороги—все равно, что для чорта ладанъ.

На скорые поѣзда даютъ билеты прямого сообщенія, но проѣздъ по китайской дорогѣ тарифуется по особой таксѣ.

---

[1]) Груза на экспрессъ не принимаютъ. Крейсера „Манчжурія“ и „Монголія“ исключительно возили пассажировъ „Orient Express“.

[2]) Проѣздъ на „пароходѣ-экспрессѣ“ до Нагасаки или Шанхая стóитъ въ первомъ классѣ 36 рублей. И вотъ, двухъ-трехъ пассажировъ везутъ 36 часовъ, по 18 узловъ въ часъ; во что обходится пассажиръ?

Напримѣръ, отъ Дальняго до Манчжуріи первый классъ со всѣми доплатами за 1.757 верстъ стóитъ 144 рубля, а второй классъ—90 рублей. Въ скорыхъ же поѣздахъ сибирской дороги за то же разстояніе полагается по первому классу 50 р. 15 коп., и по второму классу—31 р. 90 коп.

Скорость же манчжурскаго поѣзда между Дальнимъ и Харбиномъ—30 верстъ въ часъ, а между Харбиномъ и Манчжуріей—24 версты въ часъ.

Забайкальская дорога тоже не отличается способностью къ быстрому движенію. Вотъ почему манчжурскій экспрессъ идетъ отъ Дальняго до Байкала, разстояніе въ 2.950 верстъ, 134 часа, т.-е. 5 сутокъ 14 часовъ, а сибирскій скорый поѣздъ отъ Иркутска до Москвы, разстояніе 5.102 версты, идетъ 170½ часовъ, т.-е. 7 сутокъ 2½ часа.

Изъ этого видно, что приходить въ восхищеніе отъ переѣзда изъ Москвы къ берегамъ Желтаго моря въ 13 сутокъ—нечего. Стóитъ только китайской дорогѣ придти хотя бы въ состояніе сибирской и взимать съ пассажира за проѣздъ по общему тарифу, то изъ Москвы до Желтаго моря всего будетъ пути десять сутокъ. Восемьсотъ же верстъ въ сутки—далеко не идеалъ для скораго поѣзда даже нашихъ россійскихъ дорогъ.

V.

Въ какомъ состояніи была принята дорога въ эксплоатацію—я уже говорилъ, и всѣ видимыя недодѣлки были приняты къ свѣдѣнію новымъ управленіемъ дороги.

Но сюрприза, какой въ августѣ 1903 года преподнесъ эксплоатаціи южный, считавшійся образцовымъ, участокъ дороги, полковникъ Хорватъ не ожидалъ.

Южный участокъ, какъ я говорилъ выше, пересѣкается множествомъ рѣчекъ, овраговъ, въ которыхъ обыкновенно мало воды. Въ южной Манчжуріи количество выпадающихъ лѣтомъ осадковъ неимовѣрно. Іюль и августъ дождливы, всѣ рѣчки и овраги наполняются водой, и равнинная, низменная мѣстность сильно заливается. Въ этомъ (1903) году дожди были особенно сильны и продолжительны. Рѣки и рѣчушки превратились въ бѣшеные потоки, которые и вздумали „произвести экспертизу“ выстроенной дорогѣ.

Насыпей—какъ не бывало, трубы и временные мосты превратились въ игрушку разбушевавшейся рѣки. Даже каменные,

постоянные мосты оказались безсильными подъ напоромъ высоко поднявшейся воды. Ихъ устои, какъ гнилые зубы, повалились, желѣзныя фермы относились водой на сотни саженъ.

Словомъ, почти на три недѣли на южномъ участкѣ было прервано сообщеніе.

Пассажиры очутились въ незавидномъ положеніи. Приходилось жить въ невозможныхъ условіяхъ на станціяхъ, а главное— полная неизвѣстность, когда можно будетъ тронуться дальше. Скажутъ, напр., что дня черезъ два поправятъ путь, а дѣйствительно перевезутъ васъ нѣсколько станцій, а затѣмъ—стой! Новый размывъ, разрушеніе другого моста.

Всѣ потеряли голову, ни отъ кого изъ агентовъ дороги ничего не добьешься. Наконецъ, объявили, чтобы пассажировъ, ѣдущихъ съ сѣвера въ Портъ-Артуръ и Дальній, направлять изъ Харбина на Владивостокъ, откуда они моремъ могутъ ѣхать къ мѣсту своего направленія. Публика небогатая предпочла ждать исправленія пути, а болѣе состоятельные направились на Владивостокъ. Но вышло еще хуже. Изъ Владивостока не на чемъ было ѣхать, такъ какъ „Общество китайской дороги", державшее ранѣе правильные рейсы своихъ пароходовъ между Владивостокомъ и южными портами, въ 1903 году отмѣнило эти рейсы въ пользу направленія на Дальній. Другихъ же срочныхъ рейсовъ, въ виду монополіи „Общества китайской дороги", не существовало.

Разумѣется, дорога, сдѣлавъ распоряженіе направить пассажировъ на Владивостокъ, въ то же время приказала и своему пароходству поставить временные рейсы по этому направленію.

Но пока управленіе пароходства сдѣлало надлежащее распоряженіе, сухопутный путь пришелъ въ исправность, и надобность въ пароходахъ миновала.

Насмѣшкой звучало объявленіе морского пароходства, въ началѣ сентября, о томъ, что открыты срочные рейсы на линіи Владивостокъ—Дальній.

Это произошло двѣ недѣли спустя послѣ распоряженія и направленія пассажировъ на Владивостокъ.

Не буду описывать тѣхъ мытарствъ, какія я испыталъ, попавъ, въ концѣ августа, на это бездорожье,—опишу только событіе, невольнымъ зрителемъ котораго пришлось мнѣ быть.

15-го августа выпустили изъ Харбина поѣздъ съ измученными пассажирами на Портъ-Артуръ и Дальній. Получились свѣдѣнія, что перерывы исправлены и кое-какъ перевезутъ. Меня задержали дѣла въ Харбинѣ, и я отложилъ свой отъѣздъ до слѣдующаго дня.

Злополучный поѣздъ всѣми правдами и неправдами перебрался по временнымъ обходамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ публикѣ приходилось оставить поѣздъ и переходить по мосткамъ пѣшкомъ черезъ рѣку, на которой мостъ унесло. Затѣмъ, садились на другой поѣздъ и ѣхали дальше.

Часамъ къ двумъ утра 17 августа поѣздъ этотъ приближался къ ст. Ванзелинъ. Не доѣзжая пяти верстъ до станціи, на небольшой рѣчушкѣ, стоялъ каменный постоянный мостъ. Рѣчка вздулась, подмыла береговой устой, который и наклонился къ срединѣ рѣки. Насыпь передъ мостомъ осѣла, и никто этого не замѣтилъ. Машинистъ, не видя никакихъ предупрежденій, продолжалъ смѣло свой путь, хотя почему-то уменьшилъ ходъ.

Вдругъ страшный толчокъ—и паровозъ проваливается въ яму, между осѣвшей насыпью и наклонившимся устоемъ. Слѣдовавшій за паровозомъ багажный вагонъ цѣликомъ вошелъ въ почтовый, только скатъ колесъ отлетѣлъ въ сторону. Слѣдующіе три вагона третьяго класса исковерканы: сдвинулись переборки, скамьи, сползли крыши и т. п. Остальные вагоны отдѣлались дешево.

Нужно *ли* описывать тѣ ужасныя сцены, то положеніе сонныхъ пассажировъ, въ какомъ они очутились въ два часа ночи въ пустынномъ мѣстѣ! Даже уцѣлѣвшіе метались, какъ безумные, по полотну дороги, не зная, что̀ предпринять.

Вопли, стоны изувѣченныхъ и защемленныхъ въ почтовомъ вагонѣ еще больше раздирали душу оставшихся въ живыхъ, безсильныхъ оказать какую-либо помощь.

Дня три спустя, я былъ на мѣстѣ этой катастрофы. Исковерканные вагоны были уже убраны, а паровозъ все еще лежалъ кверху дномъ. Вода значительно спала и готовились проводить объѣздной путь. Искалѣченные отвезены на ст. Дашичао, въ желѣзнодорожную больницу.

Наканунѣ моего пріѣзда здѣсь собралось все высшее начальство дороги, для выясненія причинъ крушенія.

Говорятъ, единственный виновникъ несчастія—сторожъ-китаецъ, недосмотрѣвшій осадки насыпи. Но и его наказать нельзя. Онъ спалъ у входа на мостъ и былъ убитъ при крушеніи.

Какъ-то странно! Всѣ эти дни шли по линіи размывы, вода бушевала, мосты сносило, а дорога ограничилась лишь надзоромъ сторожей - китайцевъ и всецѣло довѣрила ихъ бдительности участь идущихъ поѣздовъ.

На слѣдующихъ перегонахъ почти одновременно смыто еще два постоянныхъ моста. Слѣдующій за мѣстомъ крушенія мостъ

оказался въ такомъ состояніи: по срединѣ совершенно смытъ каменный устой, но линія рельсовъ не разорвалась и повисла въ воздухѣ надъ бушующей пучиной.

И если бы поѣздъ 15 августа прошелъ благополучно первый мостъ, то онъ неминуемо попалъ бы на этотъ висячій. Одинъ желѣзнодорожный чинъ глубокомысленно замѣтилъ мнѣ: „Настоящее крушеніе—просто счастье. Проскочи поѣздъ здѣсь благополучно, онъ цѣликомъ рухнулъ бы въ рѣку на слѣдующемъ мосту“.

— Это что за крушеніе!—поддержалъ этого чина видный мужчина съ малиновыми кантами.—Вотъ на восточномъ участкѣ на тупикѣ было крушеніе! Тамъ, батенька, двадцать вагоновъ воинскаго поѣзда оторвались и ушли подъ уклонъ!.. А это что!...—Тамъ—недосмотръ!. А здѣсь... стихія!..

И дѣйствительно, „манчжурца“ трудно удивить чѣмъ-нибудь.

Изъ разспросовъ и разговоровъ среди инженеровъ и близко стоящихъ къ постройкѣ дороги лицъ я узналъ, что свѣдѣній о количествѣ и силѣ разливовъ было собрано недостаточно, да и некогда было собирать. Гнали очертя голову, чтобы поскорѣй удивить выходомъ къ теплому морю и поскорѣй соединить дорогу съ зарождающимся свѣтиломъ Востока—городомъ Дальнимъ. Кромѣ того, всѣ проекты мостовъ были урѣзаны высшей властью дороги. Уменьшены почти вездѣ противъ проектовъ отверстія мостовъ, разрывы пролетовъ и закладка мостовыхъ устоевъ.

На смытыхъ мостахъ устои были заложены на глубинѣ *0,40—0,50* сажени.

Кромѣ того, на этомъ участкѣ существовала система экономіи. Строители получали извѣстный процентъ съ экономіи противъ смѣты. И вышла экономія!

Разумѣется, на мѣсто разрушенныхъ мостовъ будутъ выстроены въ будущемъ году новые, но какъ поступить съ мостами, уцѣлѣвшими отъ разрушенія?

Вѣдь система постройки и принципъ экономіи были одни и тѣ же. А что, если устойчивость остальныхъ мостовъ только случайная?

Неужели будутъ ждать снова испытанія будущимъ наводненіемъ? Или утѣшатся тѣмъ, что сильныя наводненія сравнительно рѣдки!

VI.

Товарное движеніе и коммерческая затѣя дороги тоже оказались проблематичными.

Кромѣ чая, нечего возить по всемірному транзитному пути. Грузовъ ищутъ, грузы придумываютъ, но пока ничего не выходитъ.

Мѣстные грузы только на южномъ участкѣ, да отчасти на восточномъ, но въ небольшомъ количествѣ. На восточномъ участкѣ идетъ движеніе товаровъ изъ Владивостока, преимущественно излишекъ, въ надеждѣ сбыть его по линіи дороги и отчасти въ Харбинѣ. Изъ Харбина везутъ во Владивостокъ разное сырье, кожи, щетину, бобовое масло и скотъ. По южному участку, главнымъ образомъ, вывозятъ бобы, жмыхи, бобовое масло и щетину. Но все это идетъ на гор. Инкоу, портъ уже давно существующій и приспособленный къ мѣстнымъ требованіямъ и торговымъ обычаямъ. Хотя рѣка Ляохэ въ ноябрѣ замерзаетъ, и доступъ пароходамъ въ Инкоу прекращается до марта мѣсяца, но это не имѣетъ большого значенія.

За продолжительное лѣто все успѣваютъ вывезти, а зимой и везти нечего. Этимъ же путемъ, т.-е. черезъ Инкоу, ввозится все необходимое для южной Манчжуріи. Бобы идутъ въ Японію, гдѣ и обработываются на мѣстныхъ заводахъ, а жмыхи и бобовое масло направляются въ южный Китай, гдѣ заводская промышленность мало еще развита.

Сколько ни билось „Коммерческое Управленіе", чтобы отвлечь направленіе отъ Инкоу на Дальній, но ничего подѣлать не могло. Ни японскія, ни китайскія торговыя суда не идутъ на Дальній. Во-первыхъ, это не по дорогѣ; во-вторыхъ, бухта дальнинская не спокойна для стоянки, угля въ ней нѣтъ, въ водѣ недостатокъ. И боевые тарифы не помогаютъ. Всѣ ухищренія дороги разбиваются передъ „упрямствомъ" китайца. Когда на какой-либо грузъ дорога назначитъ высокую ставку, то китайцы сейчасъ же устанавливаютъ болѣе дешевую гужевую доставку. Такъ, напр., китайская бумага требуется здѣсь въ большомъ количествѣ. На ней пишутъ, въ нее обертываютъ товары, дѣлаютъ изъ нея всевозможныя вещи, сосуды, замѣняютъ ею стекла и т. п.

И эта бумага идетъ въ настоящее время, благодаря высокому тарифу дороги, изъ Инкоу въ Мукденъ, на лошадяхъ.

Нѣкоторые необходимые для Манчжуріи товары иностранныя фирмы, а также и русскія, получаютъ чрезъ Портъ-Артуръ, а

не чрезъ г. Дальній, откуда и отправляютъ на сѣверъ по желѣзной дорогѣ.

Если даже и удавалось когда-нибудь переманить все въ гор. Дальній, то и тогда количество мѣстныхъ грузовъ на южномъ участкѣ будетъ ничтожно, и за удовольствіе перевозить эти грузы дорога должна будетъ еще приплачивать.

Для всей же остальной линіи останется лишь 6 милліоновъ пудовъ чая, перевозку котораго дорога можетъ удержать только при убыточномъ тарифѣ и громадныхъ расходахъ на склады, на усиленіе подвижного состава и т. п.

Чай—грузъ срочный, грузъ нѣжный, требующій бо̀льшаго надзора и осмотрительности.

Чай требуетъ періодически сразу бо̀льшаго количества вагоновъ и складовъ. Вотъ почему въ 1903 году дорога, захвативъ чайные грузы, оказалась неисправной. Ни въ г. Дальнемъ, ни на ст. Манчжурія не оказалось достаточно складовъ. Подвижного состава не хватало. Чай залеживался въ Дальнемъ; даже нѣкоторые пароходы, принадлежащіе дорогѣ, были обращены въ склады чая. На ст. Манчжурія чаи одно время были сложены на открытомъ мѣстѣ подъ брезентами.

Были случаи отправки чая въ вагонахъ, въ которыхъ до этого времени перевозили керосинъ въ ящикахъ.

Чаи, потерпѣвшіе въ морѣ аварію, отправлялись дорогой къ мѣсту назначенія какъ исправные.

И страховымъ обществамъ приходилось платить по цѣнамъ московскимъ, вмѣсто цѣнъ дальнинскихъ.

Словомъ, такая каша заварилась, что чаеторговцы ахнули и подняли крикъ. Два-три парохода съ чаями, направленные изъ Ханькоу на Дальній, получили въ дорогѣ предписаніе идти на Владивостокъ и Николаевскъ.

Правда, что неурядица эта можетъ быть исправлена. Заведутъ побольше подвижного состава, усилятъ провозоспособность дороги, построятъ склады,—но тогда, повторяю, дорога докажетъ лишь одно,—что она провезла чайный грузъ въ ущербъ амурскому пути. Сколько же доплатитъ дорога за свою фантазію, она этого не считаетъ. Чаи перевезла—и вагоны въ паркъ поставила. Вѣдь возить больше нечего!

„Коммерческое Управленіе" много возлагаетъ надеждъ на транспортировку коровьяго масла и молочныхъ скоповъ изъ Западной Сибири, и уже завело вагоны-ледники.

Но масло потребляется въ Манчжуріи лишь европейцами. Китайцы же органически не переносятъ молочныхъ продуктовъ.

Сколько же масла потребуется для Манчжуріи? Европейскаго населенія, не считая войскъ, едва-едва наберется 20 тысячъ человѣкъ во всѣхъ городахъ и пунктахъ.

Въ войска же масло и молочные скопы не слишкомъ-то требуются.

Кромѣ того, Западная Сибирь не успѣваетъ удовлетворять масломъ европейскіе рынки, болѣе близкіе и болѣе устойчивые, чѣмъ Манчжурія, а потому на Манчжурію масла не хватаетъ, и вагоны-ледники пока красуются въ станціонныхъ паркахъ.

Можно придавать значеніе китайско-восточной желѣзной дорогѣ и оправдывать затраты на нее, какъ на дѣло политическое, стратегическое, но никакъ некоммерческое предпріятіе. И, по нашему мнѣнію, широкая постановка коммерческой части, съ ея арміей агентовъ, коммиссіонеровъ, съ крупными затратами и министерскими окладами—не болѣе, какъ преждевременная затѣя, увеличивающая и безъ того непосильное для государства предпріятіе.

Дорога не создала русскихъ рынковъ въ Манчжуріи. Вся крупная торговля, всѣ предпріятія—въ рукахъ иностранцевъ. Русская торговля носитъ чисто маркитантскій характеръ и ютится около воинскихъ центровъ. Она только и живетъ войсками, поставками и подрядами казенными.

Изъ русскихъ предпріятій—мукомольныя мельницы, винокуренные заводы, безчисленные рестораны съ кафе-шантанами и тому подобнымъ.

Вотъ въ какомъ состояніи была китайско-восточная желѣзная дорога къ концу 1903 года—наканунѣ войны.

Военныя событія прервали ея мирную дѣятельность, и на эту дорогу теперь возложена другая работа.

Она должна перебросить изъ Европейской Россіи не одну сотню тысячъ войска на театръ войны, не считая разнаго воинскаго груза и продовольствія для далекой окраины.

Надобно думать, что эту задачу дорога, по всей вѣроятности, выполнитъ успѣшно.

П. Надинъ.

Іюнь 1904.

МАМАШИНА ПОБѢДА

РАЗСКАЗЪ.

I.

Гости понемногу разъѣзжались. Въ залѣ, гдѣ только-что передъ тѣмъ съ такимъ горячимъ вниманіемъ слушали молодого піаниста, доигрывавшаго страстную почти до безумія фантазію Грига,—теперь совсѣмъ опустѣло. Въ дверяхъ передней только дама и двое мужчинъ какъ-то устало обмѣнивались послѣдними обрывками потухавшаго разговора. А самъ молодой музыкантъ, поднявшись съ мѣста, съ почтительной радостью внималъ тому, что̀ говорила ему подошедшая пожилая дама; во всѣхъ ея движеніяхъ было столько вполнѣ законченнаго, плавнаго спокойствія, что можно было бы ее почти упрекнуть въ безучастіи, если бы не противорѣчилъ этому ярко улыбающійся свѣтъ ея сѣрыхъ глазъ и умная складка на тонкихъ губахъ. И тотчасъ можно было замѣтить, что почтительность молодого человѣка относилась совсѣмъ не къ высокому общественному положенію дамы, а къ ней самой—къ признанному всѣми авторитету ея всегда благосклоннаго, хоть и строгаго суда. Немногія ея похвальныя слова имѣли для Павла Красавина — такъ звали піаниста — гораздо больше цѣны, чѣмъ громкія рукоплесканія бывшей здѣсь еще пять минутъ тому назадъ единодушной толпы слушателей. И на его блѣдномъ лицѣ, не привыкшемъ улыбаться, теперь счастливая улыбка играла, когда онъ невольно встряхивалъ слегка опущенной головой, сгоняя нависшую-было непослушную прядь волосъ. А изъ сосѣдней гостиной все еще доносился сдержанный гулъ

многочисленныхъ голосовъ, среди которыхъ подчасъ звонкой серебряной ноткой звучалъ еще совсѣмъ молодой женскій голосъ.

— Значитъ, вы уѣзжаете на той недѣлѣ?—закончила говорившая съ Красавинымъ дама, чуть замѣтно отодвигаясь назадъ. И рука ея все съ тѣмъ же неподвижнымъ спокойствіемъ сжимала вѣеръ изъ слоновой кости.

— На цѣлый годъ, да...

— Вы хорошо дѣлаете, Павелъ Сергѣевичъ, что не даете задержать себя здѣсь. У васъ, конечно, былъ бы успѣхъ, и заслуженный. И тѣмъ лучше для васъ, что вы обольщенію не поддаетесь. Слишкомъ ранній успѣхъ, что гиря, — онъ подняться не даетъ... А въ искусствѣ всегда надо на верхъ смотрѣть, на самый далекій верхъ.

Красавинъ не отвѣтилъ. Голова его только немного побольше опустилась, и улыбка стала какъ-то задумчивѣе.

— Вижу, вы меня понимаете... Какъ ни хороша ваша игра, а все-таки надо еще учиться тамъ, гдѣ музыка у себя дома, а не такъ, какъ у насъ, — одно только ея слабое отраженіе. Только вы должны передъ отъѣздомъ еще побывать у меня. Въ пятницу вамъ можно?

— Буду непремѣнно, Софья Андреевна...

— У меня вѣдь не такъ, какъ у сестры сегодня. Толпы никогда не бываетъ. Предупреждаю.

Софья Андреевна протянула ему руку на прощанье, и молодой человѣкъ хотѣлъ отвѣтить, что ея оцѣнка для него дороже всякой, даже самой восторженной толпы, но волна голосовъ стала громче и будто пододвинулась къ дверямъ. Послышался смѣхъ, потомъ глухой звукъ удалявшихся шаговъ, и на порогѣ показалась стройная молодая дѣвушка.

Въ глазахъ Красавина что-то мгновенно блеснуло. Она быстро подошла къ молодому человѣку, и на ея подвижномъ лицѣ, на которомъ то-и-дѣло новое выраженіе набѣгало, какъ переливы свѣта набѣгаютъ на прозрачную гладь горнаго озера,—на этомъ лицѣ такъ и отражалась радость жизни и сознаніе, что радости этой хватитъ еще надолго.

— Павелъ Сергѣевичъ, — начала она,—я передъ вами сегодня виновата. Я весь вечеръ должна была занимать гостей; да, признаюсь, я и не слушала даже хорошенько.

А въ ея глазахъ и въ голосѣ никакого извиненія не было. Въ томъ она слишкомъ была увѣрена, что ему дорогъ самый звукъ этого голоса, что обидѣться онъ на нее не можетъ.

— Вамъ меня и слушать нечего, Вѣра Алексѣевна,—отвѣ-

тилъ онъ добродушно.—Моя игра для васъ не новость. Да и не любите вы Грига, кажется.

— Да... То-есть, нѣтъ, скорѣе не понимаю, чѣмъ не люблю. Слишкомъ запутанныя мысли не по мнѣ, да и запутанныя чувства тоже. А знаете что?—и вдругъ на черты ея легло что-то сосредоточенно-серьезное.—Въ вашей игрѣ было сегодня что-то совсѣмъ особое, сердитое,—горькое даже.

Блѣдное лицо Красавина чуть-чуть вспыхнуло.—Не знаю, можетъ быть,—проронилъ онъ.

— Значитъ, все-таки ужъ не такъ невнимательно слушала,— улыбаясь, вставила Софья Андреевна. — И ты права. Было это въ самомъ дѣлѣ. Оттого-то мнѣ такъ и понравилось... Я вѣдь не по твоему—сладенькой музыки не жалую. Ну, прощай, Вѣра,— она поцѣловала племянницу въ лобъ. — До свиданія, Красавинъ. Значитъ, въ пятницу?..

Вѣра хотѣла проводить ее до передней, но Софья Андреевна ее въ дверяхъ остановила. — Зачѣмъ? Ты знаешь, я этихъ церемоній не люблю. И ты, навѣрное, торопишься остаться съ нимъ съ глазу на глазъ.—И она добавила, наклоняясь къ уху дѣвушки:—А тебѣ очень жаль, что онъ уѣзжаетъ?

— Очень, тетушка,—откровенно и просто отвѣтила Вѣра.

— Ну, ничего. Годъ быстро пройдетъ. А онъ вернется настоящимъ, крупнымъ артистомъ... Ты знаешь? — добавила она, мигъ спустя:—онъ обѣщалъ играть у меня въ пятницу. Ты будешь тоже, да?..—Она еще разъ поцѣловала Вѣру и скользнула въ дверь совсѣмъ еще молодой, легкой походкой.

Красавинъ продолжалъ стоять у рояля, и полуневольно его пальцы прикоснулись къ клавишамъ, вызвавъ скорбный, почти болѣзненный звукъ. Онъ не замѣтилъ, какъ подошла къ нему опять дѣвушка, и будто вздрогнулъ, увидавъ ее вдругъ передъ собой.

— Ну, наконецъ мы можемъ поговорить вдвоемъ, — сказала она весело, опускаясь на стулъ, — а то весь вечеръ мы точно чужіе были.

Онъ усѣлся тоже, прямо противъ нея, но разговоръ что-то не клеился. Мысль о близкомъ отъѣздѣ, о жизни среди чужихъ людей носилась передъ нимъ, или что-то иное, не вполнѣ ясное, сковывало его вниманіе, но онъ только односложно и не совсѣмъ впопадъ отвѣчалъ на оживленныя слова Вѣры.

— Да что съ вами?—вдругъ спросила она.—Или вамъ по прежнему со мною неловко, какъ тогда было, помните, когда вы еще почти мальчикомъ у насъ бывали и такимъ дикимъ, угрю-

мымъ смотрѣли. А васъ привели къ намъ какъ чудо какое-то. Тетя васъ такъ прямо „Wunderkind“ называла... А мнѣ смѣшно было это слышать. Ничего я такого особеннаго въ васъ не находила. Потомъ только, когда привыкла, я стала понимать или попросту догадываться, что̀ въ вашей игрѣ необыкновеннаго, даже таинственнаго...

— Таинственнаго, — полусознательно повторилъ онъ последнее ея слово. И мало-по-малу, слушая эти бархатные звуки, среди которыхъ будто трели чистаго серебра раздавались порой, онъ поддавался знакомому очарованію. Прошлые годы, когда онъ такъ часто, такъ беззавѣтно упивался ея голосомъ, точно одинъ за другимъ проносились, поочередно вызывая какую-нибудь позабытую мелочь. И тихій блескъ загорѣлся въ его померкшихъ-было зрачкахъ.

— Не хочется вамъ уѣзжать, да?..—все тѣмъ же веселымъ голосомъ продолжала дѣвушка.

— Надо, Вѣра, — онъ ненамѣренно опустилъ болѣе церемонное „Алексѣевна“, и почти испугался.—Тетушка ваша мнѣ еще разъ это напомнила. И она права.

— А нельзя погодить?.. Хотя бы до будущаго года?..—И улыбающіеся глаза дѣвушки такъ и манили его, точно суля что-то несказанно-волшебное.

Въ отвѣтъ онъ только покачалъ головой. Въ эту самую минуту въ залу вошла дама, какъ будто нѣсколько похожая на Софью Андреевну, но безъ того законченнаго изящества, которымъ были отмѣчены и черты, и всѣ движенія Вѣриной тетки. Съ перваго же взгляда на нѣсколько полное, увѣренное въ себѣ лицо Ольги Андреевны Полынцевой видно было, что горизонтъ ея мыслей и желаній не широкъ, но зато она чувствуетъ себя въ немъ совершенной хозяйкой.

Высокій господинъ съ черной коротко остриженной бородкой и мягкой снисходительной улыбкой въ глазахъ былъ единственнымъ еще не уѣхавшимъ гостемъ Ольги Андреевны. Эта снисходительность какъ нельзя яснѣе читалась и въ томъ отмѣнно любезномъ движеніи, съ которымъ онъ протянулъ музыканту руку.

— Не успѣлъ вамъ еще выразить всего моего восхищенія,— заговорилъ онъ низкимъ спокойнымъ голосомъ, никогда не мѣнявшимъ интонаціи.—Мнѣ почти совѣстно было примѣшивать мое совсѣмъ ужъ не компетентное мнѣніе ко всему, что̀ наговорили вамъ понимающіе музыку, какъ слѣдуетъ. Настоящимъ артистамъ похвала такого человѣка, какъ я, рѣжетъ ухо.

— Вы, князь...—началъ-было Красавинъ, собираясь отвѣтить что-то очень любезное, но смѣшался почему-то и потупилъ глаза передъ улыбкой, не перестававшей сіять въ пристальныхъ зрачкахъ князя.

Еще пять минутъ равнодушнаго, незначительнаго разговора, и мужчины простились. Князь поднесъ къ губамъ слегка пухлую руку Ольги Андреевны, безмолвно пожалъ тонкіе пальчики Вѣры и, взявъ Красавина подъ руку, сказалъ, выходя:—Хотите, я васъ довезу?—мнѣ по дорогѣ. Или предпочитаете, можетъ быть, отъужинать вмѣстѣ?—Но музыкантъ и отъ того, и отъ другого почему-то отказался.

А мать Вѣры провожала обоихъ долгимъ взглядомъ своихъ немного прищуренныхъ зрачковъ. Близорукость пріучила ее щуриться, хоть и очень зорко наблюдали подчасъ эти близорукіе глаза.

— Какъ онъ интересенъ и милъ!—проговорила она, какъ бы невольно обращаясь къ дочери.

— Красавинъ?.. Да... Очень и очень милъ...

— Да развѣ про него?—вглядываясь въ дѣвушку, живо возразила Ольга Андреевна.—Я говорю про князя. Ты этого и не примѣтила?

Дѣвушка равнодушно повела плечами.—Да, кажется... Онъ какъ всѣ... Какъ многіе, по крайней мѣрѣ.

— Ну, ужъ совсѣмъ нѣтъ! Впрочемъ, ты еще не научилась людей распознавать. Гдѣ тебѣ!.. Князь Дмитрій Львовичъ именно не какъ всѣ.

У Вѣры насмѣшливыя искорки показались въ глазахъ. Она давно подозрѣвала, что красивый, въ сущности нравящійся ей самой князь—мамашинъ кандидатъ въ женихи. Но какъ разъ теперь она ни за что не хотѣла признаться матери, что и она тоже хорошаго мнѣнія о немъ. И притворившись, будто страшно устала, Вѣра объявила, что ей хочется спать.

Послѣ ухода дочери, Ольга Андреевна еще долго простояла на мѣстѣ, и, глубоко вздохнувъ,—съ мыслями, зашевелившимися у нея въ головѣ, ей такъ и не удалось справиться — она медленно потомъ прошла къ себѣ. „А хорошо все-таки, что Красавинъ уѣзжаетъ“,—сказалось у нея вдругъ, лишь только полумракъ обширной спальни привелъ въ ясность ея запутавшуюся голову.

II.

И на слѣдующее утро она проснулась все съ той же мыслью: „Ну, а что, если?.. И очень, очень хорошо, что онъ уѣзжаетъ...

Лишь съ недавняго времени стала она присматривать за Красавинымъ. Они знали его такъ давно; совсѣмъ юношей онъ бывалъ уже у нихъ въ домѣ, и въ глазахъ Ольги Андреевны это былъ даже совсѣмъ незначительный юноша. Таланта его она не цѣнила, попросту даже не замѣчала. Ей и не грезилось, чтобы близкія отношенія съ молодымъ человѣкомъ могли привести къ чему-либо. И вдругъ этотъ рядъ громкихъ успѣховъ въ концертахъ, гдѣ онъ выступалъ эту зиму! Его зазывали нарасхватъ, онъ сталъ крупной извѣстностью: не мудрено, что у Вѣры закружилась голова. Случается вѣдь, что дѣвушки, дружныя съ подростающими за-одно съ ними молодыми людьми, долго съ ними остаются попросту, на товарищеской ногѣ, и вдругъ, совсѣмъ неожиданно... Любовь у нихъ просыпается, какъ молнія порой засверкнетъ въ тихій лѣтній день. И какъ счастливо, что къ нимъ сталъ ѣздить за послѣднее время князь Дмитрій Львовичъ. Онъ имѣетъ, повидимому, намѣренія. И не мудрено... Вѣра такъ мила. Она только захочетъ ли?.. Пустяки... Хотя она и увѣряетъ, что князь будто какъ всѣ, онъ произвелъ на нее впечатлѣніе—это очевидно. Надо только быть поосторожнѣе, не колоть глаза княземъ, не навязывать Вѣрѣ его общества, а сдѣлать такъ, какъ будто все устроилось само собою.

Въ тотъ же день она поѣхала къ сестрѣ, въ которой она признавала умъ и глубокое знаніе людей, хотя въ сущности ее не совсѣмъ долюбливала. Софья Андреевна была, впрочемъ, авторитетомъ въ глазахъ у всѣхъ и не въ одной только музыкѣ. Ея рѣзкихъ подчасъ сужденій не только побаивались—ихъ признавали почти непогрѣшимыми. На ней все еще будто свѣтился отблескъ крупной фигуры ея покойнаго мужа, очень вліятельнаго въ свое время человѣка, авторитетъ котораго держался, быть можетъ, не на уваженіи къ нему, а на полной невозможности ему не подчиняться. И многіе по привычкѣ не переставали гнуть спину передъ его вдовой, какъ будто бы въ воздухѣ ея гостиной все еще носилась мощная власть покойнаго генерала Шаманскаго.

Ольга Андреевна подступила къ вопросу очень осторожно. Но сестра не дала ей закончить мудреные подходы, сразу догадавшись, въ чемъ дѣло.

— А, ты боишься за Вѣру? Понимаю. Красавинъ совсѣмъ

не подходящій человѣкъ, конечно. То ли дѣло князь Борисоглѣбскій. Правда, ему подъ сорокъ, у него слишкомъ десять лѣтъ тянется какая-то канитель съ замужней женщиной, и долговъ у него пропасть. Но все равно... Чтò и говорить: состояніе все-таки крупное, и можетъ онъ каждый день получить назначеніе. Борисоглѣбскій какъ разъ изъ тѣхъ людей, которые вѣчно наканунѣ карьеры.

Ольга Андреевна стала чуть ли не божиться, что ей и въ голову не приходила мысль о князѣ, какъ о женихѣ, но сестра ее тотчасъ остановила:

— Полно. Точно это не замѣтно. Есть у маменекъ совсѣмъ особая манера принимать подходящихъ кандидатовъ. Такъ и подчеркиваютъ—это всѣмъ замѣтно. Глупо это до-нельзя, потому что сами кандидаты догадываются какъ нельзя лучше. Но всѣ это дѣлаютъ и будутъ дѣлать вѣчно. Ну, что жъ, мое благословеніе... Князь—я не скажу, чтобы очень умный, но очень пріятный человѣкъ. Это еще важнѣе. И вотъ видишь, я его сейчасъ пригласила къ себѣ на пятницу. А что касается до Красавина —хоть онъ и почти геніальная натура, и Вѣра его любитъ, да и денегъ у него будетъ со временемъ сколько угодно—онъ все-таки не совсѣмъ то, чтò нужно. Быть женой крупнаго артиста еще хуже, пожалуй, чѣмъ женой важнаго сановника, какъ я была. Первой скрипкой у такого мужа не будешь никогда. Это несомнѣнно. И въ концѣ концовъ...

— Надо пріискивать себѣ утѣшеніе,—добавила за нее сестра, ехидно улыбаясь. Она хорошо знала, что въ такихъ утѣшеніяхъ у Софьи Андреевны недостатка не было.

Та глянула на нее долгимъ холоднымъ взглядомъ.—Ты бы лучше въ психологію не пускалась,—сказала она,—гдѣ тебѣ! А коли ты совѣта отъ меня хочешь—вотъ тебѣ совѣтъ. Не мѣшай только. Дѣлай видъ, что ничего не замѣчаешь.

— Какъ не мѣшать!—воскликнула Ольга Андреевна.—А если?..

— Чтò если? Во-первыхъ, онъ черезъ недѣлю уѣзжаетъ, а во-вторыхъ, развѣ Вѣра похожа на тѣхъ дѣвушекъ, которыя вѣшаются кому-нибудь на шею? Нѣтъ, мой другъ, ничего не случится. Вѣра будетъ княгиней Борисоглѣбской, станетъ жить и принимать широко, не выходя изъ долговъ до поздней старости; а у князя, какимъ бы онъ ни былъ прекраснымъ мужемъ, всегда будетъ на сторонѣ какая-нибудь особа... Можетъ быть, совсѣмъ даже неочаровательная... Это вѣдь и не нужно. Женская красота—тоже предразсудокъ. Не предразсудокъ только женская

ловкость. И потомъ, когда Вѣрѣ тошно станетъ отъ всего этого глупаго и пошлаго счастья свѣтской женщины, она тебѣ никогда не проститъ, что ты лишила ее единственнаго, что̀ бываетъ дорого въ жизни...

Софья Андреевна поднялась отъ охватившаго ее вдругъ волненія, и загорѣвшіеся ея глаза такъ и впивались въ сестру.

— Да,—продолжала она,—Вѣра никогда не будетъ женой Красавина,—это несомнѣнно, но еще несомнѣннѣе, что она его любитъ. И надо этой любви дать догорѣть, какъ вспыхнувшей ракетѣ. А то, попробуй помѣшать, ракета лопнетъ съ трескомъ, и плохо будетъ. Надо ей хоть этихъ немногихъ дней, на которыхъ позже она будетъ останавливаться, какъ на дорогомъ призракѣ счастья. Вѣдь это только призракъ—успокойся. Но для каждой женщины онъ нуженъ, хотя бы она сама въ глубинѣ сердца и не хотѣла того, что̀ сулилъ этотъ призракъ. Намъ нужно тѣшиться мыслью, что когда-то въ нашей власти было осуществить свой идеалъ, когда дорогой человѣкъ всю свою жизнь, все свое будущее готовъ былъ поднести намъ сразу.

Ольга Андреевна слушала въ недовѣрчивомъ недоумѣніи. Въ этихъ доводахъ сестры ей мерещились отзвуки взбалмошной жизни, которой никто не мѣшалъ складываться по-своему—ни мужъ, черезчуръ занятый службой, ни общество, преклонявшееся передъ высокимъ авторитетомъ этого мужа, ни средства, въ которыхъ никогда не чувствовалось недостатка.

— А если все-таки, — робко настаивала она,—пришлось бы?.. Вѣдь ты знаешь мои запутанныя дѣла?..

— Знаю, что твой мужъ, живя въ деревнѣ, ихъ распутывать не умѣетъ, а твой сынъ Миша...

— Да что̀ я могу сдѣлать наконецъ! Развѣ можно удержать такого мальчика, какъ Миша? И что̀ я могу Вѣрѣ дать за приданое?

Софья Андреевна опять усѣлась и нетерпѣливо только кивала головой, слушая сестру. Ея возбужденіе прошло. Она думала даже совсѣмъ о другомъ.

— Ахъ, мой другъ,—сказала она, наконецъ, выведенная изъ терпѣнія.—Деньги тутъ ни-при-чемъ, повѣрь мнѣ. Нуженъ только умъ. Всего лучше живутъ въ Петербургѣ люди съ разстроенными дѣлами. А что твой Миша совершенная дрянь, это правда. И въ концѣ концовъ, когда не умѣешь ни самого себя въ рукахъ держать, ни дѣла свои вести, ни дѣтей воспитывать,—въ концѣ концовъ, разумѣется, полное крушеніе. Да и подѣломъ. Изъ десяти человѣкъ девять несчастны по собственной винѣ. И нѣтъ

у меня никакой жалости къ людямъ, которые разоряются по своей глупости.

— И вотъ все, что̀ ты имѣешь сказать мнѣ,—ты, моя сестра? —съ искреннимъ негодованіемъ воскликнула Ольга Андреевна.

— Все, мой другъ, — спокойно и равнодушно отвѣтила г-жа Шаманская,—рѣшительно все. Твой мужъ весь вѣкъ что-то затѣвалъ и разъ десять чуть-чуть не былъ на порогѣ богатства. И все-таки ничего изъ этого не вышло. И остался онъ безалабернымъ старымъ бариномъ, которому прихоти дороже всего и который никакъ не можетъ остаться безъ обѣда въ привычный часъ, даже если бы этой цѣной пришлось родного сына отъ бѣды спасти. Миша твой—пустой мальчишка, которому сколько угодно давай денегъ, — все-таки не вытащишь его изъ болота. Такая ужъ натура. Что̀ съ этимъ подѣлаешь?.. Одна Вѣра на что-нибудь годится, и ей, разумѣется, я состояніе свое откажу... Такъ что, пожалуй, она и за нищаго могла бы пойти. Только за Красавина все-таки не совѣтую. Артистовъ я слушать люблю, но жить съ ними—нѣтъ.

Тутъ она будто припомнила что-то изъ своего прошлаго и глубоко вздохнула.—Потѣшиться своимъ романомъ ты ей все-таки дай хоть эти нѣсколько дней. Хорошо, чтобы въ молодые годы было хоть нѣсколько капелекъ поэзіи... А то позже наверстать захочется, и тогда...—Она такъ и не договорила.

Ольга Андреевна уѣхала отъ сестры, совсѣмъ не убѣжденная ея доводами. Безпокойство ея только усилилось. И въ головѣ не переставала вертѣться упорная мысль, что надо поскорѣе выдать дочь за князя, а тамъ будь что̀ будетъ. Казавшееся такимъ благоустроеннымъ, мирное зданіе ея семейной жизни дало вдругъ трещину и какъ разъ тамъ, гдѣ всего менѣе этого можно было опасаться: ея Вѣра вѣдь всегда была такой благоразумной, и вотъ... Да, трещину надо было задѣлать во что̀ бы то ни стало. Всѣ остальныя грозившія невзгоды,—и безтолковое хозяйничанье мужа, и вѣчные долги неисправимаго сынка,—все это казалось ей пустымъ, ничтожнымъ въ сравненіи съ однимъ—съ будущимъ Вѣры, которому грозила эта нелѣпая любовь къ какому-то полунищему артисту...

И вотъ, совсѣмъ уже подъѣзжая къ дому, она къ своему ужасу увидѣла дочь вдвоемъ съ Красавинымъ. Они шли по тротуару, оживленно болтая. И никого съ ней не было, даже горничной. А когда Вѣра узнала мать, она и не смутилась ничуть, точно это было совсѣмъ въ порядкѣ вещей. У самаго крыльца она простилась съ молодымъ человѣкомъ и горячо пожала ему

руку, а потомъ нагнала мать, пока та поднималась по лѣстницѣ. Ольга Андреевна не сдѣлала дочери никакого замѣчанія въ присутствіи выѣздного. Но когда онѣ вошли, она принялась за материнскую отповѣдь по всѣмъ правиламъ искусства, и мягкую, и огорченную, и, казалось, убѣдительную. Какъ можно было такъ выставлять на показъ свою интимность съ этимъ... артистомъ? Ольга Андреевна не сразу подыскала необходимое слово. Вѣдь ихъ могли встрѣтить знакомые. Да что подумаетъ самъ этотъ Красавинъ? Онъ и то за послѣднее время сталъ зазнаваться... Но тутъ Вѣра прервала ее громкимъ смѣхомъ.

— Красавинъ зазнается! Полно, мама! Онъ — такой робкій?!.. Я, напротивъ, только-что его упрекала за эту самую робость. Онъ себѣ цѣны не знаетъ. Съ своимъ огромнымъ талантомъ онъ долженъ себя чувствовать царемъ надъ всѣми. Отчего же передъ каждой женщиной онъ готовъ смутиться? И что жъ такое, коли насъ встрѣтили бы вдвоемъ? Всѣ вѣдь знаютъ, что мы выросли вмѣстѣ, почти говоримъ другъ другу „ты", какъ братъ и сестра.

— Ну, только этого бы недоставало! — воскликнула-было Ольга Андреевна, но тутъ же поняла, что этими устарѣлыми пріемами ничего не подѣлаешь. У Вѣры такъ и блестѣли глаза отъ брызжущаго веселья. Опасенія матери ей казались попросту смѣшными.

— Чего же ты боишься, мама? — сказала она, ласкаясь къ матери и прижимая свою холодную розовую щечку къ лицу Ольги Андреевны, на которомъ ярко выступили два большихъ красныхъ пятна.

— Ты думаешь, я убѣгу съ нимъ куда-нибудь? Къ чему, скажи пожалуйста? Вѣдь онъ черезъ годъ вернется. Да и я ему только помѣшала бы. Ему тамъ, въ Германіи, не до меня будетъ.

Заботливая мамаша на этомъ почти успокоилась. И ея опасенія разсѣялись бы совсѣмъ, кабы она могла присутствовать при разговорѣ, происходившемъ на другой день у ея сестры съ Красавинымъ. Софьѣ Андреевнѣ вдругъ захотѣлось поглубже заглянуть въ душу молодого піаниста, и она пригласила его къ себѣ подъ предлогомъ необходимости рѣшить, что онъ сыграетъ у нея въ пятницу вечеромъ. Съ этимъ они покончили быстро. Они выбрали сонату Бетховена, одну изъ самыхъ трудныхъ; потомъ онъ исполнитъ большой полонезъ Шопена; затѣмъ — „Mephisto-Walzer" изъ „Фауста" Шумана и закончитъ маршемъ изъ „Тангейзера" въ передѣлкѣ Листа. Все это могло дать ему случай выказать свой талантъ и въ особенности технику. А въ проме-

жуткахъ между этими пьесами знаменитая артистка, гостившая случайно въ Петербургѣ, споетъ вдвоемъ съ теноромъ, дѣлавшимъ тогда фуроръ, дуэтъ изъ „Лоэнгрина". Глаза напередъ разгорались у Софьи Андреевны отъ этого музыкальнаго лакомства. Потомъ она немного остановилась, какъ будто утомленная, и, глядя на молодого піаниста исподлобья, сказала вдругъ какъ бы невзначай:

— Павелъ Сергѣевичъ, давно ужъ у васъ явилась эта рѣшимость всего себя отдать музыкѣ?

Красавинъ улыбнулся.—Да самъ не знаю. Никакого обѣта я собственно не давалъ. Музыка—не монашество.

— Нѣтъ, вы меня извините,—почти съ оттѣнкомъ строгости проговорила его собесѣдница:—искусству служить на половину нельзя. Все остальное должно оставаться далеко позади.

— Все!?—вырвалось у молодого человѣка, и глаза его вспыхнули:—даже?..

— Рѣшительно все. Тутъ одно изъ двухъ: либо посвятить себя искусству совсѣмъ, безраздѣльно,—это тоже вѣдь религія своего рода,—и тогда уже не знать ничего другого; либо помириться съ тѣмъ, чтобы быть посредственностью. Говорю вамъ это прямо. Кто любитъ на горы взбираться, тотъ не успокоится, пока не достигнетъ самой вершины.

Говоря это, она такъ и впивалась глазами въ лицо молодого человѣка. А у него опять улыбка заиграла на губахъ. Но что̀ это была за блѣдная, дрожащая улыбка!

— На эту вершину, однако,—отвѣтилъ онъ,—до сихъ поръ не всходилъ никто.

— И все-таки,—возразила она живо,—стремиться туда надо. Въ этомъ, если хотите, какой-то трагизмъ есть. Знаешь, что цѣль недостижима, но чувствуешь за собою какую-то тайную, можетъ быть злую силу, которая немилосердно заставляетъ карабкаться вверхъ... И я одинъ только могу вамъ дать совѣтъ, —Софья Андреевна понизила голосъ:—не брать съ собой въ дорогу ничего. Помните, что̀ говорилъ Христосъ своимъ апостоламъ?.. Такъ и въ искусствѣ—соперниковъ оно не терпитъ. Все надо оставить позади, особенно привязанности. Сердце должно быть свободнымъ—это прежде всего.

Красавинъ хотѣлъ отвѣтить, но губы его только зашевелились, не проронивъ ничего.

— Ну да, разумѣется,—чуть-чуть засмѣялась она.—Я такъ и знала.

Онъ быстро поднялся и выпрямился передъ нею во весь свой высокій ростъ.

— Нѣтъ, вы не знаете!—воскликнулъ онъ.—Не знаетъ про это никто.

— Даже та, про которую мы теперь говоримъ, не называя ея.—И снисходительная улыбка сопровождала ея слова.

— Вы первая,—продолжалъ онъ задрожавшимъ голосомъ,—кому я въ этомъ рѣшаюсь признаться. Вамъ это покажется, быть можетъ, черезчуръ смѣлымъ, пожалуй даже дерзкимъ. Я люблю, люблю давно вашу племянницу. Мое извиненіе, впрочемъ, —наша давнишняя близость. Меня принимали въ домѣ вашей сестры почти какъ родного.

— Въ любви не извиняются, Павелъ Сергѣевичъ,—съ оттѣнкомъ почти насмѣшливой холодности возразила Софья Андреевна. —И ей, значитъ, вы тоже не говорили про свое чувство?

— Она догадывается, конечно.

— Догадывается!—воскликнула она.—И съ васъ этого довольно? Впрочемъ, вы, можетъ быть, получили отъ нея такой же молчаливый отвѣтъ, какимъ было ваше признаніе?

Насмѣшливая нотка все явственнѣе слышалась въ голосѣ Софьи Андреевны. Что-то невыразимо оскорбительное почувствовалъ Красавинъ въ ея словахъ. И, поднявъ голову, съ разгорѣвшимся лицомъ, онъ сказалъ:

— Иллюзій я себѣ не дѣлаю никакихъ. На этотъ счетъ вы можете быть спокойны. На согласіе ея семьи я разсчитывать не могу.

— И съ похвальнымъ благоразуміемъ,—перебила она,—вы преклоняете голову. Ну что жъ, это хорошо. И тогда, конечно, никто ужъ не будетъ стоять поперекъ вашей дороги къ славѣ. Тѣмъ лучше, разумѣется. Вѣры по настоящему вѣдь вы не любите,—это я по всему вижу. А любовь могла бы только помѣшать вашей артистической карьерѣ. Да и не годятся артисты въ мужья...

Когда, отпустивъ смущеннаго ея словами Красавина, Софья Андреевна осталась одна, у нея невольно сказалось чувство какого-то страннаго разочарованія. „Нѣтъ,—раздумывала она,—на Вѣрѣ ему не жениться. Но не въ этомъ бѣда: бѣда въ томъ, что и настоящимъ первоклассньмъ артистомъ онъ никогда не станетъ“.

Для нея это было ясно какъ день.

III.

Музыкальный вечеръ удался какъ нельзя лучше. Было не такъ людно, какъ у Ольги Андреевны, но зато слушатели были самые отборные и внимательные. И какъ разъ поэтому, можетъ быть, хлопали Красавину гораздо меньше, чѣмъ тогда. Отборные судьи знаютъ себѣ цѣну.

А Красавинъ, между тѣмъ, превзошелъ себя. Бетховенскую сонату онъ провелъ съ той истинно классической строгостью, которой отмѣчены всѣ позднѣйшія произведенія великаго композитора. И все-таки за преднамѣренной сдержанностью его игры слышалась затаенная сила, выжидавшая только случая прорваться. И когда ему пришлось въ безумномъ почти вальсѣ Шумана разнуздать страстность своей игры и дать ей полный ходъ, сила эта сказалась. Шопотъ удивленія — эта лучшая изъ похвалъ для настоящаго артиста — прошелъ по всѣмъ рядамъ стульевъ. А князь Дмитрій Львовичъ, не считавшій нужнымъ соблюдать обѣтъ полнаго молчанія, наложенный на гостей волей хозяйки, не разъ прерывалъ игру молодого піаниста и хлопаньемъ, и возгласами откровеннаго восторга. А когда пьеса была кончена, онъ первый подошелъ къ Красавину и, пожимая ему съ чувствомъ руку, громко выразилъ, какое неудержимое впечатлѣніе онъ только-что вынесъ.

— Я не присяжный знатокъ,—добавилъ онъ,—и потому говорю попросту, что̀ чувствую. Можетъ быть, отъ меня иныя тонкости ускользаютъ, но, откровенно говоря, я думаю, что музыка—для всѣхъ, въ томъ числѣ и такихъ варваровъ, какъ я.

Подсѣвъ къ Вѣрѣ, онъ воспользовался нѣсколькими минутами перерыва, чтобы и ей высказать переполнявшія его ощущенія. Онъ хорошо зналъ, что̀ за удовольствіе этимъ доставляетъ молодой дѣвушкѣ. И никогда она еще не слушала князя съ такимъ сочувственнымъ вниманіемъ. Лицо ея казалось поразительно блѣднымъ въ этотъ вечеръ. Игра Красавина была для нея настоящимъ откровеніемъ. Она понимала, что̀ значила сдержанность, съ которой была сыграна Бетховенская соната, и неудержимая страсть, вдругъ вылившаяся потомъ, страсть, въ которой и торжество было, и горькая, почти отчаянная насмѣшка. Но вотъ молодой артистъ опять усѣлся, и чуть слышные звуки точно издалека стали долетать до ея очарованнаго слуха. Руки Красавина едва дотрогивались до клавишей, будто лаская ихъ мимолетомъ, какъ можетъ ласкать таинственный поцѣлуй ночного

привидѣнія. Она тотчасъ узнала столь любимое ею andante spianato, которымъ начинается знаменитый Шопеновскій полонезъ. Эта воздушная нѣжность игры тѣмъ болѣе ее поражала, что слѣдовала такъ быстро за взрывомъ разнузданной силы. Слышался уже не протестъ, не отчаяніе, а покорная, неисцѣлимая грусть. И потомъ вдругъ опять новый приливъ болѣзненной страстности—танцовальная музыка, которая будто звучитъ похоронами, музыка, по которой Шопенъ вылилъ плясовымъ мотивомъ неисцѣлимую грусть своей родины. Вѣра такъ и прильнула слухомъ къ игрѣ піаниста, никогда еще прежде не находившаго у нея такого отзвука. Она и не подозрѣвала, чтобы въ душѣ такъ хорошо знакомаго ей робкаго юноши могла скрываться такая глубина чувства.

— Это мучительно хорошо, — шепнулъ ей князь Борисоглѣбскій, когда прозвучалъ послѣдній аккордъ, — такъ, хорошо, что больно становится.

Онъ поднялся съ мѣста, не прибавивъ ни слова, и долго еще потомъ молодая дѣвушка видѣла его высокую фигуру, уединившуюся отъ прочихъ, какъ бы въ тяжеломъ раздумьи.

Одна Софья Андреевна почему-то оставалась поразительно спокойной. Конечно, она благодарила Красавина, но въ ея похвалахъ чувствовалась какая-то затаенная холодность. Она вся была занята пріѣзжей пѣвицей. Впрочемъ, это было такъ понятно. И Вѣра, замѣтившая разницу въ ея обращеніи съ обоими артистами, и не сомнѣвалась, что Красавинъ, конечно, не обидится. Но когда наступила пора сыграть послѣднюю обѣщанную вещь, варіаціи Листа на маршъ изъ „Тангейзера", молодой человѣкъ неожиданно отказался, извиняясь своимъ утомленіемъ. Да и была это не простая отговорка. Измѣнившееся лицо ясно говорило, что игралъ онъ не одними пальцами, и всю свою душу, всю безъ остатка, вылилъ въ исполненныя имъ пьесы.

— Я понимаю, конечно, понимаю, но мнѣ очень совѣстно,— отвѣчала ему съ самой мягкой улыбкой на устахъ Софья Андреевна, — мнѣ очень совѣстно, что я навязала вамъ такую тяжелую задачу. Вѣдь это была не простая игра. Эти три вещи такъ полны и трудностей, и глубокаго волненія.

А про себя она мысленно добавляла, что сильныя натуры могутъ выдержать и не такое испытаніе, и настоящіе великіе артисты не устаютъ никогда. Вмѣсто Вагнеровскаго марша, пѣвица съ необыкновенной любезностью сама предложила спѣть еще одну вещь, и когда она кончила, рукоплесканія, на этотъ разъ дружныя, хоть и нѣсколько заурядныя тоже, раздались по залѣ.

Красавина тамъ уже не было. Онъ прошелъ въ другую комнату, попросилъ стаканъ воды, и, глотнувъ изъ него съ наслажденіемъ, точно надо было затушить огонь, горѣвшій у него внутри, молодой человѣкъ почти безжизненно опустился на кресло. Въ комнатѣ не было никого, и машинально, не зная зачѣмъ, онъ провелъ нѣсколько разъ платкомъ по горячему лбу. Какая-то струна въ немъ будто лопнула,—онъ почувствовалъ это отчетливо. Но, вотъ, онъ случайно поднялъ голову и увидѣлъ стоявшую въ дверяхъ Вѣру.

— Вы здѣсь. Я васъ искала,—заговорила она торопливымъ шопотомъ.—И тѣмъ лучше, что вы одни.

Онъ поднялся-было съ мѣста, но она тотчасъ усадила его возлѣ себя.

— Чтò съ вами? На васъ лица нѣтъ?—спрашивала она его участливо.—Такъ взволновала васъ эта музыка?

— Это была не простая музыка, какъ вы ее понимаете,—съ блѣдной улыбкой на губахъ отвѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, я поняла. Мнѣ страшно даже стало, когда вы кончили. Въ вашей игрѣ было что-то, чего я никогда въ ней не слышала прежде. Это было точно разставаніе съ чѣмъ-то дорогимъ.

Ея глаза тоже, какъ и у него, широко и болѣзненно горѣли. Въ ней просыпалось что-то, невѣдомое до сихъ поръ и мучительное.

Молодой человѣкъ прямо не отвѣтилъ. Въ первый мигъ у него блеснули глаза и будто съ губъ что-то хотѣло сорваться. Но слова, просившіяся наружу, такъ и остались невысказанными.

— Сегодня только, Вѣра, я понялъ, чтò такое настоящая музыка. До сихъ поръ я передавалъ чужія мысли, передавалъ болѣе или менѣе вѣрно. Для этого одно нужно—вышколить свои пальцы. А того, чтò было сегодня, никакая школа не дастъ. Я игралъ будто отъ себя, и каждый аккордъ точно вырывалъ у меня частицу души. И вотъ почему я игралъ хорошо. Да, знаю, что хорошо. Только не въ нашей волѣ такъ играть. И не надолго меня хватило бы,—горько засмѣялся онъ,—кабы я дѣлалъ это каждый день.

— Вы больны, Красавинъ? Да?—Она схватила его руку.—У васъ лихорадка, должно быть. Поѣзжайте къ себѣ. И незачѣмъ вамъ прощаться ни съ кѣмъ. Поѣзжайте!

— Чтобы всю ночь промучиться безъ сна? Вы думаете, мнѣ хорошо, когда я одинъ? Сколько ужъ провелъ я такихъ ночей! Нѣтъ ужъ, коли судьба дала мнѣ нѣсколько минутъ остаться съ

вами, я лучше этимъ воспользуюсь. И кто знаетъ, увидимся ли мы еще? Вчера я заходилъ къ вамъ, и меня не приняли, хотя ваша мать была дома,—я это знаю.

— Даю вамъ слово, что мы увидимся.

Они оба поднялись съ мѣста и стояли теперь другъ передъ другомъ. Невольно онъ взялъ ее за руку.

— Но какъ, гдѣ, Вѣра? Случайно, какъ теперь вотъ? На нѣсколько мгновеній?

— Нѣтъ. Даю вамъ слово. Намъ такъ разстаться нельзя. Цѣлый годъ!.. Столько вѣдь лѣтъ мы знакомы, и все-таки столько у насъ осталось невысказаннаго.

И хоть слово „любовь" произнесено между ними не было, оно такъ ясно читалось въ лучистомъ блескѣ ея мягкихъ краснорѣчивыхъ глазъ. И Красавинъ это понялъ мигомъ. Глаза эти часто свѣтились ему и прежде, — дружбой, товарищескимъ сочувствіемъ, — но то, что было въ нихъ теперь, онъ видѣлъ въ первый разъ. И живая радость озарила его блѣдное лицо.

— Это не сонъ, Вѣра, не мечта?—шепталъ онъ, не помня себя отъ счастливаго волненія, и невольно онъ притянулъ къ своимъ губамъ ея маленькую ручку.

— Вы знаете, что неправды я не говорю никогда.

Шорохъ тяжелаго платья послышался въ дверяхъ.

— Вѣра, я тебя ищу. — Полная фигура Ольги Андреевны показалась на порогѣ.—Всѣ уѣзжаютъ, пора.—Она дѣлала видъ, что не видитъ Красавина. Ни на лицѣ ея, ни въ голосѣ ни малѣйшаго раздраженія не было замѣтно; но когда дверцы кареты захлопнулись и лошади тронули, она сказала дочери, и необыкновенно сухо прозвучали ея слова:

— Не знаю, про что ты говорила тамъ съ этимъ мальчишкой, но прошу, чтобы это было въ послѣдній разъ. Знай, во всякомъ случаѣ, что я его принимать не велю, еслибы онъ вздумалъ заходить прощаться.

Дочь не отвѣтила ни слова...

Нѣсколько дней спустя, часовъ въ десять утра—Красавинъ былъ занятъ укладкой вещей и потерялъ уже всякую надежду увидать молодую дѣвушку — громкій звонокъ вдругъ раздался у входныхъ дверей. Онъ вздрогнулъ и бросился отворять. Радостнымъ крикомъ онъ встрѣтилъ ту, которая, не смущаясь, переступила черезъ порогъ.

— Вы видите, я сдержала слово,—весело и звонко проговорила Вѣра, протягивая ему руку и поднимая вуаль.—Узнали, да, съ перваго мига? Или сперва было сомнѣніе?

Онъ не отвѣтилъ и, весь смущенный, провелъ ее черезъ крошечную переднюю въ бѣдно убранную комнату, внутренно стыдясь ея убогаго вида и царившаго въ ней безпорядка. Чемоданъ лежалъ открытымъ на полу, платье и бѣлье были разбросаны на стульяхъ, а небольшой письменный столъ весь покрывали изодранные листы газетъ. Тусклый свѣтъ невеселаго петербургскаго утра уныло и робко пробивался черезъ окна, выходившія на дворъ. Уныло глядѣли висѣвшія на стѣнѣ двѣ большія фотографіи—портреты покойныхъ родителей Красавина—единственное украшеніе комнаты. Раскрытое піанино съ нотной тетрадью на пюпитрѣ такъ и отдавало стариной и грустью, точно на его клавишахъ замеръ какой-то удивительно скорбный аккордъ. Красавинъ торопливо захлопнулъ дверь въ сосѣднюю каморку, гдѣ была его спальня. Онъ зналъ, что его бѣдность не тайна для нея, и все-таки онъ стыдился, что она застала его какъ-то врасплохъ, и бѣдность эта прямо теперь бьетъ ей въ глаза. А Вѣра и не примѣчала всего этого. Она думала объ одномъ—порадовать его наканунѣ отъѣзда надеждой на будущее, тѣмъ яркимъ лучомъ счастья, какой молодая дѣвушка принесла съ собой. Оно сіяло на ея разрумянившемся отъ вѣтра лицѣ, и посторонній, который увидалъ бы ихъ въ эту минуту, навѣрное пораженъ былъ бы контрастомъ между живымъ, веселымъ блескомъ ея глазъ и тяжелымъ выраженіемъ, такъ и не сходившимъ съ туманнаго лица молодого человѣка.

— Видите,—начала Вѣра,—слово свое я сдержала.

— Никто не догадывается?—перебилъ онъ ее.

— Никто, конечно. Я попросту вышла, какъ бы для прогулки, да и вамъ въ сущности не все ли равно?

— Однако, еслибы ваша мать узнала?

— Ну что-жъ!.. Коли узнаетъ, я съумѣю за себя постоять.— Она нетерпѣливо повела плечами.—Не будемъ же терять дорогого времени. Я здѣсь, чтобы проститься съ вами въ послѣдній разъ и сказать вамъ, какъ отъ полной души я вамъ желаю успѣха и счастья... Видите, я не эгоистка,—успѣха и счастья я вамъ желаю даже вдали... отъ насъ.

— Дорогая моя, добрая, хорошая!..—Онъ горячо цѣловалъ ея руки, одну за другой, не отрывая отъ нихъ свои засохшія, лихорадочныя губы.—Но вы знаете вѣдь, въ чемъ только и можетъ быть для меня счастье?

— И обѣщаю вамъ, что оно будетъ ваше,—она открыто и прямо взглянула на него,—для того вѣдь я и пришла. И никакія препятствія, никакія уговариванія мамаши не подѣйствуютъ.

— Такъ ли, Вѣра?—онъ не выпускалъ ея рукъ изъ своихъ, и странный блескъ, въ которомъ читались и сомнѣніе, и тревога, засверкалъ въ его зрачкахъ.

Невольнымъ движеніемъ она отдернула свою руку, и что-то почти гнѣвное было въ этомъ движеніи.

— Какъ!—воскликнула она:—не довольно того, что я пришла къ вамъ сюда? Это, въ вашихъ глазахъ, недостаточное доказательство?

Она привстала и оглянулась. Ей почти непріятно было въ эту минуту видѣть на его лицѣ очевидные признаки неловкаго смущенія. И будто теперь только она замѣтила, какъ бѣдно и уныло глядятъ эти пустыя стѣны, какой неряшливый безпорядокъ, свидѣтельство полнаго безучастія хозяина къ своему жилью, царитъ въ этой неприбранной комнатѣ. И невольно она сказала себѣ, что никакая бѣдность не заставила бы ее относиться такъ равнодушно къ своей обстановкѣ. Но, уже секунду спустя, она сама устыдилась этого мелькнувшаго въ ней чувства.

— Какъ видно, что у васъ здѣсь нѣтъ близкой, любящей руки, которая бы заботилась о васъ и о томъ, что̀ васъ окружаетъ. Но когда вы вернетесь и мы...—Она не договорила почему-то. Недосказанныя слова такъ и остановились на ея губахъ.

— Такъ это, стало быть, правда, Вѣра?—повторялъ онъ, снова принимаясь цѣловать ея руки. — Это—не мечта? Черезъ годъ... Черезъ два, можетъ быть?—добавилъ онъ, замѣтивъ на ея лицѣ что-то совсѣмъ уже иное, чѣмъ прежде, когда она вошла. Онъ и не догадывался, бѣдный, сколько бурныхъ, противорѣчивыхъ ощущеній смѣнилось въ ея сердцѣ за эти нѣсколько минутъ. Точно грозовыя тучи въ лѣтній день набѣгали они и разсѣивались какъ дымъ.

И вдругъ она посмотрѣла на часы и объявила, что ей пора. Еще одно пожатіе руки, горячее, но почти торопливое,—и они разстались. Красавинъ хотѣлъ-было ее прижать къ себѣ, осыпать поцѣлуями, но что-то его удержало.

Минутъ десять спустя, возвращаясь домой по озаренной солнцемъ улицѣ, Вѣра, такъ и не успѣвшая отчетливо понять, что̀ въ ней происходило, вдругъ увидѣла передъ собой шедшаго къ ней на встрѣчу князя Дмитрія Львовича. Поровнявшись съ ней, онъ не выразилъ на своемъ лицѣ ни тѣни удивленія, и поклонъ его бы́лъ еще почтительнѣе обыкновеннаго. Вѣра остановила князя, протягивая руку.

— У васъ, я вижу,—сказала она,—такіе же вкусы, какъ и у меня: вы любите утреннія прогулки.

— Люблю. Воздухъ какъ-то чище. Его не успѣли еще испортить люди. Вы мнѣ позволите васъ проводить до вашего дома, хотя это всего лишь нѣсколько шаговъ?

Это было сказано такъ просто, безъ всякаго заурядная ухаживанія, что Вѣра согласилась тотчасъ.

— Мнѣ только совѣстно,—проговорила она,—что вы, ради меня, сворачиваете съ своего пути.

— Мой путь—я буду съ вами вполнѣ откровеннымъ—попросту улица и воздухъ. Я не хочу, какъ видите, прикидываться занятымъ человѣкомъ.

— Какъ? у васъ развѣ совсѣмъ занятій нѣтъ? Одни только удовольствія?

— Для меня это одно и то же, Вѣра Алексѣевна. Я занимаюсь тѣмъ только, чтò мнѣ пріятно. А люди и не подозрѣваютъ, что, какъ скоро становишься свободнымъ, тогда только откидываешь все ненужное, условное. Оттого-то я и не служу—по крайней мѣрѣ, не служу какъ другіе. И въ свѣтѣ не бываю тоже.

— Развѣ не бываете? — Они дошли до подъѣзда, и Вѣра остановилась.

— Бываю рѣдко и не считаю своей обязанностью,—отвѣтилъ князь,—тамъ дежурить. Вижусь съ тѣми только, въ комъ есть для меня настоящій интересъ. Безразличіе знакомствъ — это то же, что чтеніе пустой, скучной книги. Вы со мною согласны?

Вѣра только разсмѣялась въ отвѣтъ и подала ему руку.

IV.

Ольга Андреевна тщетно слѣдила за дочерью, стараясь проникнуть въ ея внутренній міръ. Этотъ міръ оставался для нея замкнутымъ: его нàглухо прикрывала отъ зоркихъ глазъ матери непроницаемая, ровная веселость, изъ-за которой разглядѣть было нельзя, чтò творилось у нея на сердцѣ. На ея подвижномъ лицѣ тревоги не читалось никогда: на немъ быстро смѣнялись одни радужныя впечатлѣнія. Вся она напоминала одно изъ тѣхъ прозрачныхъ голубыхъ озеръ, куда глазъ проникаетъ свободно, но гдѣ все-таки не видно глубокаго дна. Въ день отъѣзда Красавина, Ольга Андреевна особенно сторожила, не выдастъ ли себя

какъ-нибудь дочь. Но ея черты, готовыя, казалось, откликнуться на каждое впечатлѣніе, говорили объ одномъ лишь—о полномъ спокойствіи неизмѣнно счастливаго нрава... „Не такъ ужъ, значитъ, была сильна ея привязанность къ молодому артисту",—говорила себѣ заботливая мамаша. Даже имени Красавина Вѣра не произнесла за эти дни. Одно только могло бы навести Ольгу Андреевну на кое-какія подозрѣнія: Вѣра неожиданно высказала вдругъ полное нежеланіе выѣзжать, хотя постъ приходилъ къ концу и къ нимъ сыпались со всѣхъ сторонъ приглашенія. Два-три раза всего молодая дѣвушка дала себя уговорить, и когда онѣ возвращались домой, на вопросъ матери, весело ли ей было, Вѣра равнодушно отвѣчала: „Какъ всегда... Все тѣ же люди и тѣ же разговоры".

Въ послѣдній разъ только, передъ самой Страстной, Ольга Андреевна замѣтила съ немалымъ удовольствіемъ, какъ молодая дѣвушка долго и оживленно разговаривала съ Борисоглѣбскимъ.

— Что̀, ты продолжаешь находить, что онъ тоже какъ всѣ? — спросила она у дочери, когда ихъ отвозила домой карета.

— Не совсѣмъ,—улыбаясь, отвѣтила Вѣра,—иначе бы я съ нимъ такъ долго вдвоемъ не просидѣла. Дмитрій Львовичъ имѣетъ въ моихъ глазахъ то неоцѣненное качество, что за мной, по крайней мѣрѣ, не ухаживаетъ.

Наступили праздники, начинали уже поговаривать объ отъѣздѣ. Пріемовъ почти не было. Зато Вѣра часто теперь проводила вечера у тетки. Ольгѣ Андреевнѣ это несовсѣмъ нравилось, но мѣшать этому она не рѣшалась. Разъ, когда дочь позднѣе обыкновеннаго вернулась домой отъ Софьи Андреевны, она неожиданно спросила у матери:

— Скажи, пожалуйста, какъ ты думаешь,—какихъ лѣтъ князь Дмитрій Львовичъ?

— Право, не знаю. А что, онъ тебѣ старикомъ кажется?

— Не то чтобы старикомъ,—улыбнулась Вѣра.—Онъ производитъ впечатлѣніе человѣка, какъ тебѣ сказать,—очень много путешествовавшаго по жизни. Люди, съ которыми онъ встрѣчался, для него то же, кажется, что̀ чужія мѣста: пока они новы, ими интересуешься, а потомъ они пріѣдаются. У него̀ такое спокойствіе чувствуется. На все онъ, будто, смотритъ съ улыбкой. Ни горечи, ни раздраженія... Сегодня я его даже потухшимъ вулканомъ назвала.

— Ахъ, ты его видѣла сегодня?

— Да. Онъ у тетушки часто сталъ бывать... И знаешь—

это странно—онъ одинаково кажется ровесникомъ и ей, и мнѣ. Вотъ отчего я и спросила про его возрастъ.

Сама Вѣра, несмотря на то, что ей только-что минуло двадцать, умомъ и сердцемъ казалась много старше своихъ лѣтъ. Отзывчивость на все и звонкая веселость были у нея только снаружи. Въ ея душѣ уже вѣяло спокойствіемъ, какое приносятъ съ собою только годы. И оттого это было такъ, что дома она чувствовала себя совсѣмъ чужой. Ни мелочные интересы матери, казавшіеся Ольгѣ Андреевнѣ такими несомнѣнно важными, ни безпорядочныя предпріятія отца, обыкновенно кончавшіяся неудачей, ни буйная жизнь брата, одного изъ тѣхъ славныхъ малыхъ, въ которыхъ славнаго ровно ничего нѣтъ,—нисколько не вызывали ея сочувствія. Она разъ навсегда замкнулась отъ семьи и жила въ ней своей обособленной жизнью. Но это духовное одиночество, эта невозможность созвучія съ окружающими часто, особенно за послѣднее время, ее тяготили, и что-то похожее на утомленіе въ ней сказывалось. Ей новаго захотѣлось, чего именно—она бы сама опредѣлить не съумѣла. И новое это вовсе не сливалось въ ея воображеніи съ ббразомъ далекаго Красавина.

Софья Андреевна, за послѣднее время, стала явно благоволить къ Борисоглѣбскому. Она будто недавно только открыла, что князь—человѣкъ не только умный, но и далеко не заурядный. Съ ней, впрочемъ, такія открытія часто случались. Она была очень перемѣнчива въ обращеніи съ людьми, то сближаясь съ ними безъ причины, то расходясь безъ повода. Причина, конечно, все-таки бывала, хотя, иной разъ, совсѣмъ неуловимая для нея самой. Очень зоркая по отношенію къ другимъ, она не умѣла и не любила тоже наблюдать за собой.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней Святой недѣли она сидѣла вдвоемъ съ княземъ въ своей небольшой гостиной, куда допускались только близкіе люди. Вся комната была убрана цвѣтущими розами; стоялъ уже апрѣль, необыкновенно теплый въ этомъ году, и окна были открыты настежь. Гостиная слабо освѣщалась лампой—Софья Андреевна не терпѣла электричества; она увѣряла, что электрическій свѣтъ на нее дѣйствуетъ почти какъ рѣзкое, грубое слово. Дмитрій Львовичъ сидѣлъ у нея съ полчаса уже и наговорилъ ей про себя много такого, въ чемъ обыкновенно признаются только очень близкимъ людямъ. Онъ любилъ, впрочемъ, иной разъ выворачивать себя наизнанку, находя, что откровенность едва ли не лучшее средство не давать чужимъ людямъ заглядывать въ душу слишкомъ глубоко и

дѣлать ненужныя догадки. И Софья Андреевна слушала съ большимъ интересомъ. „Я сужу объ умѣ людей,—повторяла она не разъ,—смотря по тому, какъ они исповѣдываются мнѣ: ничего нѣтъ скучнѣе исповѣди глупаго человѣка“.

— Стало быть, вы одинъ изъ немногихъ, — сказала она князю, когда онъ перешелъ на другую тему, очевидно истощивъ то, что̀ собирался ей повѣдать, — одинъ изъ немногихъ людей, совершенно довольныхъ жизнью. Это необыкновенно рѣдкое счастье и доказываетъ, что вы—очень умный человѣкъ.

— Это незаслуженная похвала. Быть довольнымъ своей жизнью, это, въ сущности, значитъ—ставить свои требованія невысоко.

— Нѣтъ, это попросту значитъ, — отвѣтила она, — соображать свои поступки съ тѣмъ, что̀ дѣйствительно нравится, а не такъ, какъ дѣлаютъ всѣ—съ тѣмъ, что̀ нравиться должно, потому что такъ принято. И источникъ всѣхъ жизненныхъ недоразумѣній—неспособность опредѣлить, чего намъ собственно хочется. Вы, кажется, никогда не справлялись съ прописной моралью, а потому вы и сохранили главное, что̀ съ насъ стираетъ общество людей—оригинальность.

— Что̀ же вы нашли во мнѣ оригинальнаго? То, что я дожилъ до своихъ лѣтъ, оставшись, неизвѣстно почему, холостякомъ?

— Нѣтъ, попросту то, что вы смотрите на людей безъ зависти и безъ злобы, что я отъ васъ никогда не слышала рѣзкаго осужденія кого-либо, и вы, какъ пчела, берете отъ каждаго тотъ медъ, какой въ немъ оказывается. А мимо остальныхъ вы проходите равнодушно...—И, не давъ ему возразить, она быстро продолжала ускореннымъ тономъ:—А что̀, скажите, вы такъ и намѣрены остаться весь вѣкъ холостякомъ?

— Chi lo sa? — успѣлъ онъ только отвѣтить; легкіе шаги послышались по паркету сосѣдней комнаты, откуда уже былъ убранъ коверъ, и свѣтлая, стройная фигура Вѣры показалась въ дверяхъ, сквозь которыя свѣтились полупрозрачныя сумерки петербургскаго весенняго вечера.

Вѣра нѣсколько удивилась, заставъ Борисоглѣбскаго у тетки. Она знала, или, вѣрнѣе, догадывалась, что Софья Андреевна не долюбливаетъ князя. И вдругъ такая интимность! Ужъ не стала ли тетка пособницей матери въ ея планахъ сосватать дочь за Дмитрія Львовича? Про эти планы Вѣра знала давно, какъ ни держала себя осторожно Ольга Андреевна. Князя она находила занимательнымъ собесѣдникомъ, но смотрѣть на него, какъ на

жениха, ей казалось чѣмъ-то совершенно невозможнымъ. При одной мысли объ этомъ въ ней что-то возмущалось. И поздоровалась она съ нимъ нѣсколько сухо. Князь тотчасъ замѣтилъ что-то непривычное въ настроеніи молодой дѣвушки, но держался съ нею такъ же свободно, какъ прежде, и понемногу исчезла строгая тѣнь съ ея лица. Она невольно вошла въ тонъ, какъ-то польщенная тѣмъ, что и Софья Андреевна, и князь говорили съ ней, какъ бы съ ровесницей, будто признавая ея полное право высказываться о всемъ такъ же самостоятельно, какъ они. Разговоръ у нихъ шелъ о томъ, какъ рѣдко, встрѣчаясь въ обществѣ, люди не прячутся за условныя ширмы, рѣшаясь попросту выражать то, что̀ думаютъ, и дать случай другимъ узнать ихъ поближе.

— Мы вѣчно рядимся въ маскарадный костюмъ,—сказалъ князь,—и даже не умѣемъ его выбирать удачно.

— Оттого и скучно такъ въ свѣтѣ,—бойко заявила Вѣра.

— Ты успѣла ужъ это замѣтить?—улыбнулась Софья Андреевна.—Или, можетъ быть, это у тебя тоже маскарадный костюмъ,—принимать видъ серьезной не по лѣтамъ барышни?

— Тетя, дайте мнѣ чаю!—попросила Вѣра, даже не дрогнувъ бровью.

— Не только скучно въ свѣтѣ, Вѣра Алексѣевна,—ввернулъ Борисоглѣбскій,—но и опасно порой. Узнать людей трудно, гдѣ всѣ такъ привыкли къ шаблонному языку и къ оффиціальному образу мыслей, что теряешь даже способность отличать среди этого однообразія тѣхъ, у кого есть что-нибудь въ головѣ. И вотъ отчего такъ много неожиданныхъ сюрпризовъ послѣ... Ну, вы меня понимаете. И вотъ что̀ странно: для умныхъ людей это ряженье прямо невыгодно, а они его тоже придерживаются.

— Умъ, я думаю, разглядѣть не трудно,—принимаясь за чай, возразила молодая дѣвушка,—никакая маска его не скроетъ. Только не въ одномъ умѣ дѣло.

— Здѣсь то же, что въ путешествіи, мой дружокъ,—сказала Софья Андреевна.—По дорогѣ еще не довольно проѣзжать по красивымъ мѣстамъ. Вѣчно глядѣть въ окно надоѣстъ. Надо еще...

— Удачно попасть,—перебила ее племянница,—на такого спутника, съ которымъ было бы не скучно? Это вы хотите сказать?

И Вѣра засмѣялась, качнувъ головой.

— Нѣтъ, мой другъ. Еще важнѣе, чтобы вагонъ былъ удобенъ и вамъ бы не мѣшали, пока вы сами не захотите. Я вотъ

почти всю жизнь провела одна, и не могу сказать, чтобы проскучала.

— Вы находите, тетя,—и говоря это, молодая дѣвушка откинулась назадъ на своемъ низкомъ креслѣ,—что отъ насъ самихъ прежде всего зависитъ устроиться какъ нужно, и въ любомъ домѣ, пожалуй, мебель важнѣе тѣхъ, кто на нее садится.

— Можетъ быть...

Вѣра, сама того не примѣчая, будто щеголяла передъ княземъ и теткой полнымъ отсутствіемъ робости въ мысляхъ. Она думала, что этимъ отобьетъ у Борисоглѣбскаго самое намѣреніе выступить въ роли жениха. А можетъ быть на самомъ дѣлѣ у нея подъ этимъ желаніемъ таилось другое—понравиться князю смѣлостью, иной разъ почти граничащей съ нѣкоторымъ цинизмомъ.

Такъ далеко за полночь длилась ихъ бесѣда, скользящая и увёртливая, вся сотканная изъ недосказанныхъ мыслей, какъ причудливые недорисованные узоры въ современномъ вкусѣ. Городъ затихалъ. Гдѣ-то вдалекѣ только слышался гулъ послѣднихъ экипажей; блѣдная сѣверная ночь широко вливалась въ открытыя окна: сильнѣе чувствовалось мягкое благоуханіе розъ. И у всѣхъ трехъ собесѣдниковъ—у пожилой, много испытавшей женщины, какъ у неизвѣдавшей еще жизни молодой дѣвушки и у вышколеннаго лучшимъ изъ учителей—горькимъ опытомъ—князя — пробуждалось то особое полуболѣзненное оживленіе, какое приноситъ съ собою дыханіе ночи, сливая образы въ одну смутную картину и позволяя уму перескакивать черезъ всѣ преграды обыденной логики. Особенно хорошо бываетъ людямъ, когда ихъ охватываетъ это легкое опьяненіе, совсѣмъ незамѣтное, и, сами того не чувствуя, они переносятся въ какой-то особый, загадочный міръ, гдѣ нѣтъ больше ни пространства, ни времени, ни разума, ни правды, а есть только неуловимое ощущеніе таинственной близости самыхъ противоположныхъ понятій и самыхъ разнородныхъ натуръ.

Молодой дѣвушкѣ Борисоглѣбскій совсѣмъ пересталъ казаться опаснымъ въ качествѣ возможнаго жениха. „Полно,—говорила она себѣ,—развѣ этотъ ко всему равнодушный человѣкъ, равнодушный до мягкости, до всепрощенія, можетъ думать о женитьбѣ?.. Мнѣ только пригрезилось“. Ей какое-то странное удовольствіе доставляло удивлять этого испытаннаго человѣка своимъ пониманіемъ его холоднаго ума, возможностью для нея, двадцатилѣтней дѣвушки, говорить, какъ съ равнымъ, съ этимъ почти старымъ человѣкомъ. Оттого-то она и спросила у матери, вернувшись домой, сколько Борисоглѣбскому лѣтъ. И прости-

лась она съ нимъ, уѣзжая отъ тетки, совсѣмъ ужъ не такъ, какъ встрѣтилась.

V.

Вѣра сидѣла у себя въ комнатѣ и читала только-что полученное изъ-за границы письмо.

Когда, за часъ передъ тѣмъ, ей подали это письмо за завтракомъ, она только взглянула на конвертъ и положила его въ карманъ, не читая. Мать посмотрѣла на нее пристально, но не сказала ничего. И вотъ она теперь одна и можетъ узнать, что̀ пишетъ Красавинъ изъ Вѣны, гдѣ онъ провелъ все это время. Пальцы у нея слегка дрожатъ, пока она пробѣгаетъ эти набросанныя мелкимъ почеркомъ строки, въ которыхъ ей что-то тягостное, жалкое, почти болѣзненное чудится.

„Вотъ ужъ почти два мѣсяца, какъ я уѣхалъ,—говорилъ между прочимъ молодой человѣкъ, — и всего только второе письмо отъ васъ, пришедшее вчера. И что̀ за короткое письмо, Вѣра? Какъ въ немъ мало я узнаю про то, что̀ вы дѣлаете, чувствуете. Какъ будто вы прячетесь за что̀-то. Или разлука сама собой воздвигнула между нами какую-то стѣну, за которой васъ и не видно"...

И цѣлыхъ двѣ страницы такихъ упрековъ, кроткихъ, правда, какъ будто немножко вычурныхъ, почти витіеватыхъ. Она сразу это почувствовала. И больно ей стало не только за то, что она по настоящему заслуживала эти упреки, но и отъ того, что въ нихъ она видѣла что-то натянутое, взвинченное. И дорогой о̀бразъ молодого піаниста, вмѣсто того, чтобы приблизиться къ ней, отошелъ еще какъ будто дальше, окутался какимъ-то туманнымъ сумракомъ. И двѣ слезинки медленно, скорбно катились по ея поблѣднѣвшимъ щекамъ. А для нея, жизнерадостной Вѣры, эти горькія капельки—рѣдкость большая. Она продолжала читать, и все больнѣе сжималось у нея сердце. Красавинъ говорилъ про свои виды на будущее, разсказывалъ, какъ онъ устроился въ своей маленькой квартиркѣ въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ и дешевыхъ предмѣстій Вѣны, какъ участвовалъ въ двухъ концертахъ и напечатаны были въ газетахъ два похвальныхъ отзыва о его игрѣ. И какіе славные люди эти вѣнцы. Нѣтъ никакой вражды къ чужому, къ пришельцу, даромъ что среди тамошнихъ артистовъ столько евреевъ. Его приняли, приласкали въ музыкальномъ мірѣ какъ нельзя лучше. И онъ уже начинаетъ зарабатывать понемногу...

„Ахъ,—думалось ей,—какъ во всемъ этомъ не перестаетъ звучать какая-то робкая, пугливая нотка, какъ все это мелочно— и успѣхи эти, и надежды, будто онъ весь съёживается, думая о будущемъ... А у него талантъ, настоящій талантъ... Ей показалось вдругъ, что слишкомъ холодно въ этотъ апрѣльскій день, несмотря на то, что солнце такъ весело сверкаетъ по крышамъ.

Мягкіе, скользящіе шаги послышались за дверью. Она узнала ихъ тотчасъ. Это была походка ея отца, пріѣхавшаго наканунѣ. Въ дверяхъ показалась красивая, несмотря на сѣдѣвшую бороду, высокая, всегда изящная, хоть и сгорбленная чуть-чуть фигура Алексѣя Евгеніевича Полынцева, съ лица котораго глубокія морщины и въ углахъ рта, и около вѣкъ не согнали все еще таившагося молодого огонька. Усы были тщательно сбриты, отборными духами несло отъ бѣлья, выхоленныя руки съ длинными, будто отполированными ногтями небрежно были засунуты въ карманы жакетки. Алексѣй Евгеніевичъ молодился, какъ всѣ старые любезники, и эта черта неутомимаго кокетника, которую такъ ненавидѣла дочь, сквозила даже въ его обращеніи съ нею. Онъ всегда будто извинялся и ухаживалъ, втайнѣ чувствуя себя, быть можетъ, передъ семьей виноватымъ.

— Ты никуда не собираешься сегодня, Вѣра? А то погода такая чудесная... Коли хочешь, какъ я вернусь оттуда,—Алексѣй Евгеніевичъ въ этотъ день собирался побывать въ правленіи общества желѣзопромышленнаго кредита,—мы съ тобой съѣздимъ на Острова, поглядѣть, какъ первая травка пробивается. И отобѣдаемъ вдвоемъ на берегу у Фелисьена—en partie fine—хочешь?

Вѣрѣ совсѣмъ не хотѣлось. Ей необыкновенно претили въ отцѣ эти закоренѣлыя привычки элегантнаго балагура, въ которомъ такъ странно перемѣшивались теперь новыя повадки дѣлового человѣка, привычнаго посѣтителя акціонерныхъ обществъ и биржевыхъ собраній. Эта смѣсь галантности сѣдого ловеласа и мнимой практичности поддѣльнаго денежнаго туза ей была попросту ненавистна. Но она не высказала настоящей причины отказа.

— Ты забываешь,—отвѣтила она,—что у насъ сегодня, кажется, гости—князь Дмитрій Львовичъ, тетушка...

При послѣднемъ имени Алексѣй Евгеніевичъ поморщился. Онъ свояченицы терпѣть не могъ, хорошо зная ея нелестное мнѣніе о немъ.

— Ахъ, да, князь!—сказалъ онъ сквозь зубы съ оттѣнкомъ лѣни:—это конечно. А прокатиться мы все-таки можемъ, не правда ли?—Онъ высморкался,—и даже въ этомъ движеніи было

у него что-то необыкновенно элегантное,—распространяя крѣпкій запахъ духовъ, которымъ былъ пропитанъ его батистовый платокъ.

— Очень скучно все это съ Мишей,—сказалъ онъ, усаживаясь и принимаясь глядѣть на свои ногти.—Неужто никто, ни жена, ни ты, на него вліянія не имѣете?—Онъ вздохнулъ, протягивая впередъ длинныя ноги.—Странно это, право. Старательно воспитывали единственнаго сына, прививались къ нему всѣ, такъ сказать, принципы, и вотъ... Хорошъ онъ собой, правда, ловокъ—bien tourné... Но выйдетъ ли когда-нибудь изъ него прокъ?!.. И въ кого онъ это, право, въ кого?.. Сегодня опять денегъ просилъ.

Вѣра только быстро вскинула на отца глазами и не отвѣтила, слегка понуривъ голову. Она давно привыкла къ этому закоренѣлому семейному горю, къ безобразнымъ кутежамъ ея брата Миши и къ цѣлому ряду денежныхъ исторій, иной разъ прямо сомнительнаго свойства. Она не то, чтобы не любила брата, нѣтъ—она бы многое—не все, конечно, не всю себя,—но многое отдала бы, если бы этимъ можно было его исправить. Ей жутко становилось въ этой семейной обстановкѣ, гдѣ все съ виду такъ прилично, но стòитъ чуть-чуть натянуться какой-нибудь струнѣ—и все можетъ лопнуть, и обнаружится тогда передъ всѣми некрасивая подкладка ихъ жизни, гдѣ многое прячутъ въ полутѣни, будто потертую, изношенную мебель, на которой скрыть надо пятна и дырья. Претило ей до тошноты это вѣчное неустойчивое равновѣсіе, гдѣ они точно балансируютъ между барствомъ и мѣщанствомъ, гдѣ ихъ два раза чуть не согнали за неплатежъ съ пятитысячной квартиры, а прислугѣ иной разъ не выдаютъ жалованья за многіе мѣсяцы... И въ сущности отецъ вѣдь не многимъ лучше брата, хоть онъ и спрашиваетъ съ недоумѣніемъ, въ кого тотъ вышелъ.

Сперва гвардейскій офицеръ, покинувшій полкъ изъ-за долговъ, потомъ уѣздный предводитель и ревностный, хоть и неудачный хозяинъ, Алексѣй Евгеніевичъ тщетно старался гдѣ-нибудь пристроиться на хлѣбномъ мѣстѣ. Онъ добился лишь камергерскаго ключа и права титуловаться превосходительствомъ, наравнѣ съ безчисленными иными сорокалѣтними мужчинами. За послѣдніе годы его, впрочемъ, стали приглашать въ различныя совѣщанія, гдѣ бываютъ такъ называемые „свѣдущіе люди“. Тамъ всѣ привыкли къ его изящной рослой фигурѣ, къ его красивому, хоть и надорванному баритону. Говорилъ онъ неглупо, иногда даже хорошо и всегда въ легкомъ оппозиціонномъ духѣ. Словомъ, это былъ мѣстный дѣятель въ полномъ смыслѣ,

очень замѣтный и несомнѣнно декоративный, хоть и дѣлалъ онъ большей частью одни промахи, въ томъ числѣ и на биржѣ. А въ результатѣ—крутая задолженность и два, три совсѣмъ непріятныхъ пассажа, гдѣ онъ едва-едва ускользнулъ отъ скамьи подсудимыхъ. Да и что̀ ему было дѣлать, наконецъ, коли такъ упорно не дается ему казенное жалованье? Нѣсколько учредительскихъ паевъ, выданныхъ безвозмездно за обѣщаніе какого-то содѣйствія, привычка въ качествѣ члена ревизіонной коммиссіи подписывать, не читая,—развѣ всему этому не сотни примѣровъ?

И продолжая любоваться своими ногтями, Алексѣй Евгеніевичъ все это припоминалъ, обмѣниваясь съ дочерью замѣчаніями о семейныхъ неустройствахъ и о необходимости кое-что обновить на будущій годъ въ квартирѣ.

— Деньги будутъ. Я знаю,—говорилъ онъ.—Новая паровая маслобойка—я взялся поставить въ Данцигъ пятьдесятъ тысячъ пудовъ жмыхъ,—и будутъ къ осени готовы цѣлыхъ шесть отличныхъ жеребчиковъ-четырехлѣтокъ...

Онъ въ сущности не зналъ хорошенько, зачѣмъ зашелъ къ дочери. Была въ немъ будто тайная потребность пріосаниться и оправдаться. А Вѣра думала про себя, что одно изъ двухъ—либо честная бѣдность и упорный трудъ, какъ у такихъ людей, какъ ея другъ дѣтства Красавинъ,—„а впрочемъ,—мелькнуло у нея въ головѣ,—упорный ли онъ на самомъ дѣлѣ труженикъ", —или размашистая, полная роскошь, какъ у князя Дмитрія Львовича! У князя вѣдь тоже долги, но онъ смотритъ на нихъ какъ-то снисходительно улыбаясь, и никогда еще мизерныя соображенія затаенной бережливости не становились ему поперекъ дороги. Она вспомнила вдругъ свой вчерашній разговоръ съ нимъ, когда онъ заѣзжалъ прощаться, собираясь въ деревню, и Ольга Андреевна его пригласила на сегодня. Съ легкимъ пожиманіемъ плечъ онъ отвѣтилъ на мудреный финансовый проектъ отца, давая понять, что онъ надъ такими пустяками не задумывается. И когда онъ замѣтилъ, что Миша съ такой льстивой юркостью вокругъ него вертится, съ очевиднымъ намѣреніемъ къ нему подласкаться съ просьбой о займѣ, — онъ любезно и ловко отпарировалъ готовившійся ударъ, вышутивъ денежныя затрудненія молодого человѣка и давъ ему вдобавокъ нѣсколько спасительныхъ совѣтовъ. А когда отецъ заговорилъ при немъ о своей новой маслобойкѣ, то сейчасъ видно было изъ небрежнаго отвѣта князя, что онъ въ этомъ понимаетъ толкъ, гораздо даже больше Алексѣя Евгеніевича. И все это ему не мѣшало съ полной свободой увѣреннаго въ себѣ человѣка, въ разговорѣ съ Вѣрой, легко

переходить отъ этихъ скучныхъ матерій къ тому, что̀ въ ея глазахъ было несомнѣнно главнымъ — къ интересовавшимъ ее и только ее въ этомъ домѣ—вопросамъ живописи и музыки. Онъ и не думалъ скрывать, что она ему нравится, но дѣлалъ это такъ ненавязчиво, такъ просто.

Нравственныя качества Ольги Андреевны Полынцевой были не особенно высокаго свойства. Но одно за ней было несомнѣнно—умѣнье безукоризненно принимать. Затаенныя ея чувства къ людямъ, тѣ чувства, которыя обыкновенно такъ стараются не выказывать, ей хранить про себя не стоило никакихъ усилій. Притворство не оставляло на ея лицѣ ни малѣйшаго слѣда. И въ этотъ день, когда пріѣхали къ обѣду ея сестра, князь Дмитрій Львовичъ и еще одинъ молодой человѣкъ, товарищъ Миши, приглашенный на исполненіе роли статиста, какую неизбѣжно кто-нибудь играетъ въ домѣ, гдѣ есть взрослая дочь,—можно было подумать, глядя на Ольгу Андреевну, что созвала она своихъ гостей въ самомъ дѣлѣ за̀просто, изъ-за одного удовольствія съ ними непринужденно побесѣдовать. А между тѣмъ со всѣми людьми, сидѣвшими за столомъ, имѣлись у нея самыя сложныя и запутанныя отношенія. Сестры она не любила, хотя въ ней явно заискивала. Мужа она втайнѣ презирала, давно позабывъ о кратковременномъ угарѣ знойныхъ радостей, какими подарилъ онъ ее на первыхъ порахъ ея замужества. Въ любимцѣ-сынѣ она видѣла источникъ неиссякаемаго горя и рѣшительно не знала, кого винить за неудачное воспитаніе красиваго мальчика,—Провидѣніе, которому она усердно молилась, плохо въ него вѣря, мужа, такъ безпечно дававшаго развиваться порочнымъ инстинктамъ Миши,—или вѣчнаго козла отпущенія всѣхъ растерявшихся маменекъ—обстоятельства. Себя она винила, конечно, всего менѣе. Къ дочери Ольга Андреевна была очень привязана и чистосердечно желала устроить ея счастье, но счастье это хотѣла обезпечить непремѣнно по-своему. И втайнѣ она немножко побаивалась своей открытой, но все-таки непроницаемой Вѣры. Князя она давно ей намѣтила въ женихи, хоть и знала, что надо будетъ изъ-за этого выдержать трудную борьбу съ дочерью. Она даже нарочно пригласила сегодня юнаго товарища сына, находившагося въ состояніи хроническаго восхищенія передъ Вѣрой. Молодой человѣкъ долженъ былъ, самъ того не зная, своимъ присутствіемъ подогрѣвать намѣренія князя. И все это продѣлывалось съ самымъ непринужденнымъ видомъ, какъ будто тутъ за столомъ въ самомъ дѣлѣ одни близкіе, которымъ она искренно рада, и сложный разговоръ съ княземъ о

современномъ настроенія ее въ самомъ дѣлѣ глубоко интересовалъ. Она удачно давала реплики и Борисоглѣбскому, и сестрѣ, самымъ добродушнымъ образомъ отвѣчая на ядовитые сарказмы Софьи Андреевны и на легкія, беззаботныя замѣчанія князя. А на душѣ у нея мучительно шевелился вопросъ, какъ довести князя до рѣшительнаго шага, а дочь заставить позабыть про ея любовь къ этому нищему проходимцу Красавину?

— Совсѣмъ не понимаю, — весело смѣялся князь,—отчего мы такъ охотно жалуемся на наше время? Чѣмъ мы хуже стали, помилуйте? Мы все готовы простить, позабываемъ зло, какъ нельзя легче...

— И добро тоже,—вставила Софья Андреевна.

— Мы почти разучились мстить,—продолжалъ князь.—Сама дамская благотворительность насъ не утомляетъ.

— Другими словами,—опять замѣтила Софья Андреевна,—мы никого и ничего не любимъ.

— Ну, ужъ на этотъ счетъ вы извините,—отвѣтилъ князь, и въ быстромъ взглядѣ его черныхъ глазъ такая молнія блеснула, что всякая охота его вышучивать прошла у г-жи Шаманской. И тутъ же, обратившись къ молодой дѣвушкѣ, онъ продолжалъ:

— Не знаю, какъ вы на этотъ счетъ, а я такъ очень цѣню въ людяхъ способность отзываться сочувственно на чужую мысль, на чужіе вкусы, готовность ко всему относиться доброжелательно. Положимъ, геройства въ этомъ большого нѣтъ, но когда пора подвиговъ миновала... Хорошо и то, что, не принося жертвъ, мы готовы оказывать одолженіе.

— Такъ это христіанство по гомеопатическому рецепту,—хихикнула Софья Андреевна, медленно обмахиваясь.

— Да нѣтъ, повѣрьте мнѣ,—настаивалъ Дмитрій Львовичъ,—насъ на всѣхъ не хватитъ,—нельзя каждому отдавать себя цѣликомъ.

— Да развѣ въ наше время кому-нибудь цѣликомъ отдаются?

И опять насмѣшливымъ словамъ Софьи Андреевны отвѣтилъ глубокій, на этотъ разъ безмолвный взглядъ князя. И откинувшись назадъ на стулѣ, она добавила:

— А впрочемъ, кто васъ знаетъ? Вы, можетъ быть, и на это способны?

Вечеръ былъ такъ хорошъ, что послѣ обѣда можно было выйти на балконъ. Полынцевы жили на набережной. И вся блестящая въ низкихъ лучахъ солнца Нева широко сверкала, ровно, незамѣтно катя синія воды. Ольга Андреевна зорко слѣдила за

всѣмъ, что̀ полускрывалось въ небрежныхъ, порой недосказанныхъ словахъ, какими обмѣнивались ея гости, и всякій разъ, что надо было дать толчокъ разговору, ловко вставляла какое-нибудь съ виду незначительное замѣчаніе. Она была довольна своимъ обѣдомъ. Князь, едва выпили кофе, поднялся съ мѣста и подошелъ къ Вѣрѣ, стоявшей въ углу балкона; и завязался у нихъ урывками скользящій разговоръ, одинъ изъ тѣхъ, въ которыхъ трудно уловить, говорятъ ли въ самомъ дѣлѣ только, чтобы перекидываться вскользь оброненными словами, или за этой кажущейся небрежностью кроется что-то иное, болѣе глубокое. Да, Вѣра сегодня какъ-то охотнѣе прежняго слушаетъ князя, и какая-то странная, загадочная улыбка то-и-дѣло играетъ на ея розовыхъ губахъ. Но съ бровей ея все-таки не сходитъ это задумчивое, почти скорбное выраженіе, которое мать примѣтила еще съ утра. Должно быть, это письмо, пришедшее отъ Красавина...

— Вы какъ будто немного грустны сегодня, Вѣра Алексѣевна?—съ участіемъ, немного наклоняясь къ ней,—говорилъ между тѣмъ Борисоглѣбскій. — Я давно это примѣтилъ, только, разумѣется, не хотѣлъ этого сказать при всѣхъ...

Она не отвѣтила и немного только опустила голову.

— Вы, надѣюсь, не сердитесь за мою откровенность? Не могу отъучиться отъ привычки отгадывать. И за столомъ я не разъ твердилъ себѣ, что, можетъ быть, весь этотъ нелѣпый нашъ разговоръ...

— Мнѣ не по сердцу?—прямо взглянула на него молодая дѣвушка своимъ открытымъ взглядомъ.—Полноте. Такой разговоръ попросту отдыхъ, и это очень полезно.—И Вѣра уже совсѣмъ откровенно улыбалась. А увидавъ, что онъ слегка покачалъ головой, она продолжала:—Нѣтъ, я говорю совершенную правду. Я вѣдь не изъ тѣхъ, кто любитъ грустить ради самой грусти. И тому, кто съумѣетъ меня развлечь, я очень благодарна.

Тутъ Алексѣй Евгеніевичъ подошелъ къ князю, предлагая ему сигару.

— Попробуйте, у меня отличныя.

Но князь объявилъ, что не куритъ никогда, по крайней мѣрѣ въ обществѣ.

Сигара была только предлогомъ для Полынцева втянуть князя въ разговоръ о дѣлахъ. Хорошо, конечно, будетъ, коли Борисоглѣбскій женится на Вѣрѣ, но въ это Полынцеву вѣрилось плохо. А пока не мѣшало попробовать впутать князя въ крупное дѣло, затѣянное Алексѣемъ Евгеніевичемъ—поставку жмыхъ за гра-

ницу. Вѣдь имѣнье князя „Глухово“ не такъ ужъ далеко отъ Полынцевскаго „Раменья“. Князь слушалъ сочувственно и, къ удивленію Полынцева, сдѣлалъ ему нѣсколько очень дѣльныхъ замѣчаній. Борисоглѣбскій очевидно былъ знакомъ съ вопросомъ. Но отъ участія въ дѣлѣ онъ вѣжливо отказался; зато предложеніе Ольги Андреевны пріѣхать къ нимъ погостить въ имѣніе онъ принялъ съ полнымъ радушіемъ.

— Такъ вы на лоно природы,—сказала Софья Андреевна, когда Борисоглѣбскій сталъ прощаться. — Да развѣ вы понимаете, что̀ такое природа?

— Это единственная особа женскаго пола,—отвѣтилъ князь, —которая не требуетъ, чтобы ее понимали. Оттого-то всѣ такъ ее и любятъ.

VI.

Князь Дмитрій Львовичъ сдержалъ слово и подъ самый конецъ іюля пріѣхалъ погостить въ „Раменье“. Вѣра хорошенько не знала, рада ли его видѣть. Она такъ сжилась съ деревенскимъ затишьемъ, съ долгими, одинокими прогулками, съ ровнымъ теченіемъ времени,—которое тоже будто еле-еле двигалось, какъ вѣтви деревьевъ въ лѣсу, которыя лѣниво качаетъ лѣтній вѣтерокъ. Она тотчасъ вышла къ князю, узнавъ о его пріѣздѣ, даже и не переодѣвшись, и просто, совсѣмъ по-дружески ему протянула руку. А все-таки на душѣ у нея тревожная мысль шевелилась—не нарушитъ ли Борисоглѣбскій тотъ мирный покой, съ которымъ она свыклась? Ей былъ нуженъ этотъ миръ, ей нравилось это молчаніе жизни, помогавшее наединѣ съ собой разгадать хорошенько ея настоящее чувство къ Красавину. Что-то подсказывало ей, что это чувство уже не прежнее. Но она не хотѣла отдаваться этому ощущенію, и каждый разъ, что приходило изъ-за границы новое письмо, оно опять пробуждало застывшій-было тревожный вопросъ, на который такъ и не удавалось найти отвѣтъ.

Но когда, три дня спустя, князь уѣхалъ—Борисоглѣбскій засиживаться не любилъ,—Вѣра неожиданно почувствовала вокругъ себя какую-то тяжесть пустоты. Она поняла, что̀ это значило, хоть и не хотѣла себѣ въ этомъ признаться. И долго она припоминала свои прогулки съ нимъ, и звучалъ въ ея ушахъ его всегда ровный голосъ, въ которомъ даже насмѣшки не слышалось,—а развѣ одинъ только опытъ, иногда такъ похожій на насмѣшку. Было пріятно съ нимъ разговаривать, потому что

онъ всегда попадалъ въ тонъ. Она чувствовала, что будто онъ ей аккомпанируетъ все время и никогда не ошибется. И со всѣми въ домѣ, даже съ пріѣхавшимъ случайно сосѣднимъ помѣщикомъ, такимъ неотшлифованнымъ, онъ держался вѣрной интонаціи. Алексѣя Евгеніевича онъ слушалъ внимательно, когда тотъ пускался въ свои дѣловые разговоры, нерѣдко пересыпая ихъ крупною солью довольно-таки скабрёзныхъ анекдотовъ. Ольга Андреевна была отъ князя, разумѣется, въ восторгѣ. Да и было отъ чего. Не ограничиваясь своей выигрышной ролью цѣнимаго жениха, князь занималъ хозяйку дома самымъ старательнымъ образомъ. Разъ вечеромъ онъ даже прочелъ вслухъ изящную французскую вещицу изъ только-что пришедшей книжки парижскаго журнала. И среди тишины лѣтней звѣздной ночи—они всѣ сидѣли на террасѣ и ни одинъ листъ въ саду не шевелился, точно и деревья прислушивались къ чтенію—богатый интонаціями, гибкій баритонъ князя звучалъ такой мягкой, вышколенной гармоніей. Онъ читалъ умно, этого нельзя было отрицать. Однажды только произошелъ маленькій случай, чуть-чуть нарушившій пріятное теченіе этихъ немногихъ дней. Думая, что вблизи нѣтъ никого, Вѣра усѣлась-было за рояль въ большой полутемной залѣ: всѣ прочіе ушли-было въ садъ. И молодая дѣвушка, невольно что-то вспоминая, взяла первые аккорды Шопеновскаго полонеза, исполненнаго такъ хорошо Красавинымъ на музыкальномъ вечерѣ у ея тетки. Вѣра играла недурно, хотя безъ особаго блеска. Вдругъ она услыхала чьи-то осторожные шаги и остановилась.

— Продолжайте, пожалуйста!—сталъ упрашивать ее подошедшій князь.—Это andante—такая чудная вещь.

— Да, но я плохая исполнительница, — попробовала она отговориться.

— И все-таки, — наклоняясь къ ней, настаивалъ Борисоглѣбскій,—я не Шопена хочу слышать, а именно только васъ. Мнѣ такъ хочется узнать, какъ вы это передадите. На это у меня, я думаю, хватитъ музыкальнаго пониманія.

Вѣра попробовала продолжать, но вдругъ, подъ самый конецъ andante, волна ѣдкихъ воспоминаній на нее нахлынула. Изъ ея собственной игры звучали какъ-то издали другія ноты, когда-то ею слышанныя, звучали такъ скорбно, съ такимъ укоромъ... Пальцы ея дрогнули, соскользнули съ клавишей, а въ глазахъ показались слезы.

— Вотъ этого я не ожидалъ!—дрогнувшимъ голосомъ произнесъ князь.

— Извините меня, извините. Понимаю... И еслибы я могъ знать напередъ, повѣрьте...

— Понимаете? да? — осушивъ слезы, сказала Вѣра чуть слышно и поднялась со стула.

Они стояли другъ противъ друга и промолчали съ минуту. Подыскать вѣрное, подходящее слово нелегко было даже Борисоглѣбскому. Но, должно быть, то, что̀ прочли они оба въ долгомъ, пристальномъ взглядѣ, которымъ они обмѣнялись, не испугало ни князя, ни Вѣры.

— Мнѣ сдается, — тихо проговорилъ онъ, наконецъ,—что вы плакали сейчасъ-вотъ... надъ призракомъ.

— Ахъ, призраки всегда смотрятъ такими печальными!— было ея отвѣтомъ.

И когда Борисоглѣбскій уѣхалъ, ей въ самомъ дѣлѣ показалось, что домъ опустѣлъ. Ольга Андреевна потирала себѣ руки, замѣчая это, и была неистощима на выдумки, чтобы развеселить дочь. Но ей это не удавалось. Поѣздки къ сосѣдямъ, праздникъ съ иллюминаціей, устроенный въ „Раменьѣ“, даже ѣзда верхомъ по окрестнымъ полямъ—Вѣра была наѣздница прекрасная —казались молодой дѣвушкѣ скучными. И вотъ пришло неожиданно отъ Софьи Андреевны приглашеніе — съ ней поѣхать на осень за границу. Вѣра тотчасъ согласилась, и Ольга Андреевна ее не удерживала.

Наступила уже вторая половина августа, когда онѣ уѣхали. Во время путешествія Вѣрѣ все казалось, будто Софья Андреевна ее какъ-то высматриваетъ. Что-то особенно зорко-пытливое ей всегда чудилось въ умныхъ глазахъ тетки. И оттого молодая дѣвушка держалась какъ-то на сторо̀жѣ. Софья Андреевна намѣренно все наводила разговоръ на Красавина.

— Гдѣ онъ теперь?—спрашивала она:—ты не знаешь?

Вѣра только качала головой. Ей не хотѣлось посвящать тетку въ тайну своей переписки съ молодымъ піанистомъ.

— Что жъ! Нечего дѣлать!—какъ бы про себя сказала Софья Андреевна.—Надо случаю довѣриться. Можетъ быть, и встрѣтимся гдѣ-нибудь?

Ей страннымъ казалось, что Вѣра стала такой молчаливой на этотъ счетъ. Прежде она и не думала скрываться, не прятала ни отъ кого своей дружбы съ Красавинымъ, а теперь вотъ... Откровеннаго слова отъ нея не добьешься. Что̀ это могло значить? Не превратилась ли полудѣтская дружба въ настоящее глубокое чувство? Но Софья Андреевна въ это плохо вѣрила сама. Она почти догадывалась, что молодая дѣвушка скрываетъ

отъ нея, да, можетъ, быть и отъ себя тоже, не вспыхнувшую въ ней привязанность къ молодому человѣку, а какъ разъ наоборотъ—измѣну этой привязанности. Вѣра стыдилась себя. И Софья Андреевна, чтобъ развязать племянницѣ языкъ, сочла за лучшее, не выжидая ея признаній, заговорить сама совершенно открыто.

— Мой другъ,—начала она разъ, думая, что самой неожиданностью замѣчанія она захватитъ Вѣру врасплохъ,—вотъ что̀ я тебѣ скажу. Мы въ жизни много лишняго времени и лишнихъ усилій теряемъ, чтобы самихъ себя увѣрить въ томъ, чего нѣтъ. Я, ты знаешь, всегда искренна и вполнѣ убѣдилась, что это всего выгоднѣе и лучше. Но если ужъ съ кѣмъ-нибудь неискренность по-просту глупа, такъ это съ собой...

Вѣра насторожила уши, и краска показалась на ея чертахъ.

— Можно еще, пожалуй,—настаивала Софья Андреевна,—хоть и это въ сущности напрасный трудъ,—когда умерло въ насъ былое чувство, скрывать это отъ другихъ, особенно отъ того лица — ты меня понимаешь, — но себя увѣрять въ противномъ, съ собой бороться, раздувая потухнувшую искру, это, воля твоя, —самое пустое занятіе.

Вѣра что-то ужъ очень усердно возилась съ своимъ сакъвояжемъ, отворачивая отъ тетки свое горѣвшее лицо. Но Софья Андреевна захотѣла сломить ея очевидное притворство и немилосердно продолжала:

— Давно вѣдь я замѣчаю, что этотъ Красавинъ, въ котораго ты когда-то была подѣтски влюблена, совсѣмъ пересталъ тебя занимать. Это въ порядкѣ вещей, мой другъ. Я не знаю, что̀ ты тамъ ему, быть можетъ, обѣщала передъ его отъѣздомъ, но вѣдь такія обѣщанія въ сущности ни къ чему не обязываютъ. Если онъ сколько-нибудь уменъ, онъ пойметъ самъ. Да и вотъ что̀ я тебѣ еще скажу. Онъ тебѣ въ мужья не годится. Разъ я его попробовала исповѣдать, ну и убѣдилась, что въ немъ нѣтъ того, что̀ прежде всего нужно мужчинѣ, нѣтъ...

Но тутъ Вѣра не выдержала и перебила тетку. Поѣздъ, уносившій ихъ на западъ, — онѣ сидѣли вдвоемъ въ купэ перваго класса,—такъ стучалъ колесами, что почти заглушалъ слова молодой дѣвушки, вырывавшіяся у нея среди всхлипываній:

— Не договаривайте, тетушка, умоляю васъ! Я вѣдь сама это поняла давно. Но пощадите хоть память о прошломъ!

— Какъ? Слезы? И ты, стало быть, плакать научилась? Да изъ-за этого мальчишки?

— Вы не знаете, тетушка, — обнимая Софью Андреевну, шопотомъ проговорила Вѣра.—Я, въ самый день его отъѣзда...

Голосъ ея совсѣмъ осѣкся, и долго пришлось Софьѣ Андреевнѣ ее успокоивать, пока добилась она отъ племянницы полнаго, связнаго разсказа.

— Ну, еще хорошо, что такъ случилось. Что ты поняла этого Красавина по настоящему, пока еще не слишкомъ поздно. Только не приходи изъ-за этого въ такое отчаяніе. Съ кѣмъ изъ насъ не случалось нарушать такія брошенныя на вѣтеръ клятвы!

Но Вѣру ей утѣшить этимъ не удалось. Всю дорогу она была грустна и молчалива, и быстро смѣнявшіяся впечатлѣнія путешествія не въ силахъ были заглушить ея тяжелую тревогу. Здѣсь, за границей, она чувствовала себя какъ-то ближе къ Красавину, и ôбразъ молодого человѣка возставалъ передъ нею отчетливо. Въ ней было физически боязливое ощущеніе, что, вотъ-вотъ, она сейчасъ его увидитъ съ грустнымъ упрекомъ въ мягкихъ, когда-то ей такъ дорогихъ глазахъ. Но они проѣхали всю Германію, останавливаясь на два дня въ Берлинѣ, гдѣ Софья Андреевна неожиданно встрѣтила знакомыхъ, и достигли ужъ первой цѣли путешествія — Баденъ-Бадена, — а про Красавина не было и слышно. Въ Баденѣ, какъ всегда въ это время года, было очень людно. Въ первый же день, вечеромъ, на музыкѣ, Софью Андреевну обступили знакомыя лица. Она, впрочемъ, знала чуть не всю Европу, и Вѣра невольно должна была дать охватившей ее струѣ—не то чтобы веселости, а хотя бы суетливаго оживленія—снести нависшую надъ ней мрачную думу. Пестрота нарѣчій, платьевъ, разговоровъ, эта беззаботная сутолока, эта музыка, навязчиво звенѣвшая въ ушахъ то моднымъ вальсомъ, то отрывками изъ Вагнеровской оперы, то назойливо громкимъ патріотическимъ маршемъ, — все это оглушало молодую дѣвушку, не давая ей остановиться ни на чемъ. Софья Андреевна была какъ бы въ своей стихіи, обмѣниваясь притворно-радостными привѣтствіями со всѣми этими русскими и чужестранными знакомыми. Она твердо знала, кто на комъ женатъ, у кого съ кѣмъ были непріятности, столкновенія, любовныя интриги, и всякій разъ безошибочно вѣрно съ каждымъ новымъ лицомъ попадала въ самую суть интересныхъ для этого лица вопросовъ. И вдругъ, среди полусумрака освѣщенной электричествомъ ночи, знакомый мягкій голосъ раздался за спинкой стула, на которомъ сидѣла Вѣра.

— Софья Андреевна, вы ли это? Давно ли? Какъ я радъ! И Вѣра Алексѣевна тоже!

Это былъ князь. Молодая дѣвушка обернулась и протянула руку, опять не зная, обрадована ли она неожиданной встрѣчей.

Борисоглѣбскій былъ знакомъ со всѣми присутствующими. Не даромъ онъ цѣлый вѣкъ довольно-таки потолкался по бѣлу-свѣту. Его встрѣтили громкими привѣтствіями, какъ общаго любимца. Въ Баденъ онъ пріѣхалъ въ этотъ же самый день, нѣсколькими часами только раньше Софьи Андреевны.

— А знаете,—обратился онъ вдругъ къ Вѣрѣ, погрузившись на нѣсколько минутъ въ общій обмѣнъ безразличныхъ мыслей и сужденій.—Знаете, что пожалуй всего лучше въ нашей современной жизни? Это—возможность гдѣ-нибудь разстаться въ глухомъ русскомъ углу и черезъ нѣсколько дней нежданно встрѣтиться на противоположномъ краю Европы и тамъ продолжать недавно лишь прерванную бесѣду,—стало быть, вездѣ оставаться самимъ собою, куда бы насъ ни закинулъ случай. Я, по крайней мѣрѣ, въ путешествія увожу вмѣстѣ съ багажомъ всѣ домашнія впечатлѣнія и домашнія чувства.

Онъ слегка понизилъ голосъ, договаривая эти слова, — это была его обычная манера подчеркивать смыслъ сказаннаго. Это были не пустыя рѣчи. Въ свободномъ обращеніи князя со всѣми присутствующими видна была не только увѣренность въ себѣ давно вышколеннаго свѣтскаго человѣка,—въ немъ именно чувствовалась самостоятельность, которую онъ умѣлъ не утрачивать нигдѣ, даже среди пустой трескотни случайно съѣхавшихся, равнодушныхъ другъ къ другу людей. Онъ не то чтобы насмѣшливо, а какъ-то вскользь, точно шутя, вступалъ въ общую струю незначительнаго разговора, и замѣтно было, что личность свою онъ сохранялъ при этомъ нетронутой. Вѣра ему это замѣтила, когда Софья Андреевна объявила, что въ день пріѣзда необходимо отдохнуть, и за-одно съ ними поднялся съ мѣста и князь. Онъ проводилъ дамъ до самой гостинницы: остановился онъ совсѣмъ близко оттуда, черезъ улицу.

— Вы сюда надолго?—спросила у него Софья Андреевна, прощаясь.—Разумѣется, нѣтъ. Вы вѣдь птица перелетная.

— Самъ не знаю,—отвѣтилъ онъ, смѣясь.— Я всегда рѣшаюсь быстро, а наканунѣ рѣшенія и не подозрѣваю, какимъ оно будетъ. А вы?

Софья Андреевна отвѣтила не сразу, взглянувъ сперва искоса на племянницу.

— Да недѣли на три, я думаю... А потомъ дальше на югъ, въ Біаррицъ.

Ей хотѣлось-было поговорить съ Вѣрой передъ тѣмъ, чтобы лечь, и повыпытать у нея, рада ли молодая дѣвушка неожиданной встрѣчѣ, но Вѣра не поддалась попыткѣ. Обычная ей зага-

дочная веселость накладывала точно покрывало на ея черты, и Софьѣ Андреевнѣ пришлось ограничиваться догадками. „Да,— говорила она, укладываясь,—онъ ей, кажется, нравится, только она въ этомъ признаться не хочетъ“.

Съ перваго же дня ихъ охватилъ пестрый круговоротъ. Катаніе цѣлымъ обществомъ, подъ предлогомъ осмотра всѣмъ давно извѣстныхъ и давно прискучившихъ развалинъ; потомъ большой обѣдъ у лэди Чэндорсъ, въ ея виллѣ на склонѣ одного изъ окрестныхъ пригорковъ; потомъ болѣе дальняя поѣздка уже по желѣзной дорогѣ къ знаменитому водопаду „Allerheiligen“; потомъ, когда все общество перезнакомилось ближе и водворилась среди него будто настоящая короткость отношеній, цѣлый рядъ праздниковъ, катаній верхомъ, прогулокъ въ горы,—словомъ, все, что людямъ кажется весельемъ, потому что они готовы смѣяться даже тому, что̀ вовсе не забавно, и ухаживать за женщинами, которыя имъ не нравятся. Но Вѣру эта жизнь не давила своей праздностью, не казалась ни скучной, ни даже пустой. И каждый новый день приносилъ съ собою и новыя впечатлѣнія. Молодая дѣвушка какъ будто впервые научилась любоваться природой. Первые осенніе тона̀, пестрѣвшіе на листьяхъ буковъ и каштановъ, хрустальная прозрачность ярко-голубого неба и эта чудная свѣтлая тишь, которую знаетъ только самый конецъ лѣта, — Вѣра будто наслаждалась всѣмъ этимъ впервые. Она прежде никогда и не ощущала такъ живо потребности словами выражать свои впечатлѣнія, доискиваясь, найдутъ ли они себѣ отголосокъ. Да и некому было съ ней ими дѣлиться. И мать, вся ушедшая въ обыденную жизнь, и отецъ, вѣчно занятый сомнительными дѣлами, и такъ заурядно кутящій братъ, и сама Софья Андреевна, въ сущности умѣвшая цѣнить природу только на полотнѣ картины,—не могли бы понять, раздѣлить ея тонкихъ до неуловимости ощущеній. А теперь здѣсь — ей стоило бросить на лету недосказанное замѣчаніе, указать Борисоглѣбскому на какую-нибудь мимолетную игру свѣта и тѣней,—и она услышитъ отвѣтъ всегда незаурядный, всегда согласный съ ея собственнымъ впечатлѣніемъ, но какъ-то уходившій далѣе въ глубь, расширявшій то, что̀ чувствовала она. Вѣра такъ къ нему привыкла, что заранѣе предчувствовала, какъ отзовется князь на ея слова, и отгадывать заранѣе его мысли ей доставляло какое-то особое удовольствіе.

Разъ въ ея присутствіи одна дама спросила вдругъ у Дмитрія Львовича:

— А что, вы все еще не думаете объ отъѣздѣ?

— Пока нѣтъ. Мнѣ здѣсь очень хорошо.

Но свѣтлые дни рѣдко бываютъ продолжительны. Не прошло еще недѣли со времени пріѣзда ихъ въ Баденъ, какъ имъ случилось, возвращаясь вмѣстѣ съ княземъ домой по Лихтентальской аллеѣ, неожиданно встрѣтиться съ человѣкомъ, присутствіе котораго здѣсь они и не думали подозрѣвать. Это былъ Красавинъ. Онъ казался еще сильнѣе поблѣднѣвшимъ, еще болѣе худощавымъ и болѣзненнымъ, чѣмъ прежде. Черты его удлинились, глаза потускнѣли, давно нестриженные волосы спадали длинными космами на шею. Съ нимъ рядомъ шелъ другой какой-то господинъ, очень бѣдно одѣтый, почти съ явными признаками нищеты. Красавинъ обомлѣлъ, увидавъ ихъ. Почти испугъ примѣшивался къ его удивленію, когда онъ остановился передъ ними, снявъ шляпу. И заговорилъ не онъ первый. Софья Андреевна назвала его, протягивая руку.

— Красавинъ, вы? Вотъ ужъ не ожидала! Баденъ—самое немузыкальное мѣсто на свѣтѣ, оттого что намъ цѣлыхъ три раза въ день приходится слушать самую заурядную музыку. Ну, какъ вы, что̀ ваши планы?

Молодой человѣкъ отвѣтилъ не сразу. Онъ, какъ робкій пѣвецъ, неувѣренный въ своемъ голосѣ, словно искалъ неудававшейся ему вѣрной интонаціи. Обезпокоенные его зрачки такъ и перебѣгали съ Вѣры на князя. Борисоглѣбскій съ нимъ поздоровался какъ нельзя любезнѣе.

— Надѣюсь, мы васъ будемъ видѣть здѣсь часто. Вамъ здѣсь все наше общество будетъ такъ радо. Вѣдь настоящій талантъ—такая рѣдкая жемчужина, и тѣ даже, которые въ музыкѣ ничего не смыслятъ, въ полномъ восхищеніи, когда передъ ними подлинная музыкальная знаменитость.

Красавинъ ничего не отвѣтилъ, и рука его будто ускользнула отъ крѣпкаго пожатія князя. Въ словахъ Борисоглѣбскаго ему чудилась насмѣшка. Да и жаждалъ онъ услышать иной голосъ. А Вѣра, какъ нарочно, молчала, протянувъ ему только подружески руку. Она какъ будто не находила сразу подходящихъ словъ.

— Ну, въ общемъ, довольны вы своимъ путешествіемъ?—спросила она, наконецъ, вскидывая на него глазами и краснѣя оттого, что внутренно она чувствовала какую-то затаенную ложь въ этомъ взглядѣ.

— Доволенъ, конечно. Очень даже. Попалъ, наконецъ, въ такую струю, гдѣ искренно любятъ искусство, а не для того только, чтобы пощеголять этой любовью.—Но косая улыбка губъ,

пока онъ говорилъ, противорѣчила словамъ молодого человѣка. Подавленная горечь въ нихъ слышалась, скрытое желаніе похвастаться небывалымъ успѣхомъ. И невольно и Вѣра, и князь, вглядываясь въ него, мысленно примѣнили къ Красавину зловѣщее словечко: „бѣдный“!

— Да пойдемте съ нами, Красавинъ!—съ оттѣнкомъ нетерпѣнія сказала Софья Андреевна:—чего мы стоимъ?—И она подалась слегка впередъ повелительнымъ движеніемъ.

— Пойдемте,—отвѣтилъ онъ, и тутъ же окликнулъ стоявшаго въ нѣсколькихъ шагахъ своего бывшаго спутника:

— Grünberg, wir treffen uns nachher beim „Roten Specht“, nicht wahr?—Это было названіе одной изъ самыхъ заурядныхъ пивныхъ въ Баденѣ.

Они пошли двумя парами: Красавинъ и Вѣра—позади. Онъ все время будто старался поотстать, но молодая дѣвушка, замѣтивъ это, тотчасъ прибавляла шагъ.

— Ну, разсказывайте же! — съ притворнымъ оживленіемъ проговорила она, стыдясь опять какой-то затаенной лжи, которую она чувствовала и въ голосѣ своемъ, и въ словахъ:—разсказывайте же, Павелъ Сергѣевичъ, гдѣ вы были и, главное, что̀ было съ вами?

— Да вамъ и безъ того все извѣстно изъ моихъ писемъ. Лучше скажите вы, что̀ съ вами было?

Но она будто не разслышала послѣднихъ словъ.

— Что̀ письма?!—перебила она его.—Развѣ на бумагѣ можно все высказать. Я хочу отъ васъ самихъ услышать.—И съ оттѣнкомъ грусти она добавила: — Я вами не совсѣмъ довольна, Красавинъ. Вы будто... нездоровы, и есть въ васъ какое-то чувство неудовлетворенности...

Мягкіе сѣрые глаза его блеснули.

— Нѣтъ. Я болѣе, чѣмъ когда, весь принадлежу своему искусству. Играть передъ людьми, которые все до мельчайшихъ тонкостей понимаютъ, и чувствовать, что отъ васъ къ нимъ будто течетъ какая-то незримая волна,—это величайшая радость, какую только можетъ испытать человѣкъ и какой Петербургъ мнѣ не давалъ никогда.

— Вы сейчасъ сказали,—возразила дѣвушка,—что вы теперь весь, весь, какъ никогда, принадлежите искусству?..

Безсознательно Вѣра подыскивала поводъ, который могъ бы оправдать ее въ собственныхъ глазахъ. И для Красавина, стало быть, коли это такъ, она не на первомъ планѣ.

— То-есть, да, конечно,—дрогнувшимъ голосомъ отвѣтилъ

молодой человѣкъ, — я съ удвоенной силой, съ бо́льшимъ еще увлеченіемъ отдамся своему призванію, если буду знать, что вы попрежнему, Вѣра...

Онъ взглянулъ на нее прямо и не договорилъ. Глаза у молодой дѣвушки были смущенно опущены.

— Вы все, попрежнему, моя? — минуту спустя, произнесъ онъ упавшимъ отъ волненія голосомъ, и попробовалъ схватить ея руку. Но Вѣра будто не замѣтила этого движенія и руки своей ему не дала.

— Мнѣ надо переговорить съ вами,—торопливымъ шопотомъ отвѣтила она.—Только здѣсь, теперь нельзя. Вы видите, сколько прохожихъ.

Красавинъ какъ-то безсознательно качнулъ головой и проговорилъ чуть слышно:

— Когда и гдѣ хотите.

Вѣра призадумалась немножко, и брови у нея сдвинулись. „Надо кончать, кончать поскорѣе,—мелькнуло у нея въ мысляхъ.— Нельзя его оставлять въ заблужденіи“.

— Черезъ часъ, если хотите. Вотъ тутъ, на этомъ самомъ мѣстѣ.—Она указала зонтикомъ на скамейку, невдалекѣ отъ нихъ стоявшую у дорожки, которая тянулась совсѣмъ вдоль берега болтливаго ручейка, безпрестанно ведшаго неумолкаемую тихую рѣчь съ камешками на днѣ. — Черезъ часъ тутъ никого не будетъ.

И, оборвавъ себя на этихъ словахъ, она продолжала, повысивъ голосъ:

— Вы намѣрены здѣсь выступить? Передъ этой разношерстой публикой со всѣхъ концовъ Европы?

— Да, намѣренъ,—было его отвѣтомъ.—Концертъ будетъ послѣ завтра. И вотъ этотъ господинъ, съ которымъ вы меня встрѣтили, тоже одинъ изъ участниковъ; это—прекрасный скрипачъ.

— Этотъ господинъ, говорите вы, скрипачъ, а я его приняла за...

Она прикусила губу, сознавая, что у нея готово вырваться обидное для него слово. И какой-то холодъ прошелъ по ея спинѣ. „Стало быть, вотъ каковы люди,—подумалось ей,—съ кѣмъ онъ водитъ близкое знакомство. Полунищіе бродячіе музыканты“... И невольно она сравнила эту жалкую скитальческую жизнь съ обществомъ, среди котораго она вращалась всѣ эти дни, съ княземъ Дмитріемъ Львовичемъ, такъ увѣренно и свободно распоряжавшимся собой. Вѣрѣ стало еще стыднѣе. Какая-то непо-

нятная тяжесть сдавливала ей сердце. И она обрадовалась, замѣтивъ, что уже въ нѣсколькихъ шагахъ—мостъ, откуда шелъ поворотъ въ ихъ гостинницу. На порогѣ мужчины простились. Софья Андреевна пригласила ихъ зайти, но князь, взглянувъ на Вѣру, почему-то отказался тотчасъ. И Красавинъ сдѣлалъ то же. А молодая дѣвушка, поцѣловавъ тетку, сказала, что у нея болитъ голова, и заперлась въ своей комнатѣ, съ нетерпѣніемъ и боязнью выжидая, пока наступитъ тяжелая минута объясненія. „Чтò я ему скажу, чтò скажу?"—ломала она себѣ руки.

VII.

Красавинъ ее поджидалъ уже давно, когда она пришла. Кругомъ стояла полная тишь. Одинъ только ручей, не знавшій покоя, не переставалъ журчать, будто онъ сторожилъ ночной отдыхъ заснувшаго города. Вѣрѣ жутко было, пока она шла къ назначенному мѣсту. Она пугливо озиралась на яркую ночь, всю освѣщенную высоко поднявшимся мѣсяцемъ. Вершины горъ такъ отчетливо выдѣлялись на небѣ, тѣнь деревьевъ такъ рѣзко вырисовывалась на землѣ. И ей казалось, будто эти бѣлые обличающіе лучи проникали къ ней прямо въ душу, выставляя напоказъ ея измѣну. Какъ не походило это свиданіе на послѣднюю ихъ встрѣчу передъ его отъѣздомъ изъ Петербурга! Она почти вздрогнула, когда, вдругъ, среди густой листвы чинаръ, поднялась высокая черная фигура.

— Спасибо, что пришли, Вѣра,—началъ Красавинъ глухимъ, но мягкимъ голосомъ.—Признаюсь, я боялся, что вы не сдержите слова.

— Вы знаете, что я слово свое держу всегда.—Рѣшительнымъ движеніемъ она подняла глаза на молодого человѣка, но тотчасъ затѣмъ ихъ опустила.

— Будто, Вѣра?—съ оттѣнкомъ горечи произнесъ онъ. И, взявъ ее за руку, онъ добавилъ:—Ну, садитесь, садитесь, намъ о многомъ переговорить надо... Не думайте, чтобы я хотѣлъ упрекать васъ.

Лукавый вопросъ: „въ чемъ упрекать?"—чуть ли не сорвался съ ея губъ, но она устыдилась этой недостойной увертки. И, вмѣсто того, она тихо промолвила:

— Если я виновата передъ вами, Павелъ Сергѣевичъ...—и не договорила.

Красавинъ грустно покачалъ головой.

— Къ чему это слово? Вины тутъ нѣтъ и не можетъ быть. Надъ своимъ чувствомъ никто не властенъ. Но другому, — и онъ почти улыбался, говоря это,—оттого не легче... —И вдругъ волна страсти къ нему нахлынула на сердце.—Ахъ, Вѣра, Вѣра, что̀ за мученія вы мнѣ причиняли эти послѣдніе мѣсяцы! Я вѣдь давно догадываюсь, давно знаю. Каждое изъ вашихъ рѣдкихъ писемъ говорило это все яснѣе. Неужели вы думаете, что я могъ не понять, что̀ значатъ эти сухія недомолвки послѣ нашей прежней откровенной дружбы? Развѣ такъ пишутъ, когда?..

— Лгать я не хочу и не умѣю, Красавинъ,—перебила она его,—и я пришла сюда, чтобы сказать вамъ всю правду.

— Говорите, говорите! — почти гнѣвнымъ тономъ воскликнулъ онъ и, быстро поднявшись, сталъ передъ нею съ скрещенными на груди руками. Его сѣрые, всегда кроткіе глаза такъ и впивались теперь въ ея лицо. Вѣра и не подозрѣвала, чтобы они могли глядѣть такъ неумолимо пристально. Она робко, издалека принялась за свою тяжелую исповѣдь. Начала она съ самыхъ первыхъ дней ихъ знакомства, съ ихъ полудѣтской, товарищеской близости.

— Ну, да, да! Все это такъ. Все это правда, — нетерпѣливо перебивалъ онъ ее не разъ. На блѣдномъ его лицѣ начинала вспыхивать краска.

— Моя ли вина,—продолжала молодая дѣвушка,—если это товарищеское чувство я приняла за иное. Я вѣдь совсѣмъ не знала, что̀ значитъ...

— Что̀ значитъ полюбить!—опять перебилъ онъ ее нетерпѣливо и быстро.—А теперь узнали, да? Этотъ Борисоглѣбскій, можетъ быть?..

Яркая краска бросилась ей въ лицо при этомъ имени. Вѣра и не думала про князя въ эту минуту, и слова Красавина ее оскорбили глубоко.

— Какое имѣете вы право?—возразила она, тоже приподнимаясь, и чувство оскорбленія придало ей смѣлости.

— А вотъ этого словечка я и дожидался,—захихикалъ онъ злобно.—Развѣ о правѣ можетъ быть рѣчь между людьми, которые на самомъ дѣлѣ другъ друга любятъ? Да и какое мнѣ дѣло, правъ ли я или нѣтъ? Я страдаю, я глубоко несчастливъ. Я потерялъ то, что̀ яркимъ лучомъ свѣтило надъ моей бѣдной жизнью, придавало мнѣ силу трудиться. А вы мнѣ говорите про какія-то мои права...

— Да развѣ въ моей волѣ было,—тоже съ порывомъ гнѣва отвѣтила молодая дѣвушка, — не замѣтить, что я ошиблась въ

моемъ чувствѣ къ вамъ? Если мои письма васъ огорчали, думаете вы развѣ, что и я не испытывала разочарованія, прочитывая ваши?

Руки молодого человѣка опустились при этихъ словахъ.

— Вмѣсто того, что̀ я ожидала у васъ найти, вмѣсто твердой вѣры въ себя, въ свое будущее, въ мою любовь, наконецъ,— вѣчныя пугливыя сомнѣнія, боязнь передъ тѣмъ, что̀ принесетъ завтрашній день... Я увидѣла, что тотъ Красавинъ, которому я поклонялась, существуетъ въ одномъ моемъ воображеніи.

У него губы дрожали, пока она это говорила. И въ голосѣ его, когда онъ принялся отвѣчать, зазвучалъ почти болѣзненный стонъ.

— А знаете ли вы, что̀ дѣлаете теперь, Вѣра? Вы, попросту, подрѣзываете у меня и тѣ крылья, какія были...

Вѣрѣ, видимо, стало его жаль. Она протянула къ нему обѣ руки и проговорила, вся дрожа отъ волненія:

— Бѣдный мой, бѣдный! И милый—тоже, все еще милый! Нѣтъ. Я этого не хочу. И не поняли вы меня. Я вѣдь сюда пришла сказать вамъ, что слову своему я останусь вѣрна, что буду вашей.

Но радости эти слова въ немъ не вызвали.

— Вы будете моей, не любя меня? Полноте, Вѣра! Развѣ я приму такую жертву? Вѣдь это было бы лучшимъ доказательствомъ, что я-то васъ никогда не любилъ. Какъ будто я не знаю, что̀ за адъ была бы жизнь съ такимъ существомъ, которое отдало себя изъ состраданія. Нѣтъ, Вѣра,—онъ опять покачалъ головой, — мы такъ, по-старинному, говоримъ съ вами послѣдній разъ. И пора намъ проститься. Поздно ужъ. Видите, какъ опустился мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ вы пришли. Такъ и жизнь моя должна теперь опуститься.

— Нѣтъ, милый мой, дорогой,—рыдала она, прижимаясь къ его груди,—я слышать этого не могу!

— Что̀ дѣлать, дружокъ мой, — успокоившимся голосомъ произнесъ онъ, слегка гладя рукой ея волнистые темнорусые волосы.—Не судьба, видно, было. Вы полюбить меня не въ силахъ попрежнему, да и прежде, должно быть... — Онъ горько махнулъ рукой. — А я жертвы не хочу... На то я слишкомъ гордъ, хоть и слабый я человѣкъ, по-вашему. Ну, пора... Идите къ себѣ. Будьте счастливы—я этого искренно желаю. И на прощанье теперь,—такъ какъ это вѣдь настоящее прощанье...

Голосъ его осѣкся, слезы брызнули изъ глазъ, и она по-

чувствовала на лбу прикосновеніе его похолодѣвшихъ губъ. Чѣмъ-то могильнымъ вѣяло отъ этого прощальнаго поцѣлуя...

— Какъ ты блѣдна, Вѣра! — замѣтила Софья Андреевна, когда на слѣдующее утро молодая дѣвушка показалась въ дверяхъ своей комнаты.—Что съ тобой? Ты плохо спала? Да?

— У меня голова болѣла всю ночь,—извинилась Вѣра.

— Ага. Понимаю. Встрѣча съ Красавинымъ подѣйствовала... Значитъ, онъ все у тебя сидитъ еще глубоко... тамъ. Признаюсь, я этого не думала. Засохшія вѣтки отпадаютъ легко.—И обычная улыбка умной, и только умной, женщины, не понимавшей чужого горя, потому что у нея никогда не бывало своего, зазмѣилась на красиво изогнутыхъ губахъ Софьи Андреевны.

— Тетушка, объ одномъ васъ прошу,—пересиливая себя, твердымъ голосомъ произнесла Вѣра, присаживаясь къ столу, на которомъ былъ поданъ утренній кофе,—не будемъ про это говорить. Вы знаете, я собою владѣю хорошо, и на моемъ лицѣ вы и слѣда не увидите того, что я перенесла за эту ночь... только, пожалуйста, не упоминайте объ этомъ.—И она храбро принялась за свой кофе.

— Какъ хочешь... Только вотъ что я тебѣ скажу. Что бы ты ни говорила о своемъ самообладаніи, но съ такимъ измученнымъ видомъ, какой у тебя сегодня, никому на глаза нельзя показываться, и надо лэди Чэндорсъ написать, что мы у нея не будемъ.

— Мнѣ не до поѣздки, тетушка... Совсѣмъ о другомъ я хотѣла васъ попросить... Уѣдемте отсюда, если можно, сегодня же.

— Сегодня? — удивилась Софья Андреевна. — А какъ же завтрашній концертъ?

— Я васъ просила про это не говорить!—тихо отвѣтила Вѣра, прикасаясь до руки Софьи Андреевны.—Пойти на этотъ концертъ, теперь, послѣ того, что было...

Тетка глядѣла на нее съ возростающимъ недоумѣніемъ.

— Ну, коли хотите, я вамъ все скажу,—рѣшительно, съ оттѣнкомъ нетерпѣнія проговорила молодая дѣвушка. — Я видѣлась съ нимъ... послѣ—тамъ, на Лихтентальской аллеѣ. И призналась ему, что... Вы догадываетесь, конечно, чего это мнѣ стоило. И все кончено между нами.

— Ты, однако, молодецъ, Вѣра!—и губы Софьи Андреевны скользнули по блѣдному лбу племянницы.

— Но какъ разъ потому, что все кончено и онъ поступилъ

такъ благородно,—продолжала дѣвушка,—мнѣ жаль его стало, и не его только, но всего прошлаго, невыразимо жаль. Вы должны это понять, тетушка,—вы такая умная.

Софья Андреевна, конечно, все понимала, но сочувствовать этому она была не въ состояніи. По ея взглядамъ, когда удалось освободиться отъ тяжелаго долга, отъ необдуманнаго обѣщанія,—можно этому только радоваться. Поле жизни освободилось, и надо прямо идти впередъ къ иному, лучшему будущему... А нѣжничать съ умершимъ прошлымъ значитъ только разстроивать себѣ понапрасну нервы.

Что Вѣра не умѣла смотрѣть на вещи такъ разумно, Софья Андреевна могла увидѣть, когда ровно въ условленный часъ къ нимъ зашелъ князь Дмитрій Львовичъ, чтобы отправиться вмѣстѣ къ лэди Чэндорсъ. Вѣра обошлась съ нимъ почти холодно. И г-жа Шаманская, говоря себѣ, что напрасно съ такимъ измученнымъ, блѣднымъ лицомъ она не осталась у себя въ комнатѣ, сочла нужнымъ извинить племянницу тѣмъ, что она не спала всю ночь отъ головной боли.—Въ комнатѣ было очень душно,—объясняла она,—не правда ли, Вѣра? И представьте себѣ, князь, что ей захотѣлось отсюда уѣхать—прямо даже сегодня.

Князь этому нисколько не удивился. Онъ только мелькомъ взглянулъ на Вѣру не вопросительнымъ, а сочувственнымъ взглядомъ, прекрасно догадываясь, что̀ за борьба въ ней происходитъ.

— А завтра вѣдь концертъ, на которомъ мы хотѣли быть,—продолжала Софья Андреевна.—Впрочемъ, коли хотите, есть тутъ и хорошая, разумная сторона. Мы собираемся вѣдь на морскія купанья, и надо поторопиться. Сегодня ужъ 11-е сентября.

Уѣхали онѣ, однако, лишь на слѣдующій день, — раньше этого никакъ нельзя было управиться съ укладкой. И собралось проститься съ ними на станціи цѣлое общество. На успѣхъ Вѣра пожаловаться не могла. Всѣ, и мужчины, и дамы, наперебой сыпали передъ ней комплиментами. Вагонъ, гдѣ онѣ усѣлись, былъ переполненъ цвѣтами, и среди нихъ какъ-то особенно выдѣлялись два совершенно одинаковыхъ букета, поднесенныхъ обѣимъ дамамъ княземъ Дмитріемъ Львовичемъ. И такой даже простой вещи Борисоглѣбскій съумѣлъ придать нѣчто свое, незаурядное. Съ Вѣрой онъ простился совсѣмъ подружески, но безъ малѣйшаго подчеркиванія ихъ недавней близости.

— До свиданья въ Петербургѣ,—сказалъ онъ только и поднесъ почтительно ея руку къ губамъ.

VIII.

Когда въ началѣ ноября Софья Андреевна и ея племянница вернулись въ Петербургъ, мать Вѣры встрѣтила ихъ рядомъ торопливыхъ вопросовъ насчетъ путешествія, за которыми слышался иной, недоговоренный вопросъ, всего болѣе ее занимавшій: „Ну какъ? Хорошо ли подвигаются дѣла съ княземъ“?

Письма дочери и сестры были рѣдки и небогаты вѣстями. И теперь тоже онѣ не поспѣшили удовлетворить томительное любопытство заботливой маменьки. Свѣтлое лицо молодой дѣвушки продолжало хранить свою тайну, а Софья Андреевна, когда ее принялись допрашивать съ глазу на глазъ, отвѣчала лишь таинственными полусловами. И Ольгѣ Андреевнѣ, мало довѣрявшей Провидѣнію, хотя она и часто о немъ упоминала, такъ и пришлось терпѣливо выжидать событій.

А событій пока не было никакихъ. Жизнь вошла въ обычную колею. Миша попрежнему кутилъ и дѣлалъ долги; Алексѣй Евгеніевичъ застрялъ въ деревнѣ, и его ждали съ часу на часъ: черезъ нѣсколько дней должно было открыться совѣщаніе при одномъ изъ центральныхъ вѣдомствъ, гдѣ онъ призванъ былъ участвовать, и гдѣ алчущіе казеннаго сундука возлагали большія надежды на его краснорѣчіе, чтобы доказать необходимость страхованія зернового хлѣба отъ низкихъ цѣнъ при содѣйствіи правительства. Большихъ пріемовъ еще не было, Петербургъ жилъ еще подъ сурдинку. Ни будущія свадьбы, ни грозящіе скандалы еще не вырисовывались на его горизонтѣ. Вѣра послушно отдавалась слабому еще движенію едва начинавшагося круговорота, терпѣливо выслушивая безчисленныя повторенія все тѣхъ же вопросовъ: какъ провела она время за границей, что̀ видѣла, съ кѣмъ встрѣчалась. Она начинала чувствовать, что отлично можно отвѣчать на все это впопадъ, быть со всѣми любезной, вести умѣренно оживленный разговоръ и при этомъ совсѣмъ не думать о томъ, что̀ приходится говорить, безсознательно, произнося какъ разъ тѣ самыя слова, какія было нужно. Молодая дѣвушка будто ожидала чего-то, въ первый разъ, быть можетъ, сознавая, что въ отсутствіи Борисоглѣбскаго ей скучнѣе обыкновеннаго. А изъ-за этой пустоты на самой глубинѣ души ощущалось нѣчто иное,—чуть замѣтная щемящая боль за иного человѣка, передъ которымъ она себя чувствовала виноватой.

И какъ разъ не было того, что одинъ бы могъ умнымъ словомъ стереть это впечатлѣніе, замѣнить его другимъ. Князь

Дмитрій Львовичъ долго не пріѣзжалъ, почти до самыхъ праздниковъ. Изъ-за границы онъ пріѣхалъ прямо къ себѣ въ имѣніе и оттуда не давалъ о себѣ вѣстей. Ольга Андреевна съ радостью примѣчала, что дочь ея будто скучаетъ. Но осторожная, какъ всегда, она про князя съ Вѣрой не заикалась. Только услышавъ, что Борисоглѣбскій пріѣхалъ наканунѣ, она будто вскользь упомянула объ этомъ въ присутствіи молодой дѣвушки, и видѣла къ своему неописуемому удовольствію, какъ быстро дочь вскинула на нее своими заблестѣвшими глазами и тотчасъ затѣмъ подавила вспыхнувшее на лицѣ оживленное выраженіе.

— Да,—съ притворнымъ равнодушіемъ проронила Ольга Андреевна,—безъ него какъ будто скучно. Это несомнѣнно самый пріятный человѣкъ въ нашемъ кружкѣ... Скажи, ты съ нимъ много видѣлась за границей?

— Всего нѣсколько дней, мамà,—было уклончивымъ отвѣтомъ Вѣры.

Она все еще держалась на сторожѣ. Но когда, три дня спустя, къ нимъ заѣхалъ Борисоглѣбскій, передъ нимъ она даже не постаралась скрыть, что рада его возвращенію. У нея вдругъ будто блеснуло сознаніе, какая неизмѣримая разница для нея между Дмитріемъ Львовичемъ и всѣми остальными, какъ иначе они говорятъ другъ съ другомъ, и какъ увѣрена она, что ничего зауряднаго, докучливаго отъ него не услышитъ... Молодая дѣвушка вспомнила какъ-то вдругъ, что за все время ихъ знакомства онъ никогда не вызвалъ у нея, хотя бы на минуту, ощущенія скуки, какъ дѣлали это такъ часто другіе. И не онъ принялся допрашивать, что̀ было съ ней послѣ того, какъ они разстались. Сама Вѣра его слегка пожурила, зачѣмъ онъ такъ поздно возвращается.

— Такъ... Надо было нѣсколько итоговъ подвести и коенадъ чѣмъ поставить крестъ. Нельзя жить такъ изо дня въ день, какъ дѣлаютъ люди, у которыхъ все запуталось: и свои дѣла, и отношенія къ прочимъ, и самыя мысли. Отъ времени до времени остановка нужна, чтобы раненыхъ подбирать.

— И похоронить мертвыхъ, да?—спросила Софья Андреевна, присутствовавшая при разговорѣ. — Да развѣ всегда бываютъ мертвые и раненые?

— Бываютъ и воскресшіе, но большею частью на чей-нибудь счетъ,—загадочно отвѣтилъ князь.

Разрѣшенія этой загадки Софьѣ Андреевнѣ пришлось ожидать не долго. На второй день новаго года князь заѣхалъ ее

поздравить и, заставъ ее одну, прямо, безъ обиняковъ сообщилъ ей о своемъ намѣреніи сдѣлать предложеніе Вѣрѣ.

— Какъ вы думаете? Вамъ вѣдь это лучше извѣстно, чѣмъ ея матери. Каковъ будетъ отвѣтъ?

— Вы чего желаете? — спросила въ свою очередь Софья Андреевна, и глаза ея таинственно опустились:—отвѣта на ваше чувство, или попросту согласія?

— Другими словами,—не безъ нѣкоторой дрожи въ голосѣ продолжалъ князь, — ваша племянница меня никогда не полюбитъ, да?

— Чтò такое любовь, Дмитрій Львовичъ? Вѣдь подъ этимъ однимъ словомъ скрывается по крайней мѣрѣ съ полдюжины разныхъ чувствъ, иногда даже противорѣчивыхъ.

— Въ тридцать восемь лѣтъ, — не безъ грусти отвѣтилъ Борисоглѣбскій,—когда въ головѣ все въ порядкѣ, себѣ большихъ иллюзій на этотъ счетъ не дѣлаешь.

— Понимаю. Вы не требовательны. Цвѣты безъ аромата иногда тоже хороши и иногда даже очень декоративны. — Потомъ, помолчавъ съ минуту, она продолжала:—Я не хочу васъ держать въ заблужденіи: у нея, —вы, можетъ быть, догадываетесь, —была привязанность.

— Къ этому молодому музыканту?.. Конечно, догадываюсь. Только путь теперь, кажется, расчищенъ?..

Лицо Софьи Андреевны приняло вдругъ почти строгое выраженіе.—А у васъ, Дмитрій Львовичъ, тоже расчищенъ путь?— спросила она.

Онъ отвѣтилъ прямо, даже не опустивъ глаза: — Вполнѣ... Ради этого я такъ долго и не пріѣзжалъ. И дѣла въ порядкѣ, и сама жизнь тоже... Потомъ онъ добавилъ, понизивъ голосъ:— Вы мнѣ позволите вамъ подробно про это не разсказывать... Это вѣдь не меня одного касается. Но даю вамъ честное слово, что все прошлое я ликвидировалъ сполна.

— Совѣтую вамъ только,—закончила разговоръ Софья Андреевна,—сказать про это и ей, когда вы съ нею объяснитесь. А то, если она узнаетъ отъ другихъ, недовѣріе къ ней тотчасъ ляжетъ на душу.

Князь утвердительно качнулъ головой.

— Да, да, — послѣ минутнаго молчанія добавила Софья Андреевна.—Сколько, право, непохожихъ ощущеній скрывается подъ общимъ именемъ—любовь. Она васъ полюбитъ,—я въ этомъ увѣрена,—но какъ это будетъ непохоже на то, чтò чувствовала она прежде къ Красавину...

— Прежде, — про себя, чуть слышно, вымолвилъ Борисоглѣбскій и тутъ же мысленно добавилъ: „прежде ли только"? Потомъ, улыбаясь, онъ уже громко обратился къ Софьѣ Андреевнѣ:— Итакъ, вотъ, между закатомъ этой привязанности и, быть можетъ, зарей какого-нибудь иного чувства, мнѣ суждено быть, такъ сказать, антрактомъ... Въ ея жизни я буду чѣмъ-то въ родѣ ночи...

— И ночи бываютъ часто свѣтлыя, — отвѣтила г-жа Шаманская.

— Да, но отраженнымъ луннымъ свѣтомъ...

Сказавъ это, Борисоглѣбскій поднялся.—Ну, впрочемъ, вы знаете, я не изъ числа легко унывающихъ. Мнѣ сдается, въ этой ночи будутъ звѣзды, можетъ быть и яркія. Хотя всегда немного опасно молодую дѣвушку отрывать отъ недоконченной поэмы и свести на прозу... Во всякомъ случаѣ,—добавилъ князь, мѣняя тонъ и становясь вдругъ очень серьезнымъ:—я хотѣлъ, чтобы вы узнали мое теперешнее положеніе, знали, что ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ для меня никакихъ преградъ болѣе нѣтъ.

Нѣсколько дней спустя, Борисоглѣбскій, не откладывая болѣе, объяснился съ Вѣрой. И объясненіе это совсѣмъ не походило на то, что̀ обыкновенно въ такихъ случаяхъ происходитъ между заинтересованными. Онъ не глядѣлъ смущеннымъ, не волновался, не обставилъ своего признанія никакимъ предварительнымъ церемоніаломъ, а приступилъ къ дѣлу совершенно просто, воспользовавшись тѣмъ, что Ольга Андреевна ихъ оставила случайно на пять минутъ вдвоемъ. Она и не подозрѣвала, что рѣшеніе такъ близко. А Вѣра, незамѣтно для себя, среди самаго простого разговора вдругъ очутилась лицомъ къ лицу съ вопросомъ цѣлаго ея будущаго. Князь не оттѣнилъ даже ничуть, когда мать Вѣры скрылась за дверью, что обыденный между ними обмѣнъ интересныхъ всегда, какъ-то ласкающихъ, но совершенно спокойныхъ рѣчей вдругъ принимаетъ иной оборотъ.

— Случалось вамъ?—спросилъ онъ:—когда вы провели нѣсколько дней въ совершенно новыхъ мѣстахъ, вдругъ почувствовать, что мѣста эти какъ будто съ вами сроднились? Наканунѣ они еще глядѣли чужими, а теперь, вотъ, стали знакомыми, близкими...

Даже чуткое ухо Вѣры не разслышало въ этихъ словахъ чего-либо особеннаго, предвѣщающаго иныя, связующія навѣки слова.—Да, бывало это, бывало,—живо отвѣтила она.—Помню, въ Швейцаріи какъ-то, я еще почти маленькой была,—мы жили тогда на Люцернскомъ озерѣ, и оно мнѣ долго холоднымъ, ди-

кимъ, хмурымъ казалось. Вдругъ, разъ утромъ, я взглянула на горы—онѣ всѣ сіяли голубымъ мягкимъ свѣтомъ,—и я ихъ полюбила въ ту же минуту.

Онъ только чуть-чуть наклонился впередъ.—Ну, и съ людьми это бываетъ, Вѣра. Не знаю, какъ вы... а мнѣ почему-то кажется, что мы совсѣмъ съ вами спѣлись. И не знаю даже въ точности, когда это случилось, въ какую минуту?.. Мы вѣдь и не старались вовсе. А мнѣ сдается, что фальшивой ноты между нами уже не выйдетъ.

Она поняла и взглянула на князя широко раскрытымъ, почти испуганнымъ взглядомъ. Скрещенныя ея руки дрожали немножко, но голосъ былъ твердъ, когда, минуту спустя, она отвѣтила,— и мучительно долго продлилась эта минута для Борисоглѣбскаго:

— Я готова этому повѣрить, Дмитрій Львовичъ. А странно вѣдь—мы съ вами до сихъ поръ про все говорили, только не про это.

Князь медленно, почти торжественно поднесъ ея руку къ губамъ и прильнулъ къ ней долго, горячо. — Я хотѣлъ, чтобы вы хорошенько сперва ознакомились съ тѣмъ, что я могу предложить, не торопясь съ самимъ предложеніемъ... Вы, я думаю, знаете меня теперь и вдоль, и поперекъ?

Вѣра долго всматривалась въ его черные мягкіе глаза, въ которыхъ, какъ многіе увѣряли, дна не было видно. Борисоглѣбскій ихъ не опустилъ, — онъ не боялся, что молодая дѣвушка доберется до этого дна. И Вѣрѣ показалось, что она можетъ положиться на него вполнѣ.

— Я вамъ обязанъ сдѣлать еще одно признаніе,—нѣсколько позже въ тотъ же день говорилъ ей Борисоглѣбскій.—Вы догадываетесь, конечно, что моя жизнь не прошла совсѣмъ невозмутимо. До моихъ лѣтъ безупречности младенца не сохранишь. И нехорошаго много было въ моемъ прошломъ: когда потребуете, я вамъ все это прошлое выложу. Но теперь все съ нимъ покончено. Мы можемъ съ вами идти дальше, не споткнувшись.

Вѣрѣ его разспрашивать не хотѣлось, по крайней мѣрѣ въ эту минуту. У нея было въ этотъ день какъ-то тихо-празднично на сердцѣ. Она позже говорила, что ей все казалось въ этотъ день, будто гдѣ-то вдали наигрываютъ старинную симфонію Гайдна. Конечно, это не походило на молодую, опьяняющую развязку романа. Восторговъ у нея не было, молнія въ ея сердцѣ не загорѣлась, но разочарованія она не испытывала. Это было, попросту, хорошее, гладкое продолженіе давно начавшейся дружбы.

И на всѣ любопытные разспросы сверстницъ молодая дѣвушка неизмѣнно отвѣчала, что счастлива.

Вѣра была совершенно искренна, повторяя это. Да и нельзя было не оцѣнить необыкновенно бережнаго, почти трогательнаго въ своей мягкой внимательности обращенія съ ней жениха. Ни одной шероховатости, ни одного диссонанса. Новая жизнь открывалась для нея безъ треска, безъ яркаго зарева пламеннаго весенняго утра. Это были пожалуй сумерки, но что̀ за восхитительно-прозрачныя, что за благоуханныя сумерки!..

А все-таки, въ самомъ далекомъ углу ея сердца, что-то чуть-чуть сжималось. Какъ дуновеніе вѣтра въ лѣтній день, проходило по ея памяти иной разъ недалекое прошлое, и блѣдное лицо Красавина возставало передъ ней во всей своей укоряющей скорби. Но она отворачивалась отъ этого докучливаго облика. И подъ вѣнецъ она пошла — свадьба была еще передъ масляницей — твердой поступью, съ яснымъ, счастливымъ взоромъ. Князь настоялъ на томъ, чтобы приглашены были только самые близкіе, и Вѣра была ему очень благодарна, что онъ этого добился, несмотря на отчаянное стараніе Ольги Андреевны выставить свою мамашину побѣду всему городу на показъ. Въ церкви было нелюдно. Дамы не обмѣнивались лукавыми замѣчаніями, мужчины—скоромными шутками. Кое-кто даже искренно молился. Молилась и Вѣра. А подъ-конецъ службы, неизвѣстно зачѣмъ, у нея вдругъ слезы покатились. Князь это замѣтилъ, а потомъ, выходя изъ церкви, шепнулъ женѣ: „Ты плакала, а плачутъ вѣдь только надъ покойниками... Ну, и скажемъ себѣ разъ навсегда, что прошлое схоронено навѣки“...

Въ тотъ же вечеръ они уѣхали въ Италію.

IX.

Изъ-за границы Вѣра писала рѣдко. И Ольга Андреевна ничего по настоящему не знала томъ, что̀ принято называть счастьемъ дочери. Ея письма что-то ужъ очень походили на оффиціальныя донесенія. Зато, когда молодые вернулись въ первыхъ числахъ мая, чтобы затѣмъ поѣхать въ деревню, никакого сомнѣнія не могло оставаться въ ихъ полномъ, безоблачномъ согласіи. Одного взгляда жены было достаточно, чтобы Дмитрій Львовичъ тотчасъ понялъ, чего она хотѣла. И въ ихъ отношеніяхъ чувствовалось даже то, чего обыкновенно такъ не любятъ мамаши,—была замѣтная черта, отдѣлявшая ихъ отъ прочихъ, въ

томъ числѣ и отъ родныхъ, черта, за которую и Ольгѣ Андреевнѣ заглядывать не удавалось. Но сговорчивая мамаша объ этомъ скорбѣла не особенно. Да и понимала она чутьемъ, что вступать въ борьбу съ зятемъ нечего было и думать. Трудно было сказать, счастлива ли по настоящему Вѣра,—это слово какъ-то не годилось для ея настроенія. Но между ней и мужемъ несомнѣнно была такая прочная спайка, что жизнь ихъ будто слилась въ нераздѣльное цѣлое. И на всѣ вопросы матери Вѣра невозмутимо отвѣчала:—Право, не знаю, мама, чего ты добиваешься? И какого ты для меня ищешь особеннаго, необыкновеннаго счастья? Мы съ Дмитріемъ никогда не споримъ и даже уступать другъ другу ни въ чемъ не приходится. Мы попросту всегда хотимъ одного и того же. Развѣ можно требовать чего-нибудь лучшаго?

Да, требовать лучшаго было, очевидно, нельзя. А у Ольги Андреевны все-таки шевелилось тайное недовольство. Она разсчитывала извлечь пользу для себя самой изъ блестящаго замужества дочери, а выходило, что Вѣра какъ-то отъ нея отдалилась. И нельзя было ее за это упрекнуть: вѣдь женѣ суждено жить съ мужемъ душа въ душу—это въ порядкѣ вещей.

Ольга Андреевна не разъ жаловалась сестрѣ на странную перемѣну въ дочери.

— Не понимаю, чего ты хочешь, мой другъ?—холодно отвѣчала та.—Вѣра была всегда главнымъ козыремъ въ твоей игрѣ, и понимала это какъ нельзя лучше. Ну, теперь козырь взялъ крупную ставку, и ты должна быть довольна... А что игра твоя кончена,—это вѣрно.

Игра была, очевидно, кончена. И не одна Ольга Андреевна это чувствовала. Прочіе члены семьи, и Алексѣй Евгеніевичъ, и Миша, сознавали тоже, что Вѣра отъ нихъ ушла и какъ-нибудь учесть въ свою пользу ея богатое замужество едва ли удастся. Борисоглѣбскій держалъ себя безупречно. Но разсчитывать, что онъ станетъ помогать денежнымъ затрудненіямъ тестя или платить долгъ Миши, было бы попросту наивно.

Алексѣй Евгеніевичъ побывалъ у дочери въ „Глуховѣ“, повилялъ вокругъ зятя, щеголяя стариковскимъ изяществомъ и глубокомысленной опытностью испытаннаго циника. Съѣздилъ туда и Миша, разсыпаясь въ восторгахъ насчетъ родовой усадьбы Борисоглѣбскаго и его коннаго завода. Но хозяинъ „Глухова“ оставался, какъ снѣжная вершина, свѣтелъ и блестящъ, но и вполнѣ недоступенъ. А когда осенью молодая пара отдала визитъ роднымъ въ „Раменьѣ“, Дмитрій Львовичъ терпѣливо вы-

слушивалъ мудреныя выкладки тестя и вѣрные его разсчеты на барыши его предпріятій, но попросить у зятя денегъ было всетаки немыслимо. Да и Вѣра едва ли будетъ союзницей своихъ родныхъ. Удивительно, какимъ колдовствомъ успѣлъ ее одурманить мужъ, какъ безраздѣльно она въ его власти. Мамаша и папаша были почти готовы жаловаться на это единодушіе молодой четы, а Миша и на брань не скупился.

— Я ее всегда умной считалъ,—сердился онъ,—а выходитъ, что она не только мужемъ не вертитъ по-своему, а сама во всемъ его слушается. Не понимаю.

И очаровательный молодой человѣкъ насмѣшливо поводилъ плечами.

А что̀ думала, что̀ чувствовала сама Вѣра? Едва бы она смогла на это отвѣтить, если бы даже захотѣла. Бурныхъ, увлекающихъ ощущеній въ ней не было вовсе. Она чувствовала только, что будто катится по гладкой, ровной дорогѣ, какъ зимой по хорошо укатанному снѣжному пути, широко освѣщенному яркимъ солнцемъ. Ни тяжести, ни разочарованія, ни скуки она не знала. Ея желанія исполнялись, ея свободѣ не было никакого стѣсненія. Мужъ не навязывалъ ей не только своихъ взглядовъ, но и своего общества. И все-таки въ этомъ не было ни малѣйшаго оттѣнка равнодушія. Всякій разъ, что они проводили вечеръ вдвоемъ, это ему доставляло очевидное удовольствіе, и когда она разъ заболѣла и слегла, и врачи еще хорошенько не знали, въ чемъ опасность,—какую нѣжную заботливость выказывалъ ей мужъ, бережно скрывая свою тревогу. И какъ потомъ онъ ухаживалъ за нею, пока она выздоравливала, и какъ онъ былъ всегда неистощимъ, дѣлясь съ ней богатымъ запасомъ своихъ мыслей! Какіе они проводили вмѣстѣ очаровательные часы, когда онъ ей читалъ вслухъ своимъ гибкимъ, богатымъ голосомъ, изрѣдка вставляя мѣткое замѣчаніе!

Да, Вѣра не могла пожаловаться ни на что. Изрѣдка только, когда она сравнивала себя съ другими молодыми женщинами, улавливая подчасъ у нихъ во взглядѣ какую-то особенную пламенную искорку, ей мерещилось, будто есть иныя, болѣе жгучія ощущенія, которыхъ она не знаетъ. И, можетъ быть,—невольно добавляла она мысленно,—можетъ быть, съ Красавинымъ было бы иное? Но къ чему надъ этимъ задумываться? Искать лучшаго, когда все такъ хорошо—прямое безразсудство. И развѣ могъ бы Красавинъ, слабый, болѣзненный Красавинъ, сравниться съ ея мужемъ, этимъ умнымъ, уравновѣшеннымъ человѣкомъ, который на жизненныхъ клавишахъ еще

вѣрнѣе, можетъ быть, играетъ, чѣмъ тотъ на клавишахъ инструмента?

О Красавинѣ между тѣмъ доходили смутные слухи.

Три года уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ Вѣра вышла замужъ, а въ Петербургѣ онъ все не показывался. Случайно она только узнавала, то изъ газетъ, то изъ разсказовъ побывавшихъ за границей знакомыхъ, что молодой русскій піанистъ начинаетъ пріобрѣтать извѣстность, что въ Берлинѣ, напримѣръ, онъ имѣлъ громкій успѣхъ. А потомъ опять завѣса опускалась, и самое имя Красавина будто нырнетъ въ темную глубь забвенія. Бывалъ онъ и въ Россіи,—въ газетахъ говорилось о его концертахъ въ Кіевѣ и въ Москвѣ. Но въ Петербургъ онъ не заглядывалъ. И какъ разъ изъ-за этого Вѣра про него вспоминала часто. Она говорила себѣ, что родного города онъ избѣгаетъ изъ-за нея, и при одномъ звукѣ его имени что-то пристыженно болѣзненное, какъ воспоминаніе дурного поступка, щемило ей сердце. Сама Вѣра о немъ не заговаривала никогда. Борисоглѣбскій не разъ старался вывести жену изъ этого принужденнаго молчанія, которое онъ толковалъ по-своему, но молодая женщина всегда отвѣчала уклончиво и односложно. „Съ прошлымъ, видно, еще не совсѣмъ покончено,—говорилъ себѣ иногда Дмитрій Львовичъ,—хоть это прошлое и существовало, кажется, въ одномъ только ея воображеніи. Но воображаемый врагъ иногда страшнѣе настоящаго".

И Борисоглѣбскій дорого бы далъ, чтобы встрѣтиться лицомъ къ лицу съ бывшимъ соперникомъ, обратившимся въ какую-то неуловимую тѣнь. Наконецъ, его желаніе сбылось. Въ газетахъ появилась вѣсть, что въ близкомъ будущемъ Петербургъ услышитъ знаменитаго русскаго піаниста Красавина, собиравшагося дать постомъ три музыкальныхъ вечера. Едва онъ это успѣлъ прочесть за утреннимъ чаемъ, Дмитрій Львовичъ протянулъ газету женѣ.

— Могу тебя обрадовать пріятнымъ извѣстіемъ,—сказалъ онъ:—Красавинъ будетъ здѣсь черезъ нѣсколько дней... Мы поѣдемъ его послушать, конечно?.. Мнѣ будетъ очень интересно увидѣть, какіе онъ сдѣлалъ успѣхи.

— Разумѣется, мы поѣдемъ, если ты хочешь,—безъ особаго оживленія отвѣтила Вѣра, быстро пробѣжавъ глазами коротенькую замѣтку.

Ей суждено было увидать бывшаго друга дѣтства раньше, чѣмъ она думала. Недѣлю спустя, на самой масляницѣ, она была у тетки, какъ вошедшій слуга, растворивъ дверь, громко доложилъ:

— Павелъ Сергѣевичъ Красавинъ. Прикажете просить?

Софья Андреевна мелькомъ взглянула на племянницу и, не дождавшись, чтобы та что-нибудь сказала, отвѣтила слугѣ:

— Просите.

Вѣру чуть-чуть бросило въ краску, а Софья Андреевна еще разъ на нее взглянула и чуть слышно проронила:

— Цѣлыхъ три года, подумаешь. Какъ быстро они пролетѣли!

Минуту спустя, Красавинъ вошелъ, глубоко поклонившись хозяйкѣ дома. Вѣру его близорукіе глаза не сразу узнали въ полутьмѣ гостиной. Она подняла голову и протянула руку, стараясь улыбнуться, но вмѣсто улыбки на ея лицѣ выразилось удивленіе. Это былъ уже совсѣмъ не тотъ Красавинъ, что̀ прежде. Онъ замѣтно пополнѣлъ, и что-то особенное, что-то профессіональное легло на него, какъ бы заслоняя собою прежнія самобытныя черты. Руку Вѣры онъ поднесъ къ губамъ,—сказалъ только:—„Вы совсѣмъ не измѣнились, Вѣра Алексѣевна“,—и усѣлся на указанный ему Софьей Андреевной стулъ. „Неужто прошлое для него совсѣмъ перестало существовать?“—пронеслось въ мысляхъ у Вѣры, пока молодой человѣкъ, извинившись, что рѣшился обезпокоить г-жу Шаманскую, принялся ей говорить, что позволяетъ себѣ разсчитывать на ея высокое содѣйствіе: она вѣдь такъ вліятельна среди музыкальнаго міра и никогда не отказываетъ въ своемъ могущественномъ покровительствѣ.

Молодая женщина не вѣрила ушамъ. „Какъ? Въ ея присутствіи, въ первую же встрѣчу послѣ трехлѣтней разлуки, онъ могъ думать о томъ, какъ бы получше размѣстить билеты“?.. А Софья Андреевна, съ благосклонной улыбкой на лицѣ, выразила полную готовность ему помочь по мѣрѣ силъ.

— Буду очень рада васъ послушать, и постараюсь, чтобы какъ можно больше собралось людей восторгаться вашей игрой. Вы, конечно, сдѣлали большіе, большіе успѣхи!

Онъ сталъ разсказывать почти дѣловымъ тономъ, какъ побывалъ онъ и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ и въ Нью-Іоркѣ, какъ захотѣлось, наконецъ, и родину повидать. Вѣра слушала и все собиралась спросить про иное, про близкое, но голосъ не повиновался, слова не приходили на языкъ.

А вотъ и вечеръ концерта: среда на второй недѣлѣ. Обширная зала Дворянскаго Собранія показалась Вѣрѣ далеко не полной, когда она вошла съ мужемъ. Оркестръ доигрывалъ увертюру къ „Эгмонту“. Знакомые благородные звуки Бетховенской музыки сразу перенесли молодую женщину въ даль прошлаго. Она усѣлась, вся вниманіе. И вотъ, изъ той же дали

иные звуки коснулись ея уха. Красавинъ начиналъ свой первый нумеръ, встрѣченный дружными рукоплесканіями. Это былъ полонезъ Шопена—тотъ самый, да, тотъ самый... Вѣра и не заглядывала въ афишу передъ концертомъ. Талантъ Красавина, очевидно, созрѣлъ—это она поняла сразу. Отдѣлка была само совершенство. Тихое „andante spianato" и блескъ шумнаго полонеза были переданы имъ мастерски. И онъ сознавалъ вполнѣ—это чувствовалось,—что инструментъ совсѣмъ въ его власти, что клавиши ему повинуются въ тонкости. И все-таки это было не то. Вѣра тщетно поджидала тѣхъ плачущихъ, скорбныхъ нотъ, которыя она еще помнила. Въ игрѣ Красавина что-то погасло. Она переглянулась съ теткой, сидѣвшей за два стула отъ нея. Софья Андреевна только кивнула головой, понявъ ея взглядъ. А Дмитрій Львовичъ былъ, повидимому, совершенно очарованъ. Онъ усердно хлопалъ послѣ каждой пьесы.

Красавинъ сыгралъ много вещей въ этотъ вечеръ. Два раза только онъ уступалъ мѣсто какой-то довольно заурядной пѣвицѣ, спѣвшей какъ будто надтреснутымъ голосомъ „Die Forelle" Шуберта и два романса Чайковскаго. Молодой піанистъ переходилъ отъ Шумана къ Григу, отъ Грига къ Брамсу и, наконецъ, сыгралъ и собственное произведеніе. Успѣхъ былъ несомнѣнный. Заурядный талантъ могъ быть вполнѣ довольнымъ, но именно только заурядный. Искра не зажглась, дрожь не пробѣжала по залѣ. Былъ только обыденный восторгъ въ рядахъ обыденной публики. Настоящіе знатоки какъ-то пріуныли, а на лицѣ Вѣры съ каждой новой пьесой все гуще, все мрачнѣе ложилась какая-то тѣнь. Ей жаль было чего-то, она точно хоронила дорогого покойника. „Неужели это—и только это?.. Техника, бойкость,—а гдѣ же душа? Душа, біеніе которой такъ чувствовалось прежде въ его игрѣ. И не она ли затушила эту душу"?

— Поѣдемъ, Вѣра, кончено,—вдругъ донесся до нея, будто издали, голосъ мужа, слегка прикоснувшагося къ ея рукѣ. Она послушно встала и машинально двинулась вслѣдъ за проходившей толпою.

— Хорошо, очень даже, но все-таки такъ, ничего особеннаго,—доносилось до ея ушей.

— Ты, кажется, осталась недовольна, Вѣра?—спросилъ мужъ, когда лошади тронули. Надо было отвѣтить что-нибудь, и Вѣра пересилила себя.

— Да. Я не того ожидала... Согласись, что прежде...

— Нѣтъ. Ты слишкомъ строга, Вѣра. Даже несправедлива. По-моему, онъ играетъ очень недурно, онъ выработался вполнѣ.

— „Очень недурно“!.. И это—послѣднее слово той блестящей будущности, о которой она для него мечтала?! Вмѣсто огненнаго генія—одна только школа.

Съ концерта они должны были еще ѣхать на вечеръ, но на полпути Вѣра попросила вдругъ мужа прямо вернуться домой. Онъ тотчасъ согласился.

Дома имъ подали чаю, и Вѣра ради приличія только отвѣчала короткими словами на замѣчанія мужа. Его, наконецъ, взяло безпокойство.

— Тебѣ будто нездоровится?—спросилъ онъ и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Да. Немножко.—Она воспользовалась его вопросомъ, чтобы подняться съ мѣста и уйти къ себѣ.—Я раздѣнусь, Митя,—сказала она въ дверяхъ,—можетъ быть, пройдетъ. Черезъ какихъ-нибудь полчаса...

Онъ кивнулъ ей вслѣдъ головой, но прошло много времени, далеко болѣе часа, а Вѣра не показывалась. Онъ заглянулъ къ ней въ спальню—тамъ не было никого. Наконецъ, обезпокоенный, онъ бережно растворилъ дверь въ ея уборную. Она и не думала раздѣваться. Она погрузилась въ глубокое кресло, вся застывшая въ неподвижности, и горькія, тяжелыя слезы лились по ея лицу. Она ихъ не думала отирать; быть можетъ, она даже и не подозрѣвала, что плачетъ,—такъ далеко ушла она куда-то мыслями, въ какой-то загадочный, невѣдомый міръ...

К. Головинъ.

Изъ
ФРАНСУА КОППЕ

I. — Маленькіе люди.

„Petits Bourgeois“.

Мнѣ честолюбіе людское непонятно —
И думается мнѣ, что счастливъ въ мірѣ тотъ,
Кто, къ славѣ не стремясь, по простотѣ живетъ.
Трудами заслужить на склонѣ лѣтъ пріятно
Почтенныхъ стариковъ заманчивый удѣлъ,
Не утерявшихъ силъ и сердца въ жадной ловлѣ
Богатства, почестей, и скромною торговлей
Скопившихъ капиталъ, чтобъ, удалясь отъ дѣлъ,
Въ предмѣстьѣ, близъ полей зажить въ своемъ домишкѣ.
О, эта жизнь въ тиши достойна грёзъ!
Представьте: особнякъ съ флюгаркою на вышкѣ;
У оконъ—въ цвѣтникахъ—кусты душистыхъ розъ;
Съ чугуннымъ завиткомъ колодезь. Три ступени
Ведутъ изъ сада въ домъ; разлегся у дверей
На солнцѣ черный пёсъ и дремлетъ, полный лѣни.
Одѣтый въ бѣлое, отъ солнечныхъ лучей
Укрытый шляпою соломенной съ полями,
Хозяинъ, съ ножикомъ садовымъ, межъ кустами
Дорожкою идетъ, снимая слизняка
Съ нагнутаго къ землѣ отъ тяжести цвѣтка.
Въ бесѣдкѣ, сѣвъ въ тѣни, отброшенной листвою,

Хозяина жена нагнулась надъ чулкомъ;
Котенокъ возится у ногъ ея съ клубкомъ
И скачутъ по песку веселою гурьбою
Малютки-воробьи. Изъ-за дверй входной
Видна гостиная стариннаго фасона:
Часы со стàтуей литой Наполеона
И сфинксовъ гòловы на мебели рѣзной
У ручекъ креселъ... Полно улыбаться!
Здѣсь днемъ сегодняшнимъ умѣютъ дорожить
И дней, за нимъ грядущихъ, не бояться,
Безъ сожалѣнія о томъ, чтò миновало, жить,
Безъ зависти, въ любви, какъ раньше предки жили.
Въ почетѣ здѣсь преданья старой были:
Отъ Рождества они хранятъ полѣно дровъ,
О черномъ днѣ впередъ имѣютъ попеченье,
Сбирая ягоды, готовятъ въ прокъ варенье
И изъ смородины отъ собственныхъ кустовъ
Наливку чудную настаиваютъ лѣтомъ.
У нихъ все—старое, одни сердца—юны́.
Такъ можно ли въ вину имъ ставить передъ свѣтомъ,
Что чтутъ они обычай старины,
Встрѣчаютъ новый годъ, дни праздниковъ справляютъ,
Мясное ѣсть въ посту зовутъ большимъ грѣхомъ
И крестятся, когда ударитъ громъ?
Смѣшны ли тѣмъ они, что счастьемъ наполняютъ
Сердца ихъ ароматъ цвѣтовъ и ростъ травы,
Что хлѣбъ святятъ они, блюдя обрядъ церковный?
Не правы ль въ томъ они, что имъ успѣхъ условный,
Волнующій другихъ, не кружитъ головы?
Привычка имъ даетъ подъ старость утѣшенье...
Къ нимъ пріѣзжаютъ дочь и зять ихъ въ воскресенье;
Звучитъ по саду смѣхъ дѣтей съ утра
И—такъ какъ въ воздухѣ полуденномъ жара—
Всѣ воду черпаютъ, растенья поливаютъ,
И незамѣтно день проходитъ безъ тревогъ.
Спадаетъ духота. Подъ липой накрываютъ
Въ саду на столъ. За кофеемъ луна
Восходитъ нà небо. У младшаго ребенка
Головка клонится, тяжелая отъ сна;
Спать не даютъ ему, но въ обѣ щёки звонко
Цѣлуютъ стариковъ и, всѣхъ забравъ ребятъ,
Усѣсться въ омнибусъ, усталые, спѣшатъ

И ѣдутъ, полные за праздникъ впечатлѣній,
Съ громадными букетами сирени.

— О, люди добрые, мое спасибо вамъ!
Спасибо домику за чудный рядъ мгновеній,
За данный имъ, на-дняхъ, полетъ моимъ мечтамъ
Въ страну идилліи и мирныхъ наслажденій!

II. — Почти-что басня.

„Presque une fable".

Малиновку любилъ, сударыня, вьюнокъ.
Простите, если въ томъ вы не найдете склада,
Что въ птичку былъ влюбленъ голубенькій цвѣтокъ!
Лѣсной вьюнокъ въ глуши запущеннаго сада,
Близъ влаги ручейка, по трещинамъ въ стѣнѣ
Среди сухой листвы уныло пробирался
Къ вѣтвямъ зеленымъ липъ, гдѣ звонко въ вышинѣ
Веселый голосокъ пѣвуньи раздавался.
Неужли для себя цвѣсти — его удѣлъ!
О, еслибы онъ могъ, о, еслибъ онъ съумѣлъ
Склониться къ дереву, обнять его морщины
И виться, виться вверхъ, въ густую тѣнь вершины,
До самаго гнѣзда, гирляндой голубой!
Въ невинности своей—онъ вѣрилъ въ единенье
Свободнаго пѣвца съ цвѣтущей красотой.
Какъ трогательно мнѣ такое увлеченье!
Вы знаете, что ждетъ безумье подъ-конецъ
Влюбленныхъ; но за васъ имъ не страшны и муки!
Какъ за Діаною стремясь, Актей-Ловецъ
Внималъ ея рожку и шелъ впередъ на звуки,
Такъ, колокольчиковъ навѣшивая рядъ,
Вздымался вверхъ цвѣтокъ на звонкій голосъ птицы;
Малиновки достичь, вниманіе пѣвицы
Привлечь своей красой—о, какъ бы онъ былъ радъ!
Прекрасныя мечты, — несбыточныя грёзы!
По каплѣ изъ земли течетъ сокъ жизни въ лозы.
Все медленнѣе росъ, запасъ теряя силъ,
И съ каждымъ днемъ вьюнокъ слабѣе становился.
Не съ муравьями ль онъ внизу, въ травѣ родился,

А къ бѣлкамъ въ вышину свой стебель возносилъ,
Гдѣ вѣтеръ такъ суровъ и солнце скрыто тѣнью!
Но всѣ влюбленные способны ли бѣду
Замѣтить вѣ-время? Все далѣе къ гнѣзду
Тянулся въ высь вьюнокъ, на встрѣчу пѣснопѣній.
Когда онъ, наконецъ, почти у цѣли былъ, —
Тѣнь свѣжая вѣтвей его могилой стала.
Въ день смерти онъ цвѣтокъ послѣдній распустилъ,
Малиновка его, однако, не видала...
— Какъ, вы вздыхаете? У вашихъ глазъ—платокъ,
Сударыня... Влюбленъ въ малиновку вьюнокъ.

Съ франц. Н. Б. Хвостовъ.

ПОѢЗДКА

НА

ПЕЧОРУ

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

Окончаніе.

VIII *).

Печорская тайбола.—Переправа черезъ Мезень.—Станціи.—Дорога въ лѣсъ.—Ямщики.—Встрѣча съ ссыльными.

Черезъ нѣсколько дней тронулись мы изъ Койнасса. Путь лежалъ черезъ огромную и бездорожную въ это раннее время Печорскую тайболу. Дулъ порывистый и холодный вѣтеръ, когда въ полуверстѣ отъ Койнасса мы очутились на пустынномъ берегу широко разлившейся и разыгравшейся Мезени.

— Гей, перевозчикъ! перевозчикъ!—закричалъ ямщикъ.

Никто не откликнулся сначала, потомъ изъ-за куста вышелъ мужичокъ въ оленьей „малицѣ“ и „совикѣ“.

— Ты перевозчикъ?

— Нѣтъ, я не перевозчикъ, я такъ себѣ человѣкъ; перевозчикъ—Иванъ, спитъ, вѣрно. Иванъ, эй, Иванъ!—крикнулъ онъ, отходя въ сторону.—Выходи, лѣшій, перевозъ требуютъ!

Лѣшій-Иванъ вылѣзъ изъ какого-то земляного бугра, заспан-

*) См. выше: ноябрь, стр. 236.

ный и всклокоченный. Онъ осмотрѣлъ насъ мутнымъ взглядомъ и, ни слова не сказавъ, пошелъ къ землянкѣ за шестомъ.

— Гдѣ же тутъ поромъ?—спросилъ я, высовываясь изъ кибитки.

— А вотъ онъ.

У берега я увидалъ бревенчатый помостъ, у котораго стоялъ обыкновеннѣйшій карбасъ, съ настилкой во всю ширину, безъ всякихъ перилъ и приспособленій. Мезень бурлила, вѣтеръ пронизывалъ насквозь.

— Такъ и повезете?

— Такъ и повеземъ, чего-жъ еще? Покачатъ маленько...

Большое количество багажа, который все увеличивался по дорогѣ, заставило насъ взять два парныхъ тарантаса, вмѣсто одного троечнаго. Ямщики слѣзли и стали помогать Ивану. Одинъ тарантасъ съ грохотомъ вкатили на карбасъ съ лошадьми, какъ былъ. Изъ другого лошадей выпрягли, тарантасъ втащили на себѣ, лошадей еле-еле поставили по бокамъ. Понуро и покойно стояли бѣдныя животныя, оглядываясь и вздрагивая при толчкахъ. Ихъ хвосты и гривы развѣвались, и они боязливо жались къ тарантасу, осторожно переступая и пробуя почву, прежде чѣмъ поставить ногу. Явился еще одинъ перевозчикъ—рыжая борода, въ суконномъ совикѣ, съ „сюмой“ (родъ капюшона) на волосатой головѣ. Онъ сѣлъ на весла, Иванъ сталъ править. Отвязали чалку, тронулись. Вѣтеръ, казалось, хотѣлъ разметать наши кибитки; карбасъ скрипѣлъ и шатался во всѣ стороны; бѣлая пѣна прыгала на гребняхъ волнъ,—отъ рѣки и неба вѣяло неизъяснимой поэзіей безконечнаго приволья и бурной свободы, и безучастья, и смутной грусти, и сердце сжималось какой-то безнадежной тревогой... Это чувство не оставляло меня до слѣдующей станціи, когда, переправившись черезъ Мезень, мы ѣхали по дремучему сосновому бору. Было пасмурно, деревья шумѣли глухо, неся сосредоточенный гулъ, что-то протяжное, торжественное и таинственное слышалось въ этомъ шумѣ,—на всемъ лежала печать пустыннаго унынія и тоски. Звонъ колокольчика одинъ вносилъ странную дисгармонію въ общее настроеніе, но и въ его переливахъ звучала вмѣстѣ съ безконечной удалью и какая-то особенная, чисто русская печаль.

Посмотришь на здѣшнихъ лошадей—въ чемъ душа держится, а при добромъ желаніи ямщика—несутъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ архангельской губерніи, особенность быстрой ѣзды состоитъ въ томъ, что коренная не рыситъ, какъ въ средней Россіи, а несется вскачь; исключительная же лихость, часто

весьма нежелательная, проявляется при въѣздѣ на мосты и при подъемахъ и спускахъ съ горъ. Ямщикъ дико взвизгиваетъ, размахиваетъ руками, „сюма" слетаетъ съ головы, волосы развѣваются по вѣтру... во всей ѣздѣ есть что-то дикое и нерусское,— говорятъ, въ Сибири такъ ѣздятъ.

Касама—первая земская станція въ тайболѣ. Земскія станціи здѣсь напоминаютъ тѣ, которыя мы встрѣчали въ тайболѣ Пинежской, но при нихъ нѣтъ спеціальныхъ помѣщеній для арестантовъ. Небольшое крыльцо, у котораго стоитъ полосатый казенный столбъ, ведетъ въ такъ называемую „чистую" избу для проѣзжающихъ; здѣсь стоитъ столъ, съ опрокидывающейся при малѣйшемъ давленіи крышкой, деревянной, съ досчатой кроватью съ клопами и мѣднымъ, въ пятнахъ, рукомойникомъ безъ воды. Нѣкоторое понятіе о здѣшней обстановкѣ можетъ дать слѣдующая запись въ казенной книгѣ Касамы, гдѣ одна изъ страницъ оказалась залитой чернилами: „Пріѣхавъ на станцію, мой мальчикъ, трехъ лѣтъ, оперся руками на столъ. Столъ опровинулся, свалилъ его, а находившееся на немъ чернило разлилось и запачкало книгу. Почему прошу ямщиковъ не винить. Акцизный надзиратель—*такой-то*".

Взглянули мы въ помѣщеніе для ямщиковъ. Большая комната, вся въ темныхъ и мутныхъ пятнахъ, съ лавками вдоль стѣнъ, со столомъ и полками, гдѣ стояла невообразимо-грязная посуда.

— Ребята, давайте чашку, водки налью!—закричалъ С. В., разбираясь въ корзинѣ съ провизіей.

Одинъ изъ ямщиковъ бросился со всѣхъ ногъ, схватилъ чашку и давай ее мыть.

— Не отмывается, заскорузла! Какъ родилась, не была мыта. Ну, да все равно, лей въ грязную, водка грязь съѣстъ...

Бабъ на станціи нѣтъ; хозяйствомъ завѣдуетъ полуграмотный писарь, парень лѣтъ шестнадцати, который готовитъ ямщикамъ невообразимыя „шти" и печетъ всегда сырой и затхлый хлѣбъ. Богъ знаетъ, чѣмъ питаются эти несчастные, которымъ и въ голову не приходитъ предъявлять какія бы то ни было требованія опрятности и вкуса. На немногихъ станціяхъ, гдѣ хозяйство направляется женской рукой, ихъ положеніе значительно лучше.

Подали самоваръ; я сталъ заваривать чай, отвернулъ кранъ — вода не течетъ.

— Что̀ не течетъ, воды не налили?

— Налить-то налили,—отвѣтилъ писарь съ глуповатой улыбкой,—да онъ такой, вишь, не течетъ шибко.

— Вода не бѣжитъ, песокъ, видно, въ трубкѣ-то,—вставилъ ямщикъ, который привезъ насъ, — кранъ-то затяпло. Я четыре года здѣсь въ ямщикахъ жилъ, онъ все такъ тёкъ. Я ужъ не разъ говорилъ—вычистить бы его или бросить совсѣмъ, въ землю закопать... такъ не любятъ слушать-то.

— А ты что, новый справишь, что-ли?—вступился писарь; —вишь, текётъ помаленьку, чего еще?

Помаленьку, дѣйствительно, текло. Мы пили чай изъ такого самовара, кранъ котораго былъ уже четыре года засоренъ, и утѣшались сознаніемъ того, что понятіе чистоты, вообще говоря, понятіе относительное, и что человѣкъ ко всему привыкаетъ. Ямщикъ тутъ же пояснилъ это примѣромъ.

— Приведутъ, бывало, коня изъ-за рѣки, а тамъ кормы хорошіе, нипочемъ онъ нашей соломенной сѣчки съ мукой не ѣстъ... ну, а постоитъ недѣлю, другую, жрать захочется, пойдетъ ѣсть такъ, что только подкладывай... Голодъ—не свой братъ.

За Касамой потянулась та же тайбола. Дорога шла по холмамъ, то повышаясь, то понижаясь, желтѣли по сторонамъ моховины, на которыхъ росъ низкій и жалкій на видъ лѣсъ хвойныхъ и лиственныхъ породъ. Погода прояснилась, въ воздухѣ потеплѣло. Вотъ и вторая станція—Нижнесульская—стоитъ у живописной, извилистой рѣчки Сулы, поросшей лѣсомъ и живописно привлекательной именно теперь, въ весеннюю пору. Здѣсь мѣстность вообще болѣе открытая и привѣтливая. Въ окно станціонной избы мелькнуло лицо бабы, повязанной краснымъ платкомъ.

— А, значитъ, хозяйство, молоко найдемъ.

Нашли не только молоко, но и рыбу-щуку. Баба долго колебалась, совѣщалась съ ямщиками, наконецъ согласилась приготовить ее, сварила au naturel; С. В. сдѣлалъ соусъ —изъ кислаго молока, горчицы, перцу, соли, сахару и чаю „для аромата“. Ѣсть было можно: ѣзда по тайболѣ развиваетъ аппетитъ.

Я спросилъ, отчего хозяева не сразу открыли намъ, что у нихъ такое изобиліе плодовъ тайбольскихъ.

— А кто васъ знаетъ, —отозвалась баба, — спервоначала, иной того, сего потребуетъ, а потомъ дастъ шесть копѣекъ, да и былъ таковъ, чтò съ него взять; а какъ посмотришь, что господа—ничего, ну и осмѣлишься.

На Ѳоминской предстояла продолжительная остановка. Долго тащились мы, пока разглядѣли на горѣ вдали станціонныя постройки. У въѣзда встрѣтила насъ новенькая, раскрашенная часовня. Еще минута—и мы на станціи. Вошли въ чистую

избу, натопленную какъ въ банѣ. Отъ большой побѣленной печи посреди комнаты такъ и пышетъ. Открыли дверь настежь—и то еле-еле можно было дышать. Въ общемъ эта изба была дѣйствительно чистой: все было выметено, прибрано, въ углу стоялъ самоваръ съ чайной посудой; на всемъ лежала печать внимательной хозяйской заботы.

Заказали самоваръ. Ямщикъ, который насъ привезъ, вошелъ и сообщилъ, что здѣсь живетъ одинъ „житель", единственный во всей тайболѣ, у котораго есть пара утокъ.

— Тащи ихъ сюда!—закричалъ С. В.

„Житель" съ утками явился.

— Почемъ?

— Да по гривенничку взять надо,—сказалъ „житель", худощавый, низкорослый паренекъ, почесываясь и съ любопытствомъ поглядывая на С. В., который уже повалился на постель во всѣхъ своихъ шубахъ.

— Э, да у насъ пиръ горой пойдетъ! Я вамъ утку въ газетѣ зажарю,—оживился С. В.,—давайте и супъ варить!

Неподвижности какъ не бывало. Онъ сбросилъ съ себя не только шубу, но все, что̀ можно было, и вышелъ изъ избы.

На краю холма, недалеко отъ ручья, развели мы костеръ; хозяйскія дѣвочки ревностно таскали бересту и щепы, вбили наклонно колъ, подвѣсили котелокъ, въ воду опустили, по вдохновенію, пшена, соли и зелени (изъ консервовъ) и стали мѣшать. Супъ вышелъ на славу. Собственно получилось даже два блюда: сверху супъ, снизу каша.

Я бережно понесъ супъ въ избу; С. В. сталъ жарить по-своему утку. Вся станція съ интересомъ слѣдила за тѣмъ, какъ можно въ газетѣ жарить утку. Ямщики никакъ не могли понять, какая связь существуетъ между газетой и уткой, и С. В. напрасно объяснялъ имъ, что для утокъ существуютъ особыя газеты. Онъ завернулъ ощипанную птицу въ мокрый печатный листъ, раскопалъ землю въ кострѣ, положилъ туда свертокъ и, закопавъ, развелъ снова костеръ.

— Пока супъ будемъ ѣсть, она и поспѣетъ,—сказалъ С. В., —увидите, что̀ за штука будетъ.

Ѣли супъ и кашу изъ котелка, разговаривали о парижскихъ Дюваляхъ, заваривали чай. Объ уткѣ забыли.

— Ой, скандалъ,—закричалъ С. В., — а утка-то! Сгорѣла, вѣроятно!

Онъ побѣжалъ къ костру и торжественно принесъ грязный комокъ.

— Готова, снимайте газету!

Сняли газету, отъ которой пахло землей и дымомъ, выложили осторожно утку на тарелку, попробовали—совсѣмъ сырая.

— Та-акъ,—замѣтилъ С. В.,—видно, земля не согрѣлась... Ну, возьмемъ съ собой и зажаримъ ее завтра.

Лошадей на станціи, по мѣстному обыкновенію, конечно, не оказалось. На выручку явился тотъ же „житель", согласившійся повезти насъ за прогоны. Мы охотно приняли его предложеніе.

— Такъ я сію минуту, — сказалъ онъ суетливо,—и явился ровно черезъ два часа.

День долженъ былъ перейти въ ночь, если вѣрить часамъ, но въ дѣйствительности этого перехода мы не замѣтили. Было такъ свѣтло, что около полуночи, когда мы, закутавшись чѣмъ могли, двинулись въ путь, можно было безъ труда читать. „Житель" оказался симпатичнымъ и простымъ парнемъ Ильей. Онъ захватилъ съ собой „дробовку" на всякій случай: „можетъ, случится пеструху стрѣлить".

Пара потащилась еле-еле по топкой дорогѣ, переваливаясь съ боку на бокъ. Кругомъ рѣдкій, низкорослый ельникъ, въ перемежку съ березнякомъ и ивнякомъ. Бревенчатые, наскоро сколоченные мостки то-и-дѣло подпрыгивали и грохотали подъ колесами нашей телѣги, взлетавшей на нихъ во весь духъ съ горы или съ разгона. Я уже говорилъ, что лошади здѣсь пріучены брать мосты въ карьеръ, словно препятствія на скачкахъ. Нужды нѣтъ, что при этомъ часто ломаются оси, а иногда не выдерживаютъ и мосты, и тарантасъ съ лошадьми проваливается въ рѣку. Такіе примѣры невразумительны никому и принимаются, какъ нѣчто неизбѣжное въ извѣстномъ порядкѣ вещей.

— Часто у васъ бываютъ такіе случаи? — спросилъ С. В.

— Какъ не бывать, бываютъ. Ежели мостъ поплоше или въ распуту, такъ и бываетъ... Въ прошломъ году самоё начальство чуть не утопили. Ѣхалъ управляющій казенной палаты. Въ одномъ мѣстѣ разогнали этто на мостъ, постарались, а онъ и развались на-двое, кибитку съ лошадьми такъ и управили въ воду. Начальство-то выволокли, а лошадей попортили, сказываютъ. Ну, да мало-ль чего не бываетъ... Ничего!

— А знаешь ли, Илья, въ какомъ вѣкѣ ты живешь?—спросилъ С. В.

— Чего?

— Того. Вотъ теперь двадцатый вѣкъ на всемъ свѣтѣ культурномъ, а ты еще въ двѣнадцатомъ вѣкѣ застрялъ.

— А намъ это все единственно, что двѣнадцатый, что двад-

цатый; былъ бы хлѣбушка, да прожить мало-мало, а до всего прочаго намъ не касательно.

Илья разговорился о своей жизни, какъ и зачѣмъ онъ здѣсь живетъ. Живетъ онъ здѣсь для наживы, промышляетъ птицей и звѣриной. Раньше земскую станцію держалъ, да потомъ бросилъ, невыгодно стало—ужъ больно много „политическихъ" начали гонять. Охотиться и привольнѣй къ тому же,—никто на тебя не кричитъ, ходи да стрѣляй. Только сначала, говоритъ, глупый былъ, больно дешево продавалъ, за медвѣжью шкуру только десять-пятнадцать рублей бралъ. Скупщикъ-то настоящей цѣны не сказывалъ. Нескоро надоумился. Теперь меньше тринадцати-пятнадцати не беретъ.

— И много медвѣдей уложилъ?

— А кто ё знаетъ! Можетъ двадцать-пять, можетъ тридцать.

Я посмотрѣлъ на Илью. Узкоплечій, на видъ слабый, онъ ходилъ на медвѣдя со своей допотопной дробовкой, съ кремневымъ ударомъ!—Подивился я на него.

Черезъ нѣкоторое время я задремалъ, но былъ разбуженъ громкимъ выстрѣломъ, отъ котораго шарахнулись лошади.

— Спуделялъ, чортъ, зарядъ потерялъ,—ворчалъ Илья, вѣшая дробовку черезъ плечо.

Его зоркій глазъ разглядѣлъ вдали, шагахъ въ пятидесяти, „пеструху" (глухаря) на ели. Птица быстро сорвалась и перелетѣла черезъ дорогу, скрывшись въ кустахъ. Недолго досадовалъ Илья. Не успѣлъ я снова задремать, какъ новый выстрѣлъ загремѣлъ надъ моей головой. Илья задержалъ лошадей и побѣжалъ въ кусты. Черезъ минуту онъ вынесъ оттуда огромнаго чернаго глухаря, котораго и продалъ намъ тутъ же за гривенникъ.

Верста за верстой, станція за станціей, мы подвигались впередъ безъ особенныхъ приключеній, останавливаясь лишь по необходимости, если не бывало лошадей. Чѣмъ далѣе углублялись мы въ тайболу, тѣмъ болѣе дикій и живописный видъ принимали холмы съ ихъ глубокими впадинами, лощинами, ручьями. Особенной красотой отличались пейзажи, когда мы достигли отроговъ Тиманскихъ горъ, составляющихъ, какъ извѣстно, одно изъ предгорій Урала. То-и-дѣло приходилось намъ обгонять партіи ссыльныхъ. Изморенные длиннымъ путемъ, голодные и раздраженные, они производили въ высшей степени жалкое впечатлѣніе. Бодрѣе глядѣли такъ называемые „политики"—все зеленая молодежь,—но изнурительность пути и отсутствіе свѣжей пищи на станціяхъ, гдѣ имъ приходилось просиживать иногда по сут-

камъ, въ ожиданіи лошадей, дѣйствовали повидимому и на нихъ угнетающе.

Подъѣзжая однажды къ одной изъ станцій, мы услышали сильную брань на чистѣйшемъ малороссійскомъ нарѣчіи. Это были „общественники“ изъ южныхъ украинскихъ губерній, т.-е. люди, ссылавшіеся по приговорамъ сельскихъ обществъ. Вотъ уже вторую недѣлю шли они по тайболѣ съ семьями, съ кучей ребятишекъ — большихъ и малыхъ. На каждомъ перегонѣ ихъ задерживали, хлѣбъ у нихъ вышелъ, деньги тоже были на исходѣ; да и какая польза въ деньгахъ, когда на нихъ ничего нельзя получить! Не старый еще хохолъ, съ выразительными, красивыми чертами лица, ругательски ругался, давая волю накипѣвшему чувству ненависти и обиды, и куча бабъ, въ своихъ яркихъ поневахъ и красныхъ платкахъ, уныло и понуро слушала его, безучастно и безпомощно согнувшись надъ кучами тряпья, изъ которыхъ доносился жалобный дѣтскій пискъ; другіе—кто лежалъ въ тѣни, кто перебранивался съ ямщиками. День выдался жаркій, стали появляться комарики и укусами своими еще усиливали общую атмосферу раздраженія и злобы. Хохолъ подошелъ къ намъ и сталъ разсказывать о своемъ положеніи. Бабу у него разломило совсѣмъ,—лежитъ, какъ колода, и двинуться не можетъ; ребенокъ помирать собрался, нигдѣ ни крошки молока нѣтъ, у матери молоко откинулось. Вчера, говорилъ онъ, попался имъ встрѣчный арестантъ, который переполнилъ чашу страданій и скорби: арестантъ объявилъ, что хохлы, какъ общественники, не получатъ на мѣстахъ своего поселенія даже того пайка, который получаютъ ссыльно-поселенные преступники. Что же это за порядки? Ужъ лучше бы попросту убили его на мѣстѣ, чѣмъ посылать сюда на вѣрную и медленную смерть. Значитъ, выходитъ такъ, что нужно убить кого-нибудь или ограбить, чтобы получить право на помощь, или побросать дѣтей въ воду, какъ щенятъ, а баба сама помретъ...

Положеніе „общественниковъ“, говорятъ, здѣсь дѣйствительно тяжелое. Я сталъ утѣшать ихъ, указывая на возможность достать работу, но хохолъ только махнулъ рукой: „какая работа?!“ Загонятъ ихъ въ зырянскую деревню на тундрѣ, гдѣ и хлѣба, сказываютъ, не сѣютъ, гдѣ такой народъ, что ни онъ хохловъ, ни они его не понимаютъ. Какая работа, если хохолъ ничего, кромѣ земледѣлія, не знаетъ! Остается одно—красть или убивать...

Съ тяжелымъ чувствомъ безсилія и жалости разстались мы съ хохлами и двинулись дальше.

Печорскій уѣздъ, границы котораго проходятъ приблизи-

тельно по серединѣ тайболы, произвелъ на насъ лучшее впечатлѣніе въ томъ смыслѣ, что дороги въ немъ оказались исправленными, мосты наведенными, и лошади, и весь ямской снарядъ не въ примѣръ лучше, чѣмъ въ мезенскомъ. Избы съ виду производятъ впечатлѣніе опрятности, но клоповъ и здѣсь такъ же культивируютъ, какъ и на протяженіи всего нашего пути. Пріѣхали мы часу въ четвертомъ утра на одну изъ станцій, вошли въ „чистую“ избу. На постели, подъ грудой оленьихъ шкуръ, спала баба.

— Простите,—проговорила она, вставая и почесываясь,—мы здѣсь легли, этто (тамъ) больно клопы заѣли.

За ней выползъ ямщикъ, всклокоченный, съ угрюмымъ, землистымъ лицомъ.

— Значитъ, ихъ въ ямской избѣ дѣйствительно много,—сказалъ С. В.,—если даже туземцевъ проняло.

— А здѣсь ихъ нѣтъ?—обратился я къ бабѣ.

— Есть, какъ не быть, да не эстолько. Проѣзжающіе не больно-то любятъ.

Принявъ все это въ соображеніе, мы рѣшились, не останавливаясь, ѣхать дальше и, по обыкновенію, спать въ тарантасѣ. С. В. это удавалось всегда, но мнѣ часто приходилось завидовать ему въ этомъ отношеніи. Когда мы не спали, С. В. читалъ вслухъ, и время проходило безъ скуки. При каждой встрѣчѣ, гдѣ только было возможно, мы старались разспрашивать о былинахъ (по-мѣстному „старинахъ“) и сказкахъ, и записывали ихъ. „Старины“ и „стихи“ знали здѣсь всѣ, но пѣли лишь немногіе. На Фатѣевской я разговорился съ умнымъ и симпатичнымъ мужикомъ-старовѣромъ. Онъ сказалъ, что этихъ пѣсенъ много поютъ по Цыльмѣ и сталъ называть сказителей одного за другимъ.

— Пріѣзжалъ тутъ баринъ, ѣздилъ, записывалъ,—говорилъ онъ,—да развѣ всѣ ихъ запишешь? Кто поетъ, тотъ и самъ не всегда скажетъ, что̀ онъ знаетъ, чего нѣтъ. Вотъ и у насъ здѣсь есть парень, тоже интересуется и учится по зимамъ отъ плотниковъ.

Я разыскалъ этого парня и записалъ отъ него двѣ уральскія пѣсни. Собственно былинный репертуаръ былъ у него не изъ оригинальныхъ. Отправились дальше. Мѣнялись ямщики, мѣнялись лошади, мѣнялись пейзажи. Дорога шла мѣстами среди холмовъ печальныхъ, вырубленныхъ и выжженныхъ, мѣстами прекраснымъ густымъ лѣсомъ.

Часами глядѣлъ я, какъ мохнатыя, корявыя сосны уносили

къ небесамъ свои темныя, привольно раскинувшіяся вѣтви, которыя, какъ гигантскія руки, казалось, все тянулись схватиться съ какимъ-то невидимымъ врагомъ. Шумѣли онѣ о чемъ-то важномъ, далекомъ и чуждомъ землѣ, и долго смотрѣть на нихъ становилось грустно. Взоръ отдыхалъ на молодыхъ елочкахъ. Охорашиваясь, онѣ жмутся въ кучу, стыдливо опуская свой пышный, иглистый уборъ до самой земли,—то дружной семьей выбѣгаютъ впередъ, то пугливо тѣснятся назадъ, взбираются на опрокинутую ни-вѣсть когда бурей груду деревьевъ—предковъ своихъ, — то исчезаютъ на печальномъ холмѣ, за богатырской дружиной могучихъ, величавыхъ сосёнъ. Вотъ наклонилась впередъ раненая елочка и грустно поникла вершиной. Шелъ, видно, какой-то безобразникъ, у котораго силушка по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливалась, и рубанулъ ее со всего плеча до самаго сердца. Она все еще охорашивается и привѣтливо пошевеливаетъ верхушкой, но уже въ вѣтвяхъ ея не первая свѣжесть, а кое-гдѣ сквозитъ и преждевременная желтизна. Низкорослыя березки какъ-то конфузливо берутся по пригоркамъ вмѣстѣ съ ивнякомъ и осинникомъ. Онѣ словно чувствуютъ, что царство ихъ кончилось, и здѣсь живутъ онѣ у сѣверныхъ богатырей только изъ милости. Тамъ и сямъ валялись трупы опрокинутыхъ деревьевъ, темнѣли обрубленные и замшившіеся пни.

Со станціи Мыльской везли насъ особенно лихо, какъ мы ни удерживали ямщика, боясь разбить голову о кузовъ кибитки или же совсѣмъ выскочить изъ нея притолчкѣ. Но, вотъ, среди бѣшеной скачки, мужикъ вдругъ остановилъ тройку и быстрымъ движеніемъ выхватилъ изъ тарантаса дробовку. „Шш... шш... проклятыя!“—сталъ онъ вполголоса удерживать лошадей.

— Что̀ такое?

— Косачъ...

Онъ вскинулъ ружье и выстрѣлилъ, но въ этотъ моментъ коренная, встряхнувъ головой, дернула, и тройка понеслась подъ гору.

— Стой, тпру, проклятыя!—Ямщикъ едва усидѣлъ на облучкѣ и подхватилъ возжи.—Э, шельмецъ!—проговорилъ онъ, ударивъ коренного возжей и оборачиваясь къ намъ:—какъ возьму ружье, его удержать нельзя,—не любитъ стрѣльбы.

— Такъ ты бы сошелъ съ тарантаса.

— Не подпуститъ птица-то. Я ужъ всѣ эти *инструкціи* знаю. Какъ ѣдешь съ колокольцомъ, она про ружье и не думаетъ, заслушается колокольцовъ и сидитъ. А какъ станешь подходить къ ней,—нипочемъ не дастъ, знаетъ, что не къ добру.

Какой цѣльной и органической жизнью живетъ здѣсь человѣкъ!—думалось мнѣ.—Какими глубокими внутренними связями соединенъ онъ съ окружающей его природой! Онъ знаетъ, что̀ думаетъ глухарь; лошадь угадываетъ его намѣренія; мшистая „рада“ (моховина) раскрываетъ передъ нимъ такую книгу, какой не вычитаетъ самый ученый человѣкъ, и въ этой книгѣ самъ онъ—только одна изъ страницъ, не сознающая лишь того, что̀ можно прочесть въ ней самой.

Дорога шла горѣлымъ лѣсомъ, по тряской бревенчатой греблѣ. Тарантасъ подбрасывало, встряхивало; ни спать, ни читать не было возможности.

Что-то бѣлое метнулось слѣва въ кустахъ и тутъ же опустилось. Я схватилъ вожжи. Ямщикъ мигомъ прицѣлился и спустилъ курокъ. Въ кустахъ забилась, зашумѣла бѣлыми крыльями птица. Она еще трепетала и дымилась кровью, когда ямщикъ принесъ ее и бросилъ на дно тарантаса. То была куропатка, крупная, удивительной красоты.

Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ больше распускалась весна: изъ-за старыхъ желтыхъ и бурыхъ стеблей, проглядывала зеленая травка, на березкахъ почки лопались, и нѣжно-зеленая листва придавала ласкающее оживленіе лѣсному ландшафту. Одно было непріятно—съ весной появлялась и мошка, а временами, особенно въ теплые дни, раздавалось надоѣдливое, звенящее жужжаніе комаровъ. Птицъ почти не было слышно.

Часы текли медленно, и путешествіе начинало казаться однообразнымъ. Но, вотъ, обгорѣлыя, одинокія деревья, съ поникшими голыми вѣтвями, стали рѣдѣть. Вдали, подъ блѣдно-желтой, придавленной тяжелыми тучами полосой заката, сверкнула изъ-за деревьевъ серебристая лента рѣки. Въ воздухѣ стало замѣтно холоднѣе.

— Это что̀?

— Чильма (Цыльма).

И до Печоры уже не далеко.

Еще одна станція—и мы въ Волочкѣ, иначе Поповой-Горѣ, послѣдней станціи передъ цѣлью нашего путешествія. Огромное водное пространство разстилалось передъ нами; на берегу стояла жалкаго вида ямская изба да еще нѣсколько хозяйственныхъ строеній. Мы сошли съ тарантаса. Съ нимъ мы разстались безъ сожалѣнія, даже болѣе того, съ радостью. Отъ продолжительной ѣзды насъ порядочно растрясло и, что̀ называется, разломило. Мы присѣли на крыльцѣ, возлѣ двухъ парней, изъ которыхъ одинъ, въ полушубкѣ, черный, съ глазами, въ которыхъ свѣти-

лись умъ и сила воли; другой—наивный, бѣлобрысый, едва вышедшій изъ дѣтскихъ лѣтъ. Кутаясь въ тощій совикъ отъ пронизывающаго насквозь вѣтра, молодой парень объяснилъ, что онъ десятскій, сопровождаетъ этапомъ поднадзорнаго изъ рабочихъ въ одинъ изъ городовъ архангельской губерніи.—„Да вотъ—ямщики подводы не даютъ, и когда доберешься—Богъ вѣсть, а у нихъ тутъ имущества порядочно—книги больше, на себѣ не унесешь". Положеніе было, дѣйствительно, тяжелое, тѣмъ болѣе, что, какъ я легко представлялъ себѣ, этимъ несчастнымъ придется уламывать грубыхъ и жестокихъ содержателей станцій дать имъ законную безпрогонную подводу. Безобразный порядокъ вещей, при которомъ въ распоряженіи мѣстнаго почтоваго вѣдомства нѣтъ лошадей для перевозки почты съ кладью до шестидесяти, семидесяти пудовъ, всегда даетъ въ руки содержателей земскихъ станцій возможность задерживать проѣзжающихъ иногда на нѣсколько дней, подъ предлогомъ ожиданія почты. И теперь ямщикъ ломался, не собираясь отправлять его дальше, и насмѣшливо предлагалъ записать жалобу въ книгу,—„пущай тамъ начальство разберетъ".

Мы побесѣдовали съ рабочимъ. Онъ разсказывалъ, какъ онъ тоскуетъ по своей семьѣ, женѣ и четырехъ дѣтяхъ, бѣдствующихъ безъ него въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ. „И самому голодать приходится: выдали на двѣ недѣли по гривеннику въ день, а когда прибудемъ—Богъ вѣсть. Конецъ не близкій—нѣсколько сотъ верстъ"... Рѣчь его была вполнѣ интеллигентная, самъ онъ производилъ впечатлѣніе въ высокой степени порядочнаго человѣка. Не безъ внутренняго колебанія и смущенія я предложилъ ему денегъ, и было видно, какъ тяжело ему было принять мою лепту. Онъ далъ мнѣ нѣсколько полезныхъ указаній относительно того, какими свѣдѣніями могли бы подѣлиться со мной его товарищи. „Они вѣдь одни здѣсь и интересуются краемъ безкорыстно"...—замѣтилъ онъ.

Я вошелъ въ избу, тѣсную, грязную, дававшую пріютъ семьямъ двухъ или трехъ ямщиковъ. Куча ребятишекъ копошилась на печкѣ и въ разныхъ углахъ. Толстая баба только-что вернулась изъ бани и, красная отъ пара, расчесывала свои длинные волосы. Вошла другая, молодая, безъ стѣсненія сбросила совикъ и стала одѣваться. На столѣ стояла чашка съ похлебкой изъ перловой крупы, называемой по-мѣстному „пустоварныя шти", въ которой плавали куски хлѣба. Парень лѣтъ пятнадцати мастерилъ у окна игрушечную модель сохи—для ребятъ.

Отсюда мы отплыли въ лодкѣ подъ парусами. Вслѣдствіе разлива все кругомъ было затоплено, кое-гдѣ поднимались только верхушки деревьевъ изъ воды, и мы плыли напрямикъ, черезъ пожни, какъ по безконечному озеру, объединившему въ себѣ воды Цыльмы и Печоры.

Печора! Вотъ она, эта великая сѣверная рѣка, чуть не на двѣ тысячи верстъ протянувшаяся вдоль Уральскаго хребта къ сказочному Гиперборейскому морю-океану. Я съ любопытствомъ вглядывался въ эту необъятную водяную пустыню, по которой, въ свѣтломъ сумракѣ надвигавшейся облачной ночи, двигалась, то поднимаясь, то опускаясь, скрипя снастями, наша лодка. Вѣтеръ дулъ порывами; парусъ то круто выгибался, то безсильной тряпкой бился о лодку, и тогда гребцы принимались за весла. Было холодно; мы привели себя въ зимнее положеніе: я закрылся оленьей шкурой, С. В. напялилъ на себя цѣлый комплектъ шубъ и армяковъ, и мы неподвижно лежали на днѣ лодки, изрѣдка перекидываясь словами.

На одномъ изъ веселъ сидѣла въ малиновомъ совикѣ здоровенная одноглазая баба. Другой глазъ былъ закрытъ, и общій видъ ея полнаго, обрамленнаго оленьимъ мѣхомъ лица, съ темнымъ глазомъ, глядѣвшимъ куда-то глубоко внутрь, производилъ въ высшей степени странное впечатлѣніе. При этомъ лицо ея было мертвенно-безстрастно, казалось какой-то маской, въ которую смотрится чей-то посторонній, но живой и зоркій глазъ. Сосѣдомъ ея по веслу былъ молодой, красивый мужчина, котораго на берегу я принялъ сначала за карлика. У него не было ступней, а ступалъ онъ голенями, обутыми въ кожаныя голенища.

— Что ты сдѣлалъ съ своими ногами?—спросилъ С. В.

— Отморозилъ. Въ тундру за оленями ходилъ и отморозилъ.

— Что же, ихъ у тебя отняли, что-ли?

— Зачѣмъ отнимать, сами отпали. Было, вишь ты, холодно, а я подмочилъ ихъ. Сначала и ничего, поболѣли малость—да и шабашъ. Пришли на мѣсто, залѣзъ я на печку, обогрѣлся, глядь—а по ногамъ-то пузыри, такіе, понимаешь, пузыри все пошли... И разболѣлись тутъ мои ноженьки—ну, и отпали...

— Эхъ, жаль, былъ бы красивый мужикъ, кабы тебѣ ноги,—сказалъ С. В.

— Какъ не красивый, всѣмъ вышелъ,—да, вишь ты, воля Божья, участь моя такая, что тутъ подѣлаешь...

Печора! Не того впечатлѣнія ожидалъ я отъ нея въ тайболѣ. Я думалъ встрѣтить здѣсь дикія, неприступныя скалы, уходящіе въ небо лѣса, камни, обвалы, ущелья... Вмѣсто этого

я видѣлъ выплывавшіе навстрѣчу плоскіе, унылые берега, на которыхъ ютились—казалось издали—невзрачныя, потемнѣвшія избы, даже не избы, а какіе-то скотные дворы, амбары, сараи.

— Вотъ и Усть-Цыльма, столица здѣшнихъ мѣстъ!—сказалъ мнѣ С. В.—Отдохнемъ отъ труднаго пути.

Мы причалили къ берегу, сошли по скользкой доскѣ, которая все грозила скатиться и заставить насъ послѣ длиннаго путешествія взять холодную ванну, и зашагали по грязи, нагруженные чемоданами и коробами.

Мы были въ Усть-Цыльмѣ — здѣсь это звучало довольно громко.

IX.

Нашъ бытъ въ Усть-Цыльмѣ.—Знакомства.—Докторъ и паціентки.—Шведскій пароходъ.—Fröken Ida.—Усть-Ижма.—Нерица.—Буря.

Сначала мы остановились на отводной квартирѣ, но затѣмъ, чтобы ближе стать къ крестьянамъ, поселились въ верхней половинѣ избы раскольниковъ Мелехиныхъ. Хозяйка, Анна Дмитріевна, вызвалась кормить насъ; дѣти ея, десятилѣтній Миша и пятилѣтній Петя, не отходили отъ насъ, состоя въ роли чиновниковъ особыхъ порученій, за что щедро награждались конфектами и пряниками. Они же были ближайшими собесѣдниками С. В., когда никого изъ посѣтителей не было. „Петѐ-о, садись сюда и смотри на меня, пока я не усну, — командовалъ онъ одному изъ нихъ.—Сашѐ-о, или какъ тебя, Мишѐ, иди сюда и разсказывай сказку". И оба мальчугана съ усердіемъ исполняли его приказаніе, искоса поглядывая на пакетъ съ конфектами, стоявшій возлѣ. С. В. не разставался съ маленькими друзьями даже тогда, когда шелъ въ баню и тамъ, лежа на полкѣ, слушалъ ихъ сказки, изъ которыхъ особенно любилъ одну—о Васькѣ и Машкѣ, съѣденныхъ Кощеемъ-безсмертнымъ. Постоянно повторявшееся: „выпусти Ваньку, выпусти Машку"—приводило его въ умиленіе. Словомъ, все шло какъ нельзя лучше. На второй или на третій день послѣ нашего пріѣзда, мы попали даже на литературно-музыкальный вечеръ, устроенный мѣстной интеллигенціей въ помѣщеніи начальной школы. Сборъ предназначался въ пользу Краснаго Креста и привлекъ много посѣтителей, большинство которыхъ,—что̀ мнѣ особенно понравилось—были крестьяне. Играли на скрипкѣ и на балалайкахъ; небольшой смѣшанный хоръ, образованный заботами регента-любителя, испол-

нилъ нѣсколько русскихъ пѣсенъ; въ заключенiе завели граммофонъ—и вечеръ удался на славу. Послѣ музыкальнаго отдѣленiя начались танцы, въ которыхъ принимали участiе сначала только представители здѣшняго beau mond'a. Такiя вечеринки устраиваются не часто, по различнымъ причинамъ; между тѣмъ онѣ могли бы внести много хорошаго въ атмосферу захолустной провинцiальной жизни и создать благопрiятную почву для взаимнаго пониманiя между обывателемъ и пришлой интеллигенцiей. Здѣсь мы перезнакомились почти со всѣми и встрѣтили самый радушный прiемъ. Сергѣя Васильевича, который былъ здѣсь годъ тому назадъ, приняли, какъ говорится, съ распростертыми объятiями. Эта черта свойственна, какъ мнѣ кажется, исключительно нашему русскому чиновничеству, заброшенному въ отдаленнѣйшiе углы скудной свѣжими впечатлѣнiями провинцiальной жизни. Замѣтивъ хоть искру внимательнаго или участливаго отношенiя къ себѣ, провинцiалъ-служака быстро мѣняетъ тонъ и черезъ нѣсколько минутъ самымъ дружескимъ образомъ спѣшитъ залучить къ себѣ на обѣдъ или на чашку чая.

Помимо различныхъ свѣдѣнiй о краѣ, которыя мы получали въ подобныхъ случаяхъ отъ радушныхъ хозяевъ, такiя знакомства бывали намъ прiятны и въ другомъ отношенiи. Мы, давно уже лишенные привычекъ культурной жизни, испытывали удовольствiе провести часъ-другой за столомъ, накрытымъ чистой скатертью, и напиться чаю безъ постороннихъ примѣсей.

Въ Усть-Цыльмѣ крестьяне насъ приняли за скупщиковъ старины, и мы быстро сдѣлались центромъ самаго пристальнаго вниманiя. Съ утра до поздняго вечера толпился у насъ народъ. Одни обращались къ С. В. за врачебнымъ совѣтомъ, другiе приносили подъ видомъ старины всякiй хламъ. Настоящiя хорошiя вещи приходилось отыскивать иногда довольно далеко отъ Усть-Цыльмы. Сюда же ежегодно прiѣзжаетъ какой-то скупщикъ Никитичъ, и вывозитъ все мало-мальски достойное вниманiя. Иные приходили просто поболтать и поглазѣть. Иногда происходили курьезныя сцены. Баба, съ головой, обвязанной платкомъ, и страдальческимъ выраженiемъ лица, протискивалась впередъ и начинала жаловаться на зубную боль. Жаловалась она пространно, и всѣ принимали участiе въ ея горѣ. С. В., лежа по обыкновенiю на полу, на оленьей шкурѣ, внимательно, не перебивая, выслушивалъ ее. Въ рукахъ у него была записная книжка. „Заговоръ знаешь?“ — неожиданно спрашивалъ онъ. — „Какой заговоръ, батюшка? Нѣтъ, батюшка, не знаю я, стара стала, и зубки болятъ, моченьки моей нѣтъ“. — „Ну, такъ я даромъ не

лечу. Кто хочетъ у меня лечиться, говори заговоръ или тащи старуху, которая заговоръ знаетъ".

Въ толпѣ происходитъ движеніе: „Чудной, безъ заговора лечить не хочетъ!.. Бабы, кто заговоръ скажетъ?—Слышь, у тетки Аксиньи зубы болятъ..."—„У нея болятъ, пускай и сказываетъ, чего бабъ посылаешь..." — слышатся голоса. Дѣло кончалось обыкновенно тѣмъ, что тетка Аксинья вспоминала, наконецъ, сама заговоръ и, всхлипывая, диктовала его С. В.: „Встану благословясь, пойду перекрестясь, со двора въ ворота, со двора въ поле..." или: „На морѣ-океанѣ, на островѣ-буянѣ стоитъ дубъ кряковатъ" и пр. Послѣ этого С. В. лечилъ больной зубъ.

Время отъ времени, мы снимались съ якоря и совершали поѣздки по окрестнымъ селамъ; изъ нихъ наиболѣе отдаленной была поѣздка въ Усть-Кожву. Въ этихъ поѣздкахъ мы отдыхали отъ усть-цылемской суеты, дѣлали этнографическія пріобрѣтенія, записывали былины и сказки; С. В. пополнялъ свои свѣдѣнія по народному акушерству и демонологіи. Въ общемъ эти поѣздки были похожи одна на другую, но иногда дѣло не обходилось безъ маленькихъ приключеній.

Однажды мы сидѣли на крыльцѣ и обсуждали планъ поѣздки вверхъ по Печорѣ. Прибѣжалъ Петька и сообщилъ, что пришелъ пароходъ шведскаго лѣсопильнаго завода, капитанъ котораго ищетъ доктора. „Только нужно спѣшить,—капитанъ говоритъ, что долго ждать не можетъ". Черезъ минуту явилась и баба уже спеціально отъ капитана.

— Воспользуемся случаемъ и проѣдемъ,—сказалъ С. В.,—давайте собираться.

Стали собираться, второпяхъ хватать книги, корзины, бѣлье. Помогали Петя, Миша, Дунька, Вася, Анна Дмитріевна и еще пять-шесть бабъ, невѣсть откуда взявшихся,—и, какъ водится въ такихъ случаяхъ, захватили массу ненужнаго, а нужное—провизію и теплую одежду—забыли. Побѣжали къ берегу въ сопровожденіи цѣлой оравы: кто несъ корзину съ лекарствами, кто—плэдъ; большинство бѣжало поглазѣть. Вышли къ берегу, вскочили въ лодку, взобрались на пароходъ.

Встрѣтилъ насъ молодой, бритый иностранецъ, видимо шведъ, въ типичной морской курткѣ и шапочкѣ, сбитой на лобъ.

— Произошло маленькое недоразумѣніе,—сказалъ онъ мнѣ, улыбаясь, по-нѣмецки. — Эти дамы, — онъ указалъ на пестрое пятно бабъ на берегу,—сказали намъ, что вы докторъ, а потомъ оказалось, что вы ветеринаръ...

— Вамъ говорили не обо мнѣ, а о моемъ пріятелѣ. Вотъ,

имѣю честь представить. Онъ настоящій докторъ и можетъ быть вамъ полезенъ.

— А... это очень пріятно. У господина капитана болятъ глаза, а такъ какъ эти дамы сообщили намъ, что вы имѣете надобность ѣхать кверху, то мы и можемъ оказать другъ другу услугу.

Дѣло устроилось. Черезъ четверть часа мы лечили глаза въ капитанской рубкѣ. Капитанъ, полный, пожилой мужчина, едва говорившій по-русски, предоставилъ себя, безъ всякихъ объясненій, въ распоряженія С. В., который пунктуально, какъ это особенно умѣютъ дѣлать опытные врачи, сталъ промывать глазъ, прижигать, впускать капли и т. д. Я служилъ ассистентомъ. При операціи присутствовала и хорошенькая дочка капитана, mademoiselle Ида, съ добрыми голубыми глазами и очень свѣтлыми волосами. Ей предстояло продолжать леченіе отцовскихъ глазъ, и замѣчанія С. В. относились главнымъ образомъ къ ней. Къ сожалѣнію, она, кромѣ слова „нэ понима", совершенно не говорила по-русски. Она внимательно слѣдила за всѣми манипуляціями доктора и, наконецъ, очень мило объяснила знаками, что теперь она сама—докторъ.

— А ну, Ида,—сказалъ ей С. В. съ добродушной фамильярностью,—повторите, что̀ нужно дѣлать.

Отецъ перевелъ. Улыбаясь, она подошла къ лекарствамъ и съ милой граціей стала объяснять, какъ и въ какомъ порядкѣ она будетъ ими пользоваться и какъ наложитъ повязку. Въ простенькомъ розовомъ платьецѣ, въ ситцевомъ пестромъ передничкѣ, она была яркимъ контрастомъ со всей окружающей суровой обстановкой. Здѣсь она казалась какимъ-то воздушнымъ эльфомъ, залетѣвшимъ изъ далекаго сказочнаго міра.

А Печора открывала привольныя и живописныя дали, какихъ и подозрѣвать нельзя было въ Усть-Цыльмѣ. Крутые берега, лѣсъ, словно застывшій въ вѣковой дрёмѣ, тучи, грозныя, хмурыя, разсыпавшіяся на горизонтѣ стаей легкихъ, нѣжно-бѣлыхъ облачковъ,—все мѣнялось, двигалось, приближалось и отбѣгало, не теряя дѣвственной строгости очертаній. Здѣсь понялъ я, что разсказы о красотѣ печорскихъ береговъ не преувеличены, и пожалѣлъ только, что у нашего сѣвера не было своего поэта, какъ Лермонтовъ у Кавказа и Пушкинъ у Чернаго моря.

Черезъ часъ Fröken Ida заглянула въ нашу каюту, гдѣ С. В. уже успѣлъ пристроиться и задремать, и стала приглашать пить чай. „Пожальста, пожальста", улыбаясь, повторяла она на наши отказы. Совѣстились мы, впрочемъ, недолго, — чаю, дѣйстви-

тельно, хотѣлось, и мы послѣдовали за ней внизъ, въ просторную каюту носовой части парохода. Наша фея принесла намъ чаю и разбудила спавшаго здѣсь того молодого человѣка, который встрѣтилъ насъ у трапа. Завязалась бесѣда, въ которой, при посредствѣ нашего знакомца, принимала участіе и Fröken Ida,—и время летѣло незамѣтно. Между прочимъ, этотъ господинъ сообщилъ намъ, что онъ собралъ въ короткое время, при своихъ поѣздкахъ на Ижму и Усу, порядочную коллекцію старинныхъ вещей и мамонтовыхъ клыковъ.

— Что̀ же вы будете съ ними дѣлать?—спросилъ я.

— Für mich selbst,—самодовольно отвѣтилъ онъ,—für mich selbst. Ich habe sie schon nach Vaterland geschickt.

Мы подъѣзжали къ Усть-Ижмѣ. Берега снова стали плоскими, безжизненными. Все кругомъ было мертво и дико, и тоска сама собой просилась въ душу. Съ кормы доносился характерный ижемскій говоръ, въ которомъ было трудно что-либо разобрать.

На наше счастье, верстахъ въ трехъ отъ села мы нашли партію плотовъ на причалѣ у берега; они принадлежали тому же шведскому обществу, какъ и пароходъ. Капитанъ „высвисталъ“ лодку и любезно около часу ожидалъ, пока она подойдетъ. Сердечно простившись съ любезными шведами, мы устроились на карбасѣ и стали разспрашивать гребцовъ, молодыхъ, симпатичныхъ парней, гдѣ бы можно было остановиться. Они рекомендовали Степана Яковлевича Филиппова, у котораго артель забираетъ хлѣбъ и кислую рыбу. Пристали, поднялись на гору, вошли въ избу къ Степану Яковлевичу. Семья чинно сидѣла за самоваромъ, кругомъ все было прибрано. Посреди комнаты стояла широкая русская печь; въ правомъ углу—столъ, за которымъ сидѣли хозяева; вдоль стѣнъ—широкія бѣлыя скамьи; у печки—мѣдный рукомойникъ и чистый рушникъ, обшитый бѣлымъ кружевомъ, висѣвшій возлѣ дешевенькаго зеркальца въ раскрашенной по-мезенски оправѣ. Все было на своемъ мѣстѣ и полно тѣмъ привѣтливымъ уютомъ простонародной избы, который встрѣчается въ сравнительно немногихъ трезвыхъ и дружныхъ семьяхъ. Съ другой стороны печки крутая лѣстница вела на крохотную вышку съ оконцемъ, которую позже отвели намъ для ночлега.

Нѣкоторая недовѣрчивость хозяевъ и неловкость перваго знакомства скоро прошли, особенно когда они узнали, что мы путешествуемъ „по своимъ дѣламъ“. Вскорѣ мы уже по-пріятельски разговаривали съ хозяиномъ и его женой. Они оба хорошо говорили по-русски, дѣти же понимали только по-зырянски; они дичились насъ и жались въ уголъ.

Это было мое первое знакомство съ ижемцами, и я присматривался ко всему съ большимъ любопытствомъ. Ижемцы, какъ извѣстно, выдѣлились въ особую вѣтвь зырянскаго племени, разселившуюся, какъ показываетъ самое слово, въ области Ижмы. Центромъ Ижемскаго края является большое и богатое село Ижма, отличающееся своей бойкой промышленностью и связями съ крупнѣйшими городами Россіи. Кромѣ селъ Ижмы и Усть-Ижмы, въ составъ этого края входятъ деревни Мохча, Сизябскъ, Бакуринское, Гамское, Красноборское, Кедва и нѣкоторыя другія, въ которыхъ, въ общемъ числѣ, насчитывается свыше двадцати тысячъ человѣкъ. По чертамъ внѣшняго быта, ижемецъ немногимъ отличается отъ русскаго мужика, но въ духовномъ быту онъ сохранилъ много бытовыхъ особенностей. Повсюду въ обиходѣ еще зырянская рѣчь, но мужское населеніе почти сплошь говоритъ и по-русски. Между прочимъ, у ижемцевъ наблюдается крайняя бѣдность оригинальнаго поэтическаго творчества, у нихъ почти нѣтъ своихъ пѣсенъ. На посидѣлкахъ и хороводахъ дѣвушки поютъ преимущественно русскія пѣсни, не понимая ихъ значенія. Нѣсколько разъ намъ удалось слышать пѣсни смѣшаннаго характера, въ которыхъ отдѣльные куплеты русской пѣсни пѣлись по-зырянски.

Степанъ Яковлевичъ, трезвый, степенный мужикъ, служилъ, лѣтъ двадцать назадъ, въ матросахъ на „Петропавловскѣ", бывалъ въ Одессѣ и на Дунаѣ, но воспоминаній сохранилъ не много. Поразило его особенно то обстоятельство, что въ Бухарестѣ вино дешево — „но зато никакой въ ёмъ силы", и что командиръ его, П. М. Римскій-Корсаковъ, „по своей охотѣ ѣлъ раковъ—и очень большихъ".

Изба была жарко натоплена, и мы, забравшись на вышку, почувствовали себя какъ въ банѣ. Раздѣвшись чуть не до-нага, отъ чего мы отвыкли во время своего путешествія, мы растянулись и скоро задремали. Но часа черезъ два я почувствовалъ сильный приливъ крови къ головѣ,—въ виски стучало, дышать, казалось, было нечѣмъ. С. В. спалъ тяжелымъ сномъ... Я спустился по лѣстницѣ внизъ и хотѣлъ открыть дверь наружу, но постѣснился: у самой двери стояла крытая пологомъ хозяйская кровать. Оттуда несся протяжный храпъ; дѣти спали тутъ же, на полу, безъ всякой постели.

Хозяинъ услыхалъ мою возню и выскочилъ изъ-за полога.

— Вамъ, вѣрно, жарко?—спросилъ онъ.—Я открою трубу. Намъ тоже жарко со старухой, и мы въ такое время не закры-

ваемъ трубы. Хотѣлъ-было открыть, да думалъ — какъ бы пріѣзжіе не обидѣлись... Сейчасъ открою.

„Странное понятіе о гостепріимствѣ!"—подумалъ я, найдя, наконецъ, задвижку и съ наслажденіемъ втягивая въ себя струю свѣжаго утренняго воздуха. Было около трехъ часовъ. Солнце уже поднималось изъ-за горизонта, и вся даль струилась какимъ-то застѣнчивымъ и нѣжно-золотистымъ блескомъ. Отъ подножья горы, гдѣ стояла изба, сколько видитъ глазъ, синѣло море воды, сливая Ижму съ дальней Печорой и Нерицей, затопляя пожни и цѣлыя рощи ивняка, тамъ и сямъ смущенно выглядывавшаго изъ воды. Ближе, направо и налѣво, лѣпились вдоль берега избы и амбары, бѣлѣли правильными рядами дрова и бревна, у берега тихо покачивался почернѣлый карбасъ съ опущеннымъ парусомъ. Все было сонно и тихо.

X.

Я вернулся въ избу. Мы спали долго и встали бодрые и свѣжіе. Напились чаю и пошли бродить по селу. Село это, по сравненію съ тѣми, которыя мы видѣли ниже, по Печорѣ, производитъ своеобразное впечатлѣніе. Привольно, безъ особаго плана, раскинулись по горѣ и по холмамъ, вдоль рѣки, небольшіе домики, опрятные, несмотря на свой невзрачный видъ, съ огородами, съ массой амбарушекъ, бань, съ высокими, тощими журавлями колодцевъ. Дворы прибраны и заботливо обнесены жердями, изъ которыхъ устроены и сквозныя ворота самыхъ разнообразныхъ формъ. Вдоль стѣнъ и у дверей аккуратно сложены стопки дровъ, сучья и пеньки отдѣльно, телѣгамъ и санямъ указаны свои мѣста. „Вотъ она, племенная черта, — подумалъ я: — пошли зыряне—и все стало иначе, чѣмъ у нашего мужичка". Но потомъ я увидалъ, что и у зырянъ далеко не всѣ села отличаются такой домовитостью, и что племенной черты тутъ никакой нѣтъ. Просто село на село не приходится. Промежутки между жилыхъ строеній образовали нѣсколько узенькихъ, кривыхъ улицъ, расположенныхъ вдоль рѣки. На горѣ виднѣлась часовня-церковь, при которой, однако, нѣтъ прихода, и богослуженіе совершать пріѣзжаетъ сюда, если не ошибаюсь, красноборскій священникъ. Есть въ селѣ и школа, но успѣхи учащихся въ ней, по разсказамъ крестьянъ, весьма незначительны, такъ какъ поступающіе мальчики не говорятъ по-русски. Разсказывая о своей школѣ, крестьяне сѣтовали, что учителя въ

нимъ назначаются безъ согласія сельскаго общества и такіе, которые нерѣдко недостаточно приспособляются къ мѣстнымъ условіямъ и нравамъ.

Въ одной изъ избъ мы нашли кустарное производство мѣдныхъ поясныхъ пряжекъ, серебряныхъ крестовъ, колецъ и т. д. Мѣстное населеніе охотно покупаетъ эти издѣлія; мы взяли нѣсколько образцовъ и узнали, между прочимъ, что въ одной изъ деревень этимъ производствомъ не безъ успѣха занимается баба.

С. В., бывавшій въ этихъ мѣстахъ въ прошломъ году, симпатизируетъ зырянамъ-ижемцамъ и называетъ ихъ французами сѣвера. Это племя, дѣйствительно, весьма способное и трудолюбивое, склонное къ промышленности и торговлѣ. Въ борьбѣ за существованіе они почти всегда выходятъ побѣдителями. Воспринявъ отъ русскихъ черты внѣшняго быта, они сумѣли приспособиться къ новымъ условіямъ жизни и сохранить въ то же время свою духовную особливость. Въ безчисленныхъ разсказахъ объ отношеніяхъ самоѣдовъ и зырянъ-ижемцевъ варьируется неизмѣнно одна и та же тема: хитрый и разсчетливый ижемецъ держитъ чуть ли не въ кабальной зависимости самоѣда, не давая ему возможности, при помощи водки и долгосрочнаго кредита, оправиться и зажить настоящимъ хозяиномъ своего добра. Мѣры, которыя принимались въ огражденіе самоѣдскихъ интересовъ, не приводили ни къ чему. Ижемцы сумѣли обойти даже законъ о размежеваніи ихъ границъ и право въ отношеніи пользованія тундрой. Разсказываютъ, будто одинъ изъ богатыхъ ижемцевъ совершилъ спеціальную поѣздку по самоѣдскимъ кочевьямъ и добился приговора, смыслъ котораго сводится къ желательности болѣе тѣснаго общенія зырянъ и самоѣдовъ. Къ чему приводитъ это общеніе, показываетъ хотя бы и то, сложившееся у огромнаго большинства людей, убѣжденіе, что самоѣды принадлежатъ къ числу быстро вымирающихъ племенъ; тогда какъ зырянамъ-ижемцамъ, и вообще зырянамъ, предстоитъ играть въ будущемъ промышленномъ развитіи края видную роль.

Въ эту поѣздку мы не долго были въ Усть-Ижмѣ. Сдѣлавъ нѣсколько пріобрѣтеній и записей, мы собрались въ путь и простились съ гостепріимными хозяевами. Путь нашъ лежалъ въ Нерицу, небольшую унылую деревеньку, на рѣкѣ того же имени, отстоящую верстахъ въ двѣнадцати отъ Усть-Ижмы.

Мы плыли туда на карбасѣ напрямикъ, черезъ безконечныя пожни, залитыя водой, мимо затопленныхъ рощъ распускав-

шагося ивняка, березъ и осинъ. Былъ чудный весенній день, солнце ярко отражалось въ зыблющихся струяхъ, но въ воздухѣ было свѣжо, и налетавшій изрѣдка вѣтеръ заставлялъ внезапно вздрагивать и плотнѣе закутываться въ пальто и шубы. Карбасъ подвигался быстро, уключины пѣли теперь уже знакомую намъ пѣсню; я разсѣянно смотрѣлъ по сторонамъ, переживая то блаженное состояніе, когда хочется только отдыхать, ничего не помнить, ни о чемъ не думать, ничего не желать...

Въ Нерицѣ мы остановились у одного изъ крестьянъ, съ которымъ я познакомился еще въ Усть-Цыльмѣ. Это былъ толковый и грамотный мужикъ, себѣ-на-умѣ, но привѣтливый и радушный. Впрочемъ, изба его, благодаря ли исконнымъ свойствамъ русскаго человѣка, или безтолковой хозяйкѣ, была невообразимо грязна. Куча немытыхъ, полуодѣтыхъ ребятишекъ, бѣгавшихъ за матерью и просившихъ ѣсть, начавшій покрываться плѣсенью самоваръ, вода котораго отдавала какимъ-то особымъ привкусомъ, засиженные мухами лубочные портреты по стѣнамъ,—все это давно было намъ знакомо, и ко всему этому мы уже достаточно привыкли. Здѣсь, среди разнаго старья, лежавшаго подъ грудой пыли на чердакѣ, мы нашли нѣсколько любопытныхъ старинныхъ вещей. Отецъ и дѣдъ нашего хозяина были звѣроловы. Отъ нихъ сохранилась случайно интересная коллекція капкановъ на песцовъ и лисицъ; мы записали здѣсь нѣсколько пѣсенъ, ѣли уху, и вдругъ ощутили невыносимую скуку.

Я пошелъ бродить по селу. Есть такія деревни, которыя однимъ видомъ наводятъ невѣроятную тоску. Въ безпорядкѣ, далеко другъ отъ друга разбросаны закоптѣлыя избенки, изгороди повалены, на улицахъ непролазная грязь. Я зашелъ въ одну избу. Въ просторной, пустой, грязной горницѣ сидѣлъ на скамьѣ нестарый еще мужикъ и держалъ на рукахъ дѣвочку съ повязанной головой. Другая дѣвочка, съ непомѣрно большимъ животомъ, кривыми ногами и уродливымъ черепомъ, ползала тутъ же, на полу, возлѣ большого, чугуннаго горшка съ кашей. Зачерпнувъ ложкой каши, она пальчиками клала по кусочку въ ротъ; при этомъ каша разсыпалась по ея рубашкѣ, по полу, а дѣвочка собирала крошки, складывала ихъ обратно въ ложку, а изъ ложки — въ горшокъ. Хозяинъ вполголоса напѣвалъ какіе-то стихи незнакомаго мнѣ напѣва. Я спросилъ его объ этихъ стихахъ. Онъ отвѣтилъ, что поетъ изъ „стишника“, купленнаго у мѣстнаго раскольничьяго попа. Напѣвъ былъ странный, протяжный, съ особенно мягкими переходами,—

я бы сравнилъ его съ пасхальнымъ напѣвомъ, слышаннымъ мною когда-то въ одной изъ католическихъ церквей на Западѣ. Онъ истово пропѣлъ еще одинъ „стихъ“ при мнѣ, и затѣмъ взялся за самоваръ, чтобы угостить гостя, по мѣстному обычаю, чаемъ. Но мнѣ было некогда, я поблагодарилъ и спросилъ, какъ пройти къ раскольничьему „попу“. Онъ вышелъ со мной на крыльцо—указать дорогу.

— Вы живете одни?

— Какъ одинъ?! хозяйка есть. По-своему мы, значитъ, вѣнчаны, а по-вашему—не вѣнчаны,—улыбаясь, добавилъ онъ.— У насъ, значитъ, мы своей вѣрой живемъ.

— Гдѣ же ваша хозяйка?

— Страдаетъ (т.-е. работаетъ).

„Все наоборотъ,—подумалъ я, пробираясь по улицѣ:—мужчина домъ ведетъ, съ дѣтьми возится, а женщина въ грязи, на холодѣ пашетъ допотопной сохой на еле-живой лошади, никогда не видавшей овса“. И снова мнѣ вспомнились знакомыя картины, отъ которыхъ какъ-то особенно обидно становится на душѣ: бабы, ночью, въ непогоду, гребущія долгими часами безъ отдыха, развозя чиновниковъ, въ то время какъ ихъ Петры, Сидоры, Иваны храпятъ по запечьямъ или отводятъ душу въ чайныхъ, заботливо устроенныхъ для однихъ мужиковъ; бабы, пашущія на себѣ, за неимѣніемъ лошадей, бабы, выѣзжающія на рыбный промыселъ, бабы, курящія смолу... Какими иногда кажутся блѣдными отчеты о движеніи рабочаго женскаго вопроса въ сферѣ городской и вообще интеллигентной дѣятельности, въ которыхъ нѣтъ и намека на учетъ колоссальной, истинно-мученической работы, выпадающей на долю простой русской бабы, особенно сѣверныхъ губерній!..

Разыскалъ я избу раскольничьяго попа. Меня встрѣтила тамъ молодая, красивая женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Изба—низкая, въ ней безпорядочно и грязно, но во всемъ чувствуется достатокъ. По стѣнамъ много платья, на столѣ блеститъ новый самоваръ съ виднымъ чайнымъ приборомъ,—все смотритъ по-мужицки солидно. Узнавъ, что я хочу купить „стишникъ“ новаго письма, баба провела меня въ верхній этажъ, къ „самому“. Еще на лѣстницѣ поразилъ меня удушливый, пряный занахъ ладана и какихъ-то не то духовъ, не то пахучихъ травъ. Я вошелъ въ просторную, жарко натопленную горницу и увидѣлъ на красной перинѣ странную человѣческую фигуру: длинная, неровная борода, продолговатое лицо и острый, недовѣрчивый взглядъ большихъ, выразительныхъ глазъ. Но главное—это я

не сразу замѣтилъ—у него не было ступней, и онъ пользовался голенями, совершенно свободно, какъ ступнями, расхаживая по комнатѣ. Около него, съ одной стороны, стоялъ табуретъ съ развернутой книгой стараго письма, а съ другой—сидѣлъ, играя какими-то палочками, мальчуганъ лѣтъ трехъ, при моемъ появленіи испуганно бросившійся къ отцу.

— Вамъ стишникъ?—не давъ мнѣ сказать слова, бойко отрѣзалъ онъ, не сводя съ меня подозрительныхъ глазъ.—Пойдемте.

Онъ повелъ меня въ сосѣднюю комнату, свѣтлую и просторную, которая оказалась моленной. Весь большой уголъ и почти полъ-стѣны были сплошь увѣшаны образами, бо́льшею частью старинными, темными, съ суровыми ликами и длинными перстами у святыхъ; не мало было тамъ, какъ мнѣ показалось при бѣгломъ взглядѣ, и иконъ недавняго происхожденія, обыкновеннаго владимирскаго шаблона. Тутъ же стоялъ небольшой аналой и табуретъ съ принадлежностями для письма. На немъ лежала ветхая, порыжѣлая книжица, очевидно, оригиналъ, съ котораго дѣлались копіи. Передъ нѣкоторыми иконами теплились тоненькія свѣчи и лампады. О покупкѣ старой книги нечего было и думать. Я купилъ два новенькихъ списка, въ тетрадяхъ, и вышелъ. Это посѣщеніе наводило на мысль о чемъ-то странномъ, условно-недоговариваемомъ, гдѣ было больше разсчета, чѣмъ слѣпого, фанатическаго увлеченія. А говорятъ, на окрестныхъ старовѣровъ человѣкъ этотъ имѣетъ значительное вліяніе и считается чуть ли не святымъ.

Вечеромъ мы выѣхали изъ Нерицы въ небольшой лодкѣ. По обыкновенію, мы расположились лежа на серединѣ, на веслахъ два парня, изъ которыхъ одинъ былъ почти мальчикъ, на рулѣ—жидкій мужиченка. Было холодно, дулъ сильный вѣтеръ, тяжелыя облака спускались все ниже. При такихъ признакахъ было бы благоразумнѣе всего остаться и переночевать въ Нерицѣ, но перспектива провести ночь въ грязной избѣ намъ не особенно улыбалась. Къ тому же, въ Усть-Цыльмѣ мы разсчитывали найти письма, и рѣшили ѣхать. Со свойственной намъ безпечностью, мы не раздумывали ни о размѣрахъ лодки, ни о качествѣ гребцовъ. Я напялилъ на себя малицу, занятую на этотъ случай у ямщика; теплый мѣхъ „сюмы“ ласково прильнулъ къ лицу, и только мысль о насѣкомыхъ и какой-то подозрительный запахъ мѣшали наслаждаться природой. С. В. долго подтрунивалъ надо мной, увѣряя, что я очень похожъ на самоѣда, но затѣмъ онъ завернулся въ свои двѣ шубы и окаменѣлъ на днѣ лодки. Я легъ рядомъ, гребцы сѣли на весла, и мы понеслись.

Нѣсколько времени я продолжалъ слышать сквозь сонъ мѣрные взмахи веселъ, жалобные всплески воды, шумъ деревьевъ, раскачиваемыхъ вѣтромъ, но вся эта музыка въ холѣ и теплѣ оленьяго мѣха казалось какой-то сказкой, которая со всѣхъ сторонъ охватывала убаюканное дремотное сознаніе и разсыпалась въ немъ тысячью мягкихъ и нѣжныхъ сновидѣній. Съ ними такъ же мягко и безшумно врывались отголоски пережитого, какіе-то прекрасные звуки, и пѣсня, и звонъ струны. Это былъ сонъ, не сонъ, какое-то и сладкое, и жуткое состояніе, въ которомъ душа живетъ своей особой жизнью.

Помню, два стиха неожиданно блеснули въ памяти и, перебиваясь всплесками волнъ, стали мучить меня скрытой въ нихъ таинственной и странной загадкой. Словно кто-то другой повторялъ ихъ мнѣ и требовалъ отвѣта. Вся душа рвалась имъ навстрѣчу, а сознаніе томилось сладкимъ оцѣпенѣніемъ, все околдованное сказкой...

Изъ-подъ таинственной холодной полумаски
Звучалъ мнѣ голосъ твой, отрадный, какъ мечта...

Вдругъ струя холодной воды прошлась по моему лицу и хлестнула за воротъ. Я вздрогнулъ, проснулся... и не сразу пришелъ въ себя. Чувствовалъ только, что лодку сильно качаетъ, и волны бѣлыми зайчиками разбѣгаются и разыгрываются вокругъ насъ. Дулъ порывистый вѣтеръ, тучи надвигались совсѣмъ низко, была тьма, какъ въ настоящую ночь. Одинъ берегъ смутно выдѣлялся теряющимся силуэтомъ, другого не было видно вовсе. Я оглянулся на рулевого. Испуганными и слегка растерянными глазами онъ слѣдилъ за ходомъ волны, направляя лодку наперерѣзъ противъ вѣтра въ темную и страшную мглу.

— А что, братецъ, не потопишь ты насъ?

— Можетъ, и не потопимъ, Богъ дастъ,—растерянно отвѣчалъ онъ.—Никто, какъ Богъ, Его святая воля... Но-но, ребятушки! Гребите дружнѣй!..—обращался онъ поминутно къ гребцамъ, своимъ же сыновьямъ, которые выбивались изъ силъ.

— По какой рѣкѣ ѣдемъ?

— По Печорѣ. Тутъ, вишь, Нерица впадаетъ. Да и разливъ еще, такъ вода-те, что море... А тутъ за грѣхи наши Господь Богъ непогоду послалъ... Но-но, ребятушки, но еще, но-о, Господи Исусе Христе, спаси и помилуй насъ!

Онъ сталъ творить молитву. Лѣвый берегъ исчезъ совершенно изъ виду, правый не показывался, кругомъ была какая-то безнадежная мгла... Вѣтеръ дулъ порывами, то взметывая нашу

лодочку высоко на гребни волны, то стремительно спуская ее внизъ. И тогда казалось, волны, вотъ-вотъ, хлынутъ въ нее и въ томъ же веселомъ бѣгѣ, играя и крутясь, опрокинутъ и разметутъ все безъ слѣда. Но старикъ вскрикивалъ, гребцы дѣлали отчаянное усиліе, и лодка снова вскакивала на волну.

Жутко было, признаюсь. Это не былъ страхъ смерти, въ душѣ теплилась надежда, что, можетъ быть, по молитвамъ старика, намъ и удастся добраться до берега, но независимо отъ этого поднималась и охватывала все мое существо какая-то обидная досада на то, что вотъ пришлось ѣхать сюда, въ эти дикія, пустынныя дебри только за тѣмъ, чтобы, благодаря собственной безпечности, утонуть въ Печорѣ. Тутъ только замѣтили мы, что на веслахъ сидѣли почти дѣти, что лодченка была немногимъ больше душегубки и что мы сами, завернувшись въ свои малицы и шубы, не могли бы и трехъ минутъ продержаться на водѣ.

— Ну, что же, если и потонемъ! — сказалъ С. В. послѣ долгаго, угрюмаго молчанія. — По крайней мѣрѣ, утѣшительно, что утонули въ Печорѣ, а не въ какой-нибудь рѣчёнкѣ.

— Да, конечно, это утѣшительно,—отвѣчалъ я;—а нѣтъ ли у васъ водки?—я продрогъ. А два стиха продолжали звучать въ душѣ, но уже далекими и чуждыми звуками, словно поэзія отлетѣла отъ нихъ...

С. В. осторожно, боясь неловкимъ движеніемъ покачнуть лодку, сталъ доставать бутылку. Мы были все еще на серединѣ рѣки, но на востокѣ уже край неба яснѣлъ, и правый берегъ чуть замѣтной полоской виднѣлся издалека. Печора не сердилась: съ исполинской граціей забавляясь нами, она подбрасывала насъ на волнахъ своихъ, обдавая леденящими брызгами и пѣной. Одинъ изъ гребцовъ, помоложе, еле ворочалъ веслами. Нечего было и думать помѣняться съ нимъ, въ особенности въ моей неуклюжей, стѣснявшей свободу движеній одеждѣ. Старикъ шопотомъ читалъ молитвы, лодка качалась, словно безсильная рыба въ когтяхъ могучаго хищника.

— Ребята, у меня есть водка, — раздался вдругъ веселый голосъ С. В., рѣзкимъ диссонансомъ ворвавшійся въ общее настроеніе:—и какая водка, славная, столовая! полтинникъ за бутылку! Ну-ка, ребята, живѣй къ берегу! По двѣ рюмки каждому. И закуска есть. Живѣй, ребята! Никола-угодникъ поможетъ.

— Да они у меня не пьютъ,—отозвался ободреннымъ голосомъ рулевой.

— А тутъ выпьютъ, случай такой, самъ Богъ велитъ выпить! А на закуску по бублику.

— Да, оно если лодка бѣзъ корма, каково ѣхать будетъ?— сострилъ младшій, играя словами и налегая на весло.

— Но, но, ребятушки!—кричалъ рулевой, уже другимъ, полнымъ надежды голосомъ.—Живѣй! Господи Исусе, Господи Исусе...

Гребцы собрали послѣднія усилія и, дѣйствительно, сильно подвинули лодку къ берегу, который все болѣе и болѣе выросталъ темной стѣной своего лѣсистаго кряжа и уже отчетливо рисовался на замѣтно посвѣтлѣвшемъ небѣ. Вѣтеръ ударялъ намъ въ лицо, но волненіе утихало. Еще нѣсколько взмаховъ, и мы вздохнули свободно—мы были внѣ опасности, подъ горой.

— А вѣдь и вправду страшно было,—сказалъ С. В., готовя каждому изъ лодочниковъ угощеніе. — У меня душа ушла въ пятки: думалъ—крышка. — А вѣдь ты, братъ, чуть не утопилъ насъ,—обратился онъ къ старшему,—ей-Богу, чуть не утопилъ...

— Да оно точно-что... а только, ваше благородіе, Богъ-то на что? Онъ-то и поддержалъ насъ, милый. Безъ Него всяко было бъ... Богъ не попуститъ...

— Какъ не попуститъ?.. Да вѣдь тонутъ же у васъ.

— Тонутъ, какъ не тонуть... Ино баба утопнетъ, за сѣномъ поѣдетъ, ино—мужикъ... А не такъ все-же, чтобы очень часто, —берегутся... Вотъ ежели выпивши, не любитъ этого Печора.

Пристали къ берегу, передохнули въ ожиданіи, пока вѣтеръ утихнетъ. Вдругъ, неожиданно, словно изъ земли выросла на берегу высокая человѣческая фигура.

— Здравія желаю, господа честные! За какимъ дѣломъ, по какому случаю? — послышался хриплый старческій голосъ.—За худымъ коли дѣломъ,—выходи, камнемъ убью; а за хорошимъ,— просимъ милости къ намъ, рыбку продамъ.

— А, это пастухъ Максимъ, овецъ тутъ пасетъ,—радостно закричалъ одинъ изъ гребцовъ.

— Давай рыбу, какая рыба?!—кричалъ между тѣмъ С. В.: —тащи ее сюда всю, возьмемъ домой на уху.

Старецъ ушелъ. Кто онъ? Одинъ ли живетъ на этомъ пустынномъ берегу, дикомъ и лѣсномъ, или съ нимъ есть еще кто-нибудь? Эффектно было его появленіе здѣсь, въ четыре часа утра, послѣ пережитыхъ нами впечатлѣній.

Оказалось, что онъ живетъ здѣсь одинъ, сторожитъ овецъ и получаетъ въ лѣто по пяти копѣекъ съ овцы. Въ общемъ заработываетъ въ лѣто рублей двадцать-пять—тридцать, которые тутъ же и пропиваетъ.

— Вишь старый!—сказалъ одинъ изъ парней:—видно, выпить

охота, да не на что. Вотъ онъ рыбы наловилъ, да и стережетъ проѣзжающихъ.

— Больно старъ,—участливо замѣтилъ отецъ,—годковъ ему за восемьдесятъ будетъ; Николаевскимъ солдатомъ былъ; кровь-то старая и не грѣетъ. Вотъ ему водка-то и надобится.

— Да какъ же онъ водку здѣсь достаетъ?—спросилъ С. В.

— А вотъ, видишь ты, какъ по водкѣ-то стоскуется, овецъ броситъ. Тутъ вѣдь островъ, такъ шутъ ли имъ сдѣлаетъ что? Онъ этакъ сядетъ въ лодочку, да и отмахнетъ въ деревню, верстъ пятнадцать туда, да пятнадцать назадъ—ему нипочемъ. Водку привезетъ и почнетъ ее пить. Пьетъ да спитъ, пьетъ да спитъ, вотъ тебѣ и вся недолга. А ино бываетъ и не пьетъ,— сколько дёнъ не пьетъ. И больно хорошо за коньми и за овцами ходитъ тогда... Добрый старикъ, хорошій старикъ,—прибавилъ нашъ лодочникъ,—а чё водку пьетъ, такъ кто ея не пьетъ нынче?

— А питается-то онъ чѣмъ?—спросилъ я:—рыбу ѣстъ?

— Почто рыбу,—хлѣбомъ кормится. У него хлѣба много: какъ начнутъ снаряжать его, такъ каждая изба, котора хлѣба, котора мучки дастъ,—тѣмъ и живетъ.

Старикъ принесъ рыбу, подсѣлъ къ намъ и разсказалъ о своемъ прошломъ. Онъ послужилъ вѣрой и правдой своему отечеству, какъ могли служить, по его словамъ, только старые Николаевскіе солдаты: въ 49 году усмирялъ венгровъ, въ 56— стоялъ подъ Турціей, въ 59—бралъ Шамиля на Кавказѣ, и теперь, на старости лѣтъ, брошенный умирать почти голодной смертью,—у него три рубля пенсіи въ годъ,—онъ остался тѣмъ же бодрымъ и бравымъ солдатомъ, чуждымъ и тѣни подозрѣнія, что за свою вѣрную и долгую службу онъ имѣлъ бы право на болѣе обезпеченное существованіе.

Между тѣмъ, буря утихла. Вставало свѣжее, ясное утро. Лѣсистый берегъ во всей своей красотѣ поднимался справа надъ нами. Но мы были мало расположены любоваться красотами природы. Простившись со старикомъ, мы забрались въ лодку, подъ свои теплыя одѣяла, крѣпко уснули и спали до самой Усть-Цыльмы.

X.

Усть-Цыльма.—Нѣсколько историческихъ свѣдѣній.—Бытъ.—Зажиточность населенія. Нравы.—Церковь и раскольники.

Усть-Цыльма—столица Печорскаго края. Такъ опредѣляютъ ее мѣстные патріоты. Дѣйствительно, здѣсь сосредоточено упра-

вленіе уѣздомъ, размѣры котораго—около 25.000 кв. верстъ—превышаютъ площадь иныхъ европейскихъ государствъ. Здѣсь резиденція исправника, камера мирового судьи, казначейство, почта и телеграфъ. И только два училища низшаго типа, въ которыхъ ученіе не идетъ дальше элементарной грамоты, указываютъ на то, что возведеніе Усть-Цыльмы на степень города признается преждевременнымъ, несмотря на то, что въ ней одной, не говоря о прилегающихъ селахъ, насчитывается нѣсколько десятковъ тысячъ жителей.

Исторія Усть-Цыльмы находится въ тѣсной связи съ исторіей развитія Печорскаго края. Еще во времена Великаго Новгорода русскіе владѣли уже Печорой, и различныя инородческія племена, жившія здѣсь, платили имъ дань; извѣстія, восходящія ко временамъ первыхъ лѣтописцевъ, упоминали о „даняхъ Печорскихъ“ великому князю Ярополку Владимировичу. Лежащій сѣвернѣе полярнаго круга (67, 32 сѣв. широты) Пустозерскъ, теперь ничтожная слободка, въ XVII и XVIII вѣкахъ, считался уѣзднымъ городомъ Двинскаго воеводства, куда новгородскіе люди являлись для мѣновой торговли съ самоѣдами. Въ записи пустозерской церковной лѣтописи сохранились нѣкоторыя черты мѣстной исторіи, въ которой самоѣды занимали довольно видное положеніе. Во времена царя Ивана Васильевича Грознаго, самоѣды, черезъ посредство своихъ представителей, били челомъ великому государю, прося защиты отъ притѣсненій, причиняемыхъ русскими. Государь внялъ ихъ челобитію и подтвердилъ грамотой ихъ право владѣть угодьями своихъ предковъ, воспретивъ въ то же время, подъ страхомъ царской опалы, являться сюда печерянамъ и пермякамъ. Пустозерскъ былъ въ старину укрѣпленъ и служилъ мѣстомъ защиты противъ набѣговъ воинственнаго самоѣдскаго племени карачей, которые, по мѣстнымъ преданіямъ, въ концѣ концовъ были перевѣшаны до послѣдняго человѣка. Значеніе Пустозерска мало-по-малу упало, и роль административнаго центра перешла къ Усть-Цыльмѣ. Мѣстная церковная лѣтопись относитъ основаніе Усть-Цыльмы къ древнѣйшимъ новгородскимъ поселеніямъ. Около половины XVI в. поселился здѣсь новгородецъ Ивашка Дмитріевъ Ластка съ товарищемъ; къ нимъ вскорѣ присоединились и другіе выходцы. Чтобы упрочить свои права на облюбованныя земли и воды, Ластка поѣхалъ въ Москву и билъ челомъ великому князю о разрѣшеніи „копить слободу“ на пустопорожнихъ земляхъ. Великій князь разрѣшилъ Ласткѣ пользоваться всѣми занятыми угодьями съ оброкомъ въ годъ по кречету, или по соколу, или деньгами по рублю. Ивашка же

былъ при этомъ облеченъ правами верховнаго правителя и судьи здѣшнихъ мѣстъ (исключая, впрочемъ, дѣлъ о душегубствѣ и татьбѣ съ поличнымъ). Въ 1547 году, черезъ пять лѣтъ послѣ своего появленія здѣсь, Ивашка выстроилъ церковь во имя Николая Чудотворца, и Усть-Цыльма зажила своей сельско-промышленной жизнью. Долгое время, однако, населеніе ея было невелико и не отличалось достаткомъ. Развитіе села въ промышленномъ отношеніи двинулось впередъ лишь съ конца XVIII вѣка, когда началась торговля съ чердынцами, и ижемцы, разбогатѣвшіе на оленеводствѣ, не дали толчка торговой предпріимчивости всего средне-печорскаго края.

Усть-Цыльма растянулась по правому берегу Печоры, противъ впаденія въ нее р. Цыльмы. Въ этомъ отношеніи она напоминаетъ нѣсколько Архангельскъ, разбиваясь на нѣсколько продольныхъ улицъ и образуя длинную, узкую полосу жилья. Внѣшній видъ домовъ съ перваго взгляда производитъ пріятное впечатлѣніе. Большіе двухъ-этажные дома съ мезонинами, повѣти, примыкающія къ нимъ и наполненныя разнымъ добромъ, бани съ печами и окнами, какая ни на есть панель на главной улицѣ, нѣсколько лавчонокъ, въ которыхъ мѣстные обыватели покупаютъ скверные товары по дорогой цѣнѣ, ренсковый погребъ съ подозрительнымъ виномъ—все говоритъ о значительной степени зажиточности обывателей. Здѣсь не мало не только зажиточныхъ, но даже богатыхъ крестьянъ. Загляните къ какому-нибудь изъ нихъ въ избу,—и вы будете поражены небывалой для русскаго крестьянина роскошью обстановки: большія, свѣтлыя горницы уставлены привозной мебелью, за стекломъ расписныхъ шкапиковъ виднѣются горки посуды, на стѣнахъ висятъ старинные часы, красный уголъ сверкаетъ образами въ дорогой оправѣ, повѣти ломятся отъ множества всевозможнаго скарба—сѣтей, неводовъ, саней, кадей, сбруи, земледѣльческихъ орудій и т. п. Для праздника у хозяйки и дочерей есть цѣлый гардеробъ старинныхъ русскихъ нарядовъ—сарафановъ, шубеекъ, шушуновъ, крытыхъ дорогой парчей и шолкомъ, расшитыхъ золотомъ и серебромъ повойниковъ и дѣвичьихъ повязокъ, широкихъ цѣпей съ крестами, колецъ и серегъ. Гостямъ въ такомъ домѣ подадутъ свѣжепросольную семгу, кулебяку съ рыбой, сардинки, молочные продукты, чай, найдется бутылка-другая „ренсковаго вина“. Верхній этажъ избы обыкновенно не занимается, хозяева живутъ въ нижнемъ, гдѣ просторная комната, съ большой русской печью по серединѣ, съ палатями и скамьями вокругъ, служитъ имъ столовой, и кухней, и спальней. Въ такихъ домахъ,

особенно гдѣ много женщинъ, полъ всегда аккуратно „выпаханъ", т.-е. подметенъ, столъ и скамьи чисты; въ верхней избѣ, кромѣ того, стѣны оклеены обоями, за которыми происходитъ постоянное шуршаніе, несносное для человѣка, которому не спится подчасъ въ эти бѣлыя ночи.

Войдемъ теперь въ избу побѣднѣе. Обстановка приблизительно та же, но въ чистой избѣ вѣнскихъ стульевъ нѣтъ, а въ черной—окна поменьше, печь не такъ бѣла, по угламъ много всякаго грязнаго тряпья, посуда большею частью деревянная, самоваръ уже не блеститъ, — по всему видно, что хозяева могутъ меньше времени удѣлять домашнему порядку. „Чистая" изба не такъ чиста, обои прорваны въ разныхъ мѣстахъ, и въ нихъ виднѣются слѣды заштатныхъ обитателей дома; съ оконъ, шкафовъ и изъ-за печки соръ убирается весьма рѣдко; на постели валяется сбитая перина безъ простыни и наволочекъ; въ углу надъ ушатомъ виситъ на веревочкѣ ветхій рукомойникъ въ формѣ мѣднаго чайника, изъ котораго безпрестанно каплетъ. Изъ сѣней одна дверь ведетъ на лѣстницу внизъ, другая—въ повѣть. Въ нижней части помѣщается скотъ, въ верхнюю со двора ведетъ крутой въѣздъ, передъ которымъ въ стѣнѣ повѣти вырубаются широкія ворота. На дворѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи помѣщается баня, у зажиточныхъ бѣлая, у большинства черная, т.-е. безъ трубы.

По сравненію съ среднимъ благосостояніемъ русскаго крестьянина, усть-цылемцы должны быть признаны зажиточными. Независимо отъ количества земельныхъ угодій, которыя одни не въ состояніи прокормить населенія, оно имѣетъ въ своемъ распоряженіи важное подспорье въ рыбномъ промыслѣ. Продажа семги особенно съ тѣхъ поръ, какъ стали наѣзжать сюда столичные скупщики и подняли цѣну до тридцати—тридцати-пяти рублей за пудъ, одна даетъ имъ порядочный доходъ. Только лѣнивый не ловитъ здѣсь рыбы; рыба же служитъ имъ важнымъ подспорьемъ въ пищевомъ отношеніи: ее солятъ и „квасятъ". Мясо составляетъ также обиходный пищевой продуктъ: ѣдятъ „коровину", оленину, баранину, кое-какую дичь. Почти въ каждой семьѣ есть молоко и для себя, и для отпаиванья телятъ. Въ среднемъ, на каждую семью приходится двѣ-три коровы. Огородничество слабо развито,—сѣютъ только картофель, рѣдьку, рѣпу, и то не всѣ. Уже изъ одного этого видно, что Усть-Цыльма избавлена отъ хроническаго бѣдствія крестьянъ средней полосы—періодическихъ голодовокъ,—и стоитъ только привести хотя бы одинъ перечень издѣлій, приготовляемыхъ изъ муки

разныхъ сортовъ, чтобы видѣть, до какой степени разнообразится пища усть-цылемца. Не говоря о разнаго рода „штяхъ", рыбѣ свѣжей, соленой и кислой, разныхъ видахъ мяса и дичи, усть-цылемскія хозяйки пекутъ слѣдующіе виды хлѣба и пироговъ: обыкновенный ячменный, тяпушки, шаньги, дежни на молокѣ, колечки просовы, житни, калачи и пр. Лѣтомъ лакомство составляютъ ягоды брусники, щухи, черники, малины, морошки, щепишника (шиповникъ), землянки (земляники), смородина, клюква, наконецъ грибы. Послѣдніе не сушатъ, а мочатъ въ водѣ и солятъ, зимой выносятъ на морозъ. Все это достаточно показываетъ, что если природа обидѣла печорцевъ въ отношеніи солнца и красокъ, зато она наградила ихъ другими благами, давъ всѣ средства къ тому, чтобы въ этой странѣ тьмы и холодовъ имъ хоть дома, по крайней мѣрѣ, жилось тепло и обильно.

По внѣшнему виду усть-цылемцы производятъ впечатлѣніе угрюмыхъ и сосредоточенныхъ людей: брови у нихъ насуплены, глаза смотрятъ недовѣрчиво и враждебно; даже женщины и тѣ отражаютъ на лицѣ своемъ какое-то тупое упорство и угрюмую замкнутость; рѣдко встрѣтишь здѣсь милое простодушіе, открытую наивность деревенской молодежи какой-нибудь рязанской или тульской губерніи. Я видѣлъ здѣшнихъ дѣвушекъ на хороводѣ. Вырядившись, словно павы, въ свои шитые золотомъ и серебромъ кокошники и парчевыя „коротѣньки" и сарафаны, онѣ чинно сходились стѣна съ стѣной подъ красивую по сочетанію голосовъ, но заунывную хороводную пѣсню, расходились парами, образовывали кругъ, снова разбивали его—и всю эту игру вели безъ малѣйшаго оживленія, безъ веселаго смѣха, будто выполняли какой-нибудь суровый, чинный обрядъ. Неласковая природа и трудовая доля, видно, наложили на нихъ свою тяжелую печать.

Въ то время, какъ дѣвушки водили хороводъ,—это было въ воскресенье, часовъ около пяти-шести дня,—ихъ матери, тоже разрядившись въ прабабушкины шушуны и повойники, собравшись со всей Усть-Цыльмы, двумя длинными рядами сидѣли здѣсь же вдоль улицы, степенно бесѣдовали между собой, за ними, на заборахъ и воротахъ, расположились принарядившіеся мужики и подростки, тогда какъ другая часть парней, невдалекѣ отъ хоровода, играла въ лежки и въ городки. Нѣкоторые пробовали свои силы въ богатырской борьбѣ „крестъ-на-крестъ", но дѣло не клеилось; кое-гдѣ слышались грубые крики и пьяная, циничная брань. Но во всей этой тысячной толпѣ, собравшейся

сюда погулять и поразвлечься, чувствовалась какая-то придавленность, натянутость. Нигдѣ не замѣтно было молодецкаго безшабашнаго розмаха, не чувствовалось неподдѣльнаго, безграничнаго веселья.

Я долго бродилъ въ толпѣ, снимая небольшимъ аппаратомъ наиболѣе типичныя лица и отдѣльныя группы, и только цѣлая стая мальчишекъ, носившаяся за мной, отвлекала меня отъ мысли, что я вижу передъ собой не эффектную сцену изъ какой-либо исторической пьесы, а настоящую, послѣдніе дни доживающую старорусскую жизнь, еще сохранившую слабые отголоски вѣчевыхъ преданій и застывшую на моихъ глазахъ въ яркихъ лучахъ заходящаго солнца.

Настоящая жизнь печорскаго обывателя творится не здѣсь. Она скрыта отъ посторонняго взора и дается лишь тому, кто умѣетъ открывать общее по тысячѣ мелочей, изъ которыхъ складывается трудовая будничная жизнь. Сколько намъ удалось подмѣтить, для стараго, патріархальнаго уклада жизни наступаютъ послѣдніе—если не дни, то года. Являются новые люди, создаются небывалыя прежде условія жизни, и въ монотонный строй міросозерцанія вносится новая, пока еще мутная струя, грозящая нанести прежней старинѣ и своеобразно понимаемой чистотѣ нравовъ рѣшительный ударъ. Между отцами и дѣтьми замѣчается сильная рознь. Отцы, въ особенности изъ приверженцевъ старой вѣры, благоговѣйно чтутъ старину, ведутъ трезвую жизнь, не выносятъ людей, курящихъ табакъ, не долюбливаютъ православныхъ, даже избѣгаютъ подавать имъ руку, и весь домъ ведутъ степеннымъ старымъ обычаемъ. Здѣшніе раскольники—это не Богъ-вѣсть какіе знатоки: смутно разбираются они въ старыхъ книгахъ и иконахъ, держатся двоеперстія, Ісуса и алилуя, но идутъ на компромиссъ и соглашаются на крещеніе дѣтей у священника, на вѣнчаніе дочерей съ парнями-раскольниками въ православной церкви „для крѣпости“, и только въ послѣднее время стали сильно интересоваться чиномъ и положеніемъ дѣлъ такъ называемой бѣлокриницкой іерархіи. Молодежь—не то: она почти поголовно пьетъ водку, тайкомъ отъ родителей куритъ табакъ, въ старыхъ книгахъ почти совсѣмъ не разбирается, и только въ отношеніи брака она предпочла бы держаться старины, т.-е. сходиться безъ вѣнчанія,—еслибы не встрѣчала со стороны дѣвушекъ упорнаго требованія вѣнчаться въ церкви „для крѣпости“ и для предотвращенія въ будущемъ наслѣдственныхъ споровъ.

Типичнымъ образцомъ человѣка лучшихъ преданій старины

явился для меня одинъ изъ раскольниковъ—назовемъ его Семеномъ Ильичомъ. Я подолгу бесѣдовалъ съ нимъ и всякій разъ выносилъ убѣжденіе, что это—человѣкъ не отъ міра сего. Такихъ, какъ онъ, я видѣлъ мало. Отъ него вѣяло какой-то умилительной простотой и глубокой пламенной вѣрой первыхъ вѣковъ христіанства. Едва разбираясь въ старыхъ книгахъ, особенно въ разныхъ апокрифическихъ сказаніяхъ, онъ съ младенческой довѣрчивостью, которую жаль было разрушать, относился ко всему, что̀ было тамъ написано, не исключая, напримѣръ, нелѣпаго сказанія о томъ, какъ одна женщина родила тристашестьдесятъ-четыре младенца.

Говоря со мной объ этомъ сказаніи, онъ былъ въ большомъ смущеніи: ему какъ-то не вѣрилось въ реальность самаго факта и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно было допустить возможность грубой неправды въ одной изъ дорогихъ ему книгъ. О Христѣ онъ говорилъ такъ, какъ будто онъ вчера только видѣлся съ Нимъ и слышалъ изъ Его устъ золотыя слова любви и всепрощенія. Но не темнотой своей вѣры, а тихой довѣрчивой кротостью и именно любовью къ людямъ привлекала меня его личность. Онъ жилъ съ сыномъ и невѣсткой. Предоставивъ имъ управляться по дому, Семенъ Ильичъ уходилъ отъ суетливой жизни въ міръ старыхъ легендъ и мудрыхъ размышленій Псалтыри, и на меня изъ-подъ его честныхъ и добрыхъ глазъ смотрѣла Аввакумовская старина, умѣвшая идти на подвигъ духа и въ насильственной смерти видѣвшая желанный мученическій вѣнецъ за вѣру.

— А не слыхалъ ли ты,—таинственно спросилъ меня Семенъ Ильичъ,—что̀ тамъ уральскіе казаки съ Бѣловодскимъ царствомъ подѣлали? Никакъ—не нашли его?

Бѣловодское царство... Плѣнительная мечта о томъ, что есть на землѣ такая страна, гдѣ христіанство соблюдается въ идеальной чистотѣ и священство восходитъ преемственно къ самому Христу,—волновало и продолжаетъ волновать весь раскольничій міръ.

— Не нашли, Семенъ Ильичъ, да и не могли найти.

— Что̀ же такъ? Трудно было до него добраться?

— Да нѣтъ его вовсе. Выдумка это одна.

— Какъ выдумка?! Изъ Индіи на Китай надо ѣхать по знаменіямъ. У Господа спрашивай, у Царя Небеснаго... Есть оно, да не всякому, слышь, дается... Есть оно, слышь ты, есть: сказывали мнѣ вѣрные люди.

Разубѣдить Семена Ильича я былъ не въ силахъ, и онъ остался со своей мечтой о томъ, что наступитъ время, когда

оттуда выйдутъ учителя подлинной старой вѣры и вернутъ ко Христу заблудшій, метущійся народъ.

Я много бесѣдовалъ съ раскольниками на темы о священномъ писаніи, и убѣдился, что вся ихъ недовѣрчивость и недружелюбіе къ новымъ лицамъ быстро пропадаютъ, какъ только они замѣчаютъ непредубѣжденный интересъ къ себѣ и участливое вниманіе.

Въ своемъ міросозерцаніи всѣ усть-цылемцы поражали меня своей двойственностью. Съ одной стороны, это были толковые, а иногда и положительно умные люди, смотрѣвшіе широко на вещи, которыя не подъ силу раскусить обыкновенному среднему мужику; такъ, они прекрасно понимали выгоды образованія, значеніе нѣкоторыхъ мѣропріятій правительства, говорили о христіанской нравственности независимо отъ ея догматическаго истолкованія, и т. д. Этой стороной своего міросозерцанія они являлись какъ бы обращенными лицомъ къ XX вѣку. Но другая, оборотная сторона ихъ взглядовъ и нѣкоторыхъ сторонъ жизни приводила меня въ ужасъ. XVII-ый вѣкъ со всей своей дикостью и звѣрствомъ точно окаменѣлъ въ ихъ быту, и тупое упорство, съ которымъ они относились къ моимъ возраженіямъ, указывало, что нашъ вѣкъ настигъ ихъ еще слишкомъ рано. Изъ такихъ вопросовъ, въ которыхъ толковые и степенные усть-цылемцы оказывались совершенными дикарями и далеко превосходили въ дикости своихъ сосѣдей-инородцевъ, на первомъ планѣ стоитъ отношеніе къ женщинѣ, какъ къ женѣ и хозяйкѣ дома. Въ моихъ странствованіяхъ по русской деревнѣ, мнѣ пришлось наталкиваться на случаи невѣроятно жестокаго отношенія мужиковъ къ бабамъ, но такого сознательно-грубаго и презрительнаго отношенія, какъ здѣсь, я не видывалъ. Въ многочисленныхъ разсказахъ, характеризующихъ типичную личность главы дома, послѣдній менѣе всего напоминаетъ восточнаго деспота-пашу, который отъ женъ своихъ требуетъ одного лишь,—чтобъ онѣ служили ему предметомъ наслажденія. Типичный усть-цылемскій глава дома—это скорѣе всего разнузданный звѣрь, къ которому не знаешь, какъ подойти. Выходя замужъ, дѣвушка сознательно идетъ на побои, всякаго рода униженія и оскорбленія; трезвый и пьяный мужъ будетъ бить ее „смертнымъ боемъ“—первымъ, чтò попадется ему подъ руку: ремень, такъ ремнемъ, оглобля, такъ оглоблей. Законъ и обычное право стоятъ на сторонѣ мужа, и тесть первый станетъ помогать зятю „учить“ свою дочь, если та вздумаетъ перечить ему и жаловаться по сосѣдямъ. Срывая свой необузданный или ноющій отъ похмелья нравъ на безот-

вѣтной бабѣ, глава дома въ то же время сваливаетъ на нее всѣ наиболѣе тяжелыя работы, мало считаясь съ состояніемъ ея здоровья, съ тѣмъ, не беременна ли она, не истощена ли кормленіемъ ребенка. Для себя онъ оставляетъ по преимуществу благородное занятіе—плетеніе сѣтей, разныя подѣлки изъ дерева, рыбную ловлю, охоту.

До чего сами женщины свыклись съ такимъ положеніемъ, видно изъ слѣдующаго дѣла, разбиравшагося въ мѣстномъ мировомъ судѣ. Молодая женщина, насильно выданная замужъ за очень пожилого и пожившаго человѣка, обратилась въ судъ съ просьбой защитить ее отъ истязаній, которымъ подвергаетъ ее мужъ. Она было-убѣжала къ своему отцу, но тотъ, въ свою очередь „поучивъ ее", отвелъ назадъ къ мужу. Врачебная экспертиза установила фактъ нанесенія тяжкихъ побоевъ, и на основаніи этого ей былъ выданъ отдѣльный видъ на жительство. Тогда обозлившійся мужъ сталъ требовать у родителей жены возвращенія „запроса" (рублей отъ двадцати-пяти до восьмидесяти), т.-е., денегъ, уплаченныхъ за невѣсту на свадьбѣ въ видѣ выкупа. Тѣ отказались—подъ предлогомъ, что со своей стороны они сдѣлали все, чтобы заставить свою дочь жить у мужа, при чемъ упорно отказывались принять молодую женщину къ себѣ въ домъ. Пробовали водворить ее силой, но она стала убѣгать и прятаться на селѣ по погребамъ и овинамъ. Дѣло снова дошло до суда. Я не помню, чѣмъ оно разрѣшилось,—меня интересовало, главнымъ образомъ, какъ отнесется общественное мнѣніе къ положенію несчастной бабы.

Общественное мнѣніе оказалось всецѣло на сторонѣ мужа. „Чё фордыбачитъ,—говорили бабы,—чего прикидывается!.. чего бѣжитъ оттого, что онъ ее билъ?.. Какой мужикъ свою бабу не толконетъ?!.. Тутъ другое: не любитъ, вишь ты, она мужа, оттого и бѣжитъ; кабы любила, нешто бы не снесла?"

Я ухватился за этотъ мотивъ и сталъ доказывать имъ, что именно отсутствіе любви оправдываетъ больше всего ея поступокъ: Какъ же жить съ нелюбимымъ человѣкомъ? Вѣдь ее насильно же выдали замужъ...

— Насильно, — загалдѣли бабы,—а насъ не насильно выдавали? Не всякая, небось, по своей охотѣ идетъ! Старики сговорятъ, „запьютъ" и велятъ идти, за кого хотятъ. Такая, значитъ, твоя доля. А захочешь идти по своей волѣ, такъ иди голая: ничего не дадутъ. Кому же охота?

— А то ли мы терпимъ?—сказала одна изъ бабъ, не будучи въ состояніи удержать накипѣвшаго горя.—Я какъ вышла

за своего Өедора, такъ ни одного свѣтлаго дня не видала безъ того, чтобъ онъ меня чѣмъ-нибудь не „тюкнулъ“: то не такъ сказала, то не такъ встала, не туды сѣла. Годишь, годишь ему, не знаешь, что̀ и придумать, а ему нипочемъ. Такъ нешто побѣжишь отъ него? Одно спа̀сенье, какъ пьяный воротится, да завалится спать; тутъ только духъ и переведешь. Черезъ него и дитё скинула, четвертый годокъ тому пошелъ, — съ того и не рожу.

— Ой, сусѣдынька,—жалостливо взмахнула руками другая,—что̀ ты говоришь!.. А мой-то онадысь вернулся съ праздника поздно,—я уже на палатяхъ съ Васюткой лежала,—видно, выпимши былъ... схватилъ это онъ полѣно, да какъ хватитъ по мнѣ, ажно я свѣта не взвидѣла... Хочу кричать, и не смѣю,—осерчаетъ, думаю, совсѣмъ, поди, убьетъ. А тутъ, какъ на грѣхъ, Васютка проснулся, да и ну кричать: „Ой, мамка, бѣжимъ, татка биться будетъ!“

— Ой, матынька, лютъ-то твой больно, ой, лютъ!—заговорили бабы, наперерывъ стараясь облегчить душу исповѣдью тяжелыхъ испытаній своей семейной жизни.

— Ну, вотъ, видите,—сказалъ я,—всѣ вы испытали столько горя, а не имѣете сожалѣнія къ несчастной бабѣ.

— Законъ приняла, такъ не бѣгай отъ мужа!—затараторили опять всѣ вмѣстѣ.—Ишь ты, це любитъ!.. Кабы любила, такъ и штуки никакой не вышло бы; а ты не люби, да живи съ нимъ, потому что законъ приняла. Чѣмъ она лучше другихъ?!

Говорилъ я и съ мужиками по этому поводу. Они отвѣчали уклончиво. Одинъ изъ нихъ презрительно сплюнулъ въ сторону и, не глядя на меня, буркнулъ сердито: „Я-бъ ей показалъ, какъ отъ мужа отъ законнаго бѣгать“.

Хозяйка наша, добродушное, нѣсколько наивное существо, развела руками отъ удивленія, когда на вопросъ ея: „развѣ у васъ въ Питерѣ господа хозяекъ своихъ не бьютъ?“ — я отвѣтилъ:—Бываютъ такіе изверги, да и то не при другихъ,—другіе за это не похвалятъ.

— А какъ же, ежели которая хозяйка съ другимъ согрѣшитъ?

— Тогда расходятся или разводъ берутъ.

— Такъ, не побивши? А у насъ безъ драки не разойдутся никакъ...

И лицо ея выражало явное недовѣріе къ возможности другого порядка, чѣмъ тотъ, который испоконъ вѣковъ заведенъ въ Усть-Цыльмѣ.

На дѣтей у усть-цылемцевъ существуетъ дикій взглядъ. Поразительная смертность ихъ (до 95%) далеко не объясняется одними лишь суровыми условіями жизни, но въ значительной степени тѣмъ, что̀ одинъ изъ мѣстныхъ старожиловъ охарактеризовалъ словами — „отсутствіе материнскаго чувства". Матери отличаются многочадіемъ: сплошь и рядомъ встрѣчаются женщины, у которыхъ было по восемнадцати и двадцати дѣтей, но изъ нихъ оказывались живыми двое, много трое. Съ поразительнымъ равнодушіемъ говорятъ онѣ о смерти своихъ дѣтей. Онѣ кормятъ ихъ, точно выполняютъ тяжелый долгъ: „не котята вѣдь, своя кровь".—„Глядѣли, кажется, а вотъ поди-жъ ты, померли, какъ заснули—невѣсть съ чего".

Невѣсть съ чего! Мрутъ, задыхаясь на горячей печи, отъ истощенія, отъ дѣтскаго поноса, когда младенцу, едва ли не съ перваго дня, суютъ въ ротъ грязную, прокислую тряпку, загниваютъ въ нечистотѣ, „околѣваютъ" отъ тысячи другихъ случайностей, подстерегающихъ хрупкую жизнь ребенка. Измученныя „страдой" на пожняхъ или озвѣрѣвшія подъ вліяніемъ тяжкаго гнета „патріархальнаго" уклада домашней жизни, молодыя бабы нерѣдко сами съ нетерпѣніемъ ожидаютъ смерти надрывающаго душу своими криками ребенка. „Измаялась я совсѣмъ,—жаловалась одна, - давно бы ему пора околѣть, да смерти все нѣтъ,—только мучитъ".

На время полевыхъ и сѣнокосныхъ работъ, отрывающихъ въ Усть-Цыльмѣ и окрестныхъ селахъ всѣ рабочія руки, образуется любопытная организація ухода за дѣтьми, своего рода ясли, которыя С. В., подробно занимавшійся этимъ вопросомъ, убѣжденно называлъ „фабриками ангелочковъ". Уѣзжая на пожни верстъ за пятнадцать-двадцать, иногда и больше, матери оставляютъ у древнихъ старушонокъ, уже неспособныхъ ни къ какому другому труду, дѣтей въ возрастѣ отъ грудного до трехъ-четырехъ лѣтъ. За уходъ и питаніе ей платятъ отъ трехъ до пяти рублей, кромѣ хлѣба, предназначеннаго для питанія младенцевъ. Набравъ шесть-семь, а то и больше ребятъ, бабка нанимаетъ себѣ въ помощницы дѣвчонку лѣтъ восьми-девяти и начинаетъ „ухаживать". Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ свѣдѣній, какъ производится уходъ, но, думаю, онъ едва ли чѣмъ-нибудь отличается отъ того, какимъ дѣти пользуются въ домашней обстановкѣ. По возвращеніи домой, родители, за исключеніемъ весьма рѣдкихъ случаевъ, равнодушно встрѣчаютъ извѣстіе о смерти своихъ дѣтей. Бабка, по обыкновенію, „ночей не досыпала, куска не доѣдала", зорко берегла малютокъ, а они, правдивыя души, ни съ того, ни съ

сего, возьми, да и умри... „никакъ отъ порчи какой или съ дурного глазу“.—„Дѣло наживное“,—благоразумно разсудятъ родители и спокойно отправятся домой.

Любовь къ дѣтямъ, сколько удалось замѣтить, развивается, когда дѣти уцѣлѣютъ какимъ-то чудомъ въ этомъ страшномъ подборѣ и, придя въ сознательный возрастъ, начнутъ тѣшить родительское сердце своимъ покорствомъ и смышлёностью. Лѣтъ съ пяти ихъ берутъ на работы, на зиму даютъ „пимы“ или „катанцы“, штанишки съ „огузьемъ“, дѣвочкамъ „сарафанецъ“ и „кофточку“ и вообще считаютъ ихъ съ этого возраста имѣющими право на участіе въ жизненномъ пиру. Лѣтъ девяти-десяти они уже считаются серьезными помощниками въ работѣ. Около этого же времени мальчиковъ начинаютъ посылать въ мѣстную школу, гдѣ они остаются не до окончанія курса, но лишь до тѣхъ поръ, пока они не овладѣютъ элементарной грамотой. Послѣ этого ихъ передаютъ старухамъ-начетчицамъ, которыя учатъ ихъ читать св. писаніе по старымъ книгамъ, преимущественно псалтырь, чѣмъ они и заканчиваютъ свое образованіе. Съ этихъ поръ, какъ пареньки, такъ и дѣвочки пріобщаются къ домашнимъ работамъ, къ промысламъ, къ воскреснымъ хороводамъ, къ зимнимъ бесѣдамъ и, наконецъ, къ безчисленнымъ попойкамъ на крестинахъ, свадьбахъ, именинахъ и пр., гдѣ парни скоро начинаютъ играть роль жениховъ, стараясь не отставать въ цинизмѣ рѣчей и грубыхъ ухваткахъ отъ взрослыхъ.

Понятіе о нравственности—вещь очень относительная, и мы затруднились бы отнести къ какой-либо категоріи ту сумму понятій усть-цылемскаго обывателя, которая могла бы быть опредѣлена словомъ „нравственность“. Въ этихъ понятіяхъ господствуетъ, съ нашей точки зрѣнія, полный хаосъ, непостижимое, съ перваго взгляда, смѣшеніе представленій о добрѣ и злѣ, о возможномъ и недопустимомъ. Усть-цылемцы—добрые христіане, —„мы живемъ по заповѣдямъ, говорятъ они, не по вашему“—и на всякій случай жизни помнятъ множество цитатъ изъ священныхъ книгъ,—однако на всякій законъ у нихъ есть противозаконіе, закрѣпленное мѣткимъ изреченіемъ, которое сжато и образно выражаетъ вѣками выработанное нравственное начало, заслоняющее собой отвлеченную догму писанія. Чтитъ устьцылемецъ, напримѣръ, заповѣдь „не укради“, а между тѣмъ практика жизни заставляетъ его держать, хотя бы на самое короткое время своего отсутствія, весь домъ на запорѣ. — „Чтò, братъ, укралъ?“—„А ты видалъ?“—„Нѣтъ, не видалъ“.—„Такъ почто на дѣлежку ротъ разѣвалъ? Ступай откуда пришелъ“...

Чтутъ усть-цылемцы и заповѣдь „не убій“, а между тѣмъ, кто знаетъ, какія драмы разыгрываются на отдаленнѣйшихъ рыболовныхъ тоняхъ, гдѣ ежегодно пропадаютъ „безъ вѣсти“ по нѣскольку человѣкъ и гдѣ происходятъ цѣлыя сраженія изъ-за рыболовныхъ недоразумѣній усть-цылемцевъ и ихъ сосѣдей пустозеровъ?! Сообщенія объ этихъ сраженіяхъ прежде, говорятъ, рѣдко доходили до начальства, потому что, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, свято соблюдалось правило „не выдавать“. — „А теперь,—разсказывалъ намъ добродушный парень, — скрыть трудно: народу больно много наѣзжать стало. Ну, а одинъ-на-одинъ завсегда убить можно—и ничего. Кто его узнаетъ: рѣка не выдастъ, и лѣсъ не прошумитъ“...

„Не свидѣтельствуй ложно“ — знаютъ и эту заповѣдь усть-цылемцы. Наиболѣе пожилые изъ нихъ, помня, какъ Іуда правой рукой предалъ Христа и взялъ за это тридцать сребренниковъ, отказываются отъ рукопожатія навсегда, чтобы какъ-нибудь, хотя бы въ маломъ, не оказаться сопричастными Іудину грѣху черезъ рукопожатіе. Между тѣмъ, изъ судейскихъ сферъ о нихъ идетъ молва, будто къ ихъ свидѣтельскимъ показаніямъ надо относиться весьма осторожно. Будучи, въ качествѣ фактическихъ раскольниковъ, освобождены отъ присяги, они готовы каждый день мѣнять свои показанія и отбираемую отъ нихъ росписку показывать „по чистой совѣсти“ считаютъ ни во что. Конечно, мы говоримъ объ общихъ принципахъ теоріи и практики понимація усть-цылемцевъ, не касаясь отдѣльныхъ личностей, среди которыхъ есть много людей, заслуживающихъ полнаго уваженія со всякой точки зрѣнія и въ смягченіи крайнихъ противоположностей идеала и дѣйствительности сумѣвшихъ найти золотую средину.

Но нигдѣ противорѣчіе между оффиціально признаннымъ и существующимъ на самомъ дѣлѣ, не принимаетъ такой странной и въ извѣстномъ смыслѣ печальной формы, какъ въ отношеніяхъ раскольниковъ къ церковнымъ обрядамъ. Оффиціально раскольниковъ въ Усть-Цыльмѣ почти нѣтъ, во всемъ печорскомъ уѣздѣ ихъ значится по переписи лишь нѣсколько человѣкъ, фактически—въ одной Усть-Цыльмѣ ихъ тысячи. Православныхъ же, обращающихся къ священнику для исполненія требъ своей частной и общественной жизни, насчитывается не болѣе какой-нибудь сотни человѣкъ. Мы уже упоминали, что, для прочности брачнаго союза, дѣвушки настаиваютъ на совершеніи церковнаго обряда, но самое таинство не играетъ никакой роли въ ихъ требованіяхъ: оно интересуетъ ихъ лишь постольку, поскольку

съ нимъ связывается значеніе записи въ церковныя книги, налагающія извѣстныя юридическія обязательства на каждаго изъ супруговъ. Въ этихъ цѣляхъ брачущіеся, обращаясь къ священнику, принимаютъ на себя на недѣлю видъ добрыхъ христіанъ.

Какъ получившіе при рожденіи не крещеніе, а только „купаніе“ отъ своихъ поповъ, раскольники должны „приготовляться“: они аккуратно посѣщаютъ церковь, говѣютъ, исповѣдываются и такимъ образомъ номинально присоединяются къ церкви. А въ это время дома идутъ спѣшныя приготовленія и совершаются свои обычаи и обряды, весьма мало соотвѣтствующіе чину церковнаго очищенія. Съ самаго момента сватовства, женихъ, въ большинствѣ случаевъ, переходитъ въ домъ своей невѣсты и начинаетъ съ ней совмѣстную жизнь. Время до совершенія свадьбы, въ собственномъ смыслѣ слова, считается временемъ жениховскаго гулянья, въ которомъ принимаютъ участіе друзья жениха и подруги невѣсты.

Для гулянья отводится въ домѣ послѣдней особая комната, куда, по вечерамъ, собирается молодежь и проводитъ всю ночь попарно. Это продолжается около недѣли. Нарушеніе цѣломудрія до брака вообще считается не только дозволительнымъ, но вошло, кажется, въ обычай. На вопросъ: „сколько у тебя дѣтей?“ —вы всегда можете получить отвѣтъ: „до свадьбы было трое, да съ Иваномъ принесла (прижила) пятерыхъ“. Сами родители корятъ дѣвушку, если у нея нѣтъ ухаживателя: „ты, видно, въ людяхъ не годна, никто за тобой не ухаживаетъ“. Обычаи этого же рода сопровождаютъ катанье на масляной.

Нежеланіе, съ одной стороны, обращаться къ церкви, а съ другой—стремленіе закрѣпить юридически сожительство, не разъ приводило въ Усть-Цыльмѣ и ея окрестностяхъ къ любопытной формѣ узаконеній гражданскаго брака путемъ договора въ волостномъ правленіи. Въ бумагахъ его сохранилась, говорятъ, въ этомъ отношеніи интересная запись. Вдовецъ пожелалъ вторично жениться на дѣвушкѣ. Отказавшись наотрѣзъ подчиниться обряду вѣнчанія, онъ, въ сопровожденіи всего свадебнаго чина, отправился въ волостное правленіе и заключилъ тамъ форменный договоръ о „сожительствѣ на вѣчныя времена“ съ такой-то дѣвицей, на опредѣленныхъ условіяхъ.

Естественно, что при такомъ отношеніи къ церковному обряду священники тяготятся обязанностью совершать его для вида, и нѣкоторые изъ нихъ высказывали мнѣніе о необходимости предоставить здѣсь вопросъ о совершеніи церковныхъ обрядовъ доброй волѣ прихожанъ, какъ оффиціальныхъ, такъ и неоффи-

ціальныхъ, сохранивъ юридическое значеніе брака въ какой-либо другой формѣ. Этимъ путемъ устранилось бы много лжи во взаимныхъ отношеніяхъ и, можетъ быть, выиграло бы достоинство служителей церкви и церковныхъ обрядовъ въ глазахъ самихъ же раскольниковъ. Однако, вѣроятно изъ соображеній высшаго порядка, епархіальное начальство, говорятъ, не раздѣляетъ подобнаго взгляда. Враждебное отношеніе къ церкви поддерживается стариками, нѣсколькими убѣжденными фанатиками старой вѣры, а также „христовыми невѣстами", т.-е. старыми дѣвами (по-мѣстному — „браковка"), посвятившими всю свою жизнь дѣламъ благочестія. Грамотныя изъ нихъ читаютъ надъ покойниками, неграмотныя поютъ „стихи" и принимаютъ участіе во всѣхъ церковныхъ обрядахъ, относящихся, разумѣется, къ старой вѣрѣ. Ихъ характеризуютъ обыкновенно тѣми поученіями, съ которыми онѣ обращаются къ дѣвушкамъ: „наноси,—говорятъ,—сколько хочешь ребятъ, хоть сколько шишекъ въ бору, не ходи только въ церковь. Этого грѣха не замолишь". Однако, въ молодомъ поколѣніи практическій смыслъ, какъ мы видѣли, беретъ верхъ, и основы старой вѣры падаютъ съ каждымъ годомъ, не обращаясь въ благочестіе.

Отрицательныя свойства въ быту и характерѣ жителей, по обыкновенію, бросаются въ глаза скорѣе, чѣмъ положительныя, а между тѣмъ послѣднія есть и весьма немаловажныя. Суровыя условія жизни выработали въ мѣстныхъ крестьянахъ силу воли и стойкость, которыя могли бы выражаться не только въ тупомъ упорствѣ, еслибы нашли возможность примѣненія ко благу на осязательныхъ примѣрахъ окружающихъ. Большинство крестьянъ отличается смѣлостью, доходящей иногда до готовности жертвовать собой въ борьбѣ съ силами природы, предпріимчивостью во время трудныхъ и опасныхъ промысловыхъ работъ, и любознательностью, къ сожалѣнію находящей весьма мало средствъ къ своему удовлетворенію. Состояніе умственнаго развитія, какъ объ этомъ упоминалось выше, находится въ самомъ плачевномъ видѣ. Мѣстной школы недостаточно; наконецъ, едва ли она поставлена въ настолько благопріятныя условія, чтобы оказывать въ полной мѣрѣ свое благотворное просвѣтительное вліяніе. То обстоятельство, что дѣти бѣгутъ изъ школы, едва овладѣвъ начатками грамоты, никакъ нельзя объяснить одной лишь косностью крестьянъ и предубѣжденіемъ ихъ противъ православной школы. Во-первыхъ, устьцылемцы не такіе ужъ упорные раскольники, и наполовину придерживаются раскола лишь изъ соображеній самой элементарной выгоды (не нужно ходить въ цер-

ковь, отчислять на духовенство, не обязательно вѣнчаться и т. д.), а во-вторыхъ, они желали бы для своихъ дѣтей настоящей и практически необходимой школы, наглядная польза которой обнаруживалась бы у нихъ на глазахъ. А теперь, разсуждаютъ они, пробудетъ ли мальчикъ въ школѣ годъ или два,—какой прокъ? Онъ не приноситъ домой никакого ремесла, никакихъ знаній, которыя оказались бы непосредственно пригодными въ предстоящей ему практической дѣятельности дома, на пожнѣ, на рыбной ловлѣ. Въ этомъ отношеніи Печорскій край—вполнѣ забытый и заброшенный, не испытавшій на себѣ благотворныхъ признаковъ истинной культурной работы. Вліяніе духовенства парализуется цѣлымъ рядомъ вѣковыхъ недоразумѣній, приводящихъ къ чисто-формальной склонности къ расколу, и тѣмъ крайне ненормальнымъ положеніемъ, въ которое оно поставлено среди предубѣжденнаго населенія: оно вынуждено играть здѣсь тягостную и унизительную для него самого роль какихъ-то чиновниковъ, къ которымъ обращаются, подъ личиной дурно-скрытаго обмана и лицемѣрія, лишь за тѣмъ, чтобы получить необходимую запись о совершеніи таинства, обряда и т. д. Съ какимъ чувствомъ, напримѣръ, долженъ допускать къ причастію истинно вѣрующій священникъ жениха и невѣсту, зная добрачные обычаи мѣстныхъ обывателей? Въ такомъ положеніи, которое давнымъ-давно требуетъ самаго серьезнаго вниманія, не можетъ быть довѣрія и любви ни у священника къ паствѣ, ни у паствы къ священнику. Обѣ стороны совершаютъ какой-то оффиціально признанный обоюдный обманъ.

Положеніе русской интеллигенціи—здѣсь мы имѣемъ въ виду исключительно служилую—незавидно во многихъ отношеніяхъ. Благодаря различнымъ условіямъ, которыя мѣшаютъ единенію интеллигентныхъ силъ на почвѣ идейныхъ и возвышенныхъ интересовъ, въ средѣ ея господствуетъ рознь, взаимное недовѣріе, подозрительность. Мы говоримъ объ интеллигенціи мелкихъ уѣздныхъ городовъ, заштатныхъ мѣстечекъ, большихъ селъ и т. д. Обстоятельства сложились такимъ образомъ, чтобы подавить въ корнѣ всякую частную иниціативу, направленную на развитіе умственной или нравственной самодѣятельности, отчего возможность общенія на почвѣ идейныхъ интересовъ стѣснена до послѣдней степени, не встрѣчая извнѣ ни сочувствія, ни поддержки; люди теряютъ мало-по-малу запасъ общихъ свѣдѣній, полученныхъ въ школѣ, и вскорѣ утрачиваютъ сознаніе своей духовной связи съ обществомъ въ широкомъ смыслѣ, ограничивая ее тѣснымъ кругомъ отношеній къ семьѣ, начальству, сослуживцамъ

и подчиненнымъ. Скудость мысли и духовныхъ порывовъ, неудовлетворенность матеріальнымъ и общественнымъ положеніемъ, самолюбіе, уязвленное неправдой общественныхъ отношеній,—вотъ та психическая среда, въ которой развивается и живетъ унылый типъ захолустнаго чиновника, съ его забитостью, грубостью съ одной стороны и низкопоклонствомъ—съ другой.

Этотъ типъ, уже закрѣпленный литературнымъ изображеніемъ, можно встрѣтить на всемъ необъятномъ просторѣ нашей родины. Но мы слишкомъ мало времени могли посвятить знакомству съ интеллигенціей Печорскаго края, чтобы подвести ее подъ опредѣленную мѣрку. Одно можемъ сказать съ полнымъ убѣжденіемъ, что тѣ условія, въ которыхъ существуютъ чиновники Печорскаго края, несравненно тяжелѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Не говоря уже объ особенностяхъ природы и климата, о полугодовой ночи и зимѣ, продолжающейся восемь мѣсяцевъ, они страдаютъ еще отъ того же полнаго отсутствія культурныхъ заботъ о себѣ, какое мы отмѣтили, говоря выше о населеніи вообще. Будучи по большей части людьми семейными, они лишены возможности воспитывать дѣтей при себѣ, такъ какъ здѣсь нѣтъ не только реальнаго училища или какой-нибудь профессіональной средней школы, но даже самой обыкновенной школы типа городскихъ училищъ. Доказывать необходимость такихъ школъ для края, съ населеніемъ въ десятки тысячъ человѣкъ, помимо чиновниковъ, притомъ населеніемъ зажиточнымъ и сознающимъ потребность просвѣщенія, едва ли необходимо. И вотъ мѣстные интеллигенты принуждены отвозить своихъ дѣтей въ далекій Архангельскъ и воспитывать ихъ тамъ, или отдавая на попеченіе чужимъ людямъ, или разставаясь совсѣмъ съ семьей, которая проводитъ въ Архангельскѣ зиму и лишь на короткое лѣто возвращается домой, къ своему кормильцу. Правительство сознало тяготы, связанныя съ воспитаніемъ дѣтей на такихъ далекихъ окраинахъ, и назначило семейнымъ людямъ извѣстную сумму въ качествѣ пособія на воспитаніе каждаго ребенка. Люди многосемейные получаютъ, такимъ образомъ, возможность до нѣкоторой степени обставить воспитаніе дѣтей, но не трудно представить себѣ, что и эта помощь, конечно, не можетъ вознаградить за тѣ моральныя лишенія, которыя неизбѣжны при необходимости разлуки съ семьей и жизни на два дома. Съ другой стороны, отъ многосемейныхъ людей еще менѣе можно ждать общественной иниціативы, которая такъ необходима въ этомъ темномъ и пустынномъ краѣ. Неудивительно, что при всѣхъ тягостныхъ условіяхъ интеллигенція здѣсь не оказываетъ того благотворнаго

вліянія на развитіе окружающей среды, которое она могла бы оказать, еслибы дѣятельность ея была поставлена въ другія рамки и встрѣтила поддержку извнѣ въ стремленіи поднять просвѣтительный и вообще культурный уровень Печорскаго края.

Дни бѣжали. Кратковременная весна развернулась въ неожиданно знойное лѣто, съ пышной листвой, высокими травами, миріадами комаровъ и мошекъ, и мы стали собираться въ обратный путь. Разставались мы съ этимъ краемъ съ большимъ сожалѣніемъ: многаго намъ не удалось увидѣть, объ иномъ пришлось составить лишь одно бѣглое представленіе. Но мысль побывать здѣсь зимой, когда населеніе остается на мѣстахъ и живетъ неторопливой жизнью, въ еще болѣе рѣзко очерченныхъ формахъ быта и нравственныхъ понятій, примирила насъ съ необходимостью спѣшить обратно. Назадъ мы ѣхали той же тайболой; было жарко и душно; изрѣдка перепадалъ дождь, и тайбола, въ полномъ блескѣ своего расцвѣта, была еще непроницаемѣй и загадочнѣй. Теперь мы ѣхали быстрѣе: разливъ кончился, мосты были вездѣ наведены, дороги поправлены, и мы, на четвертый день, увидѣли Койнассъ. Дальнѣйшее путешествіе, благодаря пріобрѣтенному нами опыту и благопріятной погодѣ, не представляло тѣхъ затрудненій, которыя мы встрѣчали раньше, и дней черезъ пять мы уже сидѣли на палубѣ парохода, увозившаго насъ изъ Мезени въ Архангельскъ.

Кончилось путешествіе, давшее намъ столько свѣжихъ и разнообразныхъ впечатлѣній. Оно показало лишь одну частицу необъятнаго и невѣдомаго міра, именуемаго русскимъ Сѣверомъ, но и этой частицы оказалось достаточно, чтобы ощутить въ себѣ ту знакомую путешественникамъ тоску неудовлетворенной любознательности, которую возбуждаетъ, во время странствованій, все величавое, своеобразное и таинственное.

Придется ли еще разъ увидѣть этотъ край?...

Евг. Ляцкій.

ПОСЛѢДНЯЯ НАДЕЖДА

ЭСКИЗЪ.

По роману: „La Nouvelle Espérance“, par la comtesse Mathieu de Noailles. Paris, 1904.

I.

Сабина де-Фонтенэ возвращалась домой вмѣстѣ со своей молоденькой золовкой Мари, послѣ утренней прогулки въ Булонскомъ лѣсу. Движеніе на воздухѣ, среди зимняго пейзажа, доставляло видимое удовольствіе молодой женщинѣ; она глубоко вдыхала воздухъ, какъ бы утоляя этимъ какую-то безконечную жажду, и рядомъ съ ея возбужденнымъ лицомъ ровный взглядъ Мари отражалъ въ себѣ болѣе уравновѣшенное существо. Сразу видно было, что эти двѣ женщины—не одного темперамента. Старшей изъ нихъ, Сабинѣ, было съ виду двадцать-три, двадцать-четыре года; у нея была высокая, тонкая фигура, блѣдное и нѣжное лицо, мягкіе волосы тяжелаго чернаго цвѣта, темные огненные глаза съ синеватыми бѣлками. Сопровождавшая Сабину дѣвушка лѣтъ около двадцати, сестра ея мужа, была тоже красива; у нея было ясное лицо, свѣтло-каштановые волнистые волосы, нѣжно улыбающійся ротъ. Въ нѣсколько смущенномъ взглядѣ чувствовалась природная робость.

Сабина была дружна съ Мари, чувствовала себя легко въ ея обществѣ и дѣлилась съ нею охотно своими настроеніями.

Въ это утро, гуляя по одной изъ аллей Булонскаго лѣса, она объясняла молодой дѣвушкѣ свое душевное состояніе.

— Настоящей радости я не знаю,—говорила она,—послѣ

рожденія и смерти моей малютки, послѣ перенесенныхъ тогда страданій. Но все-таки я, кажется, счастлива. Я рада спокойствію и огражденности моей жизни отъ всякихъ рѣзкихъ ощущеній; это доставляетъ мнѣ отраду, которая, быть можетъ, и есть счастье.

— Но все-же ты иногда грустна, Сабина...

— Это происходитъ оттого, что какъ я ни разсудительна и серьезна, во мнѣ иногда просыпается воспоминаніе о далекомъ времени, когда я была совсѣмъ иной, безумной и жалкой, но умѣвшей и смѣяться, и рыдать до изнеможенія, до блаженства... Я была такой мрачной, такой настойчивой и упрямой, что судьба не трогала меня; я какъ будто внушала ей страхъ. А потомъ я вдругъ ослабѣла, стала уступать, и тогда все пошло иначе: начались несчастья, болѣзни... Теперь это прошло. У меня бываютъ иногда часы полнаго довольства, особенно по вечерамъ, когда зажигаютъ лампы, и мнѣ кажется, что уже никакихъ перемѣнъ не произойдетъ вокругъ насъ. Но я только не понимаю, для чего люди живутъ. А ты понимаешь?

— Кажется, понимаю,—отвѣтила Мари ровнымъ голосомъ, и только рѣсницы ея опустились, точно стараясь скрыть промелькнувшій въ ея свѣтлыхъ глазахъ отблескъ души. Она стала робко объяснять, что для нея счастье—въ тихой жизни, въ трудѣ; что, читая книги и усердно занимаясь живописью, она счастлива; ея работа кажется ей не одинокимъ дѣломъ, а участіемъ въ общемъ механизмѣ жизни.—Надѣвая рабочую блузу,—сказала она,—я чувствую себя какъ бы монахиней въ кельѣ; и я знаю, что есть другія монахини, въ другихъ кельяхъ, и что насъ на землѣ цѣлый монастырь счастливыхъ работницъ, чуждыхъ всякаго тщеславія.

— Я тоже когда-то радовалась труду и отдыху послѣ труда,—отвѣтила Сабина,—но это было до моего горя... Однако, вѣдь есть и другое—свобода, полнота радости и печали, прогулки наединѣ, тяжелыя, мрачныя мысли, иногда слишкомъ долгій смѣхъ, иногда вздохъ—такой глубокій...

— Ахъ, ты, моя безумная мечтательница!—воскликнула молодая дѣвушка, нѣжно обхвативъ Сабину за плечи и держа ее какъ хрупкій драгоцѣнный предметъ.

Онѣ подошли къ дому, гдѣ жила Мари съ матерью—очень близко отъ Сабины—и остановились.

— Прощай, дорогая,—сказала Мари.—Мы съ тобой заболтались, и мама, навѣрное, уже ждетъ меня къ завтраку. Что ты сегодня будешь дѣлать?

— Ничего,—отвѣтила м-мъ де-Фонтенэ.—Я буду отдыхать, читать; можетъ быть, еще выйду; а въ пять часовъ приходи ко мнѣ, къ чаю. Анри будетъ дома, и придутъ также Жеромъ и Пьеръ.

Распростившись съ Мари, Сабина направилась домой. Ей, дѣйствительно, казалось, какъ она и сказала Мари, что она не будетъ ничего дѣлать, потому что для нея все слабо испытываемое какъ бы не существовало. Она теперь ничего не желала, не чувствовала себя несчастной, и эта однообразная жизнь казалась ей какъ бы только сномъ на яву. По дорогѣ домой она услышала издали звуки шарманки, грустные и жалкіе, точно говорящіе, что нѣтъ любви, когда земля покрыта льдомъ и когда у людей нѣтъ крова, нѣтъ стола и хлѣба, нѣтъ досуга и нѣжащихъ ароматовъ. Слушая эти далекіе, какъ бы замирающіе отъ холода и слабости звуки, Сабина думала о томъ, что любовь создана не для мерзнущихъ зимой бѣдняковъ, а только для тѣхъ, которые, имѣя возможность жить, почему-то предпочитаютъ умирать отъ безумія и внутренняго огня.

Приближаясь къ своему маленькому отелю, м-мъ де-Фонтенэ съ удовольствіемъ глядѣла издали на ящики съ цвѣтами у оконъ; ей было пріятно сознаніе, что она можетъ укрыться тамъ, въ этихъ мирныхъ комнатахъ, отъ шума и суеты улицы. Войдя въ домъ, она прошла въ кабинетъ къ мужу, который приводилъ у себя книги въ порядокъ, поцѣловала его и повела за руку въ столовую завтракать. Онъ сталъ говорить ей о механикѣ, къ которой чувствовалъ особенное пристрастіе, о телеграфахъ, объ успѣхахъ воздухоплаванія. Она почти не слушала его, и не имѣла даже достаточно энергіи, чтобы сдѣлать видъ, что слушаетъ. Послѣ завтрака, она и ея мужъ прошли въ большую комнату, которой присвоено было почему-то названіе мастерской; тамъ молодая женщина легла на диванъ, а мужъ ея, выпивъ кофе и выкуривъ папиросу, сообщилъ ей свои планы и нѣжно простился съ нею.

Въ этой комнатѣ Сабина проводила цѣлые дни, то читая, то просто лежа на шолковомъ диванѣ и отдаваясь пассивному чувству довольства, въ которое входило и какое-то оцѣпенѣніе, и наслажденіе мирнымъ, ровнымъ теченіемъ часовъ, и въ то же время нѣкоторый страхъ смерти. Ее такъ истомили бурныя чувства ея дѣтства, и все, что принесло ей необдуманное замужество и несчастное материнство, что она наслаждалась теперь притупленностью жизненныхъ ощущеній и своей боязнью смерти. Она страшилась и радости, и смерти, какъ стихійныхъ,

острыхъ ощущеній,—до того она дорожила тепломъ и боялась дрожи. Вспоминая свое пламенное дѣтство, бурность своихъ дѣтскихъ чувствъ, она изумлялась прошлому, не понимала его и казалась себѣ дѣвочкой, бывшей когда-то страстной женщиной. Когда ея мать умерла, отчаяніе Сабины было такимъ бурнымъ, что она нѣсколько дней ничего не ѣла, сама не понимая, какая сила въ ней такъ рано протестуетъ противъ жизни.

Она выросла въ домѣ отца, въ которомъ цѣнила тонкій умъ и нѣсколько мрачную и равнодушную снисходительность ко всему окружающему; нѣжности она, однако, къ нему не чувствовала. Дѣтство ея было странное—мистическое и страстное; порывы отчаянія чередовались въ ея душѣ съ приливами благоразумія. Единственнымъ ея обществомъ была сентиментальная нѣмецкая гувернантка, очень цѣломудренная, разсказывавшая воспитанницѣ о своей разбитой любви, не подозрѣвая, что будитъ своими романтическими вздохами страстное сердце Сабины. Въ тринадцатилѣтней дѣвочкѣ, унаслѣдовавшей отъ отца ясность и точность ума, былъ силенъ итальянскій темпераментъ матери, и разсказы сентиментальной нѣмки претворились для нея въ пламенную легенду любви. Видя, что гувернантка гордится своимъ романтическимъ прошлымъ, Сабина стала думать, что восторги и страданія, приносимыя страстями, опредѣляютъ собою всю судьбу человѣка. Все пламенное стало увлекать ее; въ исторіи она замѣчала только моменты высшаго возбужденія, пламенное выраженіе лицъ. Къ религіи она относилась съ такою же страстностью, и мечтала о подвигахъ отреченія, о мученичествѣ, а потомъ переходила къ противоположнымъ крайностямъ, къ величайшей смѣлости, къ жаждѣ стихійной свободы, къ пониманію рока, царящаго надъ всѣмъ.

Въ пятнадцать лѣтъ она случайно прочла слѣдующую фразу Спинозы: „наша вѣра въ свободу воли основана только на невѣдѣніи мотивовъ, управляющихъ нашими дѣйствіями". Эти слова озарили ее новымъ свѣтомъ и успокоили ея душевную тревогу. Ее перестали мучить постоянные острые переходы отъ пламенной вѣры къ отрицанію, и въ религіи она стала цѣнить только декоративную сторону, красоту обрядовъ и храмовъ. Съ отцомъ у нея установились хорошія отношенія; она съ нимъ часто и подолгу бесѣдовала, цѣня его умъ и образованіе, и экзальтація дѣтскихъ лѣтъ смѣнилась спокойной, тихой радостью, полнотой жизненныхъ силъ, побѣдой болѣе здоровыхъ инстинктовъ надъ меланхоліей и мистическими порывами. Въ шестнадцать лѣтъ она была здоровой, веселой дѣвушкой. Въ Парижѣ и, лѣтомъ,

въ помѣстьи отца, въ Туренѣ, ее окружали молодые люди, добивавшіеся ея вниманія, и она забавлялась невиннымъ кокетствомъ съ ними. Ей льстило сознаніе ея власти надъ ними, но мысль о томъ, что кто-нибудь изъ этихъ молодыхъ людей можетъ попросить ея руки, почему-то оскорбляла ея гордость и вызывала въ ней внутренній протестъ. Она еще не знала никакихъ нѣжныхъ порывовъ, и только одинъ разъ въ ней проснулось болѣе бурное чувство, изумившее ее самоё своей неожиданностью. Къ де-Розэ, отцу Сабины, пріѣхалъ въ его помѣстье старый знакомый, итальянецъ Фабьенъ Мори, уже не совсѣмъ молодой политическій дѣятель. Сабина не обратила на него особеннаго вниманія, и за обѣдомъ смѣялась и шутила съ молодыми людьми. Но послѣ обѣда, слушая пѣніе странствующей труппы итальянцевъ, попавшей въ этотъ вечеръ въ зàмокъ, Сабина нечаянно перевела глаза на Фабьена, и вдругъ замѣтила его пристальный и упрямый взглядъ, очевидно уже нѣсколько времени устремленный на нее.

Когда музыка кончилась, итальянецъ всталъ и подошелъ къ Сабинѣ. Онъ заговорилъ съ ней о самыхъ безразличныхъ предметахъ, но слова его были какъ бы только предлогомъ для того, чтобы не отводить глазъ отъ молодой дѣвушки. Сабина отвѣчала ему нѣсколько смущенно. Ее странно волновалъ взглядъ этого человѣка, какъ бы спаленный и обезсиленный знойностью чувствъ, странно тревожилъ его смѣхъ, нѣжный и жестокій. На слѣдующій день онъ уѣхалъ; она больше никогда съ нимъ не встрѣчалась, и мысли ея не долго были заняты имъ. Но все-же она, которую оскорбляли надежды знакомыхъ молодыхъ людей, добивавшихся ея руки, почувствовала на минуту непонятную радость, подчиняя свою гордость твердой волѣ этого человѣка.

Прошло еще два года беззаботной, веселой жизни для Сабины, а потомъ все круто измѣнилось. Отецъ сообщилъ ей, вернувшись однажды изъ путешествія, что собирается жениться, и что невѣста его — молодая дѣвушка изъ Вѣны. Онъ высказывалъ увѣренность, что Сабина подружится съ нею. Это извѣстіе глубоко огорчило Сабину. Она любила отца ревнивой любовью, и ей казалось теперь, что она совершенно осиротѣла. Она пробовала привязаться къ своей гувернанткѣ, но сентиментальная нѣмка перестала интересовать ее. Она стала тогда подумывать о замужествѣ. Когда отецъ собрался въ Вѣну, гдѣ должна была состояться свадьба, и объявилъ дочери, что послѣ свадьбы уѣдетъ путешествовать со своей молодой женой, Сабина сдѣлалась невѣстой Анри де-Фонтенэ. Онъ ее любилъ и нравился ей своей

серьезностью, своей любовью къ наукѣ. Потомъ она поняла, что его влекла къ наукѣ не столько жажда истины, сколько физическая потребность въ движеніи—любовь къ простору, къ природѣ. Онъ любилъ экспедиціи, морскія и воздухоплавательныя, не ради научныхъ открытій, а потому, что его привлекала широта горизонта, сіяніе звѣздъ на вечернемъ небѣ. Дружба, съ которой отнеслась къ ней Мари де-Фонтенэ, окончательно убѣдила Сабину согласиться на этотъ бракъ, въ который она вступала съ уставшей, побѣжденной жизнью душой.

II.

Всѣ эти событія и чувства минувшихъ дней вспоминались Сабинѣ въ тишинѣ уютной мастерской. Она лежала на оранжевой шолковой кушеткѣ, среди цѣлой груды блѣдно-палевыхъ шолковыхъ подушекъ. Въ каминѣ догоралъ огонь. Стѣны были обставлены низкими книжными шкапами со стеклянными дверцами. Въ одномъ углу стоялъ наискось рояль съ раскрытыми на пюпитрѣ нотами. Рояль былъ на-половину прикрытъ покрываломъ изъ краснаго бархата съ серебряными вышивками, и на него поставлена была великолѣпная маска Бетховена, широкая и плоская, съ разглаженными смертью чертами, и какъ бы раздавленная вдохновенностью выраженія. Повсюду, на столикахъ и на полкахъ, стояли японскія вазы, рѣзкихъ желтыхъ и зеленыхъ оттѣнковъ, и множество цвѣтовъ, наполнявшихъ вазы, распространяли кисловатый запахъ увядающихъ лепестковъ и влажныхъ стеблей. Тишина въ комнатѣ, рано наступившія сумерки, снѣгъ за окнами и вся едва нарушаемая ровнымъ тиканьемъ каминныхъ часовъ атмосфера мирнаго досуга усыпили м-мъ де-Фонтенэ, и книга съ сонетами Ронсара, которую она начала читать, выскользнула изъ ея рукъ. Сонъ молодой женщины былъ очень легкій, и она слышала сквозь него мягкій бой часовъ, ощущала уютную теплоту комнаты, сознавала холодъ и мракъ за окнами. Жизнь казалась ей ласковой и отрадной, и она отдавалась пассивному спокойствію, старалась продлить бездумную истому, не желая въ эту минуту ничего иного, лучшаго... Раздался звонокъ.

„Это Анри, — подумала она. — Вслѣдъ за нимъ придутъ и другіе. Нужно встать и одѣться“.

Она поднялась съ кушетки и направилась по лѣстницѣ въ свою комнату. Встрѣтивъ Анри, она ласково взглянула на него и дала ему поцѣловать руку, а поднимавшагося вмѣстѣ съ нимъ

друга его, Пьера Валанса, она привѣтствовала веселымъ смѣхомъ. Она мало знала этого человѣка, мало имъ интересовалась, и шутливость обращенія казалась ей единственнымъ средствомъ выказать любезность другу мужа.

— Пройдите въ мастерскую,—сказала Сабина.—Вамъ подадутъ чай, и я сейчасъ тоже приду, только одѣнусь.

Пьеру Валансу было лѣтъ около тридцати; онъ былъ высокаго роста, съ тонкимъ, нѣсколько узкимъ лицомъ, съ короткой черной бородой и слегка сѣдѣющими волосами. Взглядъ его, отъ близорукости, казался иногда смущеннымъ, но обычнымъ выраженіемъ его лица была веселость и полнота жизни, сказывавшаяся и въ легко выступающемъ румянцѣ щекъ. Онъ былъ друженъ съ Анри де-Фонтенэ со школьной скамьи, и всегда оказывалъ на него большое вліяніе. Онъ внушилъ ему интересъ къ научнымъ занятіямъ, причемъ самъ, по своему природному непостоянству, уже измѣнилъ свои вкусы. Теперь онъ занимался политикой, соціальными реформами и готовился выступить кандидатомъ на выборахъ въ парламентъ.

М-мъ де-Фонтенэ скоро вернулась въ мастерскую, одѣтая въ свободно падающее, шелестящее платье; при всей своей легкости, оно казалось непосильной тяжестью для ея хрупкаго тѣла. Она застала Анри и Пьера за чаемъ и папиросами. Только-что пришедшая Мари сидѣла въ качалкѣ и молча слушала ихъ.

Сабина спросила Пьера, гдѣ онъ сегодня былъ, и онъ воодушевленно заговорилъ объ испытанномъ имъ художественномъ наслажденіи: онъ провелъ нѣсколько часовъ въ Луврѣ и восторгался картинами Леонардо да-Винчи. Онъ старался сообщить свой восторгъ другимъ, и глядѣлъ на нихъ восхищенными глазами, восклицая: „Онъ великолѣпенъ, великолѣпенъ!“—Потомъ, проведя рукой по волосамъ, онъ сразу перешелъ съ патетическаго тона на веселый, точно показывая, что высшія напряженія восторга не годятся для обычной жизни.

— Вотъ идетъ Жеромъ,—сказала Сабина, услышавъ шаги на лѣстницѣ.

Дверь открылась и вошелъ Жеромъ Эрель. Онъ поздоровался со всѣми серьезно, безъ улыбки, считая, что выполненіе долга вѣжливости требуетъ сосредоточенности и торжественности.

Жеромъ Эрель былъ дальній родственникъ Анри; мать его была урожденная де-Фонтенэ, а отецъ—музыкантъ польскаго происхожденія. Отъ отца онъ унаслѣдовалъ несомнѣнное музыкальное дарованіе. Мать его умерла, когда ему едва исполнилось двадцать лѣтъ. Онъ остался одинъ и думалъ сначала за-

няться уроками музыки; но болѣзненное самолюбіе и врожденная любовь къ праздной и богатой жизни сдѣлали для него эти занятія слишкомъ тяжелыми. Онъ сталъ пробовать свои силы въ композиторствѣ—и не безъ успѣха. Получивъ маленькое наслѣдство послѣ смерти сестры своего отца, онъ поселился въ Парижѣ, гдѣ Анри и его жена отнеслись къ нему съ большимъ участіемъ. Анри познакомилъ его съ полезными людьми изъ музыкальнаго міра. Жеромъ съ радостью принялся работать, писалъ въ новомъ стилѣ—очень умѣло, и былъ признателенъ Анри за его помощь. Очень занятый собой, своей внѣшностью, онъ имѣлъ всегда озабоченный видъ, и это производило непріятное впечатлѣніе.

Онъ, молча, взялъ чашку чаю, которую налила ему Сабина. Пьеръ и Анри увлеклись горячимъ споромъ о французской революціи. Анри доказывалъ, что ее можно было иначе организовать. У него была особая манія подвергать пересмотру уже совершившіяся событія. Мари внимательно слушала, переводя взглядъ съ одного спорщика на другого, и боялась ошибиться, согласившись съ мнѣніемъ одного изъ двухъ.

Сабина подошла къ Жерому и стала, изъ вѣжливости, разговаривать съ нимъ разсѣяннымъ тономъ. Онъ былъ ей скорѣе непріятенъ, потому что, при всей своей кажущейся скромности и сдержанности, онъ, повидимому, совершенно не поддавался вліянію того, что̀ говорилось вокругъ него. Слова и мысли другихъ людей отскакивали отъ него. Сабина чувствовала, что лично она не возбуждаетъ въ немъ удивленія. Она не старалась поражать его, но привыкла, чтобы ей говорили: „вы не такая, какъ всѣ“. Жеромъ этого не говорилъ, и видимо былъ только занятъ собой; Сабина, поэтому, не интересовалась имъ.

— А теперь пусть Жеромъ что-нибудь споетъ намъ!—воскликнулъ Пьеръ, съ трудомъ сдерживая свое раздраженіе противъ Анри, съ которымъ онъ не могъ сойтись въ мнѣніи о Мишлэ.

Собранія у м-мъ де-Фонтенэ заканчивались обыкновенно тѣмъ, что Жерома просили что-нибудь спѣть, но онъ уклонялся и находилъ всегда какой-нибудь учтивый предлогъ, чтобы уйти, не исполнивъ общей просьбы.

На этотъ разъ, однако, онъ согласился пѣть, взялъ папиросу, закурилъ ее, положилъ на край рояля и, сѣвъ за рояль, взялъ нѣсколько аккордовъ. Всѣ замолкли и усѣлись поудобнѣе, готовясь слушать пѣніе. Анри, не любившій музыки, взялъ книгу

и сталъ читать, не чувствуя никакого волненія отъ звуковъ, наполнявшихъ комнату.

Жеромъ игралъ и пѣлъ, слегка поднявъ лицо; онъ напрягалъ память, чтобы припомнить слова. Онъ пѣлъ прекрасную мелодію Фора; блѣдное лицо его, окаймленное русыми, отливавшими золотомъ волосами, было возбужденное. Музыка сливалась со словами въ страстные звуки, которые, казалось, подымались изъ глубины томящейся души. Было что-то опьяняющее въ этихъ восточныхъ звукахъ, — точно тутъ разбили флаконъ съ восточными духами, точно смяли цвѣты магноліи, ароматъ которыхъ отлеталъ и плакалъ, умирая... Весь воздухъ въ комнатѣ дрожалъ.

„Боже,—думала Сабина,—сколько страданій приноситъ музыка!—Мужчины и женщины такъ несчастны на землѣ, любовь такъ невозможна, все кругомъ такъ печально и грустно, а музыка создаетъ иллюзію тѣлъ, сотканныхъ изъ свѣта, иллюзію сладостно рыдающихъ устъ и звуковъ болѣе убѣдительныхъ и ближе касающихся души, чѣмъ руки, обвивающіяся вокругъ шеи. Какъ отъ этого больно!.. И зачѣмъ это вѣчное ожиданіе поцѣлуя?.. Можетъ быть, любовь — только великая жалость, испытываемая другъ къ другу, и только музыка, поэзія и красота вносятъ въ нее столько отчаянія“.

Жеромъ поднялся и закрылъ рояль, — было уже поздно. Онъ собрался уходить и закурилъ передъ уходомъ еще одну папиросу. Но онъ закашлялся, и Сабина остановила его за руку.

— Не курите,—сказала она.—Вы потому и кашляете, что вѣчно курите. — Смутившись сама отъ своей неожиданной фамильярности, удивившей, повидимому, и Жерома, она прибавила, какъ бы извиняясь: — Ну да, вѣдь вы поете, и куреніе вредно для голоса.

— Счастливые музыканты! — воскликнулъ Пьеръ:—о нихъ всѣ заботятся. Во всякомъ случаѣ, Жеромъ, выкурите папиросу или оставьте ее, но идемъ. Я собираюсь обѣдать на бульварахъ. Пойдете со мной?

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ Жеромъ.—Анри, можетъ быть, и вы присоединитесь къ намъ,—конечно, если дамы тоже поѣдутъ,—нѣсколько сухо прибавилъ онъ изъ вѣжливости. Но дамы отказались. Сабина заявила, что она устала и будетъ обѣдать дома съ Мари. Анри же она просила не стѣсняться и поѣхать со своими друзьями.

Наскоро пообѣдавъ,—обѣ онѣ придавали мало значенія ѣдѣ,— Сабина и Мари перешли въ маленькую гостиную подлѣ сто-

ловой, меблированную въ стилѣ Louis XV. Задернувъ занавѣси у оконъ, поправивъ огонь въ каминѣ, Сабина прилегла на кушетку, а Мари сѣла въ глубокое кресло у камина. Нѣжась въ теплой, уютной атмосферѣ, обложивъ себя мягкими шолковыми подушками, Сабина отдавалась по обыкновенію праздному бездумью и лишь отрывистыми словами поддерживала разговоръ съ Мари.

— Да,—сказала она, въ отвѣтъ на замѣчаніе Мари,—Жеромъ и Пьеръ милые... Но Жеромъ не симпатиченъ... А голосъ у него пріятный.

Потомъ она засмѣялась, вспомнивъ, какъ она вдругъ запретила ему курить.

— Странно! — сказала она: — съ этой минуты онъ сталъ мнѣ менѣе непріятенъ. Какъ только выкажешь малѣйшую заботу кому-нибудь, это какъ бы привязываетъ къ нему.

— А Пьеръ? — перебила Мари: — онъ тебѣ нравится? Ты, кажется, съ нимъ сходишься во взглядахъ. Въ разговорахъ о политикѣ ты всегда поддерживаешь его противъ Анри.

— Да. Онъ умный человѣкъ, и я во многомъ съ нимъ соглашаюсь; но меня раздражаетъ нервность его характера, его разсѣянность и вѣчные романы, происходящіе невѣдомо въ какихъ кругахъ. Къ тому же онъ всегда всѣмъ доволенъ, а мнѣ ближе люди съ тоскующей душой.

— Однако, ты не выносишь вида страданій,—возразила ей молодая дѣвушка. — Помнишь, какъ ты была несчастна, когда старая м-мъ Мартенъ плакала у тебя послѣ смерти своего сына? Ты посылала меня къ ней вмѣсто себя и говорила, что не можешь видѣть несчастныхъ людей.

— Да,—грустно отвѣтила Сабина.—Я такъ безсильна теперь, что не умѣю даже быть доброй, не въ силахъ раздѣлить чужое горе.

— Но вѣдь тебѣ теперь лучше, — быстро возразила Мари, нѣжно взяла руку Сабины и прижала ее къ своей щекѣ.

— Да, дорогая, мнѣ гораздо лучше, — отвѣтила Сабина и поцѣловала Мари; въ отвѣтъ на нѣжность къ себѣ, она всегда чувствовала еще бóльшую нѣжность. — Ну, а ты,—продолжала она,—довольна жизнью? Есть у тебя все, чего ты желаешь?... Есть любовь?—спросила она, помолчавъ, тихимъ голосомъ.

— Нѣтъ,—беззаботно отвѣтила Мари.—Я никого не люблю; тѣ, которые влюбляются въ меня, кажутся мнѣ жалкими,—вотъ и все. Скоро начнутся опять вечера, а мнѣ не хочется выѣзжать. Молодые люди, которыхъ я знаю, кажутся мнѣ глупыми, хотя,

можетъ быть, я и не права. Я все жду какого-нибудь необыкновеннаго человѣка, все существо котораго не опредѣляется его умѣніемъ корректно носить фракъ. Вотъ еслибъ явился кто-нибудь въ родѣ Филиппа Форбье́, о которомъ постоянно говорятъ Анри и Пьеръ,—тогда, быть можетъ...

— А каковъ онъ, этотъ Филиппъ Форбье́?—спросила Сабина.

— Ахъ да, я и забыла, что ты его никогда не видѣла. Онъ почти не выходитъ изъ дому, и къ нему тоже нельзя ходить, чтобы не мѣшать ему. Даже Анри не видаетъ его по цѣлымъ годамъ.

— Но что̀ онъ такое собственно?—продолжала спрашивать Сабина:—физикъ, философъ, математикъ?

— Все вмѣстѣ,—отвѣтила Мари.—Онъ пишетъ книги, читаетъ лекціи и, кажется, занимается, кромѣ того, скульптурой. Онъ старше Анри. Они познакомились очень давно, на засѣданіяхъ одного ученаго общества. Филиппъ Форбье́ былъ уже женатъ тогда и имѣлъ дѣтей. Впрочемъ,—сказала она, возвращаясь къ началу разговора,—я даже рада, что не выхожу замужъ. Зачѣмъ? Развѣ нужно непремѣнно любить и быть любимой?

— Въ твои годы въ этомъ вся жизнь,—отвѣтила Сабина, оживляясь.—А когда любовь проходитъ, когда наступаетъ старость, то лучше всего, если имѣешь силу воли, покинуть жизнь, потому что съ этимъ все кончается...

Обѣ онѣ замолчали, а потомъ заговорили о другомъ; но Сабина продолжала думать о безмятежности своей теперешней жизни, объ удобствѣ и тишинѣ своихъ дней, о своемъ спокойномъ, нѣжномъ чувствѣ къ Анри. Слегка вздрагивая подлѣ потухающаго огня, нѣсколько сонная, она сказала Мари:

— Знаешь, Мари, мнѣ тоже кажется, что ты права; любовь, быть можетъ,—не самое важное въ жизни...

III.

Прошла зима со своими обычными впечатлѣніями, и снова наступила весна. Пришли апрѣльскіе дни, съ рѣзкими лучами солнца и длинными бѣлыми сумерками.

Сабина нѣсколько измѣнилась. Здоровье ея окрѣпло, и у нея явились капризныя желанія развлеченій и порывы какой-то дѣтской сентиментальности и нѣжности. Она упрашивала мужа ѣздить съ ней въ театръ вдвоемъ, втайнѣ отъ Мари, или удерживала Анри у окна въ лунные вечера, прижималась головой

къ его плечу и, вздыхая, говорила ему о грусти вечера, спрашивала, не хочется ли ему плакать при видѣ красоты въ природѣ. Онъ откровенно говорилъ, что ему вовсе не грустно, высказывалъ опасенія, какъ бы она не простудилась у окна, совѣтовалъ не читать романтическихъ книгъ и отправлялъ ее спать.

Но Сабина продолжала упорствовать въ своей жаждѣ нѣжныхъ изліяній. Она дулась на мужа нѣсколько дней за его холодность, потомъ приходила къ нему въ кабинетъ, отдавала ему цвѣтокъ, приколотый къ ея корсажу, садилась подлѣ него и принималась мечтать о путешествіяхъ—то въ Скандинавію, куда ее привлекалъ зàмокъ Эльсиноръ, то куда-нибудь на югъ Франціи, гдѣ они жили бы въ виллѣ съ балкономъ, обвитымъ розами, то въ Италію, чтобы жить среди оливковыхъ кущъ. Анри съ улыбкой выслушивалъ ее, говорилъ, что непрактично строить сразу такъ много плановъ, но находилъ, что все это очень мило, и нѣжно цѣловалъ ее. Она чуть не плакала.

— Ты не знаешь, какъ я тебя люблю!—говорила она.—Я принесла тебѣ все мое прошлое. Я пришла къ тебѣ изъ глубины моего дѣтства. Почему же ты такъ холоденъ? Ты спокойно работаешь и никогда не бываешь грустенъ...

— Почему бы мнѣ быть грустнымъ? Я тебя люблю, ты теперь здорова, можешь жить какъ другія, во всемъ принимать участіе, и можетъ быть, — ты увидишь, какое это тебѣ дастъ счастье,—у тебя будетъ сынъ, который утѣшитъ насъ въ утратѣ нашей малютки.

— Еслибы ты меня любилъ, ты былъ бы грустенъ, какъ я. Когда любишь, то является тоска о чемъ-то непонятномъ, недостижимомъ.

Экзальтація Сабины трогала ея мужа и льстила его самолюбію. Исполняя ея романтическіе капризы, онъ часто отправлялся съ нею, въ апрѣльскіе и майскіе вечера, куда-нибудь въ отдаленные рестораны, гдѣ они обѣдали вдвоемъ, какъ скрывающаяся отъ постороннихъ взоровъ влюбленная парочка, или же обѣдалъ съ нею въ большихъ ресторанахъ Булонскаго лѣса, залитыхъ свѣтомъ и переполненныхъ публикой. Анри чувствовалъ себя тамъ прекрасно, ѣлъ и пилъ съ аппетитомъ, гордился красотой своей жены и тѣмъ, что она такъ дорожитъ его обществомъ. Сабину опьяняла музыка цыганъ и ослѣпительное освѣщеніе, и въ то время какъ мужъ ея медленно пилъ кофе и ликеръ, закуривъ папиросу, она опиралась на перила террасы, вдыхая вечернюю прохладу, и грусть надвигающейся ночи наполняла ея душу сладостной печалью. Покровъ ночи и легкаго

серебристаго тумана застилалъ въ ея памяти воспоминаніе объ ея уютномъ домѣ, объ отрадѣ ея привычной домашней обстановки. Освобожденная отъ всякихъ воспоминаній, она отдавалась въ эти минуты неизвѣстному. Она не различала среди ласковой вечерней темноты ясныхъ очертаній своего настоящаго; она ощущала только свою душу, изъ которой поднималась къ блѣдному лунному небу роковая жажда счастья. А мужъ ея, мирно сидѣвшій подлѣ нея, не тревожился, глядя на ея лицо, поблѣднѣвшее отъ волненія, какъ отъ болѣзни, и исхудавшее отъ остроты желаній.

Возвращаясь послѣ такихъ прогулокъ домой, Сабина старалась найти успокоеніе въ чувствѣ спокойной нѣжности къ мужу, побѣждающей всѣ другія чувства.

Въ концѣ мая Сабинѣ очень захотѣлось пожить въ деревнѣ, и она уговорила мужа отпустить ее или поѣхать вмѣстѣ съ нею въ департаментъ Оазы, въ помѣстье его матери, которая уже переселилась на лѣто съ Мари въ свой зàмокъ Брюеръ.

Анри съ удовольствіемъ согласился на эту поѣздку. Онъ только-что закончилъ подготовительныя работы къ постройкѣ лодки, нужной ему для научныхъ цѣлей, и радъ былъ отдохнуть недѣльки двѣ и заняться въ деревнѣ рыбной ловлей. Онъ предложилъ пригласить Жерома, который, по его словамъ, обожалъ природу и жизнь въ деревнѣ.

— А Пьеръ?—спросила Сабина.

— Пьеръ не поѣдетъ. Онъ занятъ ссорой съ какой-то актрисой; онъ думаетъ, что еще любитъ ее, или что не любитъ. Во всякомъ случаѣ ему теперь не до насъ.

Сабина обрадовалась согласію мужа и наскоро сдѣлала приготовленія къ поѣздкѣ; примѣряя передъ зеркаломъ большую соломенную шляпу съ маками изъ краснаго шолка, она уже ощутила въ себѣ чувства сельской жительницы...

Сабина и Анри прибыли въ зàмокъ м-мъ де-Фонтенэ къ обѣду. Зàмокъ, построенный въ XVIII-мъ вѣкѣ, былъ очень изящный и внушительный по архитектурѣ, но нѣсколько чопорный во внутреннемъ устройствѣ комнатъ. У Сабины сжалось сердце отъ грусти, когда она прошлась по комнатамъ, такъ какъ воспоминанія о минувшихъ временахъ сильно дѣйствовали на ея романтическое воображеніе. Но за обѣдомъ къ ней вернулась прежняя веселость, и она радовалась предстоящему деревенскому пребыванію, хотя общество матери мужа было ей не особенно

пріятно. Эта женщина раздражала ее своей экспансивностью и ограниченностью. Она по природѣ не была способна ни на что иное, кромѣ заботъ по хозяйству и исполненія свѣтскихъ обязанностей. Слѣды бывшей большой красоты сохранились у нея еще и теперь, въ пятьдесятъ лѣтъ. Она прожила молодость и состарилась, ни о чемъ не думая, и была счастлива и добродѣтельна какъ бы только по разсѣянности. Она была добра, но больше изъ внутренняго равнодушія, и на доброту ея нельзя было положиться. Никакихъ активныхъ чувствъ у нея не было, и она любила сына и дочь больше изъ привычки къ ихъ близости. Къ Сабинѣ она относилась какъ внимательная, очень вѣжливая хозяйка, и отношенія между ними были чисто внѣшнія.

Первые дни Сабина провела, радуясь тишинѣ и гуляя безъ конца съ Мари, которая разсказывала ей обо всемъ, что̀ произошло за время ихъ разлуки, о прочитанныхъ ею книгахъ. Во время прогулокъ, Мари, очень внимательная къ окружающему, всегда точно опредѣляла характеръ пейзажа и свое впечатлѣніе, и сейчасъ какъ бы забывала о томъ, что̀ формулировала словами. Эта методичность ума и чувствъ нѣсколько непріятно дѣйствовала на Сабину, которая отдавалась стихійному чувству удовольствія и становилась грустной отъ всякой разсудочности у другихъ. Когда наступалъ вечеръ, Сабина подолгу стояла на террасѣ въ своемъ легкомъ платьѣ изъ кисеи и кружевъ; слегка дрожа отъ прохлады, она глядѣла на потухшее небо, на ласточекъ, летящихъ, не шевеля крыльями, и думала обо всемъ, чего она ожидала отъ жизни и чего жизнь ей не дала. Но въ этотъ часъ, подъ этимъ мягкимъ розовымъ небомъ, при легкомъ ароматѣ акацій и нервной возбужденности всей природы, она чувствовала, что любовь и счастье необходимы и возможны. Она жаждала и ждала любви — не такой слабой и страдальческой, какъ ея чувство къ Анри, а чуда любви, появленія незнакомца, который скажетъ ей: „Все равно—кто вы и кто я, но потому что вечеръ сегодня лиловый, потому что этого хочетъ весна, потому что вы прекрасны и мечтаете о счастіи—потому полюбите меня!..“ Уходя къ себѣ въ комнату на ночь, Сабина подолгу не спала и мечтала. Разглядывая висящій на стѣнѣ портретъ маркизы де-Фонтенэ, она читала на ея лицѣ отраженіе изысканнаго культа любви, которому предавались напудренныя, веселыя маркизы XVIII-го вѣка, и онѣ казались ей счастливыми и правыми передъ жизнью.

Черезъ нѣсколько дней, Сабина проснулась очень рано, услышавъ стукъ подъѣзжающей къ дому коляски. Она высунулась

изъ окна, но ничего не увидала и спустилась внизъ въ быстро накинутомъ пеньюарѣ. Оказалось, что пріѣхалъ Жеромъ Эрель; Сабина забыла, что его ждали въ это утро. Она обрадовалась ему,—онъ привезъ съ собой воздухъ Парижа, но ей было нѣсколько совѣстно явиться передъ нимъ въ утреннемъ нэглиже́.

Жеромъ Эрель очень понравился матери Анри своей почтительностью къ ней и видимымъ признаніемъ ея общественнаго ранга. Она злоупотребляла его внимательностью и безъ конца говорила ему о своихъ непріятностяхъ, о своемъ здоровьи. Онъ выслушивалъ ее, повидимому, ничуть не тяготясь разговорами съ нею. Сабинѣ было непріятно видѣть, что онъ такъ легко мирится съ пошлостью, и не умѣетъ предпочитать удовольствіе скукѣ. Ей это казалось доказательствомъ того, что онъ совершенно поверхностный человѣкъ, у котораго вѣжливость замѣнила жизнь сердца, а свѣтскій тактъ—всякій непосредственный порывъ. Изъ тщеславія онъ былъ бы способенъ рисковать жизнью для совершенно безразличной ему цѣли.

Но Сабина должна была согласиться съ Мари, что Жеромъ—пріятный гость въ деревнѣ. Она пошла съ нимъ гулять въ лѣсъ, и во время прогулки онъ неожиданнымъ образомъ сталъ очень просто и искренно говорить ей о себѣ. Ему видимо было пріятнѣе проводить время съ нею, чѣмъ съ Анри. Онъ отказывался идти удить рыбу и слегка подшучивалъ надъ страстью Анри къ рыболовству, обмѣниваясь украдкой съ Сабиной насмѣшливыми взглядами, когда Анри начиналъ цитировать ученые авторитеты и говорилъ о правилахъ и принципахъ рыбной ловли.

„Онъ можетъ стать моимъ другомъ,—подумала молодая женщина,—и я тоже могу быть ему полезной“.

Вмѣстѣ съ окрѣпшимъ здоровьемъ у Сабины явилось стремленіе къ активной жизни души. Ей хотѣлось проявить въ дѣйствіи свой умъ и проникнуть въ душу Жерома. Она чувствовала въ немъ сильную волю и скрытность, и знала, что необходимо большое искусство, чтобы внушить ему довѣріе и влiять на него.

Во время пріемовъ въ за́мкѣ, мать Анри всецѣло завладѣвала гостями; Сабина, Мари и Жеромъ усаживались вмѣстѣ въ углу гостиной и забавлялись, наблюдая за тѣмъ, съ какой важностью гости и хозяйка говорятъ о полныхъ пустякахъ. Сабина особенно удивлялась одной гостьѣ, м-мъ де-Плесси, настолько занятой соблюденіемъ аристократическаго престижа и свѣтскихъ обязательствъ, что она забывала свое уродство и старость, забывала, что дочь ея тоже уже состарилась и не находитъ себѣ жениха.

— Въ глупой свѣтской суетности есть положительно доля героизма,—говорила Сабина.—Когда дѣло идетъ о томъ, чтобы отплатить визитъ, м-мъ де-Плесси способна выѣхать изъ дому въ сильный морозъ и будучи простуженной. Некорректность кажется ей бóльшей катастрофой, чѣмъ болѣзнь и смерть.

— Въ этомъ есть своя красота,—замѣтилъ Жеромъ.

— Въ этомъ прежде всего сказывается душевная скудость,—горячо возразила Сабина.—Что касается меня,—прибавила она порывисто и властно,—то я люблю только все стихійное, только силу жизни, все, чтò кричитъ, чтò стремится впередъ и даже падаетъ,—я люблю даже все дурное, но искренно человѣчное и потому привлекательное.

— Я люблю во всемъ увѣренность и упорядоченность,—сказалъ Жеромъ. — Но вы,—мягко прибавилъ онъ,—имѣете нравственное право чувствовать по иному; вы не такая, какъ всѣ.

— Какъ онъ это мило сказалъ!—воскликнула Сабина, взглянувъ на Мари, и обѣ онѣ улыбнулись непривычной лести Жерома.

Вечеромъ, вернувшись къ себѣ въ комнату, чтобы одѣться къ обѣду, Сабина, къ великому своему изумленію, нашла на столѣ письмо Жерома, чрезвычайно почтительное, нѣсколько сентиментальное, и очень ловко заканчивавшееся неопредѣленными выраженіями. Письмо это польстило самолюбію Сабины, и она стала весело одѣваться, радуясь своей молодости и красотѣ. Ей пріятно было, что между нею и Жеромомъ есть какая-то тайна, и она радовалась къ тому же сравнительно легко одержанной ею побѣдѣ надъ замкнутой душой Жерома.

Съ этихъ поръ Сабина стала относиться къ нему съ дружеской шутливостью. Дни проходили быстро среди прогулокъ, встрѣчъ, обмѣна словъ и взглядовъ. Сабинѣ было весело. „Жеромъ влюбленъ въ меня“, говорила она себѣ, и эта мысль была для нея такъ радостна, что заслоняла собой все другое. Она нервно и порывисто наслаждалась счастливыми днями, все время смѣялась, переодѣвалась, гуляла, снова смѣялась. Когда по вечерамъ Жеромъ садился пѣть, она испытывала такую гордость, что боялась, какъ бы это не обнаружилось на ея лицѣ. Однажды, когда она попросила Жерома спѣть одинъ романсъ, а Мари сказала: „нѣтъ, лучше спойте вотъ это“, Сабина поглядѣла на нее съ наивнымъ удивленіемъ и даже разсердилась: ей казалось, что молодая дѣвушка присвоиваетъ себѣ не принадлежащее ей право. Во время пѣнія, Сабина испытывала радостное ощущеніе духовной близости къ Жерому; но, за исключеніемъ этихъ отдѣльныхъ

возвышенныхъ моментовъ, ее занимали легкомысленныя и тщеславныя мысли. Она внутренно сопоставляла возрастъ Жерома со своимъ, радовалась тому, что онъ на годъ старше ея, что у нея впереди еще много лѣтъ такого же счастья, какое она испытывала теперь, въ обществѣ преданнаго ей, нѣжно-почтительнаго Жерома.

Мари замѣтила восхищенные взгляды Жерома, и сказала Сабинѣ, думая поразить ее своимъ открытіемъ:

— Я увѣрена, что онъ влюбленъ въ тебя.

— Чтò ты!—возразила Сабина.—Какое безуміе!

Предположеніе Мари, однако, польстило ей, и ей было даже досадно, что молодая дѣвушка уже больше не возвращалась къ этому разговору, не придавая повидимому значенія своему открытію.

Увлеченная своими ощущеніями, Сабина не замѣтила, какъ прошло время; для нея было полной неожиданностью, когда Анри явился къ ней однажды утромъ и объявилъ, что они завтра уѣзжаютъ изъ Брюера. Рѣшено было, что Мари, съ матерью тоже скоро вернутся въ Парижъ, и что пока Жеромъ останется у нихъ нѣсколько дней. Но всѣмъ сдѣлалось сразу грустно, когда объявленъ былъ день отъѣзда, и ни у кого не хватало даже бодрости, чтобы воспользоваться какъ слѣдуетъ послѣдними оставшимися часами. Сабина сѣла на скамейку подъ орѣховымъ деревомъ въ саду и заявила, что не тронется съ мѣста. Анри и Мари расположились на травѣ у ея ногъ, и рядомъ съ Анри сѣлъ Жеромъ. Анри одинъ только наслаждался прекраснымъ вечеромъ, при чемъ для него важенъ былъ не столько запахъ цвѣтовъ съ ближайшей клумбы, какъ обиліе кислорода въ воздухѣ, т.-е. его цѣлительность. Онъ любилъ природу за ея здоровое воздѣйствіе на человѣческія силы, и не представлялъ себѣ иного отношенія у людей благоразумныхъ.

Жеромъ сидѣлъ на травѣ противъ Сабины, подносилъ ко рту стебельки травъ и сосалъ ихъ. Онъ жаловался на жару и имѣлъ усталый, но въ то же время возбужденный видъ. Сабина глядѣла на него, любовалась его тонкими, бѣлыми руками и, продолжая разговаривать и шутить съ другими, радовалась своей власти надъ нетронутой чуткой душой Жерома. Все въ немъ нравилось ей; ее трогало даже его безпомощное страданіе отъ жары, его борьба съ мошками, налетавшими ему на лицо, его нетерпѣливыя движенія. Она переглядывалась съ нимъ отъ времени до времени, и во взглядахъ ихъ не было большой глубины, но была несомнѣнная страстность. Вечеръ сгущался, и Сабина

почти ничего не видѣла, кромѣ руки Жерома, опиравшейся на траву. Потомъ онъ сѣлъ рядомъ съ ней на скамейку, говоря, что не хочетъ больше сидѣть на травѣ, и закурилъ папиросу. При свѣтѣ вспыхнувшей восковой спички она увидѣла близко отъ себя его руку, съ нѣжными синеватыми жилками, и когда Жеромъ, слегка поднявъ голову вверхъ, сталъ что-то напѣвать,— Сабину охватилъ такой приливъ нѣжности и грусти, что она, боясь выдать свое волненіе, поднялась и быстро ушла, говоря, что боится ночной прохлады.

IV.

Вернувшись въ Парижъ, м-мъ де-Фонтенэ обнаружила необычайную дѣятельность, такъ что даже Пьеръ Валансъ сталъ шутить надъ тѣмъ, что у нея вдругъ оказалось такъ много дѣлъ. Въ сущности всѣ эти дѣла сводились къ примѣркамъ у портнихи, которой она заказывала платья, выбирая фасоны по старымъ портретамъ,—къ бѣганію по магазинамъ антикваріевъ: она скупала старинныя шолковыя ткани и фарфоровыя вазы, для украшенія комнатъ бездѣлушками въ стилѣ Louis XV, который такъ нравился Жерому. Сабина получила отъ него за пять дней разлуки одно длинное почтительное и очень сдержанное письмо и другое короткое, съ нѣсколько сентиментальными описаніями природы. Она съ улыбкой подумала о томъ, что онъ открыто не говорилъ ей о своей любви,—очевидно, не рѣшался. Она предвидѣла пріятное лѣто въ Парижѣ въ обществѣ Жерома, пораженнаго и обрадованнаго ея дружбой, а затѣмъ поѣздку съ нимъ въ помѣстье Анри, гдѣ они обыкновенно жили отъ іюля до ноября.

„Деревенская обстановка очень подходитъ къ нему",—подумала Сабина, и въ ея памяти возникъ весь обликъ Жерома, его длинные волнистые волосы, сѣрые, часто холодные и жесткіе глаза, въ которыхъ лишь медленно загоралась мысль и лишь изрѣдка отражалось глубокое выраженіе скрытой душевной жизни. Она думала, что таковы должны были быть Адольфъ Бенжамэна Констана, Вертеръ и возлюбленный прекрасной Манонъ, т.-е. безсознательно переносила на него свои симпатіи къ этимъ своимъ любимцамъ въ литературѣ, и дѣйствительно видѣла въ его чувствахъ отпечатокъ ихъ печали, ихъ душевнаго пламени.

Во внѣшней жизни Сабины ничто не измѣнилось. Къ Анри она была привязана попрежнему и думала, что не болѣе на-

рушаетъ интересы мужа, увлекаясь Жеромомъ, чѣмъ если бы она заинтересовалась живописью и стала ходить въ Лувръ. Она сблизилась также больше прежняго съ Пьеромъ Валансомъ, дружески разговаривала съ нимъ, одобряя точность его разсужденій, хотя и нѣсколько сухихъ по существу. Но онъ, какъ и другіе, казался ей безконечно ниже Жерома. Его связь съ пошлой актрисой тоже сильно унижала его въ ея глазахъ. Иногда впрочемъ, по прочтеніи прекрасной книги или после театра, Сабина уносилась мыслями далеко и отъ Жерома, мечтая объ иныхъ мѣстахъ, о смѣлыхъ и мятежныхъ чувствахъ. Но любопытство, которое возбуждалъ въ ней характеръ Жерома, побѣждало всѣ стремленія къ иной жизни, и она всей душой ушла въ свои отношенія съ Жеромомъ, привлекавшимъ ее своей неразгаданностью. Жеромъ сталъ снова частымъ гостемъ м-мъ де-Фонтенэ и видимо чувствовалъ себя болѣе какъ дома, чѣмъ прежде, не стѣснялся, свободно высказывалъ свои мнѣнія. Анри предоставлялъ его всецѣло женѣ, а самъ уходилъ, откровенно говоря, что не любитъ музыки и что его раздражаетъ уже видъ открытаго рояля.

Жеромъ, повидимому, иногда смущался добродушіемъ Анри и настойчивыми приглашеніями Сабины оставаться обѣдать у нихъ; онъ отказывался тогда наотрѣзъ. Сабина видѣла въ этомъ доказательство свойственной Жерому деликатности, но все-таки ее раздражала его осторожность; она ей была тѣмъ болѣе непонятна, что отношенія ихъ она справедливо считала совершенно невинными, и, вообще, не представляла себѣ, что можно отказаться отъ чего-либо пріятнаго.

Она теперь почти никогда не видѣла Жерома наединѣ, внѣ общества Анри, Пьера или Мари, тоже вернувшейся уже въ Парижъ. Но все-же она чувствовала по безусловно довѣрчивому отношенію Жерома, по его участію ко всему, что̀ ея касалось, и по тому, какъ онъ дѣлился съ ней всякой своей малѣйшей непріятностью, что она ему нужна и что онъ ее любитъ.

Иногда ей хотѣлось бы, чтобы лицо Жерома болѣе открыто выражало его любовь, но въ другіе моменты внезапная блѣдность молодого человѣка убѣждала ее въ пылкости скрываемыхъ имъ чувствъ. Однажды Анри, не отличавшійся обыкновенно большой наблюдательностью, сказалъ про Жерома:—Это одинъ изъ тѣхъ осторожныхъ и терпѣливыхъ людей, которые умѣютъ добиваться своей цѣли.

„Это вѣрно“,—подумала Сабина. Разспрашивая мужа объ образѣ жизни Жерома въ Парижѣ, она узнала, что онъ весь

поглощенъ работой и не увлекается женщинами. Сабина улыбнулась съ облегченнымъ сердцемъ.

Жеромъ познакомился съ большинствомъ пріятельницъ Сабины и Мари и часто сопровождалъ ихъ на вечера. Онъ обращалъ вниманіе на туалеты Сабины, одобрялъ ихъ, слѣдилъ за ней взорами и часто упрекалъ ее за то, что ей весело въ обществѣ другихъ мужчинъ.

— Неужели вамъ нравится,—спрашивалъ онъ ее,—когда на васъ дерзко глядятъ, говорятъ съ вами, наклонившись къ плечу, и безцеремонно заявляютъ вамъ, что вы красивы?

— Да, другъ мой,—созналась она,—мнѣ это очень и очень нравится.

Она не сходилась во взглядахъ съ Жеромомъ, спорила съ нимъ о литературѣ, политикѣ, и соглашалась съ нимъ только въ музыкальныхъ вопросахъ.

Вечера у м-мъ де-Фонтенэ проходили теперь среди очень оживленныхъ бесѣдъ. Пьеръ Валансъ, испытавшій разочарованія въ любви, увлекался политикой и уговаривалъ Анри выступить кандидатомъ на ближайшихъ выборахъ въ парламентъ; Сабина его поддерживала, а Мари только внимательно слѣдила за общимъ разговоромъ. Ей хотѣлось бы, чтобы все, что говорилось, было изложено въ книгѣ, которую она могла бы медленно прочесть, обдумывая каждое слово; теперь же она боялась ошибиться, принявъ сторону того или другого изъ собесѣдниковъ. Жерома обыкновенно отстраняли отъ серьезныхъ разговоровъ, и онъ не сердился за это, ясно сознавая свое преимущество передъ другими: онъ обладалъ тѣмъ, чего всѣ только жаждали въ жизни,—онъ былъ доволенъ собой.

V.

Слѣдуя совѣтамъ м-мъ де-Фонтенэ и указаніямъ своего профессора, композитора Марсана, Жеромъ Эрель написалъ партитуру оперы и пригласилъ Сабину придти къ нему послушать, какъ онъ будетъ исполнять свое произведеніе въ присутствіи профессора. Сабина приняла приглашеніе, но очень волновалась, отправляясь въ Пасси, гдѣ Жеромъ жилъ въ маленькой квартиркѣ. Она боялась увидѣть мѣщанскую обстановку, которая оскорбила бы ея изысканный вкусъ,—и потому была пріятно поражена, когда оказалось, что комнаты Жерома обставлены хотя и безъ роскоши, но съ большимъ вкусомъ, что въ честь ея при-

хода всюду стоятъ цвѣты. Приготовленъ былъ также чай съ бисквитами. Сабина уже застала у Жерома профессора Марсана, и послѣ бесѣдъ объ искусствѣ вообще и музыкѣ въ частности, Жеромъ сѣлъ за рояль, видимо довольный визитомъ Сабины, льстившимъ его самолюбію. У Сабины былъ только одинъ непріятный моментъ, когда она увидѣла на столѣ свое письмо, въ которомъ она назначала часъ своего пріѣзда. Ей показалось неделикатнымъ, что Жеромъ такъ небрежно оставилъ письмо на столѣ.—„Но вѣдь все-таки онъ не порвалъ его, а сохранилъ", подумала она въ утѣшеніе себѣ. Во время его игры она глядѣла на него съ гордостью и мысленно обращалась къ нему съ нѣжными словами любви и грусти;—въ ея романтическомъ воображеніи любовь непремѣнно была связана съ грустными настроеніями. Передъ уходомъ, Сабина пригласила Марсана бывать у нея, и затѣмъ попрощалась съ Жеромомъ съ напускнымъ равнодушіемъ, въ которомъ ясно сказывалось ея волненіе. Провожая ее къ дверямъ, Жеромъ неожиданно выхватилъ изъ ея рукъ смятый букетикъ гіацинтовъ, который былъ приколотъ сначала къ ея корсажу. Они при этомъ быстро взглянули другъ другу въ глаза, причемъ во взглядѣ Сабины отразился настойчивый вопросъ, а во взглядѣ Жерома—твердая рѣшимость не выдавать себя.

Сабина въ теченіе нѣсколькихъ дней не могла забыть о своемъ посѣщеніи Жерома, и въ воображеніи ея рисовались романтическія сцены дальнѣйшихъ тайныхъ встрѣчъ, когда и онъ, и она будутъ рыдать отъ счастья, и чувства ихъ будутъ пламенны и чисты. Ни о чемъ, кромѣ слезъ счастья, она не мечтала.

Нѣкоторыя слова Жерома вызывали въ ней, однако, недоумѣніе и безпокойство. Такъ, напримѣръ, онъ сказалъ однажды: „Когда я женюсь, я перестану заниматься музыкой, а буду путешествовать и охотиться".

„Что̀ означаютъ эти безумныя слова?—думала она.—Зачѣмъ онъ меня мучитъ"?

Не выдавая своихъ чувствъ, Жеромъ продолжалъ выказывать Сабинѣ вниманіе и преданность, которую она принимала за любовь. Она очень страдала, однако, отъ его скрытности, чувствовала, что активную роль въ ихъ отношеніяхъ играетъ она, ея пламенное сердце, и начинала понимать характеръ Жерома. Она видѣла теперь, что онъ тщеславенъ, упрямъ и любитъ только самого себя, и даже удивлялась, что могла полюбить такого человѣка. Но она ревниво берегла тайну своего пониманія Жерома, радовалась, что только она одна знаетъ, каковъ онъ въ дѣй-

ствительности, оберегала его, безпокоилась о его здоровьи. Въ общемъ она удовлетворялась сознаніемъ своей любви и тѣмъ, что ему видимо пріятно ея общество. Одинъ только разъ Сабина почувствовала острый приливъ ревности, когда увидѣла его, какъ-то на концертѣ, окруженнымъ женщинами, съ которыми онъ весело болталъ. Ей хотѣлось тогда броситься къ нему, молить его, чтобы онъ сейчасъ же уѣхалъ съ нею куда-нибудь далеко отъ всѣхъ. Съ этой минуты она поняла, что ей не слѣдовало любить этого юношу, слишкомъ молодого, слишкомъ непостояннаго. И все-таки она не могла побѣдить свое чувство. Лицо Жерома, на которое она когда-то глядѣла такъ равнодушно, казалось ей теперь таинственнымъ, какъ смерть, и было ей дороже всего на свѣтѣ. Рядомъ съ нимъ она не казалась себѣ красивой, а между тѣмъ мысль о своей красотѣ была для нея наибольшимъ удовольствіемъ въ жизни. Она знала также, что лицо ея потому некрасиво въ его присутствіи, что оно отражаетъ безпокойство и подозрительность. Онъ никогда не говорилъ ей открыто о своихъ чувствахъ, и она потому старалась прочесть ихъ на его лицѣ, постоянно переходила отъ радости къ опасеніямъ, и въ сущности ничего не могла понять. Она думала, что сдержанность его объясняется отчасти дружескимъ чувствомъ къ Анри, но ясно сознавала, что подчиненіе нравственному долгу не представляетъ трудности для его холодной натуры.

VI.

Въ концѣ іюля Анри и Сабина стали собираться въ Дофинé. Сабина уѣзжала съ грустью въ душѣ, страдая отъ предстоящей разлуки съ Жеромомъ, который долженъ былъ пріѣхать гораздо позже. Ей было невыносимо тяжело уѣзжать, не услыхавъ отъ него признанія въ любви.

Наканунѣ отъѣзда у Сабины и Анри собралось нѣсколько друзей, въ томъ числѣ, конечно, Жеромъ, а также композиторъ Марсанъ, впервые обѣдавшій у нихъ. Изъ дамъ была еще пріятельница Сабины, м-мъ д'Омонъ съ мужемъ. За столомъ она была сосѣдкой Жерома, и, сидя противъ нихъ, Сабина увидѣла, что подруга ея чрезвычайно красива; это причинило ей истинное страданіе. Послѣ обѣда, когда Жеромъ, по общей просьбѣ, сѣлъ за рояль и сталъ пѣть, Сабина слушала его съ восторженной улыбкой, за которой скрывалась, однако, глубокая мука. Онъ пѣлъ такъ, какъ дѣти кричатъ, т.-е. отдавая звукамъ всѣ

свои силы, до полнаго изнеможенія; и странно было наблюдать въ этомъ хрупкомъ юношѣ такой безудержный порывъ, отъ котораго, казалось, онъ сейчасъ умретъ.

Анри рано ушелъ къ себѣ въ комнату,—у него сильно разболѣлась голова; когда же всѣ стали расходиться, Сабина вдругъ тихо и властно сказала Жерому, чтобы онъ остался въ гостиной, пока она проводитъ гостей, и подождалъ ее тамъ.

Когда Сабина вернулась къ Жерому, покорно ждавшему ее въ гостиной, она вдругъ смутилась и не знала, что̀ хотѣла ему сказать. Ей было неловко стоять передъ нимъ въ нѣсколько измятомъ вечернемъ туалетѣ, съ открытой шеей, среди залы, внезапно опустѣвшей, но еще полной отголосковъ музыки и возбужденныхъ разговоровъ, пропитанной тяжелымъ ароматомъ розъ. Жеромъ былъ тоже блѣденъ и видимо нервно возбужденъ. Онъ ей сказалъ слегка дрожащимъ голосомъ:

— Сабина, вы бы пошли спать,—вѣдь поздно, а вы завтра уѣзжаете.

И потомъ онъ провелъ рукой по лбу, какъ бы стараясь отогнать тяжелую мысль, какое-то страданіе; Сабинѣ показалось даже, что онъ плачетъ. Она подошла къ нему и прижала его къ себѣ съ грустной нѣжностью; они съ минуту не двигались, какъ бы застывъ подъ наплывомъ чувствъ; потомъ Сабина, стоявшая съ закрытыми глазами, почувствовала, какъ Жеромъ высвободился изъ ея объятій. Не глядя другъ на друга, ничего не говоря, не понимая, что̀ произошло, они медленно разошлись... На слѣдующій день, разбираясь въ своихъ чувствахъ, Сабина поняла, какъ мраченъ былъ порывъ, охватившій ее наканунѣ. Никакой радости она не испытала, и поняла теперь, что любовь къ Жерому не дастъ ей счастья, что ей всегда придется бороться, вѣчно на-ново завоевывать это непостоянное сердце, эту ускользающую волю, безжалостно отстраняющую всякіе вопросы и намеки.

Она продолжала думать объ этомъ и тогда, когда сѣла въ вагонъ и разсѣянно глядѣла въ окно. Заснувъ съ печальными мыслями, она проснулась на слѣдующее утро измученная, чувствуя себя безсильной передъ жизнью, которая давала ей до сихъ поръ только страданія. Когда они пріѣхали и она вышла съ мужемъ изъ вагона, она не обрадовалась, какъ въ прежніе пріѣзды, горамъ на горизонтѣ, зелени луговъ и журчанію безчисленныхъ ручьевъ. Она глядѣла на дорогу съ ростущими по обѣ стороны орѣховыми деревьями и думала о томъ, какъ часто она будетъ ходить по ней, истерзанная нетерпѣніемъ, тщетными ожи-

даніями и сожалѣніями. Пройдя къ себѣ въ комнату, она подошла къ окну и стала думать о прелести прежнихъ однообразно спокойныхъ дней, о минувшихъ радостяхъ, о томъ, сколько въ ней было дѣтскаго еще въ прошлое лѣто, и какъ это потеряно навсегда, какъ отравлена отнынѣ ея жизнь.

VII.

Анри при помощи Пьера, вскорѣ пріѣхавшаго къ нему, усердно подготовлялъ свои выборы. Самъ Пьеръ отказался отъ политической карьеры; онъ намѣревался съ осени читать лекціи и основать соціалистическій журналъ. Весь свой опытъ въ дѣлѣ политической агитаціи онъ обратилъ теперь на содѣйствіе Анри и вмѣстѣ съ нимъ ходилъ къ вице-префекту и къ мэру, гдѣ велись разговоры о сельско-хозяйственныхъ синдикатахъ и т. д.; Анри заводилъ также дружескія отношенія со своими сельскими избирателями, ходилъ къ нимъ въ виноградники, бывалъ на полевыхъ работахъ, посѣщалъ школы въ дни распредѣленія наградъ, произносилъ тамъ рѣчи; онъ подарилъ сельской общинѣ пожарный насосъ, и его такъ усердно благодарили за этотъ подарокъ, что онъ самъ преисполнился сознаніемъ своего великодушія. Сабина проводила время въ обществѣ Мари въ саду, и сидѣла цѣлые часы, вдыхая ароматъ цвѣтовъ и ничего не говоря. Мари, не посвященная въ ея тайну, приписывала молчаніе Сабины ея глубокой внутренней жизни и не мѣшала ей.

Жеромъ писалъ Сабинѣ въ прежнемъ почтительномъ тонѣ и сообщилъ, что пріѣдетъ въ концѣ августа. Это извѣстіе успокоило Сабину, послуживъ ей доказательствомъ его любви, и она уже стала задумываться о пустяшныхъ вопросахъ. Ей казалось страшнымъ, что Жеромъ только на годъ старше ея, и что черезъ десять лѣтъ она будетъ казаться старше его. „Но это ничего не значитъ,—успокоивалъ ее голосъ ея страстной души.—Я буду прекрасна и тогда—не лицомъ, а глубиной чувствъ,—какъ нѣкоторые мужчины, которымъ не нужно быть красивыми, чтобы возбуждать любовь. Никакая шестнадцатилѣтняя дѣвушка, съ яснымъ, невиннымъ взоромъ, не сравнится со мной, съ обаяніемъ моего измученнаго сердца, моихъ глазъ, въ которыхъ будутъ свѣтиться печаль и безграничная сила страсти. Молодыя дѣвушки будутъ плакать, ревнуя ко мнѣ, потому что мои чары будутъ неувядаемы и красота моя будетъ вѣчно мѣняющейся,—

какъ у богини, у которой было три лица, и на всѣхъ трехъ лицахъ горѣли глаза".

Въ первые дни пріѣзда Жеромъ ни разу не оставался наединѣ съ Сабиной, но она замѣтила, что онъ нѣсколько робѣетъ въ ея присутствіи и украдкой смотритъ на нее нерѣшительнымъ взглядомъ, точно хочетъ, но боится заговорить съ ней. Это вернуло ей счастливое настроеніе духа, и она наслаждалась ожиданіемъ, не торопясь ускорить моментъ объясненія.

Черезъ нѣсколько дней, когда, по предложенію Анри, все общество отправилось на далекую прогулку, Сабина неожиданно осталась наединѣ съ Жеромомъ въ библіотекѣ. Она осталась дома писать письма, а Жеромъ, не любившій много ходить, отказался отъ участія въ прогулкѣ и сѣлъ читать книгу по уходѣ другихъ. Сабина стала искать что-то на столахъ, потомъ направилась къ двери; но Жеромъ остановилъ ее.

— Могу я васъ задержать на минутку? — спросилъ онъ. — Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами.

— Что̀ вы хотите сказать мнѣ?

Она сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы не выдать внутренняго волненія. Она вѣдь знала, что онъ заговоритъ о своей любви, будетъ убѣждать ее уѣхать съ нимъ, и заранѣе готова была согласиться на все. Или же онъ устроитъ ей сцену ревности изъ-за Анри, а можетъ быть изъ-за Пьера, и она тогда разсмѣется такъ весело и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ скорбно, что онъ перестанетъ опасаться какихъ-либо соперниковъ. Или же, быть можетъ, онъ будетъ говорить о своей ничтожности, о томъ, что онъ недостоинъ ея, и тогда она отвѣтитъ, что онъ для нея страшенъ какъ смерть.

Она сѣла, облокотилась на ручку кресла, взглянула ему въ лицо съ простотой и искренностью, чтобы побѣдить въ немъ всякое смущеніе, и ждала, чтобы онъ заговорилъ. И онъ сказалъ ей слѣдующее:

— Вы всегда были такъ добры ко мнѣ, и вы не знаете, до чего я вамъ признателенъ за вашу доброту. Вы и Анри осчастливили меня; до васъ я не зналъ удачи въ жизни... А теперь я хотѣлъ бы жениться, и—прибавилъ онъ пониженнымъ голосомъ—вы можете оказать мнѣ содѣйствіе. Ваша belle soeur, Мари де-Фонтенэ...

Онъ сталъ ждать отвѣта, совершенно не имѣя смущеннаго вида. Но Сабина уже не глядѣла на него; она слышала только страшный гулъ, точно эти слова раздались у нея въ душѣ или въ мозгу. Все кончено... Она почувствовала какое-то странное

спокойствіе смерти и отвѣтила простымъ, яснымъ голосомъ, въ которомъ не чувствовалось то сверхчеловѣческое напряженіе, съ какимъ произнесены были слова:

— Хорошо, я сдѣлаю все отъ меня зависящее... Вы влюблены въ нее?—прибавила она тихо.

Помолчавъ, онъ отвѣтилъ довольно равнодушно:

— Да, да, она мнѣ нравится.

Сабина поднялась, чувствуя, что страшно блѣднѣетъ, и попросила его оставить ее.

— Вы не можете представить себѣ, какъ много у меня дѣла, сколько мнѣ нужно написать писемъ...

Она засмѣялась, и въ этомъ смѣхѣ звучала разбитая радость.

Оставшись одна, Сабина снова сѣла и, ничего не сознавая, стала въ упоръ глядѣть на какой-то японскій пейзажъ, висѣвшій на стѣнѣ въ черной рамкѣ; она замѣтила, что облака изображены на немъ какъ дымъ отъ папиросъ, и почувствовала какое-то нѣжное чувство къ этой картинѣ, свидѣтельницѣ ужаса, который она только-что испытала. Ей казалось, что все ея существо разбито, и что она уже не можетъ подняться съ мѣста. Она попробовала сдѣлать нѣсколько шаговъ, и тогда сознаніе того, что̀ произошло, снова охватило ее съ ужасающей ясностью.

„Нужно взять себя въ руки, нужно убить это въ себѣ!"— въ ужасѣ твердила она и быстро шагала по комнатѣ, стараясь заглушить горе. Минутныя вспышки энергіи смѣнялись полнымъ отчаяніемъ, жалкими, безпомощными слезами: „Теперь у меня ничего не осталось,—говорила она себѣ.—О, еслибы кто-нибудь взялъ меня за руку, и я могла бы сказать: какъ вы добры, какъ вы добры! Я бы тогда умерла успокоенная. Но развѣ возможенъ для меня покой,—даже въ смерти"!..

Она выглянула въ окно и стала разглядывать три тополя, вырисовывавшіеся въ вечернемъ воздухѣ на холмѣ; ей стало жалко ихъ: „Они дрожатъ, ихъ пугаетъ вѣтеръ,—думала она.— Какъ все въ природѣ несчастно, какъ жалокъ этотъ садъ, который страшится вѣтра"!.. Сдѣлавъ надъ собой усиліе, она нѣсколько успокоилась, вышла изъ комнаты и смогла даже сказать равнодушнымъ голосомъ нѣсколько словъ встрѣтившемуся ей Пьеру. Но, пройдя къ себѣ въ комнату, она бросилась на кровать съ чувствомъ, что сейчасъ-сейчасъ настанетъ смерть, и стала громко плакать. Раздался стукъ въ дверь, и она не успѣла крикнуть,

чтобъ не входили, какъ дверь тихо открылась и вошелъ Пьеръ Валансъ.

— Вы несчастны,—сказалъ онъ,—не бойтесь меня.

Сабина встала съ постели, шатаясь отъ слабости, подозвала Пьера, усадила его въ кресло и сѣла рядомъ съ нимъ. Они помолчали, потомъ онъ сказалъ:

— Не удерживайте слезъ, мы теперь одни. Я вернулся раньше; Анри и Мари не вернутся раньше обѣда. Не разсказывайте мнѣ ничего, если вамъ не хочется, но дайте волю своему горю. Теперь—самое тяжелое время. Потомъ будетъ легче, вы сами увидите.

Но ей казалось, что печаль ея неизлечима, и она никакъ не могла понять, какъ это въ одну секунду жизнь ея раскололась на-двое: все ея счастье—сколько горечи было и въ этомъ счастьи! — осталось позади, а въ будущемъ ее ожидала только печаль, только безконечное, унылое однообразіе. Пьеръ провелъ ее въ садъ, и все ей тамъ показалось страннымъ. Ее удивили розы на кустахъ, такія спокойныя и прекрасныя на тернистыхъ стебляхъ. Красота тихо спускающагося вечера усиливала печаль Сабины. Зачѣмъ цвѣты и ароматы, зачѣмъ серебристый звукъ фонтана и вся прелесть вечера, если люди мучатъ другъ друга? Мимо нея прошла деревенская дѣвушка съ серпомъ и лейкой въ рукахъ. Она такъ же мирно возвращалась сегодня съ работы, какъ и наканунѣ, такъ же спокойно пообѣдаетъ и заснетъ потомъ тяжелымъ сномъ. „Значитъ, есть люди, для которыхъ этотъ день былъ обыкновеннымъ и легкимъ?—думалось ей.—Только для меня одной весь міръ измѣнился“...

— Сколько времени я буду такъ страдать? — спросила она Пьера, и ее мало утѣшили его увѣренія въ томъ, что всякія ощущенія притупляются временемъ. — Почему мужчина и женщина такіе враги другъ другу? — снова спросила она его.—А вѣдь нѣтъ ничего кромѣ любви на свѣтѣ.—И она снова повторила, застывая отъ внутренней муки:—Нѣтъ ничего иного, кромѣ любви.

VIII.

Сабина превозмогла свою усталость, и явилась къ обѣду, стараясь принять равнодушный видъ. Вечеръ былъ не такъ мучителенъ, какъ она думала. На Жерома она не глядѣла и не обращалась прямо къ нему, но чувствовала себя сильной своей рѣшимостью не выдавать себя. Ей тяжело было только слышать

его голосъ, имѣвшій надъ нею прежнюю власть. Ночь она проспала тяжелымъ, тревожнымъ сномъ, въ которомъ не утихало тяжелое предчувствіе страшнаго пробужденія. Когда она проснулась утромъ, она поняла, что не освободилась отъ своей страсти, что все ея существо охвачено ею. Она пробовала уговорить себя, что надежда еще не потеряна, что если она не умретъ, то навѣрное снова завладѣетъ сердцемъ Жерома, безъ котораго не можетъ жить. Зачѣмъ приходить въ отчаяніе,—вѣдь онъ такъ слабоволенъ... но какъ это теперь было трудно!

Открывъ окно, она услышала шумъ шаговъ въ саду и увидѣла мирно гуляющихъ вмѣстѣ мужа и Жерома. Ей показалось ужаснымъ, что въ то время, какъ она такъ глубоко страдаетъ, эти два близкіе ей человѣка мирно разговариваютъ и не могутъ ей ничѣмъ помочь: одинъ ничего не знаетъ, а другой—ея врагъ.

Дни шли за днями, а Сабина не могла освоиться съ мыслью, что все кончено, что нужно забыть этотъ эпизодъ ея жизни и вырвать изъ сердца надежду, долго не покидавшую ее.

„Но чѣмъ же объяснить его прежнее поведеніе? — думала она. — Почему онъ выказывалъ мнѣ вниманіе? Онъ, очевидно, не подозрѣвалъ, что нравится мнѣ, а теперь онъ, вѣроятно, догадался—и все измѣнится“. Такими доводами она старалась утѣшить себя; но, наблюдая за полной непринужденностью и спокойствіемъ Жерома, она поняла его тщеславную и практическую натуру. Это нисколько не уменьшало, однако, ея нѣжности къ нему. Ей попрежнему нравилось его блѣдное лицо и разсѣянные глаза, лишь изрѣдка оживлявшіеся отраженіемъ внутренней жизни. Она старалась найти въ его лицѣ недостатки, и съ удовольствіемъ подмѣтила однажды, что у него слишкомъ короткій подбородокъ, портившій его профиль. Она нашла это несимпатичнымъ и успокоилась на полчаса. Она могла даже говорить съ нимъ просто и естественно. Но вдругъ на лицѣ его промелькнуло знакомое ей выраженіе, и она снова почувствовала приливъ восхищенія, болѣзненнаго какъ рана.

Долго она не могла успокоиться, и настроеніе ея сказывалось во всяческихъ безразсудствахъ. Такъ, напримѣръ, разъ, за обѣдомъ, заговорили о страстяхъ, и одинъ изъ присутствующихъ спросилъ,—какъ рождается у женщинъ любовь? Сабина взялась отвѣтить ему и начала говорить тихимъ голосомъ:

— Вотъ, живешь, ни о чемъ не думая, совершенно счастливая, одѣваешься на балъ, украшаешь голову цвѣтами, надѣваешь газовое платье, на половину обнажающее корпусъ, выливаешь цвѣ-

лый флаконъ духовъ на плечи и идешь навстрѣчу любви, не зная, какой это геройскій поступокъ. Въ комнату тифознаго больного, будь это даже близкій родственникъ, боятся войти, а навстрѣчу любви идутъ, смѣясь... А между тѣмъ, это самая ужасная болѣзнь, оставляющая неизгладимые слѣды на душѣ... Я это наблюдала на многихъ моихъ подругахъ,—прибавила она небрежнымъ тономъ.

Ее раздражалъ теперь видъ Жерома, напоминавшій ей муки, испытанныя изъ-за него. Иногда ей казалось, что она его ненавидитъ, и она рѣзко обрывала всѣ его попытки бесѣдовать съ нею вечеромъ, когда всѣ собирались въ салонѣ. Своими ироническими взглядами она молча опровергала все, что онъ собирался говорить, и это видимо сильно огорчало Жерома. Онъ даже внѣшнимъ образомъ измѣнился, похудѣлъ въ лицѣ. Тогда ей становилось жалко его, и ей хотѣлось быть для него сестрой, утѣшить его своей нѣжностью—своей недоброй, разрушительной нѣжностью.

Хотя она не измѣнила своихъ чувствъ къ Мари, но избѣгала ея. Она знала, что необходимо передать ей предложеніе Жерома, и это ее пугало. Она чувствовала себя слишкомъ слабой, утомленной для такой задачи. Жерому не слѣдовало поручать это именно ей. Она медлила, щадила себя, откладывала разговоръ до пріѣзда свекрови, хотѣла раньше подкрѣпить себя нѣсколькими ночами спокойнаго сна и медленно собиралась съ силами. Вполнѣ искренняя сама съ собой, она не старалась увѣрить себя, что Жеромъ—неподходящій мужъ для Мари. Она чувствовала, напротивъ того, что Мари можетъ быть счастлива съ Жеромомъ. Несмотря на нѣкоторую узость и сухость его характера, онъ, навѣрное, будетъ прекраснымъ мужемъ.

Наконецъ, оставшись однажды съ Мари наединѣ за чаемъ, Сабина ей сказала:

— Догадайся, Мари, кто проситъ твоей руки?..

Молодая дѣвушка изумилась, подняла голову и стала перечислять разныхъ знакомыхъ. Но Сабина съ улыбкой качала отрицательно головой, забавляясь немножко этой игрой въ загадки.

— Да кто же, наконецъ? — спросила Мари. — Я назвала всѣхъ, кого знаю.

— Жеромъ, дорогая моя. Онъ очень хочетъ на тебѣ жениться.

— Неужели?—спросила Мари, видимо, сильно удивленная.— Онъ тебѣ объ этомъ говорилъ?

— Да, и просилъ меня поговорить съ тобой. Что касается меня, то я очень за это.

Мари отнеслась къ предложенію сестры вполнѣ серьезно, обстоятельно разспросила Сабину, часто ли говорилъ Жеромъ о ней, давно ли онъ ее полюбилъ, и попросила, чтобы ей дали мѣсяцъ на то, чтобы окончательно все обдумать прежде, чѣмъ рѣшиться.

— Но если я выйду замужъ, мы съ тобой будемъ дружны попрежнему?—спросила Мари, присѣвъ поближе къ Сабинѣ и нѣжно обнимая ее. Она какъ-то боялась, что измѣнится ея прошлое, и ей было жаль нѣжныхъ и близкихъ отношеній съ женой брата. Сабина успокоила Мари и погладила ей волосы рукой съ очень смѣшаннымъ чувствомъ муки и нѣжности къ молодой дѣвушкѣ. Помолчавъ, она сказала тихимъ, прозвучавшимъ таинственно въ темнѣющей комнатѣ, голосомъ:

— Обдумай, и потомъ дай согласіе. Я была бы этому очень рада... Ты будешь счастлива. Я отъ всей души желаю этого тебѣ!

Въ эту минуту сердце Сабины было полно безконечной доброты, прощенія и святости.

IX.

Мари часто, во время прогулки, говорила съ Сабиной о Жеромѣ, пріучаясь къ мысли о выходѣ за него замужъ. Чрезмѣрнаго восторга она не чувствовала, но спокойно готова была согласиться на этотъ бракъ, считая его благоразумнымъ и подходящимъ во всѣхъ отношеніяхъ. Она говорила Сабинѣ, что считаетъ Жерома умнымъ, добрымъ, и приводила доказательства его доброты. Сабина охотно съ нею соглашалась, и точно рада была доказательствамъ доброты Жерома,—она бы эти доказательства не могла найти.

Жеромъ держался теперь подальше отъ Мари для того, чтобы не показаться назойливымъ. Онъ работалъ у себя въ комнатѣ, или уходилъ на долгія прогулки одинъ изъ дому, а къ Сабинѣ выказывалъ неизмѣнную ровную дружбу, которую не имѣлъ основанія разрывать. Но Сабина сама избѣгала его теперь. Ей тяжело было выносить его равнодушный взглядъ. Она увидѣла его разъ сидящимъ на подоконникѣ, когда она вошла зачѣмъ-то въ комнату. Это было вечеромъ, и лицо его было освѣщено двойнымъ свѣтомъ—луны и свѣчей въ гостиной. Взглянувъ на него, она не могла оторвать отъ его лица взгляда.

Онъ спокойно, безъ всякаго волненія смотрѣлъ на нее, а у нея сдавило въ горлѣ отъ сдержанныхъ рыданій. Ей мучительно захотѣлось сказать въ эту минуту что-нибудь такое Жерому, чтобы на лицѣ его отразилась или радость, или страданіе, но, во всякомъ случаѣ, какое-нибудь чувство, исходящее именно отъ нея... Все другое было бы легче, чѣмъ эта безсердечная ровность обращенія!

Мысли Сабины были всецѣло поглощены Жеромомъ, и однажды, говоря о немъ съ Мари, она сказала съ нѣкоторой горечью:

— Вотъ, ты думала, что Жеромъ влюбленъ въ меня. Видишь теперь, что этого не было?

— Да,—просто отвѣтила Мари.—Я сначала это думала, а потомъ увидѣла, что ошиблась.

Эти слова растравили рану Сабины. Почему ей не хотятъ оставить хоть прошлаго съ его жалкимъ счастьемъ? Она быстро возразила Мари:

— А даже если онъ и былъ немножко влюбленъ, то это не важно. Онъ тебя тогда почти совсѣмъ не зналъ.

Мари съ удивленіемъ замѣтила какой-то враждебный оттѣнокъ въ ея голосѣ, но не думала больше объ этомъ; она была слишкомъ увѣрена во всегдашней правотѣ Сабины, чтобы критиковать ее.

Сабина употребляла всѣ усилія, чтобы побѣдить свои страданія. Она рада была отъѣзду Пьера Валанса, свидѣтеля первыхъ часовъ ея горя. Она притворялась передъ нимъ вполнѣ успокоенной и веселой, и ей удалось увѣрить его въ томъ, что ея случайное горе разсѣялось. Онъ, какъ она въ этомъ убѣдилась, всегда стремился утѣшиться, и ему тяжело было долго испытывать жалость къ ней. Анри былъ очень доволенъ семейнымъ событіемъ, дразнилъ Мари и Жерома, уже объявленныхъ женихомъ и невѣстой, и позволялъ себѣ разныя шутки на ихъ счетъ. Сабина внутренно была внѣ себя отъ гнѣва, слушая его. Ей было очень грустно въ самый день обрученія, когда она сама подвела Мари къ Жерому и сказала съ улыбкой: — Теперь вы можете поцѣловать ее.—Ей тяжело было также въ слѣдующіе дни наблюдать за ихъ смущенно-счастливыми лицами. Она нарочно, изъ преувеличенной деликатности, избѣгала оставаться съ ними, и чувствовала себя одинокой и несчастной. Она опять сдѣлалась нѣжной съ Анри, ища опоры у него, и онъ отнесся просто къ ея возобновленной нѣжности, не замѣтивъ предшествовавшаго этому охлажденія.

Сабина рада была отъѣзду въ Парижъ, ускоренному въ этомъ

году изъ-за предстоящей свадьбы. Она достаточно насладилась красотами осени,—достаточно наглядѣлась на Мари съ Жеромомъ, входящихъ оживленно въ гостиную послѣ долгихъ прогулокъ и грѣющихся у камина,—достаточно наслышалась ихъ разговоровъ вполголоса, въ то время какъ она, вмѣстѣ съ Анри и его матерью, сидѣла на другомъ концѣ комнаты, у стола съ книгами,—какъ старуха, для которой все, что̀ говоритъ влюбленная молодежь, уже не существуетъ.

По возвращеніи въ Парижъ, всѣ охвачены были лихорадочной суетливостью. Сабина и Мари проводили цѣлые дни въ магазинахъ, а Жеромъ тоже занятъ былъ, съ своей стороны, ликвидаціей своей холостой жизни. Свадьба состоялась въ началѣ декабря и была очень тяжелымъ испытаніемъ для Сабины. Она постаралась быть особенно красивой въ этотъ день, тщательно занялась туалетомъ и пріѣхала въ церковь раньше всѣхъ. Церемонія вѣнчанія, музыка и пѣніе возбудили въ ней ревнивое чувство: для нея уже никогда не зажгутся огни въ храмѣ и не польются звуки пѣснопѣній! Когда она любила, небо въ этомъ не принимало участія.

Вечеромъ молодые уѣхали въ Италію, и еще нѣсколько дней Сабина страдала, рисуя себѣ ихъ молодое счастье. Черезъ недѣлю, истощивъ всѣ силы воображенія, она послѣднимъ усиліемъ воли вырвала воспоминаніе о Жеромѣ изъ своего сердца,—этотъ человѣкъ умеръ для нея, и теперь началась иная жизнь.

X.

Сабина стала чаще видаться съ Пьеромъ Валансомъ. Онъ приходилъ пить чай къ нимъ и оставался къ обѣду. Обыкновенно Анри тоже сидѣлъ съ ними, но часто онъ уходилъ гулять, и тогда Сабина и Пьеръ долго бесѣдовали вдвоемъ. У нихъ было нѣчто общее въ характерѣ,—и онъ, и она, были горды. Пьеръ удивлялся увѣренности, съ которой она говоритъ о страстяхъ, о желаніяхъ и тонкостяхъ душевной жизни, а она объясняла это своей опытностью. Пьеръ не настаивалъ на болѣе ясныхъ объясненіяхъ, не добивался откровенности, никогда не говорилъ съ ней объ ея минувшихъ страданіяхъ; та сцена, когда онъ засталъ ее въ слезахъ, совершенно изгладилась изъ его памяти. Онъ любилъ говорить съ ней о своихъ соціальныхъ теоріяхъ, развивалъ ей планы будущаго переустройства общества. Сабина нѣсколько подсмѣивалась надъ утопичностью его

надеждъ, но, въ общемъ, сочувствовала ему, потому что идея справедливости и любви къ людямъ безконечно увлекала ее. Единственное, въ чемъ она была увѣрена, это—что нужно любить и жалѣть людей. Она читала научныя сочиненія, искала объясненія смысла жизни и любила все, что отражаетъ полноту жизни. На лицахъ рабочихъ, возвращавшихся послѣ трудового дня, она замѣчала смиреніе и внутреннюю гармонію, и это покорило ея сердце. Анри ей обыкновенно возражалъ, когда она излагала свои гуманитарныя идеи, самымъ простымъ доводомъ:

— Ты вѣдь продолжаешь жить со всѣми удобствами,—говорилъ онъ,—и не отдаешь ни своего салона, ни своихъ жемчуговъ.

Но Сабина чувствовала, что это возраженіе ничего не доказываетъ. Она знала, что своимъ скромнымъ богатствомъ она не мѣшаетъ осуществленію гуманныхъ задачъ, которымъ она сочувствуетъ. Она знала, что было бы безполезно вынести на улицу ея нитку жемчуга и пожертвовать голодающимъ, и знала также, что залогъ побѣды гуманитарныхъ идей заключается въ наступившемъ просвѣтлѣніи умовъ, въ загорѣвшемся пламени сердецъ, во всеобщемъ признаніи правъ справедливости и въ желаніи осуществить ихъ. Къ тому же она теперь измѣнила прежнимъ привычкамъ, перестала выѣзжать, отказалась отъ жестокой роскоши любви, читала книги и созерцала природу. Анри часто спорилъ съ женой и другомъ. Онъ не признавалъ жалости къ людямъ, считалъ строгость правосудія оправданною несомнѣнной виновностью нарушителей законовъ. Напрасно Сабина доказывала ему цѣлыми часами, что нужно вникать въ психологію тѣхъ, кого судятъ, прежде чѣмъ наказывать ихъ.

— Нужно, чтобы судьи,—говорила она,—помнили и понимали, что въ нихъ самихъ жива первобытная грубость инстинктовъ, только смягченная культурой и матеріальной обезпеченностью. Нужно, чтобъ они, поэтому, относились съ добротой къ тѣмъ, кого осмѣливаются судить, и понимали, какъ совершается переходъ отъ нетерпѣнія къ возмущенію, отъ протеста къ борьбѣ и отъ гнѣва къ преступленіямъ.

Пьеръ съ одобрительной улыбкой слѣдилъ за горячими рѣчами Сабины, а Анри предсказывалъ ей и ему, что они не обрадуются, когда всѣхъ преступниковъ выпустятъ на свободу. Пьеръ менѣе всего защищалъ необходимость щадить преступниковъ, находя, что, въ случаяхъ полнаго нравственнаго паденія, смерть предпочтительнѣе вѣчной каторги, и что нужно только казнить безъ лишнихъ страданій. Сабина протестовала; она инстинктивно была за сохраненіе жизни, какой бы она ни была.

Она спорила съ Пьеромъ часто и по другимъ вопросамъ, касающимся любви. Когда онъ однажды объявилъ, что никогда больше не будетъ ревновать, такъ какъ знаетъ, каково сердце женщины, она возмутилась. Ей нужна была увѣренность, что мужчины, всѣ мужчины, могутъ еще страдать и приходить въ отчаяніе отъ любви.

Въ концѣ января, Жеромъ и Мари вернулись изъ Италіи, гдѣ они сильно страдали отъ холода. Всѣ обрадовались ихъ возвращенію. Они смотрѣли привыкшими другъ къ другу супругами, во всемъ согласными другъ съ другомъ. Они уже почти не обращали вниманія другъ на друга, такъ какъ каждый былъ какъ бы частью другого. Они даже стали походить другъ на друга; у нихъ были одинаковые жесты удивленія и смѣха. У Жерома былъ счастливый и довольный видъ, точно, женившись, онъ переселился въ удобную, освященную традиціями обстановку.

„Какъ странно, — думала Сабина, глядя на самодовольное, нѣсколько фатоватое лицо Жерома, — что я полюбила въ немъ скрытнаго мечтателя, слабаго и страстнаго героя, влюбленнаго въ луну и сады, страдающаго отъ любви, какъ Гейне. А между тѣмъ, вотъ онъ каковъ"! Она только рада была, что теперь можетъ обнять Мари безъ всякой горечи.

Ее больше интересовалъ теперь Пьеръ Валансъ, и ей было только нѣсколько досадно, что онъ одинаково относится и къ ней, и къ Мари. Такъ оно дѣйствительно и было. Мари онъ зналъ дольше, но за послѣдніе мѣсяцы ближе сошелся съ Сабиной. Къ обѣимъ имъ онъ, однако, относился съ чисто-братской нѣжностью; это вносило очаровательную непринужденность въ ихъ дружбу.

По возвращеніи Пьера въ Парижъ, въ октябрѣ, Сабина поняла, что онъ порвалъ всякія отношенія съ актрисой, очевидно выведенной изъ себя его ревностью и покинувшей его навсегда. Пьеръ былъ сначала несчастенъ, вздыхалъ и угрожалъ местью; но когда прошло около мѣсяца, онъ окончательно примирился, и къ нему вернулось прежнее веселое расположеніе духа. Онъ даже увѣрилъ себя, что не любилъ ее, и говорилъ, что, во всякомъ случаѣ, теперь о ней не жалѣетъ. Онъ говорилъ о ней со смѣхомъ и гордился тѣмъ, что такъ легко отдѣлался отъ непріятныхъ воспоминаній.

Анри приходилось теперь часто уѣзжать, такъ какъ его избрали мэромъ въ его родномъ мѣстечкѣ, и Сабина чувствовала себя очень одинокой. Пьера и Мари она видѣла только за чаемъ у себя,

и иногда ходила съ ними въ театръ. Замѣтивъ однажды въ театрѣ, что Пьеръ съ особеннымъ вниманіемъ разглядываетъ нарядную даму, имѣющую вызывающій видъ, Сабина почувствовала нѣкоторую ревность. Она поняла, что Пьеръ—одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ трудно удержать подлѣ себя одной только дружбой, такъ какъ его страстная натура жаждетъ всегда любви. Но ей жаль было лишиться его близости, уступить его первой встрѣчной кокеткѣ, и она съ этихъ поръ нѣсколько измѣнилась къ нему; она оставила чисто товарищескій тонъ и стала искусно осложнять прежнюю простоту отношеній. Ей удалось дѣйствительно влюбить въ себя Пьера, но онъ не былъ при этомъ несчастенъ, какъ въ сущности хотѣлось Сабинѣ, которая во всякомъ чувствѣ цѣнила только вызываемую имъ печаль. Напротивъ того, Пьеръ казался очень довольнымъ, непринужденно наслаждался обществомъ Сабины и продолжалъ быть искреннимъ другомъ Анри.

Такъ проходила зима, и Сабина была довольна тѣмъ, что прежнее чувство къ Жерому окончательно изгладилось изъ ея души, и тѣмъ, что близость Пьера дѣлала жизнь ея болѣе содержательной. Она скучала, когда онъ уѣхалъ на недѣлю въ Анзенъ—принимать участіе въ происходившей тамъ стачкѣ рабочихъ. Вернувшись въ Парижъ, онъ очень много разсказывалъ о подробностяхъ стачки, и Сабина принимала живое участіе въ его переживаніяхъ, вполнѣ раздѣляя его взгляды и его надежды на будущее. Чувствуя искреннее расположеніе къ себѣ Пьера, Сабина, однако, находила его недостаточно увлеченнымъ ею. Онъ часто говорилъ съ ней о любви, разспрашивалъ ее объ ея чувствахъ и потребностяхъ внутренней жизни, и, какъ ей казалось, хорошо понималъ ее.

— Вы сами не подозрѣваете, — сказалъ онъ ей однажды, глядя, какъ она страстно вдыхала ароматъ букета розъ,—вы сами не знаете, какъ сильна въ васъ еще сила жизни! Она сказывается въ каждомъ вашемъ жестѣ, отражается на каждой чертѣ лица.

Онъ говорилъ это видимо заинтересованнымъ и спокойнымъ тономъ, между тѣмъ какъ, по мнѣнію Сабины, долженъ былъ бы безумствовать отъ страсти или гнѣва. Въ другой разъ, встрѣтивъ ее на бульварахъ, когда она подзывала фіакръ, чтобы ѣхать домой, онъ вызвался проводить ее, очень заботливо оберегалъ ее во время дороги и очень нѣжно повторилъ ей два раза:— „mon amie!“ Взглянувъ, однако, на его лицо, когда они проѣзжали мимо фонаря, Сабина не замѣтила въ немъ никакого

волненія и ясно поняла, что онъ только доволенъ и счастливъ. Но не этого она хотѣла—не того, чтобы приносить счастье людямъ. Она сама не любила счастья, и думала, что страданіе полезно особенно для Пьера, котораго она считала слишкомъ жизнерадостнымъ. Для него же, дѣйствительно, любовь къ Сабинѣ была отдохновеніемъ отъ прежнихъ бурь, отъ страданій, вызванныхъ женскими измѣнами. Онъ разъ навсегда примирился съ тѣмъ, что женщины хитры и лживы, и, привязавшись къ Сабинѣ, искалъ въ общеніи съ ней только удовольствія безъ бурь прежнихъ роковыхъ страстей. Но такой привязанности было мало Сабинѣ, хотя она и была благодарна Пьеру за его нѣжную и внимательную дружбу. А когда наступила весна, ее охватила меланхолія, которая не нравилась Пьеру Валансу. Онъ боялся всякаго нарушенія веселости и бодрости духа, боялся всего, что осложняло жизнь. Онъ не понималъ нервности Сабины, ея томленій, и дружески попрекалъ ее, озабоченный также ея здоровьемъ. Но ей не нравилась эта роль совѣтчика въ Пьерѣ. Такъ вотъ какъ онъ ее любитъ! Почему онъ не любитъ ее за то, что въ ней есть дѣйствительно таинственнаго, за ея глаза съ мѣняющимся выраженіемъ, за ея черные волосы, въ которыхъ чувствуется запахъ сухого дерева, за ея безумную душу...

Пьеръ старался какъ-нибудь развлечь ее и совѣтовался объ этомъ съ Анри и Мари, чѣмъ только увеличилъ раздраженіе молодой женщины. Она была нѣкоторое время рѣзка съ нимъ, но потомъ поняла, что слишкомъ многаго требуетъ отъ Пьера и рискуетъ этимъ потерять его дружбу, отталкивая его своими выходками. Тогда она измѣнила свое отношеніе къ нему, стала нѣжной, готова была простить Пьеру его невниманіе къ ея внутреннему міру. Но ея печальный видъ при этомъ отпугивалъ Пьера. Ему достаточно было пережитыхъ имъ самимъ прежде страданій, и ему не хотѣлось вникать въ страданія Сабины. Она стала придумывать тогда другіе способы, чтобы удержать его, устроивала прогулки на лодкѣ въ весенніе вечера и отдавалась впечатлѣніямъ природы, удивляясь равнодушію Пьера.

Черезъ нѣсколько дней, когда Пьеръ объявилъ, что онъ уѣзжаетъ въ концѣ недѣли провести лѣто у брата въ Бургундіи, и будетъ тамъ работать, чтобы возмѣстить потерянное зимой время, Сабина подумала:

„Онъ ко мнѣ теперь нехорошо относится, но онъ вспомнитъ о всемъ, что было, въ минуту прощанія, когда все возникаетъ передъ глазами, какъ въ смертный часъ“.

День этотъ наступилъ. На вокзалѣ Пьеръ былъ такъ занятъ

приготовленіями въ дорогу, что почти не обратилъ вниманія на друзей, пришедшихъ провожать его. Сабина стояла въ сторонѣ. Она ожидала возврата прежней интимной нѣжности въ тотъ моментъ, когда, пожимая ей въ послѣдній разъ руки на прощанье, Пьеръ Валансъ, взволнованный, вспомнитъ все минувшее и взглянетъ на нее взглядомъ, идущимъ изъ глубины души. Тогда ихъ дружба возобновится въ письмахъ.

Кондукторъ уже бѣгалъ, быстро захлопывая дверцы вагона, и Жеромъ сталъ торопить Пьера.

— Садитесь же скорѣе въ вагонъ!—говорилъ онъ.

Въ эту минуту Пьеръ забылъ, что нужно спѣшить и что поѣздъ можетъ уйти безъ него, и почувствовалъ только горечь разлуки. Онъ горячо обнялъ Пьера, пожалъ руку Жерому, долго держалъ въ рукѣ руку Мари, а потомъ, ища Сабину, стоявшую позади другихъ, сказалъ ей:

— До свиданія, madame!

Онъ торопился; нужно было скорѣе сѣсть въ вагонъ...

Сабина поняла. Онъ теперь, какъ и прежде, остается вѣрнымъ и преданнымъ другомъ Анри и Мари, для нея же онъ болѣе не существуетъ. Онъ совершенно забылъ только-что истекшій годъ. Для другихъ онъ уѣзжалъ на время,—для нея же онъ исчезалъ навсегда.

Въ концѣ іюля, когда Сабина собиралась уѣзжать въ Дофинé съ мужемъ, она получила извѣстіе отъ отца, что онъ проводитъ лѣто въ Швейцаріи, что онъ боленъ, и зоветъ ее къ себѣ. Сабина отказывалась прежде знакомиться со своей мачихой; но теперь, испытавъ много въ жизни, она научилась быть снисходительной и никого не судить, а потому рѣшила съѣздить къ отцу, предоставивъ Анри ѣхать одному въ Дофинé, гдѣ его ждали подготовительныя работы для выборовъ, назначенныхъ на слѣдующую весну. Пріѣхавъ въ Фернэ, гдѣ ея отецъ жилъ съ молодой женой въ маленькой виллѣ, Сабина, къ собственному своему удивленію, скоро подружилась съ красивой, спокойной и умной женой отца, стала называть ее по имени, Алисой. Она провела въ Фернэ цѣлый мѣсяцъ, и когда пришлось уѣзжать,—отецъ Сабины долженъ былъ провести зиму въ Египтѣ,—разлука оказалась очень тяжелой для обѣихъ женщинъ, особенно для Алисы, нѣжно полюбившей Сабину. Но она не жаловалась, привыкнувъ, повидимому, терпѣливо переносить все въ жизни; глядя на нее, Сабина тоже не давала волю своей природной экспансивности, и уѣхала такъ просто, точно она должна была вернуться на слѣдующій день.

XI.

Сабина вернулась въ Парижъ въ болѣе ровномъ настроеніи духа, чѣмъ обыкновенно,—дружба съ Алисой оказала на нее хорошее вліяніе. Анри радовался этому, но не удивлялся. Сердце его жены казалось ему такимъ же загадочнымъ, какъ погода,—относительно ея чувствъ ничего нельзя было ни предвидѣть, ни предупредить. Она могла быть безъ всякой видимой причины веселой, или печальной, или равнодушной. Ему было легче, когда Сабина чувствовала себя счастливой, но онъ мирился съ тѣмъ, что жизнь менѣе пріятна, когда у Сабины тяжело на душѣ... Теперь Сабина чувствовала себя хорошо, хотя дружба съ Алисой не оказалась для нея такой опорой, какъ она ожидала. Алиса рѣдко писала, такъ какъ доброта ея сказывалась только въ поступкахъ. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, въ общемъ хорошихъ въ жизни Сабины.

Мужъ ея вошелъ однажды утромъ къ ней.

— Сдѣлай мнѣ, пожалуйста, одолженіе,—сказалъ онъ.—Мнѣ нужно быть сегодня въ пять часовъ у Филиппа Форбьé,—я долженъ попросить его оказать мнѣ одну услугу. Но у меня такой гриппъ, что я боюсь выйти.

— Какъ я пойду къ нему?—отвѣтила Сабина.—Во-первыхъ, я очень устала, а во-вторыхъ, я совершенно незнакома съ Форбьé.

— Пожалуйста,—настаивалъ Анри,—сдѣлай это для меня. Вѣдь это такъ просто. Ты извинишься за меня, потомъ попросишь его дать рекомендательное письмо брату Пьера Валанса, который хочетъ осмотрѣть берлинскій университетъ.

Сабина еще отнѣкивалась нѣсколько времени, но въ концѣ концовъ согласилась, въ виду нездоровья мужа. Она пріѣхала къ Филиппу Форбьé, который жилъ близъ „Одеона", нѣсколько позже пяти часовъ, такъ какъ ей нужно было заѣхать до того во многія другія мѣста, и поднялась на лѣстницу нѣсколько сконфуженная и въ дурномъ настроеніи духа. Ее ввели изъ передней въ кабинетъ, и она увидѣла передъ собой поднявшагося ей навстрѣчу человѣка, который поклонился ей, не глядя на нее, очень корректно и вѣжливо, но видимо занятъ былъ другими мыслями.

Чтобы скрыть свое смущеніе, Сабина засмѣялась, потомъ объяснила, кто она такая, и изложила свое дѣло—очень торопливо, смущенная равнодушнымъ взглядомъ Форбьé. Онъ сказалъ, что сейчасъ же напишетъ письмо, и вышелъ изъ комнаты за

адресной книгой. Оставшись одна въ кабинетѣ, Сабина оглядѣлась. Ей понравилась теплота, царившая въ комнатѣ отъ сильно натопленнаго камина и очень грѣющей лампы. Послѣ холода и дождя на улицѣ, ей показалась особенно пріятной эта теплота, и она подумала, что хотѣла бы здѣсь жить постоянно.

Она подошла къ столу, заваленному бумагами, и позавидовала людямъ, которые работаютъ, для которыхъ вся жизнь—въ работѣ... Она уже совершенно освоилась съ этой отдаленной отъ внѣшняго міра комнатой, и ей казалось, что она весь вѣкъ готова была бы просидѣть на глубокомъ темномъ креслѣ, стоявшемъ около стола. Ей вдругъ сдѣлалось страшно, что Форбье́ сейчасъ вернется, дастъ ей письмо, и она уйдетъ съ тѣмъ, чтобы больше никогда не вернуться въ эту комнату, гдѣ она съ первой минуты хотѣла бы остаться навсегда.

„Опять будетъ холодно на улицѣ... Что̀ бы ему сказать, когда онъ вернется, для того, чтобы не уйти сейчасъ"?

Она замѣтила на столѣ старое изданіе Монтэня, и стала его перелистывать. Въ это время вошелъ въ комнату Форбье́, передалъ ей письмо, и спросилъ ее:

— Вы любите книги?

Онъ досталъ ей изъ шкапа томикъ Данте; она раскрыла его и такимъ жгучимъ и нѣжнымъ голосомъ сказала: „Какъ это красиво!", что онъ въ первый разъ внимательно посмотрѣлъ на нее. Онъ нашелъ ее очень хрупкой и нервной и нѣсколько заинтересовался ею, глядя, какъ она съ чисто-дѣтской кротостью разглядывала иллюстраціи, которыя онъ ей указывалъ. Она держалась очень робко, точно боясь надоѣсть ему.

— У меня есть и другія книги, которыя могутъ заинтересовать васъ.

— Какая досада, что у меня теперь нѣтъ времени!—отвѣтила она съ искреннимъ сожалѣніемъ.—Но я могу придти въ другой разъ... Хотите, я приду отъ этого четверга черезъ недѣлю, немножко послѣ пяти, если это васъ не стѣснитъ?

— Я буду къ вашимъ услугамъ,—отвѣтилъ Филиппъ Форбье́, видимо переставъ интересоваться ею. Сабина протянула ему руку на прощанье, и тогда только вполнѣ разглядѣла его, хотя уже чувствовала, какимъ онъ долженъ быть, какъ только вошла. Вечеромъ она сказала въ разговорѣ съ Анри:

— Знаешь, по моему, твой другъ—сумасшедшій. Онъ похожъ на героевъ революціи, и на видъ совершенно молодъ, несмотря на то, что ему сорокъ-три года. Онъ окруженъ книгами и сидитъ въ совершенно раскаленной комнатѣ. Онъ хотѣлъ показать

мнѣ кое-какія книги, но у меня не было времени, и я отказалась,—но я зайду къ нему на дняхъ.

Въ назначенный день, Сабина отправилась къ Форбьé. Она въ этотъ день была утомлена, и ей не хотѣлось выходить изъ дому. Но предупредить его уже не было времени, а ей почему-то не хотѣлось выказать себя капризной, и она поэтому одѣлась и поѣхала... Ее опять ввели въ кабинетъ. Филиппа тамъ не было, и, поджидая его, она усѣлась грѣться у камина. Когда онъ вошелъ, она рѣшила отбросить всякое смущеніе и стала громко говорить, много двигаться по комнатѣ. Жалуясь на холодъ на улицѣ, она подсѣла такъ близко къ камину, что Филиппъ испугался за нее; но она объявила, что не боится огня.

Филиппъ держалъ себя съ нею очень сдержанно. Когда Сабина заговорила съ нимъ объ Анри, ей показалось, что онъ не совсѣмъ ясно помнитъ ея мужа, и она нѣсколько обидѣлась за него.

— Покажите мнѣ пожалуйста книги,—сказала она, чтобы перемѣнить разговоръ.

Онъ провелъ ее въ библіотеку, извинившись за то, что туда нужно пройти по узкой и темной лѣстницѣ. Когда они спустились обратно, Сабина почувствовала, что ей пора уходить, что Филиппъ не удерживаетъ ее. Въ это время она увидѣла на каминѣ нѣсколько статуэтокъ изъ воска.

— Вы занимаетесь скульптурой? — спросила она, и когда онъ отвѣтилъ утвердительно, сказала: — А вы не думаете, что меня бы тоже развлекли занятія скульптурой? Я вѣдь такъ скучаю!

Она произнесла эти слова искреннимъ, довѣрчивымъ тономъ, и прибавила, прежде чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить:

— У васъ вѣдь завидная жизнь. Вы работаете, вы все знаете, а я тоже бы хотѣла все знать. Вы, можетъ быть, думаете, что я занимаюсь пустяками, а между тѣмъ я всегда страдала, съ самаго дѣтства. Чтò дѣлать съ сердцемъ, воспріимчивымъ и чуткимъ до боли? Даже музыка заставляетъ меня страдать.

Филиппъ Форбьé закурилъ и предложилъ папиросу и Сабинѣ, а потомъ отвѣтилъ ей только на то, чтò она сказала относительно его. Изъ вѣжливости, онъ ничего не сказалъ въ отвѣтъ на ея признаніе о себѣ.

— Да,—сказалъ онъ со вздохомъ,—я много, страшно много работалъ. Я пишу книги, не интересныя для васъ,—о философіи, о медицинѣ...

Она его еще спросила, въ какіе дни и часы онъ читаетъ лекціи, потомъ ушла, съ усиліемъ оставляя полюбившуюся ей комнату.

XII.

Однажды, въ субботу, около пяти часовъ, Сабина пошла въ Collège de France и, зайдя въ аудиторію, увидѣла Форбье́, который рисовалъ на доскѣ сѣть нервовъ. Она нашла себѣ мѣстечко въ многолюдной аудиторіи и стала слушать. Она смутно чувствовала, что онъ говоритъ о волненіи, о боли, о случаяхъ болѣзненной чувствительности нервовъ, и такъ какъ въ лекціи его постоянно повторялись слова: „сердце, боль", и т. д.,—ей показалось, что онъ говоритъ о любви, о страсти, отражавшейся въ физическихъ страданіяхъ. Прошло нѣсколько дней, и Сабина, сама не зная почему, поѣхала въ третій разъ къ Филиппу Форбье́. По дорогѣ, она стала придумывать предлоги, чувствуя неловкость своего непрошеннаго визита, но все ея смущеніе исчезло, потому что Филиппъ принялъ ее необычайно мило, съ открыто улыбающимся лицомъ, и она сразу почувствовала необычайную радость, сама не зная отчего. У нея просто было чувство, что она—одинокая, уставшая отъ жизни—нашла сильное существо, которое поддержитъ ее.

Она стала весело говорить о чувствахъ, охватившихъ ее во время его лекціи, и онъ разглядывалъ ее съ глубокимъ восхищеніемъ. Все въ ней ему нравилось, и потому, когда она спрашивала его о разныхъ вещахъ, онъ добросовѣстно давалъ ей объясненія, не зная, что все равно не сможетъ измѣнить ни въ чемъ ея капризныхъ порывовъ. Сидя подъ свѣтомъ лампы и проводя рукой по краю стола, она не шевелилась, не говорила ни слова, инстинктивно чувствуя, что застывшая поза, замѣнившая прежнее оживленіе, волнуетъ Филиппа. Онъ глядѣлъ на нее съ раздраженіемъ и внезапно вспыхнувшей страстью. Понемногу оцѣпенѣлость Сабины, сначала притворная, становилась настоящею. Ее заразило волненіе Филиппа и охватило чувство чего-то большого и необычайнаго въ ея жизни.

— Не знаю, въ чемъ дѣло,—сказала она,—но я чувствую себя дурно. Можетъ быть, жара...

Филиппъ сначала не обратилъ вниманія на ея слова, только придвинулъ экранъ къ камину, такъ что Сабинѣ показалось, что онъ совершенно равнодушенъ къ ней, и что все, что̀ произошло между ними, было только иллюзіей. Это еще сильнѣе

сдавило ей сердце, и, поднявшись, она дѣйствительно чуть не упала, еслибы онъ не поддержалъ ее. Она опрокинулась всею тяжестью на его руки, чувствуя его волненіе, чувствуя свою блѣдность, но сразу окрѣпла, когда нашла въ немъ опору.

Оправившись окончательно, она извинилась съ улыбкой и, уже стоя у двери, сказала ему:

— Я забыла вамъ сказать, что уѣзжаю въ деревню. Когда я вернусь, я заѣду къ вамъ въ мастерскую — на улицѣ Баръ. Сегодня—пятница, такъ вотъ ровно черезъ мѣсяцъ я буду у васъ въ мастерской.

Она осталась еще нѣсколько времени, понявъ теперь, что могла бы провести всю жизнь подлѣ этого человѣка; потомъ ушла, изумленная всѣмъ, что̀ произошло.

Сабина вовсе не собиралась уѣзжать въ деревню, но она выдумала, изъ смущенія, этотъ предлогъ, чтобы показать Филиппу Форбьѐ, что у нея есть своя установившаяся жизнь, которую она не намѣрена разстроивать изъ-за него.

Вернувшись къ себѣ, она старалась не думать о слабости, которая напала на нее въ кабинетѣ Форбьѐ. Жизнь ея продолжала идти попрежнему, и она старалась болѣе тѣсно подружиться съ мужемъ, наполнить свое время умственными интересами—какъ Филиппъ Форбьѐ. Сабинѣ не хотѣлось видѣть Форбьѐ, но ей было странно, что онъ живетъ въ томъ же городѣ, а между тѣмъ такъ же далекъ отъ нея, какъ далекій обѣтованный край. Она старалась пріобщить Анри къ своей внутренней жизни, полунамеками говорила ему о своихъ романтическихъ увлеченіяхъ, но онъ не понималъ ея признаній и настроеній, и былъ попрежнему ровенъ и ласковъ съ нею. Ее это приводило въ нервное состояніе; она тосковала, плакала, оставаясь наединѣ, и ей казалось, что только смерть можетъ избавить ее отъ тоски ея жизни.

Черезъ нѣсколько времени она вспомнила, что назначенный ею Филиппу Форбьѐ день наступаетъ въ ближайшую пятницу. Она хотѣла сначала извиниться передъ нимъ письменно и не поѣхать, но подумала, что этимъ она выкажетъ свою боязнь свиданія. Чтобы не вызвать такихъ подозрѣній, она рѣшила, что поѣдетъ—до того ей было безразлично увидать его.

Мастерская Филиппа Форбьѐ на улицѣ Баръ оказалась большой, пустой комнатой; на полу валялись комки глины и воска; вся мебель ограничивалась столомъ, старымъ шкапомъ,

книгами, печкой. Свѣтъ падалъ изъ расположеннаго высоко въ стѣнѣ окна. Въ другой комнатѣ, рядомъ, была тоже печка, затѣмъ—коверъ, диванъ и громко бьющіе стѣнные часы.

Сабина застала у Форбьé гостя, знаменитаго скульптора, и, повидимому, обрадовалась знакомству съ нимъ; она благоговѣйно слушала въ теченіе цѣлаго получаса все, что̀ онъ говорилъ объ искусствѣ и философіи, и какъ будто едва замѣчала присутствіе Филиппа,—хотя только о немъ и думала все время, пока сидѣлъ гость. Когда онъ, наконецъ, ушелъ, Сабина и Форбьè почувствовали себя сразу какъ-то неловко. Филиппъ зажегъ большую газовую лампу, освѣщавшую комнату очень рѣзкимъ свѣтомъ. Сабина собралась уходить, но хотѣла объяснить Форбьé, почему она разыграла комедію равнодушія къ нему въ присутствіи скульптора. Она уже была наказана за это поведеніемъ Филиппа, который былъ теперь съ нею только вѣжливъ и сталъ складывать рисунки въ папки.

Сабина подошла къ печкѣ, стала грѣть себѣ руки и разговаривать. Она сказала Филиппу, что была больна и разстроена, объяснила ему, что у нея всегда упадокъ душевныхъ силъ сопровождается физической болѣзнью, и попросила его, чтобы онъ, какъ знатокъ естественныхъ наукъ, объяснилъ ей причину ея тоски.

— Почему я всегда чувствую себя умирающей? — спросила она.

Онъ откинулъ рукой волосы назадъ, поднялъ глаза и, глядя на нее полу-разсѣяннымъ, полу-вдохновеннымъ взглядомъ, сказалъ ей:

— Вы—безумная женщина...

Она отлично видѣла, что, не глядя на нее и какъ будто бы не думая о ней, онъ все-же подходилъ къ ней; она протянула ему обѣ руки и вздохнула, улыбаясь.

— Я сейчасъ уйду,—сказала она,—но у меня очень тяжело на душѣ, а вы мнѣ не сказали, какъ сдѣлать, чтобы прошла печаль.

Они прошли вмѣстѣ черезъ всю комнату. Филиппъ остановился и прислонился къ деревянному шкапу; Сабина стояла прямо противъ него. Онъ держалъ ее за руки пониже кисти и, минутами, поднималъ на нее глаза. Она говорила и смѣялась безъ умолку,—точно боясь минуты, когда она перестанетъ слышать свой голосъ. Онъ тоже отвѣчалъ ей что̀ попало, подчиняясь ея тревогѣ и ея нетерпѣнію. Она все не переставала двигаться, стоя на мѣстѣ, и, наблюдая за движеніями ея глазъ, ея шеи, всего ея существа, Филиппъ чувствовалъ, что она далека отъ него и совершенно свободна, хотя онъ и держалъ ее за руки.

Онъ не зналъ, что̀ и думать объ этой женщинѣ, у которой слова противорѣчили взглядамъ, взгляды—жестамъ.

Такъ прошла минута. Филиппъ помолчалъ, потомъ вдругъ выпустилъ руки Сабины, опустилъ голову и, глубоко вдохнувъ воздухъ, сказалъ ей:

— Уходите!.. Зачѣмъ вы пришли? Я вѣдь васъ не звалъ. Я васъ ни о чемъ не спрашивалъ,—вы сами заставили меня слушать васъ, внимать повѣсти вашей отравленной жизни. Что̀ мнѣ за дѣло до вашихъ радостей и печалей?.. Вы меня не интересовали; у меня было все, чего я желалъ, и еще мѣсяцъ тому назадъ я былъ спокоенъ... Въ первый же разъ, когда вы вошли и заговорили со мной, я понялъ, что вы опасны и злы. Вы посмотрѣли на меня хищными глазами. Но когда васъ не было, я забывалъ о васъ, не интересовался тѣмъ, гдѣ и какъ вы живете. Вы сами снова пришли ко мнѣ, навязали мнѣ свою жизнь съ ея тайнами, болѣе ясно выраженными въ вашихъ глазахъ, чѣмъ вы открываете ихъ словами. Этого только вамъ и нужно... теперь вы довольны, не правда ли? Такъ уходите скорѣй, сдѣлайте хоть это изъ жалости ко мнѣ!

Но она не уходила, еще болѣе обезумѣвшая, чѣмъ онъ, и продолжала стоять, не двигаясь, едва дыша, глядя на него упорнымъ взглядомъ съузившихся глазъ, слегка приподнявъ губы надъ стиснутыми зубами, съ выраженіемъ внезапной радости и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокаго страданія.

Филиппъ снова подошелъ къ ней, крѣпко схватилъ ее за руку, и она какъ-то покорно склонила голову къ нему, отказываясь отъ борьбы, отъ сопротивленія его волѣ. Она ясно сознавала въ эту минуту, что встрѣчей съ этимъ человѣкомъ заканчивается чистота и прямота ея жизни, что начнется обманъ, компромиссы; но эта мысль промелькнула только какъ бы просвѣчивая сквозь другую, и она не сдѣлала ни одного движенія, чтобы отойти отъ Филиппа. Онъ первый слегка отстранилъ ее отъ себя и взглянулъ на нее такимъ тяжелымъ взглядомъ, что она вздрогнула, какъ отъ близости смерти. Въ эту минуту ей хотѣлось, чтобы у него не было такихъ глазъ, такой улыбки, такихъ жестовъ—всего того, что̀ привлекло ее съ первой встрѣчи; она испугалась своей любви, испугалась страданій, которыя она ей готовитъ... Но, отстраняя всѣ мысли о томъ, что̀ будетъ, она съ отчаянной рѣшимостью прижалась къ нему. Они обмѣнялись поцѣлуемъ, въ которомъ отдавали другъ другу свою жизнь, свою волю. Она довѣрилась ему навсегда, вполнѣ признавъ его волю своей.

XIII.

Вернувшись домой, она наскоро переодѣлась для пріема гостей, приглашенныхъ къ обѣду. Она была совершенно спокойна, не чувствуя никакихъ угрызеній совѣсти; все случившееся казалось такимъ необходимымъ, и потому простымъ, что она ощущала только давно неизвѣданное ею чувство покоя, утѣшенія въ сознаніи исполнившейся судьбы. Ей было только непріятно отсутствіе Анри, уѣхавшаго въ Дофинэ; при немъ она чувствовала бы себя еще больше въ полной защищенности.

Съ этого дня Сабина ежедневно, около пяти часовъ, ѣздила въ мастерскую Филиппа Форбьé и оставалась у него часа два. Счастье раздѣленной любви превращалось для Сабины въ сладостную муку, и Филиппъ раздѣлялъ отчасти ея ощущенія. Они очень подходили другъ къ другу по нѣкоторой экзальтаціи натуръ, къ которой у Филиппа присоединялись большая энергія и жизнерадостность. Онъ разспрашивалъ Сабину о томъ, какъ она его полюбила, и она опьяняла его своей восторженностью, говорила ему, какъ, съ первой минуты ихъ встрѣчи, ей казалось, что въ немъ сосредоточилась вся мудрость міра, что онъ приближаетъ ее къ безконечности.

Иногда Сабина приходила къ нему на квартиру—всегда съ какой-нибудь книгой въ рукахъ, чтобы имѣть предлогъ явиться къ нему, не возбуждая подозрѣній у прислуги. Сидя у него въ кабинетѣ, она слѣдила за его работой, или же онъ излагалъ ей планъ своей новой книги „О воображеніи“. Она выслушивала его, не соглашалась и высказывала свои мысли, причемъ онъ находилъ ихъ чрезвычайно красивыми и даже вѣрными. Глядя на нее съ восхищеніемъ, Филиппъ не скрывалъ своей ревности, съ горечью жалѣлъ о томъ, что не встрѣтилъ ее въ молодости и все повторялъ, что боится ея охлажденія.

— Ты слишкомъ молода, ты уйдешь отъ меня! — повторялъ онъ.

— Зачѣмъ думать о будущемъ, о смерти?—восклицала Сабина.—Тѣ не любятъ достаточно сильно, которымъ недостаточно любить короткое время. Даже еслибы въ тотъ день, когда я еще колебалась, идти ли къ тебѣ или нѣтъ, мнѣ сказали, что ты скоро покинешь меня, уѣдешь или умрешь, я бы все-таки пошла къ тебѣ, потому что нѣтъ будущаго, потому что есть только настоящее...

Филиппъ продолжалъ глядѣть на нее съ неутѣшной печалью.

— Ты покинешь меня, Сабина, я въ этомъ увѣренъ. Не знаю, что̀ произойдетъ, но я предвижу, что наша любовь приведетъ къ несчастью.

— Не мучьте себя напрасно,—прервала его Сабина съ нѣкоторой горечью.—Какое безуміе тревожиться! Если есть впереди горе, то, повѣрьте, оно выпадетъ на мою долю. Такъ было всегда. Скорбь идетъ къ тѣмъ, кто къ ней привыкъ.

Возвращаясь домой, Сабина проводила счастливые вечера. Всѣ вокругъ нея, Анри, Пьеръ, Жеромъ, Мари, казались ей счастливыми.

„Это оттого, что я видѣла его,—думала она.—Я приношу счастье съ собой и распространяю его на другихъ безъ ихъ вѣдома".

Она приписывала Филиппу Форбьѐ магическую силу.

Она просила Жерома играть на роялѣ „Смерть Изольды", ложилась на кушетку и слушала опьяняющіе звуки Вагнеровской музыки съ радостью и мукой.

XIV.

Сабина постоянно упоминала имя Филиппа Форбьѐ у себя дома, повторяла его выраженія, которыя черезъ нее переходили къ ея мужу, къ Мари, къ Пьеру, такъ что Филиппъ, казалось, былъ всегда съ ними. Но никто не замѣчалъ поглощенія Сабины ея новой любовью; Анри былъ почти постоянно въ отъѣздѣ, Жеромъ занимался музыкой, Мари заинтересовалась живописью и ходила копировать картины въ Лувръ. Одинъ только Пьеръ, болѣе наблюдательный, чѣмъ другіе, могъ бы понять, что̀ происходитъ въ жизни Сабины, но его она не опасалась; ее бы не стѣснило, еслибы онъ проникъ въ ея тайну.

Былъ апрѣль. Сабина попрежнему пріѣзжала каждый день въ мастерскую Филиппа, который лѣпилъ изъ рыжеватой глины ея лицо и шею. Среди работы, Сабина много говорила о себѣ, по обыкновенію, въ печальномъ тонѣ, который огорчалъ Филиппа; онъ не понималъ, что можно постоянно скорбѣть и страдать отъ счастливой любви. Но онъ самъ тоже далеко не былъ радостнымъ, хотя и убѣждалъ Сабину, что она даетъ ему истинное счастье своей любовью. Однажды, когда она застала его особенно грустнымъ, онъ сознался, что его мучитъ мысль о женѣ и сынѣ. Они, очевидно, догадываются о томъ, что въ его жизни произошла перемѣна, и страдаютъ, ничего ему не говоря. Сабина сначала возмутилась, что посторонніе люди могутъ ка-

саться ея чувствъ, но потомъ она стала очень жалѣть Филиппа за то, что внесла горе въ его жизнь. Она увидѣла закулисную сторону своей любви, которая была до того только экстазомъ, и ей стало невыносимо тяжело. Напрасно Филиппъ ее успокоивалъ, говорилъ, что только въ ней—смыслъ его жизни; она чувствовала, что наступалъ моментъ расплаты за минуту счастья, чувствовала, что въ ея жизнь уже вступило горе.

Филиппъ, дѣйствительно, очень страдалъ отъ сознанія своей вины передъ женой, съ которой прожилъ двадцать лѣтъ безмятежно-счастливой семейной жизни, женившись на ней по любви и сохранивъ неизмѣнно теплое чувство до самаго послѣдняго времени—до встрѣчи съ Сабиной. У нихъ былъ двадцатилѣтній сынъ, который теперь чувствовалъ что-то недоброе, и сильно безпокоился за мать, здоровье которой пошатнулось. Онъ сталъ уговаривать отца поселиться на весну и начало лѣта вмѣстѣ подлѣ Парижа, съ тѣмъ, чтобы потомъ, когда начнутся каникулы, уѣхать въ ихъ помѣстье въ Вогёзы. Филиппъ рѣшительно отклонилъ эту просьбу, подъ предлогомъ занятій, удерживающихъ его въ Парижѣ, но, въ отвѣтъ на тревожный взглядъ сына, нѣжно обнялъ его и увѣрилъ, что мысль о немъ и его матери всегда останется главной заботой его жизни.

— А теперь оставь меня, мой мальчикъ!—сказалъ онъ, еще разъ нѣжно обнимая его и глядя на него съ безконечной тоской.—Не спрашивай меня ни о чемъ...

Черезъ нѣсколько дней у него вышелъ разговоръ съ женой, показавшей ему всю ея нѣжность и привязанность. Она передъ завтракомъ зашла къ нему въ кабинетъ и подъ какимъ-то предлогомъ повела его съ собой въ гостиную, гдѣ онъ увидѣлъ на столѣ огромный букетъ цвѣтовъ. Оказалось, что это былъ день ихъ свадьбы,—двадцать-вторая годовщина. Онъ забылъ про это, и теперь нѣсколько смущенно поблагодарилъ жену. Она же разрыдалась, не будучи въ состояніи скрыть своихъ страданій, отъ которыхъ въ короткое время состарилась, сдѣлалась больной и слабой. Онъ растерялся отъ ея слезъ, сталъ увѣрять ее, что у нея не должно быть причинъ для душевныхъ страданій, что ничто не измѣнилось въ ихъ отношеніяхъ,—но внутренно онъ понималъ, что все кончено, что темные и безумные глаза Сабины вырвали изъ его души всю долголѣтнюю привязанность къ женѣ. Никакихъ упрековъ жена ему не дѣлала, и даже старалась повѣрить, что ничто не измѣнилось, что просто онъ разсѣянъ, потому что слишкомъ занятъ работой. Рѣшено было, что жена его, для поправленія здоровья, уѣдетъ съ сыномъ, а онъ останется въ Парижѣ работать.

XV.

Прошелъ мѣсяцъ; Сабина и Филиппъ не говорили между собой о томъ, что̀ тревожило ихъ обоихъ. Въ іюлѣ жена Филиппа съ сыномъ уѣхали въ Вогёзы, а онъ остался въ Парижѣ совершенно одинъ. Сабина тоже была свободна. Мужъ ея, выбранный депутатомъ, уѣхалъ вмѣстѣ съ Пьеромъ Валансомъ въ научную экспедицію въ Марокко. Жеромъ съ женой и тещей уѣхали въ замокъ старой м-мъ де-Фонтенэ. Предоставленные другъ другу, Сабина и Филиппъ проводили все время вмѣстѣ, часто обѣдали гдѣ-нибудь въ ресторанѣ и подолгу бесѣдовали или у Сабины, или на квартирѣ Филиппа; Сабина любила приходить туда, такъ какъ все въ кабинетѣ Филиппа напоминало ей начало ихъ знакомства.

— Вотъ видите,—сказала она однажды Филиппу, садясь къ открытому окну въ кабинетѣ, — какъ хорошо, что вы не уѣхали. Какъ бы я могла жить безъ васъ?

— Не говорите этого, Сабина!—взволнованно отвѣтилъ онъ. —Вы не знаете, какъ съ моей стороны преступно было не поѣхать съ женой. Вы лишили меня воли... Я каждый день получаю письма, въ которыхъ меня зовутъ съ такой кротостью, что у меня болитъ душа.

— Такъ почему же вы не ѣдете?

— Я жду, чтобы ты меня сама послала, потому что боюсь причинить тебѣ малѣйшее страданіе. Если ты мнѣ скажешь, чтобы я поѣхалъ къ ней на одинъ только мѣсяцъ, я поѣду, и буду писать тебѣ каждый день.

Сабина не могла понять его жалости къ семьѣ, не могла понять, что, любя, можно думать о комъ-нибудь и о чемъ-нибудь другомъ, и чувствовала себя оскорбленной въ своей гордости и въ своей любви. Но она сдѣлала надъ собой усиліе и сама уговорила Филиппа поѣхать, помогла ему скорѣе собраться и проводила его на вокзалъ. Они простились очень нѣжно, съ обѣщаніями частыхъ писемъ и съ надеждой на скорое свиданіе, но Сабина чувствовала въ этомъ отъѣздѣ что-то роковое.

Въ первое время послѣ отъѣзда Филиппа, она меньше страдала, чѣмъ предполагала, такъ какъ жила непосредственными, близкими воспоминаніями о счастьи и любви. Потомъ ей захотѣлось простора полей, и она поѣхала въ Брюеръ, куда ее настойчиво звала Мари. Тамъ она жила главнымъ образомъ ожиданіемъ писемъ Филиппа и радостью при ихъ полученіи. Филиппъ

писалъ ей часто, говорилъ о своей любви, но тонъ его писемъ былъ успокоенный. Мученія совѣсти миновали, такъ какъ жена его воспрянула духомъ послѣ его пріѣзда. Но черезъ нѣсколько времени отъ Филиппа пришло тревожное письмо о болѣзни его жены. Сабина была главнымъ образомъ испугана тѣмъ, что эта болѣзнь можетъ замедлить возвращеніе Филиппа.

Погостивъ въ Брюерѣ очень недолго, Сабина вернулась въ Парижъ. Она чувствовала себя очень разстроенной и больной, и пошла посовѣтоваться къ доктору, но онъ не могъ дать никакихъ совѣтовъ, въ виду неопредѣленности ея болѣзни. Филиппу она писала изъ Парижа страстныя письма, и наконецъ потребовала, чтобы онъ вернулся во что̀ бы то ни стало, потому что она не можетъ больше жить безъ него. Филиппъ сначала телеграфировалъ, что пріѣдетъ, а потомъ, въ другой телеграммѣ, сообщилъ, что не можетъ выѣхать. Пришло письмо, въ которомъ онъ объяснялъ, что не можетъ вернуться раньше трехъ, четырехъ недѣль.

Сабина даже не удивилась, такъ какъ она слишкомъ привыкла къ разочарованіямъ. Она только еще болѣе ослабѣла, и почти не вставала съ постели. Ей хотѣлось только спать. И пришелъ день, когда она сказала себѣ: „Почему не заснуть навсегда“? Она знала, что все кончено въ ея жизни, поняла, что Филиппъ вернулся къ своей семьѣ, и чувствовала себя такой уставшей, что только внезапно явившееся рѣшеніе покончить съ собой придало ей энергію.

Прошло нѣсколько дней послѣ того, какъ она приняла рѣшеніе. Въ десять часовъ вечера она прошла въ библіотеку, гдѣ висѣла на стѣнѣ маленькая аптечка. Она вынула оттуда флаконъ съ морфіемъ, купленный лѣтомъ, когда Анри очень страдалъ отъ ревматизма, взяла флаконъ и шприцъ и пошла къ себѣ въ комнату. Тамъ въ каминѣ горѣлъ огонь. Она сѣла къ столу, наполнила шприцъ ядомъ и снова положила его на столъ.

— Теперь нужно будетъ,—сказала она себѣ,—взять шприцъ, ни о чемъ больше не думать, какъ о томъ, чтобы это сдѣлать, и быстро всадить шприцъ въ тѣло.

Она взяла бумагу и конверты, и на одномъ написала адресъ Мари, а на другомъ, меньшемъ—имя Филиппа. Письмо Филиппу передастъ Мари. Поблѣднѣвъ отъ волненія, Сабина сѣла писать.

„Другъ мой, я собираюсь совершить поступокъ, на который не считала себя способной. Теперь одиннадцать часовъ, а когда пробьетъ полночь, я покончу съ собой. Я не чувствую страха, потому что знаю,—страданія будутъ небольшія. Я

совершаю свой поступокъ съ полной рѣшимостью и спокойствіемъ. Слишкомъ много я страдала въ послѣднее время и больше не могу. Можетъ быть, черезъ мѣсяцъ боль моя утихла бы, но самоубійства совершаются обыкновенно не изъ боязни передъ далекимъ будущимъ, а изъ невозможности пережить слѣдующій день. Вся моя жизнь была только разочарованіемъ и горемъ, и я лишь потому умѣла смѣяться и упиваться минутой, что страстно любила все въ жизни, хотя душа моя оставалась испуганной и тоскующей. Я знала много страданій до моего знакомства съ вами, и все-таки пошла навстрѣчу вашей любви. Вы дали мнѣ истинное счастье, и хотя я знаю, что мнѣ предстояли бы въ будущемъ только муки и слезы, я все-таки не могла бы убить себя, будь вы при мнѣ. Теперь же, вдали отъ васъ, я понимаю, что принесу и вамъ только горе, что состарюсь и потеряю красоту, стану мрачной, и все это падетъ всею тяжестью на васъ.

„Я не хочу дожить до того; я не хочу жить, когда исчезла радость... Ужъ съ дѣтства я знала, что смиреніе создано не для меня. Я не хочу, чтобы та, которую ты полюбилъ за полноту жизненныхъ силъ, за ея страстность, за безконечное разнообразіе ея взглядовъ и желаній,—чтобы она сдѣлалась покорной и мрачной.

„Послѣдняя недѣля моей жизни сдѣлала меня жалкой и слабой, и я теперь плачу, жалѣя себя. Я страшилась въ жизни всего — грозы, ночи, одиночества. Когда я уходила отъ тебя радостная, я боялась вѣтра, мнѣ казалось, что я погибну отъ холода. А теперь—я спокойно принимаю ядъ. Пойми, чтò сдѣлала изъ меня эта недѣля!

„Но теперь я хочу думать только о тебѣ. Ты долженъ жить, работать, вѣрить въ себя и улыбаться отъ полноты жизненныхъ силъ.

„Скоро полночь, и я спокойна, хотя я плàчу,—плàчу оттого, что ты далеко. Я закрываю глаза и вижу тебя передъ собой. Ты не вѣришь, что я хочу умереть; говоришь: „какая она безумная!“, смѣешься и прижимаешь меня къ груди. Вотъ такъ, прижавшись къ тебѣ, я умираю...

„Бьетъ полночь“...

З. В.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ОСЕНЬЮ.

1.

Летаютъ нити легкія
Осеннихъ паутинъ,
Алѣютъ кисти яркія
Развѣсистыхъ рябинъ;
Ужъ осень приближается
Неслышною стопой,
И роща одѣвается
Листвою золотой.
Желтѣютъ липы стройныя,
И, ржавчиной блестя,
Осины безпокойныя
Трепещутъ, шелестя;
И словно мощнымъ молотомъ
Грозою заклейменъ,
Горитъ червоннымъ золотомъ
Широколистый клёнъ.
Лишь ель темно-зеленая
Да сосенъ гордыхъ рядъ,
Морозомъ закаленныя,
Не скинули нарядъ;

Чалмой возносятъ смѣлою
Весенній свой побѣгъ,
И ждутъ, чтобъ ризой бѣлою
Одѣлъ ихъ первый снѣгъ.

2.

Встали осени ясные дни
Надъ просторомъ пустынныхъ полей,
Красотой мимолетной они
Дней цвѣтущаго лѣта милѣй,
Какъ зари догоравшей огни
Краше солнечныхъ яркихъ лучей.

Колыхая вѣтвистый навѣсъ,
Весь багрянцемъ и златомъ одѣтъ,
Каждый день осыпается лѣсъ,
Но его безмятежный отцвѣтъ
Такъ прекрасенъ подъ синью небесъ,
Что обычной въ немъ горечи нѣтъ.

Но невольно печалитъ насъ видъ
Улетавшихъ на югъ журавлей,
И листва однозвучно шумитъ
На пескѣ порѣдѣвшихъ аллей,
Словно шепчетъ: „природа даритъ
Насъ улыбкой прощальной своей".

II.

ДВѢ СПУТНИЦЫ.

Я иду, путь неровенъ и крутъ;
Тщетно даль вопрошаю я взглядомъ,
И двѣ вѣрныя спутницы рядомъ
Неотступно со мною идутъ.

Молода и прекрасна одна,
Вся въ сіяньи кудрей золотистыхъ;
Въ ея взорахъ живыхъ и лучистыхъ
Неподдѣльная ласка видна.

Говоритъ мнѣ она: „Погляди,
Какъ ясны лучезарныя дали!
Не томись въ безъисходной печали,
Облегчится твой путь впереди.

Только въ сердцѣ надежду храни,—
Моимъ свѣтлымъ завѣтамъ внимая,
Ты дойдешь до блаженнаго края,
Гдѣ закатные блещутъ огни".

На второй—непригляднный нарядъ,
Теменъ плащъ, какъ беззвѣздныя ночи,
И суровыя, вѣщія очи
На лицѣ ея строгомъ горятъ.

Она тихо мнѣ молвитъ: „О, нѣтъ,
Ты не вѣрь этой Грёзѣ обманной,—
Близокъ вечера сумракъ туманный,
Солнца скроется радужный свѣтъ!

Ея рѣчи смущаютъ сердцà
Обольстительно-ложной тревогой.
Знай, все той же тернистой дорогой
Суждено намъ идти до конца.

Испытанія новыя ждутъ,
На пути и лощины, и кручи...
Не догнать счастья призракъ летучій,
Я не лгу, меня Правдой зовутъ".

О, жестокая Правда, молчи!
Не пугай меня мрачной угрозой,
Мнѣ отрадно съ плѣнительной Грёзой
Вѣрить въ яркіе счастья лучи.

Л. Кологривова.

НАША
ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА
И
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ДЕРЕВНИ

I.

Въ ряду „внѣпрограмныхъ" вопросовъ, обсуждавшихся мѣстными комитетами о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, былъ подвергнутъ разсмотрѣнію чрезвычайно важный вопросъ о вліяніи нашей финансовой политики на современное экономическое положеніе деревни. Хотя предметъ этотъ обсуждался и не всѣми комитетами, но зато мнѣнія, высказанныя по данному вопросу (нерѣдко въ довольно обширныхъ докладахъ), отличаются знаменательною тожественностью взглядовъ. Взгляды эти, въ общемъ, сводятся, главнымъ образомъ, къ тому, что господствовавшее за послѣднее время направленіе финансово-экономической политики не соотвѣтствуетъ основному характеру нашего государства, почерпающаго свои матеріальныя средства преимущественно отъ земледѣлія. По мнѣнію высказавшихся по данному вопросу комитетовъ или ихъ отдѣльныхъ членовъ, вся наша финансово-экономическая система послѣдняго времени была направлена почти исключительно на покровительство крупной фабрично-заводской промышленности и вообще на усиленное водвореніе промышленнаго строя. Такимъ образомъ, нужды нашей основной промышленности были принесены въ жертву индустріи; русскій же земледѣлецъ, вслѣдствіе централизаціи народныхъ рессурсовъ и доходовъ въ рукахъ фиска и торгово-промышленныхъ классовъ и обращенія большей части средствъ на поддержку крупной обрабатываю-

щей промышленности, принужденъ былъ растрачивать свой основной сельско-хозяйственный капиталъ [1]).

Насколько тяжело отражается на практикѣ дѣйствующая у насъ финансовая система, видно изъ слѣдующаго конкретнаго примѣра. Въ типичной, для центральной черноземной земледѣльческой области, орловской губерніи, экономическое положеніе деревни, по собраннымъ губернскою земскою управою даннымъ для семи восточныхъ уѣздовъ, представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Крестьянскія надѣльныя земли упомянутыхъ семи уѣздовъ даютъ, въ среднемъ, ежегодный доходъ въ размѣрѣ до 10,2 милл. рублей; съ этого дохода крестьяне платили разныхъ налоговъ и податей въ 1901 г. до 3,6 милл. руб. [2]), изъ которыхъ, до 2,2 милл. руб. приходится на выкупные платежи и государственный поземельный налогъ. Всѣ упомянутые налоги и сборы составляютъ до 35% *валового* дохода отъ земли,—валового потому, что трудъ свой крестьяне не считаютъ ни во что. Едва-ли справедливо полагать нормальнымъ такой высокій процентъ взиманія съ земли крестьянскаго населенія, матеріальныя средства котораго сильно оскудѣли. Правда, въ составъ упомянутыхъ повинностей 3,6 милл. руб. входитъ до 480 тыс. руб. земскаго сбора и свыше 700 тыс. руб. волостныхъ и сельскихъ („мірскихъ") сборовъ; но не слѣдуетъ забывать, во-первыхъ, того, что земство возвращаетъ (и нерѣдко съ избыткомъ) мѣстному крестьянскому населенію то, что̀ беретъ съ него въ видѣ прямыхъ налоговъ; взамѣнъ ихъ крестьяне получаютъ школы, больницы, дороги и т. п.; во-вторыхъ, мірскіе сборы идутъ въ значительной мѣрѣ на содержаніе волостныхъ правленій, т.-е. обслуживаютъ общегосударственныя нужды населенія [3]).

Если вычесть изъ упомянутаго дохода отъ крестьянской надѣльной земли въ суммѣ 10,2 милл. руб., кромѣ приведенныхъ выше 3,6 милл. руб., еще и косвенные налоги на потребляемые въ названныхъ семи уѣздахъ вино, керосинъ, табакъ и др., всего въ суммѣ до 3,5 милл. руб., то окажется, что крестьяне должны уплачивать болѣе *двухъ третей* своего дохода отъ земли [4]). Само собою разумѣется, что слѣдствіемъ такой форсированной системы обложенія является возростаніе въ огромныхъ размѣрахъ недоимокъ. Ихъ числилось за крестьянами въ семи упомянутыхъ уѣздахъ орловской губерніи въ 1896 г. до 4,9 милл. руб., а въ 1902 г.—уже свыше 9 милл. рублей [5]).

---

[1]) Труды Мѣстн. Комит., т. XXV, стр. 348.
[2]) XXVIII, 153.
[3]) XXVIII, 342, 347.
[4]) XXVIII, 156.
[5]) XXVIII, 143.

Если обратиться къ нашимъ государственнымъ росписямъ за последнее время, то окажется, что приходный бюджетъ въ десятилѣтіе (1892—1902 гг.) удвоился, именно возросъ съ 965 до 1,947 милл. руб. и превосходитъ соотвѣтственные бюджеты такихъ богатыхъ странъ, какъ Англія, Франція и Германія. Приведенныя громадныя цифры переходятъ уже за предѣлы болѣе или менѣе яснаго представленія ихъ реальной величины. Однако, конкретное значеніе этихъ цифръ опредѣлится довольно реально, если сопоставить цифры бюджета съ размѣрами общей цѣнности годичнаго производства вырабатываемыхъ въ Россіи продуктовъ сельско-хозяйственной и прочихъ категорій промышленности. Эта общая цѣнность опредѣлялась за послѣднее время въ суммѣ до $3^1/_2$ милліардовъ рублей [1]). Изъ сопоставленія этихъ цифръ съ приведеннымъ выше приходнымъ бюджетомъ можно видѣть, что отъ денежнаго дохода общей годовой производительности страны въ распоряженіе казны взималось почти двѣ трети этого дохода.

Одновременно съ колоссальнымъ ростомъ нашихъ государственныхъ доходовъ происходитъ столь же быстрая убыль благосостоянія сельскаго населенія, сдѣлавшагося уже неспособнымъ нести бремя лежащихъ на немъ налоговъ. Несомнѣнно, между этими явленіями существуетъ причинная зависимость. Чѣмъ инымъ иначе можно объяснить возростающую весьма напряженно недоимочность, ростъ которой не могъ быть остановленъ ни происшедшимъ въ недавнее время пониженіемъ выкупныхъ платежей, ни отмѣною подушной подати. Такъ, въ восьми чисто земледѣльческихъ губерніяхъ процентное отношеніе недоимокъ къ окладамъ было слѣдующее:

	1886-1890 г.г.	1898 г.
Воронежская	42	185
Тульская.	35	244
Орловская	81	267
Симбирская	42	277
Оренбургская	135	277
Самарская.	210	363
Уфимская	208	397
Казанская	170	418

Всѣ эти губерніи находятся въ различныхъ по климату, почвѣ и, отчасти, населенію условіяхъ; общимъ признакомъ является лишь то, что эти губерніи живутъ по преимуществу отъ земледѣлія. Между тѣмъ, ни прекрасная почва въ большинствѣ этихъ губерній, ни оби-

[1]) По всеподданнѣйшимъ докладамъ финансоваго вѣдомства о госуд. росписяхъ за 1897 и 1900 г.г.

ліе земель въ уфимской и оренбургской губерніяхъ, ни подсобные (кустарные) промыслы, встрѣчающіеся въ тульской губерніи, не могли парализовать значеніе тѣхъ общихъ причинъ, которыя вызываютъ у насъ всеобщій упадокъ хозяйства [1]).

Увеличеніе нашего бюджета за послѣднее десятилѣтіе по главнѣйшимъ статьямъ дохода представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	1893 г.	1902 г.	Увеличеніе:
	милліоны	рублей:	
косвенные налоги	475	387	—19%
прямые налоги и выкупные платежи	172	217	+26 „
пошлины	61	92	+51 „
казенное имущество и капиталы	135	508	+276 „
регаліи	39	522	+1238 „

Хотя косвенные налоги и являются въ росписи уменьшившимися на 19%, но это происходитъ оттого, что съ 1902 г., по новому порядку составленія росписи, питейный доходъ значится не въ видѣ косвеннаго налога, соотвѣтственно его дѣйствительному значенію, а показывается доходомъ отъ регалій. Если-же присоединить къ косвеннымъ налогамъ доходъ питейный, какъ и въ предыдущемъ 1901 г., то общая сумма косвенныхъ налоговъ (съ питейнымъ сборомъ) составитъ до 671 милл. рублей [2]). Вообще, косвенные налоги пользуются особеннымъ предпочтеніемъ въ нашей податной системѣ. Внесенный въ началѣ 90-хъ годовъ въ государственный совѣтъ законопроектъ о подоходномъ налогѣ не прошелъ, и былъ взятъ обратно; затѣмъ, съ 1892 г. снова усилено косвенное обложеніе предметовъ массоваго потребленія; именно, увеличенъ акцизъ на спиртъ, вино, пиво, табакъ, освѣтительныя масла и др. Далѣе, въ 1900 г. косвенные налоги были вновь повышены: акцизъ со спирта—на 10%, съ пива—на 33⅓%, съ водочныхъ издѣлій и табака—на 15—100%, таможенныя пошлины на многіе товары—на 10—50%. Это повышеніе хотя и мотивировалось событіями на Дальнемъ Востокѣ, но налоги остались въ своей силѣ и по окончаніи китайской войны [3]). Вообще косвенные налоги за двадцать лѣтъ (съ 1881 по 1901 г.г.) возросли на 64% [4]). Между тѣмъ, многія соображенія приводятъ къ выводамъ о вредномъ значеніи косвенныхъ налоговъ съ точки зрѣнія интересовъ наибольшей массы плательщиковъ. Такъ, по приблизительному подсчету, крестьянскій дворъ въ смоленскомъ уѣздѣ долженъ уплачивать ежегодно кос-

---

1) XLV, 95.
2) XXV, 348.
3) XXV, 349.
4) XLI, 44.

венныхъ налоговъ 23 р. 52 к. [1]). Въ клинскомъ уѣздѣ московской губерніи косвенныхъ налоговъ на дворъ самой бѣдной категоріи крестьянъ (съ бюджетомъ въ 200—240 р. въ годъ) приходится 29 р. 50 коп. [2]).

Доводы, употребляемые въ защиту косвенныхъ налоговъ, сводятся обыкновенно къ тому, что налоги эти ложатся на часть населенія, обладающаго наибольшею покупательною способностью, и, слѣдовательно, распредѣляются въ соотвѣтствіи съ платежными силами; но мнѣніе это не представляется достаточно основательнымъ: хозяйство съ доходомъ въ 10 тыс. рублей, очевидно, не можетъ потребить керосина, табака, водки, спичекъ и т. п. предметовъ во сто разъ болѣе, чѣмъ хозяйство съ сторублевымъ доходомъ.

Что касается прямыхъ налоговъ, то размѣръ ихъ хотя и увеличился абсолютно, но зато уменьшился въ процентномъ отношеніи къ общей суммѣ обыкновенныхъ доходовъ. При этомъ и прямые налоги распредѣлены у насъ крайне несоразмѣрно между экономическими группами населенія, отягощая наиболѣе слабыхъ плательщиковъ. Такъ, напр., въ 1901 г., въ кобелякскомъ уѣздѣ полтавской губерніи платежи частныхъ владѣльцевъ, казенные и земскіе, составляли всего до 70,5 тыс. р., съ крестьянъ же поступало до 282 тыс. рублей. Такимъ образомъ, съ послѣднихъ взималось прямыхъ налоговъ въ четыре раза больше, нежели съ частныхъ владѣльцевъ; между тѣмъ, по размѣру крестьянское землевладѣніе было лишь вдвое больше земель частнаго владѣнія (195 тыс. дес. противъ 100 тыс. дес. [3]). Подобное же явленіе замѣчается и въ другихъ губерніяхъ. Съ другой стороны, несмотря на расширеніе у насъ въ Россіи фабрично-заводской промышленности и торговой дѣятельности, количество доставленныхъ ими за послѣднее время государственныхъ доходовъ не только не увеличилось, но даже нѣсколько уменьшилось, именно съ 3,9% до 3,7% общей суммы упомянутыхъ доходовъ [4]). Промысловый налогъ хотя и повышенъ, но повышеніе это было незначительно и далеко не соотвѣтствовало возросшему значенію промышленности. Слѣдуетъ замѣтить, что крупную долю нашихъ прямыхъ налоговъ составляютъ выкупные платежи, годовой окладъ которыхъ достигалъ въ недавнее время 88 милл. рублей. Этотъ налогъ падаетъ всецѣло на крестьянское земледѣльческое населеніе и на землю, какъ на главную опору народнаго существованія. Вообще надѣльная земля крайне обременена выкупными платежами, которые, помимо несоотвѣтствія доходности надѣловъ, весьма неравно-

[1]) Журн. Уѣздн. Ком. Смол. губ. 1902 г., стр. 13.
[2]) XXIII, 399.
[3]) XXXII, 223.
[4]) XXV, 350.

мѣрно распредѣлены между различными группами крестьянскаго населенія. Экономическое значеніе этихъ платежей для крестьянскаго хозяйства видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ смоленскомъ уѣздѣ, напр., на каждый крестьянскій дворъ приходится, въ среднемъ, 12 р. 39 к. прямыхъ налоговъ и платежей; изъ нихъ 8 р. 14 коп., т.-е. двѣ трети, составляютъ выкупные платежи [1]). Въ клинскомъ уѣздѣ, московской губерніи, на крестьянскій дворъ налоговъ прямыхъ, съ выкупными платежами и страховыми, приходится 18 р. 80 к.; изъ нихъ до 14 р. выкупныхъ платежей и рубля 3—4 страховыхъ [2]). Въ ветлужскомъ уѣздѣ, костромской губерніи, разныхъ прямыхъ сборовъ на крестьянскій дворъ также приходилось до 12 р. 72 к., въ томъ числѣ выкупныхъ платежей 6 р. 55 к. [3]).

Обращаясь, затѣмъ, къ системѣ составленія нашего приходнаго бюджета, нельзя не отмѣтить такое явленіе, какъ „остатки“ отъ выполненія росписей за послѣдніе годы. Въ теченіе восьми лѣтъ съ 1893 г. по 1900 г., обыкновенные доходы превышали смѣтныя предположенія болѣе чѣмъ на милліардъ рублей. Взиманіе такихъ огромныхъ „излишковъ“ объяснялось отчасти необходимостью „сбереженій на черный день“; но фактически эти „излишки“, образовавшіе такъ-называемую „свободную наличность“, въ дѣйствительности не сберегались, а расходовались почти вполнѣ. Такъ, несмотря на то, что упомянутыя „сбереженія“ подкрѣплялись займами, ихъ, однако, къ 1 января 1901 г. оставалось всего 105 милл. [4]). Получавшіеся какъ бы сами собою и служившіе показнымъ признакомъ благопріятнаго финансоваго положенія страны, упомянутые „излишки“ внушали финансовому вѣдомству рѣшимость производить чрезвычайные расходы. При этомъ „излишки“, составлявшіе „свободную наличность“, служили для двухъ цѣлей,—во-первыхъ, для сбалансированія смѣты по отдѣлу чрезвычайныхъ расходовъ (главнымъ образомъ, на постройку желѣзныхъ дорогъ) и, во-вторыхъ, — для производства расходовъ внѣсмѣтнымъ порядкомъ. Такъ, напр., расходы по реформѣ денежнаго обращенія, потребовавшей, въ общемъ, сотни милліоновъ, были произведены цѣликомъ изъ внѣсмѣтныхъ кредитовъ, не оставивъ по себѣ никакого слѣда въ государственныхъ росписяхъ [5]). Между тѣмъ, такое добавочное взиманіе весьма значительныхъ сверхсмѣтныхъ средствъ

---

[1]) Журн. Уѣздн. Ком. Смоленской губ. о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. 1903 г., стр. 13.

[2]) XXIII, 398, 399.

[3]) XVII, 298.

[4]) XXV, 353.

[5]) XXV, 353.

увеличило бремя податной тягости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ослабило платежную способность земледѣльческаго населенія [1]).

II.

Среди регалій первое мѣсто занимаетъ у насъ винная монополія. Съ 1902 г., по новому порядку составленія росписи, питейный доходъ показывается уже не въ видѣ косвеннаго налога, а доходомъ отъ регаліи. Такимъ образомъ, питейный сборъ вполнѣ слитъ съ цѣною продукта. Какъ извѣстно, введеніе винной монополіи мотивировалось не только одними финансовыми соображеніями, но имѣло также задачею вести „борьбу съ вредными сторонами питейнаго дѣла, въ интересахъ поддержанія доброй нравственности, предупрежденія экономическаго упадка населенія и охраны народнаго здравія". Насколько достигнута эта задача, еще не вполнѣ выяснено, и въ этомъ отношеніи, существуютъ разнорѣчивыя сужденія. Что же касается чисто-финансовыхъ результатовъ монополіи, то эти послѣдніе представляются гораздо болѣе опредѣленными и безспорными. Тѣмъ не менѣе, увеличеніе питейнаго сбора и по сіе время не перестаетъ служить задачею финансоваго вѣдомства. Прежде всего уже въ самомъ введеніи монополіи нельзя не замѣтить стремленія къ поддержкѣ падавшаго питейнаго сбора. Въ самомъ дѣлѣ, съ 1885 по 1894 г. душевое потребленіе вина упало съ 0,7 ведра до 0,53 (на 25%), а къ 1898 г. сократилось уже до полведра. Въ связи съ этимъ, повидимому, монополія первоначально начала вводиться именно въ тѣхъ четырехъ восточныхъ губерніяхъ, гдѣ душевое потребленіе хлѣбнаго вина было наименьшее (0,35 ведра на душу). На слѣдующую затѣмъ очередь были поставлены юго-западныя, сѣверо-западныя и тѣ изъ малороссійскихъ губерній, гдѣ наблюдалось особенно быстрое сокращеніе потребленія вина. Наконецъ, къ послѣдней очереди были отнесены остальныя губерніи, въ которыхъ уменьшеніе потребленія вина или совсѣмъ не замѣчалось, или же было незначительнымъ. Затѣмъ, въ теченіе послѣдняго времени дважды повышался акцизъ на спиртъ, а при окончательномъ введеніи монополіи была увеличена и цѣна на водку. Въ этомъ отношеніи законодательнымъ порядкомъ установлены предѣльныя цѣны вина въ весьма широкихъ размѣрахъ (отъ 6 р. 40 к. до 9 р. ведро). Фактическое опредѣленіе цѣны въ этихъ предѣлахъ предоставлено самому финансовому вѣдомству, которое можетъ, такимъ образомъ, вводить, въ сущности говоря, новый налогъ, по своему усмотрѣнію,—административнымъ порядкомъ.

---

[1]) Idem.

Конечные для даннаго времени результаты винной монополіи были пока таковы: количество потребленія водки не только не уменьшилось, но, мѣстами, даже увеличилось. Правда, населеніе получило продуктъ болѣе высокаго качества; но это обошлось народу неимовѣрно дорого. Такъ, напр., до введенія монополіи въ харьковской губерніи водка продавалась ведрами по 5 р. и раздробительно—по 6 р. ведро. Теперь крестьяне платятъ за водку отъ 7 р. 40 к. до 8 рублей. Такимъ образомъ, населеніе переплачиваетъ отъ 2 р. до 2 р. 40 к. за ведро. Если даже принять переплату въ 1 р. 50 к., то населеніе харьковской губерніи, потребляя ежегодно до 1,5 милл. ведеръ водки, переплачиваетъ за нее казнѣ до 2,2 милл. рублей. Насколько значительна эта переплата для харьковской губерніи, можно судить по тому, что всѣ культурныя потребности деревни (народное образованіе, медицина, дороги и пр.) удовлетворяются при посредствѣ земскаго сбора съ земли до 1,2 милл. р. Бремя монополіи становится для многихъ мѣстностей еще ощутительнѣе, вслѣдствіе того, что при новыхъ порядкахъ многія сельскія общества лишились значительныхъ доходовъ, какими они пользовались за разрѣшеніе устроивать питейныя заведенія въ чертѣ крестьянской осѣдлости. Эта потеря для одной лишь харьковской губерніи выразилась въ ежегодной утратѣ до 500 тыс. рублей. Насколько эта потеря велика для крестьянъ, видно изъ того, что государственный поземельный налогъ со всѣхъ крестьянскихъ надѣльныхъ земель харьковской губерніи доходилъ въ недавнее время до 117 тыс. рублей [1]). Вообще, вслѣдствіе введенія винной монополіи, сельское населеніе Европейской Россіи лишилось ежегодныхъ доходовъ въ размѣрѣ до 67 милл. р. [2]). Хотя при повышеніи цѣны на водку населенію пришлось сдѣлать переплату въ размѣрѣ 90 милл. руб. [3]), тѣмъ не менѣе, переплата эта лишь въ самой слабой степени содѣйствовала увеличенію государственныхъ доходовъ.

Если винная монополія, несмотря на увеличившееся налоговое обложеніе, не дала благопріятныхъ финансовыхъ результатовъ, то косвенно она имѣла немаловажное значеніе для развитія у насъ „промышленной эры" и поддержанія господствующаго направленія нашего государственнаго хозяйства. Такъ, во-первыхъ, освободились крупные капиталы, обращавшіеся ранѣе къ винной торговлѣ; капиталы эти, несомнѣнно, частью поступили въ сберегательныя кассы, т.-е. въ распоряженіе финансоваго вѣдомства, частью направились въ сферу обрабатывающей промышленности, оживленіемъ которой было озабочено въ послѣднее десятилѣтіе министерство финансовъ. Надле-

[1]) XLV, 97.
[2]) Смол. Губ. Ком., 78.
[3]) XXV, 355.

жить сказать, что уже самое оборудованіе водочно-монопольнаго предпріятія вызвало большіе заказы финансоваго вѣдомства на разные необходимые при казенной продажѣ вина предметы (стеклянную посуду, пробки и нѣкоторые другіе), что также, хотя и искусственно, оживило наше фабрично-заводское дѣло [1]).

Несомнѣнно, что съ развитіемъ казеннаго хозяйства, разумѣя тутъ не одну монополію, но и наше желѣзнодорожное дѣло и др., увеличивается число лицъ, непосредственно подчиненныхъ и вообще находящихся такъ или иначе въ зависимости отъ администраціи. Точно также отличительною особенностью нашего государственнаго хозяйства послѣдняго времени является неуклонно проводимое стремленіе къ сосредоточенію въ рукахъ финансоваго вѣдомства какъ значительной части народныхъ рессурсовъ и доходовъ, такъ и доминирующей власти надъ всѣми проявленіями народной экономической жизни. Параллельно съ этимъ происходило и постепенное ограниченіе права общественныхъ земскихъ и городскихъ учрежденій распоряжаться имѣющимися у нихъ денежными средствами. Для сего усиленъ административный контроль надъ расходами названныхъ учрежденій, а въ частности для земства изданъ законъ о предѣльности обложенія.

III.

Но если народные доходы усиленно концентрируются въ рукахъ финансоваго управленія, то возникаетъ весьма естественно вопросъ, въ какой же мѣрѣ доходитъ до главнаго кадра русскаго населенія все то, что съ него взимается; какія его нужды и потребности удовлетворяются и какое вліяніе на экономическій строй страны оказывало то или другое употребленіе громадныхъ средствъ, почерпаемыхъ изъ приходнаго бюджета нашихъ государственныхъ росписей. Разсматривая внимательно нашъ расходный бюджетъ, можно видѣть, что важнѣйшею экономической функціею государства въ настоящее время приходится считать поддержаніе и развитіе путей сообщенія. Въ огромныхъ расходахъ на этотъ предметъ лежитъ, можно сказать, центръ тяжести нынѣшней системы нашего государственнаго хозяйства, насколько она выражается въ бюджетѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что доходы отъ желѣзнодорожнаго хозяйства являются лишь оборотными суммами, такъ какъ они всецѣло поглощаются расходами и притомъ такими, которые далеко превышаютъ доходность желѣзныхъ

---

[1]) XXV, 355.
[2]) XXV, 356.

дорогъ. Такъ, изъ сопоставленія доходныхъ и расходныхъ статей росписи, связанныхъ съ желѣзнодорожнымъ хозяйствомъ, можно видѣть, что въ 1892 г. разница между доходами и расходами выражалась въ излишкѣ всего около 13. милл. руб.; затѣмъ, въ 1902 г., расходы уже превышали доходъ почти на 162 милл. руб. Но если при этомъ принять во вниманіе, что на желѣзнодорожное дѣло было, кромѣ того, обращено до 180 милл. руб. изъ китайскаго займа, произведеннаго за счетъ китайской контрибуціи, а также упоминавшійся выше доходъ въ 13 милл. руб., то превышеніе расходовъ надъ доходами по желѣзнымъ дорогамъ за послѣднее десятилѣтіе выразится весьма солидною суммой въ 355 милл. руб. [1]). Но помимо этого и ежегодные переборы, образовавшіе такъ называемую „свободную наличность" въ размѣрѣ одного милліарда, также были обращаемы на покрытіе расходовъ чрезвычайныхъ и, главнымъ образомъ, на постройку желѣзныхъ дорогъ. Въ то же время затраты на другія государственныя нужды увеличились въ абсолютныхъ цифрахъ сравнительно слабо, именно: на духовную культуру (народное образованіе и нѣкот. др.)—на 30 милл. руб.; на помощь сельскому хозяйству (вмѣстѣ съ завѣдываніемъ государственными имуществами) — на 17,8 милл. руб. и т. п. Нарочито поощряемое желѣзнодорожное строительство обусловливалось не исключительно потребностью населенія, а служило финансовому вѣдомству, по его собственному заявленію, „могучимъ орудіемъ для управленія экономическимъ развитіемъ страны" [2]). Иначе говоря, упомянутыя дѣйствія служили въ значительной степени средствомъ для водворенія у насъ крупной капиталистической промышленности.

Приведенное выше распредѣленіе взимаемыхъ съ населенія денежныхъ средствъ не могло, конечно, не отразиться тяжело на состоятельности земледѣльческаго класса и на положеніи важнѣйшей въ нашей народной экономіи сельско-хозяйственной промышленности. Нужно здѣсь сказать, что изъ многихъ противорѣчій, которыми такъ богатъ современный экономическій строй, съ особенною рѣзкостью, въ особенности у насъ, выдѣляется значительная разница между интересами той части населенія, которая живетъ доходами отъ сельскаго хозяйства, и торгово-промышленнымъ классомъ, иначе говоря,—между интересами города и деревни. Уже съ давнихъ поръ наша экономическая политика обнаруживала преимущественно благосклонное отношеніе къ интересамъ городскихъ, т.-е. торгово-промышленныхъ классовъ. Въ этомъ случаѣ главнымъ орудіемъ покровительственной си-

---

[1]) XXV, 357.
[2]) XXV, 357.

стемы служилъ постоянно возвышаемый таможенный тарифъ. Таможенныя пошлины, доставляя значительные рессурсы казначейству, вліяютъ въ то же время на условія обмѣна и на распредѣленіе матеріальныхъ благъ между различными классами населенія. Какъ извѣстно, хлѣбъ и сырые сельско-хозяйственные продукты составляютъ $^9/_{10}$ нашего заграничнаго вывоза. Продавая эти продукты, мы, собственно говоря, обмѣниваемъ ихъ на тѣ заграничные и русскіе товары, которые намъ нужны. Между тѣмъ, вывозимые и вообще продаваемые нами сельско-хозяйственнные продукты сильно дешевѣютъ; происходитъ это отъ слѣдующихъ главныхъ причинъ: 1) тяжелая бѣднота нашихъ земледѣльцевъ заставляетъ ихъ осенью усиленно сбывать хлѣбъ, вслѣдствіе чего цѣны на него, естественно, понижаются; 2) отпускная наша торговля хлѣбомъ, поощряемая разными способами (тарифами и др.) въ видахъ поддержанія равновѣсія въ торговомъ балансѣ, предоставлена въ полное распоряженіе иностранныхъ и портовыхъ фирмъ съ ихъ коммиссіонерами и скупщиками, являющимися естественными понижателями цѣнъ на наши сельскохозяйственные продукты. При низкихъ цѣнахъ на эти послѣдніе продукты, цѣны на другіе товары, какъ туземные, такъ и иностраннаго происхожденія, вслѣдствіе таможенныхъ пошлинъ устанавливаются выше дѣйствительной стоимости почти на всю сумму лежащей на нихъ пошлины. Поэтому русскіе сельскіе хозяева, продавая свои продукты по пониженнымъ цѣнамъ, за чужіе фабрично-заводскіе товары, заграничные и производимые у насъ, должны платить, благодаря пошлинѣ, высокія цѣны. Такія переплаты со стороны деревни поступаютъ отчасти въ казну, отчасти—въ пользу торгово-промышленнаго класса. Колоссальныя богатства мануфактуристовъ московскаго района въ значительной степени создались подобными переплатами деревни [1]).

Несмотря на усиленное обложеніе деревни въ видахъ поддержанія обрабатывающей промышленности, цѣль эта не только не была достигнута, но протекціонизмъ оказался гибельнымъ даже для самой фабрично-заводской промышленности. Прежде всего, одновременно съ усиленіемъ этой промышленности, увеличился параллельно ввозъ машинъ, необходимыхъ для оборудованія фабрикъ и заводовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣтно возросъ и ввозъ сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, такъ какъ наше машиностроеніе, вслѣдствіе искусственнаго насажденія и дороговизны металловъ, неспособно конкуррировать съ иностранными заводами. Нужно, впрочемъ, здѣсь замѣтить, что увеличеніе ввоза сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій не пошло на пользу крестьянъ-земледѣльцевъ. Дѣйствительно, несмотря на значи-

---

[1]) XXV, 358; XXVIII, 346.

тельный ростъ нашей горнозаводской промышленности, возросшей при помощи покровительственныхъ пошлинъ и высокооплачиваемыхъ казенныхъ заказовъ, наши земледѣльцы, лишенные покупательныхъ средствъ, въ большинствѣ случаевъ продолжаютъ попрежнему обработывать землю доисторической сохой и деревянной бороной. Слѣдуетъ отмѣтить также чрезвычайно тяжелую для земледѣльческихъ классовъ тенденцію внутренняго протекціонизма, выразившагося въ покровительствѣ образованію крупныхъ промышленныхъ синдикатовъ, проявившихъ уже достаточно свою угнетательную дѣятельность въ западной Европѣ и особенно въ Соединенныхъ-Штатахъ. У насъ оффиціально созданъ синдикатъ сахарозаводчиковъ съ системою „нормировокъ“ и вывозныхъ премій, ограждающихъ интересы крупныхъ промышленниковъ въ ущербъ туземному населенію [1]). Вслѣдствіе высокаго акциза на сахаръ и особой сложной регламентаціи, истинныя достоинства которой понятны только небольшой группѣ сахарозаводчиковъ, производство урегулировано у насъ такимъ образомъ, чтобы сдѣлать этотъ продуктъ возможно болѣе дорогимъ для русскаго потребителя и въ то же время продавать его за безцѣнокъ за границу. Въ то время какъ въ Англіи цѣна нерафинированнаго сахара доходитъ до 1 р. 50 к. пудъ и рафинада—до 2 р. 10 к., у насъ сахарный песокъ на главномъ сахарномъ (кіевскомъ) рынкѣ продается по 5 р. пудъ. Отсюда ничтожное потребленіе сахара въ странѣ (до 2 ф. на душу сельскаго населенія въ годъ) [2]).

Вообще, поощряя неимовѣрно высокими пошлинами нашу обрабатывающую промышленность, финансовое вѣдомство, повидимому, не принимало во вниманіе того, что не запретительныя таможенныя мѣропріятія положили основаніе промышленному типу западно-европейскихъ государствъ; высокое промышленное развитіе на Западѣ возникло благодаря высшей культурѣ, выразившейся, главнымъ образомъ, въ развитіи общественной самодѣятельности, въ гарантіяхъ личности, въ широкомъ распространеніи общаго и техническаго образованія и др. Въ западной Европѣ давно уже установился взглядъ, что затраты на народное образованіе являются не филантропическими затѣями, а удовлетвореніемъ насущнѣйшей потребности страны въ интересахъ развитія ея производительныхъ силъ; между тѣмъ, у насъ расходы на народное образованіе въ послѣднее время достигли всего лишь до 3,8% расходнаго бюджета, что̀ составляло около 50 к. на душу [3]). Земство всегда усиленно стремилось къ насажденію народнаго образованія, видя въ немъ залогъ культурнаго разаитія страны,

[1]) XXVIII, 352.
[2]) XLV, 98.
[3]) XIX, 602.

изъ земскихъ бюджетовъ расходовались значительныя средства на этотъ предметъ. Однако, предѣльность земскаго обложенія, ограничившая увеличеніе земскихъ смѣтъ тремя процентами, парализовала всѣ усилія земства, направленныя къ удовлетворенію упомянутой потребности, представляющей огромную государственную важность.

IV.

Нелегко отозвалось на жизни деревни и введеніе золотой валюты, предпринятой, преимущественно, въ интересахъ торгово-промышленныхъ. Уже самое подготовленіе золотого обращенія, начатаго еще во время управленія финансовыми дѣлами И. А. Вышнеградскаго, когда заготовлялся необходимый для золотой валюты металлическій фондъ, отразилось весьма неблагопріятно на нашей деревнѣ [1]). Несомнѣнно, что при развитіи международныхъ сношеній для каждой страны представляется неизбѣжнымъ переходъ къ золотому обращенію. Однако, нельзя не признать также и извѣстной основательности въ доводахъ противниковъ господства желтаго металла, разъ дѣло идетъ о нашемъ земледѣльческомъ государствѣ. Какъ сказано раньше, золотое обращеніе мотивировалось, повидимому, главнымъ образомъ, нуждами и интересами финансоваго вѣдомства и нашей обрабатывающей промышленности. Такое предпочтеніе послѣдней передъ сельскимъ хозяйствомъ отчасти объяснялось тѣмъ обстоятельствомъ, что производство цѣнностей нашей фабрично-заводской промышленности, будто бы, превышаетъ чуть ли не въ четыре раза стоимость (ежегодную) продуктовъ сельскаго хозяйства. Но въ спеціальной литературѣ уже неоднократно высказывалось, что финансовымъ вѣдомствомъ при исчисленіи продуктовъ сельскаго хозяйства были приняты въ разсчетъ только зерновые хлѣба, отчего общая цѣнность продуктовъ являлась преуменьшенной почти на половину; при исчисленіи же продуктовъ нашей обрабатывающей промышленности, напротивъ, не были исключены продукты, входящіе въ качествѣ сырого матеріала. Такъ, напр., цѣнность сельско-хозяйственныхъ продуктовъ (льна, пеньки, хлопчатой бумаги свекловицы, табака и т. п.), не была исключена изъ цѣнности соотвѣтственныхъ продуктовъ обрабатывающей промышленности. Если же сельское хозяйство имѣетъ перевѣсъ относительно цѣнности вырабатываемыхъ продуктовъ и доставляетъ средства къ жизни до 85% всего нашего населенія, то переходъ къ золотой валютѣ, сопровождаемый всегда вздорожаніемъ денегъ и обезцѣненіемъ продуктовъ сельскаго хозяй-

[1]) Смол. Губ. Ком., 95.

ства, слѣдовало бы произвести болѣе осторожно, при участіи въ его разработкѣ тѣхъ общественныхъ группъ, интересы которыхъ онъ затрогиваетъ. Тогда, быть можетъ, введеніе золотой валюты было бы отложено до того времени, когда обрабатывающая промышленность стала бы играть бо̀льшую роль въ нашемъ на̀родномъ хозяйствѣ и выгоды, сопряженныя съ введеніемъ металлическаго обращенія, были бы несомнѣннѣе [1]). Но такъ или иначе дѣло было сдѣлано: введена золотая валюта; одновременно послѣдовалъ, какъ и можно было ожидать, сельско-хозяйственный кризисъ. Для пережитія труднаго переходнаго времени и приспособленія къ новымъ условіямъ денежнаго рынка сельскимъ хозяевамъ особенной помощи оказано не было; все осталось попрежнему: отсутствіе кредита, дорогіе желѣзнодорожные тарифы, отпускъ ничтожныхъ средствъ на непосредственныя нужды земледѣлія и т. д.

Въ западной Европѣ золотое обращеніе вводилось при болѣе высокомъ культурномъ уровнѣ сельскихъ жителей, при общественныхъ условіяхъ, допускающихъ широкое развитіе самодѣятельности, иниціативы и всякаго рода коопераціи. Поэтому сельскіе хозяева могли тамъ сравнительно легче приспособиться къ условіямъ, возникшимъ вслѣдствіе введенія золотой валюты. Совсѣмъ иное дѣло у насъ: наши хозяева, по исторически сложившимся причинамъ, ограничивались по большей части однѣми жалобами и, за исключеніемъ единичныхъ лицъ и нѣкоторыхъ, находящихся въ особенно благопріятныхъ условіяхъ, районовъ, оказались совершенно безпомощными. Матеріальной поддержки, какъ сказано выше, они получили мало; вмѣстѣ съ тѣмъ, общественная компетенція и самостоятельность не только не развивались, но даже уменьшались съ каждымъ годомъ. Такимъ образомъ, подготовлялась почва для постепеннаго оскудѣнія деревни [2]). Затѣмъ, съ теченіемъ времени, оказалось, что для поддержанія золотого обращенія въ странѣ требуются все новыя и новыя жертвы. Финансовое вѣдомство вынуждено было, для привлеченія утекавшаго изъ страны золота, прибѣгнуть къ цѣлому ряду заграничныхъ займовъ, достигшихъ въ теченіе одного десятилѣтія милліарда; такимъ образомъ, наша заграничная задолженность доведена была до колоссальной цифры 5 милліардовъ руб., съ ежегодной уплатой 250 милл. руб. процентовъ по займамъ. Здѣсь возникаетъ, однако, вопросъ,—если при нашемъ разсчетномъ балансѣ нельзя обойтись безъ заграничныхъ займовъ, то на что̀ же можно разсчитывать въ будущемъ, до какихъ размѣровъ можетъ дойти наша задолженность? Отвѣтъ на это представляется, конечно, крайне затруднительнымъ.

---

[1]) XIX, 603.

[2]) XIX, 604.

Помимо займовъ, финансовымъ вѣдомствомъ изыскивались и другія средства для удержанія уходившаго изъ страны золота; именно, прежде всего начали приниматься всяческія мѣры къ увеличенію нашего вывоза. Отпускъ хлѣбовъ, равнявшійся въ 70-хъ годахъ 250 милл. пуд., въ 1898 г. почти удвоился,— возросъ до 485 милл. пуд. Достигнуто это было, между прочимъ, увеличеніемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, приспособленныхъ не столько къ внутреннему обмѣну между извѣстными рынками,—въ чемъ имѣется насущная потребность,—сколько къ вывозу за границу (напр. пермь-котласская ж. д.). Форсированный хлѣбный экспортъ еще могъ бы считаться явленіемъ положительнымъ, если бы продавался внутри страны и вывозился за границу избытокъ хлѣба; но на дѣлѣ замѣчается совершенно иное: то, что вывозитъ крестьянинъ на базаръ, нерѣдко бываетъ оторвано имъ отъ собственнаго питанія или прокорма скота [1]).

V.

Въ видахъ полной объективности изложенія мнѣнія комитетовъ, слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторыми членами этихъ комитетовъ высказаны были соображенія и въ защиту золотой валюты. Защитники этого мѣропріятія указывали, между прочимъ, на то, что сельское хозяйство, какъ и всякая другая промышленность, нуждается въ постоянномъ, разъ навсегда установленномъ, мѣрилѣ цѣнностей. Золотая валюта установила прочную связь между нашимъ и международнымъ денежными рынками на основѣ равноправности, между тѣмъ какъ раньше, при постоянно колеблющемся курсѣ, наша страна находилась въ полной зависимости отъ западно-европейскихъ биржъ. Эти послѣднія произвольно управляли нашимъ курсомъ, что имѣло для насъ тяжелыя экономическія и даже политическія послѣдствія [2]). Отрицалась нѣкоторыми членами комитетовъ также связь между введеніемъ золотой валюты и сельско-хозяйственнымъ кризисомъ; но при этомъ защитники золотого обращенія указывали, однако, на то, что обостреніе нашего сельско-хозяйственнаго кризиса совпало, по времени, съ періодомъ, слѣдовавшимъ за денежной реформой [3]).

Одной изъ важнѣйшихъ причинъ упадка нашего сельскаго хозяйства, по мнѣнію комитетовъ, является отсутствіе достаточнаго кредита для крестьянъ и частныхъ владѣльцевъ. Условія займа въ акціонерныхъ банкахъ тяжелы, а помощь дворянскаго банка явилась запоздалой. Собственно же крестьянскія хозяйства поставлены въ худшія

[1]) XXVIII, 352.
[2]) Смол. Губ. Ком., 87, 90, 91.
[3]) Idem., 140.

условія сравнительно съ частными владѣльцами, такъ какъ, будучи лишены кредита, они не имѣютъ въ своемъ распоряженіи даже тѣхъ скудныхъ средствъ, которыя остались у владѣльцевъ выкупныхъ платежей. Въ то время, какъ сельскіе хозяева и земледѣльцы были предоставлены собственнымъ силамъ въ самое трудное для нихъ время, наша фабрично-заводская промышленность и въ отношеніи кредита пользовалась особымъ покровительствомъ финансоваго вѣдомства, предоставлявшаго фабрикантамъ и заводчикамъ въ изобиліи кредитныя средства. Государственный банкъ развелъ за послѣднее время свои учетно-ссудныя и торговыя операціи до 439 милл. руб.; въ ссуду подъ товары выдано имъ до 37 милл., подъ промышленныя предпріятія—до 40 милл. руб., причемъ нѣкоторыя отдѣльныя этого рода предпріятія получили въ ссуду по нѣскольку милліоновъ рублей. Между тѣмъ, фондъ для 1.113 учрежденій мелкаго кредита, обслуживающій интересы крестьянъ, достигалъ всего лишь 25,5 милл. руб. Затѣмъ, путемъ сберегательныхъ кассъ собрано до 1 милліарда рублей; при этомъ вмѣсто того, чтобы, по примѣру западно-европейскихъ государствъ, обратить часть сберегательно-кассовыхъ денежныхъ средствъ на насыщеніе кредита тѣхъ районовъ, въ которыхъ кассовые фонды были собраны,—деньги эти были выведены изъ мѣстнаго обращенія, сконцентрировались въ рукахъ финансоваго вѣдомства, съ обращеніемъ на покупку процентныхъ бумагъ, реализація которыхъ можетъ представить немалыя затрудненія [1]. Такимъ образомъ, въ финансовомъ управленіи сосредоточились огромныя средства; при этомъ, всѣ его многочисленныя предпріятія, каковы питейная монополія, сберегательныя кассы, а также налоговое обложеніе, являются, какъ не разъ это было уже указано въ печати, гигантскими насосами, выкачивающими изъ народнаго обращенія всѣ свободныя денежныя средства. Вліяніе финансоваго управленія распространялось все шире и шире, лишая промышленность тѣхъ условій свободнаго развитія, при которыхъ на Западѣ были достигнуты такіе блестящіе результаты [2].

Высказавъ приведенныя выше мнѣнія о вліяніи нашей экономической политики на жизнь деревни, комитеты не преминули въ то же время указать на желательность мѣропріятій, которыя могли бы въ той или другой степени устранить или, по крайней мѣрѣ, хотя нѣсколько парализовать неблагопріятныя послѣдствія нашей финансово-экономической системы.

Пожеланія эти, главнымъ образомъ, сводятся къ слѣдующему: 1) слѣдуетъ направить государственныя средства преимущественно на поднятіе производительности деревни и развитіе основного ея промысла—

[1]) XIX, 606; Смол. Губ. Ком., 151.
[2]) XIX, 607.

земледѣлія и другихъ связанныхъ съ нимъ отраслей народнаго труда; 2) измѣнить систему податного и налоговаго обложенія, въ смыслѣ облегченія налоговаго бремени, путемъ постепеннаго перехода отъ косвеннаго обложенія къ прямому подоходному налогу [1]); 3) понизить или даже совсѣмъ сложить выкупные платежи, въ виду состоявшагося уже погашенія капитальнаго долга; 4) согласовать желѣзнодорожное строительство и желѣзнодорожное хозяйство съ нуждами земледѣльческаго населенія коренной Россіи [2]); 5) замѣнить питейный налогъ, въ виду вреднаго вліянія его на населеніе, инымъ обложеніемъ, съ принятіемъ соотвѣтствующихъ мѣръ къ сокращенію производства и потребленія спирта; 6) возмѣстить сельскимъ обществамъ потери отъ введенія монополіи [3]); сложить и вообще уменьшить таможенныя пошлины съ металловъ, сельско-хозяйственныхъ машинъ, удобрительныхъ туковъ и т. п. [4]); 8) сложить акцизъ съ предметовъ первѣйшей необходимости (съ сахара, дешевыхъ сортовъ чая и нѣкоторыхъ другихъ [5]); 9) освободить земства отъ расходовъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе, съ предоставленіемъ въ его распоряженіе нѣкоторой части собираемыхъ на мѣстахъ налоговъ (государственныхъ поземельныхъ, промысловаго и нѣкоторыхъ другихъ [6]).

Приведенныя выше постановленія сельско-хозяйственныхъ комитетовъ и аргументація ихъ, конечно, не представляютъ чего-либо новаго или неожиданнаго. Все, что нынѣ высказано по данному предмету комитетами, уже ранѣе неоднократно обсуждалось въ ученыхъ обществахъ и въ печати. Важно, однако, здѣсь то, что люди деревни—практическіе дѣятели, близко стоящіе къ крестьянскому населенію и къ землѣ, вынесшіе, такъ сказать, на своихъ плечахъ послѣдствія нашей финансово-экономической системы послѣдняго времени,—подтвердили то, что высказывалось „теоретиками".

Постановленія комитетовъ, выраженныя въ обычной формѣ „пожеланій", нужно надѣяться, не пройдутъ безслѣдно и будутъ, въ той или другой мѣрѣ, приняты во вниманіе въ интересахъ подъема благосостоянія огромной массы нашего не только сельскаго, но и городского населенія.

Н. П.

[1]) XXXI, 157; Смол. Губ. Ком., 79, 80 и нѣкоторыя другія.
[2]) Смол. Губ. Ком., 80.
[3]) XLV, 99.
[4]) V, 131; IX, 61; X, 461, 574; XVII, 172, 292; XIX, 608; XXIII, 400 401; XXV, 375, 376; XXVIII, 168; XXXI, 157; XLV, 99; Смол. Губ. Ком., 77, 79, 80, 135.
[5]) XLV, 99.
[6]) IX, 61.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1904.

Періодическая печать, какъ политическій барометръ.—Общество и народъ.—Что называютъ иногда „правами“ крестьянства?—Записка кн. А. И. Васильчикова.—Проектъ сельскаго устава о договорахъ.—Интересное мнѣніе и характерные факты.—Вопросъ объ условномъ осужденіи.

Замѣчательно постоянство, съ которымъ повторяются нѣкоторыя явленія русской дѣйствительности. Сколько переходовъ отъ унынія къ надеждѣ, отъ надежды къ разочарованію—пришлось пережить всѣмъ тѣмъ, чьи воспоминанія восходятъ къ половинѣ XIX-го вѣка! Не говоря уже о рѣзкихъ, крутыхъ поворотахъ, сколько перемѣнъ происходило въ предѣлахъ одной эпохи, издалека представляющейся чѣмъ-то цѣлымъ, единымъ! Ни на чемъ эта особенность новѣйшей русской исторіи не отразилась такъ ярко, какъ на положеніи печати, у насъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо играющей роль политическаго барометра. Для нея даже періодъ „великихъ реформъ“ былъ непрерывнымъ рядомъ колебаній между снисходительностью и строгостью, строгостью и снисходительностью. Отъ качаній маятника эти колебанія отличались только тѣмъ, что, вопреки законамъ физики, уклоненія въ одну сторону шли гораздо дальше, чѣмъ въ другую. Нужно ли прибавлять, что привилегированной стороной была линія обратнаго движенія? Позади стояла точно магнитная гора, съ громадной силой притяженія; временной перевѣсъ надъ этой силой—слагавшейся изъ традиціи, рутины и страха, вѣра въ будущее, смутно виднѣвшееся впереди, получала съ большимъ трудомъ и теряла чрезвычайно быстро. Можно было думать, что прочнѣе окажутся пріобрѣтенія, сдѣланныя путемъ закона. Случилось, однако, не то: правила 6-го апрѣля 1865-го года, сначала считавшіяся временными въ смыслѣ подготовки къ свободѣ отъ усмотрѣнія и произвола, оказались временными въ смыслѣ неустойчивости дарованныхъ ими облегченій. Весьма скоро прекрати-

лись, фактически, судебные процессы по дѣламъ печати, очистивъ мѣсто для безграничнаго господства административныхъ каръ; создались, юридически, новыя тяготы для печати, въ видѣ, напримѣръ, запрещенія розничной продажи. И вотъ, маятникъ опять обнаружилъ стремленіе въ менѣе привычную для него сторону: учреждена была коммиссія кн. Урусова, для замѣны временныхъ правилъ болѣе стройнымъ законодательствомъ о печати. Въ 1871 г. коммиссія окончила свою работу—но составленный ею проектъ остался мертвой буквой, а новеллами 1872 и 1873 гг. были выкованы новыя оружія противъ безоружной печати. Наступилъ длинный періодъ застоя: идти дальше по пути регресса было трудно, а возобновить движеніе впередъ казалось и ненужнымъ, и опаснымъ.

Весной 1880-го года ясно обнаружившаяся безплодность полицейской репрессіи привела къ попыткѣ вступить на другой путь—попыткѣ, которой не дано было выйти изъ фазиса полумѣръ и приготовленій. Какъ и двумя десятилѣтіями раньше, начались колебанія, объектомъ которыхъ больше всего служила печать. „Горизонтъ нѣсколько просвѣтлѣлъ“, говорили мы въ то время [1]); „неужели признаки близкаго преобразованія окажутся обманчивыми? Трудно допустить мысль, чтобы русской печати, какъ и русскому обществу, долго еще суждено было жить изо дня въ день, безъ увѣренности въ слѣдующей минутѣ, безъ опредѣленныхъ, прочныхъ правъ“. Вторая половина 1880-го года принесла съ собою возобновленіе административныхъ взысканій, на время какъ будто сданныхъ въ архивъ—но, вмѣстѣ съ тѣмъ, приступъ къ пересмотру законодательства о печати. Еще болѣе неопредѣленнымъ положеніе вещей сдѣлалось послѣ 1-го марта. Быстро повысилось число административныхъ каръ, какъ бы предвѣщая близкій конецъ „новыхъ вѣяній“. Когда этотъ конецъ сталъ совершившимся фактомъ, періодъ контръ-реформъ наступилъ всего раньше именно для печати. Временныя правила 1882-го года не оставили камня на камнѣ въ томъ немногомъ, что̀ было дано печати эпохою преобразованій. Уменьшились размахи маятника—уменьшились потому, что нормальное его стояніе рѣзко перемѣстилось назадъ, въ область цензурнаго полновластія. Едва-едва, изрѣдка склоняясь въ сторону терпимости, онъ совершалъ, отъ времени до времени, сильные скачки въ противоположномъ направленіи. Печать, которой, повидимому, не̂чего было болѣе терять, подвергалась новымъ ударамъ, не останавливавшимся даже передъ сферой гражданскихъ правъ (временныя правила 1897-го года). Къ возвѣщенному многократно пересмотру законодательства о печати не дѣлалось ни одного

---

[1]) См. „Внутр. Обозрѣніе“ въ № 6 „Вѣстника Европы“ за 1880 г.

шага—да онъ и не привелъ бы къ желанной цѣли, еслибы состоялся при господствѣ недовѣрія къ живымъ силамъ общества, отдѣльно отъ другихъ, не менѣе назрѣвшихъ преобразованій. Повторяемъ сказанное нами годъ тому назадъ: „доставить печати *все* то, на чтò она имѣетъ право, можетъ только пересмотръ, предпринятый *въ добрый часъ*, при счастливыхъ предзнаменованіяхъ, на зарѣ новой эпохи великихъ реформъ".

Приближается ли, наступаетъ ли этотъ „добрый часъ"? Въ пользу утвердительнаго отвѣта говоритъ, съ перваго взгляда, сравнительно широкій просторъ, которымъ пользовалась печать въ теченіе сентября и октября; но значеніе этого факта уменьшается проявленіями дискреціонной административной власти, которыя принесъ съ собою истекшій мѣсяцъ—уменьшается также и воспоминаніями о прошломъ. Возобновленіе колебаній не предрѣшаетъ ихъ окончательнаго исхода. Ничего не предрѣшилъ бы, самъ по себѣ, даже новый законъ, благопріятный для печати—не предрѣшилъ бы потому, что возможной осталась бы частичная или полная, формальная или фактическая его отмѣна. Не проходитъ, впрочемъ, безслѣдно и короткій промежутокъ ничѣмъ не обезпеченной полу-свободы. Подобно тому, какъ глубокій вздохъ облегчаетъ сдавленную грудь, возможность откровенной рѣчи цѣнится тѣмъ выше, чѣмъ дольше продолжалось вынужденное молчаніе. „Печати"—говорили мы почти четверть вѣка тому назадъ [1]), при условіяхъ, во многомъ аналогичныхъ съ современными,— „печати долго приходилось бороться съ противнымъ вѣтромъ, лавировать, ежеминутно опасаясь крушенія. Удивительно ли, что она воспользовалась перемѣной вѣтра, возможностью идти впередъ, по давно намѣченной дорогѣ?.. Періодическая пресса составляетъ легкое передовое войско мысли, пролагающее пути, освѣщающее ихъ со всѣхъ сторонъ, все приготовляющее для движенія. Оставаясь вѣрною самой себѣ, она не можетъ не уходить впередъ, подобно тому, какъ партизанскій отрядъ не можетъ идти въ хвостѣ арміи. Говорить о частностяхъ, не сводя ихъ въ одно цѣлое, не связывая ихъ одной общей идеей, для печати трудно, иногда почти невозможно"... Все это вполнѣ примѣнимо и къ настоящей минутѣ, съ тою только разницею, что теперь гораздо сильнѣе солидарность между прогрессивною печатью и прогрессивною частью общества. Сознавая эту солидарность, печать должна была использовать сегодняшній день, ничего не откладывая на неопредѣленное завтра. Чтò бы ни ожидало насъ въ ближайшемъ будущемъ, голосъ печати, раздавшійся громче и яснѣе, чѣмъ обыкновенно, останется живымъ памятникомъ настроенія,

---

[1]) См. „Внутреннее Обозрѣніе" въ № 10 „Вѣстника Европы" за 1880 г.

широко распространеннаго и все болѣе и болѣе распространяющагося въ русскомъ обществѣ.

Само собою разумѣется, что ничего общаго съ печатью, о которой мы говорили до сихъ поръ, не имѣютъ тѣ немногіе журналы и газеты, которые хранятъ вѣрность до-реформеннымъ взглядамъ и преклоняются передъ завѣтами Каткова. Особенно усердно кампанія противъ „новыхъ вѣяній" велась и ведется, какъ и слѣдовало ожидать, „Московскими Вѣдомостями". Въ безконечномъ рядѣ статей, написанныхъ на эту тему, не лишены интереса только два „Петербургскихъ письма" (третье и четвертое), какъ попытка сгруппировать, въ видѣ оплота противъ нападеній, лучшія—съ точки зрѣнія автора,—стороны настоящаго положенія вещей [1]). „*Свобода* и *правопорядокъ*"—читаемъ мы въ третьемъ письмѣ—„не представляютъ собою ничего реальнаго, практическаго, отвѣчающаго дѣйствительнымъ нуждамъ народа. Упрямое, монотонное: *сдѣлайте по нашему*—составляетъ единственный реальный планъ, заключающій въ себѣ всю коллекцію совѣтовъ правительству... Совершенно иною представляется программа, выработанная правительствомъ въ послѣдніе годы". Дальше идетъ перечисленіе главныхъ пунктовъ этой программы: проектъ крестьянскаго уложенія, пересмотръ постановленій о земельномъ и мелкомъ кредитѣ, организація переселеній, регулированіе продовольственнаго вопроса, поощреніе сельско-хозяйственной промышленности, реформа губернскаго и уѣзднаго управленія, административная децентрализація и соотвѣтственное развитіе общественной самодѣятельности. Таковъ активъ: въ пассивъ ставится только „малая подвижность и неясность въ дѣлѣ средняго и низшаго образованія". „Прорубалась"—продолжаетъ авторъ,—„прорубалась смѣло одна широкая, прямая просѣка въ порасляхъ лѣни, неурядицы, непредпріимчивости, дилеттантизма—просѣка, чтобы дойти правительству и казнѣ въ деревню" и принести туда, щадя вѣковыя деревья, *дѣло* и *деньги*. Въ то же самое время „общество, печать и губернское земство, неутомимо ставя препятствія на пути реформъ и замалчивая или огульно порицая всѣ начинанія центра, шли двумя путями: по верху, въ эмпиреяхъ, неся въ деревню *теорію* и *идею*, и подземнымъ ходомъ, подрываясь подъ корни всего лѣса, неся *пропаганду безпорядка*. Вопросъ за рѣшеніемъ, что надо дать народу: дѣло ли и активную помощь, или навязываемыя обществомъ отвлеченныя, безформенныя идеи, теоріи и планы переустройства основныхъ началъ?..

---

[1]) Подъ третьимъ письмомъ (въ № 311 „Московскихъ Вѣдомостей") стоитъ подпись: Н. П—въ, подъ четвертымъ (въ № 313)—Н. А. Павловъ.

Новаго къ тому, что̀ признало правительство нужнымъ для народа, едва ли что можно добавить".

Нетрудно замѣтить, въ чемъ заключается главный дефектъ этой аргументаціи. Реальное значеніе она признаетъ только за вопросами административными и экономическими. Отметается, такимъ образомъ, вся область политическихъ вопросовъ, интересная, будто бы, только для общества и безразличная для народа. Несостоятельно здѣсь, прежде всего, стремленіе разъединить два понятія, на самомъ дѣлѣ близкія одно къ другому. Общество нельзя противопоставлять народу, въ составъ котораго оно входитъ, изъ среды котораго постоянно пополняется и на который безпрестанно вліяетъ, въ свою очередь испытывая на себѣ его вліяніе. Было время, когда между обществомъ, малочисленнымъ и замкнутымъ, и народомъ, неподвижнымъ и коснымъ, лежала пропасть, вырытая крѣпостнымъ правомъ; интересы привилегированнаго меньшинства были прямо противоположны интересамъ порабощенной массы. Это время прошло; не исчезли еще вполнѣ, но въ значительной степени стерты оставленные имъ слѣды. Образованіе, проникая глубже и глубже, пріобщаетъ все бо̀льшее и бо̀льшее число лицъ къ умственной жизни и возбуждаемымъ ею запросамъ. Путемъ чтенія, бесѣдъ и размышленій расширяется, несмотря на всѣ внѣшнія препятствія, кругозоръ крестьянства. Въ городахъ, въ торговыхъ и промышленныхъ селахъ, на фабрикахъ формируются новые слои населенія, занимающіе средину и образующіе живую связь между обществомъ и народомъ. Сколько бы ни усердствовалъ сотрудникъ г. Грингмута, ему не удастся доказать, что для этихъ слоевъ не нужна свобода, не нуженъ правопорядокъ. Слишкомъ часто и слишкомъ непосредственно имъ приходится убѣждаться въ томъ, что̀ значитъ отсутствіе или крайняя недостаточность обоихъ благъ, столь низко цѣнимыхъ московской газетой. Менѣе сознательно, менѣе опредѣленно, но, быть можетъ, не менѣе сильно оно чувствуется и самой глухой, самой отсталой деревней. Не будетъ парадоксомъ, если мы скажемъ, что для той части общества, къ которой принадлежитъ г. Н. П—въ, свобода и правопорядокъ имѣютъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ для народа. Кто обезпеченъ матеріально и стоитъ ближе къ верхнимъ, чѣмъ къ нижнимъ ступенямъ общественной лѣстницы, кто никогда не позволяетъ себѣ выходить изъ рядовъ „согласно мыслящихъ" и вступать въ разладъ съ властью, кто равнодушенъ къ правонарушеніямъ, пока они не касаются его лично, — тому легко мириться съ любыми ограниченіями свободы и любыми отступленіями отъ правопорядка; но совершенно инымъ является положеніе тѣхъ, кто ничѣмъ не защищенъ отъ естественныхъ послѣдствій безправія и связанности—или не можетъ

спокойно ихъ видѣть, хотя бы они и не затрогивали его „стоящую съ краю хату".

Покончивъ однимъ почеркомъ пера съ политикой, г. П—въ совершенно забываетъ о томъ, что въ програму его противниковъ, какъ и въ его собственную, входятъ и экономическіе, и административные вопросы, только иначе освѣщенные и поставленные въ тѣсную связь съ преобразованіями болѣе общаго характера. Свобода и правопорядокъ необходимы и драгоцѣнны не только сами по себѣ, но и какъ средства къ достиженію общаго благосостоянія и благоустройства. Безъ достаточной свободы, безъ твердо установленныхъ, ненарушимыхъ правъ, общественныхъ и личныхъ, немыслимъ широкій, прочный успѣхъ частныхъ мѣропріятій. Много ли поможетъ земельный и всякій другой кредитъ, даже хорошо задуманный и устроенный, если пользоваться имъ придется населенію угнетенному, невѣжественному, лишенному самостоятельности и иниціативы? Мыслимо ли, при такихъ условіяхъ, поднятіе сельско-хозяйственной промышленности— на это данъ достаточно ясный отвѣтъ большинствомъ мѣстныхъ комитетовъ. Съ неменьшей ясностью показалъ опытъ, что продовольственное дѣло не подъ силу должностнымъ лицамъ, къ которымъ оно перешло отъ земскихъ учрежденій. Что такое „проектъ крестьянскаго уложенія", какую будущность онъ сулитъ искусственно обособляемому крестьянству—это слишкомъ хорошо извѣстно. Тѣмъ же духомъ проникнутъ проектъ реформы губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій, отъ котораго можно ожидать не развитія, а стѣсненія общественныхъ силъ и личной самодѣятельности. Перенесеніе нѣкоторыхъ административныхъ функцій сверху внизъ, съ сохраненіемъ за администраціей прежней власти и прежнихъ полномочій, было бы простой перемѣной декорацій, можетъ быть пріятной для зрѣнія, но не вносящей ничего новаго въ ходъ дѣйствія... Таково настоящее значеніе „программы", восхваляемой г. П—вымъ. Необходимы, конечно, преобразованія и въ области экономической, и въ области мѣстнаго управленія и самоуправленія, и въ юридическомъ строѣ крестьянства — но необходимы въ направленіи прямо противоположномъ тому, которое отстаиваетъ реакціонная газета. И какъ характерно умолчаніе г. П—ва объ „укрѣпленіи завѣтовъ вѣротерпимости", отнесенномъ, въ манифестѣ 26-го февраля 1903-го года, къ числу важнѣйшихъ задачъ правительственной власти! Какъ характерно, что единственный, въ его глазахъ, недостатокъ превозносимой имъ программы—„неясность въ дѣлѣ средняго и низшаго образованія народа"! Чего же, въ сущности, желалъ бы въ этой послѣдней сферѣ г. П—въ? Возстановленія въ гимназіяхъ классицизма временъ гр. Д. Толстого? Изъятія начальныхъ школъ изъ вѣдѣнія земства? Ограниченія

народнаго образованія одною грамотностью?.. Въ концѣ концовъ „просѣка", о которой говоритъ г. П—въ, представляется, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ старой, узкой, до невозможности изъѣзженной дорогой въ безправную и забитую деревню. На этой дорогѣ дѣйствительно нѣтъ мѣста для „идей"—но отсюда еще не слѣдуетъ, что онѣ не находятъ и не будутъ находить доступа въ деревню.—Gedanken sind zollfrei: движеніе мысли нельзя загородить таможенными заставами. Тотъ путь „по верху", противъ котораго возстаетъ г. П—въ, хорошъ и дорогъ именно тѣмъ, что его общедоступность противодѣйствуетъ устройству „подземныхъ ходовъ"...

Въ четвертомъ „Петербургскомъ письмѣ" г. Н. Павловъ, возставая противъ равноправности [1]), какъ одного изъ ненавистныхъ ему пожеланій, старается доказать, что отъ ея осуществленія пострадало бы... одно только крестьянство. Такихъ правъ, которыхъ лишились бы крестьяне въ случаѣ уравненія сословій, насчитывается цѣлыхъ девять. Вотъ этотъ перечень, бросаемый г. Павловымъ въ видѣ вызова противникамъ [2]): 1) право на неотъемлемость, неотчуждаемость 100 милліоновъ десятинъ сословной крестьянской земли; 2) право на льготы по взысканіямъ всякихъ долговъ; 3) право на пользованіе землями сибирскихъ степей, предоставленное преимущественно крестьянамъ; 4) право на особыя льготы при переселеніяхъ, предоставленное только крестьянамъ; 5) право пользоваться особыми льготами крестьянскаго банка, дарованное преимущественно крестьянамъ; 6) право на арендованіе казенныхъ земель; 7) право на свой судъ; 8) право на всевозможныя льготы: прощеніе, сложеніе, отсрочка недоимокъ, выкупныхъ и тому подобныхъ казенныхъ долговъ, даруемыя единою волею самодержавныхъ государей; 9) право участія въ земствѣ, въ самоуправленіи, въ составѣ всѣхъ земельныхъ собственниковъ. Съ теченіемъ времени это право должно расширяться, предоставляя широкое участіе именно крестьянскаго сословія въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, для пользы его главнымъ образомъ и созданныхъ"... Очень жаль, что этотъ перечень не былъ сочиненъ тремя мѣсяцами раньше, т.-е. до Всемилостивѣйшаго Манифеста 11-го августа: въ

---

[1]) Любопытно отмѣтить, для характеристики общаго духа „Петербургскихъ писемъ", что равноправность, по мнѣнію г. Павлова, означаетъ не только уничтоженіе сословности, но и уничтоженіе... административной власти! Итакъ, равноправность—синонимъ анархіи?!..

[2]) По истинѣ прелестна форма этого вызова, напоминающаго извѣстное обращеніе Корнелевскаго Сида: „Осмѣльтесь же вы, писатели газетъ (слѣдуетъ перечисленіе, ставящее „Новое Время" рядомъ съ „Русскими Вѣдомостями", легальные органы рядомъ съ нелегальными), опровергнуть мое объясненіе людямъ сословій, крестьянамъ, которыхъ вы такъ долго и такъ низко обманываете! Попробуйте опровергнуть мою правду"!

его составъ вошло бы тогда, безъ сомнѣнія, *право* крестьянъ на тѣлесное наказаніе, которое еще недавно провозглашалось именно льготой для „низшаго рода людей"! Совершенно аналогичнымъ является *право* крестьянъ на свой судъ—судъ, отъ котораго открещивается значительная часть народной массы, судъ, единственное, да и то спорное преимущество котораго (возможность рѣшенія по обычаю) безпрепятственно можетъ быть сохранено и при подчиненіи крестьянъ общему суду. Изъ остальныхъ правъ, перечисляемыхъ г. Павловымъ, одни (№№ 3, 4, 5, 6) принадлежатъ крестьянамъ не какъ членамъ особаго сословія, а какъ мелкимъ землевладѣльцамъ-земледѣльцамъ, и конечно были бы оставлены за ними и въ случаѣ паденія искусственной стѣны, окружающей крестьянство. Льготами, поименованными подъ № 8, пользуются и могутъ пользоваться всѣ общественные классы; если значительнѣйшая ихъ часть приходится, de facto, на долю крестьянства, то это объясняется тѣмъ, что оно составляетъ наиболѣе многочисленную и наименѣе обезпеченную группу населенія. Предоставленныя крестьянамъ льготы по взысканію долговъ (№ 2) ничѣмъ, по существу, не отличаются отъ однородныхъ льготъ, принадлежащихъ, за силою устава гражданскаго судопроизводства (ст. 973—975), лицамъ всѣхъ вообще сословій. Неотчуждаемость крестьянской надѣльной земли (№ 1) не можетъ быть разсматриваема какъ право крестьянъ, для которыхъ она очень часто является, наоборотъ, весьма чувствительнымъ правоограниченіемъ: въ основаніи ея лежатъ соображенія общегосударственнаго характера. Правомъ на участіе въ земствѣ, въ самоуправленіи (№ 9) крестьяне обладаютъ въ меньшей степени, чѣмъ землевладѣльцы другихъ сословій: они выбираютъ не гласныхъ, а кандидатовъ въ гласные, и въ земскихъ собраніяхъ обречены, со времени изданія положенія 1890-го года, на безнадежное большинство. Крестьяне личные землевладѣльцы вовсе исключены, тѣмъ же положеніемъ, изъ числа избирателей. Указаніе на дальнѣйшее расширеніе избирательныхъ правъ крестьянства менѣе всего умѣстно на страницахъ реакціонной газеты, всегда стоявшей и стоящей за привилегіи высшихъ общественныхъ классовъ. Во что же обращаются, въ виду всего вышесказаннаго, тѣ пресловутыя крестьянскія *права*, на которыя посягаютъ, будто бы, злые прогрессисты?...

Въ „Новомъ Времени" (№ 10314) появился недавно любопытный впервые оглашенный документъ: записка князя Александра Иларіоновича Васильчикова, написанная лѣтомъ 1881-го года, незадолго до его смерти, по поводу состоявшагося тогда (перваго при гр. Игнатьевѣ) призыва свѣдущихъ людей. Признавая необходимымъ

„участіе земскихъ людей, мѣстныхъ жителей въ законодательныхъ вопросахъ“, авторъ записки предлагаетъ образовать изъ представителей земства и городовъ, вмѣстѣ съ членами отъ правительства, „Главный комитетъ для устройства сельскихъ и городскихъ состояній“, который составлялъ бы первую законосовѣщательную инстанцію; второю оставался бы Государственный Совѣтъ. Проекты, отвергнутые комитетомъ, не должны, по мысли автора, имѣть дальнѣйшаго хода; проекты, принятые какъ комитетомъ, такъ и Государственнымъ Совѣтомъ, подносятся на Высочайшее утвержденіе, причемъ, для ихъ объясненія, присутствуютъ предсѣдатели обоихъ учрежденій или вызываются особыя депутаціи. Предвидя, что этотъ планъ не удовлетворитъ тѣхъ, кто стоитъ за народное представительство, какъ за „единственный исходъ изъ современныхъ смутъ“, кн. А. И. Васильчиковъ продолжаетъ: „хотя мы также признаемъ представительныя собранія лучшими органами государственнаго и общественнаго управленія, но положительно не видимъ возможности ввести ихъ въ настоящее время въ Россіи, не потому, чтобы они угрожали какой-либо опасностью правительству, но потому, что они не имѣли бы никакой опоры въ народѣ“. Съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти слова, прошла почти четверть вѣка; народились новыя поколѣнія, новые взгляды, новыя нужды, многое измѣнилось до неузнаваемости. Записка кн. А. И. Васильчикова представляетъ теперь интересъ исключительно историческій. Читая ее, невольно жалѣешь о томъ, что не исполнились, въ свое время, столь умѣренныя пожеланія, не была осуществлена столь скромная реформа. Еслибы голосъ кн. Васильчикова былъ тогда услышанъ, не наступила бы, можетъ быть, эпоха контръ-преобразованій, послѣдствія которой такъ тяжело теперь чувствуются Россіей.

Записка кн. А. И. Васильчикова доставлена въ „Новое Время“ его сыномъ, кн. Б. А. Васильчиковымъ (бывшимъ новгородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и псковскимъ губернаторомъ), въ декабрѣ прошлаго года. Знаменательна эта дата: она свидѣтельствуетъ о томъ, каково было еще недавно положеніе нашей печати. Были, очевидно, „независящія обстоятельства“, не позволявшія подходить, хотя бы издалека, къ вопросу, съ начала восьмидесятыхъ годовъ ставшему запретнымъ... Не лишены значенія и нѣкоторыя замѣчанія, предпосланныя кн. Б. А. Васильчиковымъ запискѣ князя Александра Иларіоновича. „Въ данную минуту“, говоритъ князь, „въ сумракѣ петербургскихъ канцелярій чиновники заняты пересмотромъ всѣхъ наиболѣе существенныхъ частей Свода Законовъ; судебная часть, земское положеніе, крестьянское управленіе, губернскія учрежденія, все это признано высшимъ правительствомъ подлежащимъ измѣненію. Очевидно, предстоитъ громадная законодательная работа, и вся Рос-

сія съ затаеннымъ дыханіемъ ждетъ ея осуществленія. Остается задать вопросъ: существующій законодательный механизмъ соотвѣтствуетъ ли предъявляемымъ къ нему требованіямъ? Опытъ послѣднихъ лѣтъ даетъ на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ. Механизмъ устарѣлъ, заржавѣлъ, работаетъ медленно, съ ничѣмъ не оправдываемыми застоями; довѣріе къ его работоспособности утрачивается". Сославшись, въ видѣ примѣра, на судьбу уставовъ лечебнаго и ветеринарнаго, кн. В. А. Васильчиковъ приходитъ къ заключенію, что „настало время изыскать новые пути для осуществленія предстоящихъ реформъ, вывести подготовительную законодательную дѣятельность изъ мрака петербургскихъ канцелярій".

Продолжая разборъ трудовъ редакціонной коммиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ, мы остановимся, на этотъ разъ, на проектѣ сельскаго устава о договорахъ. Въ предисловіи къ проекту насъ поражаютъ, прежде всего, противорѣчія, которыми вообще такъ богаты работы коммиссіи. „Одновременное существованіе въ государственной жизни"—говоритъ коммиссія—„двухъ отдѣльныхъ системъ гражданскаго права: писанной, т.-е. общаго гражданскаго закона, и неписанной, т.-е. обычаевъ, примѣняемыхъ во внутреннихъ отношеніяхъ извѣстныхъ группъ и слоевъ населенія, не можетъ не вызывать между ними постоянной борьбы, результатомъ которой всюду и всегда является побѣда закона надъ обычаемъ... Законодатель долженъ не только не препятствовать гражданско-правовому сближенію крестьянства съ остальными сословіями, но, напротивъ, всячески способствовать этому сближенію, ибо населеніе страны можетъ сплотиться въ цѣльный и сильный общественный организмъ не прежде, чѣмъ всѣ его составныя части придутъ къ полному объединенію въ сферѣ гражданскаго права". Изъ этихъ посылокъ вытекаетъ, повидимому, одно неизбѣжное заключеніе: гражданскій кодексъ долженъ быть одинъ для всѣхъ сословій, а удержавшіеся еще въ народной массѣ обычаи должны быть обречены на постепенное вымираніе, безъ закрѣпленія ихъ словомъ закона. Иначе разсуждаетъ коммиссія: она не только признаетъ необходимость особаго сельскаго устава о договорахъ, но прямо вводитъ въ него немало элементовъ обычнаго права. Сельскій уставъ о договорахъ, по ея словамъ, не долженъ „являться лишь упрощеннымъ, со стороны внѣшняго изложенія, и сокращеннымъ, примѣнительно къ встрѣчающимся въ крестьянскомъ быту обязательственнымъ правоотношеніямъ, сборникомъ нормъ нашего общаго договорно-обязательственнаго права. Съ одной стороны, въ уставъ должны быть внесены нѣкоторыя правила, въ общегражданн-

скомъ обязательственномъ правѣ отсутствующія, а съ другой—цѣлый рядъ началъ этого права долженъ подвергнуться значительному измѣненію, главнымъ образомъ въ смыслѣ ихъ упрощенія, т.-е. пріуроченія къ болѣе примитивнымъ потребностямъ гражданскаго оборота деревни". Въ концѣ концовъ, такимъ образомъ, создается именно то, что заранѣе осуждено коммиссіей: одна подлѣ другой ставятся двѣ различныя системы договорнаго права. Правда, коммиссія оговаривается, что „отступленія отъ гражданскихъ законовъ должны быть допускаемы въ проектируемомъ уставѣ лишь въ мѣрѣ ихъ дѣйствительной необходимости"; но какимъ путемъ установляется, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, такая необходимость? Было ли произведено коммиссіей подробное изслѣдованіе, съ цѣлью выяснить, на мѣстахъ, правовыя воззрѣнія крестьянъ? Были ли опрошены ею хотя бы уѣздные члены окружныхъ судовъ, соединяющіе общее юридическое образованіе съ знаніемъ особенностей мѣстной сельской правовой жизни? Нѣтъ: главнымъ руководствомъ послужилъ для нея матеріалъ, собранный, тридцать лѣтъ тому назадъ, коммиссіей сенатора Любощинскаго и вскорѣ послѣ того разработанный въ сочиненіяхъ И. Г. Оршанскаго и С. В. Пахмана... Присмотримся поближе къ нѣкоторымъ изъ числа примѣровъ, которыми коммиссія мотивируетъ необходимость особыхъ юридическихъ нормъ, приспособленныхъ къ условіямъ сельскаго быта.

„Общность крестьянскихъ пастбищъ"—читаемъ мы въ предисловіи къ проекту — „вызвала въ сельскомъ быту появленіе договора о наймѣ общественнаго пастуха—договора, весьма отличнаго по своей юридической природѣ отъ прочихъ видовъ личнаго найма". Чѣмъ же выразилось, въ проектѣ устава, это различіе? Найму пастуховъ крестьянскими обществами посвящено пять статей (123—127), изъ которыхъ первая содержитъ въ себѣ только ссылку на общія правила о личномъ наймѣ. По ст. 124 рядная плата пастуху можетъ быть назначена или оптомъ, или по числу чередовъ либо головъ составляющаго мірское стадо скота. Это правило совершенно ненужно, потому что способъ разсчета между нанимателемъ и нанимаемымъ никакимъ закономъ не предопредѣленъ и совершенно зависитъ отъ усмотрѣнія договаривающихся сторонъ. Легко представить себѣ такой случай, когда рядная плата назначена не по одному изъ масштабовъ, указанныхъ въ ст. 124-ой, а, напримѣръ, по цѣнности скота; недѣйствителенъ ли, съ точки зрѣнія составителей устава, такой договоръ?... Статья 125-ая говоритъ о порядкѣ опредѣленія числа чередовъ или головъ скота, опять-таки безъ всякой надобности стѣсняя контрагентовъ въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли. Ст. 126-ая говоритъ объ отвѣтственности общества за домохозяевъ, уклоняющихся

отъ внесенія слѣдующей съ нихъ рядной платы; между тѣмъ, такая отвѣтственность разумѣется сама собою, разъ что договоръ найма съ пастухомъ заключенъ не отдѣльными домохозяевами, а цѣлымъ обществомъ. Столь же излишней представляется и ст. 127-ая, опредѣляющая отвѣтственность пастуха передъ обществомъ совершенно согласно съ установляемыми самою коммиссіею (ст. 176 — 179) общими правилами вознагражденія за убытки... По мнѣнію коммиссіи, въ сельскомъ уставѣ о договорахъ необходимы „нѣсколько иныя", чѣмъ въ общемъ гражданскомъ кодексѣ, правила о земельной арендѣ, потому что въ крестьянскомъ быту земля нанимается обыкновенно на непродолжительное время; между тѣмъ, краткосрочные наемные договоры предусмотрѣны проектомъ гражданскаго уложенія (ст. 281, 311 и 312 и др.), дающимъ отвѣтъ и на другіе вопросы, разрѣшаемые въ проектѣ устава (ст. 70—76) спеціально по отношенію къ арендѣ земли... Проектъ устава о договорахъ, сравнительно съ проектомъ уложенія, предоставляетъ должнику больше льготъ относительно отсрочки и разсрочки долга и допускаетъ большій просторъ для словесной формы договоровъ. Одно изъ двухъ: если эти льготы имѣютъ достаточное оправданіе, ихъ слѣдуетъ возвести на степень общаго правила; въ противномъ случаѣ для нихъ не должно быть мѣста ни въ общемъ, ни въ частномъ законодательствѣ. Мы стоимъ скорѣе за первое рѣшеніе вопроса, но не видимъ никакой причины установлять, въ этомъ отношеніи, какое-либо различіе между сословіями или классами общества. Недостаточныхъ людей, нуждающихся въ снисхожденіи, много и не въ средѣ сельскаго населенія; много, внѣ крестьянства, и людей безграмотныхъ или малограмотныхъ, для которыхъ обременительно и непривычно письменное выраженіе воли. Чѣмъ меньше въ законѣ ненужныхъ стѣсненій и излишней требовательности, тѣмъ лучше—но вѣсъ и мѣра должны быть здѣсь для всѣхъ одни и тѣ же, не измѣняясь въ зависимости отъ мѣста жительства сторонъ и другихъ случайныхъ обстоятельствъ.

Несмотря на свою сравнительную краткость (204 статьи, вмѣсто 1106, изъ которыхъ состоитъ книга объ обязательствахъ въ проектѣ гражданскаго уложенія), сельскій уставъ о договорахъ содержитъ въ себѣ вообще много излишняго. Иногда онъ считаетъ нужнымъ объяснять то, что̀ понятно и безъ объясненій или становится отъ нихъ менѣе яснымъ. Такъ напримѣръ, ст. 31-ая, говоря о *существенныхъ недостаткахъ* проданной вещи, дающихъ покупщику право требовать отмѣны продажи или уменьшенія покупной цѣны, прибавляетъ: „*существенными* признаются недостатки, которые въ значительной степени уменьшаютъ цѣнность имущества или пригодность его къ употребленію". Эта тавтологія не только не нужна—она можетъ сбить

съ толку малоразвитыхъ и неопытныхъ судей, такъ какъ предусматриваетъ лишь *уменьшеніе*, но не полное *уничтоженіе* цѣнности проданнаго имущества. Столь же неудачно и ненужно объясненіе, въ ст. 57, понятія о необходимыхъ починкахъ, возлагаемыхъ на наймодавца: „необходимыми признаются починки, которыя, безъ значительнаго ущерба для нанимателя, не могутъ быть отложены до окончанія срока найма". Статья 38-ая, возлагающая на покупщика подворнаго или усадебнаго участка, со времени утвержденія купчаго акта уѣзднымъ членомъ окружнаго суда, послѣдствіи случайнаго уничтоженія или поврежденія находящихся на участкѣ построекъ и т. п., излишня въ виду ст. 37-ой, по которой участокъ, со времени утвержденія акта, считается перешедшимъ къ покупщику. Иногда уставъ даетъ юридическія опредѣленія, иногда, при одинаковыхъ условіяхъ, воздерживается отъ нихъ: опредѣляется, напримѣръ, заемъ, опредѣляется запродажа, но не опредѣляется наемъ недвижимыхъ имуществъ. Статья 6-ая гласитъ: „займомъ называется договоръ, по которому одна сторона передаетъ другой *опредѣленную сумму денегъ*, подъ условіемъ *возврата равной суммы*"; между тѣмъ, по той же статьѣ предметомъ займа могутъ служить и хозяйственные припасы, а по ст. 7-ой къ возврату занятой суммы можетъ быть присоединено денежное вознагражденіе, именуемое процентами. Къ чему же давать опредѣленіе, разъ что оно не обнимаетъ собою опредѣляемое во всемъ его объемѣ?

Составляя сельскій уставъ о договорахъ, редакціонная коммиссія, какъ мы уже видѣли, вовсе не предполагала упразднить, этимъ путемъ, дѣйствіе обычнаго права. Въ уставъ включено немало статей, прямо допускающихъ примѣненіе мѣстнаго обычая. Тѣмъ труднѣе понять, зачѣмъ коммиссіи понадобилось вводить въ уставъ правила, почерпнутыя изъ обычнаго права—или, лучше сказать, изъ того, что̀ болѣе или менѣе произвольно, безъ твердыхъ основаній, принято коммиссіей за сохранившійся до сихъ поръ обычай? Возможность руководствоваться обычаемъ, рядомъ съ закономъ, допущена, въ извѣстныхъ случаяхъ, и проектомъ гражданскаго уложенія, какъ была допущена, для мировыхъ учрежденій, уставомъ гражданскаго судопроизводства. При такомъ отношеніи къ обычаю вымираніе его могло бы совершиться само собою, послѣ того какъ все цѣнное изъ него, точно приведенное въ ясность, было бы введено въ составъ общаго законодательства. Суды перестали бы примѣнять исчезнувшіе обычаи, за исключеніемъ развѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, сохранила бы гдѣ-нибудь силу та или другая юридическая особенность. Сближеніе правоотношеній, существующихъ въ сельскомъ быту, съ обще-гражданскими правовыми нормами признаетъ желательнымъ и

редакціонная коммиссія, предполагая, что оно будетъ достигнуто путемъ дополненія и измѣненія крестьянскаго кодекса, а также путемъ его разъясненія. Первый путь—медленный и трудный: опытъ удостовѣряетъ, что постановленія гражданскаго права, однажды изданныя, отличаются особою устойчивостью. Еще менѣе надеженъ второй путь: разъясненія „крестьянскаго" устава, исходя отъ губернскихъ присутствій, многочисленныхъ и мало компетентныхъ, могутъ пойти въ разрѣзъ съ разъясненіями общегражданскаго уложенія, исходящими отъ правительствующаго сената, и увеличить, такимъ образомъ, разстояніе между обоими кодексами, къ явному вреду для правосудія и для государственнаго единства.

Все сказанное до сихъ поръ возвращаетъ насъ къ вопросу, съ которымъ мы уже столько разъ встрѣчались при разборѣ трудовъ редакціонной коммиссіи: изъ-за чего предпринимается вся эта ненормальная постройка спеціальныхъ сельскихъ уставовъ, рядомъ съ общимъ государственнымъ законодательствомъ? Изъ-за желанія сохранить во что бы то ни стало сословный крестьянскій судъ, съ обширной компетенціей (необходимой, въ свою очередь, для сохраненія, въ настоящемъ его видѣ, института земскихъ начальниковъ). Стòитъ только преобразовать волостной судъ въ низшую судебную инстанцію, органически связанную съ общимъ судебнымъ строемъ, поднять его умственный уровень и ограничить кругъ его дѣйствій самыми простыми, самыми малоцѣнными дѣлами, съ оставленіемъ за нимъ права руководствоваться мѣстными обычаями—и надобность въ сельскомъ уставѣ о договорахъ, какъ и въ сельскомъ уставѣ о наказаніяхъ, исчезнетъ само собою.

Какъ широко распространено отрицательное отношеніе къ главнымъ началамъ, положеннымъ въ основаніе трудовъ редакціонной коммиссіи—объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, мнѣніе генерала-отъ-инфантеріи Г. И. Бобрикова, заявленное въ волынскомъ губернскомъ совѣщаніи и напечатанное затѣмъ въ видѣ отдѣльной брошюры. „Напрасно"—читаемъ мы здѣсь—„приписываютъ нашему крестьянству такія нравственныя превосходства предъ другими сословіями, которыя, будто бы, дѣлаютъ его оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ теченій. Напрасно приписываютъ нашему крестьянству склонность къ особому общественному строю". Выразивъ сожалѣніе о томъ, что судебные уставы 1864-го года не коснулись крестьянскаго суда, генералъ Бобриковъ продолжаетъ: „къ прискорбію, злоба дня пренебрегла ихъ прочными основами, построивъ рядомъ шаткое зданіе закона 12 іюля 1889 г. Мировыя судебныя учрежденія, обладая способностью примѣняться къ явленіямъ текущей жизни съ наимень-

шимъ формализмомъ и наибольшею гибкостью, всего болѣе подходятъ къ условіямъ деревенскаго строя"; но они должны быть „представителями чисто судебнаго начала, безъ другихъ примѣсей, въ особенности административной. Скорѣе мировымъ судьей можетъ быть не юристъ, чѣмъ дать ему въ руки какую-либо власть управленія... Неудачные результаты сорокатрехлѣтняго опыта должны намъ указать вѣрный путь къ устройству органовъ мѣстной правительственной власти. На первомъ планѣ должно стоять объединеніе всѣхъ проявленій общественной жизни, а не сословная изолированность, выдвигаемая редакціонною коммиссіею, вопреки явно причиненнаго ею вреда". Не усматривая нигдѣ способности къ самодѣятельности, генералъ Бобриковъ объясняетъ это тѣмъ, что „такой дѣятельности не только не требуется, но принимаются всѣ мѣры, чтобы искрѣ самостоятельности не дать разгорѣться... Всеобъемлющая опека, доведенная до крайнихъ предѣловъ, построена на ложныхъ, прямо опасныхъ началахъ". Свою рѣшимость высказаться откровенно и громко генералъ Бобриковъ мотивируетъ „грознымъ призракомъ надвигающагося съ Востока народнаго бѣдствія". И это вполнѣ понятно: въ такую минуту, какъ переживаемая нами теперь, обязательно прямое указаніе на глубоко лежащія причины, задерживающія и извращающія теченіе русской жизни.

Въ иллюстраціяхъ къ тезису, затронутому генераломъ Бобриковымъ—къ вопросу о неудобствахъ соединенія властей и административной опеки — никогда не бываетъ недостатка. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько фактовъ, недавно оглашенныхъ въ печати. Въ обоянскомъ (курской губерніи) уѣздномъ земскомъ собраніи, гласные земскіе начальники запретили волостнымъ старшинамъ, состоящимъ гласными отъ крестьянъ, принять участіе въ баллотировкѣ одного изъ вопросовъ, подлежавшихъ разрѣшенію собранія. Въ брянскомъ (орловской губерніи) уѣздномъ земскомъ собраніи гласный-крестьянинъ, несущій обязанности попечителя въ основанной имъ школѣ, заявилъ, что, получивъ приглашеніе на экзаменъ, не могъ пройти дальше прихожей, такъ какъ всѣ мѣста въ школѣ оказались занятыми. На вопросъ предсѣдателя собранія, почему онъ не сказалъ объ этомъ земскому начальнику (предсѣдательствовавшему въ экзаменаціонной коммиссіи), гласный отвѣчалъ: „я и думалъ сказать, да раздумалъ, потому онъ земскій начальникъ, а я крестьянинъ; неровенъ часъ, а вдругъ не потрафишь, не понравится ему это... бѣда"! Корреспондентъ „Новаго Времени", г. Носиловъ, сообщая (безъ означенія мѣстности) о бѣдственномъ положеніи семей, кормильцы которыхъ призваны на войну, пишетъ: „Что же земскіе начальники? Земскіе начальники по прежнему окружены неприступной крѣпостью изъ бумагъ, предписаній и своего во-

лостного начальства, даже порою не допуская къ себѣ съ жалобами, даже не желая выслушивать нужды деревни". Всего поразительнѣе слѣдующее извѣстіе, напечатанное въ „Новомъ Времени" (№ 10302). Помѣщикъ Муравьевъ крикнулъ крестьянину Панфилову, чтобы онъ не смѣлъ проходить мимо его дома; но тотъ, не оборачиваясь, прошелъ въ церковь. Въ этомъ поступкѣ земскій начальникъ дмитровскаго уѣзда (орловской губерніи) усмотрѣлъ самоуправство и подвергъ Панфилова взысканію. Въ уѣздномъ съѣздѣ выяснилось, между прочимъ, что Панфиловъ глухъ. Послѣ того, какъ Панфиловъ подалъ кассаціонную жалобу на рѣшеніе съѣзда, онъ былъ внезапно арестованъ и посаженъ въ тюрьму, по распоряженію губернатора. Родственники его поѣхали въ Петербургъ съ жалобой на губернатора къ бывшему министру внутреннихъ дѣлъ, В. К. Плеве, но министръ сказалъ, что онъ не допускаетъ и мысли, что губернаторъ могъ такъ поступить, какъ изложено въ ихъ жалобѣ, и потому оставилъ ее безъ удовлетворенія и разслѣдованія. Послѣ смерти министра, родственники Панфилова вновь обратились съ тою же жалобой къ его замѣстителю, и, по предписанію изъ Петербурга, крестьянинъ Панфиловъ былъ наконецъ освобожденъ изъ тюрьмы, гдѣ пробылъ $2^1/_2$ мѣсяца... Если этотъ разсказъ вѣренъ дѣйствительности, чрезвычайно желательно было бы получить его оффиціальное разъясненіе и узнать, чѣмъ было вызвано заключеніе въ тюрьму человѣка, виновнаго только въ обжалованіи явно несправедливаго приговора. Неужели Панфиловъ, проходя мимо помѣщичьяго дома, угрожалъ, тѣмъ самымъ, общественному порядку и общественной безопасности и подвергалъ себя дѣйствію положенія объ усиленной охранѣ?..

Четырнадцать лѣтъ тому назадъ вопросъ объ условномъ осужденіи, начинавшемъ тогда проникать въ западно-европейскія законодательства, разсматривался четвертымъ международнымъ пенитенціарнымъ конгрессомъ, собравшимся въ С.-Петербургѣ [1]). Докладчики по этому вопросу, къ числу которыхъ принадлежали два русскихъ юриста (А. К. Вульфертъ и В. К. Случевскій), стояли за утвердительное его разрѣшеніе; въ томъ же смыслѣ, если мы не ошибаемся, высказалось и большинство конгресса. Иначе, къ сожалѣнію, отнеслись къ вопросу составители уголовнаго уложенія: они не признали возможнымъ ввести въ него институтъ условнаго осужденія, находя, что осуществленіе его было бы сопряжено съ слишкомъ большими техническими затрудненіями. Образовавшійся такимъ образомъ пробѣлъ

[1]) См. „Внутреннее Обозрѣніе" въ № 5 „Вѣстника Европы" за 1890 г.

не былъ пополненъ и при обсужденіи уложенія въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ прошломъ году вопросъ объ условномъ осужденіи былъ, однако, вновь поставленъ въ оффиціальныхъ сферахъ и внесенъ на разсмотрѣніе коммиссіи, учрежденной съ цѣлью подготовить введеніе въ дѣйствіе новаго уложенія. Въ послѣдніе мѣсяцы имъ занимались почти всѣ наши юридическія общества. Особенно подробно онъ былъ дебатированъ въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ, въ засѣданіяхъ 6 и 13 ноября, по докладу трехъ лицъ, изъ которыхъ С. К. Гогель выступилъ безусловнымъ сторонникомъ, М. М. Боровитиновъ— безусловнымъ противникомъ условнаго осужденія, а В. Д. Набоковъ, находя ошибочною идею этого института, не возражалъ противъ введенія его у насъ въ томъ ограниченномъ объемѣ, въ какомъ онъ принятъ на Западѣ.

Проектъ, составленный въ министерствѣ юстиціи и служившій предметомъ преній юридическихъ обществъ, допускаетъ условное осужденіе—т.-е. отсрочку наказанія—по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ, за которыя виновный присужденъ къ заключенію въ крѣпости на срокъ не свыше одного года, или къ заключенію въ тюрьмѣ, или къ аресту, или къ денежной пенѣ въ размѣрѣ не свыше 500 рублей, если осужденный, по своему возрасту, состоянію, чистосердечному сознанію и прежнему безупречному поведенію, а равно въ виду возмѣщенія имъ потерпѣвшему ущерба и другихъ обстоятельствъ, заслуживаетъ такого снисхожденія. Отсрочка наказанія назначается на три года, если виновный осужденъ за проступокъ, и на пять лѣтъ, если онъ осужденъ за преступленіе. Суду предоставляется, при этомъ, потребовать отъ осужденнаго представленія залога въ размѣрѣ не свыше 500 рублей. Если осужденный, въ теченіе назначенной ему отсрочки, не будетъ признанъ виновнымъ въ совершеніи новаго преступнаго дѣянія, влекущаго за собою арестъ или болѣе строгое наказаніе, то отсроченное наказаніе почитается исполненнымъ, послѣдствія судимости — не существующими; если же осужденный будетъ признанъ виновнымъ въ совершеніи, ранѣе истеченія отсрочки, новаго преступнаго дѣянія, влекущаго за собою арестъ или болѣе строгое наказаніе, то онъ подвергается, сверхъ наказанія за вновь совершенное преступное дѣяніе, и тому наказанію, которое было отсрочено.

Особенно спорными, изъ вышеприведенныхъ постановленій, являются тѣ, которыми опредѣляются условія и размѣры примѣненія условнаго осужденія. Въ Бельгіи и Швейцаріи максимальнымъ наказаніемъ, при которомъ возможно условное осужденіе, признается шестимѣсячное, въ Великобританіи и Канадѣ — двухлѣтнее, во Франціи—пятилѣтнее тюремное заключеніе. Въ петербургскомъ юридическомъ обще-

ствѣ докладчики не возражали противъ максимальной нормы, принятой оффиціальнымъ проектомъ, но большинство голосовъ высказалось за примѣненіе условнаго осужденія при всѣхъ видахъ наказанія, не исключая и тягчайшихъ. Намъ кажется, что такъ далеко идти нельзя: не случайно же условное осужденіе поставлено вездѣ въ сравнительно тѣсныя границы. Въ основаніи его лежитъ предположеніе, что осужденный, болѣе или менѣе случайно совершившій преступное дѣяніе, можетъ быть оставленъ на свободѣ не только безъ вреда или опасности для общества, но и съ пользой для него, выражающейся въ сбереженіи силъ самого осужденнаго и въ уменьшеніи числа содержимыхъ въ мѣстахъ заключенія. По отношенію къ лицамъ, признаннымъ виновными въ тяжкихъ преступленіяхъ, такое предположеніе было бы болѣе чѣмъ рискованнымъ. Немного нашлось бы судей, которые рѣшились бы условно осудить,—т.-е. оставить на свободѣ—убійцу, поджигателя, составителя подложныхъ документовъ. Излишне распространенное закономъ, условное осужденіе или оказалось бы мертвой буквой, или установило бы вопіющее неравенство между осужденными, въ зависимости отъ бòльшей или меньшей снисходительности судей. Легко примириться съ тѣмъ, что изъ двухъ присужденныхъ къ непродолжительному тюремному заключенію одинъ подвергается ему на самомъ дѣлѣ, другой — условно оставляется на свободѣ: дѣянія, наказуемыя тюрьмою, сравнительно неважны и неопасны, и неисполненіе приговора, при совокупности данныхъ, говорящихъ въ пользу осужденнаго, не представляетъ ничего противнаго справедливости. Другое дѣло — каторга: разъ что преступленіе, ею обложенное, вмѣнено въ вину подсудимому, разъ что онъ не оправданъ и не помилованъ, нельзя ставить исполненіе наказанія въ зависимость отъ совершенія новаго преступленія. Если это послѣднее преступленіе само по себѣ неважно, странно было бы признавать его поводомъ къ отправленію на каторгу; если, наоборотъ, оно является тяжкимъ, велика была бы нравственная отвѣтственность судей, произнесшихъ условное осужденіе. Чрезвычайно затруднительнымъ было бы, притомъ, сложеніе двухъ тяжкихъ наказаній — за прежнее преступленіе и за вновь совершенное. Не соглашаясь, поэтому, съ большинствомъ спб. юридическаго общества, мы думаемъ, однако, что проектъ впадаетъ въ противоположную крайность, слишкомъ стѣсняя область условнаго осужденія. Въ виду особеннаго характера правонарушеній, влекущихъ за собою заключеніе въ крѣпости, слѣдовало бы, какъ намъ кажется, допустить условное осужденіе для всѣхъ присуждаемыхъ къ этому наказанію, независимо отъ его продолжительности (наибольшій срокъ заключенія въ крѣпости, по новому уголовному уложенію—шесть лѣтъ). Возможно было бы также распространить

условное осужденіе на нѣкоторыя категоріи преступленій, влекущихъ за собою заключеніе въ исправительномъ домѣ (укажемъ, въ видѣ примѣра, на ст. 121, 122, 129, 130 угол. уложенія).

Перечень условій, при которыхъ возможна отсрочка наказанія (возрастъ, состояніе, и т. п.), докладчики спб. юридическаго общества нашли излишнимъ, и съ ними согласилось большинство членовъ общества. Мы также находимъ, что нѣтъ надобности стѣснять въ этомъ отношеніи усмотрѣніе суда, тѣмъ болѣе, что и въ проектѣ предусматриваются, помимо прямо названныхъ, и „другія обстоятельства", дающія право на снисхожденіе. Совершенно согласны мы съ мнѣніемъ юридическаго общества и по вопросу о залогѣ, требованіе котораго оно признаетъ ненужнымъ и несправедливымъ, устанавливающимъ ничѣмъ не оправдываемую привилегію въ пользу людей богатыхъ,—и по вопросу объ обстоятельствахъ, препятствующихъ примѣненію условнаго осужденія, которыхъ общество допускаетъ гораздо меньше, чѣмъ проектъ. Заслуживаетъ сочувствія и прибавка къ проекту, предложенная С. К. Гогелемъ и одобренная обществомъ: она предоставляетъ присяжнымъ засѣдателямъ признавать осуждаемаго ими подсудимаго имѣющимъ право на отсрочку наказанія.—Чтобы дать понятіе о томъ, въ какой степени желательно и цѣлесообразно было бы введеніе у насъ условнаго осужденія, достаточно сказать, что во Франціи, съ 1891 по 1900 г., условно осуждено 185.918 лицъ, изъ числа которыхъ подверглись наказанію 1.751 (1,8%), а 175.278 (98,2%) окончательно отъ него освобождены.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря (18 ноября) 1904 г.

Парламентская дѣятельность во Франціи.—Споры о клерикализмѣ и о доносахъ въ арміи. — Обличители и защитники министерства Комба. — Нападеніе на генерала Андрѐ.- Внутреннія дѣла въ Австро-Венгріи.—Президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ и внѣшняя ихъ политика.—Положеніе дѣлъ на театрѣ войны съ Японіею.

Осенняя парламентская сессія открылась во Франціи 18 (5) октября, при обстоятельствахъ, предвѣщавшихъ скорый министерскій кризисъ. Кабинетъ Комба успѣлъ возстановить противъ себя не только клерикаловъ и умѣренныхъ прогрессистовъ, но и многихъ передовыхъ республиканцевъ; наибольшее раздраженіе вызывала упорная, слишкомъ продолжительная и прямолинейная борьба съ католичествомъ, приведшая къ формальному разрыву съ Ватиканомъ и поставившая на очередь щекотливый и трудный вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства. Стремленіе ограничить силу и вліяніе клерикализма во Франціи считалось важнѣйшей задачей республики еще со времени Гамбетты; но ни одно министерство не проводило этой программы съ такою безпощадною настойчивостью, какъ кабинетъ Комба. Казалось, что всѣ другіе вопросы внутренней и внѣшней политики принесены въ жертву исключительнымъ заботамъ объ искорененіи монашества; даже спеціальныя вѣдомства, какъ морское и военное, должны были заняться энергическимъ преслѣдованіемъ клерикальныхъ традицій и нравовъ, вмѣсто того, чтобы посвящать все свое вниманіе интересамъ народной обороны. Дѣятельная агитація велась противъ морского министра, Камилла Пельтана, который, будто бы, гораздо болѣе заботился о республиканскихъ убѣжденіяхъ флотскаго персонала, чѣмъ объ успѣшномъ развитіи и техническомъ совершенствѣ самаго флота; для провѣрки этихъ обвиненій назначена была особая коммиссія, которой поручено, между прочимъ, изслѣдовать современное положеніе военно-морского дѣла во Франціи сравнительно съ недавнимъ прошлымъ. Въ ожиданіи результатовъ предпринятаго изслѣдованія, оппозиція пока оставила въ покоѣ Камилла Пельтана и направила свои главные удары противъ его военнаго коллеги, генерала Андрѐ.

Французская армія была издавна предметомъ усерднаго поклоненія и льстиваго ухаживанія со стороны бывшихъ монархическихъ

партій; высшее офицерство, пополняемое въ значительной мѣрѣ представителями прежней аристократіи, держалось большею частью въ сторонѣ отъ республиканскихъ учрежденій или обнаруживало къ нимъ принципіальную холодность, а иногда прямую вражду, хотя и подъ покровомъ внѣшней законности. Во всѣхъ движеніяхъ и интригахъ противъ республики преобладающая роль отводилась военному элементу; на армію разсчитывали и вожди буланжистской кампаніи, и участники „лиги патріотовъ", и организаторы дѣла Дрейфуса, и новѣйшіе націоналисты. Крайне странное и опасное направленіе умовъ проявилось въ дѣятельности офицеровъ главнаго штаба во время Дрейфусовскаго процесса, когда правительство и парламентъ никакъ не могли добиться справедливаго суда по дѣлу, въ которомъ замѣшано было самолюбіе отдѣльныхъ военныхъ начальниковъ; желаніе во что̀ бы то ни стало пріискать улики противъ мнимаго измѣнника возводилось на степень патріотическаго долга и не могло быть поколеблено ни страхомъ законной отвѣтственности, ни усиліями республиканскихъ министровъ. Коренной разладъ между представителями арміи и парламентскимъ правительствомъ выразился тогда съ необычайною рѣзкостью; и онъ сохранилъ всю свою горечь послѣ помилованія Дрейфуса, вторично осужденнаго военнымъ судомъ при помощи нѣкоторыхъ подлоговъ и фальшивыхъ свидѣтельскихъ показаній. Недавно окончился одинъ изъ послѣднихъ судебныхъ эпизодовъ этого печальнаго дѣла: оказалось, что офицеры секретнаго бюро при главномъ штабѣ употребляли казенныя деньги на наемъ и подкупъ свидѣтелей въ реннскомъ процессѣ, съ цѣлью способствовать намѣченной заранѣе развязкѣ. Враждебное республикѣ настроеніе значительной части офицерства питалось неуловимыми и въ то же время могущественными клерикальными вліяніями, съ которыми было почти невозможно бороться; если не сами военные начальники, то ихъ жены и дочери подчиняются авторитету духовенства и монашества, и это обстоятельство неизбѣжно отражалось на поведеніи и образѣ мыслей офицеровъ, искавшихъ успѣха въ военной карьерѣ. Въ обществѣ и печати поддерживался возвышенный—или, вѣрнѣе, восторженный—взглядъ на армію, какъ на воплощеніе лучшихъ національныхъ надеждъ и упованій,—какъ на завѣтную силу, стоящую внѣ и выше партій, и поэтому независимую также отъ властвующей группы республиканцевъ; съ этой точки зрѣнія армія признается какъ будто свободною отъ солидарности съ существующими республиканскими учрежденіями и порядками, и становится оплотомъ будущаго, возможною опорою для всѣхъ реакціонныхъ стремленій и интересовъ. Подобный, искусственно поощряемый анти-республиканскій духъ военнаго класса вызывалъ понятную тревогу въ правительственномъ лагерѣ. Министерство Валь-

дека-Руссо, покончивъ съ дѣломъ Дрейфуса и возбужденною имъ агитаціею націоналистовъ и антисемитовъ, приняло рѣшительныя мѣры противъ клерикализма, выработало и провело въ палатахъ суровый законъ о духовныхъ конгрегаціяхъ, и отчасти подготовило почву для очистительной работы по отношенію къ арміи. Главою военнаго вѣдомства былъ генералъ Андрè, убѣжденный республиканецъ, вошедшій въ составъ и слѣдующаго затѣмъ кабинета Комба. Чтобы усилить демократическія основы военной организаціи, задумана была серьезная реформа: срокъ обязательной военной службы сокращается до двухъ лѣтъ, прежнія льготы по образованію и общественному положенію отмѣняются, и такимъ образомъ обезпечивается значительное расширеніе круга лицъ, изъ которыхъ правильно пополнялся бы составъ офицеровъ. Рядомъ съ этимъ крупнымъ преобразованіемъ дѣлались частныя попытки контролировать политическія тенденціи и симпатіи военнаго персонала, или, по крайней мѣрѣ, ограничить ихъ оппозиціонныя проявленія, причемъ нерѣдко возникали непріятные инциденты, дававшіе обильную пищу газетной полемикѣ; патріоты-націоналисты поднимали неистовый шумъ всякій разъ, когда какому-нибудь видному генералу предстояло или подчиниться законамъ республики, или выйти въ отставку. Впрочемъ, недозволенная для военныхъ оппозиція касалась только принципіальной стороны установленнаго режима; разногласія съ правительствомъ по отдѣльнымъ вопросамъ нисколько не стѣсняются, если только эти разногласія не выходятъ изъ предѣловъ спокойнаго дѣлового обсужденія. Господствующая въ странѣ республиканская партія требовала лишь гарантіи того, что военные начальники и офицеры преданы существующему государственному порядку и не имѣютъ прямыхъ связей съ враждебными республикѣ элементами, и это требованіе было, конечно, вполнѣ законное. Генералъ Андрè поставилъ себѣ за правило, при служебныхъ повышеніяхъ и назначеніяхъ по военному вѣдомству, собирать свѣдѣнія не только о способностяхъ и заслугахъ кандидатовъ, но и о степени политической ихъ благонадежности. Въ этомъ смыслѣ былъ разосланъ префектамъ циркуляръ, предписывающій сообщать нужныя справки по запросамъ военнаго министерства; а такъ какъ трудно было разсчитывать на аккуратное и удовлетворительное исполненіе этихъ посторонних поруч.ній мѣстною администраціею, обремененною и безъ того чрезмѣрнымъ количествомъ дѣлъ, то пришлось обратиться къ другимъ, болѣе доступнымъ частнымъ источникамъ. Одинъ изъ чиновниковъ канцеляріи военнаго министра возъимѣлъ тогда мысль прибѣгнуть къ помощи весьма распространенной въ либеральныхъ кружкахъ франмасонской организаціи, имѣющей свои развѣтвленія въ разныхъ мѣстахъ Франціи; генеральный секретарь ордена „Grand

Orient" всегда можетъ обратиться къ „братьямъ-каменщикамъ" той или другой „мастерской" и добыть интересныя данныя о любомъ представителѣ мѣстнаго общества. Идея капитана Моллена понравилась начальнику канцеляріи, генералу Персену, и военное министерство стало широко пользоваться отзывами и рекомендаціями членовъ масонскихъ ложъ при оцѣнкѣ правъ офицеровъ на повышеніе или на занятіе извѣстныхъ должностей. Генеральный секретарь, братъ-Ваделаръ, чрезвычайно добросовѣстно отнесся къ возложенной на него почетной функціи и сдѣлался усерднымъ поставщикомъ секретныхъ и конфиденціальныхъ свѣдѣній для военнаго министерства; но въ такой странѣ, какъ Франція, нѣтъ канцелярскихъ тайнъ, изъятыхъ отъ публичнаго контроля, и вскорѣ нѣкоторыя газеты, съ „Matin" во главѣ, начали печатать документы, касающіеся закулисныхъ связей „Grand Orient" съ канцеляріею военнаго министра. Переписка Ваделара съ разными оффиціальными лицами попала въ руки враговъ правительства, благодаря коварной измѣнѣ товарища генеральнаго секретаря, брата-Бидегена, который продалъ эти бумаги за крупную сумму и исчезъ изъ Парижа. Объявляя объ этомъ преступленіи, совѣтъ ордена клеймитъ виновнаго „передъ каменщиками всего міра" и назначаетъ надъ нимъ масонскій судъ, помимо обыкновенной уголовной отвѣтственности. Между тѣмъ, разоблаченія оппозиціонной печати дѣлали свое дѣло; публикѣ ежедневно сообщались новые факты, доказывающіе существованіе организованной системы шпіонства и доносовъ въ арміи при ближайшемъ участіи масонскихъ ложъ. Надъ головою генерала Андрѐ собиралась буря; его обвиняли въ развращеніи и разстройствѣ всего французскаго офицерства и, слѣдовательно, въ ослабленіи арміи, и на этой почвѣ можно было надѣяться свалить ненавистное министерство. Ожидалась жестокая парламентская битва, и роли были распредѣлены заранѣе.

Первыя засѣданія палаты депутатовъ посвящены были обсужденію церковной политики Комба. Главѣ кабинета пришлось выдержать рядъ сильнѣйшихъ аттакъ, которыя, однако, были имъ успѣшно отбиты при содѣйствіи сплоченнаго республиканскаго большинства. Красивую рѣчь произнесъ бывшій президентъ палаты, Поль Дешанель; горячо говорили ораторы оппозиціи, напоминая о великихъ интересахъ Франціи, какъ первой въ мірѣ католической державы, законной покровительницы всѣхъ католиковъ на Востокѣ. Во время преній выяснилось, что французскія привилегіи въ восточныхъ странахъ останутся въ силѣ и послѣ отмѣны конкордата, связывающаго республику съ Ватиканомъ; оттого и боязнь разрыва потеряла свою остроту, тѣмъ болѣе что интересы папства вовсе не выиграли бы при отдѣленіи церкви отъ государства, а матеріальное положеніе французскаго духовенства,

обезпеченнаго нынѣ казеннымъ жалованьемъ, несомнѣнно ухудшилось бы. Въ этой области оппозиція не могла добиться побѣды и вынуждена была довольствоваться критикою отдѣльныхъ дѣйствій и распоряженій министерства; но Комбъ имѣлъ возможность фактически опровергнуть нѣкоторыя существенныя указанія, выступая притомъ въ очень выгодной для себя роли защитника французскихъ епископовъ отъ незаконныхъ посягательствъ римской куріи. Противъ епископа лавальскаго велись какія-то интриги въ Римѣ; на него донесли, что онъ, будто бы, слишкомъ часто посѣщаетъ монастырь кармелитокъ и находится въ постоянныхъ письменныхъ сношеніяхъ съ его настоятельницею, въ чемъ усмотрѣны были признаки „легкой жизни"; по этому поводу его вызвали на судъ ватиканскихъ кардиналовъ. Епископъ счелъ долгомъ сообщить о полученномъ приглашеніи французскому правительству, которое съ своей стороны запретило ему уѣзжать изъ Лаваля и напомнило римской куріи о необходимости, въ подобныхъ случаяхъ, предварительныхъ сношеній съ парижскимъ кабинетомъ; въ отвѣтъ на это папская канцелярія увѣдомила епископа о временномъ отрѣшеніи его отъ должности. Аналогичный инцидентъ произошелъ съ епископомъ дижонскимъ: его обвинили въ томъ, что онъ тайно принадлежитъ къ „ужасной сектѣ франмасоновъ", и на этомъ основаніи ему приказано явиться въ Римъ, подъ угрозою устраненія отъ служебныхъ обязанностей. Правительство потребовало тогда, чтобы римская курія взяла назадъ свои распоряженія, какъ противорѣчащія конкордату; святѣйшій престолъ отказался, и Франціи оставалось только прекратить дипломатическія сношенія съ Ватиканомъ. Въ дѣйствительности, конечно, римская курія мало интересовалась романомъ епископа лавальскаго или франмасонствомъ епископа дижонскаго; имъ ставились въ вину болѣе серьезныя прегрѣшенія—слишкомъ большая уступчивость или предупредительность относительно оффиціальныхъ органовъ министерства, дружественныя связи съ мѣстными республиканскими дѣятелями и недостатокъ вниманія къ старымъ консервативно-клерикальнымъ фамиліямъ. Комбъ съ негодованіемъ заявлялъ палатѣ, что достоинство французскаго епископа должно быть ограждено отъ произвола римской куріи и отъ жалкихъ доносовъ и интригъ ея прислужниковъ; но система шпіонства, практикуемая іезуитами, никого не удивила и показалась даже чѣмъ-то вполнѣ естественнымъ. Пренія о церковной политикѣ приняли оттѣнокъ, не совсѣмъ удобный для клерикаловъ, и окончились совершенно не такъ, какъ они предполагали; зато они сохранили весь свой оппозиціонный пылъ для нападенія на антиклерикальную дѣятельность генерала Андрé.

Въ засѣданіи 28 (15) октября депутатъ Гюйо де Вильнёвъ по-

дробно мотивировалъ свой запросъ о „доносахъ въ арміи“ и прочиталъ длинную серію писемъ капитана Моллена къ „брату-Вадекару“ и отвѣтовъ послѣдняго съ любопытными краткими „аттестаціями“; оппозиція громко возмущалась обнаруженными фактами, которые, впрочемъ, были уже ранѣе всѣмъ извѣстны изъ газетъ, и вопросъ былъ сразу поставленъ на почву высшаго патріотизма. Генералъ Андрé рѣшительно отрекся отъ неумѣстныхъ и прискорбныхъ способовъ дѣйствія, которыми пользовались его подчиненные, и обѣщалъ произвести надлежащее разслѣдованіе для провѣрки сдѣланныхъ разоблаченій и для принятія соотвѣтственныхъ мѣръ. Противники министерства находили, что заявленіе военнаго министра является совершенно недостаточнымъ, что онъ не можетъ отговариваться незнаніемъ того, чтò дѣлалось въ его канцеляріи, и что во всякомъ случаѣ онъ безусловно отвѣчаетъ предъ парламентомъ за безнравственную и зловредную практику, установившуюся въ его вѣдомствѣ. Президентъ совѣта министровъ не преминулъ обратить вниманіе на то, что такъ называемые „доносы въ арміи“ практиковались въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ духовными конгрегаціями, когда онѣ имѣли еще свободный доступъ въ военное министерство; теперь же клерикальные патріоты негодуютъ только потому, что ихъ излюбленные пріемы примѣняются не для пользы ихъ собственной партіи, а ради интересовъ ихъ противниковъ. Передовые республиканцы и радикалы-соціалисты выступили въ защиту генерала Андрé; нѣкоторые ораторы изъ умѣренныхъ группъ возражали, указывая на невозможность допускать при республикѣ тѣ способы собиранія свѣдѣній, которые господствовали въ эпоху старой монархіи или второй имперіи, и которые вносятъ нравственную порчу въ основныя государственныя учрежденія. Бывшій генералъ-губернаторъ Тонкина, Поль Думéръ, энергически высказался противъ уклоненія военнаго министра отъ отвѣтственности за порядки, примѣнявшіеся въ его министерствѣ въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ. „Если даже имѣть въ виду политику демократическихъ преобразованій,—говорилъ Думéръ,—то все-таки мы не имѣемъ права дозволить правительству деморализировать великую національную силу, которая служитъ гарантіею внѣшней безопасности Франціи. Страна не простила бы тѣхъ, которые допустятъ разстройство или ослабленіе оружія, приготовленнаго для ея защиты. Оставить безъ послѣдствій злоупотребленія, единодушно осуждаемыя всѣми, значило бы нарушить жизненные интересы націи“. Въ этихъ высокопарныхъ фразахъ чувствовалось прежде всего желаніе поколебать министерство и вызвать кабинетный кризисъ. Генералъ Андрè нашелъ могущественнаго заступника въ лицѣ Жорèса, самаго популярнаго оратора современной французской республики. „Пусть будетъ одура-

ченъ, кто хочетъ,—воскликнулъ Жорѐсъ,—пусть тѣ, кто пожелаетъ, сдѣлаются соучастниками этой политической интриги; мы не можемъ основывать серьезныя заключенія на документахъ, подлинность которыхъ пока еще никѣмъ не провѣрена и которые не были предварительно сообщены министру. Большинство обязано отнестись къ дѣлу хладнокровно. Военному министру не хотятъ простить того, что онъ мужественно старался преобразовать армію въ республиканскомъ духѣ. Ни одинъ республиканецъ не долженъ забывать, что генералъ Андрѐ принялъ отвѣтственность власти тотчасъ послѣ страшнаго кризиса, хорошо памятнаго всѣмъ намъ. Республика находилась тогда на краю пропасти. Потребовалось четыре года самоотверженныхъ усилій, чтобы отбить надменныя нападенія врага. Не надо впадать обратно въ этотъ хаосъ. Теперь хотятъ, чтобы гражданская власть не имѣла никакихъ средствъ контроля надъ арміею. Если вы свергнете правительство, то большинство палаты окажется въ двусмысленномъ положеніи. Главою этого большинства будетъ не Думéръ, не Мильеранъ, не Рибо, а Гюйо де Вильнёвъ. Въ настоящее тяжелое время, когда въ каждую данную минуту могутъ возникнуть внѣшнія осложненія, республиканская партія не рѣшится отдать страну въ жертву случайностямъ". Вмѣшательство Жорѐса отчасти измѣнило настроеніе палаты, и въ пользу формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ, принятой военнымъ министромъ, образовалось незначительное большинство. Текстъ этой формулы гласитъ: „Палата, осуждая недопустимые пріемы, отмѣченные съ трибуны, если эти сообщенія окажутся достовѣрными, и убѣжденная, что министерство въ такомъ случаѣ приметъ надлежащія мѣры, переходитъ къ очередному порядку дѣлъ". За эту формулу высказалось 278 голосовъ, а противъ—274, такъ что перевѣсъ на сторонѣ правительства ограничился только четырьмя голосами.

Враги кабинета убѣдились, что желанный результатъ только случайно ускользнулъ изъ ихъ рукъ и что цѣль легко можетъ быть достигнута при повтореніи опыта. Начатая кампанія продолжалась съ удвоенною энергіею. Въ засѣданіи 4-го ноября Гюйо де Вильнёвъ доказывалъ, что осужденная палатою практика шпіонства была хорошо извѣстна не только генералу Андрѐ, но и самому главѣ кабинета, Комбу; это заключеніе онъ выводилъ изъ нѣкоторыхъ писемъ, упоминавшихъ о желаніи военнаго министра или президента совѣта министровъ получить нужныя справки о тѣхъ или другихъ офицерахъ. Генералъ Андрѐ вновь обстоятельно изложилъ причины, побуждавшія его справляться о политическихъ взглядахъ и симпатіяхъ военныхъ чиновъ; онъ ставилъ себѣ задачей искоренить старыя реакціонныя традиціи среди офицеровъ, уничтожить сословную и вѣроисповѣдную рознь, облегчить положеніе республиканцевъ сравнительно

съ монархистами и клерикалами,—но онъ не уполномочивалъ кого-либо изъ своихъ подчиненныхъ поощрять доносы или прибѣгать къ непозволительному шпіонству, и дѣйствовавшій самовольно въ этомъ направленіи капитанъ Молленъ уже уволенъ отъ должности. Депутатъ Бертò коснулся другой стороны вопроса и указалъ на крупныя заслуги генерала Андрè именно въ томъ отношеніи, что при немъ военное вѣдомство радикально измѣнило свой анти-республиканскій характеръ и перестало приписывать себѣ какое-то превосходство и контроль надъ всѣми другими властями въ государствѣ; такъ, еще въ 1899 году справочное бюро военнаго министерства занималось собираніемъ и пополненіемъ секретныхъ свѣдѣній о разныхъ политическихъ дѣятеляхъ и журналистахъ, въ томъ числѣ и о нынѣшнемъ президентѣ палаты, Бриссонѣ, и эти странныя военно-полицейскія развѣдки прекратились только при генералѣ Андрè. Въ томъ же духѣ говорилъ опять Жорèсъ; онъ отстаиваетъ право республики давать ходъ только республиканцамъ, такъ какъ въ арміи всѣ преимущества остаются фактически на сторонѣ монархистовъ и клерикаловъ: процентъ дворянскихъ фамилій въ составѣ офицеровъ увеличивается по мѣрѣ перехода къ высшимъ чинамъ, и напримѣръ, генералы изъ дворянъ составляютъ 29% общаго числа французскихъ генераловъ, тогда какъ лейтенантовъ-дворянъ числится около 11%. Изъ этого видно, что демократизація арміи далеко не подвигается впередъ въ той мѣрѣ, въ какой это было бы желательно для республиканцевъ. Реакціонные элементы до недавняго времени безраздѣльно владычествовали въ арміи, и принятые ими способы дѣйствія не могли еще быть вполнѣ искоренены при республикѣ; секретныя рекомендаціи и аттестаціи нѣкогда закрывали путь къ повышеніямъ даже для офицеровъ, состоявшихъ подписчиками какой-нибудь либеральной газеты, въ родѣ „Temps“, и это практиковалось еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ, при номинальномъ господствѣ республиканскихъ учрежденій. Бывшій министръ народнаго просвѣщенія, Жоржъ Лейгъ, протестовалъ противъ попытокъ оправданія закулиснаго шпіонства; заодно съ нимъ ораторствовали Рибо и Мильеранъ; нѣсколько разъ вмѣшивался въ дебаты Комбъ. Берто, Жорèсъ и другіе предлагаютъ выразить довѣріе правительству, охраняющему республику отъ враждебныхъ реакціонныхъ вліяній; по предварительному подсчету составилось благопріятное большинство, не превышавшее, впрочемъ, восьми голосовъ. Генералъ Андрè заявилъ въ палатѣ, что прежде онъ неоднократно думалъ о своемъ выходѣ въ отставку, но теперь, въ виду ожесточенныхъ и несправедливыхъ нападокъ, онъ рѣшилъ остаться на занимаемомъ имъ посту. Готовилось окончательное голосованіе; палата засѣдала уже нѣсколько часовъ безъ пере-

рыва, и между депутатами замѣчалось нѣкоторое возбужденіе. Въ этотъ моментъ случилось нѣчто совершенно неожиданное и невѣроятное: депутатъ Сиветонъ, ярый націоналистъ, быстро направился къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ генералъ Андрѐ, и со всего размаха ударилъ его рукою по правой щекѣ, а затѣмъ еще сильнѣе по лѣвой, такъ что министръ почти упалъ на скамейку; среди происшедшей при этомъ суматохи виновникъ ея столь же быстро удалился обратно, къ группѣ своихъ единомышленниковъ, которые тотчасъ же взяли его подъ свою защиту и не допустили немедленной расправы съ нимъ со стороны возмущенныхъ депутатовъ крайней лѣвой. Президентъ палаты, Анри Бриссонъ, прервалъ засѣданіе; стража Бурбонскаго дворца увела Сиветона изъ залы, а генералу Андрѐ была тутъ же оказана медицинская помощь. По возобновленіи засѣданія, палата, большинствомъ 297 голосовъ противъ 221, приняла резолюцію о довѣріи къ кабинету; безобразный поступокъ Сиветона сразу увеличилъ правительственное большинство на 68 голосовъ, и пострадавшій министръ сдѣлался предметомъ общаго сочувствія. Собравшееся вслѣдъ затѣмъ бюро палаты, составивъ протоколъ о случившемся, постановило предать виновнаго депутата суду по общимъ уголовнымъ законамъ, независимо отъ исключенія изъ состава парламента на пятнадцать засѣданій. На слѣдующій день напечатано было воззваніе къ избирателямъ второго парижскаго округа, за подписью Габріеля Сиветона, гдѣ этотъ избранникъ Парижа съ удивительнымъ цинизмомъ объясняетъ, что онъ вполнѣ сознательно далъ пощечину „обезчещенному министру, преступному генералу", котораго палата хотѣла во что бы то ни стало прикрыть своимъ авторитетомъ, вопреки всѣмъ усиліямъ оппозиціи. Депутатъ-націоналистъ, считающій всѣ средства дозволительными для обезпеченія успѣха своей партіи, чувствовалъ, будто бы, такое глубокое негодованіе по поводу безнравственной системы доносовъ въ арміи, что не могъ воздержаться отъ грубаго личнаго нападенія на военнаго министра; онъ желалъ, будто бы, отомстить ему за всѣхъ тѣхъ французскихъ офицеровъ, которые были жертвами постыднаго республиканскаго шпіонства.

Случаи кулачной расправы съ министрами и сановниками возможны, конечно, при всякомъ политическомъ строѣ, если они соотвѣтствуютъ нравамъ даннаго общества или извѣстной его части; никакія учрежденія не ограждаютъ людей отъ насилія при существованіи характеровъ и темпераментовъ того типа, къ которому принадлежитъ Сиветонъ. Акты насилія могутъ поэтому случаться и въ парламентѣ; но примѣшивать къ нимъ парламентаризмъ и видѣть въ послѣднемъ источникъ разнузданности было бы крайне наивно. При старомъ режимѣ, когда не было законныхъ способовъ привлечь ми-

нистра къ публичному отвѣту, составлялись тайные заговоры, происходили нападенія изъ-за угла, совершались покушенія на жизнь представителей власти; и эти попытки насилія были какъ бы особыми нелегальными суррогатами общественнаго контроля и порицанія по отношенію къ правительственнымъ дѣятелямъ. Когда нельзя было критиковать или требовать отставки бездарнаго или недобросовѣстнаго министра, то ему наносили на улицѣ оскорбленіе дѣйствіемъ; но генерала Андрè обсуждали и осуждали въ печати и въ парламентѣ безъ всякихъ стѣсненій; ему свободно говорили въ лицо все, что̀ хотѣли, и даже гораздо больше того, что̀ можно было по справедливости сказать почтенному человѣку шестидесяти-пяти лѣтъ, состоящему въ высшемъ военномъ рангѣ; его заставили публично признать, что критикуемыя дѣйствія его подчиненныхъ достойны всевозможнаго порицанія; наконецъ, онъ торжественно обѣщалъ искоренить въ своемъ вѣдомствѣ зловредную практику секретныхъ справокъ и донесеній, и слѣдовательно, казалось бы, вполнѣ удовлетворилъ общественное мнѣніе. Какой же поводъ былъ послѣ этого поднимать на него руку и бить его по лицу? Именно парламентаризмъ дѣлалъ этотъ варварскій поступокъ совершенно безсмысленнымъ и нелѣпымъ. Такого рода дикія выходки являются лишь безсознательнымъ наслѣдіемъ прежнихъ эпохъ, результатомъ политической невоспитанности и безпринципности, проявленіемъ взглядовъ и привычекъ, несовмѣстимыхъ съ уваженіемъ къ человѣческой личности. Самое негодованіе, вызванное разоблаченіями такъ-называемыхъ доносовъ въ арміи, имѣло въ себѣ много напускного и фальшиваго. Всѣ конфиденціальные запросы и отвѣты, напечатанные въ газетахъ и прочитанные въ палатѣ, касаются исключительно вопроса о политическихъ и религіозныхъ тенденціяхъ офицеровъ съ точки зрѣнія республиканскаго режима; справки собирались въ видахъ государственнаго, публичнаго интереса, а не частнаго,—и ни въ одномъ секретномъ письмѣ не содержится намековъ на какія-нибудь другія соображенія, кромѣ общественно-политическихъ. Нѣтъ и тѣни того, что̀ принято называть протекціею; никто не рекомендуетъ кандидатовъ, имѣющихъ сильныя родственныя связи или располагающихъ богатствомъ; напротивъ, эти преимущества получаютъ здѣсь отрицательное значеніе, такъ какъ они обыкновенно принадлежатъ лицамъ консервативнаго или клерикальнаго направленія. Офицеры повышаются по службѣ не потому, что имъ покровительствуетъ знатная родня или что за нихъ хлопочетъ вліятельный сановникъ, а потому, что они привязаны къ республикѣ;—относительно техническихъ условій повышенія всегда предполагается, что они имѣются на лицо. Нѣтъ и слѣда корыстныхъ мотивовъ во всей этой системѣ собиранія свѣдѣній, и если свѣдѣнія

случайны, произвольны или сомнительны, то это составляетъ общій недостатокъ секретныхъ полицейскихъ справокъ при всякомъ государственномъ устройствѣ. Сообщенія масонскихъ ложъ, быть можетъ, менѣе случайны и произвольны, чѣмъ указанія католическихъ священниковъ и іезуитовъ, или рекомендаціи мѣстныхъ аристократовъ и аферистовъ, опредѣлявшія въ былое время судьбу кандидатовъ на военныя и гражданскія должности. Что касается префектовъ, къ которымъ обращалось за справками военное вѣдомство, то ихъ сообщенія никакъ не могли быть причислены къ разряду доносовъ, ибо французскіе губернаторы, подобно всякимъ другимъ, пишутъ министрамъ донесенія, а не доносы; но на практикѣ, разумѣется, можетъ случиться, что оффиціальныя донесенія основаны всецѣло на непровѣренныхъ или прямо ложныхъ доносахъ,—и это бываетъ также при республикѣ. Нынѣшній порядокъ, однако, весьма существенно отличается отъ прежняго во Франціи. Во-первыхъ, способъ собиранія секретныхъ справокъ, несмотря на всю ихъ секретность, могъ быть публично раскрытъ и осужденъ по почину отдѣльныхъ обывателей, и это шумное раскрытіе не только привело къ отреченію министра отъ указанныхъ пріемовъ, но едва не вызвало отставки всего министерства. Во-вторыхъ, публика и значительная часть парламента рѣшительно высказываютъ убѣжденіе, что республиканское правительство не должно пользоваться способами дѣйствія, широко примѣнявшимися при всѣхъ прежнихъ монархическихъ режимахъ; такимъ образомъ, для правительственныхъ дѣятелей ставятся уже болѣе строгія нравственныя условія и требованія, которыхъ нельзя нарушать безнаказанно. Впрочемъ, передовыя республиканскія группы, въ своемъ увлеченіи моральными чувствами, оставили неяснымъ и неразрѣшеннымъ весьма важный практическій вопросъ, на которомъ настаивали защитники генерала Андрè: слѣдуетъ ли республикѣ отказаться отъ мысли постепенно измѣнить составъ высшаго военнаго персонала въ республиканскомъ духѣ, и можно ли придумать какія-нибудь другія мѣры, кромѣ отвергаемыхъ, для достиженія предположенной цѣли? Безъ сомнѣнія, республиканцы не желали бы отдавать армію въ руки людей, преданныхъ фамиліямъ Бонапартовъ или Орлеановъ, или принадлежащихъ къ партіямъ, враждебнымъ республикѣ; но возможность неудачныхъ назначеній офицеровъ въ этомъ смыслѣ признается, очевидно, меньшимъ зломъ, чѣмъ употребленіе традиціонной системы секретныхъ предварительныхъ справокъ и „доносовъ". Не надо также забывать, что подъ врагами республики разумѣются только принципіальные ея противники, мечтающіе о государственномъ переворотѣ; вражда же къ данному правительству, напр. къ министерству Комба,

является вполнѣ законною и не можетъ ставиться въ упрекъ республиканцамъ, хотя бы и носящимъ военный мундиръ.

Послѣ печальнаго инцидента въ палатѣ депутатовъ, положеніе генерала Андрè въ министерствѣ сдѣлалось крайне тяжелымъ, и нѣкоторое время спустя онъ вышелъ въ отставку; преемникомъ его назначенъ одинъ изъ выдающихся радикальныхъ депутатовъ, Бертò, бывшій докладчикомъ парламентскихъ коммиссій по военному бюджету и по вопросу о реформѣ воинской повинности, другъ и единомышленникъ генерала Андрè, человѣкъ очень богатый и вполнѣ независимый. Бертò былъ въ молодости коммерсантомъ и съ 1879 года состоялъ биржевымъ маклеромъ при парижской биржѣ; это званіе биржевого маклера, умышленно подчеркнутое въ телеграммахъ объ его назначеніи, было принято многими за единственное и крайне странное опредѣленіе личности новаго министра. Даже нѣмецкія газеты удивлялись, какъ могъ биржевой маклеръ сдѣлаться военнымъ министромъ, главою великой французской арміи; но съ такимъ же правомъ можно было въ свое время удивляться тому, что кожевенный фабрикантъ Феликсъ Форъ сдѣлался президентомъ республики. Форъ былъ много лѣтъ виднымъ депутатомъ и министромъ, прежде чѣмъ занять первый постъ въ государствѣ; точно такъ же Бертò выдвинулся въ парламентѣ, гдѣ онъ засѣдаетъ уже болѣе десяти лѣтъ, и успѣлъ пріобрѣсть репутацію очень свѣдущаго и энергическаго дѣятеля, большого знатока военнаго бюджета, прежде чѣмъ попасть въ военные министры. То обстоятельство, что Бертò остался владѣльцемъ маклерской фирмы, означаетъ лишь, что онъ милліонеръ, а это качество очень цѣнится во Франціи даже среди передовыхъ и радикально-соціалистическихъ парламентскихъ группъ. Устраненіе генерала Андрé и замѣна его депутатомъ Бертò отсрочили министерскій кризисъ, но не усилили прочности кабинета. Оппозиція противъ Комба въ республиканскомъ лагерѣ нисколько не ослабѣваетъ; недавнее сплоченное большинство становится все болѣе шаткимъ и ненадежнымъ. Въ засѣданіи 22 ноября предсѣдатель бюджетной коммиссіи Думéръ предложилъ уменьшить цифру секретныхъ фондовъ по министерству внутреннихъ дѣлъ, т.-е. по вѣдомству Комба, на двѣсти тысячъ франковъ, и онъ мотивировалъ это предложеніе въ крайне рѣзкой формѣ, прямо оскорбительной для главы кабинета; Комбъ пробовалъ обидѣться и сталъ возражать въ вызывающемъ тонѣ, но затѣмъ согласился на требуемое сокращеніе, такъ какъ чувствовалъ недостатокъ поддержки въ настроеніи палаты. Это—одинъ изъ многихъ частныхъ признаковъ приближающагося паденія кабинета, который уже третій годъ (съ іюня 1902 г.) управляетъ Франціею.

Въ Австро-Венгріи съ давнихъ поръ продолжается сложный внутренній кризисъ, или, вѣрнѣе, цѣлый рядъ параллельно развивающихся кризисовъ, имѣющихъ свой корень въ непримиримомъ взаимномъ разладѣ національностей. Эти кризисы находятъ свое внѣшнее выраженіе въ парламентахъ, не давая имъ возможности дѣйствовать правильно и дѣлая ихъ нерѣдко ареною скандальныхъ сценъ, которыя тоже ставятся въ вину парламентаризму. Между тѣмъ парламентъ служитъ только мѣстомъ законнаго обсужденія государственныхъ и общественныхъ дѣлъ, и если совмѣстное обсужденіе нарушается частыми вспышками племенной непріязни, то это зависитъ, конечно, не отъ парламентскихъ формъ, въ которыхъ происходитъ встрѣча разнородныхъ элементовъ. Эти формы могутъ только смягчать, а не обострять существующіе антагонизмы; совмѣстная работа обыкновенно сближаетъ людей, а не отталкиваетъ ихъ другъ отъ друга. Племенныя распри сглаживаются, если не разрѣшаются, періодическими компромиссами, основанными на обоюдныхъ уступкахъ; а почва для компромиссовъ создается только въ собраніяхъ уполномоченныхъ народныхъ представителей, т.-е. въ парламентахъ. Компромиссы, однако, не устраиваются ни между чехами и нѣмцами въ Австріи, ни между различными группами венгерскаго парламента; обструкція господствуетъ и въ вѣнскомъ рейхсратѣ, и въ палатѣ депутатовъ въ Будапештѣ, и не переходитъ въ уличныя волненія именно потому, что враждебныя чувства имѣютъ регулярный исходъ въ парламентской борьбѣ.

Въ Тиролѣ, при отсутствіи настоящаго полноправнаго парламента, старые племенные счеты между нѣмцами и итальянцами приводятъ къ воинственнымъ столкновеніямъ, принимающимъ иногда опасный характеръ; такъ, въ началѣ ноября (нов. ст.), въ Инсбрукѣ произошла кровопролитная схватка, сначала между итальянскими и нѣмецкими студентами, а потомъ между народною толпою и войсками. Итальянское населеніе Тироля давно добивается права имѣть свой національный университетъ въ Тріестѣ, подобно тому, какъ чехи имѣютъ свой чешскій университетъ въ Прагѣ; но австрійское правительство, придерживаясь нѣмецко-вѣнскихъ традицій, упорно отказываетъ итальянцамъ въ ихъ требованіи и придумываетъ искусственныя полумѣры для обхода щекотливаго вопроса, вызывающаго понятное раздраженіе въ союзной Италіи. Вмѣсто особаго итальянскаго университета въ Тріестѣ или въ другомъ подобномъ центрѣ, министерство Кербера рѣшило устроить для итальянскихъ студентовъ отдѣльный юридическій факультетъ при нѣмецкомъ университетѣ въ Инсбрукѣ. Факультетъ открылся въ особомъ зданіи, и итальянскіе студенты въ тотъ же вечеръ отпраздновали это событіе шумнымъ сборищемъ въ сосѣдней гостинницѣ. Нѣмецкіе студенты университета усмотрѣли въ этомъ итальянскомъ празднествѣ

кровную для себя обиду и отправились въ походъ противъ дерзкихъ иноплеменниковъ; на улицѣ произошла свалка, раздались пистолетные выстрѣлы и нѣсколько человѣкъ было ранено. Нѣмецкіе обыватели заступились за пострадавшихъ студентовъ; доведенная до ярости огромная толпа народа бросилась на гостинницу и пыталась взять ее штурмомъ, чтобы расправиться съ скрывшимися въ ней итальянцами; полиціи удалось отстоять гостинницу, но когда она вывела итальянскихъ студентовъ для препровожденія ихъ въ участокъ подъ строгимъ конвоемъ, то безжалостная толпа кинулась на нихъ съ палками и камнями, и остановила свое преслѣдованіе только при появленіи войска. Военные отряды штыками очистили улицу, и въ числѣ потерпѣвшихъ гражданъ оказался молодой итальянскій художникъ, убитый ударомъ въ грудь. Злосчастные итальянскіе студенты вновь открытаго итальянскаго факультета дорого поплатились за свое водвореніе въ Инсбрукѣ, рядомъ съ нѣмецкимъ университетомъ. Факультетъ долженъ былъ закрыться прежде чѣмъ успѣлъ начать свое самостоятельное существованіе; вражда между нѣмцами и итальянцами дошла до какого-то слѣпого ожесточенія. Таковъ печальный результатъ узкой бюрократической политики, предпочитающей робкія, безцѣльныя полумѣры широкимъ и справедливымъ рѣшеніямъ. Министерство Кербера не имѣетъ парламентскаго характера и опирается исключительно на бюрократію; оттого оно отличается долговѣчностью и безплодіемъ— двумя отличительными чертами бюрократическихъ учрежденій.

Президентская избирательная кампанія въ Соединенныхъ Штатахъ возбуждала живой интересъ во всемъ культурномъ мірѣ, такъ какъ исходъ ея долженъ былъ опредѣлить характеръ международной политической роли великой заатлантической державы. Обѣ главныя американскія партіи спорили между собою преимущественно о внѣшней политикѣ. Избранный демократическимъ кандидатомъ, судья Паркеръ выставилъ програму, которую можно назвать либеральною въ широкомъ смыслѣ этого слова; онъ энергически требовалъ полнаго самоуправленія для жителей Филиппинскихъ острововъ и предлагалъ отказаться отъ предпріимчиваго имперіализма, къ которому склоняется нынѣшній президентъ, Теодоръ Рузевельтъ. „Мы не военная нація, связанная завоеваніями или занятая расширеніемъ своихъ владѣній въ чужихъ краяхъ, или стремящаяся обезпечить себѣ извѣстныя естественныя преимущества путемъ насилія,—заявлялъ Паркеръ,—мы народъ миролюбивый, жаждущій спокойствія не только для себя, но и для всѣхъ націй міра. Развитіе крупныхъ вооруженій можетъ радовать взоръ и вызывать чувство гордости въ гражданахъ, но не способно

привлекать въ страну ни поселенцевъ, ни капиталовъ. Конечно, вооруженія, какія необходимы для безопасности страны и для охраны правъ гражданъ внутри и извнѣ, должны быть сохранены. Но я протестую противъ распространеннаго нынѣ взгляда, что въ силу командующаго положенія, занимаемаго нами въ мірѣ, мы обязаны участвовать во всѣхъ спорахъ и замѣшательствахъ чужихъ странъ, и что намъ слѣдуетъ вмѣшиваться въ каждый важный вопросъ, возникающій въ другихъ частяхъ свѣта". Кандидатъ республиканской партіи, президентъ Рузевельтъ, старался съ своей стороны доказать необходимость активной внѣшней политики и соотвѣтствующихъ ей вооруженій. Военный флотъ, по его словамъ, служитъ самою могущественною гарантіею мира, когда онъ внушаетъ страхъ своею силою и всегдашнею боевою готовностью. Соединенные Штаты принимаютъ участіе въ международныхъ дѣлахъ другихъ государствъ только въ той мѣрѣ, въ какой это требуется американскими интересами. Покинуть Филиппины было бы безразсудствомъ; голосъ Соединенныхъ Штатовъ не считался бы теперь ни во что на Дальнемъ Востокѣ, еслибы американцы не владѣли названными островами и не участвовали въ событіяхъ въ Китаѣ. Вашингтонскій кабинетъ дѣйствовалъ въ предѣлахъ дипломатической практики, пытаясь побудить другія державы проникнуться глубокимъ американскимъ убѣжденіемъ, что различіе въ правахъ и преслѣдованіе изъ-за религіи составляютъ акты несправедливости, и въ этомъ же смыслѣ Соединенные Штаты будутъ оказывать свое вліяніе и впредь. Между прочимъ, Рузевельтъ справедливо ставитъ себѣ въ заслугу успѣшное практическое примѣненіе идей Гаагской конференціи: Соединенные Штаты, говоритъ онъ, вывели гаагскій трибуналъ изъ его безсилія и сдѣлали его орудіемъ для мира народовъ.

Разумѣется само собою, что нынѣшній президентъ, въ качествѣ кандидата на тотъ же постъ на будущее четырехлѣтіе, находился въ гораздо болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ его соперникъ. Рузевельтъ имѣлъ за собою опредѣленные, реальные факты, доступные всеобщей публичной оцѣнкѣ; его своеобразный имперіализмъ, его энергическое участіе въ дѣлахъ міровой политики, его попытки заступничества за румынскихъ и русскихъ евреевъ, его сочувственное человѣческое отношеніе къ милліонамъ американскихъ негровъ,—все это давало достаточно ясный матеріалъ для опредѣленія его политической программы. Судья Паркеръ могъ говорить только о своихъ намѣреніяхъ и предположеніяхъ; публика знала его какъ очень почтеннаго человѣка, но не имѣла данныхъ, чтобы судить о степени цѣлесообразности его будущей политики. Притомъ американскому народу, какъ видно, понравилась перспектива внѣшняго могущества и вели-

чія, и заманчивые намеки Рузевельта взяли верхъ надъ трезвою проповѣдью Паркера. Выборы делегатовъ отъ отдѣльныхъ штатовъ для избранія новаго президента состоялись 8 ноября (нов. ст.), и побѣда Рузевельта оказалась еще болѣе значительною, чѣмъ предполагали сами республиканцы. Свыше 340 избирательныхъ голосовъ обезпечено въ пользу Рузевельта, а за Паркера имѣется всего около 130 голосовъ; народное большинство на сторонѣ перваго превышаетъ два милліона голосовъ. Опираясь на такую массу сочувствующихъ, Рузевельтъ начнетъ второе свое президентство, съ марта будущаго года, какъ самостоятельный избранникъ великой націи; до сихъ поръ онъ былъ главою государства только вслѣдствіе печальной катастрофы съ Макъ-Кинлеемъ, при которомъ онъ состоялъ вице-президентомъ.

Для Россіи и русскаго общества было бы, казалось, выгоднѣе торжество миролюбиваго Паркера; но нѣтъ основанія думать, что демократы отнеслись бы къ намъ лучше, чѣмъ республиканцы. Въ сущности обѣ американскія партіи чувствуютъ одинаковую антипатію къ нашему государству, которое имъ представляется воплощеніемъ рутины, отсталости и несправедливости. Наши газеты упоминали о какомъ-то поворотѣ въ настроеніи американцевъ относительно русско-японской войны; по этому поводу извѣстный П. А. Тверской пишетъ намъ слѣдующее: „Глубоко убѣжденъ, что ваши свѣдѣнія о перемѣнѣ якобы нашего (т.-е. американскаго) общественнаго мнѣнія въ пользу Россіи совершенно невѣрны. Удивляются храбрости и стойкости портъ-артурскаго гарнизона, восхваляютъ вслѣдъ за нѣмецкими авторитетами стратегію Куропаткина, но сущность дѣла, отношеніе публики къ Россіи нисколько не измѣнилось, чтò мнѣ досконально извѣстно, такъ какъ я слѣжу за этимъ крайне внимательно. Только-что вернулся изъ Санъ-Франциско, гдѣ посѣтилъ нашихъ плѣнниковъ „Лены"; начальство съ ними очень предупредительно, но населеніе прямо враждебно, такъ что капитанъ не пускаетъ людей въ городъ изъ опасенія непріятныхъ инцидентовъ". Итакъ, насъ не любятъ въ Америкѣ, какъ и въ западной Европѣ, а теперь и въ Азіи!.. Причина такого прискорбнаго отношенія къ ней остается загадкою только для фальшивыхъ патріотовъ въ духѣ „Новаго Времени" или „Московскихъ Вѣдомостей".

Еще прошелъ мѣсяцъ войны, но на самомъ ея театрѣ не произошло ничего такого, въ чемъ можно было бы усмотрѣть поворотъ въ ходѣ военныхъ дѣлъ (въ ту или другую сторону). Мѣсяцъ тому назадъ, въ 20-хъ числахъ сентября, на сухопутномъ театрѣ войны, наступательныя дѣйствія начались съ нашей стороны; но, въ противность ожиданію генерала Куропаткина, выраженному въ его приказѣ,

что наступило время идти впередъ и „заставить японцевъ повиноваться нашей волѣ“,—обѣ арміи стоятъ другъ противъ друга, ограничиваясь ежедневными стычками—убійственными, какъ и прежде, но безрезультатными. Портъ-Артуръ попрежнему мужественно выдерживаетъ бомбардировку и штурмы непріятеля—и возлагаетъ надежды на балтійскую эскадру, часть которой прошла благополучно Суэцъ, а другая находится у южныхъ береговъ Африки; полагаютъ, что наша эскадра придетъ на мѣсто не позже половины января наступающаго года, если не встрѣтится къ тому какихъ-либо затрудненій. Гулльскій „инцидентъ“, вѣроятно, скоро сдѣлается предметомъ обсужденія международной конференціи въ Парижѣ, такъ какъ соглашеніе между Россіею и Англіею по ея поводу состоялось окончательно.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢЕ

1 д

I.

— Н. Рожковъ.—Обзоръ русской исторіи съ соціологической т
первая. Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка). Спб. 1!
— Н. Рожковъ, привать-доцентъ московскаго университета, пре
ческой Академіи коммерческихъ наукъ. Учебникъ русской
нихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Изданіе
— Н. А. Рожковъ. Городъ и деревня въ русской исторіи. (Кра
мической исторіи Россіи). Изданіе второе. М. 1904,—и др

Всѣ эти книжки трактуютъ о русской исторіи съ *соці*
зрѣнія, но въ чемъ именно должна состоять эта точк
нигдѣ достаточно не объяснилъ. Въ началѣ первой
книгъ авторъ на многихъ страницахъ старается указа
съ соціологіей. Прежде всего онъ отмѣчаетъ великое зн
обобщеній", „абстрактныхъ формулъ", „общихъ за
изучаемыхъ явленій". Великій интересъ чистаго з
заключается, что безконечное разнообразіе и запутанн
явленій оно сводитъ къ простотѣ и единству; а съ
практически полезные выводы и заключенія станов
въ сущности лишь при посредствѣ высшихъ обобщ
законовъ, потому что лишь послѣдніе открываютъ дл
тиву возможности *предвидѣть будущее*, а предвидѣ
димое условіе дѣйствія... На этомъ основаніи всѣ наук
не-прикладныя, дѣлятся на науки конкретныя и нау
которыя, однако, тѣснѣйшимъ образомъ связаны: когд
ная занимается опредѣленіемъ отдѣльныхъ явленій,
ная стремится раскрыть ихъ внутреннюю, причинну
„законъ явленій". „Исторія извѣстнаго народа—наука
тому что она изучаетъ законы развитія опредѣленна

ства въ разные періоды его жизни. Соціологія или теорія общественной жизни имѣетъ цѣлью изслѣдованіе общихъ законовъ общежитія, независимо отъ какой-либо конкретной обстановки; слѣдовательно, она—наука абстрактная".

„Итакъ, ясно,—говоритъ авторъ,—что исторія каждаго отдѣльнаго народа, каждой отдѣльной страны, должна освѣщаться съ соціологической точки зрѣнія; конкретный процессъ историческаго развитія отдѣльной части человѣчества становится понятенъ и получаетъ смыслъ *лишь въ томъ случаѣ*, если его разсматриваютъ какъ *матеріалъ* для построенія общихъ законовъ развитія человѣческихъ обществъ. Такова основная точка зрѣнія, изъ которой мы будемъ исходить въ дальнѣйшемъ изложеніи".

Но авторъ слишкомъ преувеличилъ. Что русская исторія должна быть вообще разсматриваема съ возможно широкой точки зрѣнія, это понятно само собой. Далѣе, самъ авторъ воленъ и можетъ разсматривать русскую исторію какъ хочетъ, это—дѣло его вкуса; но въ обыкновенномъ пониманіи вещей „русская исторія" для русскихъ людей вовсе не есть только „матеріалъ для построенія общихъ законовъ развитія человѣческихъ обществъ",—для русскихъ людей она любопытна, и должна быть поучительна, сама по себѣ, въ ея самомъ „конкретномъ" видѣ, какъ именно исторія *своего* народа, *своего* отечества. Если ученый историкъ съумѣетъ приложить къ ней какіе-либо результаты „абстрактной" науки, соціологіи,—прекрасно; но если даже не съумѣетъ, „исторія" сохранитъ великую привлекательность уже какъ разсказъ о достопамятныхъ событіяхъ и лицахъ, игравшихъ роль въ судьбахъ отечества...

На слѣдующихъ страницахъ авторъ въ своемъ историко-соціологическомъ усердіи зашелъ еще дальше. Онъ вообще съ великимъ высокомѣріемъ относится къ тѣмъ ученымъ, которые занимаются только „конкретными" фактами. „Что̀ сказали бы мы о ботаникѣ или зоологѣ, который чуждался бы вопросовъ и формулъ общей біологіи? Мы могли бы въ самомъ лучшемъ случаѣ назвать его хорошимъ наблюдателемъ и описателемъ, но ни въ какомъ случаѣ нельзя было бы приложить къ его имени названіе ученаго изслѣдователя въ истинномъ смыслѣ этого слова. И кѣмъ инымъ, какъ не *гробокопателемъ* (!) является историкъ, чуждающійся соціологическихъ проблемъ?" Авторъ напрасно употребилъ такое грубое слово, потому что даже для обыкновеннаго изслѣдователя, не углубленнаго въ высшіе вопросы соціологіи, было бы невѣжествомъ не понимать, что научныя изслѣдованія тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собой, что первое научное обобщеніе было возможно только послѣ трудовъ наблюденія и описанія, и самый требовательный новѣйшій „соціологъ" не могъ бы ступить шагу безъ пред-

варительной работы „гробокопателей“, и еслибы въ той или другой области ихъ работа не была сдѣлана, то „соціологу“, стремящемуся къ открытію „законовъ“, нечего было бы дѣлать другого, какъ пойти самому въ „гробокопатели“, — конечно, если онъ человѣкъ добросовѣстный, а не простой болтунъ.

Вслѣдъ затѣмъ, самому автору приходится защищать „гробокопателей“. Объясняя задачи соціологической науки, авторъ приходитъ къ вопросу о классификаціи явленій общественной жизни, и встрѣчается здѣсь съ теоріей извѣстнаго ученаго, Штаммлера, который отрицалъ не только необходимость, но и самую возможность такой классификаціи. По мнѣнію Штаммлера, и соціологовъ его школы, общественная жизнь есть нѣчто до такой степени цѣльное и единое, что всякая попытка расчлененія его на отдѣльные процессы прямо невозможна. Авторъ рѣшительно возстаетъ противъ этой точки зрѣнія: отрицать возможность изученія отдѣльныхъ процессовъ значило бы отрицать возможность отдѣльныхъ наукъ. Всякій соціальный фактъ неизбѣжно заключаетъ въ себѣ предметы, изучаемые отдѣльными спеціальными науками. „Совершенно вѣрно, что каждая наука изучаетъ лишь *отдѣльную сторону* одного великаго объекта—мірозданія, но отсюда не слѣдуетъ, что отдѣльныя науки не имѣютъ права на существованіе—такъ какъ разныя стороны одного объекта неразлучимы: практическая, реальная неразлучимость не предполагаетъ еще невозможности абстракціи и анализа, не мѣшаетъ отдѣльной наукѣ объяснять изучаемую ею сторону міровой жизни“. Отдѣльныя изученія предполагаютъ только необходимость высшаго синтеза...

Это совершенно просто и справедливо. Но потомъ самъ авторъ опять сбивается съ пути этого простого разсужденія. Съ высоты „соціологическаго“ изслѣдованія онъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ относится къ простымъ фактамъ историческимъ. „Нѣкоторые, — говоритъ онъ,—признаютъ два различныхъ разряда явленій, подлежащихъ историческому и соціологическому изученію: одинъ разрядъ составляютъ, по ихъ мнѣнію, событія, иначе дѣянія лицъ или явленія прагматическія, другой разрядъ—состоянія, функціи, учрежденія или культурныя явленія... Нельзя, однако, не признать, что отдѣленіе прагматической исторіи отъ культурной способно внести только путаницу въ умы, нисколько не разъясняя дѣла. Отдѣльное событіе, взятое внѣ связи съ другими, ему подобными, тѣмъ болѣе поступокъ лица, не можетъ быть предметомъ историческаго изученія: событіе тогда только пріобрѣтаетъ интересъ для историка и соціолога, когда сближается съ другими звеньями цѣпи, въ составъ которой входитъ. Въ сущности, прагматическихъ фактовъ, какъ таковыхъ, не существуетъ (?) для историка и соціолога, не существуетъ потому, что они,

съ исторической и соціологической точки зрѣнія, даже теоретически не отдѣлены отъ культурныхъ. *Исторія* и *соціологія* занимаются только состояніями. Слѣдовательно общественнымъ явленіемъ слѣдуетъ называть только фактъ культурный или состояніе".

Съ точки зрѣнія соціологіи, авторъ установляетъ слѣдующія группы общественныхъ явленій, играющихъ роль въ опредѣленіи процессовъ общежитія. Уже издавна, съ XVII вѣка, отмѣчено важное значеніе внѣшней природы; за этими явленіями естественными, отмѣчены въ соціологіи—явленія *хозяйственныя* или экономическія, явленія *соціальныя* (общественный строй), *политическія*, наконецъ *психологическія*. Понятно, что эти процессы вліяютъ взаимно другъ на друга, но *сила* этихъ вліяній неравномѣрна, и по самому распорядку этихъ процессовъ въ изложеніи автора можно видѣть, что за элементарными вліяніями внѣшней природы авторъ на первомъ планѣ, какъ наиболѣе самостоятельныя и рѣшающія, ставитъ явленія хозяйственныя или экономическія. Въ этихъ изслѣдованіяхъ, по мнѣнію автора, „должно получиться знаніе прошлаго и настоящаго нашего отечества и пониманіе основныхъ законовъ его развитія"—и даже для предвидѣнія будущаго. Въ соціологическомъ изслѣдованіи возможны ошибки, но „человѣчество учится ошибками"; дальнѣйшее изслѣдованіе должно привести къ истинѣ, и мы не должны уклоняться отъ попытокъ предвидѣнія будущаго, не только потому, что такія попытки необходимы, какъ „руководства въ общественной дѣятельности человѣка, какъ указатели его *гражданскаго долга*", но и для провѣрки научныхъ пріемовъ...

Замыселъ автора представить „исторію" Россіи „съ соціологической точки зрѣнія", можетъ быть весьма почтенный съ точки зрѣнія „гражданскаго долга", представляетъ, однако, не мало странностей съ обыкновенной точки зрѣнія. Увлекаясь „соціологическими" разсужденіями, авторъ черезчуръ пренебрегаетъ обычными историческими представленіями; онъ утверждаетъ, что и соціологія, и *исторія*, занимаются только „состояніями". Это—очень крупная ошибка. Исторія занимается также „событіями" и „лицами", на которыхъ, по мнѣнію автора, соціологіи не стоитъ обращать вниманія. Эти событія и лица имѣютъ то важное значеніе, что съ ними соединяется одинъ существенный элементъ „исторіи", котораго не вытѣснитъ никакая самая возвышенно-синтетическая и „абстрактная" историческая наука, именно *личность*. Въ обыкновенномъ пониманіи „исторія" никогда, и до сихъ поръ, не исключала и не отрицала біографіи, т.-е. не боялась останавливаться на отдѣльныхъ лицахъ,—и совершенно справедливо, потому что народная жизнь, составляющая истинный предметъ исторіи, вовсе не ограничивается „хозяйственнымъ процессомъ", но выражаетъ свое содержаніе и

свои стремленія въ отдѣльныхъ замѣчательныхъ, иногда прямо геніальныхъ личностяхъ, — и эти личности, личности „великихъ людей", остаются для народовъ предметами высокаго почтенія, образцами и идеалами, остаются его нравственнымъ наслѣдіемъ.

Можетъ быть, „соціологія" сама по себѣ можетъ обезцвѣтить и обезплодить себя исключеніемъ элемента личности изъ своихъ соображеній, — но нашъ авторъ не ограничивается соціологіей, а пишетъ также „учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія"—все съ тѣми же „соціологическими" намѣреніями, хотя онѣ не оговорены. „Учебникъ"—удивительный: недоумѣваемъ, для какихъ среднихъ заведеній и для какого самообразованія онъ можетъ быть предназначенъ. Въ оглавленіи книжки,—которое, какъ предполагается, должно указать главные предметы изложенія, — избѣгнуто имя Петра Великаго: тому преобразованію, которое въ теченіе двухъ вѣковъ соединяется съ этимъ именемъ въ умахъ русскихъ людей, нѣсколько грамотныхъ (все равно, съ сочувствіемъ или съ несочувствіемъ), этому преобразованію въ цѣломъ,—относительно нравовъ, просвѣщенія и общественныхъ понятій,—не придается никакого особеннаго значенія! Конечно, въ текстѣ книги безъ имени Петра В. не обошлось: надо бывало упомянуть его по поводу разныхъ „хозяйственныхъ" дѣлъ, администраціи, законодательства, но какъ личность онъ почти не удостоенъ мѣста въ исторіи. Нечего говорить, что совсѣмъ не удостоилось этого мѣста множество другихъ именъ, которыя, однако, очень извѣстны русскимъ людямъ, нѣсколько грамотнымъ, и которыя они вѣроятно ожидали бы встрѣтить въ „учебникѣ для самообразованія". „Учебникъ" русской исторіи безъ Петра Великаго, это—своего рода фокусъ,—первый въ русской литературѣ. Хоть бы авторъ предупредилъ читателя, что онъ—собственно не историкъ, а „соціологъ".

Къ сожалѣнію, и его „соціологія" черезчуръ поспѣшная. Въ главной книжкѣ, гдѣ онъ излагаетъ свои соціологическіе взгляды („Обзоръ русской соціологической точки зрѣнія. Кіевская Русь, съ VI до конца XII вѣка"), читатель вправѣ былъ бы ожидать, что прежде всего авторъ точно изложитъ свою точку зрѣнія и пріемы изслѣдованія и изложенія; но этого авторъ не дѣлаетъ и разбрасываетъ свои теоретическія объясненія по всей книгѣ, а въ концѣ концовъ (стр. 173) отсылаетъ читателя къ проф. Карѣеву.

Какая нескладица въ изложеніи допущена авторомъ, можно видѣть на такомъ примѣрѣ. *Тотчасъ* за довольно подробнымъ изслѣдованіемъ о краткомъ и пространномъ текстѣ „Русской Правды", авторъ „подходитъ" къ самому главному вопросу психологической исторіи,—къ характеристикѣ *волевой дѣятельности* древнѣйшаго русскаго обще-

ства", и здѣсь читаемъ: „одинъ изъ величайшихъ философскихъ умовъ XIX вѣка, Джонъ Стюартъ Милль", потомъ „Бэнъ, Пере, Поланъ, Рибо, Фуллье, Кейра", и т. д. Замѣтимъ, что „древнѣйшее русское общество" (которымъ авторъ занятъ въ этой книгѣ) относится ни много, ни мало какъ къ VI-му и до конца XII-го вѣка. Получается прямо забавная вещь: о русскомъ „обществѣ" VI вѣка мы ровно ничего не знаемъ, а авторъ старается намъ объяснять его по Миллю, Фуллье и т. д. Но и этихъ авторитетовъ мало нашему писателю. Черезъ страницу мы читаемъ: „Въ общественной и частной жизни нерѣдко приходится *имѣть дѣло* съ людьми, для которыхъ вопросъ долга, совѣсти, идеала имѣетъ совершенно исключительное, первостепенное, даже подавляющее значеніе. Такихъ людей *мы* будемъ называть *этическими* характерами. Чтобы уяснить себѣ психическую организацію такого рода людей, *разберемъ* замѣчательный по высотѣ художественной разработки типъ Константина Левина изъ романа гр. Л. Н. Толстого „Анна Каренина". Первостепенное значеніе нравственнаго идеала для Левина не подлежитъ сомнѣнію. Всегда и вездѣ нравственные интересы и запросы первенствовали у него надъ всѣми другими",—и такъ далѣе около шестнадцати страницъ объ Левинѣ, съ прибавкою Гамлета, Гончаровскаго „Обрыва", „Мертвыхъ Душъ", словомъ, какой-то странный фельетонъ на тему русскаго „общества" VI—XII-го вѣка!—А. П.

II.

— Великорусскія пѣсни въ народной гармонизаціи. Записаны Е. Линевой. Изданіе Имп. Академіи Наукъ. Текстъ подъ редакціей ак. Ѳ. Е. Корша. Вып. I. Спб. 1904.

Новое изданіе Академіи Наукъ возбуждаетъ живѣйшій интересъ. Въ область изученія народной поэзіи и музыки вступилъ новый и впервые научно-обоснованный матеріалъ, значеніе котораго важно во многихъ отношеніяхъ. Въ обширномъ предисловіи значеніе это выяснено всесторонне и наглядно: „Онѣ (народныя пѣсни) хранятъ въ выразительной музыкальной формѣ разсказы старины, цѣлыя поэмы любви и героизма, картины быта и духовной жизни людей близкихъ къ природѣ, способныхъ на простыя, искреннія чувства; онѣ охватываютъ болѣе широкую область и проникаютъ въ душу человѣка глубже, чѣмъ произведенія другихъ искусствъ. Свободная импровизація—отличительная черта народнаго музыкальнаго творчества — какъ бы еще расширяетъ его границы".

Богатство эпическаго и бытового содержанія, красота мелодіи, оригинальность голосоведенія и ритма русской народной пѣсни съ

давнихъ поръ остановили на себѣ вниманіе изслѣдователей бытовой старины, ученыхъ и музыкантовъ. Еще въ восемнадцатомъ столѣтіи высказывалось мнѣніе о замѣчательной древности русскихъ напѣвовъ и о томъ сходствѣ, которое, давая возможность провести параллель между русскими и древне-греческими инструментами и напѣвами, наводило на предположеніе объ ихъ общемъ происхожденіи изъ иранскаго источника. Этотъ взглядъ былъ поддержанъ сто лѣтъ спустя извѣстнымъ нѣмецкимъ филологомъ Рудольфомъ Вестфалемъ, высоко цѣнившимъ поэтическое и музыкальное содержаніе русскихъ пѣсенъ. Независимо отъ научной цѣнности гипотезы, интересно отмѣтить отзывъ этого нѣмецкаго ученаго о русскихъ народныхъ пѣсняхъ, которыя, по его словамъ,—„представляютъ намъ такую богатую, неисчерпаемую сокровищницу истинной нѣжной поэзіи, чисто поэтическаго міровоззрѣнія, облеченнаго въ высоко-поэтическую форму, что литературная эстетика, разъ принявъ народную пѣсню въ кругъ своихъ изслѣдованій, непремѣнно назначитъ ей безусловно первое мѣсто между народными пѣснями всѣхъ народовъ земного шара". Цѣлый рядъ пѣсенныхъ сборниковъ, заключая въ себѣ результаты замѣчательныхъ трудовъ, преслѣдовалъ большею частью или цѣли филологическія, или же почти исключительно музыкальныя, и только въ послѣднее время были сдѣланы нѣкоторыя попытки согласовать эти цѣли въ одномъ, взаимно-цѣлесообразномъ изученіи. Въ этомъ отношеніи сборникъ г-жи Линевой долженъ занять почетное мѣсто.

Поставивъ цѣлью „дать возможно точную запись многоголосной народной пѣсни безъ всякихъ измѣненій и прикрасъ", собирательница воспользовалась фонографомъ въ качествѣ „записной книжки", которая должна сохранить всѣ особенности народнаго стиля, передать всю пѣсню цѣликомъ, какъ она поется въ народѣ. Всего записано, гармонизовано и изслѣдовано двадцать-три пѣсни, главнымъ образомъ лирическаго и затѣмъ бытового характера. Разсмотрѣвъ этотъ матеріалъ съ точки зрѣнія голосоведенія въ связи съ гармоническимъ складомъ, ритма и особенностей народной импровизаціи, г-жа Линева приводитъ цѣлый рядъ въ высшей степени цѣнныхъ соображеній, какъ по вопросу объ опредѣленіи ладовъ народной пѣсни, такъ и о томъ, въ какомъ видѣ эта пѣсня продолжаетъ еще сохраняться въ народной средѣ. Въ этомъ отношеніи г-жа Линева сходится съ впечатлѣніями почти всѣхъ собирателей произведеній народнаго творчества и подтверждаетъ, что старинная пѣсня исчезаетъ, что съ собираніемъ надо спѣшить; у нея мелькаетъ даже мысль объ организаціи *общей переписи* въ возможно болѣе широкомъ районѣ.

Работа по записыванію напѣвовъ съ фонографа доставила собирательницѣ много заботъ и трудностей, но она утѣшаетъ себя на-

деждой, что починъ ея вызоветъ подражаніе со стороны ученыхъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ, что будутъ организованы пѣсенныя коммиссіи при археологическихъ и этнографическихъ обществахъ и музеяхъ, а также возникнутъ пѣвческіе союзы для практическаго изученія и исполненія народной пѣсни.

Не можемъ не привести прекрасной бытовой картинки изъ записной книжки г-жи Линевой, гдѣ она изображаетъ исполненіе народной пѣсни: „Митревна прежде всѣхъ вышла впередъ. Высокая, очень прямая, съ строгимъ лицомъ, она выступала безъ всякой застѣнчивости, съ большимъ достоинствомъ. Видно было, что ей въ привычку браться за дѣло серьезно. За ней потянулись другія бабы, стали въ кружокъ и притихли. Митревна подперла щеку рукой и какимъ-то особеннымъ, сильнымъ и строгимъ взглядомъ оглянула пѣвицъ. Что-то страстно сдержанное въ этомъ взглядѣ мгновенно передалось другимъ бабамъ. Онѣ пригорюнились, и каждая точно углубилась въ себя. Лица стали у всѣхъ серьезныя, а глаза впились въ Митревну. Глубокое вниманіе выражалось въ нихъ. Въ этотъ моментъ я поняла, что̀ значитъ выраженіе: „бабы люты на пѣсни".

„Она запѣла мою любимую пѣсню „Лучинушку",—продолжаетъ г-жа Линева,—которую я всюду искала и ни разу не записала удачно. Митревна вела основную мелодію. Она запѣвала низко и звучно, удивительно свѣжимъ для такой старой женщины голосомъ. Въ пѣніи ея не было никакихъ сантиментальныхъ подчеркиваній или взвываній. Оно поражало своей изящной простотой, пѣсня лилась ровно и ясно, ни одно слово не пропадало. Несмотря на широкую, протяжную мелодію, выразительность, которую она вкладывала въ слова пѣсни, была такъ велика, что она будто въ одно и то же время пѣла и сказывала пѣсню. Меня удивляла эта чисто классическая строгость стиля, которая такъ шла къ ея серьезному лицу. „Неужели природный талантъ приводитъ къ тому же, что̀ даетъ лучшая школа?—думалось мнѣ.

„Но если съ внѣшней стороны пѣсня была проста, строго ритмична и ни на мгновеніе не выходила за предѣлы художественной правды, то внутреннее содержаніе ея казалось мнѣ безконечно сложнымъ, полнымъ глубокаго смысла и чувства. Дѣйствительно, это была „притча о жизни", какъ называютъ въ народѣ пѣсни...

...Ой, да лучина моя, лучинушка", заводитъ Митревна своимъ звучнымъ голосомъ.

„Ахъ, что же ты, моя лучинушка, не ярко да ты горишь?" голосами, въ которыхъ звучатъ упрекъ и жалость, подхватываютъ другія бабы, всѣ вмѣстѣ на одной нотѣ, и сейчасъ же расходятся вразсыпную, на разные подголоски. Митревна проводитъ до конца главную

мелодію, но даетъ полную волю другимъ голосамъ, сдерживая всѣхъ вмѣстѣ и соединяя ихъ безъ всякихъ внѣшнихъ пріемовъ, не то строгимъ сосредоточеннымъ взглядомъ, не то другимъ невидимымъ способомъ. Всѣ смотрятъ на нее и невольно подчиняются ея властному взгляду, заражаются ея вдохновеніемъ, ея сдержанною страстностью..."

Нельзя не отмѣтить всей важности содѣйствія, оказаннаго Академіей наукъ при редакціи, въ лицѣ Ѳ. Е. Корша, и изданіи прекраснаго труда г-жи Линевой, и не пожелать, чтобы трудъ ея получилъ возможно благопріятныя условія для своего дальнѣйшаго осуществленія.

III.

— Вольфгангъ Гёте. „Фаустъ". Трагедія. Переводъ въ прозѣ Петра Вейнберга съ примѣчаніями переводчика. Изд. товарищества „Знаніе". Спб. 1904.

Прозаическій переводъ „Фауста", сдѣланный такимъ мастеромъ въ этой области, какъ П. И. Вейнбергъ, займетъ несомнѣнно видное мѣсто въ русской литературѣ о безсмертной трагедіи Гёте. Какъ бы ни былъ искусенъ стихотворный переводъ произведенія, глубокаго по содержанію и обширнаго по формѣ, но въ немъ всегда найдутся отступленія, болѣе или менѣе значительныя, отъ точнаго смысла оригинала: техника стихотворнаго переложенія съ одного языка на другой создаетъ такія трудности, которыя поневолѣ заставляютъ удовольствоваться передачей не точнаго текстуальнаго значенія, но общаго смысла и настроенія. Выработался даже особый типъ переводчиковъ, которые, по примѣру Жуковскаго, „наполнясь чужимъ идеаломъ", какъ бы присвоиваютъ произведенія иной литературы и, проникшись ихъ духомъ, передаютъ въ свободной формѣ, заботясь болѣе объ общемъ впечатлѣніи, чѣмъ о деталяхъ; но подобные переводы не всегда удовлетворятъ читателя, подходящаго къ произведенію міровой литературы съ цѣлями серьезнаго изученія: если онъ не владѣетъ необходимымъ языкомъ, точный, хотя бы прозаическій переводъ дастъ ему болѣе или менѣе близкое понятіе о томъ, какъ именно думалъ и какими именно словами выражалъ свою мысль писатель, и уже отъ степени его воображенія въ дальнѣйшемъ будетъ зависѣть представленіе, насколько это произведеніе прекраснѣе въ блестящей поэтической формѣ своего оригинала.

Въ этомъ отношеніи мысль г. Вейнберга придти на помощь читателю, изучающему великое твореніе Гёте, должна быть признана въ высшей степени удачной.

Въ предисловіи переводчикъ ссылается на замѣчаніе самого Гёте о преимуществѣ прозаическихъ переводовъ поэтическихъ произведеній передъ стихотворными. „Ни къ какому поэтическому произведенію (за исключеніемъ, можетъ быть, только „Божественной Комедіи“ Данта) это замѣчаніе не можетъ быть примѣнено въ такой степени, какъ къ „Фаусту“. Независимо отъ своего чисто-поэтическаго достоинства, безсмертная трагедія является какъ бы богатѣйшею энциклопедіею глубочайшихъ мыслей, философскихъ истинъ, продуктовъ работы всеобъемлющаго разума. Только великая творческая сила Гёте могла уложить все это въ стихъ, да еще большею частью риѳмованный, дать тому, что̀ представляетъ собою часто отвлеченный философскій трактатъ, такую стихотворную форму, которая именно каждымъ словомъ своимъ, эпитетомъ, оборотомъ выражаетъ мысль ясно, точно и опредѣленно и придаетъ ей надлежащее значеніе. Передать всѣ эти тонкости въ стихотворномъ переводѣ могъ бы только такой мыслитель-поэтъ, какъ Гёте, а не передавать ихъ всѣ безъ исключенія, или выражать сказанное авторомъ хотя бы отчасти „своими словами“ значитъ давать объ этомъ великомъ созданіи совершенно неточное понятіе и, доставляя даже хорошимъ поэтическимъ переводомъ эстетическое наслажденіе, знакомить, однако, съ подлинникомъ только наполовину“.

Конечно, изъ того обстоятельства, что многочисленные прежніе (стихотворные) переводы были неудовлетворительны во многихъ отношеніяхъ, никакъ нельзя дѣлать заключенія, что подобныя попытки нежелательны впредь: у стиха свои достоинства, на которыя не можетъ претендовать самая превосходная проза, и можно ожидать, что переводъ г. Вейнберга, наоборотъ, вызоветъ нашихъ переводчиковъ-поэтовъ на новую работу надъ „Фаустомъ“ и самъ значительно облегчитъ проникновеніе въ духъ нѣмецкаго текста.

Передавая „Фауста“ прозою, приходилось разрѣшать тоже трудную и очень сложную задачу, ка̀къ совмѣстить „строжайшую вѣрность“ подлиннику съ поэтичностью, не жертвуя ни однимъ, ни другимъ. Переводъ г. Вейнберга читается легко, мѣстами ритмиченъ и художественъ, но тамъ, гдѣ философская отвлеченность смягчалась въ оригиналѣ изяществомъ стиха и блескомъ формы, прозаическій переводъ кажется мѣстами холоднымъ и даже реторичнымъ. Въ обширномъ и очень, въ общемъ, внимательно выполненномъ трудѣ читатель, во всякомъ случаѣ, найдетъ подлиннаго Гёте, который если не будетъ до конца прочувствованъ, то, во всякомъ случаѣ, будетъ понятъ. Если быть педантически-требовательнымъ, то можно указать нѣсколько не вполнѣ точныхъ и недостаточно мѣткихъ выраженій, вродѣ — „ты жестоко снова столкнулъ меня въ шаткій (вмѣсто невѣдомый,

неисповѣдимый—ungewisse) человѣческій рокъ", „молитва была для меня сладострастное (вмѣсто пламенное, жгучее — brünstiger) наслажденіе"; нѣсколько мелкихъ неточностей встрѣтили мы, между прочимъ, въ первомъ дѣйствіи второй части; намъ представляется, напримѣръ, растянутой передача словъ Мефистофеля:

Was ist verwünscht und stets willkommen?
Was ist ersehnt und stets verjagt?
Was immerfort in Schutz genommen?
Was hart gescholten und verklagt?
Was darfst du nicht herbeiberufen?
Wen höret Jeder gern genannt?
Was naht sich deines Thrones Stufen?
Was hat sich selbst hinweggebannt?

Г-нъ Вейнбергъ переводитъ: „Чтò проклинается и постоянно *встрѣчается словами: милости просимъ* (привѣтствуется)? Чтò очень желаютъ *видѣть* (?) подлѣ себя и постоянно прогоняютъ? (Чтò страстно желается и всегда прогоняется?) Чтò *каждый* принимаетъ подъ свое покровительство? (Чтò постоянно берется подъ защиту?) Чтò сильно ругаютъ (бранятъ?) и обвиняютъ? Кого не слѣдуетъ тебѣ призывать? (*Чтó* ты не долженъ призывать?) Чье имя каждый слышитъ охотно? Чтò можетъ близко подходить къ ступенямъ твоего трона? (Чтò приближается къ ступенямъ твоего трона?) Чтò само себя подвергло изгнанію?

Такія неточности и недосмотры стилистическаго характера особенно часто встрѣчаются во второй части, вообще представляющей большія трудности при близкомъ переводѣ. Онѣ вполнѣ искупаются общимъ значеніемъ труда г. Вейнберга, труда, въ которомъ отдѣльныя мѣста замѣчательны передачей духа подлинника.

IV.

— Эструпъ, I. Изслѣдованіе о „1001 ночи", ея составѣ, возникновеніи и развитіи. Переводъ съ датскаго Т. Ланге. Со вступительнымъ историко-литературнымъ очеркомъ А. Крымскаго, въ переводѣ съ малорусскаго, съ дополненіями автора. (Труды по востоковѣдѣнію, издаваемые Лазаревскимъ Институтомъ Восточныхъ Языковъ. Вып. VIII б). М. 1905 (?).

Дѣятельность Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, столь оживленная въ послѣдніе годы, окажетъ, несомнѣнно, значительныя услуги дѣлу изученія Востока, но знаніемъ восточныхъ языковъ, къ сожалѣнію, обладаютъ сравнительно немногіе среди широкаго круга читателей, и потому „труды по востоковѣдѣнію" составляютъ обык-

новенно предметъ довольно спеціальнаго интереса. Но изслѣдованіе датскаго ученаго, въ переводѣ на русскій языкъ Т. И. Ланге, въ обработкѣ молодого, но уже извѣстнаго оріенталиста г. Крымскаго, многое даетъ и „непосвященнымъ" и можетъ остановить на себѣ самое серьезное вниманіе, какъ по своему сюжету, такъ и по бѣдности литературы о немъ на русскомъ языкѣ. „1001 ночь" пользуется издавна необыкновенной извѣстностью у европейскихъ народовъ, имѣющей болѣе глубокія причины, чѣмъ одна плѣнительная фабула. „Передъ европейскимъ читателемъ,—говоритъ объ этомъ произведеніи А. Н. Веселовскій,—открылся особый міръ, знакомый и незнакомый вмѣстѣ, фантастическій и реальный; тѣ же образы, что и въ народной сказкѣ, но окутанные тепломъ и ароматомъ востока; вмѣсто тридесятаго государства и банальныхъ декорацій romans d'aventures—настоящій Востокъ съ обыденными подробностями его жизни, мелочами его intérieur и тайнами гарема. Тѣ же феи и волшебники, и джинны, и окаменѣлые города, но все въ грандіозныхъ размѣрахъ, перерастающихъ воображеніе и вмѣстѣ мірящихся съ реальностью; міры демоновъ и людей такъ глубоко слились, что между ними нельзя провести границъ: каждый шагъ въ области дѣйствительности можетъ увлечь васъ къ магнитной горѣ, у которой погибнетъ вашъ корабль, или во власть демона-великана, когда-то заключеннаго въ мѣдный сосудъ Соломономъ. И эта черезполосица фантастическаго и реальнаго не только не изумляетъ васъ, а кажется естественною: такъ просто вращаются въ ней дѣйствующія лица, такъ внимательно и серіозно слушаетъ ихъ невѣроятныя розсказни Гарунъ ар-Рашидъ, закутанную фигуру котораго съ восточными, вдумчивыми глазами мы привыкли встрѣчать на улицахъ Багдада, въ сумеркахъ, когда міръ демоновъ любовно или враждебно спускается на землю и ткутся наяву пестрыя сказки, которыя Шехрезада разскажетъ потомъ Шехріяру"... Это удивительное произведеніе извѣстно русскимъ читателямъ прежде всего по многимъ передѣлкамъ и пересказамъ съ французскаго перевода Галлана (XVIII вѣка), затѣмъ съ англійскаго перевода Лэна, въ девяностыхъ годахъ минувшаго вѣка; недавно появился, при одномъ изъ журналовъ, новый русскій текстъ съ французскаго перевода Мардрюса. Такимъ образомъ, переводовъ съ арабскаго оригинала непосредственно у насъ этого нѣтъ, что̀ вызываетъ естественное желаніе видѣть такой переводъ въ качествѣ одного изъ дальнѣйшихъ „трудовъ по востоковѣдѣнію", выполняемыхъ кружкомъ мололодыхъ ученыхъ Лазаревскаго института.

Книга Эструпа изслѣдуетъ вопросъ о составѣ, возникновеніи и развитіи „1001 ночи". Исторія ея очень сложна. Въ IX—X в. существовалъ пехлевійскій (индо-персидскій) сборникъ сказокъ, который

былъ переведенъ на арабскій языкъ и образовалъ древнѣйшій, основной изводъ. Прошли вѣка, и характеръ его измѣнился во многихъ отношеніяхъ: на немъ отразилась работа многихъ поколѣній, и прежняя „тысяча сказокъ“ превратилась въ обширный и пестрый по составу сводъ. Древнѣйшее индо-персидское „ядро“ сборника наслоилось затѣмъ группой сказокъ, создавшихся въ Багдадѣ и внесшихъ въ соотвѣтственныя части сборника новыя черты, въ противоположность персидскимъ. Если послѣднія отличаются общей занимательностью фабулы и художественной послѣдовательностью, то багдадскія, въ семитскомъ духѣ, заинтересовываютъ отдѣльными эпизодами, неожиданностью и остроуміемъ отдѣльныхъ фразъ и выраженій. Когда сборникъ сталъ переписываться въ Египтѣ, въ него вошелъ новый элементъ—мѣстныя каирскія сказки. Затѣмъ, чтобы сказочнаго матеріала хватило именно на тысячу и одну ночь, въ сборникъ стали включать цѣлыя отдѣльныя произведенія, цѣлые длиннѣйшіе романы; наконецъ, возможно, что туда вошли и произведенія еврейской литературы. Это осложненіе древнѣйшаго ядра происходитъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій и завершается около половины XIV в.

Къ изслѣдованію приложена таблица повѣстей „1001 ночи“ съ распредѣленіемъ ихъ по группамъ.

V.

— Пермскій Научно-Промышленный Музей. Выпускъ I. Матеріалы по изученію Пермскаго края. Изд. Музея. Пермь, 1904.

Рѣшенію Совѣта Пермскаго научнаго и промышленнаго Музея издавать послѣдовательно накопляющіеся матеріалы порадуются всѣ, кто интересуется изученіемъ прошлаго и настоящаго нашей областной жизни. Извѣстно, какое громадное количество матеріаловъ хранится (не всегда надежно) въ различныхъ мѣстахъ провинціальныхъ городовъ и ждетъ или средствъ на свое изданіе, или свободныхъ и умѣлыхъ рукъ. Поэтому, когда появляется изданіе, предназначаемое для помѣщенія областныхъ матеріаловъ, его приходится особенно отмѣчать, какъ явленіе въ высшей степени полезное, указывающее на извѣстную высоту бытовыхъ и историческихъ интересовъ и актъ, во многихъ случаяхъ, безкорыстной любви къ дѣлу. Совѣтъ Музея, олицетворяющій въ данномъ случаѣ редакцію Музея, сознаетъ желательность систематическаго подбора матеріаловъ въ каждой книжкѣ, но, считаясь съ невозможностью строго придерживаться этого взгляда, рѣшаетъ помѣщать ихъ по мѣрѣ поступленія. „При всѣхъ своихъ не-

достаткахъ,—читаемъ въ предисловіи,—имѣющіеся въ распоряженіи Совѣта доклады и сообщенія все-же имѣютъ безспорный интересъ, освѣщая нѣкоторыя стороны жизни края или проводя извѣстные взгляды на его исторію или его нужды. Вотъ почему Совѣтъ Музея, и сознавая нѣкоторые недостатки, все-же считаетъ своею обязанностью немедленно приступить къ изданію его, какъ въ интересахъ изученія края, такъ и въ интересахъ самого Музея". Каждый выпускъ предположено дѣлить на двѣ части, изъ которыхъ первая будетъ заключать въ себѣ статьи и доклады, а вторая—каталоги коллекцій Музея и описаніе ихъ. Книга открывается статьею И. Г. Остроумова, хранителя Музея,—„Исторія Музеевъ, ихъ настоящее и будущее" („музеи должны быть мѣстными культурными пунктами—народными университетами тамъ, гдѣ таковыхъ нѣтъ"). Затѣмъ слѣдуетъ рядъ статей, образующихъ первую часть. П. А. Голубевъ въ работѣ своей „Двухсотлѣтіе русской горной промышленности" подводитъ итоги ея исторіи и приходитъ къ выводу, что „двухвѣковая исторія нашей горной промышленности полна не положительными, а скорѣе отрицательными явленіями. Начавъ блестяще и поставивъ страну впереди другихъ государствъ по производству желѣза и стали, она вскорѣ занялась соревнованіемъ не въ сферѣ экономическихъ и техническихъ улучшеній, на каковой путь ее толкнулъ основатель ея, но въ сферѣ привилегій, изолированности даже отъ общаго гражданскаго строя. Первые ея неутомимые дѣятели скоро смѣнились сибаритствующими магнатами, весь вѣкъ свой проводившими внѣ своихъ заводовъ и никогда не видавшими ихъ. Въ крѣпостной періодъ горные заводы были каторгой для сосѣдняго, дотоль вольнаго населенія, которое сотнями и тысячами отдавалось въ подневольную работу на нихъ безъ всякаго съ его стороны согласія; а послѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости горнозаводское населеніе, въ противоположность остальному крестьянскому населенію для поддержки заводовъ и доставленія имъ дешевыхъ рукъ, было оставлено почти безъ земли, и по отношенію мастеровыхъ казенныхъ и поссессіонныхъ заводовъ эта историческая несправедливость начинаетъ исправляться только теперь, а относительно владѣльческихъ заводовъ она остается попрежнему неисправленною".

И. С. Сиговъ посвящаетъ статью выясненію санитарныхъ условій горнозаводскихъ рабочихъ на Уралѣ. Основной выводъ его сходится съ наблюденіемъ другихъ изслѣдователей въ томъ смыслѣ, что— „рѣдко гдѣ на заводахъ заботятся о непосредственной защитѣ рабочихъ отъ поврежденій и несчастныхъ случаевъ". Въ числѣ различныхъ desiderata авторъ указываетъ на необходимость предоставленія горнозаводскимъ мастеровымъ права составлять общества взаимопомощи

безъ особыхъ на то разрѣшеній. Вопросу о колонизаціи Верхотурскаго уѣзда Пермской губерніи посвящена статья А. Е. Богдановскаго; авторъ указываетъ здѣсь на необходимость всяческой и особенно матеріальной поддержки колонизаторамъ сѣверо-восточныхъ губерній. Затѣмъ слѣдуетъ историко-этнографическій очеркъ И. Г. Остроумова— „Вогулы-манси" (такъ называютъ себя вогулы). Здѣсь сообщаются данныя объ исторіи вогуловъ, численности ихъ, образѣ жизни, религіозныхъ воззрѣніяхъ; къ статьѣ приложенъ русско-вогульскій словарь и списокъ (нѣсколько неполный) книгъ и статей на русскомъ языкѣ, посвященныхъ вогуламъ. Послѣднею статьею первой части является очеркъ г. А. Шумкова о залеганіи рудъ въ Кыновской дачѣ Кунгурскаго уѣзда. Во второй части помѣщенъ каталогъ зоологическаго отдѣла Музея. Будемъ надѣяться, что появленіе перваго выпуска „Матеріаловъ" оживитъ интересъ къ изученію края и вызоветъ приливъ новыхъ работъ.

VI.

— Русскія повѣсти XVII—XVIII вв. Подъ редакціей и съ предисловіемъ В. В. Сиповскаго. I. Спб. 1905.

Печатая тексты нѣсколькихъ старинныхъ повѣстей, г. Сиповскій не смотритъ на свой сборникъ, какъ на нѣчто законченное; его задача—пробудить интересъ къ тѣмъ разнообразнымъ культурнымъ и литературнымъ вліяніямъ, среди которыхъ зародились начатки русскаго романа. По мнѣнію составителя сборника, „заря русскаго романа" загорѣлась у насъ еще въ XVII в.; настоящее же изданіе *оригинальныхъ* русскихъ повѣстей XVII и начала XVIII в. „должно служить доказательствомъ того, что у насъ много есть подъ спудомъ цѣнныхъ, оригинальныхъ произведеній, не только еще не изученныхъ, но даже необнародованныхъ".

Въ руководящей статьѣ составитель даетъ объясненіе по поводу дѣленія повѣстей на группы. Къ первой онъ относитъ повѣсти переходныя отъ житія; таковы повѣсти о Горѣ-злосчастьи, Саввѣ Грудцынѣ, отчасти о царевнѣ Персикѣ. Вторую группу образуютъ первыя русскія реалистическія повѣсти-новеллы, какъ повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ и „отрывокъ романа въ стихахъ". Третью группу образуютъ повѣсти объ Архилабонѣ, объ Александрѣ, кавалерѣ россійскомъ, о Василіи-матросѣ: „всѣ онѣ принадлежатъ Петровской реформованной Россіи, и по духу и по настроенію рѣзко отличаются отъ повѣстей московскихъ; на нихъ лежитъ тотъ интернаціональный отпечатокъ, который говоритъ о характерѣ Петровской Руси"; наконецъ,

къ четвертой группѣ составитель относитъ всѣ прочія повѣсти, на которыхъ не лежитъ опредѣленный колоритъ времени и мѣста, и которыя любопытны только тѣмъ, что вносятъ новыя черты въ пониманіе развитія бродячихъ сюжетовъ и ихъ взаимоотношеній съ чуждыми сказаніями и различными видами письменной повѣсти.

Во вступительной статьѣ приводится рядъ интересныхъ соображеній о характерѣ содержанія повѣстей и ихъ исторіи. Въ общемъ книга г. Сиповскаго окажетъ значительную услугу лицамъ, интересующимся старой русской повѣстью и раннимъ романомъ.

VII.

— Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805—1819). Разсказы по архивнымъ документамъ. Н. Булича. Изданіе второе. Спб. 1904.

Въ предисловіи къ первому изданію своего труда покойный авторъ, бывшій профессоръ Казанскаго университета, писалъ: „По исключительно мѣстному характеру своему, наша книга едва ли найдетъ читателей (она и выходитъ поэтому въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ), хотя, казалось намъ, общее ея содержаніе, т.-е. судьба европейской науки у насъ, должна интересовать тѣхъ, для которыхъ дорога послѣдняя. Надѣемся, однако, что въ 1904 году, когда Казанскій университетъ будетъ праздновать свою годовщину, устроители праздника вспомнятъ о нашей книгѣ“.

Предположенія автора о томъ, что книга его найдетъ незначительное число читателей, не оправдались. Второе изданіе ея, являющееся такъ своевременно, свидѣтельствуетъ ясно, что высокія достоинства книги были оцѣнены читателями; можно думать, что особая поучительность ея, въ соединеніи съ умѣньемъ излагать подчасъ сухіе, фактическіе матеріалы занимательно и живо, не потеряетъ своего значенія и для читателей послѣдующихъ изданій. Авторъ менѣе всего желалъ, чтобы его трудъ смѣшивался съ тѣми оффиціальными университетскими исторіями, которыя составляются и печатаются къ юбилеямъ университетовъ. Его занимали болѣе всего судьба науки и оригинальныя условія ея существованія въ Казани въ первые годы (1804—1819) мѣстной университетской жизни. Основывая свои „разсказы“ на подлинныхъ документахъ, покойный Буличъ прибѣгалъ иногда къ личнымъ воспоминаніямъ и матеріаламъ изъ переписки старыхъ профессоровъ. Въ тонѣ изложенія чувствуется глубокое участіе къ судьбамъ университетскаго образованія и неизмѣнное убѣжденіе въ достоинствахъ европейской университетской науки, внѣ

которой невозможна никакая иная наука въ нашихъ высшихъ школахъ,—„такъ какъ историческій ходъ науки всегда и вездѣ одинъ и тотъ же: уваженіе къ наукѣ, какъ она сложилась вѣковыми усиліями европейскаго человѣчества, есть единственное условіе власти надъ жизнью и историческаго успѣха всякой страны. Сознаніе этой мысли особенно важно въ наше время“...—Евг. Л.

VIII.

— А. А. Кофодъ. Опыты самостоятельнаго перехода крестьянъ къ хозяйству на отрубныхъ участкахъ надѣльной земли. Спб. 1904.

Кто слѣдитъ хотя бы по газетамъ за жизнью русскаго народа, тотъ не могъ не замѣтить возникновенія въ ней различныхъ движеній прогрессивнаго характера, наблюдаемыхъ въ области умственной, религіозной, общественной и экономической. Въ сферѣ экономическихъ явленій это движеніе выразилось, между прочимъ, массовымъ стремленіемъ крестьянъ къ улучшенію своего хозяйства. Улучшеніе это достигается и путемъ личныхъ усилій домохозяевъ лучше обработать, при помощи болѣе совершенныхъ орудій, находящіеся въ ихъ пользованіи участки, засѣять эти послѣдніе лучшими сѣменами, ввести разнообразныя культуры,—и путемъ общественнымъ, когда, по согласію цѣлой общины, предпринимаются болѣе радикальныя преобразованія, вродѣ измѣненія сѣвооборота со введеніемъ посѣва травъ,—недоступнаго отдѣльному хозяину, поля котораго расположены черезполосно съ полями его односельцевъ и подчинены общему для всѣхъ сѣвообороту. Такія общественныя преобразованія крестьянскаго хозяйства, соотвѣтственно выяснившимся потребностямъ послѣдняго, составляютъ весьма обыкновенное явленіе въ центральной нечерноземной полосѣ: общины, перешедшія отъ трехполья къ многополью и примѣняющія посѣвъ на поляхъ травъ, въ московской, тверской, смоленской губ., считаются сотнями. Сравнительная легкость перехода въ этихъ губерніяхъ отъ трехпольнаго къ многопольнымъ сѣвооборотамъ обусловливается тѣмъ, что собственникомъ земли является община, и крестьяне привыкли къ общественному регулированію своего землепользованія. Въ иномъ положеніи находится дѣло въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля состоитъ не въ общинномъ, а въ личномъ владѣніи крестьянъ, но гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ, какъ и въ общинныхъ селеніяхъ, черезполосица владѣній и общій принудительный сѣвооборотъ. Отдѣльные хозяева лишены здѣсь, какъ и въ общинѣ, возможности измѣненія сѣвооборота, а отсутствіе живой

общинной жизни препятствуетъ осуществленію болѣе широкихъ хозяйственныхъ задачъ путемъ общаго соглашенія. Возникшее среди крестьянъ движеніе къ улучшенію своего хозяйства естественно привело, поэтому, къ постановкѣ въ такихъ мѣстностяхъ вопроса объ освобожденіи отдѣльныхъ владѣній отъ неудобствъ, связанныхъ съ существованіемъ черезполосицы и зависимости одного домохозяина отъ всѣхъ совладѣльцевъ. Это выразилось въ стремленіи крестьянъ разверстать свои владѣнія въ „отрубные участки" и выселиться на послѣдніе, дабы быть ближе къ полямъ. Движеніе это существуетъ въ западныхъ губерніяхъ Россіи. Оно возникло въ сувалкской губ. царства польскаго, подъ вліяніемъ законодательства, еще въ шестидесятыхъ годахъ истекшаго вѣка, перешло въ смежную ковенскую губ. въ семидесятыхъ годахъ, самостоятельно проявилось въ Бѣлоруссіи и юго-западномъ краѣ въ восьмидесятыхъ годахъ, а особенно быстро стало распространяться въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ.

Названная въ заголовкѣ нашей замѣтки книжка А. А. Кофодъ посвящена описанію этого движенія, основанному преимущественно на свѣдѣніяхъ, собранныхъ на мѣстахъ. Авторъ описываетъ нѣсколько районовъ движенія крестьянъ къ разселенію хуторами. Одинъ районъ охватываетъ шесть волостей ковенской губ.; другой распространяется на четыре волости витебской и двѣ—могилевской губ.; третій охватываетъ семь волостей житомірскаго уѣзда. Кромѣ этихъ крупныхъ районовъ имѣются нѣсколько мелкихъ, гдѣ движеніе возникло очень недавно. Изъ нихъ особенно интересенъ районъ въ порѣчскомъ уѣздѣ смоленской губ., въ области господства общины. Описываемое авторомъ движеніе непосредственно вызывалось примѣромъ переселенцевъ—латышей и нѣмцевъ,—пріобрѣтавшихъ или арендовавшихъ землю и селившихся на ней хуторами, пропагандой поселянъ, ознакомившихся съ порядками хуторскаго хозяйства на сторонѣ и воздѣйствіями мировыхъ посредниковъ. Описавъ тѣ пріемы, при помощи которыхъ достигалось осуществленіе разселенія, г. Кофодъ останавливается затѣмъ на вопросѣ о томъ, какое вліяніе оказало разселеніе на хозяйство, благосостояніе и бытъ крестьянъ. Не производя сплошного подворнаго изслѣдованія хозяйства разселившихся крестьянъ и оставшихся при прежнихъ порядкахъ, авторъ, конечно, не могъ дать обстоятельнаго отвѣта на поставленные вопросы и ограничился приведеніемъ „кое-какихъ" собранныхъ имъ свѣдѣній по этимъ предметамъ. Что касается улучшеннаго хозяйства—таковое проявляется не столько въ коренныхъ его преобразованіяхъ, сколько въ лучшемъ примѣненіи пріемовъ въ рамкахъ старыхъ порядковъ. „Площадь пашни увеличивается распахиваніемъ пустырей и залежей; замѣтна болѣе тщательная обработка полей, болѣе ровное удобреніе и повышеніе

урожайности. Скотъ качественно улучшается; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣтно уменьшеніе его количества". Повсюду практикуется травосѣяніе; но „врядъ-ли еще можно говорить объ общемъ стремленіи къ переходу на многопольное хозяйство опредѣленнаго типа". Крестьяне говорятъ, что на хуторахъ имъ живется лучше, чѣмъ въ деревнѣ, но „прямыя указанія на вліяніе разселеній на благосостояніе крестьянъ собрать очень трудно". Вопросъ этотъ осложняется тѣмъ, что малоземельные изъ разселившихся домохозяевъ продаютъ свои участки сосѣдямъ съ тѣмъ, чтобы купить себѣ землю въ большемъ размѣрѣ гдѣ-либо на сторонѣ. Самая бѣдная часть населенія, поэтому, оставляетъ колоніи, но и уноситъ съ собой деньги, получаемыя въ хозяйствахъ болѣе зажиточныхъ. Этотъ отливъ малоземельныхъ не привелъ пока, насколько могъ узнать авторъ, къ образованію безземельныхъ хозяевъ (не считая, конечно, тѣхъ, которые вовсе не получили земли,—положеніе коихъ ухудшилось). „Это, впрочемъ, указываетъ только на чисто земледѣльческій характеръ этихъ мѣстностей",—поясняетъ г. Кофодъ. Разселеніе въ промышленномъ районѣ „несомнѣнно привело бы къ обезземеленію части крестьянъ. Другое дѣло, было бы ли это къ добру или худу. Съ чисто сельско-хозяйственной точки зрѣнія нѣтъ основанія привязывать къ землѣ тѣхъ, душа которыхъ къ ней не лежитъ". Это—совершенная истина; но вынужденнымъ продать участокъ можетъ оказаться и тотъ, кто не чувствуетъ отвращенія къ хозяйству, и вопросъ о соціальныхъ результатахъ обезземеленія населенія рѣшается такъ или иначе въ зависимости отъ того, насколько въ соотвѣтствіи съ этимъ процессомъ развиваются источники приложенія рабочихъ силъ внѣ сферы сельскаго хозяйства.

Менѣе утѣшительны и болѣе рѣшительны приводимыя г. Кофодъ свѣдѣнія о соціальныхъ послѣдствіяхъ разселенія. „Интересъ крестьянъ къ общественнымъ дѣламъ несомнѣнно падаетъ вслѣдствіе разселенія; это—повсемѣстное явленіе. На сходку они собираются вяло, и трудно ихъ настроить на какое-либо кооперативное дѣйствіе". Посѣщеніе школъ уменьшается, и разселившіеся начинаютъ заводить доморощенныхъ учителей изъ отставныхъ солдатъ. Авторъ высказываетъ въ утѣшеніе, что нѣмцы, рядомъ живущіе въ хуторахъ, доводятъ же всѣхъ своихъ дѣтей до грамотности; но значеніе этого утѣшенія значительно ослабляется замѣчаніемъ, что и нѣмцы, судя по жалобамъ учителей ихъ школъ, равнодушны къ школѣ. Близкія и частыя общенія людей между собою, вызываемыя ихъ нуждами и сосѣдствомъ, составляютъ такой важный факторъ умственнаго и соціальнаго развитія, что разъединеніе земледѣльцевъ—территоріальное и хозяйственное,—не успѣвшихъ еще выработать привычку къ умственной

дѣятельности и общественному удовлетворенію разныхъ своихъ нуждъ, можетъ сыграть лишь отрицательную роль въ соціальномъ развитіи страны. Правда, кто, какъ хуторянинъ могилевской губ., „всѣ праздники проводитъ на своихъ завалинкахъ, ни на какихъ сходкахъ не бываетъ и въ волостное правленіе годами не ходитъ или, какъ въ ковенской губ., сидитъ себѣ въ застѣнкѣ, никого знать не хочетъ и на общественныя дѣла идетъ крайне туго, или, наконецъ, какъ на Волыни, дичится и чуждается людей,—не будетъ участникомъ нежелательныхъ дѣйствій толпы" вродѣ нарушенія правъ чужой собственности. Но вѣдь пропаганда разселенія ведется не съ цѣлями предупрежденія того, что называется „безпорядками", а имѣетъ задачей достиженіе нѣкоторыхъ результатовъ положительнаго характера. Таковыхъ, однако, какъ видно изъ вышеизложеннаго, трудно ожидать въ области интеллектуальной и соціальной жизни, и совершенно, поэтому, естественно, если въ нѣкоторыхъ земствахъ полтавской губ.,—на обсужденіе которыхъ поставленъ вопросъ о разселеніи мѣстныхъ земледѣльцевъ,—противъ даннаго проекта высказанъ былъ протестъ во имя предупрежденія возможнаго одичанія населенія.

IX.

— Кустарные промыслы. Статистическій сборникъ по Ярославской губерніи. Выпускъ 14. Ярославль. 1904.

Несмотря на то, что кустарная промышленность изучалась у насъ очень усердно, мы не имѣемъ точнаго статистическаго выраженія различныхъ сторонъ этой области народнаго труда. Происходитъ данное явленіе отъ того, что кустарные промыслы въ большинствѣ случаевъ изслѣдуются безъ примѣненія сплошного подворнаго опроса; а такія изслѣдованія даютъ достаточно матеріала для качественной, такъ сказать, характеристики явленій, но не для точнаго количественнаго его опредѣленія. Работа ярославскаго земскаго статистическаго бюро, названная въ заголовкѣ нашей замѣтки, принадлежитъ, напротивъ того, къ тѣмъ немногимъ изслѣдованіямъ кустарныхъ промысловъ, которыя основаны на сплошномъ подворномъ изученіи предмета и опираются, кромѣ того, на сплошное же подворное изслѣдованіе крестьянскаго хозяйства вообще. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что не всѣ кустарные районы обслѣдованы одинаково тщательно и подробно, и для точнаго статистическаго выраженія различныхъ отношеній авторы изслѣдованія вынуждены были пользоваться свѣдѣніями, относящимися лишь къ части кустарей.

Изданіе, составляющее предметъ настоящей замѣтки, раздѣляется на двѣ части. Въ одной сообщаются свѣдѣнія для всей ярославской губерніи, другая посвящена описанію отдѣльныхъ промысловъ. Ярославская губернія характеризуется широкимъ развитіемъ отхожихъ промысловъ, а мѣстная промышленность распространена въ ней слабо. Общее число кустарей врядъ ли достигаетъ здѣсь 20 тысячъ, и распредѣлены они по территоріи крайне неравномѣрно. Изслѣдованіе ярославскаго земства охватило очень различныя по величинѣ промышленныя единицы, въ томъ числѣ и такія, которыя принадлежатъ уже къ крупному производству. Изъ данныхъ, касающихся половины кустарей, видно, что $^3/_4$ промышленныхъ заведеній состоятъ изъ 1—2 рабочихъ, $^1/_5$ — изъ 3 — 5 трудящихся и 4% принадлежатъ болѣе крупнымъ предпріятіямъ, занимающимъ $^1/_7$ всего числа кустарей. Заведенія съ наемными рабочими составляютъ около $^1/_5$ части общаго числа промышленныхъ единицъ, а число наемныхъ рабочихъ—около $^1/_4$ кустарей. Въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь о составѣ промышленной единицы, приготовляющей, независимо отъ другихъ, тотъ или иной продуктъ; но капиталистическія отношенія проникли въ данную область не только для технической организаціи отдѣльныхъ промышленныхъ единицъ. Гораздо болѣе капиталъ захватилъ въ свои руки сбытъ продуктовъ кустарнаго промысла и снабженіе кустарей сырымъ матеріаломъ. На почвѣ же зависимости производителей отъ торговцевъ—при условіяхъ особой конкурренціи въ средѣ послѣднихъ и отсутствія организованныхъ кредитныхъ учрежденій для первыхъ—возникли разные формы и размѣры эксплоатаціи кустарей скупщиками; распространеніе этихъ формъ разсматриваемое нами изданіе пытается иллюстрировать статистически. Согласно даннымъ, касающимся $^2/_5$ кустарей, только $^1/_4$ часть заведеній не имѣетъ дѣла со скупщиками; другая четверть, свободно пріобрѣтая, какъ и первая, матеріалъ, выработанныя издѣлія продаетъ то потребителю, то скупщику или цѣликомъ сбываетъ ихъ послѣднему. Цѣлая же половина промышленныхъ единицъ получаетъ отъ скупщиковъ матеріалъ на условіи продажи или отдачи имъ готоваго издѣлія. Очень важнымъ вопросомъ организаціи кустарной промышленности является вопросъ о связи промысла съ земледѣліемъ. По этому предмету въ нашей литературѣ высказываются два мнѣнія: по одному изъ нихъ, кустарный промыселъ способствуетъ укрѣпленію связи крестьянина съ землею; по другому, онъ ведетъ къ разрыву этой связи. Болѣе детальнаго выясненія этого вопроса нужно ожидать отъ новыхъ авторовъ, опирающихся на богатый матеріалъ подворнаго изслѣдованія крестьянскаго хозяйства. Немало мѣста отводится этому вопросу и въ разсматриваемомъ изданіи; но самъ изслѣдователь подходитъ къ пред-

мету съ предвзятымъ взглядомъ, и это мѣшаетъ надлежащему разъясненію вопроса. Разбивая, напр., дворы кустарей на группы по различнымъ хозяйственнымъ признакамъ и сравнивая ихъ въ данномъ отношеніи съ среднимъ крестьянскимъ дворомъ ярославской губерніи, изслѣдователь упустилъ изъ виду, что преобладающая роль въ составѣ кустарей принадлежитъ населенію ярославскаго уѣзда, въ которомъ сельское хозяйство находится на болѣе низкой ступени, что въ число кустарей вошли жители районовъ, почти не имѣющихъ земли, и работницы-женщины, принадлежащія въ большинствѣ случаевъ къ совершенно обездоленнымъ семьямъ. Несмотря на всѣ эти обстоятельства, понижающія признаки, характеризующіе сельское хозяйство средняго кустаря сравнительно съ среднимъ крестьянскимъ дворомъ въ губерніи, авторъ общей части разсматриваемаго труда не могъ стойко держаться на разъ занятой позиціи и даетъ несогласованныя между собой заключенія. Начавъ изложеніе вопроса о связи промысла съ земледѣліемъ заявленіемъ, что мнѣніе о гармоническомъ сочетаніи того и другого и о выгодахъ для крестьянина отъ соединенія обоихъ занятій „въ корнѣ ошибочно“ (стр. 27); высказавъ, далѣе, предположеніе, что „кустарничество выросло на почвѣ упадка земледѣльческаго хозяйства, но, разъ возникшее, оно продолжало дѣйствовать разрушительнымъ образомъ на то же хозяйство“ (стр. 32),—черезъ нѣсколько страницъ авторъ высказываетъ заключенія, не вяжущіяся съ этими утвержденіями. „Пока промыселъ отнимаетъ свободное время отъ сельскихъ работъ, онъ не можетъ вредить этимъ послѣднимъ“,— говоритъ онъ. „Кромѣ того, доходы отъ промысла могутъ быть вложены въ земледѣльческое хозяйство“ (стр. 35). Растягиваніе рабочаго періода въ кустарномъ промыслѣ до извѣстнаго предѣла „не отражается вреднымъ образомъ на сельскомъ хозяйствѣ, можетъ быть даже улучшаетъ его“ (стр. 36). Въ спеціальной части изслѣдованія имѣется тоже много разсчетовъ и заключеній, противорѣчащихъ мнѣнію общей части о разрушительномъ вліяніи кустарныхъ промысловъ на сельское хозяйство.

Такъ, о посудникахъ говорится, что „въ большинствѣ случаевъ они ведутъ исправно земледѣльческое хозяйство“, и „нерѣдко, какъ всякій лишній заработокъ, промыселъ даже улучшаетъ послѣднее“ (стр. 8). „Земледѣльческое хозяйство у телѣжниковъ находится, повидимому, въ удовлетворительномъ состояніи“ (стр. 81). „Занимающіеся кузнечно-слесарнымъ промысломъ въ Бурмакинской волости крѣпче держатся за землю и больше занимаются пашней, чѣмъ остальное населеніе“ (стр. 162) и т. д.). Во многихъ случаяхъ, гдѣ не имѣется столь категоричныхъ замѣчаній, мнѣніе о благопріятномъ вліяніи промысла на земледѣліе подтверждается сравненіемъ признаковъ, рисую-

щихъ земледѣльческое хозяйство кустарей, и соотвѣтствующими признаками для средняго двора того же уѣзда. Эти послѣдніе признаки, впрочемъ, въ описаніи отдѣльныхъ промысловъ почему-то не указываются; а такъ какъ земледѣльческое хозяйство ярославскихъ крестьянъ, вообще, находится на невысокой ступени совершенства, то приводимыя въ разсматриваемомъ трудѣ свѣдѣнія о хозяйствѣ кустарей, безъ сопоставленія съ средними данными для района, бросаютъ неправильный свѣтъ на соотношеніе кустарнаго и земледѣльческаго промысловъ въ ярославской губерніи.

Можно было бы высказать и другія критическія замѣчанія относительно содержанія разсматриваемаго нами труда. Тѣмъ не менѣе, этотъ трудъ нельзя не считать весьма цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу о кустарныхъ промыслахъ, способнымъ разъяснить многія стороны этой важной области народной дѣятельности. Вопросъ о размѣрахъ кустарныхъ предпріятій, объ участіи въ производствѣ наемнаго труда, о распредѣленіи трудящихся по поламъ и возрастамъ, о продолжительности періода работъ, о сравнительномъ положеніи сельскаго хозяйства у самостоятельныхъ и наемныхъ кустарей и многіе другіе подвергаются въ этомъ изданіи болѣе или менѣе точному статистическому учету. За исключеніемъ немногихъ очерковъ, книга составлена Евг. Фед. Дюбюкъ.—В. В.

X.

— Руководство для чиновъ уѣздной полицейской стражи и конно-полицейскихъ командъ, съ приложеніемъ вопросовъ для испытанія желающихъ поступить на должности урядниковъ и стражниковъ. Составилъ *Н. И. Арефа*. Спб., 1904.

Новые сельскіе стражники, назначенные для наблюденія за порядкомъ и спокойствіемъ въ деревенской Россіи, согласно указу 1903 г., не имѣютъ еще подробной инструкціи, которая должна быть утверждена министромъ внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министромъ юстиціи. Очень можетъ быть, что эта инструкція вполнѣ точно и удобопонятно объяснитъ почтеннымъ полицейскимъ чинамъ ихъ разнородныя обязанности; но существующіе до сихъ поръ законы о правахъ и задачахъ полиціи отличаются такою неопредѣленностью и даютъ исполнителямъ такія широкія полномочія, что правильное примѣненіе ихъ едва ли вообще возможно на практикѣ. Предполагается, что полицейскіе чины самимъ фактомъ своего назначенія пріобрѣтаютъ власть и способность распоряжаться во всѣхъ сферахъ общественной и умственной жизни народа, и эта фикція всевластія и всезнанія нерѣдко прямо вытекаетъ изъ текста отдѣльныхъ постановленій.

Сборникъ, изданный г. Н. И. Арефою подъ именемъ руководства, заключаетъ въ себѣ много правилъ устарѣлыхъ и стѣснительныхъ, изъ которыхъ сельскіе урядники изъ писарей и фельдфебелей могутъ сдѣлать совершенно неожиданные выводы. Законъ предписываетъ, напримѣръ, полиціи „имѣть надзоръ, *чтобы никто* въ противность должнаго послушанія законнымъ властямъ *ничего не предпринималъ*; она пресѣкаетъ въ самомъ началѣ всякую новизну, законамъ противную“ (стр. 58). Какъ понять это постановленіе и чтò собственно имѣетъ оно въ виду? Исполнители могутъ, пожалуй, заключить, что никто изъ обывателей не долженъ ничего предпринимать даже въ своихъ частныхъ дѣлахъ безъ особаго дозволенія начальства, и что всякая новизна, хотя бы полезная, должна быть пресѣкаема въ самомъ началѣ, если она не предусмотрѣна закономъ. Заботясь о томъ, чтобы не предпринималось нѣчто неизвѣстное, полиція могла бы стѣснить всякое проявленіе личнаго почина и предпріимчивости, вмѣшивалась бы въ частную жизнь и дѣятельность, усматривала бы отсутствіе „должнаго послушанія законнымъ властямъ“ въ такихъ дѣйствіяхъ, для которыхъ вовсе не требуется полицейскаго разрѣшенія, и пресѣкала бы въ самомъ началѣ самыя благотворныя начинанія. Стремленіе заглушить жизнь и сдѣлать ее невозможною для интеллигентныхъ людей въ глухой провинціи принимается слишкомъ часто за истинную задачу полиціи, и такое пониманіе полицейскихъ функцій, къ сожалѣнію, находитъ опору въ неясныхъ и двусмысленныхъ законахъ. „Полиція наблюдаетъ, чтобы благочиніе, добронравіе, порядокъ и все предписанное закономъ для общей и частной пользы было исполняемо и сохраняемо, а въ случаѣ нарушенія приводитъ всякаго, несмотря на лицо, къ исполненію предписаннаго закономъ“... „Полиція имѣетъ попеченіе, чтобы молодые и младшіе почитали старшихъ и старыхъ, чтобы дѣти повиновались родителямъ, а слуги своимъ господамъ и хозяевамъ“. Такого рода общія правила отдаютъ въ сущности всю частную и личную жизнь населенія подъ контроль усердныхъ полицейскихъ служителей, имѣющихъ свои особыя и иногда крайне смутныя понятія о добронравіи, объ общей и частной пользѣ, о повиновеніи старшимъ. „Запрещается чинить ложныя разглашенія и распространять разсужденія, умствованія и толки предосудительные для правительства и разсѣявать слухи о военныхъ и политическихъ происшествіяхъ, къ нарушенію народной тишины и покоя клонящіеся“ (стр. 51). Какъ запретить людямъ разсуждать и „умствовать“ по поводу происходящихъ событій, затрогивающихъ всѣхъ и каждаго? Если кто будетъ разглашать въ народѣ вычитанные изъ газетъ „предосудительные толки“ объ очищеніи нами Лаояна или „разсѣявать“ слухи о разгромѣ нашего тихоокеанскаго флота, то неужели этотъ есте-

ственный интересъ, вызываемый войною, подлежитъ запрещенію и преслѣдованію со стороны уѣздной полиціи?

Вмѣсто того, чтобы охранять безопасность жителей отъ воровъ и разбойниковъ, полиція обязывается слѣдить за поведеніемъ мирныхъ обывателей, запрещать имъ то, что̀ никому не вредитъ, и контролировать разныя безобидныя развлеченія и увеселенія, которыя собственно вовсе не касаются администраціи. Такъ напр., запрещается „въ продолженіе святокъ заводить, по нѣкоторымъ стариннымъ идолопоклонническимъ преданіямъ, игрища, и наряжаясь въ кумирскія одѣянія, производить по улицамъ пляски и пѣть соблазнительныя пѣсни". Или запрещаются „лжепредсказанія и лжепредзнаменованія"; слѣдовательно, вѣрныя предсказанія и предзнаменованія дозволены; но можно ли требовать отъ стражниковъ, чтобы они безошибочно отличали вѣрныя предзнаменованія отъ ложныхъ? „Запрещаются азартныя игры въ карты и всякія другія (!); запрещается участвовать въ азартныхъ играхъ и способствовать имъ. Полиція должна имѣть неослабное бдѣніе, дабы запрещенныя игры нигдѣ производимы не были, и сборища для запрещенныхъ игръ неукоснительно были открываемы. Въ случаѣ запрещенной игры полиція имѣетъ изслѣдовать: въ какую игру играли, въ какія деньги что̀ играли, чѣмъ играли, о времени когда играли, о мѣстѣ, гдѣ играли, объ околичностяхъ, объясняющихъ, въ какомъ намѣреніи играли, и утверждающихъ или обличающихъ, какъ играли, и о игрокахъ, которые въ игрѣ участвовали". Впрочемъ, „если игра игроку служила забавою или отдохновеніемъ посреди своей семьи, и съ друзьями, и притомъ оная не принадлежитъ къ числу игръ запрещенныхъ, то вины нѣтъ" (стр. 74—75). Зачѣмъ же возлагать на полицію, и въ томъ числѣ на низшихъ ея агентовъ, непосильную обязанность наблюдать за нравственностью обывателей, за ихъ мирными домашними занятіями и забавами, до которыхъ въ сущности не должно быть никакого дѣла урядникамъ и ихъ начальству? „Запрещается всѣмъ и каждому заводить и вчинать въ городѣ (значитъ, въ деревнѣ дозволено) общество, товарищество, братство или иное подобное собраніе безъ вѣдома или согласія правительства" (стр. 57); слѣдовательно, нельзя сходиться для совмѣстнаго чтенія общеполезныхъ и душеспасительныхъ книгъ, или образовать мѣстное общество трезвости, а собираться въ кабакѣ для пьянства и безобразій никогда не запрещалось.

Подробныя разъясненія и наставленія, даваемыя полицейскимъ чинамъ въ циркулярахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, отличаются по обыкновенію высокимъ канцелярскимъ стилемъ, говорятъ о „строгой честности, безпристрастіи и неподкупности", предлагаютъ неуклонно слѣдовать по пути добродѣтели для пріобрѣтенія „довѣрія и уваженія

всѣхъ обывателей" (стр. 14), хотя ничего подобнаго нельзя и требовать отъ урядниковъ и даже становыхъ при обычныхъ условіяхъ выбора и назначенія кандидатовъ на эти отвѣтственныя и плохо оплачиваемыя должности. Предоставляя полиціи обширную и почти ничѣмъ не ограниченную власть надъ населеніемъ, законъ въ то же время сознаетъ ничтожество и безправіе низшихъ полицейскихъ агентовъ передъ высшими: „чины уѣздной полицейской стражи—говорится въ законѣ—не должны быть отвлекаемы, хотя бы временно, для исполненія какихъ-либо порученій, не относящихся къ законнымъ ихъ обязанностямъ"; становымъ приставамъ разъясняется, что они „не должны злоупотреблять своею властью по отношенію къ чинамъ уѣздной полицейской стражи, и не вправѣ удерживать урядниковъ и стражниковъ при своихъ квартирахъ болѣе чѣмъ сколько это необходимо для служебныхъ съ ними объясненій", или употреблять ихъ на „какія-либо частныя для себя или другихъ услуги" (стр. 8); но это нравственное предписаніе, ничѣмъ не санкціонированное, совершенно парализуется другимъ правиломъ, по которому низшіе агенты полиціи безконтрольно подвергаются карательнымъ мѣрамъ и не могутъ за это жаловаться на своихъ непосредственныхъ начальниковъ. „Становой приставъ имѣетъ право объявлять чинамъ полицейской стражи выговоръ и подвергать стражниковъ аресту до трехъ сутокъ. Жалобы на наложеніе дисциплинарныхъ взысканій не допускаются, если взысканіе не выходитъ изъ предѣловъ власти, предоставленной начальнику, наложившему взысканіе" (стр. 12)). Поэтому употребленіе низшихъ полицейскихъ агентовъ для домашнихъ работъ и услугъ при квартирахъ становыхъ приставовъ и исправниковъ практикуется почти повсемѣстно, а между тѣмъ эти же служители облекаются широкими полномочіями наблюденія и контроля надъ жизнью крестьянской массы, вынужденной или подчиняться имъ безпрекословно, или откупаться отъ нихъ подарками и угощеніями.

Руководство г. Н. Арефы не облегчитъ положенія урядниковъ и стражниковъ въ дѣлѣ пониманія сложныхъ и часто несовмѣстимыхъ между собою задачъ и обязанностей уѣздной полиціи, ибо самые законы по этому предмету давно уже устарѣли и должны быть признаны безусловно непригодными для обезпеченія безопасности и спокойной жизни въ провинціальной Россіи. Изъ этого видно, что учрежденная въ прошломъ году сельская полиція не могла и не можетъ принести ожидаемой отъ нея пользы, пока не подверглись коренному пересмотру всѣ дѣйствующіе полицейскіе законы и постановленія. Основные взгляды на задачи и функціи полицейскихъ органовъ должны существенно измѣниться на практикѣ, для того чтобы эти органы власти были въ состояніи вполнѣ удовлетворительно, для пользы

всего населенія, исполнять тѣ важныя и точно опредѣленныя обязанности, которыя лежатъ на полиціи во всѣхъ другихъ культурныхъ государствахъ.—Л. С.

Въ теченіе ноября, въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Амієль.—Изъ дневника. Съ франц. М. Л. Толстая, п. р. и съ предислов. Л. Н. Толстого. 2-е изд. М. 904. Ц. 40 к.

Арсеній, епископъ Псковскій.—Изслѣдованіе и монографія по исторіи молдавской церкви. Съ 8 портретами. Спб. 904. Ц. 3 р.

Арсеньевъ, К. К.—Свобода совѣсти и вѣротерпимость. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

——— Законодательство о печати. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Байковъ, А. Л.—Современная международная правоспособность папства, въ связи съ ученіемъ о международной правоспособности вообще. Спб. 904. Ц. 3 р.

Блокъ, Александръ.—Стихи о Прекрасной Дамѣ. М. 904. Ц. 1 р.

Бобриковъ, Г. И., членъ Волынскаго губернскаго совѣщанія, ген.-отъ-инфант.—Мотивы преобразованія мѣстныхъ учрежденій. Спб. 904.

Богомазовъ, П.—Избранныя русскія пословицы. М. 905. Ц. 20 к.

Болквадзе, М. Г.—Исповѣдь адвоката. 11-е изд. Кіевъ, 904. Ц. 60 к.

Браиловскій, С. Н.—Учебный курсъ грамматики литературнаго русскаго языка для трехъ низшихъ классовъ коммерческихъ училищъ мин. финансовъ. Ч. II: Синтаксисъ. Спб. 904. Ц. 40 к.

Бродовскій, М. М.—Петербургскіе разсказы. Спб. 905. Ц. 1 р.

Брюнелли, Павел(ъ).—Легенды и настроени(і)я. Издано с(ъ) соблюденіемъ новаво (новаго) правописани(і)я. Це(ѣ)на один(ъ) рубль. Спб. 904.

Буличъ, Н. — Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго Университета. Разсказы по архивнымъ документамъ. Ч. II. Изд. 2-е. Спб. 904. Ц. 3 р.

Бухъ-Помтевъ, Н.—Данныя механики къ выясненію общественно-политическихъ вопросовъ. Харьк. 905. Ц. 80 к.

Бѣлый, Андрей.—Возвратъ. III симфонія. М. 905. Ц. 1 р.

Вахрушова, Вѣра.—Руководство для городскихъ и сельскихъ учителей и учительницъ. Изд. 5-е. Съ портр. Царя-Освободителя. Спб. 904. Ц. 20 к.

——— Сборникъ дѣтской литературы. Тетрадь 1. Спб. 904. Ц. 10 к.

Визировъ, Ив. Степ. — Нашита Конституция (споредъ измѣненията й отъ 1893 г.). Пловдивъ, 904. Ц. 1, 30 л.

Войничъ, Е.—Оводъ. Романъ изъ революціонной жизни Италіи XIX вѣка. Съ англ. З. А. Венгерова. Спб. 904. Ц. 80 к.

Гейне, Г.—Книга Пѣсенъ. Перев. В. А. Попова. М. 904. Ц. 30 к.

Герасимовъ, А. — Геологическая Карта Ленскаго золотоноснаго района. Спб. 904.

Гессенъ, I. В.—Судебная реформа. Великія реформы 60-хъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ, п. р. I. Гессена и А. И. Каминки II. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к

Гливенко, И. А.—Типы героевъ въ литературѣ, въ ихъ отношеніи къ дѣйствительности. Истор.-литер. гипотеза. Кіевъ, 904.

Гогель, С. К.—Судебные Уставы 1864 г. Значеніе ихъ въ исторіи русской культуры. Силы, обезпечившія быстрый и успѣшный ходъ судебной реформы. Спб. 904.

Головачевъ, П.—Россія на Дальнемъ Востокѣ. Спб. 904. Ц. 1 р.

Гринвудъ, Джемсъ. — Маленькій оборвышъ, романъ. Передѣлка съ англ. А. Н. Анненской (для дѣтей). Изд. 5-е. Спб. 905. Ц. 1 р.

Джорджъ, Г.—Избранныя рѣчи и статьи. Съ англ. С. Д. Николаевъ. Съ портретомъ автора и его біографіей. М. 905. Ц. 2 р. 50 к.

Дорофеевъ, Г. К.—Къ вопросу о реформѣ средней школы. Варш. 904.

Дриженко, Ѳ.—Работы гидрографической экспедиціи Байкальскаго озера въ 1902 г. Спб. 904.

Дубровинъ, Н., ред.—Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Собств. Е. И. В. Канцеляріи. Вып. 12. Спб. 903.

Дювернуа, Н. Л., проф.—Чтенія по гражданскому праву. Т. I: Введеніе и Часть общая. Вып. VII: Измѣненіе юридическихъ отношеній. Ученіе о юридической сдѣлкѣ. 4-е изд. Спб. 905. Ц. 1 р. 60 к.

Дьяконова, Елизавета. — Дневникъ на Высшихъ женскихъ курсахъ. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Евтатьевскій, К. — Учебникъ Русской Исторіи, съ приложеніемъ Родословной и Хронологической таблицъ и указателя личныхъ именъ. 9-е изд. Ц. 1 р. 40 к.

Ж., Владиміръ.—Бѣдная Шарлотта. Поэма. Спб. 904. Ц. 5 к.

Земинскій, В.—Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Вып. 2. Ч. 2-я. Изд. 4-ое. М. 905. Ц. 2 р.

Зѣлинскій, Ѳ.—Изъ жизни идей. Научно-популярныя статьи. Спб. 905. Ц. 1 р. 25 к.

Капустинъ, М. Я.—Образованіе и здоровье. Актовая рѣчь въ Казан. Университетѣ 5 ноября 1904 г. Каз. 904. Ц. 40 к.

Каутскій, К.—Изъ исторіи общественныхъ теченій. Перев. Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб. 905. Ц. 2 р.

Клейстъ, Генрихъ ф.—Михаэль Кольгазъ. Изъ старинной хроники. Перев. О. Брандтъ. Спб. 904. Ц. 40 к.

Клоссовскій, А.—Каф(ѳ)едра физической географіи въ Имп. Новороссійскомъ Университетѣ. 1880—1904. Од. 905.

——— Символы элементарной математики. Од. 905.

——— Климатологія въ связи съ климатотерапіей и гигіеной. Од. 904.

Коваленскій, М.—Старая и новая Японія. Историческій очеркъ. М. 904. Цѣна 35 к.

——— Японія. Очерки японской культуры. Причины войны. М. 904. Цѣна 20 коп.

Козловъ, В. Д.—Въ тылу у японцевъ. Дневникъ военнаго корреспондента. Набѣгъ партизановъ на Корею. Спб. 904. Ц. 1 р.

Корнеліусъ, Гансъ. — Введеніе въ философію. Съ нѣм. I. Котляръ, п. р. проф. Н. Ланге. М. 905. Ц. 2 р.

Косинскій, В. А., проф. — Къ вопросу о мѣрахъ къ развитію производительныхъ силъ Россіи. Од. 904.

Кофодъ, А. А.—Опыты самостоятельнаго перехода крестьянъ къ хозяйству на отрубныхъ участкахъ надѣльной земли. Спб. 904.

Лейкинъ, Н. А.—Деревенская аристократія. Очерки сельской жизни. Изд. 2-е. Спб. 905. Ц. 75 к.

Линева, Е.—Великорусскія пѣсни въ народной гармонизаціи: Текстъ н. р. акад. Ѳ. Е. Корша. Вып. 1. Спб. 904.

Линниченко, И. А. — Профессоръ А. Е. Назимовъ. Біографія и воспоминанія. Од. 904.

Лопухинъ, А. П.—Православная Богословская Энциклопедія. Т. V: Донская Эпархія—Иѳика. Съ иллюстрац. и картами. Петроградъ, 904.

Лукьянская, В.—Дочь Лигійскаго царя, или: Изъ царства тьмы къ царству свѣта, романъ. Составл. по Сенкевичу. М. 904. Ц. 50 к.

Ляндау, Г.—Алгебра и геометрія, съ примѣненіемъ тригонометріи, заключающія рѣшенія задачъ. Варш. 904. Ц. 1 р.

Манасеинъ, М. П.—Матеріалы къ 100-лѣтнему юбилею Казанскаго Университета. Спб. 904.

Мануиловъ, А.—Очерки по крестьянскому вопросу. Собраніе статей. Вып. II. М. 905.

Милюковъ, П. — Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII стол. и Реформа Петра В. Изд. 2-е. Спб. Ц. 3 р. 50 к.

Милицына, Е.—Разсказы. М. 905. Ц. 1 р.

Миличъ, Е.—На досугѣ. Очерки и разсказы. Майнцъ, 904.

Норовъ, В.—Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики. Ч. I. Потребленіе вина; участіе общества въ борьбѣ съ пьянствомъ и въ организаціи виноторговли. Спб. 904. Ц. 1 р.

Поповъ, К. М.—Новости богословской литературы. Систематическій Указатель книгъ и журнальныхъ статей по наукамъ богословскимъ, философскимъ, юридическимъ, историческимъ и т. д. Сергіевъ-Посадъ, 904.

Прокоповичъ, С. Н.—Мѣстные люди о нуждахъ Россіи. Спб. 904. Ц. 2 р.

Пругавинъ, А. С.—Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ. Къ вопросу о вѣротерпимости. М. 905. Ц. 60 к.

Пряcловъ, М.—Вода и ея значеніе въ природѣ. М. 904. Ц. 50 к.

Пыпинъ, А. Н.—Н. А. Некрасовъ. Съ тремя портретами. Спб. 905. Ц. 2 р.

Реклю, Элизе.—Земля и люди. Всемірная географія. Вып. VII: Германія. Съ франц., н. р. Д. А. Коропчевскаго. Съ 82 иллюстраціями. Спб. 904. Цѣна 2 р. 50 к.

Реформатскій, А. — Неорганическая Химія (Начальный курсъ). 2-е изд. съ 7 портр. и 102 рис. М. 905. Ц. 2 р.

Риманъ, Г.—Музыкальный Словарь. Перев. съ 5-го нѣм. изд. Б. Юргенсона, п. р. Ю. Энгеля. Вып. XIX: Шпоръ—Японская музыка. М. 904.

Рыбкинъ, Н.—Рѣшенія стереометрическихъ задачъ, требующихъ примѣненія геометріи. Варш. 904. Ц. 1 р. 25 к.

Рѣдинъ, Е. К.—Музей изящныхъ искусствъ и древностей Имп. Харьковскаго Университета (1895—1905). Х. 904.

С., М.—Краткія свѣдѣнія по фармакогнозіи. Для студентовъ и фармацевтовъ. М. 905. Ц. 30 к.

Содди, Ф., проф.—Радіоактивность. Элементарное изложеніе съ точки зрѣнія теоріи распада атомовъ. Съ 38 рис. Съ англ. Ф. Индриксонъ. Спб. 904. Ц. 2 рубля.

Снегиревъ, Л. Ѳ.—Подставные акціонеры. Процессъ акціонеровъ Харьковскаго Земельнаго Банка съ гг. Рябушинскими и Кореневымъ. М. 904.

Сологубъ, Ѳ.—Книга сказокъ. М. 905. Ц. 80 к.

Стечькинъ, Н. Я.—Максимъ Горькій, его творчество и его значеніе въ

исторіи русской словесности и въ жизни русскаго общества. Спб. 904. Цѣна 1 р. 25 к.

Файфъ, Ч.—Исторія Европы XIX-го вѣка. Съ втор. англ. изд. перев. М. В. Лучицкой, п. р. проф. И. В. Лучицкаго. Изд. 2-е. Спб. 904. Ц. 5 р. 50 к.

Фибихъ, Клара. — Ради хлѣба насущнаго. Съ нѣм. В. Кошевичъ. М. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Худековъ, Алексѣй.—На пашнѣ. Очерки и разсказы. Спб. 905. Ц. 80 к.

Чеховъ, Н. В., состав. — Книги для дѣтскаго чтенія, учебники и учебныя пособія (болѣе 10.000 названій). М. 905. Ц. 25 к.

Шнитцлеръ, Арт.—Одинокій путь. Пьеса въ 5 д. Перев. Э. Маттерна и А. Воротникова. М. 904. Ц. 60 к.

Щербатовъ, кн. М. М. — Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ. Т. VII: ч. II, III и IV (неоконченная). П. р. И. П. Хрущова и А. Г. Воронова. Спб. 905. Ц. 4 р.

Шершеневичъ, I. Ф.—Исторія философіи права. Вып. I и II. Каз. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Шерненко, А.—Куртатинское ущелье и Цейскій ледникъ. Спб. 904.

Энгельсъ, Фр.—Философія, Политическая экономія, Соціализмъ. Перев. съ 3-го нѣм. изд. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

Эструпъ, I.—Изслѣдованіе о 1001 ночи, ея составѣ, возникновеніи и развитіи. Съ датск. Т. Ланге. Съ очеркомъ А. Крымскаго, въ переводѣ съ малорусскаго. М. 905. Ц. 1 р. 25 к.

— Turcs et Grecs contre Bulgares en Macédoine. Préface de M. Louis Leger, membre de l'Institut. Par. 904.

— Библіотека И. Горбунова-Посадова, для дѣтей и для юношества. Человѣкъ, животныя и растенія. Начальное природовѣдѣніе. Состав. О. Шмайль, перев. съ нѣм. С. Порѣцкій. Вып. 1: Животныя и человѣкъ, съ 103 рис. Вып. 2: Растенія, съ 133 рис. и 8 табл. Ц. за оба вып. 1 р. 60 к.

— Внѣшняя торговля по Европейской границѣ за декабрь и за весь 1903 годъ. Вып. 225 (11). Спб. 904.

— Врачебная Хроника Харьковской губерніи. Годъ VIII. Х. 904.

— Деревенское хозяйство и деревенская жизнь, п. р. И. Горбунова-Посадова. Кн. 38: Плодовое садоводство. Вып. 1—Домашній формовый садъ, состав. Е. Поповъ, съ 196 рис. М. 904. Ц. 60 к. Вып. 2—Кустовый садъ, съ 28 рис. М. 905. Ц. 15 к. — Кн. 51: О борьбѣ съ засухами, проф. Костычева. М. 905. Ц. 1 р.—Кн. 2: Какъ дѣлать самодѣльныя крестьянскія вѣялки и молотилки. М. 904. Ц. 6 к.

— Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1901—1902 г. Изд. Дирекціи Имп. Театровъ, п. р. Л. Гельмерсена. Спб. 904.

— Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. 1903—4 г. Годъ IX. Кіевъ, 904.

— Журналъ Олонецкой Губернской оцѣночной Коммиссіи. Петрозаводскъ, 904.

— Извѣстія Восточнаго Института. П. р. Директора Инст. А. Позднѣева. V-ый годъ. Т. Х. Съ прилож. 11 картъ и плановъ и 8 страницъ китайскихъ текстовъ. Владив. 904.

— Краткій обзоръ дѣятельности Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній (33-й обзоръ). Дѣятельность отдѣловъ учебно-воспит. отдѣленія: а) географическаго и б) графическихъ искусствъ. Спб. 904. Ц. 20 к.

— Обзоръ внѣшней торговли Россіи по европейской и азіатской границамъ за 1902 годъ. Спб. 904.

— Общедоступная Библіотека Горбунова-Посадова, для семьи и школы. Вып. 1: Наши комнатныя растенія, состав. Е. Ельманова, съ 10 рис. Ц. 10 к. —Мой цвѣтникъ, Е. Ельмановой. Съ 80 рис. М. 905. Ц. 15 к.

— Отчетъ Одесской Городской Управы за 1903 г. по народному образованію. Од. 904.

— Отчетъ о дѣятельности Общества народныхъ чтеній во Владивостокѣ, 1901—1904 гг. Владив. 904.

— Педагогическая мысль. Изд. Коллегіи Павла Галагана, п. р. проф. И. Сикорскаго и И. Гливенко. Вып. 1. Кіевъ, 904.

— Приложеніе къ докладу Волчанской Уѣздной Земской Управы очередному собранію сессіи 1904 г.: „О переоцѣнкѣ городскихъ недвижимыхъ имуществъ". Харьк. 904.

— Разписъ на лекциитѣ за зимното полугодне 1904—1905 учебна година. София, 904.

— Сводъ свѣдѣній о финансовыхъ результатахъ и главныхъ оборотахъ по казенной продажѣ питей за 1903 г. Спб. 904.

— Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе Имп. Академіи Наукъ въ 1903 году. Спб. 904.

— Симферопольское Общество исправительныхъ пріютовъ за 1903 годъ. Симф. 904.

— Труды IX Пироговскаго Общества, изд. п. р. д-ра П. Н. Булатова. Т. I. Спб. 904.

— Тысяча 904-й годъ, въ сельско-хоз. отношеніи, по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. IV. Изд. Мин. Г. И. и З. Спб. 904.

— Хозяйственно-статистическій обзоръ Уфимской губерніи за 1903 годъ. Годъ VIII. Уфа, 904. Ц. 2 р. 25 к.

— Человѣческая жизнь. Ежемѣсячный журналъ. Кн. I: январь 1905 г. Спб. Подп. цѣна 2 р.

— Эпизодическія программы. Серія II. М. 904. Ц. 15 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Arthur Schnitzler. Die griechische Tänzerin. Wien. 1905 (Wiener Verlag).

Артуръ Шнитцлеръ въ послѣдніе годы почти исключительно писалъ пьесы для театра, и давно уже не появлялось въ печати сборниковъ его разсказовъ. Между тѣмъ, именно небольшими разсказами Шнитцлеръ и прославился впервые, какъ тонкій скептическій наблюдатель жизни, умѣющій различать все болѣзненное въ психологіи современныхъ людей, замѣчать скрытыя катастрофы подъ внѣшнимъ благополучіемъ жизни, и рисовать людей такими, какими они обнаруживаются только сами передъ собой, и то въ рѣдкія минуты душевныхъ потрясеній. Всякій знающій Шнитцлера хорошо помнитъ его художественно законченный сборникъ „Die Frau des Weisen", гдѣ каждый разсказъ является опытомъ надъ человѣческими чувствами, разлагающимися на истинную эгоистическую первооснову всего мнимо безкорыстнаго и самоотверженнаго.

Новый сборникъ разсказовъ Шнитцлера, „Die griechische Tänzerin", вышедшій теперь, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ перерыва, нѣсколько разочаровываетъ почитателей Шнитцлера. Вся острота таланта Шнитцлера ушла въ его пьесы, въ которыхъ дѣйствіе происходитъ на едва намѣченной границѣ между фарсомъ и трагедіей, а для разсказовъ остались лишь устарѣлые эффекты нѣсколько циничнаго юмора или же сострадательнаго отношенія къ людямъ, доходящаго до сентиментальности. Нѣкоторые изъ разсказовъ въ сборникѣ, названномъ по послѣдней повѣсти (это новинка—сборники принято называть по первой вещи) были уже напечатаны въ журналахъ, но впервые появляются теперь собранные въ книжку. Мы говоримъ о нѣсколько разочаровывающемъ впечатлѣніи, имѣя въ виду два среднихъ изъ четырехъ разсказовъ, составляющихъ книжку: „Послѣднее письмо Андрея Тамейера" и „Excentrik". Первый изъ этихъ двухъ разсказовъ написанъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Достоевскаго и проникнутъ жестокой ироніей, которая въ намѣреніи автора должна доходить до трогательности, но на самомъ дѣлѣ производитъ впечатлѣніе сентиментальности. Въ самомъ замыслѣ есть характерная для Шнитцлера скептическая нота. Совершая поступокъ для того, чтобы доказать

одно, человѣкъ именно этимъ поступкомъ доказываетъ какъ разъ противоположное, т.-е. ложь, вложенная въ слова (въ данномъ случаѣ святая ложь, внушенная любовью), разрушается печальной истиной событій и поступковъ, какъ бы отъ нихъ ни ограждать себя словами. Тамайеръ убиваетъ себя для того, чтобы доказать всему свѣту невиновность своей жены въ измѣнѣ супружеской вѣрности. Въ предсмертномъ письмѣ онъ и объясняетъ свой поступокъ исключительно желаніемъ подтвердить свою вѣру въ вѣрность жены; онъ заявляетъ, что фактъ рожденія у него сына, похожаго съ виду на негритенка,— простая игра природы, примѣры которой приводятъ въ большомъ количествѣ разные авторитетные ученые. Настаивая на научныхъ доводахъ, Тамайеръ излагаетъ обстоятельства дѣла, изъ которыхъ совершенно ясно, что никакой „игры природы" не было и рожденіе чернокожаго ребенка объясняется совершенно естественно. Самый же фактъ самоубійства обманутаго мужа доказываетъ противоположное намѣреніямъ несчастнаго—не вѣру въ правоту жизни передъ нимъ, а отчаяніе. Чѣмъ смиреннѣе его слова, чѣмъ больше онъ доказываетъ невозможность измѣны, которая была бы слишкомъ чудовищна въ виду связывавшей его съ женой любви, тѣмъ яснѣе вина обманувшей его женщины. Самоубійство подтверждаетъ фактъ измѣны, вмѣсто того, чтобъ опровергнуть его, и хотя Тамайеръ умираетъ, благословляя, а не проклиная, все-же его оправданіе звучитъ жестокой ироніей, въ которой столько же мятежнаго протеста, какъ въ гнѣвныхъ проклятіяхъ. Но къ сожалѣнію въ ироніи Тамайера много сентиментальности, и это портитъ разсказъ, притупляетъ его остроту; слишкомъ очевидно, что самоубійство въ такихъ обстоятельствахъ не можетъ служить оправданіемъ, и потому подвигъ Тамайера не столь великодушенъ, какъ просто нелѣпъ—или же предполагаетъ демонизмъ раздавленнаго самолюбія, мстящаго этимъ путемъ. Этого оттѣнка, однако, нѣтъ въ героѣ разсказа, и потому остается впечатлѣніе слащавости, несовмѣстимой съ трагизмомъ положенія. Другой маленькій разсказъ, „Excentrik", не представляетъ интереса. Это довольно циничный анекдотъ о несчастіяхъ человѣка, который полюбилъ кафешантанную пѣвицу на амплуа „excentrik", вводящую эксцентричность и въ свою жизнь. Ея другу приходится считаться со всѣми избранниками ея капризнаго сердца, т.-е. со всѣми карликами и великанами, ея товарищами по сценѣ, что̀ кончается траги-комичными испытаніями для него. Въ разсказѣ интересенъ развѣ только спеціально вѣнскій и даже Шнитцлеровскій легкій тонъ діалога.

Но въ книжкѣ есть два большихъ разсказа, представляющихъ несомнѣнный художественный интересъ и по замыслу подходящихъ къ прежнимъ разсказамъ Шнитцлера. Первый изъ этихъ разсказовъ на-

чинаетъ собой сборникъ и озаглавленъ: „Слѣпой Іеронимъ и его братъ“. Въ исторіи двухъ итальянскихъ нищихъ, живущихъ на границѣ Тироля и Италіи, отражена глубокая мысль о характерѣ вины человѣка передъ карающей его судьбой. Изъ двухъ братьевъ, Іеронимо и Карло, казалось бы, болѣе несчастенъ слѣпой Іеронимо, а между тѣмъ внутренняя трагедія, которую переживаетъ его младшій братъ, гораздо страшнѣе, потому что онъ искупаетъ вину, въ которой неповиненъ. Іеронимо—не слѣпой отъ рожденія, а ослѣпъ въ дѣтствѣ по винѣ брата, который, стрѣляя изъ лука, попалъ ему въ глазъ и такъ несчастливо, что послѣ долгихъ мученій мальчикъ ослѣпъ на оба глаза. Вся жизнь Карло была посвящена съ этой минуты брату, котораго онъ любилъ съ исключительной нѣжностью и полюбилъ послѣ несчастья еще болѣе острой и болѣзненной любовью. Братья жили очень дружно, и вся жизнь Карло сосредоточилась на заботахъ о братѣ, обездоленномъ по его невольной винѣ. Ихъ стали преслѣдовать всяческія несчастія. Отецъ ихъ разорился, долженъ былъ продать свою маленькую землицу, пострадавъ отъ нѣсколькихъ лѣтъ неурожая. Деньги свои онъ потерялъ, отдавъ ихъ обманувшему его родственнику, потомъ умеръ отъ огорченія, и братья остались одни совершенно нищими; источникомъ пропитанія оказалось умѣнье Іеронимо пѣть, аккомпанируя себѣ на гитарѣ. Братья бродятъ вдвоемъ и живутъ на то, что̀ даютъ проѣзжіе за пѣніе слѣпца. Полное довѣріе и полная дружба Іеронимо и Карло облегчаютъ имъ печаль ихъ жизни.

Психологическій экспериментъ, на которомъ основанъ разсказъ, начинается демоническимъ нарушеніемъ этой грустной идилліи братской любви. Какой-то проѣзжій разыгрываетъ демоническую шутку съ братьями. Послушавъ съ удовольствіемъ пѣніе слѣпца, онъ даетъ его брату франковую монету, за которую тотъ его горячо благодаритъ, привыкши къ болѣе скромному подаянію. Но когда Карло уходитъ, проѣзжій говоритъ слѣпцу:—„Берегись, чтобы братъ тебя не обманулъ. Я вѣдь ему далъ двадцатифранковую золотую монету“. Съ этими словами онъ уѣзжаетъ, посѣявъ непоправимое зло. Слѣпецъ спокойно и увѣренно ждетъ сообщенія брата о неожиданной щедрости незнакомца, а когда Карло не только не говоритъ ему о золотѣ, а даже принимаетъ изумленный видъ въ отвѣтъ на вопросъ Іеронима, послѣдній начинаетъ, дѣйствительно, подозрѣвать его въ обманѣ, и уже никакія увѣренія, никакіе объясненія и доводы Карло не могутъ изъять брошеннаго въ его душу подозрѣнія. Онъ теперь увѣренъ, что братъ всегда обманываетъ его, прячетъ деньги и тратитъ ихъ на собственныя удовольствія, безсовѣстно эксплоатируя слѣпого брата. Положеніе Карло—трагическое. Доказать свою невиновность

слѣпому нѣтъ никакой возможности, а между тѣмъ потерять довѣріе и любовь Іеронимо для него—самое страшное на свѣтѣ. Въ этомъ драматическомъ моментѣ и завязанъ Шнитцлеромъ узелъ отношеній между виной человѣка и его судьбой. Карло правъ передъ тѣмъ, что̀ для него свято—передъ братомъ, которому онъ безкорыстно отдалъ свою жизнь и готовъ далѣе приносить себя въ жертву для того, чтобы облегчить его судьбу. Но, исполняя до конца внушенія безкорыстной любви къ ближнимъ, жертвуя собой для брата, онъ нарушаетъ другой столь же священный законъ вѣрности самому себѣ, своему нравственному долгу. Онъ совершаетъ поступокъ, который въ его собственныхъ глазахъ не имѣетъ оправданія. Не съумѣвъ убѣдить Іеронимо въ томъ, что деньги не получены, онъ рѣшается добыть какими бы то ни было средствами двадцать франковъ золотомъ, чтобы такимъ образомъ вернуть довѣріе брата, убѣдить его, что деньги онъ не утаилъ, а только припряталъ для того, чтобы Іеронимо не пропилъ ихъ сразу въ трактирѣ. Карло крадетъ деньги на разсвѣтѣ у одного изъ проѣзжихъ, остановившихся въ той гостинницѣ, гдѣ хозяинъ пріютилъ изъ доброты и слѣпого пѣвца съ его братомъ. Потомъ, еще раньше, чѣмъ домъ поднимается на ноги, Карло уводитъ слѣпого брата. Они прощаются только съ хозяиномъ, причемъ Карло объясняетъ, что въ горахъ слишкомъ холодно и что они спѣшатъ спуститься въ долину. По̀ дорогѣ Карло даетъ брату ощупать краденую золотую монету, и разсказываетъ, что онъ ее припряталъ. Но каково же отчаяніе Карло, когда оказывается, что и эта послѣдняя жертва любви къ брату, жертва своею совѣстью, оказалась напрасной. Возвращенная монета служитъ для слѣпого только подтвержденіемъ его подозрѣнія. „Ну, да, конечно,—говоритъ онъ,—теперь ты отдаешь деньги, потому что испугался; но первымъ твоимъ желаніемъ было утаить деньги". Разсказъ заканчивается, однако, внутреннимъ примиреніемъ братьевъ. Когда ихъ нагоняютъ жандармы и Карло арестовываютъ по подозрѣнію въ кражѣ денегъ, т.-е. одной двадцатифранковой монеты, и слѣпца тоже задерживаютъ, какъ его сообщника, Іеронимо понимаетъ, наконецъ, что̀ произошло, какой подвигъ братъ свершилъ изъ любви къ нему, и крѣпко прижимаетъ его къ сердцу. Это для Карло величайшая награда. Вернувъ, или, вѣрнѣе, впервые обрѣтя всецѣло любовь брата, Карло готовъ идти въ тюрьму и претерпѣть какія-угодно страданія:—подвигъ его награжденъ. Въ этомъ разсказѣ долгъ къ ближнему рѣзко противопоставленъ долгу относительно своего внутренняго „я". Служа одному какъ святынѣ, человѣкъ нарушаетъ вѣрность другому и, оставаясь правымъ въ нравственномъ отношеніи, становится виновнымъ въ нарушеніи противоположнаго, столь же священнаго долга.

Вина эта трагическая, лежащая внѣ воли, и потому по существу не разрѣшимая. Шнитцлеръ все-таки хочетъ найти примиреніе, показать моментъ, когда противорѣчія сливаются, когда подвигъ альтруизма становится исполненіемъ закона индивидуальной личности. Въ ту минуту, когда Іеронимо понялъ подвигъ брата, для Карло наступило какъ бы полное оправданіе всей его жизни, сознаніе гармоніи съ цѣлью его жизни. Вся его жизнь сосредоточена была на стремленіи искупить свою трагическую вину передъ братомъ, и только тогда, когда онъ совершилъ грѣхъ передъ самимъ собой, поступился совѣстью, укралъ,—изъ любви къ нему,—тогда только получилось какое-то таинственное равновѣсіе, которое внесло въ отношенія братьевъ паѳосъ истинной любви.

Чисто психологическій интересъ представляетъ другой большой разсказъ Шнитцлера, „Греческая танцовщица", давшій заглавіе всему сборнику. Это—этюдъ женской ревности, сдѣланный со свойственнымъ Шнитцлеру любопытствующимъ отношеніемъ къ скрытой правдѣ чувствъ. Дѣло идетъ о смерти молодой женщины, умершей, будто бы, отъ разрыва сердца; разсказчикъ на основаніи своихъ наблюденій показываетъ, что за этой смертью скрывается самоубійство. Героиня—жена молодого, избалованнаго судьбой скульптора. Онъ очень красивъ, жизнерадостенъ и пользуется большимъ успѣхомъ у женщинъ; она не красива, сама это знаетъ—и говоритъ, что она не ревнива. Весь паѳосъ ея жизни, то, что вливаетъ въ нее энергію и на время поддерживаетъ ее, заключается въ стремленіи убѣдить себя и другихъ, что она не ревнива, и, главное, скрыть отъ мужа это чувство, отъ котораго она глубоко страдаетъ. Она разсказываетъ, что разучилась ревновать въ Парижѣ, сопровождая мужа на всѣ вечеринки и въ рестораны, куда собираются художники и ихъ подруги. Ее никто не принималъ за жену скульптора, такъ какъ въ мѣста, гдѣ они бывали вдвоемъ, не принято вводить женъ, и потому другія женщины не стѣснялись показывать вниманіе ея мужу при ней. Самымъ тяжелымъ испытаніемъ для нея было посѣщеніе какого-то кафешантана: для большей свободы она переодѣлась въ мужское платье и сама настаивала на томъ, чтобы мужъ ухаживалъ за сидѣвшей противъ нихъ за столикомъ странной женщиной въ бѣломъ платьѣ: завязался разговоръ, и незнакомка разсказала всю свою несложную, но грустную повѣсть много разъ обманутой женщины, рабыни своихъ инстинктовъ. Она оказалась по профессіи моделью; Матильда доказываетъ, до чего она чужда всякой ревности, тѣмъ, что она сама посовѣтовала мужу пригласить къ себѣ Мадлэну—такъ звали странную женщину въ бѣломъ платьѣ. Потомъ она, несмотря на настоянія мужа, отказалась присутствовать при сеансахъ лѣпки, чтобы показать, до чего она не

ревнуетъ и не имѣетъ основанія ревновать. Но въ ея словахъ, именно вслѣдствіе старанія скрыть подъ маской словъ душевныя муки, ясно проявляется тайна ея любящей души. Разговоръ о будто бы незнакомомъ ей чувствѣ ревности Матильда ведетъ въ прекрасномъ саду новой виллы богачей Вертгеймеровъ, гдѣ въ этотъ день празднуется новоселье при большомъ стеченіи публики. Гуляя по аллеямъ сада, разсказчикъ увидѣлъ недалеко отъ пруда стоящую на пьедесталѣ статую работы мужа Матильды, фигуру греческой танцовщицы. Статуя эта имѣла большой успѣхъ на выставкѣ и куплена была Вертгеймеромъ для его виллы. Неподалеку отъ статуи разсказчикъ встрѣчаетъ Матильду, жену скульптора, гуляющую тамъ въ сопровожденіи молодого человѣка, родственника хозяина, очевидно изъ любезности взявшаго на себя роль кавалера скромной, незамѣтной въ обществѣ Матильды. Разсказчикъ даже нѣсколько удивленъ, встрѣтивъ ее на вечерѣ. Онъ знаетъ, что жена хозяина, какъ и всѣ дамы общества, влюблена въ скульптора — можетъ быть даже больше, чѣмъ другія, знаетъ, что статуя куплена хозяиномъ дома, и все-таки не ожидалъ, что въ числѣ приглашенныхъ будетъ и скромная, нигдѣ не появляющаяся жена моднаго скульптора. Когда онъ начинаетъ бесѣду съ ней, лицо ея сначала принимаетъ напряженно-веселое выраженіе, точно предупреждая возможное сомнѣніе въ томъ, что она абсолютно счастлива. Разсказчикъ проводитъ весь вечеръ съ Матильдой, и за ужиномъ—гости сидятъ за отдѣльными столиками—она сама обращаетъ вниманіе своего собесѣдника на хозяйку дома и одну изъ ея пріятельницъ, сидящихъ за однимъ изъ сосѣднихъ столиковъ съ мужемъ Матильды и очень явно заигрывающихъ съ нимъ. Это даетъ ей поводъ заговорить на свою любимую тему о томъ, какъ она не ревнива, какъ ей невѣдомо это чувство, и въ подтвержденіе она и разсказываетъ исторію своего парижскаго пребыванія. Въ концѣ она прибавляетъ, что моделью для греческой танцовщицы и была та Мадлэна, на которую она же обратила вниманіе мужа. Закончивъ разсказъ, Матильда поднимаетъ глаза на мужа, который какъ разъ въ это время обернулся въ ея сторону, и во взглядѣ къ нему свѣтится не только любовь къ нему, но и полное довѣріе,—она повидимому считаетъ священнымъ долгомъ притворяться вполнѣ спокойной и довольной, чтобы не нарушать его эгоистическаго счастья даже мыслью о возможности ея страданій. Вскорѣ послѣ этого, разсказчикъ услыхалъ вѣсть о смерти Матильды, будто бы, отъ разрыва сердца. Въ эту причину смерти онъ не повѣрилъ послѣ бесѣды съ несчастной женщиной;—онъ оставляетъ за собой право гнѣва противъ человѣка, котораго Матильда такъ свято любила, что до конца скрывала отъ него правду своихъ страданій. Разсказъ этотъ сдѣланъ съ обычной

для Шнитцлера художественностью въ изображенiи противорѣчiй въ душѣ человѣка и съ обычнымъ умѣньемъ стирать границы между внѣшней ложью и внутренней правдой.

II.

Arthur Luther. Byron. Heine. Leopardi. Drei Vorträge. Moskau 1904. (Leipzig Kommissionsverlag Fr. Wagner).

Артуръ Лютеръ — нѣмецкiй журналистъ живущiй въ Россiи, въ Москвѣ; онъ представляетъ особый интересъ для насъ, какъ посредникъ между современной русской литературой и нѣмецкой публикой. Въ своихъ „русскихъ письмахъ“ въ „Litterarisches Echo“ и въ отдѣльныхъ статьяхъ о представителяхъ молодой русской литературы, въ особенности же московскихъ поэтовъ, Артуръ Лютеръ обнаруживаетъ полное пониманiе новыхъ литературныхъ явленiй и—что̀ еще важнѣе—духовной атмосферы, вызвавшей ихъ къ жизни. Это особенно большая заслуга въ виду того, что русская литература доходитъ обыкновенно до западной Европы только въ искаженномъ видѣ. Достаточно прочесть то, что̀ пишется нѣмецкими критиками о Горькомъ, чтобы убѣдиться въ непониманiи сущности и размѣровъ русскихъ литературныхъ явленiй. Статьи Артура Лютера составляютъ по своей содержательности цѣнное исключенiе изъ всего, что̀ пишется о русскихъ писателяхъ въ Германiи. Живя въ центрѣ русской духовной жизни, Артуръ Лютеръ съ большой компетентностью объясняетъ и обсуждаетъ новѣйшую русскую литературу, причемъ его никакъ нельзя причислить къ безусловнымъ сторонникамъ той или другой литературной группы. Онъ цѣнитъ талантъ нѣкоторыхъ поэтовъ и писателей молодого поколѣнiя, но не идеализируетъ ихъ, сохраняя безпристрастное отношенiе къ принципамъ ихъ творчества. Артуръ Лютеръ знакомитъ нѣмецкихъ читателей съ новѣйшими школами въ русской поэзiи и прозѣ, оставаясь самъ на сторонѣ болѣе выдержанныхъ реалистическихъ формъ, продолжая быть сторонникомъ литературы, служащей интересамъ широкихъ общественныхъ группъ, а не такой, которая удовлетворяетъ вкусамъ рѣдкихъ только изысканныхъ эстетовъ.

Литературные взгляды Артура Лютера ясно изложены въ вышедшей недавно небольшой книгѣ его о трехъ великихъ представителяхъ „мiровой скорби“: Байронѣ, Гейне и Леопарди. Очерки прочитаны были сначала въ видѣ лекцiй, и теперь собраны въ книгу „по просьбѣ слушателей“, какъ объясняетъ авторъ въ предисловiи. Та-

кого рода извиненіе въ сущности совершенно излишне, такъ какъ книга сама по себѣ очень интересна и содержательна.

Критикъ подступаетъ къ изучаемымъ имъ авторамъ съ особой точки зрѣнія. Онъ не стремится дать полный обзоръ дѣятельности каждаго изъ трехъ интересующихъ его поэтовъ, а хочетъ только выяснить то положительное, что̀ каждый изъ нихъ внесъ въ жизнь человѣчества.

Эта точка зрѣнія—чрезвычайно важная и придаетъ его небольшимъ очеркамъ бо̀льшій интересъ, чѣмъ если бы это были историко-литературныя статьи обычнаго типа. Особенно важно это относительно Байрона. О поэзіи Байрона мнѣнія очень различны. На родинѣ поэта стихъ его считается плоскимъ, утомительно прозаичнымъ, и большинству его произведеній ставятъ въ упрекъ недостатки художественной формы. Это сужденіе вызвано не только той непріязнью, которою Байронъ окруженъ въ Англіи; поэзія Байрона дѣйствительно настолько выше по своимъ настроеніямъ, чѣмъ по свойствамъ стиха, что она дѣйствуетъ именно своимъ духомъ, а не красотой формы. За исключеніемъ, быть можетъ, „еврейскихъ мелодій“ и еще нѣсколькихъ отдѣльныхъ стихотвореній изъ другихъ сборниковъ, поэзія Байрона, въ особенности же его поэмы, переполнена вялыми стихами. Многія мѣста, взятыя у него его послѣдователями, звучатъ у послѣднихъ много поэтичнѣе, прекраснѣе и ярче, чѣмъ у него. Сто̀итъ сравнить нѣкоторыя мѣста изъ „Гяура“ съ повтореніемъ ихъ въ „Мцыри“ Лермонтова, чтобы увидѣть, до чего „байронизмъ“ Лермонтова болѣе музыкаленъ, болѣе совершененъ по формѣ, чѣмъ поэзія его вдохновителя. Но сила Байрона—не въ стихѣ, а въ томъ, что онъ создалъ новую стихію для поэзіи — новую атмосферу, въ которой человѣческій духъ чувствуетъ себя свободнымъ и властнымъ. Эта атмосфера благородной гордыни, высшаго духовнаго аристократизма, сливающагося съ величайшимъ народолюбіемъ, но не допускающаго никакого единенія съ мѣщанствомъ толпы и съ мѣщанствомъ высшихъ и среднихъ классовъ общества, это стремленіе покорить все своей власти для того, чтобы съ полной свободой отвергнуть власть надъ міромъ во имя правды одиночества и созерцательной жизни на лонѣ природы, эта психологія мятежнаго индивидуализма, непримиримо враждующаго съ міромъ, безнадежно пессимистическаго, этотъ вызовъ дѣйствительности и жажда свободы—созданіе Байрона, и въ этомъ—его геніальность. Англичане не признаютъ его, потому что онъ—единственный пессимистъ во всей англійской поэзіи, единственно безутѣшный титанъ на британской землѣ; но для всего человѣчества онъ—свой, родной поэтъ, потому что онъ отразилъ самое сокровенное въ душѣ человѣка.

Артуръ Лютеръ именно такъ и понимаетъ Байрона. Это видно

изъ того, что онъ останавливается не на художественномъ разборѣ его произведеній, а на выведенныхъ имъ типахъ, въ которыхъ и сказывается созидательная сила Байрона. Лютеръ доказываетъ, что этими типами Байронъ обогащаетъ духовную жизнь человѣчества, и что поэтому считать его только пѣвцомъ отчаянія—величайшее заблужденіе. Напротивъ того, это—пѣвецъ духовнаго голода, ненасытной жажды сильной и прекрасной жизни, въ которой свобода и справедливость побѣдятъ ложь и мелочность мѣщанской, преисполненной лжи и притворства, дѣйствительности.

Съ такимъ опредѣленіемъ Байрона, какъ творческой, а не только разрушительной силы, согласится всякій, кто не слишкомъ загипнотизированъ шаблонной характеристикой Байрона, какъ ненавистника дѣйствительности. Онъ—величайшій пессимистъ въ смыслѣ вражды къ „мѣщанству“, но въ его пламенной жаждѣ полноты жизненныхъ силъ и безпредѣльной свободы—залогъ любви и вѣры въ преображенную дѣйствительность.

Все свое разочарованіе и весь свой духовный голодъ Байронъ вложилъ въ своихъ героевъ. Нѣмецкій критикъ дѣлитъ ихъ на три группы, представляющія разновидности одного и того же основного типа, т.-е. какъ бы различныя эманаціи самого поэта. Къ первой группѣ Артуръ Лютеръ причисляетъ великихъ эгоистовъ, человѣконенавистниковъ, преступниковъ съ высокой душой и мрачныхъ отшельниковъ. Во главѣ ихъ стоитъ Чайльдъ-Гарольдъ, а за нимъ—Гяуръ, Корсаръ, Лара и наконецъ Манфредъ. Эта группа мятежниковъ противъ условной нравственности, противъ законовъ общественности, дѣйствительно объединена ненавистью къ людямъ; но едва ли можно назвать эгоистомъ даже Чайльдъ-Гарольда: онъ ищетъ святынь, которымъ онъ могъ бы поклоняться, въ природѣ, въ подвигахъ героевъ старины, и далеко не создаетъ себѣ кумира изъ своего собственнаго внутренняго „я“. Еще меньше эгоизма въ другихъ, въ кающемся Гяурѣ, въ Корсарѣ, пламенномъ и въ ненависти, и въ любви, — или же въ мрачномъ Манфредѣ, мученикѣ своей жажды познать цѣль жизни. Ко всѣмъ имъ не подходитъ эпитетъ эгоистовъ уже потому, что эгоистичны бываютъ только люди „мѣщанскаго“ склада души, люди, которымъ нужны мелкія житейскія удовлетворенія, люди, не знающіе неограниченныхъ порывовъ духа. Любовь къ себѣ возвышенныхъ душъ — такихъ, каковы герои Байрона, — не можетъ быть эгоистична уже потому, что она связана съ величайшими душевными муками, которыхъ должны бояться эгоисты. Ко второй группѣ Лютеръ относитъ скептиковъ въ поэзіи Байрона — Беппо, Сарданапала, Донъ-Жуана, относящихся ко всему съ иронической улыбкой. Имъ кажется, что міръ не стòитъ того, чтобъ относиться къ нему серьезно, и они отдѣлываются отъ всего въ жизни

улыбкой.—Это не освобождающій смѣхъ великихъ юмористовъ,—прибавляетъ Лютеръ, — а наркотическое средство, притупляющее горечь, которую вызываетъ комедія жизни. Величайшія же созданія Байрона относятся къ третьей группѣ титановъ, возстающихъ противъ мірового порядка, въ которомъ человѣкъ сначала ввергнутъ въ грѣхъ, а потомъ долженъ страдать за него. Таковъ Каинъ, самая величественная фигура въ поэзіи Байрона. Разбирая подробно типы этихъ трехъ группъ, А. Лютеръ отдаетъ предпочтеніе тѣмъ, въ которыхъ сказывается любовь къ страдающему человѣчеству. Въ Манфредѣ онъ видитъ самое полное выраженіе ненависти къ людямъ и яркій прототипъ „сверхчеловѣка", который возродился теперь въ литературѣ. И ему онъ предпочитаетъ Каина, сокрушителя святынь во имя страждущаго человѣчества. Для него такимъ образомъ имѣютъ наиболѣе существенное значеніе общественные мотивы въ поэзіи Байрона. Ихъ онъ предпочитаетъ гордому индивидуализму такихъ его поэмъ, какъ Манфредъ. Но такъ какъ критикъ устанавливаетъ при этомъ тѣсную связь между отрицательными элементами въ творчествѣ Байрона и его творческимъ титанизмомъ, то въ общемъ получается очень интересная и вѣрная характеристика Байрона, какъ пѣвца творческихъ силъ, скрытыхъ въ человѣчествѣ, временно порабощенномъ и забывшемъ о спящей въ немъ силѣ.

Второй очеркъ въ книгѣ Артура Лютера посвященъ Гейне и представляетъ горячую защитительную рѣчь противъ многочисленныхъ враговъ Гейне. Критикъ отстаиваетъ Гейне отъ обвиненій въ полномъ скептицизмѣ, а также въ безнравственности. Прикладывать обычную мѣрку филистерской морали къ творческимъ натурамъ въ родѣ Гейне Артуръ Лютеръ справедливо считаетъ узкостью, но все-же онъ утверждаетъ, что своихъ святынь Гейне не нарушалъ, и что нѣтъ основаній клеймить его въ политическомъ индифферентизмѣ и другихъ прегрѣшеніяхъ, какъ это дѣлаетъ Бёрне. Лютеръ доказываетъ главнымъ образомъ, что Гейне далеко не былъ такимъ скептикомъ, какимъ его считаютъ, и что онъ только намѣренно прикрывался вышучиваніемъ своихъ же идеалистическихъ настроеній изъ чувства особой стыдливости, боязни быть уязвленнымъ насмѣшкой другихъ людей. Такое объясненіе диссонансовъ, которыми обрываются всегда лирическія стихотворенія Гейне, въ высшей степени своеобразно; вѣрно ли оно—это нужно оставить на совѣсти критика; у Гейне нельзя найти никакихъ основаній для такого рода психологическаго объясненія. Въ характеристикѣ Лютера Гейне рисуется убѣжденнымъ проповѣдникомъ гражданской свободы, только стоящимъ выше узко-партійныхъ интересовъ,—истиннымъ патріотомъ, любящимъ свою родину и потому съ особеннымъ жаромъ вышучивавшимъ все мелкое и уродливое въ ея жизни. Лютеръ ставитъ его также чрезвычайно высоко какъ поэта,

считая его лирику совершенной по формѣ. Но главная задача его очерка—оправдать Гейне какъ гражданина и выразить свое негодованіе по поводу столько разъ подымавшагося вопроса о памятникѣ поэту.

Книга заканчивается очеркомъ о третьемъ великомъ пѣвцѣ міровой тоски, Джіакомо Леопарди, и по поводу его творчества критикъ тоже находитъ возможнымъ говорить о торжествѣ любви на землѣ. Въ общемъ книга Лютера составляетъ интересный вкладъ въ исторію „литературы міровой скорби".—З. В.

III.

Eugène de Roberty. Nouveau programme de Sociologie. Paris, 1904. Стр. 268.

Нашъ соотечественникъ, г. Евгеній Де-Роберти, давно уже занимаетъ видное мѣсто въ ряду западно-европейскихъ ученыхъ соціологовъ и философовъ-позитивистовъ; въ настоящее время онъ состоитъ профессоромъ „новаго университета" въ Брюсселѣ и вице-президентомъ „Международнаго института соціологіи" въ Парижѣ. Изъ многочисленныхъ научныхъ трудовъ его пользуется наибольшею извѣстностью его книга о соціологіи, вышедшая въ 1880 году на русскомъ языкѣ и появившаяся вслѣдъ затѣмъ также во французскомъ изданіи. Въ этой работѣ, посвященной вопросу о задачахъ и методѣ соціологическихъ изслѣдованій, выразились уже съ полною ясностью основныя черты философскаго ума и міросозерцанія автора—спокойная, сознательная вѣра въ силу и авторитетъ отвлеченной мысли, склонность къ абстрактному логическому анализу даже въ мірѣ реальныхъ явленій, стремленіе къ созданію общихъ системъ, точныхъ классификацій и программъ, и вообще то, что̀ французы называютъ „духомъ системы".

Въ теченіе многихъ лѣтъ Е. В. Де-Роберти былъ вѣрнымъ послѣдователемъ и истолкователемъ позитивной философіи Огюста Конта; позднѣе онъ отказался отъ многихъ существенныхъ ея сторонъ, не отрекаясь отъ ея соціологическихъ положеній и обобщеній, и съ неутомимою энергіею возставалъ противъ идеи о „непознаваемомъ", доказывая отсутствіе недоступныхъ тайнъ для человѣческаго ума. Свои взгляды на характеръ и построеніе новой философіи онъ изложилъ въ нѣсколькихъ спеціальныхъ трактатахъ, преимущественно на французскомъ языкѣ: „L'Ancienne et la Nouvelle Philosophie" (по-русски: „Прошедшее философіи", 1886), „L'Inconnaissable, sa méthaphisque, sa psychologie", „La Philosophie du Siècle", „Agnosticisme", „La Re-

cherche de l'Unité", „A. Comte et H. Spencer". Работая надъ проблемами соціологіи, Е. В. Де-Роберти пришелъ къ заключенію, что матеріаломъ ея служитъ общественная психологія („соціальный психизмъ" или „соціальность"), а фундаментомъ—этика; послѣднею онъ занялся съ особенною любовью, стараясь создать новую соціально-этическую науку, главныя основы которой объяснены имъ въ четырехъ сочиненіяхъ: „L'Éthique. Le Bien et le Mal", „Le Psychisme social", „Les fondements de l'Éthique", „Constitution de l'Éthique", за которыми должна еще слѣдовать пятая книга: „La Morale, l'Art et la Conduite humaine".

Въ вышедшемъ недавно трактатѣ о „новой программѣ соціологіи" авторъ дѣлаетъ послѣдовательный обзоръ своихъ соціологическихъ теорій и гипотезъ, въ видѣ „общаго введенія къ изученію наукъ надъ-органическаго міра". Психическое общеніе и взаимодѣйствіе индивидуальностей образуютъ особый міръ явленій, которыя со времени Спенсера принято называть „надъ-органическими"; эти явленія предшествуютъ фактамъ личной психологіи, для которой они служатъ готовою соціальной средою или атмосферою, и потому соціологія, по мнѣнію г. Де-Роберти, должна считаться вполнѣ самостоятельною, автономною наукою, независимою отъ психологіи. Всѣ факты психической и умственной жизни, входящіе въ рамки соціологіи, распредѣляются авторомъ на четыре главныя группы: одни касаются передачи знаній, другіе—вѣрованій и общихъ идей, третьи—чувствъ и впечатлѣній эстетическихъ, четвертые — техническихъ и практическихъ стремленій; другими словами, эти разряды фактовъ обнимаютъ науку, религію или философію, искусство, поведеніе или дѣйствіе, какъ единственные источники или факторы всѣхъ соціальныхъ явленій. Каждая изъ этихъ группъ обусловливаетъ и объясняетъ послѣдующія: научное знаніе опредѣляетъ характеръ философіи или религіи, вѣрованія и общія идеи даютъ содержаніе искусству, и всѣ эти три области умственныхъ состояній отражаются на дѣйствіяхъ или поведеніи людей. Простое соединеніе личностей или органическое множество — родъ, племя — переходитъ въ болѣе высокое надъ-органическое единство — общину, гражданство; одновременно съ этимъ эгоизмъ, разъединеніе, превращается въ альтруизмъ, кооперацію, солидарность. Качества соціальныхъ личностей зависятъ отъ свойствъ объединяющихъ ихъ союзовъ, отъ той надъ-органической среды, которою люди живутъ и дышатъ и которая преобразовываетъ ихъ по своему подобію. Первая и глубокая основа всякаго прогресса, всякой цивилизаціи,—знаніе,—развивается въ зависимости отъ достоинствъ соціальныхъ личностей, обработывающихъ и распространяющихъ науку (или совокупности ихъ,—ибо знаніе есть всегда результатъ коллек-

тивной задачи, продуктъ объединенія индивидуальныхъ усилій); философія и религія имѣютъ цѣну настолько, насколько хороша питающая ихъ наука; искусства соотвѣтствуютъ тѣмъ общимъ воззрѣніямъ на міръ, тѣмъ высшимъ чувствамъ, которыя внушаются философіею и религіею; наконецъ, послѣдняя цѣль всякаго соціальнаго усилія, —дѣйствіе, трудъ, поведеніе, живая ткань исторіи, — имѣетъ тотъ характеръ и тѣ качества, которые даются вдохновляющими людей искусствами, спеціальными знаніями, и религіозно-философскими идеями, опредѣляющими путь и направленіе всего соціальнаго или моральнаго поведенія. Эта логическая послѣдовательность въ развитіи главныхъ соціальныхъ факторовъ, установленная a priori, представляется автору весьма важнымъ обобщеніемъ, широкимъ закономъ эволюціи, охватывающимъ всю совокупность соціальныхъ явленій и указывающимъ ихъ взаимную связь; эта же связь объясняетъ, съ одной стороны, происхожденіе и образованіе соціальныхъ факторовъ, а съ другой — весь ходъ ихъ дальнѣйшаго развитія. Самые методы мышленія и изслѣдованія слѣдуютъ той же формулѣ эволюціи, различаясь по главнымъ группамъ явленій и приспособляясь къ ихъ особенностямъ. Наука идетъ отъ анализа къ частному синтезу, придерживаясь точно ограниченныхъ предѣловъ наблюденія и изученія; философія исходитъ отъ общихъ идей и стремится къ возможно болѣе обширному обобщенію, пользуясь матеріалами и выводами наукъ не только современныхъ, но существовавшихъ нѣкогда (причемъ религіозныя ученія суть часто лишь остатки или „окаменѣлости“ исчезнувшихъ наукъ древности). Синтезъ ученаго — внутри-научный; синтезъ философа — между-научный; это капитальное различіе, по словамъ г. Де-Роберти, кладетъ между наукой и философіей такую же рѣзкую пограничную черту, какъ отличіе науки и философіи отъ искусства, а послѣдняго—отъ дѣйствія или поведенія. „Философія не есть знаніе; —говоря языкомъ математики—она есть функція знанія, какъ искусство есть въ свою очередь одновременно функція философіи и знанія, и какъ дѣйствіе или поведеніе есть совмѣстная функція искусства, философіи и знанія“. Въ искусствѣ господствуютъ чувства и сужденія эстетическія, подчиняющіяся символическимъ способамъ соціальной мысли; въ этой области авторъ выдвигаетъ на первый планъ идеи любви и дружбы, несправедливо опускаемыя, по его мнѣнію, въ обычныхъ рубрикахъ эстетики. Подъ вліяніемъ знанія, философіи и искусства образуется поведеніе, состоящее изъ разнообразныхъ дѣйствій и имѣющее своимъ содержаніемъ человѣческій трудъ.

Весьма оригинальныя замѣчанія высказываетъ Е. В. Де-Роберти о „соціологическомъ понятіи свободы“. Свобода и деспотизмъ,—говоритъ онъ,—въ сущности однородны, хотя и находятся между собою въ

борьбѣ; они происходятъ изъ одного корня, питаются тѣми же источниками и часто смѣшиваются между собою до неузнаваемости. Нерѣдко худшіе реакціонеры и деспоты ссылаются на свободу и поднимаютъ въ ея честь ярые, ликующіе возгласы; и наоборотъ, избытокъ сдавленной свободы вырывается наружу въ припадкахъ грубаго угнетенія. Пора отбросить сладостную фикцію о невинности свободы, о непричастности ея къ преступленіямъ, совершаемымъ отъ ея имени; потому что, придерживаясь этой фикціи, нужно было бы, въ видахъ логической послѣдовательности, объявить невиннымъ и его старшаго брата, деспотизмъ, и сразу, однимъ мазкомъ, обѣлить самыхъ несомнѣнныхъ злодѣевъ исторіи. Степень свободы и деспотизма зависятъ отъ уровня знаній, примѣняемыхъ къ дѣйствію. Большое знаніе выразится въ большой свободѣ, а ничтожное знаніе—въ свободѣ стѣсненной и ограниченной. Каждый человѣкъ, общественный классъ и народъ имѣетъ то, что̀ заслуживаетъ, пьетъ изъ чаши благодатной или отвратительной, смотря по обстоятельствамъ, въ зависимости отъ точной мѣры усвоенныхъ знаній. Деспотизмъ отвѣчаетъ настолько низкому уровню знанія, что мы относимъ его къ невѣжеству; но дѣло не въ его принудительной силѣ, которая по качеству мало чѣмъ отличается отъ принудительной силы свободы. Эта сила деспотизма покажется несправедливымъ гнетомъ, стѣснительнымъ или даже невыносимымъ, только въ глазахъ тѣхъ, которые обладаютъ болѣе значительнымъ или глубокимъ знаніемъ, или, другими словами, располагаютъ болѣе значительною надъ-органическою силою. Только послѣдніе поднимутъ знамя возстанія; они одни будутъ возмущаться мелочными и узкими формами деспотизма. Какъ бы упорна и продолжительна ни была борьба, каковы бы ни были ея жертвы, герои и мученики съ обѣихъ сторонъ, она всегда кончается побѣдою высшаго знанія надъ низшимъ. Сегодняшній освободитель становится завтра деспотомъ; онъ является такимъ въ глазахъ массы только потому, что имѣетъ возможность примѣнять принудительную власть своей науки, которая въ свою очередь покажется отсталою болѣе избраннымъ и прогрессивнымъ умамъ. Въ этой послѣдовательной смѣнѣ явленій, свобода и знаніе составляютъ какъ бы двѣ стороны—лицевую и оборотную—одного и того же соціальнаго факта; „знаніе въ широкомъ смыслѣ, точно также, какъ философія и искусство, есть накопившаяся и скрытая свобода; а свобода есть наука, философія, эстетика, ставшія активными и выражающіяся во внѣ“. Абсолютный деспотизмъ, какъ и абсолютная свобода, не существуетъ въ дѣйствительности; но различныя ступени, проходимыя свободою, производятъ на насъ впечатлѣніе различныхъ ступеней знанія, а различныя ступени деспотизма выступаютъ въ видѣ различныхъ ступеней невѣжества. Въ исторіи мы не

всегда видимъ столкновенія между относительнымъ знаніемъ и относительнымъ невѣжествомъ, между свободою и деспотизмомъ; гораздо чаще случаются коллизіи между двумя болѣе или менѣе одинаковыми невѣжествами, между двума деспотизмами, которые стòятъ другъ друга. Въ жизни простая терпимость или нейтральность смѣшиваются съ свободою, причемъ возникаетъ множество недоразумѣній; но понятія дѣлаются болѣе точными по мѣрѣ развитія положительныхъ знаній.

Въ заключительномъ третьемъ отдѣлѣ книги объясняются основныя черты „новаго нравственнаго порядка, построеннаго на соціологическихъ законахъ“. Можно не соглашаться съ идеями автора, находить ихъ слишкомъ абстрактными, сомнѣваться въ цѣлесообразности его умозрительнаго отвлеченно-логическаго метода, но нельзя не чувствовать уваженія къ мыслителю, который въ теченіе болѣе четверти вѣка упорно пробиваетъ себѣ самостоятельную дорогу въ высшихъ областяхъ философіи и соціологіи, съ твердою вѣрою въ непогрѣшимую силу знанія.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 декабря 1904.

Сороколѣтіе судебныхъ уставовъ.—Столкновеніе двухъ противоположныхъ теченій.—Результаты временной перемѣны въ положеніи печати. — Общественное значеніе одного ничтожнаго, повидимому, процесса.—Изъ недавняго прошлаго.—Новые органы печати.—Нѣсколько словъ о вѣротерпимости.—Вопросъ объ исполнительныхъ коммиссіяхъ въ с.-петербургской городской думѣ. — Борьба училищной коммиссіи съ администраціей въ берлинской городской думѣ.—Н. Ѳ. Бунаковъ и В. Л. Беренштамъ †.

Въ минувшемъ мѣсяцѣ, 20-го ноября, исполнилось сороколѣтіе со времени изданія судебныхъ уставовъ императора Александра II. Никогда еще, кажется, не сознавалось такъ живо значеніе этого великаго законодательнаго акта—и никогда не чувствовались такъ болѣзненно всѣ образовавшіеся въ немъ пробѣлы, всѣ исказившіе его наросты. Пробудившееся правосознаніе русскаго общества освѣщаетъ яркимъ свѣтомъ не только самый фактъ, давно очевидный, но и болѣе глубокія его причины. Неудивительно, поэтому, что съ мыслью о возвращеніи къ судебнымъ уставамъ соединяется мысль о необходимомъ ихъ дополненіи. Особенно яркое выраженіе она нашла въ заключеніяхъ, къ которымъ пришло, 20-го ноября, общее собраніе московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ. Заимствуемъ изъ „Русскихъ Вѣдомостей" (№ 324) текстъ нѣкоторыхъ изъ числа этихъ заключеній. „Выраженные въ судебныхъ уставахъ 1864-го года основные принципы права, признающіе нормальною только такую государственную жизнь, въ которой всѣ и все подчинены закону, равному для всѣхъ и примѣняемому независимымъ отъ всякихъ постороннихъ вліяній судомъ, несовмѣстимы съ принципами бюрократическаго самовластія, стремящагося охватить всѣ стороны жизни безконтрольною административною опекой на началахъ безусловнаго подчиненія его велѣніямъ. Послѣднія 40 лѣтъ нашей правовой исторіи являются самымъ яркимъ доказательствомъ правильности предыдущаго теоретическаго положенія. Провозглашенный основными законами принципъ вѣротерпимости упраздненъ рядомъ законовъ и циркуляровъ, выдѣлившихъ громадную группу населенія въ особую категорію лишенныхъ правъ личныхъ, семейственныхъ и имущественныхъ—не за преступленія и не по суду, а за настроеніе совѣсти и по распоряженію администраціи. Высшее свое выраженіе бюрократическій режимъ нашелъ во временномъ положеніи объ усиленной охранѣ, отмѣняющемъ основныя

положенія и стараго уложенія о наказаніяхъ, и новыхъ судебныхъ уставовъ. Принципъ независимаго и равнаго для всѣхъ суда сведенъ къ нулю фактическимъ упраздненіемъ всѣхъ гарантій независимости. Изслѣдованіе правовой жизни Россіи за послѣднія сорокъ лѣтъ неопровержимо свидѣтельствуетъ, что проведеніе въ жизнь началъ правового порядка совершенно немыслимо при господствѣ бюрократическаго самовластія даже въ томъ случаѣ, если начала права формально признаются законами. Въ заключеніе, обсудивъ современное положеніе русскаго суда, собраніе присяжныхъ повѣренныхъ признало, что правильное отправленіе правосудія въ Россіи невозможно безъ коренныхъ реформъ государственнаго строя, которыя дали бы гарантіи свободы личности, мысли, слова, печати, вѣроисповѣданія, собранія и союзовъ, уничтожили бы произволъ и исключительные законы, ограничивающіе права отдѣльныхъ частей населенія".

По словамъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" (№ 321), къ заключеніямъ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ примкнули, 21-го ноября, и петербургскіе, собравшіеся въ зданіи городской думы, такъ какъ прокуроромъ с.-петербургской судебной палаты (въ качествѣ завѣдующаго зданіемъ судебныхъ установленій) не было допущено собраніе ихъ въ зданіи суда. Непонятно для насъ основаніе этого отказа: цѣль собранія была признана „несоотвѣтствующею духу судебныхъ учрежденій". Подходитъ ли подъ это опредѣленіе собраніе, цѣлью котораго было чествованіе годовщины судебныхъ уставовъ?

Нетрудно предвидѣть, что̀ скажутъ о заключеніяхъ адвокатуры газетные блюстители тишины, соприкасающейся съ молчаніемъ, и благочинія, граничащаго съ отсутствіемъ жизни. Ожесточенная свыше всякой мѣры полемика, наполняющая, изо дня въ день, столбцы реакціонныхъ газетъ, свидѣтельствуетъ объ остромъ столкновеніи двухъ радикально противоположныхъ теченій. Съ одной стороны идетъ откровенное, насколько возможно, заявленіе о ясно сознанныхъ нуждахъ созрѣвшаго общества, о главныхъ источникахъ недуговъ, которыми болѣетъ развивающійся народъ; съ другой стороны дѣлаются отчаянныя усилія заподозрить искренность заявителей, выставить ихъ врагами государства, „измѣнниками и предателями Россіи". Кульминаціоннымъ пунктомъ этихъ усилій является походъ, предпринятый *дворяниномъ* Павловымъ противъ И. И. Петрункевича, какъ автора статьи: „Война и наши задачи", напечатанной въ № 41 „Права". Нужно отдать справедливость автору: онъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ на данномъ поприщѣ—превзошелъ ихъ и грубостью выраженій, и безцеремонностью пріемовъ. Не довольствуясь обвиненіемъ противника во лжи, въ клеветѣ, въ злобной враждѣ къ народу, въ „преступномъ цинизмѣ, какого не найти ни въ одной прокла-

маціи", дворянинъ Павловъ заканчиваетъ такъ: „если вы и ваши осмѣлитесь еще и завтра то же говорить, страну позорить, *мы васъ молчать заставимъ*". И послѣ комической интермедіи, составленной изъ разныхъ привѣтовъ доблестному дворянину, изъ пустозвонной прозы, изъ жалкихъ стихотвореній, которыя „Новое Время" совершенно правильно называетъ достойными Тредьяковскаго, опять появляется на сцену та же угроза, оставляющая далеко позади себя самыя постыдныя выходки реакціонной печати. Въ № 321 „Московскихъ Вѣдомостей" одинъ изъ дворянъ, увлеченныхъ примѣромъ дворянина Павлова, повѣствуетъ о томъ, какъ отнеслись посѣтившіе его крестьяне къ прочитанной имъ въ ихъ присутствіи статьѣ г. Петрункевича. „Я не могу".—пишетъ дворянинъ Кузьминъ,—„не съумѣю передать то возбужденіе, то негодованіе, какое охватило слушателей. Наконецъ, одинъ старикъ спросилъ меня: что̀, живъ этотъ, что̀ говорилъ эти слова? Гдѣ это? кому онъ говорилъ?—Получивъ отвѣтъ, что статья эта только напечатана въ газетѣ, старикъ сказалъ: А я думалъ, что онъ на сходкѣ дерзнулъ говорить такія слова, и удивился, что онъ еще живъ. Его, негодяя, растерзать надо, непремѣнно надо... Возмущены были не менѣе этого старика и другіе крестьяне, заявивъ, что еслибы съ такими рѣчами Петрункевичъ явился къ намъ, то, конечно, съ нимъ *порѣшили* бы немедленно". На другой же день ту же ноту подхватилъ г. Бодиско. „О, если бы народъ зналъ",—восклицаетъ онъ,—„что въ Россіи есть крамольники! На клоки бы разорвалъ онъ этихъ подлыхъ измѣнниковъ, на клоки разорвалъ бы онъ тѣхъ, что въ безумствѣ своемъ мечтаютъ создать средостѣніе между царемъ и народомъ". Итакъ, смерть—вотъ достойная кара за мысли, открыто выражаемыя въ русской печати и не навлекающія на нее даже административныхъ взысканій. До этого не договаривались еще, кажется, самые ярые представители нашей газетной полиціи. Въ утратѣ всякаго чувства мѣры не слышится ли сознаніе своего умственнаго и нравственнаго безсилія? Призывъ къ кулачной расправѣ—ultima ratio тѣхъ, кто не вѣритъ въ правоту своего дѣла, но усиливается скрыть свое безвѣріе отъ другихъ и даже отъ самого себя.

Если бы облегченію полицейской репрессіи и цензурныхъ стѣсненій, наступившему въ половинѣ сентября, опять суждено было уступить мѣсто—конечно, не надолго,—противоположной системѣ, совершенно безслѣдно оно не прошло бы уже потому, что успѣло бросить нѣсколько лучей свѣта въ область, еще недавно погруженную въ глубокій мракъ. Не для всѣхъ было тайной, какую сумму лишеній и мукъ представляетъ собою административная ссылка—но говорить

объ этомъ открыто и громко не было возможности, и въ глазахъ большинства картина вынужденнаго пребыванія въ отдаленныхъ мѣстностяхъ имперіи оставалась покрытой непроницаемою завѣсой. Теперь приподнять край завѣсы—и зрѣлище оказывается по истинѣ поразительнымъ. Съ одной стороны становится яснымъ, какихъ ничтожныхъ поводовъ или предлоговъ было достаточно, сплошь и рядомъ, для принятія мѣры, крайне тяжело отзывавшейся и на самомъ высылаемомъ, и на всѣхъ ему близкихъ. Вотъ что̀ пишетъ, напримѣръ, Ю. Н. Лавриновичъ, арестованный, по распоряженію бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, черезъ нѣсколько дней послѣ закрытія третьяго техническаго съѣзда [1]): „допрашивавшій меня жандармскій офицеръ предъявилъ мнѣ рядъ обвиненій въ преступленіяхъ, о которыхъ я зналъ только по наслышкѣ. На требованіе мое представить доказательства, улики, жандармъ могъ прочитать только нѣсколько полуграмотныхъ донесеній агентовъ охраннаго отдѣленія, неправдивость которыхъ была такъ очевидна, что я безъ труда опровергъ ихъ. Каково же было мое изумленіе, когда, послѣ семинедѣльнаго заключенія, я узналъ, что меня ссылаютъ на три года подъ надзоръ полиціи въ архангельскую губернію... Я былъ подъ жандармскимъ конвоемъ отправленъ въ страну, которая по однимъ своимъ климатическимъ условіямъ представляла смертельную опасность для моего разстроеннаго здоровья. При этомъ мнѣ было отказано не только въ просьбѣ проститься съ родными, которыхъ конвоировавшіе меня жандармы, по приказанію начальства, отгоняли отъ меня при попыткѣ пожать мнѣ на прощанье руку, но я не получилъ даже дозволенія освободиться передъ ссылкой на нѣсколько дней изъ-подъ стражи для приведенія въ порядокъ дѣла, отъ котораго зависѣло не только мое, но и благосостояніе моей семьи. Очутившись въ чуждой мнѣ странѣ безъ всякихъ средствъ къ существованію и даже безъ возможности добыть эти средства, такъ какъ положеніе о гласномъ надзорѣ воспрещаетъ почти всякій интеллигентный трудъ, къ каковому я только и способенъ, я подъ вліяніемъ суроваго климата вскорѣ заболѣлъ острою формой воспаленія почекъ. Свидѣтельствовавшая меня правительственная коммиссія изъ врачей, состоящихъ при губернскомъ правленіи, признала климатъ архангельской губерніи опаснымъ для моего здоровья и нашла необходимымъ немедленную перемѣну его на болѣе жаркій и сухой. Основываясь на этомъ заключеніи, я обратился къ покойному министру В. К. Плеве съ просьбой перевести меня въ болѣе благопріятную для моего здоровья мѣстность, но получилъ

[1]) Что для преслѣдованій, обрушившихся на нѣкоторыхъ участниковъ техническаго съѣзда, не было никакихъ фактическихъ основаній—это показано нами въ октябрьской Общественной Хроникѣ.

въ отвѣтъ, что просьба моя не заслуживаетъ удовлетворенія". А вотъ какъ описываетъ житье политическихъ ссыльныхъ въ архангельской губерніи (гдѣ ихъ недавно было около 650) корреспондентъ „Нашей Жизни": „Въ деревняхъ, селахъ и уѣздныхъ городахъ они не имѣютъ почти никакого заработка; имъ приходится существовать исключительно на казенное пособіе, выдаваемое въ размѣрѣ 6—8 рублей въ мѣсяцъ для непривилегированныхъ и въ размѣрѣ 12—14 руб. для привилегированныхъ. На такія средства въ александровскомъ, кольскомъ, печорскомъ уѣздахъ совершенно невозможно существовать, такъ какъ предметы первой необходимости здѣсь очень дороги. Ссыльнымъ, находящимся въ отдаленныхъ мѣстахъ губерніи, во время бездорожья въ продолженіе 2—3 мѣсяцевъ, осенью и весной, совершенно не выдаютъ казеннаго пособія. Въ періодъ распутицы часто цѣлыя колоніи ссыльныхъ живутъ впроголодь или прямо голодаютъ". Дальше корреспондентъ приводитъ отрывокъ изъ письма одного ссыльнаго: „за одну недѣлю я заболѣлъ четыре раза; болѣзнь носила характеръ лихорадки и страшно обезсилила меня. Въ настоящій моментъ съ товарищемъ М. происходитъ то же самое. Опасность заболѣванія, въ виду болотистой мѣстности и плохого питанія (ни мяса, ни яицъ, ни порядочной рыбы, ни даже бѣлаго хлѣба)—громадна, а между тѣмъ здѣсь нельзя найти никакого медицинскаго пособія. Три дня тому назадъ я и мои товарищи потребовали отъ урядника, чтобы онъ вызвалъ сюда хоть фельдшера; онъ согласился, но такъ какъ почта уходитъ черезъ 6 дней, то и посылку отношенія о фельдшерѣ пришлось отложить до того же времени". Это письмо пришло изъ той части кемскаго уѣзда, гдѣ живутъ карелы. Высылаютъ „политиковъ", по словамъ корреспондента „Нашей Жизни", и въ такія мѣста, которыя населены исключительно инородцами (лопари, зыряне, самоѣды), не умѣющими говорить по-русски.

Какъ ни ужасно положеніе административныхъ ссыльныхъ въ архангельской губерніи, еще хуже оно въ якутской области. Посвященныя ему статьи В. В. Беренштама („Право", №№ 44, 45 и 47) нельзя читать равнодушно. Обыкновенное жилье ссыльнаго—„темная, мрачная, прокоптѣлая нора, придавленная низкимъ, въ ростъ человѣка, потолкомъ; земляной полъ, вмѣсто оконъ отверстія величиной въ листъ писчей бумаги, безъ стеколъ, съ жидкими ставеньками, а зимою съ глыбами льда". Вмѣсто хлѣба—лепешки изъ молодой коры, сосновой или лиственичной. Общество одного изъ ссыльныхъ—старый черкесъ, едва говорящій по-русски, и объякутившійся поселенецъ изъ уголовныхъ. Въ якутскомъ наслегѣ купить абсолютно ничего нельзя, безъ поѣздки въ городъ ссыльнаго ждетъ голодная смерть или цынга; между тѣмъ, на просьбу о разрѣшеніи поѣздки получается, мѣсяца черезъ два

послѣ ея подачи, отрицательный отвѣтъ, а за поѣздку безъ разрѣшенія грозитъ установленная генералъ-губернаторскимъ циркуляромъ, вопреки закону, высылка въ одинъ изъ сѣверныхъ округовъ области, гдѣ морозы доходятъ зимою до 68°, лѣтомъ нѣтъ житья отъ комаровъ, пудъ ржаной муки стоитъ 16 рублей, телеграфа нѣтъ, почта получается мѣсяца три-четыре послѣ выхода изъ Европейской Россіи. Другимъ циркуляромъ была назначена такая же кара за свиданіе ссыльныхъ, водворенныхъ въ назначенныхъ имъ мѣстахъ, съ вновь прибывающими партіями ссыльныхъ. Ссылали въ Верхоянскъ, съ увеличеніемъ срока ссылки, и за простое „домогательство свиданія"—ссылали по голословному доносу полуграмотнаго урядника или подчиненнаго ему „надзирателя для ссыльныхъ". Запрещеніе свиданій стало вызывать демонстраціи — и „въ отдаленнѣйшій уголъ отдаленнѣйшей окраины потянулись новыя жертвы". Мѣстная администрація перестала селить ссыльныхъ въ городахъ, по берегу Лены и у почтоваго тракта, направляя ихъ въ мѣстности малолюдныя, глухія, населенныя исключительно якутами. Мѣра, имѣвшая сначала какъ бы характеръ предосторожности, обращалась, такимъ образомъ, въ суровую, жестокую, почти невыносимую кару... Въ печати (нужно ли прибавлять: на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей"?) нашелся, однако, защитникъ сибирской администраціи. Изъ того, что министерство внутреннихъ дѣлъ, высылая разныхъ лицъ въ восточную Сибирь, не назначало имъ, обыкновенно, опредѣленнаго мѣста жительства, а направляло ихъ въ распоряженіе генералъ-губернатора, выводится заключеніе, что послѣдній „всегда имѣлъ право перевести ссыльнаго изъ одного мѣста въ другое; да и что̀ же дѣлать съ человѣкомъ, который не желаетъ спокойно оставаться въ ссылкѣ, а рвется продолжать прежнюю преступную дѣятельность"? Съ юридической точки зрѣнія это заключеніе опровергается точнымъ смысломъ ст. 32 полож. о полиц. надзорѣ и ст. 63 уст. о наказ. налаг. мир. суд., за силою которыхъ самовольная отлучка поднадзорнаго влечетъ за собою, *по суду*, арестъ не свыше трехъ мѣсяцевъ или денежное взысканіе не свыше 300 руб., съ *возвращеніемъ обратно* въ прежнее мѣсто жительства. Въ статьѣ г. Беренштама идетъ рѣчь именно о самовольныхъ отлучкахъ, а не о побѣгахъ — и притомъ объ отлучкахъ, вызываемыхъ, сплошь и рядомъ, крайнею необходимостью. Побѣги изъ якутской области, по причинамъ, подробно указаннымъ г. Беренштамомъ, почти невозможны; немыслима тамъ и противоправительственная дѣятельность, за полнѣйшимъ отсутствіемъ подходящаго для нея матеріала. Какъ бы ни былъ, наконецъ, разрѣшенъ вопросъ о правѣ, нельзя забывать изъ-за него объ элементарной гуманности, такъ явно нарушаемой условіями жизни ссыльныхъ въ отдаленныхъ и отдаленнѣйшихъ мѣстностяхъ якутскаго края.

Мы говорили до сихъ поръ, со словъ В. В. Беренштама, о распоряженіяхъ высшей сибирской администраціи; посмотримъ теперь, во что̀ они обращаются и къ чему приводятъ, проходя черезъ руки исполнителей. По истинѣ ужасающія свѣдѣнія по этому предмету даетъ послѣдняя часть статьи В. В. Беренштама. Изъ числа конвойныхъ офицеровъ, сопровождающихъ партіи ссыльныхъ на рѣкѣ Ленѣ, нѣкоторые устраивали на судахъ лавочки, приставая для стоянки только въ ненаселенныхъ мѣстахъ и тѣмъ заставляя ссыльныхъ покупать съѣстные припасы, иногда гнилые, въ судовыхъ лавочкахъ, по весьма повышеннымъ цѣнамъ. Поручикъ П., человѣкъ не злой, но строгій формалистъ и вѣчно пьяный, оскорблялъ ссыльныхъ грубою бранью, бросался на нихъ съ кулаками и чуть не довелъ ихъ до открытаго сопротивленія. Поручикъ Сикорскій, когда нѣкоторые ссыльные потребовали свиданія, приказалъ привязать всю партію (въ томъ числѣ и женщинъ) къ телѣгамъ и везъ ихъ связанными: головы ихъ бились о передки повозокъ. Онъ обсчитывалъ на кормовыхъ не только политическихъ ссыльныхъ, но и уголовныхъ, и солдатъ. За одной изъ ссыльныхъ, девятнадцатилѣтней дѣвушкой, онъ посылалъ ночью солдатъ, но они не исполнили его приказанія и телеграфировали начальству, что офицеръ принуждаетъ ихъ совершить вмѣстѣ съ нимъ преступленіе. Вслѣдствіе этой телеграммы были посланы для смѣны Сикорскаго два офицера, но они опоздали: Сикорскій, отправившійся ночью въ женское отдѣленіе, былъ убитъ, при входѣ туда, студентомъ Минскимъ... Недавно 56 человѣкъ административно-ссыльныхъ были приговорены судомъ (за что—изъ статьи г. Беренштама не видно: вѣроятно—за сопротивленіе властямъ) къ каторгѣ на 12 лѣтъ. Многіе изъ нихъ отказались отъ подачи апелляціоннаго отзыва, находя, что лучше идти на каторгу, чѣмъ жить при прежнихъ условіяхъ...

Примѣняя къ лицамъ, высланнымъ въ Сибирь административною властью, названіе *ссыльныхъ*, В. В. Беренштамъ, и мы вслѣдъ за нимъ, выражаемся не совсѣмъ точно: *ссылка*, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, можетъ быть назначаема только судебнымъ приговоромъ, за доказанное по суду, уголовнымъ закономъ воспрещенное преступное дѣяніе. Политическіе поднадзорные, за рѣдкими исключеніями, ни въ чемъ, законнымъ порядкомъ, не уличены, ни въ чемъ не признаны виновными: они только *заподозрѣны*, и притомъ весьма часто заподозрѣны не въ опредѣленномъ преступленіи, а въ „вредномъ направленіи“, въ противоправительственномъ образѣ мыслей. И что̀ же достигается принятіемъ противъ нихъ мѣръ, въ сущности карательныхъ—иногда карательныхъ въ несравненно большей степени, чѣмъ обыкновенныя уголовныя наказанія? Пускай на этотъ вопросъ отвѣ-

титъ достовѣрный, въ данномъ случаѣ, свидѣтель—князь Мещерскій. Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ дневниковъ онъ даетъ слѣдующую характеристику дѣятельности департамента полиціи, относящуюся ко времени убійства Д. С. Сипягина и замѣны его В. К. Плеве: „Полиція знала, кто выписываетъ и читаетъ заграничныя запрещенныя изданія, кто говоритъ о правительствѣ рѣзко, очень рѣзко и особенно рѣзко; знала, что есть кое-какія типографіи, печатавшія прокламаціи; знала, что говорятъ или пишутъ о министрѣ внутреннихъ дѣлъ въ письмахъ къ пріятелямъ—словомъ, знала все, что̀ можно было и не знать, но не знала главнаго, что̀ нужно было знать: что̀ дѣлается въ темныхъ и скрытыхъ кружкахъ террористовъ... Это положеніе дѣлъ восходитъ ко временамъ Третьяго-отдѣленія, функція котораго заключалась въ наблюденіи за *образомъ мыслей* россіянъ. Къ этому дѣлу наблюденія за образомъ мыслей, съ точки зрѣнія политической благонадежности, примѣшивалась масса личныхъ отношеній, имѣвшихъ пикантный интересъ сплетни и прониканія въ интимную жизнь. Неудивительно, что большая часть вниманія и дѣятельности агентовъ поглощалась личными сторонами наблюденія, а собственно охранная и предупредительная часть тайной полиціи въ области преступныхъ замысловъ составляла каплю въ морѣ дѣлъ Третьяго-отдѣленія. Оттого за послѣдніе годы своего существованія Третье-отдѣленіе оказалось безсильнымъ предупредить разныя покушенія террористовъ, и они совершались безпрепятственно, и по каждому изъ нихъ выяснялось, что его успѣху содѣйствовала неподготовленность полицейскаго о̀ргана. А рядомъ съ этимъ множество людей сидѣло въ заключеніи по обвиненію въ *образъ мыслей*". Традиціи Третьяго-отдѣленія унаслѣдовалъ всецѣло департаментъ полиціи; „главнымъ его объектомъ" остаются „*признаки образа мыслей*". „Щели департамента"—продолжаетъ князь Мещерскій—„кишатъ агентами. Агентовъ этихъ хватаетъ на злополучный надзоръ за *образомъ мыслей*, но на искусство политическаго надзора за опасными людьми у большинства умственныхъ средствъ не хватаетъ. И вотъ, эти агенты ежедневно доносятъ о проболтавшейся молодежи, о найденныхъ прокламаціяхъ, о читающихъ запрещенныя книги, о поющихъ марсельезу и такъ далѣе, словомъ, о лицахъ, проявляющихъ признаки *образа мыслей неблагонадежнаго*... Увы, эти-то донесенія, не провѣренныя, не изслѣдованныя, служили основаніемъ къ политическимъ процессамъ, къ арестамъ"—и, прибавимъ мы отъ себя, къ высылкѣ въ такія мѣста, какъ сѣверныя окраины архангельской губерніи и якутской области. Съ точки зрѣнія практической цѣлесообразности дѣйствующая система надзора и репрессіи столь же мало, слѣдовательно, выдерживаетъ критику, какъ и съ точки зрѣнія человѣчности и справедливости. Какъ бы ни была орга-

низована власть, распоряжающаяся, негласно и произвольно, свободой, здоровьемъ, благосостояніемъ гражданъ, какъ бы она ни называлась— Преображенскимъ ли приказомъ, Тайной канцеляріей, Третьимъ отдѣленіемъ, департаментомъ полиціи,—самое существованіе ея всегда оказывается несовмѣстнымъ съ насущными требованіями нормальной политической жизни.

Другая, на половину отворившаяся дверь ведетъ въ область цензуры. Рядомъ съ разсказами о прошедшемъ—напр. о томъ, какъ въ Саратовѣ, въ 1889 г., запрещалось говорить въ газетахъ о погребеніи Н. Г. Чернышевскаго,—въ печати стали появляться сообщенія о настоящемъ, иногда по истинѣ изумительныя. Въ Уфѣ, напримѣръ, оказывается невозможнымъ помѣстить въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ" сочувственныя телеграммы, посланныя кн. Святополкъ - Мирскому уфимскимъ уѣзднымъ земствомъ и уфимской городской думой, и отвѣты на нихъ министра. Въ „Бакинскихъ Извѣстіяхъ" не допускается цензоромъ (мѣстнымъ вице - губернаторомъ) оглашеніе извѣстій о распоряженіяхъ министра внутреннихъ дѣлъ, касающихся возвращенія разныхъ лицъ изъ ссылки и отмѣны другихъ правоограниченій; нельзя процитировать не только ни одной статьи „Права" и „Русскихъ Вѣдомостей", но и многихъ статей „Новаго Времени", „Гражданина", „Московскихъ Вѣдомостей" (!); запрещенію подвергаются перепечатки изъ тифлисскихъ газетъ, въ томъ числѣ изъ оффиціальнаго „Кавказа"; вычеркиваются оффиціальные документы, оглашенные въ другихъ газетахъ. Изъ письма военнаго корреспондента „Руси", г. Кириллова, видно, что въ Петербургѣ не проникаютъ въ печать такія телеграммы съ театра войны, которыя были пропущены мѣстною военною цензурой. „Ложь посылаемъ мы вамъ", восклицаетъ г. Кирилловъ, „когда пишемъ письма, корреспонденціи, телеграммы. Я не написалъ ни одного лживаго слова, но много ихъ послалъ въ Россію и посылаю ежедневно, потому что ложь получается въ результатѣ, когда, наблюдая, описываешь лишь одну сторону дѣла, а о другой молчишь. И это безконечно тяжело, когда видишь, какую огромную пользу принесло бы описать извѣстное явленіе; тогда его легко можно было бы устранить теперь же, и это спасло бы многія сотни, часто тысячи жизней... Гласность—что солнечный свѣтъ. Вѣдь прежде всего высшимъ лицамъ важна она, гласность! Развѣ безъ нея могутъ они когда-нибудь имѣть вѣрное, правдивое представленіе о томъ, что̀ творится подъ ихъ рукой?! Тяжело и трудно положеніе хозяина государства безъ гласности, во тьмѣ, безъ свѣта правды вокругъ. Все это знакомыя, старыя истины. Ихъ даже стыдно высказывать, такъ просты, ясны и очевидны онѣ.

Это аксіомы, это—азбука вещей. Но теперь все это пріобрѣтаетъ особенное значеніе, потому что за незнаніе этой азбуки, за пренебреженіе этими простыми и ясными аксіомами мы расплачиваемся живымъ страданіемъ и горемъ, рѣками крови, льющимися здѣсь непрерывно".

Не будь у насъ въ мирное время страха передъ гласностью, не встрѣчала бы она труднопреодолимыхъ препятствій и теперь, когда такъ важно, такъ необходимо свободное, искреннее, до конца высказанное слово.

Въ Торжкѣ, 30-го октября, состоялось судебное засѣданіе по дѣлу объ инспекторѣ народныхъ училищъ Лилеевѣ, судившемся за нанесеніе побоевъ въ пьяномъ видѣ, въ трактирѣ, студенту Штанковскому. Признанный виновнымъ, подсудимый приговоренъ къ аресту на три недѣли, съ сокращеніемъ этого срока, за силою Всемилостивѣйшаго манифеста, на одну треть. Мы отмѣчаемъ этотъ фактъ, самъ по себѣ, конечно, мало интересный, въ виду той роли, которую игралъ г. Лилеевъ, во время недавней тверской ревизіи, какъ обвинитель новоторжскаго земства. Еще раньше у г. Лилеева происходили столкновенія съ земскими дѣятелями—столкновенія, которыя только-что приведенный нами судебный приговоръ освѣщаетъ довольно яркимъ ретроспективнымъ свѣтомъ. „Грубость обращенія съ учителями—говоритъ М. И. Петрункевичъ („Наша Жизнь", № 12),—незаконныя требованія, сопровождавшіяся угрозою потери мѣста, запрещеніе учителямъ простого житейскаго общенія между собою, вызывающее отношеніе къ представителямъ земства и къ училищному совѣту—все это побудило новоторжскаго предводителя дворянства, около двухъ лѣтъ тому назадъ, лично обратиться къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбою принять мѣры къ укрощенію г. Лилеева; но это ходатайство осталось безъ удовлетворенія". Понятно, что безпристрастнымъ свидѣтелемъ противъ земства г. Лилеевъ быть не могъ,—а между тѣмъ, есть основаніе думать, что его показанія и объясненія не остались безъ вліянія на исходъ разслѣдованія. Вообще говоря, исторія тверской губерніи за послѣднія 12—15 лѣтъ тѣсно связана съ исторіею отношеній между земствомъ и администраціей. Характеръ этихъ отношеній не измѣнялся, повидимому, до самаго послѣдняго времени; не дальше, какъ мѣсяцъ или два тому назадъ, въ тверскомъ уѣздѣ повторилось не разъ встрѣчавшееся и прежде массовое неутвержденіе попечителей начальныхъ училищъ. Губернаторскому veto подверглось *четырнадцать* лицъ, въ томъ числѣ немало такихъ, которыя раньше занимали видныя земскія должности. Можно надѣяться, что въ положеніи губерніи наступитъ, наконецъ, давно желанная перемѣна: тверскимъ губернаторомъ только-что назначенъ кн. С. Д. Урусовъ, зани-

мавшій ту же должность въ Кишиневѣ. „Тверитянъ можно поздравить"—пишетъ, по этому поводу, кишиневскій корреспондентъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей"; „кн. Урусовъ принадлежитъ къ разряду людей, умѣющихъ сразу, съ первой же встрѣчи, внушить къ себѣ симпатіи. Уже черезъ недѣлю послѣ прибытія его въ Кишиневъ, въ городѣ установилось твердое мнѣніе, что времена предшествовавшей ему опричнины не повторятся". Губернатора увидѣли въ вагонѣ конки, на базарахъ, не въ каретѣ съ „верщниками", а въ одиночку, въ скромномъ платьѣ, вмѣшивающимся въ толпу посѣтителей сельско-хозяйственной выставки, для всѣхъ доступнымъ, какъ нельзя болѣе внимательнымъ къ представителямъ печати. Если эта характеристика справедлива, кн. Урусовъ съумѣетъ, конечно, установить правильныя отношенія съ тверскимъ земствомъ, несмотря на всѣ затрудненія, созданныя образомъ дѣйствій его предшественниковъ.

Когда въ тверской губерніи водворится „земскій миръ", тогда сдѣлается возможной и вѣрная оцѣнка столь долго продолжавшейся тамъ „земской войны"—или, правильнѣе, войны съ земствомъ. Однимъ изъ отголосковъ этой войны являются слѣдующія слова, прочитанныя нами на дняхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 304): „Еслибы тверское земство было предоставлено само себѣ внѣ правительственнаго контроля, оно, вѣроятно, давно объявило бы себя тверскою республикой". Поставимъ en regard съ этими словами, безъ всякихъ комментаріевъ, историческій документъ, о которомъ въ свое время много говорили, но о которомъ, въ виду высказаннаго „Московскими Вѣдомостями", кстати будетъ напомнить. Этотъ документъ былъ принятъ десять лѣтъ тому назадъ (8-го декабря 1894-го года), громаднымъ большинствомъ (45 противъ 11) тверского губернскаго земскаго собранія. Вотъ его текстъ.

„Ваше Императорское Величество! Въ знаменательные дни начала служенія Вашего русскому народу, земство тверской губерніи привѣтствуетъ Васъ привѣтомъ вѣрноподданныхъ. Раздѣляя Вашу скорбь, Государь, мы надѣемся, что въ народной любви, въ силѣ надеждъ и вѣры народа, обращенныхъ къ Вамъ, Вы почерпнете успокоеніе въ горѣ, столь неожиданно постигшемъ Васъ и страну Вашу, и въ нихъ найдете твердую опору въ томъ трудномъ подвигѣ, который возложенъ на Васъ Провидѣніемъ. Съ благодарностью выслушалъ народъ русскій тѣ знаменательныя слова, которыми Ваше Величество возвѣстили о вступленіи своемъ на Всероссійскій престолъ. Мы вмѣстѣ со всѣмъ народомъ русскимъ проникаемся благодарностью и уповаемъ на успѣхъ трудовъ Вашихъ въ достиженіи великой цѣли, Вами поставленной—устроять счастье Вашихъ вѣрноподданныхъ. Мы питаемъ надежду, что съ высоты престола всегда будетъ услышанъ голосъ нужды народной. Мы уповаемъ, что счастье наше будетъ расти и крѣпнуть при неуклонномъ исполненіи закона, какъ со стороны народа, такъ и представителей власти,

ибо законъ, представляющій въ Россіи выраженіе Монаршей воли, долженъ стать выше случайныхъ видовъ отдѣльныхъ представителей этой власти. Мы горячо вѣруемъ, что права отдѣльныхъ лицъ и права общественныхъ учрежденій будутъ незыблемо охраняемы. Мы ждемъ, Государь, возможности и права для общественныхъ учрежденій выражать свое мнѣніе по вопросамъ ихъ касающимся, дабы до высоты престола могло достигать выраженіе потребностей и мысли не только представителей администраціи, но и народа русскаго. Мы ждемъ, Государь, что въ Ваше царствованіе Россія двинется впередъ по пути мира и правды со всѣмъ развитіемъ новыхъ общественныхъ силъ. Мы вѣримъ, что въ общеніи съ представителями всѣхъ сословій русскаго народа, равно преданныхъ престолу и отечеству, власть Вашего Величества найдетъ новый источникъ силы и залогъ успѣха въ исполненіи великодушныхъ предначертаній Вашего Императорскаго Величества".

Что̀ въ этихъ словахъ оправдываетъ выше приведенную выходку „Московскихъ Вѣдомостей"?

Указанное нами выше (см. „Внутреннее Обозрѣніе") сходство между эпохой „новыхъ вѣяній" и временемъ, которое мы переживаемъ, усиливается появленіемъ новыхъ періодическихъ изданій. Осенью 1880-го года число о̀ргановъ прессы стало быстро расти: были основаны „Порядокъ", „Земство", „Русь", „Московскій Телеграфъ"; получили право голоса такія направленія (напр. славянофильское), которыя долго не имѣли представителей въ печати. Нѣчто подобное мы видимъ теперь: за „Нашей Жизнью" и „Сыномъ Отечества", начавшими выходить въ истекшемъ мѣсяцѣ, послѣдуютъ, вѣроятно, еще другіе журналы и газеты. Рядомъ съ сходствомъ обнаруживаются, однако, и различія между обоими моментами. Первое изъ нихъ заключается въ томъ, что двадцать-четыре года тому назадъ новыя изданія не вызывали, сначала, никакихъ стѣснительныхъ мѣръ со стороны администраціи, тогда какъ „Нашей Жизни" черезъ пять дней послѣ выхода перваго нумера была запрещена розничная продажа, а „Сынъ Отечества" еще скорѣе подвергся и этой карѣ, и первому предостереженію. Чѣмъ объясняется такая разница—содержаніемъ ли прежнихъ и нынѣшнихъ изданій, или причинами, отъ него независящими—это вопросъ, разрѣшеніе котораго принадлежитъ будущему. Второе различіе замѣчается въ пріемѣ, сдѣланномъ новымъ изданіямъ въ средѣ самой печати. Въ 1880—81 г., если намъ не измѣняетъ память, раньше существовавшіе о̀рганы печати не старались искусственно затруднить положеніе своихъ новорожденныхъ собратій, воздерживались, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, отъ насмѣшекъ и инсинуацій по ихъ адресу. Не то мы видимъ теперь. По совершенно понятнымъ побужденіямъ редакторъ-издатель „Нашей Жизни" рѣшилъ

нѣсколько ускорить выходъ въ свѣтъ своей газеты, начавъ ея изданіе не въ концѣ декабря, какъ предполагалось сначала, а въ первыхъ числахъ ноября. Чѣмъ сильнѣе кипитъ общественная жизнь, чѣмъ важнѣе выдвигаемые ею на очередь вопросы, тѣмъ труднѣе молчать, когда есть возможность говорить—и Л. В. Ходскій поступилъ совершенно правильно, воспользовавшись, безъ дальнѣйшихъ отсрочекъ, принадлежавшимъ ему правомъ слова. Что же дѣлаетъ „Гражданинъ"? Усиливаясь осмѣять торопливость „Нашей Жизни", онъ не только называетъ содержаніе ея перваго нумера „классическимъ бредомъ", пущеннымъ въ ходъ „для приманки" читателей, но берется предсказывать ея участь, а заодно и участь другихъ новыхъ либеральныхъ газетъ. Предполагая, что „ультра-либералами", въ полтора мѣсяца сравнительной свободы, сказано уже рѣшительно все, и на одномъ перетаскиваньѣ къ себѣ нѣсколькихъ индивидуумовъ вновь основаннымъ изданіямъ далеко не уѣхать, кн. Мещерскій предвидитъ для нихъ необходимость „спуститься до уровня интеллигентовъ улицы", сдѣлаться, напримѣръ, „органомъ хулигановъ"... Не оправданіемъ, конечно, но нѣкоторымъ извиненіемъ для „Гражданина" можетъ служить то обстоятельство, что, появляясь два раза въ недѣлю и имѣя дѣло съ небольшой группой читателей, онъ не заинтересованъ матеріально въ неудачѣ новой большой ежедневной газеты. Въ иномъ положеніи находятся другія газеты того же типа, какъ и „Наша Жизнь": онѣ должны, очевидно, тщательно избѣгать всего похожаго на стремленіе повредить новому органу, обращающемуся къ той же большой публикѣ и могущему, слѣдовательно, стать ихъ конкуррентомъ. И что̀ же? Въ „Новомъ Времени" (№ 10312) помѣщена басня: „Либералъ и пятакъ", въ которой идетъ рѣчь о либералѣ, затѣявшемъ новую газету и думавшемъ издавать ее съ будущаго января. „Но вдругъ ему пришло въ соображенье тревожное предположенье: что, ежели не подождутъ до года новаго и разомъ въ текущемъ ноябрѣ иль декабрѣ дадутъ все то, чего мечталъ онъ требовать въ своихъ передовыхъ"? Вѣдь онъ „тогда останется при рискѣ плохой подписки". „Все это въ мысляхъ оцѣня, нашъ либералъ рѣшился торопливо свою газету выпустить, пока съ либерализма есть пожива... Мораль сей басни глубока: хоть либеральныхъ душъ основа—желаніе порядка правового, но все же въ нихъ сильнѣй желанье пятака"! Значеніе этой выходки не требуетъ поясненія. Замѣтимъ только, что она появилась на страницахъ газеты, причисляющей себя иногда къ сторонникамъ „правового порядка" и лишенной, слѣдовательно, возможности оправдывать свой образъ дѣйствій принципіальной борьбой съ новою газетой.

Къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ приводило, въ нашей общественной жизни, еще недавно находившееся въ полномъ расцвѣтѣ господство произвола—объ этомъ можно судить по фактамъ, раскрытымъ на послѣднемъ общемъ собраніи московскаго общества сельскаго хозяйства [1]. Когда, въ одномъ изъ весеннихъ собраній, возникъ вопросъ о возбужденіи судебнаго преслѣдованія противъ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ этого общества, президентъ его, кн. Щербатовъ, своею властью закрылъ засѣданіе и довелъ до свѣдѣнія мѣстной администраціи и министерства земледѣлія, что онъ не находитъ возможнымъ созывъ дальнѣйшихъ собраній, въ виду нарушенія собраніями президентскихъ правъ и полномочій. Совѣтъ общества поддержалъ рѣшеніе президента и испросилъ у министерства земледѣлія разрѣшеніе руководствоваться въ текущемъ году смѣтою 1903-го года. По этому поводу въ собраніи 20-го ноября выраженъ былъ единодушный протестъ и постановлено рекомендовать совѣту общества на будущее время строго придерживаться устава и не выходить изъ предѣловъ предоставленныхъ ему полномочій. Членъ общества С. М. Блекловъ сообщилъ, что членъ ревизіонной коммиссіи А. П. Левицкій, по распоряженію бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, былъ устраненъ отъ занимаемой имъ должности лаборанта при московскомъ университетѣ, причемъ въ предписаніи по этому поводу министра народнаго просвѣщенія значилось, что г. Левицкій устраняется отъ должности „въ виду его оппозиціи консервативному направленію дѣятельности кн. А. Г. Щербатова“. Собраніе выразило горячій и единодушный протестъ по поводу административной кары, постигшей члена ревизіонной коммиссіи за исполненіе возложеннаго на него собраніемъ долга. Членъ общества Ю. А. Новосильцевъ замѣтилъ, что „при такомъ порядкѣ мы всѣ можемъ подвергнуться ограниченію въ правахъ за несогласіе со взглядомъ президента“. Собраніе единогласно постановило представить министру народнаго просвѣщенія просьбу о возстановленіи правъ члена общества Левицкаго. Бывшій вице-президентъ общества Кругликовъ заявилъ, что послѣ обнаруженія такого факта, бросающаго тѣнь на образъ дѣйствій кн. Щербатова, князь не можетъ болѣе оставаться во главѣ общества. Заявленіе г. Кругликова вызвало громъ аплодисментовъ. Далѣе г. Блекловъ заявилъ о нѣкоторыхъ другихъ членахъ общества, потерпѣвшихъ въ разной степени, и остановилъ вниманіе собранія на участи секретаря общества С. Л. Шлыкова, который долженъ былъ оставить Москву на трехлѣтній срокъ. Собраніе высказалось въ томъ смыслѣ, что возможность внезапнаго прекращенія дѣятельности членовъ общества безъ какихъ-либо пре-

---

[1]) См. телефонное сообщеніе изъ Москвы въ № 10319 „Новаго Времени“.

ступныхъ съ ихъ стороны дѣяній коренится въ дѣйствующемъ положеніи объ усиленной охранѣ. Основываясь на § 3 устава, предоставляющемъ обществу право ходатайствовать передъ высшей властью объ устраненіи препятствій къ развитію дѣятельности общества, собраніе постановило признать, что „положеніе объ усиленной охранѣ, создающее почву для произвола и усмотрѣнія административной власти и препятствующее плодотворной дѣятельности общественныхъ учрежденій, должно быть отмѣнено"... Еслибы еще были возможны сомнѣнія относительно вреда, приносимаго неограниченнымъ административнымъ усмотрѣніемъ, они были бы устранены разоблаченіями, сдѣланными въ засѣданіи московскаго общества сельскаго хозяйства. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли представить себѣ что-либо болѣе анормальное, чѣмъ удаленіе отъ должности или высылка изъ столицы за оппозицію президенту частнаго общества?... Въ печать недавно проникло извѣстіе объ учрежденіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ коммиссіи для пересмотра законоположеній объ административной ссылкѣ. Повторяемъ еще разъ: логичнымъ результатомъ такого пересмотра можетъ быть только совершенная отмѣна положенія объ усиленной охранѣ.

Только спутанностью понятій, завѣщанною недавнимъ прошлымъ, можно объяснить такой фактъ, какъ обнаружившееся недавно разномысліе между университетскимъ начальствомъ и высшею административною властью. Ректоръ кіевскаго университета объявляетъ студентамъ, что за участіе въ сходкахъ они могутъ подвергнуться взысканіямъ, какъ нарушители изданнаго генералъ-губернаторомъ обязательнаго постановленія; вслѣдъ затѣмъ въ кіевскихъ газетахъ появляется оффиціальное сообщеніе, гласящее, что „постановленія, изданныя начальникомъ края для жителей гор. Кіева и его окрестностей, никоимъ образомъ не могутъ относиться къ университету, въ стѣнахъ котораго студенты подчиняются своему непосредственному начальству. Принятіе мѣръ къ прекращенію безпорядковъ, буде таковые возникнутъ среди студентовъ въ стѣнахъ университета, зависитъ исключительно отъ университетскаго начальства. Чины полиціи не имѣютъ права входить въ университетъ иначе, какъ по приглашенію завѣдывающаго учебнымъ заведеніемъ или попечителя учебнаго округа. Равнымъ образомъ и взысканія на участниковъ безпорядковъ, возникшихъ въ стѣнахъ университета, могутъ быть налагаемы только университетскимъ начальствомъ, а не административною властью. Такимъ образомъ объявленіе, вывѣшенное ректоромъ университета св. Владиміра, содержитъ въ себѣ распространительное толкованіе изданныхъ г. начальникомъ края обязательныхъ постановленій, совершенно

несогласное съ точнымъ смысломъ этихъ постановленій". Не странно ли, что обязанность выясненія правъ и полномочій администраціи по отношенію къ университету—не въ смыслѣ ихъ расширенія, а наоборотъ, въ смыслѣ ихъ ограниченія,—должна была взять на себя административная власть? Разгадку этой аномаліи можно найти только въ исторіи послѣднихъ лѣтъ, все болѣе и болѣе извращавшей значеніе профессорской корпораціи и ея номинальныхъ представителей... По словамъ пермскаго корреспондента „Сына Отечества", попечитель оренбургскаго учебнаго округа, пріѣхавъ въ Пермь, „самолично, при содѣйствіи гимназической инспекціи, произвелъ ночью обыски въ ученическихъ квартирахъ, при чемъ собственноручно вскрывалъ сундуки учениковъ, вытаскивалъ оттуда бѣлье, книги, тетради, рылся въ записныхъ книжкахъ, переворачивалъ подушки и матрацы, ощупывалъ у учениковъ карманы". Если все это дѣйствительно происходило — чему повѣрить, въ виду положенія, занимаемаго попечителями учебныхъ округовъ, довольно трудно, — то не слѣдуетъ ли видѣть и здѣсь смѣшеніе понятій, выражающееся въ недостаточно ясномъ отграниченіи учебно-воспитательнаго дѣла отъ сферы полицейскаго надзора?

Тверже чѣмъ гдѣ-либо печальные завѣты прошлаго держатся у насъ въ области религіозной. Много лѣтъ тому назадъ намъ пришлось упоминать о мѣрахъ, принятыхъ калужскимъ губернскимъ правленіемъ, по ходатайству мѣстнаго духовнаго начальства, противъ ношенія раскольническими „лже-попами" длинныхъ волосъ и одѣянія, напоминающаго священническое. Аналогичное распоряженіе состоялось недавно въ одной изъ кубанскихъ станицъ: раскольничьимъ лжепопамъ и лжедіаконамъ запрещено носить распущенные волосы, рясы, подрясники и велѣно ходить въ присвоенной имъ, какъ казакамъ, одеждѣ. „Всколыхнулась станица"—пишутъ оттуда въ „Областное Обозрѣніе" [1]). „Развѣ мы не слуги своего отечества? Развѣ не лили кровь за него? Не устилали своими костями полей вражескихъ странъ? Не давали для него своего достоянія? Почему же насъ тѣснятъ? Почему намъ молиться не даютъ по нашему обряду? Мы много не просимъ,—только молиться". Такъ говорятъ казаки въ отвѣтъ на распоряженіе, прочитанное на сходѣ. „Армяне, евреи, католики, лютеране, магометане,—всѣ имѣютъ свои храмы. Всѣ имѣютъ право совершать богослуженіе публично,—одни мы не имѣемъ. У насъ отняли колокола, мы не можемъ пойти крестнымъ ходомъ на рѣку или поле. Кому мы дѣлаемъ этимъ вредъ"? Въ той же станицѣ возникаетъ вопросъ, о

---

[1]) См. № 315 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

которомъ мы говорили въ одной изъ нашихъ послѣднихъ хроникъ. Два казака, оффиціально именуемые лже-попами, состоятъ въ запасномъ разрядѣ и въ каждую данную минуту могутъ быть призваны на дѣйствительную службу—а ихъ духовный санъ не позволяетъ имъ дѣйствовать оружіемъ...

Весьма кстати священникъ Черкасскій, извѣстный авторъ прекрасной статьи по поводу рѣчи М. А. Стаховича на орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, напомнилъ (въ „Русской Правдѣ") объ особомъ видѣ нетерпимости, проявляемой не по отношенію къ иновѣрцамъ, раскольникамъ или сектантамъ, а по отношенію къ членамъ православной церкви. Трудно вообразить себѣ, говоритъ онъ, „сколько ущерба приноситъ религіозному чувству смѣшеніе нормъ церковныхъ и граждански-юридическихъ. У насъ не такъ-то легко найти границы сферы вліянія священника и... станового пристава. Иногда бытіемъ у исповѣди обусловливается служба того или другого лица, а слѣдовательно, и кусокъ хлѣба... Извѣстны случаи гоненія и ревностнаго отношенія нашихъ батюшекъ къ народнымъ учителямъ—то за неговѣніе, то за нехожденіе въ церковь или за употребленіе скоромной пищи въ посты и т. д. И, къ сожалѣнію, эти гоненія бываютъ иногда небезуспѣшны. Какіе плоды получаются отъ такого положенія вещей, это всякому видно. Люди искренняго религіознаго чувства нерѣдко отпадаютъ отъ церкви, съ страшною душевною болью замыкаются въ себѣ; другіе—натуры непримиримыя—ищутъ новыхъ путей. Если подобныя явленія нежелательны, то нужно же что-либо сдѣлать, чтобы не было у насъ такой розни и духовной дряблости, апатичнаго отношенія къ вопросамъ религіи и нравственности. Нужно снять ту опеку, которая не даетъ развиться живой мысли и совѣсти". Да, стремленіе къ „снятію опеки" съ одинаковой, постоянно увеличивающейся силой чувствуется во всѣхъ сферахъ личной и общественной жизни...

Крупныя событія послѣдняго времени, внѣшнія и внутреннія, не могли не уменьшить вниманія, съ которымъ наша печать, въ началѣ нынѣшняго года, слѣдила за первыми шагами преобразованнаго общественнаго управленія города Петербурга. Нельзя, однако, не остановиться на одномъ рѣшеніи петербургской городской думы, болѣе важномъ и характерномъ, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Ревизія думы, произведенная въ 1902 г. тайнымъ совѣтникомъ Зиновьевымъ, привела, въ высшихъ административныхъ сферахъ, къ убѣжденію, что для порядка въ городскомъ общественномъ управленіи необходима дисциплина, а дисциплина можетъ быть достигнута только возможно бо̀льшимъ сосредоточеніемъ исполнительныхъ функцій въ рукахъ го-

родской управы и, въ особенности, городского головы. Исходя изъ этой точки зрѣнія, проектъ Положенія объ общественномъ управленіи города Петербурга предоставлялъ городской управѣ — ходатайство объ учрежденіи тѣхъ или другихъ исполнительныхъ коммиссій, а министерству внутреннихъ дѣлъ — разрѣшеніе такихъ ходатайствъ; городскую думу проектъ, въ данномъ случаѣ, игнорировалъ совершенно. Но Государственный Совѣтъ возстановилъ нарушенное право думы; новая же редакція соотвѣтствующихъ статей Положенія оказалась, однако, крайне неясной и неопредѣленной. По ст. 83-ей для ближайшаго завѣдыванія отдѣльными отраслями хозяйства и управленія могутъ быть *назначаемы* думою, по представленію общаго присутствія управы и съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, изъ среды гласныхъ или вообще лицъ, имѣющихъ право голоса на выборахъ, особыя лица, а въ случаѣ необходимости—и особыя исполнительныя коммиссіи. По ст. 84-ой, исполнительныя коммиссіи состоятъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ управы, по назначенію общаго присутствія ея; но, по предложенію головы, дума можетъ избрать въ предсѣдатели особое лицо. Признавая, что ст. 83 ставитъ образованіе коммиссій въ зависимость отъ ходатайства управы, другими словами, ставитъ, такимъ образомъ, и самую думу въ зависимость отъ управы,—и находя, что въ управѣ слѣдуетъ сосредоточить, по возможности, всѣ дѣла, въ особенности носящія „коммерческій или промышленный" характеръ,— управа [1]) внесла въ думу докладъ, предлагавшій *учредить* исполнительныя коммиссіи по народному образованію, по благотворительности и оцѣночную, *учредить временно* (впредь до представленія подготовительною коммиссіею предположеній о переустройствѣ больнично-санитарнаго дѣла) коммиссіи больничную и санитарную и увеличить число членовъ городской управы съ восьми до двѣнадцати. Объ остальныхъ исполнительныхъ коммиссіяхъ (коночныхъ, водопроводной, освѣтительной и др.) управа вовсе не упоминала, считая ихъ, очевидно, болѣе несуществующими; не существовали, въ ея глазахъ, и тѣ коммиссіи, которыя она предлагала *учредить* вновь. Между тѣмъ, въ продолженіе девяти мѣсяцевъ, истекшихъ со времени введенія Положенія 8-го іюня 1903-го года до представленія доклада, всѣ исполнительныя коммиссіи, учрежденныя до 1-го января 1904-года, продолжали дѣйствовать на прежнемъ основаніи и признавались дѣйствующими какъ со стороны думы, такъ и со стороны управы. Прекратить существованіе каждой изъ нихъ могло только особое постановленіе думы,

---

[1]) Отъ большинства управы отдѣлился, въ данномъ случаѣ, членъ ея Н. А. Рѣзцовъ, особое мнѣніе котораго, прекрасно мотивированное, представляетъ рѣзкій контрастъ съ едва мотивированнымъ докладомъ управы, болѣе похожимъ на предписаніе думѣ, а не на ходатайство ея.

основанное на подробно мотивированномъ докладѣ управы. Статья 83-я Положенія 8-го іюня имѣетъ силу только по отношенію къ коммиссіямъ *вновь* учреждаемымъ,—да и она, какъ мы постараемся показать въ другой разъ, вовсе не ставитъ учрежденіе коммиссій въ безусловную зависимость отъ усмотрѣнія управы. Въ засѣданіи думы всѣ ораторы, безъ различія группъ или партій, съ одинаковою убѣжденностью возставали противъ предложеній управы, указывая на плодотворную дѣятельность исполнительныхъ коммиссій и на сравнительное бездѣйствіе управы, подчеркивая необоснованность доклада и ничѣмъ не объясненное желаніе управы сосредоточить въ своихъ рукахъ преимущественно дѣла „коммерческаго или промышленнаго" характера. Во время преній обнаружилось, что Особымъ по дѣламъ города С.-Петербурга присутствіемъ исполнительныя коммиссіи признаны уже прекратившими свое существованіе съ 1-го января 1904-го года, и съ этимъ постановленіемъ присутствія согласились представители думы: ея предсѣдатель (П. П. Дурново), городской голова (П. И. Леляновъ) и гласный гр. А. А. Бобринскій. Въ концѣ-концовъ дума всѣми голосами противъ двухъ (П. И. Лелянова и гр. А. А. Бобринскаго) признала исполнительныя коммиссіи существующими, впредь до упраздненія какой-либо изъ нихъ постановленіемъ думы, и высказалась за скорѣйшее обновленіе личнаго ихъ состава (которое, собственно говоря, должно было состояться уже вслѣдъ за открытіемъ дѣйствій новой думы). Чрезвычайно знаменательно единодушіе, съ которымъ постановлено это рѣшеніе. Исчезъ, на время, антагонизмъ между стародумцами и новодумцами, между консервативными и прогрессивными элементами думы. Всѣ гласные поняли, что дѣло идетъ не объ исполнительныхъ коммиссіяхъ, а о самостоятельности самой думы; что отстранять думу отъ активнаго участія въ устройствѣ ея исполнительныхъ органовъ значитъ ставить управу выше думы; всѣ вспомнили почетную роль, съигранную многими исполнительными коммиссіями въ развитіи городского самоуправленія—тѣмъ болѣе почетную, чѣмъ менѣе удовлетворительна была, въ то же время, дѣятельность управы. Нужно надѣяться, что ст. 83-я, носящая на себѣ слѣдъ недавно господствовавшей системы, будетъ, въ случаѣ надобности, истолкована въ высшихъ сферахъ такъ, какъ этого требуетъ вновь провозглашенное довѣріе къ общественнымъ учрежденіямъ, и что думѣ будетъ предоставлена возможность избрать тотъ способъ распредѣленія исполнительныхъ функцій, который наиболѣе соотвѣтствуетъ указаніямъ опыта, наличнымъ силамъ городского общественнаго управленія и пользамъ самаго города.

Рѣзкое разногласіе, обнаружившееся, по вопросу объ исполнительныхъ коммиссіяхъ, между громаднымъ большинствомъ думы и ея тремя

представителями въ Особомъ присутствіи, неизбѣжно должно было возбудить вопросъ, нормально ли такое явленіе и что можно сдѣлать для предупрежденія его на будущее время. Этотъ вопросъ обсуждался и въ думѣ, и въ печати. Указывалось, съ одной стороны, на недопустимость повелительныхъ полномочій, на право каждаго выборнаго руководствоваться единственно своимъ личнымъ убѣжденіемъ; съ другой стороны—на обязанность представителей сообразоваться, въ общемъ и главномъ, со взглядами представляющихъ собою думу. Особенно обострился этотъ споръ въ примѣненіи къ тому изъ гласныхъ-членовъ Особаго присутствія, который входитъ въ его составъ не въ силу занимаемой имъ должности, а по спеціальному выбору думы. И это вполнѣ понятно: предсѣдатель думы и городской голова могутъ, съ нѣкоторымъ (хотя едва ли достаточнымъ) основаніемъ, находить, что въ дѣятельности ихъ всего важнѣе исполненіе постоянныхъ функцій, связанныхъ съ ихъ званіемъ, и смотрѣть на занятія въ Особомъ присутствіи какъ на второстепенный придатокъ къ этимъ функціямъ. Совершенно инымъ является положеніе третьяго представителя думы въ Особомъ присутствіи: онъ посланъ туда именно для того, чтобы отстаивать права и интересы города, какъ понимаетъ ихъ дума. По вопросамъ сравнительно мелкимъ или спорнымъ онъ можетъ, пожалуй, подать голосъ за отмѣну рѣшенія думы, въ томъ предположеніи, что она сама не стала бы стоять на своемъ, еслибы выслушала мнѣнія, заявленныя въ Особомъ присутствіи; но онъ не долженъ идти въ разрѣзъ съ рѣшеніемъ существенно важнымъ, выражающимъ собою всесторонне обдуманный, тщательно взвѣшенный взглядъ думы, въ особенности когда оно принято большинствомъ, близкимъ къ единогласію. Если онъ никакъ не можетъ съ нимъ примириться, то ему оставалось бы только одно: сложить съ себя должность члена присутствія, такъ какъ измѣнились условія, при которыхъ онъ ее принялъ. Гр. Бобринскій напоминалъ, что его избрало въ члены большинство, близкое къ сотнѣ голосовъ; но теперь его осудила дума единогласно, за исключеніемъ тѣхъ двухъ голосовъ, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ ему самому.

Въ началѣ того же октября и въ берлинской думѣ происходило засѣданіе гласныхъ, не менѣе интересное такого же засѣданія въ нашей думѣ, о которомъ только-что говорилось выше. Этому засѣданію берлинской думы посвящена обстоятельная статья въ № 19 „Извѣстій Московской Городской Думы“ за октябрь текущаго года [1]), подъ за-

[1]) Кстати указать на это изданіе, какъ превосходно составляемое и въ высшей степени полезное для самого городского общественнаго управленія. Въ виду совершеннаго ничтожества подобнаго же изданія с.-петербургской городской думы, какъ

главіемъ: „Конфликтъ между берлинскимъ магистратомъ (у насъ—городскою управою) и администраціей". Собственно говоря, этотъ „конфликтъ" между берлинскою городскою управою и администраціей начался около десяти лѣтъ тому назадъ, по слѣдующему поводу. Въ Берлинѣ, какъ и у насъ, школьными дѣлами завѣдуетъ „школьная депутація" (соотвѣтствующая нашей исполнительной коммиссіи по народному образованію), а со стороны министерства народнаго просвѣщенія наблюдаетъ за ходомъ школьнаго дѣла въ Берлинѣ особая „королевская школьная коллегія" (можетъ быть приравнена во многихъ отношеніяхъ къ дирекціи народныхъ училищъ, съ подчиненными ей инспекторами). Яблокомъ раздора между городскою „школьною депутаціею" и „королевской школьной коллегіей" послужило и оставалось до сихъ поръ поводомъ къ тому—притязаніе администраціи распоряжаться городскими училищными домами внѣ классваго времени. Городская школьная депутація разрѣшала различнымъ обществамъ, гимнастическимъ и тому подобнымъ, пользоваться по вечерамъ и въ воскресные дни актовыми залами училищъ для устройства чтеній, бесѣдъ и собраній, безъ различія, къ какой политической или религіозной партіи и народности принадлежитъ то или другое общество, а королевская школьная коллегія хотѣла запретить городу уступать училищные залы безъ ея разрѣшенія, съ цѣлью, конечно, не допускать общества, почему-либо непріятныя чинамъ министерства народнаго просвѣщенія. Такія притязанія администраціи особенно усилились при нынѣшнемъ министрѣ народнаго просвѣщенія, Штутѣ, который въ началѣ нынѣшняго года сдѣлалъ, чрезъ королевскую школьную коллегію, распоряженіе: „Въ видахъ единства дѣйствія, я предписываю, на основаніи § 18 правительственной инструкціи отъ 28 октября 1817 (!) года, принять мѣры, чтобы пользованіе предназначенными для школъ зданіями и помѣщеніями въ учебное время не дозволялось общинами безъ предварительнаго разрѣшенія ѳрлановъ школьнаго надзора". Школьная коллегія при этомъ потребовала отъ городской управы, въ теченіе трехъ недѣль, доставить ей списокъ тѣхъ школъ, помѣщеніе которыхъ отдано для неучебныхъ цѣлей. На это городская управа отвѣчала: „При семъ препровождаемъ королевской школьной

мы слышали, былъ поднятъ въ думѣ вопросъ о коренномъ измѣненіи его программы, но, кажется, тѣмъ дѣло и кончилось. Въ петербургскихъ „Извѣстіяхъ" печатаются журналы засѣданій, опаздывающіе иногда на нѣсколько мѣсяцевъ, доклады управы и коммиссій—и это почти все. А вотъ, напримѣръ, содержаніе № 19 московскихъ „Извѣстій", сверхъ вышеупомянутой статьи: 1) Врачебная помощь на фабрикахъ и заводахъ г. Москвы въ 1903 г. 2) Хроника московскаго городского управленія. 3) Хроника городскихъ управленій въ Россіи. 4) Къ вопросу о финансахъ г. Москвы. 5) Пожарное дѣло въ городахъ Германіи. 6) Организація пожарныхъ командъ въ Англіи. 7) Парижская городская жизнь. 8) Хроника иностранной городской жизни.

коллегіи два перечня, изъ коихъ видно, сколько разъ въ 1903-мъ году временно пользовались и въ какихъ размѣрахъ въ настоящій моментъ пользуются школьными зданіями и помѣщеніями различные ферейны и частныя лица. Само собой разумѣется, что пользованіе указанными помѣщеніями нисколько не нарушаетъ теченія школьной жизни. Какъ мы уже имѣли случай—въ отвѣтъ на распоряженіе королевской школьной коллегіи отъ 30 іюня 1900 г. — заявить, мы не признаемъ за школьной коллегіей права распоряжаться зданіями города Берлина, поскольку они предназначены для неучебныхъ цѣлей. Собственникомъ школьныхъ зданій является городъ. Управленіе этими зданіями, къ которому относится также и передача ихъ для неучебныхъ цѣлей, находится, поэтому, лишь подъ контролемъ собранія гласныхъ (§ 56 городового Положенія) и подъ надзоромъ органовъ министерства внутреннихъ дѣлъ (§ 76 городового Положенія). Но и органы общаго надзора, въ виду отсутствія спеціальнаго указанія въ законѣ, по нашему мнѣнію, не имѣютъ права требовать отъ насъ предварительнаго утвержденія каждаго нашего распоряженія. Если распоряженіе, которое ставитъ пользованіе школьными зданіями во внѣучебное время въ зависимость отъ разрѣшенія въ каждомъ данномъ случаѣ органовъ надзора, будетъ дѣйствительно осуществлено, то послѣдствіемъ будетъ то, что не надзоръ, а само управленіе перейдетъ въ руки этихъ органовъ, и право города на управленіе будетъ уничтожено".

Вслѣдствіе такой переписки между городскою управою и министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ засѣданіи берлинской думы, 6 октября, гласный Кассель сдѣлалъ запросъ: „Вѣрно ли, что, по распоряженію правительства, пользованіе школьными зданіями для неучебныхъ цѣлей поставлено въ зависимость отъ предварительнаго разрѣшенія органовъ школьнаго надзора? Какія мѣры магистратъ (городская управа) предполагаетъ принять, въ случаѣ если распоряженіе останется въ силѣ, для огражденія правъ городского самоуправленія"?

Все это дѣло и обсуждалось въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій берлинской думы, 16 октября текущаго года. По поводу этого засѣданія, авторъ упомянутой нами выше статьи, г. Н. Аз—ъ [1]), сообщаетъ: „Еще до обсужденія этого вопроса магистратъ познакомилъ гласныхъ съ перепиской по этому дѣлу. Стойкая защита магистратомъ началъ самоуправленія, огражденіе достоинства города, сквозившія въ каждой строчкѣ его отвѣтовъ школьной коллегіи, не могли не произвести на гласныхъ самаго отраднаго впечатлѣнія. Гласные увидѣли, что они ввѣрили интересы и права города людямъ, оказавшимся даже въ

---

[1]) Стр. 100.

самыя трудныя минуты на высотѣ своего положенія. Засѣданіе 16 октября было тріумфомъ для магистрата".

Засимъ авторъ приводитъ далѣе и содержаніе рѣчей, произнесенныхъ въ этомъ засѣданіи.

Началъ говорить гл. Кассель, сдѣлавшій вышеизложенное заявленіе: „Ни въ одномъ случаѣ не было доказано и не можетъ быть доказано, что магистратъ дѣйствовалъ незаконно. Болѣе чѣмъ въ пятидесяти случаяхъ были отдаваемы школьныя помѣщенія для религіозныхъ собраній—евангелическимъ, католическимъ и еврейскимъ ферейнамъ. На какомъ основаніи магистратъ могъ отказать въ тѣхъ же самыхъ помѣщеніяхъ другимъ обществамъ? Магистратъ держался принципа, что въ Пруссіи всякій можетъ исповѣдывать какія ему угодно убѣжденія и идеи. Но мы имѣемъ здѣсь передъ собой просто одно изъ звеньевъ цѣлой цѣпи мѣропріятій, направленныхъ къ тому, чсобы совершенно отнять у насъ школьное дѣло. Наши школьные инспектора являются скорѣе нашими надсмотрщиками; насъ хотятъ обратить въ слѣпыхъ исполнителей приказаній начальства. Инспектора вознаграждаются нами, но не лучше ли было бы не отпускать средствъ и предоставить государству расплачиваться съ ними? (*Одобреніе.*) Какъ далеко зашло это издѣвательство надъ самоуправленіемъ, видно изъ того, что сдѣлано распоряженіе, по которому ни членъ управы, ни магистратъ, ни обербюргермейстеръ, не могутъ разрѣшить иностранцу осматривать наши школы: только министръ пользуется этимъ правомъ"! (Голоса: *Слушайте! Слушайте!*)

Въ этомъ засѣданіи говорилъ и самъ берлинскій обербюргермейстеръ, Киршнеръ:

„Сегодня,—началъ онъ,—мы получили слѣдующее заявленіе отъ мѣстной школьной коллегіи: „Такъ какъ магистратъ отказался исполнить наше распоряженіе отъ 1 сентября, то мы принуждены были отдать распоряженіе непосредственно ректорамъ, чтобы они закрыли гимнастическіе и актовые залы и не впускали туда членовъ упомянутыхъ ферейновъ". (Большое возбужденіе среди гласныхъ; слышны возгласы: „*пфуй!*"). Мы дожили, слѣдовательно, до того,—продолжалъ обербюргермейстеръ,—что органы школьнаго надзора (т.-е. королевская школьная коллегія) отдаютъ приказанія ректорамъ (лицамъ, завѣдующимъ начальными школами въ Берлинѣ), т.-е. нами назначеннымъ и нами вознаграждаемымъ служащимъ, вести порученное имъ нами дѣло, совершенно игнорируя наши распоряженія". (Голоса: *Неслыханно! Ужасно!*)

Оказывается, что королевская школьная коллегія, не получивъ удовлетворенія отъ городской школьной депутаціи, сама распорядилась, обратясь непосредственно къ школьнымъ ректорамъ съ запрещеніемъ

впускать постороннихъ въ зданія училищъ, даже по окончаніи учебнаго времени.

„Весьма интересно,—продолжалъ обербюргермейстеръ,—выяснить размѣры предъявляемой къ намъ претензіи этой школьной коллегіи. У нась имѣются 271 школа [1]), цѣнностью въ 82½ милліона марокъ. Въ 1903 г. было дано 400 разрѣшеній на продолжительное пользованіе школьными помѣщеніями, и въ 108 случаяхъ были предоставлены эти помѣщенія на одинъ разъ. На протяженіи 83 лѣтъ, при различнѣйшихъ министерствахъ, мы пользовались правомъ отдавать въ пользованіе школьныя помѣщенія по нашему усмотрѣнію, и никогда органы школьнаго надзора не заявляли, что имъ принадлежитъ это право. (Голоса: *Слушайте! Слушайте!*) Еще не было также ни одного случая, чтобы это пользованіе нарушило хотя бы въ самой слабой степени нормальное теченіе школьной жизни. Мы не можемъ одному ферейну отказать въ томъ, что другимъ разрѣшается. Это было бы крайне нелогично. Мы не питаемъ никакихъ симпатій ни къ чешскому, ни къ польскому движенію. Но городскія помѣщенія мы уступаемъ и ихъ ферейнамъ, руководясь не нашими личными симпатіями, а правомъ и справедливостью. Чего мы достигнемъ, если мы на нѣсколько вечеровъ въ недѣлю закроемъ городскіе гимнастическіе залы для польскихъ ферейновъ? Они найдутъ себѣ другія помѣщенія, а наша несправедливость увеличитъ только ихъ ряды. Эту тактику маленькихъ булавочныхъ уколовъ мы не можемъ признать разумной. Что касается „свободно-религіозной общины", то, какъ извѣстно, магистратъ раньше придерживался другой точки зрѣнія. Въ настоящее же время онъ защищаетъ единственно правильный взглядъ, согласно которому это признанное государствомъ религіозное общество заслуживаетъ такого же къ себѣ отношенія, какъ и другія подобныя общества. Въ Берлинѣ, въ городѣ Фридриха Великаго, слѣдовало бы прекратить всякіе споры о томъ, какая религія выше, и пользованіе тѣми или иными правами не ставить въ зависимость отъ исповѣданія опредѣленныхъ религіозныхъ убѣжденій. (*Одобреніе.*) Все то, что сообщилъ намъ г. Кассель, вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Свое личное мнѣніе обо всемъ этомъ я не считаю удобнымъ здѣсь высказывать. Я, главное, не понимаю цѣли всѣхъ этихъ мѣръ... Безъ поддержки и интереса, проявляемаго къ школѣ населеніемъ, мы обойтись не можемъ. Въ настоя-

---

[1]) Въ Берлинѣ, какъ началось и у насъ въ послѣднее время, каждая школа вмѣщаетъ въ себѣ по меньшей мѣрѣ 500—600 учащихся, а большинство ихъ соединяетъ до 1.400 учащихся и болѣе того, такъ что въ 270 школахъ помѣщается свыше 5.000 классовъ (въ Германіи дѣти поступаютъ въ начальное училище съ 6 лѣтъ отъ роду, и съ нынѣшняго года Берлинъ достигъ двухъ милліоновъ населенія).

щее время около 300 [1]) нашихъ гражданъ работаютъ въ различныхъ исполнительныхъ коммиссіяхъ на пользу нашей школы. Только при сохраненіи началъ самоуправленія можно разсчитывать на эту поддержку... Если такъ будетъ продолжаться, то я не могу согласиться на открытіе новыхъ школъ высшаго разряда. Вѣдь нельзя содержать на свои средства школы и не имѣть никакого вліянія на ходъ дѣлъ. Я долженъ поэтому сказать: содержаніе школъ высшаго разряда— обязанность государства; пусть оно выполнитъ свой долгъ!.. Что̀ мы до сихъ поръ дѣлали для защиты нашихъ правъ, вы знаете. Очевидно, вы одобряете наши распоряженія. (Голоса: *Да, да!*)

Послѣ такой рѣчи обербюргермейстера, гласные отказались отъ всякихъ преній, и только гл. Зингеръ, вождь крайней лѣвой, попросилъ слова, но только для того, чтобы выразить—а это съ нимъ, по замѣчанію автора, бываетъ слишкомъ рѣдко,—свою солидарность съ магистратомъ и большинствомъ собранія гласныхъ.

„Мы находимся,—сказалъ гл. Зингеръ,—не подъ школьнымъ надзоромъ, а подъ школьной командой администраціи! Мы должны только исполнять то, что̀ намъ прикажетъ высшее начальство! Какъ бы ни были мнѣ понятны гнѣвъ и возмущеніе г. обербюргермейстера, я все-же долженъ замѣтить, что было бы роковой ошибкой думать, что съ разрѣшеніемъ этого частнаго вопроса можно успокоиться. Нѣтъ! необходимо выступить на борьбу со всей системой, системой маленькихъ булавочныхъ уколовъ. Не пародія ли это, когда мы видимъ преклоняющагося передъ Гёте канцлера (графа Бюлова) рука объ руку съ господиномъ фонъ-Штутомъ“ (министръ народнаго просвѣщенія)...

— „Онъ не дворянинъ“,—перебиваютъ гласные оратора.

„За свои послѣдніе подвиги,—отвѣчаетъ ораторъ,—онъ несомнѣнно получитъ дворянство. (На скамьяхъ: *бурный смѣхъ.*) Если теперь администрація,—продолжаетъ ораторъ,—отдаетъ приказъ ректорамъ дѣйствовать противъ своего непосредственнаго начальства, то она водворяетъ прямо анархію. Я не знаю, перейдетъ ли теперь магистратъ къ активному сопротивленію; но мое глубокое убѣжденіе, что бумажными и словесными протестами дѣлу не поможешь“! (Голоса: *Совершенно вѣрно!*)

Выслушавъ гл. Зингера, берлинская дума единогласно приняла такую, предложенную гласнымъ Касселемъ, резолюцію:

„Собраніе гласныхъ вполнѣ одобряетъ образъ дѣйствія магистрата (городской управы) по отношенію къ королевской школьной коллегіи

[1]) Вотъ какое громадное число гласныхъ и избирателей работаютъ, въ Берлинѣ, въ исполнительныхъ коммиссіяхъ сверхъ магистрата (городской управы), и тамъ никому и въ голову не приходитъ о раздѣленіи коммиссіи на „коммерческія и промышленныя“—и не-коммерческія и не-промышленныя, какъ это случилось у насъ.

въ дѣлѣ предоставленія школьныхъ помѣщеній для не-учебныхъ цѣлей. Выражая свою признательность магистрату за всѣ сдѣланные имъ до сихъ поръ шаги, собраніе надѣется, что онъ и въ будущемъ съ тою же рѣшительностью и твердостью будетъ защищать права города".

Русскій педагогическій міръ понесъ большую утрату въ лицѣ скончавшихся недавно Н. Ѳ. Бунакова, автора многихъ прекрасныхъ трудовъ для начальной школы, и В. Л. Беренштама, талантливаго преподавателя исторіи и географіи сначала въ гимназіи, потомъ въ кадетскихъ корпусахъ и спб. учительскомъ институтѣ. Конецъ жизни Н. Ѳ. Бунакова былъ омраченъ административными мѣрами, постигшими его, шестидесятилѣтняго старца, по поводу рѣчи, произнесенной имъ въ воронежскомъ уѣздномъ сельско-хозяйственномъ комитетѣ: ему было запрещено жить въ его имѣніи, и возстановленъ въ своихъ правахъ онъ былъ лишь за нѣсколько недѣль до смерти.—Счастливѣе былъ В. Л. Беренштамъ: онъ провелъ послѣдніе годы въ своемъ любимомъ Кіевѣ, который онъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, долженъ былъ оставить, какъ заподозрѣнный въ украинофильствѣ. Какъ это ни странно, Петербургъ, куда онъ былъ переведенъ, былъ для него чѣмъ-то въ родѣ мѣста ссылки. Это не помѣшало ему, впрочемъ, и здѣсь отдаться всецѣло любимому труду и оставить по себѣ самую лучшую память.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Конкурсная программа на соисканіе золотой медали имени Андрея Степановича Воронова въ 1905 г.

Золотая медаль, учрежденная въ 1878 г. С.-Петербургскимъ Педагогическимъ Обществомъ въ память заслугъ вице-предсѣдателя этого Общества, члена Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія А. С. Воронова, нынѣ находящаяся въ вѣдѣніи С.-Петербургскаго Общества Грамотности, подлежитъ выдачѣ въ будущемъ 1905 г. автору лучшаго сочиненія, посвященнаго одной изъ слѣдующихъ темъ:

1) *Исторія возникновенія и развитія Обществъ содѣйствія начальному народному образованію въ Россіи и общій обзоръ ихъ дѣятельности.*

Трудъ этотъ долженъ быть написанъ на основаніи достовѣрныхъ данныхъ и дать по возможности полную и безпристрастную картину дѣятельности этихъ Обществъ на пользу народнаго просвѣщенія; при этомъ должно быть выяснено значеніе частной иниціативы въ связи съ мѣстными нуждами школьнаго дѣла и общимъ состояніемъ народнаго образованія. Равнымъ образомъ, обращая должное вниманіе на примѣнявшіяся мѣропріятія для доставленія какъ школьнаго, такъ и внѣшкольнаго образованія, автору слѣдуетъ выяснить значеніе имѣющагося въ этомъ дѣлѣ опыта и указать желательныя средства, способы и задачи для наиболѣе плодотворнаго развитія дѣятельности Обществъ.

2) *Книга для чтенія по отечественной географіи и исторіи.*

Желательно имѣть популярно изложенный систематическій очеркъ географическихъ и историческихъ свѣдѣній о Россіи для читателя, имѣющаго образованіе лишь начальное. Выборъ матеріала предоставляется автору, однако при изложеніи отечественной исторіи необходимо имѣть въ виду религіозное міросозерцаніе православнаго народа русскаго, необходимо преимущественно останавливаться на свѣтлыхъ сторонахъ жизни Россіи. Весьма желательны соотвѣтственно подобранныя иллюстраціи къ тексту.

3) *Сочиненіе, посвященное вопросу о введеніи сельско-хозяйственныхъ занятій въ начальной школѣ и устройству школьныхъ хозяйствъ.*

Вопросъ этотъ долженъ быть по возможности всесторонне освѣщенъ и разсмотрѣнъ отчасти на основаніи опыта французской и германской школы, но главнымъ образомъ въ примѣненіи къ условіямъ русской жизни. Здѣсь должно быть принято во вниманіе не столько утилитарное, сколько общепедагогическое значеніе такихъ занятій, основанныхъ на наблюденіи и ознакомленіи съ природою. Съ другой стороны, слѣдуетъ выяснить какъ общественное значеніе такихъ школьныхъ хозяйствъ, такъ и ихъ практическое значеніе для жизни сельскаго учителя. Сочиненіе это, однако, не должно ограничиваться одними общими разсужденіями академическаго характера, но заклю-

чать въ себѣ наглядные примѣры и факты, взятые изъ русской школьной жизни, а конечные выводы формулировать въ вполнѣ ясныхъ и опредѣленныхъ тезисахъ.

Всѣ представляемыя на конкурсъ сочиненія должны удовлетворять требованіямъ литературнаго изложенія. Труды эти могутъ быть какъ печатные, такъ и рукописные.

Условія присужденія медали въ память А. С. Воронова:

1) Согласно правилъ о медали въ память А. С. Воронова, таковая можетъ быть присуждена за сочиненіе, явившееся въ предшествующіе два года предъ послѣднимъ присужденіемъ медали; а такъ какъ медаль была присуждена въ текущемъ 1904 г., то нынѣ таковая можетъ быть присуждена лишь за сочиненія, появившіяся не раньше 1901 года.

2) Сочиненіе должно быть представлено въ Правленіе С.-Петербургскаго Общества Грамотности (С.-Пб., Театральная ул., д. № 5) или избранную для присужденія медали Воронова особую коммиссію, не позже 1 декабря сего 1904 года, причемъ до этого срока каждый дѣйствительный членъ Общества имѣетъ право письменно заявить о тѣхъ трудахъ, которые, по его мнѣнію, имѣли бы право на присужденіе медали.

3) Если признано будетъ удостоеннымъ медали рукописное сочиненіе, то таковое, по соглашенію Правленія С.-Петербургскаго Общества Грамотности съ авторомъ, можетъ быть издано за счетъ Общества, съ уплатою автору вознагражденія по соглашенію.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1904 году.

Въ 1904-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

		экз.			экз.			экз.
1.	Харьковск..	214	23.	С.-Петерб. .	58	45.	Амурск. об.	50
2.	Кіевская. .	187	24.	Примор. об.	58	46.	Лифляндск.	50
3.	Херсонск. .	178	25.	Тульская . .	58	47.	Нижегород.	50
4.	Екатериносл.	131	26.	Томская . .	58	48.	Терская об.	48
5.	Тифлисская.	114	27.	Бакинская .	58	49.	Минская. .	47
6.	Саратовск. .	110	28.	Московская.	57	50.	Казанская .	46
7.	Варшавск. .	109	29.	Закасп. об.	57	51.	Тобольская.	46
8.	Черниговск.	98	30.	Воронежск..	56	52.	Сыръ-Д. об.	44
9.	Таврическ..	98	31.	Рязанская .	54	53.	Симбирская.	42
10.	Полтавская.	91	32.	Гродненская	54	54.	Псковская .	42
11.	Курская. .	79	33.	Пред. Китая.	54	55.	Ковенская .	41
12.	Тамбовская.	78	34.	Владимірск.	54	56.	Астраханск.	40
13.	Бессарабск.	75	35.	Самарская .	54	57.	Уфимская .	40
14.	Иркутская .	65	36.	Вятская . .	54	58.	Оренбургск.	40
15.	Орловская .	64	37.	Могилевск..	50	59.	Виленская .	38
16.	Смоленская.	62	38.	Костромская	50	60.	Пензенская.	36
17.	Подольская.	62	39.	Ярославская	50	61.	Енисейская.	35
18.	Забайк. об.	62	40.	Обл. В. Дон.	50	62.	Ломжинская.	33
19.	Пермская. .	62	41.	Кубанск. об.	50	63.	Эстляндская.	28
20.	Тверская . .	62	42.	Калужская .	50	64.	Акмол. об.	28
21.	Новгородск.	62	43.	Кутаисская.	50	65.	Вологодская.	27
22.	Волынская .	58	44.	Витебская .	50	66.	Карсская об.	27

67.	Архангельск.	24	78.	Сувалкская.	18	89.	Якутск. об.	11
68.	Люблинская	24	79.	Сѣдлецкая .	18	90.	Кѣлецкая.	10
69.	Елисаветпол.	23	80.	Олонецкая .	17	91.	Вазаская .	10
70.	Эриванская.	22	81.	Радомская .	17	92.	Тургайск. об.	8
71.	Самарк. об.	21	82.	Черном. окр.	17	93.	Тавастгусск.	8
72.	Курляндск.	21	83.	Семипал. об.	16	94.	С.-Михельск.	8
73.	Плоцкая .	21	84.	Ферган. об.	16	95.	Або-Бьернеб.	4
74.	Ставропольск.	20	85.	Выборгская.	15			
75.	Петроковск.	19	86.	Уральск. об.	15			4.648
76.	Дагест. обл.	18	87.	Нюландская.	14			
77.	Семирѣч.об.	18	88.	Калишская.	12			

II. Въ С.-Петербургѣ 1.098

III. Въ Москвѣ. 528

IV. За границей 150

Всего: экз. 6.424

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

въ 1904 году.

Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе. — Январь (стр. 356): — Начало новаго періода преобразованій. — Отношеніе ихъ къ общественному настроенію. — Типичныя черты двухъ главныхъ законопроектовъ.—Составъ губернскихъ совѣщаній.—Способы опроса крестьянъ.—Гласные отъ сельскихъ обществъ и земскіе начальники.—Земскій избирательный цензъ. — Земскія ходатайства. — Датскій законопроектъ, возбуждающій ликованіе реакціонной прессы.—Двѣ правительственныя мѣры.—Февраль (стр. 773): — Именной Высочайшій указъ 8-го января и очеркъ редакціонной коммиссіи по пересмотру постановленій о крестьянахъ. — Кодификація, проектируемая ею. — Возможность другого исхода.—Отзывы печати о составѣ губернскихъ совѣщаній.—Предоставленіе министру внутреннихъ дѣлъ и тверскому губернатору особыхъ полномочій по отношенію къ тверскому земству. — Мартъ (стр. 329): — Война и гражданская жизнь. — Вопросъ о мелкой земской единицѣ и о земскомъ представительствѣ въ московскомъ земскомъ собраніи.—Личныя перемѣны въ высшемъ государственномъ управленіи. — Земская школа и г. Спектаторъ.—Циркуляръ министра юстиціи и рѣшеніе сената.—Статистическія данныя о репрессіи присяжныхъ засѣдателей.—Апрѣль (стр. 777):—Неожиданный юридическій вопросъ.—Что такое правда въ печати? — Предстоящія губернскія совѣщанія. — „Циклопическій" трудъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ.—Земство и Область Войска Донского.—Новый типъ земскихъ учрежденій.—Нѣсколько словъ о централизаціи. — Post-scriptum. — Май (стр. 324): — Вновь учрежденные совѣтъ и главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства.—Мѣстные дѣятели, какъ члены совѣта.—Функціи совѣта.—Законъ о ходатайствахъ уѣздныхъ земскихъ собраній. —Замѣчательный указъ сената.—Школы и предводитель дворянства.—Продовольственное дѣло.—Новый управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія. — Іюнь (стр. 779): —Губернскія совѣщанія по пересмотру законодательства о крестьянахъ.—Возможно ли обсужденіе распоряженій, проистекающихъ изъ дискреціонной власти? — Мнѣнія губернскихъ земствъ о пониженіи земскаго избирательнаго ценза и о преобразованіи земской избирательной системы.—Вопросъ о земельной арендѣ.—Предстоящіе городскіе выборы въ Москвѣ.—Іюль (стр. 345): —Кончина финляндскаго генералъ-губернатора Н. И. Бобрикова. — Проектъ положенія о крестьянскомъ общественномъ управленіи: сельскія и земельныя общества, сельскій староста, принудительное раздѣленіе земельныхъ обществъ, права и составъ земельнаго схода; сельскія обязательныя постановленія, волостное общество и всесословная волость, способъ утвержденія должностныхъ лицъ.—Крайности ультра-консерватизма. — Законъ о работѣ въ праздничные дни.—Августъ (стр. 759):—Кончина В. К. фонъ-Плеве.—Значеніе земскихъ учрежденій для провинціальной русской жизни.—Отношенія между губернскими и уѣздными земствами. — Заслуги губернскихъ земствъ въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія.—Проектъ общеземской школьной выставки въ Москвѣ. — **Ю. Бунина.** — Сентябрь (стр. 311):—Рожденіе и крещеніе Государя Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича.—Высочайшій манифестъ 11-го августа. — Вновь обнародованные законы: о порядкѣ производства дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ, о дополненіяхъ къ положенію 12-го іюля 1889-го года, о Совѣтѣ по дѣламъ горнопромышленности, о пятидесятиверстной пограничной полосѣ.—Новыя теченія въ судебномъ мірѣ.—Нѣсколько словъ о губернскихъ совѣщаніяхъ.—Мнѣніе генералъ-губернатора о земскихъ учрежденіяхъ.—Октябрь (стр. 771):—Перемѣна въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. — Обзоры трудовъ мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. — Редакціонная коммиссія по крестьянскому дѣлу и волостной судъ.—Мѣстные комитеты и крестьянскій правопорядокъ.—Именной Высочайшій указъ 11-го августа.—Еще новелла о земскихъ начальникахъ. — Московское совѣщаніе предсѣдателей земскихъ управъ.—Волынская земская смѣта.—Ноябрь (стр. 345): — Высочайшій указъ и инструкція 22-го сентября. — Необходимость пересмотра „временныхъ" правилъ, дѣйствующихъ около четверти вѣка.—Совершилась ли перемѣна въ на-

строеніи правящихъ сферъ?—Дальнѣйшее направленіе работъ губернскихъ совѣщаній.—Проектъ волостного устава о наказаніяхъ. — Раціональные предѣлы карательной власти волостного (всесословнаго) суда. — Сессія уѣздныхъ земскихъ собраній. — „Туберкулезное“ земство. — Общеземская организація.—Н. П. Семеновъ †.—Декабрь (стр. 798): Періодическая печать, какъ политическій барометръ.—Общество и народъ.—Что называютъ иногда „правами“ крестьянства?—Записка кн. А. И. Васильчикова.—Проектъ сельскаго устава о договорахъ.—Интересное мнѣніе и характерные факты.—Вопросъ объ условномъ осужденіи.

II. Иностранное Обозрѣніе. — Январь (стр. 378):—Политическія событія истекшаго года.—Роль Японіи, какъ великой державы.—Восточно-азіатскій кризисъ.—Македонскій вопросъ и балканскія государства.—Политическія дѣла Австро-Венгріи, Германіи, Франціи и Англіи.—Февраль (стр. 817): — Положеніе дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ.—Односторонность газетныхъ свѣдѣній и телеграммъ.—Особенности русско-японскаго кризиса. — Политическія дѣла въ Германіи: прусское офицерство и возстаніе противъ нѣмцевъ въ южной Африкѣ. — Успѣхи Чемберлена въ Англіи.—Гербертъ Спенсеръ о Японіи. — Мартъ (стр. 345): — Война на Дальнемъ Востокѣ. — Правительственныя сообщенія и оффиціальные акты по поводу русско-японской войны.—Возможныя дипломатическія погрѣшности.—Вопросы о нарушеніяхъ международнаго права. — Нейтральныя державы и общее политическое положеніе.—Апрѣль (стр. 800):—Вопросъ о продолжительности войны и о будущемъ мирѣ. — Военное занятіе Кореи и фиктивный договоръ между двумя „императорскими правительствами“.—Тревожное настроеніе въ Европѣ.—Переговоры объ англо-французскомъ соглашеніи и китайскій нейтралитетъ. — Парламентскіе споры во Франціи.—(Май, стр. 355):—Морская война на Дальнемъ Востокѣ.—Гибель „Петропавловска“.—Трагическія ошибки и столкновенія.—Спорный вопросъ о броненосцахъ.—Полемика о мнимыхъ демонстраціяхъ въ Вѣнѣ. — Циркулярная нота по поводу толковъ о посредничествѣ. — Ошибочныя надежды.—Англо-французское соглашеніе и франко-итальянская дружба.—Іюнь (стр. 792): — Военныя событія въ Манчжуріи. — Общее международное положеніе въ Европѣ.—Политическія дѣла въ Австро-Венгріи и Германіи.—Разрывъ между Ватиканомъ и французскимъ правительствомъ.—Іюль (стр. 361):—Событія на Дальнемъ Востокѣ. — Замѣчанія М. И. Драгомирова о дѣйствіяхъ японской арміи. — Особенности настоящей войны и сужденія иностранной печати.—Неудачные проекты будущаго русско-японскаго мира. — Балканскія дѣла. — Августъ (стр. 792):—Событія на Дальнемъ Востокѣ. — Дѣйствія владивостокской эскадры. — Опытъ крейсерства на Красномъ морѣ. — Побѣдители и побѣжденные въ Трансваалѣ. — Внутреннія дѣла во Франціи.—Сентябрь (стр. 345): —Положеніе дѣлъ на театрѣ войны.—Крейсерство и его результаты. — Событія на морѣ и на сушѣ.—Толки о будущемъ мирѣ. — Отношенія иностранныхъ націй къ Россіи. — Британская экспедиція въ Тибетъ.—Октябрь (стр. 791):—Результаты послѣднихъ событій на театрѣ войны.—Оффиціальный отчетъ о ляоянскомъ боѣ.—Газетныя у насъ фантазіи и реальные факты.—Новая наша армія въ Манчжуріи. — Ноябрь (стр. 364):—Германскій императоръ и княжество Липпе-Дэтмольдъ.—Монархическія чувства и идеи въ Германіи.—Печальный инцидентъ съ нашей балтійской эскадрой.—Русско-британскій трехдневный конфликтъ.—Положеніе дѣлъ на театрѣ войны съ Японіей. —Британская предпріимчивость и англо-тибетскій договоръ. — Декабрь (стр. 817): — Парламентская дѣятельность во Франціи.—Споры о клерикализмѣ и о доносахъ на армію. — Обличительные защитники министерства Комба.—Нападеніе на генерала Андрé. — Внутреннія дѣла въ Австро-Венгріи.—Президентскіе выборы и внѣшняя политика. Положеніе дѣлъ на театрѣ войны съ Японіею.

III. Литературное Обозрѣніе.—Январь (стр. 391):—I. Великій князь Николай Михаиловичъ, Графъ П. А. Строгановъ, т. III.—А. П.—II. К. Бальмонтъ, „Будемъ какъ солнце“.—III. Г. Хохловъ, Путешествіе уральскихъ казаковъ въ „Бѣловодское царство“. — IV. К. I. Хранѣвичъ, Очерки новѣйшей польской литературы.—V. Языковъ, Д. Д., Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, вып. 1.—Евг. Л.—Новыя книги и брошюры. — Февраль (стр. 828): — I. Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, книга первая.—II. Е. Шмурло, Собраніе документовъ къ исторіи царствованія Петра В.—III. Архивъ граф. Мордвиновыхъ, т. VII-X.—IV. Исторія Кавалергардовъ, томы II и III, С. Панчулидзева.—А. П.—V. В. Ѳ. Боцяновскій, кн. Н. Д. Урусовъ и Ст. Сухановъ — о Леонидѣ Андреевѣ.—VI. А. И. Герценъ, его друзья и знакомые, В. П. Батуринскаго.—VII. Бѣлоруссы, Е. Ѳ. Карскаго.

тоцкаго.—Новыя книги и брошюры.— Декабрь (стр. 834): — I. Н. Рожковъ, Обзоръ русской исторіи; Учебникъ русской исторіи; Городъ и деревня въ русской исторіи.—А. П.—II. Великорусскія пѣсни, записанныя Е. Линевой.—III. Гёте, „Фаустъ", траг., въ перев. П. Вейнберга.— IV. Эструпъ, I., Изслѣдованіе о „1001 ночи".—V. Пермскій научно-промышленный музей.—VI. Русскія повѣсти XVII и XVIII вв., п. р. В. Сиповскаго.—VII. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета, Н. Булича. — Евг. Л. — VIII. Кофодъ, Опыты самостоятельнаго перехода крестьянъ къ хозяйству на отрубныхъ участкахъ.—IX. Кустарные промыслы въ Ярославской губерніи.—В. В.—Руководство для чиновъ уѣздной полицейской стражи и конно-полиц. командъ, сост. Н. Арефа.—Новыя книги и брошюры.

IV. Новости Иностранной Литературы. — Январь (стр. 422):—I. Maeterlinck, Joyzelle, pièce en 5 actes.—II. Henri de Regnier, Les Vacances d'un jeune homme sage. — З. В. — Февраль (стр. 860): — Frank Wedekind, „Erdgeist", Drama.—З. В.—Мартъ (стр. 403): — I. Jules Renard, Comédies. — II. G. Freiherr v. Ompteda, „Nerven". Novellen. — З. В.—Апрѣль (стр. 848): — I. Arthur Schnitzler, Der einsame Weg. Schauspiel.—II. Rachilde, Le Dessous, roman.—З. В. — Май (стр. 406): — I. L. Grapallo, Autori italiani d'oggi.—II. M. Tinayre. „La vie amoureuse de François Barbazanges".—З. В.—Іюнь (стр. 846): —I. Gabriele d'Annunzio, La Figlia di Iorio, trag. pastorale.—II. Camille Mauclaire. La Ville-Lumière, roman contemporain.—З. В.—Іюль (стр. 403):—I. Anatole France, Crainquebille, Putois, Riquet et plusieurs autres recits profitables. —II. Hermann Bahr. Der Meister, Komödie. — З. В —Августъ (стр. 850):— I. Octave Mirbeau. Forces et moralités.— II. Maurice Maeterlinck. Le double jardin. — З. В. —Сентябрь (стр. 417): — Paul Ernst, Henrik Ibsen (серія „Die Dichtung"). — Октябрь (стр. 825):– I. Jules Bois, Hippolyte conronné, drame.— II. Frank Wedekind, Hidalla, Schauspiel. —З. В.—III. Gustav Schmoller, Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre. — Г. Швиттау. — Ноябрь (стр. 426):—Fél. Champsaur, L'Orgie Latine.— II. Rudolf Lothar, Ein Maskenspiel. — З. В.—Декабрь (стр. 865):—I. Arth. Schnitzler, Die griechische Tänzerin.— II. Arth. Luther: Byron, Heine, Leopardi. —З. В.—III. Eugène de Roberty. Nouveau programme de sociologie.—Л. С.

V. Изъ Общественной Хроники.— Январь (стр. 435): — Предстоящее открытіе новой с.-петербургской городской думы. — Вѣроятный исходъ выборовъ на городскія должности.—Настоящая и будущая группировка гласныхъ. — Дѣленіе избирателей на разряды и на участки.— Тверское губернское земство въ его отношеніяхъ къ уѣздному. — На чьей сторонѣ справедливость и забота о народномъ благѣ? — В. Н. Герардъ и А. В. Евреиновъ †. — Февраль (стр. 871):— Первыя засѣданія новой спб. городской думы.—Организація группъ, выразившаяся въ выборахъ.—Увеличеніе содержанія городскимъ должностнымъ лицамъ.—Вопросъ о партійной дисциплинѣ.—„Харьковскія Губернскія Вѣдомости" и харьковская городская дума.—Инцидентъ въ Севастополѣ.—Изъ міра печати.—Мартъ (стр. 418):—Общественныя настроенія во время двухъ послѣднихъ войнъ и въ началѣ войны съ Японіею.—Печальные диссонансы и легкомысленное обращеніе съ исторіей. — „Просвѣтительная" дѣятельность земства. — Соперничество между школами.—Н. К. Михайловскій, Б. Н. Чичеринъ, П. С. Ванновскій †.—Postscriptum. — Апрѣль (стр. 864): —Первые шаги обновленной с.-петербургской городской думы, какъ указаніе на недостатки послѣдней городской реформы. — „Сердечность", образованіе и педагогическій опытъ.— Сенатъ передъ судомъ „Гражданина". — Легкомысленныя обвиненія. — Д. Н. Набоковъ †.—Май (стр. 426):—Противоположность общественныхъ теченій. — Дворянство и земство въ борьбѣ съ послѣдствіями войны.—Инцидентъ въ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства. —Крупицы правды, находимыя въ кучахъ неправды.—Своеобразная проповѣдь строгости.—Спорный вопросъ.—А. И. Поповицкій и Е. А. Осиповъ †. — Іюнь (стр. 861):—Общественная дисциплина и общественная иниціатива.—Ограниченія и самоограниченія. — Первое полугодіе засѣданій новой спб. городской думы: медленность движенія городскихъ дѣлъ; неправильность производства сверхсмѣтныхъ расходовъ; неудовлетворительность составленія докладовъ управою; необезпеченное положеніе городскихъ служащихъ; неправильности въ способѣ баллотировокъ. — Предсѣдатель думы и предсѣдатель управы, онъ же и городской голова.—Вопросъ объ участіи дѣтей въ сценическихъ представленіяхъ.—Іюль (стр. 417):—Учебный планъ гимназій на 1904 —1905 годъ.—Ретроспективныя нападенія. — Рѣчь попечителя оренбургскаго учебнаго округа.—Неудача просвѣтительныхъ начинаній въ черниговской губер-

ніи и успѣхъ ихъ въ Нижнемъ-Новгородѣ —Еще объ общеземской организаціи.—„Телеграмма съ душкомъ". — Симпатичные проекты и несимпатичная оппозиція. — В. Д. Спасовичъ и „Русскій Вѣстникъ". — Письмо бывшаго предсѣдателя новоторжской уѣздной земской управы.— Августъ (стр. 871):—По поводу начала второго полугодія новой думы, и замѣтка о „спорныхъ" въ ней вопросахъ гл. М. В. Красовскаго. — Двадцать-пять лѣтъ веденія городомъ начальнаго образованія и общіе результаты того. — Четырехклассныя училища, впервые основанныя городомъ, и встрѣчаемыя препятствія къ дальнѣйшему ихъ развитію.—Городскіе училищные дома и задержка въ ихъ постройкѣ.—По поводу „Предварительнаго сообщенія орѳографической подкоммиссіи", и отзывъ академика Ягича о реформѣ русскаго правописанія. — Споры о „неудачной" продажѣ права собственности на сочиненія А. П. Чехова. — Сентябрь (стр. 431):—Новѣйшая варіація на тему: „слово и дѣло", „подпольные и надпольные". — Проповѣдь „усиленной репрессіи", уголовной и всякой другой.—Разногласіе между органами реакціонной прессы.—Вопросъ о „кабинетѣ".—Отношеніе печати къ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія.— Психологія особаго рода.—Отвѣтъ „Русскому Богатству". — Октябрь 863): — Періодъ ожиданій, наступившій для русскаго общества. — Законность, какъ желанное благо и необходимое условіе развитія.—Законъ и дискреціонная власть.— Форма и содержаніе. — Два противоположныя теченія. — Недоказанное обвиненіе.—Тенденція или случайность? - Отвѣтъ на возраженіе.—Ноябрь (стр. 442): —Когда была у насъ „вторая весна"?— Стремленія, вызванныя къ жизни этою весной.—Намѣренное смѣшеніе понятій. —Мнимые союзники японцевъ.—Воззваніе къ дворянству. — Нѣкоторыя черты прошедшаго и настоящаго. — Гомельскій процессъ и еврейскіе погромы.—Особый родъ обвиненій въ харьковскомъ журналѣ „Мирный Трудъ".—К. К. Случевскій; гр. П. А. Капнистъ †.—Декабрь (стр. 880): — Сорокалѣтіе судебныхъ уставовъ. — Столкновеніе двухъ противоположныхъ теченій. — Результаты временной перемѣны въ положеніи печати.—Общественное значеніе одного ничтожнаго, повидимому, процесса.—Изъ недавняго прошлаго. —Новые органы печати. — Нѣсколько словъ о вѣротерпимости. — Вопросъ объ исполнительныхъ коммиссіяхъ въ с.-петербургской городской думѣ. — Борьба училищной коммиссіи съ администраціей въ берлинской городской думѣ. — Н. Ѳ. Бунаковъ и В. Г. Беренштамъ †.

VI. Библіографическій Листокъ.— Январь. — Градовскій, А. Д., Собраніе сочиненій, т. IX, ч. III: Органы мѣстнаго управленія.—Большой Всемірный настольный Атласъ Маркса, п. р. Э. Петри, вып. 1-й—Пругавинъ, А. С., Религіозные отщепенцы.—Всемірные свѣточи. Шекспиръ и его время, состав. М. Гранстремъ. — Шерадамъ, А., Европа и австрійскій вопросъ. — Февраль: - Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, т. II.— Ив. Страховскій, Крестьянскія права и учрежденія.—К. Каутскій, Торговые договоры и торговая политика.—Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго, т. I.—И. Н. Потапенко, Сочиненія, т. I.— Полное собраніе сочиненій Г. Ибсена, т. V.—Мартъ: — Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, кн. XVIII. — Мушкетовъ, И. В., Физическая Геологія, т. II, вып. 1. — Русскій Біографическій Словарь. — Лукрецій Каръ, „О природѣ вещей", перев. И. Рачинскаго.—Основныя начала финансовой науки, Ив. Янжула.—Американская школа, Екат. Янжулъ.—Апрѣль: - С. Саблеръ и И. Сосновскій, Сибирская желѣзная дорога. Очеркъ, составл. п. р. А. Н. Куломзина. —Эллада, В. Вегнера, перев. П. Евстафьева, п. р. В. И. Модестова.—Ив. Ал. Гончаровъ, критическіе очерки, Евг. Ляцкаго.—Разсказы и стихотворенія изъ русской исторіи, К. Елпатьевскаго. — Азія, сборникъ, составл. А. Круберомъ и др.— Eugen Zabel, Auf der Sibirischen Bahn nach China.—Май:—Шереметевъ, гр. П., Памяти Б. Н. Чичерина. — Наша война съ Японіею, М. Ребакина. — Барсуковъ, Ал., Родъ Шереметевыхъ, кн. 8.—А. Ѳ. Кони, Ѳедоръ Гаазъ.—Проказа, д-ра Д. Рѣшетилло.—Іюнь:—В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Земство и деревня, 1878 — 1903 г.—Г. Б. Іоллосъ, Письма изъ Берлина. — Вольфгангъ Гёте, Фаустъ, траг., перев. въ прозѣ П. И. Вейнберга.—Гр. де Ла-Бартъ, Бесѣды по исторіи всеобщей литературы и искусства, ч. I: Средніе вѣка и Возрожденіе. — Б. Брандтъ, Торгово-промышленный кризисъ въ з. Европѣ и въ Россіи, ч. II. — Іюль: — В. А. Арцимовичъ. Воспоминанія и характеристики.—Костомаровъ, Н. И., Собраніе сочиненій. Историческія монографіи и изслѣдованія. Кн. 3-я: т.т. VII и VIII.—Богуславскій, Н. Д.. Японія, военно-топографическое и статист. обозрѣніе.—Новая карта военныхъ дѣйствій: Маньчжурія и Корея, изд. А. Ф. Маркса. —Августъ:—Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго, подъ редакціей М. И. Писарева, т.т. III и IV.—В. В. Корсаковъ. Въ старомъ Пекинѣ, очерки изъ жизни въ Китаѣ.—Душа Дальняго Восто-

СОДЕРЖАНІЕ
ШЕСТОГО ТОМА

Ноябрь — Декабрь, 1904.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь. **стр.**

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.

